

Андрей Платонов • СОЧИНЕНИЯ

Андрей Платонов

**Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького**

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Главный редактор Н.В. КОРНИЕНКО

Редакционная коллегия:

**Е.В. АНТОНОВА, Т.М. ГОРЯЕВА, Ф.Ф. КУЗНЕЦОВ,
М.А. ПЛАТОНОВА, Н.Н. СКАТОВ, А.М. УШАКОВ,
Р. ЧАНДЛЕР**

**Москва
ИМЛИ РАН
2016**

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

СОЧИНЕНИЯ

Том второй

1926–1927

**ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
СЦЕНАРИИ
СТАТЬИ**

**Москва
ИМЛИ РАН
2016**

ББК 83.3

*Подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
исследовательский проект «Научное собрание сочинений
А.П. Платонова»*

Издано при поддержке правительства Воронежской области

Подготовка текста и комментарии
Е.В. АНТОНОВОЙ, М.В. БОГОМОЛОВОЙ, Н.И. ДУЖИНОЙ,
Н.В. КОРНИЕНКО, Д.С. МОСКОВСКОЙ, Е.А. ПАПКОВОЙ,
Е.А. РОЖЕНЦЕВОЙ, Л.В. СУМАТОХИНОЙ

Редакторы тома
Н.В. КОРНИЕНКО, Е.А. РОЖЕНЦЕВА

ISBN 978-5-9208-0490-7

© Мартыненко А.М., наследник. Все тексты
А.П. Платонова, 2016
© Исследовательский коллектив, подготовка
текста и комментарии, 2016
© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2016

ПОВЕСТИ

ЭФИРНЫЙ ТРАКТ

(Фантастическая повесть)

I

В бассейнах рек Верхнего Дона, Оки, Цны и Польного Воронежа приютились тихие земледельческие страны, населенные разнообразными и даже разноречивыми племенами. Это неправда, что в этих равнинных и полулесных краях живет сплошной русский народ. Там живут потомки уставших диких странников-людей, в неукротимой страсти жизни искавших счастья на земном шаре, гонимых из дальних стран лихою природой и алчными повелителями.

Скифы, сарматы, булгары, скандинавы, черемисы, татары и даже иранцы и индусы отцовствовали над этими земледельцами, и у пахарей остались черты их отцов. Встречаются узкие глаза и скулы в откос — восток, и бывают серые и синие удивленные очи и овальное лицо — север и прохладное море.

И весь этот давно угомонившийся народ сеял теперь просо, ходил пешим, а не скакал на коне, и любил свой уют благодарной семейной любовью.

Посетивший эти посады в начале 20 века германский ученый-ориенталист профессор Гаузер писал в отчете о своей командировке, выпущенном за границей, следующее: «Происхождение расы, населяющей бассейны упомянутых рек, самое темное и запутанное. Ни язык, ни обычаи, ни памятники древности — ничто не подтверждает единства расового корня, ничто не указывает на цельность линии поколений. Наоборот, следует принять, что страна заселялась и рассеивалась несколько раз, каждый раз оставляя редкие затерянные семьи.

Различные расы, таким образом, последовательно накладывали свое лицо на эту землю, рассеиваясь затем в пространствах пустынной Европы и затериваясь в темных прожитых веках. Все же отличительной чертой тех древних отцовских народов, поскольку эту черту можно уловить в потомках, является кротость нрава, мужественность сердца и неистребимая жажда свободы и материального благополучия.

Несомненно, черты предков сохранились здесь на редкость. Только пылающее желание действовать, жить, ощущать и иметь, —

чем были наделены их забытые отцы, — теперь вошло в глубь натуры этих людей и там живет в затаенной форме и в прочном целостном составе.

Психологическое строение теперешних заселенцев можно очертить следующими образами и понятиями. — Активность предков превратилась в мудрость потомков. Дикая воля стала цветущим сердцем, и воин обратился в пахаря. Исторически такое превращение психологических типов, несомненно, имело место, стало быть, может иметь место превращение этих типов и в обратном порядке: сердце созерцателя может стать волей дикого воина. Нужна лишь какая-то внешняя катастрофа, внешний толчок — и психологические центры легко переместятся вновь».

Профессор Гаузер писал эти строки в 1901 году и многое, может быть, напутал.

Михаил Кирпичников не особо разбирался в сочинении профессора и верил ему на слово: значит, я, по кровям, из тех, про каких написано. Но ни слово, ни копейка — ничто не поможет человеку, раз он начал метаться, раз он почувствовал духоту и тоску в своем сердце и мучение в своем растущем мозгу.

Пужинав, Кирпичников вышел за обтрепанный подол городка, за слободу Паршевку, и остановился в летнем вечернем поле, дымящемся газами почвы. Невдалеке (весь городок был в кузове неширокой балки) стояла нарядная черепичная мастерская, где днем трудился Кирпичников.

Яростная дневная работа с поштучной оплатой выматывала все силы из тела Кирпичникова, зато по вечерам он предавался размышлению.

Был 1923 год. Кирпичников был хорошо грамотен, общителен и терпелив, и все же почти не имел товарищей. В этом городке, предававшемся какому-то забвению жизни, скучно и гнусно удавливались дни.

В самом деле, — бессвязно, в огорожах, стояли дома, построенные из чего попало: из наворованных с железной дороги вагонных досок, из больших дровин, выловленных с реки во время сплава, из самана и прочих захоластных и случайных материалов. Домики стояли молча, были снабжены ставнями и в своих чуланах и тайниках хранили бочки, банки и всякие иные сосуды с маринованной и соленой едой, уготованной впрок, на два года вперед. Жители, казалось, были напуганы какой-то недавней страшной катастрофой и скупко собирали крошки со стола в своем занавешенном глухом жилье. На дворе торжествовали собаки и ночью выли от сытости и отсутствия врага. Женщины города были красивы и молчаливы. Женщины человечнее мужчин; они, наверное, не любили ни мужей своих, ни этого скудного города, где у жизни не было никакого вопля.

~~Эфирный~~ ~~Хороший материал~~ ~~Центральная~~
тракт. ~~Хороший материал~~ ~~Центральная~~ ~~сердце~~ (1)

1 Медеина ~~желез~~ ^{Польское}

В бассейнах рек Дона, Оки, Уны ^{Устья} Воро-
нежья живут такие земледельческие страны,
населенные разнородными и даже разнородными племена-
ми. Это неправда, это в этих равнинных и полупустынных
зрелых дивет сплошной русский народ. Там живут
потомки чужащих диких странников — людей, в неукрот-
имой страсти жизни искавших счастья на земном шаре,
покинувших из дальних стран лихую природу и ~~жизнь~~
алчными твоятслям.

^{скандинав,}
Скифы, сарматы, булгары, ^{персид,} персиды, тагары и даже
иранцы и индусы отживавшие на этих земледель-
ческих, и чужах остались герты их отцов. ~~Их~~
~~попытки и отчаяние~~ ^{восток} В степях южной узкие глаза
и смуглая в откос ^{восток} и давят сердце и синие удивленные
очи и овалное лицо — север и прохладное море.

И весь этот давно чужакившийся народ ~~и~~
Эл теперь просо, ходил лещи, а не ~~и~~ скакал на
коже, и любил свой мирот благодарной любовью.

Поставивши эти посяд в начале 20 века германский
членот ~~и~~ ориенталист (востоквед) профессор Гаузер
тсая в отле о своей командировке, вступившем
за — француз, следующее: „ происхождение ~~и~~
от раса, населяющей бассейн уползнуях рек,
самое темное и запутанное. Ни язык, ни облик,
ни ~~и~~ памятники древности, — ничто не подтверж-
дают единства расового корня, ничто не указывает
на ~~и~~ цельность линии поколений. Наоборот, следует признать,
что страна заселялась и расселялась несколько раз,
каждый раз образуя редкие затерянные семьи.

~~Их~~ Различные расы, такие образы, люди ~~и~~ едво
накладывают свое лицо на эту землю, расселяясь затем
в отстраненных уютных долах и затерянных в темных

Кирпичников сел на влажную траву и поднял голову, инстинктивно выгоняя из нее кровь, чтобы отдохнуть от липнувших мыслей.

В городке звонарь отбивал часы на колокольне церкви Петра и Павла, и колотушечник, старик, спрохвала постукивал.

Ночь шла медленно, шагая босыми ногами по песку сухих бабок, шаря бесчувственными холодными руками в редком воздухе.

Прошел час, потом еще час. Тонко, болезненно, навстречу давящему пространству просвистел паровоз скорого поезда и, не оставиваясь, минул городок. Долго еще дребезжал поездной состав в скучных ночных полях и наконец сгинул и замутился в полевых перелогах.

Тогда Кирпичников встал и неожиданно догадался, что ему 20 лет, что он живет случайно и вся эта история никогда не повторится. Неужели он зря растратит свои короткие годы и не ухватится мертвой хваткой за соломинку жизни? Неужели он проморгает такое сокровище и не поймет простого чуда жить? Но понять это чепуха, надо завоевать все это бесхозяйственное имущество, именуемое жизнью. Кирпичников поглядел на городское поселение и сразу обрадовался.

Вернувшись домой, Кирпичников поел каши, взял книжку и лег, повернув огонь в лампе. Книга могла развеять его заработанное внутреннее счастье: Кирпичников положил книгу под подушку и дунул в лампу.

Сердце его учащенно билось, будто ожидая неминуемое и неизвестное событие, и сон у Кирпичникова пропал; он вдруг затревожился, встал, прикрылся и вышел на двор. Но в городе было покойно, и старичок все постукивал в колотушку, оправдывая свою службу.

«Чепуха, я молод, — подумал Кирпичников, — и поэтому волнуясь. Молодые девушки тоже плачут без причины!»

Утром в город с дешевым поездом приехал Фаддей Кириллович Попов, доктор физики, автор ученого сочинения со странным названием «Сокрушение адова дна». Он остановился в номерах «Новый Афон», полтинник в сутки.

II

Проснувшись в 5 часов утра в своей московской квартире, Фаддей Кириллович почувствовал раздражение. Непотушенный свет горел в комнате, и где-то визжали толстые крысы.

Сон больше не придет. Фаддей Кириллович надел жилетку и уселся, раскачивая очумелый мозг. Он лег в час, еле добравшись до постели, и не вовремя проснулся.

— Ну-с, Фаддей Кириллович, нажмем снова, — сказал он самому себе, — микробы усталости могут успокоиться: я им пощады все равно не дам!

Он воткнул перо в чернильницу, вытянул дохлую муху и рассмеялся: это же, понимаете, мухоловка! И у меня все так, желтые граждане, — перо тычет, а не скользит, чернила — вода, бумага — рогожа! Это удивительно, господа!..

Фаддей Кириллович всегда представлял свою комнату, населенную немymi, но внимательными собеседниками. Мало того, он тихие вещи безрассудно принимал за живые существа, и притом похожие на самого себя.

Раз, мрачно утомившись, он обмакнул в чернила перо, положил его на недописанный лист бумаги и сказал: заканчивай, заноза! А сам лег спать.

Одиночество, заглушенность души, сырость и полутьма квартиры превратили Фаддея Кирилловича в пожилого нерачительного субъекта с житейски неразвитым мозгом.

Работал Фаддей Кириллович бормоча, вслух перебирая возможные варианты стиля и содержания излагаемого.

Крысы утихли, потому что Фаддей Кириллович действительно забормотал.

— Поспешим, Фаддей! Поспешим, сатана души моей!.. Несомненно одно, что... что как только почва даст вместо сорока пятьсот пудов на десятину и что... если железо начнет размножаться, то... эти, как их, женщины и ихние мужья сразу возьмут и нарожают столько людей, что не хватит опять ни хлеба, ни железа и настанет бедность... А знаешь, Фаддей Кириллович, был такой рыжий англичанин по фамилии Мальтус... — Фаддей Кириллович, однако, писал совсем не то, что говорил; сказав «Мальтус», он написал «электрон» и приставил к нему премудрый греческий значок...

— Так вот, Мальтус, тому же самому юношей обучал, не размножайтесь, дескать, а юноши, возмужав, взяли себе прекрасных жен, народили детей и благословили жизнь и размножение, объявив войну нужде... Эти юноши храбрее тебя, Фаддей, они признали детей важнее и сильнее бедности! Юноши убеждены, что землю можно сделать плодотворней своих жен... Посмотрим!.. Чудак, Фаддей, ты сам всю жизнь работаешь для этих юношей, — нечего брыкаться тебе. Всякий думает, что воздух в бесконечность накачивает и им она держится. Слишком глуповатая самоуверенность! Достаточно, если после усилий твоей жизни у каждого человека прибавится по кубическому миллиметру красных шариков в крови. И только... Довольно бормотать, ты мне мешаешь, дурак!..

Выругав этак себя, Фаддей Кириллович притих и усердно занялся работой, выводя аккуратные значки, как на уроке чистописания.

Москва проснулась и завизжала трамваями. Изредка вольтовые дуги озаряли туман, потому что токособиратели иногда отскакивали от провода.

— Идиоты! — не выдержал Фаддей Кириллович. — До сих пор не могут поставить рациональных токособирателей: жгут провод, тратят энергию и нервируют прохожих!..

Когда окончательно рассеялся туман и засиял неожиданный торжественный день, Фаддей Кириллович протер слезившиеся глаза и начал в злостном исступлении драть ногтями поясницу:

— Какая-то стерва вторые сутки грызет! Только успокойшься, а уж какая-нибудь болячка появится! И вечно трудно человеку!..

В это время к Фаддею Кирилловичу постучали: Мокрида Захаровна, старушка, принесла Попову завтрак и пришла убирать комнату.

— Ну, как, Захаровна? Ничего там не случилось? Люди не вымерли? Светопреобразование не началось еще? Погляди, спина у меня назад?..

— И что ты, батюшка, Фаддей Кириллович, говоришь? Опомнись, батюшка, — такого не бывает! Сидит-сидит, учится-учится, — переучится — и начнет ум за разуменье заходить! Поешь, голубчик, отдохни, ан и сердце отойдет и дума утихнет...

— Да, Захарьевна, да, Мокрида! Да, да, да! И трижды кряду — да! И еще раз — да!.. Ну, давай твою вкусную еду. Будем разводить гнилостные бактерии в двенадцатиперстной кишке, пускай живут в тесноте!.. А ты, старушка, ступай! Мне некогда, за кастрюлями приходишь вечером, тогда и комнату уберешь. Вечером я уеду.

— Ох, батюшка, Фаддей Кириллович, даже ты чуден, да привередлив стал, замучил старуху!.. Когда ожидать-то вас?

— Не жди, ступай, считай меня усопшим!

Спешно поев, Фаддей Кириллович закурил и вдруг вскочил, — живой, стремительный и веселый:

— Ага, вот где ты пряталось, сучество, скотоложество и супрематия! Вылазь, божья куколка! Дыши, мое чучелко! Живи, моя дочка! Танцуй, Фаддей, крутись, Гаврила, колесо налево, оттормаживай историю! Эх, моя молодость! Да здравствуют дети, невесты и влажные красные жадные губы! Долой Мальтуса и госпланы деторождения! Да здравствует геометрическая и гомерическая прогрессия жизни!..

Тут Фаддей Кириллович остановился и сказал:

— Пожилой субъект ты, Фаддей, а дурак! Еле догадался, а уж благодетельствовать собираешься, самолюбивая сволочь! Садись к столу, сгною тебя работой, паршивый выродок!

Усевшись, Фаддей Кириллович, однако, почувствовал страшную пустоту в мозгу, будто там ливни работы смыли всю плодотворную почву и нечем было питаться зелени его творчества.

Тогда он начал писать частное письмо:

«Профессору Штауферу, Вена.

Знаменитый коллега! Вы уже, без сомнения, забыли меня, который был Вашим учеником двадцать один год тому назад. Помните ли Вы звонкую майскую венскую ночь, когда в самом чутком воздухе была жажда научного творчества, когда мир открывался перед нами, как молодость и загадка! Помните, мы шли вчетвером по Националштрассе — Вы, два венца и я, русский рыжеватый любопытствующий молодой человек! Помните, Вы сказали, что жизнь, в физиологическом смысле, наиболее общий признак всей прорываемой наукой вселенной. Я, по молодости, попросил разъяснений. Вы охотно ответили: атом, как известно, колония электронов, а электрон есть не только физическая категория, но также и биологическая — электрон суть микроб, т. е. живое тело, и пусть целая пучина отделяет его от такого животного, как человек: принципиально это одно и то же! Я не забыл Ваших слов. Да и Вы не забыли: я читал Ваш труд, вышедший в этом году в Берлине, “Система Менделеева как биологические категории альфа-существ”. В этом блестящем труде Вы впервые, осторожно, истинно научно, но уверенно доказали, что электроны одарены жизнью, что они движутся, живут и размножаются, что их изучение отныне изъемлется из физики и передается биологической дисциплине. Коллега и учитель! Я не спал три ночи после чтения Вашего труда! У Вас есть в книге фраза: “дело техников теперь разводить железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней”. Я не знаю, освоена ли кем эта мысль так, как она освоена мной! Позвольте же, коллега, попросить у Вас разрешения посвятить Вашему имени свой скромный труд, всецело основанный на Ваших блестящих теоретических изысканиях и гениальных экспериментах. —

Д-р Фаддей Попов,
Москва, СССР».

Запечатав в конверт письмо и рукопись под несколько ненаучным названием «Сокрушитель адова дна», Фаддей Кириллович спешно утрамбовал чемодан книжками и отрывками рукописей, схематически-бессознательно надел пальто и вышел на улицу.

В городе сиял электричеством ранний вечер. Веселые улицы дышали озабоченностью, трудным напряжением, сложной культурой и скрытым легкомыслием.

Фаддей Кириллович влез в таксомотор и объявил шоферу маршрут на далекий вокзал.

На вокзале Фаддей Кириллович купил билет до станции Замогильное — Гробово тож. А утром он уже был на месте своего стремления.

От вокзала до города Гробовска было три версты. Фаддей Кириллович прошел их пешком: он любил русскую мертвую созерцательную природу, любил месяц октябрь, когда все неопределенно и странно, как в сочельник накануне всемирной геологической катастрофы.

Очевидно, Фаддей Кириллович не особенно уважал людей. Это доказывала биография его юности: когда в ответ на любовь, — любимая девушка сказала ему — мне нужен не наставник, а муж — живой, любимый и мой, а Вы слишком умозрительны и дисциплинированы, а любовь — стихия и, может быть, гибель! — Тогда, подоженный жестоким горем, Фаддей Кириллович вышел в поле, лег в траву, взял в руки травинку и спросил ее: ну что, трудно тебе живется? И тут же ее успокоил: чепуха, не волнуйся — мир так велик и глубок, что терпи из одного любопытства; любопытство сильнее твоих и моих страданий, сильнее самой мучительной жизни!

И таким образом — из простого определения размеров, глубины, новизны и многообразия мира, из простого общения с жалкой, замученной ветром и сухой почвой травинкой, — Фаддей Кириллович дал покой сердцу, и любовное горе его стало зарастать, а впоследствии стало далеким, милым и смешным, как детская надежда.

Идя уже по улицам Гробовска, Фаддей Кириллович читал странные надписи на заборах и воротах, исполненные по трафарету: «тара», «брутто», «Ю.З.», «болен», «на дорогу собств.», «тормаз не действ.». Городок строился железнодорожниками из материалов железной дороги.

Наконец, Фаддей Кириллович увидел надпись «Новый Афон». Сначала он подумал, что это кусок обшивки классного вагона, потом увидел вырезанный из бумаги и наклеенный на окно чайник, заурядную личность в армяке, босиком вышедшую на двор по ясной нужде, и догадался, что это гостиница.

— Свободные номера есть? — спросил босого человека Фаддей Кириллович.

— В наличности, гражданин, в полной чистоплотности, в уюте и тепле.

— Цена?

— Рублик, рубль двадцать и пятьдесят копеек!

— Давай за полтинник!

— Пожалуйста наверх!

Проходя, Фаддей Кириллович заметил на том столе, где дежурил этот человек, книжку «Парь пар в мае — будешь с урожаем».

«Народ движется, — подумал Попов, — Петрушка у Гоголя часослов читал, и то из любопытства, а не впрок».

III

В полдень Фаддей Кириллович пошел в Окружной Исполком. Он попросил у председателя свидания, причем переговорить желательно вдвоем.

Председатель его тотчас же принял. Это был молодой слесарь — обыкновенное лицо, маленькие любознательные глаза, острая хищная жажда организации всяких строителств и предприятий, за что ему не раз влетало от Облисполкома. У председателя были замечательные руки — маленькие, несмотря на его бывшую профессию, с длинными умными пальцами, постоянно шевелящимися в нетерпении, тревоге и нервном зуде. Лицом он был спокоен всегда, но руки его отвечали на все внешние впечатления.

Узнав, что с ним желает говорить доктор физических наук, он удивился, потом обрадовался и велел секретарю сейчас же открыть дверь, досрочно выпроводив завземаотделом, пришедшего с докладом о посеве какой-то клещевины.

Фаддей Кириллович показал председателю бумаги научных институтов и секций госплана, рекомендующих его как научного работника, и приступил к делу.

— Мое дело просто и не нуждается в доказательствах. Моя просьба обоснованна и убедительна и не может быть отвергнута. Пять лет назад в вашем округе производились большие изыскания на магнитную железную руду. Вам это известно. Она обнаружена на средней глубине двести метров. Руду с такой глубины добывать пока экономически невыгодно. Она поэтому оставлена в покое. Я приехал сюда произвести некоторые опыты. Мне не нужно ни сотрудников, ни денег. Я только ставлю вас в известность и прошу отвести мне двадцать десятин земли — можно и неудобной. Район я еще не выбрал — об этом после, когда я вернусь из поездки по округу. Далее — чтобы вы знали, что я приехал сюда не шутить, я скажу вам: работы мои имеют целью, так сказать, подкормить руду — для того, чтобы она разжирила и сама выперла на дневную поверхность земли, где мы ее можем схватить голыми руками. В исходе опытов я уверен, но пока прошу молчать. Через три дня я выберу район и вернусь к вам. Вы поняли меня и согласны мне помочь?

— Понял совершенно. Держите руку, работайте — мы вам помощники!

Фаддей Кириллович от удовольствия не выдержал:

— Вы — понимающий человек. Спасибо! Но зачем эти хоругви? Вам нужна железная руда, а не религия!

Фаддей Кириллович указал на угол, уставленный знаменами и свернутыми лозунгами.

— Это, профессор, наверно, не ваша область! Поверьте на слово: в наше время это так же нужно, как и железная руда. Берусь вам доказать в свободный вечер, что без этих хоругвей никак нельзя теперь добыть руды!..

— Возможно, допускаю, но сомневаюсь, очень сомневаюсь! До свиданья!

— Не сомневайтесь! Я же верю в ваше воспитание руды, заплатите мне тем же. Всего лучшего!

В тот же день Фаддей Кириллович на подводе выехал в поле — отыскать условную высотную отметку экспедиции академика Лазарева, в районе которой магнитный железняк высовывает язык и лежит на глубине ста семидесяти метров. На вторые сутки Попов нашел на бровке глухого дикого оврага чугунный столб с условной краткой надписью: «Э.М.А.38,24.168,46.22».

Через неделю Фаддей Кириллович прибыл на это место с землемером, который должен отмежевать участок в двадцать десятин, и Михаилом Кирпичниковым.

Кирпичникова рекомендовал Фаддею Кирилловичу председатель окрисполкома как совершенно идеологически-выдержанного человека, а Попов увидел, что без помощника ему не обойтись.

Через три дня Попов и Кирпичников привезли из деревни Тыновки, что в десяти верстах, разобрannую хатку и собрали ее на новом месте.

— Сколько мы здесь проживем, Фаддей Кириллович? — спросил Кирпичников Попова.

— Не менее пяти лет, дорогой друг, а скорее — лет десять. Это тебя не касается. Вообще не спрашивай меня, можешь каждое воскресенье уходить и болтать в своем клубе...

И пошли беспримерные дни. Кирпичников работал по двенадцати часов в сутки: покончив дела со сборкой дома, он начал рыть шахту на дне балки. Попов работал не меньше его и умело владел топором и лопатой, даром что доктор физических наук. Так, в глубине равнинной глухой страны, где жили пахари — потомки смелых бродяг земного шара, трудились два человека: один для ясной и точной цели, другой в поисках пропитания, постепенно стараясь узнать от ученого то, чего сам искал, — как случайную нечаянную жизнь человека превратить в вечное господство над чудом вселенной.

Попов молчал постоянно. Иногда он уходил на целый день в грязные ноябрьские поля. Раз Кирпичников слышал вдали его голос — живой, поющий и полный веселой энергии. Но возвратился Попов мрачный.

В начале декабря Попов послал Кирпичникова в областной город — купить по списку книг и всяких электрических принадлежностей, приборов и инструментов.

Через неделю Кирпичников возвратился, и Фаддей Кириллович начал делать какой-то небольшой сложный прибор.

Один только раз, поздно ночью, когда Кирпичников доливал керосин в лампу, Попов обратился к нему:

— Слушай, мне скучно, Кирпичников! Скажи-ка мне, кто ты такой, есть у тебя невеста, цель жизни, тоска, что-нибудь такое? Или ты только антропоид?

Кирпичников сдержался:

— Нет, Фаддей Кириллович! Ничего у меня нет. А хочу понять дело, которое делаете вы, но вы не говорите: это зря, я бы еще лучше работал. Я пойму, Фаддей Кириллович, честное слово!

— Оставь, оставь, ничего ты не поймешь! Ну, довольно, наговорились, ложись спать, а я посижу еще...

IV

Фаддей Кириллович отправился в свою очередную прогулку — теперь уже по замерзающим недышащим полям. Кирпичников тесал на дворе сруб для укрепления шахты и вошел в хату за спичкой — закурить.

Подойдя к столу, он прочитал несколько слов из того, что писал Попов ночью, и, не зажегши спички, потерял все окружающее и забыл свое имя и существование:

«Коллега и учитель! К 8-й главе той рукописи, которую я Вам выслал для просмотра, необходимо сделать добавление:

“— Из всего сказанного о природе эфира следует сделать неизбежные выводы. — Если электрон есть микроб, то есть биологический феномен, то эфир (то, что я назвал выше “генеральным телом”) есть кладбище электронов. Эфир есть механическая масса умерщвленных или умерших электронов. Эфир — это крошево трупов микробов-электронов. С другой стороны, эфир не только кладбище электронов, но также мать их жизни, так как мертвые электроны служат единственной пищей электронам живым. Электроны едят трупы своих предков.

Несовпадение длительности жизни электрона и человека делает необычайно трудным наблюдение за жизнью этих, пользуясь Вашей терминологией, альфа-существ. Именно, время жизни электрона должно исчисляться цифрой 50–100 тыс. земных лет, т. е. значительно продолжительней жизни человека. Между тем, число физиологических процессов в теле электрона, как у более примитивного существа, значительно меньше, чем у человека — высокоорганизованного тела. Следовательно, каждый физиологический процесс в организме электрона протекает с такой ужасающей мед-

ленностью, что устраняет возможность непосредственного наблюдения этого процесса даже в самый чувствительный прибор. Это обстоятельство делает природу в глазах человека мертвой. Это страшное разнообразие времен жизни для различных категорий существ суть причина трагедии природы. Одно существо век чувствует, как целую эру, другое — как миг. Это “множество времен” — самая толстая и несокрушимая стена меж живыми, которую с трудом начинает разрушать тяжелая артиллерия человеческой науки. Наука объективно играет роль морального фактора: трагедию жизни она превращает в лирику, потому что сближает в братстве принципиального единства жизни такие существа, как человек и электрон.

Но все же можно ускорить жизнь электрона, если смягчить те явления, которые обусловили длительность его жизни.

Необходимо предварительное разъяснение. — Эфир, как установлено наукой, необычайно инертная, нереагирующая, лишенная основных свойств материи, сфера. Такая неощутимость и экспериментальная непознаваемость эфира объясняется тем, что “подобное познается подобным”, а нет большего неподобия, чем человек и залежи трупов электронов, т. е. эфир. Может быть, именно поэтому эфир “лишен” свойств материи, ибо между человеком и живым микробом-электроном — с одной стороны, и эфиром — с другой, есть принципиальное различие. Первые — живы, второй — мертв. Я хочу сказать, что “непознаваемость” эфира скорее психологическая, чем физическая, задача.

Эфир, на правах “кладбища”, не обладает никакой внутренней активностью. Поэтому те существа (микробы-электроны), которые им питаются, обречены на вечный голод. Питание их обеспечивается подгонкой свежих эфирных масс за счет посторонних случайных сил. В этом причина замедленности жизни электронов. Интенсивная жизнь для них невозможна: слишком замедлен приток питательных веществ. Это и вызвало замедление физиологических процессов в телах электронов.

Очевидно, что ускорение подачи питания должно увеличить темп жизни электронов и вызвать их усиленное размножение. Существующая замедленность физиологических актов легко превратится, при благоприятных условиях питания, в бешеный темп, ибо электрон — существо примитивно организованное и биологические реформы в нем чрезвычайно легки.

Следовательно, одно изменение условий питания должно вызвать такую интенсивность всех жизненных отправлений электрона (в том числе и размножение), что жизнь этих существ станет легко наблюдаемой. Конечно, такая интенсивность жизни будет идти за счет сокращения продолжительности жизни электрона.

Вся загадка в том, чтобы уменьшить разницу во времени жизни человека и электрона. Тогда электрон начнет продуцировать с такой силой, что его сможет эксплуатировать человек.

Но как вызвать свободный и усиленный приток питательного эфира к электронам? Как технически создать эфирный тракт — дорогу эфиру?..

Решение просто — электромагнитное русло...»

На этом рукопись Попова обрывалась. Он ее еще не закончил. Кирпичников слова не все понял, но всю сокровенную идею Попова ухватил.

Фаддей Кириллович вернулся поздно. Тотчас же он лег спать, чего никогда не было. Кирпичников посидел еще немного, почитал книжку — «Об устройстве шахтных колодцев» — и ничего в ней не понял.

Есть мысли, которые сами собой ведут человека и командуют его головой, хочет он этого или нет — все едино. Спать еще не хотелось. Было душно и тревожно. Попов храпел и стонал во сне.

Кирпичников вынул из сундучка свой старый дневник — самодельно сшитую тетрадь, открыл и вчитался: «Март. 20. 9 час. веч. Мать и дети спят на полу на старой одежде. Нечем даже укрыться. У матери оголилась худая нога — и мне жалко, стыдно и мучительно. Захарушке 11 месяцев, его отняли от груди и питают одной моченой булкой. Какая сволочь жизнь! А может это я сволочь, что до сих пор не свернул скулу такой подлой жизни? Зачем я позволяю ей так мучить детей и мать... Надо жить для тех, кто делает будущее, кто томится сейчас тяжестью грузных мыслей, кто сам весь — будущее, темп и устремление. Таких мало, они затеряны, таких, может быть, нет. Но я для них живу и буду жить, а не для тех, кто гасит жизнь в себе чувственной страстью и душу держит на нуле».

Кирпичников вскочил, выбежал на двор, ухватил бревно и зашвырнул его в лог, как палку. Потом заскрипел зубами, застонал, вонзил топор в порог и улыбнулся. На дворе стояло одно дерево — лоза. Кирпичников подошел, обнял дерево — и их закачало обоих ночным ветром.

V

Когда ели утром жареный картофель, Фаддей Кириллович вдруг бросил есть и встал, веселый, полный надежды и хищной радости.

— Эх, земля! Не будь мне домом — несись кораблем небес!

В смешном исступлении крикнул Попов эти неожиданные слова и сам оторопел.

— Кирпичников! — обратился Фаддей Кириллович. — Скажи: ты вошь, ублодок или — мореплаватель? Ответь, обыватель, на корабле мы или в хате? Ага, на корабле — тогда держи руль свинцовыми руками, а не плачь на завалинке!.. Замолчи, сверчок! Мне известен курс и местоположение... Жуй и — на вахту!..

Кирпичников молчал. Попов болел малярией, бормотал во сне несбыточное, днем лютая злость в нем мгновенно переходила в смех. Работа головы высасывала из него всю кровь, и его истощенное тело вышло из равновесия и легко колебалось настроениями. Кирпичников это знал и смутно беспокоился за него.

Одиночество, затерянность в несчетных полях и устремленность к одной цели еще более расшатали душевный порядок Попова, и с ним было тяжело работать. У Фаддея Кирилловича явилась еще страшная и неутомимая тоска по матери, хотя она умерла пятнадцать лет назад. Он ходил по комнате, вспоминал ее обувь в гробу, запах подола и молока, нежность глаз и всю милую детскую родину ее тела... Кирпичников догадывался, что это особая болезнь Попова, но поделаться ничего не мог и молчал.

Так прошел месяц или два. Фаддей Кириллович работал все меньше и меньше. Наконец, 25-го января он совсем не поднялся утром и только сказал:

— Кирпичников! Вычисти хату и убирайся вон — я задумался!

Устроив домашние дела, Кирпичников вышел.

Степь пылила снегом — шла вьюга.

Кирпичников спустился в овраг и закрыл люк над шахтой, где Попов уже начал делать установку приборов. Вьюга свирепела — и на дворе от нее шевелился инвентарь. Деваться было некуда, и Кирпичников залез на тесный захламленный чердак. Снег свирис-тел и метался по крыше, и вдруг Кирпичникову послышалась тихая, странная, грустная музыка, которую он слышал где-то очень давно. Отвлеченное плачущее чувство томилось и разрасталось от музыки до гибели человека. И будто эта растущая тоска и воспоминания были единственным утешением человека. Кирпичников прилег и занемог от этого нового робкого чувства, которого в нем никогда не было. Он забыл про стужу и, дрожа, нечаянно заснул. Музыка продолжалась и переходила в сновидение. Кирпичников почувствовал вдруг холодную тяжелую медленную волну, и в нем начало закаты-ваться сознание, борясь и пробуждаясь, уставая от ужаса и собственной тесноты.

Проснулся Кирпичников сразу, будто кто ему крикнул на ухо или земля на что наткнулась и вдруг застопорила. Кирпичников вскочил, стукнулся о крышу и спустился на двор. Буран тряс землю, и, когда он разрывал атмосферу и показывал горизонт, были видны голые почерневшие поля. Снег сдувало в овраги и в глухие

долины. Тут Кирпичников заметил, что дверь в хату открыта и туда мело снегом. Когда он вошел в комнату, то заметил бугор снега и прямо на нем, а не на кровати, лежал мертвый Фаддей Кириллович Попов — бородой вверх, в знакомой жилетке, прильнувшей к старому телу, с печальным пространством на белом лбу. Снег его заметал все глубже, и ноги уже укрыло совсем.

Кирпичников, в полном спокойствии, схватил его под мышки и потащил на кровать. У Фаддея Кирилловича отвалилась нижняя губа, и он сам повернулся на бок на кровати и поник головой, ища места ближе к центру земли. Кирпичников затворил дверь и разгрел снег на полу. Он нашел пузырек с недопитым розовым ядом. Кирпичников вылил остаток яда на снег — и снег зашипел, исчез газом, и яд начал проедать пол.

На столе, утвержденная чернильницей, лежала неоконченная рукопись: «Решение просто — электромагнитное русло...»

VI

— Вы коммунист, товарищ Кирпичников? — спросил председатель окружного исполкома.

— Кандидат.

— Все равно. Расскажите, как это случилось? Вы понимаете, что это очень скверная история — не потому, что придется отвечать, а потому что погиб очень ценный и редкий человек. Записки никакой не нашли?

— Нет.

— Ну, рассказывайте.

Кирпичников рассказал. В кабинете сидели, кроме председателя, еще секретарь комитета партии и уполномоченный ГПУ.

Кирпичникова слушали внимательно. Он рассказал все, даже содержание неоконченной рукописи, вьюгу, распахнутую дверь и странный косой наклон головы Попова, какого не бывает у живого. И еще что Попов не очень отличался от живого, как будто смерть обыкновенна для него, как и жизнь.

Кирпичников кончил.

— Замечательная история! — сказал секретарь парткома. — Попов несомненный упадочник. Совершенно разложившийся субъект. В нем действовал, конечно, гений, но эпоха, родившая Попова, обрекла его на раннюю гибель, и гений его не нашел себе практического приложения. Растрепанные нервы, декадентская душа, метафизическая философия — все это жило в противоречии с научным гением Попова, и вот — какой конец.

— Да, — сказал председатель исполкома. — Прямо агитация фактами. Наука могущественна, а носители ее вырожденки и ублюдки. Действительно, срочно необходимы свежие люди с твердой внутренней установкой...

— А ты только сейчас в этом убедился? — спросил уполномоченный ГПУ. — Чудород ты, брат! Наше дело, по-моему, теперь оформить следствие и затем, если не будет ничего противоречить словам Кирпичникова, назначить его хранителем научной базы Попова. Ну, надо немножко Кирпичникову платить за это. Ты, — обратился он к председателю, — из местного бюджета это устроишь! Затем, надо сообщить в тот научный институт, который командировал сюда Попова, чтобы выслали другого ученого для продолжения дела... А сохранить все надо в целости! Я пошлю сотрудника составить опись. Ведь там есть ценные приборы, рукописи Попова, кой-какой инвентарь и имущество...

— Верно, — сказал председатель. — Давайте на этом кончим. Я проведу все дело через президиум, и тогда зафиксируем наше постановление.

Через неделю закончили следствие, труп Попова отправили в Москву, а Кирпичникову поручили сторожить научные работы Попова, с окладом жалования пятнадцать рублей в месяц.

Кирпичникову вручили копию описи, и он остался один.

Начиналась ранняя заунывная весна — время инерции зимы и мужественного напора солнца.

Заместитель Попова никак не ехал. Кирпичников усердно читал и перечитывал книги и рукописи Попова, рассматривал приборы, построенные здесь же самим Поповым, — и перед ним открывался могучий мир знания, власти и жажды неутомимой жестокой жизни. Кирпичников начал ощущать вкус жизни и увидел ее дикую пучину, где скрыто удовлетворение всех желаний и находятся конечные пункты всех целей.

«Эх, хорошо! — думал Кирпичников. — Зря умер Попов: сам это писал и сам же не понимал. А стоит только понять — и всякому захочется жить...»

Наступило лето. Шло одно и то же. Новый ученый на место Попова не приезжал. Кирпичников начал переписывать рукописи Фаддея Кирилловича начисто, не зная сам для чего, — но так лучше ему понималось.

Наконец в июле приехали двое московских ученых и забрали все наследство Попова — и рукописи, и аппараты.

Кирпичников вернулся работать в черепичную мастерскую и все кругом для него затихло. Но открывшееся ему чудо человеческой головы сбило его с такта жизни. Он увидел, что существует вещь, посредством которой можно преобразовать и звездный путь,

и собственное беспокойное сердце — и дать всем хлеб в рот, счастье в грудь и мудрость в мозг. И вся жизнь предстала ему как каменное сопротивление его лучшему желанию, но он знал, что это сопротивление может стать полем его победы, если воспитать в себе жажду знания, как кровную страсть.

Кирпичников пошел к председателю исполкома и заявил, что хочет учиться — пусть его отправят на рабфак.

— По следам Попова, сударь, желаете идти? Что же, путь приличный, валяйте! — и дал ему записку, куда следовало ее дать.

Через неделю Кирпичников шел в областной город — полтора-ста верст — на рабфак.

Стоял август. Поля шумели земледельцами, пылили стада по большаку, изумительное молодое солнце улыбалось разродившейся измученной земле.

Рыба играла на речных плесах, деревья чуть-чуть трогались желтой сединой, земля лежала голубым пространством в ту страну и в тот век, куда шел Кирпичников, где его ждало время, роскошное, как песнь.

VII

Прошло восемь лет — срок, достаточный для полного преобразования мира, срок, в который человек перерождается начисто, вплоть до спинного мозга.

Михаил Еремеевич Кирпичников — инженер-электрик, научный сотрудник при кафедре биологии электронов, учрежденной после смерти Попова на основе его трудов.

Кирпичников женат и имеет детей — двух мальчиков. Его жена — бывшая сельская учительница, такая же сторонница немедленного физического преобразования мира, как и ее муж. Счастливая убежденность в победе любимой науки на всемирном плацдарме и помогла им пережить убийственные годы ученья, нужды, издевательства обывателей и дала смелость родить двух детей. Они верили, что наступает время, когда хлеба будет столько же, сколько воздуха. Кирпичников мозгом ощущал приближение этой раскованной эпохи, когда у человека освободятся руки от труда и душа от угнетения и он сможет перелепить мир.

Голодная и счастливая пребывала эта семья. Шел век социализма и индустриализации, шло страшное напряжение всех материальных сил общества, а благоденствие откладывалось на завтра.

Освоившись с научной работой, Кирпичников не занял кафедры, а пошел, для тренировки, на практическую работу. Кроме высшего образования, Кирпичников имел стаж живой общественной

работы и был твердым и искренним коммунистом. Как умный и честный человек, как выходец из черепичной мастерской, он знал, что вне социализма невозможна научная работа и техническая революция. В его время это подразумевалось само собой, как подразумевается, но не сознается биение сердца в живом человеке.

Десять лет прошло со дня смерти Попова. Это сказать легко, но еще легче десять раз погибнуть в эти десять лет. Попробуйте описать эти десять лет во всем их крохоборстве борьбы, строительства, отчаяния и редкого покоя. Невозможно — состаришься, умрешь, а не исчерпаешь темы. Попробуйте в этом диком лесе человечества остаться свежим, мудрым и прямым! Невозможно. Поэтому и Кирпичников, которому был всего 31 год, густо поседел на висках и исполосовался морщинами.

В ответ на просьбу практической строительной работы, Кирпичникова отправили в Нижнеколымскую тундру — производителем работ по постройке вертикального туннеля. Целью сооружения была добыча внутренней тепловой энергии земли.

Семью Кирпичников оставил в Москве, а сам отправился. Термический вертикальный туннель был опытной работой Советского правительства Якутии. В случае успеха работ, предполагалось весь край азиатского материка за Полярным кругом покрыть целой сетью таких туннелей, затем блокировать их энергию посредством единой электропередачи и на конце электрического провода продвигать культуру, промышленность и население к Ледовитому океану.

Но главная причина туннельных работ была в том, что в равнинах тундры были изысканы остатки неведомых великолепных стран и культур. Почва и подпочва тундры были не материнского, древнегеологического происхождения, а представляли собой наносы. Причем эти наносы покрыли погребальным покровом целую серию древнейших человеческих культур. А благодаря тому, что этот смертный покров над трупами таинственных цивилизаций представлял пленку вечной мерзлоты, — погребенные люди и сооружения хранились, как консервы в банке, — целыми, свежими и невредимыми.

Уже то немногое, что случайно найдено учеными в провалах рельефа тундры, представляло неслыханный интерес и вечную ценность. Найдены были трупы 4 мужчин и 2 женщин. У женщин сохранились розовые щеки и тонкий аромат легкой гигиенической одежды. У одного мужчины в кармане найдена книга — маленькая, испещренная изящным шрифтом; ее предполагаемое содержание: изложение принципов личного бессмертия в свете точных наук; в книге описывались опыты по устранению смерти какого-то небольшого животного, срок жизни которого — четверо суток; сфера

жизни этого животного (пища, атмосфера, тело и проч.) подвергалась беспрестанному воздействию целого комплекса электромагнитных волн; причем каждый вид волны был рассчитан на убийство отдельного рода губительных микробов в теле животного; так, держа жизнь подопытного животного в поле электромагнитной стерилизации, удалось добиться увеличения срока его жизни в сто раз.

Затем, была найдена пирамидальная колонна из дикого камня. Совершенная форма ее напоминала работу токарного станка, но колонна была сорок метров высоты и десять метров в основании.

Трупы людей имели смуглые лица, розовые губы, низкий, но широкий лоб, небольшой рост, широкую грудную клетку и спокойную, мирную, почти улыбающуюся гримасу. Очевидно, или смерть застала их внезапно, или, что вероятнее, смерть была у них совсем другим чувством и другим событием, чем у нас.

Эти открытия разожгли научные страсти всего мира, и общественное мнение форсировало работы по культивированию тундры с целью полной реставрации древнего мира, залегающего под почвой мерзлого пространства и, быть может, уходящего на дно Ледовитого океана.

Страсть к знанию стала новым органическим чувством человека, таким же нетерпеливым, острым и богатым, как зрение или любовь. Этим чувством иногда подменялись даже непреложные экономические законы и стремление к материальному благополучию общества.

Такова была истинная причина сооружения первого вертикального термического туннеля в тундре.

Система таких туннелей должна стать фундаментом культуры и экономики тундры, а затем ключом в подземные ворота — в мир неизвестной гармонической страны, нахождение которой ценнее изобретения паровой машины и открытия радиевого Монблана.

Ученые думали, что тот отрезок науки, культуры и промышленности, который нам предстоит пройти в течение ближайших ста-двухсот лет, содержится готовым в недрах тундры. Достаточно снять мерзлую почву — и история сделает скачок на век или на два века вперед, а затем снова пойдет своим темпом. Зато какая экономия труда и времени произойдет от такой полочки задаром двух будущих веков! С этим не сравнится никакое историческое благодеяние человечества в прошлом!

Ради этого стоило сделать дырку в земле, глубиной в два километра.

Кирпичников поехал, сжимая от радости кулаки, чувствуя цель, которую он должен выполнить, как всемирную победу и обручение древнейшей эры с сегодняшним днем.

Не просто была построена знаменитая скважина в тундре — человек мучается, мучит, ошибается и влечет ошибки других, гибнет и возрождается, — потому что он все-таки движется и лезет на стену истории и природы.

Но все же туннель был построен. Вот документ инженера Кирпичникова.

«Центральному Совету Труда.

Управления работ по сооружению
Вертикального Термического Туннеля
в нижнеколымской тундре на 67 параллели.

ОБЩИЙ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД ЗА 1934 ГОД.

Термический Вертикальный Туннель (№ 1) окончен 2 декабря этого года. Туннель, как было задано, предназначается для утилизации теплоты нашей планеты, находящейся в ее недрах; эта теплота, превращенная в электрический ток, должна обслуживать район под именем Тао-Лунь, площадью 1100 кв. километров, предназначенный для заселения, с целью работ по сплошному снятию почвенного и подпочвенного покрова с тундрового массива.

Туннель имеет форму усеченного конуса, обращенного усечением внутрь тела земли. Ось его наклонена к плоскости экваториального сечения в 62° . Длина оси туннеля 2080 метров. Диаметр широкого основания на дневной поверхности земли равен 42 метрам, усеченной вершины внутри земли — 5 метрам.

Достигнутая температура на дне туннеля — 184°C (в том месте, где установлены термоэлектрические батареи).

Согласно проекту, утвержденного Советом Труда, работы начались 1 Января 1934 года, окончены 2 Декабря того же года.

Формовка туннеля достигнута не взрывным методом, как указано было в проекте, а электромагнитными волнами, отрегулированными соответственно микрофизической электронной структуре недр. Электромагнитные волны вибратора были настроены на такую длину и частоту, которые точно совпадали с естественными колебаниями электронов в атомах периферии земли; поэтому, от действия внешней дополнительной силы, увеличивался их размах и получался разрыв атомных орбит, вследствие чего наступала реконструкция ядра атома — его превращение в другие элементы — разрушение.

Мы поставили на поверхности мощные, и в больших пределах регулируемые, резонаторы; нашли экспериментально среднюю волну каждой встречной породы недр, подлежащей разрушению (точнее, распылению, размягчению) — и так разжевали ствол туннеля во всех поперечных сечениях.

Затем металлическими пятитонными ковшами, скреперного типа, на стальных тросах, мы выели получившуюся туннельную

кашу. Впрочем, ее осталось немного после электромагнитной операции: большинство составных частей почвы и недр превратились в газы и улетучились. Одинаково были мягкой пылью и газом — глина, вода, гранит, железная руда.

Всего извлечено твердыми остатками 400 тысяч куб. метров, 640 тыс. куб. метров ушло газами.

Образованное коническое жерло (не совсем точное) открыло 7 горизонтов грунтовых вод, 5-й был с морской водой, а 6-й и 7-й с материнскими геологическими сжатыми водами, сильно газированными, с резкими целительными качествами.

Для откачки этой воды было образовано (взрывным способом — требовался точный профиль) 7 круглых террас внутри туннеля и установлены насосы-камероны с электрическими приводами. В общей сложности они подавали 120 тыс. куб. метров воды в час. Очистка туннеля от воды — главного препятствия работам — получалась довольно полная, вследствие равновесия между фильтрацией и откачкой воды.

После этого было приступлено (в августе месяце) к проектной формовке туннеля. Благодаря высокой температуре, люди опускались только до 1000-ного метра; глубже работа производилась на тросах: посредством их устанавливались насосы, рылись кюветы и водосборные бассейны в террасах и управлялись землечерпательные ковши на формовке склонов. Дно и ствол туннеля покрыты термоизолятом сплошь, начальной толщиной слоя (у поверхности земли) в 2 сантиметра и конечной в 1,25 метра.

После сооружения туннеля собранные наверху термоэлектрические батареи вместе с проводами были опущены на тросах на дно туннеля и установлены — батарея над батареей — в двенадцать этажей.

Батареи после месячной контрольной работы показали способность непрерывной отдачи по 172 800 тыс. киловатт-часов в год, иначе говоря, мощность батарей равна 28 000 лошадиных сил.

Концы проводов закреплены на выводящих кронштейнах у поверхности земли, и ток в них ждет своего потребителя.

Энергия пока пущена в почву тундры — тундра тает; тает в первый раз после того, как был ею накрыт и сохранен для нас тот странный и чудесный мир, ради которого, по распоряжению Центрального Совета Труда, была добыта внутренняя теплота земного шара.

Глав. инж. Верт. Термтуннеля —
Вл. Крохов.

Производитель работ,
инженер М. Кирпичников.

№ 2/А, 4 Ноября 1934 г.».

Вернулся к семье Кирпичников только в апреле месяце, про-
быв в отсутствии 18 месяцев.

Он чувствовал себя переутомленным и собирался поехать с
женой и мальчишками куда-нибудь в деревню.

Есть люди, бессознательно живущие в такт с природой; если
природа делает усилие, то такие люди стараются помочь ей внут-
ренним напряжением и сочувствием.

Может быть, это остаток того чувства единства, когда природа
и человек были сплошным телом и жили заодно.

Так бывало у Кирпичникова. Если разгоралось время весны,
таял снег и ручьям подпевали южные птицы с неба, Кирпичников
был доволен. Когда же неожиданно возвращался снег, заморозки и
мрачное молчаливое зимнее небо, Кирпичников печалился и напря-
гался.

28 апреля Кирпичниковы поехали в Волошино — дальнюю де-
ревню Воронежской губернии, где когда-то учительствовала Ма-
рия Кирпичникова, жена Михаила.

У Марии там были девичьи воспоминания, одинокие годы, ми-
лые дни прозревающей души, впервые боровшейся за идею своей
жизни. В оправе скудных волошинских полей лежала душевная ро-
дина Марии Кирпичниковой.

Михаила Кирпичникова влекла в Волошино любовь к жене и
ее тихому прошлому, а еще то, что около Волошино в соседнем се-
ле Кочубарове жил Исаак Матиссен, инженер-агроном, знакомый
Кирпичникова. Когда-то, в годы ученья в институте, Кирпичников
встречался с ним и они говорили на близкие им технические темы.
Матиссен ушел со второго курса электротехнического института и
поступил в сельскохозяйственную академию. В Матиссене Кир-
пичникова интересовала его теория техники без машин, техники,
где универсальным инструментом был сам человек. Матиссен, че-
ловек чести, единой идеи и несокрушимого характера, поставил це-
лью своей жизни осуществление своей мысли.

Теперь он был заведующим Кочубаровской опытно-мелиора-
тивной станцией. Кирпичников не видел его шесть лет — чего он
добился, неизвестно, но что он старался добиться всего, в этом
Кирпичников был уверен.

Уезжая в Волошино, Кирпичников заранее радовался встрече с
Матиссеном.

От того Михаила Кирпичникова, который жил когда-то в Гро-
бовске, работал в черепичной мастерской, искал истину и меч-
тал — осталось немного. Мечты превратились в теории — теории

превратились в волю и постепенно осуществлялись. Истина стала не сердечным покоем, а практическим завоеванием мира.

Но одно тревожило Кирпичникова и толкало его на беспокойные изыскания всюду — среди книг, среди людей и чужих научных работ. Это — жажда закончить труд погибшего Попова об искусственном размножении электронов-микробов и технически исполнить эфирный тракт Попова, чтобы по нем прилить эфирную пищу к пасти микроба и вызывать в нем бешеный темп жизни.

«...Решение просто — электромагнитное русло...» — бормотал время от времени Кирпичников последние слова неоконченной работы Попова и тщетно искал того явления или чужой мысли, которые бы навели его на разгадку «эфирного тракта». Кирпичников знал, что может дать людям этот эфирный тракт: можно вырастить любое тело природы до любых размеров за счет эфира. Например, взять кусочек железа в 1 кубический сантиметр, подвести к нему эфирный тракт, и этот кусочек железа на глазах начнет расти и вырастет в гору Арарат, потому что в железе начнут размножаться электроны.

Несмотря на усердие и привязанность к одной проклятой мысли, решение эфирного тракта не давалось Кирпичникову уже много лет. Работая в тундре на термическом туннеле, Кирпичников думал всю долгую беспокойную тревожащую полярную ночь все об одном и том же. Его путала еще одна загадка, не решенная в трудах Попова: что такое положительно заряженное ядро атома, в котором присутствует материя?

Если чистые отрицательные электроны и есть микробы и живые тела, то что такое материальное ядрышко атома, к тому же положительно заряженное?

Этого никто не знал. На это были смутные указания и сотни гипотез в научных работах, но ни одно из них не удовлетворяло Кирпичникова. Он искал практического решения, объективной истины, а не субъективного удовлетворения первой попавшейся догадкой, — может быть и блестящей, но не отвечающей строению природы.

В Волошино Кирпичников приехал на своем автомобиле, который в его время стал орудием каждого человека. Хотя от Москвы до Волошино лежала линия в 900 километров, Кирпичников решил ехать на автомобиле, а не в купе вагона. Его с женой влек к себе мало известный путь, ночевки в поселках, скромная природа равнинной северной страны, мягкий ветер в лицо — вся прелесть живого мира и постепенное утопание в безвестности и задумчивом одиночестве.

Они поехали. Машина «Алгонда-09» работала бесшумно: бензиновый мотор погиб пять лет назад, сокрушенный кристалличе-

ским аккумулятором ленинградского академика Иоффе. Автомобиль шел на электрической аккумуляторной тяге и только тихо шипел покрышками по асбестоцементному шоссе. Запас энергии «Алгонда» имела на 10 тысяч километров пути при весе аккумуляторов в 10 килограммов.

И вот развернулась перед путешественниками чудесная натура вселенной, глубину которой десятки веков старались постигнуть мудрецы всех стран и культур, идя дорогой мысленного созерцания. Будда, составители вед, десятки египтян и арабов, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, наконец, Бергсон и Шпенглер — все силились догадаться про существо вселенной. А вся суть в том, что догадаться об истине нельзя, до нее можно доработаться: вот когда весь мир протечет сквозь пальцы работающего человека, преобразаясь в полезное тело, тогда можно будет говорить о полном завоевании истины. В этом была философия революции, случившейся восемнадцать лет назад и не совсем оконченной и сейчас.

Понять — это значит прочувствовать, прощупать и преобразить, — в эту философию революции Кирпичников верил всей кровью, она ему питала душу и делала волю боеспособным инструментом.

Кирпичников вел «Алгонду», улыбался и наблюдал. Мир был уже не таким, каким его видел Кирпичников в детстве — в глухом Гробовске. Поля гудели машинами; за первые двести километров пути он встретил шесть раз линию электропередачи высокого напряжения от мощных централей. Деревня резко изменила свое лицо — вместо соломы, плетней, навоза, кривых и тонких бревен, в строительство вошли черепица, железо, кирпич, толь, террезит, цемент, наконец, дерево, но пропитанное особым составом, делающим его несгораемым. Народ заметно потолстел и подобрел характером. История стала практическим применением диалектического материализма. Искусственное орошение получило распространение до московской параллели. Дождевательные машины встречались так же часто, как пахотные орудия. На север от Москвы дождеватели исчезали и появлялись дренажные осушительные механизмы. И дождеватели, и осушители напоминали по внешнему виду тракторы.

Жена Кирпичникова показывала детям эту живую экономическую географию социалистической страны, и сам Кирпичников с удовольствием ее слушал. Трудная личная жизнь как-то погасила в нем эту простую радость видеть, удивляться и чувствовать наслаждение от удовлетворения любознательности.

Только на пятый день они приехали в Волошино.

В доме, где остановились Кирпичниковы, был вишневый сад, который уже набух почками, но еще не оделся в свой белый неописуемый трогательный наряд.

Стояло тепло. Дни сияли так мирно и счастливо, как будто они были утром тысячелетнего блаженства человечества.

Через день Кирпичников поехал к Матиссену.

Исаак совсем не удивился его приезду.

— Я каждый день наблюдаю гораздо более новые и оригинальные явления, — пояснил Матиссен Кирпичникову, поняв его недоумение равнодушным приемом.

Через час Матиссен немного отмяк:

— Женатый, черт! Привык к сентиментальности! А я, брат, почитаю работу более прочным наследством, чем дети!.. — И Матиссен засмеялся, но так ужасно, что у него пошли морщины по лысому черепу. Видно, что смех его столь же част, как затмение солнца.

— Ну, рассказывай и показывай, чем живешь, что делаешь, кого любишь! — улыбнулся Кирпичников.

— Ага, любопытствуешь! Одобряю и приветствую!.. Но слушай, — я тебе покажу только главную свою работу, потому что считаю ее законченной. Про другие говорить не буду — и не спрашивай!..

— Послушай, Исаак! — сказал Кирпичников. — Меня бы интересовала твоя работа над темой техники без машины, помнишь? Или ты уже забыл эту проблему и разочаровался в ней?

Матиссен пожмурился, хотел сострить и удивить приятеля, но, позабыв все эти вещи, тщетно вздохнул, сморщил лицо, привыкшее к неподвижности, и просто ответил:

— Как раз это я тебе и покажу, коллега Кирпичников!

Они прошли плантации, сошли в узкую долину небольшой речки и остановились. Матиссен выпрямился, приподнял лицо к горизонту, как будто обозревая миллионную аудиторию на склоне холма, и заявил Кирпичникову:

— Я скажу тебе кратко, но ты поймешь: ты электрик, и это касается твоей области! Только не перебивай: мы оба спешим — ты к жене (Матиссен повторил свой смех — лысина заволновалась морщинами, и челюсти разошлись, в остальном лицо не двигалось), а я — к почве.

Кирпичников промолчал и предложил свой вопрос:

— Матиссен, а где же приборы? Ведь мне хотелось бы не лекцию прослушать, а увидеть твои эксперименты!

— И то и другое, Кирпичников, и то и другое! А все приборы налицо! Если ты их видишь, значит ты ничего и не услышишь и не поймешь!

— Я слушаю, Матиссен! — кратко поторопил его Кирпичников.

— Ага, ты слушаешь! Тогда я говорю, — Матиссен поднял камешек, изо всех сил запустил его на другую сторону речки и начал. — Видно даже очам, что всякое тело излучает из себя электромагнитную энергию, если это тело подвергается какой-нибудь судороге или изменению. — Верно ведь? — И каждому изменению — точно, неповторимо, индивидуально — соответствует излучение целого комплекса электромагнитных волн такой-то длины и таких-то периодов. Словом, излучение, радиация, если хочешь, зависит от степени изменения, перестройки подопытного тела. Дальше. Мысль, будучи процессом, перестраивающим мозг, заставляет мозг излучать в пространство электромагнитные волны.

Но мысль зависит от того, что человек конкретно подумал, — от этого же зависит, как и насколько изменится строение мозга. А от изменения строения или состояния мозга уже зависят волны: какие они будут. Мыслящий, разрушающийся мозг творит электромагнитные волны и творит их в каждом случае по-разному: смотря, какая мысль перестраивала мозг.

Тебе все ясно, Кирпичников?

— Да, — подтвердил Кирпичников, — дальше!

Матиссен сел на кочку, потер усталые глаза и продолжал:

— Опытным путем я нашел, что каждому роду волны соответствует одна строго определенная мысль. Я, понятно, несколько обобщаю и схематизирую, чтобы ты лучше понял. На самом деле все гораздо сложнее. Так вот. Я построил универсальный приемник-резонатор, который улавливает и фиксирует волны всякой длины и всякого периода. Но скажу тебе, что даже одной, самой незначительной и короткой мыслью вызывается целая сложнейшая система волн.

Но все же мысли, скажем, «окаянная сила» (помнишь, этот до-революционный термин?), соответствует уже известная, экспериментально установленная, система волн. От другого человека она будет лишь с маленькой разницей.

И вот, свой приемник-резонатор я соединил с системой реле* и исполнительных аппаратов и механизмов, сложных по технике, но простых и единых по замыслу. Но эту систему надо еще более усложнить и продумать. А затем распространить по всей земле для всеобщего употребления. Пока же я действую на незначительном участке и для определенного цикла мыслей.

Теперь гляди! Видишь, на том берегу у меня посажена капустная рассада. Видишь, она уже засохла от бездождия. Теперь следи: я четко думаю и даже выговариваю, хотя последнее не обязательно: о-р-о-с-и-т-ь! Гляди на другой берег, голова!..

* Приборы, замыкающие сильный ток, но приводимые в действие слабым током.

Кирпичников всмотрелся на противоположный берег речонки и только сейчас заметил полузакрытую кустом небольшую установку насосного орошения и какой-то компактный прибор. Вероятно, приемник-резонатор, — догадался Кирпичников.

После слова Матиссена — оросить — насосная установка заработала, насос стал сосать из речки воду, и по всему капустному участку из форсунок-дождевателей забили маленькие фонтанчики, разбрызгивающие мельчайшие капельки. В фонтанчиках заиграла радуга солнца, и весь участок зашумел и ожил: жужжал насос, шипела влага, насыщалась почва и свежели молодые растеньица.

Матиссен и Кирпичников молча стояли в двадцати метрах от этого странного самостоятельного мира и наблюдали.

Матиссен ехидно посмотрел на Кирпичникова и сказал:

— Видишь, чем стала мысль человека? Ударом разумной воли! Не правда ли?

И Матиссен уныло улыбнулся своим омертвевшим лицом.

Кирпичников почувствовал горячую жгущую струю в сердце и в мозгу — такую же, какая ударила его в тот момент, когда он встретил свою будущую жену. И еще Кирпичников сознал в себе какой-то тайный стыд и тихую робость — чувства, которые присущи каждому убийце, даже тогда, когда убийство совершено в интересах целого мира. На глазах Кирпичникова Матиссен явно насиловал природу. И преступление было в том, что ни сам Матиссен, ни все человечество еще не представляли из себя драгоценностей дороже природы. Напротив, природа все еще была глубже, больше, мудрее и разноцветней всех человек.

Матиссен разъяснил:

— Вся штука чрезвычайно проста! Человек, то есть я, в данном случае находится в сфере исполнительных механизмов, и его мысль (например, «оросить») есть в плане возможности исполнительных машин: они так построены. Мысль — оросить — воспринимается резонатором. Этой мысли соответствует строгая неповторимая система волн. Именно только волнами такой-то длины и таких-то периодов, какие эквивалентны мысли «оросить», замыкаются те реле, которые управляют в исполнительных механизмах орошением. То есть там прямо замыкается ток и начинает действовать агрегат электромотор-насос. Поэтому, через миг после мысли человека — оросить — под корнями капусты уже блестит вода.

Такая высшая техника имеет целью освободить человека от мускульной работы. Достаточно будет подумать, что надо, чтобы звезда переменяла путь... Но я хочу добиться, чтобы обойтись без исполнительных механизмов и без всяких посредников, а действовать на природу прямо и непосредственно — голой пертурбацией мозга. Я уверен в успехе техники без машин. Я знаю, что доста-

точно одного контакта между человеком и природой — мысли, — чтобы управлять всем веществом мира! Понял?.. Я поясню. Видишь, в каждом теле есть такое место, такое сердечко, что если дать по нем щелчком — все тело твое: делай с ним что хочешь! А если язвить тело как нужно и где нужно, то оно будет само делать то, что его заставишь! Вот я считаю, что той электромагнитной силы, которая испускается мозгом человека при всяком помышлении, вполне достаточно, чтобы так уязвлять природу, что эта Маша станет нашей!..

Кирпичников на прощанье сжал руку Матиссену, а потом обнял его и сказал с горячим чувством и полной искренностью:

— Спасибо, Исаак! Спасибо, друг! Знаешь, только одна еще есть проблема, которая равна твоей! Но она еще не решена, а твоя почти готова... Прощай! Еще раз спасибо тебе! Надо всем работать, как ты — с резким разумом и охлажденным сердцем! До свиданья!

— Прощай! — ответил Матиссен и полез вброд, не разуваясь, на ту сторону своей маловодной речонки.

IX

Пока Кирпичников отдыхал в Волошине, мир сотрясала сенсация. В Большеозерской тундре экспедицией профессора Гомонова откопаны два трупа: мужчина и женщина лежали обнявшись на сохранившемся ковре. Ковер был голубого цвета, без рисунка, покрытый тонким мехом неизвестного животного. Люди лежали одетыми в плотные сплошные ткани темного цвета, покрытые изображениями изящных высоких растений, кончавшимися вверху цветком в два лепестка. Мужчина был стар, женщина молода. Вероятно, отец и дочь. Лица и тела были того же строения, что и люди, обнаруженные в Нижнеколымской тундре. То же выражение спокойных лиц: полуулыбка, полусожаление, полуразмышление, — будто воин завоевал мраморный неприступный город, но среди статуй, зданий и неизвестных сооружений упал и умер, усталый и удивленный.

Мужчина крепко сжимал женщину, как бы защищая ее покой и целомудрие для смерти. Под ковром, на котором лежали эти мертвые обитатели древней тундры, были найдены две книги, — одна была напечатана тем же шрифтом, что и книжка, найденная в Нижнеколымской тундре, другая имела иные знаки. Эти знаки были не буквами, а некоторой символиккой, однако с очень точным соответствием каждому символу отдельного понятия. Символов было чрезвычайное множество, поэтому ушло целых пять месяцев

на их расшифровку. После этого книга была переведена и издана под наблюдением Академии филологических наук. Часть текста найденной книги осталась неразгаданной: какой-то химический состав, вероятно находившийся в ковре, безвозвратно погубил драгоценные страницы — они стали черными, и никакая реакция не выявляла на них символических значков.

Содержание найденного произведения было отвлеченно-философское, отчасти историко-социологическое. Все же сочинение представляло такой глубокий интерес, как по теме, так и по блестящему стилю, — что книжка в течение двух месяцев вышла в одиннадцати изданиях подряд.

Кирпичников выписал книгу. Везде и всюду он искал одного — помощи для разгадки эфирного тракта.

Когда он посетил Матиссена, на обратном пути что-то зацепилось в его голове, он обрадовался, но потом снова все распалось — и Кирпичников увидел, что работы Матиссена имеют лишь отдаленное родство с его мучительной проблемой.

Получив книгу, Кирпичников углубился в нее, томимый одною мыслью, ища между строк неясного намека на решение своей мечты. Несмотря на дикость, на безумие искать поддержки в открытии эфирного тракта у Большеозерской культуры, Кирпичников с затаенным дыханием прочел сочинение мертвого философа.

Сочинение не имело имени автора, называлось оно «Песни Аюны» и содержало в себе следующие мысли:

«...Вера есть двигатель творчества; знание есть созерцание современного, замедленная, застывшая вера-сомнение.

Вторая формула и есть фигура духа современной нам Хорпайи, обреченной страны. И сколько бы ни писалось книг, сколько бы ни мучилось голов, они не вырвутся из этих живых (потому что истинных) слов: творчество есть вера, а знание — сомнение, медленная вера, точка творчества, нуль жизни.

Знание это отбросы творчества, то, что переварено в человеческой сокровенности и выкинуто вон. Знание — то, что я сделал и перестал любить, потому что кончил, завершил; вера-творчество есть то, что люблю я, люблю потому, что не имею и не знаю, что не прошло через меня и не стало прошлым. Творчество есть всегда любовь к будущему, небывшему и невозможному. Великий покой, четкая, суровая, жесткая оформленность должны быть в душе творящего: он противопоставляет себя хаосу, — т. е. будущему, не существующему, — и делает из него настоящее — твердые комки вещей — мир. Душа художника должна быть тверже и упорнее всех вещей в мире. Искусство есть, может быть, время — и больше ничего; оно есть трансформация хаоса, его ограничение,

делание пространства из времени, ибо только ограниченное — форма — доступно желудку сознания. Хаос есть зимнее холодное поле, а художник — теплота, от которой тает снег и растет трава. Когда хаос — черная немая птица — пойман и посажен в клетку, он становится миром, то есть прошлым, пройденным, перестраданным, и отношение к миру у человека может быть только одно — познание его. Но — никогда не оглядываясь назад: остановишься! Творчество же есть крылья и движение к тому, чего нет, что невозможно, неведомо, неимоверно, но что будет, должно быть неотвратимо. Может быть, творчество есть чудовищное сомнение в спасении, в цели, в остановке и страстные поиски окончательной гибели. Судьба — аккомпанемент искусства, никогда не заглушаемый никакими взрывами и пожарами духа, потому что судьба творчества есть свобода его. То, что будет, есть время, то, что было, есть пространство. Иначе: пространство есть прошлое замерзшее время; время — не рожденное пространство, хаос, не превращенный жаркой и верующей душой художника в комки вещей.

Только человек-художник стоит посреди — на зыбкой волнующейся грани времени и пространства и неутомимо, бессменно строит из жидкой пламенной лавы времени твердые холодные камни — пространство.

Сейчас по Хорпайе курсирует ослепительная книга Зун-Зойги о закате Хорпайи, о падении к смерти хорпайской аюны. Зун-Зойгу там обожают и клянут, но и кто клянет, тайно любит его. Я где-то читал, что искусство есть мать любви, а Зун-Зойга — источник мощного искусства мысли. Зун-Зойга — универсальный мыслитель Хорпайи, он свободно и радостно, не запинаясь и не сомневаясь, играет на современной чудовищно сложной клавиатуре древней хорпайистской аюны. Математика и религия, музыка и политика, история и инженерное искусство — все под его пальцами поет и служит его единой любимой идее — близкой катастрофе Хорпайи. Зун-Зойга — музыкант слова, он сравним только с Моравендом по какой-то фиолетовой глубине и гибельности стиля, по скорбному напеву слов. Есть органическое соединение слов — тогда все слова живые, как цветы, и им нельзя не верить; есть механическая сцепка слов — тогда они есть ложь и песок. У Зун-Зойги — органика, а не механика слов; его философия — песня, а не рассчитанная техника логики. И Зун-Зойга — опасный человек. Он настолько артист слова, что может какую угодно чепуху написать, но так написать, так торжествующе-уверенно, ослепляюще написать, что ему поверят все, а он засмеется после надо всеми. Но пусть не надеется, не всех одинаково очаровывает красота — есть вещи поважнее и попрекраснее красоты.

~~Исторический очерк~~

...Вера есть утверждение тайного; знание есть созерцание совершенного, заведомая, ~~заведомая~~ заставившая вера — сомнение.

Вторая фигура и есть фигура духа — современная ^{Хорпайи — обретенный страхи} ~~кант~~. И сколько бы не писались книги, сколько бы не учились людей, они * не возвращаются из этих живых (потому что истинных) слов: потребность есть вера, а знание — сомнение, медленность веры, точка утверждения, путь жизни. Знание это отбросил утверждения, то это переживает в человеческой существовании и выкинуто вон. Знание, то это ^{завершение} ~~и~~ ~~предела~~ ~~любимые~~, потому что ~~хорпайи~~; вера — утверждение есть то, что любимо ^{люблю} ~~люблю~~ потому что не имеем и не знаем, это не прошло через меня и ~~еще~~ не стало прошлым. Побороть есть всегда ~~люблю~~ ~~к~~

45

убверено, ослеп
верят все,
ш. Но, пусть
акое очере
рнее и по-

Криво и прелебленного человека ^{не в силах и не нуждается} ~~подобившего~~ ~~своей~~ ~~любви~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~раствор~~ ~~стали~~

люблю, катастрофа ^{Хорпайи} ~~—~~ ~~от~~ ~~каждой~~ ~~на~~ ~~ней~~ ~~его~~ ~~христи~~. ^{Анна} ~~становится~~

^{Анна} ~~и~~ ~~а~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

— тихо и ^{Анна} ~~чувственно~~ ~~говори~~ ~~т~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

^{Хорпайи} ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

а не ~~люди~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

человек, наука, ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

своей ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

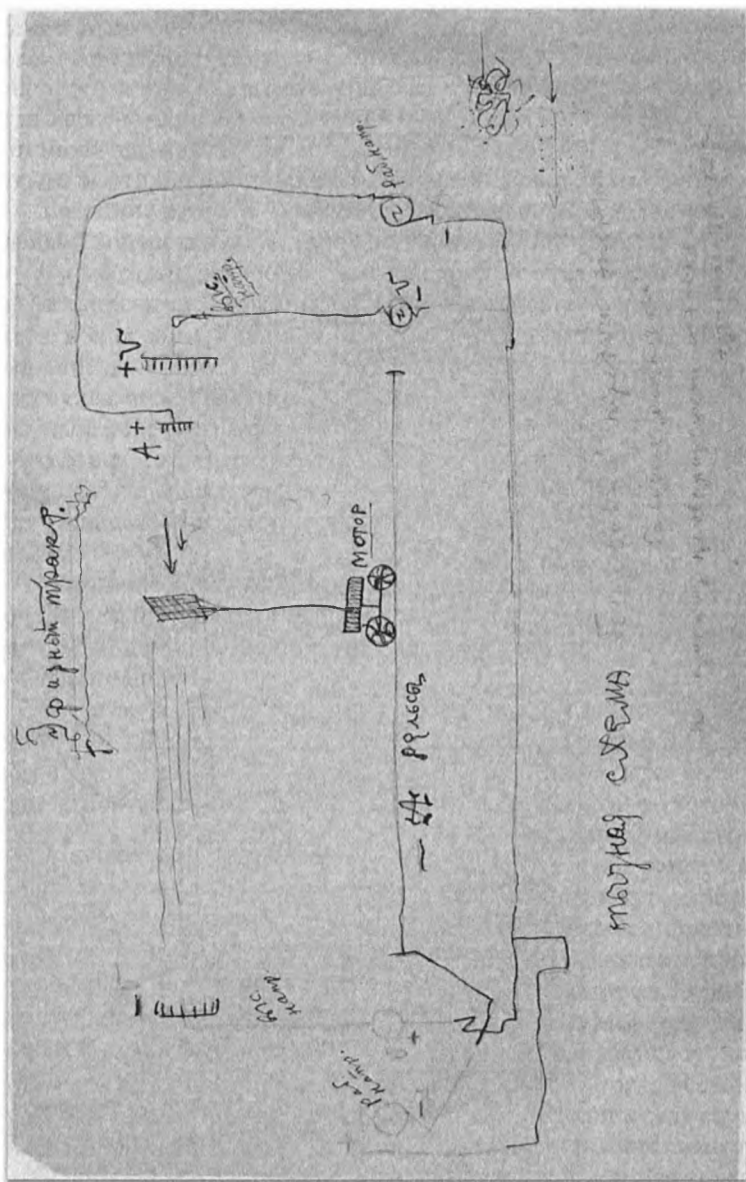
^{Анна} ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

Заключена, и ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

ной ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

души ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~ ~~и~~ ~~есть~~ ~~силы~~

Повесть «Эфирный тракт». Автограф. Статья «Симфония сознания» (1922) с правкой А.П. Платонова 1926 г. ИМЛИ

Набросок к «Рассказу о потухшей лампе Ильича». Схема на обороте автографа. **ИМЛИ**

Книга Зун-Зойги — до конца честная книга, книга мужественного человека, полюбившего свою гибель, неверящего и не нуждающегося ни в каком спасении.

Гибель, катастрофа Хорпайи — вот главный напев его книги. Аюна* становится литой**, а лита есть смерть аюны, — тихо и для малосведущих убедительно говорит Зун-Зойга.

Аюна, — вообще аюна, а не только хорпайистская, — это когда человек, нация, раса делает в себе свою душу посредством внешнего мира.

Лита, это когда уже душа сделана, закончена и энергия такой завершенной души обращается на внешний мир для изменения его на потребу себе.

Аюна — когда мир делает душу. Лита, когда насыщенная, полная, мощная душа переделывает мир. При лите человек или раса, — т. е. ломоть человечества, — хочет весь мир сделать своей сокровенной душой, а при аюне человек хочет вырвать из мира только кусок его, что ему мило и необходимо, — душу.

Аюна это искусство, а лита — техника, гидрофикация. Это мысли не Зун-Зойги, а мои, но чтобы сделать анализ и прогноз современной аюны нашей соседки — Хорпайи, которой сам Зун-Зойга есть совершеннейшее произведение, я должен начать именно так, как начал.

Сделать это можно только в целой серии книг — так и будет сделано, ибо вопрос огромен, запутан, мрачен, а разрубать его не остроумно и не для всех будет это понятно, — следовательно, надо по единой нити его весь распутать.

В Зун-Зойге — океан мысли, и каждую мало понять, но надо всосать в себя, перевести в эмоцию и, перестрадав, выжить ее из себя. Кто же Зун-Зойга — пророк или только художник, вакханка сознания? Дело, конечно, не в Зун-Зойге, но Зун-Зойга — сконцентрированное выражение хорпайистской аюны, вот почему он так интересен. Ведь если хорпайистские нуали*** скоро не выступят, то и в Муании**** власть аюны не наступит. Это будет освещено и оживлено в следующей книге.

Зун-Зойга не верит в контакт, в преемственность или даже отдаленную родственность отдельных аюн. Каждая аюна одинока;

* Соответствует, вероятно, мудрости, глубокой культуре, гению народа. — *Прим. перев.*

** Равнозначаше мертвому академическому знанию, мастерству, обычному сознанию. — *Прим. перев.*

*** Вероятно, рабы. — *Примечание переводчиков.*

**** Страна автора.

рождается, расцветает и погасает в лите, без следа, без эха в истории и вечности. Вот его волнующие слова об этом:

“Нет бессмертных творений. Последний сюан* и последняя поя* будут когда-нибудь расщеплены; чарующий мир наших поэм и наших симфоний, всего только несколько лет тому назад нами, но и только для нас рожденный, замолкнет и исчезнет. Высочайшие достижения хорпайской мелодики и гармонии покажутся будущим аюнам идиотическим карканьем странных инструментов. Скорее, чем успеют истлеть полотна Вернайи и Листрейи, переведутся те последние души, для которых эти полотна будут чем-то большим, чем цветными лоскутами.

Кто понимает сейчас саргонасскую** лирику? Кто знает, кто чувствует, что она значила для людей мира Саргоны?”

Есть ли лита смерть аюны, души, окостенение и превращение в ничтожество рас — носительниц и авторов аюн? — Или нет, или наоборот, или истинное решение вопроса осталось неизвестным Зун-Зойге? Одинока ли и обречена ли на смерть без памяти в грядущем всякая аюна и возможна ли еще аюна в Хорпайе; иначе говоря, возможно ли в Хорпайе восстание нуалей и воскрешение аюны, как это случилось у нас в Муании!..»

Три страницы книжки не разобраны и не переведены (сильно повреждены) — далее опять следует ясная часть.

«...Отношение истории к природе то же, что отношение времени к пространству. История вовсе не есть только внутрочеловеческое понятие: если бы это было так, то мир был бы грудой независимых друг от друга вещей, а не живым, цветущим организмом процессов, каким мы его знаем.

Природа есть тень истории, ее отбросы, экскременты — то, что было когда-то живым и движущимся, т. е. временем, полетом, будущим, и то, что стало теперь прошлым, пространством, материей, формой, одиноким забытым камнем на покинутой дороге.

Нам надо переоценить историю и природу: историю одну сделать вещь, достойной познания, и оставить природу в стороне, позади, как хлам, как время, съеденное историей и превращенное ею в пространство, — в мрачное тюремное ущелье, тихий и просторный белый каземат. Человечество в природе-пространстве это голодный в зимнем поле: ему нужны не ветер и воля одному умирать, а хлеб и уют натопленного жилья. Человечество в истории это всежаждущее существо, это беззаконная душа со всемогущими, неустанными пламенными крыльями. Закон, точная форма, гармоническая зависимость процессов, симметрия — это же только сле-

* Вероятно, музыкальные инструменты.

** Какая-то древняя забытая страна. — *Примечание перевод.*

ды улетающей свободы, ее отбросы, окаменелые экскременты. И природа — есть закон, путь, оставленный историей, дорога, по которой когда-то прошла пламенная танцующая душа человечества. Природа — бывшая история, идол прошлого. История — будущая природа, тропа в неведомое. Ибо неведомое есть неизмеримое разноцветное множество неродившихся вселенных, которое не охватывает раскосый взор человечества, — и только поэтому возможна и действительно есть свобода: есть всемогущество в творчестве, есть бесконечность в выборе форм творчества.

Итак, история, а не природа — как было, как есть теперь — должна стать страстью нашей мысли, ибо история есть взор в даль, несвершившаяся судьба, история есть время, а время — несущественное пространство, т. е. будущее. Природа же есть прошлое, оформленное, застывшее в виде пространства время. И мы бы не должны знать природы, одну историю мы бы должны постигать, потому что история и есть наша судьба, а судьба — показатель нашей мощи, вестник цели и конца, или начало иной бесконечности.

История для нас есть уменьшающееся время, выковка своей судьбы. Природа — законченное время, законченное потому, что оно остановилось, а остановившееся время есть пространство, т. е. сокровенность природы, мертвое лицо, в котором нет жизни и нет поэтому загадки. Каменный сфинкс страшен отсутствием загадки*. Но человечество живет не в пространстве-природе и не в истории-времени-будущем, а в той точке меж ними, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа. Человеческой сокровенности одинаково чужды, в конце концов, и время, и пространство, и оно живет в звене между ними, в третьей форме, и только пропускает через себя пламенную ревущую лаву — время, и косит глаза назад, где громоздится этот хаос огня, вращается смерчем и вихрем — и падает, обессиливается, — из свободы и всемогущества делается немощью и ограниченностью — пространством, природой, сознанием.

Этим мыслям можно бы найти эквивалент в новейшей муанийской науке, но я ограничен местом.

Дальше от природы — в стихию свободы, в поэму пламени, в страну склоняющихся пред человеком невозможностей — в историю! Историю нельзя познать, предопределить: предопределенное несвободно и погасает желание его достигнуть. Сейчас историю точно предопределяют, и этим облегчается путь человечества. Но это — совсем не история. Это сдвиги, обвалы, сбросы еще не остывшей, неуравновесившейся, недавно рожденной временем

* Загадочно то, что имеет судьбу. В природе нет судьбы.

природы*. То, что мы принимаем за историю, не есть она — это только охлаждающаяся, оформляющаяся природа, сумма ее последних, добавочных, нивелирующих процессов. Еще и еще раз нам надо отдаться критике всех прочно сидящих богов в муанийской науке и в представлениях будничной жизни человечеств. Критика же есть реконструкция рукой человека мира, построенного до него: и насколько оригинальнее, новее этот родившийся человек, настолько мир ему менее соответствует, настолько основательнее будет его реконструкция, — перестройка мира этим человеком, этой расой...

И в конечном счете цель прогресса человечества — сбросить железную диктатуру действительности, побратать закон с чудом — свободой.

У Зун-Зойги есть прекрасные слова: история есть мир, цветущий в образе. Да, потому что образ есть движение, изменчивость. А изменчивость есть чудо и свобода, что присуще только жизни и истории. Природа же — образ окаменевший, и потому она не образ, а безобразии: образ не может быть стоячим, он — игра и движение.

И вот мы подошли к основному, глубочайшему вопросу: каково будет содержание аюны нового человечества, зачатого восстанием нуалей, и есть ли начало этой аюны уже сейчас, в действительности. В следующей, последней книге о нуалях и лите это будет выяснено до конца, и мы предугадаем, уже предугадали, какая песнь вырвется из груди того человечества, ставшего организмом, вместо механизма, строящего себе прочную обитель на периферии земного шара и запустившего руки и мысли глубоко в землю, в ее теплые тайные недра, и к танцующим непойманным звездам.

Из мертвеющей, пропахшей трупами Муании вырастает новая, венчающая человечество и кончающая его аюна — штурм вселенной; вместо прежнего штурма человека человеком — симфония сознания...»

На этом кончалось все, что было выжато и разгадано из «Песен Аюны» учеными-современниками.

— Нет, — сказал Кирпичников, прочитав, — очень хорошо, но очень пусто и неверно: этого Зун-Зойгу у нас любой пионер в два счета разошьет и израсходует! Людям нужна внутренняя истина, то есть покой, а мне нужен эфир, чтобы накормить им железо! Как скучно! И в тундре ничего путного не думали! Все любовь, да творчество, да душа, а где же хлеб и железо?..

* И потому, смотря на обвисшие куски, можно заранее сказать, куда и как они упадут.

Кирпичников сильно затосковал, потому что он был человеком, а человек обязательно иногда тоскует. Ему случилось уже тридцать пять лет. Построенные им приборы для создания эфирного тракта молчали и подчеркивали заблуждение Кирпичникова. Фразу Попова — «Решение просто — электромагнитное русло» — Кирпичников всячески толковал посредством экспериментов, но выходили одни фокусы, а эфирного пищепровода к электронам не получалось.

— Так-с! — в злобном исступлении сказал себе Кирпичников. — Следовательно, надо заняться другим! — Тут Кирпичников прислушался к дыханию жены и детей (была ночь и сон), закурил, прислушался к шуму Тверской за окном и сразу зачеркнул все. — Тогда тебе надо пуститься пешему по земле, ты гниешь на корню, инженер Кирпичников! Семья? Что ж — жена красива, новый муж к ней сам прибежит, дети здоровы, страна богата — прокормит и вырастит! Это единственный выход, другой — смерть на снежном бугре у распахнутой двери: выход Фаддей Кирилловича!.. Да-с, Кирпичников, таковы дела!

Кирпичников вздохнул с чрезвычайной сентиментальностью, а на самом деле искренно и мучительно.

— Ну что я сделал? — продолжал он шепотом ночную беседу с самим собой. — Ничего. Туннель? Чепуха: сделали бы и без меня. Крохов был талантливее меня. Вон Матиссен — действительно работник! Машины пускает мыслью! А я... а я обнял жизнь, жму ее, ласкаю, а никак не оплодотворяю... Будто женился человек, а сам только с виду мужчина, и обманул жену...

Кирпичников тут спохватился:

— Философствуете, сударь? В отчаяние впали? Стоп! Это, брат, нервы у меня расшились: простая физиологическая механика, субъективно не имеющая страдания... Так зачем же ты страдаешь?

Зазвонил неожиданно и не вовремя телефон:

— У телефона Крохов. Здорово, Кирпичников!

— Здравствуй, что скажешь?

— Я, брат, получил назначение. Еду на Фейссуловскую атлантическую верфь: первое компрессорно-волновое судно строить. Знаешь эту новую конструкцию: судно идет за счет силы волн самого океана! Проект инженера Флювельберга.

— Ну, слышал, а я-то причем тут?

— Что ты бурчишь? У тебя изжога, наверно! Чудак, я еду главным инженером верфи, а тебя, вот, зову своим заместителем! Я ведь корабельщик по образованию — справимся как-нибудь, и сам Флювельберг будет у нас! Ну, как — едем?

— Нет, не поеду, — ответил Кирпичников.

— Почему? — спросил пораженный Крохов. — Ты где работаешь-то?

— Нигде.

— Ну, смотри, парень! Пройдет изжога, пожалеешь! Я подожду неделю.

— Не жди, не поеду!

— Ну, как хочешь!

— Прощай.

— Спокойной ночи.

Кирпичников прошел в спальню, постоял молча в дверях, потом надел старое пальто, шляпу, взял мешок и ушел из дому навсегда. Он ни о чем не сожалел и питался своей глухой тревогой. Он знал одно: устройство эфирного тракта поможет ему опытным путем открыть эфир как генеральное тело мира, все из себя производящее и все в себя воспринимающее. Он тогда технически, то есть единственно истинно, разъяснит и завоюет всю сферу вселенной и даст себе и людям горячий ведущий смысл жизни. Это старинное дело, но мучительны старые раны. Только людские убудки кричат: нет и не может быть смысла жизни — питайся, трудись и молчи. Ну, а если мозг уже вырос и так же страстно ищет своего пропитания, как ищет его тело? Тогда как? Тогда — труба, выкручивайся сам, в этом мало люди помогают.

Вот именно! Найдете вы человека, который живет не евши! Кирпичников же вошел в ту эпоху, когда мозг неотложно требовал своего питания, и это стало такой же горячей воющей жадью, как голод желудка, как страсть пола!

Может быть, человек, незаметно для себя, рождал из своих недр новое великолепное существо, командующим чувством которого было интеллектуальное сознание, и ничто иное! Наверное, так. И первым мучеником и представителем этого существа — был Кирпичников.

Кирпичников пошел пешком на вокзал, сел в поезд и поехал на свою забытую, заросшую забвением родину — Грбовск. Там он не был 12 лет. Ясной цели у Кирпичникова не было. Он влекся тоскою своего мозга и поисками того рефлекса, который наведет его мысль на открытие эфирного тракта. Он питался бессмысленной надеждой обнаружить неизвестный рефлекс в пустынном провинциальном мире.

Очутившись в вагоне, Кирпичников сразу почувствовал себя не инженером, а молодым мужичком с глухого хутора и повел беседу с соседями на живом деревенском языке.

Русское овражистое поле в шесть часов октябрьского утра — это апокалипсическое явление, кто читал древнюю книгу — Апокалипсис. Идет смутное столпотворение гор сырого воздуха, шуршит робкая влага в балках, в десяти сажнях — движутся стены туманов, и ум пешехода волнует скучная злость. В такую погоду, в такой стране, если ляжешь спать в деревне, может присниться жуткий сон.

И действительно, по дороге, выспавшись в ближней деревне, шел человек. Кто знает, кем он был. Бывают такие раскольники, бывают рыбаки с верхнего Дона, бывает прочий похожий народ. Пешеход был не мужик, а, пожалуй, парень. Он поспешал, сбивался с такта и чесал сырые худые руки. В овраге стоял пруд, человек сполз туда по глинистому склону и попил водицы. Это было ни к чему — в такую погоду, в сырость, в такое прохладное октябрьское время не пьется даже бегуну. А путник пил много, со вкусом и жадностью, будто утоляя не желудок, а смазывая и охлаждая перегретое сердце.

Очнувшись, человек зашагал сызнова, глядя как напуганный.

Прошло часа два; пешеход, одолевая великие грязи, выбился из сил и ждал какую-нибудь нечаянную деревушку на своей осенней дороге.

Началась равнина, овраги перемежились и исчезли, запутавшись в своей глуши и заброшенности.

Но шло время, а никакого сельца на дороге не случилось. Тогда парень сел на обдутый ветрами бугорок и вздохнул. Видимо, это был хороший молчаливый человек и у него была терпеливая душа.

По-прежнему пространство было безлюдно, но туман уползал в вышину, обнажались поздние поля с безжизненными остьями подсолнухов, и понемногу наливался светом скромный день.

Парень посмотрел на камешек, кинутый во впадину, и подумал с сожалением об его одиночестве и вечной прикованности к этому невеселому месту. Тотчас же он встал и опять пошел, сожалея об участи разных безымянных вещей в грязных полях.

Скоро местность снизилась и обнаружилось небольшое село — дворов пятнадцать.

Пеший человек подошел к первой хате и постучал. Никто ему не ответил. Тогда он самовольно вошел внутрь помещения.

В хате сидел нестарый крестьянин, бороды и усов у него не росло, лицо было утомлено трудом или подвигом. Этот человек как будто сам только вошел в это жилье и не мог двинуться от усталости, оттого он и не ответил на стук вошедшего.

Парень, житель Гробовского округа, взгляделся в лицо нахмуренного сидельца и сказал:

— Феодосий! Ньюжли возвратился?

Человек поднял голову, засиял хитрыми умными глазами и ответил:

— Садись, Михаил! Воротился, нигде нет благочестия — тело наружи, а душа внутри. Да и шут ее знает — кто ее щупал — душу свою...

— Што ж, хорошо на Афоне? — спросил Михаил Кирпичников.

— Конечно, там земля разнообразней, а человек — стервец, — разъяснил Феодосий.

— Что ж теперь делать думаешь, Феодосий?

— Так чохом не скажешь! Погляжу пока, — шесть лет ушло зря, теперь бегом надо жить. А ты куда уходишь, Михаил?

— В Америку. А сейчас иду в Ригу на морской пароход!

— Далече. Стало быть, дело какое имеешь знаменитое?

— А то как же!

— Стало быть, дело твое сурьезное?

— А то как же! Бедовать иду, всего лишился!

— Видать, туго задумал ты свое дело?

— Знамо, не слабо. Без харчей иду, придорожным приработком кормлюсь!

— Дело твое крупное, Михайла...

Пустая хата пахла не по-людски. Мутные окна глядели равнодушно и разуверяли человека: оставайся, не ходи никуда, живи молча в укромном месте!

Михаил и Феодосий разулись, развесили мокрые портянки и закурили, уставившись на стол рассеянными глазами.

— Что-то дует! Михайла, захлобысни дверь! — сказал Феодосий.

Устроив это, Михаил спросил:

— Небось тепло теперь в Афонском монастыре! Небось покойно живется там. Чего сбежал из монахов?

— Оставь, Михаил, мне нужна была истина, а не чужеродные харчи. Я хотел с Афона в Месопотамию уйти — говорят, там есть остатки рая, а потом передумал. Года ушли, уж ничего не нужно стало. Только вспомнишь детей, и как-то жалко станет. Помнишь, трое детей умерло у меня в одно лето?.. Уж двадцать годов прошло, небось кость да волос остались в могиле... Эх, жутко мне чего-то, Михаил!.. Оставайся ночевать, может, дорога к утру завокнет...

— И то останусь, Феодосий. Этак до Риги не дойдешь!

— Вари картохи! Жрать с горя тянет...

Уснувши спозаранок, Феодосий и Михаил проснулись ночью. Огня в хате не было, за окном стояла нерушимая и безысходная ти-

шина. Как будто и поля проснулись, но был час ночи, до утра далеко, и они лежали и скучали, как люди.

Почуяв, что Михаил не спит, Феодосий спросил:

— Из Америки-то думаешь возвращаться?

— Затем и еду, чтоб вернуться.

— Едва ли: дюже далеко!

— Ничего, обучусь нужному делу и ворочусь!

— Мудрому делу скоро не обучишься.

— Это верно, дело мое богатое, скоро не ухватишь!

— Насчет чего же дело твое?

— Пыточный ты человек, Феодосий, был на Афоне и в иностранных державах, рай искал, а насущного ничего не узнал...

— Это истинно, кому что!

— Мужикам одно нужно — достаток! У нас ржи — хоть топи ей, а все не богато живем и туго идем на поправку. В этом году рожь до двугривенного доходила — вот тебе и урожай!

— А чего же ты задумал?

— Слыхал про розовое масло? — неожиданно для себя выпалил Кирпичников, смутно вспомнив какую-то старую, давно слышанную историю. И это его спасло, потому что ясного ответа — на вопрос о своем странствии — он не имел даже для себя.

— Слыхал — гречанки тело мажут им для прелести.

— Это што! Это для духовитости. Из розового масла знаменитые лекарства делают — человек не стареет, кровь ободряют, волос выращивают — я по книжке изучал. Я ее с собой несу. В Америке половина земли розами засажена — по тыще рублей в год чистого прибытка десятину дает! Вот где, Феодосий, мужицкое счастье...

Михаил говорил зажмурившись, в избытке благородного чувства, но думая совсем о другом. Открыв глаза, он заметил, что в окне посерело, он слез с печки и стал собираться в Америку, не стравливая зря времени.

— Куда ты? — спросил Феодосий.

— Пора уходить, мне еще далече идти. Отдохнул — и в ход, а то я томиться начинаю, когда задерживаюсь!

— Рано еще, наварим кулешу, поешь и пойдешь.

— Нет, пойду, день и так короток!

— Ну, как хочешь... Ты, стало быть, в Америке хочешь узнать, как розовое масло делается?

— Догадался? А ты думал, я свечки там делать буду? Наша земля сотворена для розы! На нашем черноземе только розе и расти! Ты погляди, Феодосий, благоухание какое будет — все болезни пропадут!...

— Да, дело твое лепное! Ну, ступай, чудотворец, поглядим-подышим! Много тогда рассады, должно, потребуется! Скорей только ворочайся и в морях не утопни!

Кирпичников вышел и пропал в полях. Он был доволен ночевкой, Феодосием — восемнадцать лет пропадавшим где-то в поисках праведной земли и увидевшим в нем только черепичного мастера — и своей хорошей беседой с ним. Но в этой беседе была и правда — Кирпичников на самом деле собрался в Америку, ища там невиданных новостей жизни, заранее им радуясь, чувствуя в себе необъяснимое освобождение.

Пройдя сквозь европейский кусок СССР, Михаил достиг Риги. Он шел четыре месяца. Задерживала его не столько дальность дороги, сколько заработки по хуторам, где он поденно батрачил. Как только он зарабатывал пищи на неделю, он бросал хозяина с его заботами и уходил в направлении Балтийского моря.

В Риге в Михаиле Кирпичникове проснулся инженер. Его поразила прочность домов — ни ветер, ни вода такие постройки не возьмет, — одно землетрясение может поразить такие монументы. Сразу почуял в Риге Михаил всю тщету, непрочность и страх сельской жизни. В Москве он почему-то про это не думал. Еще удивил Михаила этот город стройной задумчивой торжественностью зданий и крепкими спокойными людьми. Несмотря на образование и жизнь в Москве, в Кирпичникове сохранилась первобытность и способность удивляться простым вещам. Михаил, нечаянно для себя, подумал, что действительно нежное масло душистых и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины и в этих зданиях поселятся довольные вежливые мужики.

Так, незаметно, голова Кирпичникова переводилась на другую идею, чтобы дать отдых первой.

По ровным цементным дорогам побегут чистоплотные автомобили, шурша узорной резиной, развозя мужиков в гости к кумовьям верст за двести и далее. Феодосий, наверное, тогда женится, купит сто пудов бензину и поедет в Месопотамию посмотреть остатки обители умершего бога.

Хорошо будет. Встанешь утром, воткнул рычаги, повернул кнопки — жарится завтрак, греется чай, насос пыль из комнаты высасывает, в руках находится умная книга. Женщину не за что терзать, и ей нечего мучиться, борясь с неуютностью жизни, — и женщина тогда порозовеет щеками, потому что в поле будут расти розы, а не рожь. Женщина тогда станет настоящей матерью могучих людей, которые народятся в мир и дадут ему здоровье и покойную силу. Будущие женщины станут похожими на своих сестер, откопанных в тундре.

Михаил ходил по Риге и улыбался от удовольствия видеть такой город и иметь в себе верную мысль всеобщего богатства и здоровья. Ходил он столько дней, пока у него не вышли харчи; тогда он пошел в порт.

Кирпичников окончательно убедился, что розы — верная мысль и надежный источник народного обогащения. Еще далеко не все богаты были, даже в Советской стране.

Голландский пароход «Индонезия», сгрузив индиго, чай и какао, грузился лесом, пенькой, деревообделочными машинами и разными изделиями советской индустрии. Из Риги он должен идти в Амстердам, там он произведет текущий ремонт машин, а затем уйдет в Сан-Франциско, в Америку.

Михаила Кирпичникова взяли на него помощником кочегара — подкидчиком угля, потому что Кирпичников согласился работать за половинную цену.

Через десять дней «Индонезия» тронулась и перед Михаилом Кирпичниковым открылся новый могучий мир пространства и бешеной влаги, о котором он никогда особенно не думал.

Океан неопишум. Редкий человек переживает его по-настоящему, тем чувством, какого он достоин. Океан похож на тот великий звук, который не слышит наше ухо, потому что у этого звука слишком высок тон. Есть такие чудеса в мире, которые не вмещают наши чувства, именно потому, что наши чувства их не могут вынести, а если бы попробовали, то человек разрушился бы.

Вид океана снова убедил Михаила в необходимости достигнуть богатой жизни и отыскать эфирный тракт, а вечная работа воды заряжала его энергией и упорством.

Эфир уже сочетался с розой в сознании Кирпичникова, и, экономя образ, он иногда воображал себе розу, опущенную в синий дух эфира.

В Сан-Франциско Кирпичникову посоветовали идти в Калифорнию — там есть округ Риверсайда, где много лимонных садов и цветочных. Там именно и занимаются выгонкой розового масла и имеется для этого большой завод.

И Кирпичников двинулся вдоль Америки.

У одного фермера, где Кирпичников нанялся на прочистку сада, была дочь. Михаилу она очень понравилась, до того она была ласковая и миловидная. Ее звали Руфью. Руфь была прилежна в работе, имела твердые руки и смело водила «Форд». Она же заведовала всеми машинами и орудиями на ферме и была за машиниста на водокачке, которая подавала воду на орошение сада. Руфь была русая, голубоглазая и по характеру, по сердечности и серьезности напоминала русскую.

И Кирпичников захотел остаться на ферме. Отец Руфи ценил прилежание Михаила, относился к нему хорошо и, наверное, оставил бы Михаила на неопределенное время. Тем более на ферме не было ни слесаря, ни кузнеца, а Михаил знал это дело.

Но раз ночью Михаил проснулся. На колодце чвакал двигатель, нагнетая воду в сад. Хутор спал, и Михаил почувствовал тоску и тревогу. Он вспомнил розы, Россию, Феодосия, Попова, эфирный тракт, работающий океан — и стал одеваться. Деньги у него были, двадцать долларов, и он вышел в прохладную ночь. Была за фермой тьма, какой-то город сиял ночным чудом на далеком холме — и Михаил молча пошел дальше на Калифорнию, в лимонный округ Риверсайда.

XII

Десять месяцев прошло, как ушел Михаил из Москвы. В свежее утро раннего лета, среди молодых розовых гор Калифорнии, шагал Михаил к далеким лимонным рощам и цветочным полям Риверсайда.

Кирпичников чувствовал в себе сердце, в сердце был напор крови, а в крови — надежда на будущее, — на сотни счастливых советских лет, напоенных благотворным газом роз и накормленных эфирным железом.

И Михаил спешил среди ферм, обгоняя мощные стада, сквозь веселый белый бред весенних вишневых садов. Калифорния немного напоминала Украину, где Кирпичников бывал мальчиком, но народ был сплошь здоровый, рослый и румяный, а коричневые обнажения древних горных пород напоминали Кирпичникову, что родина его далеко и что там сейчас, наверное, грустно.

И, свирепея, отчаиваясь, завидуя, упираясь в твердые ноги, Кирпичников почти бежал, спеша достигнуть таинственный Риверсайд, где сотни десятин под розами, где из нежного тела беззащитного цветка выгоняется тончайшая драгоценная влага и где, быть может, работает возбудитель того рефлекса, который выведет его на эфирный тракт.

Четверо суток шел Михаил. Он немного заблудился и дал круг километров в пятьдесят.

Наконец он достиг города Риверсайда. В городе было всего домов тысячу; но улицы, электричество, газ, вода — все было удобно обдуманно и устроено, как в лучшей столице.

У околицы города висела вывеска: «Путник, только у Глэн-Бабкока, в гостинице “Четырех стран света”, высосут пыль из твоей одежды (вакуум-пыпитры), предложат влагу лучших источников Риверсайда, накормят стерилизованной пищей, почти не дающей несваренных остатков, и уложат в постель с электрическими грелками и рентгенокомпрессором, изгоняющим тяжелые сновидения».

Кирпичников немного понимал по-английски и теперь развлекался этими надписями.

«Американцы! В Вашингтоне — ваша мудрость! В Нью-Йорке — слава! В Чикаго — кухня! В Риверсайде — ваша красота! Американцы, вы должны быть настолько красивы, насколько энергичны и богаты: заказывайте тоннами пудру “Ривергрэн”!»

«В Фриско наши корабли, в Риверсайде — наши женщины! Американки, объясните мужьям — нашей стране нужны не только броненосцы, но и цветы! Американки, записывайтесь в Добровольную Ассоциацию Поощрения Национального Цветоводства: Риверсайд, I, A/34».

«Масло розы — основа богатства нашего округа! Масло розы — основа здоровья нации! Американцы, уснащайте ваши мужественные тела эссенцией розы — и вы не потеряете мужества до ста лет!»

«В Азии — Месопотамия, но без рая! В Америке — Риверсайд, но в раю!

Элементы нашего национального рая, суть:

Пицца — Жилище — Влага: Глэн-Бабкок;

Одежда — Красота — Мораль: Кацманзон;

Искусство — Рассуждение — Религия — Пути Поведения — Вечная Слава: универсальное блок-предприятие Звездного Треста; Вечный покой: Анонимная Компания “Урна”;

Эксплуатация времени в целях смеха и развлечения: изолированная обитель “Древо Евы”; Препараты “Антисексус”: Беркман, Шотлуа и С^н».

«Ходят только в башмаках Скрэга, в остальной обуви ползают!»

«Приведи в действие тормаз опасности! Стоп! Дальше — конец света! Зайди в наш дом “Сотворение мира”!»

«Джентльмены! Танец творит человека — творите себя: танцзала напротив! Маэстро Майнрити: стаж 50 лет в странах Европы».

«Помолись! Каждый обречен на смерть! Встреча с Богом неминуема! Что ты скажешь ему? Зайди в Дом Абсолютной Религии! Вход бесплатный. Хор юных девушек зафиксированного целомудрия! Оживленная статуя Истинного Бога! Мистические процедуры, стихи, музыка нерожденных душ, ароматное помещение! Кино религиозными методами иллюстрирует современность, пастор Фокс доказывает соответствие Истории и Библии! Посетившему гарантируется стерилизация души и возвращение перводушевности!»

«Звездное Знамя есть Знамя Небесного Бога! Аллилуйя!»

«Наклони голову: тебя ждут обувные автоматы и препараты против пота!»

«Главное в жизни — Пицца! И — наоборот! Усовершенствованные экскрементарии в каждом квартале Риверсайда ждут тебя! Осознай желудок!»

«Аэропланы в розницу с бесплатной упаковкой: Эптон Гаген».

Кирпичников хохотал. Он читал где-то, что американцы по развитию мозга — 12-летние мальчики. Судя по Риверсайду, это была точная правда.

Работу себе нашел Кирпичников через четыре дня: машинистом на насосной станции, поднимающей воду из реки Квебека в лимонные сады. На заводе розовых масел работы не было и не предвиделось. Кирпичников решил обождать.

Прошел монотонный месяц. Кругом жили глупые люди: работа, еда, сон, ежевечернее развлечение, абсолютная вера в бога и в мировое первенство своего народа! Очень любопытно! Кирпичников наблюдал, молчал и терпел, друзей никаких не имел.

Адреса своего Кирпичников дома не оставил, записки тоже, однако то, что он отправился в Америку, на родине было известно. Кирпичников, как всегда, внимательно читал газеты и однажды увидел в «Чикагском ораторе» следующее объявление:

«Мария Кирпичникова просит своего бывшего мужа Михаила Кирпичникова вернуться на родину, если ему дорога жизнь жены. Через три месяца Кирпичников жену в живых не застанет. Это не угроза, а просьба и предупреждение. Эфирный тракт открыт древними обитателями тундры».

Кирпичников вскочил, бросился к машине и закрыл клапан паропровода. Машина остановилась.

Сейчас же зазвонил телефон:

— Алло! В чем дело, механик?

— Посылайте смену до срока! Ухожу!

— Алло! В чем дело? Куда уходите? Что за шутки дьявола? Пустите сейчас же насос, иначе взыщем убытки! Алло, вы слушаете? Достаточно ли у вас долларов для уплаты штрафа? Я звоню полиции!

— Убирайся к черту, двенадцатилетний дурак! Я предупредил — я ухожу без расчета!

Кирпичников выбежал по мостику с плавучего понтона, на котором помещалась установка, и пустился по долине Квебека на запад, не успевая думать. Солнце жалило зноем, горизонт закрыт горами, подошвы которых устланы тучными плантациями, и жаль было, что великолепные плоды земли превращались, в конечном счете, в темную глупость и бессмысленное наслаждение человека.

XIII

Снова пошли дни, мучительные поиски заработка, тысячи затруднений и приключений. Описание даже обычного дня человека

заняло бы целый том, описание дня Кирпичникова — четыре тома. Жизнь — в работе молекул; никто еще не уяснил себе, ценою каких трагедий и катастроф согласуется бытие молекул в теле человека и создается симфония дыхания, сердцебиения и размышления. Это неизвестно. Потребуется изобретение нового научного метода, чтобы его заостренным инструментом просверлить скважины в пучинах нутра человека и посмотреть, какая там страшная работа.

Снова океан. Но Кирпичников уже не кочегар на судне, а пассажир. В Нью-Йорке он попал в мертвую хватку голода. Работы не было, и он вышел из бедствия лишь случайно. Еще в студенческие годы он изобрел однажды точный регулятор напряжения электрического тока. После недельной сплошной голодовки он начал обходить тресты и предприятия с предложением своего изобретения.

Наконец Западная индустриальная компания купила у него проект регулятора. Однако его заставили изготовить рабочие чертежи всех деталей. Кирпичников просидел над этим делом два месяца и получил всего двести долларов. Это его спасло.

Вез его океанский пароход «Гамбург — Америка» линии со средней скоростью шестьдесят километров в час. Кирпичников знал свою жену и был уверен, что, если он не поспет к сроку домой — она будет мертвой. Самоубийства он не допускал, но что же это будет? Он слышал, что в старину люди умирали от любви. Теперь это достойно лишь улыбки. Неужели его твердая, смелая, радующаяся всякой чепухе жизни Мария способна умереть от любви? От старинной традиции не умирают, тогда отчего же она погибнет?

Размышляя и томясь, Кирпичников блуждал по палубе «Калифорнии». Он заметил прожектор далекого встречного корабля и остановился.

«А чем, в сущности, плохо умереть от любви? Разве лучше погибнуть от старости, — от того, что в тебе слишком много развелось смертоносных микробов, а живоносные устали? Нет, любовь великодушней фагоцитов и сильнее их, она бьет насмерть молодость, а старика немудрено уложить!»

Вдруг сразу похолодало на палубе — начал бить страшный северный ветер, потом на судно нахлобучилась водяная глыба и в один миг сшибла с палуб и людей, и вещи, и судовые принадлежности. Судно дало крен почти в 45° к зеркалу океана. Кирпичников уцелел случайно, попав ногой в люк.

Ветер и вода гремели и выли, густо перемешавшись, разрушая судно, атмосферу и океан.

Стоял шум гибели и жалкий визг предсмертного отчаяния. Женщины хватили ноги мужчин и молили о помощи. Мужчины их били кулаками по голове и спасались сами.

Катастрофа наступила мгновенно, и, несмотря на высокую дисциплину и мужество команды, ничего существенного по спасению людей и судна сделать было нельзя.

Кирпичникова сразу поразила не сама буря и мертвая стена воды, а мгновенность их нашествия. За полминуты до них океан имел штиль и все горизонты были открыты.

Пароход заревел всеми гудками, радио заискрило тревогу, началось спасение смытых пассажиров. Но вдруг буря затихла, и судно мирно закачалось, нащупывая равновесие.

Горизонт открылся, в километре шел европейский пароход, сияя прожекторами и спеша на помощь.

Мокрый Кирпичников суетился у катера, налаживая отказывающийся работать мотор. Он не вполне сознавал, как попал к катеру. Но катер необходимо спустить немедленно: в воде захлебывались сотни людей. Через минуту мотор заработал: Кирпичников зачистил его окислившиеся контакты — в этом была вся причина.

Кирпичников влез в кабину катера и крикнул: отдавай блоки!

В эту минуту непроницаемый едкий газ затянул все судно, и Кирпичников не мог увидеть своей руки. И сейчас же он увидел падающее, одичалое, нестерпимо сияющее солнце и сквозь треск своего рвущегося мозга услышал на мгновение неясную, как звон Млечного Пути, песню и пожалел о краткости ее.

XIV

Правительственное сообщение, помещенное в газете «Нью-Йорк Таймс».

«В 11 час. 15 мин. 24/IX с. г. под 35° 11' северной широты и 62° 4' восточной долготы затонули американское пассажирское судно «Калифорния» (8485 человек, считая команду) и германское судно «Клара» (6841 чел. с командой), шедшее на помощь первому. Точные причины не выяснены. Надлежащее следствие ведется обоими правительствами. Спасенных и свидетелей катастрофы нет. Однако главную причину гибели обоих судов следует считать точно установленной: на «Калифонию» вертикально упал болид гигантских размеров. Этот болид увлек корабль на дно океана; образовавшаяся воронка засосала также и «Клару».

По мере хода следствия и подводных изысканий, публика будет своевременно и полностью информирована».

Сообщение было перепечатано во всех газетах мира. Наибольшее страдание оно доставило не сиротам, не невестам, не женам и родственникам погибших, а Исааку Матиссену, директору кочуба-

ровской опытно-мелиоративной станции, близ поселения Волошино, Воронежского округа, Центрально-Черноземной области.

— Ну, что, голова! Достиг вселенской мощи — наслаждайся теперь победой! — шептал Матиссен самому себе с тем полным спокойствием, которое соответствует смертельному страданию. И только пальцами он зря крошил хлеб, скатывал ядрышки и сшибал их щелчками со стола на пол.

— Ведь, по сути и справедливости, я ничего и не достиг. Я только испытал новый способ управления миром и совсем не знал, что случится! — Матиссен встал, вышел на ночной двор и крикнул собаку: — Волчок! Эх, ты, тварь кобелястая! — Матиссен погладил подбежавшую собаку. — Верно, Волчок, что сердце наше — это болезнь? А? Верно ведь, что сантиментальность — гибель мысли? Ну, конечно, так! Разрубим это противоречие в пользу головы и пойдем спать!

Матиссен закричал через забор в открытое поле, пугая невидимых, но возможных врагов, Волчок заскулил — и оба разошлись спать.

Хутор затих. Тихо шептала речонка в долине, подвигая свои воды к далекому океану, и в Кочубарове-селе отсекал исходящий газ двигатель электростанции. Там люди глубоко спали, не имея родственников ни на «Калифорнии», ни на «Кларе».

Матиссен тоже спал — с помертвелым лицом, оловянным утихим сердцем и распахнутым зловонным ртом. Он никогда не заботился ни о гигиене, ни о здоровье своей личности.

Проснулся Матиссен на заре. В Кочубарове чуть слышно пели петухи. Он почувствовал, что ему ничего не жалко: значит, окончательно умерло сердце. И в ту же минуту он понял, что ему ничто не интересно и то, чего он добился, — не нужно ему самому. Он узнал, что сила сердца питает мозг, а мертвое сердце умерщвляет ум.

В дверь постучался ранний гость. Вошел знакомый крестьянин Петропавлушкин.

— Я к вам от нашей коммуны пришел, Исаак Григорьевич! Вы не обижайтесь, я сам по званию и по науке помощник агронома и суеверия не имею!..

— Говори короче, в чем твое дело? — подогнал его Матиссен.

— Наше дело в том, что вы слово особое знаете и им пользу большую можете делать. Мы же знаем, как от вашей думы машины начинают работать...

— Ну, и что же?

— Нельзя ли, чтобы вы такую думу подумали, чтоб поля круче хлеб рожали...

— Не могу, — перебил Матиссен, — но, может быть, открою, тогда помогу вам. Вот камень с неба могу бросить на твою голову!..

— Это ни к чему, Исаак Григорьевич! А ежели камень можете, то почва ближе неба...

— Дело не в том, что почва ближе...

— Исаак Григорьевич, а я вот читал — корабли в океане утонули, тоже от небесного камня. Это не вы американцев удружили?

— Я, товарищ Петропавлушкин! — ответил Матиссен, не придавая ничему значения.

— Напрасно, Исаак Григорьевич! Дело не мое, а полагаю, что напрасно!

— Сам знаю, что напрасно, Петропавлушкин! Да что же делать-то? Были цари, генералы, помещики, буржуи были, помнишь? А теперь новая власть объявилась — ученые. Злое место пустым не бывает!

— А я того не скажу, Исаак Григорьевич! Если ученье со смыслом да с добросердечностью сложить, то, я полагаю, и в пустыне цветы засияют, а злая наука и живые нивы песком закидает!

— Нет, Петропавлушкин, чем больше наука, тем больше ее надо испытывать. А чтоб мою науку проверить, нужно целый мир замучить. Вот где злая сила знания! Сначала уродую, а потом лечу. А может быть, лучше не уродовать, тогда и лекарства не нужно будет...

— Да разве одна наука уродует, Исаак Григорьевич? Это пустое. Жизнь глупая увечит людей, а наука лечит!

— Ну, хотя бы так, Петропавлушкин! — оживился Матиссен. — Пускай так! А я вот знаю, как камни с неба на землю валить, знаю еще кое-что, похуже этого! Так что же меня заставит не делать этого? Я весь мир могу запугать, а потом овладею им и воссяду всемирным императором! А не то — всех перекрошу и пушу газом!

— А совесть, Исаак Григорьевич, а общественный инстинкт? А ум ваш где же? Без людей вы тоже далеко не уплывете, да и в науке вам все люди помогали! Не сами же вы родились и разузнали сразу все!

— Э, Петропавлушкин, на это можно высморкаться! А ежели я такой злой человек?

— Злые умными не бывают, Исаак Григорьевич!

— А, по-моему, весь ум — зло! Весь труд — зло! И ум, и труд требуют действия и ненависти, а от добра жалеть да плакать хочется...

— Несправедливо вы говорите, Исаак Григорьевич! Я так непривычен, у меня аж в голове шумит!.. Так, наша коммуна просит помощи, Исаак Григорьевич! Очень земля истощена, никакой фосфат уже не утучняет. Вам думу почве передать не трудно, а нам жизнь от этого! Уж вы пожалуйста, Исаак Григорьевич! Вон как

преlestно у вас: подошел, подумал что следует — и машина воду сама погнала! Так бы и нам материнство в почву дать! До свиданья пока!

— Ладно. Прощай! — ответил Исаак Григорьевич.

«А этот человек умен, — подумал Матиссен, — он почти убедил меня, что я вырощен!»

Затем Матиссен окончательно оделся и перешел в другую комнату. В ней стоял плоский и низкий стол, размером 4×2 метра. На столе помещались приборы. Матиссен подошел к самому маленькому аппарату. Он включил в него ток от аккумуляторов и лег на пол. Сейчас же он потерял ясное сознание, и его начали терзать гибельные кошмары почти смертельной мощи и почти физически разрушающие мозг. Кровь переполнялась ядами и зачерняла сосуды; все здоровье Матиссена, все скрытые силы организма, все средства его самозащиты были мобилизованы и боролись с ядами, приносимыми кровью, обращающейся в мозг. А сам мозг лежал почти беззащитным под ударами электромагнитных волн, бьющих из аппарата на столе.

Эти волны возбуждали особые мысли в мозгу Матиссена, а мысли стреляли в космос сферическими электромагнитными бомбами. Они попадали где-то, может быть в глуши Млечного Пути, в сердце планет и расстраивали их пульс, — и планеты сворачивали с орбит и гибли, падая и забываясь, как пьяные бродяги.

Мозг Матиссена был таинственной машиной, которая пучинам космоса давала новый монтаж, а аппарат на столе приводил этот мозг в действие. Обычные мысли человека, обычное движение мозга бессильны влиять на мир, для этого нужны вихри мозговых частиц, — тогда мировое вещество сотрясает буря.

Матиссен не знал, когда начинал опыт, что случится на земле или на небе от его нового штурма. Тем чудесным и неповторимым строением электромагнитной волны, которую испускал его мозг, он еще не научился управлять. А именно в особом строении волны и был весь секрет ее могущества; именно это било мировую материю по самому нежному месту, и от боли она сдавалась. И такие сложные волны мог давать только живой мозг человека, лишь при содействии мертвого аппарата.

Через час особые часы должны прервать ток, питающий мозговой возбуждательный аппарат на столе, и опыт прекратится.

Но часы остановились: их забыл завести Матиссен перед началом опыта. Ток неумоимо питал аппарат, и аппарат тихо гудел в своем труде.

Прошло два часа. Тело Матиссена таяло пропорционально квадрату количества времени. Кровь из мозга поступала сплошной лавой трупов красных шариков. Равновесие в теле нарушилось.

Разрушение брало верх над восстановлением. Последний невероятный кошмар вонзился в живую ткань мозга Матиссена, и милосердная кровь погасила последний образ и последнее страдание. Черная кровь бурей ворвалась в мозг через разорванную вену и затормозила пульсирующее боевое сердце. Но последний образ Матиссена был полон человечности: перед ним встала живая измученная мать, из глаз ее лилась кровь, и она жаловалась сыну на свое мучение.

В девять часов утра Матиссен лежал мертвым — с открытыми белыми глазами, с руками, въевшимися ногтями в пол в свирепом иступлении.

Аппарат усердно гудел и остановился только к вечеру, когда иссякла энергия в аккумуляторе.

Весь день мимо дома Матиссена бежали упряжки лошадей и полутонные грузовики — возить отаву с лугов, заготавливать впрок корм скоту.

Петропавлушкин водил автомобиль-грузовичок, улыбался мировому пространству в полях и успокоительно думал о пользе добросердечной науки, коей он сам немалый соучастник.

XV

Через 2 дня «Известия» в отделе «Со всего света» напечатали информацию Главной астрономической обсерватории.

«В созвездии Гончих Псов при ясном небе вторые сутки не обнаруживается альфа-звезда.

В Млечном Пути на 4-й дистанции (9-й сектор) образовалось пустое пространство — разрыв. Его земной угол = $4^{\circ} 71'$. Созвездие Геркулеса несколько смещено, вследствие чего вся солнечная система должна изменить направление своего полета. Столь странные явления, нарушившие вековое строение неба, указывают на относительную хрупкость и непрочность самого космоса. Обсерваторией ведутся усиленные наблюдения, направленные к отысканию причин этих аномалий».

В дополнение к этому обещалась беседа в ближайшем номере с академиком Ветманом. Из других телеграмм с 1/4 земного шара (тогдашние размеры СССР) не явствовало, чтобы земля потерпела что-либо существенное от звездных катастроф, исключая петитную информацию с Камчатки:

«На горы село небольшое небесное тело, около 10 километров в поперечнике. Строение его неизвестно. Форма — сфероид. Тело прилетело с небольшой скоростью и плавно приземлилось к вершинам гор. В бинокли видны огромные кристаллы на его поверхности».

сти. Местным Обществом Любителей Природоведения снаряжена экспедиция для предварительного изучения опустившегося тела. Но экспедиция не может дать быстрых результатов: горы почти неприступны. Из Владивостока затребованы аэропланы. Сегодня в направлении небесного тела пролетела небольшая эскадрилья японских аэропланов».

На следующий день эта заметка превратилась в сенсацию и странному событию была посвящена статья в 300 строк академика Ветмана.

В тот же день «Беднота» сообщила о смерти инженера-агронома Матиссена, известного в кругах специалистов работника по оптимальному режиму влаги в почве.

И только помощнику агронома в Кочубарове Петропавлушкину, выписывавшему «Известия» и «Бедноту», пришла в голову нечаянная мысль о связи трех заметок: Матиссен умер — на Камчатские горы села планетка — одна звезда пропала, и лопнул Млечный Путь. Но кто поверит такому деревенскому бреду?

Хоронили Матиссена торжественно. Почти вся Кочубаровская сельскохозяйственная коммуна шла за его трупом. Земледелец издревле любит странников и чудородных людей. А молчаливый одинокий Матиссен был из таких — это явно чувствовали в нем все. Последний ободок волос на лысом черепе Матиссена осыпался, когда гроб резко толкнули неловкие руки. Это удивило всех крестьян, и к мертвому Матиссену прониклись еще большей жалостью и уважением.

Похороны Матиссена совпали с концом работ подводной экспедиции, отправленной правительствами Америки и Германии для отыскания затонувших «Калифорнии» и «Клары».

Снимаясь с места катастрофы, экспедиция отправила радио в Нью-Йорк и Берлин:

«Считать установленным точной разведкой — живая сила болида была титанически велика: “Калифорния” и “Клара” загнаны болидом глубоко в дно океана, и сам болид утонул в недрах океанического ложа. В месте катастрофы образовалась впадина диаметром в сорок километров, с наибольшей глубиной, считая от прежнего уровня дна, в 2,55 километра. Только подводное бурение может указать глубину залегания всех трех тел — “Калифорнии”, “Клары” и самого болида. Надо ожидать сильной деформации изыскиваемых предметов».

В ответ на это оба правительства телеграфировали: «Бурите дно океана. Соответствующие кредиты открыты».

Экспедиция послала одно из своих судов за добавочным оборудованием для буровых подводных работ, а через две недели начала бурение.

Петропавлушкин был селькором «Бедноты». Наука держала мир в панике сенсаций. Каждый день манифесты ее открытий занимали половину ежедневной прессы. Было время: веселился воин, потом торжествовал богач, а теперь настало время ученого героя и ликующего знания. В науке поместилось ведущее начало Истории.

В стороне от науки стоять не было терпения, и Петропавлушкин написал в «Бедноту» корреспонденцию, которая должна дать ему внутреннее удовлетворение соучастника всемирной науки.

Девять дней его терзала догадка, потом она превратилась в теплое убеждение, греющее мозг.

Корреспонденция называлась «Битва человека со всем миром»:

«Ученый инженер и агроном Исаак Григорьевич Матиссен, что умер на днях, как то известно читателям, изобрел такие мысли, что они сами по себе могли кидать метеоры на землю. Перед смертью, когда тело его было горячо, Исаак Григорьевич говорил мне, что он и не то будет еще делать. Американский корабль утонул тоже по его власти. А я ему отсоветовал так отягощаться бедой. Но он насмеялся над здравым смыслом полунаучного человека (я имею степень помощника агронома по полеводству). И вот я уверился, что Млечный Путь лопнул от мыслей Исаака Григорьевича. Смешно говорить, но он умер от такого усилия. У него жилы лопнули в голове, и произошло кровоизлияние. Кроме Млечного Пути, Исаак Григорьевич навеки испортил одну звезду и совлек солнце с землю с их спокойного гладкого пути. От этого же, я так думаю, и какая-то планета отчего-то прилетела на Камчатские полуострова.

Но дело прошлое. Теперь Исаак Григорьевич умер и только зря поломал мировое благонадежное устройство. А мог бы он и добро делать, только не захотел отчего-то, и умер.

Я освещаю этот мировой факт и требую к нему доверия, потому что я очевидец всему. Доказательство тому — мой предварительный разговор с Исааком Григорьевичем перед его уединенной смертью.

Разгадка теперь дана всем малосведущим, и факт стал фактом во всеуслышание.

Долой злые тайны и да здравствует сердечная наука!

Селькор и помощник участкового агронома по полеводственной дисциплине Петропавлушкин».

В редакции «Бедноты» посмеялись над таким доносом на мертвого и написали товарищу Петропавлушкину теплое письмо, полное разубеждения, пообещав прислать ему такие книги, которые его сразу вылечат от идеалистического сумбура.

Петропавлушкин обиделся и перестал писать корреспонденции. Потом одумался, разозлился и написал открытку:

«Граждане! Редакторы-издатели! Полуученый человек сообщил вам факт, а вы не поверили, будто я совсем не ученый. Прошу опомниться и поверить хоть на сутки, что мысль не идеализм, а твердое могучее вещество. А все мироздания с виду прочны, а сами на волосках держатся. Никто волоски не рвет, они и целы. А вещество мысли толкнуло, все и порвалось. Так о чем же речь и насмешные фактов? Вселенский мир это вам не бумажная газета. Остаюсь с упреком

— быв. селькор Петропавлушкин».

XVI

Мария Александровна Кирпичникова прочитала в списке погибших на «Калифорнии» имя своего мужа. Она знала, что он к ней вернется, теперь узнала, что его нет на свете.

Она его не видела 12 месяцев, а теперь не увидит никогда.

— Кончена жизнь! — вслух сказала она и подошла окну.

— Что, мама? — спросил пятилетний сын, возившийся с кошкой.

— Лето кончается, сынок! Видишь, падают листья на улице!

— А отчего ты плачешь? Папа не приедет?

— Приедет, милый!..

— Тебе жалко его? Ты ему большую книжку купила?

— А ты забыл свое стихотворение? Ну-ка, повтори!

Мальчик поднялся с пола и единым духом выговорил, боясь остановиться и забыть:

Рыжий шофер очень важен,
Ахтобузик он ведет.
Ехать быстро очень страшно;
Дядя денежки берет.
По Лубянке к Театралке
Мчится громко ахтобуз.
Нам людей давить не жалко:
Незнакома пионерам грусть!

Мальчик говорил важно и про себя думал, что он шофер. Мать его начала обнимать и уговаривать лечь поспать, чтобы не быть вечером дохлым. Мальчик сопротивлялся и сам ласкал мать, жадно и сознательно, как взрослый.

— Ляжь, поспи, мальчик! Папа скорей приедет!

— Не ври, мамка! Сколько раз спал, а он все не едет!

— Ну ты так ляжь-полежи! А то к бабушке отправлю, как Левочку, скучать по мне будешь! Поедешь к бабушке?

— Не поеду я!

— Почему?

— Мне там скучно будет, а без меня папа придет!

И все же мальчик улегся спать — мать знает, как это сделать. Мария Александровна посмотрела на ребенка — лицо его стало мирным и необыкновенным, вызывающим жалость и новые силы любви. Кажется, пусть только проснется он — и все станет новым, и мать никогда его не обидит. Но это был только милый обман образа спящего беззащитного ребенка: просыпался мальчик снова маленьким бандитом и изувером, и даже мебель от него уставала.

Оставшись в покое, Мария Александровна решила неуклонно жить. Но она понимала, что теперь всю энергию своего сознания она должна бросить на то, чтобы урегулировать свое плачущее любящее сердце. И только тогда она устоит на ногах, иначе можно умереть во сне.

Спать она боялась ложиться: отдыхающий беззащитный мозг могут растерзать дикие образы ее неутомимого несчастья. Она знала, что в спящем человеке разводятся страшные образы, как сорняки в некультурных заброшенных полях.

И грядущая ночь ей была непостижимо страшна.

Как женщина, как человек, она хотела бы иметь горсть пепла от праха своего мужа. Отвлеченная могила под дном океана не давала веры в настоящую смерть, но темным инстинктом она была убеждена, что Михаил уже не дышит воздухом земли.

Спящий Егорушка до привидения напоминал ей мужа. Отсутствовали только морщины и складки утомления у рта.

Мария Александровна не совсем понимала мужа: ей непонятна была цель его ухода из дома. Она не верила, что живой человек теплое достоверное счастье может променять на пустынный холод отвлеченной одинокой идеи. Она думала, что человек ищет только человека, и не знала, что путь к человеку может лежать через стужу дикого пространства. Мария Александровна предполагала, что людей разделяют лишь несколько шагов.

Но ушел Михаил, а потом умер в далеком плавании, ища драгоценность своей затаенной мысли. Мария Александровна, конечно, знала, чего ищет ее муж. Она понимала смысл изобретения размножения материи. И в этой области хотела помочь мужу. Она купила ему десять экземпляров большого труда — перевод символов только что найденной в тундре книги, изданной под именем «Генерального Сочинения». В Аюнии, вероятно, сильно было развито чтение: этому способствовала тьма восьмимесячной ночи и уединенность жизни аюнитов.

При строительстве второго вертикального термического туннеля, когда Кирпичников уже пропал, строители обнаружили четыре гранитных плиты с символами на них, исполненные крупным рельефом. Символы были того же начертания, что и в ранее най-

денной книге «Песни Аюны», поэтому легко поддались переложению на современный язык.

Плиты-писанцы, вероятно, были памятником и завещанием философа-аюнита, но в них содержались мысли на сокровенное содержание природы. Мария Александровна исчитала всю книгу и нашла ясные намеки на то, что искал ее муж по всей пустой земле. Далекий мертвый человек давал помощь ее мужу, ученому и бродяге, давал помощь счастью женщины и матери.

И вот тогда Мария Александровна дала объявление в пять американских газет.

Она изучила на память нужные места в «Генеральном Сочинении», боясь утратить как-нибудь книги и не встретить Михаила с наилучшей для него радостью.

«Лишь живое познается живым, — писал аюнит, — мертвое непостижимо. Неимоверное нельзя измерить достоверным. Именно поему мы познали отчетливо такое далекое, как аэны (соответствует электронам, — *примеч. переводчиков и излагателей*) и нам осталось мало известным такое близкое, как мамарва (соответствует материи, — *прим. переводчиков и излагателей*). Это потому, что первое живет, как ты живешь, а второе — мертво, как Муйя (неизвестный образ, — *прим. переводч. и изл.*). Когда аэны шевелились в пройе (соответст. атому, — *прим. пер. и излагателей*), сначала мы видели в этом механическую силу, а потом с радостью открыли в аэнах жизнь. Но центр пройи, полный мамарвы, был веками загадкой, пока мой сын достоверно не показал, что центр пройи состоит из тех же аэнов, только мертвых. И, мертвые, они служат пищей живым. Стоило сыну моему извлечь из пройи ее середину, как все живые аэны погибли от голода. Так вышло, что центр пройи есть амбар пищи для живых аэнов, пасущихся вокруг этой обители трупов своих предков, чтобы пожирать их. Так просто и сияюще истинно была открыта природа всей мамарвы. Вечная память моему сыну! Вечная скорбь его имени! Вечное почитание его утомленно-мому образу!»

Это Мария Александровна знала наизусть, как ее сын стихотворение про рыжего важного шофера.

Остальная часть «Генерального Сочинения» содержала учение об истории аюнитов — о ее начале и близком конце, когда аюниты найдут свой зенит во времени и в природе, когда все три силы — народ аюнитов, время и природа — придут в гармоническое соотношение и их бытие втроем зазвучит как симфония.

Это Марию Александровну мало интересовало. Она искала равновесие своего личного счастья и не вполне осваивала откровения неведомого аюнита.

И только последние страницы книги заставили ее вздрогнуть и забытья в удивленном внимании.

«...Ныне это так же стало возможным, как было в эпоху детства моей родины. Тогда возмутились пучины Материнского Океана (Северного Ледовитого, — *прим. ред.*), и Океан начал заливать нашу землю жесткой мерзлой водой, перемешанной с глыбами льда. Вода ушла, а льды остались. Они долго ползли по холмам нашей просторной земли, пока не стерли их и наша родина не превратилась в бесплодную равнину. Лучшие плодородные почвы на холмах были срезаны льдом, и народ остался в голодном поле. Но беда лучший наставник, а катастрофа народа — организатор его, если еще не обеспокоена его кровь долгой жизнью на земле. Так и тогда: льды разрушили плодоносную землю, лишили наших предков питания и размножения, и гибель сгустилась над головою народа. Горячий поток в океане, отапливавший страну, начал удаляться на север, и стужа завывала над той землей, где цвели сумрачные аргоны. На севере нас сторожил хаос мертвых льдов, на юге лес, набитый темною тучей мощных зверей, наполненный свистом мрачных гадов и пересеченный целыми реками яда зундры (испражнения гигантских змей, — *примечание редактора*). Народ аюны, народ мужества и чувства уважения к своей судьбе, начал себя умерщвлять, закапывая свои книги — высший дар аюны — в землю, оковав их золотом, пропитав листы составом веньи, дабы они могли уцелеть вечность и не сгнить.

Когда половина народа была покорена смертью и лежала трупами, явился Эйя — хранитель книг — и пошел бродить по опустевшим дорогам и замолкающим жилищам. Он говорил: у нас отнято материнство почвы, погасает теплота воздуха, лед скребет нашу родину и горе тушит мудрость ума и мужество. У нас остался только свет солнца. Я сделал аппарат — вот он! Страдание научило меня терпению, и дикие годы отчаяния народа я сумел плодотворно использовать. Свет — сила терзаемой мамарвы (изменяющейся матери, — *прим. редак.*), свет — стихия аэнов; мощь аэнов сокрушительна. Мой аппарат превращает потоки солнечных аэнов в тепло. И не только свет солнца, но и луны и звезд я могу своей простой машиной превратить в тепло. Я могу получить огромное количество тепла, которым можно расплавить горы. Нам теперь не нужен теплый поток океана, чтобы греть нашу землю!

Так Эйя стал водителем жизни и началом новой истории аюны. Его аппарат, состоявший из сложных зеркал, преобразующих свет неба в тепло и в живую силу металла (вероятно, электричество, — *прим. редак.*) и поныне служит источником народной жизни и довольства.

Равнины родины расцвели, и родились новые дети. Прошел эн (очень длительный промежуток времени, — *прим. редак.*).

Организм человека был исчерпан. Даже молодой мужчина не мог производить семени, даже сильнейший разум перестал рождать мысль. Долины родины покрылись сумраком последнего отчаяния — человек дошел до предела в самом себе — аюна, солнце нашего сердца, закатывалась навсегда. Перед этим льды были ничто, холод — ничто, смерть — ничто. Человек питался одним презрением к себе. Он не мог ни любить, ни мыслить, и даже не мог страдать. Источники жизни иссякли в недрах тела, потому что они были выпиты. У нас были горы пищи, дворцы уюта и кристаллические книгохранилища. Но не было больше судьбы, не стало живости и жара в теле, и затмились надежды. Человек — рудник, но руда была выработана вся, остались пустынные шахты.

Хорошо погибнуть на крепком корабле в диком океане, но плохо насмерть захлебнуться пищей.

Так было долго. Целое поколение не познало молодости.

Тогда мой сын Рийго нашел исход. Чего не могло дать естество, то дало искусство. Он сохранил остатки живого мозга в себе и сказал нам, что судьба наша кончается, но еще можно открыть ей двери, — нас ждет ясный день. Решение было просто: электромагнитное русло. (В подлиннике: труба для живой силы металла, — *прим. ред.*) Рийго провел из пространства пищепровод к аэнам нашего мрачного тела, пустил по этому пищепроводу потоки мертвых аэнов (соответствует эфиру, — *прим. редак.*) и аэны нашего тела, получив избыток пищи, ожили. Так были воскрешены наш мозг, наше сердце, наша любовь к женщине и наша аюна. Но больше того: дети росли скорее в два раза, и жизнь в них пульсировала, как сильнейшая машина. Все остальное — сознание, чувство и любовь — выросло в страшные стихии и напугало отцов. История перестала шествовать и начала мчаться. И ветер судьбы бил нас в незащищенное лицо великими новостями мысли и поступков.

Изобретение моего сына, как все замечательное, имеет серое лицо. Рийго взял два центра пройи, наполненные трупами аэнов, и поместил в одну пройю. Тогда живые аэны пройи стали быстро размножаться, и вся пройя выросла в пять раз в десять дней. Причина видна и невзрачна: аэны стали больше питаться, потому что запас их пищи увеличился в два раза.

Так Рийго развел целые колонии сытых, быстрорастущих, неимоверно множащихся аэнов. Тогда он взял обыкновенное тело — кусок железа — и мимо него, лишь касаясь железа, начал излучать в направлении звезд поток сытых аэнов, разведенных в колониях. Сытые аэны не перехватывали для пищи трупы своих предков (то есть эфир, — *примечание редактора*), и они свободно текли к куску

железа, где их ждали голодные азны. И железо начало расти на глазах людей, как растение из земли, как ребенок в животе матери.

Так искусство моего сына оживило человека и начало выращивать вещество.

Но победа всегда подготавливает поражение.

Искусственно откормленные азны, имея более сильное тело, стали нападать на живых, но естественных азнов и пожирать их. А так как при всяком превращении вещества есть неустрашимые потери, то пожранный маленький азн не увеличивал тела большого азна настолько, сколько имел сам, когда был живой. Так вещество то там, то здесь — всюду, куда попадали откормленные азны (электроны, дальше пользуемся этим современным термином, — *прим. ред.*), начало уменьшаться. Искусство Рийго не смогло сделать пищепровод для всей земли, и вещество таяло. Только там, куда был проложен тракт потока трупов электронов (эфирный тракт, — *прим. ред.*), вещество росло. Эфирными трактами были снабжены люди, почва и главнейшие вещества для нашей жизни. Все остальное уменьшалось в своих размерах, вещество сгорало, мы жили за счет разрушения планеты.

Рийго исчез из дома. В Материнском Океане начала пропадать вода. Рийго знал причину исчезновения влаги и вышел встречать противника. Однажды откормленное и воспитанное им племя электронов, работой времени и естественным отбором, достигло того, что каждый электрон равнялся облаку по объему тела.

В неистовой свирепости шли тучи электронов из недр Материнского Океана, колыхаясь, как горы при землетрясении, дыша, как могучие ветры. Аюна будет выпита ими, как обычная вода! Рийго пал. Нельзя вытерпеть взгляда электрона. Гнусна будет смерть от ужаса, но нет спасения больше аюне. Рийго давно пал в безвестности, как камень в колодезь. Слишком медленно идут эти космические звери. Но слишком быстро прошли они путь от частички прои до живой горы. Я думаю, они тонут в земле, как в твое, потому что тело их тяжелее свинца. Наверное, Рийго пал не зря, а имея решение и способ победить неизвестные элементарные тела. В быстром росте, в бешеном действии естественного отбора — сила электрона. В этом и слабость их, потому что ясно указывает на предельную простоту их психики и физиологической организации, а стало быть, обнаруживает незащитное, уязвимое место. Рийго постиг эту очевидность, но убит лапой электрона, тяжелой, как пласт платины...»

Мария Александровна поникла над книгой, Егорушка спал, часы пробили двенадцать ночи — самый страшный час одиночества, когда спят все счастливые.

— Неужели так труден корм человеку? — громко сказала Мария Александровна. — Неужели всегда победа — предвестник поражения?

Тишина в Москве. Последние трамваи спешат в парк, искра контактами.

— Тогда какой победой возместится мрачная смерть моего мужа? Какая душа мне заменит его сумрачную потерянную любовь?

И она загорелась кипящей скорбью и заплакала слезами, убивающими тело скорее, чем льющаяся кровь. Ее мысль металась в кошмаре: гул живых мрачных электронов терзал мудрую беззащитную аюну, реки зеленого яда зундры заливали цветущую тундру, и в зеленой влаге плыл, томясь и захлебываясь, Михаил Кирпичников, ее единственный друг, утраченный на веки веков.

XVII

В Серебряном бору, близ крематория, стояло здание нежного архитектурного стиля. Оно исполнено было как сфероид — образ космического тела, но не касалось земли, удерживаемое пятью мощными колоннами. От высшей точки сфероида уходила в небо телескопическая колонна — в знак и в угрозу мрачному стихийному миру, отнимающему живых у живущих, любимых у любящих, — в надежду, что мертвые будут отняты у вселенной силою восходящей науки, воскрешены и возвратятся к живым.

Это был Дом Воспоминаний, где стояли урны с пеплом погибших людей.

Седая, и от старости прекрасная, женщина вошла с юношей в Дом.

Тихо прошли они в дальний конец огромного зала, освещенного тихим синим светом памяти и тоски.

Урны стояли в ряд, как некие светильники с потухшим светом, освещавшие некогда неизвестную дорогу.

На урнах были прикреплены мемориальные доски.

«Андрей Вогулов. Пропал без вести в экспедиции по подводному исследованию Атлантиды.

В урне нет праха — лежит платок, смоченный его кровью во время ранения на работах на дне Тихого Океана. Платок доставлен его спутницей».

«Петер Крейцкопф, строитель первого снаряда для достижения Луны. Улетел в своем снаряде на Луну и не возвратился. Праха в урне нет. Сохраняется его детское платье. Честь великому технику и мужественной воле!»

Седая женщина, сияющая удивительным лицом, прошла с юношей дальше.

Они остановились у крайней урны.

«Михаил Кирпичников, исследователь способа размножения материи, сотрудник доктора физики Ф.К. Попова, инженер. Погиб на “Калифорнии” под упавшим болидом. В урне нет праха. Хранится его работа по искусственному кормлению и выращиванию электронов и прядь волос».

Внизу висела вторая малая доска:

«Чтобы найти пищу электронам, он потерял свою жизнь и душу своей подруги. Сын погибшего осуществит дело отца и возвратит матери сердце, растраченное отцом. Память и любовь великому искателю!»

Бывает старость, как юность: ожидающая спасения в чудесной опоздавшей жизни.

Мария Александровна Кирпичникова утратила молодость напрасно, теперь ее любовь к мужу превратилась в чувство страстного материнства к старшему сыну Егору, которому шел уже двадцать пятый год. Младший сын Лев учился, был общителен, очень красив, но не возбуждал в матери того резкого чувства нежности, бережности и надежды, как Егор.

Егор лицом напоминал отца — серое, обычное, но необычайно влекущее скрытой значительностью и бессознательной силой.

Мария Александровна взяла Егора за руку, как мальчика, и пошла к выходу.

В вестибюле Дома Воспоминаний висела квадратная золотая доска с серыми платиновыми буквами:

«Смерть присутствует там, где отсутствует достаточное знание физиологических стихий, действующих в организме и разрушающих его».

Над входом в Дом висела арка со словами:

«Вспоминай с нежностью, но без страдания: наука воскресит мертвых и утешит твое сердце».

Женщина и юноша вышли на воздух. Легнее солнце ликовало над полнокровной землей, и взорам двух людей предстала новая Москва — чудесный город могущественной культуры, упрямого труда и умного счастья.

Солнце спешило работать, люди смеялись от избытка сил и жадничали в труде и любви.

Всем их обеспечивало солнце над головой, — то самое солнце, которое когда-то освещало дорогу Михаилу Кирпичникову в лимонном округе Риверсайда, — старое солнце, которое сияет тревожной страстной радостью, как мировая катастрофа и зачатие вселенной.

1

Товарищ Воронокский!

Два года назад я был у вас, разговаривал
о стихах, которые потом печатались в
алмазах «Наши Дни» и в «Проекторе».

Эти два года я был на больших и тяже-
лых работах (меллоративных), руководи-
л в Воронежской губернии.

Теперь я, благодаря смеси разных
гибелных обстоятельств, очутился в Москве
и без работы. Отчасти в этом повинна
страсть к размышлению и писательству.
И я сижу и не знаю что мне делать,
хотя делать кое-что умею (я построил
800 платин и 3 электростанции и еще
много работ по осушению, орошению и пр.).

Но пишу и думаю я еще более по количеству
и еще более давно по времени, и это мое
основное и телесное.

Посылаю вам 4 стихотворения, 1 сатиру
и 1 неболшой рассказ — все для «Красной
Нови». Убедительно прошу это прочитать
и напечатать.

Я знаю, что вас и так заваливают
просьбами и материалами, но я
обращаюсь в первый раз.

Глубоко уважающий вас
27/VII, 26. Андрей Платонов.

Мой адрес: Москва, Б. Златоустинский пер., 6,
Центральный Дом Специалистов,
А. П. Платонову.

Егор Кирпичников кончил Институт имени Ломоносова и стал инженером-электриком.

Дипломный проект он сдавал на тему: «Лунные возмущения электросферы земли».

Егору мать передала все книги и рукописи отца, в том числе труд Ф.К. Попова, который начисто переписал Михаил Кирпичников после смерти Попова.

Егор познакомился с работами Попова, литературой аюнитов и всеми современными гипотезами по выкармливанию и воспитанию электронов. Что электроны были живыми существами — отпали все сомнения. Область электронов уже твердо определилась как микробиологическая дисциплина. Но до практических выводов еще было далеко. Опыты аюнита Рийго, повторенные в совершенной лабораторной обстановке, не дали положительных результатов. Очевидно, была какая-то неточность в аюнитской литературе. Что-то небольшое, но решающее было забыто отцом Рийго, и электроны не размножались и не росли телом, как это было у Рийго.

Егор избрал темой своей жизни конечную разгадку вселенной, и он не напрасно, подобно своему отцу, искал первичное чрево мира в межзвездном пространстве — в таинственной жизни электронов, составляющих эфир.

Вскармливание электронов по литературе аюнитского философа он считал неверным решением проблемы и объяснял неудачи лабораторий неточным переводом текста аюнита.

Егор верил, что, кроме биологического, существует электротехнический способ искусственного размножения вещества, и искал его со всею свежестью и страстью молодости, нетронутой женской любовью.

В это лето Егор рано кончил свою работу в лаборатории профессора Маранда, которому он ассистировал по кафедре Строения Эфира.

Маранд в мае уехал в Австралию к своему другу астрофизику Товту, и Егор наслаждался отдыхом, летом и собственными нечаянными мыслями.

Отдых — лучшее творчество, — писал когда-то в письме Марии Александровне отец Егора, бродя по тундре вокруг вертикального термического туннеля.

Егор уходил из дому утром. Его нес метрополитен под Красными воротами, под площадью Пяти Вокзалов и выносил далеко за город, за Новые Сокольники, в кислородные рощи. Там шествовал Егор, чувствуя давление крови, свободную вибрацию мозга и острую тоску приближающейся любви.

И раз было так. Егор проснулся — на дворе стоял уже великий торжественный летний день. Мать спала, зачитавшись накануне до глубокой ночи. Егор оделся, прочитал утреннюю газету, прислушался к звенящему напряжению удивительного города и решил куда-нибудь уйти. От отца или от давних предков в нем сохранилась страсть к движению, странствованию и к утолению чувства зрения. Быть может, его далекие деды ходили когда-то с сумочками и палочками на богомолье из Воронежа в Киев, не столько ради спасения души, сколько из любопытства к новым местам; может быть, еще что — неизвестно. И Егор посильно удовлетворял свое тревожное чувство бродяги в районе узкого радиуса.

Подземка вынесла Егора за Останкино и там оставила одного. Егор вышел на глухую полевую дорогу, снял шляпу и пробормотал забытое стихотворение, вычитанное в книгах матери:

Среди людей, мне близких и чужих,
Скитаюсь я без цели, без желанья...

Дальше он вспомнить слов не мог, но вспомнил другое:

Любимый твой умер далеко,
Как камень в колодезь упал.
В урне лежит его локон,
А голову он потерял.

Эту песнь иногда пела мать Егора, когда ее схватывала тоска о муже и она искала от нее защиты у детей и у простой песенки.

— Так, — сказал себе Егор, — но что же производит эфир? — и лег в траву. — А черт его знает что!

Солнце гладило землю против шерсти — и земля вздымалась травами, лесами, ветрами, землетрясениями и северными сияниями.

Егор небрежно посмотрел на солнце — и сразу горячая волна прошла в его горле и остановилась в голове.

Он сразу поднялся и ничего не мог сообразить.

Как будто его обняла сзади и внезапно горячая любимая женщина и сразу скрылась.

Как в женщину, вонзилось в его сознание сияющая догадка и прополосовала мозг, как падающая звезда. Это было так же странно и безумно, как ребенок хватается сосцы матери, как момент зачатия в девственном теле. Он ощутил страсть и успокоение, как цвет, сбросивший плодотворную пыль в материнское пространство.

Утратив нечаянную мысль, Егор крикнул от досады и пошел прочь со случайного места.

Но потом к нему не спеша возвратились все неясные мысли, как дети со двора, наигравшись и слабо сопротивляясь матери.

4 января в газете «Интеллектуальный Труженик» была напечатана заметка:

«ЭЛЕКТРОЦЕНТРАЛЬ ЖИЗНИ.

Молодым инженером Г. Кирпичниковым в лаборатории эфира проф. Маранда производятся в течение ряда месяцев интересные опыты над искусственным производством эфира. В идее работа инженера Кирпичникова заключается в том, что электромагнитное поле высокой частоты перемен убивает в материи живые электроны; мертвые же электроны, как известно, составляют тело эфира. Высоту технического искусства инж. Кирпичникова можно понять из того, что для убийства электронов нужно переменное поле не менее 10^{12} периодов в секунду.

Высокочастотную машину Кирпичникова представляет само солнце, свет которого разлагается сложной системой интерферирующих поверхностей на составные энергетические элементы: механическую энергию давления, химическую энергию, электрическую и т. д.

Кирпичникову нужна, собственно, одна электрическая энергия, которую он, посредством особого прибора из призмы и дефлекторов, концентрирует в очень ограниченном пространстве и достигает нужной частотности.

Электромагнитное поле, по существу, есть колония электронов. Заставляя быстро пульсировать это поле, Кирпичников добился, что живые электроны, составляющие то, что называется полем, погибли; электромагнитное поле превращалось по этой причине в эфир — механическую массу тел мертвых электронов.

Получая некоторые эфирные пространства, Кирпичников опускал в них какое-либо обыкновенное тело (напр., самопис Ваттермана), и это тело за 3 суток увеличивалось в два раза по своему объему.

В веществе самописа происходил следующий процесс: живые электроны, существующие в веществе самописа, получали усиленное питание за счет окружающих трупов электронов и быстро размножались, увеличиваясь также в своем объеме. Это вызывало рост всего вещества самописа. По мере поглощения эфира живыми электронами рост и размножение их прекращались.

Кирпичниковым, на основании своих работ, установлено, что в массиве солнца зарождаются в невероятных количествах исключительно живые электроны; но именно средоточие их гигантского количества в относительно тесном месте вызывает такую страшную борьбу между ними за источники питания, что почти все электроны погибают нацело. Борьба электронов за питание обуславливает

высокую пульсацию солнца. Физическая энергия солнца имеет, так сказать, социальную причину — взаимную конкуренцию электронов. Электроны в солнечном массиве живут всего несколько миллионов долей секунды, будучи истребляемы более сильными противниками, которые в свою очередь погибают под ударами еще более мощных конкурентов и т. д. Еле успев пожрать труп врага, электрон уже гибнет — и очередной победитель поедает его вместе с непереваренными клочьями тела ранее убитого электрона.

Движения электронов в солнце настолько стремительны, что огромное количество их вытесняется за пределы солнца и улетает в мировое пространство со скоростью 300 тысяч километров в секунду, производя эффект светового луча. Но на солнце идет настолько грозная и опустошительная борьба, что все электроны, покинувшие солнце, бывают мертвы и летят за счет либо инерции движения, когда они были живы, либо от удара противника.

Однако Кирпичников убежден, что бывают редчайшие исключения — раз в зоне времен, — когда электрон может живым оторваться от солнца. Тогда, имея вокруг себя эфир — обильную питательную среду, — он служит отцом новой планеты. В дальнейшем инж. Кирпичников предполагает производить эфир в больших количествах, преимущественно из высоких слоев атмосферы, пограничных с эфиром. Электроны там менее активны, и на истребление их потребуется меньше энергии.

Кирпичников заканчивает свой новый метод искусственного производства эфира; новый способ заключается в электромагнитном русле, где действует высокая частота для умерщвления электронов. Электромагнитное высокочастотное русло направляется от земли к небу, и в нем, как трубе, образуется поток мертвых электронов, подгоняемый давлением солнечного света к земной поверхности.

У земной поверхности эфир собирается, аккумулируется в особые сосуды и затем идет на питание тех веществ, объем которых желают увеличить.

Инж. Кирпичников произвел и обратные опыты. Действуя высокочастотным полем на какой-либо предмет, он достигал как бы угасания предмета и полного его исчезновения. Очевидно, убивая электроны в веществе предмета, Кирпичников уничтожал самую сокровенную природу вещества, ибо только живой электрон — частица материи, мертвый же принадлежит эфиру. Несколько предметов таким способом Кирпичников начисто превратил в эфир, в том числе и самопис Ваттермана, который он сначала “откормил”.

Совокупность всех работ у Кирпичникова указывает — какую титаническую силу созидания и истребления получило человечество в его изобретении.

По мнению Кирпичникова, благодаря постоянному снабжению земного шара эфиром, текущим из солнца, земля в целом постоянно увеличивается в своих размерах и в удельном весе своего вещества. Это обеспечивает прогресс человечества и подводит физический базис под исторический оптимизм.

Кирпичников говорит, что он в своем изобретении всецело скопировал деятельность солнца по отношению к земле и лишь ускорил его работу.

В связи с этими поражающими открытиями невольно приходят на память имя Ф.К. Попова, безвестного аюнита, оставившего нам свой изумительный труд, и, наконец, отца изобретателя, странно и трагически погибшего инженера Михаила Кирпичникова».

XX

Там, где стоял когда-то Центральный Дом Крестьянина, что на Большом Златоустинском переулке, теперь вознесен высокий веселый дом — коричневый, с куполообразной крышей из стекла, строгого и напряженного стиля.

В этом доме живут разнообразные люди, в том числе и Егор Кирпичников со своей родной матерью и братом. Кирпичников закреплял свою победу, проводя месяцы в тревожном труде. Эфирный тракт все более четко, все более просто устраивался под его руками на лентах ватмана. Из древней полусуществующей аюнитской мечты, из губительной надежды его отца — тракт становился мощным приводом вселенной, зацепленным за землю, обещающим возвращать ее жизнь с космической скоростью.

Как музыка, лилась работа у Кирпичникова, как любовь, он ощущал в себе страсть к неуловимому нежному телу — эфиру. Когда он писал пояснительную записку «О возможности и нормах дополнительного питания электронов», то чувствовал аппетит, и его полные юношеские губы бессознательно смачивались слюной.

Корреспондентов газет он не принимал, обещая скоро выпустить небольшой труд информационного характера и публично продемонстрировать свои опыты.

Однажды Егор Кирпичников заснул у стола, но сразу проснулся. Была ночь — глубокая и неизвестная, как все ночи над живой землей. Тот напряженный и тревожный час, когда по стихам забытого поэта:

И по хребту электроволн
Плывущее вниманье,
Как ночь в бульварном, мировом
Таинственном романе.

В это время, когда человеку надо либо творчество, либо зачатие новой жизни, в дверь Егора постучали. Значит, пришел кто-то близкий или важный, кого впустила даже мать Егора, жестоко хранившая рабочий и трудный покой своего сына.

— Да! — сказал Егор и полуобернулся.

Вошла редкая гостья — Валентина Крохова, дочь инженера Крохова, друга и сотрудника отца Егора по работе в тундре на вертикальном туннеле. Валентине было 20 лет — возраст, когда выносятся решение: что же делать — полюбить ли одного человека или любовную силу обратить в страсть познания мира? Или, если жизнь в тебе так обильна, объять то и другое?

Нам это непонятно, но тогда будет так. Наука стала жизненной физиологической страстью, такой же неизбежной у человека, как пол.

И эта раздвоенность неясного решения была выражена на лице Валентины Кроховой. Ищущая юность, жадные глаза, эластичная душа, не нашедшая центра своего тяготения и заключенная в оболочку пульсирующих мышц и бьющейся крови, — вот красота Валентины Кроховой. Нерешенность, бродяжничество мысли и неверные черты доверчивого лица — удивительная красота молодости человека.

— Ну, что скажешь мне, Валя? — спросил Егор.

— Да так кое-что! Ты все занят ведь? — ответила Валентина.

— Нет, не особенно: и занят, и нет! Живу как в бреду; сам еще не знаю, что у меня выйдет!

— Да уже вышло, Егор! Будет тебе скромничать!

— Не совсем, Валя, не совсем! Я открыл еще нечто такое, что сердце останавливается...

— Что это такое? Про эфирный тракт все?

— Нет, это другое совсем. Эфирный тракт — пустяки!.. Как вселенная, Валя, родилась и рождается, как вещество начинает дышать в недрах хаоса, свободы и узкой неизбежности мира! Вот, Валя, где хорошо! Но я только чувствую, а ничего не знаю... Ну, ладно! А где твой отец?

— Отец на Камчатке...

— Что, все эту несчастную планетку бурят? Черт, даже мне она надоела! Сколько лет ведь прошло, как она села с неба, еще отец был жив!..

— Да, все бурят, Егорушка!

— Ну, а что они там находят — отец не пишет?

— Пишет, что находят сплавы разных металлов, но все эти металлы известны людям.

— Так, а что еще пишет?

— Еще пишет, что нашли какой-то круглый предмет...

1. 1
8
2
Можно ли жить во мне
и ~~неосознанно~~ ~~утомленно~~
и ~~тоской~~, как ~~и~~ ~~живот~~ ~~утомлен~~
настроение бурное, что
испытываю утратив. Слишком
могучее мне ощущение, и боюсь
или то боюсь умереть тогда
я и ~~позволяю~~: боюсь умереть
у вас отца, как могу.
года. Какой мужик, прелесть
и боли наполнены?
Вся жизнь?

решит в ~~Киев~~ ~~и~~ ~~туда~~
оникнет в ~~море~~, что ~~лучше~~
на ~~ищет~~ ~~себе~~ ~~утомлен~~ и
не ~~позволяет~~ ~~он~~ в материальной жизни.

Слушай, Мама, ты обещала мне прислать
фотографию - свою и Тетки! Ты не забудь,
пожалуйста. Вспоминаешь будто мой
религии, а фотографии - иконы.

Я бы хотел ~~или~~ ~~хотел~~ ~~развеселить~~ ~~тебя~~,
но никак не могу даже утешить.

Ты бы не смогла жить в Мамбове
Здесь ~~идеально~~ ~~идеально~~ ~~идеально~~, а там может

Письмо А.П. Платонова жене от 11 декабря 1926 г. ИМЛИ.
Мария Александровна с сыном Платоном. Декабрь 1926 г. ИМЛИ

— Ну, какой? Говори скорее!..

— И этот шар ничему не поддается — никакая механическая обработка его не берет и ни на какой химический реактив он не отвечает. Полный нейтралитет!

— Ого! Ведь ты химик, Валя, что это, как ты думаешь?

— Ну, куда мне, Егор, что ты? Я тебя хотела спросить.

— А черт его знает что это такое! Мало ли чего нет в этой пучине, откуда к нам свет идет и метеоры летят!

— А когда, Егор, ты покажешь свой эфирный тракт?

— Да вот, как-нибудь покажу. Сначала книжку напишу.

— Кому ты ее посвятишь?

— Отцу, конечно — инженеру Михаилу Кирпичникову, страннику и электротехнику.

— Это очень хорошо, Егор! Чудесно, как в сказке, — страннику и электротехнику!

— Да, Валя. Я забыл лицо отца, помню, что он был молчаливый и рано вставал. Как странно он умер, ведь он почти открыл эфирный тракт!

— Да, Егор! И мать твоя старушкой стала!.. Может, ты проводишь меня немного? А то поздно, а ночь хороша — я нарочно тихонько шла сюда.

— Провожу, Валя. Только недалеко, я хочу выспаться. Надо через два дня книжку в печать отдавать, а я только половину написал — не люблю писать, люблю что-нибудь существенное делать...

Они вышли в вестибюль, спустились на лифте и очутились на воздухе, в котором бродили усталые ночные течения.

Тихо двигалась по небу луна. Быть может, там сейчас лежало оледенелое тело инженера Крейцкопфа, навеки одинокое.

Егор и Валя шли под руку. В голове Егора струились неясные мысли, угасая, как ветры в диком и темном поле, зажигаясь от контакта с милой девушкой, такой человеческой и женственной. Но Кирпичников изобретал не одной головой, а также сердцем и кровью, поэтому Валентина в нем возбуждала только легкое чувство тоски. Силы его сердца были мобилизованы на другое.

Москва засыпала. Невнятно и смутно шумели какие-то далекие машины. Бессонно стояла луна, маня человека к полету, страсти и глубокому вздоху в межпланетной бездне.

Егор пожал руку Вале, хотел ей что-то сказать, — какое-то медленное и девственное слово, которое каждый человек говорит по разу в жизни, но ничего не сказал и молча пошел домой.

Мать его спала, и чертежный стол томился по нем.

Сняв башмаки и потушив свет, Егор вдруг вспомнил про находку Крохова на камчатском болиде — молчаливый шар, который нельзя ни разрубить, ни разъесть кислотами.

— Спрессованный эфир! — вслух сказал Егор. — Трупы электронов, втиснутые один в другой! Да — их действительно ничем не возьмешь — смерть примитивная и абсолютная!

Егор укрылся одеялом и уже сквозь сон подумал: «А что спрессовало эфир?» — и заснул.

Во сне он увидел огромную роскошную книгу, а себя — семилетним мальчиком. В книге он прочел середину страницы:

«Жизнь — порочный факт, каждое существо норовит сделать такое, чего никогда не было и не будет, поэтому многие явления живой природы необъяснимы и не имеют подобия во вселенной. Так умирающий электрон, ища в эфире труп своей невесты, может стянуть к себе весь космос, сплотить его в камень чудовищного удельного веса, а сам погибнет в его каменном центре от отчаяния, масштаб которого подобен расстоянию от земли до Млечного Пути. Пусть тогда догадается ученый о тайне небесного мертвого камня!.. Пусть родится мозг, могущий вместить чудовищную сложность и страстную порочную красоту вселенной!»

Проснувшись, Егор забыл свой сон навсегда, на всю жизнь.

XXI

20-го марта не так велики дни и кратки ночи, чтобы утренняя заря загорелась в час пополуночи. Так еще не бывало никогда, даже старики не помнят.

А однажды случилось так. Московские люди расходились по домам — кто из театра, кто с ночной работы на заводе, кто просто с затянувшейся беседы у друга.

В этот вечер в Большом Зале Филармонии был концерт знаменитого пианиста Шахтмайера, родом из Вены. Его глубокая подводная музыка, полная того величественного и странного чувства, которое нельзя назвать ни скорбью, ни экстазом, — потрясла его слушателей. Молчаливо расходились люди из Филармонии, ужасаясь и радуясь новым и неизвестным недрам и высотам жизни, о которых рассказал Шахтмайер стихийным языком музыки.

В Политехническом Музее в половине первого кончился доклад Макса Валира, возвратившегося с полдороги на луну. В ракете его конструкции обнаружился просчет; кроме того, среда между землей и луной оказалась совсем иной, чем о ней предполагали с земли, поэтому Валир вернулся обратно. Аудитория была взволнована до крайней степени докладом Валира и, заряженная волей и энтузиазмом великой попытки, со страшным шумом, лавой растекалась по Москве. В этом отношении слушатели Валира и Шахтмайера резко отличались друг от друга.

А высоко над площадью Свердлова в этот миг засветилась синяя точка. Она в секунду удесятилась в размерах и затем стала излучать из себя синюю спираль, тихо вращаясь и как будто разматывая клубок синего вязкого потока. Один луч медленно влекся к земле, и было видно его содрогающееся движение, как будто он встречал упорные встречные силы и, пронзая их, тормозил свой путь. Наконец столб синего немерцающего мертвого огня установился между землей и бесконечностью, а синяя заря охватила все небо. И сразу ужаснуло всех, что исчезли все тени: все предметы поверхности земли были окунуты в какую-то немую, но всепронзающую влагу — и не было ни от чего теней.

В первый раз с постройки города, в Москве замолчали: кто говорил, тот оборвал свое слово, кто молчал, тот ничего не воскликнул. Всякое движение остановилось: кто ехал, тот забыл продолжать путь, кто стоял на месте, тот не вспомнил о цели, куда его влекло.

Тишина и синее мудрое сияние стояли одни над землею, обнявшись.

И было так безмолвно, что, казалось, звучала эта странная заря — монотонно и ласково, как пели сверчки в нашем детстве.

В весеннем воздухе каждый голос звонок и молод — пронзительно и удивленно крикнул женский голос под колоннами Большого театра: чья-то душа не выдержала напряжения и сделала резкое движение, чтобы укрыться от этого очарования.

И сразу тронулась вся ночная Москва: шоферы нажали кнопки стартеров, пешеходы сделали по первому шагу, говорившие закричали, спящие проснулись и бросились на улицу, каждый взор обратился навзничь к небу, каждый мозг забился от возбуждения.

Но синяя заря начала угасать. Темнота заливала горизонты, спираль свергивалась, забираясь в глубину Млечного Пути, затем осталась яркая вращающаяся звезда, но и она таяла на живых глазах — и все исчезло, как беспмятное сновидение. Но каждый глаз, глядевший на небо, еще долго видел там синюю кружащуюся звезду, — а ее уже не было, и по небу шел обычный звездный поток.

И всем стало отчего-то скучно, хотя никто почти не знал, в чем дело.

XXII

Утром в «Известиях» было помещено интервью с инженером Кирпичниковым.

«ОБЪЯСНЕНИЕ НОЧНОЙ ЗАРИ НАД МИРОМ.»

С большим трудом наш корреспондент проник в Микробиологическую Лабораторию, имени проф. Маранда. Это произошло

в 4 часа ночи, непосредственно после оптического явления в эфире. В лаборатории корреспондент застал спящего Г.М. Кирпичникова — известного инженера, конструктора приборов для размножения материи, открывшего т. наз. “Эфирный тракт”. У Г.М. Кирпичникова было до крайней степени изможденное лицо и следы слез на щеках. (Возможно, это преувеличение нашего сотрудника или излишний образ от общего нервного напряжения, имевшего место в истекшую ночь. — *Прим. ред.*).

Наш корреспондент не осмелился будить усталого изобретателя, однако обстановка лаборатории позволила увидеть все результаты ночного эксперимента.

Кроме приборов, необходимых для производства эфирного тракта и аккумуляции мертвых электронов, на столе изобретателя лежала старая желтая рукопись. На открытой странице ее было написано: “дело техников теперь разводит железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней”. Кому принадлежат эти слова, корреспондентом пока не установлено.

Половину экспериментальной залы занимало блестящее тело. По рассмотрении это оказалось железом. Форма железного тела — почти правильный куб размером $10 \times 10 \times 10$ метров. Непонятно, каким образом такое тело могло попасть в залу, так как существующие в ней окна и двери позволяют внести тело размером не больше половины указанных. Остается одно предположение — железо в залу ниоткуда не вносилось, а выращено в самой зале. Эта достоверность подтверждена журналом экспериментов, лежащим на том же столе, где и рукопись. Рукою Г.М. Кирпичникова там записаны размеры подопытного тела: “мягкое железо, размером $10 \times 10 \times 10$ сантиметров — 1 ч. 25 мин., оптимальный вольтаж”. Дальнейших записей в журнале не имеется. Таким образом, в течение 2–3 часов железо в объеме увеличилось в 100 раз. Такова сила эфирного питания электронов.

В зале стоял какой-то ровный и постоянный шум, на который наш корреспондент вначале не обратил внимания. Осветив залу, наш сотрудник обнаружил некое чудовище, сидящее на полу близ железной массы. Рядом с неизвестным существом лежали сложные части разрушенного прибора, как бы пережеванные вольтовой дугой. Животное издавало ровный стон. Корреспондент его сфотографировал (см. ниже). Наибольшая высота животного — метр. Наибольшая ширина — около половины метра. Цвет его тела — красно-желтый. Общая форма — овал. Органов зрения и слуха — не обнаружено. Кверху поднята огромная пасть с черными зубами, длиной каждый по 3–4 сантиметра. Имеются четыре короткие ($1/4$ метра) мощные лапы с налившимися мускулами; в обхвате лапа имеет не менее полуметра; кончается лапа одним могуществен-

ным пальцем, в форме эластичного сверкающего копыя. Животное стоит на толстом сильном хвосте, конец которого шевелится, сверкая тремя зубьями. Зубы в отверстой пасти имеют нарезку и вращаются в своих гнездах. Это странное и ужасное существо очень прочно слажено и производит впечатление живого куска металла.

Шум в лаборатории производил гул этого гада: вероятно, животное голодно. Это несомненно искусственно откормленный и выращенный Кирпичниковым электрон.

В заключение редакция поздравляет читателей и страну с новой победой научного гения и радуется, что эта победа выпала на долю молодого советского инженера.

Искусственное выращивание железа и вообще размножение вещества даст Советскому Союзу такие экономические и военные преимущества перед остальной, капиталистической, частью мира, что, если бы капитализм имел чувство эпохи и разум истории, он бы сдался социализму теперь же и без всяких условий. Но, к сожалению, империализм никогда не обладал такими ценными качествами.

Реввоенсоветом и ВСНХ Союза уже приняты соответствующие меры для обеспечения монопольного пользования государством изобретениями Г.М. Кирпичникова.

Г.М. Кирпичников — член партии и Исполкома КИМа, и от него еще несколько месяцев назад правительством получено согласие на передачу всех своих открытий и конструкций в пользу государства и при том безвозмездно. Правительство, конечно, целиком и полностью обеспечит Г.М. Кирпичникову возможность дальнейшей работы.

Сегодня в 1 час дня Г.М. Кирпичников будет иметь свидание с предсовнаркома Союза т. Чаплиным».

Вся Москва — этот новый Париж социалистического мира — пришла в исступление от такой заметки. Живой, страстный, общественный город весь очутился на улицах, в клубах, на лекциях — везде, где пахло хотя бы маленькими новыми сведениями о работах Кирпичникова.

День родился солнечным, снег подтаивал, и неимоверная надежда разрасталась в человеческой груди. По мере движения солнца к полуденному зениту, все яснее в мозгу человека освещалось будущее, как радуга, как завоевание вселенной и как синяя бездна великой души, обнявшей стихию мира, как невесту.

Люди не находили слов от радости технической победы, и каждый в этот день был благоден.

Что может быть счастливее и тревожнее того дня, который служит кануном технической революции и неслыханного обогащения общества?

В «Вечерней Москве» появилось описание рабочего собрания завода «Генератор», где Егор Кирпичников отбывал свою двухлетнюю студенческую практику.

На собрание прибыли предсовнаркома Чаплин и Кирпичников. Их встретили восемь тысяч мастеровых и специалистов, стоя на ногах.

Кирпичников сделал доклад об открытии эфирного тракта и его промышленной эксплуатации в ближайшем будущем. Он начал с работ аюнитов в этом направлении, подробно остановился на трудах Ф.К. Попова, которого и следует считать изобретателем эфирного тракта, затем изложил историю поисков своего отца и закончил кратким указанием на свою работу, завершающую труд всех предшественников.

Тов. Чаплин доложил о том, что намерено сделать правительство, чтобы изобретение Кирпичникова принесло наибольшую пользу обществу.

Мастеровые подняли на руки Кирпичникова и Чаплина и пронесли их между моторами и станками до автомобилей.

Чаплин поехал в Кремль, а Кирпичников к матери на Большой Златоустинский.

XXIII

Как в старину, женщины теперь носили накидки и длинные платья, закрывающие ноги и плечи. Любовь была редким чувством, но считалась признаком высокого интеллекта.

Девственность женщин и мужчин стала социальной моралью, и литература того времени создала образцы нового человека, которому незнаком брак, но присуще высшее напряжение любви, утоляемое, однако, не сожительством, а либо научным творчеством, либо социальным зодчеством.

Времена полового порока угасли в круге человечества, занято устройством общества и природы.

Наступило новое лето. Егор Кирпичников устал от эфирного тракта и беспомощно затосковал по далеким и смутным явлениям, как это с ним бывало не раз.

Он снова убивал дни, скитаясь и наслаждаясь одиночеством — то в Останкино, то в Серебряном бору, то уезжая на Ладожское озеро, которое он так любил.

— Тебе, Егор, влюбиться надо! — говорили ему друзья. — Эх, напустить бы на тебя хорошую русскую девушку, у которой коса травую пахнет!..

— Оставьте! — отвечал Егор. — Я сам себя не знаю куда деть! Знаете, я никак не могу устать, — работаю до утра, а слышу, что мозг скрежещет и спать не хочет!

— А ты женись! — советовали все-таки ему.

— Нет, когда полюблю прочно, в первый раз и на всю жизнь, тогда...

— Что тогда?

— Тогда... уйду странствовать и думать о любимой.

— Странный ты человек, Егор! От тебя каким-то старьем и романтизмом пахнет... Инженер, коммунист, а мечтает!..

В мае был день рождения Валентины Кроховой. Валентина весь день читала Пушкина и плакала: ей сравнялось двадцать лет. Вечером она надела серое платье, поцеловала перстень на пальце — подарок отца — и стала ждать Егора с матерью и еще двух подруг. Она убрала стол, в комнате пахло жимолостью, полем и чистым телом человека.

Огромное окно было распахнуто, но видно в него одно небо и шевелящийся воздух на страшной высоте.

Пробило семь часов. Валентина села за рояль и сыграла несколько этюдов Шахтмайера и Метнера. Она не могла отделаться от своей сердечной тревоги и не знала, что ей делать — расплакаться или сжать зубы и не надеяться.

Весенняя природа волновалась страстью размножения и жаждала забвения жизни в любви. И в круг этих простых сил была включена Валентина Крохова и не могла от них отбиться. Ни разум, ни чужое страдание в поэмах и в музыке — ничто не помогло горю ее молодости. Ей нужен был поцелуй, а не философия и даже не красота. Она привыкла честно мыслить и понимала это.

В восемь часов к ней постучали. Принесли телеграмму от Егора. В ней стояли странные, шуточные и жестокие слова и притом в стихах, к которым Егор питал влечение с детства.

Дарю тебе луну на небе
И всю живую траву на земле, —
Я одинок и очень беден,
Но для тебя — мне нечего жалеть.

Валентина не поняла, но к ней вошли веселые подруги.

В одиннадцать часов Валентина выпроводила подруг и пошла к Егору, зажженная темным отчаянием.

Ее встретила Мария Александровна. Егора дома не было уже вторые сутки. Валентина посмотрела на бланк телеграммы: она была подана из Петрозаводска.

— А я думала, он у вас будет сегодня вечером! — сказала Мария Александровна.

— Нет, его у меня не было!

И обе женщины молча сели, ревнуя друг к другу утраченного и томясь одинаковым горем.

В августе Мария Александровна получила письмо от Егора из Токио.

«Мама. Я счастлив и кое-что постиг. Конец моей работы близок. Только бродя по земле, под разными лучами солнца и над разными недрами, я способен думать. Я теперь понял отца. Нужны внешние силы для возбуждения мысли. Эти силы рассеяны по земным дорогам, их надо искать и под них подставлять голову и тело, как под ливни. Ты знаешь, что я делаю и ишу — корень мира, почву вселенной, откуда она выросла. Из древних философских мечтаний это стало научной задачей дня. Надо же кому-нибудь это делать, и я взялся. Кроме того, ты знаешь мои живые мускулы, они требуют напряжения и усталости, иначе я бы затомился и убил себя. У отца тоже было это чувство; быть может, это болезнь, быть может, это дурная наследственность от предков — пеших бродяг и киевских богомольцев. Не ищи меня и не тоскуй, — сделаю задуманное, тогда вернусь. Привет Валентине. Я думаю о ней, ночуя в стогах сена и в куренях рыбаков. Я тоскую о вас обоих, но меня гонят вперед мои беспокойные ноги и моя тревожная голова. Быть может, верно, жизнь — порочный факт, и каждое дышащее существо — чудо и исключение. Тогда я удивляюсь, и мне хорошо думать о своей милой матери и любимой подруге.

Егор».

31 декабря в Москве было получено известие о смерти Егора Кирпичникова в Буэнос-Айресе, в тюрьме. Он был арестован вместе с бандитами, грабившими скорые поезда. В тюрьме он заболел тропической малярией. Вся шайка была приговорена к повешению. Так как Кирпичников не мог идти на виселицу, валяясь в предсмертном бреду, то ему дали яду, и он, не помня уже ничего о жизни, скончался.

Труп его, наравне с повешенными бандитами, был брошен в илистые воды Амазонки и смыт в Тихий океан. Виселицы стояли на самом берегу Амазонки; их также после казни бросили в реку, и они поплыли, таща трупы в своих мертвых петлях.

На запросы советского правительства о такой расправе с человеком, который не мог быть преступником и попал в шайку по неизвестному случаю, бразильское правительство ответило, что оно не знало, что в его руках Кирпичников; при аресте же он отказался назвать себя, а потом заболел и ни разу не приходил в сознание во время следствия.

Мария Александровна поставила новую урну в Доме Воспоминаний в Серебряном бору рядом с урной своего мужа.

На ней значилось:

«Егор Кирпичников. Погиб 27 лет. Изобретатель Эфирного тракта — последователь аюнита, Ф.К. Попова и своего отца. Вечная слава и скорбная память зодчему новой природы».

Ноябрь 1926 г. — 2 января 1927 г.

ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ

М.А. Кашинцевой

I

«Сколь разумны чудеса природы, дорогой брат мой Бертран! Сколь обильна сокровенность пространств — то непостижно даже самому могучему разумению и нечувственно самому благородному сердцу! Зришь ли ты, хотя бы умозрительно, местожительство своего брата в глубине азийского континента? Ведомо мне, того ты не умопостигаешь. Ведомо мне, что твои взоры очарованы многошумной Еуропой и многолюдством родного моего Ньюкестля, где мореплавателей всегда изрядно и есть чем утешиться образованному взору.

Тем усерднее средоточится скорбь во мне по родине, тем явственней свербит во мне тоска пустынножительства.

Россы мягки нравом, послушны и терпеливы в долгих и тяжких трудах, но дики и мрачны в невежестве своем. Уста мои срослись от безмолвия просвещенной речи. Токмо условные сигналы десятским я подаю на сооружениях своих, а они команду рабочим громко говорят.

Натура в сих местах обильна: корабельные леса все реки в уют одели, да и равнины, почитай, ими сплошь укрыты. Алчный зверь наравне с человеком себе жизнь промышляет, и сельские россы великое спокойство от них держат.

Однако зерна и говядины здесь вдосталь, и обильное питание утучнение мне учинило, несмотря на мою душевную скорбь об Ньюкестле.

Это письмо не столь подробно, как предыдущее. Купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь, уже починили свои корабли и готовятся к отлучке. С ними я и посылаю эту графическую посылку, дабы она скорее достала Ньюкестля. А negociанты спешат, ибо Танаид* может усохнуть, и тогда не поднимет грузные корабли. А просьба моя невелика, и тебя с такого дела станет.

Царь Петер весьма могучий человек, хотя и разбродный и шумный понапрасну. Его разумение подобно его стране: потаенно обильностью, но дико лесной и зверной очевидностью.

Однако к иноземным корабельщикам он целокупно благосклонен и яростен на щедрость им.

* Дон.

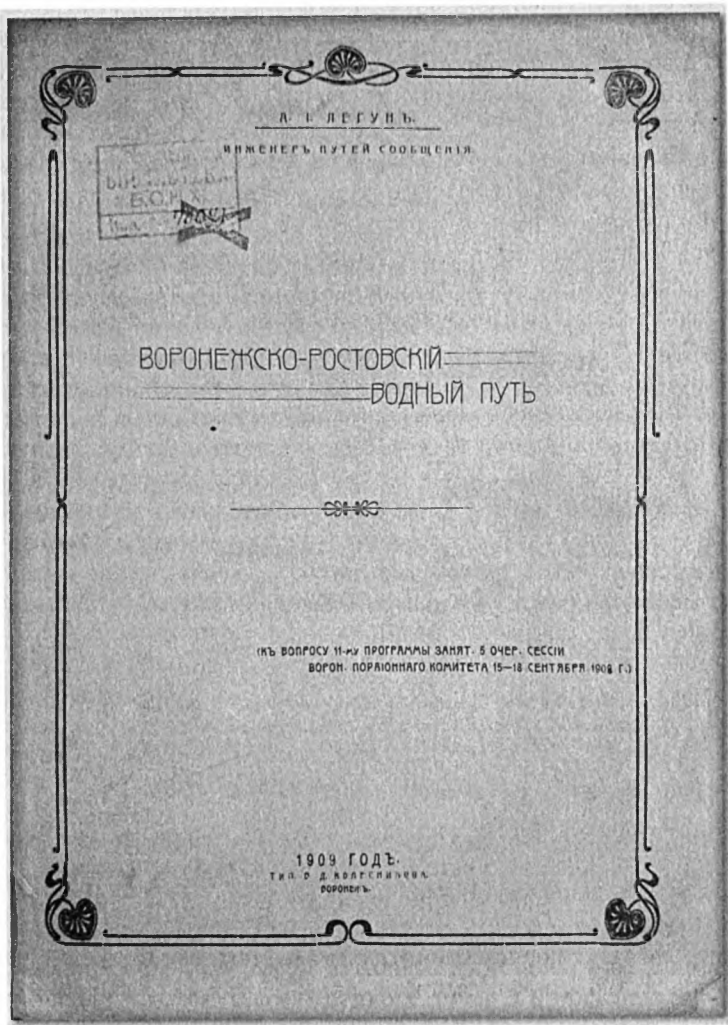
95
меня. А затем прощай
меня и мою ~~жизнь~~ ласково
на широе море, на веселой Ньюкестль
и на всю ровнину Англии.

Твой брат и друг,
инженер Вильям Перри.

1698 лет ~~1698~~ ~~года~~ ~~восьмого~~ ~~августа~~,
(1708)

II.

Весною 1699 года в первую навигацию
в Санкт-⁽¹⁷⁰⁹⁾Петербург ~~приехал~~
Бертран Перри. Путешествие
из Ньюкестля он совершил на ста-
ром судне "Мэри", много раз видав-
шем и абстрашииские и южно-афри-
канские порты. Капитан Сутерланд
пожал Перри руку и пожелал доброго
пути в страшную страну и скорого

Обложка книги А.И. Легуна «Воронежско-ростовский водный путь» (1909)

На устье реки Воронеж построен мной двухкамерный шлюз с перемычкой, что дало помощь починкам кораблей на суше, не причиняя им большой ломки. Устроил я также большую перемычку и шлюз с воротами, придав ему размеры, достаточные для пропуска воды. Потом устроил другой шлюз с двумя большими воротами, через которые могли бы проходить большие корабли так, что их можно бы запирать во всякое время в пространстве, огражденном перемычкою, и спускать из него воду, когда корабли войдут в него.

И в той работе прошло 16 месяцев. А с тем пришла другая работа. Царь Петер остался доволен трудами моими и приказал строить другой шлюз выше, дабы сделать реку Воронеж судоходною до самого города для кораблей в 80 пушек. И эту тягость я снес в 10 месяцев, и ничего с сооружениями моими не станется, пока свет стоит. Хотя и слаб грунт в месте шлюза и били могучие ключи. Немецкие помпы стали слабосильны от ключей, и шесть недель стояла работа от обильности тех ключей. Тогда мы изготовили машину, коя 12 бочек воды в минуту истребляла и работала без утиха 8 месяцев, и тогда мы посуху в глубину котлована пошли.

После столь понудных трудов Петер поцеловал меня и вручил тысячу рублей серебром, что немаловажные деньги. Еще сказал мне царь, что и Леонардо да Винчи, изобретатель шлюзов, не устроил бы лучше.

А сурьезность моей мысли в том, что я хочу тебя, любимый мой Бертран, позвать в Россию. Здесь весьма к инженерам щедры, а Петер большой затейщик на инженерные дела. Самолично я услышал от него, что есть нужда в устройстве канала меж Доном и Окою, могучими туземными реками.

Царь желает создать сплошной водный тракт меж Балтикой и Черным и Каспийским морем, дабы превозмочь обширные пространства континента в Индию, в Средиземные царства и в Еуропу. Сие зело задумано царем. А догадку к тому подает торговля и купецкое сословие, кое все, почитай, промышленяет в Москве и смежных городах; да и богатства страны расположение имеют в глубине континента, откель нету выхода, кроме как сплотить каналами великие реки и плавать по ним сплошь от персов до Санкт-Петербурга и от Афин до Москвы; а также под Урал, на Ладогу, в Калмыцкие степи и далее.

Но туго царю Петеру надобны инженеры для столького дела. Ведь канал меж Доном и Окою не малое дело, и тут потребно усердие большое и пущее знание.

Вот я и обещал Петеру-царю, что позову из Ньюкестля брата Бертрана, а сам устал, да и невесту я люблю и соскучился. Четыре года в дикарях живу, и сердце ссохлось, и разум тухнет.

Напиши против сего писания твое решение по такому случаю, а я даю тебе совет, чтоб ехать. Трудно тебе будет, но через пять лет поедешь в Ньюкестль в избытке и кончишь жизнь на родине в покое и достатке. Для сего не скорбно потрудиться.

Передай мою любовь и тоску невесте моей Анне, а через малую длительность я вернусь. Скажи ей, что я уже питаюсь только кровотоцием своего сердца по ней, и пускай она дожидется меня. А затем прощай меня и глянь ласково на милое море, на веселый Ньюкестль и на всю родимую Англию.

Твой брат и друг,
инженер Вильям Перри.
1708 лета, осьмаго Аугуста».

II

Весною 1709 года в первую навигацию в Санкт-Петербург приплыл Бертран Перри. Путешествие из Ньюкестля он совершил на старом судне «Мери», много раз выдавшем и австралийские и южно-африканские порты. Капитан Сутерленд пожал Перри руку и пожелал доброго пути в страшную страну и скорого возвращения к родному очагу. Бертран его поблагодарил и ступил на землю — в чуждый город, в обширную страну, где его ожидала трудная работа, одиночество и, быть может, ранняя гибель.

Бертрану шел тридцать четвертый год, но угрюмое скорбное лицо и седые виски делали его сорокапятiletним.

В порту Бертрана встретил посол русского государя и резидент английского короля.

Сказав друг другу скучные слова, они расстались: государев посланец пошел домой есть гречневую кашу, английский резидент к себе в бюро, а Бертран — в отведенный ему покой близ морского цейхгауза.

В покоях было чисто, пусто, укромно, но тоскливо от тишины и уютности. В венецианское окно бился пустынный морской ветер, и прохлада от окна еще пуще говорила Бертрану об одиночестве.

На прочном и низком столе лежал пакет за печатями. Бертран вскрыл его и прочитал.

«По повелению Государя и Самодержца Всероссийского, Наук-Коллегия любезно просит аглицкого морского инженера Бертрана-Рамсея Перри пожаловать в Наук-Коллегию в Водно-Канальное Установление, что по Обводному проспекту помещение особое имеет.

Государь имеет самоличное наблюдение за движением проекта по коммутации рек Дона с Окою — чрез Иван-Озеро, реку

Шать и реку Упу, — посему надлежит в прожекторском труде поспешать.

А с тем и Вам следовало быть в Наук-Коллегии наспех, однако допустив себе отдых после морского перехода, сколь с чувствами и всей телесной физикой мирно станется.

По приказу Президента
Главный Уставщик и Юрист
Наук-Коллегии — Генрих Вортман».

Бертран лег с письмом на широкий немецкий диван и нечаянно заснул.

Проснулся он от бури, тревожно гремевшей в окне. На улице, в мраке и безлюдье, беспокойно падал влажный густой снег. Бертран зажег лампу и сел к столу насупротив жуткого окна. Но делать было нечего, и он задумался.

Прошло длинное время, и земля давно встретила медленную ночь. Иногда Бертран забывался и, резко оборачиваясь, ожидал встретить родную комнату в Ньюкестле, а за окном — ландшафт теплой людной гавани и смутную полосу Европы на горизонте.

Но ветер, ночь и снег на улице, молчание и прохлада в поках — указывали Берtrandу на иную широту положения его жилища.

И то, от чего он так долго отнекивался в своем сознании, вмиг застало его фантазию.

Мери Карборунд, его двадцатилетняя невеста, сейчас, наверно, ходит по зеленым улицам Ньюкестля и носит в своей блузе сиреневую ветку. Быть может, другой ее водит под руку и шепчет убедительно про лживую любовь. То останется Берtrandу навеки неизвестным. Он две недели плыл сюда, а что случиться может в этот срок в фантастическом безумном сердце Мери?

И разве может женщина ждать мужа пять или десять лет, растая в себе любовь к невидимому образу? Едва ли так; тогда давно весь мир уж был бы благороден.

А ежели б в тылу имелась достоверная любовь, тогда бы каждый пешком пошел хоть на луну!

Бертран насыпал трубку индийским табаком.

— Однако Мери была права. На что ей нужен муж-негоциант или простой моряк? Она любезна мне и умница большая...

Мысли Берtrandа шли стремительно, но чередуясь и соблюдая ясный такт.

— Неукоснимо ты права, маленькая Мери... Я помню даже то, как ты травую пахла. Я помню, ты сказала — мне нужен муж, как странник Искандер, как мчащийся Тамерлан или неукротимый Аттила. А если и моряк, то как Америго Веспуччи... Ты знаешь много и мудрица, Мери... Ты истинно права: если муж тебе дороже жиз-

ни, то пускай он будет интересней и редкостней ее. Иначе ты за-скачашь, и несчастье тебя погубит.

Бертран неистово сплюнул табачную жвачку и сказал:

— Да, Мери, слишком ты остра на ранний разум! И я, пожалуй, сам такой жены не стою. Зато как хорошо ласкать такую резвую головку! То мне отрада, что под косой жены живет горячий мозг!.. Но еще посмотрим! — Затем я и приехал в сию грустнейшую Пальмиру! Послание Вильяма непричастно к такой судьбе, но оно сердечному решению помогло...

Бертран окоченел и стал собираться спать. Пока он воображал Мери и умственно беседовал с ней, над Петербургом успела рас-свирепеть вьюга и, окорачиваясь у зданий, она студила покои. За-вернувшись в одеяло, укрывшись сверху морской шинелью из чер-тового вечного сукна, Бертран дремал, и тонкая живая печаль, не переставая, не слушаясь разума, струилась по всему его сухому сильному телу.

На улице раздался странный резкий звук, будто корабль трес-нул по всей обшивке от удара льда; Бертран открыл глаза, прислу-шался, но мысль его отвлеклась от страдания, и он уснул, не опом-нившись.

III

На другой день в Наук-Коллегии Бертранзнакомился с замыс-лом Петра. Проект был только начат. Задание царя сводилось к тому, чтобы создать сплошной судовой ход меж Доном и Окою, а через то — всего придонского края с Москвою и волжскими про-винциями. Для сего требовалось произвести большие шлюзовые и канальные работы, к прожектерству которых и был призван Бер-тран из Британии.

Следующая неделя ушла у Бертрана на знакомство с изыска-тельскими документами, по которым следовало проектировать работы. Документы оказались добропорядочными и составлены знающими людьми: французским инженером генерал-майором Трузсоном и польским техником капитаном Цицкевским. Бертран был доволен, ибо добрые изыскания делали способным скорее на-чатие строительных работ. Тайная дума Бертрана хорошилась в том предмете, что он очаровался Петром еще будучи в Ньюкестле и хо-тел стать его соучастником в цивилизации дикой и таинственной страны. А тогда бы и Мери восхотела его мужем своим иметь.

Искандер завоевывал, Веспуччи открывал, а теперь наступил век построек — окровавленного воина и усталого путешественника сменил умный инженер.

Трудился Бертран тяжело, но счастливо — горе его разлуки с невестой в работе припотухало.

Жил он в тех же покоях; адмиралтейских и штатских ассамблей не посещал и знакомств с дамами и их мужьями чуждался, хотя некоторые светские женщины и искали сообщества с одиноким англичанином. Бертран вел работу, как корабль, — осторожно, здравомысленно и скоро, избегая феоретических мелей и перекатов в своих планшетах.

К началу июля прожект был исполнен и планы начисто переписаны. Все документы были доложены царю, который их одобрил, а Бертрану приказал выдать награду в 1500 рублей серебром, а впредь жалованье учредить по 1000 рублей в каждый месяц и назначить главным мастером и строителем всех шлюзов и каналов, что Дон с Окой соединить должны.

В тот же час Петр отдал приказы наместникам и воеводам, по провинциям которых шлюзы и каналы строиться будут, дабы они оказывали полное воспособление главному инженеру — всем, чего он ни потребует. Бертрану же были даны права генерала, и соподчинение он имел только царю и главнокомандующему.

После официальной беседы Петр встал и имел к Бертрану речь:

— Мастер Перри! Я знаю твоего брата Вильяма, тот завидный речной корабельщик и на славу водяную силу братать может искусными устройствами. А тебе, не в пример ему, поручается зело умный труд, коим мы навеки удумали главнейшие реки империи нашей в одно водяное тело сплотить и тем великую помощь оказать мирной торговле да и всякому делу военному. Через оные работы крепко решено нами в сношение с древле-азийскими царствами сквозь Волгу и Каспий войти и весь свет с образованной Европой поелику возможно обручить. Да и самим через ту всесветную торговлишку малость попитаться, а на иноземном мастерстве руку народа набить.

Через то я поручаю тебе к работам приступить немедля — судовому ходу тому быть!

А что сопротивленью тебе будут чинить — про то доноси мне гонцами на живую и скорую расправу. Вот моя рука — тебе порука! Держи начало крепко, труд веди мудро — благодарить я могу, умею и сечь нерадетелей государева добра и супротивщиков царской воли!

Тут Петр с быстротой, незаконной в его массивном теле, подошел к Бертрану и тряхнул его руку.

Затем Петр повернулся и ушел в свои покои, прохаркиваясь и тяжело дыша на ходу.

Речь царя Бертрану перевели, и она ему понравилась.

Проект Бертрана Перри состоял в следующих частях: построить 33 шлюза из дикого и известкового камня; прорыть соединительный канал от деревни Любовки на реке Шати до деревни Бобриков на Дону длиною 23 версты; реку Дон прочистить и углубить для судового хода от деревни Бобриков до деревни Гай, по длине в 110 верст; кроме того, Иван-озеро, откуда Дон течет, а также весь канал — валом и земляными дамбами окружить и заулучить.

Всего, стало быть, требовалось устроить 225 верст судового пути, один конец которого был в Оке, а другой внедрялся 110-верстным каналом в Дон. Ширину каналу следовало придать 12 сажен, а глубину — 2 аршина.

Строительное управление предусматривалось Бертраном в городе Епифани, в Тульской провинции, ибо в том городе сходилась середина будущих работ.

Вместе с Бертраном должны были ехать еще пять немецких инженеров и десять писцов из Административного Приказа.

День отбытия пал на 18 июля. В тот день к 10 часам утра к поездам Бертрана должны подать дорожные кареты для следования в глухой и терпеливый путь, держа маршрут на неприметный пункт — Епифань.

IV

Покуда векует на свете душа, потуда она и бедует. Собравшись для изрядной еды, пять немцев и Перри надеялись зарядиться пищей на сутки. И действительно, животы они набили круто, готовясь для долгого созерцания тогдашних немощных русских пространств.

Уже Перри в дорожный рундучок пачки с табаком укладывал — последнее дело его перед всякой дорогой. Уже немцы письма своим семьям кончали, и младший из них, Карл Берген, вдруг разрыдался от жмущей сердце неудержимой тоски по молодой любимой еще жене.

И тут затряслась дверь от резкого стука казенной руки: так мог стучать посланный либо арестовать, либо известить о милости бешеного царя. Но то был гонец из Почт-Приказа. Он попросил указать ему Бертрана Перри, аглицкого капитан-инженера. И пять немецких рук, в родинках и веснушках, указали ему на англичанина.

Гонец нелепо выбросил вперед ногу и почтительно подал Перри некий пакет за пятью печатями.

— Сударь, соизвольте принять посыл из аглицкой державы!

Перри отошел от немцев к окну и вскрыл пакет:

«Ньюкестль, Июня 28.

Мой славный Бертран! Ты не ждешь этой вести. Мне трудно

тебя огорчать, наверно, любовь к тебе меня еще не оставила. Но уже новое чувство жжет меня. И жалкий разум мой напряжен, чтобы поймать твой милый образ, который так скорбно обожало мое сердце. Но ты наивен и жесток — ради наживы золота ты уплыл в дальнюю землю; ради дикой славы ты погубил мою любовь и мою ждущую нежности молодость. Я женщина, я слаба без тебя, как веточка, и отдала свою жизнь другому. Ты помнишь ли, мой славный Берт, Томаса Рейса? Вот он стал моим мужем. Ты огорчен, но признайся, что он очень славный и такой преданный мне! Некогда я отказала ему и предпочла тебя. Но ты уехал, и он долго утешал меня в моем ужасе и в моей тоскливой любви по тебе.

Не печалься, Берт! Мне так тебя жалко! Ты думал и вправду мне нужен был мужем Александр Македонский? Нет, мне нужен верный и любимый, а там пускай он хоть уголь грузит в порту или плавает простым матросом, но только поет всем океанам песни обо мне. Вот что нужно женщине, имей это в виду, глупый Бертран!

Две недели уже, как вышла наша свадьба с Томасом. Он весьма счастлив, и я тоже. Кажется, у меня ребенок тревожится под сердцем. Видишь, как скоро! Это потому, что Томас мой любимый и не оставит меня, а ты уехал колонии искать — возьми их себе, а я взяла Томаса.

Прощай. Не печалься, а будешь в Ньюкестле — навести нас, мы будем рады. А умрешь — мы заплачем с Томасом.

Мери Карборунд-Рейс».

Перри, не помня рассудка, трижды кряду исчитал письмо. Потом взглянул в огромное окно: разбить его жалко — у немцев за золото куплено стекло. Стол проломить — тяжелой вещи в наличности нет. Немцу в физиономию дать — беззащитное существо, а один из них и так плакал. Пока свирепела ярость в Перри, а он колебался своим арифметическим рассудком, его лютость сама нашла себе выход.

— Герр Перри, у вас рот не в порядке! — сказали ему немцы.

— А? Что такое? — уже обессилев и чуя грусть, спросил Перри.

— Вытрите рот, герр Перри!

Перри с трудом вырвал трубку из впившихся в нее зубов. А зубы, сжав трубку, так уперлись в свои гнезда, что порвали десна, и из них текла горькая кровь.

— Что случилось, герр? Нещастие дома?

— Нет. Конечно, друзья...

— Что кончилось, герр? Ну, пожалуйста, скажите!

— Кровь кончилась, а десны зарастут. Давайте ехать в Епифань!

Путешественники тянулись по Посольской дороге, что через Москву до Казани доходит, смыкаясь за Москвой с Калмиусской сакмой — татарской дорогой на Русь по правой стороне Дона. На нее и следовало путникам сделать поворот, чтобы затем через Идовские и Ордобазарные большаки и малые столбы достигнуть Епифани — своего будущего местожительства.

Встречный ветер, вместе с дыханием, выдувал горе из груди Перри. Он с обожанием наблюдал эту природу — такую богатую и такую сдержанную и скупую. Встречались земли — сплошные удобрительные туки, но на них росла непышная растительность: худая изящная береза и скорбящая певчая осина.

Даже летом так гулко было пространство, как будто оно не живое тело, а отвлеченный дух.

Изредка в лесу обнажалась церквушка — деревянная, бедная, со знаками византийского стиля в своей архитектуре. Под самой Тверью Перри заметил даже дух готики на одном деревенском храме, при протестантском постном убожестве самого здания. И на Перри задышала теплота его родины — скупой практический разум веры его отцов, понявшей тщету всего неземного.

Огромные торфяники под лесом прельщали Перри, и он чувствовал на своих губах вкус неимоверного богатства, скрытого в этих темных почвах.

Немец Карл Берген, тот что плакал в Петербурге над письмом, думал о том же. На воздухе он отживел, возбудился, забыл на время молодую жену и объяснил Перри, глотая слюну:

— Энглянд — это шахтмейстер*. Рюссланд — торффмейстер! Верно я говорю, герр Перри?

— Да, да, точно, — сказал Перри и отвернулся, заметив страшную высоту неба над континентом, какая невозможна над морем и над узким британским островом.

Изредка, но изрядно путешественники ели в попутных селениях. Перри пил целыми жбанамии квашонку, в которой он нашел немалый вкус и способствование дорожному пищеварению.

Минувши Москву, инженеры долго помнили ее колокольную музыку и тишину пустых пыточных башен по углам Кремля. Особо восхитил Перри храм Василия Блаженного — это страшное усилие души грубого художника постигнуть тонкость и — вместе — круглую пышность мира, данного человеку задаром.

Иногда перед ними расстилались пространные степи и ковыльные земли, на которых не было и следа дороги.

* Горнорабочий.

— А где же Посольский тракт? — спрашивали немцы ямщиков.
— А вот он самый, — указывали на круглое пространство ямщики.

— А сего незаметно! — восклицали немцы, вглядываясь в грунт.

— Так тракт одно направление, а трамбовки тут быть не должно! Он до самой Казани такой — все едино! — поясняли, поелику возможно, ямщики иноземцам.

— Ах, это знаменито! — смеялись немцы.

— А то как же! — всерьез подтверждали ямщики, — оно так видней и просторней! Степ в глаза — веселья слеза!

— Весьма примечательно! — дивились немцы.

— А то как же! — поддакивали ямщики, а сами ухмылялись в бороду, дабы никому оскорбительно не было.

За Рязанью — обиженным и неприятным городком — уже редко жили люди. Тут шла бережная и укромная жизнь. Еще от татар остался этот страх, испуганные очи ко всякому путнику, потаенность характера и заюлоченные чуланчики, где тайлось впрок небогатое добро.

С удивлением вглядывался Бертран Перри в редкие укрепления с храмишками посредине. Окрест таких самодельных кремлей жили местные люди в кучах избушек. И видно было, что это — новосельные люди. А раньше все хоронились в уюте земляных валов и деревянных стен — когда татары по степному разнотравью достигали сих районов. Да и жил в тех крепостцах все более казенный народ, учиненный сюда князьями, а не полезные хлебопашцы. А теперь — разрастаются селитбища, а по осени и ярмарки гремят, даром что нынче царь то со шведами, то с турками воюет, и страна от того ветшает.

Вскоре путешественники должны повернуть на Калмиюсскую сакму — татарский ход по обочине Дона на Русь.

Однажды в полдень ямщик махнул кнутом без нужды и дико свистнул. Лошади взяли.

— Танаид! — крикнул Карл Берген, высунувшись из кареты.

Перри остановил экипаж и вышел. На дальнем горизонте, почти на небе, блестела серебряной фантазией резкая живая полоса, как снег на горе.

«Вот он Танаид!» — подумал Перри и ужаснулся затее Петра: так велика оказалась земля, так знаменита обширная природа, сквозь которую надо устроить водяной ход кораблям. На планшетах в Санкт-Петербурге было ясно и сподручно, а здесь, на полуденном переходе до Танаида, оказалось лукаво, трудно и могущественно.

Перри видел океаны, но столь же таинственны, великолепны и грандиозны возлежали пред ним эти сухие косные земли.

— На сакму! — крикнул передовой ямщик. — Ухватывай ее в укос! Штоб к ночевке на Идовском большаке быть беспременно!

Овсяные кони схватили и понесли полной мочью, в соучастие нетерпеливым людям.

— Окоротись! — закричал вдруг передовой ямщик и для призна задним поднял кнутовище.

— Что вышло? — спохватились немцы.

— Стражника взять забыли! — сказал ямщик.

— Какой методой? — уже покойно спросили немцы.

— За нуждой в отвершек на постое побежал — глянул, а его нету на заднем причале!

— Эх ты, бурмистр бородатый! — резонно выразился второй ямщик.

— Да вон он лупит степью, плешивый чин, за ширинку держится! — успокоился виноватый ямщик.

И странствие тронулось, держа курс на полдень — на Идовские и Ордобазарные большаки, а оттуда — на малые епифанские столбы.

VI

Работа на Епифани взялась сразу.

Малоизвестный язык, странный народ и сердечное отчаяние изложили Перри в трюм одиночества.

И лишь на работе исходила вся энергия его души, и он свирепел иногда без причины, так что сподручные прозвали его каторжным командиром.

Епифанский воевода занарядил всех мужиков воеводства: кто камень ломал и к шлюзам подвозил, кто на канале землю рыл, кто реку Шать чистил по живот в воде.

— Что ж, Мери! — бормотал Бертран, бродя ночью по своему епифанскому покою. — Таким горем меня не взять! Покуда есть влага в сердце — спасусь! Построю канал — царь денег много даст и — в Индию... Ах, как жаль мне тебя, Мери!..

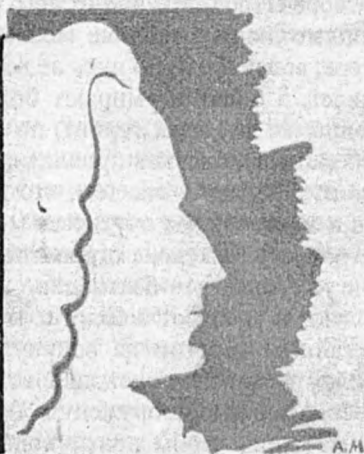
И путаясь в страдании, тяжких мыслях и в избыточных силах своего тела, Перри грузно и безумно засыпал, тоскуя и вызывая во сне, как маленький.

Около осени приехал в Епифань Петр. Он остался недоволен работами: скорбь в рундуке разводите, а не тщитесь пользу отечеству ускорить, — сказал царь.

Действительно, медленно шли работы, как ни ожесточался Перри. Мужики укрывались от повинности, а лихие головы сбегали в безвестные места.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ЕПИФАН
СКИЕ
ШЛЮЗЫ

МОЛОДАЯ

ГВАРДИЯ

Обложка сборника «Епифанские шлюзы» (1927)

Охальные местные люди вручили Петру челобитные, в коих велся учет злomu начальству. Петр приказал повести дознание, откуда выяснилось, что воевода Протасьев за большие поборы освобождал слободских мужиков от повинностей, а поверх всего миллион рублей себе нажил на всяких начетах и требовательных ведомостях с казны.

Петр приказал Протасьева бить кнутом, а потом сослал его на Москву для дополнительного следствия, но он там досрочно с печали и стыда умер.

По отъезде Петра, когда срамота еще не забылась, другая беда нашла на епифанские работы.

Карл Берген ведал работами на Иван-озере, — валом земляным его огораживал, чтобы воду в нем поднять до нужной судоходной глубины.

В сентябре Перри получил от него рапорт, где указывалось:

«Пришлые люди, особливо московские чиновники и балтийские мастера, волею божьею чуть не все лежат больны. Великий им упадок живет, а болят и умирают больше лихорадкою и пухнут. Простолюдин же местный терпит, но при всякой тяжести и спехе работы в болотной воде, коя прохладна стала близу осени, бунт норовит учинить. Заклучу сие тем, что тако и далее пойдет, без начальников и мастеров мы очутиться можем. А затем жду спешных приказов главного инженера-строителя».

Перри уже знал, что балтийские мастера и техники-немцы не только болеют и умирают в болотах Шати и Упы-реки, но также и бегут по тайным дорогам на родину, ухватывая великие деньги. Перри боялся весеннего половодья, которое грозило разрушить начатые и беспомощные сооружения. Он хотел довести их до безопасного состояния, чтобы полые воды особого вреда им не причинили.

Однако того достигнуть было трудно — технические чиновники умирали и сбежали, а мужики того пуще мутились и целыми слободами не выезжали на работу. Одному же Бергену не управиться с такими злодеяниями и болотную мороку не залечить.

Тогда Перри, чтобы хоть одно зло усечь, издал по работам и всем окружным воеводствам приказ: под смертною казнью, чтоб иноземцев — канальных и шлюзных мастеров — нигде не пропускали, и в подводы под них никто не наряжался, и лошадей бы не продавали, и в ссуды не давали.

А под приказом Перри поставил подпись Петра — для устрашения и исполнения: пускай потом царь поругает, нельзя же ехать к нему в Воронеж, где он флот на Азов снаряжал, чтобы подпись его получить и два месяца времени упустить.

Но и так пристрожить мастеровых людей не удалось.

Тогда Перри увидел, что зря таким штурмом он работы повел и столь многочисленных работных, служилых и мастеровых людей в них сразу втравил. Следовало бы начать работы спрехвала, чтобы дать народу и мастеровым к труду такому притерпеться и очухаться.

В октябре работы стали вконец. Немцы-инженеры кляли все силы на то, чтобы людской охраной сооружения и заготовленные материалы снабдить, но и то не удавалось. Через это немцы слали с каждой оказией Перри рапорты, чтобы их он уволил с работ, ибо их царь запороть может, когда приедет, а они неповинны.

Однажды епифанский воевода пришел к Перри в воскресенье.

— Бердан Рамзеич! Каку штуку я тебе принес! Непостижное охальство!

— Что такое? — спросил Перри.

— А ты погляди, Бердан Рамзеич! Да ты вдумайся в документ втихомолку, а я так посижу... Штой-то дюже бездомовно у тебя, Бердан Рамзеич! Да што сказать — жен у нас по тебе нету. То я вижу и тому сочувствую...

Перри развернул грамотку:

«Петру Первому Алексеичу, русскому самодержцу и государю.

Мы холопы твои и крестьянишки наши в той год у твоего, великий государь, канавного и слюзного дела приставлены неотлучно были, во время пахотное и жатвенное и сенокосное в домишках своих не были и ныне по работе ж и за тою работою озимого хлеба не собирали, а ярового не усеяли и сеять некому и нечем и за безлошадьем ехать неначем; а который у нашей братьи и крестьянишек наших старого припасу молоченой и немолченой хлеб был, и тот хлеб служилые и работные люди, идучи на твою, великого государя, службу и на Епифань на работу, много брали безденежно, а остальной волею божьей от мышей поеден без остатку, и многое нам и крестьянишкам нашим такие служилые и работные люди обиды и разоренье чинят и девок до времени всех почитай оскоромили».

— Чуешь, Бердан Рамзеич? — спросил воевода.

— Как это попало к вам? — удивился Перри.

— А так — дүриком: у писаря моего две недели какие-то холуи чернил допытывались аль состав просили сказать за окорок ветчинный. Токмо писарь мой жох и сам вотчинник — чернила дай, а сам в слезку, да так и дознался и грамотку проведал... Ведь окромя воеводского приказу в Епифани чернилов нету и составные краски никому не ведомы!..

— Неужели мы так народ и вправду умучили? — спросил Перри.

— Да што ты, Бердан Рамзеич! Эт у нас народ такой охальник и ослушник! Ему хошь ты што — он все челобитные пишет да жалобы егозит, даром что грамоте не учен и чернильного состава не знает... Вот, погоди, я их умещу в тесное место! Я им покажу су-

противщину чинить и царю без уговону писать... Ведь это наказанье господне! И зачем их слова обучали говорить? Раз грамоты не разумеют, и от устных слов надобно отучить!..

— А вы имеете донесения, воевода, с Иван-озера? Целы там те колонны пеших рабочих и подводы, коих вы из Епифани со стражниками погнали?

— Каки колонны? Это што я на Спас послал? Куды тебе, Бердан Рамзеич! Стражник один, тому десять дён, прискакал оттыльча, — сказывал, что пешие все на Яик и Хопер убегли, а семьи их, истинно, по Епифани с голоду маются. Отдыху от баб не вижу, а окромя — всяка стервь доносом норовит меня унять... — Воевода вынул тряпицу и обтер свое пожилое лицо. — Стерегусь государя, Бердан Рамзеич! Нагрянет — порке без оглядки предаст. Уж ты заступись, Бердан Рамзеич, аглицким богом тебя прошу!..

— Хорошо, заступлюсь, — сказал Перри. — Ну а конные подводы работают на Иване?..

— Што ты, Бердан Рамзеич! Кони пеших упредили: все по степям и неприметным хуторам разбежались и утаились. Да разве сыщешь? Только то не к добру — лошади извелись на работах и к пахоте боле не пригожи, а многие пали кончиной в степи... Тах-то, Бердан Рамзеич!

— Да! — воскликнул Перри и сжал руками свою твердую худую голову, в которой сейчас не было никакого утешения.

— Так что ты думаешь делать, воевода? — спросил Перри. — Ведь мне рабочие нужны! Как хочешь делай — давай пеших и конных, а то шлюзы весной смоет, а царь мне не спустит!

— Как хошь, Бердан Рамзеич! Голову мою бери — в Епифани одни бабы остались, а в остальной воеводской земле — разбой свищет. В свое воеводство показаться не могу, куды там рабочих сыскать! Мне одна тропка: от народа голову сберег, царь снесет!

— Это меня не касается! Вот тебе наряд, воевода, на неделю: на Иван-озеро поставить 500 пеших, 100 конных; на шлюз, что при деревне Сторожевой Дубровке, 1500 пеших и 400 конных; на Ньюховской шлюз 2000 пеших и 700 конных; еще на Любовской канал, между Шатью и Доном, 4000 пеших и 1500 конных, да на Гаевской шлюз конных 100 и пеших 600. Вот, бери наряд, воевода! Чтоб вся эта рабочая сила была поставлена в одну неделю! Не сделаешь — отправлю рапорт царю!..

— Слухай меня, Бердан Рамзеич!..

Перри перебил:

— Больше не слушаю. Нечего тебе мне страдать и песни петь — я не невеста! Чтоб были рабочие, а жалобы мне не нужны! Ступай в воеводство и делай мне живых людей!

— Слухаю, Бердан Рамзеич, слушаю, сударь! Токмо ни хрена не выйдет, вот тебе покойница мать...

— Ступай в свое воеводство! — раздраженно сказал Перри.

— Дозволь тогда, Бердан Рамзеич, хучь камень дикий возкой до весны оставить. Он и пугает мужиков — дюже тяжесть агромадна да и ломка на Люторце неспособна...

— Дозволяю, — ответил Перри, догадавшись, что сейчас ему не до новых работ, впору сделанное от разлива уберечь. — Только ты ступай, воевода! Очень ты речист, а на дело хитёр без смысла!

— Благодарим за камень! Прощевайте, Бердан Рамзеич!

Воевода негромко выговорил еще несколько слов и удалился. Последние слова он сказал на местном языке — по-епифански — поэтому Перри ничего в них не понял. А если б и понял, то добра бы в них себе не увидел.

VII

На зиму все пять немцев-инженеров тоже приехали в Епифань. Они обросли бородами, постарели за полгода и явно одичали.

Карла Бергена грызла жестокая скорбь по своей германке-жене, но он подписал договор с царем на год, а ранее уехать было нельзя: в ту пору лиха была русская расправа. Поэтому молодой немец дрожал от ужаса и семейной тоски, и работа у него валилась из рук. Остальные немцы тоже заплошали и жалели, что приехали в Россию за длинными рублями.

Один Перри не сдавался, и сердечная печаль по Мери находила себе исход в его лютой энергии.

На техническом совете с немцами Перри выяснил, что положение с недоделанными шлюзами грозное. Весенние воды могут начисто снести сооружения, особенно же Люторецкой и Муровлянской шлюзы, откуда еще в августе сбежали все рабочие.

По последнему наряду Перри епифанский воевода ничего не поставил: то ли злая воля в том его была, то ли, правда, рабочих согнать нельзя было.

Обсудив работы, инженеры не выдумывали, как уберечь шлюзы от весны. Перри знал, что царь Петр приказывал инженерам в Петербурге, которые строили корабли, чтобы они надевали черные погребальные балахоны. Если спуск и пробное плавание нового корабля проходили отлично, царь давал инженеру-корабельщику награду сто либо более рублей, смотря по емкости судна, и личными руками снимал с инженера смертный балахон. Если же корабль давал течь и кренился без причины, еще пуще того — тонул у берега, царь предавал таких корабельщиков на скорую казнь — на снос головы.

Перри не боялся утраты своей головы, однако допускал ее, но немцам ничего не говорил.

Потянулась великорусская зима. Епифань засыпалась снегом, окрестности окончательно замолчали. Казалось, что люди здесь живут с великой скорбью и мучительной скукой. А на самом деле — ничего себе. Ходили друг к другу на многие праздники, пили самодельное вино, ели квашеную капусту и моченые яблоки и по разу женились.

Загнанный скукой и одиночеством, один из немцев, Петер Форх, женился Рождеством на епифанской боярышне — Ксении Тарасовне Родионовой, дочери богатого торговца солью. Отец ее имел свой обоз в сорок подвод, который странствовал меж Астраханью и Москвой с двадцатью чумаками, снабжая солью полные провинции. А в молодости Тарас Захарович Родионов и сам чумачил. Петер Форх переселился к тестю и вскоре пополнял от мирной жизни и заботливого питания.

Все инженеры, под началом Перри, до самого нового европейского года усердно занимались составлением исполнительных чертежей, смет на израсходованные материалы и рабочие руки, а также проектировали всякие способы безопасного пропуска весенних вод.

Перри написал царю рапорт, где изложил всю историю работ, указал на роковую нехватку рабочих и усумнился в конечном благополучии. В копии свой рапорт Перри направил британскому послу в Петербург — на всякий случай.

В феврале в Епифань прибыл царский курьер с пакетом для Перри.

«Бертрану Перри, главному инженеру-строителю Епифанских шлюзов и каналов меж Доном и Окой, реками.

Слух о твоей неспособной работе дошел до меня допреж твоей челобитной. Из сей незадачи я усматриваю, что тамошний епифанский народ — холуй и пользы своей не принимает, а сверх того и тебе следовало круче волю мою гнуть и утруждать сподручных втугачку, дабы никому не было под стать на ослушание решиться: будь то мастер-иноземец или черный люд.

Обсудив круг мыслей, до Епифанских шлюзов касающихся, я порешил упредительные меры на нынешнее лето.

Воеводу твою я прогнал и епитимью ему назначил — с Азова брандеры на Воронеж гнать по мелям великим. А новым воеводой посылаю тебе Гришку Салтыкова — человека твердого и ходовитого, мне известного и лихого на скорую расправу. Он тебе будет первый помощник по пешей и гужевой силе.

Кроме того, я объявляю епифанское воеводство на военном положении, а мужское население забираю в солдаты сплошь. За-

тем я шлю тебе поручиков и капитанов отборного свойства, кои с ротами епифанских рекрутов и ополченцев придут на твои работы, а ты считайся полным генералом, а помощникам и сподручным мастерам также роздай подобающие чины, коих с них станет. В иных смежных воеводствах, кои работам твоим под стать, также я военное положение учредил.

Ежели и в нынешнем лете прогадаешь со шлюзами и каналами — тогда гляди сам. Что ты британец — отрадой тебе не станется».

Перри обрадовался такому ответу Петра. Успех работ, после таких епифанских реформ, был теперь обнадежен. Лишь бы весна особо не нагадила, и прошлогодний труд не пошел прахом и убытками.

В марте Перри получил из Ньюкестля письмо. Он прочел его как весть с того света, до того заржавело его сердце к своей минувшей судьбе.

«Бертран! В новогодний день умер мой первенец, мой сын. Все тело мое болит при воспоминании о нем. Ты прости, что я тебе пишу, чужому теперь человеку. Но ты верил в мою искренность. Ты помнишь, я тебе говорила — кому первому отдаст женщина свой поцелуй, того она помнит всю жизнь. И я тебя помню и поэтому пишу о своем потерянном даре — маленьком сыне. Он был мне дороже мужа, дороже твоей памяти и дороже себя. О, во сколько раз дороже всех моих кровных драгоценностей! Не буду писать о нем тебе, а то заплачу и не кончу и второго письма. Первое я тебе послала месяц назад.

Муж мне стал совсем чужой. Он много работает, ходит по вечерам в морской клуб, а я одна и мне так скучно! Единственное мое утешение — чтение книг и письма к тебе, которые я тебе буду писать часто, если ты не обидишься.

Прощай, дорогой Бертран! Ты мил мне как друг и словно далекий родственник, в тебе мое чувство нежных воспоминаний. Пиши мне письма, я буду очень рада их получать. В жизни меня держит только любовь к моему мужу да память о тебе. Но мертвый мой мальчик в моих сновидениях зовет меня разделить с ним его мучения и его смерть.

А я все живу, бессовестная и трусливая мать.

Мери.

NB. В Ньюкестле жаркая весна. По-прежнему в ясные дни виден берег Европы за проливом. Этот берег всегда мне напоминает тебя, и оттого мне еще тоскливее бывает. Помнишь ли ты стихи, которые писал мне в своем письме когда-то:

Возможность страсти горестной и трудной,
Залог души, любимой божеством.

Чьи это стихи? Помнишь ли ты свое первое письмо ко мне, где признался мне в любви, стыдясь сказать мне в лицо роковые слова. Я тогда поняла мужество и скромность твоей натуры, и ты мне понравился».

После письма Перри охватила человечность и нежное чувство покоя: быть может, он был доволен несчастьем Мери — судьба обоих теперь уравнилась. Не имея в Епифани близкого знакомого, он начал ходить в гости к Петеру Форху; пил там чай с вишневым вареньем и беседовал с женой Форха — Ксенией Тарасовой — о далеком Ньюкестле, теплом проливе и о европейском берегу, который виден из Ньюкестля в прозрачные дни. Только о Мери Бертрани с кем не говорил, скрывая в ней источник своей человечности и общительности.

Шел март. Епифанцы постились, заунывно звонили в православных храмах, а на водоразделах уже почернели поля.

Хорошее душевное расположение Перри не проходило. Мери на письмо он не ответил: нечего; да и мужу ее не понравятся его письма; писать же общие вежливые слова ему не хотелось.

Немецких инженеров Перри разослал по наиболее опасным шлюзам — для руководства работами по пропуску вешних вод.

Мужики теперь ходили в солдатах. А новый воевода Григорий Салтыков лютовал по воеводству без спуска и милости; тюремные дома были туго населены непокорными мужиками, а особая воеводская расправа, побочная хата тож, действовала ежедневно, кнутom вбивая разум в задницу мужиков.

Рабочих, и пеших и конных, теперь было вдосталь, но Перри видел сколь это непрочно: каждый час мог вспыхнуть бунт, и не только все побегут с работ, но и сооружения будут злобно разрушены в мах.

Но весна выдалась недружная: днем текло малыми порциями, а ночами прихватывало. Через шлюзы вода исходила, как сквозь худое ведро; поэтому немцы и дежурные рабочие успевали затыкать талой землей сочащиеся щели в водоспусках — и особых разрывов не происходило.

Перри был весьма доволен и чаще навещал одинокую теперь супругу Форха, беседуя с ее отцом о чумаках-солевозах, татарских нашествиях и о сладких травах старых ковыльных степей.

Наконец, разгорелась летним огнем провинциальная прелестная весна, а затем стихла молодость природы. Наступила зрелость и злота лета, и вся жизнь по земле затревожилась.

Перри решил к осени все каналы и шлюзы закончить. Он соскучился по морю, по родине, по старику-отцу, жившему в Лондоне. Грусть отца по сыну измерялась пеплом из его трубки: от тоски по сыну отец неугомонно курил; он так и сказал на прощанье:

— Берт! Сколько мне табаку сжечь придется, пока я увижу тебя...

— Много, отец, много! — ответил Бертран.

— Да уж не берет меня никакой яд, сынок! Скоро, наверно, жевать табачный лист начну...

В начале лета работа пошла спешно. Напуганные царем мужики усердно трудились. Однако иные ветхопещерники бежали и укрывались в дальних скитах. А некоторые неумные головы шептались меж собой и увлекали целные роты на Урал и в калмыцкие степи. За ними учреждали угон, но толку от него никогда не случалось.

В июне Перри поехал по работам. Скорость их и успешность он нашел достаточными.

А Карл Берген совсем обрадовал его. На Иван-озере, на самом низком дне, он обнаружил бездонный колодезь-окно. Оттуда поступало в озеро столь много ключевой воды, что ее хватит на дополнительное питание каналов в мелководные сухие годы. Следует только на Иван-озере подсыпать прошлогодний земляной вал еще на сажень, чтобы собирать из колодца в озеро больше воды, а затем пускать эту воду в каналы по особому спуску, когда надобность в том явится.

Перри одобрил изобретение Бергена и приказал тот колодезь желонкой расчистить и опустить в него большую железную трубу с сеткой, чтобы колодезь не заилился вновь. Воды тогда в озеро будет подтекать еще больше, и водный путь в засуху не обмелеет.

Страх и сомнение ужалили гордость Перри, когда он возвращался в Епифань. Петербургские прожекты не считались с местными натуральными обстоятельствами, а особо — с засухами, которые в сих местах нередки. А выходило, что в сухое лето как раз каналам воды не хватит, и водный путь обратится в песчаную сухопутную дорогу.

По приезде в Епифань, Перри начал пересчитывать свои технические числа. И вышло еще хуже: прожект составлен был по местным данным от 1682 года, лето которого изобиловало влагой.

Поговорив с местными людьми и тестем Форха, Перри догадался, что и в средние по снегам и дождям годы каналы будут так маловодны, что по ним и лодка не пройдет. А про сухое лето и говорить нечего — одна песчаная пыль поднимется на канальном русле.

«Тогда я отца-то, пожалуй, больше не увижу! — подумал Перри. — И в Ньюкестль я не поеду, и берега Европы не посмотрю!...»

Единственная надежда осталась на ключ на дне Иван-озера. Если он даст много воды, то ею можно будет прокормить каналы в суховейные годы.

Но это открытие Бергена все же не возвращало тихого покоя душе Бертрана, какой он имел после письма Мери. Втайне он не верил, чтобы колодезь Иван-озера способен был помочь обильной водой, но укрывал свое отчаяние за этой маленькой надеждой.

Сейчас на Иван-озере шла постройка особого плота, с которого подводный колодезь пробурят глубже и вставят в него широкую чугунную трубу.

VIII

В начале августа Перри получил от Карла Бергена служебный рапорт. Принес его воевода Салтыков:

— Вот, ваше превосходительство, тебе писуля пришла. Ребята мои сказывали, что мужицкая гнида вся с Татинского слюза анамеднись молчком ушла. Так я тебе спокой нащет слюза того даю: завтра баб тех, коих мужики убегли, всех сгоню на Татинку. А бегунов словлю и военно-полевому суду отдам. Снесу головы, тады поумнеют. Видно тах-то!..

— Я с тобой согласен, Салтыков! — сказал помертвевший от забот Перри.

— Так, стало, ты, ваше превосходительство, тады те смертные казни подпишешь? Упреждаю тебя, теперь ты тут всему делу голова...

— Ладно, подпишу... — ответил Перри.

— А еще, генерал, завтра у меня дочерины смотрины. Один ухажор московской, купецкий сын, мою Феклушу в дом себе примет на супружество. Так ты приходи потчеваться...

— Благодарю. Может, зайду. Спасибо, воевода.

Салтыков ушел; Перри разодрал пакет Бергена.

«Конфиденциально! Коллега Перри!

С 20 по 25 Июля производилось бурение подводной скважины на Иван-Озере — для углубления, уширения и прочистки ее. По вашей задаче, следствием должен быть сильный приток подземных вод в Иван-Озеро.

Бурение остановлено на десятой сажени по причинам, сказуемым ниже.

В 8 час. вечера 25 Июля желонка перестала таскать вязкую глину и вынималась с сухим мелким песком. При сей процедуре я присутствовал неотлучно.

Отчалив от бурильного плота, чтобы достигнуть берега по случайной нужде, я обнаружил торчащую траву над горизонтом воды, которой раньше не замечал. Ступив на береговое сухопутье, я услышал, что завyla собака, по местному прозвищу Илюшка, что пи-

тается с солдатского котла. Это меня немало смутило, несмотря на мою веру в бога.

Солдаты-рабочие доказали мне, что с полудня и до сей поры вода в озере убывает. Подводная трава оголилась, и показались два невеликих островка посредине воды.

Солдаты были в ужасном страхе и говорили, что мы озерное дно сквозь продолбили трубой и озеро теперь иссяхнет.

Действительно, на берегу явно был замечен вчерашний урез воды, а также нынешний, и разница была на полсажени ниже.

Воротившись на борт плота, я приказал бурение кончить и немедленно начать забивку скважины. Для сего мы опустили в подводный колодезь чугунную крышку аршин в поперечнике, но ее сразу утащило в подземную глубину, и она пропала. Тогда начали забивать в скважину обсадную трубу, набитую глиной. Но и ту трубу засосала скважина, и она утащилась туда. И сосание то длится по сей час, и вода из озера гнетется туда безвозвратно.

Сему объяснение простое. Бурильной желонкой мастер пробил тот водоупорный глинистый пласт, на котором вода в Иван-Озере и держалась.

А под тою глиной лежат сухие жадные пески, кои теперь и сосут воду из озера, а также железные предметы влекут.

И дальше не ведаю, что и делать, о чем и прошу ваших приказов».

Душа Перри, не боявшаяся никакой жути, теперь затряслась в трепете, как и подобает человеческой натуре. Бертран не выдержал такого роста горя и жалобно заплакал, упершись лбом в стол.

Судьба его нагоняла всюду; он утратил родину, потом Мери, теперь случилась неполадка работ. Он знал, что не выберется живым из этих просторных суходолов и не увидит больше ни Ньюкестля, ни Европы на том берегу, ни отца с трубкой, ни Мери — в последний раз.

Пустая низкая комната звучала от неистового скрежета зубов и плача Перри. Он опрокинул стол и метался в тесноте, воя от хлынувшего страдания и потеряв всякий характер. Стихия горя свирепела в нем и запечатлевалась как попало и без всякого надзора со стороны разума.

Смирившись затем, Бертран улыбнулся и устыдился такого бесстыдного отчаяния. Потом вынул книжку из чемодана и начал читать:

«Артур Чемсфильд.
Любовь леди Бетти Хьюг.
Роман в 3-х томах и 40 частях.

Сударыня! Любвеобильное сердце мое, терзаясь и стеляя, взывает к вам с ангельской мольбою: предпочтите меня всем светским мужчинам или возьмите из груди сердце сие и скушайте его как жидкое яйцо! Мрачный вихрь сотрясает своды моего черепа, и кровь пылает как жидкая смола! Нюжли не приютишь, сударыня Бетти? Нюжли не боишься надгробной тоски над чужеродным тебе, но верным человеком?..

Мистрис Бетти, я знаю, что мистер Хьюг застрелит меня из старого ружья лежалым порохом, как только я приближусь к вашему дому. Пускай то случится! Пускай облачится роковая моя судьба!

Убийца я домашних очагов! Но сердце ищет милости под комбинезоном любимой, где бьется ее сердце под холмами наивных грудей! Бродяга я неприятный! Но благосклонности прошу у вашего солидного супруга!

Мне наскучило любить лошадей, коз и прочих животных, и я ищу любви у более квалифицированного существа — женщины...»

Перри замер в нечаянном, но глубоком и свежем сне, а книга свалилась — навсегда непрочитанной, но интересной.

Наступил вечер; комната остыла, потускнела и наполнилась воздыханием неясных лучей тайного и захолустного неба.

IX

Прошел значительный год — долгая осень, длиннейшая зима и робкая редкостная весна.

Наконец, внезапно распустилась сирень — эта роза русской провинции, дар скромных палисадов и признак неизбежной деревенской мечты.

Вся группа работ, что именуется Государственным Доно-Окским водным ходом, была совершена.

Предстояло многолетнее плавание небольших и значительных судов, кои к лицу сухопутной стране.

Зной водворился с мая. Сначала поля заблагоухали телами юных растений, а потом, в июне, оттуда понесло прахом вянущих листьев и остротой скисающих от жаркого мора цветов: не было дождя.

На испытание шлюзов и каналов государь прислал французского инженера, генерала Трузсона, с особой коллегией при нем из трех адмиралов и одного инженера-итальянца.

— Инженер Перри! — заявил Трузсон. — По приказанию государя императора предлагаю вам через неделю весь путь от Дона до Оки привести в судоходное состояние! Я имею полномочия

его величества освидетельствовать все водные сооружения, дабы обнаружить и установить их добротность и целям государя соответствие!

— Слушаю! — ответил Перри. — Водный ход будет готов через четыре дня!

— О, это знаменито! — провозгласил довольно Трузсон. — Исполняйте, инженер, и не задерживайте наше отбытие в Петербург!

Через четыре дня затворы водоспусков были опущены, и вода начала накапливаться в шлюзовые плесы. Однако накоп был столь незначителен, что и в глубоких местах более аршина не получилось. Кроме того, когда вода, запертая шлюзами, чуть поднялась в реке, то подземные ключи перестали биться. На них налег тяжелый пласт воды и задушил их.

На пятый день вода в междушлюзные пространства совсем перестала добавляться. К тому же был зной, бездожде, и из балок не было никакого подтока.

С Шати-реки от Муровлянского шлюза пущена была байдара, груженная лесом, с осадкой в пять четвертей аршина. Отплыв от шлюза на полверсты, она села на мель на самом фарватере.

Трузсон и его испытательная коллегия ездили на тройках по обочине водного пути.

Из крестьян, кроме нужных рабочих, никого не было на открытии водного хода. Мужики не чаяли, когда эта беда минует Епифань, а по воде никто не собирался плавать; может, пьяный когда вброд перейдет эту воду поперек, и то изредка; кум от кума жил в те времена верст за двести, потому что сосед соседа в кумовья не брал — бабы не дружили.

Трузсон ругался по-французски и по-английски, но то была немощная ругань. А по-русски он не умел. Поэтому даже рабочие на шлюзах не пугались генерала — не понимали, чего кричал и брызгал ртом этот русский генерал из иноземцев. А что воды мало будет и плавать нельзя, про то все бабы в Епифани еще год назад знали. Поэтому и на работу все жители глядели как на царскую игру и иноземную затею, а сказать — к чему народ мучают — не осмеливались. Только епифанские бабы жалели мрачного Перри:

— Удобён да статён, пралич, и не стар будто, а с бабами не жирует... Не то скорбь кака гложет, не то бабу свою схоронил — кто ж его знает: не сказывает... А уж дюже горемычен на лицо — аж жутко...

На другой день нарядили сто мужиков мерщиками. Мужики пустились прямо вброд. Только у самых шлюзовых плотин они малость плыли, а то вброд всюду тянулись. В руках они несли шесты, и десятские зарубали на них глубины, а больше мерщики мерили голеньями и потом отсчитывали четвертями, а в четверти у иных

было пол-аршина. Пятипалая рука тогда имела мощный мах в пальцах и мерным работам не способствовала.

Через неделю все водные ходы были промерены, и Трузсон почитал, что и лодка не везде пройти может, а в иных местах и плота вода не подымет. А царь приказал глубину устроить, чтобы десятипушечным кораблям безопасно по ней плавать можно было.

Коллегия Трузсона составила испытательную ведомость и зачитала ее Перри и его сподручным немцам. В ведомости говорилось, что каналы, а равно и шлюзованные речки, не гожи для плавания и кораблевождения, по причине малости вод. Затраты и труды надо почитать напрасными и никому не впрок. Далее того предлагалось распорядиться воле царя.

— Да, — сказал один адмирал, из приспешников Трузсона, — учредили водяной ход! Вечное посмешище установили, великие тяготы народные расточили!.. Испозорили, изглумили государя вдрызг, — у меня и то изжога началась от таких делов!.. Ну, теперча гляди, немцы! И ты, агличанский чудотворец, теперь кнута жди — да это еще милость!.. Страхота сию ведомость царю доложить — морду хлобыстать почнет!..

Перри молчал. Он знал, что прожект был исполнен по изысканиям того же Трузсона, но все равно ему спастись теперь не к чему.

На другой день, на восходе солнца Трузсон уехал со своими людьми.

Перри не знал, куда ему деть привычную работоспособность, и гулял в степях целыми днями, а вечерами читал английские романы, но другие, а не «Любовь Бетти Хьюг».

Немцы сгнули через десять дней после Трузсона. Воевода Салтыков снарядил за ними угон, но угонные стражники еще не вернулись.

В Епифани из немцев остался только женатый Форх, как любивший супругу человек.

Воевода Салтыков учредил за Перри и Форхом неявный надзор, но то было известно и Перри, и Форху. Салтыков ждал каких-то приказов из Петербурга и на глаза Перри не показывался.

Перри одичал сердцем, а мыслью окончательно замолчал. Начинать что-нибудь делать серьезное — было не к чему. Он знал, что его ждет — расправа царя. Однако в кратком смысле он написал британскому посланнику в Петербург, прося его вызволить подданного британского короля. Но Перри чувствовал, что воевода не пошлет его письмо с очередной оказией или запакует его в казенную сумку и направит в Тайный Петербургский Приказ.

Через два месяца Петр прислал нарочного с секретным пакетом. Царский курьер ехал в карете, за каретой мчались мальчишки, и пыль за ними расцвечивалась радугой от вечернего солнца.

Перри стоял в тот час у окна и видел весь этот скорый ход собственной судьбы. Он сразу догадался, с чем приехал посланец, и лег спать, чтобы скоротать ненужное время.

На другой день, на заре солнца, к Перри постучали.

Вошел воевода Салтыков.

— Аглицкий подданный Бердан Рамзеич Перри, объявляю тебе волю его императорского величества: с сего часа ты не генерал, а штатский человек и сверх того преступник. На государеву расправу ты пешеходом гонишься в Москву со стражниками. Сбирайся, Бердан Рамзеич, ослободжай казенное помещение!..

Х

В полдень Перри шел по среднерусскому континенту и созерцал встречные травинки. За спиною его был мешок, а рядом стражники.

Дорога ожидала дальняя, и стражники были добры, чтобы не тратить зря душу на злобу.

Два стражника были родом из Епифани. Они сказали Перри, что завтра с утра начнут пороть в пыточной хате немца-остальца Форха. Царь, будто, другой никакой казни ему не назначил, а только дать дюжую порку и выгнать в Неметчину.

Дорога в Москву оказалась столь длинна, что Перри забыл, куда его ведут, и так устал, что хотел, чтоб его поскорее довели и убили.

В Рязани епифанские стражники переменились. Новые стражники сказали Перри, что как бы войны с агличкой державой не было.

— А что так? — спросил Перри.

— Петр-государь, сказывают, пымал у царицы на спальных снастях полюбовника, а тот аглицким посланцем окажись! Петр-царь ему голову отрубил да царице ее в шелковом чувале и пришили!..

— Неужели так? — спросил Перри.

— А ты думал? — сказал стражник. — Видал нашего царя? Громадный мужчина! Сказывают, он тому посланцу руками голову оторвал, будто куренку какому! Шуточное ли дело? Только я слышал, из женчины царь народ на войну не тронет...

Под конец дороги Перри не чувствовал ног. Они у него распухли, и он шел, как в валенках.

Один стражник-старик на последней ночевке, ни с того ни с сего, сказал Перри:

— И куды мы тебя ведем? Может, на мертвую казнь!.. Нонешний царь горазд на всякую лютость... Я б убёг на глазах! Пра! А ты

идешь цыплагом! Кровя, брат, у тебя дохлые — я б залютовал во как, и в порку не дался, тем более в казнь!..

XI

Перри привели в Кремль и сдали в башенную тюрьму. Ничего ему не говорили, и Перри перестал пытаться судьбу.

В узкое окно он всю ночь видел роскошь природы — звезды — и удивлялся этому живому огню на небе, горевшему в своей высоте и беззаконии.

Такая догадка обрадовала Перри, и он беспечно засмеялся на низком глубоком полу высокому небу, счастливо царствовавшему в захватывающем дыханье пространстве.

Перри проснулся сразу, не помня, как он заснул. Проснулся он не сам по себе, а от людей, которые стояли перед ним и негромко говорили, не будя заключенного. Но он сам проснулся, почувяв их.

— Бертран Рамзей Перри! — сказал дяк, вынув бумажку и прочтя имя. — По приказу его величества государя императора ты приговорен к усечению головы. Больше мне ничего не ведомо. Прощай. Царствие тебе божье! Все ж ты человек!

Дяк ушел и задвинул снаружи наглухо двери, не сразу управившись с железом.

Остался другой человек — огромный хам в одних штанах на пуговице и без рубашки.

— Скидавай портки!

Перри начал снимать рубашку.

— Я тебе сказываю — портки прочь, вор!

У палача сияли диким чувством и каким-то шумящим счастьем голубые, а теперь почерневшие глаза.

— Где же твой топор? — спросил Перри, утратив всякое ощущение, кроме маленькой неприязни, как перед холодной водой, куда его сейчас сбросит этот человек.

— Топор! — сказал палач. — Я без топора с тобой управлюсь!

Резким рубящим лезвием вцепилась догадка в мозг Перри, чуждая и страшная его природе, как пуля живому сердцу. И эта догадка заменила Перри чувство топора на шее: он увидел кровь в своих онемелых остывших глазах и свалился в объятия воющего палача.

Через час в башне загремел железом дяк.

— Готово, Игнатий? — крикнул он сквозь дверь, притулясь и прислушиваясь.

— Обожди, не лезь, гнида! — скрежеща и сопя, отвечал оттуда палач.

— Вот, сатана! — бормотал дьяк. — Такого не видал вовеки: пока лютостью не изойдет — входить страховито!

Зазвонили к «Достоينو» — отходила ранняя обедня. Дьяк зашел в церковь, взял просфорочку — для первого завтрака — и запасся свечечкой — для вечернего одинокого чтения.

Епифанский воевода Салтыков получил в августе, на Яблочный Спас, духовитый пакет с марками иноземной державы. Написано на пакете было не по-нашему, но три слова было по-русски:

«Бертрану Перри, инженеру».

Салтыков испугался и не знал, что ему делать с этим пакетом на имя мертвеца.

А потом положил его от греха за божницу — на вечное поселение паукам.

<Январь 1927 г.>

ГОРОД ГРАДОВ

— Мое сочинение скучно и терпеливо, как жизнь, из которой оно сделано.
Ив. Шаронов, писатель конца XIX века

I

От татарских князей и мурз, в летописях прозванных мордовскими князьями, произошло столбовое градовское дворянство, — все эти князья Енгалычевы, Тенишевы и Кугушевы, которых до сих пор помнит градовское крестьянство.

Градов от Москвы лежит в пятистах верстах, но революция шла сюда пешим шагом. Древлеотчинная Градовская губерния долго не сдавалась ей: лишь в марте 1918 года установилась советская власть в губгороде, а в уездах — к концу осени.

Оно и понятно: в редких пунктах Российской Империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мощей Градов имел трое: Евфимий-ветхопещерник, Петр-женоненавистник и Прохор-византиец; кроме того, здесь находились четыре целебных колодца с солной водой и две лежачих старушки-прорицательницы, живьем легшие в удобные гроба и кормившиеся там одной сметаной. В голодные годы эти старушки вылезли из гробов и стали мешочницами, а что они святые — все позабыли, до того суетливо жилось тогда.

Проезжий ученый говорил властям, что Градов лежит на приречной террасе, о чем и был издан циркуляр для сведения.

Город орошала речка Жмаевка — так учили детей в школе I-й ступени. Но летом на улицах было сухо, и дети не видели, что Жмаевка орошает Градов, и не понимали урока.

Вокруг города жили слободы; исконные градовцы называли слобожан нахальщиками, ибо слобожане бросали пахотное дело и стремились стать служилыми чиновниками, а в междуцарствие свое — пока им должностей не выходило — занимались чинкой сапог, смолокурством, перепродажей ржаного зерна и прочим незнатным занятием. Но в том была подоплека всей жизни Градова: слобожане наседали и отнимали у градовцев хлебные места в учредениях, а градовцы обижались и отбивались от деревенских охальников. Поэтому три раза в год — на Троицу, в Николин день и на Крещение — между городом и слободами происходили кулач-

ные бои. Слобожане, кормленные густой пищей, всегда побивали градовцев, исчахших на казенных харчах.

Если подъезжать к Градову не по железной дороге, а по грунту, то въедешь в город незаметно: все будут поля, потом пойдут хаты, сделанные из глины, соломы и плетня, потом предстанут храмы и уже впоследствии откроется площадь. Посреди площади стоит собор, а против него двухэтажный дом.

— А где же город? — спросит приезжий человек.

— А вот он город и есть! — ответит ему возчик и укажет на тот же двухэтажный дом старинной стройки. На доме том висит вывеска:

«Градовский Губисполком».

На краю базарной площади стоят еще несколько домов казенного вечного образца — там тоже необходимые губернии учреждения.

Есть в Градове жилища и поприличней хат. Крыты они железом, на дворе имеют нужники, а с уличной стороны палисадники. У иных есть и садики, где растет вишня и яблоня. Вишня идет в настоящку, а яблоко — в мочку.

Живут в таких домах служащие люди и хлебные скупщики.

В летние вечера город наполняется плавающим колокольным звоном и трубным дымом поставленных самоваров.

Народ в городе существовал без спешки и не беспокоился о якобы лучшей жизни. Служил с усердием, держа порядок в губернии, но ярости в труде не знал. Торговали по малости — без риска, но прочно сбивая хлеб насущный.

Героев город не имел, безропотно и единогласно принимая резолюции по мировым вопросам.

А может и были в Градове герои, только их перевела точная законность и надлежащие мероприятия.

Отсюда пошло то, что сколько ни давали денег этой ветхой, растрепанной бандитами и заросшей лопухами губернии, — ничего замечательного не выходило.

В Москве руководители губернии говорили правительству, что хотя нельзя сказать точно, на что истрачены пять миллионов, отпущенные в прошлом году на сельское хозяйство, но толк от этих миллионов должен быть; все-таки деньги истрачены в Градовской губернии, а не в чужом месте, и как-нибудь скажутся.

— Может, пройдет десять годов, — говорил председатель Градовского Губисполкома, — а у нас рожь начнет расти в оглоблю, а картошка — с колеса! Вот тогда и видно будет, куда ушли пять миллионов рублей!

А было дело так. Случился в Градовской губернии голод от засухи. На прокормление крестьян и на особые гидротехнические работы отпустили пять миллионов рублей.

Восемь раз заседал президиум Градовского Губисполкома: что делать с этими деньгами? Четыре месяца шло обсуждение серьезного вопроса.

В основу отбора голодающих крестьян от сытых был положен классовый принцип: помощь оказывать только тем крестьянам, у которых нет ни коровы, ни лошади, а наличный скот — не свыше двух овец и двадцати кур, включая петуха; остальным крестьянам, имеющим корову или лошадь, давать хлеб порциями, когда в теле есть научные признаки голода, как то: высокая температура или желудочная изжога.

Научное определение голода было возложено на ветеринаров и на сельский педагогический персонал. Затем Градовским Губисполкомом была детально разработана «Ведомость учета крестьянских хозяйств, на восстановление, укрепление и развитие коих может в некоторой степени повлиять частичный недород некоторых районов губернии».

Сверх натуральной кормежки решено было начать гидротехнические работы. Создана была особая комиссия по набору техников. Но она ни одного техника не приняла, так как оказалось, — чтобы построить деревенский колодезь, техник должен знать всего Карла Маркса.

Комиссия решила, что технического персонала на рынке Республики нет, и по одному доброму совету приняла, что эти работы надо поручить бывшим солдатам-военнопленным, а также сельским самоучкам, которые даже часы могут чинить, а не только насыпь сделать или яму для воды выкопать. Один член этой приемочной комиссии вслух прочитал книгу, — где говорится, как холоп Микишка сделал аэроплан и летал на нем перед царем Иоанном Грозным, — чем убедил окончательно комиссию в скрытых силах пролетариата и трудового крестьянства. Следовательно, решила комиссия, средства, отпущенные губернии на борьбу с недородом, помогут — «выявить, использовать, учесть и в дальнейшем снова использовать внутренние умственные силы пролетариата и беднейших крестьян; тем самым гидротехнические работы в нашей губернии будут иметь косвенный культурный эффект».

Было построено шестьсот плотин и четыреста колодцев. Техников совсем не было, а может, было — человека два. Не достояв до осени, плотины были смыты летними легкими дождями, а колодцы почти все стояли сухими.

Кроме того, одна сельскохозяйственная коммуна, под названием «Импорт», начала строить железную дорогу, длиною в десять верст. Железная дорога должна соединить «Импорт» с другой коммуной — «Вера, Надежда, Любовь». Денег «Импорт» имел пять тысяч рублей, и даны они были на оршение сада. Но железная до-

рога осталась недостроенной: коммуна «Вера, Надежда, Любовь» была ликвидирована губернией за свое название, а член правления «Импорта», посланный в Москву купить за двести рублей паровоз, почему-то не вернулся.

Сверх того, на те же деньги десятниками самочинно были построены восемь планеров для почтовой службы и перевозки сена и один вечный двигатель, действующий моченым песком.

II

В Градов Иван Федотович Шмаков ехал с четким заданием: вращать в губернские дела и освежить их здравым смыслом. Шмакову было 35 лет, и славился он совестью перед законом и административным инстинктом, за что и был одобрен высоким госорганом и послан на ответственный пост.

Думал Шмаков как раз про то, что было ему известно про Градов. А известно ему было одно, что Градов — оскуделый город и люди живут там настолько бестолково, что даже чернозем травы не родит.

За два часа до Градова Шмаков вышел на попутную станцию и, оглянувшись по сторонам, испуганно и наспех выпил водочки в буфете, зная, что советская власть не любит водки. Особое чувство скуки и беспокойства схватило Шмакова, когда он шел по мрачным и бесприютным залам вокзала. В третьем классе сидели безработные и ели дешевую мокрую колбасу. Плакали дети, увеличивая чувство тревоги и беспомощной жалости. Уныло гудели маломощные паровозы, готовясь к одолению скудных осенних пространств, полных редкой и убогой жизни. Проезжие люди жили так, как будто они ехали по чужой планете, а не по отечественной стране: каждый ел укромкой и соседу пищи не давал, но все-таки люди жались друг к другу, ища защиты на страшных путях сообщения.

Шмаков вошел в вагон и закурил. Поезд тронулся. Наспех выскочила баба с яблоками, запутавшись в сдаче пассажиру с гривенника.

Шмаков плюнул, раздражаясь от длительности пути, и сел. За окном проскакивали хижинки какого-то городка и не спеша помахиwała мельница ветхими крылами, тяжело мея грубое зерно.

Некий старичок рассказывал соседям хитроумную притчу, и люди смеялись, торопя старика:

— А мордвин што?

— А мордвин, богатый человек, — говорил старик, — мордвин угостил русского подобру и честь честью. Только русский го-

ворит мордвину: я беден, и когда разбогатею, тогда тебя тоже в гости позову.

— А мордвин ему што?

— А мордвин ждет! Прошел год, еще год, а потом сразу два. Русский все не богатеет, а мордвин все ждет — когда его русский в гости к себе позовет. Четыре года томился мордвин, а потом вспомнил про русского и пошел к нему в гости. Вот приходит в хату...

— К русскому?

— К русскому — то видно по рассказу. Да... Русский схватил шапку с мордвина — то на один гвоздь ее повесит, то на другой, то на третий. — Што ты? — спрашивает его мордвин. — Места тебе не найду, — говорит русский.

— Почет, значит?

— Ну, почет, конечно... Да... Сел мордвин за порожний стол и глядит, чего бы ухватить ему из пищи. Глядь, русский кувшин тащит. — Пей, — говорит. — Мордвин ухватился, думал, влага какая, а там вода. Попил мордвин. — Будя, говорит. — Пей, — говорит русский, — не обижай, пожалуйста! — Мордвин, конечно, человек уважительный, — пьет. Не успел выпить этого кувшина, хозяйка ведро принесла, а хозяин доливает кувшин и потчует гостя: не обидь, говорит, угощайся, ради бога! — Выпил мордвин три ведра воды и домой пошел. — Хорошо угостил тебя русский? — спрашивает мордвина жена. — Хорошо, — говорит мордвин, — спасибо, что вода была, а от водки я бы помер — три ведра выпил...

Шмаков задремал от плавного хода поезда и сбился с рассказа старика. Увидев во сне кошмарное видение, что рельсы лежат не на земле, а на диаграмме и означают пунктир, то есть косвенное подчинение, Шмаков пробормотал что-то и проснулся. Старик исчез, взяв свой мешок с продуктами, а на его месте сидел комсомолец и проповедовал:

— Религия должна караться по закону!

— Это через почему ж такое по закону-то? — злобно допытывался неизвестный человек, ранее рассказывавший о ценах на пшеницу в Саратове и Раненбурге.

— А вот почему! — говорил парень, равнодушно и старчески улыбаясь и явно жалея собеседников. — Я расскажу все последовательно! Потому что религия есть злоупотребление природой! Поняли? Дело ведь просто: солнце начинает нагревать навоз, сначала вонь идет, а потом оттуда трава вырастает! Так и вся жизнь на земле произошла — очень просто!..

— А я у вас извинения попрошу, товарищ коммунист, — робко выговорил все тот же неизвестный человек, что на пшеницу цену знал, — ежели мы навоз, допустим, на загнетку положим, а печку

затопим, чтоб тепло и свет шли, то, по-вашему, вырастет трава из навоза аль нет?

— Ну да, вырастет! — ответил знающий парень, — все равно, что печка, что солнце...

— И на лежанке можно? — хитрил неизвестный человек.

— Ясно, можно! — подтвердил комсомолец.

— А вы вот что нам скажите, гражданин коммунист, — хрипло обратился человек, ехавший в Козлов на мясохладобойню, — правда, что Днепр перегородить хотят и Польшу затопить?

Комсомольский знаток разгорелся и сразу рассказал о Днепрострое все, что известно и неизвестно.

— Сурьезное дело! — дал свое заключение о Днепрострое козловский человек. — Только воду в Днепре не удержать!

— Это почему ж такое? — вступился тут Шмаков.

Козловец сумрачно поглядел на Шмакова: дескать, это еще что за моль тут встряла в разговор?

— А потому, — сказал он, — что вода — дело тяжкое, камень точит и железо скоблит, а советский матерьял — мягкая вещь!

«Он прав, сволочь! — подумал Шмаков. — У меня тоже пуговицы от новых штанов оторвались, а в Москве покупал!»

Дальше Шмаков не слушал, заскорбев от дум о недоброкачественности жизни. Поезд гремел на крутом уклоне и скрежетал бесильными тормозами.

Печальный молчаливый сентябрь стоял в прохладном пустопожном поле, где не было теперь никакого промысла. Одно окно в вагоне было открыто, и какие-то пешие люди кричали в поезд:

— Эй, сволочи!

Иногда встречные пастушонки просили:

— Брось газету! — Газета им требовалось на сигарки.

Комсомолец, раздобрев от своей осведомленности, побросал им всю наличную бумагу, и пастушонки ловили ее, не допуская до земли. Но Шмаков своей газеты не дал — в чужом городе всякий клоч дорог!

— Градов! Кому до Градова? Первая остановка! — сказал проводник и начал выметать сор. — Насорили, идола, как в поле! Штрафовать вас надо, да денег у вас нету! Бабка, прими ноги!

Шмаков сошел в Градове, и его охватила некоторая жуть.

«Вот оно — мое поселение», — думал Шмаков и оглядывал тихий вокзал и скромных людей, спешащих попасть в вагоны.

Несмотря на то, что этот пункт был связан рельсами со всем миром — с Афинами и Апеннинским полуостровом, а также с берегом Тихого океана, — никто туда не ездил: не было надобности. А если бы кто поехал — запутался в маршруте: народ тут жил бестолковый.

Дир. Мин. сельского хозяйства
с. 10/11 1937

Уважающему Майбовскому
Убзему управлению

9

Рапорт

Допишу, что сего числа я прибыл
в Майбовское Убзему управление и вступил
в исполнение обязанностей губернского
меморатора, — о чем прошу Вашего распо-
ряжения издать соответствующий приказ.

Зачислить меня на жалованье прошу
с 5/XII т.г. — дня откомандирования из
НКЗема. Время с 5 по 7-е декабря ушло
на приглашение персонала в Москве и
ликвидацию домашних дел.

Сп. инт. — торговля
Отг. Меморатт и Вост. Уз-в. НКЗ

А. Платонов.

Майбов, 8/XII, 26.

Вселился Шмаков в дом № 46 по Коркиной улице; дом был невелик, и жила в нем одна старушка, караульщица своего недвижимого имущества. Получала она за мужа пенсию 11 р. 25 к. в месяц и комнату сдавала за 8 р. с ее топкой.

Сел за голый стол Иван Федотыч, поглядел на двор, где травы умирали, и ему сделалось скучно. Посидев, Иван Федотыч лег, а полежавши, встал и пошел еды купить.

Еще не закатилось сентябрьское солнце, а Иван Федотович вернулся в пустоту своего жилища. Старушка вздыхала на кухне от перемены власти и трещала лучинками к самовару.

Иван Федотыч поел колбасы, а затем сел выработывать форму своей подписи на будущих бумагах. «Шмаков», — написал Иван Федотович. «Нет, не твердо», — подумал он и вновь написал «Шмаков», но уже более бесхитростно и как бы невзначай копируя по простоте начертания подпись Ленина.

Затем долго раздумывал Иван Федотович — ставить ему перед своей фамилией «Ив» — Иван, или не надо. Наконец решил поставить: могут обознаться и спутать с инородным человеком, хотя фамилия «Шмаков» — достаточно редкостная.

В 8 часов старушка перестала вздыхать и тихо засопела: уснула, стало быть. Потом проснулась и долго бормотала славянские молитвы.

Иван Федотович задернул занавесочки, понюхал больной цветок на подоконнике и извлек из чемодана кожаную тетрадь. На коже было вырезано перочинным ножом заглавие рукописного труда —

«ЗАПИСКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА».

Открыв рукопись на 49 странице, Иван Федотович подчитал конец и, разогнавшись мыслью, начал продолжать:

«...Я тайно веду свой труд. Но когда-нибудь он сделается мировым юридическим сочинением, а именно: я говорю, чиновник и прочее всякое должностное лицо — это ценнейший агент социалистической истории, это живая шпала под рельсами в социализм.

Служение социалистическому отечеству — это новая религия человека, ощущающего в своем сердце чувство революционного долга.

Воистину в 1917 году в России впервые отпраздновал свою победу гармонический разум порядка!

Современная борьба с бюрократией основана отчасти на непонимании вещей.

Бюро есть конторка. А конторский стол суть неременная принадлежность всякого государственного аппарата.

Бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расползавшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей.

Бюрократ должен быть раздавлен и выжат из советского государства, как кислота из лимона! Но не останется ли тогда в лимоне одно ветхое дерьмо, не дающее вкусу никакого достоинства?»

Шмаков остановился, потому что раздался неприличный звук.

— Гады! — заорал кто-то у окна. — Испотрошу всяку сволочь, всяку баптистскую ересь!..

И вдруг голос смилостивился и зазвучал милосердно:

— Друг, скажи по-матерному, по-церковнославянски! Ага — нельзя!.. Эх ты, гниденьш!

Шаги удалились, и пустынно застучал колотушечник, предупреждая грабеж.

Шмаков сначала насторожился, а потом поник в удручении от многочисленности хамства.

Одолов нравственную тревогу, он продолжал:

«Что нам дают вместо бюрократизма? Нам дают — доверие вместо документального порядка, т. е. дают хищничество, ахиною и поэзию.

Нет! Нам нужно, чтобы человек стал святым и нравственным, потому что иначе ему деться некуда. Всюду должен быть документ и надлежащий общий порядок.

Бумага лишь символ жизни, но она и тень истины, а не хамская выдумка чиновника.

Бумага, изложенная по существу и надлежаще оформленная, есть продукт высочайшей цивилизации. Она предугадывает порочную породу людей и фактирует их действия в интересах общества.

Более того, бумага приучает людей к социальной нравственности, ибо ничто не может быть скрыто от канцелярии».

Часто бывало, что мысль Ивана Федотовича увлекалась сторонними соображениями во вред пользе. Так и сейчас, пренебрегая временем, он задумался о сравнительной административной силе преука и исправника. Затем он подумал о воде земного шара и решил, что лучше спустить все океаны и реки в подземные недра, чтобы была сухая территория. Тогда не будет беспокойства от дождей, а народ можно расселить просторней. Воду будут сосать из глубины насосы, облака исчезнут, а в небе станет вечно гореть солнце, как видимый административный центр.

«Самый худший враг порядка и гармонии, — думал Шмаков, — это природа! Всегда в ней что-нибудь случается!..

А что если учредить для природы судебную власть и карать ее за бесчинство? Например, драть растения за недород!.. Конечно, не просто пороть, а как-нибудь похитрее — химически, так сказать!

Делегациями
Мамт. 2.3.4. Шмаков И.В.
Мамт. 1.3.11
Риспорт
Село 10 марта выехали в командировку
в Карповский и Куровский уезд
10/III 27. И. Шмакову

Рапорт сотрудника Тамбовского ГЗУ И.В. Шмакова
с визой А.П. Платонова. 10 марта 1927 г. ГАТО

II

ВСЕЛИЛСЯ Шмаков в дом № 46, по Коркиной улице; дом был невелик, и жила в нем одна старушка—караульщица своего недвижимого имущества. Получала она за мужа пенсию 11 р. 25 к. в месяц и комнату сдавала за 8 р. с ее топкой.

Сел за голый стол Иван Федотович, поглядел на двор, где травы умирали, и ему сделалось скучно. Посидев, Иван Федотович лег, а полежавши — встал и пошел сды купить.

Еще не закатилось сентябрьское солнце, а Иван Федотович вернулся в пустыню своего жилища.

Старушка вздыхала на кухне от перемены власти и прещала лучинками к самовару.

Иван Федотович поел колбасы, а затем сел вырабатывать форму своей подписи на будущих бумагах:

Шмаков

написал Иван Федотович.

Не согласятся, — вздохнул Шмаков, — беззаконники везде сидят!»

Потом он очнулся и продолжал работать:

«И как идеал зиждется перед моим истомленным взором то общество, где деловая официальная бумага проела и проконтролировала людей настолько, что, будучи по существу порочными, они стали нравственными. Ибо бумага и отношение следовали за поступками людей неотступно, грозили им законными карами, и нравственность сделалась их привычкой.

Канцелярия является главной силой, преобразующей мир порочных стихий в мир закона и благородства.

Подумать надо над этим — и крепко подумать. Я кончаю сегодняшнюю очередную запись, чтобы крепко подумать о бюрократии».

Тут Иван Федотович встал — и действительно задумался.

Так думал он о бюрократии — долго, пока его не перебил собачий лай на ночной улице, и тогда он уснул, зря не потушив лампы.

На другой день Шмаков явился на службу — в Губернское Земельное Управление, куда он назначен был заведовать подотделом.

Явившись, он молча сел и начал листовать разумные бумаги. Сослуживцы дико смотрели на новое молчаливое начальство и, вздыхая, не спеша чертили какие-то длинные скрижали.

Иван Федотыч постепенно входил в самое средоточие дел и всюду усматривал ущерб стройности и делопроизводительной логике.

Вечером, лежа на кровати, он раздумывал о своей новой службе. Круг обязанностей каждого сотрудника очерчен недостаточно четко, служащие суеются с малой пользой, в бумагах — запор смысла и скользкая бесклассовая логика, в толчее и подотдельской тесноте сотрудники утратили самую цель своих трудов и исторический смысл своей службы.

Поев вчерашней колбасы, Шмаков сел писать доклад начальнику земуправления — «О соподчинении служащих внутри вверенного мне подотдела, в целях рационализации руководимой мною области сельскохозяйственных мероприятий».

Трактат свой Иван Федотович кончил поздней ночью — за полночь, — когда уже снеслись куры, своевременно и надлежаще оплодотворенные.

Утром хозяйка сжалась над одиноким человеком и дала Ивану Федотычу бесплатно чай. Ночью она слышала, как у спящего Шмакова рычала и резко трескалась сухая жирная пища в животе.

Иван Федотович принял чай без всякого одобрения и без интереса прослушал хозяйкин рассказ об их глухой стороне.

Оказалось, что в ближних к Градову деревнях, — не говоря про дальние, что в лесистой стороне, — до сей поры весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот и навистывали ветер.

«Холуйство! — подумал Иван Федотович, послушав старуху. — Только государство и его живая сила — служилый должный народ — способны упорядочить это мракобесие!»

Идя на службу, Иван Федотович чувствовал легкость желудка от горячего чая старухи и покой мысли от убежденности в благотворном государственном начале.

На службе Ивану Федотычу дали дело о наделении землей потомков некоей Алены, которая была предводительницей мятежных отрядов поценского края в 18-м столетии и которую сожгли за чародейные дела в срубе в г. Кадоме.

«Ездили они, отцы наши, воровские казаки, — читал в деле Шмаков, — по уездам, рубили помещиков и вотчинников, за которыми были крестьяне, а черных людей, крестьян и боярских людей и иных служилых людей никого не рубили и не грабили».

Дело о землеустройстве потомков Алены тянулось уже пятый год. Теперь пришла новая бумага от них с резолюцией начальника учреждения:

«Тов. Шмакову. Реши это дело, пожалуйста, окончательно. Пятый год идет волокита о семи десятинах. Доложи мне срочно по сему».

Шмаков исчитал все дело и нашел, что это дело можно решить тройко, о чем и написал особую докладную записку начальнику учреждения, не предвещая вопроса, а ставя его на усмотрение вышестоящих инстанций. В конце записки он вставил собственное изречение, что волокита есть умственное коллективное вырабатывание социальной истины, а не порок.

Управившись с Аленой, Шмаков углубился в поселок Гора-Горушку, который жил на песках, а на лучшие земли не выходил. Оказалось, что поселок жил тихим хищничеством с железной дороги, которая проходила в двух верстах. Поселку давали и деньги, и агрономов, а он сидел на песке и жил неведомо чем.

Шмаков написал на этом деле резолюцию:

«Гору-Горушку считать вольным поселением, по примеру немецкого города Гамбурга, а жителей — транспортными хищниками; земли же надлежит у них изъять и передать в трудовое пользование».

Далее попало заявление жителей хутора Девьи Дубравы о необходимости присылки им аэроплана для подгонки туч в сухое летнее время. К заявлению прилагалась вырезка из газеты «Градовские Известия», которая обнадежила девье-дубравцев:

«ПРОЛЕТАРСКИЙ ИЛЬЯ-ПРОРОК.

Ленинградский советский ученый профессор Мартенсен изобрел аэропланы, самопроизвольно льющие дождь на землю и делающие над пашней облака. Будущим летом предполагено испытать эти аэропланы в крестьянских условиях. Аэропланы действуют посредством наэлектризованного песка».

Изучив все тексты сего дела, Шамаков положил свое заключение:

«Ввиду сыпящегося из аэроплана песка, чем уменьшается добротность пахотных почв, признать отпуск аэроплана хутору Девьи Дубравы пока преждевременным, о чем и уведомить просителей».

Остаток трудового дня Шамаков истратил целиком и полностью на заполнение форм учета учетной работы, наслаждаясь графами и терминами государственного точного языка.

На пятый день службы Шамаков познакомился с заведующим Административно-Финансовым Отделом Земельного Управления Степаном Ермиловичем Бормотовым.

Бормотов принял Шамакова спокойно, как чуждое интересам дела явление.

— Товарищ Бормотов! — обратился Шамаков. — У нас дело стоит: вы почту приказали отправлять два раза в месяц — оканиями...

Бормотов молчал и подписывал ассигновки.

— Товарищ Бормотов, — повторил Иван Федотыч. — У меня тут срочные бумажки, а отправлять почту будут через неделю чохом...

Бормотов нажал кнопку звонка, не глядя на Шамакова.

Вошел испуганный пожилой человек и прищурился на Бормотова с почтительным и усиленным вниманием.

— Отнеси это в Ремесленную Управу, — сказал Бормотов человеку. — Да позови мне какую-нибудь балерину из переписчиц!

Человек не осмелился ничего сказать и ушел.

Вошла машинистка.

— Соня! — сказал ей Бормотов, не взирая на нее, а узнав по запаху и иным косвенным признакам. — Соня! Ты оперплан не переписала еще?

— Переписала, Степан Ермилыч! — ответила Соня. — Это операционный план? Ах, нет, не переписала!

— Ну, вот, ты спроси сначала, а потом отвечай, — а то — переписала!

— Вы про операционный план спрашиваете, Степан Ермилыч?

— Ну, да — не про опереточный! Оперплан и есть оперплан!

— Ах, я его сейчас только вдела в машинку!

— Вдела и держи там! — ответил Степан Ермилыч.

Тут Бормотов кончил подписывать ассигновки и заметил Шмакова.

Шмаков вновь рассказал ему про почту.

Бормотов послушал и ответил:

— А как же в Вавилоне акведуки строили? Хорошо ведь строили? — Хорошо! Прочно? — Прочно! А почта ведь там раз в полгода отправлялась, и не чаще! Что теперь мне скажешь? — Бормотов знающее улыбнулся и принялся подписывать подтверждения и напоминания.

Шмаков сразу утих от такого резона Бормотова и недоуменно вышел. По дороге он дышал сухим воздухом старой деловой бумаги и думал о том, что значит Ремесленная Управа, которую упомянул Бормотов. Думал Шмаков и еще кой о чем, но о чем — неизвестно.

В дверях Административно-Финансового Отдела спорили два человека. Каждый из них был особенный: один утлый, истощенный и несчастный, пьющий водку после получки, другой — полный благотворности жизни от сытой пищи и внутреннего порядка.

Первый, тощий, свирепо убеждал второго, что это глина, держа какой-то комочек в руке. Другой, напротив, стоял за то, что это песчаный грунт и удовлетворялся этим.

— А почему? Ну, почему песок? — пытал его тощий.

— А потому что сыпется, — резонно говорил тот, что поспокойнее. — Потому что мукой пылит: ты дунь!

Тощий дунул — и что-то вышло.

— Ну? — спросил утлый человек.

— Что ну? — сказал плотный. — Сыпется, значит песок!

— А ты плюнь, — догадался тощий.

Его недруг взял в свои руки комок неведомого грунта и смачно харкнул, уверенный в неразмочимой природе песка.

— Ну? — торжественно возгласил тощий. — Помни теперь!

Тот помял и сразу согласился, чтобы не рушить равновесия чувств.

— Глина! Мажется. Дребедень!..

Шмаков прослушал беседу друзей и, достигнув своего стола, сейчас же сел писать доклад Начальнику Управления — «О необходимости усиления внутренней дисциплины во вверенном Вам Управлении, дабы пресечь неявный саботаж».

Но вскоре саботаж явился пред Шмаковым как узаконенное явление. Во вверенном Шмакову подотделе сидело 42 человека, а работы было на пятерых. Тогда Шмаков, испугавшись, донес рапортом, кому следовало, о необходимости сократить штат на 37 единиц.

Но его вызвали сейчас же в местком и там заявили, что это недопустимо — профсоюз не позволит самодуствовать.

— А чего ж они будут делать? — спросил Шмаков, — им дела у нас нет!

— А пускай копаются, — сказал профсоюзник, — дай им старые архивы листовать, тебе-то што?

— А зачем их листовать? — допытывался Шмаков.

— А чтоб для истории материал в систематическом порядке лежал! — пояснил профработник.

— Верно ведь! — согласился Шмаков и успокоился, но все же донес по начальству, чтобы на душе покойней было.

— Эх ты, жамка! — сказал впоследствии Шмакову его начальник, — профтрепача послушал — ты работай, как гепеус, вот где умные люди!

Раз подходит к Шмакову секретарь управления и угощает его рассыпными папиросами.

— Покушайте, Иван Федотович! Новые: пять копеек сорок штук — градовского производства! Под названием «Красный Инок», — вот на мундштучке значится — инвалиды делают!

Шмаков взял папиросу, хотя почти не курил из экономии, — только дарственным табаком баловался.

Секретарь приник к Шмакову и пошептал вопрос:

— Вот вы из Москвы, Иван Федотович! Правда, что туда сорок вагонов в день мацы приходит, и то будто не хватает? Ньюжли верно?

— Нет, Гаврил Гаврилович, — успокоил его Шмаков, — должно быть меньше! Маца не питательна — еврей любит жирную пищу, а мацу он в наказание ест!

— Вот именно, я ж и говорю, Иван Федотович, а они не верят!

— Кто не верит?

— Да никто: ни Степан Ермилович, ни Петр Петрович, ни Алексей Палыч — никто не верит!

IV

А меж тем, сквозь время, настигла Градов печальная мягкая зима. Сослуживцы сходились по вечерам пить чай, но беседы их не отходили от обсуждения служебных обязанностей; даже на частной квартире, вдали от начальства, они чувствовали себя служащими государства и обсуждали казенные дела. Попав раз на такой чай, Иван Федотович с удовольствием установил непрерывный и сердечный интерес к делопроизводству у всех сотрудников Земельного Управления.

Желчь дешевого табака, шелест бумаги, запечатлевшей истину, покойный ход очередных дел, шествующих в общем порядке, — эти явления заменяли сослуживцам воздух природы.

Канцелярия стала их милым ландшафтом. Серый покой тихой комнаты, наполненной умственными тружениками, был для них уютней девственной природы. За огорожами стен они чувствовали себя в безопасности от диких стихий неупорядоченного мира и, множа писчие документы, сознавали, что множат порядок и гармонию в нелепом неудоверенном мире.

Ни солнца, ни любви, ни иного порочного явления они не признавали, предпочитая письменные факты. Кроме того, ни любовь, ни учет деятельности солнца — в прямой круг делопроизводства не входили.

Однажды, в темный вечер, когда капала неурочная вода — был уже декабрь — и хлопал мокрый снег, по улицам Градова спешил возбужденный Шмаков.

Предназначалась сегодня пирушка — по три рубля с души — в честь 25-летия службы Бормотова в госорганах.

Шмаков кипел благородством невысказанных открытий. Он хотел выступить перед Бормотовым и прочими на свою сокровенную тему — «Советизация как начало гармонизации вселенной». Именно так он хотел переименовать свои «Записки государственного человека».

Градов еще не спал, потому что шел восьмой час вечера. Злились от скуки собаки на каждом дворе. Замечательно — потому что он был один — горел вдалеке электрический фонарь. Небо было так низко, тьма так густа, а город столь тих, невелик и явно благовраден, — что почти не имелось никакой природы на первый взгляд, да и нужды в ней не было.

Проходя мимо пожарной каланчи, Шмаков слышал, как вздыхал наверху одинокий пожарный, томясь созерцанием.

— А все-таки он не спит! — с удовольствием гражданина подумал Иван Федотыч, — значит, долг есть! Хотя пожаров тут быть не может: все люди осторожны и порядочны!

На вечер, в условный дом вдовы Жамовой, сдавшей помещение за два рубля, Шмаков пришел первым. Вдова его встретила без приветливости, как будто Шмаков был самый голодный и пришел захватить еду.

Иван Федотович сел и затих. Отношений к людям, кроме служебных, он не знал. Если бы он женился, его жена стала бы несчастным человеком, но Шмаков уклонялся от брака и не усложнял историю потомством. Шмаков не чувствовал в женщинах никакой прелести, как настоящий мыслитель, в котором циркулирует голый долг. Воли в себе он не знал, ощущая лишь повиновение — радостное, как сладострастие; он любил служебное дело настолько, что дорожил даже крошками неизвестного происхождения, затерянные

ми в ящиках его письменного стола, как неким царством покорности и тщетности.

Вторым явился Степан Ермилович Бормотов. Он держался не как именованный, а как распорядитель.

— Марфуша! — обратился он к Жамовой, — ты бы половичок в передней постелила! Ноги могут быть нечисты, калоши людям не по бюджету, а у тебя все-таки горница, а не кабак!

— Сейчас, Степан Ермилович, сейчас постелю! А вы проходите, — я вам престольное место приготовила! Выше вас чина ведь не будет?

— Да, не должно быть, Марфа Егоровна, не должно! — и Степан Ермилович сел в лучшее кресло старинного устройства.

Чуя, что Степан Ермилович уже на месте, быстро стали подходить другие гости.

Пришли 4 деловода, 3 счетовода, 2 зав. личным составом, 2 бухгалтера, 3 заведующих подотделами, машинистка Соня и заведующий местной черепичной мастерской — старинный приятель Бормотова по земской службе — гражданин Родных.

Этими людьми мир Бормотова замкнулся в своих горизонтах и плановых перспективах, и началось чаепитие.

Чай пили молча и с удовольствием, разогревая им настроение. Марфа Жамова стояла за спиной Бормотова и меняла ему пустые стаканы, сласть чай желтым экономическим песком, купленным в кооперативе как брак.

Степан Ермилович Бормотов сидел с сознанием чести. Почтительный разговор не выходил из круга служебных тем. Поминались лихие случаи задержки распоряжений Губисполкома — и в голосе говорившего чувствовался страх и скрытая радость избавления от ответственности.

Выплыло событие об исчезновении Градовской губернии. Центр вдруг перестал присылать циркуляры. Тогда Бормотов добровольно поехал дешевым поездом в Москву выяснять положение. Денег ему дали мало — не пришли из Москвы кредиты, а отпустили пышек из инвалидной пекарни и выписали удостоверение о командировке. В Москве Бормотов узнал, что Градов хотяг передать в Область и в областной же город передали поэтому все градовские кредиты. А областной город отказывался от Градова: город непролетарский, говорят, на черт он нам сдался!

Так и повис Градов без государственного причалу. После своего возвращения Бормотов собрал на своей квартире старожилов и хотел объявить в Градовской губернии автономную национальную республику, потому что в губернии жили пятьсот татар и штук сто евреев.

— Не республика мне была нужна, — объяснял Бормотов, — я не наименьшой, а непрерывное государственное начало и сохранение преемственности в делопроизводстве.

Шмаков тлел возбуждением и шумел переполненным сердцем, но молчал до поры и тер свои писцовые руки.

Много еще случаев помянули присутствующие. История текла над их головами, а они сидели в родном городе, прижукнувшись, и наблюдали, усмехаясь, за тем, что течет. Усмехались они потому, что были уверены, что то, что течет, потечет-потечет и остановится. Еще давно Бормотов сказал, что в мире не только все течет, но и все останавливается. И тогда, быть может, вновь зазвонят колокола. Бормотов, как коммунист, да и другие, не желали, конечно, звона колоколов, но для порядка и внушения массам единого идеологического начала и колокола не плохи. А звон в государственной глуши несомненно хорош, хотя бы с поэтической точки зрения, ибо в хорошем государстве и поэзия лежит на предназначенном ей месте, а не поет бесполезные песни.

Незаметно чай кончился, самовар заглох. Марфа осунулась и села в уголок, устав угождать. Тогда за чай заступилась русская горькая.

— Вот, граждане, — сказал счетовод Смачнев, — я откровенно скажу, что одно у меня угощение — водка!.. Ничто меня не берет — ни музыка, ни пение, ни вера, а водка меня берет! Значит, душа у меня такая твердая, только ядовитое вещество она одобряет!.. Ничего духовного я не признаю, то — буржуазный обман!..

Смачнев, несомненно, был пессимист и, в общем и целом, перегнул палку.

Но действительно, что только водка разморозила сознание присутствующих и дала теплую энергию их сердцам.

Первым, по положению, встал Бормотов.

— Граждане! Служил я в разных местах. Я пережил 18 председателей губисполкомов, 26 секретарей и 12 начальников земуправлений. Одних управделами ГИКа при мне сменилось 10 человек! А чиновников особых поручений, как их — личных секретарей председателей — целых 30 штук прошло... Я страдалец, друзья, душа моя горька, и ничто ее не растрогает... Всю жизнь я спасал Градовскую губернию! Один председатель хотел превратить сухую территорию губернии в море, а хлебопашцев в рыбаков. Другой задумал пробить глубокую дырку в земле, чтобы оттуда жидкое золото наружу вылилось, и техника заставлял меня сыскать для такого дела! А третий все автомобили покупал, для того чтобы подходящую систему для губернии навеки установить! Видали, что значит служба! И я должен всему благожелательно улыбаться, терзая свой здравый смысл, а также истребляя порядок, установленный

существом дела! И более того — Ремесленная Управа, то есть Губпрофсовет, однажды исключила меня из союза рабземлеса за то, что я назвал членские взносы налогом в пользу служащих профессиональных союзов! Но, однако, членом союза я остался — иначе и быть не могло! Ремесленной Управе невыгодно лишаться плательщика налога, а об остальном постаралось мое начальство — без меня ему бы делать нечего было!

Бормотов хлебнул пивца для голоса, оглядел подведомственное собрание и спросил:

— А? Не слышу?

Собрание молчало, истребляя корм.

— Ваня! — обратился Бормотов к человеку, мешавшему пиво с водкой, — Ваня! Закрой, дружок, форточку! Время еще раннее — всякий народ мимо шляется!.. Так вот, я и говорю, что такое Губком? А я вам скажу: секретарь это архиерей, а Губком — епархия! Верно ведь? И Епархия мудрая и серьезная, потому что религия пошла новая и посерьезней православной! Раньше ты не причастился — с тебя не возьмется, а теперь на собрание — ко всенощной — попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш партбилетик — мы отметочку там сделаем! Отметочки четыре будут, тебя в язычники зачислят! А язычник у нас хлеба не найдет! Так-то! А я про себя скажу: кто в епархии делопроизводство поставил и всю новую веру оформил — сильнее православия ее сделал? — Я! Кто Контрольную Палату — РКИ, скажем, или Казначейство — Губфо наше — на ноги поставил и людей там делом занял? Кто? А кто всякие карточки, НОТы и прочую антисанитарию истребил в канцеляриях? Ну, кто?..

— Без Бормотова, друзья, — сказал Степан Ермилович со слезами на глазах, — не было бы в Градове учреждений и канцелярий, не уцелела бы советская власть и не сохранилось бы деловой ответственности от старого времени — без чего нельзя нам жить! Я первый, кто из большевиков сел за стол и взял казенную вставочку, не сказав ни одной речи!

Вот, милые мои, где держится центр власти и милость разума! Мне бы царем быть во всемирной территории, а не заведовать охраной материнства и младенчества своих машинисток или опекать лень деловодов!..

Тут Бормотов захлестнулся своими словами и сел, уставившись в пищу на столе. Собрание шумело одобрением и питалось колбасой, сдерживая ею стихию благородных чувств. Водка расходовалась медленно и планомерно, вкруговую и в общем порядке, оттого и настроение участников ползло вверх не скачками, а прочно, по гармонической кривой, как на диаграмме.

Наконец, встал счетовод Пехов и спел, поверх разговоров, песню о диком кургане. Счетоводство — нация артистов, и нет ни одного счетовода или бухгалтера, который бы не смотрел на свою профессию как на временное и бросовое дело, почитая своим исконным призванием искусство — пение, а изредка — скрипку или гитару. Менее благородный инструмент счетоводы не терпели.

За Пеховым, так же молча и без предупреждения, встал бухгалтер Десущий и пропел какой-то отрывок из какой-то оперы, какой — никто не понял. Десущий славился своей корректностью и культурностью в областях искусства и полным запустением своих бухгалтерских дел.

Наконец, приподнялся и постучал вилкой о необходимости молчания зав. подотделом землеустройства Рванников.

— Любимые братья в революции! — начал раздобревший от горькой Рванников. — Что привело вас сюда, не щадя ночи? Что собрало нас, не сожалея симпатий? Он — Степан Ермилович Бормотов — слава и административный мозг нашего учреждения, революционный наставник порядка и государственности великой неземлеустроенной территории нашей губернии! И пусть он не кивает там мудрой головой, а пьет рябиновую златыми устами, если я скажу, что нет ему равных среди людского остальца после революции! Вот действительно человек дореволюционного качества!

— Граждане советские служащие! — проревел в заключение Рванников. — Приглашаю вас выпить за 25-летие Степана Ермиловича Бормотова, истинного зиждителя территории нашей губернии, еще подлежащей быть устроенной такими людьми, как наш славный и премудрый юбиляр!..

Все вскочили с места и пошли с рюмками к Бормотову. Плача и торжествуя, Бормотов всех перецеловал — этого момента он только и ждал весь вечер, сладко томя честолубие.

Тогда не выдержал Шмаков и, встав на стул, произнес животрепещущую речь — длинную цитату из своих «Записок государственного человека»:

— Граждане! Разрешите поговорить на злобу дня!

— Разрешаем! — сказало коллективно собрание. — Говори, Шмаков! Только режь экономию: кратко и не голословно, а по кровному существу!

— Граждане! — обнаглел Шмаков. — Сейчас идет так называемая война с бюрократами! А кто такой Степан Ермилович Бормотов? Бюрократ или нет? Бюрократ положительно! И да будет то ему в честь, а не в хулу или осуждение! Без бюрократии, уважаемые ратники государства, не удержаться бы советскому государству и часа — к этому я дошел долгою мыслью... Кроме того (Шма-

ков начал путаться, голова его сразу вся выпотрошилась — куда что девалось?), кроме того, дорогие соратники...

— Мы не ратники, — прогудел кто-то, — мы рыцари!

— Рыцари умственного поля! — схватил Шмаков. — Я вам сейчас открою тайну нашего века!

— Ну-ну! — одобрило собрание. — Открой его, черта!

— А вот сейчас, — обрадовался Шмаков, — кто мы такие? Мы за-ме-сти-те-ли пролетариев! Стало быть, к примеру я, есть заместитель революционера и хозяина! Чувствуете мудрость? — Все замещено! Все стало подложным! Все не настоящее, а суррогат! Были сливки, а стал маргарин: вкусён, а не питателен! Мастеровой воевал, а чиновник победил! Чувствуете, граждане?.. Поэтому-то так называемый, всеми злоумышленниками и глупцами поносимый бюрократ есть как раз зодчий грядущего членораздельного социалистического мира!

Шмаков сел и достойно выпил пива — среднего непорочного напитка; высшей крепости он не пил.

Но тут встал Обрубаев — его заело, он озлобился и приготовился быть на посту. Пост его был видный — кандидат ВКП; но такое состояние Обрубаева службе его не помогало — он был и остался делопроизводителем с окладом в 28 р. ежемесячно, по шестому разряду тарифной сетки при соотношении 1:8.

— Уважаемые товарищи и сослуживцы! — сказал Обрубаев, доев что-то. — Я не понимаю ни товарища Бормотова, ни товарища Шмакова! Каким образом это допустимо? Налицо определенная директива ЦКК — борьба с бюрократизмом! Налицо — наименования советских учреждений девятилетней давности! А тут говорят, что бюрократ — как его? — зодчий и вроде кормилец! Тут говорят, что Губком — Епархия, что Губпрофсовет — Ремесленная Управа и так и далее! Что это такое? Это перегиб палки, — констатирую я! Это затмение основной директивы по линии партии, данной всерьез и надолго! И вообще в целом, я высказываю свое особое мнение по затронутым предыдущими ораторами вопросам, а также осуждаю товарищей Шмакова и Бормотова! Я кончил!

— Закон-с, товарищ Обрубаев! — сказал тихо, вразумляюще, но сочувственно Бормотов. — Закон-с! Уничтожьте бюрократизм — станет беззаконие! Бюрократизм есть исполнение предписаний закона! Ничего не поделаешь, товарищ Обрубаев: закон-с!

— А если я Губкому сообщу, товарищ Бормотов, или в рекай? — мрачно сказал Обрубаев, закуривая для демонстрации папиросы «Пушки».

— А где у вас документики, товарищ Обрубаев? — спросил Бормотов. — Разве кто вел протокол настоящего собрания? Вы

ведь, Соня, ничего не записывали? — обратился Бормотов к единственной здесь машинистке, особо чтимой в земуправлении.

— Нет, Степан Ермилыч, — я не записывала: вы ничего не сказали мне, а то бы я записала! — ответила хмельная, блаженная Соня.

— Вот-с, товарищ Обрубаев, — мудро и спокойно улыбнулся Бормотов. — Нет документа и нет, стало быть, самого факта! А вы говорите — борьба с бюрократизмом! А был бы протокольчик, вы бы нас укатали в какую-нибудь гепею или рекаю! Закон-с, товарищ Обрубаев, закон-с!

— А живые свидетели! — воскликнул зачумленный Обрубаев.

— Свидетели пьяные, товарищ Обрубаев, во-первых, а, во-вторых, они, так сказать, масса, существа наших разногласий не поняли и понять не могли, — и дело мое наверняка пойдет к прекращению!.. А, в-третьих, товарищ Обрубаев, выносит ли дисциплинированный партиец внутрипартийные разногласия на обсуждение широкой массы — к тому же мелкобуржуазной, — попытаю я вас? А?! Выпьем, товарищ Обрубаев, там видно будет!.. Соня, ты не спишь там? Угощай товарища Обрубаева — займись чистописанием!.. Десущий, крикни что-нибудь подушевной!

Десущий сладко запел, круто выводя густые ноты странной песни, в которой говорилось о страдальце, жаждущем только арфы золотой. Затем делопроизводитель Мышаев взял балалайку: я, говорит, хоть и кустарь в искусстве, но побрякаю! — И он быстро залепетал пальцами, выбивая лихой такт веселящегося тела.

Бормотов прикинулся благодушным человеком, сощурил противоречивые утомленные глаза и, истощенный повседневной дипломатической работой, вдарился бессмысленно плясать, насилуя свои мученические ноги и веселя равнодушное сердце.

Шмакову стало жаль его, жаль тружеников на ниве всемирной государственности, и он заплакал навзрыд, уткнувшись во что-то солное.

V

А утром Градов горел — сгорели пять домов и одна пекарня. Загорелось, как говорят, с пекарни, но пекарь уверял, что он окурки всегда бросает в тесто, а не на пол, — тесто же не горит, а шипит и гасит огонь. Жители поверили, и пекарь остался печь хлеба.

Далее жизнь шла в общем порядке и согласно постановлений Градовского Губисполкома, которые испуганно изучались гражданами. В отрывных календарях граждане метили свои непрерывные обязанности. Со сладостью в душе установил это Шмаков в бытность на именинах у одного столоначальника по прозвищу Чалый.

В листках календаря значилось что-нибудь почти ежедневно, а именно:

«Явиться на переучет в Терокруг — моя буква Ч, подать на службе рапорт о неявке по законной причине».

«В 7 ч. перевыборы Горсовета — кандидат Махин, выдвинут ячейкой, голосовать единогласно».

«Сходить в Коммун. Отд. — отнести деньги за воду, последний срок, а то пеня».

«Подать сведения Горсанкомиссии о состоянии двора, — штраф, см. постановление ГИК».

«Собрание жилтоварищества о забронировании сарая под нужник».

«Протестовать против Чемберлена, — в случае чего, стать, как один, под ружье».

«Зайти вечером постоять в красном уголке, а то сочтут отступником».

«Имянины супруги. Сочетать с режимом экономии и производственным эффектом. Пригласить наш малый совнарком».

«Узнать у Марфы Ильинишны, как варить малиновый узвар».

«Справиться в ЗАГСе, как переменить прозвище Чалый на официальную фамилию Благовещенский, а также имя Фрол на Теодор».

«Переморить клопов и проверить лицевой счет жены».

«Суббота. Открыто заявить столоначальнику, что иду ко всеобщей — в бога не верю, а хожу из-за хора, — а была бы у нас приличная опера, ни за что не пошел бы».

«Попросить у сослуживцев лампадного масла. Нигде нету, и все вышло. Будто для смазки будильника».

«Отложить 366-ю бутылку для вишневой настойки. Этот год — високосный».

«Сушить сухари впрок — весной будет с кем-то война».

«Не забыть составить 25-ти летний перспективный план народного хозяйства; осталось 2 дня».

Каждый день был занят.

Не в первый раз и не во второй, а в более многократный, констатировал Шмаков то знаменательное явление, что времени у человека для так называемой личной жизни не остается, — она заменена государственной и общепольной деятельностью. Государство стало душою. А то и надобно, в том и сокрыто благородство и величие нашей переходной эпохи!

— А как, товарищ Чалый, существует в вашей губернии курс на индустриализацию?

— Как же-с, как же-с! В десятилетний план сто элеваторов включено: по десяти в год будем строить, — затем-с — двадцать

штук мясохладобоев и пятнадцать фабрик валяной обуви... А сверх того водяной канал в земле до Каспийского моря рыть будем, чтобы персидским купцам повадно стало торговать с градовскими госорганами!

— Вон оно как! — дал заключение Шмаков. — Курс значительный! Ну, а денег сколь же вам потребно на эти солидные мероприятия?

— Денег надо множество, — сообщил Чалый второстепенным тоном, — того не менее, как миллиарда три, сиречь — по триста миллионов в год.

— Ого! — сказал Шмаков. — Сумма почтительная! А кто же даст вам эти деньги?

— Главное — план! — ответил Чалый. — А уж по плану деньги дадут!..

Вопрос так и остался без надлежащего уточнения, к прискорбию досконального сознания Шмакова.

VI

И жил Шмаков в Градове уже без малого год. Жизнь для него выдалась подходящая; все шло в общем порядке и по закону.

Лицо его было беззаботным, пожилым и равнодушным, как у актера в забвенной игре.

Труд его жизни «Записки государственного человека» подбивался к концу, Шмаков обдумывал лишь заключительные аккорды его.

Как и всюду по Республике, над Градовом ночью солнце нормально не светило, зато отсвечивало на чужих звездах. Прогуливаясь для укрепления здоровья и поглядывая на них, Шмаков нашел однажды заключительный аккорд для своего труда:

«В сердце моем дышит орел, а в голове сияет звезда гармонии!»

Придя домой и завершив рукописный труд, Шмаков до раннего утра сидел за ним, увлекшись чтением своего сочинения.

«...Стоит ли, — читал он середину, — измышлять изобретения, раз мир диалектичен, сиречь — для всякого героя есть своя стерва. Не стоит!

И тому пример: в Градове пять лет тому назад, и двадцать лет обратно, было всего две пишущие машинки (обе системы “Ройяль”, т. е. Король), а теперь их близко сорока штук, не обращая внимания на системы.

Но увеличился ли от этого социальный прок? — Нисколько!

А именно: сидели ранее писцы за бумагой, снабженные гусиными перьями, и писали. Затупится перо или засквозится от пере-

усердия, писец его начинает зачинивать; сам зачинивает, а сам на часы смотрит — глядь, время уже истекло и пора идти в собственный деревянный домик, где его ждала, как-никак, пища и уют порядка, высшим образом обеспеченный государственным строем.

И ничего не нарушалось от течения дел рукописным порядком. Ничто не спешило, а все попевало.

А теперь что? — Барышне поупрудиться не успеть, как втыкают ей новое черновое произведение...

Да и то видно, как появляется человек, так и бумага около него заводится — и немалая грудка. А что, если лишнего человека не заводит? Может, и бумаге завестись будет неоткуда!»

Тут Иван Федотович вздохнул и задумался.

«Не пора ли ему отправиться в глухой скит, чтобы дальше не скорбеть над болящим миром? Но так будет бессовестно.

Хотя оправданием такого поступка может послужить то, что мир официально никем не учрежден и, стало быть, юридически не существует. А если бы и был учрежден и имел устав и удостоверение, то и этим документам верить нельзя, так как они выдаются на основании заявления, а заявление подписывается “подателем сего”, а какая может быть вера последнему? Кто удостоверит самого “подателя”, прежде чем он подаст заявление о себе?»

Почувствовав изжогу в желудке и отчаяние в сердце, Иван Федотович сходил на кухню попить водицы и посмотреть, кто там пищит все время.

Возвратившись, он снова принялся за чтение, трепеща всеми чувствами.

«Возьмем соподчиненный мне подотдел. Что там есть?»

Я за ошибки подчиненных не упрекаю, а лишь вывожу из них следствие, что, значит, дело идет. И когда мне заявили, что построенные под моим руководством вододержательные плотины почти все вровень и землей уничтожены, я ответил, что постройка их, следовательно, велась.

А никакая земля воды не держит, тому доказательство — явление оврагов...»

После этого Шмаков успокоился и уснул с легким сердцем и удовлетворенным умом.

Но известно ли что-нибудь достоверно на свете? Оформлены ли надлежаще все факты природы? Того документально нет! Не есть ли сам закон или другое присутственное установление — нарушение живого тела вселенной, трепещущей в своих противоречиях и так достигающей всецелой гармонии?

Эта преступная мысль, собственно, разбудила Ивана Федотыча.

Оказалось, что стояло раннее счастливое утро. В Градове топились печки, разогревая вчерашний ужин на завтрак. Хозяйки шли

за теплым хлебом для мужей, резак в пекарнях его резали и метрически взвешивали, мудря на граммах: никто из них не верил, что грамм лучше фунта, знали только, что он легче.

Кроме того, чувствовалось счастье, что новый день уподобится вчерашнему и оттого терзаний жизни не причинит.

VII

Сапожник Захар, сосед Ивана Федотыча по двору, каждый день будился от сна женой одинаковыми словами:

— Захарий! Вставай — садись за свой престол!

Престол — круглый пенек, на котором сидел Захар перед верстаком. Пенек на треть стерся седалищем Захара — и Захар много раз думал о том, что человек прочней дерева. Так оно и было.

Захарий вставал, закуривал трубку и говорил:

— Я в мире человек сверхштатный! Не живу, а присутствую, и учета мне нет!.. На собрания не хожу и ничего не член!

— Да будя, будя тебе, Захарий, — говорила ему жена. — Будя бурчать — садись чай пить, член! Обдумал тоже — член!

После чая Захар садился за работу, которой не вынес бы ни один зверь: столько она требовала мужества и терпения.

Шмаков постоянно латал свои сапоги у Захара, которым тот много удивлялся:

— Иван Федотыч, вашей обуе восьмой год идет — и как вы ее терпите? Когда их на фабрике сшили, с тех пор дети выросли и грамоте выучились, а многие померли из них, — а сапоги все живут!.. Кустарник лесом стал, революция прошла, может — и звезды какие потухли, — а сапоги все живут!.. Это непостижимо!..

Иван Федотович ему отвечал:

— В этом и есть порядок, Захарий Палыч! Жизнь бесчинствует, а сапоги целы! В этом и находится чудо бережного разума человека!

— А по мне, — говорил Захар, — бесчинство благородней! А то на сапожном престоле так и будешь сидеть, как и я!

Иван Федотович убеждал Захария Палыча не глядеть на жизнь такими чувствительными глазами и не скорбеть влекущей мыслью — на свете того не бывает, чем бы утешилось беспутное сердце человека. А что такое утешение, как не мещанство, опороченное Октябрьской революцией?

— Порядок — дело чинное, — говорил Захар. — Да уж дуже землю налили, Иван Федотович! В порядок ее теперь добром не приведешь — опустошать надо, не иначе!

По уходе Ивана Федотовича Захар Палыч втайне думал, что постная жизнь все же лучше благородного бесчинства, и удовлетворительно глядел на свой порожний двор, ландшафт которого — плетень, а житель — курица.

VIII

Через три месяца для всего государственного населения Градова настали боевые дни. Центр решил 4 губернии, как раз — и Градовскую, слить в одну область. Губернские города теперь должны упраздниться и стать окружными, а один из них превращается в областной.

И заспорили 4 губернских города — кому приличествует быть областным?

Особенно лютовал в этом деле Градов.

Он имел четыре тысячи советских служащих, да безработных имелось 2837 человек — только область могла поглотить этот писчий народ.

Бормотов, Шмаков, управделами ГИКа Скобкин, зампред Губплана Наших и другие заметные люди Градова стали во главе бумажной войны с другими городами перед лицом Москвы.

А Москва созерцала и помалкивала. Города же изобретаемой области лупили друг друга на ее глазах.

Особо внушительно доказывал свое преимущество Градов.

Градовцы спешно приступили к рытью канала, начав его в лопухах слободы Моршевки из усадьбы гражданина Моева. Этот канал должен пересечь четыре губернии и кончиться в устье Волги! Канал тот учреждался для сплошного прохода в Градов персидских, месопотамских и иных коммерческих кораблей.

О канале губплан написал три тома и послал их в центр, чтобы там знали про это. Градовский инженер Паршин составил проект воздушных сообщений внутри будущей области, предусмотрев необходимость воздушной перевозки не только багажа, но и объемистых кормов для скота; для последней цели в мастерских райсельсоюза строился аэроплан особой мощности — с двигателем, работающим на порохе.

Сам предгубисполкома тов. Сысоев рвал, метал и внушал подчиненной ему губернии, что только Градов будет областным центром — и никакой иной населенный пункт.

Тов. Сысоев распорядился заказать штампы и вывески с наименованиями Градовского Облисполкома и отдал приказ называть себя впредь предоблисполкома.

Когда никто из служащих не сбивался с области на губернию в отношениях и устных словах, тов. Сысоев повышался в добром чувстве и говорил кому попало, кто оказывался на глазах:

— Область у нас, братец! А? Почти республика! А Градов-то — почти столица европейского веса! А что такое губерния? — Контрольно-революционная партия ячейка и больше ничего!

Началась беспримерная война служащих. Соседние города — претенденты на областной престол — не отставали от градовцев в должном усердии.

Но Градов истреблял всех перед молчаливой Москвой. Иван Федотович Шмаков написал на 400-х страницах среднего формата «Проект администрирования проектируемой Градо-Черноземной Области»; за соответствующими подписями он был отослан в центр.

Бормотов, Степан Ермилович, подошел к делу исподволь: он предложил учредить такой Облисполком, чтобы он собирался на сессии по очереди во всех бывших губгородах — и нигде не имел постоянного местопребывания и вечного здания.

Но тут была уловка: Москва на это, конечно, не согласится, но спросит: кто это изобрел? И тогда станет известным, что это измышление принадлежит гражданину города Градова. Москва улыбнется, но учтет, что в Градове живут умные люди, подходящие для руководства областью.

Так раздоказал свою мысль Бормотов товарищу Сысоеву, председателю ГИКа. Тот подумал и сказал:

— Да, это орудие высшего психологического увещания, — но теперь нам всякое дерьмо гоже! — и подписал доклад Бормотова для следования его в Москву.

Много делов наделали градовцы, доказуя свое явное превосходство перед соседями.

Шмаков извелся и застрадал общей болью в теле, с ужасом думая о поражении Градова, но тихо заходя сердцем при мысли о Градове — областном центре.

Большую книгу стоит написать, излагая борьбу 5 губгородов. Букв в ней было бы столько, сколько лопухов в Градовской губернии*.

Сапожник Захарий Палыч умер, не дождавшись области; сам Шмаков поник на уклоне к пожилому возрасту.

Бормотов же был уволен старшим инспектором Наркомата РКИ за волокиту и чах дома, заведя частную канцелярию по выработке форм деятельности госорганов; в этой канцелярии он служил один и притом без жалованья и без охраны труда.

* Но можно ее и не писать, так как градовцам читать ее некогда, а прочим — неинтересно.

Наконец, через 3 года после областной войны, пришло постановление Москвы:

«Организовать Верхне-Донскую Земледельческую Область в составе территорий таких-то губерний. Областным городом считать Ворожеев. Окружными центрами учредить такие-то пункты. Градов-город, как не имеющий никакого промышленного значения, с населением, занятым преимущественно сельским хозяйством и службою в учреждениях, перечислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет, переместив таковой из села Малые Вершины».

Что же случилось потом в Градове?

Ничего особенного не вышло, — только дураки в расход пошли.

Шмаков через год умер от истощения на большом социально-философском труде:

«Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно регламентированными поступками на каждый миг бытия».

Перед смертью он служил в сельсовете — уполномоченным по грунтовым дорогам.

Бормотов жив и каждый день нарочно гуляет перед домом, где раньше помещался Губисполком.

Теперь на том доме висит вывеска «Градовский сельсовет».

Но Бормотов не верит глазам своим — тем самым глазам, которые некогда были носителями неуклонного государственного взора.

<Март — май 1927 г.>

СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК*

I

Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки.

— Естество свое берет! — заключил Пухов по этому вопросу.

После погребения жены Пухов лег спать, потому что сильно исхлопотался и намаялся. Проснувшись, он захотел квасу, но квас весь вышел за время болезни жены — и нет теперь заботчика о продовольствии. Тогда Пухов закурил — для ликвидации жажды. Не успел он докурить, а уж к нему кто-то громко постучал беспрекословной рукой.

— Кто? — крикнул Пухов, разваливая тело для последнего потягивания. — Погоревать не дадут, сволочи!

Однако дверь отворил: может, с делом человек пришел.

Вошел сторож из конторы начальника дистанции.

— Фома Егорыч — путевка! Распишитесь в графе! Опять метет — поезда станут!

Расписавшись, Фома Егорыч поглядел в окно: действительно — начиналась метель, и ветер уже посвистывал над печной вьюшкой. Сторож ушел, а Фома Егорыч загоревал, подслушивая свирепеющую вьюгу, — и от скуки, и от бесприютности без жены.

— Все совершается по законам природы! — удостоверил он самому себе и немного успокоился.

Но вьюга жутко развертывалась над самой головой Пухова — в печной трубе, — и оттого хотелось бы иметь рядом с собой что-нибудь такое — не говоря про жену, но хотя бы живность какую.

По путевке на вокзале надлежало быть в 16 часов, а сейчас часов 12 — еще можно поспать, что и было сделано Фомой Егорычем, не обращая внимания на пение вьюги над вьюшкой.

Разомлев и распарившись, Пухов насилу проснулся. Нечаянно он крикнул, по старому сознанию:

— Глаша! — жену позвал; но деревянный домик претерпевал удары снежного воздуха и весь пищал от кротости. Две комнаты стояли совсем порожними, и никто не внял словам Фомы Егорыча. А бывало сейчас же отзовется участливая жена:

* Этой повестью я обязан своему бывшему товарищу Ф.Е. Пухову и тов. Тольскому, комиссару Новороссийского десанта в тыл Врангеля.

— Тебе чего, Фомушка!

— А ничего, — ответит бывало Фома Егорыч, — это я так позвал: цела ли ты!

А теперь никакого ответа и участия: вот они законы природы!

— Дать бы моей старухе капитальный ремонт — жива бы была, но средств нету и харчи плохие! — сказал себе Пухов, шнуруя австрийские башмаки.

— Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне трудящимся быть надоело! — рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пищу: хлеб и пшено.

На дворе его встретил удар снега в лицо и шум бури.

— Гада бестолковая! — вслух и навстречу движущемуся пространству сказал Пухов, именуя всю природу.

Проходя безлюдной привокзальной слободой, Пухов раздраженно бурчал — не от злости, а от грусти и еще отчего-то, но отчего — он вслух не сказал.

На вокзале уже стоял под парами тяжелый, мощный паровоз с прицепленным к нему вагоном-снегоочистителем. На снегоочистителе было написано: «Система инженера Э. Бурковского».

«Кто этот Бурковский, где он сейчас и жив ли? Кто ж его знает!» — с грустью подумал Пухов, и отчего-то сразу ему захотелось увидеть этого Бурковского.

К Пухову подошел начальник дистанции:

— Читай, Пухов, расписывайся и — поехали! — и подал приказ.

Пухов прочитал:

«Приказывается правый путь от Козлова до Лисок держать непрерывно чистым от снега, для чего пустить в безостановочную работу все исправные снегоочистители. После удовлетворения воинских поездов, все паровозы поставить для тяги снегоочистителей. В экстренных случаях снимать для той же тяги дежурные станционные паровозы. При сильных метелях — впереди каждого воинского состава должен неотлучно работать снегоочиститель, дабы ни на минуту не было прекращено движение и не ослаблена боеспособность Красной Армии.

Пред. глав. рев. комитета Ю.В. ж.д. Рудин

Комиссар путей сообщения Ю.В. ж.д. Дубанин».

Пухов расписался — в те годы попробуй не распишись!

— Опять неделю не спать! — сказал машинист паровоза, тоже расписавшись.

— Опять! — сказал Пухов, чувствуя странное удовольствие от предстоящего трудного беспокойства: все жизнь как-то незаметней и шибче идет.

Начальник дистанции, инженер и гордый человек, терпеливо слушал метель и смотрел поверх паровоза какими-то отвлеченны-

ми глазами. Его раза два ставили к стенке, он быстро поседел и всему подчинился — без жалобы и без упрёка. Но зато навсегда замолчал и говорил только распоряжения.

Вышел дежурный по станции, вручил начальнику дистанции путевку и пожелал доброго пути.

— До Графской остановки нет! — сказал начальник дистанции машинисту. — Сорок верст! Хватит ли воды у вас, если топку придется все время форсировать?

— Хватит, — ответил машинист. — Воды много — всю не выпарим!

Тогда начальник дистанции и Пухов вошли в снегоочиститель. Там уже лежали восемь рабочих и докрасна калили чугунок казенными дровами, распахнув для свежего воздуха окно.

— Опять навоняли, дьяволы! — почувствовал и догадался Пухов. — А ведь только что пришли и харчей жирных, должно, не едали! Эх, идолы!

Начальник дистанции сел на круглый стул у выпуклого окна, откуда он управлял всей работой паровоза и снегоочистителя, а Пухов стал у балансира.

Рабочие тоже встали у своих мест, у больших рукояток, посредством которых по балансиру быстро перекидывался груз — и балансир то поднимал, то опускал снегосбросный щит.

Метель выла упорно и ровно, запасшись огромным напряжением где-то в степях юго-востока.

В вагоне было нечисто, но тепло и как-то уютно. Крыша вокзала гремела железами, отстегнутыми ветром, а иногда этот скрежет железа перемежался с далеким артиллерийским залпом.

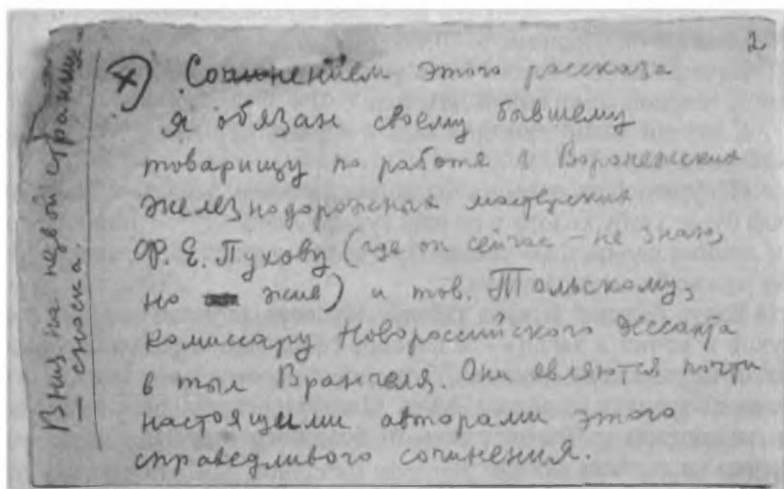
Фронт работал в шестидесяти верстах. Белые все время прижимались к железнодорожной линии, ища уюта в вагонах и станционных зданиях, утомившись в снежной степи на худых конях. Но белых отжимали бронированные поезда красных, посылая снега свинцом из изношенных пулеметов. По ночам — молча, без огней, тихим ходом — проходили броневые поезда, просматривая темные пространства и пробуя паровозом целость пути. Ночью ничего не известно; помашет издали поезду низкое степное дерево — и его порежут и снесут пулеметным огнем: зря не шевелись!

— Готово? — спросил начальник дистанции и посмотрел на Пухова.

— Готово! — ответил Пухов и взял в обе руки рычаги.

Начальник дистанции потянул веревку к паровозу — тот запел, как нежный волжский пароход, и грубо дернул снегоочиститель.

Выскочив со станционных путей, начальник дистанции одной рукой резко и коротко дернул за веревку паровозного свистка, а другой махнул Пухову.

Повесть «Сокровенный человек». Автограф. ИМЛИ

Это означало: работа!

Паровоз крикнул, машинист открыл весь пар, а Пухов передвинул оба рычага, опуская щит с ножами и развертывая крылья.

Сейчас же снегоочиститель сдал скорость и начал увязать в снегу, приликая к рельсам, как к магнитам.

Начальник дистанции еще раз дернул веревку на паровоз, что означало — усилить тягу! Но паровоз весь дрожал от перенапряжения и сифонил так, что из трубы жар вылетал. Колеса его впустую ворочались в снегу, как в крутой почве, подшипники грелись от частых оборотов и плохого масла, а кочегар весь взмок от работы с топкой, несмотря на то, что выбегал за дровами на тендер, где его прохватывал двадцатиградусный ветер.

Снегоочиститель и паровоз попали в глубокий снежный перевал. Один начальник дистанции молчал — ему было все равно. Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выражались, на каком-то самодельном языке, сразу обнажая задушевные мысли.

— Какого х.. мучиться! — сказал паровозный машинист помощнику и закрыл регулятор. — Пару мало! Прошуруй топку и просифонь, чтоб баланец* загремел, — тогда возьмем!

* Баланс — автоматический предохранитель от излишнего пара в котле.

— Закуривай! — крикнул рабочим Пухов, догадавшись о том, что делается на паровозе.

Начальник дистанции тоже вынул кисет и насыпал в кусочек газеты зеленой самогонной махорки.

К метели давно притерпелись и забыли про нее, как про нормальный воздух.

Покурив, Пухов вылез из вагона и здесь только обнаружил гром бури, злобу холода и пальбу сухого снега.

— Вот сволота! — сказал Пухов, еле управляясь с тем, с чем ему нужно было управиться.

Вдруг бешено заревел баланс паровоза, спуская лишний пар. Пухов вскочил в вагон — и паровоз сейчас же и разом выхватил снегоочиститель из снежного бугра, пробуксовав колесами так, что огонь посыпался из рельс. Пухов даже увидел, как хлестнула вода из паровозной трубы от слишком большого открытия пара, — и оценил машиниста за отвагу:

— Хорош парень у нас на паровозе!

— А? — спросил старший рабочий Шугаев.

— Чего — а? — ответил Пухов. — Чего акаешь-то? Горе кругом, а ты разговариваешь!

Шугаев поэтому замолчал.

Паровоз прогудел два раза, а начальник дистанции крикнул:

— Закрой работу!

Пухов рванул рычаг и поднял щит.

Подъезжали к переезду, где лежали контррельсы. Такие места проезжали без работы: щит снегоочистителя резал снег ниже головки рельса и не мог работать, когда у рельса что-нибудь находилось, — тогда снегоочиститель опрокинулся бы.

Проехав переезд, снегоочиститель понесся открытой степью. Укрытый снегом, лежал искусный железный путь. Пухов всегда удивлялся пространству. Оно его успокаивало в страдании и увеличивало радость, если ее имелось немного.

Так и теперь — поглядел в запущенное окно Пухов: ничего не видно, а приятно.

Снегоочиститель, имея жесткие рессоры, гремел, как телега по кочкам, и, ухватывая снег, тучей пушил его на правый откос пути, трепеща выкинутым крылом; это крыло назначено было швырять снег на сторону — то оно и делало.

В Графской сделали значительную стоянку. Паровоз брал воду, помощник машиниста чистил дымовую коробку, топку и прочее огневое хозяйство.

Обмерзший машинист ничего не делал, а только ругался на эту жизнь. Из штаба какого-то матросского отряда, стоявшего в Графской, ему принесли спирту, и Пухов тоже прошел в долю, а начальник дистанции отказался.

— Пей, инженер! — предложил ему главный матрос.
— Благодарю покорно. Я ничего не пью, — уклонился инженер.
— Ну как хочешь! — сказал матрос. — А то выпей — согреться! Хочешь, рыбы принесу — покушаешь?

Инженер опять отказался, по неизвестной причине.

— Эх ты, тина! — сказал тогда оскорбленный матрос. — Ведь тебе с душой дают — нам же не жалко — а ты не берешь! Поешь, пожалуйста!

Машинист и Пухов пили и жевали все напролом, улыбаясь на счет начальника.

— Отстань ты от него! — обрубил другой матрос. — Он есть хочет, но идея его не велит!

Начальник дистанции смолчал. Есть он действительно не хотел. Месяц назад он вернулся из командировки — из-под Царицына — где сдавал восстановленный мост. Вчера он получил депешу, что мост просел под воинским поездом: клепка моста шла наспех, неквалифицированные рабочие ставили заклепки на живую нитку, и теперь фермы моста расшились — от одного чувства веса мало-мальски грузного поезда.

Два дня назад началось следствие по делу моста, и дома у начальника дистанции лежала повестка от следователя железнодорожного ревтрибунала. Назначенный в экстренную поездку, инженер не мог пойти в ревтрибунал, но помнил об этом. Поэтому ему не пилося и не елось. Но страха он тоже не имел, терзаясь сплошным равнодушием; равнодушие, он чувствовал, может быть страшнее боязливости — оно выпаривает из человека душу, как воду медленный огонь, и когда очнешься — останется от сердца одно сухое место; тогда человека хоть ежедневно к стенке ставь — он и покурить не попросит: последнее удовольствие казнимого.

— Теперь куда поедете? — спросил у Пухова главный матрос.

— Должно, на Грязи!

— Верно: под Усманью два эшелона и броневик в сугробах застряли! — вспомнил матрос. — Казаки, говорят, Давыдовку взяли, а снаряды за Козловом в заносах стоят!

— Расчистим, едрена мать, сталь режем, а снег — вещество чепуховое! — уверенно определил Пухов, спешно допивая последние капли спирта, чтобы ничто не пропало в такое время.

Тронулись на Грязи. Пассажиром напросился старичок — будто бы ехал от сына с Лисок, а кто ж его знает!

Поехали, загредел балансир — кидая щит то вниз, то вверх, — и забурчали рабочие, которым не досталось матросской жирной рыбы.

— Яблок бы моченых я теперь поел! — сказал на полном ходу снегоочистителя Пухов. — Ух, и поел бы — ведро бы съел!

— А я бы сельдь покушал! — ответил ему старичок-пассажир. — Люди говорят, что в Астрахани сельди той миллионы пудов гниют, только маршрутов туда нету!

— Тебя посадили, ты и молчи сиди! — строго предупредил Пухов. — Сельдь бы он покушал! Будто без него её съесть некому!

— А я, — встрял в разговор помощник Пухова, слесарь Зворычный, — на свадьбе в Усмани был, так полного петуха съел — жирен был, дьявол!

— А сколько петухов-то было на столе? — спросил Пухов, чувствуя на вкус того петуха.

— Один и был — откуда теперь петухи?

— Что ж, тебя не выгнали со свадьбы? — допытывался Пухов, желая, чтоб его выгнали.

— Нет, я сам рано ушел. Вылез из стола — будто на двор захотел — мужики часто ходят — и ушел.

— А тебе, старик, не пора слезать — деревня твоя не видна еще? — спросил Пухов пассажира. — Гляди, а то разбалакаешься — проскочишь!

Старик подскочил к окну, подышал на стекло и потер его.

— Места будто знакомые пошли — будто Хамовские Выселки торчат на юру!

— Раз Хамовские Выселки — тебе к месту! — сказал сведущий Пухов. — Слезай, пока на подъем прем!

Старик почухался с мешком и покорно возразил:

— Машина ходко бежит, аж воздух журчит — жутко убиваться, господин машинист! Может, окоротить позволите на одну минутую — я враз!

— Обдумал! — осерчал Пухов. — Окоротить ему казенную машину в военное время! Теперь до самых Грязей остановки не будет!

Старик смолчал, а потом спросил особо покорным голосом:

— Сказывали, тормоза теперь могучие пошли — на всякую скороту окорот дают!

— Слазь, слазь, старик! — серчал Пухов. — Скороту ему окоротить! Не на каменную гору прыгнешь, а в снег! Так мягко придется, что сам полежишь — и потянешься еще!

Старик вышел на наружную площадку, осмотрел веревку на мешке — не для прочности, конечно, а для угона времени, чтобы духу набраться, — а потом пропал: должно, шлепнулся.

С Грязей снегоочистителю вручили приказ — вести за собой броневик и поезд Троцкого, пробивая траншею в заносах вплоть до Лисок.

Снегоочистителю дали двойную тягу: другой паровоз уступил поезд Троцкого — громадную спокойную машину Путиловского завода.

Тяжелый боевой поезд Троцкого всегда шел на двух лучших паровозах.

Но и два паровоза теперь обессилели от снега, потому что снег хуже песка. Поэтому не паровозы были в славе в ту боевую снежную зиму, а снегоочистители.

И то, что белых громила артиллерия бронепоездов под Давыдовкой и Лискамаи, — случилось потому, что бригады паровозов и снегоочистителей крушили сугробы, не спя неделями и питаясь сухой кашей.

Пухов, например, Фома Егорыч, сразу почел такое занятие обыкновенным делом и только боялся, что исчезнет махорка с вольного рынка; поэтому дома имел ее пуд, проверив вес на безмене.

Не доезжая станции Колодезной, снегоочиститель стал: два могучих паровоза, которые волокли его, как плуг, влетели в сугроб и зарылись по трубу.

Машинист-петроградец с поезда Троцкого, ведший головной паровоз, был выбит из сидения и вышвырнут на тендер — от удара паровоза в снег и мгновенной остановки. А паровоз его, не сдаваясь, продолжал буксовать на месте, дрожа от свирепой безысходной силы, яростно прессуя грудью горы снега впереди.

Машинист прыгнул в снег, катаясь в нем окровавленной головой и бормоча неслыханные ругательства.

К нему подошел Пухов с четырьмя собственными зубами в кулаке — он стукнулся челюстью о рычаг и вытащил изо рта ослабшие лишние зубы. В другой руке он нес мешочек со своими харчами — хлеб и пшено.

Не глядя на лежащего машиниста, он засмотрелся на его замечательный паровоз, все еще бившийся в снегу.

— Хороша машина, сволочь!

Потом крикнул помощнику:

— Закрой пар, стервец, кривошпы порвешь!

С паровоза никто не ответил.

Положив харчи на снег и зашвырнув зубы, Пухов сам полез на паровоз, чтобы закрыть регулятор и сифон.

В будке лежал мертвый помощник. Его бросило головой на штырь и в расшившийся череп просунулась медь — так он повис и умер, поливая кровью мазут на полу. Помощник стоял на коленях, разбросав синие беспомощные руки и с пришпиленной к штырю головой.

«И как он, дурак, нарвался на штырь? И как раз ведь в темя, в самый материнский родничок хватило!» — обнаружил событие Пухов.

Остановив бег на месте бесившегося паровоза, Пухов оглядел все его устройство и снова подумал о помощнике: «Жалко дурака: пар хорошо держал!»

Манометр, действительно, и сейчас показывал 13 атмосфер, почти предельное давление, — и это после десяти часов хода в глубоком плотном снегу!

Метель стихала, переходя в мокрый снегопад. Вдалеке дымили на расчищенных путях броневик и поезд Троицкого.

Пухов с паровоза ушел. Рабочие снегоочистителя и начальник дистанции лезли по живот в снегу к паровозу. Со второго паровоза тоже сошла бригада, перевязав разбитые головы грязными обтирочными концами.

Пухов подошел к петроградскому машинисту. Тот сидел на снегу и прикладывал его к окровавленной голове.

— Ну что, — обратился он к Пухову, — как стоит машина? Закрыл поддувала?

— Все на месте, механик! — ответил по-служебному Пухов. — Помощник только твой убился, но я тебе Зворычного дам, парень умственный, только жрать здоров!

— Ладно, — сказал машинист. — Положи-ка мне хлебца на рану и портянкой окрути! Кровь, сатану, никак не заткнут!

Из-за снегоочистителя выглянула милая усталая морда лошади, и через две минуты к паровозу подъехал казачий отряд — человек пятнадцать.

Никто на них не обратил нужного внимания.

Пухов со Зворычным закусывали; Зворычный советовал Пухову непременно вставить зубы, только стальные и никелированные — в Воронежских мастерских могут сделать: всю жизнь тогда не изотрешь о самую твердую пищу.

— Опять выбить могут! — возразил Пухов.

— А мы тебе их штук сто наделаем! — успокоил Зворычный. — Лишние в кисет в запас положишь!

— Это ты верно говоришь! — согласился Пухов, соображая, что сталь прочней кости и зубов можно наготовить массу на фрезерной станке.

Казачий офицер, видя спокойствие мастеровых, растерялся и охрип голосом.

— Граждане рабочие! — нарочито сказал офицер, ворочая полубезумными выветрившимися глазами. — Именем Великой Народной России приказываю вам доставить паровозы и снегоочистку на станцию Подгорное. За отказ — расстрел на месте!

Паровозы тихо сипели. Снег падать перестал. Дул ветер оттепели и далекой весны.

У машиниста кровь на голове свернулась и больше не текла. Он почесал сухую корку сукровицы и трудным ослабевшим шагом пошел на паровоз:

— Пойти воды покачать и дров подложить — машину морозить неохота!

Казаки вынули револьверы и окружили мастеровых. Тогда Пухов рассерчал:

— Вот сволочи, в механике не понимают, а командуют!

— Што-о? — захрипел офицер. — Марш на паровоз, иначе пулю в затылок получишь!

— Что ты, чертова кукла, пулей пугаешь! — закричал, забываясь, Пухов. — Я сам тебя гайкой смажу! Не видишь, что в перевал сели и люди побились! Фулюган, черт!

Офицер услышал короткий глухой гудок броневоего поезда и обернулся, подождая стрелять в Пухова.

Начальник дистанции лежал на шинели, постеленной на снег, и о чем-то мрачно размышлял, рассматривая хилое потеплевшее небо.

Вдруг на паровозе по-плохому закричал человек. То, наверно, машинист снимал со штыря своего разбитого помощника.

Казаки сошли с коней и бродили вокруг паровоза, как бы ища потерянное.

— По коням! — крикнул казакам офицер, заметя вывернувшийся из закругления бронепоезд. — Пускай паровозы, стрелять начну! — и выстрелил в голову начальника дистанции — тот и не вздрогнул, а только засучил усталыми ногами и отвернулся вниз лицом ото всех.

Пухов вскочил на паровоз и заревел во всю сирену прерывистой тревогой. Догадливый машинист открыл паровой кран инжектора, и весь паровоз укутался паром.

Казачий отряд начал напропалую расстреливать рабочих, но те забились под паровозы, проваливались, убегая, в сугробы — и все уцелели.

С бронепоезда, подошедшего к снегоочистителю почти вплотную, ударили из трехдвоймовки и прострочили из пулемета.

Отскакав саженой на двадцать, казачий отряд начал тонуть в снегах, и был начисто расстрелян с бронепоезда.

Только одна лошадь ушла и понеслась по степи, жалобно крича и напрягая худое быстрое тело.

Пухов долго глядел на нее и осунулся от сочувствия.

С бронепоезда отцепили паровоз и подвели его сзади к снегоочистителю — толкачом.

Через час, подняв пар, три паровоза продавили снежный перевал на путях и вырвались на чистое место.

В Лисках отдыхали три дня.

Пухов обменял на олеонафт десять фунтов махорки и был доволен. На вокзале он исчитал все плакаты и тащил газеты из агитпункта для своего осведомления.

Плакаты были разные. Один плакат перемалевали из большой иконы — где архистратиг Георгий поражает змия, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змию-гаду нарисовали голову буржуя; кресты же на ризе Георгия Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая — и из-под звезд виднелись опять-таки кресты.

Это Пухова удручало. Он ревниво следил за революцией, стыдсь за каждую ее глупость, хотя к ней был мало причастен.

На стенах вокзала висела мануфактура с агитационными словами:

«В рабочие руки мы книги возьмем,
Учись, пролетарий, ты будешь умен!»

— Тоже нескладно! — заключал Пухов. — Надо так написать, чтоб все дураки заочно поумнели!

«Каждый прожитый нами день — гвоздь в голову буржуазии. Будем же вечно жить — пускай терпит ее голова!»

— Вот это сурьезно! — расценивал Пухов. — Это твердые слова!

Подходит раз к Лискам поезд — хорошие пассажирские вагоны, красноармейцы у дверей, и ни одного мешочника не видно.

Пухов стоял в тот час на платформе и кое-что обдумывал.

Поезд останавливается. Из вагонов никто не выходит.

— Кто это прибыл с этим эшеленом? — спрашивает Пухов одного смазчика.

— А кто его знает? Сказывают, главный командир — один в целом поезде!

Из переднего вагона вышли музыканты, подошли к середине поезда, построились и заиграли вступочку.

Немного погодя выходит из среднего мягкого вагона толстый военный человек и машет музыкантам рукой: будет, дескать, доволен!

Музыканты разошлись. Военный начальник не спеша сходит по ступенькам и идет в вокзал. За ним идут прочие военные люди — кто с бомбой, кто с револьвером, кто за саблю держится, кто так ругается — полная охрана.

Пухов прошел вслед и очутился около агитпункта. Там уже стояла красноармейская масса, разные железнодорожники и жадные до образования мужики.

Приехавший военный начальник взошел на трибуну — и тут ему все захлопали, не зная его фамилии. Но начальник оказался строгим человеком и сразу отрубил:

— Товарищи и граждане! На первый раз я прощаю, но заявляю, чтобы впредь подобных демонстраций не повторялось! Здесь не цирк и я не клоун — хлопать в ладоши тут не по существу!

Народ сразу примолк и умильно уставился на оратора — особенно мешочники: может, дескать, лицо запомнит и посадит на поезд.

Но начальник, разъяснив, что буржуазия целиком и полностью — сволочь, уехал, не запомнив ни одного умильного лица.

Ни один мешочник в порожний длинный поезд так и не попал: охрана сказала, что вольным нельзя ехать на военном поезде особого назначения.

— А он же порожняком — все едино — лупить будет! — спорили худые мужики.

— Командарму пустой поезд полагается по приказу! — объясняли красноармейцы из охраны.

— Раз по приказу — мы не спорим! — покорялись мешочники. — Только мы не в поезде сядем, а на сцепках!

— Нигде нельзя! — отвечали охранники. — Только на спице колеса можно!

Наконец, поезд уехал, постреливая в воздух — для испуга жадных до транспорта мешочников.

— Дела! — сказал Пухов одному деповскому слесарю. — Маленькое тело на сорока осях везут!

— Нагрузка маленькая — на канате вошь тащут! — на глаз измерил деповский слесарь.

— Дрезину бы ему дать — и ладно! — сообразил Пухов. — Тратят зря американский паровоз!

Идя в барак за порцией пищи, Пухов разглядывал по дороге всякие надписи и объявления — он был любитель до чтения и ценил всякий человеческий помысел.

На барачке висело объявление, которое Пухов прочитал беспрерывно трижды.

«Товарищи рабочие!

Штабом IX Рабоче-крестьянской красной армии формируются добровольные отряды технических сил для обслуживания фронтовых нужд красных армий, действующих на Северном Кавказе, Кубани и Черноморском побережье.

Разрушенные железнодорожные мосты, береговые оборонительные сооружения, служба связи, оружейные ремонтные мастерские, подвижные механические базы — все это, взятое в целом, требует умелых пролетарских рук, которых не хватает в действующих красных армиях Юга.

С другой стороны, без технических средств не может быть обеспечена победа над врагами рабочих и крестьян, сильных своей техникой, полученной задаром от антантовского империализма.

Товарищи Рабочие! Призываем вас записываться в отряды технических сил у уполномоченных Реввоенсовета IX на всех ж. д. узловых станциях.

Условия службы узнавайте от товарищей уполномоченных.

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует рабоче-крестьянский класс!»

Пухов сорвал листок, приклеенный мукой, и понес его к Зворычному.

— Тронемся, Петр! — сказал Пухов Зворычному. — Какого шута тут коптить! По крайности южную страну увидим и в морекупаемся!..

Зворычный молчал, думая о своем семействе.

А у Пухова баба умерла, и его тянуло на край света.

— Думай, Петруха! На самом-то деле: какая армия без слесарей! А на снегочистке делать нечего — весна уж в ширинку дует!

Зворычный опять молчал, жалея жену Анисью и мальчишку, тоже Петра, которого мать звала выпороточком.

— Едем, Петруш! — увещал Пухов. — Горные горизонты увидим, да и честней как-то станет! А то видал — тифозных эшелонами прут, а мы сидим — пайки получаем!.. Революция-то пройдет, а нам ничего не останется! Ты, скажут, что делал?.. А ты што скажешь?..

— Я скажу, что рельсы от снегов чистил! — ответил Зворычный. — Без транспорта тоже воевать нельзя!

— Это што! — сказал Пухов. — Ты, скажут, хлеб за то получал, то работа нормальная! А чем ты бесплатно пожертвовал, спросят, чему ты душевно сочувствовал? Вот где загвоздка! В Воронеже, вон, бывшие генералы снег сгребают — и за то фунт в день получают! Так же и мы с тобой!

— А я думаю, — не поддавался Зворычный, — мы тут с тобой нужней!

— То никому не известно, где мы с тобой полезней! — нажимал Пухов. — Если только думать, тоже далеко не уедешь, надо и чувство иметь!

— Да будет тебе ерунду лить, — задосадовал Зворычный, — кто это считать будет — кто что делал, чем занимался? И так покою нет от жизни такой! Тебе теперь все равно — один на свете, — вот тебя и тянет, дурака! Небось, думаешь бабу там покрасивше отыскать, — чувство-то поминаешь! Мужик ты не старый — без бабы раздуешься скоро! Ну и вали туда рысью!..

— Дурак ты, Петр! — оставил надежду Пухов. — В механике ты понимаешь, а сам по себе предрассудочный человек!

С горя Пухов и обедать не стал, а пошел к уполномоченному записываться, чтобы сразу управиться с делами. Но когда пришел — съел два обеда: повар к нему благоволил за полудку кашт-рюли и за умные разговоры.

— После гражданской войны я красным дворянином буду! — говорил Пухов всем друзьям в Лисках.

— Это почему ж такое? — спрашивали его мастеровые люди. — Значит, как в старину будет — и землю тебе дадут?

— Зачем мне земля? — отвечал счастливый Пухов. — Гайки, что ль, сеять я буду? То будет честь и звание, а не угнетение!

— А мы, значит, красными вахлаками останемся? — узнавали мастеровые.

— А вы на фронт ползите, а не чухайтесь по собственным домам! — выражался Пухов и уходил дожидаться отправки на юг.

Через неделю Пухов и еще пятеро слесарей, принятых уполномоченным, поехали на Новороссийск — в порт.

Ехали долго и трудно, но еще труднее бывают дела, и Пухов впоследствии забыл это путешествие. На дорогу им дали по пять фунтов воблы и по ковриге хлеба, поэтому слесаря были сыты, только пили воду на всех станциях.

В Екатеринодаре Пухов сидел неделю — шел где-то бой, и на Новороссийск никого не пропускали. Но в этом зеленом отпетом городке давно притерпелись к войне и старались жить весело.

«Сволочи! — думал обо всех Пухов. — Времен не чувствуют!»

В Новороссийске Пухов пошел на комиссию, которая якобы проверяла знания специалистов.

Его спросили — из чего делается пар.

— Какой пар? — схитрил Пухов. — Простой или перегретый?

— Вообще... пар! — сказал экзаменующий начальник.

— Из воды и огня! — отрубил Пухов.

— Так! — подтвердил экзаменатор. — Что такое комета?

— Бродящая звезда! — объяснил Пухов.

— Верно! А скажите, когда и зачем было 18-е брюмера? — перешел на политграмоту экзаменатор.

— По календарю Брюса, 18-го октября — за неделю до великой Октябрьской революции, освободившей пролетариат всего мира и все разукрашенные народы! — не растерялся Пухов, читавший что попало, когда жена была жива.

— Приблизительно верно! — сказал председатель проверочной комиссии. — Ну, а что вы знаете про судоходство?

— Судоходство бывает тяжелее воды и легче воды! — твердо ответил Пухов.

— Какие вы знаете двигатели?

— Компаунд, Отто-Дейц, мельницы, пошвенные колеса и всякое вечное движение!

— Что такое лошадиная сила?

— Лошадь, которая действует вместо машины!

— А почему она действует вместо машины?

— Потому что у нас страна с отсталой техникой — корягой па- шут, ногтем жнут!

— Что такое религия? — не унимался экзаменатор.

— Предрассудок Карла Маркса и народный самогон!

— Для чего была нужна религия буржуазии?

— Для того, чтобы народ не скорбел!

— Любите ли вы, товарищ Пухов, пролетариат в целом и со- гласны за него жизнь положить?

— Люблю, товарищ комиссар, — ответил Пухов чтоб выдер- жать экзамен, — и кровь лить согласен, только чтобы не зря и не дуриком!

— Это ясно, — сказал экзаменатор и назначил его в порт мон- тером — для ремонта какого-то судна.

Судно то оказалось катером, под названием «Марс». В нем керосиновый мотор не хотел вертеться — его и дали Пухову в по- чинку.

Новороссийск оказался ветреным городом. И ветер-то как-то тут дул без толку: зарядит, дует и дует, даже посторонние вещи от него нагревались, а ветер был холодный.

В Крыму тогда сидел Врангель, а с ремонтом «Марса» больше- вики спешили — говорили, что Врангель морской набег думает сделать, так чтоб было чем защититься.

— Так у него ж английские крейсера! — объяснял Пухов. — А наш «Марс» — морская лодка, ее кирпичом можно потопить!

— Красная Армия все может! — отвечали Пухову матросы. — Мы в Царицын на щепках приплыли, кулаками город шуровали!

— Так то ж драка, а не война! — сомневался Пухов. — А ядро не классовая вещь — живо ко дну пустит!

Керосиновый мотор на «Марсе» никак не хотел вертеться.

— Был бы ты паровой машиной, — рассуждал Пухов, сидя одиноко в трюме судна, — я б тебя сразу замордовал! А то подле- цом каким-то выдуман — ишь провода какие-то, медяшки... пута- ная вещь!

Море не удивило Пухова — качается и мешает работать.

— Наши степи еще попросторней будут, и ветер еще почище там — только не такой бестолковый: подует днем, а ночью тишина. А тут — дует и дует, дует и дует, — что ты с ним делать будешь?

Бормоча и покуривая, Пухов сидел над двигателем, который не шел. Три раза он его разбирал и вновь собирал, потом закручивал для пуска — мотор сипел, а крутиться упорствовал.

Ночью Пухов тоже думал о двигателе и убедительно переругивался с ним, лежа в пустой каютке.

Пришел раз к Пухову на «Марс» морской комиссар и говорит:

— Если ты завтра непустишь машину, я тебя в море без корабля пушу, копуша-черт!

— Ладно, я пушу эту сволочь, только в море остановлю, когда ты на корабле будешь! Копайся сам тогда, фулюган! — ответил как следует Пухов.

Хотел тогда комиссар пристрелить Пухова, но сообразил, что без механика — плохая война.

Всю ночь бился Пухов. Передумал заново всю затею этой машины, переделал ее по своему пониманию на какую-то новую машину, удалил заторные части и поставил простые — и к утру мотор бешено запыхал. Пухов тогда включил винт — мотор винт потянул, но тяжело задышал.

— Ишь, — сказал Пухов, — как черт на Афон взбирается!

Днем пришел опять морской комиссар.

— Ну что, пустил машину? — спрашивает.

— А ты думал, не пушу? — ответил Пухов. — Это только вы из-под Екатеринодара удрали, а я ни от чего не отступлю, раз надо!

— Ну ладно, ладно, — сказал довольный комиссар. — Знай, что керосину у нас мало — береги!

— Мне его не пить — сколько есть, столько будет! — положительно заявил Пухов.

— Ведь мотор с водой идет? — спросил комиссар.

— Ну да, керосин топит, вода охлаждает!

— А ты норови керосину поменьше, а воды побольше, — сделал открытие комиссар.

Тут Пухов захохотал всем своим редким молчаливым голосом.

— Что ты, дурак, радуешься? — спросил в досаде комиссар.

Пухов не мог остановиться и радостно закатывался.

— Тебе бы не советскую власть, а всю природу учреждать надо — ты б ее ловко обдумал! Эх ты, мехоноша!

Услышав это, комиссар удалился, потеряв некую внутреннюю честь.

А в Новороссийске шли аресты и разгром зажиточных людей.

«Чего они людей шуруют? — думал Пухов. — Какая такая гроза от этих шутов? Они и так дальше завалинки выйти боятся?»

Кроме арестов, по городу были расклеены бумаги: «Вследствие тяжелой медицинской усталости ораторов, никаких митингов на этой неделе не будет».

«Теперь нам скучно будет», — скорбел, читая, Пухов.

Меж тем, в порту появился маленький истребитель «Звезда». Там пробоину заклепывали и чинили якорную лебедку. Пухов туда ходил смотреть, но его не пустили.

— Чего это такое? — обиделся Пухов. — Я же вижу, там холоу работают. Я помочь хотел, а то случится в море неполадка!

— Не велено никого пускать! — ответил часовой красноармеец.

— Ну шут с вами, мучайтесь! — сказал Пухов и ушел, озабоченный.

К вечеру того же дня пришло в порт турецкое транспортное судно «Шаня».

В клубе говорили, что это подарок Кемалья-паши, турецкого вождя, но Пухов сомневался:

— Я же видел, — говорил он красноармейцам, — что судно исправное! Станет вам турецкий султан в военное время такие подарки делать — у него самого нехватка!

— Так он друг наш, Кемаль-паша! — разъясняли красноармейцы. — Ты, Пухов, в политике — плетень!

— А ты снял онучи — думаешь, гвоздем стал? — обижался Пухов и уходил в угол — глядеть плакаты, которым он, однако, особо не доверял.

Ночью Пухова разбудил вестовой из штаба армии. Пухов немного испугался:

— Должно быть, морской комиссар гадит!

На дворе штаба стоял большой отряд красноармейцев в полном походном снаряжении. Тут же стояли трое мастеровых, но тоже в военных шинелях и с чайниками.

— Товарищ Пухов, — обратился командир отряда, — вы почему не в военной форме?

— Я и так хорош, чего мне чайник цеплять! — ответил Пухов и стал к сторонке.

Стояла ночь — огромная тьма, — и в горах шуршали ветер и вода.

Красноармейцы находились молча, одетые в новые шинели, и ни о чем не говорили. Не то они боялись чего-то, не то соблюдали тайну друг от друга.

В горах и далеких окрестностях изредка кто-то стрелял, уничтожая неизвестную жизнь.

Один красноармеец загремел винтовкой — его враз угомонили, и он почуял свой срам до самого сердца.

Пухов тоже что-то заволновался, но не выражал этого чувства, чтобы не шуметь.

Фонарь над конюшней освещал дворовую нечистоту и дрожал неясным светом на бледных ночных лицах красноармейцев. Ветер,

нечаянно зашедший с гор, говорил о смелости, с которой он воюет над беззащитными пространствами. Свое дело он и людям советовал — и те слышали.

В городе бесчинствовали собаки, а люди, наверно, тихо размножались. А тут, на глухом дворе, другие люди были охвачены тревогой и особым сладострастием мужества — оттого, что их хотят уменьшить в количестве.

Вышел на середину военный комиссар полка и негромко начал говорить, будто имел перед собой одного человека:

— Дорогие товарищи! Сейчас у нас не митинг, и я скажу не много... Высшее командование Республики приказало реввоенсовету нашей армии ударить в тыл Врангелю, который сейчас догорает в Крыму. Наша задача как раз в том, чтобы переплыть на тех судах, которые у нас есть, Керченский пролив и высадиться на Крымском берегу. Там мы должны соединиться с действующими в тылу Врангеля красно-зелеными партизанскими отрядами и отрезать Врангеля от судов, куда он бросится, когда северная красная армия прорвется через Перекоп. Мы должны разрушить мосты и дороги у Врангеля, растерзать его тыл и загородить ему море, чтобы выжечь сразу всю эту заразу.

Красноармейцы! Добраться до Крыма нам будет тяжело, и это рискованная вещь. Там плавают дозорные крейсера, которые нас потопят, если заметят. Это я должен вам открыто сказать. А если и доплывем, то нам предстоит опасная смертельная борьба среди озверелого противника. Немного нас уцелеет, а может никого, когда Крым станет советским, — вот что я хочу вам сказать, дорогие товарищи красноармейцы!

И далее того, я хочу спросить у вас, товарищи, согласны ли вы на это дело идти добровольно? Чувствуете ли вы мужественную отвагу в себе, дабы пожертвовать достоинством жизни на благо революции и Советской республики? Если кто боится или колеблется, у кого семья осталась и ему ее жалко — пускай выйдет и скажет, чтобы ясно было, и мы освободим такого товарища!

Центральное наше правительство возлагает великую надежду на нашу операцию, чтобы поскорей покончить с войной и приступить к мирному строительству на фронте труда!

Я жду вашего ответа, товарищи красноармейцы! Я должен сейчас же передать его реввоенсовету армии!

Военный комиссар кончил речь и стоял насупившись — ему было хорошо и неловко. Красноармейцы тоже молчали. А у Пухова все дрожало внутри: «Вот это дело, — думал он, — вот она, большевистская война, — нечего тут яйца высиживать!»

Никто уже не слышал ветра и не видел ночных гор. Мир затмился во всех глазах, как дальнейшее событие, каждый был занят об-

щей жизнью. Фонарь на дворе тоже потух, израсходовав свой керосин, и никто этого не заметил.

Вдруг из рядов выступает один красноармеец и определенно говорит:

— Товарищ комиссар! Передайте реввоенсовету армии и всему командованию, что мы ждем приказа о выступлении! Мы того не ждали, чтобы нам оказали такую высокую честь и поручили прикончить Врангеля! Я в том убежден, что говорю от чистого сердца всех красноармейцев, если скажу, что, стало быть, мы благодарим и также клянемся отдать свою кровную силу и жизнь, раз то надо советской власти, — вот и все! Чего там волынку тянуть и чего ждать, раз люди в Советской России с голоду умирают, а тут сволочь в Крыму сидит и мешается!

Красноармейцы заволновались и радостно загудели, хотя, по здравому смыслу, радоваться было нечему. Вышел еще один красноармеец и заявил:

— Правильно штаб сделал, что десант назначил. С Перекопа пусть Врангеля трахнут в морду, а мы разом в зад — вот тогда он с корнем ляжет, и английские корабли ему спасенья не дадут!

Тут опять выходит комиссар:

— Товарищи красноармейцы! Мы в штабе так и знали! Мы ждали от вас той высокой сознательности и беззаветности революции, которую вы сейчас здесь проявили! От имени реввоенсовета и командования армии выражаю вам благодарность и прошу считать те слова, которые я сказал, военной тайной. Вы знаете, что Новороссийск полон белогвардейскими шпионами, и мы будем обречены на гибель, если кто что узнает! Приказ о выступлении будет дан особо. Спасибо, товарищи!

Комиссар спешно ушел, а красноармейцы еще стояли. Пухов подошел к ним и начал слушать. В первый раз ему стало так стыдно за что-то, что кожа покраснела под щетиной.

Оказалось, что на свете жил хороший народ и лучшие люди не жалели себя.

Холодная ночь наливалась бурей, и одинокие люди чувствовали тоску и ожесточение. Но никто в ту ночь не показывался на улицах, и одинокие тоже сидели дома, слушая, как хлопают от ветра ворота. Если же кто шел к другу, спеша там растратить беспокойное время, то обратно домой не возвращался, а ночевал в гостях. Каждый знал, что его ждет на улице арест, ночной допрос, просмотр документов и долгое сидение в тухлом подвале, пока не устанет, что сей человек всю жизнь побирался — или пока не будет одержана большевиками окончательная победа.

А меж тем крестьяне из северных мест, одевшись в шинели, вышли необыкновенными людьми — без сожаления о жизни, без по-

щады к себе и к любимым родственникам, с прочной ненавистью к знакомому врагу. Эти вооруженные люди готовы дважды быть терзанными, лишь бы и враг с ними погиб и жизнь ему не досталась.

Ночью Пухов играл с красноармейцами в шашки и рассказывал им о Троцком, которого никогда не видел:

— Речистый мужчина и собою — полный герой!

Пухов, не видя удовольствия в жизни, привык украшать ее геройскими рассказами — и всем становилось оттого веселей.

В отряде, назначенном в десант, было пятьсот человек; и случилось, что все они из разных мест.

Поэтому на другой день пошло пятьсот писем в пятьсот русских деревень.

Целых полдня красноармейцы малевали и карякали бумагу, прощаясь с матерями, женами, отцами и более дальними родственниками.

Пухов тоже помогал, кто особо слаб был в буквах, и выдумывал такие письма, что красноармейцы одобряли:

— Складно ты пишешь, Фома Егорыч, — мои плакать будут!

— А то как же! — говорил Пухов. — Хохотать тут нечего: дело нешуточное! Чудак ты человек!

После обеда Пухов пошел к комиссару:

— Товарищ комиссар, меня в десант возьмете?

— Возьмем, товарищ Пухов, затем тебя и звали вчера на собрание! — ответил комиссар.

— Только я прошу, товарищ комиссар, назначить меня механиком на «Шаню» — там, я слышал, паровая машина, а на «Марсе» — керосиновый мотор, он мне не сподручен: дюже мал!

— На «Шане», там есть свой механик — турок! — сказал комиссар. — Ну, ладно: мы тебя в помощники назначим, а на «Марс» возьмем шофера! А ты что, не сладишь с керосиновым мотором, что ли?

— Мотор — ерундовая вещь, паровая машина крепче берет! Неохота мне, товарищ комиссар, в геройском походе с таким дерьмом возиться! Это примус, а не машина — сами увидите!

— Ну, ладно, — согласился комиссар, — поедешь на «Шане» — раз так. В десанте люди едут добровольно и делают что им сподобней! А уж в походе, брат, не мудри!..

Пухов взял пропуск и пошел на «Шаню» — машину поглядеть. Ему лишь бы машина была, там он считал себя дома.

С турецким машинистом он сошелся скоро, сказав, что главное дело — смазка, тогда никакой работой машину не погубишь.

— Это справедливо, — хорошо по-русски сказал турок, — масло — доброта, оно машину бережет! Кто масла много дает, тот любит машину, тот есть механик!

— Ну, понятно, — обрадовался Пухов, — машина любит конюха, а не наездника: она живое существо!

На том они и подружили.

Ночью, против окрепшего ветра, отряд шел в порт на посадку. Пухов не знал, к кому ему притулиться, и шел сбоку, гремя полученным казенным чайником. Но красноармейцы сразу его одернули: сказано, иди тайком, чего ты громыхаешь?

— А чего мне таиться-то — не на грабеж идем! — сказал Пухов.

— Приказано не шуметь, — тихо ответил красноармеец Баронов, — затем и людей в городе в губчок попрятали, чтобы шпионов не было!

Шли долго и бесшумно, еле хрустя влажным песком. Огромные порожние склады стояли в темноте, и в них бурчал ветер. Голодные крысы метались всюду, питаясь неизвестно чем.

Ночь была непроглядна, как могильная глубина, но люди шли возбужденно, с тревожным восторгом в сердце, похожие на древних потаенных охотников.

Глубокие времена дышали над этими горами — свидетели мужества природы, посредством которого она только и существовала. Эти вооруженные путники также были полны мужества и последней смелости, какие имела природа, вздымая горы и роя водоемы океанов.

Только потому красноармейцам, вооруженным иногда одними кулаками, и удавалось ловить в степях броневые автомобили врага и разоружать, окорачивая, воинские эшелоны белогвардейцев.

Молодые, они строили себе новую страну для долгой будущей жизни, в неистовстве истребляя все, что не ладилось с их мечтой о счастье бедных людей, которому они были научены политруком.

Они еще не знали ценности жизни, и поэтому им была неизвестна трусость — жалость потерять свое тело. Из детства они вышли в войну, не пережив ни любви, ни наслаждения мыслью, ни созерцания того неимоверного мира, где они находились. Они были неизвестны самим себе. Поэтому красноармейцы не имели в душе цепей, которые приковывали бы их внимание к своей личности. Поэтому они жили полной общей жизнью с природой и историей — и история бежала в те годы, как паровоз, таща за собой на подъем всемирный груз нищеты, отчаяния и смиренной косности.

В мрачной темноте засияли перемежающимся светом огни судовых сигналов. Отряд вступил на помост пристани. Сейчас же началась посадка.

На «Шаню» посадили весь отряд, на катер «Марс» — двадцать человек разведки, а на истребитель — военморов.

Пухов влез в машинное отделение «Шани» и почувствовал себя очень хорошо. Близ машины он всегда был добродушен. Он за-

курил и прохаркнулся громким голосом, устав молчать и выдувая из легких спертые застоявшиеся газы.

Часа два еще гремели красноармейские башмаки по палубе и по трапам.

Чувствуя достаточное удовольствие от этих беспокойных событий, Пухов не усидел внизу и выскочил на палубу.

Черные тела людей, трепещущие в неярком свете фонарей, тихо ползли по трапам, крепко прижав к себе винтовки и все походные принадлежности, чтобы ничто не стучало.

Ночь от фонарей стояла еще огромней и темней — не верилось, что существует живой мир. В глубинах тьмы тонул небольшой ветер, шевеля какие-то вещи на пристани.

Кратко и предостерегающе гудели пароходы, что-то говоря друг другу, а на берегу лежала наблюдающая тьма и влекущая пустыня. Никакого звука не доходило из города, только с гор сквозило рокотание далекой быстрой реки.

Неиспытанное чувство полного удовольствия, крепости и необходимости своей жизни охватило Пухова. Он стоял, упершись спиной в лебедку, и радовался этой таинственной ночной картине — как люди молча и тайком собирались на гибель.

В давнем детстве он удивлялся пасхальной заутрене, ощущая в детском сердце неизвестное и опасное чудо. Теперь Пухов снова пережил эту простую радость, как будто он стал нужен и дорог всем, — и за это всех хотел незаметно поцеловать. Похоже было на то, что всю жизнь Пухов злился и оскорблял людей, а потом увидел, какие они хорошие, и от этого стало стыдно, но чести своей уже не воротить.

Море покойно шуршало за бортом, храня неизвестные предметы в своих недрах. Но Пухов не глядел на море — он в первый раз увидел настоящих людей. Вся прочая природа также от него отделилась и стала скучной.

К часу ночи посадка окончилась. С берега раздалось последнее приветствие от реввоенсовета армии. Комиссар что-то рассеянно туда ответил — он был занят другим.

Раздалась морская резкая команда — и сушь начала отдаляться. Десантные суда отчалили в Крым.

Через десять минут последняя видимость берега растаяла. Пароходы шли в воде и в холодном мраке. Огни были потушены, людей разместили в трюме — все сидели в тесноте и духоте, но никто не засыпал.

Приказано было не курить, чтобы случайно не зажечь судна. Разговаривать тоже запретили, так как командир и комиссар старались придать «Шане» безлюдный вид мирного торгового парохода.

Судно шло тайком, глухо отсекая пар. Где-то недалеко, затерянные в ночной гуще, ползли «Марс» и истребитель. Время от времени они давали о себе знать матросским длинным свистом. «Шаня» им отвечала коротким густым гудком.

Суда продирались в сплошной каше тьмы, напрягая свои небольшие машины.

Ночь проходила тихо. Красноармейцам она казалась долгой, как будущая жизнь. Возбуждение понемногу проходило, а длительная темнота постепенно напрягала душу тайной тревогой и ожиданием внезапных смертельных событий.

Море насторожилось и совсем примолкло. Винт греб невидимо что — какую-то тягучую влагу, и влага негромко мялась за бортом.

Не спеша истекало томительное время. Горы бледно и застенчиво светились близким утром, но море уже было не то. Спокойное зеркало его, созданное для загляденья неба, в тихом иступлении смешало отраженные видения. Мелкие злобные волны изуродовали тишину моря и терлись от своего множества в тесноте, раскачивая водяные недра. А вдали — в открытом море — уже шевелились грузные медленные горы, рыли пучины и сами в них рушились. И оттуда неслась по мелким гребням известковая пена, шипя, как ядовитое вещество.

Ветер твердел и громил огромное пространство, погасая где-то за сотни верст. Капли воды, выдернутые из моря, неслись в трясущемся воздухе и били в лицо, как камешки.

На горах, наверно, уже гоготала буря, и море свирепело ей навстречу.

«Шаня» начала метаться по расшевелившемуся морю, как сухой листик, и все ее некрепкое тело уныло поскрипывало.

Каменный тяжелый норд-ост так раскачивал море, что «Шаня» то ползла в пропасти, окруженная валами воды, то взлетала на гору — и оттуда видны были на миг чьи-то далекие страны, где, казалось, стояла синяя тишина.

В воздухе чувствовалось тягостное раздражение, какое бывает перед грозой.

День давно наступил, но от норд-оста заходило, и красноармейцы студились.

Родом из сухих степей, они почти все лежали в желудочном кошмаре; некоторые вылезли на палубу и, свесившись, блевали густой желчью. Отблевавшись, они на минуту успокаивались, но их снова раскачивало, соки в теле перемешивались и бурлили как попало — и красноармейцев опять тянуло на рвоту.

Даже комиссар забеспокоился и неугомонно ходил по палубе, схватываясь при качке за трубу или за стойки. Блевать его не тянуло — он был из моряков.

«Шаня» приближалась к самому опасному месту — Керченскому проливу, а буря никак не укрощалась, сиюсь выхватить море из его глубокой обители.

«Марс» и истребитель давно пропали в пучинах урагана и на сигналы «Шани» перестали отвечать.

Командир «Шани» судном уже не управлял, кораблем правила трепещущая стихия.

Пухов от качки не страдал. Он объяснял машинисту, что это изжога ему помогает, которой он давно болеет.

С машиной тоже справиться было трудно: все время менялась нагрузка — винт то зарывался в воду, то выскакивал на воздух. От этого машина то визжала от скорости, трясясь всеми болтами, то затихала от перегрузки.

— Мажь, мажь ее, Фома, оснащивай ее погуще, а то враз запрешь на таких оборотах! — говорил машинист.

И Пухов обильно питал машину маслом, что он уважал делать, и приговаривал:

— А-а, стервозия, я ж тебя упокою! Я ж тебя утромащу!

Часа через полтора «Шаня» проскочила Керченский пролив.

Комиссар спустился на минутку в машинное отделение прикурить, так как у него взмокли спички.

— Ну как она? — спросил его Пухов.

— Она-то ничего, да он-то плох! — пошутил комиссар, улыбаясь усталым изработавшимся лицом.

— А что так? — не понял Пухов.

— А ничего — все хорошо, — сказал комиссар. — Спасибо норд-осту, а то бы нас давно белые угомонили!

— Это как же так?

— А так, — объяснял комиссар. — Керченский пролив охраняется у белых военными крейсерами. А от бури они все укрылись в Керченскую гавань и поэтому нас не заметили! Понял?

— Ну а прожекторами отчего нас не нащупали? — допытывался Пухов.

— Ого! Вся атмосфера тряслась — какие тут прожектора!

В полдень «Шаня» шла уже в крымских водах, но море по-прежнему изнемогало в буре и устало билось в борт парохода.

Скоро на горизонте показался неизвестный дымок. Капитан судна, командир отряда и комиссар долго наблюдали за тем дымком. Потом «Шаня» взяла курс в открытое море — и дымок пропал.

Норд-ост не прекращался. Это несчастье радовало капитана и комиссара. Сторожевые белогвардейские суда считали бдительность в такой шторм излишней и сидели в береговых щелях.

Комиссар тем и объяснял, что «Шаня» цела, и надеялся на высадку десанта на берег, как только стихнет буря и наступит ночь.

Пухов не вылезал из машинного, обливаясь потом у бесившейся машины и страдая ее всякими словами.

В четвертом часу дня на горизонте сразу объявились четыре дымка. Они стали ходко приближаться, как бы обхватывая «Шаню». Одно судно совсем разглядело «Шаню» и стало давать сигналы об остановке.

Красноармейцы, хоть и не догадывались — как и что, а тоже высыпали на палубу и заметались от любопытства.

Капитан «Шани» по дыму догадался, что одно из судов наверняка военный крейсер.

Выходило, что десанту пришлось время добровольно пускать себя ко дну.

Капитан и комиссар не сходили с рубки, стараясь найти какой-нибудь исход для спасения. Всем красноармейцам приказано было уйти в трюм, чтобы судно противника не обнаружило военного значения «Шани».

Норд-ост ревел с неизбывной силой и сметал «Шаню» с ее курса. Четыре неизвестных корабля тоже с трудом удерживали курс и не могли принять направления на «Шаню».

Скоро три дымка исчезли из зрения — их куда-то отшиб зверский норд-ост. Зато четвертое судно неотступно подбиралось к «Шане». Иногда уже явственно обнажался его корпус. Капитан разглядел, что это быстроходный и хорошо вооруженный торговый пароход и что он нагоняет «Шаню». Только шторм никак не допускает то судно подойти к «Шане» вплотную. Затем пароход стал допрашивать «Шаню»: куда она идет. «Шаня», войдя в крымские воды, шла под врангелевским флагом. На вопрос белогвардейского парохода «Шаня» ответила, что идет из Керчи в Феодосию и везет рыбу.

На палубе оставалось только четверо турок в костюмах своей родины, а все военные люди, вместе с комиссаром и командиром десанта, сидели в трюме.

Поэтому, когда белые купцы подошли к «Шане», то только поглядели в бинокли и пошли прочь. Буксировать «Шаню» они не захотели — наверное из-за опасного шторма.

Остальной день прошел спокойно. Иногда показывались какие-то пароходы, но сейчас же исчезали: они боялись «Шани» еще больше, чем она их.

Красноармейцы, замученные тошнотой и сырым холодом, старались нарочно быть веселыми и стыдились отчего-то морской болезни. Им надоело тоскливое плавание, и они даже обрадовались, когда узнали, что подходит белогвардейский пароход, вооруженный четырьмя пушками.

Красноармейцам море было незнакомо, и они не верили, что та стихия, от которой только тошнит, таит в себе смерть кораблей.

— Пускай подходит! — сказал красноармеец-тамбовец. — Мы его смажем!

— Как же ты его смажешь? — спросил комиссар. — У него пушки на борту!

— А вот увидишь, — заявил тамбовец, — из винтовок так и смажем!

Привыкшие брать броневые автомобили на ходу, с одними винтовками в руках, красноармейцы и на море думали побеждать посредством винтовки.

Иногда мимо «Шани» пронеслись целые водяные столбы, объятые вихрем норд-оста. Вслед за собой они обнажали глубокие бездны, почти показывая дно моря.

Внезапно, после такого морского столба, показался пропавший ночью катер «Марс». Его совсем затрепало. Глыбы воды громили и рушили его оснастку и норовили совсем перекувырнуть. Но «Марс» упорно отфыркивался и метался по волнам, еле живой от своего упрямства. Он хотел пристать к «Шане», но волна откидывала его прочь в пучину.

Вся команда «Марса» и двадцать человек разведки, которую он вез, стояла на палубе, держась за снасти.

Люди что-то бешено кричали на «Шаню», но гром бури рвал их голоса, и ничего не было слышно. Лица людей затмилась бессмысленностью, глаза выцвели от злобного отчаяния, и смертельная бледность на них легла, как белая намазанная краска.

Казнь наступающей смерти терзала их еще больше от близости «Шани». Люди на «Марсе» рвали на себе последнюю казенную одежду и рычали по-звериному, показывая даже кулаки. Они вопили сильнее бури, а один толстый красноармеец сидел верхом на рее и ел хлеб, чтобы зря не пропал паек.

Глаза гибнущих людей торчали от выпученной ненависти, и ноги их неистово колотили в палубу, обращая на себя внимание.

Пухов стоял наверху и глядел на «Марс».

— Чего они там бесятся? — спросил он у комиссара. — Тонут, что ли, — или испугались чего?

— Должно быть, течь у них, — ответил комиссар. — Надо как-нибудь помочь!

Красноармейцев в трюме было не удержать. Они стояли на палубе и тоже что-то кричали на «Марс», позоря испуг несчастных.

Вся «Шаня» терзалась за отряд и команду «Марса»; командир в бешенстве кричал на капитана, комиссар тоже ему помогал, а капитан никак не мог подойти к «Марсу».

Когда «Шаню» подшвырнуло к «Марсу», то оттуда закричали, что вода уже в машинном отделении.

Еще послышалась с «Марса» гармоника — кто-то там наигрывал перед смертью, пугая все законы человеческого естества.

Пухов это как раз явственно услышал и чему-то обрадовался в такой неурочный час.

В затихшую секунду, когда «Марс» подскочил к «Шане», чистый голос, поверх криков, вторил чьей-то тамошней гармошке:

Мое яблочко
Несоленое,
В море Черное
Уроненное...

— Вот сволочь! — с удовольствием сказал Пухов про веселого человека на «Марсе» — и плюнул от бессильного сочувствия.

— Спускай лодку! — крикнул капитан, потому что «Марс» торчал одной палубой, а корпус его уже утонул.

Лодка, еле опущенная на воду, сейчас же трижды перевернулась, и два матроса на ней исчезли невидимо куда.

Вдруг крутой взмах шквала схватил «Марс» и швырнул его так, что он очутился над «Шаней».

— Сигай вниз! — заорал усердней всех Пухов.

Люди на «Марсе» вздрогнули, помертвели до черноты лица и бросились как попало вниз — на палубу «Шани». Падая на «Шаню», они валялись, как дохлые тела, и ломали руки ловившим их, а Пухова совсем сшибли с ног. Это ему не понравилось:

— Легче, — шумел он. — На Врангеля, черти, шли, а чистой воды бояться!

Через несколько секунд весь «Марс» сгрузился на «Шаню», только двое пролетели мимо, промахнувшись в морскую прорву.

На «Марсе» что-то гулко заныло, и он разлетелся от внутреннего взрыва в щепки и железки.

Пухов ходил среди спасенных людей и каждого спрашивал:

— Это не ты пел там?

— Нет, куды там петь! — отвечал красноармеец или матрос с «Марса».

— Да ты и не похож на того! — говорил недовольно Пухов и шел дальше.

Так ни одного и не нашлось — никто, оказывается, не пел и на гармонике не играл. А ведь слышался звук — и даже слова песни Пухов запомнил!

Вечерело уже, а шторм лютовал и не собирался отдыхать.

— И откуда он, дьявол, выходит — посмотрел бы я то место! — говорил себе Пухов, качаясь вместе с машиной в трюме.

Вечером начальство на «Шане» долго совещалось. «Шаня» имела большую перегрузку и к крымскому берегу близко подойти не может. К тому же норд-ост все время отжимал судно в открытое море, и десант высадить все равно нельзя. А долго задерживаться

в море очень опасно — первый сторожевой крейсер белых пустит «Шаню» на дно.

Совещались долго. Матросы не сдавались и советовали переждать шторм, а там видно будет.

— Ну, вернемся в Новороссийск, — говорил командир разведки матрос Шариков, — а там что? Во-первых, жары нагонят, что самовольно вернулись, а во-вторых — что же — все по-дурному пойдет: ведь Врангель цел останется!

— Ты, Шариков, забыл, — сказал ему военный комиссар, — что от «Марса» твоего одни щепки плавают, истребитель пропал — тоже, должно, купается, а «Шаня» кирпичом ворочается от нагрузки!.. Что ж, по-твоему, обязательно еще и «Шаню» на дно пустить?..

— Ну, как хочешь! — сказал Шариков. — Только и ворочаться — дюже срамно!

Однако к ночи порешили, что надо уходить обратно — на Новороссийск.

К полуночи норд-ост начал слабеть, но море носилось по-прежнему. «Шаня» кое-как влекла себя домой.

В Керченском проливе ее нащупали береговые прожектора, но стрельбы из крепостных орудий белые не открыли. Может быть, потому, что на «Шане» еще болтался обрывок врангелевского флага.

Под утро «Шаня» выгружалась в Новороссийске.

— Срамота чертова! — обижались красноармейцы, собирая вещи.

— Чего ж срамота-то? — урезонивал их Пухов. — Природа, брат, погуще человека! Крейсера и то в береговых загогулинах стояли!

— Ничего, — говорил недовольный матрос Шариков, — вот Перекоп прошибут, тогда без нас, без сопливых, обойдутся!

Так оно и случилось: Шариков как в озеро глядел.

В тот же вечер реввоенсовет приказал повторить десант.

Отряд в ночь снова погрузился, и «Шаня» подняла пары.

Шариков радостно метался по судну и каждому что-нибудь говорил. А военный комиссар чувствовал свою дурость, хотя в реввоенсовете ему ничего плохого не сказали.

— Ты — рабочий? — спрашивал Шариков у Пухова.

— Был рабочий, а буду водолаз! — отвечал Пухов.

— Тогда почему ж ты не в авангарде революции? — совестил его Шариков. — Почему ж ты ворчун и беспартиец, а не герой эпохи?..

— Да не верилось как-то, товарищ Шариков, — объяснял Пухов, — да и партком у нас в дореволюционном доме губернатора помещался!

— Что там дореволюционный дом! — еще пуще убеждал Шариков. — Я вот родился до революции — и то терплю!

Перед самым отходом комиссар десанта отлучился: пошел депешу дать о благополучном отплытии.

Через полчаса он вернулся, но на судно не пошел, а остался на пристани, смеялся и кричал:

— Слазь!

— Что ты, голова, очумел, что ли? Чего — слазь? — допрашивал его с борта Шариков.

— Слазь, говорю! — шумел комиссар. — Перекоп взят, Врангель бежит! Вот приказ — десант отменяется!

Шариков и прочие поникли.

— Вот тебе раз! — сказал один красноармеец. — Тут бы Врангеля и крыть в зад — ведь он на корабли бежит, — а тут — отменяется!..

— Я ж говорил, что в Крыму без сопливых обойдутся!.. — начал Шариков, а кончил по-своему.

— Будя тебе ерепениться! — увещал Шарикова Пухов. — Пускай Врангель плывет — другого кого-нибудь избузуешь!

— Эх!.. — крикнул Шариков и треснул кулаком по стойке, добавив кой-какой словесный материал.

— Дуй вплавь через пролив! — посоветовал ему Пухов. — Ты — вещь маленькая, тебя прожектор не ухватит! Высадишь себя — десант получится!

— И то! — сказал было Шариков, но потом одумался. — Вода только холодна, да и волна большая — сразу захлебнешься!..

— А ты обожди погоду! — рассказывал Пухов. — А воздух в подштанники надуешь: станешь захлебываться, пробей дырочку и вздохнешь!

— Нет — то чушь, то не морское дело! — отказывался Шариков.

Через два дня стало известным, что пропавший истребитель добрался до крымских берегов и высадил сто человек матросов.

— Я ж так и знал! — горевал Шариков. — На истребителе Кныш командовал, а я связался с сухопутной курицей!

III

— Пухов! Война кончается! — сказал однажды комиссар.

— Давно пора, — одними идеями одеваемся, а порток нету!

— Врангель ликвидируется! Красная Армия Симферополь взяла! — говорил комиссар.

— Чего не брать? — не удивлялся Пухов. — Там воздух хороший, солнцепек крутой, а советскую власть в спину вошь жжет — она и прет на белых!

— При чем тут вошь? — сердечно обижался комиссар. — Там сознательное геройство! Ты, Пухов, полный контр!

— А ты теории-практики не знаешь, товарищ комиссар! — сердито отвечал Пухов. — Привык лупить из винтовки, а по науке-технике констргайка необходима, иначе болт слетит на полном ходу! Понимаешь эту чушь?

— А ты знаешь приказ о трудовых армиях? — спросил комиссар.

— Это чтоб жлобы слесарями сразу стали и заводы пустили? Знаю! А давно ты их ноги вкрутую ставить научил?

— В реввоенсовете не дураки сидят! — серьезно выразился комиссар. — Там взвесили за и против!

— Это я понимаю, — согласился Пухов. — Там — задумчивые люди, только жлоб механики враз не поймет!

— Ну, а кто ж тогда все чудеса науки и ценности международного империализма произвел? — заспорил комиссар.

— А ты думал паровоз жлоб сгондobil?

— А то кто ж?

— Машина — строгая вещь. Для нее ум и ученье нужны, а чернорабочий — одна сырая сила!

— Но ведь воевать-то мы научились? — сбивал Пухова комиссар.

— Шуровать мы горазды! — не сдавался Пухов. — А мастерство — нежное свойство!

По улице шла в баню рота красноармейцев и пела для бодрости:

Как родная меня мать
Провожа-ала,
На дорогу сухих корок
Собира-ала!

— Вот дьяволы! — заявил Пухов. — В приличном городе нищету проповедуют! Пели бы, что с пирогами провожали!

Время шло без тормозов. Пушки работали с постоянно уменьшающимся напряжением. Красноармейские резервы изучали от безделья природу и общество, готовясь прочно и долго жить.

Пухов посвежел лицом и лодырничал, называя отдых свойством рабочего человека.

— Пухов, ты бы хоть в кружок записался, ведь тебе скучно! — говорил ему кто-нибудь.

— Ученье мозги пачкает, а я хочу свежим жить! — иносказательно отговаривался Пухов, не то в самом деле, не то шутя.

— Оковалок ты, Пухов, а еще рабочий! — совестил его тот.

— Да что ты мне тень на плетень наводишь: я сам — квалифицированный человек! — заводил ссору Пухов — и она продолжалась, вплоть до оскорбления революции и всех героев и угодников ее. Конечно, оскорблял Пухов, а собеседник, разыгранный вдрызг, в удручении оставлял Пухова.

В глупом городе, с неровным порочным климатом, каким тогда был Новороссийск, Пухов прожил четыре месяца, считая с ночного десанта.

Числился он старшим монтером береговой базы Азовско-Черноморского пароходства. Пароходство это учредила новороссийская власть, чтобы Северный Кавказ поскорей на мирную страну походил. Но пароходы не могли тронуться по случаю разлаженных машин — и Северный Кавказ напрасно считал себя мирной морской державой.

Одна аульская стенная газета даже назвала Северный Кавказ «восточной советской Англией», вследствие наличия одного морского берега и четырех пароходов, которые пока не плавали.

Пухов ежедневно осматривал пароходные машины и писал рапорты об их болезни: «Ввиду сломатия штока и дезорганизованности арматуры, ведущую машину парохода “Нежность” пустить невозможно, и думать даже нечего. Пароход же по названию “Всемирный Совет” болеет взрывом котла и общим отсутствием топки, которая куда делась — нельзя теперь дознаться. Пароходы “Шаня” и “Красный Всадник” пустить в ход можно сразу, если сменить им разможенные цилиндры и сирены приделать, а цилиндры расточить теперь немислимое дело, так как чугуна готового земля не рождает, а к руде никто от революции руками не касается. Что же до расточки цилиндров, то трудовые армии точить ничего не могут, потому что они скрытые хлебопашцы».

Иногда Пухова вызывал на личный доклад политком береговой базы. Пухов ему все рассказывал — как и что делается на базе.

— Что ж твои монтеры делают? — спрашивал политком.

— Как что? — удивлялся Пухов. — Следят непрерывно за судовыми механизмами!

— Но ведь они не работают! — говорил политком.

— Что ж, что не работают! — сообщал Пухов. — А вредности атмосферы вы не учитываете: всякое железо — не говоря про медь — враз скиснет и опаршивеет, если за ним не последить!

— А ты бы там подумал и попробовал, может, и сумеешь поправить пароходы! — советовал политком.

— Думать теперь нельзя, товарищ политком! — возражал Пухов.

Комиссар не верил:

— Это почему нельзя?

— Для силы мысли пищи не хватает: паек мал! — разъярялся Пухов.

— Ты, Пухов, настоящий очковтиратель! — кончал беседу комиссар и опускал глаза в текущие дела.

— Это вы очковтиратели, товарищ комиссар!

— Почему? — уже занятый делом, рассеянно спрашивал комиссар.

— Потому что вы делаете не вещь, а отношение! — говорил Пухов, смутно припоминая плакаты, где говорилось, что капитал не вещь, а отношение; отношение же Пухов понимал как ничто.

В один день, во время солнечного сияния, Пухов гулял в окрестностях города и думал — сколько порочной дурости в людях, сколько невнимательности к такому единственному занятию, как жизнь и вся природная обстановка.

Пухов шел, плотно ступая подошвами. Но через кожу он все-таки чувствовал землю всей голой ногой, тесно совокупляясь с ней при каждом шаге. Это даровое удовольствие, знакомое всем странникам, Пухов тоже ощущал не в первый раз. Поэтому движение по земле всегда доставляло ему телесную прелесть — он шагал почти со сладострастием и воображал, что от каждого нажатия ноги в почве образуется тесная дырка, и поэтому оглядывался: целы ли они.

Ветер тормошил Пухова, как живые руки большого неизвестного тела, открывающего страннику свою девственность и не дающего ее, и Пухов шумел своей кровью от такого счастья.

Эта супружеская любовь цельной непорченной земли возбуждала в Пухове хозяйские чувства. Он с домовитой нежностью оглядывал все принадлежности природы и находил все уместным и живущим по существу.

Садясь в бурьян, Пухов отдавался отчету о самом себе и растекался в отвлеченных мыслях, не имеющих никакого отношения к его квалификации и социальному происхождению.

Вспоминая усопшую жену, Пухов горевал по ней. Об этом он никогда никому не сообщал, поэтому все действительно думали, что Пухов корявый человек и вареную колбасу на гробе резал. Так оно и было, но Пухов делал это не из похабства, а от голода. Зато потом чувствительность начинала мучить его, хотя горестное событие уже кончалось. Конечно, Пухов принимал во внимание силу мировых законов вещества, и даже в смерти жены увидел их справедливость и примерную искренность. Его вполне радовала такая слаженность и гордая откровенность природы — и доставляла сознанию большое удивление. Но сердце его иногда тревожилось и тре-

петало от гибели родственного человека и хотело жаловаться всей круговой поруке людей на общую незащищенность. В эти минуты Пухов чувствовал свое отличие от природы и горевал, уткнувшись лицом в нагретую своим дыханием землю, смачивая ее редкими неохотными каплями слез.

Все это было истинным, потому что нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты души его составить нельзя. В каждом человеке есть обобщение собственной жизнью, и поэтому каждый день для него — сотворение мира. Этим люди и держатся.

В такие сосредоточенные часы даже далекий Зворычный был мил и дорог Пухову, и он думал — как бы хорошо встретиться с ним и побеседовать по душам.

Пухову казалось странным, что никто на него внимания не обращал: звали только по служебному делу.

Красноармейцы понемногу отпускались из армии по домам и навсегда пропадали в дальних глухих деревнях, унося свежесть и тайну революции. Город без них оставался дореволюционной сиротой, надевал пожелтый сюртук скуки и надлежало копался по своему хозяйству.

— Ну ладно — ухажу и я! — решил Пухов и со злобой степного человека поглядел на дикие горы, очертенело загрозившие пешеходную землю.

О своем уходе Пухов начальству не сказал, чтобы никого не удручать и себя не обременять.

Тронулся Пухов одиноким, как и прибыл сюда. Тоска по родному месту взяла его за живое, и он не понимал, как можно среди людей учредить Интернационал, раз родина — сердечное дело, и она — не вся земля.

Со станции Тихорецкой поезда на Ростов не шли, а ходили в обратную сторону — на Баку.

Из Баку Пухов собирался дойти до родины — вкось по берегу Каспийского моря и по Волге, не особо разбираясь в географии. Он думал, что на этом маршруте пшеницы больше растет, а сытно питаться любил.

В дороге, на пустой нефтяной цистерне, Пухов устал и опал туловищем. Ел он один пайковый хлеб, что получил еще в Новороссийске, — и то не в полную досталь.

На дороге встречались худые деревья, горькая горелая трава и всякий другой живой и мертвый инвентарь природы, ветхий от климатического износа и топота походов войны.

Историческое время и злые силы свирепого мирового вещества совместно трепали и морили людей, а они, поев и отоспавшись, снова жили, розовели и верили в свое особое дело. Погибшие по-

средством скорбной памяти тоже подгоняли живых, чтобы оправдать свою гибель и зря не преть прахом.

Пухов глядел на встречные ложины, слушал звон поездного состава и воображал убитых — красных и белых — которые сейчас перерабатываются почвой в удобрительную тучность.

Он находил необходимым научное воскрешение мертвых, чтобы ничто напрасно не пропало и осуществилась кровная справедливость.

Когда умерла его жена — преждевременно, от голода, запущенных болезней и в безвестности — Пухова сразу прожгла эта мрачная неправда и противозаконность события. Он тогда же почувал — куда и на какой конец света идут все революции и всякое людское беспокойство. Но знакомые коммунисты, прослушав мудрость Пухова, злостно улыбались и говорили:

— У тебя даже масштаб велик, Пухов; наше дело мельче, но серьезней.

— Я вас не виню, — отвечал Пухов, — в шаг человека один аршин, больше не шагнешь; но если шагать долго подряд, можно далеко зайти — я так понимаю; а конечно, когда шагаешь, то думаешь об одном шаге, а не о версте, иначе бы шаг не получился.

— Ну вот видишь, ты сам понимаешь, что надо соблюдать конкретность цели, — разъяснили коммунисты, и Пухов думал, что они ничего ребята, хотя напрасно бога травят, — не потому, что Пухов был богомольцем, а потому, что в религию люди сердце помещать привыкли, а в революции такого места не нашли.

— А ты люби свой класс, — советовали коммунисты.

— К этому привыкнуть еще надо, — рассуждал Пухов, — а народу в пустоте трудно будет: он вам дров наворочает от своего неуместного сердца.

В Баку Пухова приняли хорошо, потому что Пухов встретился с матросом Шариковым.

— Ты зачем приехал? — спросил Шариков, ворочая большие бумаги на дорогом столе и разыскивая в них толк.

— Укреплять революцию! — сразу заявил Пухов.

— А я, брат, Каспийское пароходство налаживаю — только ни хрена не выходит! — просто объяснил Шариков.

— А ты чего писцом сел: бери молоток и латай корабли лично! — разрешил Пухов мучение Шарикова.

— Чудак ты, я ж всеобщий руководитель Каспийского моря! Кто ж тогда будет заправлять тут всей красной флотилией?

— А чего ей заправлять, раз люди сами работать будут? — разъяснял Пухов, ничего не думая.

Шариков, однако, скучал по корабельной жизни и тяжело вздыхал за писчим делом. Резолюции он клал лишь в двух смыслах: «пускай» и «не надо».

Ночевать и харчиться Пухов пошел к Шарикову. Шариков жил у одной вдовы по улице Шварца. В свободные вечера, когда не было собраний или еще чего необходимого, Шариков делал вдове табуретки, а читать ничего не мог. Говорил, что от чтения он с ума начинает сходить и сны по ночам видит.

— У тебя грузный корпус — кровей много! — открыл ему Пухов. — А для умственной работы ряжка толста — тебе обязательно надо кровь слить!

— Куда ж ее слить? — искал спасения Шариков.

— Лей в ведро! — советовал Пухов. — Давай я тебя ножом полосну — паровоз тоже лишний пар спускает!

— Брось ты скрипеть! — отставлял Шариков. — Я теперь сам похудею — от одного покоя. Ты знаешь, я от боев и классовой солидарности всегда становлюсь гуще и комплектней телом, а как все пройдет — я сам усохну!

Пожил у Шарикова Пухов с неделю, поел весь запас пищи у вдовы и оправился собой.

— Что ты, едрена мать, как хворостина мотаешься, дай я тебя к делу пришью! — сказал однажды Шариков Пухову. Но Пухов не дался, хотя Шариков предлагал ему стать командиром нефтеналивной флотилии.

Баку Пухову не нравился. В другое время его бы не вытащить оттуда, а сейчас все машины стояли молча и буровые вышки прели на солнце.

Песок несся ветром так, что жужжал и вцеплялся во все скважины открытого лица, отчего Пухова разбирала тяжкая злоба. Жара тоже донимала, несмотря на неурочное время — октябрь.

Решил Пухов скрыться отсюда и сказал о том Шарикову, когда он пришел со своего служебного поста.

— Катись! — разрешил Шариков. — Я тебе путевку дам в любое место республики, хотя ты кустарь советской власти!

На третьи сутки Пухов тронулся. Шариков дал ему командировку в Царицын — для привлечения квалифицированного пролетариата в Баку и заказа заводам подводных лодок, на случай войны с английскими интервентами, засевшими в Персии.

— Устроишь? — спросил Шариков, вручая командировку.

— Ну вот еще! — обиделся Пухов. — Что там подводных лодок, что ль, не видели? Там, брат, целая металлургия!

— Тогда — сыпь! — успокоился Шариков.

— Ладно! — сказал Пухов, скрываясь. — Зря ты мне особых полномочий не дал и поезд на сорока осях! Я б напугал весь Царицын и сразу все устроил!

— Катись в общем порядке — и так примут коллективно! — ответил на прощанье Шариков и написал на хлопчатобумажном отношении: «пускай». А в отношении рапортовалось о поглощении морской пучиной сторожевого катера.

IV

Начался у Пухова звон в душе — от смуты дорожных впечатлений. Как сквозь дым, пробивался Пухов в потоке несчастных людей на Царицын. С ним всегда так бывало — почти бессознательно он гнал себя жизнью по всяким ущельям земли, иногда в забвении самого себя.

Люди шумели, рельсы стонали под ударами насильно вращаемых колес, пустота круглого мира колебалась в смрадном кошмаре, облегая поезд верещащим воздухом, — а Пухов внизывался в ветер вместе со всеми, влекомый и беспомощный, как косное тело.

Впечатления так густо затемняли сознание Пухова, что там не оставалось силы для собственного разумного размышления.

Пухов ехал с открытым ртом — до того удивительны были разные люди.

Какие-то бабы Тверской губернии теперь ехали из турецкой Анатолии, носимые по свету не любопытством, а нуждой. Их не интересовали ни горы, ни народы, ни созвездия, — и они ничего ниоткуда не помнили, а о государствах рассказывали, как про волостное село в базарные дни. Знали только цены на все продукты азиатского побережья, а мануфактурой не интересовались.

— Почему там веревка? — спросил одну такую бабу Пухов, замышляя что-то про себя.

— Там, милый, веревки и не увидишь — весь базар исходи! Там почки бараньи дешевы, что правда — то правда, врать тебе не хочу! — рассказывала тверская баба.

— А ты не видела там созвездия Креста — матросы говорили, что видели? — допытывался Пухов, как будто ему нужно было непременно знать.

— Нет, милый, креста не видела, его и нету — там дюже звезды падучие! Подынешь голову, а звезды так и летят, так и летят — таково страховито, а прелестно! — расписывала баба чего не видела.

— Что ж ты сменяла там? — спросил Пухов.

— Пуд кукурузы везу — за кусок холстины дали! — жалостно ответила баба и высморкалась, швырнув носовую очистку прямо на пол.

— Как же ты иноземную границу проходила? — дознавался Пухов. — Ведь для документов у тебя карманов нету!

— Да мы, милый, ученые — ай мы не знаем как! — кратко объяснила тверячка.

Один калека, у которого Пухов английским табаком угощался, ехал из Аргентины в Иваново-Вознесенск, везя пять пудов твердой чистосортной пшеницы.

Из дома он выехал полтора года назад здоровым человеком. Думал сменить ножики на муку и через две недели дома быть. А оказывается, вышло и обернулось так, что ближе Аргентины он хлеба не нашел, — может жадность его взяла, думал, что в Аргентине ножики нет. В Месопотамии его искалечило крушением в туннеле — ногу отмяло. Ногу ему отрезали в багдадской больнице, и он вез ее тоже с собой, обернув в тряпки и закопав в пшеницу, чтобы она не воняла.

— Ну как, не пахнет? — спрашивал этот мешочник из Аргентины у Пухова, почувствовав в нем хорошего человека.

— Маленько! — говорил Пухов. — Да тут не дознаешься: от таких харчей каждое тело дымит!

Хромой тоже нигде не заметил земной красоты. Наоборот, он беседовал с Пуховым о какой-то речке Курсавке, где ловил рыбу, и о траве доннике, посыпаемой для вкуса в махорку. Курсавку он помнил, донник знал, а про Великий или Тихий океан забыл и ни в одну пальму не взгляделся задумчивыми глазами.

Так весь мир и пронесся мимо него, не задев никакого чувства.

— Что ж ты так? — спросил у хромого Пухов про это, любивший картинки с видами таинственной природы.

— В голове от забот кляп сидел! — отвечал хромой. — Плы-вешь по морю, глядишь на разные чучелы и богатые державы, — а скучно!

Голод до того заострил разум у простого народа, что он полз по всему миру, ища пропитания и перехитрил законы всех государств. Как по своему уезду, путешествовали тогда безымянные люди по земному шару — и нигде не обнаружили ничего поразительного.

Кто странствовал только по России, тому не оказывали почтения и особо не расспрашивали. Это было так же легко, как пьяному ходить в своей хате. Силы тогда были могучие в любом человеке, никакой рожон не считался обидой. Никто не жаловался на власть или на свое мучение — каждый ко всему притерпелся и вполне обжился.

На больших станциях поезд стоял по суткам, а на маленьких по трое. Мужики-мешочники уходили в степь, косили чужую траву, чтобы мастерство не потерять, возвращались на станцию, а поезд все стоял и стоял, как приклеенный. Паровоз долго не мог ски-

пятить воду, а скипятивши, дрова пожигал — и снова ждал топлива. Но тогда вода в котле остывала.

Пухов загорюнился. В такие останки он ходил по траве, ложился на живот в канаву и сосал какую-нибудь желчную траву, из которой не теплый сок, а яд источался. От этого яда или еще от чего-то Пухов весь запаршивел, оброс шерстью и забыл, откуда и куда ехал и кто он такой.

Время кругом него стояло, как светопреставление, где шевелилась людская живность и грузно ползли объемистые виды природы. А надо всем лежал чад смутного отчаяния и терпеливой грусти.

Хорошо, что люди ничего тогда не чували, а жили всему на против.

В Царицыне Пухов не слез — там дождь шел и вьюжило какой-то гололедицей. Кроме того, над Волгой шелестели дикие ветры, и все пространство над домами угнеталось злобой и скукой.

Вышел на привокзальный рынок Пухов — воблы сменять на запасные кальсоны, — и плохо ему стало. Где-то пели петухи — в четыре часа пополудни, — один мастеровой спорил с торговкой о точности безмена, а другой тянул волынку на ливенской гармонии, сидя на брошенной шпале. В глубине города кто-то стрелял и неизвестные люди ехали на телегах.

— Где тут заводы подводные лодки делают? — спросил Пухов гармониста-мастерового.

— А ты кто такой? — поглядел на него мастеровой и спустил воздух из музыки.

— Охотник из Беловежской пуши! — нечаянно заявил Пухов, вспомнив какое-то старинное чтение.

— Знаю! — сказал мастеровой и заиграл унылую, но нахальную песню. — Вали прямо, потом вкось, выйдешь на буераки, свернешь на кузницы — там и спроси французский завод!

— Ладно! Дальше я без тебя знаю! — поблагодарил Пухов и побрел без всякого усердия.

Шел он часа три, на город не смотрел и чувствовал свою усталую сырую кровь.

Какие-то люди ездили и ходили — вероятно по важному революционному делу. Пухов не сосредоточивался на них, а шел молча, изредка соображая, что Шариков — это сволочь: заставил трудиться по ненужному делу.

Около конторы французского завода Пухов остановил какого-то механика, евшего на ходу белую булку.

— Вот — видишь! — подал ему Пухов мандат Шарикова.

Тот взял документ и вник в него. Читал он его долго, вдумчиво и ни слова не говоря. Пухов начал зябнуть, трепеща на воздухе ос-

куделым телом. А механик все читал и читал — не то он был неграмотный, не то очень интересующийся человек.

На заводе, за высоким старым забором, стояло заунывное молчание — там жило давно остывшее железо, съедаемое ленивой ржавчиной.

День скрывался в серой ветреной ночи. Город мерцал редкими огнями, мешавшимися со звездами на высоком берегу. Густой ветер шумел, как вода, и Пухов почувствовал себя безродным заблудившимся человеком.

Механик, или тот кто он был, прочитал весь мандат и даже осмотрел его с тыльной стороны, но там была голая чистота.

— Ну как? — спросил Пухов и поглядел на небо. — Когда цеха управятся с заказом?

Механик помазал языком мандат и приложил его к забору, а сам пошел вдоль местоположения завода к себе на квартиру.

Пухов посмотрел на бумажку на заборе и, чтобы не сорвал ее ветер, надел на шляпку высунувшегося гвоздя.

Обратно на вокзал Пухов дошел скоро. Ночной ветер и какая-то дождливая мелюзга доконали его самочувствие, и он обрадовался дыму паровоза, как домашнему очагу, а вокзальный зал показался ему милой родиной.

В полночь тронулся поездной состав неизвестного маршрута и назначения.

Осенний холодный дождь порол землю, и страшно было за пути сообщения.

— Куда он едет? — спросил Пухов людей, когда уже влез в вагон.

— А мы знаем — куда? — сомнительно произнес кроткий голос невидного человека. — Едет — и мы с ним!

V

Всю ночь шел поезд — гремя, мучаясь и напуская кошмары в костяные головы забывшихся людей.

На глухих стоянках ветер шевелил железо на крыше вагона, и Пухов думал о тоскливой жизни этого ветра и жалел его. Он воображал еще о мельницах-ветрянках, о пустых деревенских сараях, где сейчас сквозит буря, и об общей беспризорности огромной порожней земли.

Поезд трогался куда-то дальше. От его хода Пухов успокаивался и засыпал, ощущая теплоту в ровно работающем сердце.

Паровоз подолгу гудел на полном ходу, пугая темноту и прося о безопасности. Выпущенный звук долго метался по равнинам,

водоразделам и ущельям и ломался оврагами на другой страшный голос.

— Пухов! — тихо и гулко послышалось Пухову во сне. Он сразу проснулся и сказал:

— А?

Весь вагон сопел в глубоком сне, а под полом бушевали колеса на большой скорости.

— Ты чего? — вновь спросил Пухов тихим голосом, но знал, что нет никого.

Давно забытое горе невнятно забормотало в его сердце и в сознании — и, прижукнувшись, Пухов застонал, стараясь поскорее утихнуть и забыться, потому что не было надежды ни на чье участие. Так он томился долгие часы и не интересовался несущимся мимо вагона пространством. Разжигая в себе отчаяние, он устал и пришел к своему утешению во сне.

Спал Пухов долго — до полного разгара дня. Солнце подсушило осенние кочки и сияло горящим золотом, ровной радостью, и звенело высоким напряженным тоном.

По полю изредка и вразброд стояли худые смиренные деревья. Они рассеянно помахивали ветками, бесстыдно оголенные перед смертью, — чтобы зря не пропадала их одежда.

В эти последние дни перед снегом вся живая зелень поверхности земли была поставлена под расстрел холода, заморозков и длинной ночной тьмы. Но — предварительно — скупая природа раздевала донага растения и разносила своими ветрами замершие полуживые семена.

Листья утрамбовывались дождями в почву и прели там для удобрения, туда же укладывались для сохранности семена. Так жизнь скупой и прочно заготовлялась впрок. От таких событий у очевидца Пухова слюни на губах показывались, что означало удовольствие.

Ездоки поездного состава неизвестного назначения проснулись на заре — от холода и потому что прекратились сновидения. Пухов против всех опоздал и вскочил тогда, когда начала стрелять отлежанная нога.

Так как еды у него не было, то он закурил и уставился в пустую позднюю природу. Там ликовал прохладный свет низкого солнца и беззащитно трепетали придорожные кусты от плотного восточного утренника. Но дали на резком горизонте были чисты, прозрачны и привлекательны. Хотелось соскочить с поезда, прощупать ногами землю и полежать на ее верном теле.

Пухов удовлетворился своим созерцанием и кратко выразился обо всем:

— Гуманно!

— Сосна пошла! — сказал какой-то сведущий старичок, не евший три дня. — Должно, грунт тут песчаный!

— А какая это губерния? — спросил у него Пухов.

— А кто ж ее знает — какая! Так какая-нибудь! — ответил равнодушно старичок.

— А тогда куда ж ты едешь? — рассерчал на него Пухов.

— В одно место с тобой! — сказал старичок. — Вместе вчерась сели — вместе и доедем!

— А ты не обознался — ты погляди на меня! — обратил на себя внимание Пухов.

— Зачем обознался? Ты тут один рябой — у других кожа гладкая! — разъяснил старичок и стал расчесывать какую-то зуду на пояснице.

— А ты лаковый, что ль? — обиделся Пухов.

— Я не лаковый, мое лицо нормальное! — определил себя старичок и для поощрения погладил бурую щетину на своих щеках.

Пухов пристально оглядел старика в целом и плюнул рикошетом наружу, не обращая на него дальнейшего внимания.

Вдруг загремел мост — и в вагон потянуло свежей проточной водой.

— Что это за река, ты не знаешь, как называется? — спросил Пухов одного черного мужика, похожего на колдуна.

— Нам неизвестно, — ответил мужик, — как-нибудь называется!

Пухов вздохнул от голодного горя и после заметил, что это — родина. Речка называлась Сухой Шошей, а деревня в сухой балке — Ясной Мечою: там жили староверы, под названием яйценосцы. От родины сразу понесло дымным запахом хлеба и нежной вонью остывающих трав.

Пухов погустел голосом и объявил от сердечной доброты:

— Это город Похаринск! Вон агрономический институт и кирпичный завод! За ночь мы верст четыреста уgomонили!

— А тут — не знаешь, товарищ, — меняют, аль нет? — спросил чуть дышавший старичок, хотя у него не было чего менять:

— Здесь, отец, не променяешь — у рабочих скулья жевать разучились! А рабочих тут пропасть! — сообщил Пухов и стал подтягивать ремешок на животе, как бы увязывая себя за отсутствием багажа.

Старый серый вокзал стоял все таким же, как и в детстве Пухова, когда он тянул его на кругосветное путешествие. Пахло углем, жженой нефтью и тем запахом таинственного и тревожного пространства, какой всегда бывает на вокзалах.

Народ, обратившийся в нищих, лежал на асфальтовом перроне и с надеждой глядел на прибывший порожняк.

В депо сопели дремавшие паровозы, а на путях беспокойно трепалась маневровая кукушка, собирая вагоны в стада для угона в неизвестные края.

Пухов шел медленно по залам вокзала и с давним детским любопытством и каким-то грустным удовольствием читал старые объявления-рекламы, еще довоенного выпуска: паровые молотилки «Мак-Кормик», локомобили Вольфа с пароперегревателем, колбасная «Диц», волжское пароходство «Самолет», лодочные моторы «Иохим и К^о», велосипеды «Пежо», безопасные дорожные бритвы «Гейльман и С^н» — и много еще хороших объявлений.

Когда был Пухов мальчишкой, он нарочно приходил на вокзал читать объявления — и с завистью и тоской провожал поезда дальнего следования, но сам никуда не ездил. Тогда как-то чисто жилось ему, но позднее ничего не повторилось.

Сойдя со ступенек вокзала на городскую улицу, Пухов набрал светлого воздуха в свое пустое голодное тело и исчез за угольным домом.

Прибывший поезд оставил в Похаринске много людей. И каждый тронулся в чужое место — погибать и спасаться.

VI

— Зворычный! Петя! — глухо позвал слесарь Иконников.

— Ты что? — спросил Зворычный и остановился.

— Можно, я доски возьму?

— Какие доски?

— Вон те — шесть шелевок! — тихо сказал Иконников.

Дело было в колесном цехе Похаринских железнодорожных мастерских. Погребенный под пылью и железной стружкой, цех молчал. Редкие бригады возились у токарных станков и гидравлических прессов, налаживая их точить колесные бандажки и надевать оси. Старая грязь и копоть висела на балках махрами, пахло сыростью и мазутом, разреженный свет осени мертво сиял на механизмах.

Около мастерских росли купыри и лопухи, теперь одеревеневшие от старости. На всем пространстве двора лежали изувеченные неимоверной работой паровозы. Дикие горы железа, однако, не подходили на природу, а говорили о погибшем техническом искусстве. Тонкая арматура, точные части ведущего механизма указывали на напряжение и энергию, трепетавшие когда-то в этих верных машинах. Эшелоны царской войны, железнодорожную гражданскую войну, степную скачку срочных продовольственных маршрутов — всё видели и вынесли паровозы, а теперь залегли в смертном обмороке в деревенские травы, неуместные рядом с машиной.

- А на что тебе доски? — спросил Зворычный Иконникова.
- Гроб сделать — сын помер! — ответил Иконников.
- Большой сын?
- Семнадцать лет!
- Что с ним?
- От тифа!

Иконников отвернулся и худой старой рукою закрыл лицо. Этого никогда Зворычный не видел, и ему стало стыдно, жалко и неловко. Вот — человек всю жизнь мучился, работал и молчал, а теперь жалостно и беззащитно закрыл свое лицо.

— Кормил-кормил, растил-растил, питал-питал!.. — шептал про себя Иконников, почти не плача.

Зворычный вышел из цеха и пошел в контору. Контора была далеко — около электрической силовой станции — Зворычный прошел всю дорогу без всякого сознания, только шевеля ногами.

— Скоро пресс наладишь? — спросил его комиссар мастерских.

— Завтра к вечеру попробуем! — равнодушно доложил Зворычный.

— Как слесаря — не волнуются? — поинтересовался комиссар.

— Ничего. Двое с обеда ушли — кровь из носа пошла от слабости. Надо какие-нибудь завтраки, что ль, наладить, а то дома у каждого детишки — им все отдает, а сам голодный падает на работе!..

— Ни черта нету, Зворычный!.. Вчера я был в ревкоме — красноармейцам паек урезали... Я сам знаю, что надо хоть что-нибудь сделать!..

Комиссар мрачно и утомленно засмотрелся в мутное, загаженное окно и ничего там не увидел.

— Сегодня ячейка, Афонин! Ты знаешь? — сказал Зворычный комиссару.

— Знаю! — ответил комиссар. — Ты в электрическом цехе не был?

— Нет! А что там?

— Вчера большой генератор ребята пробовали пускать — обмотку сожгли. А два месяца, черти, латали!

— Ничего — где-нибудь замыкание. Это оборудуют скоро! — решил Зворычный. — У нас вот ни угля, ни нефти нет — ты вот что скажи!

— Да — это хреновина большая!.. — неопределенно высказался комиссар и не сдержался — улыбнулся: наверно, на что-то надеялся, или так просто — от своего сильного нрава.

Вошел Иконников:

— Я те шелевки заберу!

— Бери, бери! — сказал ему Зворычный.
— Зачем ты доски-то раздаешь, голова? — недовольно спросил Афонин.

— Брось ты — он на гроб взял, сын умер!

— А, ну я не знал! — смутился Афонин. — Тогда надо бы помочь человеку еще чем-нибудь!

— А чем? — спросил Зворычный. — Ну чем помочь? Брехать только! Хлеба ему дать, так нам самим пайки в урез дают — даже меньше против числа едоков! Ты же сам знаешь!

После разговора Зворычный пошел прямо домой. Уже темно, и носились по пустырям грачи, подъедая там кое-что. По старой привычке Зворычному хотелось есть. Он знал, что дома есть горячая картошка, а про революционное беспокойство — можно подумать потом.

Вытирая об дерюжку сапоги в сенцах, Зворычный услышал, что кто-то посторонний бурчит в комнате с его женой.

Зворычный подумал, что теперь горшка картошек не хватит, и вошел в комнату. Там сидел Пухов и похохатывал от своих рассказов жене Зворычного.

— Здорово, хозяин! — сказал Пухов первым.

— Здравствуй, Фома Егорыч! Ты откуда явился?

— С Каспийского моря — пришел к тебе курятины поесть! Ты любил петухов — я тоже теперь во вкус вошел!

— У нас тут пост, Фома Егорыч, — кормимся спрехвала и не одобно!..

— Губерния голодная! — заключил Пухов. — Почва есть, а хлеба нету, значит — дураки живут!

— Жена, ставь ему пареную картошку! — сказал Зворычный. — А то он не утихнет!

Пухов разулся, развесил на печку сушить портянки, выгреб солону и крошки из волос — и совсем водворился. Поев картошки и закусив шкурками, он воскрес духом.

— Зворычный! — заговорил Пухов. — Почему ты вооруженная сила? — и показал на винтовку у лежанки.

— Да я тут в отряде особого назначения состою, — пояснил Зворычный и вздохнул, потому что думал о другом.

— Какого значения? — спросил Пухов. — Хлеб у мужиков ходишь, что ль, отнимать?

— Особого назначения! На случай внезапных контрреволюционных выступлений противника! — внушительно выяснил Зворычный это темное дело.

— Ты кто ж такой теперь? — до всего дознавался Пухов.

— Да так — революции помаленьку сочувствую!

— Как же ты сочувствуешь ей — хлеб, что ль, лишний получаешь иль мануфактуру берешь? — догадывался Пухов.

Тут Зворычный сразу раздражился и осерчал — Пухов подумал, что теперь ему ужинать не дадут. Жена Зворычного скребла чего-то кочережкой в печке и тоже была женщина злая, скупая и до всего досужая.

Зворычный начал выпукло объяснять Пухову свое положение:

— Знаем мы эти мелкобуржуазные сплетни! Неужели ты не видишь, что революция — факт твердой воли — налицо!..

Пухов якобы слушал и почтительно глядел в рот Зворычному, но про себя думал, что он дурак.

А Зворычный перегрелся от возбуждения и подходил к цели мировой революции.

— Я сам теперь член партии и секретарь ячейки мастерских! Понял ты меня? — закончил Зворычный и пошел воду пить.

— Стало быть, ты теперь властичку имеешь? — высказался Пухов.

— Ну при чем тут власть! — еще не напившись, обернулся Зворычный. — Как ты ничего не понимаешь? Коммунизм — не власть, а святая обязанность!

На этом Пухов смирился, чтобы не злить хозяев и не потерять пристанища.

Вечером Зворычный ушел на ячейку, а Пухов лег полежать на сундуке. Керосиновая лампа горела и тихо пищала. Пухов слушал писк и не мог догадаться — отчего это такое. Он хотел есть, а попросить боялся — и покуривал натошак.

Пухов помнил, что у Зворычного должен быть мальчишка — раньше был.

— Мальчугана-то отправили, что ль, куда, иль у родни ночует? — между прочим поинтересовался Пухов у хозяйки.

Та закачала головой и закрыла глаза фартуком — в знак своего горя.

Пухов примолк и задумался, хотя знал, что горе бабы неразумно.

«От того Петька и в партию залез, — сообразил Пухов. — Мальчонка умер — горе небольшое, а для родителя тоска. Деться ему некуда, баба у него — отравя, он и полез!»

Когда все забылось, хозяйка послала его дров поколоть. Пухов пошел и долго возился с суковатыми поленьями. Когда управился, он почувствовал слабость во всем корпусе и подумал — как он стал маломощен от недоедания.

На дворе дул такой же усердный ветер, что и в старое время. Никаких революционных событий для него, стервеца, не существовало. Но Пухов был уверен, что и ветер со временем укротят посредством науки и техники.

В одиннадцать часов возвратился Зворычный. Все попили тыквенного чаю без сахара, съели по две картофелины и собирались укладываться спать.

Пухов остался на ночь на сундуке, а Зворычный с женой полезли на печь. Пухов этому удивлялся — в былое время он не любил спать с женой: духота, теснота, клопы жрут, — а этот с осени на печь влез.

Однако дело его было постороннее, и он спросил Зворычного, когда все утихло:

— Петя! Ты не спишь?

— Нет, а что?

— Мне бы занятие надо! Что ж я у тебя нахлебником буду жить!

— Ладно, это устроим — завтра поговорим! — сказал сверху Зворычный и зевнул так, что кожа на лице полопалась.

«Зазнаваться начал, серый черт: в партию записался!» — подумал Пухов на сон грядущий и, слабая ото сна, открыл рот.

На другой день Пухова приняли слесарем на гидравлический пресс — он снова очутился за машиной, на родном месте.

Двое слесарей были старые знакомые, обоим им порознь Пухов рассказал свою историю — как раз то, что с ним не случилось, а что было — осталось неизвестным и сам Пухов забывать начал.

— Ты бы теперь вождем стал, чего ж ты работаешь? — говорили слесаря Пухову.

— Вождей и так много, а паровозов нету! В дармоедах я состоять не буду! — сознательно отвечал Пухов.

— Все равно, паровоз соберешь, а его из пушки расшибут! — сомневался в полезности труда один слесарь.

— Ну и пускай — все ж таки упор снаряду будет! — утверждал Пухов.

— Лучше в землю пусть стреляют: земля мягче и дешевле! — стоял на своем слесарь. — Зачем же зря технический продукт портить?

— А чтоб всему круговорот был! — разъяснял Пухов несведущему. — Паяк берешь — паровоз даешь, паровоз в расход — бери другой паяк и все сначала делай! А так бы харчам некуда деваться было!

Пожил Пухов у Зворычного еще с неделю, а потом переехал на самостоятельную квартиру.

Очутившись дома, он обрадовался, но скоро заскучал и стал ежедневно ходить в гости к Зворычному.

— Что ты? — спрашивал его Зворычный.

— Скучно там, не квартира, а полоса отчуждения! — отвечал ему Пухов и что-нибудь рассказывал про Черное море, чтобы не задаром чай пить.

— Был у нас Шариков — чепуха человек, но матрос. Угля у меня не хватило, я и вернись из-под Крыма на «Герое Троцком» — пароход такой есть. А в Крыму тогда белые сидели, а чтоб они не убежали, их англичане сторожили на громадных боевых кораблях... Прибыл я в Новороссийск благополучно и даю себе сигналы, чтоб еду на лодке доставили, — есть захотел. Хорошо, а только ерундово как-то. В городе стреляют день и ночь — не от опасности, а от хамства. Я все сижу, а есть охота, даже воображения в голове нету. Вдруг подплывает Шариков: ты зачем, говорит, безвременно прибыл? Я ему — проголодался, говорю, и уголь весь погорел. Он — мужик сытый! — как схватил меня — так во всем облачении и сбросил в море. Плыви, кричит, десантом на Врангеля — после расскажешь. Я сначала испугался, а потом обтерпелся в воде и поплыл с отдышкой. К ночи я добился до Крыма. Вылез на сушь противника и лег в кусты. А потом укрылся песком и заснул. Под утро меня пробрало и я ооченел. А днем отогрелся на солнышке и поплыл обратно — на Новороссийск. Тут я форменно спешил, потому что есть захотел хуже вчерашнего...

— Доплыл? — спросил Зворычный.

— Уцелел! — заканчивал Пухов. — По морю плыть легко, лишь бы бури не оказалось — тогда жутко...

— А Шариков тебе что? — узнавал Зворычный.

— Шариков говорит — молодец, я тебя к Красному Георгию представляю! Видал, спрашивает, противника? А я ему: нет там никакого противника — в Симферополе ревком, зря я там на песке сидел. Не может, говорит, быть! Ну вот — опять же — не может быть: плыви тогда сам на сверку! А извещения тогда шли тихо — телеграфной проволоки не хватало, матерьял ржавый. И верно, через день весь Крым советская власть взяла. Я так и знал оказывается. Вот тогда Шариков и назначил меня начальником горных недр...

— А Красного Георгия ты получил? — удивился Зворычный.

— Получил, конечно. Ты слушай дальше. За самоотречение, вездесущность и предвидение — так и было отштамповано на медали. Но скоро на пшено пришлось ее сменять — в Тихорецкой.

После чая Пухову никак не хотелось уходить. Но Зворычный начинал дремать, вздыхать — Пухов совестился и прощался, с порога договаривая последний рассказ.

Ночью, бредя на покой, Пухов оглядывал город свежими глазами и думал: «Какая масса имущества!» Будто город он видел в первый раз в жизни. Каждый новый день ему казался утром небы-

валым, и он разглядывал его как умное и редкое изобретение. К вечеру же он уставал на работе, сердце его дурнело и жизнь для него протухала.

Приходя от Зворычного, Пухов печку топить ленился и кутался сразу во все свои одежды. Дом был населен неплотно: жила где-то еще одна семья, а между нею и комнатой Пухова стояли пустые помещения. Если Пухову не спалось, он ставил лампу на табуретку у койки и принимался читать какую-нибудь агитпропаганду. Ею удружал его Зворычный.

Когда Пухов ничего не понимал, он думал, что писал дурак или бывший дьячок, и от отсутствия интереса сейчас же засыпал.

Снов он видеть не мог, потому что как только начиналось ему что-нибудь сниться, он сейчас же догадывался об обмане и громко говорил: да ведь это же сон, дьяволы! — и просыпался. А потом долго не мог заснуть, проклиная пережитки идеализма, который Пухов знал благодаря чтению.

Раз шли они со Зворычным после гудка с работы. Город потухал на медленной тьме, и дальние церковные колокола тихо причитали над погибающим миром.

Пухов чувствовал свою телесную нечистоту, думал о тоске, живущей на его квартире, и шел, препинаясь тяжелыми ногами.

Зворычный махнул рукой на дома и смачно сказал:

— Общность! Теперь идешь по городу, как по своему двору.

— Знаю, — не согласился Пухов, — твое — мое — богово! Было у хозяйина, а теперь ничье!

— Чудак ты! — посмеялся Зворычный. — Общее — значит твое, — но не хищнически, а благоразумно. Стоит дом — живи в нем и храни в целом, а не жги дверей по буржуазному самодурству. Революция, брат, забота!

— Какая там забота, когда все общее, а по-моему — чужое! Буржуй ближе крови дом свой чувствовал, а мы что?

— Буржуй потому и чувствовал, потому и жадно берег, что нагребил: знал, что самому не сделать! А мы делаем и дома и машины — кровью, можно сказать, лепим, — вот у нас-то и будет кровно бережливое отношение: мы знаем, чего это стоит! Но мы не скупимся над имуществом — другое сможем сделать. А буржуй весь трясся над своим хламом!

— Шарик у тебя работает — вижу! — непохоже на себя заявил Пухов. — Не то ты жрать разучился! Помнишь, как ты лопал на снегоочистителе?

— При чем тут — жрать? — обиделся Зворычный. — Понятно, мозг любит плотную пищу, без нее тоже не задумаешься!

Здесь они расстались и скрылись друг от друга. Подходя к своему дому, Пухов вспомнил, что жилище называется очагом.

— Очаг, черт: ни бабы, ни костра!

На сладкой и влажной заре, когда Пухову тепла на койке не хватало, треснуло стекло в оконной раме. Гулко закатился над городом орудийный залп.

В голове Пухова это беспокойство пошло сонным воспоминанием о южной новороссийской войне. Но он сейчас же разоблачил свою фантазию: ты же сон, дьявол! — и открыл глаза. Залп повторился так, что дом заерзал на почве.

«Будет тебе бухтеть-то!» — не соглашался с действительностью Пухов и стал зажигать лампу для проверки законов природы. Лампа зажглась, но сейчас же потухла от третьего залпа — снаряд, наверно, разорвался на огороде.

Пухов одевался.

«Какой скот забрел с пушками по такой грязи?» — и не догадывался.

На улице Пухову показалось дымно и жарко. Явственно и близко рубцевал воздух пулемет. Пухов любил его: похож на машину и требует охлаждения.

В здание Губпродкома ударила картечь — и оттуда понесло гарью.

«У них нет снарядов, раз по городу картечью бьют!» — сообразил Пухов: он знал, что сюда нужна граната.

Было безлюдно, тревожно и ничего не известно.

Вдруг на монастырской колокольне тихо зазвонили. Пухов вздрогнул и остановился, чутко слушая этот звон с перерывами.

Монастырь стоял на бугре и господствовал над городом и степями за речной долиной. В уличный просвет Пухов заметил раннее утро над тихим далеким лугом, заволоченным туманным газом.

От монастыря до мастерских лежала верста. Пухов покрыл ее срочным шагом, не обращая внимания на свирепеющий бой, к которому можно скоро привыкнуть.

В мастерских он не нашел никого. На вокзальных путях стоял броневой поезд и бил в направлении утренней зари, где был мост.

В проходной стоял комиссар Афонин и еще два человека. Афонин курил, а другие пробовали затворы винтовок и устанавливали их в ряд.

— Пухов, винтовку хочешь? — спросил Афонин.

— А то нет!

— Бери любую!

Пухов взял и освидетельствовал исправность механизма.

— А масла нет? Туго затвор ходит!

— Нет, нету — какое тебе масло тут! — отказал Афонин.

— Эх вы, воители! Давай патроны!

Получив патроны, Пухов спросил ручную гранату: невозможно, говорит, без нее — это бой сухопутный, — когда я на Черном море бился, и то там гранаты давали!

Ему дали гранату.

— Зачем она тебе — их и так у нас мало! — заявил Афонин.

— Без нее нельзя. Матросы всегда этого ежика пушают, когда деться некуда!

— Ну, вали, вали!

— Куда идти-то?

— К мосту за рошу — там наша цепь!

Нагруженный Пухов побрел по путям. Проходя мимо бронепоезда, он заметил там матросов.

Пухов залез на подножку и постучал в блиндированную дверцу. Дверца туго пошла по патентованному устройству, и в скважину просунулся матрос.

— Тебе чего, сыч?

— Шарикова тут нет?

— Нету!

— Распахни-ка мне ход, я приказ тебе дам!

— Ну, сыпь скорей!

В металлическом вагоне парилась тесная духота и веял промежуточный сквозняк. Замки трехдюймовых орудий воняли салом, но кругом было технически хорошо. Сидевший в башне за пулеметом матрос постреливал короткой частотой куда-то в поле, за кирпичные сараи, и пробовал рукою хоботок пулемета: не перегревается ли?

К Пухову подошел большой главный матрос:

— Ты что, братишка? Говори чаще!

— Вдарь-ка, друг, по монастырской колокольне. Там у них наблюдатель!

— Ладно. Федька! По колокольне: прицел сто десять, трубка девяносто — на снос!

Матрос взял бинокль и стал проверять действие снаряда.

Пухов ушел разглагольствующий. Идя по песчаному балласту железной дороги, он разговаривал в воздух. В синей лощине, закрытой укромным кустарником, шел бой. За железнодорожным мостом спешно работала артиллерия, сокрушая шрапнелью лощину. За мостом, наверное, стоял бронепоезд противника.

Тяжелая артиллерия — шестидюймовки — издали била по городу. Город от нее давно и покорно горел.

Растопыренные умершие травы росли по откосу насыпи, но они тоже вздрагивали, когда недалекий бронепоезд из-за моста метал снаряд.

На вокзале работал бронепоезд красных, за мостом — белых, в пяти верстах друг от друга. Снаряды журчали в воздухе над головою Пухова, и он на них поглядывал. Одни летели за мост, другие обратно, но вплотную не встречались.

В кустарнике лежали рабочие — живые и мертвые. Живых было меньше, но они стреляли на ту сторону реки сдельно — за себя и за мертвых.

Пухов тоже прилег и пригляделся. Видны были товарные вагоны, маленький дом полустанка и какой-то железный брак на путях. Мастеровых от белых отделяла речка и долина, всего — полторы версты.

«В чего же мы стреляем? — соображал Пухов. — Пули из страха переводим!»

Сосед его, помощник машиниста Кваков, перестал стрелять и посмотрел на Пухова.

— Что ж ты? — спросил его Пухов и выстрелил в шевельнувшийся предмет у станционного домика.

— Живот заболел — часа два бузую с сырой земли!

— А в кого мы стреляем?

— В белых — не знаешь, что ль?

— В каких белых? А где же Красная Армия?

— Она на том конце города кавалерию сдерживает... Это генерал Любославский наскочил, — у него конница — тьма.

— А чего ж мы раньше ничего не знали?

— Как не знали! Это, брат, конница — сегодня она у нас, а завтра в Орле будет!

— Чудно! — сказал Пухов с досадой. — Лежим, стреляем, аж пузо болит, а ни в кого не попадаем! Ихний броневик давно прицел нашел — и крошит нас помаленьку!

— Что ж будешь делать-то: надо отбиваться! — ответил Кваков.

— Чушь какая: смерть не защита! — окончательно выяснил Пухов и перестал стрелять.

Шрапнель визжала низко и, останавливаясь на лету, со злобой рвала себя на куски. Эти куски вонзались в головы и в тела рабочих, и они, повернувшись с живота навзничь, замирали навсегда. Смерть действовала с таким спокойствием, что вера в научное воскресение мертвых, казалось, не имела ошибки. Тогда выходило, что люди умерли не навсегда, а лишь на долгое глухое время.

Пухову это надоело. Он не верил, что если умрешь, то жизнь возвратится с процентами. А если и чувствовал что-нибудь такое, то знал, что нынче надо победить как раз рабочим, потому что они делают паровозы и другие научные предметы, а буржуи их только изнашивают.

Стрельба рабочих глохла и редела; над рекою стоял чад сгоревших снарядов. Кваков сел, не обращая внимания на войну, и со-

бирал махорочную пыль по карманам. Пухов выжидал, пока он ее соберет, чтобы тоже попросить на сигарку.

— Ни санитаров, ни докторов у нас нет, ни лекарства — липовое хозяйство! — сказал Кваков, глядя на одного раненого, шевелившего в бреду. Раненый хотел подползти к Квакову и открыл глаза, но, не ссилив с тяжестью век, снова закрывал их.

Кваков погладил его голову по редким старым волосам:

— Тебе чего, друг?

Раненый тихо гудел странным отвыкшим голосом, собираясь что-то сказать.

— Ну чего? — говорил Кваков и сам мучился.

Раненый дополз до него и поднял грузную мокрую голову, с которой капал крупный пот. Кваков приник к нему.

— Забей мне гвоздь в ухо поскорей... — сказал раненый и свалился от напряжения.

Кваков потер ему ухо и лег близко рядом, как бы защищая его от мучения и от новых ран.

Осколки шрапнели вцеплялись в землю в сажени от Пухова и бросали ему в лицо гравий и рваную почву.

Сзади неожиданно подошел Афонин и тоже прилег.

— Ты тут, Пухов? На ихнем бронепоезде снарядов нету — скоро пойдем в атаку на станцию!

— Будя дурака валять — кто это узнавал, что снарядов у них нет? Чего наш-то бронепоезд плохо бьет — ведь знает прицел, давно бы их сшибить можно!..

Афонин не успел ответить и куда-то побежал, пригибаясь на открытых местах.

Через минуту весь отряд железнодорожников менял позицию — перебежал через овраг на молочную ферму и там залег за сараями.

Пухов снова увидел Афонина. Он стоял за каменным амбаром и договаривался о чем-то с двумя слесарями, державшими по буханке хлеба.

Пухов подошел к Афонину, чтобы сказать о необходимости пищи, но по дороге он обдумал другое. Из-за амбара были видны линия, мост и броневик белых. Линия шла с крутым уклоном из Похаринска на полустанок, где стоял белый бронепоезд.

Пухов дождал, пока кончит Афонин разговаривать со слесарями, и тогда разъяснил ему, что пора подумать, пора что-нибудь умственно схитрить, раз прямой силой белых не прогнать.

— Видишь, какой уклон из города на полустанок?

— Ну, вижу! — сказал Афонин.

— Ага — вижу, давно бы тебе надо его увидеть! — осерчал Пухов. — А где Зворычный?

— Тут, на что он тебе?

В городе загудел ураганный артиллерийский огонь и послышался сплошной, долгий крик большой массы людей.

— Что это? — обернулся туда Афонин. — Белые, что ль, ворвались? Должно, наших гонят.

Пухов прислушался. Голоса смолкли, а снаряды по-прежнему бурили воздух над городом и, падая, крушили тяжелое колкое вещество зданий.

Через пять минут Пухов и Зворычный ушли в город — на вокзал.

— А есть там груженный балласт? — спрашивал Зворычный.

— Есть — у литейного цеха десять платформ стоит! — говорил Пухов.

— Но ведь паровозов нет — куда ж мы идем? — опять сомневался Зворычный.

— Да мы на руках их выкатим, голова! Потом заправим на главный путь, раскатим — и бросим. А за пять верст они сами разбегутся так, что от белого броневика одни шматки останутся!

— А рабочие где — вдвоем на руках не выкатим!

— А мы матросов с нашего бронепоезда попросим — мы по одному вагону будем выкатывать, а потом сцепим и бросим под уклон всем составом.

— Едва ли с броневика матросов дадут, — никак не соглашался Зворычный. — Броневику на два фронта бьет — и по кавалерии, и за мост...

— Дадут, там ходкие ребята! — уверял Пухов.

Афонин жалел, что согласился с Пуховым. Он думал, что Пухов просто сбежал из отряда и выдумал про балласт — никаких платформ с песком Афонин в мастерских не видал.

К обеду бой утих. Броневику белых изредка постреливал по речной долине, ища красных. Наш бронепоезд совсем молчал.

«Там матросня, — думал Афонин, — наморочит им голову этот Пухов!»

Однако он не отрывался глазами от линии и сказал мастеровым о замысле Пухова.

— Ну как, десять груженных платформ сшибут белый броневик или нет? — спрашивал Афонин.

— Если скорости наберут, то сшибут — ясно! — говорил машинист Варежкин, водивший когда-то царский поезд.

Он же первый в половине второго расслышал бег колес на линии и крикнул Афонину:

— Глади туда!

Афонин выбежал за амбар и присел на корточки, озирая весь путь. Из выемки с ветром и лихою игрою колес вылетел состав без паровоза и в момент вскочил на затрепетавший под такую скорость мост.

Афонин забыл дышать и от какого-то восторга нечаянно взмок глазами. Состав скрылся на мгновение в гуще вагонов полустанка, и сейчас же там поднялось облако песчаной пыли. Потом раздался резкий краткий разлом стали, закончившийся раздраженным треском.

— Есть! — сказал сразу успокоившийся Афонин и побежал впереди всего отряда на полустанок.

По песку и раскопанным грядкам картошек бежать было очень тяжело. Надо иметь большое очарование в сердце, чтобы так трудиться.

По мосту отряд пошел своим шагом — каждый считал белый бронепоезд разбитым и бессильным.

Отряд обошел пакгауз и тихо выбрался на середину путей. На четвертом пути стоял чистый целый бронепоезд, а на главном — крошево фуража, песка и дребедень размятых порванных вагонов.

Отряд бросился на бронепоезд, зачумленный последним страхом, превратившимся в безысходное геройство. Но железнодорожников начал резать пулемет, заработавший с молчка. И каждый лег на рельсы, на путевой балласт или на ржавый болт, некогда отравившийся с поезда на ходу. Ни у кого не успела замереть кровь, разогнанная напряженным сердцем, и тело долго тлело теплотой после смерти. Жизнь была не умерщвлена, а оторвана, как сброс с горы.

У Афонина три пули защемились сердцем, но он лежал живым и сознающим. Он видел синий воздух и тонкий поток пуль в нем. За каждой пулей он мог следить отдельно — с такой остротой и бдительностью он подразумевал совершающееся.

«Ведь я умираю — мои все умерли давно!» — подумал Афонин и пожелал отрезать себе голову от разрушенного пулями сердца — для дальнейшего сознания.

Мир тихо, как синий корабль, отходил от глаз Афонина — отнялось небо, исчез бронепоезд, потух светлый воздух, остался только рельс у головы. Сознание все больше средоточилось в точке, но точка сияла спрессованной ясностью. Чем больше сжималось сознание, тем ослепительней оно проницало в последние мгновенные явления. Наконец, сознание начало видеть только свои тающие края, подбираясь все более к узкому месту, и обратилось в свою противоположность.

В побелевших открытых глазах Афонина ходили тени текущего грязного воздуха — глаза, как куски прозрачной горной породы, отражали осиротевший одним человеком мир.

Рядом с Афониным успокоился Кваков, взмокнув кровью, как заржавленный.

На это место с бронепоезда сошел белый офицер, Леонид Маевский. Он был молод и умен, до войны писал стихи и изучал историю религий.

Он остановился у тела Афонина. Тот лежал огромным грязным и сильным человеком.

Маевскому надоела война, он не верил в человеческое общество — и его тянуло к библиотекам.

«Неужели они правы? — спросил он себя и мертвых. — Нет, никто не прав — человечеству осталось одно одиночество! Века мы мучаем друг друга — значит надо разойтись и кончить историю!»

До конца своего последнего дня Маевский не понял, что гораздо легче кончить себя, чем историю.

Поздно вечером бронепоезд матросов вскочил на полустанок и начал громить белых в упор. Беспамятная неистовая сила матросов почти вся полегла трупам — поперек мертвого отряда железнодорожников, но из белых совсем никто не ушел. Маевский застрелился в поезде, и отчаяние его было так велико, что он умер раньше своего выстрела. Его последняя неверующая скорбь равнялась равнодушию пришедшего потом матроса, обменявшего свою обмундировку на его.

Ночью два поезда стояли рядом, наполненные спящими и мертвыми людьми. Усталость живых была больше чувства опасности — и ни один часовой не стоял на затихшем полустанке.

Утром два броневых поезда пошли в город и помогли сбить и расстрелять белую кавалерию, двое суток равняющуюся на город и еле сдерживаемую слабыми отрядами молодых красноармейцев.

VIII

Пухов прошелся по городу. Пожары потухли, кое-какое недвижимое имущество погибло, но люди остались полностью.

Оглядев по-хозяйски город, вечером он сказал Зворычному:

— Война нам убыточна — пора ее кончать!

Зворычный чувствовал себя помощником убийцы и молча держал свой характер против Пухова. А Пухов знал себя за умного человека и говорил, что бронепоезд никогда не ставят на четвертый путь, а всегда на главный — это белые правил движения не знали.

— Все ж таки мы им дров наломали и жуть нагнали!

— Иди ты к черту! — ценил Пухова Зворычный. — У тебя всегда голова свербит без учета фактов — тебя бы к стенке надо!

— Опять же — к стенке! Тебе говорят, что война это ум, а не драка! Я Врангеля шпокал, англичан не боялся, а вы от конных наездников целый город перепугали!

— Каких наездников? — спрашивал злой и непокойный Зворычный. — Кавалерия, это тебе наездники?

— Никакой кавалерии и не было! А просто — верховые бандиты! Выдумали какого-то генерала Любославского, а это атаман из Тамбовской губернии. А броневой поезд они захватили в Балашове — вот и вся музыка! Их и было-то человек пятьсот!..

— А откуда же белые офицеры у них?

— Вот тебе раз — отчубучил! Так они ж теперь везде шляются — новую войну ищут! Что я их не знаю, что ль? Это люди идейные, вроде коммунистов!

— Значит, по-твоему, на нас налетела банда?

— Ну да, банда! А ты думал целая армия? Армию на юге прочно угомонили!

— А артиллерия у них откуда? — не верил Пухову Зворычный.

— Чудак-человек! Давай мне мандат с печатью — я тебе по деревням в неделю сто пушек наберу!

Дома Пухов не ел и не пил — нечего было — и томился одним размышлением. Природу хватал мороз, и она сдавалась на зиму.

Когда начали работать мастерские, Пухова не хотели брать на работу: ты сукин сын, говорят, иди куда-нибудь в другое место! Пухов доказывал, что его песчаный десант против белых дело ума, а не подлости, и пользовался пока что горячим завтраком в мастерских.

Потом ячейка решила, что Пухов не предатель, а просто придурковатый мужик, и поставила его на прежнее занятие. Но с Пухова взяли подписку — пройти вечерние курсы политграмоты. Пухов подписался, хотя не верил в организацию мысли. Он так и сказал на ячейке: человек — сволоочь, ты его хочешь от бывшего бога отучить, а он тебе собор Революции построит!

— Ты своего добьешься, Пухов! Тебя где-нибудь шпокнул! — серьезно сказал ему секретарь ячейки.

— Ничего не шпокнул! — ответил Пухов. — Я всю тактику жизни чувствую!

Зимовал он один — и много горя хлебнул: не столько от работы, сколько от домоводства. К Зворычному Пухов ходить совсем перестал: глупый человек, схватился за революцию, как за бога, аж слюни текут от усердия веры. А вся революция — простота: переброшил белых — делай разнообразные вещи!

А Зворычный мудрил: паровозное колесо согласовывал с Карлом Марксом, а сам сох от вечернего учения и комиссарства —

и забыл, как делается это колесо. Но Пухов втайне подумывал, что нельзя жить зря и бестолково, как было раньше. Теперь наступила умственная жизнь, чтобы ничто ее не замусоривало. Теперь без вреда себе уцелеть трудно, зато человек стал нужен; а если сорвешься с общего такта — выпишут в издержки революции, как путевой балласт.

Но, ворочаясь головой на подушке, Пухов чувствовал свое будущее сердце и не знал — где этому сердцу место в уме.

Сквозь зиму Пухов жил медленно, как лез в скважину. Работа в цехе отягощала его — не тяжестью, а унынием.

Материалов не хватало, электрическая станция работала с перебоями — и были длинные мертвые простои.

Нашел Пухов одного друга себе — Афанасия Перевощикова, бригадира из сборочного цеха, но тот женился, занялся брачным делом, а Пухов остался опять одним. Тогда он и понял, что женатый человек, то есть состоящий в браке, — для друга и для общества — человек бракованный.

— Афанас, ты теперь не цельный человек, а бракованный! — говорил Пухов с сожалением.

— Э, Фома, и ты со щербиной: торец стоит и то не один, а рядышком с другим!

Но Пухов уже привык к своей комнате, ему казалось, что стены и вещи тоскуют по нем, когда он на работе.

Когда зима начала подогреваться, Пухов вспомнил про Шарикова: душевный парень — не то сделал он подводные лодки, не то нет?

Два вечера Пухов писал ему письмо. Написал про все — про песчаный десант, разбивший белый бронепоезд с одного удара, про коммунистический собор, назло всему народу построенный летом на базарной площади, про свою скуку вдали от морской жизни и про все другое. Написал он также, что подводные лодки в Царицыне делать не взялись — мастера забыли, с чего их начинать, и не было кровельного железа. Теперь же Пухов решил выехать в Баку, как только получит от Шарикова мандат по почте. В Баку много стоячих машин по нефтяному делу, которые должны двинуться, так как в России есть дизеля, а на море моторы, зря пропадающие без работы. Сверх того, морское занятие серьезней сухопутного, а морские десанты искуснее песчаных.

У Пухова три раза стреляла рука, пока он карякал буквы: с самого новороссийского десанта ничего писаного не видал — отвык от чистописания.

«До чего ж письмо — тонкое дело!» — думал Пухов на передышке и писал, что в мозг попадало.

На конверте он обозначил:

Адресату морскому матросу Шарикову,
в Баку — на каспийскую флотилию.

Целую ночь он отдыхал от творчества, а утром пошел на почту сдавать письмо.

— Брось в ящик! — сказал ему чиновник. — У тебя простое письмо!

— Из ящичков писем не вынимают — я никогда не видел! Отправь из рук! — попросил Пухов.

— Как так не вынимают? — обиделся чиновник. — Ты по улице ходишь не вовремя, вот и не видишь!

Тогда Пухов просунул письмо в ящик и осмотрел его устройство.

— Не вынают, дьяволы, — ржавь кругом!

На политграмоту Пухов не ходил, хотя и подписал ячейкину бумажку.

— Что ж ты не ходишь, товарищ? Приглашать тебя надо? — строго спросил его однажды Мокров, новый секретарь ячейки (Звонычного сменили за помощь Пухову в песчаных платформах).

— Чего мне ходить — я и из книг все узнаю! — разъярялся Пухов и думал о далеком Баку.

Через месяц пришел ответ от Шарикова.

«Ехай скорее, — писал Шариков, — на нефтяных происках делов много, а мозговитых людей мало. Сволочь живет всюду, а не хватает прилежности убрать ее внутрь Советской России. Все ждут англичан — что они нам шкворень выдернут. Пускай дергают, мы тогда на передке поедем. А мандата тебе выслать не могу — их секретарь составляет, у него и печать, а я его арестовал. Но ты ехай — харчи будут».

Прочитав текст письма, Пухов изучил штемпеля: действительно, Баку. И лег спать, ошастливленный другом.

Уволили Пухова охотно и быстро, тем более, что он для рабочих смутный человек. Не враг, но какой-то ветер, дующий мимо паруса революции.

IX

Не все так хорошо доезжают до Баку, но Пухов доехал: он попал на порожнюю цистерну, гонимую из Москвы прямым и скорым сообщением в Баку.

Виды природы Пухова не удивили: каждый год случается одно и то же, а чувство уже деревенеет от усталой старости и не видит

остроты разнообразия. Как почтовый чиновник, он не принимал от природы писем в личные руки, а складывал их в темный ящик обросшего забвением сердца, который редко открывают. А раньше вся природа была для него срочным известием.

За Ростовом летали ласточки — любимые птицы молодого Пухова, а теперь он думал: «Видел я вас, чертей, если б иное что летало, а то старые птицы!»

Так он и доехал до самого конца.

— Явился? — поднял глаза от служебных бумаг Шариков.

— Вот он! — обозначил себя Пухов и начал разговаривать по существу.

В тот год советский нефтяной промысел собирал к себе старых мастеровых, заблудившихся в темноте далеких родин и на проселках революции.

Каждый день приезжали буровые мастера, тартальщики, машинисты и прочий похожий друг на друга народ.

Несмотря на долгий голод, народ был свежий и окрепший, будто насыщенный прочной пищей.

Шариков теперь ведал нефтью — комиссар по вербовке рабочей силы. Вербовал он эту силу разумно и доверчиво. Приходил в канцелярию простой сильный человек и обращался:

— Десять лет в Сураханах тарталил, теперь опять на свою работу хочу.

— А ты где был в революционное время? — допрашивал Шариков.

— Как где? Здесь делать нечего было!..

— А где ты ряжку налопал? Дезертиром в пещере жил, а баба тебе творог носила?

— Что ты, товарищ! Я красный партизан — здоровье на воздухе нажил!

Шариков в него всматривался. Тот стоял и смущался.

— Ну, на тебе талон — вали на вторую буровую, там спросишь Подшивалова — он все знает!

Пухов обсиживался в канцелярии и наблюдал. Его удивляло, отчего так много забот с этой нефтью, раз ее люди сами не делают, а берут готовой из грунта.

— Где насос, где черпак — вот и все дело! — рассказывал он Шарикову. — А ты тут целую подоплеку придумал!

— А как же иначе, чудак? Промысел — это, брат, надлежащее мероприятие! — ответил Шариков не своей речью.

«И этот, должно, на курсах обтесался! — подумал Пухов. — Не своим умом живет: скоро все на свете организовать начнет — беда!»

За эту книгу
сделаны фото
на ленту

Сокровенный

Человек

по договору
Издательство - Наука
Ленинград

В Молдавию

Тварюшки

для книжки

{	1) три тома	}	около 10-11
лет
	2) Лун. человек		
	3) Сокровенный человек		

Копия сделана вайти аэра Звезда,
всего на титражной и редакционной
научки и техники

Повесть «Сокровенный человек». Обложка автографа. ИМЛИ

Шариков поставил Пухова машинистом на нефтяной двигатель — перекачивать нефть из скважины в нефтехранилище. Для Пухова это было самое милое дело: день и ночь вращается машина — умная, как живая, неустанная и верная, как сердце.

Среди работы Пухов выходил иногда из помещения и созерцал лихое южное солнце, сварившее когда-то нефть в недрах земли.

— Вари так и дальше! — сообщал вверх Пухов и слушал танцующую музыку своей напряженной машины.

Квартиры Пухов не имел, а спал на инструментальном ящике в машинном сарае. Шум машины ему совсем не мешал, когда ночью работал сменный машинист. Все равно на душе было тепло — от удобств душевного покоя не приобретешь; хорошие же мысли приходят не в уюте, а от пересечки с людьми и событиями — и так дальше. Поэтому Пухов не нуждался в услугах для своей личности.

— Я человек облегченного типа! — объяснял он тем, которые хотели его женить и водворить в брачную усадьбу.

А такие были: тогда социальная идеология была не развита и рабочий человек угощал себя выдумкой.

Иногда приезжал на автомобиле Шариков и глядел на буровые вышки, как на корабли. Кто из рабочих чего просил, он сейчас же давал.

— Товарищ Шариков, выпиши клочок мануфактуры — баба приехала, оборвалась в деревне!

— На, черт! Если спекульнешь — на волю пуцу! Пролетариат — честный предмет! — и выписывал бумажку, стараясь так знаменито и фигурно расписаться, чтобы потом читатель его фамилии сказал: товарищ Шариков — это интеллигентный человек!

Шли недели, пищи давали достаточно, и Пухов отъедался. Жалел он об одном, что немного постарел — нет чего-то нечаянного в душе, что бывало раньше.

Кругом шла, в сущности, хорошая, легкая жизнь, поэтому Пухов ее не замечал и не беспокоился. Кто такой Шариков? Свой же друг. Чья нефть в земле и скважины? Наши — мы их сделали. Что такое природа? Добро для бедных людей. И так дальше. Больше не было тревоги и удручения от имущества и начальства.

Как-то приехал Шариков и говорит сразу Пухову, как будто всю дорогу думал об этом:

— Пухов, хочешь коммунистом сделаться?

— А что такое коммунист?

— Сволочь ты! Коммунист это умный, научный человек, а буржуй — исторический дурак!

— Тогда не хочу.

— Почему не хочешь?

— Я природный дурак! — объявил Пухов, потому что он знал особые ненарочные способы очаровывать и привлекать к себе людей — и всегда производил ответ без всякого размышления.

— Вот гад! — засмеялся Шариков и поехал начальствовать дальше.

Со дня прибытия в Баку Пухову стало навсегда хорошо. Вставал он рано, осматривал зарю, вышки, слушал гудок парохода и думал кое о чем. Иногда он вспоминал свою умершую от преждевременного износа жену и немного грустил, но напрасно.

Однажды он шел из Баку на промысел. Он заночевал у Шарикова — к тому брат из французского плена вернулся и было угощение. Ночь только что кончилась. Несмотря на бесконечное пространство, в мире было уютно в этот ранний чистый час, и Пухов шагал, наливаясь какой-то прелестью. Гулко и долго гудел дальний нефтеперегонный завод, распуская ночную смену.

Весь свет переживал утро, и каждый человек знал про это происшествие: кто явно торжествуя, кто бурча от смутного сновидения.

Нечаянное сочувствие к людям — одиноко работавшим против вещества всего мира — проявилось в заросшей жизнью душе Пухова. Революция как раз лучшая судьба для людей, верней ничего не придумаешь. Это было трудно, резко и сразу легко — как на рождение.

Во второй раз — после молодости — Пухов снова увидел роскошь жизни и неистовство смелой природы — неимоверной в тишине и в действии.

Пухов шел с удовольствием, чувствуя, как и давно, родственность всех тел к своему телу. Он постепенно догадывался о самом важном и мучительном. Он даже остановился, опустив глаза, — нечаянное в душе возвратилось к нему. Отчаянная природа перешла в людей и в смелость революции. Вот где таилось для него сомнение.

Душевная чужбина оставила Пухова на том месте, где он стоял, — и он узнал теплоту родины, будто вернулся к детской матери от ненужной жены. Он тронулся по своей линии к буровой скважине, легко преодолевая опустевшее счастливое тело.

Пухов сам не знал — не то он таял, не то рождался.

Свет и теплота утра напрягались над миром и постепенно превращались в силу человека.

В машинном сарае Пухова встретил машинист, ожидавший смены. Он слегка подремывал и каждую минуту терял себя в дебрях сна и возвращался оттуда.

Газ двигателя Пухов вобрал в себя, как благоухание, чувствуя свою жизнь во всю глубину — до сокровенного пульса.

— Хорошее утро! — сказал он машинисту.

Тот потянулся, вышел наружу и равнодушно освидетельствовал:

— Революционное вполне!

<Апрель — май 1927 г.>

ЯМСКАЯ СЛОБОДА

I

Уже пятьдесят лет в слободе находилась Миллионная улица. На ней стоял дом с деревянными ветхими воротами. Ворота были сделаны не из двух половин, а из одного дощатого настила, торцом навешенного на пару крюков. Давно умершее дерево от времени и забвения стало как бы почвой и занялось тихим мхом. Ворота открывались только водовозу — раз в неделю — и то очень бережно, чем руководил сам хозяин. На левом столбовом упоре ворот — три железных заржавленных документа, одинаково древних: «З.В. Астахов. № 192», а сверху фамилии нарисованы в виде герба вилы и ведро; это означало, что домохозяин должен тащить на чей-нибудь пожар эти инструменты против огня. Другой документ гласил просто: «Первое Российское Страхование Общества. 1827 г.» — это указывало, что дом застрахован. А третья железка приглашала покупателей: «Сей дом продается», но ни один человек не заходил по этому делу к З.В. Астахову уже двадцать пятый год; поэтому железо успело померкнуть, а домовладелец забыл, зачем повесил его.

Прадед Захара Васильевича Астахова был царским ямщиком. Тогда правила царица Екатерина Вторая, а степные места стояли пустыми и страшными. В поселенцы сюда шел с севера на все согласный, норовистый, натерпевшийся народ. Люди думали найти здесь вольный хлеб, а встречали нужду, крутой труд и быстро дичали в дальней заброшенности. Но царица таких поселенцев редко трогала, хотя и были среди них люди преступного почина, немало вчинившие беды своим помещикам на северной родине. Царица рассматривала эту степную пустошь, залегшую меж южным морем и Москвой, как дорогу в теплую страну, которая ей зачем-то была необходима. Поэтому поселенцев она сочла дорожными жителями, нужными для прогона курьеров и чиновников по девственным степям. Редкий степной народ сразу приновился к такой царской нужде — развел хороших худошавых лошадей, учредил кузницы и постоянные дворы, расставил по трактам трактиры — и начал возить всякую казенную службу.

Иные поселенцы, особо бедовые или богомольные, ушли глубже в степь, подальше от гонных трактов, и не стали причастными к казенному заработку. Там такие выходцы занялись глухой жизнью

и годами ели свой хлеб, не видя казенного человека. Их-то и обделила впоследствии царица.

А кто пожадней и пояростней на легкую веселую жизнь, тот остался на новых степных трактах, сел на облучок тарантаса либо хлопотал в трактире и на постоялом дворе. А самые северные и западные уроженцы — из бесхлебных кустарных мест — устроили при дороге горн и наковальню и стали кузнецами. Иногда по степи неслись большие царские люди — тем было лестно угодить.

В старинной Ямской слободе, когда она была только придорожным хутором ямщиков, жили трое особых мужиков — предки Астахова, Теслина и Щепетильникова. Они отличались от прочих поселенцев неистовой ревнивой любовью к лошадям, бабьим сладострастием и угодливой завистью к проезжим генералам и чиновникам. Они уже думали о своих конных заводах, только удобного случая разбогатеть не выходило.

Когда им приходилось спешно мчать какого-нибудь посланца из Петербурга, то они выпарывали из лошадей всю мочь: знали, что царский человек не обидит и даст ассигнаций на пару лошадей, когда одна упадет.

Купцы по этому направлению ездили редко — они больше почитали восточные или западные долгие реки: степную скачку они не уважали, а товары волокли навалом по дешевой воде.

Легкая жизнь шла недолго — года четыре. А потом чиновники сразу перестали густо платить. Если же даст, то такую малость, что на деготь не хватит:

— Мы, говорят, по казенной императорской цене вознаграждаем, а обиду императрице неси!

Ямщики притаили злобу и молчали. Вскоре же чиновники совсем перестали платить:

— На казенной земле, говорят, даром живете — благодарите царицу, — а то враз отсюда вон Потемкин погонит! Возить нас — не труд, а развлечение и отечественная повинность! Поняли?

Ямщики понимали и уходили в темноту восточных степей — заниматься святым хлебопашеством. Так и погас степной ямщичий промысел.

Но не все ямщики разбрелись — некоторые так втянулись в степную дорогу, что остались. Влекло их главным интересом то, что они надеялись на какую-нибудь награду от знатных ездоков и не верили, что всегда будет даровая гонка. Кроме того, они налегли на дорожные трактиры и постоянные дворы, где драли заграничные цены, как определил один проезжий.

Когда стало совсем мало степных ямщиков, то с государственными делами на юге России пошла неуправка: нужные чиновники задерживались в степи и не могли приехать в срок. Царице доложи-

ли, что степняки бедный и своевольный народ, лучше пока их расположить чем-нибудь — степной путь велик и никакой злостной суеты на нем быть не должно. Царица определила по куску степи на каждого усердного и особо исполнительного ямщика. А заботу по поименному названию таких ямщиков — для следующего награждения их землей — возложила на ученого академика Бергравена, как сподручное ему дело в его странствии по южнорусской степи. Бергравен как раз в тот срок выезжал из Петербурга с научными изысканиями в русскую равнину и неоднократно должен пересечь ее во всех направлениях. Поэтому все ямщики ему будут налицо.

Бергравен был очень пожилой человек и весь расслабленный. Когда он попал к прадеду Астахова, то лег на полати и пролежал в полной слабости две недели, а ямщику Астахову сказал:

— Ты поезди-ка, дружок, один по степи да посмотри на высоких гладких местах: нет ли на земле завязи или скрепы какой — вроде пуповины у тебя на животе; найдешь, тогда мне скажешь!

Сначала Астахов из страха ездил верхом по степи и искал земного пупка. Он даже удивлялся, почему раньше его не заметил. Но потом ездить перестал, а спал в дальней ложине целыми днями. Каждый вечер ученый его спрашивал:

— Ничего не обнаружил, дружок? Он ведь большой должен быть, вроде пня или кургана — весь в рубцах и расщелинах. А в щелях должна быть плутоническая твердая грязь! Ты не забудь пунктуально рассмотреть — тогда мне расскажешь!

— Ничего не заметил, ваше сиятельство, — одна ровная степь и ковыль! Где-нибудь пуп должен находиться — я догадываюсь, не в овраге ли он! Без пупа земля расползлась бы — без шва нельзя!

— Ну вот, ну вот! — радовался чему-то ученый человек. — Конечно, земной замок имеется! Только — где он, дружок?

— Может, в логу, ваше сиятельство? — покорно доводил до сведения ученого Астахов.

— Ну, чудачок, чудачок, что ты говоришь? Разве у тебя пуповина под мышками сидит? А? Ну что ты говоришь — ты подумай сам!

— Разыщу, ваше сиятельство, будьте покойны, отдыхайте! — говорил Астахов и шел на другой день с утра в ложину. Он уже у стариков спрашивал: где пупок на земном животе? Никто, оказывается, не видел:

— Может и есть где в сердцевине степи — ай туда доскачешь?

Астахов не хотел морить коня — сказал ученому, что уезжает на три дня в высокую дальнюю степь, а сам ускакал к куму-казаку в гости, за сорок верст.

— Что скажешь, дружок? — спросил ученый через три дня. — Доехал до пуповины?

— Нашел, ваше сиятельство! — сказал Астахов, равнодушно вздохнув. — В бугристом месте, посередине степи торцом стоит — весь червивый такой, в кровоточинах и шитый из кусков! А видать старый такой, обветшалый и из живого тела сотворен!..

Ученый неделю пытал Астахова и исписал на псалтыре целую стопку бумаги. Уезжая, ученый дал бумагу Астахову на сорок десятин земли, какую он сам выберет в степи.

Другие ямщики тоже кое-что урвали от ученого. Но сами ямщики до земли и до труда были не усердны — и роздали ее за малую аренду новым поселенцам-хлебопашцам.

Потом и царица умерла, и тракты пошли скорые, и почта учредилась, а Ямская слобода осталась навсегда. Только от старых времен у слобожан сохранилась земля, которую они по-прежнему сдавали крестьянам, да звание ямщика, хотя давно ни у кого не было ни одной легкой лошади. Слободские люди жили тем, что привозили им мужики за землю, а добавляли к этому подсобный заработок, иногда мастерство и собственную бережливость.

II

В нынешний июльский день Захар Васильевич Астахов со сподручным парнем Филатом чинил в саду плетень.

Про Филата слободские люди говорили:

Наш Филатка —
Всей слободе заплатка.

А девки лопотали в праздники:

Ах, Латушка, Филат —
Ни сопат, ни горбат,
Ничем не виноват, —
Сам девицам рад,
А и вдовушкам не клад!

Это напрасно — Филат девицам не радовался; он — человек без памяти о своем родстве и жил разным слободским заработком: он мог чинить ведра и плетни, помогать в кузнице, замещал пастуха, оставался с грудным ребенком, когда какая-нибудь хозяйка уходила на базар, бегал в собор с поручением поставить свечку за болящего человека, караулил огороды, красил крыши суриком и рыл ямы в глухих лопухах, а потом носил туда вручную нечистоты из переполненных отхожих мест. И еще кое-что мог делать Филат, но одного не мог — жениться. На это ему не раз указывал — летом кузнец, а зимой шорник — Макар:

— Што ж ты, Филя, век свой зябнешь: в бабе — полжизни! Не раздражай себя, покуда тебе тридцать лет, потом рад бы, да кровостой жидок будет!

Филат немного гундосил, что люди принимали за признак дурости, но никогда не сердился:

— Да я непосилен, Макар Митрофаныч! Мне абы б самому прокормиться, да сторонкой прожить! Да в слободе и нету такой дурной девки, чтобы по мне пришлась!..

— Вот хреновина какая! — говорил Макар. — Да аль ты дурён? У мужика не облицовка дорога, а сок в теле! Про то все бабы знают, а ты нет!

— Какой во мне сок, Макар Митрофаныч? Меня на мочегон только чего-то часто тянет, а больше ничем не сочусь!

— Дурной ты, Филат!.. — скорбно кончал Макар и принимался трудиться.

Филат работал спешно на всяком деле, а в кузнице у Макара Митрофановича с особой бодростью. Макар Митрофанович все больше говорил с мужиками-заказчиками, а Филат один попевал, как черт в старинной истории: «Дуй — бей — воды — песку — углей!»

Но в нынешний день Филат помогал Захару Васильевичу. Июль удался погожий и знойный: самая пора для хлеба и сена. Сад З.В. Астахова прилегал сзади к самому двору и тоже был окружен садами других домовладельцев. В саду росло всего деревьев сорок — яблони, груши и два клена. Промежду деревьев место заняли лопухи, крапива, крыжовник, малина и прелестная мальва, которая ничем не пахла, несмотря на красоту цветов.

— Закуривай, Филат! — закричал Захар Васильевич. — Глянь, сегодня день какой благородный, как на Троицу!

Филат покорно слез с плетня и подошел к Захару Васильевичу, хотя не курил. Захар Васильевич был глуховат и время от времени спрашивал: «А?» Но Филат ничего не спрашивал, и Захар Васильевич, поведя на него белыми глазами, успокаивался насчет необходимости ответа.

Захар Васильевич курил, а Филат так просто стоял. Филат никогда не имел надобности говорить с человеком, а только отвечал. Захар же Васильевич постоянно и неизбежно мог думать и беседовать только об одном — о своем цопком сладострастии, но что не трогало сердца Филата. Сейчас тоже Захар Васильевич попытал Филата по этому делу.

Филат прослушал и вспомнил Макара Митрофановича — тот каждое воскресенье читал вечером по складам книги своей семье, а домашние и Филат умильно слушали чужие слова.

— Макарий Митрофанович по-печатному читал, — что в женщине человеку откроется, то на белом свете закроется.

— Да ну, чушь какая! — удивлялся и отвергал Захар Васильевич.
— Я не знаю, Захар Васильевич, — в книге по-печатному написано! — не сопротивлялся Филат, но сам тайно верил в справедливость книги.

Поработав на плетнях еще часа два, труженики шли обедать.

В той степной черноземной полосе, где навсегда расположилась Ямская слобода, лето было длинно и прекрасно, но не злило землю до бесплодия, а открывало всю ее благотворность и помогало до зимы вполне разродиться. Душащая сила черноземного плодородия исходила даже в излишних растениях — лопухах и репьях — и способствовала вечерней гложущей мошкаре.

В тот июль было душно — людей тянуло на квас и на легкую жидкую пищу. Хозяйка Захара Васильевича поставила обед на дворе. Стол был накрыт под кущей сирени — в прохладной тени. Жадный нетерпеливый Захар Васильевич сейчас же подошел к столу, не ожидая жены, а Филат совестливо остановился вдалеке.

Захар Васильевич, увидя в чашке молоко, подернутое пленкой, подумал, что оно — холодное. Он взял полоник и без оглядки, наспех, хватил его целиком внутрь. Вслед за этим первым принятием пищи он харкнул и неожиданно — с большой скоростью — перелез через забор к соседу. Филат смутился, как будто он был виноват, и отошел еще дальше от стола. Вышла хозяйка и спросила:

— А где же Захар-то?

— К соседу чего-то кинулся!

— А кто молочный кулеш расплескал — ты что ль хватаешь, не дожدهшься никак, — ведь он вар!

— Я не брал, — сказал Филат, — это хозяин покушал!

Но хозяин пропал и пришел не так скоро. Он обошел длинную улицу с обеих сторон — и тогда вошел в калитку на свой двор. Филата тяготила немощь от голода, но он терпел. Хозяйка поймала курицу, которая квохтала и хотела сесть наседкой, и окунала ее в кадку с водой, слегка попарывая хворостиной, чтобы курица бросила свою блажь и начала нести яйца.

Тогда вошел Захар Васильевич и, совсем успокоенный, кротко сказал:

— Давайте обедать — все нутро сжег!

Аккуратней и меньше всех ел Филат. Он знал, что всем чужой и ему никто не простит лишней еды, а в будущий раз — откажут в работе.

За обедом Захар Васильевич по глухой привычке иногда спрашивал: «А?» Но евские молча чавкали, и разговор не начинался. Когда хозяйка дала говядину, то Филат присмотрелся к своему куску и начал копать его пальцами.

— Чего ты? — спросил Захар Васильевич.

— Волосья чьи-то запутались! — ответил Филат, стеснявшийся своей брезгливости.

— Пищей гребуешь? — сказал хозяин. — А ты глотай ее — пушай она потом в пузе разбирается! У иной хозяйки три пуда говна в год поешь — и не заметишь. А у нас милость — каждый волос на виду!

Здесь Захар Васильевич добродушно поглядел на жену: дескать — ничего, дело терпится!

Хозяйка разглядела волос на мясе Филата и раздраженно заявила:

— Да ты, небось, сам его приволок своими погаными руками — у меня таких длинных и нету!

Захар Васильевич сейчас ел мягкую кашу, но спешил, как зверь, стараясь захватить побольше:

— Хо-хо-хо! Да что ты, Филат, одного волоса испугался — у твоей присухи сколько их будет! Весь век во щах ловить будешь!..

Филат стеснительно улыбался и давно проглотил волос, чтобы не обижать хозяев.

— Захарушка, правда нынче каша хорошо упарилась? — нарочно ласково спросила жена, чтобы муж забыл поскорее про нечистоплотный волос.

Хозяин тогда медленно начал жевать кашу, чтобы взять ее достоинство, и дал среднюю оценку:

— Каша — терпимая!

Тут отворилась калитка, и вошел пожилой человек — с кнутом в руках, но без лошади.

Захар Васильевич, не ослабляя своей работы над обедом, дал человеку подойти к столу и потом спросил:

— Ты чего, Понтий?

Человек помолчал, снял зимнюю шапку, на кого-то перекрестился и степенно сказал:

— Ну, здравствуйте! Приятного вам аппетита! — и замолчал; а Филат ожидал, смотря на его приготовления, что он сейчас расскажет бог знает что.

— Здравствуй! — приветствовал гостя хозяин и, рыгнув, положил ложку. — Будя, натрескался! Ты насчет ямы, Понтий? Теперча не нужно: Филат намедни горстями по лопухам все расплескал! Хо-хо, Филат жуток на расправу!

Человек с кнутом еще постоял и ушел не сразу:

— Так, стало быть, теперча не нужно?

— Нет, Понтий, Филат живьем все унес! — ответил хозяин.

— Ну, а когда дело будет неминуемое — нас не забывайте, Захар Васильевич!

— Ну еще бы, Понтий! Только бочку полней наливай и черпак возьми не худой, а что тебе Макар заново справил!

— Да уж чего там, Захар Васильевич! Возкой не обижу! Прощайте пока!

— С богом, Понтий! По улицам добро не проливай — вонь от тебя с малолетства помню!..

Но Понтий не услышал последнего напутствия: его кнут раздражал собак — и дворовый Волчок моментально начал лаять, как только Понтий отошел от стола.

Это был Пантелеймон Гаврилович — хозяин слободского ассенизационного обоза, самый богатый и самый скромный человек во всей слободе. Для простоты и из уважения к нему люди его звали Понтием. Работал Понтий с семи лет на одном и том же деле, ел с рабочими один хлеб и много лет не спал ночей, подремывая лишь на передке дрог с бочкой, когда обоз выезжал из слободы в глухой дальний лог.

— Вот тебе бы золотарем стать — хлебное дело! — говорил после обеда Захар Васильевич Филату и задумывался — как будто и сам не прочь стать им. Но Филат и раньше думал про это занятие, только выходило, что ему нужно сто рублей на лошадь и дроги с бочкой. Если бы рубашки и штаны не носились — тогда через пятнадцать лет у Филата очутились бы эти сто рублей, а иначе — не будет денег.

Макар два вечера в прошлом году при лампе считал и говорил Филату:

— Нет, брат, капитал нужен велик; если бы ты харчи не натурой получал, а деньгами... то и тогда, скажем, тебе полтора года следует не есть, либо пять лет голодать — выбирай сам! Вот тебе и будет лошадь при дрогах!..

До позднего вечера, пока комары силу не взяли, Захар Васильевич с Филатом кончали задний плетень. Пахло навозом и кислотой давно обжитой почвы, но и этот воздух казался благоуханием после духоты низких жилищ — и в Захаре Васильевиче он разжигал аппетит на ужин.

Ужинали они под тою же сиренью. Чуткий вечер во всеуслышание разносил голоса соседей и отпирал все тайные запахи дворов. Захар Васильевич пил парное молоко и наслаждался мирной жизнью и грядущим сном. А Филат обошелся без молока — поел только хлеба с огурцами — и вслушивался в голос соседа Теслина, что заклинал доску под живопись на завтра. Это случалось каждый вечер — все знали и уже не слушали, но хозяйка Захара Васильевича сказала:

— Вон Василь Прохорыч опять забубнил! Ты где ляжешь — со мной или в сенцах?..

Захар Васильевич ответил, что в сенцах — от жары чего-то мочи нет.

Теслин писал церковные иконы, но, веря в Бога, он не верил в животворящую силу своего таланта. Поэтому готовую доску — для божественного изображения — он не сразу пускал под кисть, а сначала троекратно прикладывал к животу своей жены и троекратно же произносил нараспев:

Пропакни жизнью,
Пропакни дровом,
Пропакни девой...

Делал это Теслин почему-то обязательно в погожий вечер, а в ненастье копил доски до освящения их на жене, но кистью ранее того никогда не малевал. Ни одной иконы никто из соседей никогда не видел — через знакомого в монастырской ризнице Теслин сбывал их в дальние села и в северные скиты. Это и хорошо, потому что слободские богомольцы не стали бы молиться на такие святотатственные иконы — с живота бабы.

После ужина все жители обязательно выходили на улицу и садились на лавочки у домов — посидеть. Вышел и Филат с хозяином и хозяйкой. У хозяйки рос живот, и Захар Васильевич ждал к ноябрю мальчишку: говорил, что дом поручить после смерти некому и что фамилию Астаховых учредила Екатерина Великая — проездом по этим местам. Захар Васильевич два года боялся, что ему от царя достанется, если потомства не будет, — пока жена не почала; тогда утихнул совестью и повеселел на дому. Филат не знал — не то это правда, не то Захар Васильевич зазнавался от своего положения, — но ничего не спрашивал.

На лавочке уже сидел какой-то молодой, но толстый мальчик. Его знали немного: Володька, сын железнодорожного жандарма с другого конца улицы.

— Подвинься-ка, барчук! — сказал Захар Васильевич. Тот не подвинулся, а встал, оскорбил и ушел:

— Налопались, уроды, да вышли!

Тогда все трое сели, и Захар Васильевич громко заикал, но ничуть не беспокоился об этом, а заговорил с женой о ягодах на варенье:

— Ты, Насть, вишню теперь волоком волоки, иначе не уцепишь: цена на нее пойдет! Она долго не держится!

— Я бы малинки хотела маленько прикупить — маловато сварили: на зиму не хватит — ты пить здоров, тебе только подавай!

— С малиной время терпит — ты смородину не упусти!..

- Знаю, знаю, заказала одному мужику — в пятницу привезет...
- Ты молоко-то отнесла в погреб — скиснет!..
- Не скиснет, — сейчас пойдем ложиться — отнесу!..
- Завтра керосину купи полфунта — опять клопы в койке!

Филат сидел и дышал — у него ничего не готовилось впрок — и он мог свободно умереть, если работа переমেжится недели на две. Но он никогда не помнил об этом, а прожил нечаянно почти 30 лет.

У Теслиных тоже сидели — только на завалинке: у них не было скамейки.

Завечерело совсем — и было не видно лица у старушки, которая только что вышла из дома Теслиных. Напротив дома Теслиных также сидели люди и что-то бормотали в темноте. Старушка от Теслиных ласково сказала туда:

— Никитишна, здравствуй!

С лавочки напротив раздался певучий ответ из щербатого рта:

— Здравствуй, здравствуй, Пелагей Иванна!

И обе старушки смолкли, потому что все было заранее переговорено: сорок лет знакомы, тридцать лет соседями живут.

Сверчки напевали свою вечернюю песню, отчего на улице становилось уютней, а на душе покойней. Вдалеке иногда шумели поезда железной дороги, но это ни в ком не вызывало ни чувств, ни воспоминаний, потому что никто не ездил по железной дороге. Ежегодное путешествие, совершаемое половиной людей из слободы, было пешим: сопровождение крестного хода из ближнего Иоакимовского монастыря до раки преподобного Вараввы — 80 верст по степному тракту. Еще бывали путешествия на подводах — в ближние деревни на престольные праздники, где гости объедались грубой громадной пищей и иногда кончались.

В садах слободы что-то тихо брюзжало и наводило жуть. Ночные сады — страшное видение, и никто из жителей слободы там летом не спал, несмотря на свежесть воздуха. Днем деревья стояли зелеными и кроткими, а ночью ужасали трепетом своих фантастических кущ.

— На покой пора! — объявил Захар Васильевич и поднялся, чтобы закончить сегодняшний день.

Филат лег на дворе у сарая — на куче травы, которую он заготовил впрок на все ночи у Захара Васильевича.

Ни одна слободская усадьба уже не жила наяву — все почивали или, шепча молитвы, укладывались.

Филат до тех пор смотрел на непонятные звезды, пока не подумал, что они ближе не подойдут и ему ничем не помогут, — тогда он покорно заснул до нового лучшего дня.

Там, где Ямская слобода кончалась порожним местом, на которое валили без спроса всякую житейскую чушь, стояла старая хата вольного мастерового Игната Княгина, по-уличному — Сват. Хата имела одну комнату и одного жильца.

— Женись! — приставала много семейная слобода к каждому холостому человеку — и к Свату. — Не торчи перстом!

— Я те женюсь! — отсекал подстрекателю Сват. — Я сам человек со значением — на что мне бабье потомство!

Сват был пришедший человек, а не здешний. Поэтому ему досталась нежилая хата на слободской свалке, где до него жили женатые нищие; но Сват их живо выселил, и побирušки рассеялись неизвестно куда, а в слободе сразу извелось нищенство.

Такой энергией Сват сразу привлек к себе добродетельных домовладельцев из слободы, и те больше не боялись ставить молоко в сенцах. А раньше, бывало, нищие ходили и самовольно выпивали это молоко, поставленное к обеду, и еще многое подъедали, не для них приготовленное. Понятно — это нехороший порядок, и хозяева развели собак на каждом дворе, но собаки постепенно привыкли к нищим и не лаяли на них.

Тогда явился Сват и лишил главных нищих жилого призора, отчего они, не ожидая зимы, выехали в дальнейшие южные города.

Слободская свалка, составлявшая как бы усадьбу дома Свата, была знаменитым местом. Сам дом Свата был тоже когда-то свалочным жильем — без оконных рам, без печки и без потолка: одни стены и редкая железная крыша. Дом некогда принадлежал неизвестному бобылю, теперь давно умершему. Слободской староста определил цену этому беспризорному недвижимому имуществу в 8 рублей 43 копейки, но в казну поступают имена лишь дороже десяти рублей — так дом и остался ничьим, а впоследствии им овладели нищие. Сват хотя и изгнал нищих, но уважал их за одно, что они привели дом в жилой и гожий вид.

— Да это делалось не от ума, а от зимней вьюги! — объяснял он себе домовитость нищих.

Однако выселенные люди ушли не сразу, а месяца два громили по ночам окна камнями и поджигали деревянную дверь. Но Сват одиноко выдерживал осаду, а на заре, когда нищие уставали от штурма и засыпали на близлежащих кучах мусора, Сват делал вылазку. Он не мстил обездоленным, а только заставлял их исправлять ошибки неразумного поведения.

— Ключник! — подходил Сват к которому-нибудь сонному нищему: он их всех изучил поименно. — Расшивай рублевку — ты оконную раму повредил!

Клюшник сразу догадывался, в чем дело, и поэтому никак не мог проснуться. Баба его давно проснулась и хлопала глазами от ужаса, а муж ее лежал и притворялся, изредка бормоча не относящиеся к делу слова. Сват стоял и терпеливо предлагал Клюшнику уплатить рубль. А нищий то откроет глаза, то закроет — и ничего будто не понимает. Тогда Сват брал где-нибудь строительный кирпич и швырял им молча в голову нищего, но так ловко, что кирпич только обжигал воздухом ухо, а в голову не попадал.

— Расшивай рубль, сатана! — грозно гремел огромный Сват.

Жена нищего, визжа и приговаривая, вскакивала и расшивала из захолустий юбки рубль. Сват, получив причитающееся, отставал и уходил разыскивать в кучах следующего должника.

Наверно, Сват был раньше метким солдатом или фокусником на деревенских ярмарках, что так ловко и безвредно мог бить в опасные места.

Отучив нищих, Сват занялся беспримерным делом: отысканием в свалочных кучах драгоценных вещей. Только чужому прилюдному человеку могло прийти в голову такое соображение. Ямская слобода жила так бережливо, что стаканы оставались целыми от деда и завещались будущим людям. Детей же били исключительно за порчу имущества, и притом били зверски, трепеща от умопомрачительной злобы, что с порчей вещи погибает собственная жизнь. Так — на потомственном накоплении — только и держалась слобода. Но Сват не знал, что в слободе люди живут не заработком, а жадностью, и надеялся сыскать на свалке кое-что общепольное, чтобы сбывать и кормиться.

Прокопавшись с неделю, Сват догадался, что ему надо или бежать отсюда, или умирать с голоду — в отбросах скупости не попадалось драгоценных потерь. Все-таки Сват надеялся хоть на что-нибудь и рыл руками кучи, изучая в точности каждый предмет. Но кости были оглоданы так чисто, словно обожженные, и так тонки, что принадлежали курице, поэтому их не брали сборщики костей и тряпок; несомненно, что и эти кости предъявлялись сборщикам и пошли на свалку только после неоднократных отказов их.

Тряпичная ветошь дымилась на пальцах и явно не годилась больше ни в какую отделку.

Неведомый прах сыпался в горстях Свата, тоже ничем его не привлекая.

В ветреные дни все это забвенное дерьмо пылило и осаждалось где-нибудь по ту сторону хозяйственной жизни человека. Но Сват не успокоился: он выпросил у одной вдовы огромное прямоугольное сито — принадлежность веялки — и начал сквозь него просыпать все кучи по очереди. Оставшиеся сверх сита предметы он, не изучая, относил в домашний угол, а по вечерам рассматри-

вал добычу. Первый вечер не принес ему никакого утешения: в добыче значились куски твердого закоснелого кала, изжившие себя мочалки, четверть подошвы от валенка, какая-то жестяная зазубринка в два зуба, махор с чепца или камилавки, два камушка, веточка с сухими ягодами — «бесево», крошево бутылочного стекла, окамелок веника, птичье гнездо и многое иное, но равно дешевое.

Сват в задумчивости сидел до полуночи, а к заре окончательно поник от беспросветной нужды.

— Буду шапки делать — скоро осень! — сказал он себе утром. — Может, что выйдет! В слободе шапок не готовят, а в городе они дороги, а я по дешевке их буду шить из старых валенок, абы голову человеку грело!

Днем Сват ходил в город — продал сапоги и зипун, — а под вечерний благовест уже был в слободе. За плечами у него держался мешок, в руках палка от собак, а в кармане четыре рубля и два гривенника.

— Валушки ношёные, старые, чинёные — здесь покупа-аю! — кричал Сват чужим голосом и озирался на окна и калитки.

Часа два ходил Сват с одной и той же песней — и все зря: ничего не купил. Только раз высунулась из ворот баба в нижней юбке и с намыленными руками:

— А расколотые утюги не берешь?

— Нет! — сказал Сват.

— А чего ж ты берешь?

— Валенки!

— Так кто ж тебе их продаст, на зиму-то глядя! У-у, бестолковый пралич! Ты б утюги брал аль вьюшки печные чинил!..

— Того не надо мне! — говорил Сват. — Иди, стирай подштанники, а меня не учи: я сам ученый, сученый, крученый, моченый, печеный, драчёный... Валушки ношёные, старые, чинёные — здесь покупа-аю!

Баба пучила на проходимца одеревенелые напуганные глаза, а потом в сердцах хлопала калиткой.

«Хлеб только собрали — какая же зима? — думал Сват. — До чего ж тут народ заботлив — вперед времени идет!»

Филат с Захаром Васильевичем в это время закончили плетень. Но чтобы работнику вышел полный день и оправдать его ужин, Захар Васильевич нашел дело:

— Филат, прочеши плетень, чтобы он не пушился, а потом к Макару сбегашь за ведром — он ушко приделал!

Филат пошел вдоль плетня, чтобы вправить внутрь торчащие хворостины, а иные лишние изъять прочь. Плетень от такой правки получался ровный и плавный, а каждый свиток прутьев лежал

уместно. После такого дела Филат надел валенки, чтобы не беречь израненных плетнем ног, и тронулся к Макару.

Сват к этому часу купил пару валяных опорок и шел знатной походкой. К такой походке его располагало плотное стройное тело и выправка прежней неизвестной жизни. От радости первой удачи Сват неугомонно орал свой призыв к продаже валенок.

Филат шел навстречу ему враскорячку — он никогда не служил в солдатах и не видел в жизни ничего строгого, точного и мощного.

— Скидай валенки, Филат! — сразу предложил Сват и стал в уме определять цену.

— Для чего, Игнат Порфирыч? У меня ноги в ссадинах, а от худобы желваки пошли!

— Что ж ты худой такой? — серьезно спросил Сват и положил наземь мешок. — Некормлённый что ль живешь — иль сам больной?

— Да я, Игнат Порфирыч, к вечеру слабну, а по утрам встать не могу...

— Говядину-то часто ешь, сны по ночам видишь? — снова спросил Сват и с мрачной задумчивостью оглядел всего Филата.

— Снов я не вижу, Игнат Порфирыч, мне думать не о чем, а говядину хозяева сами едят — ее не укупишь, говорят, — а мне овощ порцией дают!

— Ишь, сволочь какая! — не со злобой, а с горем проговорил Сват. — От овоща в человеке упора нет!.. А там, черти-дураки, кровь проливают...

— Где? — спросил Филат, и глаза его засочились от чужого участия.

— Где — не на бабьей бороде: на войне! Слышал ты что-нибудь про войну, иль тут анчутки живут?

— Слышал, Игнат Порфирыч! У меня в теле недомерок есть — бумагу на руки дали, так и хожу с ней — боюсь захватить куда-нибудь. А по нашей слободе мужиков мало забрали: кто на железную дорогу учетником стал, а кто — белобилетник...

— Знаю, тут ямщики живут — екатерининские помещики! Им что: мужик к зиме всего доставит!

— Это правильно, Игнат Порфирыч, осенью обозами прут!

— Ну ладно — черт с ними! — закончил беседу Сват и после молчания кратко определил население Ямской слободы:

— Глисты в мужицких кишках — вот кто твои хозяева!

Филат не сообразил, но согласился: он не считал себя умным человеком.

— Ты кроток, но глуп — не особенно! — успокаивал Филата Сват.

— Да мне что, Игнат Порфирыч, весь век одними руками работаю — голова всегда на отдыхе, вот она и завяла! — сознавался Филат.

— Ничего, Филат, пушай голова отдохнет, когда-нибудь и она задумается! — говорил Сват и шумно выдыхал воздух, скорбя всею грудью. — Ты у кого работаешь-то сейчас?

— Да у Захара Васильевича нынче плетни кончили в саду, а завтра пойду по дворам напрашиваться!

— Ты вот что — приходи ко мне шапки шить, а там видно будет!

— Аль ты умеешь? — усумнился чего-то Филат.

— Можем. А ты поймешь?

— И я справлюсь! — пободрел Филат и пошел, наконец, к Макару за ведром. А Сват тронулся дальше опрашивать слободу на счет валенок.

Два человека сидели на земляном полу в хате Свата и ладили из стволлов валенок зимние шапки. Работали они уже целую неделю, а сделали всего четыре шапки. На обед им шли хлеб, огурцы и капуста, но они были довольны; только от скуки, дикого ландшафта свалочной пустоши и какой-то тесной темноты в сердце Свату иногда казалось, что солнце навсегда померкло — и он проверял его взором в окно, — а солнце заходило за облачко, освобождалось — и вновь светило.

— Перетерпело, сволочь! — говорил о солнце Сват. — Вот подлюка — над всякой жизнью светит — ничего не ценит: хуже скота!

Вечерами они не отдыхали — Сват спешил к Успенской ярмарке, чтобы хоть немного выручить денег и облагородить себя и Филата в одежде.

Когда становилось по-ночному темно, Сват кончал первым и говорил:

— Будя, Филат, — ноги свело, в душе морщины пошли! Достань из мешка хлеба — пожую и аминь!

В слободе шел густой сон, даже пар над домами поднимался, но это часто и тихо дышала земля, выгоняя дневные человеческие яды.

Сват любил перед сном постоять на крыльце и поглядеть ночной мир. Он видел, как внутри огромного туловища земли уходило ее гремящее бушующее сердце и там во тьме продолжало трепетать до утреннего освобождения. Свату нравилось это ежедневное событие, а ничего удивительного не было.

Спали они жутко — от усталости и общей тяжести жизни.

Подружился Филат со Сватом теплее кровного родства и думал навек остаться у него шапочным сподручным, если Сват преждевременно не прогонит.

Зато без Филата на слободе многие дела пришли в запустение: поздно обнаружилось, что Филат был единственным и необходимым мастером, способным пользоваться всякое дворовое хозяйство. Другого такого кроткого, способного и дешевого человека не было.

Иные хозяйки приходили к Филату на свалку и стучали в окошко:

— Филатушка, ты бы зашел: крыша мочится, в самоваре решетка провалилась!

По доброте сердца Филат никому не мог отказать:

— Как управлюсь, зайду, Митревна! В воскресенье жди обязательно!

Сват обижался на сговорчивость Филата:

— Чего ты этих юбошниц приучаешь? Мало они тебя порцией овощи кормили? Дурной идол!

Раз зашел Захар Васильевич, оглядел шапочное занятие и попросил:

— Зайди, Филат, жена двоих снесла — не знаю, куда деваться! — и ушел, не услышав по глухоте ответа Филата.

— К этому сходи! — сам сказал Сват. — Человеку действительно трудно!

В воскресенье Филат явился к Захару Васильевичу. Бледная омертвевшая хозяйка лежала на деревянной кровати, на которой от клопов в обыкновенное время не спали. Филату стало жалко хозяйку, и он молча глядел в ее тонкое благородное лицо.

— Ты что, Филат? — мучительным шепотом спросила хозяйка. — Пришел?..

— Пришел, Настасья Семеновна... Может, вам помочь нужно...

— Ах, мне ничего не надо, Филат. Спроси у Захара!

Филат почувствовал стеснительную неловкость от своего бесполезного участия и ушел из горницы. Ему было чего-то жалко и совестно, как будто он повинен в мучении Настасьи Семеновны. Тело его ломило от нервной боли, и он горел от непонятого тягостного стыда, какой случался с ним в ранней молодости. Он никогда не искал женщины, но полюбил бы страшно, верно и горячо, если бы хоть одна рябая девка пожалела его и привлекла к себе с материнской кротостью и нежностью. Он бы потерял себя под ее защищающей лаской и до смерти не утомился бы любить ее. Но такого не случилось ни разу — и Филат волновался и трепетал сейчас от чужой брачной тайны.

Захар Васильевич ходил добрым и негромко указывал:

— Филат, наноси воды на ночь!.. Курам не забудь пашенца дать к вечеру!

Филат и сам следил за всем в такой день. В неугомонной суете ему всегда жилось легче: что-то свое, сердечное и трудное, в работе забывалось. Про это и Сват однажды сказал: работа для нашего брата — милосердие! Дело не в харчах — они надобны, но человека не покрывают! В работе, брат, душа засыпает и нечаянно утешается!

И Филат нынче с яростью мел двор, сделав все остальное, о чем мог догадаться. Захар Васильевич выходил редко — все сидел в горнице около жены. Это тоже почему-то радовало Филата: «Сиди, брат, — думал он, пыля метлой, — я уж тут сам управлюсь, я один, а вы — двое, не обижай жену!»

До полночи бродил по двору Филат, следя за тишиной и порядком, но все давно замерло, только одна наседка квохтала на яйцах в сарае.

Что-то тревожило Филата и настораживало на бдительность, но из дома ничего не слышалось — наверно, Настасья Семеновна уснула и восстанавливала свои силы, истекшие с родовыми кровями.

Утомившись, Филат постелил под дворовой сиренью свой старый пиджачок и склонился ко сну, но спал так чутко, что слышал над головой ход и дрожание ночи. Где-то на слободских пустырях неугомонно брехала собака, ей издали и одиноко отвечала другая — и лай их жалобно и безответно тонул в густоте тьмы. Филат слышал лай сквозь толщину померкшего медленного сознания, но звук был такой тонкий и грустный, будто шел из неизвестного потерянного мира — это успокаивало Филата, и он не просыпался. Сиреневая ветка шевелилась над самыми глазами Филата, но ночь лежала плотно и не трогала спертый воздух: ветка колебалась сама — от древесной жизни и внутреннего беспокойства.

Проснулся Филат на ранней крепкой заре — через сени было слышно, как в горнице судорожно плакал ребенок Настасьи Семеновны, в первый раз от рождения. Филат сейчас же поднялся на ноги и пошел по двору, прислушиваясь к странному жалобному крику.

Скоро ребенок плакать перестал — Настасья Семеновна чем-то материнским убоготворила его — и наружу вышел Захар Васильевич с равнодушным измученным лицом.

— Филат! — сказал он. — Ставь самовар — теплая вода нужна, а попозже на базар сходишь и в аптеку!

Филат с особой цопкой ловкостью начал щеплять лучинки, радуясь своей полезной работе для Настасьи Семеновны и цветущему будущему дню.

Слободские жители тоже поднялись и бродили по дворам в поисках разных житейских вещей. Они еще зевали, чесали глаза и жмурились от настигавшего их расцветающего солнца. В этот ранний прозрачный час у каждого человека в груди томится восторг, но позже — часам к десяти — у радости вышибается дух домашним остервенением и злобой всяких забот.

На третий день Захар Васильевич назначил крестины, но с полудня отказал Филату в работе, так как пришли две кумы, которые одни смогут управиться в хозяйстве.

Филат взял пиджак, подвязал веревочкой подошву к валенку и пошел на свалку к Свату. Настасья Семеновна сидела в горнице и тюлюлюкала своих двоешек, а около окон с улицы стояли озабоченные бабы и шептались о таком событии.

Для Свата и Филата зима бы прошла плохо, если бы они не были так дружны. А для слободы она тянулась долго и худо: война звала мужчин, а жены вдовели и тосковали. Но пропадало народу не так много: вблизи слободы уже лет десять строилась и чинилась какая-то железная дорога — и там укрывались люди от военной службы.

Захар Васильевич тоже поступил кровельщиком на железную дорогу и с утра уходил на работу, набирая в мешок харчей. Труд, видимо, томил его, и он жил с осунувшимся оскорбленным лицом.

— Игнат Порфирыч, а почему вы не на войне? Вон малый у Гладких — такая хужоба, — и то забрали! — спросил однажды днем Филат у Свата.

— Э, куда ты вдарил, браток! — хитро засмеялся Сват. — Я человек на исходе: у меня контузия в голову — помаленьку с ума схожу!

Филат открыл рот и сказал:

— А-а! А с виду вы человек умный, Игнат Порфирыч!

— То-то я и шапки с тобой из ветошек леплю — вошь на чужой башке утепляем! А был бы дурак — я бы в окопах под царем и отечеством лежал!

Филат опять открыл рот, но не сообразил, что дальше спросить.

Вечером, укладываясь спать, Сват сам сказал с попонки:

— Я, Филат, ушел с войны по своему желанию! Даже там скорбно, и своя жизнь делается ни к чему! Только ты никому зря не сказывай!

— Да мне что, Игнат Порфирыч! — испуганно и поспешно ответил Филат. — Ай мне нужно? Только вы сами напрасно кому не скажите, что мне открылись! А то мне первому достанется!

— Что ж я сам на себя буду что ль наговаривать, курья твоя башка? — зычно обиделся Сват и разжег потухшую сигарку.

И весь разговор забылся.

V

Рано смеркались срединные дни зимы, бесшумно и забыто лежал снег на равнине. Ямская слобода жила — не дышала, а Сват и Филат с прежней неукротимостью шили шапки, хотя чувствовали, что скоро шапкам конец и чем тогда заниматься — неизвестно.

— Пойдемте, Игнат Порфирыч, в ночные сторожа — в колотушечники! Милое дело — ночью караулить, а днем отдыхать! Только пока Прохор с Савелием не помрут, нас не возьмут — они давно живут в колотушечниках и их слободской староста любит!

— Нет, Филат! — заявлял Сват. — Я в твои колотушечники не пойду — лучше я буду днем в пустую бочку суковатой палкой задаром колотить, а в сторожа не пойду! Я еще свежий мужик, что ты меня в старики сдаешь? Мы еще обождем!

Шапочная работа еще кое-как шла, и сбыт был. Обыкновенно покупали шапки дальние мужики, но дело уже клонилось к весне, и шапки можно было брать только в солку, впрок, до будущего года. Несмотря на усердие в работе и экономную пищу, Сват и Филат ничего не заработали в запас, так что после шапок хоть дворы иди громить.

Заходит раз к шапочникам незнакомый мужик и спрашивает с порога:

— А картузы вы делать можете?

— Можем! — ответил Сват, чтобы завлечь человека.

— И козырек с глянцем сумеете сообразить?

— Можем и глянцу достать, если сто картузов себе купишь у нас! — сообщил Сват.

Мужик ехидно засмеялся и сел на лавку, опытно поглядев на шапочных мастеров. Он снял картуз, на котором был козырек без глянца, и сведущим голосом упрекнул:

— Черти-чудаки! Да разве глянцевого лаку теперь достанешь где — он из Германии раньше вагонами шел! Кого вы учите-то, вошебойщики, я сам весь век картузник! А теперь, будя дурака гладить, я и под картузом знаю, что находится!..

Загадочный мужик так чего-то разобиделся, что не мог смиренно сидеть и начал рассматривать самый материал, из которого Сват и Филат делали свои незавидные шапки.

— Да разве это матерьял? Это — злодейство! Чем вы мыслы-то, чем вы главу-то человека защищаете? Ведь это же валенок — он же пот копит и когти прячет, а вы самую голову задумали им украшать! Черти-холуйщики!

Сват живо раскусил гостя:

— Слушай, друг, а ты не с фронта — в голову не контужен?

Мужик немного смирился:

— Оттуда... Газом в ум шибануло! Отпущен околевать домой. Все равно я без глянца работать не могу — туманный козырек орело голове человека не дает! Как же можно?

— Мы сейчас есть собирались! — сказал Сват. — Садись, солдат, покушать!

— Давай, если угощаешь! — согласился гость. — Только достань мне молочка — хлеб макать, я тюрю такую дома едал и страсть соскучился по ней...

— Достанем и молочка тебе! — добрым голосом угощал Сват. — Чего-чего, а молочка есть! От станции-то пешком домой прёшь?

— Конечно, пешком! — без обиды и тихо сказал гость. — У солдата откуда деньги, а даром кто меня повезет?

Прошел день, ночь, и новый день уже постарел, а гость обжился и позабыл уйти, хотя башмаков не снимал. Он присел к Филату и умело кроил валяный материал. Сват не препятствовал хорошему человеку, только окорачивал его в еде. Действительно, гость кушал очень лихо и терял рассудок от аппетита, так что Филату мало доставалось.

— Уйми жвала, едок! — говорил Сват гостю. — Тут не ты один кормишься! Ишь, всю кашу в один мах пробузовал!

Гость немного укрощал себя, а потом снова забывался и потел от напряжения скул.

— Ты, должно быть, в работе горазд, раз есть так можешь? — спросил Сват.

— Ну еще бы! — подтвердил гость. — Весь на мускуле стою — по семь дней на фронте черепа, не спавши, крушил! Меру картох с товарищем в присест съедал!

— А на шитье-то ты усидчив? — любопытствовал Сват.

— Это для меня пустота! — заявлял гость. — Это я могу неотлучно неделями сидеть, лишь бы хлеб рядом лежал!..

В слободе кротко звонили к вечерне, а три друга утомлялись за работой. Чтобы перебивать усталость, Сват время от времени пытал гостя:

— Ну, а что ж ты у нас обосновался? Аль у тебя родных нет?

Гость спохватывался и сообщал:

— Была жена да теща: жена ребенка заспала и сама удушилась на полотенце, а теща теперь на паперти с рукой стоит! Вот я теперь и тоскую сам с собой: сын бы нужон мне, да жены сразу не сыщешь!

— Зачем тебе сын? — удивлялся Сват. — Ты сам хлеба не ешь — мученика хочешь родить?

— Ну а то как же? — ничего не понимал гость. — Мне теперь не жить, и никому не цвествь — то война, то забота, — нет ничего задушевного. А сын малолетства не запомнит, а вырастет — тогда будет хорошо...

Сват сомневался:

— То никому неизвестно! Может, тогда еще больше увечья будет!

— Нельзя, я тебе говорю! — злобно заспорил гость и встал с пола. — Немыслимое дело! Я только молчу, а у меня с горя сердце кровью мокнет! Я весь заржавел от скорби — не знаю, куда мне деться! Ты думаешь — я с радости у тебя на пол сел за твои шапки, дырявая голова!.. Я на фронте был — там народ поголовно погибает, а ты говоришь, что сын мой еще больше увечиться будет! Да разве я дам его какой сволочи? Разве я пушу его на такое мучение, хамское ты отродье, дурак заштопаннный? Да я горло гнилыми зубами по швам распушу за такое дело — любому сукину сыну — в полмомента!..

Сват сидел и улыбался, довольный, что задел гостя за живое нутро. А гость подышал немного, собрал разбежавшиеся от возбуждения слова и снова принялся бить:

— Бабы ублюдки, недоноски чертовы! Выдумали царя, веру, запечатали сверху отечеством и бьют народ, чтоб верность такой выдумки доказать! Явится еще кто-нибудь — расчешет в культяпой голове иную выдумку — и почнет дальше народ замертво класть! А это все, чтоб одной правде все поверили! Да будь вы прокляты, триединые стервы!

Гость плюнул жидкими слюнями и треснул по плевку австрийским опорком.

Сват тянул дым из сигарки и весь светлел от удовольствия:

— Верно, друг, правильно! Живи у нас теперь задаром — я не знал, что ты такой!

Филат тоже радовался новому человеку и заговорил от себя:

— У кого есть родня дома, тот скучает на войне... А жена с сыном жальчей всех ему...

Загостивший солдат обратил внимание на Филата и, заметя его слова, открыл свою новую мысль:

— Царь и богатые люди не знают, что сплошного народу на свете нету, а живут кучками сыновья, матери, жены — и один до-

роже другому. И так цопко кровьями все ухвачены, что расцепить — хуже, чем убить... А сверху глядеть — один ровный народ, и никто никому не дорог! Сукины они дети, да разве же допустимо любовь у человека отнимать? Чем потом отплачивать будут?

Гость говорил и жадно шевелил пальцами, как будто лепил руками теплые семьи и сплачивал родственников густой нераздельной кровью. Под конец он успокоился и тихо сообщил:

— Дюже много люди умственно соображают — это всем бедам беда...

— Да что ты, друг! — чуть ухмыльнулся Сват. — А я думал, ум нам в нужде помощник!

Гость подумал дальше:

— Когда помощник, то хорошо, а то его на жадность тянет — вот где горе! Человек бросится, а поперек дороги сердечное чувство лежит, его и потопчут! А после вернутся и плачут...

— Оставайся! — окончательно сказал Сват. — Проживем и втроем — не обьешь!

Гость сейчас же стал разуваться и протяжно вздохнул, как дома. В первый раз он оглядел все жилище и нашел все удобным, потому что почувствовал такую усталость, которую не выспать за многие ночи подряд.

— Ишь! — сказал Сват ночью, когда гость спал. — Благородные люди думают, что мы рожаемся да жрем, а он вон живет и мучается, и в голове у него бурчит...

Филат дремал и думал о госте, что тяжело ему было сына и жену хоронить; хорошо — у него нет никого, — и, не осилив себя, заснул.

Ночи понемногу кратчали, а нужда шапочников длиннела — товар перестали брать. Снег начал отапливаться солнцем и желтел от протупавшего прошлогоднего навоза. Иногда дни сверкали лучше летних — белизна замороженного снега в упор сопротивлялась солнечному огню — и чистый воздух остро мерцал от колкого холода и тягучего тепла.

Слобода жила зажмурившись — война подсушила благополучие ямщиков и люди не хотели в такое время замечать роскошь новой весны. Захар Васильевич тщательно работал на железной дороге и боялся одного — снятия с учета и отправки на фронт. Два мальчика его росли, но отец любил их грубо, ничем не баловал и не ласкал.

А Настасья Семеновна обмирала о детях и так боялась за своих первенцев, что постоянно мучила их лекарствами, трепеща до ужаса от детского поноса.

Макар шорничал и любовно готовился к летнему кузнечному ремеслу, заранее вкушая прелесть открытых летних дней. Прочие люди также жили толково, каждый надеясь на что-нибудь лучшее и легкое.

Сват радовался увеличению света и тепла на дворе, но немного кручинился и завидовал мертвым неподвижным вещам: им незнакома была забота о еде и благополучии, они жили в каком-то покое и полном отдании себя.

— Летом с голоду и нарочно не умрешь! — говорил гость Миша, узнав про заботу Свата. — Можно голубей бить, рыбки сходим наловим, зелени съедобной надергаем — вот и суп, и уха, а на второе блюдо — гуща!

Однако Сват загодя отправил Филата на его прежний заработок — в слободу.

— Хоть и жалко тебя, кроткий человек, и сдружились мы с тобой, но сам видишь — втроем невтерпеж, а Мише некуда деваться!

Второй день мастера уже ничего не делали, а нынче Миша сходил за хлебом на последний пятак, и то не мог донести хлеб в целости до дома — весь по дороге исковырял и выел мякушко.

— Ну-к что ж! — сказал Филат. — Пойду по дворам наведываться — где-нибудь останусь! А к вам, Игнат Порфирыч, в другой раз буду побалакать приходиться!..

VI

Весна негромко проступала сонной мокрой землею на всяких вздутиях почвы. Филат шел и радовался, что у него есть знакомый — Игнат Порфирыч — и дом на свалках, куда можно всегда пойти. Устроился он у Макара — доделывать четыре хомута и караулить кузницу, а сам Макар поехал по железной дороге наменять угля для горна. Многие люди в слободе говорили, что нельзя достать необходимых вещей, но ни Сват, ни Филат, ни Миша ни разу не имели нужды в таком предмете, который бы пропал из продажи. Поэтому только в слободе Филат понял, что такое война и ее сосущая обездоливающая сила.

Слобода от сырости и отсутствия ремонта вся побурела и скорбно глядела запавшими окнами, как человек впроголодь. Собаки похудели и ночью молчали. И все шло в какую-то прорву, даже Филату жалко стало, и он готов был работать за самую плохую еду. Но Макар оставил ему пищи достаточно, потому что зимой занимался нужным ремеслом, работал на мужиков, и в пище себе не отказывал.

Макар не возвращался долго, и Филат скучал без дела — хомуты он давно пошил. Каждый день он ходил к Свату и Мише — тем совсем было худо, и они существовали только тем, что Филат приносил из своих остатков.

А Филат приносил не остатки, а почти все, что ему полагалось есть у Макара, а себе оставлял одну хлебную горбушку и четыре картошки.

— Да ты сам-то сът? — спрашивал Сват. — Гляди, съесть нам не мудро, а ты ослабнешь!

— Не ослабну! — стеснялся Филат. — Работы сейчас нету, а на одно дыханье много есть не надо!

Сват обижался:

— Сообразил — дыханье! Ты погляди на Мишу: он тоже одним дыханьем занимается, а может сейчас любого зверя съесть!

— Могу! — лежа подтвердил Миша и вздохнул от аппетита.

Однажды Филат испуганно проснулся. В закоулке кузницы, где он спал, было так темно, что Филат чувствовал себя безопасно. Ночь за бревенчатой стеной укрыла слободу тихой чернотой и спрятала ее из мира до утра. Ничто внятно не тревожилось. Сонные ямщики, должно быть, не раз меняли отлежанные бока. Захар Васильевич говорил Филату при починке плетня, что Настасья Семеновна как повернется ночью, так он летит на пол.

— Да Настя моя еще не так толста, а у кого баба толстая — вот кому горячка! — рассуждал и смеялся Захар Васильевич.

Но сейчас — совсем тихо; на улице нельзя услышать, как падают на пол мужья от ворочающихся разопревших жен.

Вдруг Филат вздрогнул и приподнялся, а потом услышал — раз за разом — резкую скорую стрельбу и смутный шум далекого страха.

Забывший сам себя, Филат никогда не видел окрестностей за околицей слободы, только помнил свою детскую деревню, где рос с матерью. Филату от работы некогда было опомниться и подумать головой о постороннем — и так постепенно и нечаянно он отвык от размышления; а потом — когда захотел — уже нечем было: голова от бездействия ослабла навсегда.

Поэтому Филат сейчас задрожал и испугался от непонимания стрельбы. Про войну он знал, но вообразить ее не мог ни по каким рассказам Миши.

Стрельба утихла, зато явственно кричали люди. Филат догадался, что это на вокзале, и вышел наружу.

Небо вызвездило, и Филат внимательно оглядел его. В таком внимании к ночному небу жила старая мечта Филата — заметить звезду в то время, когда она отрывается с места и летит. Падающие

звезды с детства волновали его, но он ни разу, за всю жизнь, не мог увидеть звезду, когда она трогается с неба.

Утром приехал Макар — без угля и задумчивый:

— Царя давно нету — на железной дороге дезертиры бунтуют... А мы сидим — ничего не знаем: народ шпалы со станции тащит, паровозы, говорят, артелям будут раздавать...

Филату эта весть была такой чужедальной, что он не очумел от нее, как Макар, и только молчал от небольшого любопытства. Он смутно чувствовал, что плетни, ведра, хомуты и другие вещи навсегда останутся в слободе и какой-нибудь человек их будет чинить.

К вечеру, как управился, Филат пошел к Свату, но встретил его с Мишей по дороге. Миша-гость шел весело и нес целый хлеб, а Сват глядел сам не свой от скрытого душевного движения.

— Уходим, Филат! — печально сказал Сват. — Теперь прощай, раз слободе мы не надобны!

— Да — ишь, сукины дети! — угрожал Миша. — Хамье чертовое: завзяли землю — живут на покое, — а ты никому не нужен — ходи, блуждай!

Проводил их Филат до вокзала и попрощался:

— Может, придете когда, Игнат Порфирыч, слободу проведать?

Филат глядел на отбывающих с покорным горем и не знал, чем помочь себе в тоске расставания.

Сват тоже расстрогался и смутился. У конца пути он обнял Филата и поцеловал его колючими усами в шершавые засохшие губы, которые целовала только мать, когда они были младенческими. Филат испугался поцелуя и жалобно сморщился от нечаянных непривычных слез.

— Но, обмокла баба, а то мужиком бы была! — уныло сказал Миша и потянул Свата: — Ну чего ты расстраиваешь человека — он других людей найдет! Просто он блажной такой!

Филат не сразу пошел к Макару, а дал круг и в тоске добрел до свалки. Хата Игната Порфирыча стояла теперь порожняя и смиренная, но Филату казалось, что и стены, и окна скучали по ушедшим — и скорбели от одиночества. Живой — милой и дорогой — осталась опустелая хата, пропахшая людьми, бросившими ее. Филат постоял, потрогал дверь за ручку — ее каждый день брал Сват, — поглядел в поле — его видел Игнат Порфирыч, — прилег на пол — здесь спали они всю мрачную зиму, — и отвернулся от душевного отчаяния, которое нельзя было заместить никаким утешением.

Ежедневно ходил Филат к своей хате на свалке и издали смотрел на нее привязанными нежными глазами. Он безрассудно ждал, что дверь откроется, выйдет Игнат Порфирыч с сигаркой и скажет:

— Заходи, Филат, чего ж ты на ветру стоишь! Я всегда тебе рад, кроткий человек!

По ночам на станции иногда стреляли, иногда нет. А слобода запасалась продовольствием, срочно стягивая все недоимки с мужиков за прошлогодний урожай. Захар Васильевич лично ездил в деревню к своему арендатору и наказывал:

— Время, Прохор, мутное, а ты мне пшена должен сорок пудов — вези, пока дорога завокла, а то скоро распустит, тогда до самой Фоминой недели не просохнет!

— Да я уж не знаю, Захар Васильевич, как и быть! — сомневался Прохор, не теряя учтивости в словах. — Говорят, будто земля теперь даром мужику отойдет и с недоимками дело терпится!

Захар Васильевич моргал от сердечного остервенения и слушал клетот своей разгневанной крови. Но говорил спокойно, чтобы осмеять мужика.

— Новая власть не дурей старой, Прохор! Ты не думай — там дураков сменили, а помещиков поставили — теперь еще крепче земля в их руках зажметя! Оно и верно — ты свой надел тоже даром соседу не откажешь! Революция — это одна свобода, а собственность тут ни при чем — как была, так и останется!

— Надел — дело малое! — отвечал и раздумывал Прохор. — Не о нем теперча речь. А один солдат мне страшил, чтоб никак не сметь аренду платить, а то новая власть провалится и война вся сначала пойдет...

— Война не перестанет! — заявлял Захар Васильевич. — Война до конца германца будет идти! А о земле новых прав нету, Прохор, ты и думать забудь, а с пшеном не копайся, а то на будущий год на хутора землю отдам — там народ посходней...

— Да это дело ваше, Захар Васильевич! А с пшеном не задержу, как телегу на ход поставлю, так и буду в слободе... Зря болтают люди, а мы подхватываем, а кто же его знает — как будет, никому неизвестно! Завтра на станцию пешком схожу — солдат поспрошаю!

— Вали, Прохор, поспрошай, ноги у тебя не казенные и башка своя — никому не жалко! — сердился под конец Захар Васильевич и прощался.

Ямщики в слободе загудели. Староста через день созывал сходь и направлял недовольство в законное русло:

— С фронта дезертирии окаянной прет видимо-невидимо: врага отечества свободно пускают внутрь православной земли! Что же теперь делать, православные, когда и мужик даже обнаглел и чужую землю самовольно хочет от владельцев отнять! Таких уставов, по-моему, в законе нету! Но чтоб усечь нахальное самоуправство,

нам нынче же надоть всем чином послать бумагу в губернию, чтобы там знали, что делается, и всем под тою бумагой полностью и понятно расписаться!..

Филат жил без охоты и усердия — без Игната Порфирыча у него не было никакого интереса. У Макара от смутного времени притихла всякая работа, и он скоро отказал Филату: сам, говорит, видишь — делать нечего, а вдвоем сидеть неважно — ступай по дворам!

VII

Посреди слободы стоял двухэтажный старый дом. Около него колодезь, а у колодца круглый сарай — темница для лошади. В той темнице целый день лошадь кружилась на узком месте, таская деревянное водило. На водиле закручивались и раскручивались веревки, которые таскали бадьями воду из колодца. Вода сливалась в большой чан, а из чана напускалась в корыта. Из корыта крестьяне, приезжавшие в слободу на базар, поили лошадей по копейке с головы, а люди пили бесплатно.

В двухэтажном доме жил владелец колодца Спиридон Матвеевич Сухоруков с женой Марфой Алексеевной и двумя детьми — мальчиками.

Филата Макар на прощанье сытно покормил, поэтому Филат зашел на колодезь воды испить. Но вода из чана не текла, а у двери темного сарая стоял Спиридон Матвеевич и злобно глядел на прохожего:

— Колодца не копал, а пить хочешь, бродяжий сын! Подойди-ка сюда!

Филат подошел.

— Куда идешь? — спросил Спиридон Матвеевич.

— Вышел работёнки поспросить! — ответил Филат.

Спиридон Матвеевич отошел сердцем:

— Бродите вы тут, материны дети, только землю зря ногами корябаете! Иди, я тебя к коню поставлю — мой холуй на деревню бунтовать ушел!

Филат очутился в темном сарае, где, зажмурившись, стояла худая лошадь.

— Чмокай на нее, чтоб она ходила! — сказал Спиридон Матвеевич. — А сам наружу поглядывай: даром народ не пой — бери по копейке с воза, а с иного две!

Лошадь побрела по кругу, от натуги наливая кровью тощие жилы. Изредка она замирала и становилась, тогда Филат на нее чмокал — и лошадь дергала водило.

Шли темные часы, и Филата начала морить тесная и безответная тоска. Он выходил наружу, слушал, как хлопают и опрокидываются в чан полные бадьи, и осматривал пустоту глухой улицы. Видно было просторное поле, где светилась весна, но и там ни один человек не шел. Филат грустно вспоминал Игната Порфирыча, но участь лошади, таскающей воду из колодца, была еще беспросветней — и Филату делалось от этого легче.

По ночам Филата клали в чулане, через стенку со спальней хозяев. Отвыкший спать в помещениях, Филат мучился от духоты и пугался потолка — ему казалось, что потолок снижается, как только он закрывает глаза.

Постепенно — навстречу лету — всходила трава и наряжалась в свои цветы молодости. Сады вдруг застеснялись и наскоро укрылись листвой. Почва запахла тревожным возбуждением, будто хотела родить особенную вечную жизнь, и луна сияла — как огонь на могиле любимых мертвецов, как фонарь над всеми дорогами, на которых встречаются и расстаются люди.

Филат с жалостью гонял свою лошадь и задумывался в темном сарае. Лошадь к нему привыкла и ходила без понуканий, поэтому Филат целые дни сидел самостоятельно — без всякого дела, лишь иногда принимая копейки от мужиков-водопойщиков. В ленивом или бездельном человеке всегда вырастают скорби и мысли, как сорная трава по бросовой непаханой почве. Так случилось и с Филатом; но голова его, заросшая покойным салом бездействия, воображала и вспоминала смутно, огромно и страшно — как первое движение гор, заледеневших в кристаллы от давления и девственного забвения. Так что, когда шевелилась у Филата мысль, он слышал ее гул в своем сердце.

Иногда Филату казалось, что если бы он мог хорошо и гладко думать, как другие люди, то ему было бы легче одолеть сердечный гнет от неясного тоскующего зова. Этот зов звучал и вечерами превращался в явственный голос, говоривший малопонятные глухие слова. Но мозг не думал, а скрежетал — источник ясного сознания в нем был забит навсегда и не поддавался напору смутного чувства. Тогда Филат шел к лошади и помогал ей тащить водило, упирая сзади. Сделав кругов десять, он чувствовал качающую тошноту и пил холодную воду. Воду он любил пить помногу, — она почему-то хорошо действовала на душевный покой — свежесть и чистота. Душу же свою Филат ощущал как бугорок в горле и иногда гладил горло, когда было жутко от одиночества и от памяти по Игнате Порфирыче.

В сарае часто забегал Васька — восьмилетний сын Спиридона Матвейча, охальный и умный мальчик. Филат его ласкал по голове и что-нибудь рассказывал. Васька тоже рассказывал, но особенное.

— Филат, мамка опять на горшок садится, а отец ругается...

— Ну пускай, Вась, садится, она, может, больная и ветра на дворе боится! — объяснял Филат.

— Нет, Филат, она нарочно делает, чтоб отцу не продыхнуть — она такая блажная: правда!

Филат начинал про другое — про Свата и Мишу-солдата. Но мальчик, послушав, опять вспоминал:

— Мать вчера чугунок со щами пролила, а отец ей как дернул рогачом по пузу... А мать кричит, что у ней краски тронулись: правда! Отец говорит: крась крышу, шлюха, — а мать не полезла на чердак, а легла на койку и плачет! Она всегда у нас притворяется!..

Филат мучился от слов мальчика и думал про себя: «Вот нас теперь трое — лошадь, я и мать мальчика». Тоскливое горе расколось на три части — и на каждого пришлось меньше.

Однажды Васька прибежал рано утром и закричал:

— Филат! Иди погляди — мамка в сенцах опять села, а отец на дворе кулеш поел, нам ничего не оставил!

Филат успокаивал мальчика, но самому было нехорошо.

После обеда Филат пошел в дом — ему нужно было взять денег у Спиридона Матвейча на новую веревку для бадьи.

Из сеней он услышал дикий издевленный крик Васьки и шепчущий голос его матери, которая хотела, наверно, убагатворить ребенка и не могла.

— Дай свечку, зараза! — кричал Васька грозные слова, как большой. — Кому я говорю? Дашь или нет — долго мне дожидаться? А то сейчас самовар на пол свалю, подлая тварь!

Мать ему быстро и испуганно шептала:

— Вась, ну не надо, Вась! Я сейчас найду тебе свечку — ты же сам ее вчера всю сжег... Я пойду за хлебом — куплю тебе новую...

— А я тебе говорю, ты спрятала свечку, проклятая сатана! — хрипел Васька и шевелил что-то гремящее, должно быть — самовар.

— Ну, Вась, у меня же нету свечки — я куплю тебе ее...

— А я говорю — дай сейчас же! А то — вот тебе...

За этим загремела медь, и полилась шипящая вода: Васька сволок на пол самовар.

— Я же тебе говорил, чтоб дала, а ты все не давала! — уже спокойно объяснил Васька происшествие.

Филат осторожно открыл дверь и вошел в кухню, чувствуя свое бьющееся сердце и срам на щеках.

На табуретке сидела молодая женщина и плакала, прижав к глазам конец кофты.

Васька сердито глядел на живой кипятик и не сразу заметил Филата, а когда увидел, то сказал матери:

— Ага! Ты что наделала? Я вот отцу скажу — самовар полудили, а ты его на пол! Пусть только отец придет — он тебе покажет!

Женщина молча плакала. Филат испугался больше сына и матери, и забыл, зачем он пришел. Женщина торопливо взглянула на него одичалыми черными глазами и вновь спрятала их под веки. Она была худа и очень красива — смуглая, измученная, с лицом, на котором глаза, рот, нос и уши хранились, точно украшения. Известно, как это все уцелело после родов, детей, мужа и такой губительной судьбы.

Другой мальчик, поменьше Васьки, сидел в углу и неслышно плакал вместе с матерью. Филат заметил, что он больше похож на мать — черный, с мягким настороженным лицом, будто постоянно ожидающим удара.

Спиридона Матвейча, очевидно, дома не было — и Филат без слова ушел.

В большие праздники Филат ходил либо к Макару, либо так просто в поле. Макар говорил, что революция, как дождь, стороной где-то прошла, а Ямской слободы не тронула, и больше что-то ничего не видать и не слышать: не то все кончилось, не то ливнем льет над другими местами.

— Да нам все равно! — беседовал Макар. — На всех богатства не достанет, а вот хлеба скоро не будет, тогда все само укротится!

— А на станции народ все едет? — спрашивал Филат.

— Едет, Филат! Дуром прёт — вся война в хаты бежит! Да что ж — не без конца воевать, — народ наболелся, теперь его не трожь!

Филат подолгу засиживался у Макара и все интересовался, пока тот не начинал зевать и указывать:

— Ты бы шел, Филат, — нам с тобой сегодня отдых полагается, а то меня чего-то на немощь тянет!

Филат уходил и замолкал до будущего праздничного дня.

Зеленый свет лета уже смеркался и переходил в синий — свет зрелости и плодородного торжества. Филат наблюдал и думал о том, что скоро начнут снижаться такие высокие полдни, а лето постареет и станет коричневым, а потом желтым и золотым — таков цвет седой природы. Тогда слобода опять сожмется в домах и в четыре часа дня будет запирать свои ставни и зажигать керосиновый свет.

Слобода считала дни до уборки урожая и гадала — привезут аренду мужики или нет. Спиридон Матвейч был злой человек, изверг для домашней жены, но имел проницательный ум, когда беседовал с соседями у колодца.

Ямщики приходили к нему даже нарочно — спросить, что он думает о своей земле.

— Теперь земли у меня нет! — отвечал Спиридон Матвеевич. — Мужики отъемом взяли — в расплату за войну...

— Да ведь правов-то новых еще не вышло, Спиридон Матвеевич! — убеждал себя и собеседника ямщик. — Они хамством взяли, а не по закону!

Спиридон Матвеевич мрачно осматривал голову говорившего, на которой остался лишь ободок волос. Он всегда наливался тяжелым гневом против глупости человека.

— Ты волос, должно быть, не от ума терял, а от греха, Ириной Фролыч! Хамство прячется тогда, когда сила царства его пугает, а теперь какое к черту у нас царство? Паровозы и то хотели по деревням растащить, а то земля: земля — первая вещь!

— Значит, ямщикам смерть приходит? — смиренно спрашивал Ириной Фролыч.

Спиридон Матвеевич делался серьезным до печали.

— Умирать еще погодим, Ириной. Я думаю, расправа будет наша, а не ихняя.

— А аренду-то ждать в нынешнем году, аль в будущем?

— Совсем не жди! — говорил Спиридон Матвеевич. — И думать забудь — ни с какой арендой мужик теперь не зайвится, сам чем-нибудь промышляй!

Филат слушал и начинал понимать простоту революции — отъем земли. В ямщиках он давно заметил злую скрытую обиду и большой тревожный страх. Но страх в них день ото дня рос, а злоба таяла и превращалась в смиренное огорчение, потому что в мужиках происходило наоборот: обида выросла в злую волю, а воля вела войну с помещиками — пожаром и разгромом.

Ямщики думали, что и слободе не сдобровать, но потом поняли, что они мелкие землевладельцы, а у мужиков и без них много хлопот.

Филат стал сосредоточенней глядеть по сторонам, хотя ничего легкого для себя не ждал. Он знал, что ворота для него нигде сами не откроются и зимой опять придется лютовать — еще хуже прошлогоднего: тогда хоть Игнат Порфирыч был. Но втайне Филат чувствовал какую-то влекущую мысль: он надеялся, что если выйдет из слободы, то с голоду не пропадет, а раньше бы пропал. Постоянный скрытый страх за жизнь, с годами превратившийся в кротость, рассасывался внутри сам по себе, и сердце все больше разогревалось волнующими первыми желаниями. Чего он желал — Филат не знал. Иногда ему хотелось очутиться среди множества людей и заговорить о всем мире, как он одиноко догадывался о нем. Иногда

да — выйти на дорогу и навсегда забыть Ямскую слободу, тридцать лет дремучей жизни и то невыразимое сердечное тяготение, которое владеет, наверное, всеми людьми и увлекает их в темноту судьбы.

Филат не мог, как все много работавшие люди, думать сразу — ни с того, ни с сего, — он сначала что-нибудь чувствовал, а потом его чувство медленно забиралось в голову, громя и изменяя ее нежное устройство. И на первых порах чувство так грубо встряхивало мысль, что она рождалась чудовищем и ее нельзя было гладко выговорить. Голова все еще не отвечала на смутное чувство, от этого Филат терял равновесие жизни.

В дом Игната Порфирыча Филат ходил редко: там вновь поселились нищие и беженцы, которые даже свалочную площадь сумели загадить. Но тоска по утрате друга у Филата теперь заросла грустным воспоминанием, почти не мучительным. Дом же привлекал не одной памятью о прошлом, но и звал уйти за теми, кто ушел из него. Этот дом как-то обнадеживал и радовал Филата и облегчал его время в слободе, будто то были последние дни, которые можно прожить, как попало.

VIII

Осень вступила по мягким осыпавшимся листьям и долго хранила землю сухой, а небо ясным. Очищенные от хлеба поля казались прохладной пустотой, и над ними реяли невидимые волосы паутины. Небо сияло голубым дном, как чаша, выпитая жадными устами. И шли те трогательные и потрясающие события, на которых существует мир, никогда не повторяясь и всегда поражая. Ежедневно человек из глубины и низов земли заново открывал белый свет над головою и питался кровью удивительных надежд.

Филат любил осень — в противоположность страху рассудка перед зимой. Ему казалось, что небо выше, воздуха больше и дышится легче. И в этом году он созерцал знакомую и новую осень, чуть прислушиваясь к заботам ямщиков. А ямщики не столько заботились, сколько слушали, что делается на свете, и передавали друг другу. Они еще верили, что революция — дурацкая сказка, и не боялись ее.

Сначала говорили, что земля обратно отходит к ямщикам — вышел новый крепкий закон — и германца начали бить снова. Потом это забылось, и мир где-то бушевал молча, не доходя до слободы своим голосом.

Ямщики целой толпой ходили на станцию и спрашивали у стрелочника — не пора ли разбирать пути и все вокзальное имуще-

ство делить по народу. Стрелочник сказал, что пока надо погодить, но того не миновать — когда выйдет срок, он прибежит на слободу и скажет. Ямщики взяли из штабеля по шпале на двоих и пришли домой, немного обрадовав жен таким приобретением. Ямщики особенно бывали довольны, когда удавалось что-нибудь получить за даром, хотя бы даровые предметы и не приходились к хозяйству. Покупать же ничего не любили — им всегда казалось, что цена дорога. Это вышло исстари и уложилось в характере. Ведь вся годовая пища привозилась ямщику бесплатно мужиком, как аренда за землю, а дома были собственные; зато одежда служила причиной горя и семейных разладов, потому что она по необходимости — хотя и изредка — покупалась за деньги.

Старушки в одно воскресенье собрались после обедни на паперти храма и тронулись за околицу. Они заранее запаслись мешочками с постной пищей, уговорились с батюшкой и вышли шествием на Иоакимовский монастырь. Филат ходил на край слободы — получать с одного ямщика долг за хозяина, но не получил — ямщик был одинокий вдовец и ушел в монахи, отказав усадьбу теще. Филат увидел толпу бредущих старух и испугался их, как своей беды. Старухи шли с шепотом, распустив жидкие мертвые волосы. Их ноги скорбели в густом песке, и они поднимали юбки, чтобы не пылить, показывая худую остроту холодных ног. Священник шел впереди и отвлекал лицо от спутниц: он был еще не стар, но жизнь его запутала. Старухи спустились в слободской лог и скрылись за кустарником. Филат поглядел на следы самодельных мягких туфель и вспомнил почему-то про гробы на чердаках, которые очень старые ямщики всегда готовили себе впрок и бережно хранили. Зато женщины, несмотря на старость, никогда преждевременно гробов не заказывали и погибали в старых подвенечных платьях.

Ямщики-солдаты, которые остались живы, все вернулись домой и по-разному рассказывали о революции: кто объяснял, что это евреи восстали и громят все народы, чтобы остаться одним на земле и целиком завладеть ею, а кто говорил, что просто босота режет богачей и надо бросить слободу и бежать грабить имения и города, пока там осталось кое-что.

Пожилые ямщики увещевали людей молиться и ссылались на Библию, где нынешнее время до точности предсказано, — надо только молиться с таким усердием, пока кровь не пойдет вместо пота — и тогда человек обратится в дух.

— А ты попробуй — помолись до крови! — говорил такому проповеднику Спиридон Матвеевич, хитро подразумевая что-то про себя. — А мы поглядим, лучше ли станет твоему духу, когда жизнь пропадет!

— И попробую, и облегчусь! — иступленно отвечал пожилой ямщик. — А ты посмотри себе в сердце — ай тебе любя нынешняя жизнь: ни сыт, ни голоден, народ поедом ест друг дружку, царя испоганили, самого Бога колышут... Ты погляди — ведь над тобой твердь дрожит!..

Спиридон Матвеевич смотрел на твердь:

— Твердь ничего не дрожит: ты думаешь, есть когда Богу такой суетой заниматься? Ишь ты важный какой — Бог только и следит за тобой!

— Я не важный собой, да душа во мне есть — Господнее имущество! — сержал и волновался старик.

— Не показывай тогда этого имущества никому — придет мужик или босяк и отымет: ты знаешь нынешнее время?

Спиридон Матвеевич уже бедствовал с семьей — это видел Филат. Но он был самый умный в слободе и без раздражения терпел, раз не было спасения. До войны он держал большую лавку и прочно богател, но лавка сгорела вместе с домом; Спиридон Матвеевич выдержал нужду, продал половину земли — спешно отстроился заново и купил колодезь. Говорят, на пожаре у него задохнулась дочка от первой жены, и он сам преждевременно бросил тушить двор, не видя смысла в имуществе без дочери. С того же года у него затмилось сердце, и к людям он стал относиться резко и невнимательно, как к личным врагам.

Теперешнюю жену Спиридон Матвеевич любил — Филат видел его скрытые заботы о ней, — но никогда не мог сдержатъ безумного нрава и бил ее неожиданно и чем попало, мучаясь и сжигая себя. Причина этому лежала не в виновности жены, а в глубоком затаенном горе, превратившемся в болезнь. Сам Спиридон Матвеевич знал, что жена его добрая и красивая — и после избияния ее он иногда приходил в сарай и гладил лошадь, капаю слезами на землю. Если Филат был близко, Спиридон Матвеевич гнал его:

— Ты выйди, Филат, там мужики понаехали, а ты деньги упускаешь!

Филат выходил и видел бедного человека в солдатской одежде, горстью уголявшего жажду из лошадиного лотка.

Скоро лето смерклось окончательно, и небо потухло за глухими тучами.

В одну пропащую ночь, когда земля, казалось, затонула в темном колодеце, на том краю степи загудели пушки. Слобода одновременно проснулась, зажгла лампадки, и каждый домохозяин сплотил вокруг себя присмирившую семью. Под утро стрельба смолкла, и неизвестная степь покрылась поздними туманами. В этот день слобода ела только раз, потому что будущее стало страшным, а до-

ждаться его хотелось всем безрассудно, и продовольствие тратилось экономно.

Вечером через слободу без остановки проехал конный отряд казаков, волоча четыре пушки. Некоторые казаки попоили лошадей у Филата на колодце. Спиридон Матвеевич им продал табаку и узнал, что казаки ехали домой, но Совет города Луневецка их с оружием не пропустил и приказал разоружиться. Казаки отказались; тогда Совет выслал отряд, и казаки приняли бой. Теперь казаки идут на Дон обходным путем — через суходолы и водоразделы, бросив населенные речные долины, где завелись Советы.

— А из кого эти Советы набраны? — спросил Спиридон Матвеевич.

— Кто их смотрел! — равнодушно ответил казак и сел на коня. — Говорят, там батраки и иногородние — всякая такая чужая сволочь!

— Вроде него, что ль? — указал Спиридон Матвеевич на Филата, на котором от ветхости разверзлась одежда.

Казак тронул коня и оглянулся:

— Да — подобная голь!

Попозднее долго звонил колокол церкви, собирая ко всенощной всех опечаленных, всех износивших жизнь, всех, в ком смыкаются вежды над безнадежным сердцем. От свечей и скорбных вздохов через паперть шел дым и восходил вверх вянущим седым потоком. Нищие стояли двумя рядами и ссорились от своего множества, считая молитвы до конца службы. Грустное пение хора слепых выплывало наружу и смешивалось с тихим шелестом умерших деревьев. Иногда слепая солистка пела одна — и покорность молитвы превращалась в неутешимое отчаяние, даже нищие переставали браниться и умильно молчали.

А после службы люди сразу забывались и переходили к едким заботам. Одна умная женщина, покинув паперть, уже совестила мужа:

— Эх вы, мужики — только ноете с бабами! Взяли бы ружья, отесали колья — да и пошли бы на деревню мужиков к закону приучать! А то у вас и хатенки поотберут, а вы все будете Богу молиться да у чугуна толпиться: бабы побздики, пра-аво!

Но муж ее молчал и сопел, раздражая этим жену.

— Ух, идол ненаглядный!.. — свирепела жена и с неотлегнувшим сердцем шла до самого двора. Дома ящик скорее ложился спать и отворачивался к стенке, считая бегущих клопов.

Спиридон Матвеевич ходил в церковь очень редко, и то из любви к пению. А Филат совсем не ходил — объяснял, что одежды нет.

На дворе стало уже холодать — Филату трудно терпелось в сарае, пока ходила лошадь: никакая ушивка больше не держалась на

прозрачных, сгоревших от пота штанах, а пиджак истерся в холодный лепесток. Но Филат видел, что за день хозяин от колодца выручает копеек тридцать — мужики совсем перестали ездить в слободу, — и попросить на починку одежды стеснялся. Он знал, что если его Спиридон Матвеевич прогонит — ему конец: теперь никто не возьмет работника — все ямщики с потерей земли заплошали.

В одно утро Филат встал, вышел из кухни на двор — и весь свет для него переменялся: выпал первый мохнатый снег. Вся земля затихла под снегом и лежала в мирной мертвой чистоте. Надолго смирившиеся деревья опустили ветки и бережно держали снег; гулкий воздух стоял на месте и ничего не трогал. Филат сделал отметку подошвой на снегу и вернулся на кухню. Было рано, хорошо и прозрачно. В такой час можно чувствовать, как кровь трется в жилах, и особо остро переживаются те заглохшие воспоминания, где сам был виноват и губил людей. Тогда стыд поджигает кожу, несмотря на то, что человек сидит один и нет его судьи.

Филат вспомнил мать, забытую в деревне, умершую на дороге, когда она шла спасаться к сыну. Но сын ничем не мог помочь матери — он тогда пас в ночном слободских лошадей и питался поочередно у хозяев. А жалованье — десять рублей в лето — приходилось на осень. Мать увезли с дороги обратно в деревню и там без гроба закопали в землю добрые люди. После того Филат ни разу не был в своей деревне — за пятнадцать лет он не имел трех свободных дней подряд и крепкой одежды, чтоб не стыдно было показаться на селе. Теперь его на родине забыли окончательно, и больше не было места, куда бы добровольно тянуло Филата, не считая дома Игната Порфирыча.

В этот первый снежный день Спиридон Матвеевич сказал, что лошадь надо продать — выручки с колодца нет, а сено дорого. Филат же должен искать себе новое место, а пока может жить на кухне, но харчей не будет — не те времена.

Филат притих. Когда ушел хозяин, он потрогал свое тело, которое доставляло ему постоянную беду от желания жить, и не мог никак очнуться.

Лошадь хозяин повел в деревню сам — и к вечеру вернулся один. Филат обошел круг, по которому топталась лошадь, и почти то же чувство тронуло его, что и в пустой хате на свалке, после ухода Игната Порфирыча.

Филат, ничего не евши, переночевал еще одну ночь, а утром пошел напрашиваться к Макару. Кузница стояла холодная, и дверь ее наполовину утонула в снегу. Макар сучил веревку в сарае и разговаривал сам с собою. Филат расслышал, что: веревка не верба — и зимой растет...

Когда Макар увидел Филата, он и слушать его не стал:

— Хорошим людям погибель приходит, а таким маломощным, как ты, надо прямо ложиться в снег и считать конец света!

Филат повернулся к воротам и, неожиданно обидевшись, сказал на ходу:

— Для кого в снегу смерть, а для меня он — дорога!

— Ну и вали по нем — ешь его и грейся! — с досадой закончил разговор Макар и перевел зло на веревку. — Сучья ты вещь: рваться горазда, а груз тащить тебя нету!..

Филат почувствовал такую крепость в себе, как будто у него был дом, а в доме обед и жена. Он уже больше не боялся голода и шел без стыда за свою одежду. «Я ни при чем, что мне так худо, — думал Филат. — Я не нарочно на свет родился, а нечаянно, пускай теперь все меня терпят за это, а я мучиться не буду».

Дойдя до дома З.В. Астахова, Филат разыскал хозяина и сказал ему о своей нужде. Захар Васильевич слушал обоими глухими ушами и понял Филата:

— Вчерась, говорят, сторож на кладбище умер — сегодня к обедне звонить некому было: ты бы навелся!

Жена Захара Васильевича мыла посуду и услышала совет мужа:

— Да сиди уж со своим сторожем — дьякон сам лазил звонить, — ты с глуху-то ничего не слышишь! Да и сторожа, Никитиш-на говорила, взяли — Пашку-сапожника!

— А? Какого Пашку? — спрашивал Захар Васильевич и моргал от внимания.

— Да Пашку-то! Сестра у него Липка! — кричала жена — Настасья Семеновна. — Мать-то он в прошлом году из могилы раскапывал — волоса да кости нашел! Вспомнил теперь?

— А! — сказал Захар Васильевич. — Пашку? Филат бы громче звонил!..

IX

День еще не кончился, а от туч потемнело и начал реять легкий, редкий снег. Заунывно поскрипывала где-то ставня от местного дворового сквозняка, и Филат думал, что этой ставне тоже нехорошо живется.

Больше нигде Филата не ждали, и следовало только возвратиться к Спиридону Матвеевичу на кухню и натошак переночевать.

Филат подумал, что еще рано: ляжешь — не уснешь, — и пошел на свалку.

Дом Игната Порфирыча стоял одинаково, как и в прошлый год. Только много дорожек к нему по снегу протоптано: то бродили нищие к обедне и к вечерне.

Филат остановился невдалеке: внутрь дома его не пустили бы нищие. Под снежной пеленою ясно вздувались кучи слободского добра, а за ними лежала угасшая смутная степь.

Вдалеке — в розвальнях, по следам старого степного тракта — ехал одинокий мужичок в свою деревню, и его заволакивала ранняя тьма. И Филат бы сел к нему в сани, доехал до дымной теплой деревни, поел бы щей и уснул на душных полатях, позабыв вчерашний день. Но мужичок уже скрылся далеко и видел свет в окне своей избы.

Филат заметил, что в доме кто-то хочет зажечь огонь и не может — наверно, деревянное масло все вышло, а керосина тогда нигде не продавали. Дверь дома отворилась, изнутри раздался гортанный гул беспокойных нищих и вышел человек с пылавшей пламенем сигаркой. Это он закуривал и освечивал окно. Человек с трудом неволил большие ноги по снегу и припадал всем туловищем. Дойдя до Филата, он вздохнул и сказал.

— Человек, сбегай за хлебцем в слободу — я тебе дам шматок — ноги не идут!

Филат оживел и помчался, а нищий присел на корточки, чтобы не мучить ног, и стал ждать его.

Когда Филат вернулся с хлебом, нищий позвал его в хату:

— Пойдем погреться. Я тебе ножиком хлеб поровней отрежу, что ж ты тут один стоишь!

В хате было темней, чем наружи, и воняло ветхой одеждой, преющей на нечистом теле. Филат никого не мог разглядеть — сидело и лежало на полу и на скамейке человек десять, и все говорили на разные голоса.

Нищие уличали друг друга в скрытности и считали — кто сколько сегодня добыл.

— Ты мне не рассказывай, шлюха, я сама видела, как она тебе пятак подавала!..

— А я сдачи дала четыре, плоскомордая квакалка!

— А вот и нет, уж не бреши — женщина повернулась и ушла...

— Ах ты, рыжая рвота, да у меня ни одного пятака нету — вот поди сыщи!

— А зачем ты бублик жевала, сладкоежка? Вот пятака-то и нету, матушка!

— Молчи, вошь сырая! А то как цокну в пасть, так причастие и выйдет наружу!..

И одна женщина поднялась, судя по голосу — молодая и здоровая. Но тут зычно треснул чей-то мужской голос:

— Эй вы, черти-судары, опять хлестаться? Уймись! Свету дождемся, тогда я вас сам стравлю!

— Это все Фимка, Михал Фролыч! Она меня сладкоежкой ругает, что я бублик за год съела! — жаловался тот же свежий голос.

— Фимка! — гудел Михаил Фролыч. — Не трожь Варю: она не сладкоежка — сходит на двор, не увезешь на тележке!

Нищие захохотали, как счастливые люди.

Филат стоял у порога и слушал голос того, кого Варя назвала Михаилом Фролычем. Но больше Михаил Фролыч ничего не говорил.

Вдруг у Филата вспыхнула вся душа, и он без памяти крикнул:

— Игнат Порфирыч!

Нищие сразу замолкли.

— Это что за новый опорошник явился? — спросил в тишине голос Михаила Фролыча.

— Миша, это я! — сказал Филат. — А где же тут Игнат Порфирыч!

Миша подошел к Филату и засветил спичку:

— А, это ты, Филат? Какой Игнат Порфирыч?

Филат ослабел ногами и слышал работу огромного сердца в своем пустом теле. Он прислонился к стене и тихо сказал:

— А помните, мы жили тут втроем зимой?

— Ага, ты про Игнатия спрашиваешь? — вспомнил Миша. — Был такой, да куда-то заховался — со мной его нету.

— А живой он теперь? — покорно спросил Филат.

— Если не лег где-нибудь, то живой стоит. Что он за особенный?

Миша отвечал скупно на вопросы, и Филат начал стесняться спрашивать больше. Скоро Миша лег на пол в углу, подложил под голову локоть и задремал. Филат не знал, что ему делать, и жевал хлеб старого нищего.

— Ложись с нами, молодой человек! — пригласила Варя. — На дворе стыдь наступила. Прихлопни дверь — и ложись. Завтра опять нам ручкой прясть и лицом срамиться. Ох, ты жизнь — мамкина дура...

Варя еще побранилась немного и затихла. Филат прилег боком около Миши и омертвел до белого утра.

Миша поднялся рано — прежде нищих. Но Филат уже не спал.

— Ты куда, Миша?

— Да ведь я по делу, Филат. Вчера пришел — ночевать негде, вот и стал на старом месте. А сегодня я далеко должен быть.

— А где? — спросил Филат.

— До Луневецка должен бы дойти. Там Игнат Порфирыч меня дожидается... Кадеты поперли насмерть — насилу допросился в губернии подмоги.

Миша внимательно запаковал сумку, запахнул шинель и сказал Филату:

— Ну, ты пойдешь что ли? Игнат Порфирыч поминал тебя... Успеем ли их целыми застать — казаки всю степь забрали. Хоть бы отряд не застрял — в губернии обещали сегодня послать. Набрешут идола, — у самих крутовня идет...

Миша подошел к Филату, одернул на нем измятый пиджак и вспомнил:

— Вчерась я тебе ничего не хотел говорить: думаю, на что ты нам нужен. Да проснулся ночью, поглядел, как ты спишь — и жалко тебя стало: пусть, думаю, идет — пропадает человек.

Оглядев место ночлега, чтобы ничего не забыть, Миша тронулся. Филат — за ним и забыл про дверь.

Варя сразу почувствовала холод и от досады проснулась:

— Дверь оставили — чертовы меренья!

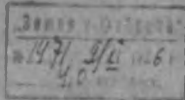
13–24 августа 1927 г.

~~Андрей Платонов.~~
Потомки
Солнца.

Экземпляр рационального
производства литературы.

Содержание:

1. Предисловие: "рабрики литературы".
2. История перья Трокопия Жабрина.
3. Личные изъяснения.
4. Десять Воля, мастер кожаного
ходового устройства.
5. Душевная боль.
Антиискусство.

правое из "Генерального соглашения".

РАССКАЗЫ

«В ОКРЕСТНОСТЯХ ОДНОЙ ТЮРЬМЫ...»

В окрестностях одной тюрьмы — такой же, как наша, — существовал город, населенный равными людьми. Может быть, равные похожие люди произошли оттого, что тюрьма стояла недалеко и давно разутюжила все неровности. Из таких городов состоит весь мир, поэтому земля не только круглая равнина, но и душевная безотрадность.

За свою историю, начатую монастырским скитом, город менял три раза свое имя, но далеко от первого прозвания не уходил. Теперь он назывался Краснозвонск, потому что древний скит был основан на Голубозвонной приовражной горе. В среднее же время — между монастырем и советской властью — город именовался Старозвонным Кутом.

Здесь люди не жили, а проживывали жизнь и находили в ней такой же вкус, как и повсеместно. Просто: дан срок — расхoduй его не спеша, без злобы и напряжения.

Но явился раз в Старозвонный Кут человек, который заволновался и заспешил.

Давно было, но жила та же терпеливая природа и трудилась надращением сирени, чтобы шло вечернее благоухание в мудрые домики, где люди с медленным сладострастием пили чай и дули воздух в блюдце.

Так прошла та забытая ночь, и человек, вошедший в город пешком, проспал ее в бесприютном сквере на нежной дикой траве. Он пришел после зари, и у него не было знакомых.

Утром человек вошел в канцелярию городской управы. Правитель дел прочитал бумагу этого человека и заявил:

— У нас есть два каких-то ученых в этнографическом музее, но он нам прямо не соподчинен — я не правомочен наложить резолюцию.

Проситель возразил, потому что он еще до приема изучил административную схему городских учреждений:

— Как не соподчинен? На схеме от управы к музею идет пунктир!

Правитель дел любил осведомленность об аппарате власти, но никто не мог превозмочь его в этом административном естествознании.

— Вы наблюдали правильно: там пунктир! А что такое пунктир, как не косвенное подчинение, но отнюдь не прямое!

— Тогда наложите мне хотя бы косвенную резолюцию?.. — несмело попросил человек.

— Тогда это будет не резолюция, а отметка инстанции, не содержащая никакой обязательности и потому бесполезная! — разъяснял правитель дел.

— Ну, тогда напишите что-нибудь, чтобы они там почувствовали высший орган губернии! — догадался проситель.

— А, это можно! — допустил такое толкование правитель дел. — Это действительно разумное соображение: наука тоже должна помнить, что она только орган всеобщего государства — и не свыше того! — и положил на бумагу внятные слова, предварительно еще раз прочитав ее:

«В Этнографический Музей. Окажите ученому чину, поименованному в сем удостоверении, посылно возможное содействие в отыскании им расового корня, необходимого Императорской Академии Наук для установления чистоты русской национальности, в целях освежения государственности от приходящих инородных расовых сил.

Прав. Дел. Матушевский».

— Вот! — сказал чиновник. — Все исчерпал!

— Хорошо, — прочитал проситель. — Надо печатать!

Правитель дел полез в карман и вынул особый футляр, где хранилась печать.

Он дунул на лицо герба и со скрытым удовольствием прижал штамп к бумаге.

Проситель оглядел оттиск и нашел его неудовлетворительным:

— Невнятно! — сказал он.

— Внятно и не требуется! — объяснил правитель дел. — Печать — символ, а не чтение!

Проситель успокоился и ушел, храня бумагу.

Этнографический музей помещался в подвале какого-то рыцарского замка. Говорили, что этот дом построила Екатерина, но едва ли верно.

В прохладном сумраке сидел старичок и осторожно переключивал бумаги, проводя их таинственным шепотом.

— Что? — спросил старичок, но не обратил внимания на гостя.

— Читайте! — заявил прибывший человек и прилег от усталости на кипу папок с помертвевшими желтыми бумагами.

Старичок читал отношение полчаса, потом положил его в сторону и продолжал переключивать бумаги, изучая каждую снизу доверху, как говорится — в общем и целом.

Человек поднялся и взял обратно свою бумагу. Тогда старичок сказал:

— Ночевать можно в сторожке у дворника, а в музее нельзя, а бесплатно пищи дать не можем — никак нельзя, сударь! По годовой смете нам положено 83 руб. 47 коп.

Проситель не настаивал на пище и ушел. Ни есть, ни делать ему было нечего. Его заботил большой труд, но начать его сразу трудно, а главное — человек не находил государственного содействия. Старик из музея бесполезен, потому что музея не было, а лежал склад старых бумаг, изживших все архивные сроки.

Посетитель города шел и наблюдал городское устройство. Немного вечерело, и люди шли толпами в поисках удовольствия. В саду общества приказчиков музыканты настраивались на какую-то мелодию, готовые грянуть. Человек остановился около ограды, чтобы послушать музыку, и тут заметил, что навстречу идет утренний правитель дел: ему тоже деться некуда в неслужебное время.

— Отдыхаете, господин ученый? — благожелательно осведомился он. — Воздух у нас божий! Ну как, содействие в музее отыскали?

Человек сообщил про содействие.

— А! — сказал правитель дел. — Я же так и знал — у нас, где нет административной бодрости, там — мощи лежат. А как вы насчет чая, господин ученый? Пойдемте в мою семью: вы человек редкий!

Таким образом, исследователю расового корня вышел ночлег. И от этого получилась впоследствии густая польза для всего научного дела.

Уже через трое суток ученый человек имел на руках бумагу на дальние хутора Вырвины Ямки — и прогонный документ на подводы.

В бумаге приказывалось старосте в один день представить государственному ученому все взрослое население мужского пола, на предмет научного исследования их детородных членов и надлежащего обмера их.

— Матвей Иванович! — прощался правитель дел с ученым. — Я тебе и татар достану, ты не волнуйся! Я осмелюсь доложить губернатору — а он старик глубокий, он сразу осмыслит! Да мало ли у нас татар, мы их по такой надобности — по одному тебе доставим!.. Ах наука — проста и великолепна! До чего дошла? У кого детородник больше — у того и кровостой гуще и разум плотней, тому и власть в руку! Ну ясно, русского мужика никто в этом не превозможет! А возьми ты татарина, возьми ты еврея — мягкие микробы, а не люди! В этом у них металла нет! А у русского — всегда в свежей наличности! Вот смиришь — сам увидишь!..

Матвей Иванович слушал и довольно улыбался: он действительно открыл научный признак расы. Теперь безошибочно можно

определить возраст каждой нации и предсказать ее всемирно-историческую судьбу.

После всех происшествий Матвей Иванович тронулся в Вырвины Ямки. Мужики тогда были привычны ко всякому предписанию закона и покорно отдались в руки Матвея Ивановича. Один только обнаружил любопытство:

— А что, господин доктор, дозвоьте мне спросить, правда, будто государь тыщу мужиков отбирает — французской державе будто подарок живым народом хочет сделать, а то француз ослаб и у него женщина не рожает!

Матвей Иванович сообразил, что подтвердить это народное мнение — самый лучший и успокоительный ответ.

— Ты, братец, верно догадался! По сту целковых одного жалованья дадут, а делать будет нечего — одна любовь и удовольствие!..

— А на сколько времени ехать-то? — расспрашивал дальше мужик. Он хотел тут же установить, годится этот заработок для хозяйства или нет.

— На год! — сказал Матвей Иванович. — Харчи дают казенные и проезд за царский счет.

Тогда мужик согласился:

— Ну, это безбоязно народ поедет! Можно тыщу домой привезти!

Вернулся Матвей Иванович из командировки и естественным образом вжился в городские государственные дела.

Губернатор, прознав про исследование Матвея Ивановича от правителя дел, заключил, что это новое научное поприще и русский народ на нем себя покажет, и велел привести к себе ученого, когда тот окончательно установит превосходство русской национальной силы.

Матвей Иванович возвратился веселым и в одну неделю статистически доказал необходимость великой державы русского народа. Это исходило от величины одного элемента русского тела и сравнения его с таковым же элементом инородцев.

Свое открытие Матвей Иванович доказывал губернатору лично — с цифрами в руках и цветными диаграммами на стене.

— Оригинально и великолепно! — воскликнул губернатор, поняв идею Матвея Ивановича государственно просто. — Ваше открытие, милейший доктор, объективно доказало, что русский народ — это плодородный чернозем, окруженный бесплодным песком инородцев! Благодарю вас — прямо блестяще и оригинально до парадокса! Хотя разве православие не парадокс? А мы живем им! Русский народ всегда жил за счет невероятных сил!

Правитель с тех пор не отставал от Матвея Ивановича, а Матвей Иванович перешел на жалованье в Земскую Управу и семь лет подбивал и уточнял итоги своего открытия.

Каждый год он собирался поехать в Петербург для доклада, но тудился над увязкой цифр и оставался.

Все семь лет Матвей Иванович считался шедевром губернии — и его приглашали на губернские балы для показа местным знаменитым людям. От Матвея Ивановича всегда требовали рассказа о технических деталях своей науки — и он охотно разъяснял эти детали, со всей наивностью и беспристрастием ученого, поскольку речь шла о твердых фактах.

На пятый год жизни в Старозвонном Куте Матвей Иванович женился. Жена ему вышла удачная — некая нелепая толстая девица, но очень добрая от слепой веры в Бога. Это была вторая удача в жизни Матвея Ивановича: до Старозвонного Кута он терпел сплошные бедствия. Третьей и последней удачей Матвея Ивановича был сын — не свой, а приемный, потому что его девица не могла ничего родить. Сына он принял уже взрослого — мальчика лет пятнадцати, кроткого и круглого сироту.

И так впился в жизнь Матвей Иванович, что и через двадцать лет не изнемог, а готовился к новым изысканиям по любимому научному предмету.

Революция тоже его не утравила — он ее взял с разгону, сразу почуяв, где у нее слабое нежное место.

До 1924 года он занимался огородом и Национальной Летописью — выучился свой овощ добывать и исписал 63 фунта бумаги с обеих сторон. Его никто не тронул: для убийства на войне слишком стар, а для белых и красных бесполезен — ученый, средний мягкий человек. Он сам про науку говорил, что она рессора на колесе истории. Старик не докопался, что наука может стать и мертвым тормозом разбега истории, и углем в топке ее паровоза.

Но в последние десять лет жизни Матвей Иванович ослаб, часто плакал и стал каким-то человеком. Что-то тронулось внутри его, потому что он боялся за сына и жену. Но сын сам начал сесть, а для Матвея Ивановича он все больше становился сердечной драгоценностью, и Матвей Иванович относился к нему, как к беззащитному трехдневному существу. Когда сына призвали красные на гражданскую войну, то Матвей Иванович задрожал от ужаса и просил с содроганием всей души:

— Сынок, поклянись мне матерью, что как только явишься на фронт, то сразу спросишь, где тут плен, — и запишешься туда!..

Сын клялся для утешения отца, что своевременно запишется в плен, а на фронте водил броневые автомобили с такой алчностью, что сам хотел забрать в плен весь мир.

Умер Матвей Иванович в 1925 году, пресеченный в своем лучшем намерении. Он представил в свой Губисполком замечательный доклад об учреждении Сексуального Интернационала, где до-

казывалась срочная необходимость такого воспитания людей, чтобы и люди, и вещи, и животные вошли в чувственные страстные отношения, — тогда, думал Матвей Иванович, любовь материализуется и вселенная, наконец, приобретет крепость и вечный мир единого плотного тела.

Доклад был отклонен еще в плановой комиссии, — и великая мечта Матвея Ивановича навсегда замерла, попутно остановив его огорченное идейное сердце. Его жена — бездетная девица — ушла к живым родителям и до сих пор, наверное, вяжет скатерти с инициалами заказчиков в углах; считая петли, она одновременно и безутешно скорбит об усопшем супруге.

<Январь — февраль 1927 г.>

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ (МОПЛ)

(Отчет хроникера)

В Доме Печати 4-го марта 1927 года был оборудован беспримерный вечер:

I. ДОКЛАД ЧИТАТЕЛЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ тов. ИВАНА ПАВЛОВИЧА ВОИЩЕВА О КАЧЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОДУКЦИИ.

II. СОДОКЛАД ЧИТАТЕЛЯ тов. ФОМЫ ГЕОРГИЕВИЧА УХОВА О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МОПЛА.

НА ВЕЧЕРЕ БУДУТ ДОПУЩЕНЫ ПРЕНИЯ С ВЫСТУПЛЕНИЯМИ ИЗВЕСТНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ. ЕСЛИ ОСТАНЕТСЯ ВРЕМЯ, СЛОВО БУДЕТ ПРЕДОСТАВЛЕНО ПИСАТЕЛЯМ.

ПО ОКОНЧАНИИ ВЕЧЕРА — ВЫБОРЫ ВРЕМЕННОГО БЮРО ПО ОРГАНИЗАЦИИ МОПЛА.

Будучи нечитаемым писателем и пишущим читателем, мне было опасно идти на такой вечер. Я чуял предстоящую «классовую» схватку двух социальных великанов, двух полюсов литературного космоса, а сам был желто-розовым — ни читатель, ни писатель: человек за бортом.

Но это оказалось мне на пользу: осужденный на безмолвие на диспуте, я имел возможность выслушать всех.

Вот, буквально, что я увидел и услышал (отсебятину уже выкинул редактор).

Зал был полон самыми невероятными личностями: пришли, наконец, те спокойные люди, фамилии которых редко печатались даже на пишущей машинке, не говоря о плоских машинах, или ротации. Однако, слушая их реплики, я открыл, что это сплошь умные люди. Но чем они занимаются, если ничего не пишут?

За чтение платят редко, значит, авансы и гонорары они получают за какое-то иное, и неглупое, ремесло.

Но сколько должно быть на свете ремесел, если кормится от них такой коллектив благоразумных людей?

Это и был наш читатель, как оказалось впоследствии. Вон тот толстый человек в плотном пальто, с полнокровным лицом, будто натертым огнеупорным кирпичом, оказался докладчиком И.П. Воищевым, а сосед его, все время выпрастывающий шею из воротника, есть содокладчик Ф.Г. Ухов.

Я думал, что они оба бухгалтеры, но первый оказался инженером путей сообщения, а второй — мастером токарного цеха ж. д. мастеровских.

Интеллигенция и — квалифицированный мастеровой.

Весь читательский народ расселся по стульям, а писатели пришли последними и стали у стены. Сошлись все московские знаменитости слова, но из читателей их никто в явное лицо не знал, и поэтому писатели остались стоять у стенок — им никто не предложил стульев.

В точно объявленный час началось заседание. Быстро и хорошо был избран президиум, утвержден регламент — и начало свои действия это беспримерное собрание.

Вышел докладывать И.П. Воищев:

— Граждане! Регулирование производства и потребления год от года все глубже и шире облагораживает и рационализирует нашу жизнь. Все увереннее мы съедаем свою утреннюю булку, зная, что в ней содержатся положенные 200 граммов и что на производство ее пошла надлежащая по качеству мягкая крупчатка. Все чище делается наша совесть и спокойнее наши нервы, ибо мы застрахованы от дважды перестрахованы от воровства и нечистоплотности. Мы знаем, что та же булка изготавливается чистоплотной машиной на кипяченой воде, что пекарь не чихает больше над тестом и не маникюрит в нем своих ногтей.

Но кто заставил эту грязную кухню жизни, эту алхимию производства превратиться в научную лабораторию? Кто заставил антиобщественное, по своей природе, производство, идущее по трупам к своему обогащению, стать моральным учреждением?

Ясно кто, — советское государственное устройство, открывшее вольную дорогу потребительской кооперации. Потребитель, при нашем строе, действительно становится повелителем производства.

Но лишь одна область осталась вне сферы власти потребителя — это литературное искусство.

Прежде всего, что такое литература и нужна ли она нам? Я буду говорить так, как я сам понимаю, а не как меня старались научить книги.

Каждый человек хочет жить не только тем, чем он каждодневно занимается, но и всей общечеловеческой, я бы сказал — общебиологической, — жизнью, торжествующей на земле. Но, не имея практической возможности к такой фактической универсальной жизни, обыкновенный человек заменяет ее суррогатом — чтением. Если вы замените мой термин «общечеловеческий» на «общеклассовый», то понятие станет более точным и современным.

Московское Общество Потребителей

Литературы. — (МОПЛ).

(Отчет хроникера)

В Доме Печати 4-го Марта 1924 года был
организован беспримечной вечер:

I. Доклад читателя советской
литературы тов. Ивана Павловича
~~Иванова~~ ВОИЩЕВА О КАЧЕСТВЕ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОДУКЦИИ.

II. Соподклад читателя тов. Фомы Георгие-
вича УХОВА О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИ-
ЗАЦИИ МОПЛА,

На вечере будут допущены прения
с выступлениями известных читателей. Если
останется время, слово будет предостав-
лено писателям.

По окончании вечера — выборы времен-
ного бюро по организации МОПЛА.

~~9 мая 1924 года вечер в Доме Печати~~

Бюрок не читали писателем и пишущим чита-
тели, мне было трудно идти на такой вечер. Я чувствитель-
ную "классовую" сдвину двух социаловых белых, двух
полтора лит. фатушки космога, а сам был ~~на фат~~
~~на фат~~ ^{на фат} — ни читателем, ни писателем, а только же обрешком.

Но это оказалось мне на пользу: осужденной на безделье
на чтение, я имел возможность болгушать всех.

Вот, что я услышал (отвешивая мне бывший редактор).

Зал был полон самым неизмеримым ~~то~~ количеством:

Хороши, наконец, те спокойные люди, фамилии которых ~~уже~~
~~не~~ печатались даже на пишущей ~~машинке~~ машинке, не говоря
о лоскя машинке или ротации. Однако, сидят их ребята,
я открыл, что это сплошь умные люди. Но чем они
занимаются, если ~~они~~ ничего не пишут?

За чтение платят редко, знают авансы и гонорары
они получают за какое то дело, и мелкое, ремесло.

Но сколько жалко там на свете ребята, если кормятся от тех

Рассказ «Московское общество
потребителей литературы (МОПЛ)». Автограф. ИМЛИ

Когда общество будет так устроено, что сегодня человек слесарь, завтра пилот, а послезавтра завоеватель лунной поверхности, — когда вся его мускулатура, все волокна мозга будут трепетать от труда, тревоги, опасности, впечатлений, творчества и счастья, — тогда я брошу книгу, но мы — деловые люди: если сегодня нам недоступна вся девственность, вся свежесть, все, т. ск., разнообразие жизни, — мы пользуемся суррогатом всего этого пока недоступного добра.

Но точно ли хорошо современная книжка дает нам нужный суррогат недоступной жизни? Не дает ли нам книжка сухостойное дерево, вместо влажного и зеленого?

Возьмем примеры, что вспомним. Вот — «Красная Новь», солидный журнал для интеллигентов. Я интеллигент, я всю жизнь читаю. В этом журнале много месяцев печатается роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Возьмем другое и непохожее с виду «Чертухинский Балакирь» Клычкова из «Нового Мира», возьмем «Цемент» Гладкова, рассказы и повести Сейфуллиной, рассказы Бабеля, сочинения Пантелеймона Романова и почти всех прочих писателей. Я не мудрый по этому делу, но мне кажется, что если я занимаюсь постройкой ж. д. мостов и заведу верхним строением пути, то литература должна заниматься человеком. А литература сейчас занимается не человеком, не антропосом, а человекоподобным, антропойдом, если позволите...

Тут Иван Палыч попил водицы, улыбнулся, прохаркнулся и пошел дальше.

— Берет писатель чудо-человека и начинает его вращать: получается сочинение. Но никак не заметит, что его человек не чудо, не жизнь, а урод, белый мозг и ситцевая кровь. Нам же нужен настоящий человек, т. е. глубокий — человек, душа, характер, мученик подвига, мозга и сердца или дневной обыденности, — нечто искреннее и действительное, иначе ведь не бывает. Да все это известно вам... Я хочу сказать, что читать мы все равно будем, как все равно будем есть. Я из тех, кто старые метрики из-под селедок в 19-м году читал. Но зачем нам читать сейчас то, что нехорошо написано, — не едим же мы сейчас черных лепешек от вокзальных баб, почему же мы, читатели-потребители, не организуем гигиенического и сытного хлебозавода в литературе?..

Дайте нам есть то, на что тянет наш желудок, — долой черные пышки-лепешки! Долой вокзальных баб в литературе! Я еще, гражданин, не остановился на литературе еженедельных и двухнедельных журналов. Но там, за редчайшим исключением, сплошная бледная немочь, там просто хлеб печется из мела на известковых дрожжах... А вообще все мы прикованы к нынешней литературе не чувством очарования, а любопытством к чужому позору.

Затем, вам известно, что многие честные писатели сами поднимали вопрос о реформе литературы. Но, естественно, из этого не вышло ничего доброго. Только читательская потребительская кооперация способна произвести революцию в литературе, — больше никто.

Здесь И.П. Воищев сел. Читатели начали ему аплодировать. Писатели нахмурились.

Прения решили открыть после заслушания содоклада Ф.Г. Ухова. Вышел токарный мастер.

— Товарищи-читатели! Иван Палыч чисто сказал, но не поставил своего слова ребром: до каких пор нам есть сигарки в хлебе, ловить конский волос во щах и вытаскивать глистов из колбасы, — иначе сказать, долой глупое, желтое и неинтересное чтение! Нам нужен писатель — умный и душевный парень. Я требую пользы и доброты от чтения, а мне дают пудру и пыль: прочтешь и ничего не упомнишь, как ветром сдуло! А почему же я Пушкина и Гоголя помню?

Короче говоря, если писатели не хотят писать, чтобы нам интересно и увлекательно было, чтобы я, когда хочу выругать жену, — вспомнил книгу — и не выругал, если граждане писатели этого дела не хотят, то тогда мы сами будем писать, тогда читатель станет писателем, а теперешним писателям мы объявим бойкот: пусть тогда читают читательские сочинения!

Как все устроить практически? А так: мы, читатели, должны организовать Читательский Потребительский Союз, этот Союз будет и нашим издательством, таким образом, мы сами будем издавать для себя книжки и будем издавать только то, что нам нужно и что по качеству доброе. Согласны, граждане читатели?

— Согласны! — крикнуло собрание.

— Тогда приступим к прениям.

Слова попросил Маяковский, но ему отказали: не читатель, после скажешь, и так много наговорил! Стань опять к стене!

Выступавшие ораторы-читатели украшали речи докладчиков совершенно неизвестными фактами и предложениями.

Но все были согласны с докладами.

Некто С.П. Маховицын сказал:

— Граждане! Я вот вам прочту сейчас стишки одного поэта, которого читает моя дочка. Этот поэт и сейчас жив и все пишет и пишет. Вы вот послушайте и тогда скажете, сколь это разумно:

Шол дождь. Полз червь.

Твердь из сырости свивала вервь.

А вот еще:

Бежал в испуге пес голодный;
Яички к животу прижал.
Все человечество есть сон уродов —
И пес рыдал...

Следующим выступал какой-то изобретатель сернокислого сероводорода по фамилии Пугавкин.

— Чепуху прочел т. Маховицын, и недоказательную чепуху. Но литература сама по себе чепуха и не требует опровержения другой чепухой. Предлагаю, ввиду чрезвычайной ответственности жить — все силы обратить на активную жизнь, а созерцательную литературную чепуху ликвидировать немедленно... Иначе нас врасплох захватит космическая катастрофа...

Оратор Чернецов определил литературу как свойство организма, а потому как неизбежное зло, следует только это дело нормировать, механизировать и сделать таким же плавным и покойным, как сердцебиение.

Читатели исчерпали список ораторов. Дали слово писателям. Вышел Маяковский.

— Половина моих произведений — это сочинения умного человека о дураках. Но, побывав у вас, я сожалею, что не все мои произведения посвящены дуракам. Более горьких идолов, чем вы, я еще не видал. Чудаки! Ничего вы не сделаете, даже рекламу о вашем МОПЛе сами не напишете, а меня позовете, и я вам, конечно, удружу это за 2 рубля со строчки.

Но зачем я так хорошо писал всю жизнь? Зачем я трудился для таких иностранцев? И как вы ни урчите, а без нас не продышите! Хотите, я вам сейчас одно свое стихотвореньице прочту. Очень хороший стишок!..

Тут из читательской среды крикнули: брось, сядь, знаем — о хулиганах, о призыве, о борьбе с пьянством, — знаем тебя, халтурщик, сапожник собственной жизни!

Маяковский показал кулак и отошел от греха.

Выходили еще кое-кто, но жалко о них писать: их просто сплюнули с трибуны. Маяковский хоть ругаться и презирать умеет (он 150 000 000 людей насильно приучил к себе!), а эти, кажется, заплакали от обиды.

Вот он читатель-то! Теперь держись, сочинитель! Загодя иди в МОПЛ делопроизводителем! Хотя писатель, по части финансов, не дурень парень, и я потихоньку надеюсь, что он превратит этот МОПЛ в Московское общество помощи литераторам-лодырям.

<Март — апрель 1927 г.>

ВОЙНА

I

Ночной ветер ревел над поблекшей осенней природой. Он шевелил лужи и не давал остынуть грязи. Хорошее узкое шоссе вело на холм, а по сторонам дороги была та безлюдная унылая глушь, какая бывает в русском уезде. День еще не совсем кончился, но дикий ветер нагонял сон и тоску.

Поэтому в усадьбе на холме уже горел огонь — это оружие тепла и уюта против сырой тьмы, гонимой ветром с моря.

По шоссе проехал маленький автомобиль «Татра». В нем сидел одинокий человек. Он небрежно держал баранку руля левой рукой, а правой помахивал в такт своим рассуждениям. Вероятно, он забывал ногой нажимать на газ — машина шла тихо. Только поэтому она и не свалилась в сточную канаву, так как человек иногда и левую руку снимал с руля, резким жестом — обеими руками — подтверждая свою невидимую мысль.

Навстречу мотору росли освещенные окна большого особняка, а с половины холма виднелись сырые поля, фермы, трубы фабрик — целая страна, занятая сейчас скорбной непогодой.

Пассажир автомобиля въехал прямо в открытый гараж и повалил подножкой машины ведро с водой.

Потушив машину, человек пошел в дом и начал звонить. Ему никто не вышел отворять, потому что дверь была открыта, а звонок не действовал.

— Так-с! — сказал человек и догадался войти в незапертую дверь.

Большие комнаты жили пустыми, но все были сильно освещены. Назначение дома поэтому нельзя было определить: либо это зимнее помещение для обучения велосипедной езде, либо здесь жила семья, не оборудованная для жизни в таком солидном особняке.

Последняя дверь, в которую вошел приезжий, вела в жилую комнату. Она была меньше других и пахла человеком. Однако мебели и тут недоставало: только стол и стулья вокруг него. Зато за столом сидела хозяйка — молодая русая женщина, а на столе роскошная, даже ненужная, пища. Так, обыкновенно, начинает кормить себя бедный человек после длинных годов плохого питания.

Женщина ждала приехавшего. Она даже не начинала есть эти яства, лишь слегка отщипывая от них. Она хотела дожидаться мужа и с ним разделить наслаждение обильной еды. Это было хорошим чувством прежней бедности: каждый кусок делить пополам.

Женщина поднялась и притронулась к мокрому мужу.

— Сергей, я ждала тебя раньше! — сказала она.

— Да, а я приехал позже! — невнимательно ответил муж. Налетевший дождь с ветром ударил по мрачному сплошному стеклу огромного окна.

— Что это? — съежилась женщина.

— Чистая вода! — разъярил муж и проглотил что-то с тарелки.

— Хочешь омара? — предложила жена.

— Нет, дай-ка мне соленой капустки!

Женщина с печалью глядела на мужа — ей было скучно с этим молчаливым человеком, но она любила его и обречена на терпение. Она тихо спросила, чтобы рассеять себя:

— Что тебе сказали в министерстве?

— Ничего! — сообщил муж. — Женева провалилась: американцы отменили всякое равновесие в вооружении. Это ясно: равновесие выгодно слабому, а не сильному.

— Почему? — не поняла жена.

— Потому что Америка богаче нас и хочет быть сильнее! И будет! Нам важно теперь качественно опередить ее...

Женщина ничего не понимала, но не настаивала в вопросах: она знала, что муж может тогда окончательно замолчать.

Дождь свирепел и метал потоки, преграждаемые окном. В такие минуты женщине делалось жалко раскинутых по всей земле людей и грустнее вспоминалась далекая родина — такая большая и такая беззащитная от своей величины.

— А как качественно, Сережа? Вооружиться качественно, да?

Муж улыбнулся. В нем проснулась жалость к жене от робкого тона ее вопроса.

— Качественно — это значит, что Англия должна производить не броненосцы и подводные лодки и даже не аэропланы — это слишком дорого и Америка всегда опередит нас. У ней больше денег. Значит, количественно Америка нас задавит. А нам надо ввести в средства войны другие силы, более, так сказать, изящные и дешевые, но более едкие и разрушительные. Мы просто должны открыть новые боевые средства, сильнее старых по разрушительному качеству... Теперь тебе ясно, Машенька?

— Да, вполне ясно, Сережа! Но что же это будет?

— Что? Скажем, универсальный газ, который превращает с одинаковой скоростью и силой — и человека, и землю, и металл, и даже самый воздух — в некую пустоту, в то самое, чем полна вся вселенная — в эфир. Ну, этой силой еще может быть что теперь называют сверхэлектричеством. Это — как тебе сказать? — особые токи с очень высокой частотой пульса...

Женщина молчала. Мужу захотелось обнять ее, но он сдержался и продолжал:

— Помнишь, к нам приезжал профессор Файт? Вот он работает над сверхэлектричеством для военного министерства...

— Это рыжий потный старик? — спросила жена. — У, противный такой! Что же он сделал?

— Пока умеет камни колоть на расстоянии километра. Наверное, дальше пойдет...

Супруги расстались. Муж пошел в лабораторию, занимавшую весь нижний полуподвал, а женщина села к телефону говорить с лондонскими подругами. От усадьбы до Лондона — 22 километра по счетчику автомобиля.

Оборудование лаборатории указывало, что здесь может работать химик и электротехник. Тот, кого женщина наверху называла Сергеем, здесь превращался в инженера Серденко — имя никому неизвестное, даже специалистам.

Если раньше инженер делал открытие, то его находила слава. У Серденко происходило наоборот — с каждым новым изобретением его имя делалось все забвеннее и бесславнее. Ни один печатный листок никогда не упоминал про работы инженера Серденко, только холодные люди из военного министерства все более охотно подписывали ему ассигновки из секретных фондов. Да еще два-три высококвалифицированных эксперта, обреченных на вечное молчание, изредка давали заключения по изобретениям Серденко.

Душа Серденко состояла из мрачной безмолвной любви к жене и обожания России — бедной и роскошной ржаной страны. Именно, воображение соломенных хат на ровном пространстве, обширном, как небо, успокаивало Серденко.

— Я вас еще увижу! — говорил он себе — и этой надеждой прогонял ночную усталость.

Ему давали очень жесткие короткие сроки для исполнения заданий, поэтому он успевал их выполнять только за счет сокращения сна.

Нынче тоже Серденко не собирался спать. Пустынные залы лаборатории были населены дикими существами точных и дорогих аппаратов.

Серденко сел за огромный стол, взял газету и стал размышлять. Он верил, что можно доработаться до такого газа, который будет всеобщим разрушителем. Тогда Америка, с ее миллиардами, станет бессильной. История, с ее дорогой к трудовому коллективизму, превратится в фантазию. Наконец, все кипящее несметное безумное человечество можно сразу привести к одному знаменате-

лю — и притом к такому, к какому захочет владелец или производитель универсального газа.

Серденко чувствовал напрягающийся восторг в своем сердце и, меж исполнением обычных изобретений, постоянно и неутоми-мо думал о своей главной цели.

Что такое тот отравляющий состав, который он испытывал месяц назад? Водные источники будут отравлены, люди начнут умирать от жажды, но ведь возможно и противоядие — обратное действующее вещество! И Серденко уже сам знает его состав.

Вот профессор Файт удовлетворительно может с земли размагничивать магнето у аэропланов. Ну и что же — магнето у моторов можно оградить от действия размагничивающих волн!

Нет! Это бег с препятствиями, а не остановка перед идеалом! Серденко же думал о другом — о боевом средстве, которому нет противника, для которого не найдешь в природе противоядия в течение первых десяти лет. А за десять лет можно окончательно смирить мир.

Ветер на дворе превратился в вихрь и штурмовал беззащитную ночную землю.

Жена инженера спала наверху на узком диване.

Серденко сидел и мечтал, не касаясь приборов.

II

Утро выжило непогоду и украсило небо цветущим солнцем. Земля отвечала сияющему небу влажной блестящей зеленью и тишиной. К первому завтраку приехал князь Маматов.

— Сергей Петрович! Ты, брат, похудел! Что, нездоров, что ли? Ты бы помощников взял — чего ты в одиночку стараешься, — так нынче никто не работает: старый прием! А то быстро выработаются самородные недра твоего таланта!

— Я здоров, Игнатий Капитонович! — ответил Серденко. — Но мне грустно жить на чужом острове! Я на равнину хочу, где весною сирень, а осенью — антоновские яблоки!

Маматов ничего не высказал. Он отвернулся к столику с папиросами и, закуривая, думал, что теперь, дескать, вы все так говорите: а где вы раньше были, когда на фронте — за каждого убитого германца — приходилось платить тремя русскими трупами? Тогда, именно, — думал Маматов, — и была посеяна революция. А теперь ее сам черт не вытравит, разве только новый английский газ, открытый русским беглым инженером!

Маматов считал, что русская интеллигенция, — с ее фантастической влюбленностью в духовные ценности, с презрением к тех-

нике и материальному богатству собственного отечества, — очень виновата в нынешних бедствиях родины. Германия производила инженеров, а Россия поэтов, — в результате: Октябрь 1917 года. Так уверял себя Маматов. Сам он ненавидел людей отвлеченного дела и уважал людей новейшего времени, вроде Форда, Стиннеса, Муссолини и даже Ленина. Полутатарин, он не любил славян, ищущих спасения не себе, а целому миру. Маматов был очень близко связан с английским министерством иностранных дел — исключительно благодаря своему практическому уму, энергии и полной беспринципности. Последним свойством он походил на англичан, которые, как известно, обладают лишь домашней нравственностью, а в мировой политике руководствуются правилом наибольшей классовой и национальной выгоды, хотя бы для этого требовалось умерщвлять целые народы. В свое время, будучи в Париже, Маматов встретил Серденко, которого он знал немного еще по Ледяному походу Корнилова. В Париже Серденко ездил шофером на такси. Маматов имел сведения о Серденко как о выдающемся, редкой талантливости, инженере. Так его расценивал когда-то штаб Врангеля и английский военный атташе в Симферополе Бен-Говер. Своей неприступностью Перекоп во многом обязан способностям Серденко, несмотря на то, что Серденко работал там не по своей специальности — химии, — а как военный инженер.

Маматов снял Серденко с такси, увез в Лондон и поставил на его прямое дело — химию. Сначала военное министерство очень осторожно финансировало опыты Серденко, но потом, когда Серденко заставил в течение суток завянуть и осыпаться свежий июньский парк, военное министерство включило его в список посмертных секретных специалистов. Серденко не знал, что из этого списка вычеркивают только мертвых; живых же, если они пожелают переменить Англию на другую страну, косвенным образом превращают в трупы. Маматов эту историю знал и считал ее признаком мужественной государственной мудрости англичан.

— Сергей Петрович! — обернулся Маматов. — Я за тобой. Сегодня в китайском посольстве нас ждут два китайских военных инженера...

Из усадьбы выехали три человека: жена Серденко не хотела одна оставаться дома. «Паккард» Маматова тянул так, что шоссейный гравий свистел под колесами.

В Лондоне, на набережной автомобиль остановился: толпа богатых людей шла поперек дороги.

— Чего хотят эти люди? — спросила жена Серденко.

Муж ей ответил:

— Сегодня в Америке казнены двое рабочих. Говорят, они были невинны — люди протестуют!

— Протестуй тогда и ты! — искренно сказала жена. Узвезенная из России девочкой, она не могла сердечно ненавидеть большевиков, как другие, потому что не помнила их зла.

Маматов ей ответил за себя и за ее мужа:

— Нас, Мария Альбертовна, не интересует все человечество — это слишком отвлеченно, — мы привязаны только к некоторым людям: в их число не входят эти невинно казненные! — И мужчины не встали с сидений. Только шофер и Мария Альбертовна вышли из машины и стояли на ногах.

Когда поехали, Мария Альбертовна подумала, что в ее муже талант съел человека: он не имел собственной воли и своих взглядов на жизнь, зато хорошо знал фокусы с веществами природы.

У китайского посольства Серденко и Маматов расстались с Марией Альбертовной: она поехала в цирк, а мужчины в посольство. Они немного опоздали — у китайского посла уже началось совещание. Присутствовало немного англичан, совершенно неизвестных даже Маматову.

Обсуждался вопрос об отчуждении Китайско-Восточной железной дороги в полную собственность пекинского правительства. Маматов знал, что нападение уже назначено — нынешнее совещание имело лишь формальные задачи, дабы не обойти китайского посла. Главный же смысл совещания состоял в приглашении специалистов химической войны на север Китая. Маматов подумал, что присутствующие англичане, вероятно, химики из министерства авиации или что-нибудь в этом роде.

Китайский посол освещал перед присутствующими совершенно неинтересные специальные детали: протяжение Китайско-Восточной железной дороги, ее экономическое значение для Северного Китая и прочее. Маматов не слушал и писал записку Серденко:

«С.П.! Учитесь делать политику — она делает современную жизнь. Китайский идол убеждает неповинных людей, чтобы они отняли у Советской России дорогу, а консерваторы решили ее отнять две недели назад — и она будет отнята. Англичане всегда стреляют по двум зайцам и, обычно, попадают в обоих. Вы понимаете? Англия — я не шучу! — нынче промышленно-отсталая страна. Это страна паровых машин. Ей нужна свежая страна для развития современной электрической техники. Вместе с тем мировая экономика тяготеет к берегам Тихого океана. Обоим условиям удовлетворяет Китай. Этому мешают Советы. Они начнут отстивать К.-В. ж. д. После Войкова и внутренних актов белых — Советы дальше не пойдут на мировую — русский народ не потерпит унижения национального достоинства. Большевики это мастерски учитывают. И Россия влипнет в войну с Китаем. Тогда — Англия сумеет отрубить ей там руки, а может быть, и голову, по-

тому что Польша, Эстония и прочие меж двух стульев сидеть не останутся. Поняли? А вас пригласили для специальной беседы с послом, чтобы потом подороже содрать с китайского правительства за ваши выдумки. Но это дело буду вести я».

Действительно, после совещания Серденко имел особую беседу с послом и его военным атташе, в присутствии Маматова. По просьбе посла, Серденко рассказал ему о своих последних работах в области отравляющих веществ, в том числе об универсальном газе — пангазе, способном погасить самый тайфун, а не только бедное тело человека. Серденко несколько увлекся по своей русской привычке — он рассказывал то, что еще сам не вполне обработал, а потом для китайцев этот пангаз — излишняя роскошь — его следует беречь для защиты британских островов. Маматов не одобрял поведения Серденко, но вежливо молчал.

Китайский атташе предложил Серденко вопрос:

— В каких источниках, инженер, ваш пангаз находит свою разрушительную силу?

Серденко придумал простое объяснение — самое понятное по его мнению:

— В разнообразии природы, господин атташе! Если вы сумеете открыть или сделать два совершенно инородных тела — во всех смыслах инородных, — то между ними пойдет настолько бурный процесс уравнивающего взаимодействия, что в прилегающей среде все подвергнется коренному изменению, то есть разрушению. Как видите, это не совсем газ в химическом понимании слова!

— Да, не совсем! — соглашался китаец, продолжая разжевывать быстрые слова Серденко.

Потом Серденко уехал, а Маматов остался. Инженер не вполне понимал, — зачем, собственно, его привозил сюда Маматов, но не стал особо размышлять и поехал в цирк за Марией Альбертовной, которая — для его душевного спокойствия — всегда должна находиться близко.

III

Тайный совет короля заседал второй час. Унылое равнодушие его членов скрывало под собой тревогу.

Чемберлен говорил усталым голосом, убеждая зачем-то уже давно убежденных людей. Его почти не слушали.

— У меня, джентльмены, есть только два аргумента. Они, по моему, вполне достаточны, — тихо докладывал Чемберлен. — Первый аргумент: без плацдарма на Тихом океане путь в будущее для Англии закрыт: именно поэтому этот путь открыт для Америки

и Японии. Сюда же относится то соображение, что полная техническая реформа промышленности на английском острове невозможна. Паровая техника родилась у нас — она нам дала мировое политическое могущество и экономическое благоденствие; она стала фундаментом нашего национального господства; но в нее же ушли наши капиталы, под нее приспособлены наши колоссальные сооружения. История не может не претерпевать прогресса — другие силы природы появились в распоряжении инициативного человека: электричество и химия, главным образом. Но мы уже не можем сломать и заново построить нашу страну. Мы можем только найти новый плацдарм для создания вполне современной промышленности, оставив за родными островами значение умственного, административного и организационного центра. Для лучшего уяснения моей мысли разрешите краткую иллюстрацию. Под самой столицей той самой бешеной страны, которая уже потеряла свое крестное имя России и ныне именуется сложным надуманным понятием. (Ллойд Джордж с места: «вполне точным именем!») В этом я с вами не совсем согласен, уважаемый джентльмен... Под самой Москвой есть предприятия, которые по степени оборудования, по удельной стоимости продукции стоят гораздо выше английских, потому что они построены на пятьдесят-шестьдесят лет позже. Общеизвестны также факты электрификации России.

Плацдармом для приложения нашей национальной энергии может стать на Тихом океане только Китай. Другой страны, обеспечивающей наибольший успех английских промышленных усилий, нет. Остальные страны имеют меньше экономических, естественных и географических плюсов.

Второй аргумент тесно и органически связан с первым: Советы со своего Дальнего Востока могут разложить Китай, так — что он станет абсолютно неусвояемым для внешней цивилизации и невосприимчивым к ней. Это наиболее опасное состояние.

Следовательно, для успешного разрешения моего первого предложения, необходимо начать со второго. Точно выражаясь, для приобщения Китая к английской индустриальной и финансовой цивилизации, следует сначала ликвидировать русские Советы как международную силу.

Отчетливо разбираясь в конечных балансах мировой политики, Советы недостаточно энергично защищали себя в событии с Войковым, чем затруднили консолидацию международных цивилизованных сил.

Вопрос же с отвоеванием Китайско-Восточной железной дороги Китаем с неизбежностью влечет за собой втягивание Советов в китайские дела. Это втягивание не может иметь другой формы, как только вооруженная защита Советами имущества дороги и своего

влияния на ней. Это создает причину для нашей усиленной помощи Китаю, что поведет, принимая во внимание неудобство войны для Советов на Дальнем Востоке, к поражению большевизма.

От осложнений с прочими странами мы гарантированы, чтобы не сказать лучшего. Худшее предположение, что Америка займет противоположную позицию, не сулит ей ничего доброго, так как американцы лишены способности оригинального творчества и лишь копируют и продолжают наши образцы военно-химических изобретений. Оригиналы же создаются у нас. Последние данные о качественном росте наших боевых средств позволяют надеяться, что мы выйдем победителями при любом соотношении международных сил. Отныне направление истории решается не столько количеством людей, сколько техническими средствами в руках немногих одаренных личностей...

Чемберлен закончил. В результате кратких прений, министерству иностранных дел было предложено предпринять необходимые дипломатические шаги на Северном Китае, перепоручив выступления самим китайцам. Одновременно королевский совет нашел желательным усилить многообещающие работы инженера Серденко с пангазом, о чем на прошлом заседании докладывал военный министр.

После этого джентльмены выехали к очагам и каминам в собственные особняки, уважая господ-бога и день покоя, им сотворенный.

IV

Каждое воскресенье, в солнечное утро слесарь Отчев имел удовольствие брать за руку пятилетнего сына и идти с ним в ближний сквер. Там мальчик копался в песке, а Отчев покупал газету и погружался в воображение событий. Начинал он всегда с передовой статьи и кончал типографией, где печаталась газета. Воскресная ранняя Москва представляет явление редкой прелести. Тишина, чистота, солнце над старинными домами и одинокие автомобили с энергичной песнью моторов. Жизнь только заводится, нагнетается силой и отдыхом и не взяла еще скорости. А с подъемом часовой стрелки улицы делаются гуще, звуки механического транспорта волнуют нервы пешеходов, люди, вышедшие из дома без дела, начинают спешить и попадают в такие места, куда не стремились. Вырваться из человеческого напряженного движения труднее, чем покориться ему.

Но когда рано — Москва недействительна и можно ощущать косность всей природы под деревом бульвара.

Отчев иногда прикрывал глаза и вдумывался в газетную фразу.

«В один непрекрасный день все может полететь к черту, а социалистическое строительство подвергнется огненному испытанию... Но империализм сгорит в том самом костре войны, который он сегодня раздувает. Будем готовы, терпеливы в труде и терпении и мужественны в битве, когда наступит решающий час».

— Да, дело будет крутое! — согласился с газетой Отчев и позвал мальчишку чай пить.

Дома жена наспех стирала детские рубашонки, чтобы успеть к десяти часам на свое делегатское собрание.

— Читаешь про войну? — спросил жену Отчев. — Ты, наверно, теперь совсем из дома пропадешь и в монахини Осоавиахима пострижешься!

— В монахини не пойду, а коммунисткой останусь! — заявила жена, улыбаясь.

— Мальчишка скучает... А мне одинаково. Только ты, когда в люди выйдешь, семью забудешь! — покорно высказался муж.

— Ты, Никанор, совсем отстал. Трудно тебе объяснить даже, — по-твоему, коммунистка — не мать и не человек...

— Где мне?! — печально отрекался Отчев от своего достоинства. — Я человек сырой, а ты дистиллированная баба... Только все ваше дело ни к чему — у них страшные газы и тучи аэропланов, а у вас одна пролетарская сознательность. Голова против молотка не устоит!..

Отчев относился насмешливо ко многим советским затеям. Работая на большом дизеле, он привык уважать мощь машины, железное могущество, а не человеческую головную сознательность. Затем он не представлял, к чему ведет это обучение женщин санитарному делу, обращению с противогазами, пальба из винтовок и прочая мелочь. Ведь война будет вестись таинственными машинами, свирепыми газами и высокими аэропланами. За каким чертом стараться быть метким стрелком, санитаркой или еще чем-нибудь? Война становится штатским делом — ее решает не столько генерал, сколько ученый и инженер. Воевать будут не армии, а заводы и лаборатории.

Начитавшись технических журналов, Отчев улыбался чудачкам из Осоавиахима и отстранял себя от участия в этом липовом деле.

— Полтинник дать на аэроплан я могу — аэроплан вообще вещь, но ходить на собрания, заниматься вашим сухостойным делом я не буду!..

Так говорил Отчев всем проповедникам обороны и предпочитал играть по вечерам с сыном.

Жена ему не раз говорила:

— Смотри, Никанор! Если так будут поступать все, то в Советской России все дети останутся сиротами. Я не меньше твоего люблю сынишку и знаю, что делаю!

Отчев сердился:

— У них же техника плюс богатство и культура, чучело! Зачем я буду кулаком владеть учиться — я и так могу!

— Дурак, техникой управляет человек! Человек решит дело, а не машина! Поэтому мы готовим человека, а они машину...

— Эх, ты куда всплываешь! Мы бы и рады машин и газов готовить, да подтяжки у нас жидки! А новейшие автоматы действуют безо всякого человека, — бог даст, увидишь и почувствуешь на своей хребутине! Войну решит изобретатель и машина, а не толпа хороших людей!..

— Ну, ладно, ладно — вот посмотрим! — переставала спорить жена.

— Посмотрим! — соглашался Отчев. — Ты, Варюшка, думаешь, если кухарка управлять государством может, то и любую науку под юбку спрячет? Шалишь — учиться нужно, а потом зазнаваться!

— Ладно, ладно! — не обижалась жена. — Сколько таких умников бывало в семнадцатом году, а вышло — видел как: не по-умному, а по-мудрому!

— По-мудрому? — издевался Отчев. — Дезертиров набрали да и шлепнули по пустому распутиному месту! Вы вот теперь на ногах удержитесь, когда отравы с неба польется!..

— Устоим, Никанорушка, устоим, милый! А не устоим — и ты не зацарствуешь: в одну могилу все ляжем! — кратко говорила жена. Отчев задумывался:

— Ясно, я тоже не чужой человек!.. Что случится — от всех не отстану и кого следует насмерть хвачу!..

V

Случилось весною — в почках наливалась теплая настойка, а в людях крепость мужества — Китайско-Восточную железную дорогу захватили пекинские чжан-цзолиновские войска.

Советские представители на дороге были ликвидированы пулями. Десять тысяч вооруженных русских белогвардейцев перешли советскую границу. Пограничники, усиленные отрядами комсомольцев и коммунистов, встретили белых таким образом, что пулеметы и винтовки их нагрелись, а тела остыли. Зато белых вступило на советскую землю уже только семь тысяч. Но кого не засекали пулеметы, тех добились советские аэропланы, — они открыли белых в степи и там прикончили их бомбами.

Тогда советскую границу начали отжимать на север регулярные китайские войска.

«Бикфордов шнур войны подожен Англией — она же первая почувствует, что на другом конце шнура — империализм. Теперь никому не удастся погасить горящую змею фронтов — теперь, наоборот, взорвется и то, что, при других условиях, мирно сошло бы!»

Такие слова читал Отчев в центральной газете и немного скорбел от ожидания ужаса.

— Хотя, черт ее знает! — утешался он. — Если не перекрошить овощ и не поджечь под ним огня — никогда супа не сварить! Так и теперь: переварится мир еще раз на адовом пламени войны — может и получится коммунистический навар!

Жена Варя пылала от возбуждения опасностью и тройне любила мужа и сынишку. Отчев считал, что она наверно собирается трогаться на войну — вот и танцует меж сыном и партией: все-таки она женщина и мать, а не только пролетарский человек. Но Отчев знал, что никому не вырваться из пучины войны и сердечная жизнь людей исчезнет на долгое время.

VI

22-ого мая, в час заводских гудков, голубая высота Москвы мерцала солнцем, радостью и миром. Еще никому никогда не надоедало это ежедневное летнее зрелище. Но когда тихая высота запела тягучей и напряженной песней летящих моторов — людям показалось, что эта песня уже надоела.

Одиннадцать аэропланов стремились против невидимых с земли воздушных потоков; нежные и бесстрастные, они не грозили, а торжествовали.

С аэродрома Троцкого раздался залп зенитных орудий, как один подземный удар. Аэропланы не дрогнули. Дым снарядов лег тающим облаком ниже их. Сейчас же пятнадцать советских аэропланов отбыли в воздух и почти вертикально начали забирать высоту.

Одиннадцать аэропланов неизвестной страны без ответа продолжали уходить на восток, не позволяя догнать себя советским самолетам ни в скорости, ни в высоте.

Обратно советские аэропланы прибыли поздно ночью и снизились под прожекторами. Неизвестные аэропланы не оказали сопротивления и оставили пределы советской республики.

Такие безмолвные налеты на советскую землю за последний месяц случались уже не раз, но Москву иностранные летчики посетили сегодня впервые.

Советское правительство особой нотой предупредило европейские государства, что неизвестные воздушные эскадрильи будут обстреливаться из зенитных орудий. Однако нота не помогла — воздушная разведка безымянного врага продолжалась, а европейские страны ответили через дипломатов и газеты, что им неизвестны владельцы аэропланов, парящих над советской территорией.

Советская страна была давно на ногах и отчетливо понимала необычайную тактику противника. На Дальнем Востоке, на границе Маньчжурии, уже гремела война Советского Союза с северным империалистическим Китаем. Советским республикам не столько был страшен северный, начиненный английским снаряжением Китай, сколько трудно доставать его длинной рукой — из советских промышленных центров в пустынных глубинах Азии.

Нанкин и Шанхай были уже куплены империалистами: как только осветился Дальний Восток боевым артиллерийским огнем, так замолчали пушки Южного, некогда революционного Китая. Южный Китай предпочел освободить руки Северу для борьбы с большевиками и замолк в нейтралитете.

Иногда Красной Армии, действовавшей на Дальнем Востоке, сдавались без выстрела полки китайцев. Один раз пришел под красным флагом с мертвыми офицерами бронепоезд. Это доказывало, что даже на Северном Китае существует скрытая теплота революции.

Отчев думал и говорил жене, что на днях надо ожидать войны с Польшей и Румынией. Но жена не верила.

— Да как же так! — волновался Отчев. — Сейчас им самое милое дело: мы на Дальнем Востоке заняты, а тут бы нас и шлепнуть с запада — тогда успевай только поворачиваться!

Жена опять не соглашалась:

— Ничего ты не понимаешь! Давно бы уже нас утробили, да на тыл не надеются! Понял? Поэтому-то и пускают аэропланы без знаков — ждут, что свой народ на это скажет! Заволнуются рабочие — подождут посылать аэропланы и скажут — это не наши аппараты, а смолчат — заставят самолеты бомбы кидать! Вот увидишь — так и будет!

— Черт его знает — никто такой войны не ожидал! — вздохнул Отчев. — Конечно, за каким дьяволом им выпускать армию — того и гляди большевикам сдастся — у них техника богатая! А при хорошей технике народу много не надо — офицеров хватит...

Через неделю Отчев узнал из газет, что в Англии спешно уничтожается безработица — пускаются даже старинные невыгодные предприятия и учрежден особый Королевский фонд для выдачи пособий. Рабочих же, догадавшихся о смысле такого подкупа и бунтовавших на демонстрациях, высылали из страны по новому закону

в одни сутки. Профсоюзы одновременно исключали таких рабочих из состава своих членов. Поэтому революционеры выбрасывались тысячами на голодный воздух.

Жена вечером тоже прочитала это сообщение и посерела лицом.

— Теперь война будет обязательно — они не боятся народа и подкупили его!

— Вот тебе раз! — огорченно сказал Отчев. — Тогда расставаться нам придется — ведь ты на фронт сразу уйдешь?

— Да, Никанор, — подтвердила жена. — Перетерпим как-нибудь — скорей конец всему будет, — тогда заживем! И так они нас томили долго: теперь по-честному вдаримся насмерть!

Из газет, однако, выходило, что революция в Европе уже началась. Безымянным аэропланам над Советским Союзом европейский пролетариат дал имя и сообразил, что это имя можно зачеркнуть только крупными буквами революции. Но пролетариат тоже раскололся — часть его срослась с буржуазией, зато другая живая половина сразу почувствовала мускулатуру в теле и голову на плечах.

Отчев усердно расспрашивал жену, что говорят ее товарищи из партии.

— Надо разгромить буржуазию — вот что говорят! — сообщала жена. — Пора кончать играть в жмурки!

В этот же вечер Отчев читал вслух жене интересную книгу — о том, как пойдет жизнь на земле, если капитализм останется навсегда. В книге говорилось, что техника стала настолько грозной силой, что только человеческое социалистическое общество может безопасно владеть ею: для капитализма же такая техника неминуемо станет средством казни угнетенных людей, а впоследствии — орудием самоубийства.

Отчев перестал читать, потому что в ночном окне засияло северное сияние.

VII

Утром «Правда» писала:

«Сегодня ночью над Москвой появились два аэроплана. Сброшенные ими бомбы дали сильные атмосферные разряды электричества. В результате, зелень в столице и окрестностях завяла. Очевидно, электрические бомбы были рассчитаны на более сильный эффект, но его почему-то не получилось. Действие бомб вызвало свечение атмосферы, похожее на северное сияние. Принятыми мерами один из самолетов противника удалось повредить и снизить. Летчик и наблюдатель застрелились. Никаких документов при них

не оказалось. Самолет имел оригинальную конструкцию, не позволяющую его отнести к типам, действующим в иностранных армиях. Ведется специальное исследование аппарата противника, чтобы точно установить его происхождение. Но каков бы ни был результат этих изысканий, сомнений в имени нашего противника нет и имя это известно всем. Запаса электрических бомб на самолете не обнаружено».

В тот же день прилетела новая эскадрилья самолетов. Москва их ждала и встретила огнем зенитных батарей и сотней советских аэропланов. Над самым Кремлем загудела пропеллерная выюга и засверкал огонь пулеметов. Обладая высотными моторами, самолеты врага забрали почти недостижимую для прицела с земли высоту, все время уклоняясь принять атаку советских самолетов.

В два часа Москва объялась облаком тяжелого газа: вражеские самолеты в первый раз бросили газовые бомбы. Людям показалось, что даже кости в них загорелись — и всякий, вдохнувший в себя газ, лег на землю в предсмертном забвении. Более заботливые забились в подвалы, надели противогазы и кое-как терпели, но видели, что даже воздух снедается горящим чадом.

Сквозь тьму наползающего газового потопа глухо били зенитные батареи, защищая столицу от новых воздушных эскадрилий противника.

VIII

Маматов сообщил Серденко, что электрические снаряды Файта осрамились: они хорошо светят и плохо травят, а надо из России просто вытравить всех людей — и как можно скорее, потому что Россия переходит от обороны к нападению; люди теперь не ценны: важны естественные богатства и техническое оборудование; первое в России останется, а второго никогда не было.

Не имея времени для полного испытания своего пангаза в лаборатории, Серденко вылетел на боевом самолете в Россию, чтобы испробовать газ непосредственно на живой практике.

Маматов наговорил в военном министерстве чудеса про газ Серденко. Он обещал экстренно истребить страну этим газом — скорее, чем забастуют английские рабочие. Тогда частично можно газ применить и на английской территории. Страх же смерти сильнее классовой солидарности — в этом и есть решение всех революций. Кто владеет оружием страха и смерти — тот владеет историей и событиями.

Доводы Маматова казались убедительными — и с ним соглашались в военном министерстве.

Английские газеты не скрывали, что Россия умеет героически погибать. Все бедные средства ее напряжены, люди организованны и мужественны — особенно в больших городах, — и смерть встречается с упорством и без жалобы.

Газеты приуменьшали силу обороноспособности советской страны. Они не отмечали необычайную меткость противозащитной артиллерии, благодаря которой иногда возвращалась лишь половина посланных самолетов. Они молчали, что много аэропланов Англии снижено советскими летчиками почти без повреждения и что авиационные английские базы в Польше, Эстонии, Литве и Финляндии пылают от советских зажигающих бомб.

Маматов считал все эти дела предисловием — он ждал известий от Серденко.

И дождался. Но только от советской прессы, а не от самого Серденко.

«Известия» писали:

«В районе Тулы снизился сбитый советским самолетом английский бомбовоз НН8. Летчик и пассажир — инженер Серденко, русский белогвардеец, — захвачены живыми. При них оказались две газовые отравляющие бомбы. Институт химических исследований в Свердловске, проверивший действие найденных на НН8 бомб, установил, что газ, которым заряжены бомбы, не действителен в боевом смысле. При соединении с воздухом, этот газ вызывает настолько сильную отравляющую реакцию, что в первую очередь “отравляет” себя, т. е. переходит в другое химическое тело, безвредное для жизни. Поэтому боевое действие нового газа равно нулю, а научное значение остается весьма большим. Инженер Серденко предложил свои услуги Советскому правительству. В этом ему отказано, но жизнь его сохранена. Летчик-офицер расстрелян как бандит, ибо та страна, которую он представляет, официально не объявляла Союзу войны».

Ночью Маматов повесился в номере лондонской гостиницы и даже оставил всепрощающую записку. Таким путем английская контрразведка возместила фунты стерлингов военного министерства, потраченные на содержание и опыты инженера Серденко.

IX

Советское правительство еще не превращало войны из оборонительной в наступательную и не трогало своими армиями границы соседей. Но когда соседние страны превратились в базы английской воздушно-химической войны, когда из советских республик целыми городами вытравлялось население — надо было или нападать и спасаться или погибать.

Только тогда Красная Армия была пущена на запад и пограничное ожерелье белых государств было смято в течение недели.

Красноармейцы, приведенные в неистовое мужество английскими способами ведения войны, шли лавой и не знали поражения. Их можно было перегнуть, но возвратить нельзя. Первая дрогнула Польша и подняла рабочее восстание в Лодзи.

Но было поздно — вслед Красной Армии бросилась спасаться вся советская страна, беспрерывно и губительно отравляемая с воздуха. Целый народ покидал родину, сбивая впереди себя враждебные страны тараном Красной Армии.

Вокруг советского потока намазывались слои разноплеменно-го пролетариата, только теперь понявшего то, что буржуазия хотела сделать с советской республикой и может сделать с ними.

Так — нарастающим всемирным народом, Красная Армия, добровольцы, советские беженцы, поляки, литовцы, немцы, — советская республика на ногах перешла Германию и преобразилась в страшную силу. Следом за людским потоком уничтожались границы, и трепетало знамя рабочей революции.

Консервативное правительство Англии потеряло власть. Правительственная газета писала:

«Слишком поздно. Мы вытравили зверя революции из его клетки. Теперь он загрызет весь мир. Мы хотели лишить его $\frac{1}{6}$ суши — он завоюет $\frac{6}{6}$. Советы затопляют поверхность земли, и Ламанш, отделяющий нас от большевистской стихии, свирепствующей на материке, слишком узок для безопасности. Россия растет на глазах и превращается в земную вселенную. Никакой мудрец не может сказать, что это — всемирная судьба или ошибка международной политики нашего бывшего консервативного правительства. Самая техническая слабость Советов теперь превратилась в их силу и в средство победы».

<Август — сентябрь 1927 г.>

НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

(Святочный рассказ к 10-й годовщине)

Циркуляр гласил нижеследующее:

«Приближающуюся 10-ти летнюю годовщину Великой Октябрьской Революции как Всемирно-Историческое Событие надлежит ознаменовать соответствующими надлежащими мероприятиями. Не внося предварительных предложений и не предрешая форм необходимых мероприятий, мы всецело предоставляем изыскание таковых форм инициативе служащих масс вверенного нам ведомства; однако, предложения должны быть завизированы завами соответствующих отделов, в котором сотрудник, вносящий предложение, числится по штату, и затем переданы Нач. АФУ для систематизации и переданы мне на утверждение.

Пред. Правления Электрофлюидсиндиката Ф. Кроев.

Нач. АФУ И. Месмерийский.

Зав. Орг. Отд. Завын-Дувайло».

Служащие массы, получив под личные расписки текст циркуляра, одновременно задумались. Многие тотчас же рапортовали, что их мышление вращается в кругу мероприятий, предусмотренных операционным планом на 1927/28 год, а так как в плане 10-летний юбилей Октября не обозначен, то и мысль невозможно направить по линии внепланового задания, а посему нижеподписавшийся не имеет предложений. Но иные служащие, принятые вне биржи труда, озаботились и стали вносить предложения, чтобы укрепиться на служебных постах.

Сначала почти все инициаторы посетили товарища Завын-Дувайло на предмет справки: подлежат ли предложения оплате установленным гербовым сбором или нет, а также — на скольких страницах допустимо писать предложения.

Получив точные разъяснения, инициативные служащие сели писать — конечно, дома, чтобы не занимать служебного времени.

Через 2 недели, к указанному в циркуляре сроку, тов. Месмерийский приступил к предварительной читке поступивших предложений. Некоторые из них он отдал мне — «для отжатия смысла и составления оценочного резюме», как приказал мне тов. Месмерийский. В порядке поступления, я публикую некоторые предложения, для получения их гласного одобрения. Эти предложения я сократил, отжав смысл из бумажных пространств и выбросив рево-

люционные тропари, неизбежно предшествовавшие каждому предложению (как будто их составители были на заметке у ГПУ и усердно реабилитировали себя).

«...Сосчитавши героев Октября, я подвел итог и у меня вышло 147 человек, что для 1/6 части мирового пространства обидно мало. А потому, а также вследствие... я был бы рад, если бы соответствующие ведомства, напр., Наркомвнудел, ЦСУ, Наркомвоенмор и др., завели книги учета выдающихся деятелей революции по всем советским линиям... дабы в будущем составить единый том с перечнем всех героев и утвердить его вышестоящей инстанцией. Затем том героев опубликовать вместе с фотографиями и факсимиле — для всеобщего почитания трудящимися массами. Такой труд был бы великим достижением, наряду с Днепростроем и прочими гигантскими масштабами... Секретарь общего п/отдела Орготдела Адм.-Фин. Управления Е.С. Несваринов».

«...Товарищ Никандров, будучи чистым Новороссийским пролетарием, до подобия похож на великого вождя В.И. Ленина. Эта косвенная причина послужила обстоятельством для его игры в знаменитой картине “Октябрь” режиссера туманных картин т. Эйзенштейна. Имея в виду необходимость широкого ознакомления пролетариата с образом скончавшегося вождя, а мавзолеей в Москве не может обслужить всех заинтересованных, я предлагаю... учредить особый походный мавзолей, где бы тов. Никандров демонстрировал свою личность и тем восполнял существенный культурный пробел... От сего трудовой энтузиазм и преданное рвение в народе возвысятся и поездки тов. Никандрова самоокупятся... Делопроизводитель Отдела заказов Х. Вантуг».

«...Особым торжественным законодательным актом организовать на пространстве Союза 10 революционных заповедников, в коих бы и собрать атрибуты и живых участников великих событий — для вечного показа потомкам и поучения их. Следовало бы открыть такие ревзаповедники на Перекопе, в Самаре, Ярославле, в Донских пунктах, в Ленинграде и прочих местах обширного соцотечества. Атрибуты и живые участники должны состоять в нетронутом и естественно-героическом покое... Зав. п/отделом ликвидации убытков Ф. Арчаков».

«...Срочно организовать всесоюзную архивную кампанию, с целью отыскания замечательных документов эпохи, с последующим преподанием их публике в напечатанном систематическом виде. Для успешного проведения кампании привлечь учащих, красноармейцев и безработных, а также комсомольцев в их, имеющих в виду быть, субботник... Старш. архивариус синдиката Родион Маврин».

«...Художественно начертить схему диктатуры пролетариата — от председателя Всесоюзного Съезда Советов вплоть до батрака и лесоруба. Заключение же, беспризорников и частников связать с общей схемой пунктиром... Схему выставить на радиомачте станции Коминтерна и осветить прожектором со склада синдиката... Чертежник Проект-бюро Ч. Плюрт».

«...Всем союзным женщинам надо сшить по одной варежке беспризорным, только сговориться, чтобы они не пришлись на одну руку. Машинистка О. Становая».

«...Добиться всесоюзного радостного единодушия, посредством испускания радиоволн, и организовать взрывы счастья с интервалами для заслушания итоговых отчетов... Счетовод А. Зверев».

«...Спеть одновременно под открытым небом всем Союзом Социалистических Народов “Интернационал” — в полтора миллиона голосов с лишним. Я полагаю, его услышат даже китайцы и лорд Чемберлен. Пускай это будет обедня Всемирной Революции и задрожат анафемы капитала. Кассир Г.Л. Латыгин, быв. комроты Туркестанской Краснознаменной дивизии особого назначения».

«...Раньше, бывало, ходят так называемые странники: висит у них на животе кружка, на кружке живописная картинка, а в кружку люди кладут пятаки и любую разменную монету — по желанию. Так и строились кафедральные соборы. Так нужно и теперь. Надо раздать кружки нашей полухулиганящей молодежи, над кружкой поместить четкие чертежи Днепростроя и Волго-Дона — с красочной перспективой экономического благополучия — и пустить молодцов по советским странам. Через год — к 11-ти летию — мы бы одной меди набрали на индустриализацию миллионов триста... Инструктор межрайонной торговой периферии синдиката И. Жолнеркевич».

«...Энергию крымских и всяких прочих землетрясений употребить для неотложной электрификации тех же мест... Лифтер Порежин».

«...Вывесить загодя высокий флак, а ходить по грязям толпой не нужно. Пушай люди лежа полежат хоть в десятый год. Рассыльный М. Крестинин».

Эти и прочие мероприятия, надлежаще сведенные мною в единое и общее целое, пошли к тов. Месмерийскому.

Означенный начальник ознакомился с папкой предложений лишь как с вещью, а не как с содержанием смысла, и выразился общей резолюцией:

«Пред. Правления Синдиката. Для непосредственного соответствующего распоряжения, т. к. дело относится к политическим мероприятиям».

Предправления тов. Кроев продержал папку четыре недели, и так и не мог ее прочитать — от занятости текущими делами.

Начал падать снег — приближался ноябрь вместе с годовщиной.

Тов. Месмерийский направил меня к тов. Кроеву — для напоминания о праздничных мероприятиях. Через 2 дня я был принят и заявил у стола председателя:

— Тов. Кроев, прочитайте всю массу предложений — там есть существенные мероприятия...

— Да? — спросил т. Кроев, удивившись, что его сотрудники могут предлагать что-то существенное. — Что же, сделаем что-нибудь... Я, знаете ли, уже читал предложения. Что, не ожидали? Прочитал. Все мероприятия стоят миллиард — я прикидывал. Взять из них одно — рассыльного: вывесить флаг... Надо попостней, чтобы вышло поэкономней... Вот. А папку возьмите — отдайте в архив...

Затем папка с исходящим номером вошла через входящий журнал в архив — к тов. Р. Маврину. Тот ее аккуратно занумеровал большим номером вечного покойника и положил в отдел «Оргмероприятия». При составлении ведомости достижений Синдиката к 10-й годовщине Октября — работа архивариуса была надлежаше учтена в графе «нагрузка аппарата»: 20 000 дел плюс одно!

16 октября 1927 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ

Пожилой человек любил транспорт наравне с кооперативами и перспективой будущего строительства. Утром он закусывал вчерашней мелочью и выходил наблюдать и наслаждаться. Сначала он посещал вокзал, преимущественно товарные платформы прибытия грузов, и там был рад накоплению товаров. Паровоз, сопя гущей своих мирных сил, медленно осаживал вагоны, полные общественных веществ: бутылей с серной кислотой, бугров веревок, учрежденской клади и необозначенных мешков с чем-то полезным. Пожилой человек, по имени Петр Евсеевич Веретенников, был доволен, что их город снабжается, и шел на платформу отправления — посмотреть, уходят ли оттуда поезда в даль республики, где люди работают и ожидают грузов. Поезда уходили со сжатыми рессорами, столько везли они необходимой тяжести; это тоже удовлетворяло Петра Евсеича — тамошние люди, которым назначались товары, будут обеспечены.

Невдалеке от станции строился поселок жилищ. Петр Евсеевич ежедневно следил за ростом сооружений, потому что в теплоте их кровя приютятся тысячи трудящихся семейств, и в мире, после их поселения, станет честней и счастливей. Покидал строительство Петр Евсеевич уже растроганным человеком — от вида труда и матерьяла. Все это заготовленное добро, посредством усердия товарищеского труда, вскоре обратится в прочный уют от вреда осенней и зимней погоды, чтобы самое содержание государства, в форме его населения, было цело и покойно.

На дальнейшем пути Петра Евсеевича находился небольшой, уже использованный сельской общественностью лес, лишь изредка обогащенный строевыми, хотя и ветшающими соснами. В межевой канаве того малого леса спал землемер; он был еще не старый, но изжитый, видимо, ослабевший от землеустройства человек. Рот его отворился в изнеможении сна, и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера и оздоравливал его там, чтобы тело вновь было способно к землеустройству пахарей хлеба. Человек отдыхал и наполнялся счастьем попутного покоя; его инструменты — теодолит и мерная лента — лежали в траве, их спешно обследовали муравьи и сухой паучок, проживающий от скупости всегда одиночно. Петр Евсеевич нарвал травы, среди ее канавного скопища, оформил ту траву в некую мякоть и подложил ее под спящую голову землеустроителя, осторожно побеспокоив

его, чтобы получилось удобство. Землемер не проснулся — он лишь простонал что-то, как жалобная сирота, и вновь опустился в сон. Но отдыхать на мягкой траве ему уже было лучше, — он глубже поспит и точнее измерит землю; с этим чувством своего полезного участия Петр Евсеевич пошел к следующим делам.

Лес быстро прекращался, и земля из-под деревьев переходила в овражные ущербы и в еще не сверстанную череполосицу ржаных наделов. А за этой рожью жили простые деревни, и над ними — воздух из жуткого пространства. Петр Евсеевич считал и воздух благом — оттуда поставлялось дыхание на всю площадь государства. Однако безветренные дни его беспокоили: крестьянам нечем молоть зерно, а над городом застаивается зараженный воздух, ухудшая санитарное условие; но свое беспокойство Петр Евсеич терпел не в качестве страдания, а в качестве заботливой нужды, занимающей своим смыслом всю душу и делающей поэтому неощутимой собственную тяжесть жизни. Сейчас Петр Евсеевич несколько волновался за паровоз, который с резкой, задыхающейся отсечкой пара, доходившей до напряженных чувств Петра Евсеича, взволакивал какие-то грубые грузы на подъем. Петр Евсеевич остановился и с сочувствием помощи вообразил мучение машины, гнетущей вперед и на гору косность осадистого веса.

— Лишь бы что не лопнуло на сцепках, — прошептал Петр Евсеевич, сжимая зубы меж зудящих десен. — И лишь бы огня хватило, ведь он там воду жжет! Пусть потерпит, теперь недалеко осталось...

Паровоз со скрежетом бандажей пробуксовывал подъем, но не сдавался влипающему в рельсы составу. Вдруг паровоз тревожно и часто загудел, прося сквозного прохода: очевидно, был закрыт semaфор; машинист боялся, что, остановившись, он затем не возьмет поезда в упор подъема.

«И что это делается, господи боже мой!» — горестно поник Петр Евсеич и энергично отправился на вокзал — рассмотреть происшествие.

Паровоз дал три свистка, что означает остановку, а на вокзале Петр Евсеевич застал полное спокойствие. Он сел в зале третьего класса и начал мучиться: «Где же тут государство? — думал Петр Евсеевич. — Где же тут находится автоматический порядок?»

— Щепотко! — крикнул дежурный агент движения составителя поездов. — Пропускай пятьдесят первый на восьмую. Сделай механику и главному отметку, что нас транзитом забили. Ты растаскал там цистерны?

— Так точно, — ответил Щепотко. — Больше пока ничего не принимайте — мне ставить некуда. Надо пятьдесят первый сработать.

«Теперь мне вполне понятно, — успокоился Петр Евсеич. — Государство тут есть, потому что здесь забота. Только надо населению сказать, чтоб оно тише существовало, иначе машины лопнут от его потребностей».

С удовлетворенным огорчением Петр Евсеевич покинул железнодорожный узел, чтобы посетить ближайшую деревню, под названием Козьма.

В той Козьме жило двадцать четыре двора. Дворы расположились по склонам действующего оврага и уже семьдесят лет терпели такое состояние. Кроме оврага, деревню мучила жажда, а от жажды люди ели плохо и не размножались как следует. В Козьме не было свежей и утоляющей воды — имелся небольшой пруд среди деревни, внизу оврага, но у этого пруда плотина была насыпана из навоза, а вода поступала из-под жилья и с дворовых хозяйственных мест. Весь навоз и мертвые остатки человеческой жизни смывались в ложбину пруда и там отставались в желто-коричневый вязкий суп, который не мог служить утоляющей влагой. Во время общегражданских заболеваний, а именно — холеры, тифа или урожая редкого хлеба, потому что в здешней почве было мало тучного добра, — люди в Козьме ложились на теплые печи и там кончались, следя глазами за мухами и тараканами. В старину, говорят, в Козьме было до ста дворов, но теперь нет следов прошлой густоты населения; растительные кущи покрыли обжитые места вымороченных усадеб, и под теми кущами нет ни гари, ни плешин от кирпича или извести. Петр Евсеевич уже рылся там — он не верил, чтобы государство могло уменьшаться, он чувствовал размножающуюся силу порядка и социальности, он всюду наблюдал автоматический рост государственного счастья.

Крестьяне, проживающие в Козьме, уважали Петра Евсеевича за подачу им надежды и правильно полагали, что их нужду в питье должна знать вся республика, а Петр Евсеевич в том их поддерживал:

— Питье тебе предоставят, — обещал он. — У нас же государство: справедливость происходит автоматически, тем более питье! Что это — накожная болезнь, что ли? Это внутреннее дело — каждому гражданину вода нужна наравне с разумом!..

— Ну, еще бы! — подтверждали в Козьме. — Мы у советской власти по водяному делу на первой заметке стоим. Черед дойдет, и — напьемся! Аль мы не пили сроду? Как в город поедешь, так и пьешь.

— Совершенно верно, — определял Петр Евсеич. — Да еще и то надо добавочно оценить, что при жажде жизнь идет суше и скупее, ее от томления больше чувствуешь.

— От нее без воды деться некуда, — соглашались крестьяне. — Живешь, будто головешку из костра проглотил.

— Это так лишь мнительно кажется, — объяснял Петр Евсеевич. — Многое покажется, когда человеку есть желание пить. Солнце тоже видится тебе и нам жарой и силой, а его паром из самовара можно зазастить и потушить, сразу на скатерти холод настанет. Это только тебе и нам так воображается в середине ума...

Петр Евсеевич себя и государство всегда называл на «вы», а население на «ты», не сознавая, в чем тут расчет, поскольку население постоянно существует при государстве и обеспечивается им необходимой жизнью.

Обычно в Козьме Петру Евсеичу предлагали чего-нибудь поесть — не из доброты и обилия, а из чувства безопасности. Но Петр Евсеич никогда не кушал чужой пищи: ведь хлеб растет на душевом наделе, и лишь на одну душу, а не на две, — так что есть Петру Евсеичу было не из чего. Солнце, оно тоже горит скупой и социально: более чем на одного трудящегося едока оно хлеба не нагревает, стало быть вкушающих гостей в государстве быть не должно.

Среди лета деревня Козьма, как и все сельские местности, болела поносом, потому что поспевали ягоды в кустах и огородная зелень. Эти плоды доводили желудки до нервности, чему способствовала водяная гуща из пруда. В предупреждение этого общественного страдания, козьминские комсомольцы ежегодно начинали рыть колодцы, но истощались мощью непроходимых песков и ложились на землю в тоске тщетного труда.

— Как это вы все делаете без увязки? — сам удручался и комсомольцев упрекал Петр Евсеевич. — Ведь тут грунт государственный, государство вам и колодезь даст — ждите автоматически, а пока пейте дожди! Ваше дело — пахота почвы в границах надела.

Покидал Козьму Петр Евсеевич с некоторой скорбью, что нет у граждан воды, но и со счастьем ожидания, что, стало быть, сюда должны двигаться государственные силы и он их увидит на пути. Кроме того, Петр Евсеевич любил для испытания ослаблять свой душевный покой, посредством организации малого сомнения. Это малое сомнение в государстве Петр Евсеевич выносил с собою из Козьмы, вследствие безводия деревни. Дома Петр Евсеевич вынимал старую карту Австро-Венгрии и долгое время рассматривал ее в спокойном созерцании; ему дорога была не Австро-Венгрия, а очерченное границами живое государство, некий огороженный и защищенный смысл гражданской жизни. Под картиной Севастопольского сражения, которая украшала теплое, устойчивое жилище Петра Евсеича, висела популярная карта единого Советского Союза. Здесь Петр Евсеевич наблюдал уже более озабоченно: его беспокоила незыблемость линии границ. Но что такое граница? Это

замерший фронт живого и верного войска, за спиною которого мирно вздыхает согбенный труд.

В труде есть смирение расточаемой жизни, но зато эта истраченная жизнь скопляется в виде государства — и его надо любить нераздельной любовью, потому что именно в государстве неприкосновенно хранится жизнь живущих и погибших людей. Здания, сады и железные дороги — что́ это иное, как не запечатленная надолго кратковременная трудовая жизнь? Поэтому Петр Евсеевич правильно полагал, что сочувствовать надо не преходящим гражданам, но их делу, затвердевшему в образе государства. Тем более необходимо было беречь всякий труд, обратившийся в общее тело государства.

«Нет ли птиц на просе? — с волнением вспоминал Петр Евсеевич. — Поклюют молодые зернышки, чем тогда кормиться населению?»

Петр Евсеевич поспешно удалялся на просяное поле и, действительно, заставал там питающихся птиц.

«И что же это делается, господи боже ты мой? Что ж тут цело будет, раз никакому добру покоя нет? Замучили меня эти стихии — то дожди, то жажда, то воробьи, то поезда останавливаются! Как государство-то живет против этого? А люди еще обижаются на страну: разве они граждане? — они потомки орды!»

Согнав птиц с проса, Петр Евсеевич замечал под ногами ослабевшего червя, не сумевшего уйти вслед за влагой в глубину земли.

«Этот еще тоже существует — почву гложет! — сердился Петр Евсеевич. — Без него ведь никак в государстве не обойдешься!» — и Петр Евсеевич давил червя насмерть: пусть он теперь живет в вечности, а не в истории человечества, здесь и так тесно.

В начале ночи Петр Евсеевич возвращался на свою квартиру. Воробьи тоже теперь угомонились и жрать на просо не придут; а за ночь зернышки в колосьях более созреют и окрепнут — завтра их выклевать будет уже труднее. С этим успокоительным размышлением Петр Евсеевич подъедал крошки утреннего завтрака и преклонял голову ко сну, но заснуть никак не мог; ему начинало что-нибудь чудиться и представляться, — он прислушивался — и слышал движение мышей в кооперативах, а сторожа сидят в чайных и следят за действием радио, не доверяя ему от радости; где-нибудь в редко посещаемой степи кулаки сейчас гонятся за селькором, и одинокий государственный человек падает без сил от ударов толстой силы, подобно тому, как от неуравновешенной бури замертво ложится на полях хлеб жизни.

Но память милосердна — Петр Евсеевич вспомнил, что близ Урала или в Сибири — он читал в газете — начат возведением

мощный завод сложных молотилок, и на этом воспоминании Петр Евсеевич потерял сознание.

А утром мимо его окон проходили на работу старики-кровельщики, нес матерьял на плече стекольщик и кооперативная телега везла говядину; Петр Евсеевич сидел, как бы пригорюнившись, но сам наслаждался тишиной государства и маневрами трудящихся людей. Вон пошел в потребительскую пекарню смиренный, молчаливый старичишко Терморезов; он ежедневно покупает себе на завтрак булочку, а затем уходит трудиться в сарай Копромсоюза, где изготовляются веревки из пеньки для нужд крестьянства. Разутая девочка тянула за веревку козла — пастись на задних дворах; лицо козла, с бородкой и желтыми глазами, походило на дьявола, однако его допускали есть траву на территории, значит, козел был тоже важен.

«Пускай и козел будет, — думал Петр Евсеевич. — Его можно числить младшим бычком».

Дверь в жилище отворилась, и явился знакомый крестьянин Леонид из Козьмы.

— Здравствуй, Петр Евсеич, — сказал Леонид. — Вчерашний день тебе бы у нас обождать, а ты поспешил на квартиру...

Петр Евсеевич озадачился и почувствовал испуг.

— А что такое вышло? А? Деревня-то цела на месте? Я видел, как один нищий окуроч бросал, не спалил ли он имущество...

— От окурка-то деревня вполне сохранилась... А только что ты вышел — с другого конца два воза едут, а сзади экипаж и в нем старик. Старик говорит: граждане, а не нужна ли вам глубокая вода? Мы говорим — нужна, только достать ее у нас мочи нет. А старик сообщает: ладно, я профессор от государства и вам достану воду из материнского пласта. Старик поночевал и уехал, а два техника с инструментом остались и начали почву шупать внутрь. Теперь мы, Петр Евсеевич, считай, будем с питьем. За это я тебе корчажку молока завез: если б не ты, мы либо рыли зря, либо не пивши сидели, а ты ходил и говорил: ждите движения государства, оно вас предвидит. Так и вышло. Пей, Петр Евсеич, за это наше молоко...

Петр Евсеевич сидел в разочаровании; он опять пропустил мимо себя живое государство и не заметил его чистого первоначального действия.

— Вот, — сказал он Леониду. — Вот оно приехало и вышло... Из сухого места воду вам добудет, вот что значит оно!

— Кто же это такое? — тихо спросил Леонид.

— Кто! — отвлеченно произнес Петр Евсеевич. — Я сам не знаю кто, я только его обожаю в своем помышлении, потому что я и ты — лишь население. Теперь я все вижу, Леонид, и замру в надежде. Пускай птицы клюют просо, пускай сторожа в кооперативе

на радио глядят, а мыши кушают добро, — государство внезапно грянет и туда, а нам надо жить и терпеть...

— Это верно, Петр Евсеич, всегда до хорошего дотерпишься, когда ничего не трогаешь.

— Вот именно, Леонид! — согласился Петр Евсеевич. — Без государства ты бы молочка от коровы непил.

— А куда ж оно делось бы? — озаботился Леонид.

— Кто ж его знает, куда! Может и трава бы не росла...

— А что ж было бы?

— Почва, Леонид, главное дело — почва! А почва ведь и есть государственная территория, а территории тогда бы и не имелось! Где ж бы твоей траве поспеть было: в неизвестном месте она не растет — ей требуется территория и землеустройство. В африканской Сахаре вон нету государства, и в Ледовитом океане нет, от этого там и не растет ничего: песок, жара да мертвые льды!

— Позор таким местам! — твердо ответил Леонид и сразу смолк, а потом добавил обыкновенным человеческим голосом: — Приходи к нам, Петр Евсеевич, без тебя нам кого-то не хватает.

— Были бы вы строгими гражданами, тогда бы вам всего хватило, — сказал Петр Евсеевич.

Леонид вспомнил, что воды в Козьме еще нет, и напился из ведра Петра Евсеича в запас желудка.

После отъезда крестьянина Петр Евсеевич попробовал подаренного молока и пошел ходить среди города. Он щупал на ходу кирпич домов, гладил заборы, а то, что недостижимо ощущению, благодарно созерцал. Быть может люди, что творили эти кирпичи и заборы, уже умерли от старости и от истощения труда, но зато от их тела остались кирпичи и доски — предметы, которые составляют сумму и вещество государства. Петр Евсеевич давно открыл для своей радости, что государство — полезное дело погибшего, а также живущего, но трудящегося населения; без произведения государства население умирало бы бессмысленно.

В конце пути Петр Евсеевич нечаянно зашел на вокзал, — он не особо доверял железной дороге, слыша оттуда тревожные гудки паровозов. И сразу же Петр Евсеевич возмутился: в зале 3-его класса один мальчик топил печку казенными дровами, несмотря на лето.

— Ты что, гадина, топливо жгешь? — спросил Петр Евсеевич.

Мальчик не обиделся, он привык к своей жизни.

— Мне велели, — сказал он. — Я за это на станции ночую.

Петр Евсеевич не мог подумать, в чем тут дело, отчего летом требуется нагрев печей. Здесь сам мальчик помог Петру Евсеичу рассеяться от недоумения: на станции были залежи гнилых шпал, — чтобы их не вывозить, велено было сжечь в печках помещений, а тепло выпустить в двери.

— Дай мне, дядь, копейки две! — попросил после рассказа мальчик. Просил он со стыдом, но без уважения к Петру Евсеевичу. Для Петра же Евсеевича дело было не в двух копейках, а в месте, которое занимал этот мальчик в государстве: необходим ли он; такая мысль уже начинала мучить Петра Евсеевича. Мальчик неохотно сообщил ему, что в деревне у него живут мать и сестры-девки, а едят одну картошку. Мать ему сказала: поезжай куда-нибудь, может быть, ты себе жизнь где-нибудь найдешь, что ж ты будешь с нами страдать — я ведь тебя люблю. Она дала сыну кусок хлеба, который заняла на хуторах, а должно быть, врет — ходила побираться. Мальчик взял хлеб, вышел на разъезд и залез в пустой вагон. С тех пор он и ездит: был в Ленинграде, в Твери, в Москве и Торжке, а теперь — тут; нигде ему не дают работы, говорят — в нем силы мало и без него много круглых сирот.

— Что ж ты будешь делать теперь? — спрашивал его Петр Евсеевич. — Тебе надо жить и ожидать, пока государство на тебя оглянется.

— Ждать нельзя, — ответил мальчик. — Скоро зима настанет, я боюсь тогда умереть, летом и то помирают. Я в Лихославле видел — один в ящик с сором лег спать и там умер.

— А к матери ты не хочешь ехать?

— Нет. Там есть нечего, сестер много — они рябые, их мужики замуж не берут.

— Что ж им своевременно оспу не привили? Ведь фельдшера на казенный счет ее прививают!

— Не знаю, — сказал мальчик равнодушно.

— Ты вот не знаешь, — раздраженно заявил Петр Евсеевич, — а вот теперь о тебе заботься! Во всем виновато твое семейство: государство ведь бесплатно прививает оспу. Привили бы ее твоим сестрам, когда нужно было, и сестры бы замужем давно были, и тебе бы место дома нашлось! А раз вы не хотите жить по государству — вот и ходите теперь по железным дорогам. Сами вы во всем виноваты — так пойди и матери скажи! Какие же я тебе две копейки после этого дам? Никогда не дам! — Надо, гражданин, оспу вовремя прививать, чтоб потом не шататься по путям и не ездить бесплатно в поездах!

Мальчик молчал. Петр Евсеевич оставил его одного, не жалея больше виноватого.

Дома он нашел повестку: явиться завтрашний день на биржу труда для очередной перерегистрации — там Петр Евсеевич состоял безработным по союзу совторгслужащих и любил туда являться, чувствуя себя служащим государству в этом учреждении.

СЦЕНАРИИ

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА*

(Либретто)

Две курсистки астраханских педагогических курсов — Мария Никифоровна Нарышкина и Гюлизар — сидят, обнявшись, на койке в общежитии, смеются и раскачиваются. У Марии Никифоровны простое, красивое от молодости, напряженное лицо. У ее подруги, туземки дикого кайсакско-калмыцкого племени, резкое измученное восточное лицо — стоячие, любопытные и внимательные глаза. Она больше слушает. Говорит Нарышкина.

На черных волосах Гюлизар отсвечивает через окно высокое летнее степное солнце. Его свет есть и на полу. Но он перебивается тенями летящих в воздухе птиц.

— Где твоя родина, Гюлизар? Есть у тебя там любимое дерево? — спрашивает Нарышкина.

Гюлизар, обмакнув палец в рот, чертит на полу круг. Нарышкина удивляется и не понимает. Гюлизар рассказывает:

— У нас нет родины! Наша родина — путь в пустыне по кочевому кольцу.

Нарышкина нечаянно нащупывает в кармане яблоко, вынимает, откусывает кончик и дает откусить подруге. Гюлизар продолжает:

— Кочевое кольцо есть у каждого племени! Только у моего оно засыхает от песков.

Гюлизар, увлекаясь, говорит о силе пустыни, иногда по привычке закрывая лицо рукой до глаз: она не так давно сняла чадру. Тогда сияют ее глаза, глядящие мимо Нарышкиной. Гюлизар встала, но ходит мягко и не смело. Нарышкина сторожит ее слова и возбуждается.

— А где твое кочевое кольцо? — спрашивает Нарышкина.

— В Каракумской пустыне, в самых песках, на тоненькой полосе редких трав и водопоев!

Отворяется дверь. Входит человек — Мемед, брат Гюлизар. Высокий, сухой, сильный мужчина в костюме своего племени. Глаза почти неподвижны, как у сестры. Есть что-то в жестах и улыбке

* Характеристика Марии Никифоровны Нарышкиной, героини ленты, показана в рассказе и добавлениях к нему, прилагаемых к либретто. Но делать картину нужно по либретто.

от иронии и затаенного отчаяния. Некоторое время он молча стоит и слушает. Девушки его замечают. Гюлизар бросается к нему.

— Мемед! Брат мой! Как давно я тебя не видела!

Мемед целует Гюлизар в щеку. Мягкий почтительный привет Нарышкиной.

Начинают беседовать. Мемед сидит на противоположной койке и коротко отвечает. Чаще за него отвечает сестра. Спрашивает Нарышкина. Она чуть смущается.

Мемед говорит сестре, что он приехал за ней. Гюлизар отвечает, что занятия на курсах затянулись и кончатся через неделю.

— Я не скоро вернусь! — говорит Гюлизар. — Возвращайся один!

Мемед думает и улыбается, глядя на сестру. Он не понимает.

— Мы с ней поедem учить детей! — показывает Гюлизар на Нарышкину. — А потом в Москву — учиться больше!

Мемед застенчиво смотрит на обеих. Ему странно, что говорит сестра.

Он дик и чужд в этом месте, ему жалко себя. Он встает и подходит к сестре. Та обнимает его и объясняет свое желание. Мемед говорит, что в племени осталось 200 человек; когда уезжала Гюлизар, было 250.

— Жива Зегидэ? — спрашивает.

— Нет.

— А Фатьма?

— Лежит в песке у Мертвого Колодца!

Гюлизар молчит.

— Что же ты будешь делать там теперь? — спрашивает Гюлизар. Ей стыдно.

— Искать траву и спасать людей. Мы думали, ты будешь с нами — ты училась, тебе весь свет видней.

Еще говорят. Главное — тоску о сестре, наверное навсегда покидающей родное племя, — вождь оставляет внутри себя. Но ее видно.

Входят несколько курсисток. На курсах начинается лекция. Мемед уходит. Сестра его зовет прийти еще вечером.

Вечер. Южный летний город. Простой сад педагогических курсов. Много курсисток лежат на траве, сидят на лавочках. Читая. У них скоро зачеты. Отдельно в траве сидят Нарышкина и Гюлизар. Они тоже занимаются. В сад входит Мемед и ищет сестру. Спрашивает у одной курсистки. Та показывает. Мемед подходит и стоит перед подругами. Все трое гуляют по аллеям. Выходят на конец сада, откуда виден город и далекая сухая степь — вся в огне вечернего солнца, вся в томительном раздраженном зное. Молча стоят. Мемед машет рукой в степь и говорит. Нарышкина и Гюлизар мучительно слушают его. И им, видимо, отчего-то хорошо.

Здесь
на
первой
странице
записи

Либретто. 17

Песчаная учительница 7)

Все кураторы астраханские разговаривают
куратор - Мария ~~Никифорова~~ Никифорова Нарашкина
и Тюмзар - ~~Николай~~ Николай Иванович, на
которе в обстановке, кажется, расклевывает
Мария Никифорова прелесть, красивое и светлое
напряженное лицо. И ее прелесть, пышная
Фигля ^{Кайгородова-Кайгородова} ^{и другие} ~~Кайгородова-Кайгородова~~ ~~и другие~~
высотное лицо - ^{СОУЗ} ~~Николай~~ ~~Иванович~~ и другие
лица. Она только слушает. Говорит с прелестью
На паркет встает Тюмзар и выдает, перекинув
василие летней светлой соли. ~~И~~ ~~он~~ ~~идет~~ ~~к~~
и на полу, но он пребывает вечно летит
в воздухе и тит.

- Это твой родной Тюмзар? Свое и тебе там
любимые дрова! - спрашивает Нарашкина.

Тюмзар, обмахнув палец в рот, перестил на пол
круг. Нарашкина увлечена и не понимает. Тюмзар
раскашляет

- У нас нет родных! Нам - родных - ^{в городе} ~~нужно~~
вожу кильцу.

Нарашкина ~~и~~ ~~не~~ ~~понимает~~ ~~и~~ ~~не~~ ~~понимает~~
вблизи, выхватывает, тиражирует солонку - даст тебе -
силь по тебе. Тюмзар продолжает.

*) Характеристика Мар. ~~Никифорова~~ Никифорова Нарашки-
ной, красива лицом, ~~расклевывает~~ ~~расклевывает~~ ~~и~~
раскаше и ~~Николай~~ ~~Иванович~~ ~~и~~ ~~идет~~
привлеченная к месту. ~~К~~ ~~в~~ ~~своем~~ ~~кармане~~ ~~идет~~

Либретто «Песчаная учительница». Автограф. ИМЛИ

Вечер уже перекрывается ночью — по-южному быстро. Последний момент вечера — на границе ночи, когда еще светится степь, — фантастичен. Бесконечность чувственно увлекательна, воздух осязается, почти сразу открываются взору живые горячие звезды.

Нарышкина, Гюлизар и Мемед уходят по косогору в город. Провинция. Заборы. Дома. Хаты. Небольшие сады. Скамейки, на них отдыхающие люди. Керосиновые лампы в окнах. Группа рабочих с гармоникой. Люди поют и проходят.

Степь. Три фигуры людей. Пустыня ночью как отвлеченное видение. Только трое людей в ней реальны. Они беседуют. Нарышкина веселая. Она заставляет Мемеда взять Гюлизар и себя под руку.

Мемед не умеет. Потом берет и идет среди двух девушек, смущенный и неловкий.

Они возвращаются к дому общежития курсов. Прощаются. Все трое горят молодостью и возбуждением.

— Едем в кочевье! — обращается к обеим Мемед. — Там ветер говорит как друг и сердце всегда свободно! Я вас подожду!

Подруги смеются и уходят.

Выпускной день курсов. Актный зал. 30–40 курсисток. 3–4 педагога, завгуботделом народного образования и представитель комитета партии говорят приветствия. Представитель комитета партии говорит, рубя рукой, грубо и жарко. Завгубоно приветствует умиленно. Типы глубокой провинции: коммунист военного образца, тощие просвещенцы, люди неизвестного назначения.

Курсистки не слушают говорящих, увлеченные ожидающей их судьбой, о которой они гадают друг с другом.

Закат солнца. Из ворот курсов выходят курсистки. Некоторые уже с вещами — уезжают домой или на работу. К калитке подходит Мемед. Встречный поток девушек не дает ему войти. Он ждет в сторонке. Выходит Нарышкина. Здравуются. Идут рядом по улице.

— Уговорите сестру ехать в пустыню! И сами поезжайте с нею и со мной!

Нарышкина слабо отрицает головой и молча идет. Мемед вздрагивает и напрягается. Он мучается, теряя сестру и Нарышкину, к которой уже потекла вся его кровь. Улица безлюдна. Ранние звезды светят близко. Одна звезда падает и сечет небо медленно угасающей чертой, от которой в человеке возбуждается страх и радость. Мемед грубо и нежно хватается Нарышкину за полную девичью руку, а сам уже беспомощен и жалок от любви к ней. Нарышкина кричит и закрывает лицо. Подбегает Гюлизар:

— Что с вами случилось? Я вас искала по всему саду!

Она догадывается и следит за братом. Тот уже совершенно владеет собой. Нарышкина, хитро по-женски, маскирует событие и, улыбаясь, как бы продолжает с Мемедом равнодушную беседу. Гюлизар говорит:

— Я получила назначение в Сафуту! Даль страшная — отсюда двести верст! Два года надо прослужить, а потом в Москву пошлют! А ты, Муся, куда?

Нарышкина еще не знает — куда.

Мемед начинает прощаться. Подруги удивляются: чего он спешит?

— Я ночью уезжаю на кочевье!

Мемед ласково целуется с сестрой и расстается с Нарышкиной так печально и учтиво, как будто просит у нее прощения и забвения совершившегося.

Он уходит в ночь — один, прямой и твердый, привыкший нападать на пустыню и оставаться живым, напавший на женщину и — побежденный.

Подруги глядят ему вслед.

Две подводы едут из города. На одной Нарышкина, на другой Гюлизар. Степь. Столб. Дорога раздваивается. Начало пустыни. Подруги целуются и расстаются. Нарышкина едет одна. Ей долго видна Гюлизар на все более отклоняющейся другой дороге. Возница Нарышкиной старик — полумертвый и тихий, как пустыня. Вот они в глубине песчаной степи. Далеко дымятся барханы от окрепшего колкого ветра. Песок начинает метаться совсем близко. Разрастается буря. Яркий день кажется мрачной лунной ночью.

Гюлизар переживает такую же бурю на другом краю пустыни.

Нарышкина въезжает в село Хошутово, куда она назначена учительницей. Хошутово почти совсем занесено песком. На улицах целые сугробы его. Им заметены крестьянские усадьбы. Песок доходит до подоконников домов. Около хат стоят лопаты. Растет редкий кустарник у колодцев. Школа. К ней подъезжает Нарышкина. Кругом молчаливая бедность и смиренное отчаяние. На деревенских дворах сложены кизяки и кучки коровьих лепешек — топливо. Встречные мужики равнодушны, лица истощены. Редкие дети на улице не бегают, а молча сидят в песке, почти не играя, и лицом похожи на пожилых людей.

Нарышкину встречает сторож — хлопотливый, ошастливленный человек, будто он Нарышкину только и ждал всю жизнь.

На другой день на дворе школы Нарышкина собирает сход крестьян. Крестьяне выглядят как больные люди. Нарышкина им говорит о школе, об ученье детей. Ее напряженно слушают, но на лицах крестьян видно разочарование.

Выходит один крестьянин — он и вначале выделялся из всех: рослый, мускулистый, но тоже истощенный; лицо умное, некрасивое, но привлекательное скрытой силой.

Он говорит:

— Барышня, граждане, это умная женщина. Но только, я так полагаю, нас пески замучили. Вон Хамьи Хутора вчистую на мокрые земли сбежали. Школа, конечно, добро, — кто скажет? Но и по песчаному делу нам наука и техника нужна! Вот где, я соображаю, будет для нас удовольствие! А грамота — она только при хлебе роскошь, без хлеба — все одно — мучение! Я, конечно, извиняюсь, но песчаную науку надо в школе поставить на престольное место, а то мы, вон, сажаем шелюгу, а она сохнет, а по-научному видно будет — как и что!

Сход кончается, Нарышкина долго сидит на крыльце школы и думает. В руке у нее книжка. Видна пустыня, видно безлюдное малое село. В Нарышкиной тяжелая дума и борьба. Она видит Мемеда, закрыв глаза, а открыв их, видит нищее село. Среди дороги сидит в пыли мальчик — грязный, голый, со старыми, белыми, как бы отсутствующими глазами. Нарышкина кличет его. Мальчик, подумав, не спеша подходит, но садится в отдалении и смотрит испуганно и бессознательно.

Нарышкина быстро уходит в школу и выносит оттуда булку мальчику. Тот берет ее, но не ест, а разглядывает и посыпает ее песком, как игрушку.

Нарышкина снова в городе — в губернском отделе народного образования. Она говорит с заведующим о необходимости преподавания в Хошутове песчаной науки.

Ее слушают и вежливо иронически улыбаются.

— Что вы предлагаете, Мария Никифоровна?

— Туда нужен агроном сначала, а не учитель. Там ни хлеб не рождается, ни воды нет. Без победы над песками и суховеями там мне делать нечего!

— А вы сами попробуйте преподавать песчаное дело, Мария Никифоровна, — книг мы вам дадим! А когда трудно будет, агронома к себе из участка тащите!

Нарышкина смеется: агроном живет за полтора верста и никогда в Хошутове не бывал.

Начальник улыбается и жмет ей руку, в знак конца беседы и прощания.

Нарышкина в Хошутове. Усердная общественная работа: идет посадка шелюги и деревьев. Крестьяне роют землю, другие возят посадочные черенки, третьи носят ведрами воду. Дело происходит на краю села. Нарышкина работает с лопатой, изредка отрываясь для указаний. Рядом с ней Ермолай Кобозев, тот самый, что гово-

рил на первом сходе, и еще один мужик — Никита Гавкин, жадный до работы человек.

После работы, под вечер, Нарышкина с Кобозевым и Гавкиным ходит по селу. Гавкин зазывает ее к себе на двор и показывает хозяйство — бедное, но рачительное, чистое, умное и даже изящное. Кобозев — предсельсовета. Днем, а иногда и ночами — в одиночку, он работает на посадке больше всех.

Ночью Нарышкина и Кобозев едут через пустыню на дальний питомник за посадочным материалом. Пустыня тиха, холодный месяц над неостывшим песком. Нарышкина рассказывает Кобозеву о Пушкине, Ленине, Эдисоне, Амундсене и об Америке. Кобозев слушает, замороженный. Лошадь утомилась. Кобозев распрягает ее и дает корм. Путники ложатся в телегу и понемногу засыпают. Холодает. Это заставляет их прижаться друг к другу и спать обнявшись. Под телегой проползла черепаха. Степь стоит невнятная и сказочная, окружив сияющим лунным воздухом двух спящих людей.

Кобозев ночью просыпается. Заботливо укрывает Нарышкину своим халатом и подходит к лошади. Нарышкина сладко и блаженно спит, покрасневшая и приоткрыв от усталости полные губы. Кобозеву чудится в лунной пустыне цветение миллионов растений. Далекие пространства наполнены людьми и городами. А женщины все, как родные сестры, похожи на Марию Никифоровну.

Кобозев и Нарышкина въезжают в Хошутово на возу шелогувых прутьев и черенков фруктовых деревьев. Вечереет. Мужики сидят на завалинках. Ребятишки играют в догонялки. Нарышкина прыгает с воза и вступает в игру с детьми. Никто ее не может догнать. Вступают взрослые, но тоже не могут поймать Нарышкину. Красная и веселая, она носится по песчаной пыли в туче оживших ребятишек.

Когда она идет домой, один старик шутит:

— Марь Никифоровна, бери в мужья Ермошку Кобозева: мужик ходкий и свежий! Зажили бы во как, пра!

Нарышкина в ответ беспомощно молчит и краснеет до блеска серых глаз, походя на мальчика.

Прошло два года. Хошутово изменилось. Усадьба в зелени. Дома зауютнулись. В степи на большом пространстве ровные культурные зеленые посадки. Поля охвачены квадратными полосами кустарника и молодых деревьев. Растет хлеб. Огороды. Есть пруд. Большой синей лентой уходят насаждения в степь, отрезав от пустыни возделанные земли.

У ворот усадеб сидят бабы, мужики, ребяташки. Плетут из шелюговых прутьев корзины и несложную мебель. Готовая мебель стоит тут же. Народ посылел и повеселел.

На дворах, где раньше были кизяки, лежит хворост. У колодцев небольшие принявшиеся деревья. Молодые сады.

Резкий контраст Хошутова с пустыней. Живой зеленый оазис в безграничной тихой горячей пустой степи.

Нарышкина чуть пополнела и еще больше заневестилась лицом. Она стоит на околице с Кобозевым. С ними старик — овечий пастух.

Нарышкина смеется, потому что Кобозев ей говорит, что советская власть была мертва для народа, а потом стала живой писаной красавицей, когда приехала Марья Никифоровна.

Пастух глядит на солнце, и у него от света мочатся глаза. Все стоит в золотом свете, в трепещущем воздухе, туго насыщенные жизнью.

Старик говорит:

— Штой-то кочуёв нету. А должны быть — старуха моя померла тому шестнадцать годов! А кочуй свой срок не упустят!

Нарышкина внимательно прислушивается.

Ей объясняет Кобозев:

— Я мальчишкой был: помню, встали утром, а колодцы сухие. Огороды, бахча, поле — все вытоптано. Ночью нашли кочуй, нагнали скота — все поели и воду повыпили. Говорят, каждые пятнадцать лет они тут проходят по кочевому кругу — когда степь отдохнет и разродится!

Нарышкина задумывается. Кобозев удрученно молчит.

— Все равно придут — беда будет! — говорит пастух.

По песчаной пустыне кочует племя. Лошади, скот, люди смертельно истощены. На коне едет Мемед — он вождь. Он озабоченно советуется с соседом на коне. Мемед худ, оброс бородой, глаза неистово и печально горят. Он ищет исход из бедствия.

Изредка попадаются травинки, кустики и следы погибших растений. Женщины и дети их откапывают и жуют.

Тихо бредет усталый народец.

Вдали сверкает и звенит живая синяя родящая земля. Мемед и спутники останавливаются и долго всматриваются. Несколько всадников дико бросаются на далекое зеленое видение. Мемед скачет за ними и возвращает всех обратно. Племя делает ставку.

Хошутово. Овечий пастух стариковской рысью спешит по деревне и стучит по окошкам и ставням:

— Кочуй прискакали!

Народ высыпает на улицу. Пастух подбегает к школе и почтительно постукивает в дверь. Выходит Нарышкина. Пастух испуганно говорит. На горизонте пылится степь от топота стад кочевников.

Простоволосая Нарышкина бежит впереди пастуха. В деревне на улице народ. Кобозев в чем-то убеждает крестьян. Крестьяне сумрачны и недоверчивы: они не верят, что можно своей силой отбить кочевников. Нарышкина волнуется. Советуется с Кобозевым и другими крестьянами.

Кобозев исчез, потом явился на лошади верхом. Нарышкина просит его. Кобозев уступает ей лошадь. Нарышкина садится верхом и галопом скачет в степь. Несется по степи. Ее скоро нагоняет Кобозев — на хорошем коне. Едут вдвоем.

Ставка кочевников. Нарышкина и Кобозев ищут того, с кем следует говорить. На них испуганно смотрят кочевники и показывают.

Мемед спит, уткнувшись в ветхую кошму. Его облепили мухи. Нарышкина не узнает его и начинает расталкивать. Кобозев стоит тут же с хвостотиной, которой он погонял лошадь.

Мемед вскакивает и дико поражается.

Нарышкина тоже вздрагивает от знакомого, почти родного лица.

— Мемед!

Кобозев зло и подозрительно смотрит на обоих.

Мемед владеет собой и мягко, почти счастливо улыбается. Но Нарышкина тоже быстро оправляется — она молода и злобно ревнива за свое двухлетнее дело в пустыне. Лицо ее противоречиво: две разные силы бьются в ней — женское столкнулось с человеческим.

— Мемед! — говорит она нежно и мучительно.

Нарышкина просит Мемеда не трогать оазиса, не травить зелени и поскорее уходить прочь от этого места.

Мемед слушает ее молча и покорно. Те же силы борются в нем, что и в Нарышкиной.

Сам бы он умер в песке, не тронув травинки, посаженной Марьей Никифоровной. Но есть у него родное племя — Мемед глядит сейчас на него. Там уже ненавидят вождя за непонятное поведение, за продолжение голода — на самом виду травы и воды. Там люди тихо волнуются и шепчутся.

Мемед приходит к внутреннему решению. Он уже строг и заботлив. Говорит чуждо, потому что его слышат кочевники.

— Травы мало, людей и скота много, — нечего делать, барышня! Если в Хошутове будет больше людей, чем нас, они нас прого-

нят в степь на смерть — и это будет так же справедливо, как сейчас. Мы не злы и вы не злы, но мало травы! Кто-нибудь умирает и ругается!

Нарышкина понимает его намерение и сразу примиряет свое внутреннее противоречие на ненависти к Мемеду.

— Все равно вы негодяй! Мы работали три года, а вы отравили нас все в один час! Смотрите, я буду жаловаться советской власти, и вас будут судить!

Кобозев кое о чем догадался. Злоба на Мемеда, как на разрушителя будущего хозяйства Хошутова, помножилась в нем на ревность к Марье Никифоровне. Он жует скульями и наливается нерастраченной кровью — даже шея его потолстела.

— Степь наша, барышня! — холодно и достойно говорит Мемед. — Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.

— Стало быть, вы нынче все Хошутово сожрете? — спрашивает Кобозев, забывая себя от сладострастной ненависти.

Мемед тихо наклоняет голову, как бы подтверждая слова Кобозева.

Кобозев туго и с размаху бьет Мемеда по лицу прутом. Мемед круто рвет голову, сжимается всем телом и готовится к прыжку, но его глаза встречаются со взором Нарышкиной. Та смотрит на него в этот миг со старой нежностью, участием и испугом. Мемед сразу останавливается, скорбно улыбается и закрывает рукою кровь на лице.

Нарышкина энергично укоряет Кобозева и безнадежно глядит на Мемеда, утрачивая его навсегда.

Нарышкина и Кобозев обратно скачут в Хошутово. Им вслед наблюдает Мемед.

Бледная летняя ночь в пустыне. Племя дремлет в кошмаре. Спят полураздетые худые женщины. К ним приникли тощие дети, они водят тонкими руками в бреду. Валяются полумертвые животные.

Мемед бродит по ставке один. Укрывает костлявые синие ноги спящих женщин и смотрит на детей в тряпках, старчески дремлющих с полуоткрытыми невидящими глазами.

Изредка поднимается какой-нибудь человек и, невнятно пробормотав, не просыпаясь, валится внось.

Ползет черепаха. Мемед ее берет. Вытягивает голову из-под панциря и душит пальцами. Потом швыряет прочь.

Мемед мучается. Выходит за ставку племени и долго глядит в сторону Хошутова, где клубится печной дым.

В мареве светлой ночи маячат две фигуры, идущие из Хошутова.

Мемед ждет. Подходят два кочевника. За плечами у них по мешку картошек. Они говорят:

— Мемед! Чего мучаешь весь род — пора начинать! Тебе барышня нужна — иди к ней, или садись на коня, и берем у русских траву и хлеб!

Мемед молчит и отходит от них.

Ранняя заря. Мемед мечется вокруг ставки. К нему подходит группа кочевников. Они злы и нетерпеливы:

— Говори слово, Мемед!

Мемед смотрит в обратную сторону. Потом оборачивается и утвердительно машет рукой.

Дико и весело скачет сотня всадников. За ними отстают на худых лошадях кибитки, потом топчутся голодные стада скота.

Хошутово ближе и ближе.

Видна яркая росная зелень искусственных насаждений. Полосы хлебов и огороды. Десятки десятин шелюги. Приветливые колодцы. Курятся дымом хаты. Полосы молодых деревьев, уходящие далеко в степь.

От кочевников пыль и звон. Утро поджигает воздух зарей и сушит блеск росы на хошутовском оазисе.

Всадники врезаются в насаждения и исчезают в их глубине. Туда же проваливается все племя — кибитки и скот. Над зеленью поднимается пыль и окутывает ее. На огородах, на хлебах — жадные стада.

Нарышкина — запыленная, в платочке, печальная, жалкая — въезжает в город.

Она у завгуботдела народного образования. Ожесточенно убеждает начальника. Тот покорно и умно слушает. Потом говорит:

— Знаете что, Мария Никифоровна, пожалуй, в Хошутове теперь обойдутся и без вас!

— Это как же? — изумляется Нарышкина.

— А так: население уже обучилось бороться с песками и, когда уйдут кочевники, начнет шелюгу сажать снова! А вы не согласились бы перевестись в Сафуту?

— Там же Гюлизар! — говорит Нарышкина.

— Гюлизар умерла от чумы — три месяца в Сафуте нет никого!

Нарышкина вскакивает на ноги и преображается от горя:

— Гюлизар теперь нет?

Заведующий подтверждает головой и наблюдает за Нарышкиной.

Нарышкина берет себя в руки.

— Что это за Сафута? — невнимательно спрашивает она.

— Сафута — тоже село. Только там селятся не русские переселенцы, а кочевники, переходящие на оседлость. С каждым годом их становится все больше. В Сафуте пески были задернелые и не действовали, а мы боимся вот чего — пески растопчутся, двинутся на Сафуту, население обеднеет и снова станет кочевать!

— А при чем тут я? — спрашивает Нарышкина. — Что я вам, укротительница кочевников, что ли?

Нарышкина возмущена и легкой походкой носится по комнате. Заведующий терпеливо возражает.

— Если кочевников обучить культуре песков — они сядут на оседлость и не разбегутся! Остальные кочевники тоже не удержатся долго в пустыне — и либо вымрут, либо заживут оседло! Все реже и реже будут истребляться посадки русских поселенцев!.. Заместительницу Гюлизар найти невозможно: глушь, даль — все отказываются. Как вы на это смотрите, Мария Никифоровна?

Нарышкина мучительно задумывается. Личное вновь в ней борется с общественным: неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелоговом кустарнике, считая это полумертвое деревцо лучшим для себя памятником и высшей славой жизни. А где же ее муж и спутник?

В воображении ее — пустыня, нищие мужики сажают деревья, следом кочевники их топчут конями. И оба — кочевник и русский крестьянин — лежат мертвыми на поваленном обглоданном деревце.

— Ладно. Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге. Будьте здоровы — дождитесь!

Заведующий в удивлении и в радости подходит к ней. Улыбающаяся Нарышкина смотрит ему в глаза.

Снова степь. Нарышкина едет среди барханов. За барханами бесконечный ровный гнетущий ландшафт. Нарышкина говорит с возницей.

Тот ей лукаво что-то рассказывает. Нарышкина хохочет.

То же племя. Медленно пробивается сквозь песчаную бурю. Мемед среди всадников. Племя еще более ужасно по виду людей. В кибитках кучи больных женщин и детей. Многие — совсем голые. Костлявые желтые грязные тела. Отдельно — позади — повозка, в ней мертвые люди и дети — под ковром. Беспомощно мотаются холодные почерневшие ноги. Седой старик бредет рядом и поправляет сваливающиеся тела. Одна мертвая женщина сползла и упала. Старик не сразу это заметил, потом оглянулся и пошел к ней.

Повозка с умершими отъехала от него. Старик сел возле мертвой и так остался:

— Айша моя! Любимая моя жена!

Его заволакивает мечущийся песок.

Племя продолжает ход. Сломленное ураганом, рвущим кибитки, оно останавливается.

Собираются мужчины и совещаются. Мемед среди них.

— Сначала похороним своих родных! — говорит он.

Нарышкина въезжает в Сафуту. Бедная маленькая деревня. Есть зеленые насаждения, но их мало, гораздо меньше, чем в Хошутове. Ей попадаются встречные — не русские мужики, а оседлые кочевники. Они робко и почтительно глядят вслед телеге Нарышкиной.

В начале улицы шелюга посажена в круг. Посреди круга высокая клумба в редких засохших цветах. Нарышкина соскакивает с повозки и подбегает.

Клумба — могильный холм. Стоит низкий столбик с доской. На доске кривая надпись красной краской:

Учительница Гюлизар.
Померла от болезни чумы.

Нарышкина стоит спиной.

Племя. Совещаются несколько человек — и Мемед. Буря стихла. Пожилой кочевник говорит:

— Тут близко Сафута. Там наш народ — лучше места нету. Мы умираем — пойдем в Сафуту в совет и возьмем оседлость. Степь больше травы не дает, колодцы наши мертвы!

Мемед думает. Другие говорят меж собой.

Тот же пожилой кочевник предлагает:

— Иди, Мемед, в Сафуту в совет — проси оседлость! Ты говорил — там есть твоя сестра Гюлизар!

Мемед берет коня и скачет в Сафуту по степи. Мемед от голода, горя и забот выглядит совсем стариком. Он оборван, страшен и мчится почти в беспмятстве.

Сафута. Встречается оседлый кочевник.

— Где школа? — кричит Мемед.

Встречный показывает рукой на большую хату.

Мемед подъезжает, сходит с коня и, качаясь, идет к окну. Стучит и зовет:

— Гюлизар!

Потом подходит к двери и ждет. Никто не выходит. Мемед мрачно озирается и вновь зовет:

— Гюлизар!

Выходит Нарышкина.

Мемед весь слабеет и глядит на нее, как бы не узнавая.

Нарышкина стоит на крыльце и с робкой нежностью видит Мемеда.

<Май — июнь 1927 г.>

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЕСОК.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.

ШЕЛЮГА.

КОЧЕВНИКИ.

СКОТ.

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА — Мария Никифорова Нарышкина.

КОБОЗЕВ — предсельсовета с. Хоштуова.

МЕМЕД.

ГЮЛИЗАР.

Действуют не только люди, но и скот и природа. Природа и скот более активны, чем сами кочевники; кочевники иногда кажутся лишь последователями своего скота. Еще раз: природа активна и разрушительна в каждом кадре; люди либо подчиняются ей (кочевники), либо борются с ней (русские поселенцы, оседлые кочевники). Это важнейшее командующее соображение (для режиссера, оператора и актеров). Актеров надо брать немного — фильм следует делать местными людьми. Если либретто материалом перегружено — допустимо его сжатие, но умелое.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Степь крайнего юго-востока. Редкая трава. Одинокие сухие стволы пустынных растений. Трава и кустики подрагивают от ветра. Пустое серое степное небо. Серое потому, что там медленной сплошной пеленой идет песчаная пудра с плоскогорий Памира. Солнце от этого неярко и уныло. Сухая тревожная жара.

Медленными лапами вступает в экран верблюд. За ним еще. Затем — коровы, бараны, овцы и пр. — стада кочующего племени. Людей нет. Животные пожирают траву и кустики. Растираивают естественное задерновое пастбище. Верблюды дергают растения с корнем, не оставляя за собой ничего. От копыт остается разорванная почва. Показать жующих, фыркающих и чихающих от песка животных.

Стада проходят. Где была трава — клочья песчаной почвы, ямки, ни одного живого стебля. Небольшой ветер начинает выдувать почву — из нее струится песчаная пыль. Видно, как степь превращается в пустыню.

Вдалеке — стадо. За ним следом — облако песка.

Пастбищная полоса впереди стада — кое-какая зелень, и почва под растениями не рождает от ветра песчаной пыли.

Та же пастбищная полоса, но позади идущего стада: растения уничтожены, почва как каша, и уже дымится песок.

Над степью веет песок. Вдалеке небольшое село, как бы в сером облаке. Потом — околица села и улицы. Село почти совсем занесено песком. На улицах — целые сугробы его. Усадьбы тоже завалены. Песок доходит до подоконников домов. Около хат стоят лопаты. Неприветливо, бедно. Тощие нищие развалины. Растет редкий кустарник. На деревенских дворах сложены кизяки и кучи коровьих лепешек — топливо.

Проходящие по улице мужики равнодушны, на лицо — больные. Редкие голые дети молча сидят в песке и почти не играют: лицом похожи на пожилых людей. Видна хата; надпись «Хошутровский сельсовет», старые военные плакаты, какие-то листки объявления. Около совета несколько мужиков: сидят — калякают.

Снова степь. По следу кочевья едет кочевое племя.

Песок на одном месте вздрагивает и шевелится. Из песка выбирается тяжелая черепаха. Милыми, мертвыми глазами она смотрит на что-то и прячет голову под панцирь. Приподняв шею, на нее уставилась змея — влекущими, почти чарующими глазами.

Мутная атмосфера начинает дышать: вдалеке дымятся вершинами барханы. Песок двигается и ползет, как жидкость.

Солнце застлано. Степь меркнет и бледнеет, как в лунную ночь. Сумрак и вой мечущегося песка.

Настоящая дикая буря. Срывающая песчаную пелену со степи и вмиг наметающая целые сугробы.

Из черноты песчаного вихря выбирается усталая худая лошадь. На повозке двое людей, с обвязанными лицами. Лошадь поднимает и опускает ноги так трудно, будто вязнет в иле. Еще немного борьбы — лошадь остановится, поникая усталой одурманенной головой. Ее глаза закрыты и уши прижаты.

Один из путешественников — женщина — приоткрывает повязку с лица, и секунду оттуда смотрит блестящий глаз. Лошадь по колено в песке.

Ставка кочевого племени. Скот в куче.

Лежат верблюды. Рвутся шатры, обнажая голых детей, лежащих вповалку на камыше. Люди все утомились. Двое мужчин крепят сорванный шатер над прижухнувшей семьей.

В разрывы воздуха на полмига — то близко, то далеко — виднеется силуэт лошади и повозки с двумя людьми.

Один из этих двух кочевников замечает странное видение. Закрепив шатер, он идет на это видение. Он блуждает. Буря сбивает его. Повозка маячит зыбким привидением — и пропадает совсем. До нее — или шаг, или сто верст. Кочевник возвращается. Но стоянка племени не видна за бурей. Враз разрывается мутный воздух — и видно: до повозки ближе, чем до стоянки. Кочевник пробирается к повозке.

Он подходит, трет морду лошади. Та неподвижна. Кочевник трогает людей. Женщина приоткрывает повязку — глядит тот же блестящий глаз, сейчас же забивающийся песком до слез.

Кочевник берет женщину и ставит ее на ноги. Она валится. Кочевник поднимает ее на руки и несет сквозь гущу бури на ставку.

Трудно доносит. Оставляет в шатре. Возвращается за другим человеком. Буря вертит его. Из глаз от ударов горячего песка почти течет кровь. Кочевник полубезумен, он блудит и бредит. Он видит и не видит свою цель. У него кошмар видений. Иногда — совсем близко — перед ним сгорбленный человек на повозке. Кочевник бросается туда. Его валит облако поднятого песка.

В экране песчаный вихрь, острый, напряженный и сплошной, переходящий в тьму.

Восход солнца в пустыне. Тишина. Далекий — на уресе неба и земли — караван. Все это дается на экране замедленным развертыванием.

Сметенная, раздробленная вчерашняя ставка кочевников. Кочевники собирают и поправляют свое имущество.

Женщина с повозки — Нарышкина — сидит на кошме у шатра и наблюдает племя. Но она беспокоится и оглядывается на степь.

Степью скачет всадник — Мемед. Он всматривается в песчаные перевалы и бугры. Скачет дальше. Находит, что ищет: из песчаного холма торчит заметенная повозка. Всадник раскапывает песок, поднимает человека, лежащего на повозке. Глядит в лицо человеку — молодой русский рыжеватый крестьянин; глаза у него запеклись сухими сукровицами, но под веками шевелятся белки: человек еще жив. Это Кобозев.

Всадник — Мемед — машет кочевникам на ставке. Со стоянки туда скачут еще двое всадников. Нарышкина встает.

Мемед едет еще. Иногда наклоняется и берedit кнутовищем подозрительные песчаные насыпи.

Находит: подошва башмака, направленная плоскостью почти вверх. Это конец ноги. Раскапывает.

На стоянку въезжают двое верховых кочевников, которых звал Мемед. Один из них привозит обмершего Кобозева. Нарышкина берет его одна от всадника сильными руками и кладет у шатра. Женщины, пожилые кочевники и Нарышкина начинают оживлять Кобозева.

Мемед въезжает на стоянку, прижимая мертвого брата к себе и стараясь держать его прямо, как живого. Но тот мертв и мотает остывшей головой.

К Мемеду подходит группа кочевников. Покорное горе. Мемед подходит к Нарышкиной.

К ним подсакивает дикая злая женщина и показывает туда, где лежит мертвый. Мемед машет головой и говорит:

— Брат потом! Она гостья: ее вперед!

По степи едут Мемед и Нарышкина — оба верхами на лошадях.

Вдалеке маячит марево небольшого оазиса. Кочевник указывает на него. Молча скачут.

Оазис уже недалек — небольшое бедное село (то самое, что и в первой части). Редкая зелень.

Нарышкина берет свой узел, привязанный к крупу лошади, и благодарит кочевника.

— Как ваше имя?

— Мемед!

— Не забудьте поскорее привезти Кобозева! Пусть только полегит и отдохнет. А я успокою его родных!

Мемед соглашается головой и уезжает обратно, уводя вторую лошадь.

Нарышкина пешком идет в село со своим узлом.

Околица села. Одинокая тонкая фигура уходящей девушки в безлюдной пропасти пространства — на фоне кучи хаток.

Мемед сдерживает коня и оглядывается на уже далекую девушку.

Нарышкина исчезает в деревне.

Скучная степь. Горестная прижухнувшаяся деревня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Простая туземная хата — школа. Старичок сидит на завалинке и ровно дышит, созерцая степь. Что-то внимательно разглядывает в степи и шепчет. Подходит Нарышкина. Старичок суетится в доброй приветливости и ведет ее в школу.

К школе подходят пугливые дети — три, четыре. Мужики у сельсовета видят Нарышкину и безнадежно машут рукой в ее направлении.

Время под вечер. Нарышкина сидит на крыльце школы. Видна пустыня, видно безлюдное, малое село. Нарышкина мечтает. Закрыв глаза, она видит стройного мужественного кочевника, который несет ее на руках сквозь бурю, а открыв глаза, видит голого грязного мальчика. Мальчик сидит и глядит на нее белыми старческими глазами. Нарышкина кличет его. Мальчик не спеша и пугливо движется к ней; останавливается вдалеке. Нарышкина уходит в школу, выносит мальчику белую булку. Тот ее берет, но не ест, а разглядывает и посыпает песком, как игрушку. Он не знает, что такое булка.

Проходит несколько дней. Занятия в классе. Бедные простые столы из шелевок. Десять—пятнадцать детей. Дети малорослы, крайне худы, босы и полуголы, лица старческие, — заморыши. Нарышкина усердно преподает. Дети ничего не понимают. Она волнуется. Двое детей в изнеможении дремлют, опершись головой на руку, как взрослые.

Сельская вечерняя улица. Народ идет на сход к сельсовету. Медленно ступают утомленные озабоченные мужики. Пастух спешит рассовать по дворам коров и тоже идет к сельсовету.

Пастух — человек, которому можно дать от сорока до семидесяти лет; рыже-бурая борода. Какие-то волосы под древней шапкой. Глаза его острые и умны.

Собираются. Сход у крыльца сельсовета. Предсельсовета — Кобозев. Накинув платочек, подходит Нарышкина. Ее приглашает Кобозев. Нарышкина негромко и печально обращается к собранию.

Мужики удрученно слушают. Кобозев пишет. Вечер синее за околицей. Бедна и роскошна пустыня. Дремлет скот на дворах.

Тихо. Нарышкина говорит о трудности учения некормленных детей. Бумага, положенная на стол, покрывается тонкой пылью; поднятая, оставляет квадрат на столе. Крестьяне глядят. Плюют наземь слюнями — в них тоже песок и пыль. Крестьяне тогда смотрят и в грязные слюни. Кобозев ковыряет из незаживших ранок на лице и руках песчинки. Стены хат — как в мучной пыли — и на них нарисованы пальцами фигурки, серпы и молоты и пр.

Нарышкина кончила говорить. Мужики галдят. Кобозев машет рукой — в знак презрения к ненужным словам.

Кобозев встает и предлагает резолюцию:

«Ввиду бегства от песчаной силы Хамьих Хуторов на сибирские мокрые земли, означенная песчаная сила сокрушает также Хошутово. Голод и сплошной неурожай — наш губительный надлежащий факт, а посему нас ожидает либо смерть, либо раззор переселения. Советская школа — доброе дело, это факт. Но главенствующе нам необходима наука и техника по песчаному делу, которую надо поставить в школе на престольное место, не только для детского воз-

раста, но и поголовного населения, о чем и ходатайствовать учительницу, а грамота потом самотеком пойдет. Научная шелюга даже в Закаспии растет, а у нас сохнет от неумелого положения и другого темного факта».

Голосуют робко, но почти единогласно.

Нарышкина поражена резолюцией.

В селе вечер. Кобозев, Нарышкина и еще один крестьянин — Никита Гавкин — идут по улице. Беседуют. Кобозев убеждает в чем-то Нарышкину и слушает ее с удивлением и скрытым обожанием.

Гавкин зовет их поглядеть на его хозяйство. Нарышкина и Кобозев входят во двор. Хозяйство Гавкина бедное, но рачительное, умное и даже изящное.

Почти ночь.

Нарышкина заглядывается в небо, где в струях туркестанской пыли горит поздний фантастический закат солнца.

Племя бредет по кочевому кольцу. Впереди сумрачный Мемед на коне. Рядом — Гюлизар, девушка, сестра его. В повозке — семья Мемеда. Мемед — вождь, заместитель погибшего брата. Лошади, скот, верблюды, люди — смертельно истощены. Женщины дремлют. Изредка попадаются травинки, кустики и следы погибших растений. Животные на них бросаются. Женщины и дети их откапывают и жуют.

Вслед кочевникам — заунывный песок.

Вечер. Нарышкина и Кобозев вдвоем выезжают из Хошутова — на дальний питомник за посадочным материалом. Восходит месяц над пустыней. Заснять очарование пустыни под луной.

Глубокая ночь. Месяц высоко. Нарышкина и Кобозев в затененной ложбине. Кобозев распрягает лошадь и дает корм. Нарышкина дремлет в повозке.

Управившись, Кобозев глядит на Нарышкину с обожанием, потом укрывает ее, уснувшую, своим халатом и ложится на охапку сена под телегой. Нарышкина блаженно спит, раскрасневшаяся и приоткрыв от усталости полные губы. Кобозев видит сон: в лунной пустыне цветут миллионы растений. Далекие пространства наполнены белыми фантастическими городами и людьми. Ходят женщины, как родные сестры похожие на Нарышкину.

День. Тихо бредет усталый кочевой народец. Голод. В кибитках лежат. Много больных. Костлявые, желтые, грязные тела. Мемед идет пешком рядом с одной кибиткой, иногда поправляет и ласкает больную женщину, которая бредит в повозке. Это его жена. Гюлизар сидит в повозке и поит жену Мемеда из кувшина. Тут же дети Мемеда. На большом пространстве разбрелось стадо племени в жадных поисках травы.

Вдалеке видны два худых низких деревца — там степной колодезь. Скот врассыпную мчится туда. Племя спешит за скотом.

Мемед прикладывает сырую землю к голове жены.

Позади, далеко, отстала одна кибитка. Ее сопровождает старый кочевник. В кибитке мертвецы племени — около десяти голых трупов, укрытых ковром. Кладбище на колесах. Беспомощно мотаются холодные почерневшие ноги. Старик поправляет сваливающиеся тела. Одна мертвая женщина сползла и упала. Старик не сразу заметил потерю. Потом оглянулся и пошел к упавшей. Повозка отъехала. Старик наклонился над трупом и гладит голову в бессильном утешении. Женщина лежит в вывихнутой позе, запрокинув мученическое молодое лицо. Старик сидит над ней.

Гюлизар приоткрывает веки жене Мемеда и закрывает их. Поднимает одну худую, как тряпочка, грудь и прикладывает ухо, чтобы услышать стук сердца.

Мемед стоит в толпе кочевников в отдалении, о чем-то гневно споря.

Гюлизар бежит к нему. Мемед видит ее и догадывается о страшном событии. Покорно идет навстречу сестре.

Скот, попив у колодца жидкой мути, рассеивается по степи. Кочевники спорят толпой — без Мемеда. Другие горюют в одиночку.

Старый баран. Он нашел узкую тропку с травой. Тропка идет по низине большой пологой лощины. Баран идет и ест. За ним овцы — подбегают. Потом два верблюда и несколько коров с быком тащатся тоже за этими овцами.

Другой баран. Пристально глядит на первого барана. Круто поворачивает и идет в противоположную сторону — там тоже тропка, подобная первой.

Остаются: степной колодезь, рассыпанный вокруг колодца скот (большая часть, чем ушедшие две группы) и смятенное пререкающееся племя.

Кочевники поздно замечают, что скота недостает. Человек десять бросаются в погоню.

Мемед сидит у мертвой жены с большим маленьким ребенком на руках. Потом кладет его к умершей матери и расправляет тело, стараясь сбросить горе. Он заметил поскакавших куда-то людей и подходит к коню. Гюлизар останавливает его, садится верхом вместо него и мчится за ускакавшими. А поскакали кочевники в ту сторону, куда ушло лишь пять овец с бараном, — ошибочно.

Вечереет. Кобозев и Нарышкина въезжают в Хошутово на возу шелюговых прутьев и черенков фруктовых деревьев. Мужики сидят на завалинках. Ребятишки играют в догонялки. Нарышкина прыгает с воза и вступает в игру с детьми. Никто ее не может догнать. Вступают взрослые, но тоже не ловят Нарышкину. Красная и

веселая, она носится по песчаной пыли в туче оживших ребяташек. Небо — розово. Поднятые песчаные вороха цветут в закатном солнце. Кобозев бросает воз и долго стремится за Нарышкиной. Он хорошо бежит, но Нарышкина ловка и хитра, — и Кобозев, вспотев, бросает игру, не поймав Нарышкину.

Нарышкина идет к школе — домой. Старик-пастух (один и тот же, что и раньше) видел игру. Он говорит Нарышкиной:

— Марь Никифоровна, бери в мужья Ермошку Кобозева: мужик ходкий и свежий! Зажили бы во как, пра!

Нарышкина розовеет от смущения и сияет глазами.

В Хошутове усердная общественная работа. На околице человек 50 народу. Идет посадка шелюги и деревьев. Носят ведрами воду. Трудовая суeta. Нарышкина работает с лопатой. Тут же Кобозев и Гавкин.

Прогоняют стадо. Кобозев кладет лопату, щупает коров и хозяйственно огорчается. Беседует с пастухом. Пастух его умильно слушает и тоже сокрушается.

Десять мужчин-кочевников и Гюлизар нагнали пять овец с бараном, но чувствуют, что это не весь пропавший скот. Трое мужчин погнали найденных овец к племени, остальные — и Гюлизар — после совета — бросились пропавшему скоту наперерез, по ближайшему направлению.

Они закрутились в степи. Масса растоптанных следов. Ищут верного следа. Заблудились. Время к ночи.

Остальное племя ждет их возвращения. Трое — с овцами — давно вернулись.

Новый день. Уехавших за скотом нет. Скот ревет от голода, мечется, его невозможно удержать. Скот всей массой уходит в степь, не слушаясь бьющих его людей. Тогда за ним тронулись и кочевники. За кочевниками — повозка с мертвецами и старым провожатым.

Гюлизар спит на утренней заре у брюха лежащей лошади. Не вдалеке — ее семь спутников.

Она просыпается первая. Садится на лошадь. Оглядывает пустую одинаковую степь. Видит слабую пыль. Будит спутников и скачет туда. Приезжают, где пылило. Находят свой скот, бредущий в изнеможении по голой, задутой песком степи. Несколько животных отстали и лежат. Жаждающие животные. Показать их мученические терпеливые физиономии.

Село Хошутово, где Нарышкина. Видны новые посадки. В них паутина, неуютные хворостины. На школе надпись: «Школа и крестьянское товарищество культуры песков» (углем на жести). Новенький сруб общественного колодца с лотком и бадьей. Крестьянин привязывает веревку от бадьи за хвост верблюда и погоняет верблюда. Верблюд торопится и вытаскивает бадью с водой.

Утро. Деревня дымится. Нарышкина умывается у крыльца школы. Сильно полощется и не может оторваться от воды. Вода — особенное и здесь любимое вещество.

Степь пылит на околице. Гюлизар и ее спутники-кочевники гонят свой отысканный скот. Люди и животные худые и жалкие. Гюлизар заострилась лицом.

Вымытая розовая Нарышкина чешет волосы за окном (внутри школы), но ее хорошо видно снаружи.

Гюлизар идет в Хошутово одна, оставив в степи животных и спутников. Она набредает на школу и видит Нарышкину. Та ее не видит.

Гюлизар и Нарышкина у хаты сельсовета. Выходит Кобозев. Краткий разговор.

Кобозев говорит Гюлизар:

— Ты своих теперь не догонишь. Пастбищная полоса узка, трава не уродилась, а ближний степной колодезь отсюда за пятьдесят верст. Твои, наверно, уже прошли его: трое суток — времени много...

Нарышкина думает и показывает куда-то рукой. Кобозев смотрит в направлении ее руки.

— Да, там есть осохший степной лиман. Вот пусть и садятся туда со скотом на оседлость, а мы немного поможем... А куда же она пойдет — степь съедена их же племенем, колодцы выпиты, а по пустыне скот не прогонишь...

Гюлизар благодарно и удивленно смотрит на обоих.

Быстро проносится перед зрителем огромная (длинная) дорога, протоптанная ушедшим племенем кочевников. Это пастбищное кочевое кольцо. На нем ни травинки. Чувствуется, что дойти по такой песчаной несъедобной каше нельзя.

— Садись тогда по соседству, — говорит Нарышкина. — На будущий год трава отрастет, твои обойдут степь и ты с ними встретишься, а то скот погубишь. А председатель обещает немного травы...

Все трое на околице. Кобозев указывает на дальнюю степную впадину. Кочевники — спутники Гюлизар — подошли близко и испуганно смотрят в сторону, куда указывает Кобозев.

Кобозев показывает в смутную голую даль, и все смотрят туда. Один верблюд тоже поворачивает туда голову.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Проходит год. Хошутово уже изменилось. Где в прошлом году были голые посадки — там зелено. Группами работают люди на посадках.

Пастух стоит с четырьмя крестьянами. Разговор. Крестьяне курят. Пастух говорит:

— Мужики, а мужики! Пора бы нам Марь Никифоровну замуж отдать, а то соками разыграется и сбежит в город — дело ее молодое... Вот бы Кобозев Ермолай — третий год в председателях ходит — мужик сдобный и умственный... А Марь бы Никифоровне в Хошутове закрепка была — дюже девка к селу пришлась... Без нее нас бы песок да нужда заглодали...

Мужики серьезно соглашаются с пастухом и говорят, чтобы он на сходе голос за это поднял! Когда общество согласится, тогда всем обществом просить Нарышкину выйти замуж за Кобозева, а сватом от общества послать пастуха.

Люди работают. Кобозев возит воду. Нарышкина протягивает бечеву с Гавкиным — намечают линию посадок.

Степная впадина. Часть кочевого племени — Гюлизар и семь кочевников — продолжают устраиваться на оседлость.

Роятся новые землянки. Несколько землянок уже есть. Везут откуда-то воду. Молодой кочевник вместе с Гюлизар старательно возится над устройством жилища из кошмы и кольев.

Гюлизар весела и трудолюбива. Кочевники усердно работают. Несколько русских крестьян из Хошутова глядят и даже помогают.

К группе русских крестьян подходит Кобозев. Он садится на деревянную втулку старого рассохшегося колеса и глядит в степь. Он печален, сер и скучен лицом. Он, видимо, томится и не может скрыть своего сердечного чувства. Остальные русские крестьяне увлечены зрелищем или сами участвуют в работе и не замечают Кобозева. Кобозев сидит на отшибе ото всех.

Гюлизар видит странного русского. Подходит к нему. Кобозев поднимает на нее свое растроганное, почти жалобное лицо. Он бессознательно ищет жалости и участия. Гюлизар не понимает неизвестного ей чувства Кобозева.

Она спрашивает:

— Ты болен?

Кобозев отвечает:

— Нет. Я люблю и уважаю одну женщину — от этого во мне всегда горит горе!

Гюлизар не может его понять:

— У нас так не бывает... Женщина у нас работает, а мужчина любит коня...

Гюлизар уходит работать. Кобозев встает и бредет из Сафуты.

Гюлизар глядит ему вслед: удивляется загадочному — новому для нее — человеку и его странному горю от любви к одной женщине. Ее лицо принимает выражение какой-то блаженной неясной надежды.

Поселок кочевников уже принял вид оседлой уютности. Двое пашут целину. Один старый кочевник сажает деревцо против своей землянки.

Степное племя кочует. Впереди Мемед. Смертельное истощение людей и животных. Верблюды и лошади самовольно становятся от усталости, потом опять идут. Мемед худ, оброс бородой, в глазах хищная тоска. Впереди — стада, за стадом люди на повозках, а зади, отставая, воз с мертвецами и с прежним старым проводником.

Вдали сверкает и звенит живая родящая земля. Мемед и его спутники останавливаются и долго всматриваются. Совещаются. Некоторые кочевники уже с винтовками (в прежних кадрах их не было). Племя одичало и имеет почти разбойничий вид.

Над живой дальней землей мираж: масса людей, постройки, холмы.

Племя успокаивается: то — мираж, там нет ничего, кроме песка.

Едут. Мемед пристально вглядывается в мираж и потом скачет туда один, опережая стадо.

Мелиоративные работы. Лиманное орошение. Огромная площадь, охваченная земляным валом, имеет пышную растительность. (Если будет возможно, лучше заснять площадь лимана под водой.)

Рядом русские крестьяне-поселенцы, насыпают другой лиманный вал. Крестьяне с лопатами. Подводы ходят вкруговую, возя землю на вал.

Молодой инженер-мелиоратор работает с нивелиром. Недалеко едет небольшой обоз, с людьми, инструментами и машинами.

Оттуда подходит к мелиоратору другой инженер. Здравуются. Мелиоратор вынимает карту и показывает по ней дорогу — собеседнику. Тот благодарит и уходит к своему обозу.

Это отряд буровой разведки под Волго-Донской канал.

Во время беседы двух инженеров — на строящийся лиманный вал въезжает Мемед. Он молча глядит на горячую трудную работу мужиков и на инженеров. Он дик, грязен и в этом месте кажется застенчивым. К нему подходит инженер-мелиоратор.

Ночь. Близ лиманов — ставка племени. Над степью звезды. Семьи жадно едят скудный ужин. Дети рвут друг у друга куски баранины и ловят в котлах руками остатки жира. Взрослые почти не едят и курят.

Инженер-мелиоратор говорит с Мемедом. Несколько кочевников чутко слушают.

За лиманом — привал работавших днем крестьян. Костры, ужин. Десятник в палатке при керосиновой лампе чертит. Тут же геодезические инструменты, мерные ленты, шаблоны и пр. — техническая база работ. Лошади пасутся.

Мемед спрашивает:

— Где ж нам пройти? Тут росла наша трава на кочевом кольце.

Мелиоратор отвечает:

— Теперь тут будет орошение. Тысячи людей будут кормиться круглый год, а вы кормитесь одни сутки...

— Значит, пройти негде — нам поворачивать? — спрашивает Мемед.

Мелиоратор машет головой в подтверждение. Затем мелиоратор вынимает карту Волго-Донского канала и показывает Мемеду. Мемед глядит и начинает понимать.

— Там тоже сомнут наши пастбища! — говорит сам себе Мемед. Другие кочевники глядят подозрительно и недоверчиво.

Ночь. Нежно и покорно глядят верблюды терпеливыми глазами.

За лиманом — на рабочем привале — русская пляска под гармонь и железный бубен.

У кочевников — унылая тишина и ранний измученный сон.

Мемед на коне на лиманном валу.

Ему видны — стоянка строителей и поселенцев и ставка своего племени. Строителей и поселенцев в четыре раза больше, чем кочевников.

В стороне виден сарай с цементом. Там ходят вооруженные люди. Мемед поникает головой и едет к племени.

Утро. Племя поворачивает от лимана в степь. Скот, люди, повозка с мертвецами. Впереди скота уже не скудное пастбище, а голый голодный песок.

Поселок оседлых кочевников.

Гюлизар встречает молодой кочевник — теперь ее муж — и берет с ее плеча кувшин с водой.

Потом она идет снова за водой — в степь, где небольшое озеро во впадине.

Степь пылит — движется племя кочевников. Гюлизар всматривается в даль. Бежит без воды в поселок. Выбегают все кочевники. Несутся навстречу своему племени. Обнимают животных.

Встреча с родственниками. Гюлизар указывает на свой маленький поселок. Племя делится. Мужчины — оседлые кочевники, что были с Гюлизар, — забирают своих жен и детей. Люди в иступлении делят имущество. Некоторые повозки нагружены и трогаются к поселку. Гюлизар зовет Мемеда. Мемед сидит на коне и молчит. Гюлизар подходит к Мемеду и хватает за стремя. За ней вслед идет молодой кочевник и берет ее за руку — это ее муж, что строил с ней жилище в поселке. Мемед молчит, отворачивается и трогает коня.

Часть племени удаляется в поселок на оседлость. Гюлизар с мужем с ними. Другая часть трогается дальше в степь. Оставшихся на оседлость раза в четыре меньше, чем ушедших в степь.

Стадо, люди, две повозки с мертвецами (проводящий — тот же, что и раньше). Степь. Вдалеке Хошутово.

Дается понять, что прошло долгое время — четыре года. Это достигается несколькими способами, как указано ниже.

Раннее утро. На крыльце школы, заслонив рукой лицо от низких солнечных лучей, стоит чуть пополнившая Нарышкина и оглядывает свое село.

На доме сельсовета другая вывеска: «Хошутровский райисполком» — и флаг.

Хошутово резко изменилось. Оно все проходит перед зрителем, одновременно со взором Нарышкиной.

Сначала нежное утреннее небо. Потом печной дым стелется над хатами. Затем усадьба крестьян. Избушки зауютнулись в зелени посадок. На дворах, где раньше были кизяки, лежит ворохами хворост. У колодцев небольшие принявшиеся деревья. Молодые сады. В степи на большом пространстве ровные культурные зеленые посадки — в слабой серебряной парящей росе. В посадках птицы и какие-то робкие маленькие зверки. Поля за околицей охвачены полосами кустарника и молодых деревьев. В защищенных этими живыми изгородями пространствах растет хлеб. Огороды. Есть пруд — он блестит, в нем купаются ребятишки и пьет стадо.

Большой синей лентой уходят насаждения в степь, отрезав от пустыни возделанные земли. В одном месте близ насаждений работает группа крестьян.

У ворот усадеб сидят бабы, мужики, подростки. Плетут из шелоговых прутьев корзины и несложную мебель. Готовая мебель стоит тут же. Народ посылит и повеселел. Нет прежнего удручения и тоски на лицах. Показать это близким экраном.

Резкий контраст Хошутова с пустыней. Живой, зеленый, дышащий влагой оазис в безграничной, тихой, горячей, пустой степи.

К Нарышкиной подходят Кобозев и старик-пастух, раскуривший до огня свою трубку. Стоят трое в золотом свете, в трепещущем летящем воздухе.

Пастух показывает на степь и что-то озабоченно говорит. Его внимательно слушают Нарышкина и Кобозев.

— Штой-й-то кочуёв нету. А должны скоро быть. Кочуй срок не упустит — степь отдохнула, его время пришло. Теперь у нас зелень — все сожрут!..

Село кочевников, севших на оседлость. Уже есть зелень, посадки, деревья. Есть избы, землянок мало. На одной хате намалеванная вывеска: «Сельский национальный совет Сафуты». Другая хата обсажена шелугой — на хате надпись углем: «Школа и крестьянское товарищество культуры песков». Из степи верхом приезжает Нарышкина и идет в школу.

Гюлизар несет своего ребенка. Рядом муж Гюлизар — тот самый молодой кочевник. У околицы кочевники-крестьяне насыпают плотину; человек двадцать. Жаркое степное утро.

В «Школу и крестьянское товарищество культуры песков» входят несколько детей, подростков и взрослых туземцев. Гюлизар отдает ребенка мужу и спешит в школу.

Хошутово. Вдали темные пятна и пыль над степью, от топота стад кочевников.

По безлюдной полуденной улице бежит стариковской рысью пастух и стучит в ставни и окошки:

— Кочу́й прискакали!

Народ высыпает на улицу. Пастух подбегает к школе и почти-тельно постукивает в дверь. Выходит Нарышкина. Пастух испуганно говорит.

Простоволосая Нарышкина бежит по деревне впереди пастуха. У сельсовета толпа. Кобозев спокойно говорит. Крестьяне сумрачны и осунулись. Нарышкина волнуется. Советуется с Кобозевым.

Кобозев исчез. Явился на лошади верхом. Нарышкина просит его уступить ей лошадь. Кобозев уступает. Нарышкина садится верхом и скачет в степь. В степи ее догоняет Кобозев на другом коне. Скачут вдвоем.

Ставка кочевников. Нарышкина и Кобозев ищут того, с кем следует говорить. На них злобно смотрят кочевники и показывают.

Мемед спит на жаре, уткнувшись вниз лицом в ветхую кошму. Его облепили мухи. Нарышкина не узнает его и начинает расталкивать. Кобозев стоит тут же с хворостиной, которой он погонял лошадь.

Мемед вскакивает и дико поражается.

Нарышкина тоже вздрагивает от знакомого лица.

— Мемед! — начинает Нарышкина.

Кобозев подозрительно смотрит на обоих.

Мемед владеет собой, вежливо и учтиво улыбается. Нарышкина просит Мемеда не трогать оазиса, не трогать зелени и поскорее прочь уходить от этого места.

Кочевники стоят вблизи и ревниво следят за разговором. Мемед глядит в их сторону. Все с ненавистью наблюдают; другие жадно глядят на синеющий хошутовский оазис. Мемед колеблется. Он стоит между племенем и Нарышкиной. Нарышкина почти умоляет его. Кочевники ожесточенно молчат.

Мемед делается строгим и сухим:

— Травы мало, людей и скота много, — нечего делать барышня! Если в Хошутове будет больше людей, чем нас, они нас изгонят в степь на смерть — и это будет справедливо, как сейчас! Мы не злы и вы не злы, но мало травы! Кто-нибудь умирает и ругается!

Нарышкина понимает его — и сразу в ее глазах загорается ненависть.

— Все равно вы негодай! Мы работали пять лет, а вы съедите село в один час! Смотрите, я буду жаловаться советской власти, и вас будут судить!

Мемед улыбается. Кобозев жует скулами и весь вздувается от злости. Он ревнует и ненавидит разбойника.

— Степь наша, барышня! — холодно говорит Мемед. — Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.

Мемед наклоняет голову.

Кобозев туго и с размаху бьет Мемеда по лицу прутом. Мемед круто рвет голову, сжимает тело и готовится к прыжку. Нарышкина бросается к нему и смотрит на него с испугом, нежностью и участием.

Мемед сразу замирает, скорбно улыбается и закрывает рукою кровь на лице.

Нарышкина и Кобозев обратно скачут в Хошутово. Мемед смотрит вслед всадникам.

Близ околицы Нарышкина поворачивает коня на степную тропу. Кобозев пытается следовать за ней, но Нарышкина не велит ему. Исчезает в пустыне одна на коне.

Сафута. Нарышкина на измученной лошади подъезжает к школе и стучит хворостинкой в окошко, наклонясь в седле. Выходит муж Гюлизар. Нарышкина сходит с коня.

Бледная летняя ночь в пустыне. Племя дремлет в кошмаре. Спят полураздетые худые женщины. К ним приникли тощие дети, они водят тонкими руками в бреду. Валяются полумертвые животные.

Мемед бродит по ставке один. Укрывает костлявые синие ноги спящих женщин и смотрит на детей в тряпках, старчески дремлющих с полуоткрытыми невидящими глазами. Изредка поднимается какой-нибудь человек и, невнятно пробормотав, валится вновь, не проснувшись. Ползет черепаха. Мемед ее берет. Вытягивает голову из-под панциря и душит пальцами. Потом швыряет прочь.

Мемед выходит за ставку. Долго глядит в сторону Хошутова. Там клубится слабый печной дым.

В мареве светлой ночи близко замаячили две фигуры людей, бредущих из Хошутова.

Мемед ждет. Подходят два кочевника. За плечами у них по мешку картошек. Они молча проходят мимо Мемеда.

Ранняя зоря. Мемед мечется по ставке. К нему подходят два поилых кочевника и враждебно говорят:

— Говори слово, Мемед!

Мемед смотрит в обратную сторону. Потом прыгает на ближнего коня и скачет к Хошутову. За ним — один за другим — кочевники хватают лошадей и мчатся в угон.

Дико и весело скачет сотня всадников. За ними спешно трогаются кибитки, потом топчется голодное стадо.

Хошутово нарастает на глазах. Видна яркая росная зелень нивы, хлебов и огороды. Широкие полосы шелуги и молодых деревьев. Приветливые колодцы. Хаты, дымящиеся тихим дымом.

От кочевников пыль и звон.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Воздух поджигается зарей. Всадники доскакали до передовых посадок. Из посадок им навстречу выходят крестьяне с кольями, топорами и вилами. У некоторых — винтовки. Несколько выезжают на конях. Тут же Гюлизар, Нарышкина и оседлые кочевники из Сафуты. Кочевники не имеют в руках ничего.

Мемед останавливается. Он замечает Гюлизар и Нарышкину. Гюлизар убеждает Мемеда не трогать насаждений. Нарышкина и Кобозев молчат и стоят в стороне. Кобозев с винтовкой. Мемеда и других всадников окружают русские крестьяне и оседлые кочевники. Общий спор.

Скот кочевников успел подойти к самой зелени. Его сдерживают русские крестьяне. Скот мычит и мечется. У коров текут слюни. Овцы блеют. Верблюды кричат, подымая голову к небу. Лошади танцуют и кружатся на месте под всадниками. Бараны разбегаются и бьют рогами в животы крестьян, стараясь пробиться к корму.

Крестьяне стоят стеной и сдерживают скот. Но одна корова кочевников прошмыгнула мимо Кобозева и метнулась в зелень. Кобозев спохватывается, оборачивается и бьет ее из винтовки наповал.

Мемед и все кочевники вздрагивают. Крестьяне поднимают колья и топоры. Скот кочевников бросается тучей в посадки и сбивает крестьян. Русские крестьяне исчезают в посадках. Кустарник и деревца качаются.

Всадники врезаются в насаждения и исчезают в их глубине. Туда же проваливается все племя — кибитки и люди. Над зеленью поднимается пыль и окутывает ее. На огородах, на хлебах — жадные жрущие стада.

Из посадок вырываются на чистое место десять кочевников на конях. Завязывается схватка. Кочевники подминают мужиков и скачут по улице села. Кобозев бьет по ним из винтовки. Один ко-

чевник запрокидывается в седле, его уносит в степь испуганная лошадь.

Оседлые кочевники и Гюлизар бьются на стороне русских против своих соплеменников. У них в руках тоже теперь колья. Они дерутся ловко и зло.

Из посадок выскакивают остальные кочевники. Они бьют по оставшимся крестьянам из винтовок и несутся на село. С ними Мемед.

Спрятавшийся за овином Кобозев замечает Мемеду и бросается за ним вслед. Мемед видит его, но не стреляет в Кобозева (у Мемеду винтовка), а старается уйти на коне. Кобозев мчится за ним и вскидывает винтовку. Мемед свою винтовку берет за ствол и поднимает над головой — в знак мира.

Но Кобозев стреляет в Мемеду. Промач. Кобозев снова взводит винтовку. Тогда Мемед, повернувшись на седле, бьет Кобозева наповал.

Две хаты горят. Из некоторых изб по кочевникам вспыхивают выстрелы. Кочевники громят село, Мемед их явно сдерживает, выгоняет грабителей со дворов, но он уже потерял влияние на одноплеменников, и ему сопротивляются.

Нарышкина бежит рядом с Гюлизар по улице. Навстречу Гавкин с винтовкой. Он забежал за плетень и бьет по кочевникам. Нарышкина выхватывает у него ружье, но стрелять не умеет — возит-ся. Гюлизар берет у нее ружье и ловко и часто бьет по всадникам. Нарышкина замечает коня Гавкина. Всккивает на него. Зовет Гюлизар. Та отдает винтовку Гавкину. Гавкин стреляет с усердием и расчетливо. Нарышкина и Гюлизар скачут из села. Их пропускают всадники.

Сафута. Нарышкина и Гюлизар входят в «Сельский национальный совет Сафуты». Из совета навстречу выходит крепкий кочевник. Нарышкина говорит ему, спеша и волнуясь.

Из Сафуты на свежих лошадях выезжают Нарышкина, кочевник из совета и еще десять оседлых кочевников. У троих винтовки, у остальных кинжалы и колья, которые они держат, как пики.

Хошутово. Догорают несколько хат, дымятся головешки. Шелюговые насаждения, молодые сады, пашни, огороды — все разрушено, съедено, затоптано, изгрызено.

Бабы таскают из колодцев ведрами мокрую грязь — воду выпили кочевники — и тащат ее на уже догоревшие хаты.

Старик-пастух стоит на околице и всматривается в степь из-под ладони, как бы ожидая.

С другой стороны села выезжают кибитки племени, нагруженные зеленью, травой, картошками, арбузами, дынями, целыми небольшими вырванными деревьями и проч. Отдельные кочевни-

ки собирают свое стадо, разбредшееся по всем окрестностям Хошутова.

Вдали показываются верховые люди. Можно узнать Гюлизар, Нарышкину и их спутников — оседлых кочевников из Сафуты.

Старик-пастух облегченно вздыхает и начинает набивать трубку.

Мертвый Кобозев лежит на уличной дороге. Глаза и рот открыты, во рту распухший толстый язык.

Нарышкина останавливает около Кобозева свою лошадь. Зовет пастуха. Говорит ему. Пастух машет головой: дескать, понимаю. Нарышкина показывает рукой на Кобозева, а потом на хату, где Совет. Пастух соглашается.

Нарышкина догоняет уехавших кочевников.

Пастух стоит над Кобозевым:

— Четыре года я тебя сватал, и не успел — помер теперь жених! А дело к концу шло!..

Нарышкина, Гюлизар и вся кавалькада уехавших из Сафуты оседлых кочевников мчится по селу вслед одиноким отставшим диким кочевникам. Оседлые кочевники стреляют вдогонку. Дикие отвечают.

Из одной хаты выбегает с подушкой и петухом под мышками дикий кочевник. За спиной у него винтовка. Нарышкина и ее отряд не замечают его. Дикий кочевник бросает подушку и петуха. Петух голосит и летит, как птица. Дикий кочевник ворочает ошалелыми глазами, ищет своих, потом вскидывает винтовку и бьет несколько раз по отряду. Падают Гюлизар и еще один всадник. Председатель Сафуты бьет с коня дикого кочевника наповал.

Отряд останавливается.

Гюлизар снимает с коня ее муж, бывший в отряде, и кладет на землю.

Гюлизар умирает. Нарышкина и председатель Сафуты сходят с коней. Нарышкина стоит спиной к зрителю. Муж Гюлизар покрывает труп жены от ног до волос своей верхней одеждой.

Гюлизар лежит мертвая.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Пастух с Гавкиным стоят посреди разгромленного Хошутова. Вечерет. Беседуют.

Пастух говорит:

— Как бы не обидели там Марию Никифоровну! Зачем поскакали? — Кочуй села не сделает! У них тоже кровная обида: наша шелюга перерезала их прогонную травяную полосу — кочуй и взъярились...

Гавкин поникает расстроенным лицом.

Племя бредет по степи враздробь, как побежденное. Хошутово видно уже далеко.

На возах разные растения, картошки, трава, арбузы и целые деревья. Козлы прыгают прямо на повозки и начинают объедать и глотать деревья.

Племя идет не тремя частями, как раньше, — скот, люди, повозка с мертвыми, — а общей растерянной массой. Есть раненые.

Мемед едет усталый и разбитый. На лице его отчаяние и тоска.

Нарышкина, сафутский председатель и оседлые кочевники скачут по степи. Нагоняют племя.

Председатель Сафуты кричит на Мемеду и ругается. Мемед отмалчивается. Нарышкина подпускает свою лошадь близко к Мемеду, и, вся вспыхнув, бьет Мемеду кнутом по лицу несколько раз.

Мемед в диком чувстве отчаяния и унижения поднимает винтовку на Нарышкину. Потом медленно переводит дуло винтовки с Нарышкиной на председателя Сафуты.

Нарышкина с поднятым кнутом бросается на него. Мемед стреляет в председателя Сафуты — и тот валится мертвый с коня.

Дикие кочевники окружают приезжих, разоружают их и гонят обратно. Нарышкина сама прыгает с коня и одна проходит сквозь расступавшееся племя. Дикие кочевники глядят на нее с боязливым уважением.

Нарышкина уходит в степь в направлении Хошутова.

Проходит время. Дать его длинной дорогой от Хошутова до места действия.

Глухая пустыня. Поднимающийся вихрь.

Мемед. Племя кочевников. Людей гораздо меньше, чем было раньше. Сквозь крепнущую бурю племя спешит зайти за курган — под ветер.

В кибитках лежит много больных посиневших людей. Племя останавливается. Пять-шесть мужчин и Мемед — быстро справляются с укреплением кибиток и приспособливают их к буре.

Тучи мятущегося песка заволакивают стоянку.

Вихрь бьется над голыми телами больных и умирающих кочевников.

В кибитке сидят Мемед и еще трое пожилых кочевников. Песок навевается туда, и кошма кибитки трещит. Совещаются.

Один кочевник говорит:

— Иди, Мемед, в Сафуту в совет — проси оседлость! Там наш народ, там твоя сестра Гюлизар — пусть забудут Хошутово, время прошло! Степь не дает травы, колодцы сухие, кочевое кольцо разорвано, и на пастбищах строят дома!

Мемед молчит, — другие сидят неподвижно.

— Езжай, Мемед! Мы вымрем все — чума уже в кибитке, у нас нет живых женщин и детей. Степь погибает.

Буря разгорается над степью песчаным пожаром. Почти темно. Кибитку гнетет ураган.

Утро. Околица Хошутова и — пустыня.

По дороге из Хошутова бредет одна, пешая, Нарышкина. В руках у нее узелок, в руке палка. Нарышкина простоволоса, измучена и глядит рассеянными выцветшими глазами.

Хошутово совсем далеко. Глухая пустыня. Фигура Нарышкиной уменьшается на горизонте.

Истомленная Нарышкина входит вечерней зарей в Сафуту.

В стороне от дороги Нарышкина замечает нечто вроде клумбы. Нарышкина идет туда. Там засохшие редкие бедные цветы, посаженные вокруг одинокого деревца. Под деревцом могильный холмик.

Нарышкина стоит перед деревцом с узелком и путевой палкой. Нарышкина подходит к «Школе и крестьянскому товариществу культуры песков». Входит в хату.

Сафута — село оседлых кочевников. Не везде хаты. Много еще землянок и приспособленных под постоянное жилье кибиток. Но уже есть искусственные насаждения, реденькие полосы шелюги по песку. Есть деревца. Есть огороды и небольшие поля. Дается экран вид зеленеющей Сафуты.

Нарышкина из хаты выходит с мужем Гюлизар.

Муж Гюлизар показывает Нарышкиной длинную полосу шелюги, уходящую в степь. На двух столбах вывеска:

ЗЕЛЕНАЯ ЗАЩИТА В ПАМЯТЬ
г. Гюлизар,
погибшей за растения в пустыне.
Граждане Сафуты.

Осеннее утро. Прохладная прозрачная степь. Сафута.

Нарышкина в туземной одежде кочевников носит воду в школу. Потом с ребенком и отцом ребенка — мужем Гюлизар — садится на завалинке школы и кормит ребенка молоком из бутылочки. К школе подходят несколько крестьян — бывших кочевников, детей и подростков. Нарышкина машет им рукой, чтобы они шли в школу. Потом отдает ребенка отцу и сама уходит в школу.

Вечер. Меркнет степь. Заходит огромное солнце. По степной равнине скачет одинокий всадник.

Сафута. Всадник хорошим ходом въезжает в деревню. Это Мемед. Озирается и отворачивается от встречных. У одного мальчика спрашивает. Тот показывает.

Мемед подъезжает к школе. Смотрит на надпись и сходит с коня. Стучит в окно и зовет:

— Гюлизар!

Никого нет. Мемед подходит к сеним, стучит в дверь:

— Гюлизар!

Выходит Нарышкина. Мемед весь поникает. Нарышкина видит Мемеда и с чуть заметной робкой нежностью и удивлением ждет его слова.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Пустынный звездный вечер. Стоянка кочевников. Люди голодны и больны. Скот мычит и волнуется. Некоторые старики ждут кого-то и глядят в степь.

Далекий всадник. Приближается. Приезжает Мемед. У него спокойное, почти счастливое лицо. Его обступают. Вопросы. Мемед отвечает. Потом спор. Шум. Мемед поднимает руки и сердито унимает племя. Он говорит:

— Кто любит скот и свои семейства, пусть утром едет со мной в Сафуту на оседлость. Нам дают помощь и место. Я говорил с песчаной учительницей. Русские из Хошутова тоже обещают помочь и забыть прошлую беду. Степь кончилась.

Среди кочевников — волнение. Не все согласны идти на оседлость. Противники кричат:

— Нет, степь богата, — мы найдем траву. Труд — беда человека, а кочевье — воля!

Мемед иронически улыбается говорящему эти слова и отходит прочь к своей лошади.

Темнеет.

Ночь. Восходит огромная луна на горизонте. Отдельно от племени — в голой освещенной степи — сидит (спиной к зрителю) Мемед и глядит в серебряную лунную даль. Пустыня фантастична.

Грезы Мемеда овеществляются. Он видит огни больших селений, серебряные фантазии озер, непонятные сооружения. Все это находится поперек пастбищной травяной полосы. Племя идти некуда. Оно ложится в песок и синее от голода и луны. Из большого селения в степь выходит фигура Нарышкиной и идет между мертвевшими кочевниками.

Луна поднимается выше и делается меньше. Мемед сидит спиной к зрителю. Пустыня свободна от видений Мемеда и бесконечна в серебряном свете луны.

Утро. Кочевники делают скот и имущество. Скот не хочет расставаться. Рев и волнение. Люди насильно разделяют коров, верблюдов и баранов. Телята стонют по матерям. Верблюды кричат по своим родным и друзьям, которых гонят в другую часть. Стадо не желает делиться. Трагедия родственного чувства скота. Привыкшее жить кочевой коммуной — племя никак не может разделить имущества и вещей. Разные детали. Вещи и одежда несколько раз переходят из рук в руки; наконец дают вещи нюхать верблюдам той и другой части разделенного стада, — по симпатии верблюдов вещи делают. Мемед торопит людей с коня.

Племя, против первой и второй части фильма, уменьшилось раз в пять. Иные со злобой, иные со скорбью — расстаются люди на два народа из одного. Сцены прощания и сцены равнодушия.

2/3 племени едут за Мемедом на оседлость в Сафуту.

1/3 трогается в степь: немного скота, люди и две повозки с мертвецами и старым провожатым.

Дальше и дальше расстояние между частями расколовшегося племени, уходящими в противоположные стороны.

Мемед останавливается. Пропускает скот и людей, идущих на оседлость. Смотрит в сторону уходящих в степь. Те тают вдаль. Маячат — как мираж, обращаются в тени и в ничто. Последними пропадают две повозки с мертвецами и старичок-кочевник, их всегдашний проводник, бредущий позади.

Веет тонкая песчаная пыль и стирает черту между небом и землей.

Мемед медленно поворачивает голову от степи к зрителю. Но картина кончается раньше — лица Мемед зритель не увидит.

<Вторая половина 1927 г.>

ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ

(Либретто)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИНЖЕНЕР ВИЛЬЯМ ПЕРРИ.

НЕГОЦИАНТ.

ДЕСЯТНИКИ.

БЕРТРАН ПЕРРИ.

МЕРИ.

СТАРИК ПЕРРИ.

ПЕТР.

НЕМЕЦКИЕ ИНЖЕНЕРЫ: БЕРГЕН, ФОРХ и еще трое.

ГЕНЕРАЛ ТРУЗСОН.

ТЕХНИК ЦИЦКЕВСКИЙ.

ПАХАРЬ.

СТРАННИК-БОГОМОЛЕЦ.

ЯМЩИК.

КРЕСТЬЯНЕ-РАБОЧИЕ.

ПРИРОДА.

БУРМИСТР ПРОТАСЬЕВ.

СТРАЖНИКИ.

ГРИГОРИЙ САЛТЫКОВ.

СОБАКА ИЛЮШКА.

ДЬЯК ПЫТОЧНОГО ПРИКАЗА.

ПАЛАЧ.

МИХАИЛ ПРОЗОРОВСКИЙ.

Прочие персонажи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глубина «азиатского» континента. С высокой точки дается общий ландшафт древней (Петровские времена) России: реки, одетые в уют лесов, редкие степные земледельческие прогалины с деревушками. Реки текут, деревья шевелятся от ветра, вся девственность природы живым лицом открыта небу. Аппарат берет с нескольких точек всю заунывность, широту и влекущую мощь русской природы. Человека нигде не видно: только две-три дальние

деревушки. Постепенно ландшафт уточняется и берется в более близкий план. Видны пустые дороги: очень широко расставленные колеи (раньше телеги были шире, чем теперь), две-три дорожные часовенки при дороге, колодезный сруб и над ним натянутая ветром ветла.

Весь этот эпизод дается в медленном равномерном ритме ветра, текущих рек, пространств и безлюдия. В последние кадры эпизода берется дорога; она делается все более разъезженной и растоптанной, в нее впадает еще несколько дорог. Большая песчаная дорога идет в гору. По сторонам сосновый лес. В долгую тишину природы начинает вмешиваться посторонний чередующийся звук. Сначала он дается еле заметным вздрагиванием листвы на ближних к плану деревьях и слабым затуханием экрана; затем (аппарат все время движется по дороге) звук становится резче: деревья подрагивают сильнее и мгновенное затухание экрана дается гуще.

Громадный человек в старорусской свитке подрубает строевое дерево. Он спрохвала, но равномерно и надежно бьет топором дерево в глубь его тела. Дерево медленно клонится, человек глядит вверх и отходит в сторону. Дерево начинает падать, но с остановками (то есть иногда приостанавливается на миг, как бы томясь и раздумывая), затем сразу рушится: в экране тьма; тьма проясняется — дерево лежит погубленным, человек с топором подрубает уже другое дерево.

Высокая точка съемки. Дорога спускается в долину реки; поворот дороги: сразу открывается устье реки Воронеж, впадающей в Дон (не обязательно требуется снимать именно реку Воронеж).

Площадь вырубленных лесов. Работы по постройке шлюза: двести-триста подневольных рабочих заняты плотничными и земляными работами и откачкой воды из котлованов деревянными громоздкими насосами, прочими древними водоподъемниками и просто вывозкой воды бочками. Земляные работы ведутся сквозными карьерами, каруселями. Именно: земляные работы ведутся так: земля передается из рук в руки в корзинах, а рабочие, передающие землю, стоят на месте; затем пустые корзины возвращаются в котлован. По существу, это конвейерный способ, изобретенный в России лет 300–400 назад. Затем снять прочность деревянных сооружений, искусство тогдашних плотников, умевших строить с безупречной надежностью. (Приспособить для съемок можно «аналогичную» современную постройку.) Вдали — на Дону — мачты кораблей.

Негоциант (купец) идет по краю площади работ. Он имеет морской вид.

Деревянный дом полубарачного типа. Кухонные мужики варят обед рабочим артелям в железных и даже деревянных кадках. (Под деревянными кадками тоже огонь.) Негоциант входит в дом.

I.

Глубина "авансового" континента. С высокой точки дается общий ландшафт дравной / Петровские гробницы / Россия: реки, одетые в уют лесов, редкие степные сельскохозяйственные прогалины с деревушками. Реки текут, деревья выкалываются от ветра, все достаточно природы живым лицом открыта небу. Аппарат берет с нескольких точек как воздушность, широту и флюкцию но в русской природе. Человека нигде не видно: только два-три дальние деревушки. Постепенно ландшафт уточняется и берется в более близкий план. Видны пустынные дороги: очень широко расставленные колья / раньше телеги были шире, чем теперь /, два-три дорожные часовенки при дороге, колодезный сруб и над ним потухшая затром ветла.

Весь этот эпизод дается в медленном, равномерном ритме гудя, текущих рек, прострелов и боялюды. В последнюю кадру эпизода берется дорога; она делается все более разогнанной и растоптанной, в нее впадает еще несколько дорог. Большая песчаная дорога идет в гору. По сторонам сосновый лес. В догугу тягачу природы начинает выныривать пестротный, чередующийся звук. Сначала он дается еле заметным, как рогатый ластик на ближних и плыву деревьев и слабым затухающим экраном; затем аппарат все время движется по дороге / звук становится резче: деревья подрагивают осязным и игнованным затухающим экраном дается чаще.

Громадный человек в старорусской свитке подрубает строевое дерево. Он спрысывает, но равномерно и надежно бьет топором

Инженер Вильям Перри пишет письмо на большом плоском столе (вроде нынешних чертежных). Вильяму Перри лет сорок пять, англичанин. Замкнутое, сухое лицо. Два русских десятника молча стоят против него. Негоциант тоже подходит к столу и молча ожидает. Вильям Перри замечает негоцианта.

Дается в экран часть письма Вильяма Перри: «Сколь разумны чудеса природы, дорогой брат мой Бертран! Сколь обильна сокровенность пространств, то непостижно самому могучему разумению и нечувственно самому благородному сердцу!»

Негоциант говорит Вильяму Перри. Перри соглашается с ним и продолжает писать.

«Купцы, отправляющиеся в Азов, Кафу и Константинополь, уже починили свои корабли и готовятся к отлучке, а то Танаид может усохнуть и не поднимет грузных кораблей».

Входит третий десятник и озабоченно что-то докладывает Перри. Инженер дает ему из-под стола модель части шлюза (тогда работали не по чертежам, а по моделям-образцам). Десятник понимающе изучает модель. Перри перечитывает свое письмо.

«На устье реки Воронеж построен мною двухкамерный шлюз с перемычкой... А сурьезность моей мысли в том, что я хочу тебя, любимый мой Бертран, позвать в Россию. Здесь весьма к инженерам щедры и благосклонны, а царь Петер большой затейщик на инженерные дела. Царь желает создать сплошной водный тракт меж Балтикой и Черным и Каспийским морем, дабы превозмочь обширные пространства континента в Индию, в средиземные царства и в Европу».

Общий ландшафт. Съемка с высокой точки — работ и природы. Вдали уходят мачты кораблей. Вильям Перри стоит у двери дома и смотрит в цветущий летний туман далекого пространства.

Туман синеет, на траве холодеет роса: идет время, наступает вечер. На небо выходит с востока одна звезда. Звезда движется по еще пустому небу.

Вильям Перри сидит один в своем жилом бревенчатом помещении. Горит лампа на чертежном столе. Перри считает ассигнации, затем медленно укладывает их в малый чемоданчик и замыкает его на два внутренних замка, а потом нервными руками вновь отмыкает, перекладывает ассигнации, прижимает их пальцами и быстро хлопает крышкой чемодана, словно боясь, что ассигнации исчезнут из чемоданчика.

Весь этот последний эпизод следует дать достаточно близким планом, чтобы видны были ассигнации на столе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Комната среднего достатка в Старой Англии. Старик англичанин сидит в кресле и курит. Пепел его трубки горкой лежит на подлокотнике кресла и все прибавляется. Входит сын — инженер Бертран Перри, тридцатипятилетний человек с проседью. Он одет в дальнюю дорогу. У него несколько растроганное напряженное лицо. Отец осторожно кладет трубку рядом с горкой пепла и встает навстречу сыну, готовый к разлуке.

— Берт! Сколько мне табаку сжечь придется, пока я увижу тебя.

— Много, отец, много.

Становятся вплотную друг к другу и обнимаются ослабевшими от волнения руками. Показываются руки Бертрана на спине отца и руки отца на спине сына. Расстаются: отец стоит спиной, Бертран, пригибаясь, уходит в дверь, не обернувшись.

Трубка лежит на подлокотнике кресла. Медленный тихий дым поднимается над трубкой.

Ранний вечер. Порт в Ньюкестле. Склады, краны, прочее оборудование порта. Последние люди, из тех, кто провожал последний корабль, — уходят с причальной пристани. Первая звезда восходит над морем на еще пустом небе. Звезда тихо движется. Эпизод со звездой несколько напоминает тот же эпизод над степными равнинами России.

Мачты одинокого, уже далекого корабля продолжают уменьшаться над горизонтом.

На пристани две фигуры, смотрящие в море, вослед кораблю, — отец Бертрана и девушка рядом с ним. Хотя они оба стоят спиной к зрителю, но трубка отца Бертрана видна над его плечом и видно, главным образом, как старик раскурил табак докрасна: до того, что из трубки вылетают искры.

Девушка — невеста уехавшего Бертрана — Мери оборачивается. Мачты корабля, еще только что видневшиеся на горизонте, скрылись окончательно. Позади девушки — пустое безнадежное море. Шквальный ветер начинает трепать одежду девушки. Черту морского горизонта ступшеывает ночь.

Ночь. Борт корабля. Бертран смотрит на родину — на порт и Ньюкестль. В сплошном черном мраке, заполнившем море и сушу, виден оазис огней Ньюкестля. Этот оазис как бы подвешен в небе, — кажется, что он выше горизонта и должен упасть. Необходимо дать это чувство одиночества, изоляции и невесомости покинутого оазиса человеческой культуры.

Ночь сгущается. От Бертрана остается лишь одна неясная фигура, а затем — силуэт. Одновременно все вещи и устройства на борту теряют видимость, лишь резче выступают огни редких керов

синовых корабельных фонарей. Эта группа фонарей начинает удаляться от зрителя: вот виден лишь силуэт корабля и десять огней на нем; затем осталось только семь огней, а корабля совсем не видно; наконец, видны лишь две светящиеся точки — и они ослабевают: корабль удаляется.

«Грустнейшая Пальмира»: осенний Петербург — он должен быть показан в перспективе и обязательно со взморьем, с мачтами кораблей и с уже мощными, но хмурыми государственными зданиями Петра. Это в первом эпизоде. В следующем — захватывается только та часть Петербурга, которая обращена к России, к равнинам, в глубину сухого континента. На короткое время из объектива совсем исчезает юго-восточная часть Петербурга и держится только ландшафт России с далекой деревенькой и каким-то странником на сельском пути.

Причалная пристань в Петербурге. По сходням медленно, озирая незнакомый город, идет Бертран Перри. На пристани стоят два чиновника: представитель русской Наук-Коллегии (будущая Академия Наук) и резидент (консул) английского короля. Они встречают Бертрана Перри. Они пожимают ему руку. Последним сходит с корабля капитан и прощается с Бертраном.

Бертран, английский консул и представитель Петра подходят к карете, садятся в нее, карета трогается.

Карета удаляется по открытой дороге: собственно Петербург расположен несколько дальше — его сооружения стоят вдали от причала. Карета уменьшается.

«Государь имеет самоличное наблюдение за движением проекта по коммутации рек Дона с Окою — чрез Иван-озеро, реку Шать и реку Упу».

Кабинет Петра. Царь сидит при свечах за чертежными планшетами. Лицо его тоньше и напряженней, чем обычно представляют. На стене висит большая карта Европейской России в тогдашних границах. Толстыми синими жилами на ней нарисованы главнейшие реки. Ясно видно, что все эти реки имеют свои истоки в середине страны и затем разбегаются в противоположные друг другу стороны. Петр глядит на карту. Подходит к ней и чертит на ней красным карандашом линию канала, соединяющего Дон с Окою. Отходит и пьет квас из кувшина, не сводя глаз с карты. Садится и рассеянно бродит карандашом по лежащему перед ним планшету. Затем, не вставая с места, срывает карту со стены и кладет ее себе на стол. Карта большая, свечи на столе мешают ей целиком разложиться. Петр тушит три свечи и кидает их совсем с подсвечниками под стол. Остается одна горящая свеча. Петр берет ее в руку и подносит близко к карте и своему лицу. Свеча освещает его оживившееся лицо, и пламя свечи то пригибается, то выпрямляется, сле-

дуя за дыханием Петра. Петр что-то пишет и проводит отдельные черты на карте. Потом сразу и резко делает явную большую окружность посредине карты и посредине страны. Пламя свечи обрывается от вздоха и тухнет. Неполная тьма — серый прямоугольник окна тускло освещает силуэт поднявшегося на ноги Петра. Входит служитель со свечой. Петр берет у него свечу из рук. Служитель уходит. Поставив свежую свечу на стол, Петр прикрепляет карту России к стене: гвозди с большими шляпками он вдавливают прямо большим пальцем правой руки. Укрепив карту, Петр берет со стола свечу и смотрит на карту. Он водит свечу у карты. Свеча освещает его подпись — на месте Петербурга написано крупными острыми буквами (почерком и стилем Петра):

«Все реки империи нашей в одно водяное тело сплотить должно, дабы водными путями превозмочь погибельный континент и тем помощь из державы ресурсами подавать скудным и опасным нашим рубежам».

Свеча в руке Петра переходит к середине карты: там — линии и секторы, но все покрывает круговая сомкнутая четкая черта, пересекающая все реки, приблизительно поперек их верховий.

Все последние эпизоды, понятно, надо дать близкими планами.

Петр гладит карту большой дружелюбной рукой и задувает свечу в левой руке. Прямоугольник окна светит отчетливей, чем прежде. Петра видно довольно хорошо. Он бродит по комнате, потягивается, харкает, подходит к окну и смотрит на Петербург в окне. В Петербурге почти утро. Мимо окна, снаружи, раза два-три медленно проносит алебарду дворцовый стражник: видна лишь верхняя часть алебарды.

Петр свертывает в трубку планшет, надевает морскую шинель, шапку и выходит.

Большая комната — чистый, большой и тоскливый покой. Серый свет раннего утра. Редкая мебель. На широком низком диване спит, завернувшись в морскую шинель, человек. Левая рука его свесилась почти до полу, лица не видно — оно обращено к стене. Очень тихо, прохладно и пусто.

Петр идет по утренней улице Петербурга. По дороге идут на работу группами каменщики, плотники и портовые рабочие. Едут подводы с досками, сваями, гранитными плитами и прочим строительным материалом. У Петра под мышкой свиток чертежей. Он быстро идет, внимательно наблюдает встречающихся рабочих. Никто его не узнает.

Та же большая пустынная комната — полузала, где спит человек в шинели на низком диване.

Ручка двери шевелится. Дверь тихо открывается. Входит Петр. Он подходит к спящему человеку, осторожно берет его свесив-

шуюся руку и кладет ее спящему на грудь. Спящий сразу подымается и садится. Он ничего не понимает и смотрит одичало-тоскливыми глазами на Петра. Это Бертран Перри.

Петр и Бертран в той же комнате сидят за столом и рассматривают планшет. Бертран в одной шинели, надетой поверх белья, и босой.

Зала в Наук-Коллегии. Должно начаться заседание. Среди десяти присутствующих пятеро немецких инженеров: Форх, Берген (далее действующие) и другие трое. Два писца. Пожилой генерал Трузсон и техник капитан Цицкевский. Входят Петр и Бертран. Присутствующие встают для поклона. Садятся. Генерал Трузсон подходит к карте, прикрепленной к стене.

Изыскательские документы оказались добропорядочными и составлены знающими людьми: французским инженером генерал-майором Труссоном и польским техником — капитаном Цицкевским.

Трузсон докладывает у карты на стене. В стене появляется провал в Россию. Видна в перспективе бедная равнина и речка. На более близком плане в фэтоне, запряженном в тройку лошадей, сидят Трузсон и Цицкевский; Трузсон глядит в подзорную трубу.

Дается близким планом то, что он видит в подзорную трубу: четыре мужика в штанах идут с шестью по болоту. На сухом берегу стоит группа крестьян и наблюдает за четырьмя мерщиками.

— Воду межзуют. А чего межзуют — где гусаку вброд, там кораблю не плыть!

Один мерщик слышит и оборачивается:

— За нами генерал в трубу глядит, а то бы мы чохом сказали, сколько тут сажён!

Трузсон опускает трубу. Фэтон отъезжает. Мерщики сейчас же бросают работу и выходят из воды на сушь к крестьянам. Одна баба с хитрым подозрением пытается мерщиков:

— Либó мужиков гать долбить замордуют!

Мерщики выжимают штаны сверху вниз: по стволу ноги.

— Снизу думай: царь море сюда будет пуцать.

Баба озадаченно горюет.

Заседание в Наук-Коллегии продолжается. Трузсон говорит у карты на стене. Петр беседует с Бертраном, видимо, не придавая значения словам Трузсона. Петр встает, обращается к замолкшему Трузсону.

— Спасибо, генерал, за твои водяные расчеты: они малого веса, поскольку и против природы допустимо идти!

Петр прощается с Бертраном. Берет его за руку и смотрит на него почти с завистью.

Кругом стоят участники заседания.

Та же большая скучная комната, в которой спал Бертран. Пять немецких инженеров и сам Бертран укладываются в дорогу. Несколько чемоданов и баул. Берген (самый молодой из немцев) пишет письмо на подоконнике и скрыто плачет над ним. Форх сидит осовелый на своем готовом чемодане. Все поворачивают головы к двери. Дверь резко трясется. Бертран подходит к двери и открывает ее. Появляется гонец из Почт-Приказа. Он спрашивает. Два немца указывают ему на Бертрана. Гонец выбрасывает вперед ногу и почтительно передает Перри пакет за пятью печатями.

— *Сударь, соизвольте принять посыл из аглицкой державы.*

Бертран вскрывает пакет и читает.

Часть содержания письма:

«...И жалкий разум мой был напряжен, чтобы поймать твой милый образ, который так скорбно обожало мое сердце».

«...Ты помнишь ли, мой славный Берт, Томаса Рейса? Вот он и стал моим супругом».

Немцы настороженно следят за Бертраном. Бертран быстро глядит в окно и как бы ищет помощи глазами на столе. Его рот сжимает трубку до синевы губ; губы постепенно взмокают тонкой кровью из лопнувших десен.

Немцы молча приподымаются по направлению к Бертрану. Бертран освобождает трубку во рту от впившихся в нее зубов и возвращается к сдавленному спокойствию.

Трубку Бертран кладет на стол — на мундштуке заметны следы его зубов.

— *Кончено, друзья...*

Немцы — Фохт и Берген — берут Бертрана за руки и спрашивают: что кончилось?

Бертран уже улыбается.

— *Кровь кончилась, а десны зарастут. Давайте ехать в Епифань!*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Близкий план: худая изящная береза; скорбящая певучая осина. Несильный ветер ранней осени колеблет эти два дерева. Деревья постепенно отодвигаются на задний план. Небольшой северорусский ландшафт со скромной и уютной растительностью. Близ деревьев пролегает дорожный тракт. На тракте оседающая пыль промчавшихся экипажей, а самих экипажей уже нет.

Тот же ландшафт с другой, более общей, точки зрения. Береза и осина, что были у дороги, теперь еле различимы вдали. На заднем плане виден поворот дороги на косогор. По косогору шагом

едут три кареты. Над ними облака позднего лета. В стороне деревенька с деревянной церквушкой и одинокий пахарь боронит свой озимый клин, а вослед ему бредут по пашне грачи.

Видно, как остановились кареты на косогоре. Близким планом дается одна карета и вышедший из нее Бертран Перри. Карета стоит, лошади мочатся. Бертран глядит в подзорную трубу на пахаря.

Близким планом — пахарь: пожилой крестьянин молча шагает рядом с лошадей. Он на мгновение посмотрел в сторону трех карет — и лицо его не обнаружило никакого любопытства. С огорчением, скрытым за равнодушием лица, он чмокает на лошадь и проходит.

Пауза: пустой, уходящий в глубину пространства тракт. Скучные малоценные окрестности: перелески, овраги и дальние деревеньки, дымящиеся печным дымом. Странник-богомolec сидит у дороги и ест хлеб, обмакая его в кружку с водой.

Придорожные деревья: ветер заунывно зачесывает листья веток, так что видна исподняя беловатая сторона листьев. Обширное луговое угодье: ветер волнами гнет траву. Этот ритм ветра на траве надо показать как можно явственней и обширней (под большим пустым воздухом).

Над лугами поймы, на высоком месте стоит деревянный храм. Фигура человека на колокольне мерно покачивается, ударяя в главный колокол, — в такт ветру, волнующимся листьям деревьев и большим кругам бегущего воздуха по траве.

В низине, по мочажинам лугов едут три кареты (далекий план).

Близкий план: лошадиные ноги, обутые в лапти и обмотки, ступающие по взбученной водою торфянистой почве.

Сзади (близкий план): отъезжающая последняя карета, следы больших лаптей, словно прошла толпа крестьян, а не лошади.

Ночь. Новолуние. Туман лунного света, более легкий, чем воздух, превратил обширную землю в сновидение. Съемка идет как бы с движущейся кареты — глазами пассажира в ней. Видны далекие холмы, рощи, белеющие пески — и вместе с тем в предметах и ландшафтах есть наваждение расстояний, неясность границ и легкость бесследного исчезновения. Придорожный хутор, например, делается видимым, уже когда кареты непосредственно проезжают мимо его хат, и враз исчезает в лунном непрозрачном свете после минования его путешественниками.

Озеро. Группа голых людей стоит по живот в воде (расстояние от карет примерно 60–80 метров). Люди крестятся на луну, и затем все вместе окунаются в воду. Вдали — черный горизонт земли.

Угол съемки горизонт поворачивается: на новом горизонте полоса утренней зари. Придорожная деревенька. Утро. Три кареты стоят у трактира. На трактире вывеска:

«Посольский гостиничный двор с горницами, чаем и приютом скоту».

Бертран стоя пьет квашонку из корчажки. Немцы, ямщики и три стражника также потчуются.

Рядом с трактиром другая хата — тоже с самодельной вывеской: при трактах всегда существовала целая серия придорожных учреждений.

«Лечу коний почечуй, гоню прочь змея из кишок».

В свете зари — башни еще далекого города, Москвы.

Ямщик передней кареты забрался на облучок, зеваает на Москву и крестит рот рукой, на запястье которой навешен кнут. К нему сбоку подсаживается жующий стражник и отпускает послабее пояс, впившийся в насыщенный пищей живот.

Москва: стены и башни Кремля. Василий Блаженный. Колокольный звон у Василия Блаженного. Передача протяжного звука большого колокола достигается так: башенки храма как бы начинают излучать тягучий синий свет — и воздух вокруг синее и лиловет; передача малых колоколов — подголосков большого — идет по способу «малинового звона», то есть купола храма излучают малиновый трепещущий свет — и воздух окрест тоже розовеет на время; сине-лиловый и малиновый цвета чередуются сообразно тактам колокольной музыки. Этот такт очень важен: он должен быть точен по времени смены одного света другим и по степени напряжения и затухания (игры) одного цвета, дабы это действительно получалась зрительная колокольная музыка и возможно было безошибочное угадывание колокольного звона зрителем.

Череда черных людей медленно входит в устьевые двери храма.

Пыточная башня в стене Кремля. Деталь пыточной башни: железный засов. Железный засов чуть пошевеливается: кто-то изнутри просунул в щель железной оковки тонкий проволочный крючок и пытается им отодвинуть засов.

Съемка с высокой точки: Москва-река, слобода и за ней — дорога в провинциальную Россию. На дороге — удаляющееся облачко пыли: только оно, под конец, и остается видимым.

Пространные земли ковыльных степей. Мелкие уютные черты природы северо-запада сменились широтами юго-востока.

Быстро едут три кареты, но едут они прямо по целине: не видно и следа дороги.

Любопытный немец выглядывает из окна кареты, стараясь найти хотя бы колеи дороги. Лошади несутся по сплошному безымянному ковылю. Немец спрашивает у ямщика:

— А где же Посольский тракт?

Ямщик — хитроумное русское двусмысленное лицо — обращается к немцу и кнутовищем кругло показывает ему на пространство впереди:

— Так трахт одно направление, а трамбовки тут быть не должно.

В дуге коренного коня передней кареты — среди потемневшей от своей обширности степи, немного ниже черты горизонта — заблестела серебряная небольшая черта, совершенно неестественная среди суши и однообразия континента.

Ямщик без нужды махнул кнутом и дико свистнул. Лошади взяли в карьер.

Немец Карл Берген высунулся из окна кареты.

Резкая живая полоса воды блестит вдаль, как снег на горе.

Ямщик обернулся к немцу, крикнул ему:

— Дон!

— и встал на ноги, несмотря на ход коней карьером.

Берген поворачивает голову назад — ко второй и третьей каретам.

— Танаид!

Из второй кареты высовывается голова Перри. Он машет рукой Бергену. Берген кричит своему ямщику. Ямщик понимает: он сразу осаживает лошадей. Кареты останавливаются среди массивной безводной степи.

Показать величину земли, обширность глухой омертвелой природы и жалобно-маленькие размеры людей и карет среди нее. Это можно сделать, взяв сразу в объектив степь без горизонтов, а группу людей и карет поместив как бы посреди степи, но в отдалении от объектива.

Более близкий план: Перри стоит у кареты и глядит в крутую даль (горизонта степи и здесь не показывать: это увеличивает размеры). Пред ним сухие косные земли, кручи чернозема, грандиозное и девственно-простое сооружение природы.

Перри стоит к зрителю некоторое время спиной, затем оборачивается и с взволнованным угнетенным лицом дает знак переднему ямщику трогать.

Кони схватили и понесли полной мочью.

На месте стоянки остались следы копыт и моча лошадей.

Через сутки, миновав Идовские и Ордобазарные большаки, инженеры царя повернули на малые епифанские столбы и достигли своей новой оседлости.

Проселок в Епифань. На некотором расстоянии, в пониженной долине, лежит небольшой старорусский провинциальный город: церкви, медленный дым из печных труб, в бурьяне — в запустении околицы — сидит корова, опершись на передние ноги.

Площадь города Епифани. Казенный желтый дом с вывеской:

Казенное присутствие епифаньскаго бурмистра и пóрочная хата то-жь.

У присутствия толпа крестьян, нищих, прохожих богомольцев, провинциальных обывателей и прочих простолюдинов.

Бурмистр (воевода) Протасьев стоит на крыльце присутствия и читает царский указ об открытии работ. Рядом с ним — Перри. Народ слушает указ, как свой смертный приговор, как мобилизацию на войну. Когда читающий воевода жестом руки подчеркивает значение особо важных слов, некоторые люди в ужасе крестятся, а иные слушают со скрытым ожесточением на лице.

Бурмистр заканчивает указ словами:

— Помоги намъ Господь Богъ и все благія силы, что самимъ не вдогадъ, укрепить державу нашу и извлечь изъ природы избытокъ для народа нашего.

Перри один бродит по своему епифанскому покою. На подоконниках небольших окон цветочки, в горнице чисто, но потолок по-провинциальному низок и душен.

Время под вечер. Через окна видно, как по улице движется пешая и гужевая рабочая сила — движется медленно, поднимая еще более медленную тоскливую пыль. Пыль медленно оседает в вечерней освещенной пустоте улицы — вослед за прошедшими.

Русская дорога — большак. Вдалеке — пыль над дорогой.

Более близкий план: толпа крестьян идет с котомками. Несколько стражников-проводников сопровождают крестьян, шагая по бровкам дороги.

Большое село на большаке. Несколько сот крестьян, гонимых на государственную работу, сидят посреди широкой улицы. Близким планом даются типы одичалых, доведенных до вырождения людей той эпохи. Но у многих грустные, а иногда яростные глаза.

Харчевые сумки крестьян-рабочих лежат пустые.

Трое копаются в золе потухшего костра, выискивая редкие обуглившиеся картошки.

Двор местного пожилого земледельца. Хозяин опускает в погреб последний мешок и начинает засыпать дверцу погреба заподлицо с землей. Хозяйка его работает в курятнике: она ловит кур в мешок. Затем несет мешок на чердак и туда выпускает из мешка кур. Девчонка хозяйина изо всех сил и без остатка в вымени выдает корову: как только наберется в деревянную чашку немного молока, девочка его выпивает и снова жмет последние капли из вымени, чтобы там ничего не осталось. Хозяин наглухо запирает ворота и глядит сквозь щель на улицу, где сидит худая оголодавшая толпа.

Другой двор. Хозяин питает стражника — из тех, что гонит людей на работу — говядиной; тот ест ее руками, облизывая затем сало с бороды, для чего забирает концы волос в рот и обсасывает их.

С другой стороны села показывается пыль. Идет новый отряд рабочих-крестьян. Прежде пришедшие рабочие, что сидят посреди улицы, оборачиваются в сторону идущих. На соломенную крышу той хаты, хозяева которой прятали продовольствие, вылезают куры. Одна курица летит с крыши в группу сидящих рабочих. Ее ловят и тут же руками отрывают ей голову и начинают ощипывать перья. Другие двое рабочих полезли за курами на крышу. Остальные с робостью (это подчеркнуть) пошли стучать по хатам. Из хат никто не выходит, ворот не открывают. Тогда навесы ворот и огорожи просто снимаются с мест, а в открытые пространства внутрь хозяйств проходят люди, не теряя и тут своей робости.

Внутренность избы. Хозяин и хозяйка, пригорюнившись, сидят под иконой. Четверо пришлых пьют по очереди молоко из корчажки без хлеба. Тараканы бегут по стене за икону. Один пришлый замечает их, идет к иконам и достает оттуда каравай хлеба. Он режет каравай пополам, половину оставляет себе и товарищам, а другую половину кладет около хозяев на лавку.

Другой двор. Стражник насильно обнимает девушку. Отец девушки стоит возле и время от времени отнимает руки стражника от дочери, но делает это без особой решительности. Во двор входят пятеро крестьян-рабочих. Один из них хватается стражника поперек, приподымает его и отставляет прочь.

— *Не скоромь девку до венца.*

Другой день. Местность работ. Река с заболоченной поймой. Зеркало речной воды покрыто фигурами работающих людей. Сотни рабочих стоят по живот в воде и роют дно реки. Другие рабочие бродят меж берегом и серединой реки с плетеными корзинами на плечах: в них они относят вырытый грунт на берег.

В фэтоне едет Перри — по береговой нагорной дороге. Фэтон везет пара лошадей. На одной из лошадей сидит верхом воевода Протасьев — он мал и толст, одет в охобень не по нраву царя. Несколько рабочих, таскающих землю из реки, стоят неподалеку от дороги. Они в пиджаках и шапках, но без штанов (полы пиджаков все же покрывают срамные места). Они простыли от воды, покрыты жидкой грязью и молчат.

Перри останавливает фэтон. Пробует грунт, вынесенный из реки, берет с собой в сумочку пробу (немного того же грунта) и проезжает дальше. Въезжает на взгорье. Отсюда видно большое пространство работ: землянки рабочих, дым костров, вереницы подвод и пр.

Ближкий план далекого места работ: мужики работают в воде, а несколько баб горюют за них на сухом месте. Работа идет медленно и неохотно.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ночь. Карьер для ломки камня. У огромной глыбы стоят Перри и воевода. Воевода указывает Перри на неподъемные камни в карьере. Перри молчит, зная, что камни все же нужно срочно ломать и вывозить.

Перри двинулся дальше. Воевода зашлепал за ним. Они дошли до первых землянок рабочих. Воевода резко обернулся. Из глубины ночи донесся какой-то звук. Оба вглядывались во тьму. Показался мчащийся мужичонко без шапки. Он с разгону влетел в яму и там притаился. Вслед за ним проскакал всадник с горящим факелом и за ним карета.

Петр выслушивает доклад Перри. Перри говорит всю правду. Петр отвечает ему:

— *Скорь в рундуке разводите, а не тщитесь пользу отечеству ускорить.*

Петр ходит с палкой между рабочих и сам показывает мужикам и инженерам, как надо работать. Плотничьими работами царь остался недоволен в первую очередь. Петр показывает рубку шпунта для шлюзов:

— *Надо рубить в елку, а не в паз.*

Народ глядел и молчал: может, дескать, и в елку, только все равно шлюзы нам не в пользу, а тебе в утеху.

Петр сердится. Голова его дрожит. Он берет лопату и роет землю, чтобы успокоиться. Но подвертывается Салтыков, предлагающий Петру более удобную лопату, и Петр теряет себя: он размахивается и хочет ударить Салтыкова, но — мимо (Салтыков слишком мал ростом). Тогда некий услужливый десятский приподымает Салтыкова, чтобы Петр достал его ударом. Петр бьет теперь удачно. Салтыков валится и терпеливо просит десятого:

— *Подыми еще — мне царская рука не больна.*

Петр в исступлении хватает Салтыкова и бросает его в воду. Салтыков оттуда ползет — мокрый и грязный — снова к Петру. Но Петр уже улыбается и говорит близким рабочим:

— *Нюжли против одного государя живет столько холопов?*

Рыжий мужик-рабочий тихо говорит ответ:

— *Ежли б каждый был царь, то ни тебе, ни слюзам не бывать.*

Петр вслушивается и понимает не враз.

Петр уезжает. Перри и прочие провожают его. Петр грозит кулаком. Все кланяются. Перри хочет приподнять шляпу, но опускает руку обратно. Он поражен сырою, неуемною силой царя.

После отъезда царя потянулись дни стройки.

На Иван-озере, где работами заведовал Карл Берген, началась малярня. Люди валились, их таскают в бараки одною очередью с

землей из реки. Работы приостановились. Многие из заграничных мастеров начали тайком готовиться в дорогу. Многие вовсе бежали. Обо всем этом Берген писал Перри. Тогда Перри отдал распоряжение приводить к нему всех иностранцев, пойманных за пределами построек. Приказ свой он скрепил подписью царя:

— *Для обеспечения страха.*

Наконец, выпал первый снег и работы стали. Народ мерз на каменных карьерах, куда была переведена почти вся рабочая сила с водяных работ. Постепенно растаскивались лесные строительные материалы и разбирались шпунтовые ряды и сваи — на топку костров. К тому же воеводой было перехвачено письмо, писанное рабочими на имя царя: это был донос на беспорядки на работах.

Перри сам выехал к Иван-озеру.

Вольные казаки подъезжали к месту работ, и народ бежал по ночам на Хопер и Яик; связанных сторожей находили каждую ночь. Перри увидел, что рабочие не выносят тягости труда, и распустил народ по деревням, а сам вернулся в Епифань. Он вызвал к себе воеводу, которого он считает виновником многих беспорядков. Он в категорической форме приказал, во-первых, к весне доставить нужное количество рабочих рук и, во-вторых, оградить работы от весеннего разлива путем оставления на работах небольших отрядов привычных рабочих. Только при этом условии он обещает воеводе оградить его от гнева царя.

Зима. Епифань под снегом. Останавливались работы. Кончалась насыпка плотин уже при морозах. Чтобы разморозить землю — карьеры, из которых бралась земля, обкладывались дровами и зажигались мощные костры. Потом дымившуюся землю подавали на плотины.

Инженеры проводят вечера вместе. Каждый мечтает о скорейшем возвращении на родину. Перри одинок более других. Неожиданное сообщение: младший из инженеров Петер Форх женился на местной боярышне — Ксении Тарасовне Родионовой. Этим событием и ограничилось счастливое времяпрепровождение иностранцев на Епифани.

Весна. Потекли первые талые воды. С ними пришло солнце и письмо из Англии. В нем Мери писала, что умер первенец и что муж стал чужой. Перри положил письмо за божницу без ответа.

Начавшиеся было работы двигались убийственно медленно: народ собрать было невозможно — воевода ничего не мог предпринять. Целые деревни оказывались пустыми — одни бабы и дети. Народ исчезал в мертвых пространствах.

Перри выехал на работы, проехал все протяжение канала. Канал, вырытый не на всю глубину, был пока сух. В контрольных колодцах также, однако, почти не было воды. Перри доставал руками

грунт из контрольных скважин и для пробы жевал его. Он начал сомневаться в успехе всех работ. Один крестьянин ему говорил:

— *Тут верховодка, большой воды быть не должно; серед лета все колодцы стоят сухими. А плант тому Трузсону мы обманно меряли, чтобы народу не было мучений! Ты погляди сам: по канаве вода должна течь, а у нее дно — супесь, разве ж супесь воду удержит?*

Перри задумался. А если лето будет сухое?

Однако иначе выглядело лицо инженера Бергена: он нашел на Иван-озере мощный подземный ключ, который, по его предположениям, должен помогать снабжению шлюзовых плесов водой. Сейчас на Иван-озере шла постройка особого плота, с которого подземный колодец пробурят глубже и вставят в него широкую чугунную трубу.

С такими мыслями вернулся Перри в Епифань. Тут его ждал новый воевода — Григорий Салтыков, кривой человек новой эпохи. Салтыков был назначен приказом Петра и привез царское письмо на имя Перри.

Старого воеводу, упировавшегося «по-старому», стащили с крыльца, и его дом занял Салтыков. Перри давались царем диктаторские полномочия: край постройки был объявлен на военном положении. Оставшихся мужиков Салтыков обрядил в подобие солдат. А всех жен убежавших крестьян Салтыков приказал доставить в свое присутствие (пóрочную хату то-ж), где бабам была задана великая порка.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Вся надежда Перри была в Ивано-озерском ключе. Каналы были готовы принять воду. Перри с нетерпением ждал донесения от Бергена — донесения, которое должно было либо спасти его, либо погубить. Ночами Перри занимался проверкой изыскательных планшетов генерала Трузсона и увидел из них, что грунт был мало принят Трузсоном во внимание — канал рыли по супесчаной почве.

На Иван-озере в это время производилось бурение подводной скважины для углубления и расширения ее. С напряжением следит Берген за работами. Он всматривается в мутную воду: ожидает притока воды. Бурильная желонка вытаскивает со дна вязкую глину. Но вдруг Берген замечает, что желонка начала таскать песок. Тогда он быстро садится в лодку и подъезжает к месту, где на водомерном столбе отмечен урез воды. Он с ужасом замечает, что уровень воды понизился, берег тоже частично осох. На середине

озера показались из-под воды травы, чего не было раньше. На берегу воеет собака Илюшка, кормящаяся из общего котла. Инженер не по-русски перекрестился.

Берген вышел на берег. Он посмотрел на озеро: вода катастрофически убывала — уже на середине озера показались два островка. Солдаты (мужики в приблизительных солдатских мундирах) сгрудились и в страхе смотрели то на Бергена, то на уходящее в землю озеро. Старый крестьянин подошел на оклик Бергена и объяснил по-своему:

— *Раз дно просвербил — теперь озеро исчахнет... Озеро не баба — дырявым не живет...*

Берген понял, что бурильная машина прошла слишком глубоко и вонзилась в сухие, жадные пески: туда и уходила вода. Инженер прыгнул в лодку и велел грести к машине. Он остановил работу и срочно приказал забыть скважину. Но дыра засасывала все, что в нее ни совали. На этой гигантской работе, борьбе человека петровских времен с природой, и заканчивается этот эпизод.

Перри ждал известий от Бергена. Но Берген явился сам, привез с собой собаку Илюшку. Явился и рассказал свою новость. Перри выслушал и промолчал. Перри оставил себе собаку Илюшку и покормил ее. Берген ушел в расстройстве.

Перри подошел к окну и уставился в него. По улице бежали люди; из воеводского дома уже выбежал кривой Гришка Салтыков, на ходу поправляя нагрудную звезду. Клубилась пыль по дороге; с шумом въезжали кареты в Епифань. Это прибыл генерал Трузсон с особой коллегией царя для приемки работ.

Перри вышел навстречу знатным гостям. Все прошли в дом Салтыкова. Откашлявшись, Трузсон отыскал в первом ряду Перри и объявил ему:

— *Инженер Перри, предлагаю вам через неделю весь водяной путь от Дона до Оки обратить в судоходное состояние. Я имею полномочия его величества освидетельствовать все водяные устройства, дабы обнаружить и установить их добротность и целям государя соответствие.*

Перри слушает стоя. Все стоят.

Последнюю ночь работы производились при свете факелов. Люди работали не покладая рук. В плотинах сочилась вода, щели забивали глиной. На рассвете все было готово. Шлюзы были открыты, и вода хлынула в плесы потоками. Перри смотрел в бурлящую воду.

Стоял зной. Бездожде. В степи сохла трава. Вода скоро перестала прибавляться в плесы.

Решили попробовать новый судоходный путь. Нагруженная плоскодонная байдара отплыла по каналу. Берген всматривался в даль канала. Но байдара прошла от шлюза всего полверсты и на виду у всей комиссии остановилась. Трузсон, взбешенный, скакал на тройках по обочине канала и измерял дно, загоня в канал рабочих. В некоторых местах мерщикам-мужикам приходилось плавать, но в большинстве случаев они переходили канал вброд, а в одном месте, где канал разделил встречный хутор пополам, через канал полетела курица, но у нее не хватило умения перелететь весь канал и она села в воду. Вода пригласила курице по грудь.

Трузсон и члены его комиссии бушевали и потели от ужаса и жары.

Мужики ухмылялись. Ихние бабы в летних одеждах сидели на берегах и грызли подсолнух, бросая шкурки семечек в канал. По каналу бродили коровы и лошади. Канал явно обживался для бытовых нужд.

Долго заседала комиссия над составлением акта. Перри сидел у Салтыкова и дожидался решения. Единственный глаз Гришки не поднимался на англичанина: Гришка хлебал чай, чавкая жадно и сосредоточенно, — он уже утрачивал почитание главного инженера. Да Перри и не искал сочувствия. Акт был составлен: комиссия признала канал несудоходным. Деньги, значит, были затрачены впустую. Остальное комиссия оставила на усмотрение царя.

Перри молчал, стоя под испытующими взглядами членов комиссии. Перри не хотелось никого убеждать, он устал и перестал бриться.

Берген, бывший здесь же, защитил Перри от Трузсона:

— *Генерал, изыскания проводили вы...*

Трузсон поправил орден на груди:

— *Инженер, судят не по замыслам, а по делам. Разум может быть ошибкой, но не проступком.*

На восходе солнца Трузсон уехал.

Утром Перри вышел из дому и прошел к Бергену. Но его комната была пуста. Сбежали все те иностранцы, которые принимали участие в работе на Епифанских шлюзах. Остался только один Форх, — вероятно, ради жены.

Перри был у Форха, когда туда пришел Салтыков.

Он был мрачен: погоня, посланная за иностранцами, вернулась, не поймав никого. Гришка решил за оставшимися следить сам. Он не отходил ни на шаг от Перри и когда однажды гулял с ним, в степи, то, как бы угадывая мысль инженера, сказал:

— *Не горюй, Бердан Рамзеич. Можса, бог даст, тебя выручит твоя держава. Можса, аглицкий посланник заручит тебя от гсударя.*

Перри ничего не ответил. Дома он занимался изготовлением табака из листьев.

Ночью, когда на заброшенных каналах и шлюзах играл ветер и выла, сидя у воды, сбежавшая от Перри собака Илюшка — в Епифань прискакала всадник. На седле красовались государевы гербы — это был курьер царя. Он передал воеводе приказ Петра.

Гришка натянул мундир, поправил ордена и пошел к дому Перри. У дверей стоял часовой, приставленный Салтыковым сторожить инженера на ночь. Гришка постучался и, не дожидаясь ответа, вошел в комнату. Перри не спал: он читал книгу «Любовь Бетти Хьюг»... Салтыков объявил:

— *Аглицкий подданный Бердан Рамзеич Перри, объявляю тебе волю его императорского величия: с сего часа ты не генерал, а штатский человек, и сверх того — преступник.*

Перри заложил книгу и посмотрел на Салтыкова. Но тот, не желая сердчать на инженера или жалеть его, повернулся к факелу и продолжал читать приказ:

— *На государеву расправу ты пешеходом гонишься в Москву со стражниками. Собирайся, Бердан Рамзеич, освобождай казенное помещение.*

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

В полдень Перри шел по среднерусскому континенту и созерцал встречные травинки. За спиной его был мешок, по бокам шли стражники, а сзади бежала собака Илюшка. Дорога была длинная, и стражники шли медленно, не утомляясь. От английского костюма Перри остались редкие следы. Он шел в валенках и в зипуне. Оба стражника, бывшие епифанские рабочие, относились к инженеру благодушно, но ничем помочь не могли.

Молодожена Форха приказано было выпороть, — это все, что придумал Петр в наказание немцу-инженеру.

Дорога в Москву была длинна и однообразна. Перри механически двигался, в каждом его движении чувствовалось, что ему все равно.

В Рязани епифанские стражники переменялись. В казенном приказе, где сменялась конвойная команда, Перри увидел оживленно говоривших военных. Из их речи он узнал, что готовится война с Англией. Перри заинтересовался. На его вопрос, что тому причина, молодой сержант ответил:

— *Петр государь, сказывают, пымал у царицы на спальных снастях полюбовника, а тот аглицким посланником и окажись.*

Перри задержал было уходившего сержанта, и тому пришлось закончить свою речь:

— *Петр царь ему голову отруби да царице ее в шелковом чувале и пришли.*

Это была последняя надежда Перри. Тот английский посланник, на которого он так надеялся, — не существовал.

И снова потянулась однообразная дорога, менялись стражники и природа, а Перри все шел и шел. Ноги у него распухли, и он двигался уже полубосым — в каких-то обмотках.

На последней ночевке перед Москвой, один стражник-старик, которому Перри понравился за кротость нрава, вдруг сказал:

— *И куда мы тебя ведем, может, на мертвую казнь!*

Остальные стражники уже спали, и старик нарочно отошел от костра. Но Перри этим не воспользовался. На утро, когда маленький лагерь проснулся, Перри все так же сидел у потухшего костра. Старик-стражник погоревал над англичанином и сказал:

— *Кровя, брат, у тебя дохлые. Я б убер, ей-бо, пра!*

Перри привезли в Кремль и сдали в башенную тюрьму вместе с собакой Илюшкой. Там ему ничего не сказали.

В узкое окно он всю ночь глядел на роскошь природы — звезды, удивлялся этому живому огню на небе. Спал Перри вместе с Илюшкой, обняв собаку, как человека... Днем же в камере было почти темно, и только приказный дьяк иногда заходил к нему, проверяя рукой жизнь и наличность арестанта.

А тут же рядом, в Кремле, в бывших палатах царей Романовых, Петр I — император и самодержец всероссийский — по-своему преображал боярскую Москву.

Освещенная в тысячу свечей зала блестела, как драгоценный камень. По углам сидели гости-иностранцы, разговаривая с приведенными в европейский вид владыками губерний и воеводств. Молодые боярышни в широких робах с декольтированными бюстами забывали о кокошниках и теремах. У колонны, мрачно поглядывая на всю эту западную церемонию, сидел столп царского режима — очевидно, Михайло Прозоровский. Трудно было этому старому боярину постричь бороду и натянуть узкий заморский кафтан. Но если внешность была преобразована, душа оставалась прежней, тело было мучительно напряжено от европейского шелка, как от тесных вериг.

В зал ассамблеи, где был собран весь этот народ и где к потолку тяжело поднимались струи пряного турецкого табачного дыма, вошел Петр.

Быстро поздоровался он с ближайшими сотрудниками, и, устремив свой большой взгляд на человека, сидящего у колонны, царь

остановился. Затем он, любя шутку, повеселел и подошел к Прозоровскому.

— *Чего смотришь вороном, аль скорбишь?*

Прозоровский осторожно улыбнулся и низко склонился перед царем. Царь резко повернулся и что-то крикнул. Слуги уже несли на подносе кубок большого орла. Петр крикнул и, обращаясь ко всему собранию, сказал:

— *Сейчас я буду пить за здравие европейского герцога Михаила Прозоровского.*

Огромными своими руками он схватил кубок и прильнул к нему губами. Прозоровский проглотил слюну и крепче сел в кресло. Царь осушил кубок, и он молниеносно снова был наполнен.

Петр сам подал бунтарю кубок. Руки боярина не сразу потянулись к ручкам большого сосуда, но когда он посмотрел на лицо Петра, то понял, что делать было нечего. Прозоровский стал пить, но, выпив четверть, уже отнял кубок от рта.

— *Пей, вшивая борода!*

Боярин начал пить, но потом бросил кубок и встал перед царем. Петр не видел еще такого послушания и в удивлении отступил от Прозоровского. Прозоровский произнес:

— *Государь, я не смерти боюсь, а несмышленного царя. Вся Русь наша — божья трава, а ты ее за листья тащишь, чтоб лише росла...*

Петр быстро подходит к Прозоровскому и обнимает его.

— *Ты, боярин, умен. Токмо ум твой в сердце, а не в голове. А коли б в голове, то ты бы знал, что и мир бог сделал насильно. Почему ж ты против бога окаянствуешь?*

Петр доликает в горло Прозоровского нового вина. Прозоровский валится в смертельном одурении.

Петр развеселел. Вино и бал радовали его. Вдруг улыбка исчезла с лица, и царь вскочил на слабеющие ноги. Он быстро вышел из зала.

Царь шел к тюрьме, его фигура качалась, он глотал воздух и останавливался любоваться звездами. Часовые брали на караул.

Приход Петра в тюрьму произвел переполох. Перри был немедленно приведен в низкую комнату, нечто вроде тюремной канцелярии. С трясущимися руками дьяк сел к столу, робко протирая заспанные глаза. Допрос был короток.

Петр говорил много. Чертил мелом на стене канцелярии каналы и сооружения, спорил, а Перри молчал, ответив лишь один раз:

— *Ваше величество, русский народ для государственных помыслов, что песок для воды — он тебя не держит...*

Петр вскочил, хлопнул кулаком по столу и бросился вперед. Шандал покачнулся и упал. Комната погрузилась во мрак.

* * *

У себя в камере Перри проснулся сразу, не помня, как он заснул. Перед ним стояли люди, впереди всех дьяк с бумагой. Дьяк быстро прочитал бумагу. Перри отвернулся и посмотрел в квадрат окна, в ночное звездное небо. Когда он повернулся обратно, комната была пуста. Дьяк ушел и задвинул снаружи наглухо двери, не сразу справившись с железом. Но в комнате оказался иной человек, его Перри заметил не сразу. Это был палач. Англичанин с любопытством посмотрел на своего убийцу и спросил:

— А где же твой топор?

Палач посмеялся и обнажил свои руки, заросшие шерстью.

* * *

Звонили колокола к ранней обедне, дьяк увидел выходящего из камеры палача и перекрестился. Палач нес за загривок осиротевшую собаку — Илюшку.

* * *

Епифанский воевода Гришка Салтыков получил и понюхал духовитый пакет. На нем было написано несколько слов по-русски:

— Бертрану Перри — инженеру.

Салтыков испугался и не знал, что делать с этим пакетом на имя мертвеца. Он пощупал конверт кругом и положил его за божницу — на вечное поселение паукам.

<Конец 1927 — 1928 г.>

СТАТЬИ

ФАБРИКА ЛИТЕРАТУРЫ

(О коренном улучшении способов литературного творчества)

Искусство, как потение живому телу, как движение ветру, органически присуще жизни. Но, протекая в недрах организма, в «геологических разрезах», в районах «узкого радиуса» человеческого коллектива, искусство не всегда социально явно и общедоступно. Вывести его, искусство не всегда геологически недр на дневную поверхность (и прибавить к нему кое-чего, о чем ниже) — в этом все дело...

Говорят — пиши крепче, большим полотном, покажи горячие недра строительства новой эпохи, нарисуй трансформацию быта, яви нам тип человека нового стиля с новым душевным и волевым оборудованием. И так далее и все прочее. У писателя разбухает голова, а количество мозгового вещества остается то же (образуется, т. ск., вакуум). Он видит полную справедливость этих умных советов, признает целесообразность этих планов и проектов, а кирпичей для постройки романа у него все-таки нет.

Искренние литераторы отправляются в провинцию, на Урал, в Донбасс, на ирригационные работы в Туркестане, в совхозы сельтрестов, на гидроэлектрические силовые установки, наконец, просто становятся активистами жилтовариществ (для вникания в быт, в ремонт примусов, в антисанитарию квартир и характеров, в склочничество и т. д.).

Писатель распахивает душу, — вливайся, вещество жизни, полезная теплота эпохи, — и превращайся в зодчество литер, в правду новых характеров, в сигналы напора великого класса.

Бродит этот человек чужеземцем по заводам, осматривает электрические централи, ужасается обычному, близорукий на невнятно великое, потом пишет сантиментально, преувеличенно, лживо, мучаясь и стена о виденных крохах и ошурках жизни, сознавая потенциальное существование больших караваев высокой питательности. Получаются разъездные корреспонденции, а не художество. Получается субъективное философствование «по поводу», а не сечение живого по «АВ» с проекцией плоскости сечения в неминуемую судьбу этого «живого». А чтобы сечь живое, нужно его иметь, и иметь не в себе (в себе имеешь одного себя), а перед собой.

Современные литературные сочинения имеют два вида: либо это диалектика авторской души в социальной оправе (по-моему, Бабель, Сейфуллина и нек. др.), либо одни честные натужения на действительно социальный роман (диалектика событий) — искреннейшее желание ребенка построить в одиночку, в углу автобус, сделать из чугуна для щей паровую машину и т. д., — и так сделать, чтобы люди сказали: вот молодец, хорошо изготовил автобус, лучше Лейланда!

Лейланд — жизнь, ребенок с чугуном — писатель. Нам же нужна в литературе диалектика социальных событий, *звучащая как противоречие живой души автора.*

Смотрите, куда ушла электротехника, гидравлика, авиация, химия, астрофизика... Люди примерно те же, что и десять лет назад, а делают они лучшие вещи, чем их предки.

Куда ушла литература от Шекспира по качеству? Конечно, сейчас пишут о слесарях, а не о сыновьях королей, но это, т. ск., «количественный» признак, а не качественный: Шекспир удовлетворительно писал бы и о слесарях, если бы был нашим современником.

Литература никуда не ушла: садится за стол писатель и пишет, располагая лишь самим собой со своими внутренностями. Все дисциплины, особенно знания, умеют использовать нарастающие объективные факторы — свой опыт и чужую потребность, — умеют реформировать этими факторами субъективные способы деятельности, а литераторы ничего не умеют, как некие осколки первобытного человечества. Литераторы до сих пор самолично делают автомобили, забыв, что есть Форд и Ситроен.

Шпенглера у нас не любят (и есть за что), но в одном он был прав: в сравнении количества ума и знания, циркулирующего на собрании промышленников и на собрании литераторов, — в сравнении не в пользу литераторов. Это верно, и не спрячешься от этого. Побеседуйте с каким-нибудь инженером, большим строителем и организатором, а затем поговорите с прославленным поэтом. От инженера на вас пахнёт здоровый тугой ум и свежий ветер конкретной жизни, а от поэта (не всегда, но часто) на вас подует воздух из двери больницы, как изо рта психопата.

Надо создать способы литературной работы, эквивалентные современности, учтя и органически встроив весь опыт истекшего. Необходимо, чтобы методы словесного творчества прогрессировали с темпом Революции, если не могут с такой скоростью расти люди.

А литераторы делают ставку на людей, на «талант», ничего не делая для изобретения новых методов своей работы, в которых и схоронены все злые собаки нашего бессилия перед охватившей нас

Историей. Мы живем сейчас перед эпохой почти безответными, мямля поелику возможно, благо есть инерция издательской промышленности.

Теперешний токарь, *благодаря новому методу — усовершенствованному станку (которого не было сто лет назад)*, — *делает качеством лучше и количеством больше в десять раз*, против своего деда, у которого не было *такого* станка. Хотя этот токарь, наш односельчанин по эпохе, как человек, как «талант», м. б., и бездарнее, и вообще дешевле своего деда. Все дело в том, что у деда *такого*, как у внука, *станка не было*.

Если бы то же случилось и в литературе, то современный писатель писал бы лучше и больше Шекспира, будучи 1% от Шекспира по дару своему. Надо изобретать не только романы, но и методы их изготовления. Писать романы — дело писателей, изобретать новые методы их сочинения, коренным образом облегчающие и улучшающие работу писателя и его продукцию, — дело критиков, это их главная задача, если не единственная. До сих пор критики занимались разглядыванием собственной тени, полагая, что она похожа на человека. Это не то так, не то нет, это подобие критику, а не равенство ему.

Критик должен стать строителем «машин», производящих литературу, на самих же машинах будет трудиться и продуцировать художник.

Вот был Фурманов, жила Рейснер — они правильно прощупывали то, что должно быть: они, живя, борясь, странствуя, получали дары жизни и ими возвратно одаряли литературу, тонко корректируя получаемые дары своей индивидуальной душой, без чего не может быть настоящего искусства. Искусство получается в результате обогащения руд жизни индивидуальностью художника. Фурманов был военным политработником, Рейснер революционеркой, странницей, а *потом* они уже были писателями.

Чехов имел приемником жизни записную книжку, Пушкин работал в архивах, Франс проповедовал ножницы вместо пера, Шекспир (несомненно, не актер Шекспир, а лорд Ретленд) широко пользовался мемуарами своего родного круга — аристократии.

Я поясняю, я не сторонник, а противник «картинок с натуры», протоколов жизни и прочего, — я за запах души автора в его произведениях и, одновременно, за живые лица людей и коллектива в этом же произведении. С заднего интимного хода душа автора и душа коллектива должны быть совокуплены, без этого не вообразишь художника. Но литература — социальная вещь, ее, естественно, и должен строить социальный коллектив, лишь при водительстве, при «монтаже» одного лица — мастера, литератора. У последнего, конечно, большие права и возможности, но строить роман он должен

из социального съедобного вещества. Так оно и есть, скажут, слово ведь социальный элемент, событие — также, движение характера — тоже (оно вызвано общественной первопричиной).

Да, но слово лишь социальное сырье, и чрезвычайно податливое и обратимое.

Но зачем пользоваться сырьем, когда можно иметь полуфабрикаты? От полуфабриката до фабриката ближе путь, чем от сырья, нужно затратить меньшее количество сил, и экономию на количестве можно превратить в качество.

Современный литератор преимущественно пользуется социальным сырьем, изредка полуфабрикатом.

Что такое «полуфабрикат»?

Мифы, исторические и современные факты и события, бытовые действия, запечатленная воля к лучшей судьбе — все это, изложенное тысячами безмянных, но живых и красных уст, сотнями «сухих», но бесподобных по насыщенности и стилю ведомственных бумаг, будет полуфабрикатами для литератора, т. к. это все сделано ненарочно, искренно, бесплатно, нечаянно — и лучше не напишешь: это оптимум, это эквивалент в 100% с жизнью, преломленный и обогащенный девственной душой. «Полуфабрикатами» также могут быть и личные происшествия с автором, насколько это действительные и, стало быть, искренние непорочные факты. Ведь искусство получается не само по себе, не объективно, а в результате сложения (или помножения) социального, объективного, явления с душой человека («душа» есть индивидуальное нарушение общего фона действительности, неповторимый в другом и неподобный ни с чем акт, только поэтому «душа» — живая; прошу прощения за старую терминологию — я вложил в нее иное, новое содержание).

«Душа» — в наличности, и часто в преизбыточном количестве и качестве. А литература наша все же не очень доброкачественна, — стало быть, нехватка в стороннем, внешнем, социальном материале, во втором слагаемом, в «полуфабрикатах». Но объективно этот материал имеется в чудовищных количествах, почему же его субъективно не хватает писателю? Потому что нет «товаропроводящей» сети, нет методов уловления и усвоения социального материала. Социальный материал может быть только уже литературным полуфабрикатом, поскольку свежие губы народа редко изрекают междометия или формулируют понятия, а дают явлениям некоторый конкретно-словесный образ, поскольку происходит чувственно-ассоциативная реакция, поскольку народ — живой человек.

Перехожу к конкретным примерам. Я сделал так (меня можно сильно поправить). Купил кожаную тетрадь (для долгой носки). Разбил ее на 7 отделов-«сюжетов» с заголовками: 1) Труд, 2) Лю-

бовь, 3) Быт, 4) Личности и характеры, 5) Разговор с самим собой, 6) Нечаянные думы и открытия и 7) Особое и остальное. Я дал самые общие заголовки — только для собственной ориентации. В эту тетрадь я неукоснительно вношу и наклеиваю все меня заинтересовавшее, все, что может послужить полуфабрикатом для литературных работ, как то: вырезки из газет, отдельные фразы оттуда же, вырезки из много- и малочитаемых книг (которыми я особенно интересуюсь: очерки по ирригации Туркестана, колонизация Мурманского края, канатное производство, история Землянского уезда Воронежской губ. и мн. др. — я покупаю по дешевке этот «отживший» книжный брак), переношу в тетрадь редкие живые диалоги, откуда и какие попало, записываю собственные мысли, темы и очерки, — стараюсь таким ежом кататься в жизни, чтобы к моей выпяченной наблюдательности все прилипало и накалывалось, а потом я отдираю от себя налипшее — шлак выкидываю, а полуфабрикат — в кожаную тетрадочку.

Тетрадь полнится самым разнообразным и самым живым. Конечно, нужен острый глаз и чуткий вкус, а то насыешь в тетрадь мякину и лебеду, вместо засушного хлеба. Затем я листую вечером тетрадь, останавливаюсь на заинтересовавшей меня записи (иногда совпадающей с редакционно-общественной конъюнктурой, иногда это приходится «в такт» личному сердечно-умственному замыслу), беру ее за центр, за тему и работаю, идя по следующим записям и наклейкам (благо, их такое множество и такое разнотравие): беру целые диалоги, описания улиц, воздуха, обстановки и прочих чудес — все по готовому, лишь слегка изменяя их, соответственно замыслу или своим способностям и связывая интервалы цементом из личного багажа. Получается сочинение, где лично моего (по числу букв) 5–10%, зато все мое душевное желание, зато весь мой «монтаж».

Монтаж, собственно, и позволяет чужь автора и составляет второе слагаемое всякого искусства — интимно-душевно-индивидуальный корректив, указывающий, что тут пребывала некоторое время живая, кровно заинтересованная и горячая рука, работала личная страсть и имеется воля и цель живого человека.

Взятое из людей и народа я возвращаю им же, обкатав и обмакнув все это в себя самого.

Ежели я имею запах — талант, а не вонь — чернильницу, меня будут есть и читать.

Надо писать отныне не словами, выдумывая и копируя живой язык, а прямо кусками самого живого языка («украденного» в тетрадь), монтируя эти куски в произведение.

Эффект получается (должен получиться) колоссальный, потому что со мной работали тысячи людей, вложивших в записанные

у меня фразы свои индивидуальные и коллективные оценки миру и внедрившие в уловленные мною факты и речь камни живой Истории.

Теперь не надо корпеть, вспоминать, случайно находить и постоянно терять и растрачиваться, надсаживаясь над сыром, медленно шествуя через сырье, полуфабрикат к полезному продукту, — нужно суметь отречься, припасть и сосать жизнь. А потом вросанная жизнь сама перемешается с соками твоей душевности и возвратится к людям еще более сочным продуктом, чем изошла от них. Если ты только не бесплодная супесь, а густая влага и раствор солей.

Я не проповедую, а информирую. У меня есть опыт, — я его молча демонстрировал — одобряли. Я сравнивал с прошлыми методами своей работы новый метод и ужасался: теперь я пишу, играя и радуясь, а в прошлом иногда мучился, надувался и выдувал мыльные пузыри. Теперь мысль, возбужденная и возбуждающая, обнимается с чувством и сама делается горячей до физического ощущения ее температуры в горле, а раньше она плыла как зарево, будучи сама заоблачной стужей.

Мне могут сказать: открыл Южную Америку! Это же обязан делать всякий умный писатель, и делает, дорогой гражданин! Не знаю — нет, по-моему, не делает: не вижу, поднимите мне веки! Может быть, изредка и пренебрежительно.

Это не так просто, и это нелегко — очень нелегко.

Надо всегда держать всю свою наблюдательность мобилизованной, зоркость и вкус должны быть выпячены, как хищники, надо всегда копать на задворках и на центральных площадях в разном дерьме. Надо уметь чутя, как опытный татарин-старьевщик или мусорщик, где можно что найти, а где прокопаясь неделю и найдешь одно оловянное кольцо с руки давно погребенной старухи.

Может быть, это не дело литератора? Не знаю. Но это очень интересно и легко. Всегда держишь душу и сознание открытыми, через них проходит свежий ветер жизни, а ты его иногда слегка, а иногда намертвую притормаживаешь, чтобы ветер оставлял в тебе следы.

Затем ночью, когда спят дети и женщины, не слышно хохота в коридоре, ты сидишь и «слесаришь», «монтируешь», что и как тебе по душе, — тебе легко и быстро пишется, и ты сам улыбаешься разговорам, городу, природе и скрытым мыслям, записанным в тетрадь, и ты сам нечаянно ею зачитываешься. Ты пишешь самые разнообразные вещи и упорно идешь в рост.

Откуда это у тебя? — спрашивают друзья. Ты только таинственно улыбаешься, а я раз сказал: да от вас же иногда. Ведь многие

литераторы гораздо лучше рассказывают, чем пишут. Я сделал однажды опыт, и привел в одном рассказе разговор друга, он прочитал, обрадовался, но ничего не вспомнил (я чуть «перемонтировал»). Он не понимает до сих пор, что работа, дающая большие создания, требует небрезгливых рук и крохоборчества.

Сознаюсь, я написал таким способом только одно произведение, называется оно «Антисексус», и тетрадь я завел очень недавно. Поэтому похвалиться особенно нечем. Подтвердить новый способ и продемонстрировать что-нибудь, кроме вышеуказанного, тоже пока не могу. Но вы же видите, что я говорю правду.

Но это все еще литкустарничество.

Производство литературных произведений надо ставить по-современному — широко, рационально, надежно, с гарантированным качеством.

План такого литературного предприятия мне рисуется в следующем виде.

В центре предприятия стоит редакция (скажем, лит. ежемесячника) — коллектив литературных монтеров*, собственно писателей, творящих произведения. Во главе редакции («сборочного цеха», образно говоря) стоит критик, или бюро критиков, — бюро улучшений и изобретений методов литературной работы, так же как во главе крупного машиностроительного, скажем, завода стоит сейчас конструкторское бюро. Это бюро все время изучает процессы труда, копит и систематизирует опыт, изучает эпоху, читателя — и вносит реконструкции, улучшая качество, экономя и упрощая труд.

Это — последнее высшее звено литер. предприятия, его сборочный цех. Остальные «цеха» (отделы-сюжеты моей, скажем, кожаной тетради) находятся в стране, в теле жизни, это литкоры (термин не совсем подходящ — ну, ладно); причем труд их должен быть разделен и дифференцирован, чем детальнее, тем лучше.

Я бы сделал в СССР так. Имеем всесоюзный или всероссийский литературный журнал. В каждой национальной республике или области (потому что по этим линиям проходят сейчас водоразделы души, быта, истории и пр.), в каждом таком территориальном названии имеется сеть литкоров, причем каждый литкор, сообразно внутренней своей склонности, специализируется на каком-либо одном сюжете («труд», или «личности и характеры», или еще что), но не лишая себя работы по сбору живого материала и по другим сюжетам, если он того хочет.

* В этом слове не зазорность, а уважение: монтер — организатор, мастер, комбинатор косных вещей.

В каждой нацреспублике или области должно быть не менее 7, примерно, литкоров (см. выше разделы тетради), но по одному и тому же сюжету может быть несколько литкоров. Может быть и так, что сюжет разбивается на несколько подсюжетов и каждый подсюжет обслуживается отдельным литкором. Например, сюжет «труд» легко разъемлется на десятки подсюжетов: платина, руда, лесопромышленность и т. д. — в одном районе малого радиуса. Литкоры — это первичные цеха, куда поступают полуфабрикаты социальной природы и где они отбираются, сортируются и некоторым образом компонуются. Затем от литкоров материал поступает к национальному (или областному) литкору, наиболее опытному из литкоров, уже монтеру литературы, если литкоры — лишь квалифицированные «мастеровые».

От литкора требуется хищническая наблюдательность и зоркая способность обнаруживать и квалифицировать материал, залегающий в недрах подстилающей его жизни. Но литкор может и не иметь отличительной способности литературн. монтера — уменья прибавить к полуфабрикату элемент индивидуальной души и так организовать всю массу полуфабрикатов, чтобы получилось произведение, а не окрошка словес, фактов и девьей мечты.

Нац(обл)литкор должен иметь все качества литкора плюс тонкий и чуткий вкус и глубокое образование. Полученный от литкоров материал по отдельным сюжетам он сводит в одну тетрадь, очищая этот материал от всего неоригинального, нетипичного, а главное — неживого, явно бесценного для литературы. Однако в этом права нац(обл)литкора должны быть строго и узко ограничены, чтобы он не мог обесцвечивать и обезглавливать материал литкоров. Такой центральный литкор должен работать «чуть-чуть», не править материал, а — или выбрасывать его целиком, или оставлять тоже целиком, не переставляя даже запятых. По настоянию литкора, он должен материал оставлять. Нацлиткор должен особенно хорошо знать свой народ и родную литературу и должен давать советы и помощь литкорам (— в этом его главная работа).

Нац(или обл)литкор — это контрольный цех, браковочная лаборатория. Ничего своего в извлекаемое из жизни литкоры приносить не должны, давая, напр., диалог, вырезку или событие вживе и целиком. Для своих замечаний, дум и устремлений они могут писать в сюжетах (отделах) «Нечаянные думы» или «Особое и остальное», так и помечая в своих литературных письмах.

Нац(обл)литкор сведенный в единую тетрадь материал периодически пересылает в редакцию («сбор. цех») «на монтаж» — на творчество произведений.

Получается предприятие:
мастеровые «у станков» (литкоры),

цеховые мастера (нац-обл-литкоры),
монтеры (литераторы, сборщики произведений),
директора — инженеры (критики).

Можно, конечно, районировать, кроме системы нац-обл-литкоров, еще и иначе, потому что районы, хотя и населенные одной нацией или сложными экономическими однородно, могут оказаться слишком разнообразными по признакам, интересующим литературу; наконец, интересы литературы могут не совпасть с линиями экономики, хозяйства и пр.

Гонорар должен делиться примерно так:

50% — писателю, «монтеру»,

5% — критику, «бюро изобр. литер. методов»,

5% — нац(обл)литкору,

40% — литкорам —

от каждого произведения, выпущенного данным литер. предприятием.

Произведение выпускается под фамилией «монтера» и с маркой литературного предприятия.

Вот, скажут, развел иерархию и бюрократию. Это не верно, — это не иерархия, а разделение труда, это не бюрократия, а живая творческая добровольная организация сборщиков меда и яда жизни и фабрика переработки этих веществ.

Обиды не должны быть: материально в успехе заинтересованы все сотрудники литер. предприятия, а морально — каждый литкор может стать литмонтером при желании, способностях и энергии.

Я пока работаю в одиночку, кустарно (сам себе и «литкор», и «нацкор», и т. д.), поэтому едва ли добьюсь таких разительных эффектов, которые бы сразу указали на преимущество предлагаемого метода.

Главная сила здесь, конечно, в «предприятии», в разделении труда, в охвате огромного количества человеческих личностей, масс и территорий тысячь зорких глаз, многоголовым живым умом и чутким вкусом.

Но все же я попробую и результаты продемонстрирую, если позволит это тот печатный орган, куда я обращаюсь.

Это «лежачий» опыт, а я бы хотел сразу поставить его на ноги, крупно, серьезно, и бить на достойное нашего времени гигантское (только не по числу печатных листов) сочинение.

Но для этой организации нужна охота многих подходящих людей, а не одного нижеподписавшегося.

Может быть, мы приблизимся тогда к коренной реформе литературы (содержания, стиля и качества ее) и по-простому разрешим проблему коллективизации этой «таинственной» и нежной области, ликвидируем архаизм приемов и нравов литературного труда,

сравняемся по разумности организации производства хотя бы с плохим заводом с. х. машин и орудий.

Очень прошу написать по этому поводу. Но — конкретно, по существу, избегая мелких придинок и щекотки, предлагая сытую насущность, а не корешки от ржи.

<Июнь — июль 1926 г.>

ПИТОМНИК НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

У одного советского писателя есть очень странная и очень красивая легенда: смертельно утомленный большевик видит неясный сон. Идеи, волновавшие большевика, конечно, получили свое начало в действительной жизни. Во сне лишь продолжалась дневная работа мозга, только в более бесформенном и чувственном виде. Утром большевик восстановил сновидение. Получилось следующее:

— Изумрудная земля. Волнующая бесстрашная жизнь человечества. Природа более огромна и более сложна, чем наяву. Но она не губит людей, а полна обаяния для них. Работа природы возбуждает людей так же, как ритмический гром мощной отличной машины. Но природа не машина — она живая, поэтому от нее исходит тревожное обаяние, как любовь. Людей на земле не два миллиарда, как нынче, а в тысячи раз больше, но нет бедствий и тесноты. Жизнь хороша до разрыва сердца, человек напряжен до крайности, но нет блаженной скотской гармонии.

Потом — ливень, потоп, черное солнце, ревушая судорога вселенной — и земной шар из изумрудной звезды стал комком мокрой глины. Остались разрозненные бродячие кучки бывшего мощного человечества. Природа продолжала резко меняться. Она являлась каждый день новой, а человек, сотворивший некогда из темной звезды изумруд, увидел, что его архитектура погибла. Надо было снова изучить в корне изменившийся мир, чтобы когда-нибудь снова превратить его в зеленый изумруд. Но человек, оставшийся от изумрудного мира, ничего не мог понять в новой природе. Он знал старый мир — до катастрофы — у того были другие законы движения; человек был настроен на те, старые, явления, и только ими мог командовать. Теперь же мир изменился принципиально, поэтому голова человека, сердце человека, чувства человека стали недействительными, ибо они были воспитаны вчерашним изумрудным днем. Человек растерялся, и в этом была причина его массовой гибели. Потребовался новый человек, потребовались эпохи работы и лабиринты тоски, чтобы переделать все свое человеческое оборудование и превозмочь сместившуюся природу: тогда вновь земля будет изумрудом, а человечество его цветом. Одним словом, человек и природа должны восстановить порванные добрые отношения. Порвала их природа, но человек должен сам измениться и изменить природу — так, чтобы добрые отношения восстановились. —

Герой рассказа твердо знает, что в том изумрудном мире, пришедшем к нему, не было чувства времени. После всемирной катастрофы это чувство появилось. Это значит, что появилась история. Появилась! Значит, она может и кончиться? Да, может, когда земля усилиями человека превратится в большую обитель созревшего человека, прокаленного адом борьбы, смерти, мысли и работы. Тогда история есть промежуток между потерянным и возвращенным изумрудным миром. Да — и этот путь надо пройти, сжав зубы, сдирая кожу со своего живого тела.

Быть может, в потерянном роскошном мире жил не человек, а лучшее существо. Лучшее существо, как более нежное, погибло, родив из себя грубого терпеливого выродка — человека, тварь эпохи бедствий. Человек есть специально, т. е., рабочий истории. Он должен переродить себя, перемесить всю природу, соответственно своей цели, и в последний день своей жизни, у конца истории, — когда все будет готово, — родить существо, подобное погибшему в изумрудном мире. Накануне той великой звездной эпохи человек будет выключен из жизни — он превозмог все страдания, но износился и больше негоден. Его арена — история — свернулась навсегда.

Большевику — герою рассказа — было радостно в тот день. Он знал имя изумрудному земному шару — коммунизм. Он перевел в чувство свои помыслы и политические вожеления, он засмеялся, отдохнул в одну ночь и бросился в гущу терпеливого ежедневного труда.

Герой рассказа почерпнул в фантастическом сонном видении удовлетворение своей философской умонастроенности. Он забыл, что та мгновенная космическая катастрофа, разрушившая изумрудный мир, не всем памятное дело, и поэтому она мечта. Но писатель имел в виду чувства своего героя, а не науку, поэтому писатель имел право толковать природу с точки зрения отдельного человека. Искусство — не наука: у него каждое явление жизни имеет адрес и фамилию. А наука работает над безличными огромными суммами однородных явлений и выводит среднее, равнодействующее, оставляя за бортом личные отличия фактов и живых существ. Наука ищет однообразия во многом, а искусство — своеобразие в отдельном.

Сон большевика мы привели потому, чтобы пользоваться им дальше как средством разъяснения. Наша тема заключается в объяснении будущего типа человека, который должен сменить ныне живущий тип. Постараемся это сделать совершенно объективно.

Современная эпоха имеет одну странную аномалию, т. е. неравномерное развитие. Науки о природе достигли страшной высоты. Мы не будем на этом задерживаться. Скажем, что, если бы осу-

ществовать все современные научные открытия, человечество было бы материально счастливо: сыто, одето и даже добродушно. Исторические же науки и социология, наоборот, безнадежно отстали от наук о природе. В самом деле, с точки зрения естественного строения земли, распределения ее производительных сил, способа их наилучшей эксплуатации, с точки зрения производства самой же науки — производства насквозь социального, т. ск. непрерывно всемирного, — капитализм есть чушь и дикость. При высоте современного естествознания пользоваться капитализмом, как формой производства и общежития, так же глупо и невыгодно, как посылать телеграмму на подводе при наличии радио.

На самом деле между социологией и естествознанием в голове человека и в живой действительности произошел разрыв. Разве не смешно, что один и тот же человек открывает и называет вещество, из которого построена вселенная, раскалывает на части атом и одновременно верит в Бога и в небесное помазничество короля своего отечества. Так именно поступает один английский ученый.

Правда, все это рассуждение для советского читателя недействительно. Октябрьская революция на месте провала социологических знаний и фактов возвела гору социальной революции. Этим событием социология догнала технику и естествознание. Если аэроплан может лететь со скоростью 400 верст в час и требует, чтобы земной шар был сплошным аэродромом, то этому соответствует социализм. Эфир и электричество также требуют для своего использования социализма. Это всем ясно. Капитализму же соответствовал самое бóльшее — паровоз.

Но в капиталистических странах разрыв между естествознанием (в широком смысле) и социальной действительностью есть. И этот разрыв ведет к тому, что рост самого естествознания и связанной с ним техники приостанавливается. Это опять-таки понятно: сложный процесс современной науки требует для себя всемирных масштабов, а не территорий и диких условностей буржуазного государства. Вот почему американский писатель Вудворт говорит, что надо предавать казни изобретателей и исследователей — Америке не нужны технические открытия, Америке необходимо изменить свой социальный строй, иначе она выродится в толпу идиотов. Вудворт боится, что если вовремя не подравнять уровень социального устройства с уровнем науки, то исчезнет и сама наука. Поэтому он предлагает приостановить пока науку, чтобы успеть дотянуть до нее социальные отношения.

Вышло, что человек, трудясь над переделкой мира, забывал параллельно переделывать себя. Поэтому великое естествознание шло человеку не в пользу и в спасение, а в погибель. Пример этому: война 1914 г.

«Завет изумрудного мира» — об одновременной работе над миром и над собой — был забыт.

Начало нового человека положено в Советской России. Потому что в Советской России изменяется среда, которая питает и образует человека, т. е. общественное устройство. Что же это за новый человек?

«Изумрудный человек» погиб оттого, что не перенес всемирной естественной катастрофы, хотя в свое время он создал «из темной звезды изумрудный мир». Просто человек — существо, преобразующее неряшливый катастрофический мир, — выжил оттого, что родил в себе и пустил в действие новый жизненный орган тела — мозг. Этот мозг дал человеку волшебную силу для сопротивления всем ревушим смертоносным стихиям. Мозг рос на протяжении неисчислимых эпох, и им ныне освещена почти вся природа. Мозг человека есть обеспечение его конечной победы над всем миром. Но одновременно в человеке существуют десятки чувств и страстей, зовущих его предаться наслаждениям и забыть свою человеческую историческую работу. Человек любит есть, любит женщину, ищет покоя, желает личного смысла жизни и т. д. Каждая из этих страстей, доведенная до предельного напряжения, способна разрушить, рассосать силу сознающего мозга. Мозг непрерывно откупается от этих страстей. Он выдумывает средства, чтобы человек наслаждался, но чтобы от этих наслаждений не разрушалось его тело. Для мозговой силы нужно крепкое здоровье, и в распутном теле не может родиться большая мысль. В сущности, мозг все время хочет стать диктатором человеческого тела — он желает мобилизовать все силы организма только для своего питания. Это ему не удастся — отсюда трагедия личности и быта.

Вероятно, мозг, в конце концов, откупится: он изобретет тысячи предохранений для человеческого тела, чтобы оно могло предаваться всем своим страстям, но не иссякать преждевременно и добросовестно питать голову кровью. Это будет как игрушки большого человека для маленького ребенка.

Советский Союз представляет собой для мозга сосущий рынок. В самом деле, постройка социалистического общества — это предприятие невиданного масштаба. Социализм включает в себя почти немедленную реализацию всех достижений науки, и, больше того, он предъявляет спрос на новые открытия. Вспомним, что социализму пришлось экстренно и заново изучать территорию и народы Союза, пересмотреть недра, создавать центры энергии, поправлять природу для устройства путей сообщения, вести тонкую дипломатию с внешним капитализмом, перешить всю микроскопическую ткань человеческих отношений, создать практическую философию и мн. др.

Если вспомнить открытие хребта Черского в Сев.-Вост. Сибири, Волхов, Днепр, Свирь, Волго-Дон, авиационные успехи, кристаллический аккумулятор Иоффе, ветродвигатель Уфимцева, массовое рабочее изобретательство и пр., то слова о постройке социализма получат, т. ск., конкретные местоимения.

Социализм, как известно, задался целью догнать и перегнать капитализм во всех его областях — в производстве, в культуре, в формах общежития. Это возможно только тогда, когда в Советском Союзе действует более высокий тип человека, чем в капиталистических странах. Что значит более высокий тип человека? Это значит более энергичный, более напряженный, более одаренный и продуктивный в мозговом отношении. Ведь ничего нельзя сделать, не созная. Что заставит советского человека, и уже заставляет, стать более разумным? Доброе желание? Нет: угроза гибели. Эта причина толкнет советского человека на шаг к своему внутреннему преобразованию. Этим шагом он опередит тип капиталистического человека. Понятно, что новый человек сам не осознает и не оценит своего перерождения — оно появится как бы бессознательно и незаметно. Вся мощь объективных непререкаемых условий ляжет на человека и зарядит его мозг острой силой.

Нельзя же опередить капитализм, не имея самого главного инструмента для этого опережения — человека. Если мы хотим вырасти выше капитализма, то наш человек должен быть биологически лучше оборудован, чем человек капитализма. Т. е. он должен иметь лучший мозг. И притом лучший мозг в непосредственном физиологическом смысле. Марксизм знает, как податлив человек, даже биологически, под влиянием социальных и экономических условий. Сейчас мировые и исторические условия для человека советских стран таковы, что ему нужно подаваться в сторону выращивания своего мозга или быть растертым капитализмом. В этом — внутренне биологическое последствие Октябрьской революции. Последствие, на которое прямого расчета не было. Но это так. Если капитализм произвел условия, в которых пролетарий превращался в идиота, то социализм перевернул эти условия так, что пролетарий превращается в одаренного человека. Это физиологические органические выводы различных социальных порядков. Это очень ясно.

Социализм есть теплый дождь на почву сознания. Социализм есть спрос на мозговую продукцию. Из этого спроса вырастает предложение. Все вместе создает почву для умственного обогащения человека. Этой почвы в капитализме не имеется — там люди отстают.

В ближайшие же годы мы будем свидетелями, как капитализм начнет приглашать людей искусства и науки со стороны, т. е. из социалистических стран. Америка это уже делает сейчас. Причина та-

кого явления — в иссякании творческих сил капиталистического общества. С советской точки зрения, искусство нынешних Европы и Америки есть сплошная халтура. Доказательств не требуется — они общеизвестны.

Дальше и последнее. Растущее сознание социалистического человека незаметно, т. сказ., демобилизует порочные страсти тела. Сила, которая шла на питание этих страстей, всасывается вверх для мозговой деятельности, оставляя внизу пустое место. Таким образом разрубаются и решаются вопросы пола, быта, искусства, неразрешимые при капитализме.

Социалистическое общество открыло шлюзы для потока сознания — этого достаточно для сотворения нового человека. Сознание в камеру шлюза пройдет, а пороки защемятся и отвалятся в верхнем плесе.

Новый человек это не явное «сошествие Св. Духа». Это органическое, медленное и потому не бросающееся в глаза явление. Новый человек уже живет, фантастическое существо будущего уже действует, но глупо было бы указывать его точный адрес и фамилию.

Что объективно характеризует нового, социалистического, человека? Несомненно, мозговой прирост, т. е. изменение в мозгу, в сторону его усиления, и связанные с этим органические перемещения.

К изумрудной звезде, приснившейся утомленному большевику, сделан крупный шаг. История «проходится». Земное тесто будет превращено в кристалл, и человек станет его зеленым цветом — цветом надежды на действительное овладение вселенной.

<1927>

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ГОРОД ГРАДОВ

(Заметки командированного)

Мое сочинение скучно и терпеливо — как жизнь, из которой оно сделано.

Ив. Шаронов, писатель конца XIX века

От татарских князей и мурз, в летописях прозванных мордовскими князьями, произошло столбовое градовское дворянство, — но князей Енгалычевых, Тенишевых и Кугушевых до сих пор помнит градовское крестьянство.

Градов от Москвы лежит в пятистах верстах, но революция шла сюда пешим шагом, и древневотчинная губерния долго не сдавалась ей: лишь в марте 1918 года установилась советская власть в самом Градове, а в уездах — к концу осени.

Оно и понятно: черносотенцев в Градове было столько, что хватило бы их с избытком на десяток других губерний. Одних мощей Градов имел трое; кроме того, здесь находились 4 целебных колодца с солной водой и две лежачих старушки-прорицательницы, живьем легшие в удобные гроба.

Отсюда пошло то, что сколько ни давала Москва денег этой ветхой, растрепанной бандитами и заросшей лопухами губернии, — ничего замечательного не выходило.

В Москве руководители губернии говорили правительству, что хотя нельзя сказать точно, на что истрачены пять миллионов, отпущенные в последнем году на сельское хозяйство, но толк от этих миллионов должен быть; все-таки деньги истрачены в Градовской губернии, а не в чужом месте и как-нибудь скажутся.

— Может, пройдет десять годов, — говорил председатель Градовского Исполкома, — а у нас рожь начнет расти в оглоблю, а картошка с колесо! Вот тогда и видно будет, куда ушли пять миллионов!

Случился в Градовской губернии голод от засухи. На прокормление крестьян и на особые гидротехнические работы правительство отпустило три миллиона рублей.

Восемь раз заседал президиум Градовского Губисполкома: что делать с этими деньгами? Четыре месяца шло обсуждение серьезного вопроса, а крестьяне тем временем продавали хаты и пускались в отход на заработки.

Наконец Губисполком решил — создать Губернскую Комиссию по борьбе с недородом, затем учредить уездные комиссии, а также волостные и сельские, потом — поднять кампанию в печати и начать работу по выявлению и учету пострадавшего от недорода сельского населения. Ранее того — денег не расходовать, дабы не допустить политической ошибки.

В основу отбора голодающих крестьян от сытых был положен классовый принцип. Чтобы не было злоумышленных толкований классового принципа, Губисполком дал местам марксистский метод его применения: помощь оказывать только тем крестьянам, у которых нет ни коровы, ни лошади, а наличный скот — не свыше двух овец и двадцати кур, включая петуха; остальным крестьянам, имеющим корову или лошадь, давать хлеб порциями, когда в теле есть объективные признаки голода, как то: высокая температура или желудочная изжога. Порция не должна быть больше фунта ржаной муки на душу семейства.

Ввиду некомплекта участковых врачей в губернии, научное определение голода было возложено на ветеринаров и на сельский педагогический персонал.

Затем Губернской Комиссией по борьбе с недородом была разработана «Ведомость учета крестьянских хозяйств, на восстановление, укрепление и развитие коих может в некоторой степени повлиять частичный недород некоторых районов губернии». Ведомость эту разослали в уездные комиссии, те — в волостные, волостные — в сельские. Сельские комиссии должны эти ведомости составить, потом послать в волостные комиссии, волостные — после увязки и проработки — в уездные, уездные комиссии, помудрив поелику возможно, посылают ведомости в Губернскую Комиссию. Эта Комиссия, получив тучу бумаги и полиставав ее, докладывает Губисполкому свой проект оказания продовольственной помощи населению, в некоторой своей части пострадавшего от частичного недорода.

Деньги из Москвы пришли в сентябре, а заполненные ведомости из уездов вернулись в апреле следующего года. Но так как без бдительного учета голодающих масс помощь нельзя начинать, ибо тогда и кулацкий элемент влез бы в долю, то помощь населению началась с мая — через 9 месяцев после неурожая.

Первый мужик, получивший первый пуд хлеба, попал в «Градовские Известия» — с полной биографией. По классовой формуле, данной из губернии, этот мужик должен питаться казенным хлебом до нового урожая: у него не было даже двух овец, и кур тоже не было, потому что он только вернулся из шахт, и с деньгами, а крестьянского хозяйства никогда не вел. Он и получил первый пуд дарового хлеба, без особой радости.

Один миллион рублей пошел на гидротехнические работы. Создана была особая комиссия по набору техников. Но она ни одного техника не приняла, так как оказалось, — чтобы построить деревенский колодезь, техник должен знать всего Карла Маркса.

Комиссия решила, что технического персонала на рынке Республики нет, и по одному доброму совету приняла, что эти работы надо поручить бывшим солдатам-военнопленным Германии, а также сельским самоучкам, которые даже часы могут чинить, а не только насыпь сделать и яму для воды выкопать. Один член этой приемочной комиссии вслух прочитал книгу, — где говорится, как холоп Микишка сделал аэроплан и летал на нем перед царем Иоанном Грозным, — чем убедил окончательно комиссию в скрытых силах пролетариата и трудового крестьянства. Следовательно, решила комиссия, средства, отпущенные правительством на борьбу с недородом, помогут «выявить, использовать, учесть и в дальнейшем снова использовать внутренние умственные силы пролетариата и беднейших крестьян; тем самым гидротехнические работы в нашей губернии будут иметь косвенный культурный эффект».

Было построено шестьсот плотин и четыреста колодцев. Техников совсем не было, а может, было человека два. Не достояв до осени, плотины были смыты летними легкими дождями, а колодцы почти все стояли сухими.

Кроме того, одна сельскохозяйственная коммуна, под названием «Импорт», начала строить железную дорогу, длиною в десять верст. Железная дорога должна соединить «Импорт» с другой коммуной — «Вера, Надежда, Любовь». Денег «Импорт» имел пять тысяч рублей, и даны они были на орошение сада. Но железная дорога осталась недостроенной: коммуна «Вера, Надежда, Любовь» была ликвидирована губернией за свое название, а член правления «Импорта», посланный в Москву купить за двести рублей паровоз, не вернулся.

Сверх того, на те же казенные деньги десятниками самочинно были построены восемь планеров для почтовой службы и перевозки сена и один вечный двигатель, действующий моченым песком.

В этот-то Градов Иван Федотович Шмаков ехал из Москвы. Дадено ему было задание: вращать в губернские дела и освежить их здоровым смыслом. Шмакову было 28 лет, он только кончил Сельскохозяйственную Академию по инженерному факультету и теперь послан партией на работу.

Думал Шмаков как раз про то, что было ему известно про Градов.

За два часа до Градова Шмаков вышел на попутную станцию и, оглянувшись по сторонам, выпил водочки в буфете.

Особое чувство скуки и беспокойства схватило Шмакова, когда он шел по мрачным и грязным залам вокзала. В 3-м классе сидели безработные и ели дешевую мокрую колбасу. Плакали дети, увеличивая чувство тревоги и беспомощной жалости. Уныло гудели маломощные паровозы, готовясь к одолению скудных осенних пространств, полных редкой и убогой жизни. Проезжие люди жили так, как будто они ехали по чужой планете, а не по отечественной стране: каждый ел укрошкой и соседу пищи не давал, но друг к другу жались, ища защиты на страшных путях сообщения.

Шмаков вошел в вагон и закурил. Поезд тронулся. Наспех выскочила баба с яблоками, запутавшись в сдаче пассажиру с гривенника.

Шмаков плюнул и сел. За окнами проскакивали хижинки какого-то городка и не спеша помахивала мельница ветхими крылами, тяжело меля грубое зерно.

Некий старичок рассказывал соседям хитроумную притчу — и люди смеялись, торопя старика.

— А мордвин што?

— А мордвин, богатый человек, — говорил старик, — мордвин угостил русского подобру и честь честью. Только русский говорит мордвину: я беден, и когда разбогатею, тогда тебя тоже в гости позову.

— А мордвин ему што?

— А мордвин ждет. Прошел год, еще год, а потом сразу два. Русский все не богатеет, а мордвин все ждет — когда его русский в гости к себе позовет. Четыре года томился мордвин, а потом вспомнил про русского и пошел к нему в гости. Вот приходит в хату...

— К русскому?

— К русскому — то видно по рассказу. Да... Русский схватил шапку с мордвина — то на один гвоздь ее повесит, то на другой, то на третий. — Што ты? — спрашивает его мордвин. — Места тебе не найду, — говорит русский.

— Почет, значит?

— Ну, почет, конечно. Да... Сел мордвин за порожний стол и глядит, чего бы ухватить ему из пищи. Глядь, русский кувшин тащит. — Пей, — говорит. — Мордвин ухватился, думал, влага какая, а там вода. Попил мордвин. — Будя, — говорит. — Пей, — говорит русский, — не обижай, пожалуйста! — Мордвин, конечно, человек уважительный, — пьет. Не успел выпить этого кувшина, хозяйка ведро принесла, а хозяин доликает кувшин и пот-

чает гостя: не обидь, говорит, угощайся, ради бога! — Выпил мордвин три ведра воды и домой пошел. — Хорошо угостил тебя русский? — спрашивает мордвина жена. — Хорошо, — говорит мордвин, — спасибо, что вода была, а от водки я бы помер — три ведра выпил...

Дальше Шмаков не слушал — поезд гремел на крутом уклоне и скрежетал маломощными* тормозами.

Печальный молчаливый сентябрь стоял в прохладном пустопо-рожном поле, где не было ни следа промышленности. Одно окно в вагоне было открыто, и какие-то пешие люди кричали в поезд:

— Эй, сволочи!

Иногда встречные пастушонки просили:

— Брось газету! — Газета им требовалась на сигарки. Шмаков побросал им всю наличную бумагу, и пастушонки ловили ее, не допуская до земли.

— Градов! Кому до Градова! Первая остановка! — сказал про-водник и начал выметать сор. — Насорили, идола, как в поле! Штрафовать вас надо, да денег у вас нету! Бабка, прими ноги...

Шмаков сошел в Градове, и его охватила некоторая жуть.

«Вот оно — мое поселение!» — думал Шмаков и оглядывал тихий вокзал и скромных людей, спешащих попасть в вагоны. Не верилось, что этот пункт связан рельсами со всем миром — с Афи-нами и Апеннинским полуостровом, а также с берегом Тихого океана.

Вселился Шмаков в дом № 46 по Коркиной улице. Дом был невелик, и жила в нем одна старушка — караульщица своего не-движимого имущества. Получала она за мужа пенсию 11 р. 25 к. в месяц и комнату сдавала за 8 р. с ее топкой.

Сел за голый стол Иван Федотыч, поглядел на двор, где травы умирали, и ему сделалось скучно. Посидев, Иван Федотыч лег, а полежавши, встал и пошел еды купить.

Еще не закатилось сентябрьское солнце, а Иван Федотович вернулся в пустоту своего жилища. Старушка вздыхала на кухне и трещала лучинками к самовару.

Иван Федотович поел колбасы, а затем сел выработать фор-му своей подписи на будущих бумагах. «Шмаков», — написал Иван Федотович. «Нет, не твердо», — подумал он и вновь написал «Шмаков», но уже более бесхитростно и как бы невзначай копируя по простоте начертания подпись Ленина.

* Первый вариант: бессильными.

Затем долго раздумывал Иван Федотович — ставить ему перед своей фамилией «Ив» — Иван, или не надо. Наконец решил поставить: могут обознаться и спутать с инородным человеком, хотя фамилия «Шмаков» — достаточно редкостная.

В 8 часов старушка перестала вздыхать и тихо засопела: уснула. Потом проснулась и долго бормотала славянские молитвы.

Иван Федотович задернул занавесочки, понюхал большой цветок на подоконнике и извлек из чемодана кожаную тетрадь.

На коже было вырезано перочинным ножом заглавие рукописного труда —

«ЗАПИСКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА».

Открыв рукопись на 49 странице, Иван Федотович подчитал конец и, разогнавшись мыслью, начал продолжать:

«Большевики создали образцовое государство, коему нет примера в истории. Возьмем Рим — это анархия по сравнению с Советами. Взглянем на современные империалистические организмы — Британию, С.А.С.Ш., Францию и др. — это рассыпанный порох, тогда как СССР — плотный пироксилин, единая органическая масса, несмотря на множество сросшихся наций в нем.

Ни англичане, ни американцы, ни французы, ни прочие кто — никто не сравнится в понимании государства с большевиками. Воистину в 1917 году в России впервые родился государственный человек и впервые отпраздновал свою победу гармонический разум порядка.

Мы, большевики, лучше переварили в себе тысячелетний опыт Европы, чем сами европейцы, выдумавшие одно социал-демократическое тело.

Ленин — это новый Иван Калита, с тою разницей, что тот собирал княжеские клочья безмасштабной московской Руси, а Ленин собирает клочья всего растрепанного империалистического мира; но сложить эти клочья можно в единственную сумму — социализм.

Но сбор клочков мира, потрескавшегося от капитализма, допустим лишь путем образцовой государственности.

Настала поэтому эпоха великой мировой большевистской государственности, перед которой и Рим, и Александр Македонский — ничто, и уездные исправники тоже.

Но что такое истинная государственность? — Это, ясно и понятно, классовая сила, превращенная в аппарат и сбита в нем, до плотности железа. А что такое аппарат? — Это коллектив чиновников. Стало быть, советский чиновник есть исполнитель диктатуры пролетариата и заместитель пролетария на государственном посту.

...Я тайно веду свой труд. Но когда-нибудь он сделается мировым юридическим сочинением. А именно, я говорю: чиновник — это ценнейший агент социалистической истории. Чиновник, или должностное лицо, — это живая шпала под рельсами в социализм. Служение социалистическому отечеству — это новая религия человека, ощущающего в своем сердце чувство революционного долга.

Современная борьба с бюрократией основана отчасти на непонимании вещей.

Бюро есть конторка. А конторский стол суть неременная принадлежность всякого государственного аппарата.

Бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расползавшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей.

Бюрократ должен быть раздавлен и выжат из советского государства, как кислота из лимона! Но не останется ли тогда в лимоне одна ветхая мертвая ткань, не дающая вкусу никакого достоинства?

Подумать надо над этим — и крепко подумать. Я кончаю сегодняшнюю очередную запись, чтобы крепко подумать о бюрократии».

Тут Иван Федотович встал — и действительно задумался.

Так думал он о бюрократии — долго, пока его не перебил собачий лай на ночной улице, и тогда он уснул, зря не потушив лампы.

На другой день Шмаков явился на службу — в Губернское Земельное Управление, куда он назначен был заведовать подотделом.

Явившись, он молча сел и начал листовать непонятные бумаги. Сослуживцы дико смотрели на новое молчаливое начальство и, вздыхая, не спеша чертили какие-то длинные скрижали.

Иван Федотыч постепенно входил в самое средоточие дел и всюду усматривал ущерб стройности и делопроизводительной логике.

Вечером, лежа на кровати, он раздумывал о своей новой службе. Круг обязанностей каждого сотрудника очерчен недостаточно четко, служащие суетятся с малой пользой, в бумагах — запор смысла и скользкая бесклассовая логика, в толчее и подотдельской тесноте сотрудники утратили самую цель своих трудов и исторический смысл своей службы.

Поев вчерашней колбасы, Шмаков сел писать доклад начальнику Губземуправления — «О соподчинении служащих внутри вверенного мне подотдела, в целях рационализации руководимой мною области сельскохозяйственных мероприятий».

Трактат свой Иван Федотыч кончил поздней ночью — за полночь, — когда уже снеслись куры, оплодотворенные вчера утром.

Утром хозяйка дала Ивану Федотычу бесплатно чай. Ночью она слышала, как у спящего Шмакова рычала и резко трескалась сухая жирная пища в животе, — и утром сжалилась над одиноким человеком.

Иван Федотович принял чай без всякого одобрения и без интереса прослушал хозяйкин рассказ об их глухой стороне.

Оказалось, что в ближних к Градову деревнях, — не говоря про дальние, что в лесистой стороне, — до сей поры весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезни скот и насвистывали ветер.

«Холуйство! — подумал Иван Федотович, послушав старуху. — Только государство и его живая сила — служилый должный народ — способны упорядочить это мракобесие!»

Идя на службу, Иван Федотович чувствовал легкость желудка от горячего чая старухи и покой мысли от убежденности в благотворном государственном начале.

На службе Ивану Федотычу дали дело о наделении землей потомков некоей Алены, которая была предводительницей мятежных отрядов поценского края в 18-м столетии и которую сожгли за чародейные дела в г. Кадоме.

«Ездили они, отцы наши, воровские казаки, — читал в деле Шмаков, — по уздам, рубили помещиков и вотчинников, за которыми были крестьяне, а черных людей, крестьян и боярских людей и иных служилых людей никого не рубили и не грабили».

Дело о землеустройстве потомков Алены тянулось уже пятый год. Теперь пришла новая бумага от них с резолюцией начальника учреждения:

«Гов. Шмакову. Реши это дело, пожалуйста, окончательно. Пятый год идет волокита о семи десятинах. Доложи мне срочно по сему».

Шмаков исчитал все дело и нашел, что это дело можно решить тройко, о чем и написал особую докладную записку начальнику учреждения, не предрешая вопроса, а ставя его на усмотрение вышестоящих инстанций. В конце записки он вставил собственное изречение, что волокита есть вырабатывание социальной истины, а не порок.

На пятый день службы Шмаков познакомился с заведующим Административно-Финансовым Отделом Земельного Управления Степаном Ермилычем Бормотовым.

Бормотов принял Шмакова спокойно, как чуждое интересам дела явление.

— Товарищ Бормотов! — сказал Шмаков. — У нас дело стоит: вы почту приказали отправлять два раза в месяц — okazиями...

Бормотов молчал и подписывал ассигновки.

— Товарищ Бормотов! — обратился Иван Федотыч. — У меня тут срочные бумажки, а отправлять почту будут через неделю чохом...

Бормотов нажал кнопку звонка, не глядя на Шмакова.

Вошел испуганный пожилой человек и прищурился на Бормотова — с почтительным и усиленным вниманием.

— Отнеси это в Ремесленную Управу, — сказал Бормотов человеку. — Да позови мне какую-нибудь балерину из переписчиц!

Человек не осмелился ничего сказать и ушел.

Вошла машинистка.

— Соня! — сказал ей Бормотов, не взирая на нее, а узнав по запаху и иным косвенным признакам. — Соня! Ты оперплан не переписала еще?

— Переписала, Степан Ермилыч! — ответила Соня. — Это операционный план? Ах, нет, не переписала...

— Ну, вот ты спроси сначала, а потом отвечай, — а то — переписала!

— Вы про операционный план спрашиваете, Степан Ермилыч?

— Ну, да — не про опереточный! Оперплан и есть оперплан!

— Ах, я его сейчас только вдела в машинку!

— Вдела и держи там! — ответил Степан Ермилыч.

Тут Бормотов кончил подписывать ассигновки и заметил Шмакова.

Шмаков вновь рассказал ему про почту.

Бормотов послушал и ответил:

— А как же в Вавилоне акведуки строили? Хорошо ведь строили? — Хорошо! — Прочно? — Прочно! А почта ведь там раз в полгода отправлялась, и не чаще! Что теперь мне скажешь? — Бормотов знающе улыбнулся и принялся подписывать подтверждения и напоминания.

Шмаков оступел от такого резона Бормотова и недоуменно вышел. По дороге он дышал сухим воздухом старой деловой бумаги и думал о том, что значит Ремесленная Управа, которую упомянул Бормотов. Думал Шмаков и еще кой о чем, но о чем — неизвестно.

В дверях Административно-Финансового Отдела спорили два человека. Каждый из них был особенный: один утлый, истощенный и несчастный, пьющий водку после получки, другой — полный благотворности жизни от сытой пищи и внутреннего порядка.

Первый, тощий, свирепо убеждал второго, что это глина, держа какой-то комочек в руке. Другой, напротив, стоял за то, что это песчаный грунт, и удовлетворялся этим.

— А почему? Ну, почему песок? — пытал его тощий.

— А потому что сыпется! — резонно говорил тот, что поспокойней. — Потому что мукой пылит: ты дунь!

Тощий дунул — и что-то вышло.

— Ну? — спросил утлый человек.

— Что ну? — сказал плотный. — Сыпется, значит песок!

— А ты плюнь! — догадался тощий.

Его недруг взял в свои руки комочек неведомого грунта и смачно харкнул, уверенный в неразможимой природе песка.

— Ну? — торжественно возгласил тощий и несчастный человек. — Помни теперь!

Тот помял и сразу согласился, чтобы не рушить равновесия чувств:

— Глина! Мажется, дребедень!..

Шмаков прослушал беседу друзей и, достигнув своего стола, сейчас же сел писать доклад Начальнику Управления — «О необходимости усиления внутренней дисциплины во вверенном Вам Управлении».

А меж тем, сквозь время, настигла Градов печальная зима. Сослуживцы сходились по вечерам пить чай, но беседы их не отходили от обсуждения служебных обязанностей; даже на частной квартире они чувствовали себя служащими государства и обсуждали казенные дела. Попав раз на такой чай, Иван Федотович с удовольствием установил непрерывный и сердечный интерес к делопроизводству у всех сотрудников Земельного Управления.

Желчь дешевого табака, шелест бумаги, запечатлевшей истину, покойный ход очередных дел, шествующих в общем порядке, — эти явления заменяли сослуживцам воздух природы.

Канцелярия стала их милым ландшафтом. Серый покой тихой комнаты, наполненной умственными тружениками, был для них уютней девственной природы. За огорожами стен они чувствовали себя в безопасности от диких стихий неупорядоченного мира и, множа списание документы, сознавали, что множат порядок и гармонию в нелепом неустойчивом мире.

Ни солнца, ни любви, ни иного порочного явления они не признавали, предпочитая письменные факты. Кроме того, ни любовь, ни учет деятельности солнца — в круг делопроизводства не входили.

Однажды, в темный вечер, когда капала неурочная вода (был декабрь) и хлопал мокрый снег, по улицам Градова спешил возбужденный Шмаков.

Предназначалась сегодня пирушка — по три рубля с души — в честь 25-летия службы Бормотова в госорганах.

Шмаков кипел благородством невысказанных открытий. Он хотел выступить перед Бормотовым и прочими на свою сокровенную тему — «Начало гармонизации вселенной». Именно так он хотел переименовать свои «Записки государственного человека».

Градов еще не спал, потому что шел восьмой час вечера. Злились от скуки собаки на каждом дворе. Замечательно — потому что он был один — горел вдалеке электрический фонарь. Небо было так низко, тьма так густа, а город столь тих, невелик и явно благонастроен, — что почти не имелось никакой природы на первый взгляд, да и нужды в ней не было.

Проходя мимо пожарной каланчи, Шмаков слышал, как вздыхал наверху одинокий пожарный, томясь созерцанием.

— А все-таки он не спит! — с удовольствием гражданина подумал Иван Федотыч, — значит, долг есть! Хотя пожаров тут быть не может: все люди осторожны и порядочны!

На вечер, в условный дом вдовы Жамовой, сдавшей помещение за два рубля, Шмаков пришел первым. Вдова его встретила без приветливости, как будто Шмаков был самый голодный и пришел захватить еду.

Иван Федотович сел и затих. Отношений к людям, кроме служебных, он не знал. Если бы он женился, жена стала бы несчастной женщиной, но Шмаков уклонялся от брака и не усложнял историю потомством. Шмаков не чувствовал в женщинах никакой прелести, как настоящий мыслитель, в котором циркулирует голый долг. Воли в себе он не знал, ощущая лишь повинование — радостное, как сладострастие; он любил служебное дело настолько, что дорожил даже крошками неизвестного происхождения, затерянными в ящиках своего письменного стола, как неким царством покорности и тщетности.

Вторым явился Степан Ермилович Бормотов. Он держался не как именинник, а как распорядитель.

— Марфуша! — обратился он к Жамовой. — Ты бы половичок в передней постелила. Ноги могут быть нечисты, лапоши людям не по бюджету, а у тебя все-таки горница, а не кабак!

— Сейчас, Степан Ермилыч, сейчас постелю! А вы проходите, — я вам престольное место приготовила! Выше вас чина ведь не будет?

— Да не должно быть, Марфа Егоровна, не должно, — и Степан Ермилыч сел в лучшее кресло старинного устройства.

Чуя, что Степан Ермилович уже на месте, быстро стали подходить другие гости. Пришли 4 деловода, 3 счетовода, 2 зав. личным составом, 2 бухгалтера, 3 заведующих подотделами, машинистка Соня и заведующий местной черепичной мастерской — старинный приятель Бормотова по земской службе гражданин Родных.

Этими людьми мир Бормотова замкнулся в своих горизонтах и плановых перспективах, и началось чаепитие.

Чай пили молча и с удовольствием, разогревая им настроение. Марфа Жамова стояла за спиной Бормотова и меняла ему пустые стаканы, сласть чай желтым экономическим песком, купленным в кооперативе как брак.

Иван Федотович Шмаков сидел с сознанием чести. Почтительный разговор не выходил из круга служебных тем. Поминались лихие случаи: задержка исполнением распоряжений Губисполкома — и в голосе говорившего чувствовался страх и скрытая радость избавления от ответственности.

Выплыло событие о задержке сдачи дел в архив самим Бормотовым, по причине их утери в перевозке из одного здания в другое, что, однако, Губархивом не было признано удовлетворительным объяснением и дела предложено было сдать. Тогда Бормотов, как замечательный администратор, велел набить сорок папок всякими бумажками. 2 недели не выносились корзины из учреждения, поставив отброс в папки, — и 40 папок были превращены в 40 дел. Губархив прислал удовлетворительное отношение, и Бормотов послал его на доклад своему начальнику как символ порядка подведомственного ему органа.

Шмаков тлел возбуждением и шумел переполненным сердцем, но молчал до поры и тер свои писцовые вырождающиеся руки.

Много еще случаев помянули присутствующие. История текла над их головами, а они сидели в родном городе прижукнувшись и наблюдали, усмехаясь, за тем, что течет. Усмехались они потому, что были уверены, что то, что течет, потечет-потечет и остановится. Еще давно Бормотов сказал, что в мире не только все течет, как сказал старый философ, но и все останавливается. И тогда, быть может, вновь звонят колокола. Бормотов, как коммунист, да и другие не желали, конечно, звона колоколов, но для порядка и внушения массам единого идеологического начала и колокола не плохи. А звон в государственной глуши — несомненно хорош, хотя бы с поэтической точки зрения, ибо в хорошем государстве и поэзия лежит на предназначенном ей месте.

Незаметно чай кончился, самовар заглох, Марфа осунулась и села в уголок, устав угождать. Тогда за чай заступилась русская горькая.

— Вот, граждане, — сказал счетовод Смачнев, — вот вам наглядное положение того, что мир утверждён на пороке!.. Чай — добро, семейственная добродетель, свободомыслие и Государственная Дума, так сказать, но не на чайной монополии держится бюджет государства, а на винной!..

Смачнев, несомненно, был пессимист и, в общем и целом, перегнул палку.

Но действительно, что только водка разморозила сознание присутствующих и дала теплую энергию их сердцам.

Первым, по положению, встал Бормотов.

— Граждане! Я пережил 18 председателей губисполкомов, 26 секретарей и 12 начальников губземуправлений! Одних управделами губисполкома при мне сменилось 10 человек! А чиновников особых поручений, как их — личных секретарей председателей, — целых 30 штук прошло... Я говорю вполне искренно и определенно. Но посудите сами, дорогие сослуживцы, сколько было характеров, капризов, различных желаний и проектов — до превращения сухой территории губернии в море, а хлебопашцев в рыбаков включительно! И я должен был всему сочувствовать, благожелательно улыбаться, терзая свой здравый смысл, а также истребляя порядок, установленный существом дела! И более того — Ремесленная Управа, то есть этот — Губпрофсовет, однажды исключил меня из союза разземлеса за то, что я назвал членские взносы налогом в пользу служащих профессиональных союзов! Но, однако, членом союза я остался, иначе быть не могло: Ремесленной Управе невыгодно лишаться плательщика налога, а об остальном постаралось мое начальство — без меня ему бы делать нечего было!

Далее того, — Казначейство, Контрольная Палата, даже Епархиальное Управление и прочие присутственные места без меня не обходятся — кто ж, скажите, приложит руку к сердцу, учредил и обосновал их делопроизводство, упразднил всякие карточные системы, НОТы и прочую бюрократическую ахинею?

В городе без Бормотова не было бы учреждений и канцелярий! Я первый, кто из большевиков сел за стол и взял казенную вставочку, не сказав ни одной речи!

Вот, милые мои, где держится центр власти и милость разума! Мне бы царем быть на всемирной территории, а не заведовать охраной материнства и младенчества своих машинисток или опекать лень деловодов!..

Тут Бормотов захлестнулся своими словами и сел, уставившись в пищу на столе. Собрание шумело одобрением и питалось колбасой, сдерживая стихию благородных чувств. Водка расходо-

валась медленно и планомерно, вкруговую и в общем порядке, оттого и настроение участников ползло вверх не скачками, а по гармонической кривой, как на диаграмме, но прочно.

Наконец, встал счетовод Пехов и спел, поверх разговоров, песнь о диком кургане. Счетоводство — нация артистов, и нет ни одного счетовода или бухгалтера, который бы не смотрел на свою профессию как на временное и бросовое дело, почитая своим истинным призванием искусство — пение, а изредка — скрипку или гитару.

За Пеховым так же молча и без предупреждения встал бухгалтер Десущий и пропел какой-то отрывок из какой-то оперы: какой — никто не понял. Десущий славился своей корректностью и культурностью в областях искусства и полным запустением своих бухгалтерских дел.

Наконец, приподнялся и постучал вилкой о необходимости молчания зав. подотделом землеустройства Рванников.

— Любимые братья в революции! — начал раздобревший от горькой Рванников. — Что привело вас сюда, не шадя ночи? Что собрало нас, не сожалея симпатий? Он — Степан Ермилович Бормотов — слава нашего учреждения, административный мозг губернии, революционный наставник порядка и государственности великой неземлеустроенной территории нашей губернии! И пусть он не кивает там мудрой головой, а пьет рябиновую златыми устами, если я скажу, что нет ему равных среди людского остальца после революции!

Вот действительно человек дореволюционного качества!

Граждане советские служащие, приглашаю вас выпить за 25-летие Степана Ермиловича Бормотова, истинного государственного зиждителя территории нашей губернии, еще подлежащей быть устроенной такими людьми, как наш славный и премудрый юбиляр!..

Все вскочили с места и пошли с рюмками к Бормотову. Плача и торжествуя, Бормотов всех перецеловал — этого момента он только и ждал весь вечер, сладко томя честолюбие.

Тогда не выдержал Шмаков и, встав на стул, произнес живо-трепещущую речь — длинную цитату из своих «Записок государственного человека»:

— Граждане! Разрешите поговорить на злобу дня!

— Разрешаем! — сказала коллективно собрание. — Говори, Шмаков! Только режь экономию: кратко и не голословно, а по кровному существу!

— Граждане! — обнаглел Шмаков. — Сейчас идет так называемая война с бюрократами! А кто такой Степан Ермилович Бормотов? Бюрократ или нет? Бюрократ положительно! И да будет то

ему в честь, а не в хулу или в осуждение! Без бюрократии, уважаемые ратники государства, не удержаться бы советскому государству и часа — к этому я дошел долгою мыслью... Кроме того (Шмаков начал путаться, и голова сразу вся выпотрошилась — куда что девалось?..), кроме того, дорогие соратники...

— Мы не ратники, — прогудел кто-то, — мы рыцари!

— Рыцари умственного поля! — схватил Шмаков. — Но что нам дают вместо бюрократизма? Нам дают — доверие вместо документального порядка, то есть дают хищничество, ахинею и поэзию! Нет! Нам нужно, чтобы человек стал святым и нравственным — не потому, что он так хорош по натуре, а потому что иначе ему деться некуда! Всюду должен быть документ и надлежащий общий порядок! Бумага лишь символ жизни, но она и тень истины, а не хамская выдумка чиновника! Бумага, изложенная по существу и надлежаще оформленная, есть продукт высочайшей социалистической цивилизации! Она предвечивает порочную породу людей и фактирует их действия в интересах общества! Более того, бумага приучает людей к социальной нравственности, ибо ничто не может быть скрыто от канцелярии! И как идеал зиждется перед моим истомленным взором то общество, где деловая официальная бумага проела и проконтролировала людей настолько, что, будучи по существу порочными, они стали нравственными! Ибо бумага и отношения следовали за поступками людей неотступно, грозили им законными карами, и нравственность сделалась их привычкой! Так вот! Я кончаю, — канцелярия является главной силой, преобразующей мир порочных стихий в мир закона и благородства. А так называемый, всеми злоумышленниками и глупцами поносимый бюрократ — есть как раз зодчий грядущего членораздельного социалистического мира!

Шмаков сел и достойно выпил пива — среднего непорочного напитка; высшей крепости он не пил.

Но тут встал Обрубаев — его заело, он озлобился и приготовился быть на посту. Пост его был видный — кандидат ВКП; но такое состояние Обрубаева службе его не помогало — он был и остался делопроизводителем, с окладом в 28 р. ежемесячно.

— Уважаемые товарищи и сослуживцы! — сказал Обрубаев, доев что-то. — Я не понимаю ни товарища Бормотова, ни товарища Шмакова! Каким образом это допустимо? Налицо определенная директива ЦКК — борьба с бюрократизмом! Налицо — наименование советских учреждений девятилетней давности! А тут говорят, что бюрократ — как его? — зодчий и вроде кормилец! Тут говорят, что Губком — Епархия, что Губпрофсовет — Ремесленная Управа и так и далее! Что это такое? Это перегиб палки — констатирую я!

Это затмение основной директивы по линии партии, данной всерьез и надолго! И вообще в целом, я высказываю свое особое мнение по затронутым предыдущими ораторами вопросам, а также осуждаю товарищей Шмакова и Бормотова! Я кончил!

— Закон-с, товарищ Обрубаев! — сказал тихо, вразумляюще, но сочувственно Бормотов. — Закон-с! Уничтожьте бюрократизм — станет беззаконие! Бюрократизм есть исполнение предписаний закона! Ничего не поделаешь, товарищ Обрубаев: закон-с!

— А если я в Губком сообщу, товарищ Бормотов, или в Губкаку? — мрачно сказал Обрубаев, закуривая для демонстрации папиросы «Пушки».

— А где у вас документики, товарищ Обрубаев? — спросил Бормотов. — Разве кто вел протокол настоящего собрания? Вы ведь, Соня, ничего не записывали? — обратился Бормотов к единственной здесь машинистке, особо чтимой в Губземуправлении.

— Нет, Степан Ермилыч, я не записывала: вы ничего не сказали мне, а то бы я записала! — ответила хмельная блаженная Соня.

— Вот-с, товарищ Обрубаев! — мудро и спокойно улыбнулся Бормотов. — Нет документа и нет, стало быть, самого факта! А вы говорите — борьба с бюрократизмом! А был бы протокольчик, вы бы нас укатали в какую-нибудь ка-ку! Закон-с, товарищ Обрубаев, закон-с!

— А живые свидетели! — воскликнул зачумленный Обрубаев.

— Свидетели — пьяные, товарищ Обрубаев, во-первых, а во-вторых — они, так сказать, масса, существа наших разногласий не поняли и понять не могли, — и дело мое в ка-ке наверняка пойдет к прекращению!.. А в-третьих, товарищ Обрубаев, выносит ли дисциплинированный партиец внутривнутрипартийные разногласия на обсуждение широкой массы — к тому же мелкобуржуазной, — попытаю я вас? А?.. Выпьем, товарищ Обрубаев, там видно будет!.. Соня, ты не спишь там? Угощай товарища Обрубаева — займись чистописанием!.. Десущий, крикни что-нибудь подушевной!

Бормотов прикинулся благодушным человеком, сощурил противоречивые утомленные глаза и, истощенный повседневной дипломатической работой, вдарился бессмысленно плясать, насилюя свои мученические ноги и веселя равнодушное сердце.

Шмакову стало жаль его, жаль тружеников на ниве всемирной государственности, и он заплакал навзрыд, уткнувшись во что-то солное.

А утром Градов горел — сгорели пять домов и одна пекарня. Загорелось, как говорят, с пекарни, но пекарь уверял, что он

окурки всегда бросает в тесто, а не на пол, — тесто же не горит, а шипит и гасит огонь. Жители поверили, и пекарь остался печь хлеба.

Далее жизнь шла в общем порядке и согласно постановлений Градовского Губисполкома, которые испуганно изучались гражданами. В отрывных календарях граждане метили свои непрерывные обязанности. Со сладостью в душе установил это Шмаков в бытность на именинах у одного столоначальника по прозвищу Чалый.

В листках календаря значилось что-нибудь почти ежедневно. А именно:

— «Явиться на переучет в Терокруг — моя буква Ч, подать на службе рапорт о неявке по законной причине». —

— «В 7 ч. перевыборы Горсовета — кандидат Махин, выдвинут ячейкой, пойдет единогласно». —

— «Сходить в Гор. Коммун. Отд. — отнести деньги за воду, последний срок, а то пеня». —

— «Подать сведения Горсанкомиссии о состоянии двора, — штраф, см. постановление ГИК». —

— «Собрание жилтоварищества о ремонте, составить повестку дня, согласовать с председ.». —

— «Не забыть составить 25-летний перспективный план по землеустройству бедняцкого населения; осталось 2 дня». —

— «Протестовать против Чемберлена — статья, как один, под ружье». —

— «Зайти вечером постоять в красном уголке, а то сочтут отступником». —

— «Имянины супруги. Сочетать с режимом экономии и производственным эффектом. Пригласить наш малый совнарком». —

Каждый день был занят. Не в первый раз и не во второй, а в более многократный констатировал Шмаков то знаменательное явление, что времени у человека для так называемой личной жизни не остается, — она заменилась государственной и общепользуемой деятельностью. Государство стало душою. А то и надобно, в том и сокрыто благородство и величие нашей переходной эпохи!

— А как, товарищ Чалый, существует в вашей губернии курс на индустриализацию?

— Как же-с, как же-с! В десятилетний план сто элеваторов включено — по десяти в год будем строить, — затем-с — двадцать штук мясохладобоев и пятнадцать фабрик валяной обуви... Сверх того — водяной канал в земле через всю губернию для развития торговли с северной Персией!..

— Вон оно как! — дал заключение Шмаков. — Курс значи-

тельный! Ну, а денег сколь же вам потребно на эти солидные мероприятия?

— Денег надо множество, — сообщил Чалый второстепенным тоном, — того не менее, как миллиарда три, сиречь — по триста миллионов в год!

— Ого! — сказал Шмаков. — Сумма почтительная! А кто ж даст вам эти деньги?

— Главное — план! — ответил Чалый. — А уж по плану деньги дадут!..

Вопрос так и остался без надлежащего уточнения, к прискорбию досконального сознания Шмакова.

И жил Шмаков в Градове уже без малого год. Жизнь для него выдалась подходящая; все шло в общем порядке и по закону.

Лицо его было беззаботным, пожилым и равнодушным, как у актера в забвенной игре.

Труд его жизни «Записки государственного человека» подбивался к концу, Шмаков обдумывал лишь заключительные аккорды его.

Как и всюду по Республике, над Градовом ночью солнце нормально не светило, — зато отсвечивало на чужих звездах. Прогуливаясь для укрепления здоровья и поглядывая на них, Шмаков нашел однажды заключительный аккорд для своего труда:

«В сердце моем дышит орел, а в голове сияет звезда гармонии!»

Придя домой и завершив рукописный труд, Шмаков до раннего утра сидел за ним, увлекшись чтением своего сочинения.

«...Стоит ли, — читал он середину, — измышлять изобретения, раз мир диалектичен, сиречь — для всякого героя есть своя стерва. Не стоит. И тому пример: в Градове пять лет назад, и двадцать лет обратно, было всего две пишущие машинки (обе системы Ройаль, т. е. Король), а теперь их близко сорока штук, не обращая внимания на системы. Но увеличился ли от того социальный прок? — Нисколько! А именно: сидели ранее писцы за бумагой, снабженные гусиными перьями и писали. Затупится перо или засквозится от переусердия, писец его начинает зачинивать; сам зачинивает, а сам на часы смотрит — глядь, время уже истекло и пора идти в собственный деревянный домик, где его ждала, как-никак, пища и уют порядка, высшим образом обеспеченный государственным строем. И ничего не нарушалось от течения дел рукописным порядком. Ничто не спешило, а все попевало.

А теперь что? — Барышне попудриться не успеть, как втыкают ей новое черновое произведение. Да и то видно, как появляется человек, так и бумага около него заводится — и немалая грудка. А что если лишнего человека не заводить? Может, и бумаге завестись будет неоткуда!

Возьмем соподчиненный мне подотдел. Что там есть? Я за ошибки подчиненных не упрекаю, а лишь вывожу из них следствие, что значит дело идет. И когда мне заявили, что построенные под моим руководством водоудержательные плотины почти все вровень с землей уничтожены, я ответил, что постройка их, следовательно, велась. А никакая земля воды не держит, тому доказательство — явление оврагов...»

После этого Шмаков уснул с легким сердцем и удовлетворенным умом.

Но известно ли что-нибудь достоверно на свете? Оформлены ли надлежаще все факты природы? Того документально нет. Не есть ли сам закон или другое присутственное установление — нарушение живой гармонии вселенной, трепещущей в своих противоречиях и так достигающей всецелой гармонии?

Эта преступная мысль, собственно, разбудила Ивана Федотыча.

Оказалось, что стояло раннее счастливое утро. В Градове топились печки, разогревая вчерашний ужин на завтрак. Хозяйки шли за теплым хлебом для мужей, резаки в пекарнях его резали и метрически вешали, мудря на граммах.

Кроме того, чувствовалось счастье, что новый день уподобится вчерашнему и оттого терзаний жизни не причинит.

Сапожник Захар, сосед Ивана Федотыча по двору, каждый день будился от сна женой одинаковыми словами:

— Захарий! Вставай — садись за свой престол!

Престол — круглый пенек, на котором сидел Захар перед верстаком. Пенек на треть стерся седалищем Захара — и Захар много раз думал о том, что человек прочней дерева. Так оно и было.

Захарий вставал, закуривал трубку и говорил:

— Я в мире человек сверхштатный! Не живу, а присутствую, и учета мне нет!..

— Да будя, будя тебе, Захарий, — говорила ему жена. — Будя бурчать — садись чай пить!

Захарий садился, но говорить продолжал, досрочно расходуя духовную энергию, так как остальной день он неподкупно молчал.

— Скучно, Марфа! Грусть и жуть дерет меня — по-бычиному! Никакой я прохлады в жизни своей не встречаю!

— А чего ж делать-то, Захарий! — отвечала Марфа. — Хлеб-соль есть, и слава богу! Каждый день чай пьем, живем как люди, я тебе жена, чего ж еще тебе надобно-то, ай ты молодой, што ль?

— И то, Марфа! Разум тебе даден, — со скукотой покойней! Пришла* бы к нам радость — и деться с ней некуда! — испускал последний дух Захар и сажился за работу, которой не вынес бы ни один зверь: столько она требовала мужества и терпения.

Шмаков постоянно латал свои сапоги у Захара, которым тот много удивлялся:

— Иван Федотыч, вашей обуже восьмой год идет — и как вы ее терпите? Когда их на фабрике сшили, с тех пор дети выросли и грамоте выучились, а многие померли из них, — а сапоги все живут!.. Кустарник лесом стал, революция прошла, может — и звезды какие потухли, — а сапоги все живут!.. Это непостижимо!..

Иван Федотович ему отвечал:

— В этом и есть порядок, Захарий Палыч! Жизнь бесчинствует, а сапоги целы! В этом и находится чудо бережного разума человека!

— А по мне, — говорил Захар, — бесчинство благородней! А то на сапожном престоле так и будешь сидеть, как я!

Иван Федотович убеждал Захария Палыча не глядеть на жизнь такими чувствительными глазами и не скорбеть влекущей мыслью — на свете того не бывает, чем бы утешилось беспутное сердце человека. А что такое утешение, как не мещанство, опороченное Октябрьской революцией?

— Порядок — дело чинное, — говорил Захар. — Да уж дюже землю налили, Иван Федотович! В порядок ее теперь добром не приведешь — опустошать надо, не иначе!

По уходе Ивана Федотовича, Захар Палыч втайне думал, что постная жизнь все же лучше благородного бесчинства, — и удовлетворительно глядел на свой порожний двор, ландшафт которого — плетень, а житель — курица.

Через три месяца для всего служебного населения Градова настали боевые дни. Правительство решило 5 губерний, как раз — и Градовскую, слить в одну область. Губернские города теперь долж-

* Исправлено в машинописи на: привалила. Этот фрагмент не вошел в повесть.

ны упраздниться и стать окружными, а один из них превращается в областной.

И заспорили 5 губернских городов — кому причисляется быть областным? Особенно лютовал в этом деле Градов. Он имел 3 тысячи советских служащих, да безработных чиновников имелось 2 тысячи — только область могла поглотить этот писчий народ.

Бормотов, Шамаков, управделами ГИКа Скобкин, зампредгубплана Наших и другие заметные люди Градова стали во главе бумажной войны с другими губгородами перед лицом Москвы.

Москва созерцала и помалкивала. А губгорода проектируемой области лупили друг друга на ее глазах.

Особо внушительно доказывал свои преимущества Градов.

По приказанию Градовского Губисполкома спешно приступили к рытью канала, начав его в лопухах слободы Моршевки из усадьбы гражданина Моева. Этот канал должен пересечь четыре губернии и кончиться в устье Волги, дабы персидским купцам было повадно торговать с Градовскими госорганами.

О канале губплан написал три тома и послал их в Москву, чтобы там знали про это. Градовский инженер Паршин составил проект воздушных сообщений внутри будущей области, предусмотрев необходимость воздушной перевозки не только багажа, но и объемистых кормов для скота; для последней цели в мастерских райсельсоюза строился аэроплан особой мощности — с двигателем, работающим на порохе.

Сам предгубисполкома тов. Сысоев рвал, метал и внушал всей подчиненной ему губернии, что только Градов будет областным центром — и никакой иной населенный пункт.

Началась беспримерная война служащих. Соседние губернии — претенденты на областной престол — не отставали от градовцев в своем губернском усердии.

Но Градов истреблял всех перед молчаливой Москвой. Иван Федотович Шамаков написал на 400-х страницах среднего формата «Проект администрирования проектируемой Градо-Черноземной Области»; за соответствующими подписями он был отослан в Москву.

Бормотов, Степан Ермилович, подошел к делу исподволь: он предложил учредить такой Облисполком, чтобы он собирался на сессии по очереди во всех бывших губгородах — и нигде не имел постоянного местопребывания и вечного здания.

Но тут была уловка: Москва на это, конечно, не согласится, но спросит, кто это изобрел. И тогда станет известным, что это измышление принадлежит гражданину города Градова. Москва улыбнет-

ся, но учтет, что в Градове живут умные люди, подходящие для руководства областью.

Так раздоказал свою мысль Бормотов товарищу Сысоеву, председателю ГИКа. Тот подумал и сказал:

— Да, это орудие высшего психологического увещания, — но теперь нам всякое дерьмо гоже! — и подписал доклад Бормотова для следования его в Москву.

Много делов наделали градовцы, доказуя свое явное превосходство перед соседями.

Шмаков извелся и застрадал неврастением, с ужасом думая о поражении Градова, но тихо заходя сердцем при мысли о Градове — областном центре, почти столице европейского веса.

Большую книгу стоит написать, излагая борьбу 5 губгородов, в то время как крестьянское хозяйство в них падало и число пожаров возросло. Но это потому, что энергия администраторов поглощалась более благородным строительством — рытьем каналов, секущих континент, постройкой аэродромов, учреждением ипподромов союзного значения и закладкой сверхмощных гидростанций на провинциальных тихих речках.

Сапожник Захарий Палыч умер, не дождавшись области; сам Шмаков поник на уклоне к пожилому возрасту, Бормотов был уволен старшим инспектором Наркомата РКИ за волокиту и чах дома, заведя частную канцелярию по выработке форм учета деятельности госорганов; в этой канцелярии он служил один и притом без жалованья.

Наконец, через 3 года после начала областной кампании, пришло постановление Москвы:

«Организовать Верхне-Донскую Земледельческую Область в составе территорий таких-то губерний. Областным городом считать Ворожеев. Окружными городами учредить такие-то пункты. Градов-город, как не имеющий никакого промышленного значения, с населением, занятым преимущественно сельским хозяйством и службою в учреждениях, перечислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет, переместив таковой из села Малые Вершины, и горсовет — для решения местных дел».

Что же случилось потом в Градове?

Ничего особенного не вышло. Шмаков через год умер от истощения на большом социально-философском труде: «Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законом регламентированными поступками на каждый миг бытия».

Перед смертью он служил в сельсовете — уполномоченным по грунтовым дорогам.

Бормотов жив и каждый день нарочно гуляет перед домом, где раньше помещался Губисполком, а теперь висит вывеска «Градовский сельсовет», — не веря глазам своим.

<Март 1927 г.>

НЕОКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

КОЛОДЕЗЬ

Межевой спал в мелком лесу, изредка обогащенном строевыми, уже ветшающими деревьями. Межевой был не старый, но изжитый, *[ослабевший от землеустроительного труда и бродяжьего существования по деревням человек. Рот его отворился от сна и изнеможения, и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера. Человек отдыхал в счастье]* ослабевший от землеустройства человек. Рот его отворился в изнеможении сна, и жизненный тревожный воздух смоляной сосны входил в глубину тела землемера. Человек отдыхал и наполнялся в счастье своего дорожного покоя; его инструменты — теодолит и мерная лента — лежали в траве, их спешно обследовали муравьи и сухой паучок, проживающий от скудости всегда одиночно. Лес вскоре прекращался и земля из-под деревьев переходила в овражные ущербы и чересполосицу скудных ржаных наделов. А за рожью жили простые деревни, *[где хорош был только воздух из пространства. В тех деревнях]* и над ними — воздух из пространства.

Одна деревня называлась Козьмы, там жили пахари хлеба, еле еле говорившие русские слова; туда и направлялся пешком уснувший в пути землеустроитель. Козьминские крестьяне имели вековую нужду в лесе, без леса у них плохо рождались дети, ибо навоз шел на отопление глиняных хат, а не в землю, почва умирала без добра и давала редкий хлеб. От этого деревня Козьмы ела плохо и не размножалась, как следует. *[В девятнадцатом веке в Козьмах был пойман русский конокрад и, вместо убийства, его послали доверчивые пахари с прошением к царю, потому что никто из деревни не мог идти в такую даль и страх. Но конокрад доставил]*

До революции Козьмы не могли получить леса, потому что мужики притворились нерусскими людьми, называя себя народом — космари. На царской военной службе космари существовали дураками; первые полгода службы они сплошь болели поносом от ужаса города и офицеров. Строевой службы космари нести не могли — их не слушались ни ноги, ни руки, а ум умирал от тоски по родине и деревне. И редко кто из космарей дослуживал в войске *[царя]* до отпуска домой, их заранее прогоняли прочь, *[как бестолковых]* в дисциплинарные батальоны, как бестолковый людской состав, порочащий ряды армии. Но и в тюрьмах космари не могли притерпеться: они или умирали или их выпускали, считая безвестно бежавшими.

Однако волостной старшина и урядник не замечали, чтобы в России могли приноровиться жить люди иной державы; стало быть и космари должны быть лишь русскими, отнюдь не притворяясь бессмысленными для сбавки и без того слабых государственных тягот.

— Надобности в дураках не чую, — говорил старшина о космарях. — Кто лишен подобия божия — разума, того лишить и подобия царства — рощи.

И роща не досталась космарям в свое время, а их деревня была обозначена именем Козьмы, и сами они — тоже Козьмами. В остальном старшина положился на урядника, который знал население наизусть.

После революции лес стал государственным и ни один [космарь] Козьма ничего не вынес из него, кроме весенних цветов, потому что в здешнем населении существовала нежность к этой нижней благоухающей жизни. Теперь же, по прошествии годов, доведших деревья до старости лет, в Козьмы шел землемер, чтобы отвести рощу в лес местного значения и тем предать ее в имущество деревни Козьмы. Но пока землемер [спал] работал по другим дачам разверстания, пока шла служебная междуусобица между лесами государственного и местного значения и, наконец, пока он спал, дерево над спящим умерло, в его телесном устое ослабел последний прах и оно медленно пало на человека, стеснив пространство его жизни, — и тот больше не имел пробуждения; впоследствии землемер убыл из штатов земуправления как скончавшийся.

[Через год или два другой землемер Никакого следа от жизни землемера и землеустроителя не осталось]

Похоронили землемера в деревне Козьмах и ничего от него не осталось, никакого подарка труда. Землю, которую он мерил, перемерили вновь, еще лучше, а [следа следов] мера

КРИТИКА КАК НОВОЕ ИСКУССТВО

Посвящается М.А. Мартот

Никакое событие — грандиозное, микроскопическое — не забудется, не пройдет без впечатления, если против события стояло или в нем самом участвовало живое, реагирующее существо. Собственно, художник в главной сущности есть известная степень впечатления, от и до; ниже и выше этой степени впечатление не создаст потенциальной возможности художественного произведения; что-нибудь другое, вне этой нормы степени, возможно, но нехудожественное произведение.

Всякое событие — вне человека или внутри его, в виде памяти или в виде наследственного рудимента, — может быть сырьем и причиной художественного произведения, ибо степень впечатления зависит не от факта-возбудителя, а от особенностей внутреннего устройства человека, характеризующего художника и не художника.

Схематически определяя, художественное произведение образуется следующим образом.

Внешнее событие воспринимается художником с некоторым коэффициентом полезной отдачи, считая от факта-события. Этот коэффициент может быть и меньше и больше единицы, но всегда показатель коэффициента увеличивается внутренними силами художника, мобилизованными, вовлеченными в полезный оборот фактом внешнего (иногда внутреннего, см. выше) порядка.

Внешнее, инородное, ворвавшись во внутреннюю сферу художника, вступает в противоречие со всем внутренним оборудованием художника — и часто объективно ничтожный факт субъективные силы художника могут напитать до объема, во много раз превышающего его начальный «объем», когда он, факт, был «сырьем». Отсюда и рост коэффициента, когда он может быть больше единицы. Тут условия физики остаются: происходит перемножение факта мира на «душу» художника; душа художника может, стало быть, существенно увеличить извне данный факт.

Но это не все. Это будет лишь художник и художественное произведение в потенции. Необходимо глубоко индивидуальное, субъективно совершившееся трансформировать в социально-эффектное, общественно-усвояемое. Если то «субъективно совершившееся» принять за единицу, то по отношению к «социально-эффект-

ному», к читателям коэффициент полезного действия будет почти всегда меньше единицы, за редкими исключениями. Бывали такие негромкие писатели, которых слышал весь мир. Почему — это не тема моего данного рассуждения.

Социальная отдача писателя зависит целиком не от особенностей его внутреннего устройства, обусловивших в нем художника, иначе говоря<,> не от его «гения», а исключительно от мастерства, искусства найти способ и форму трансформации субъективного вновь в объективное, личного в общественное.

Конечно, необходимо еще, как теперь говорят, «созвучие эпохе», но вопрос о таком созвучии лишь вопрос переходного времени. Несозвучных эпохе людей, когда эпоха уже приняла присущий ей темп и все вовлекла в себя, не бывает, за редчайшими и плодотворнейшими исключениями — когда является творец следующей эпохи.

Часто, чрезвычайно часто, в сильной душе художника факт внешней действительности или факт какого-либо внутреннего интеллектуально-физиологического смещения играет роль не больше, чем свеча в бензиновом моторе: она лишь возбуждает, поджигает топливо

<1926>

ОДНАЖДЫ ЛЮБИВШИЕ

(Повесть в письмах)

Предисловие собравшего письма

По-моему, достаточно собрать письма людей и опубликовать их — и получится новая литература мирового значения. Литература, конечно, выходит из наблюдения людей. Но где больше их можно наблюдать, как не в их письмах.

Я всегда любил почту — это милое крепкое бюрократическое учреждение, с величайшей бережностью и тайной влекущее открытку с тремя словами приветя через дикие сопротивления климата и пространства!

Три вещи меня поразили в жизни — дальняя дорога в скромном русском поле, ветер и любовь.

Дальняя дорога — как влечение жизни, ландшафты встречного мира и странничество, полное живого исторического смысла.

Ветер — как вестник беспокойной вселенной, бьющий в открытое лицо неутомимого путника, ласкающий, как дыхание любимого человека, сопротивляющийся шагу и делающий усталую кровь веселой влагой.

Наконец, любовь — язва нашего сердца, делающая нас умными, сильными, странными и замечательными существами.

Я далек от теоретических подходов к таким вещам. Я полон участия к ним, и страсть сподвижничества, «приспешничества» и кровной заинтересованности заставляет меня убивать жизнь, которая могла бы быть более удачной, на переписку чужих писем, на смакование далеких от моего тела страстей.

В чем увлекательность и интерес любви для стороннего наблюдателя? В простом и недостаточно оцененном свойстве любви — искренности. Это сближает любовь с работой (от создания симфоний до кирпичной кладки) — и там и тут нужна искренность, полное соответствие действий внутреннему и внешнему природному устройству, иначе любовь станет деловой подлостью, а кирпич вывалится из стены и дом рухнет. Природа беспощадна и требует к себе откровенных отношений. Любовь — мера одаренности жизнью людей, но она, вопреки всему, в очень малой степени сексуальность. Любовь страшно пронизательна, и любящие насквозь видят друг друга со всеми пороками и не жалуют один другого обожанием.

Любовь совсем не собственничество. Быть может, брак — это социальное приложение любви — и есть собственничество и результат известных материальных отношений людей — это верно. Но любовь, как всякую природную стихию, можно приложить и иначе. Как электричеством, ею можно убивать, светить над головою и греть человечество.

Вы понимаете, что любовь, как и электричество, тут ни при чем. Она не учреждение. Дело в том, как и кто ею пользуется, — вернее, кто ею одержим.

Я не говорю, что помещаемые ниже письма я нашел в «старой корзине под сломанной кроватью», или в урне клуба, или на чердаке, или я получил их в наследство от умершего родственника. Этого не было. Письма эти действительны. Корреспонденты еще живы и существуют где-то затаенной счастливой жизнью, полной, однако, по совместительству, общественной деятельности очень большого масштаба. Это не так важно.

Письма я не правил, и они не все налицо — многие утрачены и не попали мне в руки.

Из писем видно, что любовь существует, что она то сияет, то льется черной кровью страсти, то страдает яростной ревностью, то глухо бормочет, отрекаясь от себя.

Вы видите, как трется внутри себя сильный организм человека и как бушует в нем подпертая живая сила, рвущаяся для творчества, и как она круто отклоняемая жестокими встречными стихиями.

Любовь чрезвычайно похожа на обычную жизнь. Но какая разница! Вероятно, любовь вначале только количественно отличается от жизни, зато потом это количество переходит в качество — и получается почти принципиальная разница между любовью и жизнью.

В конце концов — я не знаю, что это такое. Но посмотрите, — какое это замечательное явление — не хуже ветра и дороги.

Там, где я не удерживаюсь, я вставляю небольшие сведения от себя.

Здесь я не автор, не «сочинитель», а, т<ак> сказ<ать>, платонический соучастник этой любви — быть может потому, что ею обездолен и сажусь к чужому обеденному горшку.

Андрей Платонов.

P.S. Письма — обычны и ничем особенным не блещут: это — не литература. Так же, как прочесть «Вестник Научно-Мелиорационного института», для одоления писем нужна специальная заинтересованность.

«Сентябрь, 1925.

Муська! Маша!

Пишу тебе стоя, на Ухожаевской почте. Свою постель оставил в Доме Крестьянина и заплатил там полтинник за сутки будущей жизни.

Город очень запущенный, глухой, поросший травой на всех подсолнечных местах. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени и масса садов и скверов, где есть даже детский песок, как в Москве. Очень тихо и спокойно кругом, даже слышно дыхание курицы. Сейчас 6 час. вечера, и я не знаю, куда мне деваться. То учреждение, куда я приехал, — закрыто. Но сторож говорит, что вечером будет собрание, и я туда пойду через час.

Здесь хорошо только отдыхать и жир наращивать, а ты бы, например, с твоим живым характером, здесь жить не смогла.

Людей мало, и они какие-то старообрядцы по виду. Учреждения снаружи жалкие, даже сравнительно с Воронежем.

Тебе не стыдно за вчерашнее? Девица, на которую ты взирала, оказалась, когда рассвело в вагоне, совсем деревенской девочкой в возрасте Вали — вся в угрях. Совсем не рыжая, очень бедно одетая и прочее. Тебе не стыдно, бабий вождь?

Вижу, что не стыдно. У тебя в этих случаях страсть в голове, а разумение в сосцах.

Жаба философическая!

Тотик не скучает по мне?*

Не знаю, Муся, что мне делать!.. Приеду — посоветуемся. В Воронеж, наверное, не поеду. Душа не лежит, и уже тоскую по вас. В вагоне к Ночной Поэме написал еще 12 строк. Мешала балакающая жлоборатория!

Поезд шел страшно медленно и по худым шпалам. Ехали глухими старорусскими и позднетатарскими местами. Встретилась одна станция под названием «Бортный Ухожай!» Что это такое — ты ведь филолог?

Гуляй больше и бди осторожность: иначе автобус сожрет мою Мусю.

Обними моего маленького мужичка и купи ему сказку. Скажи, что отец все-таки пошлет его в Крым вместе с матерью, которую я сейчас мысленно и жадно целую.

Александр».

Наверно, прошло долгое время. Автор письма уже разлучен с любимой женщиной и живет одиноко в другом городе. Его давит

* Маленький сын автора письма.

фантастическое горе, он плачет над бумагой, и чернила расходятся на буквах. Этот мужественный, терпеливый и мирный человек чувствует, как скрежещет его сердце от могучей тоски, и мучается в холодной запертой комнате, стараясь устать и уснуть. Он сознает, что все это, быть может, чепуха, что излишняя кровь сердца бросилась в голову и отравляет сознание. Остатками все еще счастливого разума он сознает, что страдать так не к чему, что жизнь обширна, но этот слабый контроль головы уже отказывается сопротивляться сердечной стихии, но человек все еще борется и старается писать о серых вещах провинции, чтобы защититься. Наверно, по ночам он видит любимую в своих долгих снах, беседует с ней и ласкает ее, а просыпается, упершись смутной головой в холодную стену своего пустого жилища. Автор писем скромнен, и письма его требуют пристального изучения, а не чтения.

«9 декабря 1925.

Машенька!

С утра, как приехал, до вечера познакомился с Ухожаевским начальством. Был на конференции специалистов, а вечером на сессии Губисполкома. Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно дикие вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают и начинают немножко ковырять. (Получает де «огромную» ставку, московская «знаменитость»!). На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка!

Я не преувеличиваю. Но те, кто меня здесь поддерживает и знает, собираются уезжать из Ухожаева. Строительно-технический штат, подчиненный теперь мне, распущен; есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задержаны. От меня ждут чудес.

Попробую поставить работу на здоровые прочные основания, поведу строительство каменной рукой и без всякой пощады.

Возможно, что меня слопают и выгонят из Ухожаева. Плевать! Хотя я сдамся с большим сопротивлением и истощу противника.

Город живет старушечьей жизнью, шепчется и неприветлив. Люди ходят в кацавечках и в валенках с усиленной подошвой.

Пишу на службе, меня теребят, поэтому кончаю. Завтра напишу большое письмо. Ночевал у инженера Богданова. Очень хорошие люди. Все утро ходил с комиссионершей и женой Богданова — осматривал комнаты. Нашел одну за 15 р. с печкой. Сегодня переезжаю туда.

Как Тотик — не скучает по мне? Я уже заскучал. Скорей бы устроиться, а то нельзя работать. Уверен, что долго не проживу — звериная гоголевская обстановка.

Обнимаю и целую обоих. Живи спокойно. Я твой и Тоткин.
Будь здорова (жри больше!), слабость моя!

Александр».

«Ухожаев, 11/XII, 1925, 6 ч. вечера.

Мария!

Вот я сижу в маленькой почти пустой комнате (стол, стул, кровать). Маленький дом стоит на дворе. Двор глух, темен и занесен снегом. Стоит долгая прочная тишина. Я совершенно одинок. На моей двери висит эмалированная табличка “А.И. Павловъ, Артистъ Императорскихъ Театровъ”. Когда-то, наверное, в этой комнате жил некий “А.И. Павловъ” и, может быть, сидел за тем же столом, где сейчас сижу я, и так же скучал в этом глухом и тихом городе. Я с трудом нашел себе жилище, несмотря на то, что квартир и комнат в Ухожаеве много. Принимают за большевика и чего-то боятся. Город обывательский, — типичная провинция, полная божьих старушек и постных звонов из церквей.

Мне очень скучно. Единственное утешение это писать тебе письма и раздумывать над беспроводной передачей электрической энергии. На службе гадко.

Вот когда я оставлен наедине с своей душой и старыми мучительными мыслями.

Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (любовь, искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность.

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой “Ухожаев”.

Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?

Я вспоминаю твои слова, что я тебе изменю и т. д. Ты посмотри на меня, на Ухожаев, на все — чем и где я живу — и тебе будет стыдно и смешно.

Мне как-то стало все чуждым, далеким и ненужным. Только ты живешь во мне — как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение.

Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от одного подо-

зрения его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно, — я боюсь потерять его, потому что боюсь тогда умереть.

Видишь, какой я ничтожный: боюсь умереть и поэтому берегу вас обоих как могу.

Помнишь эти годы? Какой мукой, грязью и нежностью они были наполнены?

Неужели так вся жизнь?

Я думаю, что религия в какой-нибудь форме вновь проникнет в людей, потому что человек страстно ищет себе прочного утешения, а организация материальной жизни идет здесь туго.

Слушай, Маша! Ты обещала мне прислать фотографии — свою и Тотки! Ты не забудь, пожалуйста. Воспоминания будут моей религией, а фотография — иконой.

Я бы хотел чем-нибудь развеселить тебя, но никак не могу даже улыбнуться.

Ты бы не смогла жить в Ухожаеве. Здесь действительно мерзко. А быть может, мне придется здесь умереть. Разве я думал попасть когда-нибудь в Ухожаев, а вот живу здесь. Как странно все, я как в бреду и не могу опомниться. Но и выхода нет для меня. Я стараюсь успокоиться, лишь бы покойно и хорошо было вам. Оба вы слишком беззащитны и молоды, чтобы жить отдельно от меня. Вот чего я боюсь. Оба вы беспокойны, стремительны и еще растете — вас легко изуродовать и обидеть. Но что делать, я не знаю. Обними и расцелуй Тотика, я не скоро увижу его, не скоро я повожу его верхом. А ты вспомни обо мне и напиши письмо, потому что я тобой только держусь и живу.

До свидания, горячая и трудная моя

Александр».

Под этим письмом нарисованы какие-то странные значки и сигналы, напоминающие автомобили. Может быть, это самостоятельный язык тоскливой любви, а может — просто рисунки для развлечения сынишки автора письма.

«Ухожаев, 15/XII, 1925.

Дорогая Маша!

Пишу тебе третье или четвертое письмо из своего изгнания. Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все больше разделяют нас.

Вот Пушкин по памяти:

Я помню милый нежный взгляд
И красоту твою земную;

Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то. Я уехал, и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь. Я один в своей темной камере и небрежно влачу свое время. Как будто сон прошла совместная жизнь, или я сейчас уснул, и мой кошмар — Ухожаев.

Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты сейчас там делаешь. Почему ты не хочешь писать мне? Я хорошего не жду, но и плохого не заслужил. Завтра утром я переезжаю в пригород Ухожаева, где я нашел себе комнату со столом за 30 р. в месяц. Там, правда, грязно, старуха нечисто-плотна, но дешево. Похоже, что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобода, бедность, захолустье, керосиновая лампа и зимние ветры за жалким окном.

Работать на службе почти невозможно. Тысячи препятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня выйдет. Тяжело мне как в живом романе. Но просить о приезде тебя не смею. Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность. Хотя материально жили бы хорошо.

Я так еще многое хочу тебе сказать, но почему ты молчишь? Неужели и теперь я чужой тебе? Неужели Москва тебе всего дороже? А мне ничто не дорого, кроме твоего благополучия.

Обними моего Тотку, моего милого потомка, ради которого я готов на все.

Прощай. Жму тебя всю.

Александр».

«Москва, 18/XII 1925.

Здравствуй Александр!

Разве ты не получил мое первое письмо, — почему не отвечаешь на некоторые вопросы? Ты так мало пишешь, — начинаешь письмо, кажется, что много скажешь, — на самом деле — несколько фраз, и ты умолкаешь.

“Неужели Москва тебе всего дороже?” — стыдись, Александр, — я ее меньше вижу, чем ты свой очаровательный Ухожаев».

<Июнь — июль 1927 г.>

12

~~Иркутск, 10/2/1925~~

~~Родная мама!~~

Иркутск, 15/2/1925.

Дорогая Мама!

Пишу тебе письмо и не совсем уверен, писано ли оно
изнаешь. Ужасно модно тебе писать в письме и в письме,
которые бы только разделяют нас.

Вот Пушкин по памяти:

Я люблю милой нежной взгляд
И красноту твоих щек;
Их твой светлый к ней светит,
От ней в излучении твоем...

И я пишу от этих стихов и еще от того-то.
Я устал и как будто задохнулся. За мной ты
идешь где-то. Я один в своей маленькой комнате и
непрестанно вглядываюсь в себя. Как будто со мной
совсемная жизнь, и я сейчас уходи и от-
хожу — Иркутск.

Видишь, как трудно мне. А как же —
не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты делала
там и делаешь. Почему ты не хочешь писать
мне? Я конечно не жалею, но и почти не
забываю. Завтра утром я выезжаю в при-
город Иркутска, где я нашел себе комнату со
стоном за 30 р. в месяц. Мама, правда, уезжает.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Во мне торжествовала скорбь от безработицы. Я продавал свои бесценные технические книги наглым букинистам под Китайской стеной и покупал булки пятилетнему сыну, который признавал только сытую социальную гармонию, а не безработицу. Однажды сын запросил бычков в томате — это грозило сносом остаткам моей технической энциклопедии.

Тогда ко мне пришла легкая мысль, как единовременное пособие. Через два дня эта мысль стала украшением отдела объявлений «Вечерней Москвы»:

«Хожу рационализирую учреждения своими инструментами. Почтамт, предъяв. отношения ВЦСПС № 473481|173|из|00».

Вышло кратко и не жирным шрифтом, потому что за самовар татарин дал только пять рублей — их и взяла «Вечерняя Москва».

Радостно ожидая сотни предложений, я провел три голодных дня в Сокольниках. Мои надежды были обоснованы: то недавнее время отличалось таким бюрократизмом, что это явление стало советской инквизицией и совершенно срочно был необходим антипаразит для бюрократов. Я ворчию убедился, что ответственный работник, взятый одиночно, умный и честный человек. Но как только они сойдутся вместе для совещания и принятия решений — получают глупости. В этот узел, в эту причину государственных нечистот я и направил силу своего ума. Искренно говоря, я сам не знал — какой инструмент нужен для рационализации учреждений, но верил, что справлюсь, когда мне поручат это дело. Если же спросят: покажи инструмент, то я им выну какую-нибудь схему и расскажу что-нибудь общее про оперативную установку, — наверное, поверят. Под «инструментом» теперь отвыкли понимать стамеску, а мыслят что-нибудь отвлеченное, вроде некоей организации, — напр<имер>: Института Структуры и Методологии научно-технического построения госорганов, — некоторые начальные буквы которой и дают «инструмент». Точно так же понятие аппарата не означает металлическую машинку, которую понимает специалист, а означает толпу людей, размещенную в большом доме за казенными столами, которые (т<о> е<сть> люди) за жалованье не понимают, что они делают. Лишь в общем и целом, на холмах кабинетов, деятельность толпы служащих приобретает смысл. Но этот смысл, судя по личному опыту, имеет всегда два параграфа:

§ 1. Косвенная борьба с безработицей.

§ 2. Косвенная потому, что это борьба трудовая, т<о> е<сть> труд имеет целью не продукт, а мораль — делай что-нибудь, хотя бы ненужное, но трать свою энергию, дабы она от бездействия не развратила тебя.

Я бы, будь начальником, заставил бы всех сотрудников написать свои биографии, дабы впоследствии скомбинировать из них единый труд знаменитых современников Октябрьской революции. Через пятьдесят лет все равно все современники Октября будут знамениты.

Пригласили меня лишь через неделю — наверное, газеты, по занятости, читают на шестой день. На пригласительном бланке значилось самое страшное — НКРКИ. Т<о> е<сть> меня зовут в рационализаторский центр. Одновременно пришла бумага из Верховсуда. Про этот орган я нечаянно подумал: неужели им надоела Фемида и они ищут Кузькину Мать?

Но пошел в оба центра без промедления.

1. НКРКИ.

В девять часов бюрократический поток пронес меня сквозь Ильинские ворота. Сделалось немного страшно за республику — от одного вида шестивия служащих, но ничего — зато они не вольная профессия.

В голове — пустота, в сердце — горе, в кармане — схема губ-продкома 19-го года. Я открыл, что это благородное боевое учреждение было разумнее и деловитее построено, чем, скажем, губвнуторги, и решил — в крайнем случае, если припрут к стене, — предьявить его за образец.

Сначала я долго блудил по клубам, уголкам, чайным, президиумам каких-то бюро и прочим подсобным, очевидно, учреждениям НКРКИ. Но самой сердцевины органа еще не видел. Серьезные люди глядели в мою вызывную бумажку и давали справки: к старшему рационализатору госбюджетных органов, 3-й этаж!

Я шел, теряя силы, по лестницам и когда поднялся наверх, то уже хотел обедать. Но там не было «старшего рационализатора» — он присутствовал на заседании

<1927>

НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

(Социальн<ая> сатира наших дней)

Действ<ующие> лица:

- 1) Родных — главн<ый> инспектор-рационализатор РКИ.
- 2) Маврин — слесарь-инструментальщик завода «Красный Шкив».
- 3) [Чалый] — председатель эксперт<ной> комиссии.
- 4) Советская власть.
- 5) Госаппараты.
- 6) Бюрократы.
- 7) Рабочие.
- 8) Мешок с рационализаторским инструментом.

I.

Вращается шкив. Плавно ходит приводной ремень. Виден сапог рабочего. В середине шкива — во втулке — начинается дрожание. Ремень танцует. Шкив скашивается, ремень соскакивает и завивается вверх петлями.

Рука быстро переводит рычаг на холостую. Станок останавливается. У станка Маврин. Большой план. Осматривает шкив. В нем лопнули все спицы вокруг втулки. Маврин снимает обод шкива. Расшпонирует втулку. Заворачивает все в «Рабочую Газету». Наверху (видно зрителю) крупная надпись — отдел газеты — «Рационализация промышленности».

В конторе мастера. Мастер. Маврин предъявляет лопнувший шкив. Мастер серьезно осматривает шкив по большим сечениям. Не удивляется.

Пишет записку. Записка:

<p>Тов. Климохину, литейный цех. Вот ваше новое литье. Чугун не волокнистый. Вы хлеб печете, а не металл. Мастер Позднышев</p>
--

С запиской в руке, со шкивом под мышкой (в той же газете) идет по заводскому двору Маврин.

Литейный цех. Видны вагранки. Работают формовщики. Встречается с литейным мастером — Климохиным. Записка предъявляется. Показывается шкив. Все время видна газетная надпись «Рационализация промышленности».

Климохин подходит к стене, — прикладывает блокнот и пишет:

В главную контору, инженеру т. Брук. Я говорил вам, что металл в печах не созревает. Печи требуют капитального ремонта.

Климохин.

В руке Маврина две записки, под мышкой шкив в газете. Идет по заводскому двору. Маврин спотыкается о двутавровую балку. Шкив падает: обод его бьется на три части. Две бумажки вылетают. Маврин гонится за ними. Бумажки где-то садятся за буграми железного лома. Там бурьян и мусорное место: сор, бумажки, картонки и прочее. Маврин находит свои две бумажки. Засовывает в карман.

Кабинет инженера Брук<а>. Полное оборудование: диаграммы, модели, образцы. Входит Маврин. Предъявляет обе бумажки. Кладет шкив на стол. Инженер читает:

Акт

Мы, нижеподписав
«Красный Шкив» — с од
и «Красный Элемент
обязался поставить в
щее: чугунное литье по
в виде 4000 шкивов диа
Первый поставляет, вто
рой принимает. При
оказалось: шкивы диа
годны: сопротивляемость
на срез ниже дерева и
шкивы забракованы

ЧЛЕНЫ: Фи

Мокро

Каце

Инженер читает другую записку:

В глав. к-ру
(см. 2 зап.
2 стр.)

Инженер пишет на обороте акта:

В Комиссию [по] рационализации
производственного совещания при завкоме.
По принадлежности.

Инж.-мех. Брук.

Вечером идет заседание заводской комиссии по рационализации.

На столе шкив в газете. На нем две бумажки. За столом Маврин и прочие члены. Предзавкома говорит стоя. Показывает на шкив:

Мы тысячу раз указывали администрации...

В наших печах нельзя лить...

Предлагаю отправить в РКИ все дело. Акты рвут, а шкивы лопаются без актов...

Ночь. Улица рабочей слободы. Маврин возвращается домой со шкивом под мышкой.

Скучно обставленная небольшая комната. По комнате ходит высокий человек: в папахе, штаны-галифе, сапоги со шпорами, френч, сабля, в углу его винтовка. Вся одежда очень старая. Взгляд мрачен, лицо рябое, клок волос на правом виске. Тип эпохи военного коммунизма. На сундуке его кожаная сумка и фляга.

Убежденный любитель военного коммунизма, сподвижник Маврина в славных походах гражданской войны — товарищ Чалый. Он прибыл из далекой коммуны «Революционный заповедник имени 1919 г.»

Входит Маврин. Дружеское лобзание.

Маврин разжигает примус. Чалый вынимает из сумки бутылку мутной жидкости. На бутылке этикетка (большим планом):

Смерть буржуям

Чалый поболтал ее в руке, выбивает пробку и пьет. Потом предлагает Маврину. Тот смеется, видя этикетку, и тоже выпивает.

Часть вторая

Тьма. В середине тьмы сереет пятно окна. Утро. На сундуке Чалый спит во всем обмундировании. Сабля лежит на груди.

Молочница идет по улице. Стучит в дверь Маврина. Чалый вздрагивает. Саблей скидывает крючок с двери. Молочница. Чалый

по комнате <ищет?> посуду. Допивает из бутылки «Смерть буржум» и дает ее. Молочница нацеживает туда молоко.

Маврин глядит на обоих с пола, где он спал.

Маврин смотрит на стенные часы — ходит. Стрелки показывают час: часы стоят, гиря опустилась до полу.

Маврин одевается. Говорит Чалому:

Друг. Тебе все равно делать нечего. Снеси попозже шкив с бумаги в РКИ. Я тебе расскажу — куда.

Чалый идет со шкивом по улице. Его все оглядывают и обходят. Спешат элегантные барышни. Чалый их внимательно изучает, даже останавливается и провожает взглядом.

Чалый у Ильинских ворот. Уличные часы: без десяти минут 9. Лава служащих — непрерывный поток. Большинство с портфелями. Портфели все время касаются галифе Чалого. Он отряхивает галифе.

Несутся автомобили. На трамваях висят люди. Милиционер свистит и снимает лишних пассажиров.

Чалый шалее. Останавливается и выходит на дорогу. Автомобиль, сберегая Чалого, гудит, потом тормозит так, что задние колеса перестают вращаться — автомобиль ползет и останавливается. Чалый машет шоферу:

Объезжай!

Лава служащих стремится все быстрее. Уличные часы: без пяти минут 9. Люди уже бегут.

Здание РКИ. У входов давка спешащих служащих. Чалого вместе со шкивом вталкивают внутрь. Он мчится по лестнице в гущу барышень. На площадке лестницы стол. За столом строгий человек в очках. Над человек<ом> часы. На них точно 9. Человек ежесекундно глядит на часы. У стола давка. Барышни моментально расписываются. Чалый у стола. Кладет шкив на ведомость. Человек за столом пугается. Чалый наклоняется и медленно внятно расписывается, заканчивая подпись фигурой лебедя.

Ближкий план:

831. Евтюк	
832. Фомина	
833. ЧАЛЫЙ	
834.	

Чалого выталкивают скопившиеся барышни. Шкив ему подают после через головы и прически.

Чалый бродит по коридорам учреждения. Красные уголки. Клубы. Надписи отделов и подотделов. Все стены коридора увешаны

плакатами, диаграммами, схемами и прочим». Чалый сначала их читал, потом бросил. Он попадает в глушь учреждения. Темный коридор. Диван в конце. На диване дремлющая старушка. Стол. На столе большой чайник и несколько сот стаканов.

Над старушкой художественный плакат (большим планом): нарисована мощная фигура рабочего, он указывает пальцем вниз — там надпись: «Что ты сделал для рационализации производства и госаппарата? Если ничего — иди и рационализируй сейчас же!»

Чалый близко подходит к плакату. Стоит спиной к зрителю. Потом спрашивает у старушки. Та говорит.

Огромный кабинет. Четыре человека за дубовыми столами. Посреди седой старик — вождь трех: сидит за самым большим столом и в центре.

Чалый входит и кладет шквив на стол старику. Тот пишет, не обращая внимания. Чалый уходит. Старик взглядывает на него:

Возьмите расписку в получении доставленного!

Чалый оглядывается:

Бери даром! Колесо порченое.

Чалый бредет по московской улице, где магазины. Осматривает окна с выставками. В одном окне видит дамские панталоны. В другом — макеты женщины и мужчины в шубах.

Дальше идет. Едет автомобиль: в нем едет человек в фуфайке и видит Чалого. Автомобиль приостанавливается. Пассажир его хочет кликнуть Чалого. Уезжает.

Чалый подходит к роскошной витрине. В витрине: ризы, иконы, подсвечники, чаши — божественная утварь. Чалый делает три шага. Соседняя витрина: красные знамена с золоченой бахромой, советские гербы, красноармейские значки и прочее. Чалый возвращается к предыдущему окну (божественная утварь). Сравнивает обе витрины.

Быстро входит в магазин. Обнажает шашку. Хозяин в трепете.

Чалый смахивает саблей церковную утварь. Берет с другой витрины красное знамя и выходит с ним на плече. На другом плече у Чалого сверкающая сабля.

Хозяин магазина спешит вслед и не знает, что ему делать.

Чалый оборачивается:

В ногу, контр-гада!

Часть третья.

На экране отдел объявлений «Вечерней Москвы». Большим планом — часть колонки объявлений:

<p><i>Хожу морю крыс, Мышей, амбарных грызунов---</i></p> <p>-----</p>	5470
<p><i>Хожу рационализирую госаппараты со своим инструментом. Гл. Почтамт до востр. предъявителю денежных средств рублевого достоинства за № 00839147, сер. 00.</i></p>	5471
<p><i>Куплю щенка породы добер-пинчер, кормленого. Зв. 1-73-80, доб. 200.</i></p>	5472

Кабинет тов. Родных. Он опускает «Вечернюю» Москву» на стол. Берет блокнот. Пишет на бланке служебных записок:

Служебная записка № 0083417/ч.

Гражданин! Предлагается явиться в Инспекторат РКИ для испытания Вашего способа и получения надлежащего удостоверения для дальнейшей планомерной эксплуатации его. Необходимо также доставить рационализаторский инструмент — для демонстрации его на заседании специальной комиссии.

Ст. рационализатор *Родных*.

Почтамт. Окно «до востребования».

Курьерша сдает барышне по сдаточной книге (показать форменно: развязывает шнур, потом из огромного мешка достает огромный пакет); барышня расписывается. Курьерша смотрит на расписку: возвращает для проставления даты. Барышня ставит.

Очередь у окна «до востребования». Чалый подходит без очереди с рублем в руке. Старушка протестует. Чалый грозно глядит. Старушка умолкает. Чалый просовывает в окно рубль. Барышня ему подает пакет. Чалый дует на него и рвет пополам. Обнаруживается маленькая бумажка.

Кабинет Родных. На стене схема какого-то кооперативного центра. Схема — в квадратную сажень. На схемах кружки и квадраты — передвижные. Родных переставляет эти знаки по-разному. Отходит в сторону и глядит через ладонь, сложенную в трубку. Потом

Том ему челоу.
Талой обертке пагас.

В кону, Конкр-таса!

Челу тугеб.

На ждане отом обертке, Велюней
Москва! Тохими планом-челу ^{илином} ~~тупеб~~ оберт-
кей:

~	Хочу лорд крас,	~
~	маша, ант-уот тубеб-	~
~	нов	~
~	5470	~
~	Хочу рациональный	~
~	поса парат со своим	~
~	инструмента. П. Погрант	~
~	до 60 стр. предельно	~
~	поса деша темля дорубе	~
~	рублева расчт. р. 80	~
~	3- N 0083147, Сер. 00	~
~	5471	~
~	Куплю щенка пороги	~
~	добер-пингер, кормл-	~
~	ног. Зв. 173-80, зов.	~
~	200.	~
~	5472	~

снова маневрирует кружками и квадратами. Затем проводит углем прямые линии между фигурками. Стирает их. Заменяет пунктиром. И т<ак> д<алее>.

На столе лежит шкив, положенный когда-то Чалым. Входит Чалый. Родных усердно трудится, оставляя Чалого без внимания.

Чалый с сумкой.

Родных спрашивает Чалого. Тот предъявляет ему разорванную вызывную служебную записку. Рукопожатие. Родных подводит Чалого к схеме. Объясняет. Марширует знаками и чертит углем. Чалый ничего не понимает:

Зачем марашь?

Родных объясняет:

Я рационализирую кооперативный аппарат. Пунктир — соподчинение косвенное, а линия — непосредственное. Как по-вашему целесообразней?

Чалый берет у Родных уголь и ставит жирный крест на всей схеме. Родных улыбается и вытирает крест Чалого. Схема очищается.

Садятся. Родных дает Чалому лист бумаги. Чалый пишет:

Предлагается принять меня в должность главного рационализатора по структурной части. С пайковым довольствием и казенной обмундировкой. При сем добавляю свой инструмент в сумке.

К сему Фаддей Чалый.

Дано в Москве 10 год[а] от Революции.

Родных зажигает свечку. Топит сургуч. Кладет печать на сумку. Потом пишет на заявлении Чалого резолюцию:

Принять на испытание. Впредь до заключения экспертов о целесообразности инструмента.

Родных

Эта резолюция показывается поперечной надписью на заявлении Чалого.

Заседание экспертной комиссии. Большой стол. Вокруг него человек десять. Посреди стола лежит сумка. Рядом блюдо с бутербродами и пятнадцать стаканов чаю. Чалый тут же. Председательствует Родных. Он жует бутерброд и захлебывает его чаем. Говорит с полным ртом. Его слушают сквозь бутерброды. Потом все

глядят на Чалого. Тот встает для доклада. Говорит по-военному, подрубая слова рукой:

Я видел бюрократическую гвардию, топтавшую зелена революции. Шли — тысячи писцов. Чего же стоит их один поход?

На экране зелена ржи — в четверть аршина высотой. Показывается пара ног. Затем еще и еще. Двигается масса ног, видны половинки портфелей. Идут сапоги, ботинки, брюки — мужчины. Женские ноги в каблучках, шелковых чулках, юбки на экран не попадают. Зелена топчутся и меркнут. Зелени все меньше и меньше. Они пропадают. Голая земля. Пыль. Ноги движутся стеной. Движение ускоряется.

Часть четвертая.

Дверь квартиры Маврина. Дверь выходит на улицу. Чалый и Маврин. Чалый прибывает к двери самодельную вывеску:

Общество любителей военного коммунизма.

У надписи останавливаются прохожие: бюрократ в пальто и с желтым портфелем; барышня; военный с орденом Красного знамени; печник в фартуке; неопределенное лицо, молочница и прочие. Военный стучит в дверь.

Чалый на службе. Он призван рационализировать разбухшие аппараты своим инструментом.

Кабинет Родных. Втаскивают четвертый стол. Следом входит Чалый с саблей и винтовкой. Садится за внесенный стол. Родных глядит на него через очки, нажимает кнопку звонка. Появляется испитой курьер. Родных приказывает ему. Курьер начинает носить на стол Чалого дела. Стол заваливается этажами дел. Чалый хладнокровно листует одно дело. Потом по очереди их складывает под стол. Когда курьер приносит последнюю партию дел, Чалый указывает ему, чтобы он выносил отработанные дела из-под стола. Курьер выносит дела обратно связками на спине, как мертвый груз.

Родных глядит на него изумленно. Родных нажимает кнопку. Является потный курьер. Курьер идет в архив — в тьме коридоров. Архив. Архивариус: старый желтый человек. Сумка Чалого за пятью сургучными печатями лежит в нише. Архивариус дает курьеру большую книгу. Курьер уходит. Курьер входит в кабинет Родных. Дает книгу расписаться Чалому. Чалый расписывается. Курьер исчезает. Затем является с сумкой на вытянутых руках. Чалый принимает сумку, осматривая печати. Родных объясняет Чалому:

*Пойдемте**, т<оварищ> Чалый, я вас познакомлю с административным естественным. Может, попутно удастся что-нибудь рационализировать!

Идут по Ильинке. Чалый во всем своем обычном военном снаряжении. Родных с портфелем и палочкой. Ильинка кипит. Родных, оберегая Чалого, берет его под руку.

Стена огромного дома. Не видно конца высоте дома. Небольшая квадратная вывеска (золотом под стеклом):

Всесоюзный союз кооперативных союзов

Вестибюль большого учреждения. Лифты гонятся один на встречу другому. Из опустившегося лифта выходит пожилой крестьянин с бородой. Он переходит в соседний лифт, который трогает вверх. Площадка лифта на верхнем этаже. Тот же крестьянин опять переходит в соседний лифт и спускается до самого низа, где стоят Родных и Чалый. Родных и Чалый входят в лифт. Крестьянин, приехавший вниз, входит для подъема вверх.

Кабинка лифта. Четверо: лифтер, крестьянин, Чалый и Родных. Крестьянин довольный. Он говорит:

*Нравиться** мне летать на машине. Четвертый раз по маршруту кружу.*

Кабинка останавливается. Чалый и Родных выходят. Крестьянин становится в очередь к другой кабинке, отходящей вниз.

Чалый и Родных идут по учреждению. Их зритель не видит, но аппарат снимает внутренность учреждения с их точки зрения.

Проходит вся фантазмагория современного учреждения:

залы машинисток, бухгалтерии, отделы, курьерские уголки, где готовят чай к разноске, какие-то темные ущелья со шкафами и штабелями бумаг; разные бытовые сценки: коридоры, наполненные гуляющей публикой, кабинет, где шепотом говорят двое людей, коммутатор, где стремительно работают четыре барышни. Показывается как символ (мультипликация): чистый лист бумаги: он мгновенно заполняется на машинке, летит через лабиринт учреждения по воздуху, заполняется подписями, печатями, резолюциями, кружит по всему поперечному разрезу учреждения (показать учреждение в поперечном сечении, вплоть до парового отопления, где мирно спит истопник). Бумага в руках курьерши, он<a> бежит к

* Не является авторской ошибкой, относится к речи героя, что подтверждается правкой. Первый вариант: *Пойдемте*. Второй вариант: *Пойдемте*. Третий вариант: *Пойдемте*. В третьем варианте проставлен ь.

** Не является авторской ошибкой, относится к речи героя.

лифту. Ждет, когда крестьянин переходит из одной кабинки в другую, и подает ему бумагу.

Большим планом: лицо Чалого: дикие выпученные глаза. У Родных лицо счастливое и удовлетворенное.

У Чалого глаза делаются почти безумными.

Чалый невольно видит стоимость учреждения в образах.

Согнутый чиновник пишет за бюро. От каждой написанной буквы из-под ручки выскакивает куриное яйцо и скатывается в корзину под бюро и бьется там: желтая жидкость течет из корзины на пол. Чиновник ворошит листы. Бумага под его руками превращается в холстину. Холстина от букв вся дырявая и ветхая.

Касса. Бумажка:

Сегодня получают отпускники и курортники. Кассир Блох.

У окошка кассы очередь. Стоят люди сытые и однообразные.

Получившие отходят от окошка и прячут деньги в карман.

Крестьянский двор. Корова. Лошадь. Куры. Поросята. Крестьянский двор уменьшается на глазах, отодвигается к правой стороне экрана. С левой стороны экрана виден маленький портфель. Портфель увеличивается и открывает пасть. Маленький двор летит в большую пасть портфеля и превращается там в пачку червонцев.

Портфель застегивается ремнями. Касса. Портфель в руках чиновника, отошедшего от кассы. Чиновник вынимает папиросы «Краевые» и обивает папиросу о крышку. Сладострастно закуривает.

Что стоит день работы этого учреждения.

Зеленая деревня. Крыши на глазах прореживаются. Показываются жерди и борова печных труб. Плетни рассыпаются, остаются одни колья. Окна выпадают из хат. Коровы превращаются в котлеты на блюде, которые пожирает тот чиновник, который засунул в портфель двор. Деревня вся превращается в редкий мертвый

<1927>

О ЛЮБВИ

Есть в мире два знания: одно только удивляет, другое очаровывает. Ученые нашли, что скорость световых и электрических волн в эфире равна 300 000 километр<ов> в секунду; что человек в конце концов только животное, сумевшее передразнить своими действиями мир, и тем приспособившееся к нему и отчасти победившее его.

Повторение, в течение веков и веков, скажем, такого процесса, как зажигание вулканической лавой или молнией лесов, самовозгорание торфа, степей и т. д., — повторение этих явлений родило в животном — предтече человека — чувство как бы вечной необходимости в огне.

Раньше ведь земля жила более лихорадочной, более юной, свирепой жизнью. Огонь, естественный огонь, чаще видели животные. Если сейчас появление огня в природе пугает даже человека, то когда-то могло быть и наоборот — исчезнувшие лесные и болотные пожары могли ужаснуть животных, привыкших в течение веков к неугасимому огню на горизонте. И изобретателем огня было то животное, которое приволокло потухающее дерево из сгоревшего леса и зажгло им другой лес, чтобы успокоить этим себя и свою самку, т<ак> к<ак> они привыкли к пламени и отсутствие его для них ужасно и неестественно.

Это только, конечно, предположение, а не исторический факт. В прошлые времена, да и теперь, в большинстве случаев, сначала является вещь, а потом вырастает потребность в ней.

Такие области знания, как физика эфира, теория электричества, — таят в себе такие глубокие тайны, что их открытие будет долго ослеплять и поражать человечество.

Наука — красавица, но только своими одеждами. Она — свет, чистый и до конца прозрачный, но не теплый, не холодный. Этот неморгающий глаз человечества смотрит и смотрит, но не любит, а думает, и, как глаз, наука нужна, чтобы только видеть и освещать.

И есть другое знание, которое очаровывает и перед которым благоговеют. Назвать его знанием в полном смысле нельзя. Это другое, и вы сами увидите что.

Я вам расскажу о силе, которая настолько сильна, что может обессилить себя и перестать быть силой, о красоте, которая может стать безобразием и чудовищем, если захочет, о свободе, для кото-

рой сладка и желанна бывает неволя, и об истине, которая одевается ложью и все-таки бывает истиной, настолько она всемогуща. Жизнь смеется и из гробов. Когда мне приходилось об этом говорить с маленьким мальчиком, я объяснял ему как можно понятней и проще мир и жизнь и что нужно делать, чтобы и мальчику, и мне жилось хорошо, то на мой вопрос, как назвать ту ласковую силу, которая в нас бьется и ведет нас к счастью и силе, мальчик отвечал: моя мама.

Другой человек, писатель, после долгого разговора крикнул: так это ж жизнь, как хорошо! И он сам сказал, как легко ему стало после того, как он понял жизнь. Оказывается, он ее не понимал. А до этого он сидел угрюмый и бледный, со скорчившейся от тоски душой.

Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою Богородицу*. Сознание, что на небе есть благая Богородица — роднее и ласковей матери, дает сердцу мужика любовь и силу, и он веками ходит за сохой и работает и живет как мученик. Если мы хотим разрушить религию и сознаем, что это сделать надо непременно, т<ак> к<ак> коммунизм и религия несовместимы, то народу надо дать вместо религии не меньшее, а большее, чем религия. У нас же многие думают, что веру можно отнять, а лучшего ничего не дать. Душа нынешнего человека так организована, так устроена, что, вынь только из нее веру, она вся опрокинется и народ выйдет из пространств с вилами и топорами и уничтожит, истребит пустые города, отнявшие у народа его утешение, бессмысленное и ложное, но единственное утешение.

Вы скажете, но мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ не утешит. Наука в современном смысле и существует-то только 100–150 лет, религия же насчитывает десятки тысяч лет. Что же сильнее и что глубже ввелось в нутро человека? Сами ученые, самые вожди науки, почти все были верующими людьми.

Наука еще стоит на таком низком уровне, что не может быть руководительницей человека, силой, стоящей выше его. Жизнь еще пока мудрее и глубже всякой мысли, стихия неимоверно сильнее сознания, и все попытки замещения религии наукой не приведут к полной победе науки.

Людям нужно другое, более высшее, более универсальное понятие, чем религия и чем наука. Люди хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где поселится сама эта чудесная бессмертная жизнь, откуда выросла** эта маленькая веточка — религия, кото-

* В автографе со строчной буквы.

** В автографе: выросли.

рая теперь засыхает, и на ее месте, на одном с ней стволе вырастает другой цветок — наука, память человечества о своем труде в прошлые времена.

Сами мы должны прежде других проникнуться до конца этой силой, чтобы понять ее и передать это понятие другим.

Скажу все до конца. До сих пор человечество только и хотело ясного понимания, горячего ощущения той вольной пламенной силы, которая творит и творит и разрушает вселенные. Человек — соучастник этой силы, и его душа есть тот же огонь, каким зажжено солнце, и в душе человека такие же, и еще большие, пространства, какие лежат в межзвездных пустынях.

Человек хочет понять себя, чтобы освободиться от ложных понятий греха и долга, возможного и невозможного, правды и лжи, вреда и выгоды и т. д. Когда поймет человек себя, он поймет все и будет навсегда свободен. Все стены падут пред ним и он наконец воскреснет, ибо настоящей жизни еще нет.

Что поймет вперед человек — себя или природу, — это не важно, это все равно.

Почему же это так? Раз человек и вселенная — одно, и человек сам та же сила, которая бьется и дышит в звездах и траве, то что же ему не понятно, что его мучит и мешает жить, мешает быть вполне той вольной чудесной силой, которая ничем не ограничена и для которой нет невозможного; что живому человеку мешает быть жизнью, для чего ему потребовалось объяснение и понимание мира и жизни, чтобы жить? Ведь вон трава растет пока ей растется и не знает ни горя, ни радости в человеческом смысле. Ведь радость человек понял только после горя.

Объяснить эту великую историческую работу всего человечества — значит объяснить все. Попробуем это сделать.

Вся задача и ее решение лежат в пределах самого человечества и не распространяются дальше.

И вся разгадка лежит в *сознании* человека, в его мысли — этом новом, молодом чувстве человека, присущем только человеку и больше никому и ничему.

В порядке борьбы за существование, в каких-то организмах, предшествующих человеку, родилась мысль, как новая мощная органическая функция для жизни и победы. В человеке мысль достигла своего расцвета, высшей силы и совершенства. Этот новый орган жизни требует себе соответствия, равновесия с миром. Если чувства, которые гораздо древнее мысли, уже нашли общую, уравновешивающую их в мире, точку в форме наслаждения, то мысль еще нетвердо стоит в мире, мысль, т<ак> сказ<ать>, не сбалансирована с природой, и от этого происходит всякая мука, отравы и порча жизни. Чувство расцветает в миге наслаждения — и чувство на-

шло себе пищу, уравновесилось, усиливается и служит целям человека. Мысль не нашла себе еще ответа. Ответить же и удовлетворить мысль сможет только истина, и не осколки истины (часть истины — всегда ложь, только вся истина — истина), а вся истина.

Ту трепетную силу, творящую вселенные, чувство назвало бы именем блага и наслаждения. И чувство назвало эту силу так. — Мысль назвала бы эту силу истиной, но еще <не — ?> назвала ее так, и до того момента, пока мысль не обнимет всю вселенную и не сознает ее как истину, человечеству будут нужны разные религии, разные науки и всякие другие условные значки, дымные образы, где как будто уже светится истина, найдены все концы, но этого еще нет на самом деле, раз идет время и сменяются, отвергаются и забываются веры и знания. Чувство родилось давно и уже слилось с душою мира. Мысль не слилась, не совпала еще, а только ищет этого слияния в полном познании мира.

Это неравновесие мысли и мира, т. е. отсутствие истины, произвело историю человечества, т. е. труд на протяжении веков.

Значит, религии и науки — это попытки слияния мысли с миром. Но мысль — чисто человеческое свойство, и весь вопрос о т<ак> наз<ываемой> истине наш, т<ак> ск<азать>, местный вопрос.

Этот вопрос и мешает нам жить, мешает воскреснуть для полной, настоящей, всесильной жизни. Чтобы найти жизнь — надо решить этот вопрос, уравновесить истиной голодное человеческое сознание. Познанный же мир, все равно что покоренный. А раз мы покорим мир, мы освободимся от него и возвысимся над ним, создадим иную вселенную.

Маленькая как будто вещь, мысль, требует себе работы и удовлетворения — и родила своим существованием то мучительное состояние, что человек ищет смысла, будучи сам смыслом, хочет изменить мир и не знает для того хорошего оружия, а всякое оружие находится в его же руках.

Весь мир должен стать равен человеческой мысли — в этом истина.

Вот в чем вся суть.

До наших пор человек, стремясь овладеть истиной мира для его покорения, как требует его новая органическая сила — мысль, человек создавал только миражи истины, обманные видения ее в виде религий и наук. Теперь подошло время, когда человек действительно может познать мир, овладеть истиной об нем

РАЗГОВОР МАСТЕРОВОГО-МЕТАЛЛИСТА С СОВЕТСКИМ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ

От записавшего: разговор этот действительно есть речи двух людей, а не литература; я сам принимал в нем посильное участие, но поскольку мои слова имели лишь характер любопытства, себя — третьего — я опускаю; стиль разговора я несколько оскопляю, вероятно, по слабости памяти.

Мастеровой-металлист. По-моему, разница между мастеровым и крестьянином все-таки есть, и большая разница.

Советский интеллигент. Есть, конечно. Даже две разницы. Первое то, что крестьянин не только трудящийся, но также и хозяин, кое-какой имущественный человек. А вторая разница, что крестьянин работает совсем над иной вещью, чем рабочий, и другими способами.

Маст<еровой>-метал<лист>. Я не про то говорю. Это вы верно. Вон у нас в цехе есть крестьяне — лодыри, дьяволы, ходит и дремлет, прислонится — спит. Толкнешь его: что ж ты спишь, жлоб, давай скаты на пресс, а он — я, мол, вздремнул маленько. — Да и дома что ж ты делаешь? — И дома, говорит, посыпохиваю, так работаешься, аж в целой ночи сну мало... С крестьянами горе: за что ни возьмется — страшно: то ногу себе отдавит, то палец пришибет. Возьмешь и сам сделаешь: ну тебя, дескать, к черту, уродует зря себя человек... Я знаю, что нужна большая привычка. Я привыкал мальчишкой к своему делу, а тут привыкает человек в возрасте, оттого и кажется смешно. Я это понимаю. Я вас вот хотел спросить, какая разница есть в самих людях — крестьянине и мастеровом.

Сов<етский> инт<еллигент>. Теперь я понял вас. И я, знаете, затрудняюсь сказать. По-моему — никакой. А если и есть, то разница эта зависит от условий труда и быта. Переменитесь местами — и мастеровой станет иметь душу крестьянина, а крестьянин — мастерового.

Маст<еровой>-мет<аллист>. Это что-то просто очень. Да и выйдет ли так? Другой крестьянин уж тысячу лет крестьянин — и

отец, и дед его, и прадед, и сам бог-отец его были крестьяне. Да и мой отец вот был слесарь, а дед — шахтер: сто лет как бросили мы землю. Затравка в душе уже так глубока, что только зря человека изуродуешь, а переделать не переделаешь, хоть и переставишь их с одного места на другое.

<1927>

**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

ПРИМЕЧАНИЯ К РАССКАЗУ «ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА»

(Для развития его сюжетной стороны)

1) С начала до конца учительница — Мария Нарышкина — должна быть показана и доказана художественными способами как цельный резкий тип нового человека, в котором личные стремления крепко заземлены общественным чувством. Некоторая, выпукло показанная склонность к мечте ранней юности (чтение географических книжек отца), любовь к уединению, задумчивость, соединенная с живостью и нежностью, — уберегли Нарышкину от пошлости в молодости и сохранили ей девственность характера. Дальше она обрабатывается культурой, которая так искренно и глубоко воспринимается ею, что сразу обуславливает будущую подвижническую жизнь.

Нарышкина в юности знала лишь одно увлечение, бесследно потом заросшее. Это не любовь.

Не растраченная на любовь душа целиком перешла в культуру и в ней расходовала свои силы, возвращенные, быть может, для материнства и размножения.

Отсюда же некоторая противоречивость натуры Нарышкиной. Чувство неясной тревоги, чего-то утраченного, неиспользованного, затаенного, но не умерщвленного и не превращенного еще в другое — в культуру, в нашем случае, — дается во всей игре Нарышкиной, даже в ее лице — простом и напряженном.

Друзья дела Нарышкиной в Хошутове — крестьяне Никита Гавкин и Ермолай Кобозев — могучие люди. Ермолай Кобозев — неграмотен. Но из слов и действий Нарышкиной он каплями сосет ее волку и ее высокое, в его глазах, знание. Он зачумлен и зачарован от бесед с Нарышкиной, которые она устраивает для крестьян. Он ходит шальным по степи и мечтает о пустыне, сплошь цветущей и наполненной людьми и городами. В Кобозеве огромная жажда и тонкая чувствительность к культуре, которая воплощена для него в Нарышкиной. Кобозев потенциально большой человек, с сильным мозгом и развитой восприимчивостью. Но все эти силы его, придавленные нищетой, неграмотностью, заброшенностью в пустыне, лежат напрасно и в сыром состоянии.

Однако в его отношении к Нарышкиной проглядывает такая почтительность, такое уважение, что походит на обожание. Но

сильный здоровый Кобозев тяжело мучается, когда бывает один, своим несходством с Нарышкиной. Тонкое чувство любви, почти сентиментальной, в нем борется с душей чувственностью, скрываемой им даже от себя.

Он работает, как машина, в шелюговых посадках, лишь бы исполнить замыслы Нарышкиной.

Советскую власть Кобозев знает. Он был председателем совета по прошлым выборам. Но ее значение и ее сила стали ему понятны лишь с приездом Нарышкиной.

Кобозев жажется красотой культуры, бессознательно воображая ее в образе Нарышкиной.

Он, Кобозев, исполняет самую тяжелую работу, — возит посадочный материал, чистит колодцы, караулит в лунные ночи в пустыне, на границе села, посаженные полосы шелюги и тут, в одиночестве, вся его душа приходит в движение. Советская власть, культура, Нарышкина, цветущая влажная пустыня видениями приходят в его мечтах, равное одно другому и соединенное в одно целое. Тут оператор и режиссер могут сделать сами достаточно хорошо.

Никита Гавкин похож на Кобозева, но много проще. Его увлекает хозяйственная разумная сторона дела. Он старше Кобозева. Он со сладострастием думает о хозяйстве, которое у него весьма рачительное, умное и даже изящное. Можно показать его двор, скот, признаки усердия и домоводства.

Нарышкиной нравится Кобозев, но не до любви. Она скорее видит в нем пионера новой страны и наслаждается им, как товарищем, как явлением природы, от которого веет прочной силой и отвагой, которая не предаст.

Раз они попали в далекую пустыню. Нарышкина рассказывала Кобозеву о Пушкине, о Ленине, о Франклине, Эдисоне, Амундсене, Америке, — Кобозев слушал ее, как он должен слушать, торжествуя и поражаясь.

Ехали они вдвоем на подводе на дальний питомник за черенками фруктовых деревьев. Пустыня тиха, холодный месяц над неосыпавшим песком, лошадь стала. Ночью в пустыне холодно. Они понемногу заснули, замороженные неясным влечением друг к другу. От холода они лежали обнявшись. Лошадь тоже спала. Тут нужна настоящая игра актеров. Под телегой проползла черепаха, и степь стояла вся невнятная и сказочная, окружив сияющим лунным воздухом двух спящих людей.

Все должно идти целомудренно, строго, точно по моему рассказу, оживляя его лишь хорошей игрой и обогащая живописью искренности.

Когда Нарышкина сидела на завалинке перед своим домом — летними вечерами — ее начинало мутить беспокойство молодости.

Она выходила на улицу и начинала играть с деревенскими ребятами в догонялки. Крестьяне сидели у хат и глядели с одобрением; иные тоже вступали в игру, но никто не догонял Нарышкину — красная и веселая, она носилась в песчаной пыли, визжа от возбуждения, в туче ребяташек. Крестьяне не видели в этом ничего плохого, потому что Нарышкина была хорошая.

Уморившись, она спала легким и глубоким сном.

— Марь Никифоровна, говорили ей мужики, — бери в мужья Ермошку Кобозева: мужик ходкий и свежий!

Нарышкина в ответ беспомощно молчала и краснела до блеска глаз, походя на мальчика.

2) Небольшое кочевое племя. Вождь. Умный спокойный сухой человек. Без всякой стилизации и красоты. Очень прост. Все племя гонится по пустыне вслед за кормом. Но корма мало. Тощие редкие сухие травинки. Силы от такой пищи коням не хватает на переход до следующей травы. Кони слабы, еле бредут. Скот приобретенную на кормежке силу, всю угоняет на мучительный переход, так что почти не дает молока детям и женщинам племени. Все это показать. У каждого племени есть свое т<ак> наз<ываемое> «кочевое кольцо». Только по нем племя может бродить и питаться; на другом кольце — другое племя.

Кольцо лежит по линии редкого произрастания трав. Вождь и члены племени видят, что им остается только вымереть. Против природы они бессильны. Травы год от года менее. Дети рождаются мертвыми или без кожи, потому что матери голодны и больны. Показать матерей и детей.

Вождь, которому недостает только культурности, жадно ищет выход из смертельного бедствия родного племени.

Он ночью бродит по ставке племени. Укрывает худые синие ноги спящих женщин и смотрит на детей в тряпках, старчески дремлющих с полуоткрытыми глазами.

Но вождь совершенно спокоен. Он только быстро и легко начинает ходить вокруг кибитки, где спит его семейство. Поймав черепаху, он вытягивает ей шею из-под панциря и душит пальцами; потом швыряет в сторону.

Ему говорят про славную русскую барышню из Хошутова. Вождь слушает говорящего и тяжело молчит. Ясно, что ему нравится барышня, но делу ее он не верит. Он знает страшную силу пустыни и зло свирепой природы. Мысль и действия его бьются в мучительной безысходности.

Племя продолжает метаться по своему кочевому кольцу. Отчаяние племени, убивающая насмерть нужда, растущий голод должны быть показаны, хотя бы в одной части. Но во всех деталях и точно, чтобы видно было, что кочевники обречены на гибель.

После встречи и разговора с вождем кочевников (встречу их надо особо хорошо сделать) Нарышкина ходит как безумная. Она поет и смеется, видит в бреде этого вождя, топчущего на своем коне огромную убранный лесами страну, прыгающего через реки, отчего реки сейчас же высыхают и в руслах веет пыль.

3) Заключительная часть фильма такая.

Сквозь бурю в пустыне едет Нарышкина на новое место службы — в Сафуту. Ее возница — худой усердный старичок. Иногда Нарышкина сходит с телеги и идет пешая сзади, укрывая шарфом лицо от песка. Открыв лицо, она глядит прямо в ветер, и ветер у нее выбивает грязные слезы.

Через некоторое время навстречу ей перерезает дорогу знакомое племя кочевников. Ветер и метущийся песок показывают все в силуэтах. Наконец Нарышкина и знакомый вождь встречаются. Нарышкина ему что-то говорит, приоткрывая шарф и пожимая руку. Но песчаный ветер разрывает ее слова, и вождь, видимо, не все понимает.

Нарышкина показывает ему рукой круг, рассказывая, что она хочет делать дальше в этой бесконечной пустыне.

Вождь вежливо и внимательно слушает, чуть склонившись. Потом показывает на свое племя, на пустыню и неопределенно машет рукою вдаль. С коня он в первый раз улыбается Нарышкиной и делает рукой прощальный тоскующий знак.

— Начиная скорей, а то наши дети кончаются! — кричит вождь уже на ходу коня.

Долго видны: линия всадников на измученных конях и повозка Нарышкиной. Кочевники и Нарышкина разъезжаются в разные стороны.

Ветер несет песок и укрывает тех и других.

В эране бьется песчаная буря.

А. Платонов

P.S. В деталях и остальном режиссер и оператор сами поймут, что надо сделать.

Это все написано лишь в дополнение к рассказу.

А. П.

<Начало мая 1927 г.>

СВЕДЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО И СЪЕМОЧНОГО ПОРЯДКА

(Для постановки «Песчаной учительницы»)

1) Съемку можно произвести в Астраханской губернии или в смежных с нею областях.

2) Там всюду производятся обширные, т<ак> наз<ываемые> лесомелиоративные работы: посадки древесных и кустарных пород для укрепления и культуры песков. Съемка их может дать очень эффектные картины. Зелень на мертвом песке, посаженная по всем правилам лесоводства, очень, как говорится, фотогенична. Подробные и точные адреса таких мест может дать Лесокультурный отдел Центр<ального> Управления Лесами при Наркомземе, а также местный земельный орган.

3) Всю съемку можно вести без павильонов — на воздухе.

4) Заодно можно показать искусственное орошение (т<ак> наз<ываемые> лиманы) крестьянских полей. Очень распространено в смежной с Астраханской Сталинградской губернии (все сведения даст Сталинградское Губземуправление).

5) В этом году лесомелиоративные работы ведутся в Астраханской и Сталинградской губернии особенно энергично. Так что все процессы, в любой стадии, можно снимать с природы, не производя расходов для нарочной — только для съемки — посадки.

Просто приехать на место лесомелиоративных работ, пустить артистку, крестьян и заснять.

А. Платонов

P.S. Надо все сделать так, чтобы действия Нарышкиной были значительные, почти героические, а сама она была обыкновенная и простая, только очень живая.

А. П.

<Начало мая 1927 г.>

<СЦЕНАРНАЯ ЗАЯВКА НА ФИЛЬМ «ЛУННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ»>

«Лунные изыскания» могут быть сделаны как культур-фильма.

Примерно так: провинциальное общество Авиахима устраивает полет на Луну по изобретению своего члена.

1) Провинциальная техническая фантастика. Технически правильная идея. Поэзия провинции и космической мечты в лучшем смысле.

2) Приезжает в провинцию инженер — очень талантливый техник. Он принимает фантазию местного Авиахима и научно обрабатывает ее.

3) Этот инженер едет в Москву. Его трудности там и приключения.

4) Поэзия работы и увлечения лунным полетом. Связь этой «мечты» с практикой земных интересов (надо это умно сделать и показать, что в таких мечтах нет ничего дурного — в противовес общепринятому мнению).

5) Картины космоса и Луны (по современным научным воззрениям). Научная, культурно-просветительная часть ленты.

6) Гибель Крейцкопфа: прыжок на неизвестную Луну. М<ожет> б<ыть>, это и не гибель. На этом конец.

В остальном — по рассказу «Лунные изыскания».

А. Платонов.

23/V-27

P.S. Картина выйдет дешевая. Я, как техник, могу пояснить, как просто и дешево сделать для съемки те сложные машины, которые нужно показать.

23 мая 1927 г.

<ТЕМА ДЛЯ КИНОФИЛЬМА О СОЛДАТЕ-ИНТЕРВЕНТЕ>

Интервенты. Среди них — негр солдат. Бой. Негр бежит к красным. Заблудился в чужой стране, на неизвестном бранном поле. Его замечают с красного бронепоезда. Умелым навесным огнем с бронепоезда негра «подгоняют» ближе. Берут его в плен, делают своим.

Бой. Негр-красноармеец. Бронепоезд сбивают белые. Много красных легло убитыми, но некоторые спасаются, уйдя в степь. Негр также скрывается. И вот он — опять один. Он спасается от белых, не зная где они, блуждая, зарываясь в землю, далеко обходя кулацкие деревни, откуда стреляют в черного человека.

Негр встречает ребенка. Ребенок болен, голоден, брошен один в стране и не знает — кто он. Негр берет ребенка с собой.

<1927–1928>

<ТЕМА ДЛЯ КИНОФИЛЬМА О РУССКОМ ВОЕНОПЛЕННОМ>

Русские военнопленные солдаты идут мимо германского кулацкого двора в деревне. Военнопленные возвращаются на родину. Они идут с гармоникой, оборванные, постаревшие от горя войны и непосильного батрацкого труда.

Один же русский военнопленный стоит за изгородью двора. Рядом с ним германская деревенская девушка; **она уже беременна**. Она держит его за руку. Он не уходит, он остается на чужбине ради любви. Проходящие русские прощаются с ним, зовут его. Он мучается, слезы текут по его лицу, но его обнимает новая невеста и он не может оторваться от нее. Военнопленные удаляются. Он бежит за ними с узелком подарков. Прощается с товарищами и передает узелок на родину.

[Родина. Русская деревня. Один военнопленный — из тех, что проходили по германской деревне]

Германская кулацкая семья. Невеста русского военнопленного — дочь хозяина. *[Она уже беременна от русского.]* Хозяин-кулак против этого **брака с русским батраком**. Он доводит дочь до отчаяния. Он истязает ее даже во время родовых схваток у нее. Она рожает в сарае, но отец находит ее там и в иступлении души, умерщвляет ребенка. Мать вешается затем сама. В преступлении — в детоубийстве — обвиняется русский. Суд. Приговор: смертная казнь. Но дело вызывает сомнения, приговор в исполнение пока не приводится.

Родина. Русская деревня. Один военнопленный — из тех, что проходил по германской деревне — входит с узелком подарков в **прежнюю** семью русского, оставшегося в Германии. Русский оставил здесь, в избе старую семью — жену и ребенка, мальчика лет 10–12. *[В избе сидит старуха. На лавке — бредит]* На печке бредит тяжело больший мальчик. На столе — покойница, молодая женщина, умершая от тифа. Солдат кладет узелок с подарками на печку, к живому ребенку, и уходит.

Ребенок *[выздоровливает]* потом сходит с печки. Находит узелок от отца. Вспоминает его. Видит мертвую мать. Ее везут затем хоронить на повозке. За подводой идет один полубольной мальчик с узелком из Германии. Лошадью правит старуха. На кладбище она отбирает у мальчика узелок. Мальчик стоит над могильной ямой,

куда сброшено тело матери, завернутое в зипун. Засыпать могилу некому. [*Мальчик уходит искать отца.*

Он проходит страну, города и деревни. Отца нету. Живут одни чужие. Он попадает в детский дом. Он всюду спрашивает: где его отец. В детском доме воспитательница, чувствуя беспомощную душу ребенка, отвечает ему: вот твой отец, — и указывает на портрет Сталина. Мальчик радуется и понимает. Он тайно уходит в Москву, жалуется о своей горе Сталину, доходит до Сталина и бросается к нему, как к отцу. Сталин берет ребенка на руки и слушает/понимает его горе. Он не разубеждает его. Ребенок помещен в подмосковный детский дом.

Германская тюрьма. Камера. Узник. Действительный отец ребенка все еще томится там]

<Вторая половина 1920-х гг.>

<ТЕМА ДЛЯ ДРАМЫ «ХОЗЯЕВА ДВОРА»>

Тема для драмы: — «Хозяева двора» — (назв<ание> условное).

Русские военнопленные возвращаются на родину. [*Они идут по германской деревне*] Но один из них остается в германской деревне: он полюбил дочь хозяина-немца, у которого работал батраком. Он провожает своих товарищей и остается на чужбине, не в силах справиться со своим сердцем.

Семья немца-кулака, рачительная, экономная, подчиняющая свою душу принципу хозяйственной рациональности, живущая ради накопления, а не ради потребления, борясь с жестокими трудностями рынка, с начинающимся кризисом.

Человек в такой семье должен вдесятеро больше производить, чем потреблять, чтобы иметь право жить. Русского военнопленного терпят как отличного работника. Хозяин, хозяйка и их дочь даже ласковы с ним. Русский же существует и трудится ради любви. Но дочь — это женщина в отца и в мать, выросшая среди животных и вещей на собственном дворе; она — наследница всего имущества. Душа ее — в инвентаре, а сердце как у женщины. Ее покоряет русский. Она скупо отдается ему. В ней начинается ребенок.

Родители замечают беременность. Они ждут его в безмолвном неистовстве. Ребенок рождается. Отец-русский несколько раз спасает его от смерти, которую готовят ему хозяин и хозяйка двора и сама мать. Русский мечется со своим ребенком в огороде двора. Он прячет его даже от матери. Но мать заодно со своими родителями, они смутили ее душу. Наконец трое побеждают одного — ребенка умерщвляют.

Трое заявляют, что ребенка умертвил русский. Русского арестовывают, судят и вешают.

Его жена, мать ребенка, пошедши однажды за водой, видит в зеркале колодца как русский целует ребенка. Она бросается к ним в колодезь.

Андр. Платонов

<Вторая половина 1920-х гг.>

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРХИВОХРАНИЛИЩА

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области (Тамбов).

ГФФ РФ — Государственный фонд кинофильмов (Госфильмофонд) Российской Федерации (Домодедовский район Московской области).

ИЗО РГБ — Отдел изоизданий Российской государственной библиотеки (Москва).

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства (Санкт-Петербург).

ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Архив — Архив А.П. Платонова / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1.

ВМ — газ. «Вечерняя Москва».

Воспоминания — Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии / сост., подгот. текстов и примеч. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994.

ВТ — газ. «Воронежский телеграф».

Даль, 1–4 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.

Дубасов, 1–6 — Очерки из истории Тамбовского края. Исследование И.И. Дубасова. М., 1883–1897. Вып. 1–6.

Елагин — *Елагин С.* История русского флота. Период азовский. СПб., 1864.

ЕШ — *Платонов А.* Епифанские шлюзы. М.: Молодая гвардия, 1927.

Записные книжки — *Платонов А.* Записные книжки: материалы к биографии / публ. М.А. Платоновой; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н.В. Корниенко. 2-е изд. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

Известия ТК — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1917.

К. пр. — газ. «Комсомольская правда».

Ключевский — *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1910. Ч. 4.

КПСС в резолюциях, 1–15 — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 15 т. М., 1983–1990.

Кр. новь — журн. «Красная новь».

Лангерак — *Лангерак Т.* Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899–1929 гг. Амстердам, 1995.

Ласунский — *Ласунский О.* Житель родного города. Воронеж, 1999.

Легун — *Легун А.И.* Воронежско-ростовский водный путь. Воронеж, 1909.

Маяковский, 1–13 — *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955–1961.

МГ — журн. «Молодая гвардия».

НМ — журн. «Новый мир».

Перри — Состояние России при нынешнем царе. Сочинение капитана Джона Перри. М., 1871.

Письма — *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: письма. 1920–1950 гг. / сост., вступ. ст., коммент. Н. Корниенко и др. М.: Астрель, 2014.

Платонов С. — *Платонов С.Ф.* К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке. СПб., 1898.

ПМ — *Платонов А.* Происхождение мастера. М.: Федерация, 1929.

Сочинения, 1(1–2) — *Платонов А.П.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. Кн. 1–2.

Страна философов, 2000, 2003, 2005, 2009. — «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2009. Вып. 4–7.

СУ РСФСР — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М., 1924–1927.

СЧ — *Платонов А.* Сокровенный человек. М.: Молодая гвардия, 1928.

СЭ — журн. «Советский экран» (Москва).

Творчество, 1995, 2000, 2004, 2008 — Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995–2008. Вып. 1–4.

ТП — газ. «Тамбовская правда».

Федоров — *Федоров Н.Ф.* Сочинения / вступ. ст., примеч. и сост. С.Г. Семеновы. М.: Мысль, 1982. (Философское наследие. Т. 85.)

Ходякова — *Ходякова Г.И.* «Возможно, что меня здесь слопают...» (О пребывании А. Платонова в Тамбове) // Русская провинция: записки краеведов. Воронеж, 1992.

Черменский — *Черменский П.Н.* Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. Вып. 1.

Шубин — *Шубин Л.А.* Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987.

ЭСБЕ, 1–86 — Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.

Настоящий том включает произведения А.П. Платонова второй половины 1926 и 1927 гг. Некоторые из написанных в это время рассказов, стихотворений и статей, связанные с воронежским периодом жизни писателя, вошли в опубликованный 1 том «Сочинений».

Позже сам Платонов скажет о значении первого московского года жизни в его становлении как писателя и назовет 1927 год рубежным в формировании его художественной идеологии: «Моя художественная идеология с 1927 года — это идеология беспартийного отсталого рабочего, наиболее подверженного тем формам буржуазной идеологии, которыми буржуазия воздействовала на рабочий класс, — это анархизм, нигилизм и т. п. Эта идеология и господствует во всех сочинениях, над которыми я работал, которые не изданы. Философия отсталого рабочего, беспартийного...» (Стенограмма творческого вечера Андрея Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. // *Воспоминания*. С. 295). Даже учитывая контекст данного высказывания Платонова (это время тотальной критики писателя за повесть «Впрок», погрома, развернутого по прямому указанию главы государства И.В. Сталина), нельзя отказать этой самохарактеристике в ее глубине и точности.

Вторая половина 1926 г. — время резкого поворота в биографии Платонова. До того вполне успешный воронежский инженер и мелиоратор, чьи работы высоко оценивались Наркоматом земледелия, выбранный в состав ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих на Первом Всесоюзном мелиоративном совещании (февраль 1926), после переезда с семьей в Москву (начало июня 1926) и нескольких недель службы без каких-либо объяснений был освобожден (18 июля) от занимаемой выборной должности и оказался безработным. За увольнением последовало требование освободить служебную жилплощадь. Начинаются поиски работы и многомесячная тяжба с руководством Союза за право семьи проживать в Центральном доме специалистов (подробно см.: *Первый год московской жизни А. Платонова* / публ. Е. Антоновой и Л. Аронова; вступ. ст. Е. Антоновой // *Страна филологов*, 2003. С. 637–656). События этого времени Платонов описал в августовском письме 1927 г.: «В ЦК меня назначили зам<естителем> ответственного секретаря Ц<ентрального> бюро землеустроителей <...> Прослужил я ровно 4 недели, из них 2 просидел в Центр<альной> штат<ной> комиссии РКИ, защищая штатные интересы своих интересов. Я только что начал присматриваться к работе своего профсоюза. Я был производственник, привык и любил строить, но меня заинтересовала профессиональная работа. Что я производственник, что я небольшой мастер профсоюзной дипломатии, было хорошо и задолго известно ЦК и записано в анкетах. Но меня все-таки сорвали из провинции и поставили на выучку. А через 2 недели фактической работы в ЦК выгнали. А я занимал выборную должность.

Меня избрал съезд специалистов. С этим не посчитались. Я остался в чужой Москве — с семьей и без заработка. На мое место избрали на маленьком пленуме секции другого человека. Причем избрание происходило при полном отсутствии мелиораторов. Присутствовал один я! <...> Чтобы я не подох с голоду, меня принял НКЗ на должность инженера-гидротехника. <...> Одновременно началась травля меня и моих домашних агентами ЦК Союза (я жил по-прежнему в Центр<альном> доме специалистов). <...> Так и закружилась моя судьба. Никто не хотел принять во мне участия, только инженеры из НКЗема сочувствовали и поддерживали меня, даже давая без отдачи деньги взаймы, когда я доходил до крайнего голода. Но они были совершенно бессильны и не имели влияния на ход профсоюзных дел» (*Письма*. С. 244–246).

О том, что Платонов службой не манкировал, свидетельствуют две публикации, подготовленные им в июне для ведомственного журнала ЦК Союза «Землеустроитель»: статья «О борьбе с оползнями в Крыму» (*Землеустроитель*. 1926. № 7. С. 71–73. Подпись: *Ив. Вогулов*; см.: *Сочинения*, 1(2). С. 296–298, 485) и заметка «Мелиоративное достижение» (Там же. С. 73. Подпись: *А. П.*). 12 июня он предлагает в главную профсоюзную газету страны («Известия») статью «О дешевом водном пути Черноземного края (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)», и статья выходит 17 июля (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 484). Кроме этого, он принимал участие в работе Центральной штатной комиссии: как раз в июне комиссия занималась установлением штатов землеустроительных работ на 1926–1927 гг. для ГЗУ, КрайЗУ и ОблЗУ (см.: *Землеустроитель*. 1926. № 7. С. 7–8), и, скорее всего, именно в этой работе Платонов разошелся с сослуживцами по профсоюзной секции. Профсоюзными делами он до того действительно никогда не занимался, однако он хорошо знал реальное состояние кадровых проблем в области землеустройства на местах, как в губернии, так и в уездах, и потому написал, что «защищал штатные интересы своих интересов» (яркий пример точного высказывания, рождающего тавтологию).

Осенью 1926 г. помощь приходит к Платонову из нелитературной среды — от Наркомзема. 21 октября 1926 г. его принимают на должность инженера-гидротехника Отдела мелиорации и водного хозяйства НКЗ и уже в ноябре предлагают новое место службы — Тамбовское ГЗУ, где сложилась критическая ситуация с выполнением государственного плана восстановления сельского хозяйства, особенно в области мелиорации. В октябре НКЗ проводил проверку состояния мелиоративных работ в Тамбовской губернии. Платонов явно был ознакомлен с результатами этой проверки — докладом инспектора НКЗ по Отделу мелиорации и водного хозяйства А.Г. Иванова, в котором констатировалось «неудовлетворительное выполнение плана мелиоративных работ в 1925–1926 г.»: неукомплектованность штата, «ничтожность % общего выполнения к плановым заданиям», «незначительность выполнения работ и в то же время сравнительно более высокий % расходования денежных средств», неконтролируемость работы в уездах и распределения средств, отсутствие внятной отчетной документации и т. п. (*ГАТО*. Ф. Р–946. Оп. 1. Ед. хр. 4792. Л. 4–6). О сложившейся ситуации в Тамбовском ГЗУ

Платонов, скорее всего, знал и раньше: на мелиоративные совещания в Воронежже, которые он проводил, приезжали из Тамбова руководители разных подразделений губернского ГЗУ. Он был знаком с заведующим подотделом мелиорации Тамбовского ГЗУ инженером-гидротехником Алексеем Яковлевичем Барабановым, и их отношения, как свидетельствуют первые письма Платонова из Тамбова (см.: *Письма*. С. 170), были дружескими. Барабанов еще 13 сентября 1926 г. подал «рапорт» с просьбой об освобождении его от занимаемой должности (по состоянию здоровья — туберкулез), описав ситуацию, в которой ему приходилось заведовать подотделом мелиорации: «Ввиду крайне большого недокомплекта в штате аппарата не хватает 4-х инженеров из 7-ми, а оперативный штат до сего времени не заполнен на 45%, на заведующего п/отделом в первую очередь ложится вся тяжесть такового ненормального состояния п/отдела и требует от него чрезвычайно напряженной и нервной работы при постоянной перегрузке...» (*ГАТО*. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 2049. Л. 90). Не исключено, что и Платонов принял в НКЗ с расчетом на решение критической ситуации с мелиорацией в Тамбовской губернии. С 19 по 28 ноября Барабанов находился в командировке в Москве, в НКЗ, — для закупки инструментов и «приглашения техперсонала на службу» (Там же. Л. 53) и, очевидно, общался с Платоновым и рассказал тому об общей ситуации в Тамбовском ГЗУ. Платонов принимает предложение о новой службе в Тамбове, прекрасно понимая, с одной стороны, что на него возлагаются большие надежды (за ним — успешное проведение общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии и знание ситуации в Тамбове), а с другой — что никаких гарантий для повторения успеха воронежских работ у него нет. Об этом свидетельствует его письмо от 2 декабря в Оркомитет ЦДС с просьбой сохранить за его женой и сыном комнату:

«Наркомзем, куда я поступил на службу, предложил мне длительную командировку в Тамбовскую губернию — для организации в ней работ по мелиорации, торфодобыванию и сельскому огнестойкому строительству в связи с восстановлением с. х. и борьбой с засухой.

Положение в Тамбовской губернии действительно таково, что отказываться ехать было невозможно по многим причинам, из которых желание получить работу играло наименьшую роль. С другой стороны, обстановка в Тамбовском ГЗУ (насколько я ее знал) не предвещала успеха тем реформам и реорганизации дела, которые я намерен там осуществить. Не исключена возможность того, что я там не сработаюсь, несмотря на гарантированную мне поддержку НКЗема и одобрение предложенного мною способа постановки мелиоративного дела в Тамбовской губ<ернии>. Путешествовать же по стране с семьей я не имею ни желания, ни средств, ни права нарушать жизнь своих близких. Однажды ошибившись (не по своей, правда, вине), я на вторую подобную ошибку идти не могу» (*Письма*. С. 164).

7 декабря 1926 г. Платонов уезжает в Тамбов, 8-го — принимает у Барабанова «дела и имущество п/отдела» (приказ по Тамбовскому ГЗУ от 9 декабря // *Ходякова*. С. 164–165). 9 и 10 декабря он присутствует на заседании ГЗУ по подготовке совещания специалистов сельского хозяйства и на открывшейся 6 декабря 4-й сессии губисполкома, на которой обсуждался доклад заведующего Тамбовским ГЗУ по итогам «восстановительных меро-

приятий» в сельском хозяйстве губернии. Ничего оптимистического он не услышал. В курируемой им области мелиорации итоги были самыми удручающими: план по мелиорации выполнен на 50%, что объяснялось неполным штатом мелиораторов и распылением государственных кредитов. В связи с провалом мелиоративного плана контрольным инстанциям рекомендовалось обратить внимание на проверку расходования средств на мелиорацию, а ГЗУ — добиться пополнения штата специалистами (см.: *ТП. 1926. 11 дек. С. 2*). В письме к Марии Александровне от 10 декабря Платонов так описывал первые впечатления от встречи в ГЗУ: «С утра, как приехал, до вечера познакомился с тамбовским начальством. Был на конференции специалистов, а вечером на сессии губисполкома. Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают и начинают немножко ковырять. (Получает-де “огромную” ставку, московская “знаменитость”!) На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка! Я не преувеличиваю. <...> Мелиоративный штат распушен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задержаны. От меня ждут чудес. Попробую поставить работу на здоровые ясные основания, поведу все каменной рукой и без всякой пощады» (*Письма. С. 169*). Месячный оклад Платонову (200 рублей — см.: *Ходякова. С. 165*) был назначен действительно значительно выше среднего по стране и приближался к самым высоким (Московская губерния); максимальный оклад заведующего подотделом мелиорации по России в 1926 г. составлял 150 рублей (см.: *Вопросы зарплаты мелиораторов // Землеустроитель. 1927. № 3. С. 21. Подпись: А. Т.*). В Тамбове Платонова знали как успешного мелиоратора соседней губернии и были осведомлены о его «знаменитом» по своей скандальности увольнении из ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР. За две недели до его приезда Тамбов посетили руководители секции землеустроителей ЦК Союза; обследовалась работа и быт тамбовской секции, главное внимание было обращено на взаимоотношения губбюро секции с подотделами землеустройства и мелиорации (см.: *Землеустроитель. 1926. № 12. С. 63*). Представители землеустроительной секции ЦК Союза присутствовали и на первом после 1917 г. губернском совещании специалистов сельского и лесного хозяйства, которое открылось 15 декабря и продлилось шесть дней. Платонов принимал самое активное участие в работе совещания, руководил секцией мелиорации, 18 декабря выступал в прениях по докладам (см.: *Губернское совещание специалистов сельского хозяйства // ТП. 1926. 21 дек. С. 2*).

Уже на третий день пребывания в Тамбове он посещает редакцию главной губернской газеты «Тамбовская правда». И если первая публикация Платонова — статья «О дешевом водном пути Черноземного края» (*ТП. 1927. 12 янв. С. 2*) — была к этому времени уже написана и даже опубликована в московских «Известиях», то вторая — «Значение торфа как топлива для Тамбовской губернии» (*ТП. 1927. 29 янв. С. 2*) — пишется в Тамбове. Статья посвящена жизненно важным мелиоративным вопросам Тамбовской губернии и выполнена с привлечением статистических данных по состоянию торфяных болот в уездах губернии. Не исключено, что для «Тамбовской правды»

Платонов готовил и другие публикации. Об этом свидетельствуют сохранившиеся страницы машинописи статьи «Борьба с пустыней» (1924) с правой Платонова и подписью: «Тамбов, губземуправление» (находятся в составе автографа рассказа «Первый Иван»; опубл.: Источники текста очерка «Первый Иван (Заметки о техническом творчестве трудящихся людей)». Статья и публикация Б. Дооге // *Архив*. С. 70–71).

С первых дней службы Платонову пришлось решать накопившиеся в последние годы вопросы мелиорации. Готовить не только план работы подотдела мелиорации на новый год, но и отчет за прошедший, в связи с чем он чуть не получил выговор. Остро стояли кадровые вопросы. Через Наркомзем, куда Платонов выезжает в январе, он добивается объявления конкурса на занятие вакантной должности инженера-гидротехника ГЗУ (см.: Спрос и предложение труда // *Землеустроитель*. 1927. № 3. С. 83), принимает на работу новых сотрудников. Учитывая, что во всех документах по проверке подотдела мелиорации говорилось об отсутствии контроля за выполнением работ, он убеждает руководство ГЗУ в необходимости открыть в подотделе должность губернского инспектора мелиоративных работ и пригласить человека, на которого он мог положиться. Этим человеком окажется один из лучших инженеров-мелиораторов Воронежского ГЗУ Сергей Евгеньевич Протасевич, в это время мелиоратор Нижнедевицкого уезда, выступавший содокладчиком Платонова на мелиоративном совещании в июле 1925 г. (см.: Губернское мелиоративное совещание // *Воронежская коммуна*. 1925. 24 июля. С. 3; Андрей Платонов. Личное дело. Научно-популярное издание. Воронеж, 2013. С. 197, 205). 4 января вместе с руководством ГЗУ Платонов подписывает телеграмму Протасевичу с приглашением занять должность инспектора.

Не менее острой для губмелиоратора Платонова была проблема связей подотдела с уездами. По собственной работе в Воронежском ГЗУ Платонов прекрасно понимал, что успех мелиоративных работ напрямую зависит от постановки дела в уездах. Судя по документам Тамбовского ГЗУ, сотрудники подотдела мелиорации редко выезжали в уезды, последние командировки в уезды бывшего заведующего А.Я. Барабанова датируются 1924 г. (см.: *ГАТО*. Ф. Р–946. Оп. 2. Ед. хр. 2049. Л. 12–13 об.). О последствиях подобной постановки работы Платонов напишет в докладной записке от 29 января: «Не практиковавшиеся до сих пор выезды и живая связь руководителей работ в уезды и деревни имели пагубное влияние на работы, — в пределах отпущенных средств и целесообразности, в этом году выезды губ<ернских> специалистов по мелиорации должны иметь место». В этой же докладной он пишет о необходимости его поездки в Козловский и Кирсановский уезды — «для выяснения степени подготовленности уездов к строит<ельной> кампании 1927 г., проверки действительности и целесообразности наших новых инструкций, осмотра работ, проверки техн<ического> персонала, выяснения и разрешения на месте всех недоумений и противоречий и т. п.» (*ГАТО*. Ф. Р–946. Оп. 2. Ед. хр. 3586. Л. 4; *Ходякова*. С. 165). В командировку по уездам Платонов выехал 2 февраля, а вернулся, скорее всего, 11, а не 12 февраля, как указано в его «рапорте» (см.: *Ходякова*. С. 168).

Пока Платонов находился в поездке по уездам, пришло согласие Протасевича занять предлагаемую ему должность инспектора мелиоративных работ. Приложенное к его письму «краткое curriculum vitae», казалось бы, не оставляло сомнений в поддержке предложенной Платоновым кандидатуры инженера Протасевича: Нижегородское среднее механико-техническое училище, Варшавский политехнический институт; на практической работе с 1913 г., служил в Нижегородском управлении земледелия в должности гидротехника (производил работы по осушению болот, устройству плотин, планировке лугов, всевозможным изысканиям и составлению проектов, смет), в Запорожском губернском земельном отделе на должности гидротехника; с открытием общественно-мелиоративных работ был приглашен на службу в Воронежское губземуправление, где занимал должность уездного мелиоратора и производителя работ по Нижнедевицкому уезду, успешно руководил и провел всю кампанию общественных работ, заключающуюся в сооружении многих десятков плотин (прудов), колодцев, дорожных дамб, мостов и т. п. 11 февраля Платонов представляет на письме Протасевича свою визу: «В секцию 3-лей. Просьба согласовать прием инж. Протасевича на должность губ. инспектора работ. Губ. мел-ор А. Платонов». Отправляя все документы в местную секцию землеустроителей, которая курировалась московским ЦК Союза, Платонов, очевидно, даже не предполагал, что его кандидатура не будет поддержана. 11 февраля датируются еще два документа, на которых имеется подпись Платонова. Телеграмма Протасевичу: «Подтверждаем согласие должность инспектора условиях нашего 26266 <номер письма-приглашения от 4 января> приезд первого марта» и ответная телеграмма Протасевича на имя Платонова: «Согласен. Выезжаю Зенкевичу хлопотать. Результаты телеграфирую. Протасевич, на которой Платоновым представлена дата «11/II» и сделана запись: «А.Я. Барабанову». Официально Платонов вернулся из командировки 12 февраля, поэтому он, очевидно, доверил именно инженеру Барабанову провести официальное согласование кандидатуры Протасевича в профсоюзной секции землеустроителей. О том, что согласования не получилось, свидетельствует документ, также датированный 11 февраля. Это решение секции землеустроителей на бланке с печатью Всеработземлеса: «В Губземуправление. Возвращая при сем переписку о приглашении на службу тов. ПРОТАСЕВИЧА, Губотдел союза не находит возможным согласовать прием его на должность инспектора работ, в принципе не возражая против открытия этой должности при П/о Мелиорации». Из пометы на этом документе — «Получено 22/II» — следует, что бумага лишь зафиксировала итог переговоров Барабанова с руководством секции землеустроителей, состоявшихся 11 февраля. О том, что неутешительный итог был доложен Платонову до получения официальной бумаги, свидетельствует телеграмма, отправленная им Протасевичу в Нижнедевицк 14 февраля: «Не выезжайте. Служите Воронежской. Подробности письмом. Платонов» (история приглашения Протасевича дается по материалам переписки ГЗУ: ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 1491. Л. 69–83).

Это было самое крупное поражение для Платонова как губернского мелиоратора, о чем он напишет в письме жене 15 февраля: «Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы. Я не люблю тебе об этом писать и пи-

шу коротко. <...> Но все же скажу, что служить здесь никак нельзя. Правда на моей стороне, но я один, а моих противников — легион, и все они меж собой кумовья (Тамбов — гоголевская провинция). И это чепуха, но я просто не хочу связываться и тратить попусту силы. А я и так их здесь потратил много. Меня, конечно, отсюда ГЗУ пускать не будет. НКЗ будет всячески протестовать и гнать меня обратно. Но я уже решился. Здесь просто опасно служить. Воспользуются каким-нибудь моим случайным техническим промахом и поведут против меня такую кампанию, что погубят меня. Просто задавят грубым количеством. Сегодня было у меня огромное сражение с противниками дела и здравого смысла. И я, знаешь, услышал такую фразу, обращенную ко мне: «Платонов, тебе это даром не пройдет. Нам дома стены помогают»» (*Письма*. С. 218–219). Руководство ГЗУ еще боролось за приглашение инженера Протасевича, однако тот все-таки в большей степени доверял Платонову и в Тамбов не поехал. Эта история, напрямую связанная с отношениями Платонова с ЦК Союза и его скандальным увольнением из головной профсоюзной организации, фигурирует и в официальном объяснении Платонова причины его отъезда из Тамбова: «В Тамбове обстановка была настолько тяжелая, что я, пробившись около 4 месяцев, попросил освободить меня от работы, т<ак> к<ак> не верил в успех работ, за которые я отвечал, но организация которых от меня мало зависела. Это было расценено чуть не как саботаж. А между тем мешала всему делу как раз Тамбовская секция землеустроителей (при ГО профсоюза). Об этой секции великолепно знал ЦК. Он посылал туда для обследования своих людей. Ответств<енный> секретарь секции за что-то был отдан под суд и т. д. Но всё фактически оставалось по-прежнему. Тамбовские инженеры-мелиораторы, с которыми я работал, вполне разделяли мою точку зрения, разделял ее и НКЗем. Но я бился как окровавленный кулак и, измучившись, уехал, предпочитая быть безработным в Москве, чем провалиться в Тамбове на работах и смазать свою репутацию работника, с таким трудом нажитую» (*Письма*. С. 246. ГО — губернский отдел).

В феврале и начале марта Платонов выезжает в Москву для решения в НКЗ вопросов отпуска денежных средств на огнестойкое строительство, принимает участие в мелиоративном совещании в Курске, направляет в командировку в Козловский и Кирсановский уезды сотрудника подотдела, техника по огнестойкому строительству Ивана Васильевича Шмакова, но уже в начале марта ставит вопрос о своем уходе. 17 марта он передал дела своему преемнику; приказ об освобождении от занимаемой им должности подписан 23 марта (*Ходякова*. С. 168).

После возвращения из Тамбова Платонову будет предложена работа в НКЗ, однако не в Москве, как он рассчитывал (см.: *Письма*. С. 210), а в провинции. Это предложение он не примет. Москва встретила Платонова ворохом нерешенных вопросов. Он устраивается на работу в Центросоюз, однако уже в июле попадает под сокращение (Письмо к Марии Александровне от 14 июля 1927 г. // Там же. С. 238; в настоящее время эта страница биографии Платонова остается недокументированной), пытается наладить отношения со сценарным отделом московской фабрики «Совкино» (см. преамбулу к разделу «Сценарии», с. 738–741). Критическим оставался жилищный вопрос,

длилась мучительная история выселения семьи Платонова из Дома специалистов. 21 июня на заседании секретариата земсекции слушалось заявление Платонова «о продлении срока проживания в ЦДС до 21 августа с. г. и заявление его об отказе от предложенной ему работы». В связи с тем, что Платонов отказался «ехать на работу в качестве губмелиоратора в одну из губерний Центрального района» и выразил «нежелание занять должность губмелиоратора в Туле», было принято постановление: разрешение его семье «права жительства в ЦДС до 21 августа» передать на рассмотрение президиума оргкомитета ЦДС» (Первый год московской жизни А. Платонова. С. 641). В тот же день состоялось заседание президиума оргкомитета ЦДС, на котором было принято другое решение: «Принимая во внимание, что г. Платонову со стороны ЦБ землеустроительной секции была предоставлена фактическая возможность получения работы в качестве губмелиоратора в Тамбовской губ. и губмелиоратора в одной из губерний Центральной полосы (в частности, в Туле), а также отказ его от работы <...> считать дальнейшее пребывание Платонова в Центральном доме специалистов невозможным и предложить ему освободить это помещение в ЦДС в двухнедельный срок со дня предупреждения его об этом» (Там же). Переписку с должностными лицами разных уровней Платонов вел по этому вопросу до осени, на 13 сентября было назначено судебное слушание дела о выселении Платонова из ЦДС (см.: *Архив*. С. 596–598). До суда дело не дойдет, Платоновы освободят комнату в Доме специалистов и начнут снимать жилье на окраине Москвы. Тотальная бездомность, состояние которой будут остро переживать герои Платонова, в полной мере пережита самим автором, пережита с тысячами бездомных и безработных советской России.

«Я снова остался в Москве без работы и почти без надежды» (Письмо от августа 1927 г. // *Письма*. С. 246) — таков был итог первого московского года жизни Платонова.

Краткая хроника основных событий производственной службы Платонова второй половины 1926 и 1927 гг., реконструированная на основании выявленных к настоящему времени документальных источников, самыми разными темами, сюжетами и мотивами войдет в написанное им в эти годы. Лично пережитое становилось материалом для художественного творчества — отсюда автобиографический характер повестей и рассказов Платонова 1926–1927 гг. Произведения этих лет хранят множество автоописаний пережитого Платоновым в пору вхождения во всесоюзную литературную жизнь. Так, например, в фантастическом рассказе «Лунные изыскания» (датируется первой половиной 1926 г.) исполненная иронии литературная игра с главными текстов и именами авторов завершается вполне реалистическим самописанием состояния Платонова лета 1926 г., когда он после Воронежа оказался в Москве и возвращался к своему «основному и телесному» — литературному творчеству: «Крейццопа поразил книжный мир: он никогда не имел времени для чтения. И он мыл и промывал свой мозг, затесненный узким страданием, однообразным трудом и глухою тоскою. Он увидел совсем новых людей — мрачных, горячих, подводных, ревущих страстью и восторгом, гибнущих в просторе мысли, торжествующих на квадратном метре в каменной нише в стене, отдающих любимую за странствие, ищущих правед-

ную землю и находящихся пустыню <...> Люди шли перед Крейцкопфом не как толпа, а как странники, нищие, как бродяги, бредущие зря с туманными глазами. Крейцкопф отметил: литература, это учение о людях, не знает счастья, а самое счастье, где оно есть, лишь предсказывает близкую беду и землетрясение души» (*Сочинения, 1(1)*. С. 115).

Как заметил Л. Шубин, впервые обративший внимание на сложнейшие узлы «взаимобусловленности» и «взаимопроницаемости» биографии и творчества Платонова: «Если справедливо, что смысл жизни человека раскрывается в самой его жизни, то в творчестве смысл прожитой писателем жизни высветляется и становится доступным и внятными всем людям» (*Шубин*. С. 40, 42).

Не совсем удачными в первый московский год оказались попытки Платонова наладить отношения со столичными литературными изданиями. У этого были свои веские причины, коренящиеся как в литературно-политической ситуации времени, так и в складе личности самого писателя. В отличие от своих современников, как и он пришедших в литературу с революцией, Платонов слишком задержался с полновесным вхождением во всесоюзную литературную жизнь. Ко времени его приезда в Москву многие ровесники Платонова уже были признаны классиками новой литературы, имели изданные сборники и даже собрания сочинений. У Платонова — лишь несколько публикаций в московских тонких журналах и колоссальный опыт работы в провинции, работы, далекой от литературных страстей эпохи. Этот жизненный опыт напрямую проявил себя уже в первой написанной в Москве статье «Фабрика литературы» — в его жестких и убийственно иронических оценках современной литературы и столичной литературной жизни. Статья подтверждает, что, как и во время своего «выхода из литературы» 1923–1925 гг., Платонов продолжает пристально следить за литературными сражениями группировок, их декларациями и прожектами, разворачивающимися дискуссиями. Следит, но ни к одной из литературных партий не примыкает. Это сказалось в том, что ни один из московских журналов ни летом 1926-го, ни в 1927 г. не напечатает «Фабрику литературы» и другие литературные пародии Платонова.

Нельзя не учитывать и текущий политический момент времени вхождения писателя в столичную литературную жизнь. Осень 1926-го и весь 1927 год проходят под знаком борьбы с оппозицией в партии, в которую оказались втянуты писатели и ведущие критики. Внутрипартийная полемика вокруг вопроса о мировой революции и возможности построения социализма в отдельно взятой стране приобретала вполне практический смысл борьбы за власть, в литературной жизни этой борьбой за власть окрашены все проходившие кампании и дискуссии: о Есенине и «есенинщине», читателе и рабочей критике, отношениях писателя и критика, молодежи и комсомольской литературе, создании Федерации объединений советских писателей, рабкорах и литературе и т. п. Внутрипартийная борьба, исход которой оставался неясным до конца 1927 г. (исключение вождей оппозиции из партии), накалила литературно-критические споры между лидерами попутчиков и пролетарских писательских организаций (ВАПП, ЛЕФ) и расколола сами писательские организации.

За приехавшим в Москву Платоновым фактически никто не стоял — ни своя литературная среда, ни литературная группа. Политическими и литературными обстоятельствами 1926 г. можно отчасти объяснить, почему не отвечает А.К. Воронский, редактор журнала «Красная новь» и один из столпов литературной жизни первого советского десятилетия, на просьбу Платонова помочь ему преодолеть гибельную ситуацию первого московского года жизни и опубликовать его новые произведения. К Воронскому Платонов обратился уже 27 июля 1926 г., т. е. сразу после увольнения из ЦК Союза. В небольшом письме Платонов попытался рассказать о себе и обстоятельствах, в которых он оказался в Москве: «Эти два года я был на больших и тяжелых работах (мелиоративных), руководя ими в Воронежской губернии. Теперь я, благодаря смычке разных гибельных обстоятельств, очутился в Москве и без работы. Отчасти в этом повинна страсть к размышлению и писательству. И я спую и не знаю, что мне делать, хотя делать кое-что умею (я построил 800 плотин и 3 электростанции и еще много работ по осушению, орошению и пр.). Но пишу и думаю я еще больше по количеству и еще более давно по времени, и это мое основное и телесное. Посылаю вам 4 стихотворения, 1 статью и 1 небольшой рассказ — все для “Красной нови”. Убедительно прошу это прочитать и напечатать. Я знаю, что вас и так заваливают просьбами и материалами, но я обращаюсь в первый раз» (*Письма*. С. 157).

Вряд ли летом 1926 г. Воронского мог заинтересовать практически неизвестный ему писатель с такой производственной биографией, как у Платонова. И у этого был ряд веских причин как политического, так и литературного характера: поддержка Воронским платформы оппозиции в партии дала его оппонентам из ВАППа дополнительный аргумент для обвинения ведущего критика в «литературном троцкизме»; Воронский весьма скептически отнесся к созданию Федерации объединений советских писателей, инициированному Отделом печати ЦК; в мае 1926 г. разразился политический скандал вокруг повести Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны», посвященной Воронскому, и т. п. В июне 1926 г. вся литературная Москва обсуждает статью Воронского «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (*Кр. новь*. 1926. № 5), являющуюся ответом на обвинения лидера ВАППа критика Л. Авербаха, которого Воронский открыто уличал в разнузданной клевете и развале пролетарских организаций и изданий (подробно см.: *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 152–154, 166–168). Разошелся Воронский с ВАПП и еще по одному актуальному литературно-политическому вопросу — о призыве рабочих в пролетарскую литературу и рабочем писательстве. Если в 1922 г. в полемике с русской эмиграцией и внутренними эмигрантами Воронский утверждал, что новая литература советской России — это литература «русского демоса», то к середине десятилетия, во многом следуя за Л. Троцким, выступил последовательным оппонентом рабочего писательства. Платонов 1926 г., в том числе в его письме Воронскому, очень напоминает образ непрофессионального литератора из рабочей среды, воссозданный критиком в статье «Художественная литература и рабкоры (О простых истинах и простом писателе)»: «Разбросаны эти первые опыты в газетах, в еженедельниках, в профессиональных изданиях, не делающих большой литературной погоды. Напечатано таких произведе-

ний не много, но и не мало. А еще больше их пишут. Их пишут не профессиональные литераторы, а люди разных возрастов, но преимущественно из рабочей молодежи, до сих пор связанные с фабрикой и производством, их пишут в промежутки, между “делом”, в немногие свободные часы для отдыха, их пишут неустановившимся, ломающимся почерком, с грубейшими грамматическими и синтаксическими ошибками, их пишут потому, что не могут не писать, под напором, под наплывом мыслей, чувств и настроений, — потому что эти чувства и настроения требуют бумаги и пера, их пишут многие, хотя они и не являются еще художниками» (*Кр. новь*. 1926. № 3. С. 230).

Написанная «производственником» Платоновым, в том числе для «Красной нови», статья «Фабрика литературы» отчасти опровергает это отношение ведущего критика к рабочему писательству. Однако и оппоненты Воронского не спешили печатать Платонова, хотя авангардная «Фабрика литературы» вполне вписывалась в круг вопросов, обсуждаемых на страницах «Октября» и в выступлениях лефовцев.

Трудно сказать, как сложилась бы и сложилась ли бы вообще литературная судьба Платонова, если бы не поддержка Г.З. Литвина-Молотова, хорошо знавшего Платонова по Воронежу начала 1920-х гг., редактора его поэтической книги «Голубая глубина», в это время — члена правления издательства «Молодая гвардия». Перед отъездом в Тамбов Платонов встречается с Молотовым и, судя по письмам из Тамбова, обговаривает с редактором некоторые издательские проекты. Остающейся в Москве жене он поручает ведение его литературных дел.

В Тамбов Платонов увозил собственный литературный архив — рукописи стихов, рассказов, статей, папку с автографом повести «Эфирный тракт». В Тамбове его ждала ежедневная тяжелейшая производственная работа и масштабный прорыв в творчестве. Тут возник, а потом пошел нарастать колоссальный взрыв, выброс творческой энергии, которые, кажется, сама русская история и современность исторгли из себя самой, словно предназначив ее для Платонова. Он составляет новую книгу стихов «Поющие думы», дорабатывает рассказы и уже 1 января завершает работу над первым большим эпическим произведением — фантастической повестью «Эфирный тракт». Работа над повестью идет трудно и мучительно, слишком большой круг современной исторической, политической, философской, научной, технической проблематики новой России в ней затронут. К этому времени у Платонова накопилось немало набросков на темы старого и нового быта, фантастических сюжетов, философских и научно-технических проектов — фантастика, ставшая впервые в русской литературе популярной именно в 1920-е гг., привлекала и Платонова. Привлекала не только близким ему, имеющему уже первые патенты на изобретения, новым героем — изобретателем и ученым, но и открывавшимися в ней повествовательными возможностями: «конструировать мир по своим собственным законам», «передать новое, принципиально отличающееся от дореволюционного, мироощущение», «выстроить новую схему взаимосвязей быта, бытия и события, подчиненную воле автора, а не условиям» (*Николаев Д.Д.* Русская проза 1920–1930-х годов. Авантюрная, фантастическая и историческая проза. М., 2006. С. 227). Через неделю после завершения «Эфирного тракта» он приступает к

работе над исторической повестью «Епифанские шлюзы», расширяя тему научно-технической модернизации России не в будущее, как в фантастической повести, а в прошлое. Эпоха Петра I и богатейшая историческая и литературная традиция осмысления петровских преобразований русской жизни открывали возможность высказаться не только о прошлом, но и об актуальном настоящем. На историю строительства епифанских шлюзов проецируются у Платонова не только социально-экономические проекты, широко обсуждаемые на рубеже 1926 и 1927 гг. (строительство Волго-Донского канала, Днепрогэса), но и уникальный собственный производственный и инженерный опыт. Рукопись «Епифанских шлюзов» почти не имеет правки и выполнена, как признавался сам Платонов, «славянской вязью — тягучим слогом» (Письмо от 25 января 1927 г. // *Письма*. С. 198). В отличие от стиливой разнородности фантастической повести стиль «Епифанских шлюзов» эпически ровен, всепроникающ и внутренне свободен — вопреки драматическим событиям и катастрофическому финалу героя, о которых рассказывает повесть. К 25 января работа над исторической повестью была завершена. После фантастической и исторической повестей Платонов вновь обращается к текущей современности и пишет рассказы. В начале марта создается «Город Градов (Заметки командированного)», небольшой рассказ, который в течение месяца будет превращен им в повесть, являющуюся полновесной энциклопедией современных проектов преобразования русской жизни и включающую широкий круг самых жгучих политических и экономических вопросов начала 1927 г., которые звучали на проходивших в январе по всей стране партийных конференциях, в выступлениях лидеров партии и оппозиции и с которыми напрямую связано высказывание партии по вопросам русской литературы («Злые заметки» Н. Бухарина, опубликованные 12 января в газете «Правда»). На материале жизни губернского города Градова Платонов предложил собственный социально-политический анализ фантастических, исторических и современных проектов модернизации русской жизни. Повесть «Город Градов» и сатирические произведения 1927 г., явившие платоновский «синтез фантастики с бытом» (Е. Замятин «О синтетизме», 1922), открывают направление сатиры Платонова, вплоть до знаменитой повести «Впрок (Бедняцкая хроника)». Это — социальная сатира, сатира самокритическая и одновременно уничтожающая систему языком того «отсталого рабачего», в близости к которому позже признавался сам Платонов.

В Тамбове рождаются замыслы большого романа о Пугачеве, повести о детстве, любовной эпистолярной повести, фантастических рассказов и философских эссе. В каждом из произведений он брал содержание из новой сферы жизни, последовательно искал новые формы художественного воплощения, экспериментировал с формой повествования и формулой «автора». И еще — почти каждый день, а точнее, ночь, когда он только и мог работать, Платонов откладывал рукопись и писал пронзительные письма жене в Москву. Письма проливают особый свет на обостренные духовные поиски героев его повестей и рассказов 1927 г., входят важной лирической составляющей в эстетику писателя. Личные темы из писем переходят в творчество, где расширяют границы индивидуального и кристаллизуются в тему едва ли не главной национальной и общекультурной трагедии XX в. — разрушения

дома и сиротства человека в новом веке. Это главная тема его писем к жене и глубинная тема творчества: «Единственное утешение для меня, это писать тебе письма и кончать “Эфирный тракт”. В ГЗУ — отвратительно. Вот когда я оставлен наедине с своей собственной душой и старыми мучительными мыслями. Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь и искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность. Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой “тамбов”. Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?» (Письмо от 11 декабря 1926 г. // *Письма*. С. 173). В письмах Платонов проговаривает потаенные вопросы самоопределения на литературном поприще, рефлектирует о творчестве и собственной писательской судьбе: «Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — “муза” мне не изменит. С ней мы действительно одно. Она — это мой пол в душе» (Письмо от 5–6 января 1927 г. // Там же. С. 188). В тамбовских письмах впервые кристаллизуется тема литературы и русской провинции, той глубинки, куда отправятся вскоре из «верховного руководящего города» («Впрок») его герои, «душевные бедняки»: «Поездка моя по уездам была тяжела. В Козлове я ночевал на вокзале. <...> спал с безработными в III классе. Я узнал много жестокого и нового от безработных. <...> Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, теплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и пр<очее>. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье, а не в блестящей, но поверхностной Москве» (Там же. С. 214–215). Это написано 13 февраля, сразу после возвращения из десятидневной командировки в Козловский и Кирсановский уезды.

Письма к любимой жене открыли и главного литературного «спутника» Платонова тамбовского периода — Пушкина. В написанной перед отъездом в Тамбов статье «Фабрика литературы» Пушкин возглавляет у Платонова авторитетный ряд русских и зарубежных писателей, работающих с реальными документами описываемой эпохи. Тамбов в письмах к Марии Александровне, как и Болдино в письмах Пушкина к Наталье Николаевне, выглядит сколь реалистической, столь и символической тюрьмой, в которой, с одной стороны, переживается двойственность положения, неуверенность в возможности счастья и брака, с другой — именно здесь совершается прорыв в творчестве. Пушкинская тема невольного «заточения» и разлуки с любимой развивается в письмах и прозе Платонова не без прямой оглядки на письма Пушкина. Те же, что у Пушкина, темы: безумная ревность, мольба о любви, безденежье, долги, «судьбины гнев», тоска, окружение, литературное одиночество, литературная слава, физическая смерть, «рынок», невозможность вырваться, страх утраты любимой, отход от столичных литературных тем... И преодоление непреодолимого в одной лишь сфере — в творчестве. Любимая пушкинская характеристика написанного в изгнании — «Я, душа моя, написал пропасть полемических статей...» (Письмо А. Дельвигу от 4 ноября

1830 г. // *Пушкин А.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1950. Т. 10. С. 314. Далее указываются том и страница данного изд.) — появляется и у Платонова: «Я такую пропашть пишу, что у меня сейчас трясется рука» (Письмо от 30 января 1927 г. // *Письма.* С. 207). Через образ пушкинского «вшивого рынка» — «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок» (Письмо М. Погодину от 7 апреля 1834 г. // 10, 470) — формулируется установка Платонова на создание романа о Пугачеве (еще одна отсылка к Пушкину, который писал «Историю Пугачевского бунта» — «для себя»): «Я хоч в Пугачеве работать для себя, а не для рынка. Будь он проклят!» (Письмо от 28 января 1927 г. // *Письма.* С. 204). К формальному «эксперименту», занимающему большое место в исканиях Платонова 1926–1927 гг., писатель добавит понятие из пушкинской традиции творчества как «священной жертвы» («Поэт», 1827): «Вообще, настоящий писатель это жертва и экспериментатор в одном лице. Но не нарочно это делается, а само собой так получается» (Письмо от 3 июля 1927 г. // *Письма.* С. 228). В этой математически краткой формуле можно прочесть платоновский ответ на идущие от 1910-х гг. споры вокруг пушкинского исповедания отделения себя-человека от себя-поэта, принудительного молчания в творчестве о некоторых сторонах своей души (В. Брюсов. «Священная жертва», 1905), а также на ставшую одним из событий литературной жизни начала 1920-х гг. полемику между поэтом В. Ходасевичем и формалистами о феномене Пушкина, сути искусства, отношениях между поэтом и человеком, творчеством и личностью, эстетикой и этикой. Если формалисты настаивали на разграничении жизни и творчества Пушкина, предлагали посмотреть на открытия Пушкина и историю русской литературы как на смену литературных форм, а на биографический материал как на один из элементов формального эксперимента, то Ходасевич (и не только он) настаивали на бесценности пушкинского понимания отношений жизни и искусства, «правдивости», «точности», «насквозь» автобиографичности его лирики (*Ходасевич В.* О чтении Пушкина (К 125-летию со дня рождения)» [1924] // *Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 118–119), а формалистское «отсечение формы от содержания и главенство формы» определяли как «писаревщину наизнанку» (*Ходасевич В.* Колеблемый треножник [1921] // Там же. С. 82). Пушкинская тема безусловной откровенности («искренности») автора в открытой исповеди и сокровенности в «хладнокровной прозе» (Письмо П. Вяземскому от ноября 1825 г. // 10, 190) диктует Платонову: «Смешивать меня с моими сочинениями — явное помешательство. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная — что я никому не нужен по-настоящему» (Письмо от 26 января 1927 г. // *Письма.* С. 200). Пушкин помогает в кристаллизации темы верной музы, посещающей поэта только в уединении. Через путь Пушкина и с пушкинскими смыслами оформляется в письмах, рассказах и повестях 1927 г. сюжет литературного центра и русской провинции как едва ли не главный в творчестве Платонова со времени тамбовской ссылки и до конца жизни писателя. На одном полюсе оказываются собственная и массовая неустроенная жизнь, на другом — «блестящая, но поверхностная Москва» (Письмо от 13 февраля 1927 г.).

Высокую эстетику уездной жизни открывают «Епифанские шлюзы» и «Город Градов» — пушкинские по своей эстетической доминанте произведения, написанные в Тамбове. Если художественная идеология исторической повести ориентирована на главный петербургский текст Пушкина («Медный всадник»), то современный «Город Градов» — на «Историю села Горюхина», из которой залетели в Градов некоторые образы и детали: «темные предания» (6, 191), «вольные хлебопашцы» (6, 186), «ужасный пожар» (6, 183), изготовленные детьми из летописей змеи (в Градове — из газет) и т. п. Очевидно, что и градовский сюжет с отрывными листками календаря, на которых «граждане метили свои непрерывные обязанности», в его предметно-реалистическом плане (источником «фактов» являются разделы «Официальный отдел» и «Тамбовский день» главной губернской газеты) вдохновлен пушкинской поэтикой записей на старых календарях, представляющих «полную историю моей отчизны в течение почти целого столетия в самом строгом хронологическом порядке» (6, 183). Пусть и не в таком масштабе, но в «художествах» записей градовцев прочитывается живая история России новейшего времени. Примечательно, что аналогичные детали-образы взяты Платоновым из того источника, через который обретает пушкинский рассказчик выход из жизненного и эстетического тупика. Это — низовая русская жизнь, открытая «нечаянным случаем» (6, 183; «нечаянно» — одно из любимых в словаре Платонова). В статьях о Пушкине 1937 г. Платонов подведет итог добытому им опыту спасения через Пушкина и с Пушкиным, а интерпретацию произведений Пушкина наполнит контекстом собственного творчества и собственного писательского и жизненного пути. «Как бы невзначай, непреднамеренно он [Пушкин] начинает великую русскую прозу XIX и XX веков» (статья «Пушкин — наш товарищ») — это о повороте в жизни и творчестве Пушкина, связанном с Болдинским периодом, и, можно сказать, о «болдинской осени» самого Платонова 1926–1927 гг. — тамбовском периоде жизни и творчества. (Подробно о пушкинских контекстах писем Платонова из Тамбова см.: *Корниенко Н.* Андрей Платонов по его письмам // *Письма*. С. 15–33.)

«Платонов ехал в Тамбов как инженер, но вернулся он в Москву как писатель» (*Лангерак*. С. 82). На его рабочем столе — новые рассказы, первые либретто киносценариев, философские статьи. Он завершает начатую в Тамбове подготовку первой книги прозы, перерабатывает рассказ «Город Градов» в большую повесть, с 9 апреля по 24 мая пишет повесть «Сокровенный человек», в августе реализует замысел повести о детстве («Ямская слобода»). Летом начинает работать над повестью «Строители страны», которая перерастет в роман «Чевенгур». В свет Платонова вывел Литвин-Молотов. Первым толстым журналом, опубликовавшим в 1927 г. Платонова, становится журнал «Молодая гвардия», где печатаются его повести «Епифанские шлюзы» и «Ямская слобода». В июне в издательстве «Молодая гвардия» выходит книга «Епифанские шлюзы». В планах Платонова лета 1927 г. — договор с издательством «Молодая гвардия» «на роман в 15 листов» (Письмо Марии Александровне от 9–11 июля 1927 г. // *Письма*. С. 233) и вторая книга прозы.

В орбите писательского внимания остается текущая политическая и литературная повседневность — ее темы в мельчайших деталях отразят написанные после возвращения из Тамбова произведения. В марте начинается разворачиваться самая крупная официальная кампания 1927 г. — подготовка к празднованию 10-летия Октябрьской революции. Кампания проходит на фоне борьбы с «троцкизмом» и обсуждения плана индустриализации страны. В газетах печатаются списки произведений, которыми литература может отчитаться перед славным юбилеем революции, писатели входят во всевозможные юбилейные комиссии. Платонов не пройдет мимо этой шумной кампании, откликнувшись на нее не только откровенно сатирическим рассказом «Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-летию революции)» (октябрь 1927), но и двумя новаторскими повестями — «Сокровенным человеком» и «Строителями страны».

Повестью «Сокровенный человек» Платонов принял участие в полномасштабной литературной дискуссии об изображении «живого человека», которая развернулась в 1927 г. между «интуитивистами» и «рационалистами». Полемичность повести обнаруживается уже в самом заглавии, и одновременно повесть лишена публицистичности и откровенной сатиры «градовских» текстов. В этом смысле «Сокровенный человек» также одна из самых загадочных вещей Платонова, наполненных неповторимым очарованием тайны искусства, заложенной как в выборе формулы главного героя, так и в лирической философичности повествования. Именно в этом произведении Платонов эстетически утвердил своего центрального героя — умствующего и сомневающегося человека из народа с его жесткими и одновременно присокровенными вопросами об истине к истории и культуре, прошлому, настоящему и будущему. Истина, которую открывает сокровенный человек, жестока по отношению к его индивидуальности, она лишена «неба» русской литературы XIX в., но она не отменяет правды его поиска. Этот органически умствующий герой, «интеллигент, который не вышел из народа» (Л. Шубин о Платонове; см.: *Шубин*. С. 197), подчинен одновременно идее жесткого анализа и универсального синтеза, являясь в каждой точке повествования высшим и постоянным единством материала и формы, фабулы и сюжета. В этой своей генеральной концептуальности философско-психологического содержания «сокровенный человек» генерировал принципиально новый эстетический космос, взламывая социологический и равно тематический подход к культуре и жизни. Герою повести Фоме Пухову Платонов подарит реалии своей жизни воронежского периода и времени написания «Сокровенного человека», собственные литературные, производственные и политические симпатии, а также «проклятые» вопросы философии — о смерти и бессмертии, вере в Бога, науке и коммунизме, которым посвящена его ранняя публицистика и философские эссе 1927 г. («Питомник нового человека», «О любви»). В июне Платонов предлагает повесть «Сокровенный человек» журналам «Новый мир», «Молодая гвардия» и «Красная новь», но журналы отказываются от публикации этого подлинного шедевра. В рассказе «Московское общество потребителей литературы (МОПЛ)», написанном по возвращении из Тамбова, он придумает формулу для описания собственного

положения в современной литературе: «нечитаемый писатель и пишущий читатель» (с. 261 наст. изд).

Платонов прекрасно осознавал, что написанные им повести 1927 г. представляли ту литературную революцию, о которой так много писали критики всех направлений. Он ждал отклика и признания своих современников. Об этом, как всегда, можно прочесть в его письмах к Марии Александровне — с конца июня она отдыхала с сыном в Крыму. 4 или 5 июля он получил в издательстве «Молодая гвардия» экземпляр «Епифанских шлюзов» — пока без переплета, и сразу пишет жене письмо и вместе с ним высылает книгу, на которой делает надпись: «Адресату. Анд. Пл. 5.7.27» (*Архив*. С. 487). 8 июля писатель получает книгу «Епифанские шлюзы», вышедшую теперь уже в переплете, высылает ее жене с дарственной надписью: «Марии, другу и любимой, — зреющей звезде моего разума, теплоте моего сердца. Андрей Платонов. Москва, 9/VII. 27» (Там же). В письмах он сообщает, что его хвалят всюду, что книга «Епифанские шлюзы» получила блестящие оценки, которые совсем скоро, уже в августе, когда «литературная Москва» вернется из летних отпусков, появятся в печати (*Письма*. С. 237–239) и т. п. Однако современники промолчали. В августе — сентябре появились лишь три небольшие рецензии самого общего характера: в журнале «Книга и профсоюзы» (№ 7–8. С. 48; автор — В. Дашков) и ленинградских газетах «Смена» (17 сент. С. 3. Подпись: В. Я.) и в «Красная газета» (Веч. вып. 12 окт. С. 6. Подпись: П. Р.). (О составе сборника, перипетиях его подготовки и о том, как сборник был встречен критикой, подробнее см.: *Сочинения*, 1(1). С. 502–508.)

Ведущим критикам, погруженным в литературную и политическую борьбу, в общем-то и недосуг было читать книги появившегося в Москве писателя. Не заметила книгу «Епифанские шлюзы» и критика русской эмиграции. Исключение — М. Горький, живший в это время в Сорренто и уже в июле прочитавший «Епифанские шлюзы» с карандашом в руке (книга с пометами Горького хранится в личной библиотеке А.М. Горького. № 1347). Отзыва о книге Горький, правда, не оставил, но уже с 1 августа в письмах разным адресатам он называет автора книги «Епифанские шлюзы» среди представителей «молодой русской литературы», молодых «талантливых» писателей советской России, чьи первые книги вышли в 1927 г. («Разгром» А. Фадеева, «Земля без солнца» С. Заяицкого, «Зависть» Ю. Олеши). Он рекомендует редакторам альманахов «Земля и фабрика» (письмо С.А. Обрадовичу от 1 августа), «Круг» (письмо А.Н. Тихонову от 1 августа), отдела прозы «Красной нови» (письмо Вс. Иванову от 20 января 1928 г.) привлечь их к сотрудничеству; критикам И.А. Груздеву (письмо от 19 августа), В.М. Фриче (письмо от 31 августа) обратить на них внимание, а критику Д.А. Лутохину (письмо от 27 ноября) советует включить вышедшие книги в список рецензируемых в журнале «Звезда» изданий. «Епифанские шлюзы», как и книги других молодых писателей, упоминаются Горьким в письмах к деятелям русской эмиграции — С.В. Познеру (10 августа, 15 октября), Е.Д. Кусковой (15 августа), И.В. Вольфсону (2 октября), писателям советской России (С.Н. Сергееву-Ценскому — 15 августа, Ф. Гладкову — 2 октября), Р. Роллану (29 января 1928 г.) в связи с обсуждением литературной ситуации в советской России и положения современной русской литературы: «...русских

“молодых” читаю более охотно, даже — с жадностью. Удивительное разнообразие типов у нас, и хорошая дерзость. Понравилась мне за этот год — Андрей Платонов, Заяицкий, Фадеев и Олеша» (И.В. Вольфсону // *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М., 2014. Т. 17. С. 45); «За этот год появилось четверо очень интересных людей: Заяицкий, Платонов, Фадеев, Олеша. Удивительная страна» (Ф.В. Гладкову // Там же. С. 46). В письме к С.В. Познеру от 10 августа Горький обозначит контекст современной литературы, в котором читалась им книга Платонова «Епифанские шлюзы»: «...ведь есть молодые писатели явно “идеалистического” умонастроения: Леонов, Клычков, Козырев, Платонов, Заяицкий, И. Новиков и т. д.» (Там же. С. 16. См. также: *Анненский Л.* Откровение и сокровение. Горький и Платонов // *Литературное обозрение.* 1989. № 9. С. 3–4).

Из четырнадцати вошедших в настоящий том завершённых произведений при жизни Платонова были опубликованы четыре повести (из пяти) и один рассказ (из пяти). Все статьи и сценарии остались лежать в архиве и увидели свет только в конце XX — начале XXI в.

Особенность данного тома, в сравнении с предыдущим, — значительная сохранность автографов и прижизненных машинописей. Из завершённых произведений мы не располагаем автографом только одного рассказа, название которому дается по первой строчке. Правда, в настоящее время не выявлены наборные машинописи и корректуры опубликованных при жизни писателя произведений, что оставляет открытыми некоторые вопросы эдического характера. При выборе вариантов текста предпочтение отдавалось автографу и авторизованной машинописи, в некоторых случаях учитывался печатный источник.

Все тексты произведений были сверены с авторитетными источниками — автографами, машинописями с авторской правкой, авторизованными машинописями, что позволило снять редакторскую правку, цензурные исправления и сокращения. Наличие автографов также помогло устранить дошедшие до печати ошибки машинисток и исправления, внесенные в тексты женой писателя, на которые сам Платонов не обратил внимания.

Другая особенность данного тома — наличие в автографах четырех повестей и двух рассказов авторских датировок, с указанием числа, месяца и года. В сборнике «Происхождение мастера» (1929) произведения 1927 г. печатались с датой 1926 г., о появлении которой можно высказывать разные гипотезы. Имеющиеся в автографах авторские датирующие записи подтверждаются другими документами. В тех случаях, когда работа над произведением продолжалась, в авторскую датировку вносятся коррективы. Произведения, не имеющие авторской датировки, даются с широкой датой. При датировке учитываются: характер использованной бумаги, имеющиеся пометы на полях, переписка, ближайшие реалии литературной, бытовой и политической повседневности, нашедшие отражение в тексте.

Только две повести — «Эфирный тракт» и «Город Градов» — имеют редакции. В первом случае — это рассказ, смонтированный из машинописи повести и отличающийся от текста повести сокращением больших фрагментов и авторской правкой откровенно цензурного характера. История созда-

ния рассказа описывается в комментарии. Из трех редакций повести «Город Градов» было принято решение печатать первую, представляющую самостоятельный рассказ. Вторая, промежуточная редакция, описывается в комментарии к повести.

В разделе «Сценарии» представлена кинодраматургия Платонова 1927 г.: два либретто и первый киносценарий.

В раздел «Неоконченное. Наброски» включены разные тексты, отмеченные формальными признаками незаконченного произведения.

Раздел «Подготовительные материалы» составили заявки на киносценарии 1927 — начала 1928 г.

Тексты основного корпуса произведений тома печатаются по нормам современной орфографии и пунктуации, с максимальным учетом авторского решения и выбора, зафиксированного в автографах. Сохраняются: интонационное тире, не предписанное современной нормой пунктуации, но являющееся важным элементом ритмической организации текста (характерная черта прозы поэтов); обе формы передачи рассказа в рассказе (и по правилам написания прямой речи, и без их учета); авторское написание числительных, а также авторское использование прописной буквы в самых разных наименованиях, где неправильное с современной точки зрения написание имеет свою эстетическую мотивировку.

В работе над языковой тканью текста писатель зачастую сознательно стремился к «ненормативности», используя просторечие («хочем» вместо «хотим»), «зверки» вместо «зверьки», «кочуи» вместо «кочевники»), диалектизмы («солное» вместо «соленое», «полоник» вместо «половник») или устаревшие формы слов («имянины» вместо «именины»). При подготовке издания тексты произведений воспроизводятся с сохранением речевых отклонений от литературной нормы и учетом территориального местного словоупотребления. Диалектные и устаревшие слова сопровождаются в комментарии отсылкой к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, различным словарям русского языка XIX и XX вв., а также включены в «Словарь областных слов и технических терминов» настоящего тома.

Другие случаи принятых при подготовке текстов решений, например, сохранение сокращений в сатирических рассказах, где они направлены на имитацию документа эпохи и усиление общей экспрессии текста, поясняются в комментариях. Все особенности написания в текстах, имитирующих исторические или канцелярские документы, сохраняются.

При публикации статей было принято решение сохранить авторские сокращения, как традиционные, принятые в газетах того времени («м. б.», «т. ск.», «мн. др.», «нек. др.», «губ.»), так и созданные Платоновым («литкор», «сбор. бюро»), с разными формами их написания («нац(обл)литкор», «нац-обл-литкор»). Подобная стихия сокращений не только отвечала практике публикации статей в периодике и «языку революционной эпохи» (см. об этом: *Селищев А.* Труды по русскому языку. Язык и общество. М., 2003. С. 189–203), но и вписывалась в идеологию и эстетику литературного «производственного» текста, на который в своих статьях ориентировался писатель, учитывая его базовые принципы, — экономию, технизацию и рационализацию. Тенденция к сокращению в статьях Платонова не была последователь-

ной и устойчивой, что проявилось в различном оформлении сокращений. Чтобы сохранить своеобразие текста Платонова как произведения определенной литературной эпохи и избежать дополнительных ошибок, произвольности в принятии решения об унификации, которая неизбежно ведет к новому хаосу, было принято решение полностью сохранить в статьях авторскую систему сокращений. Аббревиатуры, а также разные типы сокращенных названий, встречающиеся в текстах Платонова и использованные в комментариях, включены в «Словарь аббревиатур» настоящего тома.

При подаче текстов неоконченных произведений и набросков исправляются только очевидные опечатки, восполняются лишь необходимые знаки; сокращенные части слов открываются и даются в угловых скобках.

ПОВЕСТИ

ЭФИРНЫЙ ТРАКТ (Фантастическая повесть) (с. 7). — «Фантастика—1967» (М., 1968. С. 247–302; в сокращении).

Источники текста:

A — автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–75 об.).

M1 — переплетенная машинопись с авторской правкой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–84). На оборотах машинописи — автограф незавершенного кинематографического очерка «Турбинщики» (Л. 47 об. – 84 об.).

M2 — переплетенная машинопись с редакторской правкой и авторскими пометами (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1–84).

M3 — машинопись рассказа «Размножение (Фантастический рассказ)» с авторской правкой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1–39).

Датируется ноябрем 1926 — 2 января 1927 г.

Печатается по автографу с внесением исправлений по *M1*.

Автограф и сделанные с него три машинописные копии с авторской и редакторской правкой представляют основные источники повести. К замыслу повести можно отнести появление на оборотах автографа «Рассказа о лампе Ильича» (1926) фамилии ученого-ориенталиста Гаузера и чертежей. На первом чертеже изображены схемы: «Эфирный тракт (упорядоч<ение> элем<ентов> матер<ии>)» и «Упорядочение электрического русла». Второй чертеж, озаглавленный «Эфирный тракт», подписан: «Опытная схема беспроводной передачи энергии больших мощностей по принципу предварительного создания эфирного тракта» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 2–2 об.). Чертежи позволяют датировать замысел повести первой половиной 1926 г. Начало и окончание работы фиксируют записи на последнем листе автографа: «Конец. 2/1–27 г. 12 ч. ночи» (Л. 75 об.) и на переплете *M1*: «7/XI–26 Москва 2/1–27 Тамбов» (Л. 1). Авторская датировка начала работы, скорее всего, условно-символическая, так как совпадает с днем празднования девятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Основной корпус автографа написан в Москве. Процессуальная правка последовательно меняла варианты заглавия: «Медом по яду»; «Неповтори-

мое счастье (повесть о мужественной жизни)»; «Цветущее сердце». Окончательное название вписано на полях: «Эфирный тракт». Первоначально Платонов намеревался именовать главы: первая глава носила название «Медленная [жизнь] ночь», вторая — «Сокрушитель адова дна»; оба заглавия были вычеркнуты, остальные главы обозначались римскими цифрами. Автограф повести составной: в него вложены рукописные тексты эссе «Симфония сознания» (Л. 21–35; см.: *Сочинения*, 1(1). С. 398–410) и рассказа «Розовое масло / Масло розы» (Л. 38–40 об.; см.: *Сочинения*, 1(1). С. 533, 535). Тексты обеих вставок адаптировались к новому сюжету и героям: «Симфония сознания» стала «Песнями Аюны», Западная Европа — «Хорпайей», Россия — «Муанией», цивилизация — «литой», культура — «аюной», пролетариат — «нуалями», автор «Заката Европы» Освальд Шпенглер переименован в «Зун-Зойгу», Ницше — в «Моравенда», Рембрандт — в «Вернайю», Тициан — в «Листрейю», греческая (в другом случае — античная) лирика стала «саргонасской», «наука» уточнилась эпитетом «муанийская». Одновременно производилась смысловая правка: очерки были названы «книгами», хата — «жильем». Ту же стратегию обнаруживают исправления в рассказе «Масло розы». Вопрос Михаила: «Слышал про розовое масло?» дополнен комментарием: «...неожиданно для себя выпалил Кирпичников <...> И это его спасло, потому что ясного ответа — на вопрос о своем странствии — он не имел даже для себя» (Л. 39 об.). Дополнительную мотивировку получает решение главного героя отправиться в Америку: «Кирпичников вышел и пропал в полях. Он был доволен ночевкой <...> Кирпичников на самом деле собрался в Америку, ища там невиданных новостей жизни, заранее им радуясь, чувствуя в себе необъяснимое освобождение» (Л. 40). В ходе редактирования рассказа Платонов вычеркнул размышления главного героя: «Наша держава от того и бедна, что Бога помнит, а себя забыла. Вот я ей напомню. А то картохи да рожь, рожь да просо» (Там же) и произвел техническую замену фамилии «Коваль» на «Кирпичников». В ряде случаев фамилия главного героя осталась неисправленной, и соответствующие авторской воле изменения были произведены в настоящем издании.

Содержание заключительных глав повести охватывает период после ознакомления Марии Кирпичниковой с «Генеральным сочинением» аюнита, посвящены взрослению Егора Кирпичникова и его научным достижениям. Письма подсказывают, что Платонов работал над окончанием повести уже в Тамбове, куда он прибыл из Москвы 8 декабря 1926 г. 11 декабря 1926 г. в письме Марии Александровне он сообщал: «Единственное утешение для меня — писать тебе письма и кончать “Эфирный тракт”» (*Письма*. С. 173). В Тамбове была произведена незначительная стилистическая и смысловая правка «московского» корпуса автографа и осуществлена процессуальная и окончательная правка «тамбовских» глав. На этом этапе в автограф были внесены уточнения: «В бассейнах рек **Верхнего Дона**»; «любил свой приток благодарной семейной любовью»; «тесал на дворе сруб для укрепления хаты»; «усиленный приток питательного эфира к электронам»; «упал и умер [от усталости] усталый и удивленный». Подыскиваются синонимические выражения: «[успокоился] дал покой сердцу»; «руки его [реагировали] отвечали на все внешние раздражители»; «но открывшееся ему чудо

[науки] человеческой головы»; «обнял жизнь, жму ее, ласкаю, а никак не [кончу] оплодотворю»; «Рассуждаете, в [резиняцию] отчаяние впали?..»; «подвергается [какому-нибудь воздействию] какой-нибудь судороге»; «от другого человека она будет [фиксироваться] лишь с [незначительными вариациями] маленькой разницей»; «но убит лапой электрона, тяжелой как [тонна] пласт платины»; «По ровным цементным дорогам побегут чистоплотные автомобили <...> развоза мужиков в гости [и на крестины] к кумовьям»; «Кирпичников окончательно убедился, что розы <..> источник народного обогащения. Еще не все богаты были даже в советской стране». Конкретизируются даты: «Был [1919] 1923 год»; «В этом была философия революции, случившаяся [двадцать] восемнадцать лет назад».

19 декабря повесть еще была не окончена: «Сажусь за “Эфирный тракт” — единственное мое утешение, которое я боюсь и не спешу кончать» (*Письма*. С. 180). Окончание работы над повестью фиксирует письмо от 4 января 1927 г.: «В час ночи под Новый год я кончил “Эфирный тракт”, а потом заплакал. Сейчас он (и “Антисексус”) перепечатывается на машинке» (Там же. С. 184). На этапе подготовки машинописи Платонов вносит в название подзаголовок «Фантастическая повесть». В январе 1927 г., как свидетельствуют письма Платонова, он уже хлопотал о публикации, планируя передать машинописи, выполненные с окончательно выправленного составного автографа, в издательства. Он намеривался включить повесть во второй предполагаемый к изданию в «Молодой гвардии» сборник своей прозы «Пустые урны» (вышел под названием «Епифанские шлюзы»; см. подробно: *Сочинения*, 1(1). С. 508–509), а также предложил ее издательству «Земля и фабрика» для серии «Всемирный следопыт», ориентированной на приключенческий и научно-фантастический жанр, поручив жене разрешать возможную в этом случае коллизию интересов издателей: «Спроси у Молотова: мол, Попов (редактор “Всемирного следопыта”), просил у Платонова “Эфирный тракт”, кажется, для издания его отдельной книжкой в “ЗиФе» (*Письма*. С. 194).

Правка машинописей велась Платоновым уже в Москве, после возвращения их из издательств. Характер пожеланий «Всемирного следопыта» проясняется из записи на полях первого листа *М1*: «Вл.А. Попову. — Дневник аюнита вычеркнут. Остальное сократите или измените сами. Я буду согласен. А. Платонов». Время передачи машинописи в «ЗиФ» датируется весной — летом 1927 г., что позволяет установить адрес, указанный на последнем листе *М1*: «А.П. Платонов, Москва, Бол<ьшой> Златоустинский пер., 6, Центр<альный> Дом Специалистов». *М1* хранит следы работы неустановленного редактора; синим и красным редакторским карандашом были вычеркнуты значительные фрагменты текста: этнологическая экспозиция, описание крайней нужды и неустроенности российской глубинки 1923 г. и семьи Михаила Кирпичникова, явившиеся очевидными последствиями военного коммунизма и страшного голода, постигшего Воронежскую губернию в 1921–1922 гг. (Л. 1–3); диалог Попова с predisполкома о роли наглядной агитации (Л. 9) и «Песни Аюны» (Л. 31–37).

Авторская правка в *М1* представляет собой незначительные стилевые исправления, например: «Только успокоисься, а уж какая-нибудь [сволочь]

болячка появится! [Да, трудно вато человецье счастье на земле...] И вечно трудно человеку! Танцуй, Фаддей, крутись, Гаврила, колесо налево, оттормаживай историю!»; «Да здравствует геометрическая и гомерическая прогрессия жизни!». К подцензурной правке относится вычеркивание названия железнодорожной станции «Замогильное — Гробово тож», построенного по аналогии с наименованием одной из деревень в «Прологе» к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Горелово, Неурожайка тож» (об отношении Платонова к творчеству Некрасова см. статью «Вечер Некрасова в Коммунистическом университете» // *Сочинения*, 1(2). С. 178–179), и смена имени родного города Кирпичникова «Гробовска» на «Ржаво», позже переправленного Платоновым на «Ржавск». Цензурной правке была подвергнута характеристика председателя окружного исполкома. Вместо «маленькие любознательные глаза, острая хищная жажда организации всяких строителей и предприятий, за что ему не раз визгало от Облисполкома» стало: «любознательные глаза, острая жажда организации всего уездного человечества, за что ему слегка попадало от Облисполкома» (Л. 8). В МЗ эта фраза была вновь отредактирована: «маленькие любознательные глаза, острая хищная жажда организации всего уездного человечества, за что ему не раз объявлялись горькие укоризны от Облисполкома» (МЗ. Л. 6). В конце 1927 — начале 1928 г. Платонов сокращал в М1 значительные фрагменты текста с целью трансформации повести в фантастический рассказ «Размножение». Правя М1, Платонов проигнорировал замечание неустановленного лица (оно могло принадлежать М.Ал. Платоновой, которой он доверил править машинопись: «Если будешь читать “Эфирный тракт” <...> поправь, пожалуйста, ошибки — я ведь не читал рукописи из машинки» — *Письма*. С. 195) на полях машинописи против абзаца с внутренним монологом Попова («Ага, вот где ты пряталось, существо, скотоложество и супрематия! <...> Танцуй, Фаддей, крутись, Гаврила, колесо налево, оттормаживай историю!»: «Фад<дей> Кир<иллович> слишком много ругается!») (Л. 6). Однако абзац с «ругательствами» сохранится и в рассказе «Размножение».

Вторая машинописная копия (М2) была передана в издательство «Молодая гвардия». Повесть читали и правили несколько неустановленных редакторов, оставивших свои пометы карандашами различных цветов. Больше всего исправлений и существенных сокращений, было сделано бордовыми чернилами: предлагалось убрать отчет о сооружении термического туннеля, существенно сократить «Песни Аюны» и рассказ о последнем трагическом эксперименте над собственным мозгом Матиссена; был исключен финал с рассказом о гибели Егора Кирпичникова в Буэнос-Айресе. Вычеркивание «Генерального сочинения» аюнита (летописи Аюнии) сопровождалось оценкой: «сплошной бред» (Л. 61). В ряде случаев редакторская правка носила цензурный характер. Так из описания «русской созерцательной природы», которую любил Попов, было убрано сравнение месяца октября с кануном «геологической катастрофы»; из характеристики будущего социалистического общества: «Страсть к знанию стала новым органическим чувством человека <...> Этим чувством иногда подменялись даже непреложные экономические законы и стремление к материальному благополучию общества» (Л. 20) была целиком убрана последняя фраза. В переговорах Попова с пред-

седателем окружного исполкома было вычеркнуто: «переговорить желательно вдвоем» и упоминание, что председателю окружного исполкома «не раз влетало от Облисполкома» (Л. 8). Сокращались историософские размышления: «Так, в глубине равнинной глухой страны, где жили пахари — потомки смелых бродяг [*земного шара*], трудились два разных человека: [*один для ясной и точной цели, другой в поисках пропитания, постепенно стараясь узнать от ученого то, чего сам искал — как случайную нечаянную жизнь человека превратить в вечное господство над чудом вселенной*]»; предлагалось убрать и/или упростить психологические характеристики Фаддея Попова, поясняющие причины его самоубийства и т. п. Была предложена глубокая правка стиля. Редактор переписывает отдельные абзацы, например, вместо: «Его жена — бывшая сельская учительница, такая же сторонница немедленного физического преобразования мира, как и ее муж. Счастливая убежденность в победе любимой науки на всемирном плацдарме и помогла пережить убийственные годы ученья, нужды, издевательства обывателей и дала смелость родить двух детей. Они верили...» предлагалось: «Его жена — бывшая сельская учительница, такая же мечтательница и энтузиастка науки, как и ее муж. Они оба верили...» (Л. 18); «крохоборство борьбы» менялось на «пафос борьбы», «выходец из черепичной мастерской» — на «рабочий черепичной мастерской» (Там же); «смертельный покров над трупами таинственных цивилизаций» — на «смертельный покров над пластами таинственных цивилизаций» (Л. 19) и т. п.

В середине 1927 г. Платонов рассчитывал на скорый выход в «Молодой гвардии» второй книги своей прозы «Настоящие люди» (см. подробно: *Сочинения, 1(1)*. С. 545), в которую он предполагал включить «Эфирный тракт» вместе с повестью «Сокровенный человек» и рассказом «Лунные изыскания». Выход книги «Елифанские шлюзы» (1927) позволил ему начать переговоры о публикации авторской версии «Эфирного тракта», об этом свидетельствует помета на последнем листе *M2*, адресованная цензору Главлита И.М. Рубановскому: «Поправки слева — “верить машинке” — и др. — мои — согласованы с редактором тов. Рубановским и окончательны. Андрей Платонов» (Л. 84). Тогда же началась подготовка текста к изданию. Правка *M2* была незначительной и не повторяла *M1*. Платонов сохранил в *M2* исходную топонимику повести и напротив редакторской правки и знаков сокращений оставил маргиналии, обращенные к новому редактору: «Нужно все, что напечатано на машинке, что написано от руки, — не читать»; «Читать, что напечатано на машинке. Поправки от руки не действительны»; «верить напечатанному машинкой»; «читать по машинке. Исправленному и зачеркнутому не верить»; «верить всюду машинке, а не чернилам» и т. п. Дату последних попыток пройти цензуру и опубликовать текст *M2* зафиксировала запись на последнем листе: «1928 г.». Надежды на публикацию полного текста не осуществились — «Эфирный тракт» вновь был отклонен.

Последним обращением к тексту повести стал конец 1927 — начало 1928 г., когда Платонов с семьей проживал по указанному на последнем листе *M3* адресу: «Москва, 57, Покровское-Стрешнево, Щукинская ул., 13». В это время *M3* была разрезана на части, которые затем были наклеены на чистые листы бумаги. Новый сокращенный текст получил название «Раз-

множение» с подзаголовком «Фантастический рассказ». В него не вошли: описание юности Михаила Кирпичникова и мелиоративные опыты Матиссена, постройка термического туннеля, «Песни Аюны», встреча с Феодосием (адаптированный текст рассказа «Масло розы»), «Генеральное сочинение» (летопись Аюнии) и сюжетная линия, повествующая о любви Валентины Кроховой к Егору Кирпичникову. В новом тексте Платонов меняет название железнодорожной станции «Замогильное — Грбово тож» на «Ржаво» и города «Грбовска» на «Ржавск» (Л. 4). Новые названия восходят к наименованию реально существующего города и одноименной узловой железнодорожной станции «Ржава», расположенных в районе крупнейшего в мире железорудного бассейна, так называемой Курской магнитной аномалии, охватившей собой территории Орловской, Курской и Воронежской губерний, где на местах геофизических экспедиций Э.Е. Лейста (1898–1912) и П.П. Лазарева (1919–1923) в 1923 г. начал эксперимент по «размножению» железорудного «хребта» и подъему его на земную поверхность героин платоновской повести ученый-физик Фаддей Попов. Чтобы избежать потери смысла, возникшей после сокращения больших фрагментов повести, Платонов ввел в рассказ поясняющие фразы и целые абзацы, обнаружив при этом заботу о сохранении внутренней хронологии. Хронометрия повести, от которой Платонов не отказался и в рассказе «Размножение», отмечена следующими вехами. Завязка фантастической фабулы приходится на 1923 г., когда Михаил Кирпичников встречается с Фаддеем Поповым. Зимой 1924 г. Попов совершает самоубийство, в августе 1924 г. Кирпичников покидает Грбовск для продолжения образования. Спустя полные восемь лет после ухода из Грбовска и десять лет со дня смерти Попова, в декабре 1933 г., начинаются его работы на стройке термического туннеля. Постройка завершается в ноябре 1934 г. В апреле 1935 г. Кирпичников встречается в Волошине с Матиссеном, в октябре того же года посещает город детства и направляется в десятимесячное странствование в Америку, оставив в Москве жену с двумя сыновьями. В августе 1936 г. на пути домой в возрасте тридцати трех лет он погибает. Убрав в рассказе описание юности Кирпичникова и дальнейшие перипетии, Платонов оставил содержательно не заполненным временной отрезок фабулы с 1923 по 1935 г. и компенсировал компрессию в *МЗ* рукописными вставками. Вместо: «Десять месяцев прошло, как ушел Михаил из Москвы» (*М1*. Л. 45) в *МЗ* вписано: «Десять лет прошло, как ушел Михаил из Ржавска. Благодаря своей энергии и пролетарскому времени, он кончил рабфак и Электротехнический Институт. Теперь он попал в Америку — внешне: в научную командировку, а внутренне — для поисков решения задачи мертвого Попова» (Л. 11). Исключив из рассказа историю любви Егора Кирпичникова и Валентины Кроховой, Платонов изменил текст последнего письма Егора к матери, где вместо: «Привет Валентине. Я думаю о ней, ночуя в стогах сена и куренях рыбаков. Я тоскую о вас обоих <...> мне хорошо думать о своей милой матери и любимой подруге» (*А*. Л. 75 об.) в *МЗ* стало: «Я думаю о тебе, ночуя в стогах сена и куренях рыбаков. Я тоскую о тебе <...> мне хорошо думать о своей милой матери и неотомщенном отце» (Л. 31).

Исправления, приспособивавшие текст повести к смысловым потерям, а также стиливая и смысловая подцензурная правка, призванная облегчить

его прохождение в издательствах, в настоящем издании не были приняты. В то же время была учтена авторская воля видеть повесть опубликованной без купюр, согласно тексту, запечатленному автографом и послужившему источником всех трех машинописей.

Реалии повести «Эфирный тракт» включили в себя целый ряд фактов личной и трудовой биографии автора: службу в железнодорожных мастерских, обучение в железнодорожном политехникуме и в Воронежском университете на филологическом факультете, смерть брата и сестры писателя, работу невесты Платонова Марии Кашинцевой учительницей в селе Волошине Верхне-Хавской волости, рождение сына Платона, вступление в кандидаты в члены РКП(б), службу в Губземчека, руководство комиссией по постройке оросительных установок, изобретательскую деятельность (по усовершенствованию турбины внутреннего сгорания, обмотки трансформатора). Автобиографичность образа Михаила Кирпичникова была отмечена первым читателем «Эфирного тракта» М.Ал. Платоновой. В письме от 26 января 1927 г. Платонов наставлял: «Прежде всего — Кирпичников — это не я. И вот почему. Мои идеалы однообразны и постоянны. Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. <...> А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать. <...> Кирпичников носит мои черты только отчасти. <...> Смешивать меня с моими сочинениями — явное помешательство. Истинного себя я еще никогда и никому не показывал и едва ли когда покажу. Этому есть много серьезных причин, а главная — что я никому не нужен по-настоящему» (*Письма*. С. 199–200). В письме жене от 15 февраля 1927 г. писатель вновь подчеркнул различие: «Не помню, где — в Москве или в Тамбове — я видел сон, что говорю с Михаилом Кирпичниковым (я тогда писал “Эфирный тракт”), и через день я умертвил его» (*Письма*. С. 219). В то же время Платонов не отрицал черт духовного сходства: «Герои “Лунных изысканий”, “Эфирного тракта”, “Епифанских шлюзов” — все гибнут, имея, однако, право и возможность на любовь очень высокого стиля и счастья бешеного напряжения. Невольно всюду я запечатлеваю тебя и себя, внося лишь детали» (Письмо М.Ал. Платоновой от 30 января 1927 г. // *Письма*. С. 209).

В «Эфирном тракте» были сведены, в ряде случаев, с использованием приема монтажа, фрагменты текстов, темы и мотивы ранней воронежской бытовой и фантастической прозы. Кроме уже названных «Масло розы» и «Симфонии сознания», Платонов смонтировал в повесть элементы рассказов «Лунные изыскания», «Сатана мысли» и «Антисексус». Из цикла рассказов «Приключения Баклажанова» в доклад Михаила Кирпичникова Центральному совету труда о строительстве термического туннеля с незначительными изменениями вошел «Доклад Управления работ по гидрофикации центральной Азии» (см.: *Сочинения*, 1(1). С. 212). В докладе Баклажанова обоснован новый метод управления миром с помощью мысли, опробованный героем «Эфирного тракта» Исааком Матиссенем (Там же. С. 215–216). Эфемизм «Изобретатель света — разрушитель общества, сокрушитель адава огня», определяющий деятельность Баклажанова (Там же. С. 206), использу-

ется в названии рукописи Фаддея Попова «Сокрушитель адава дна» (упоминается в повести дважды, второй раз Платонов озаглавил ее «Сокрушение адава дна», см.: А. Л. 4; Мl. Л. 4). «Генеральное сочинение» — название расшифрованной летописи Аюнии — отчасти повторяет заглавие «Генеральное сочинение о земле и о душах тварей, населяющих ее» фундаментального труда Крюйса из одноименного рассказа (см.: *Сочинения*, 1(1). С. 90). В повести упоминаются имена и научные открытия Андрея Вогулова (герой рассказа «Сатана мысли») и Петера Крейцкопфа (герой рассказа «Лунные изыскания»). Пустые урны, надписанные именами Вогулова и Крейцкопфа, наряду с урной Михаила Кирпичникова, хранятся в Доме воспоминаний, изображенном в «Эфирном тракте». В городской рекламе провинциальной Америки, описанной в «Эфирном тракте», упоминается изобретенный компанией Беркман и Шотлуа прибор «антисексус» из одноименного рассказа-пародии. Связь повести с ранней фантастической прозой Платонова подчеркнута псевдонимом «А. Крейцкопф», которым подписана сокращенная версия «Эфирного тракта» рассказ «Размножение».

Футуристическая фабула повести определена идеологическим контекстом времени, стратегии которого сформулировал «съезд индустриализации» — XIV съезд ВКП(б) (18–31 декабря 1925 г.). Страна, по словам Сталина, вступила во «вторую фазу» нэпа. «Чтобы двинуть вперед хозяйство в целом», центр тяжести переносился с сельского хозяйства на промышленное вооружение (*Сталин И.В.* О хозяйственном положении Советского Союза. Доклад активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г. // *Известия*. 1926. 18 апр. С. 2). Для Платонова 1926 г. начался под знаком борьбы с рутинной и отсталостью в земледелии за современные методы ведения сельскохозяйственных работ. Врагами сельского хозяйства объявлялись стихийные силы природы, засуха и обусловленная ею бесплодность почвы, основным объектом восстановления стала Центрально-Черноземная область. На этом фоне крестьянство призывалось к более чуткому и внимательному отношению «к опыту науки, к голосу агрономии» (*Рыков А.И.* Речь на III совещании земорганов РСФСР // *Известия*. 1926. 3 марта. С. 2). Были определены существующие формы связи крестьян с наукой, подлежащие развитию: крестьяне-опытники, на своих полях проверяющие данные опытных учреждений; крестьяне-корреспонденты, испытывающие на своих хозяйствах новейшие приемы хозяйствования и письменно извещающие о результатах; крестьяне-наблюдатели, следящие за экспериментом. Последние помогли преодолеть лабораторный характер многих научных открытий, до сих пор не проверенных в естественных условиях отдельных губерний или не давших ожидаемых результатов в естественной среде. Существенным подспорьем в техническом образовании деревни должно было стать рабселькоровское движение, созданное постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 июня 1925 г. Рабселькорам предписывалось быть проводниками «пролетарского коммунистического влияния на широкие массы трудящихся» (Красная печать. 1925. № 14. С. 36–37). Третье Всесоюзное совещание рабселькоров, состоявшееся 26 мая 1926 г., указало на слабость управления умонастроениями рабочей и крестьянской массы. На фоне попрежнему торжествующих в крестьянской среде отсталости и технической

неоснащенности образом рационализма в мышлении и эффективности в хозяйствовании выступали Соединенные Штаты Америки, на которые в этом отношении должно было равняться: «Американская деловитость — это та неуслышимая сила, которая не знает и не признает преград <...> соединение русского революционного размаха с американской деловитостью — в этом суть ленинизма в партийной и государственной работе» (*Сталин И. Об основах ленинизма // Правда. 1924. 18 мая. С. 3*). И хотя дух капиталистического накопительства и плохо скрываема примитивная алчность американского бизнеса вызывали насмешки в советской прессе, США, в середине 1920-х гг. отодвинувшие Европу с позиции хозяина капиталистического мира, были желанным торговым партнером СССР (Новые роли Америки и Европы. Доклад Л.Д. Троцкого в Экспериментальном театре 15 февраля 1926 г. // *Известия. 1926. 3 марта. С. 3*). В 1926 г. между странами ожидалось потепление дипломатических отношений вплоть до скорого признания СССР, налаживалось деловое сотрудничество в области промышленной торговли, в котором все большую роль играли фирмы, уделяющие первостепенное внимание научным исследованиям и опытно-конструкторским разработкам. Среди лидеров автомобильного производства США, сотрудничавших с СССР, выделялась компания «Форд». Как сообщала газета «Известия» 27 апреля 1926 г., фордовская комиссия посетила московский завод АМО для проведения переговоров по вопросам увеличения сельскохозяйственных и индустриальных сил СССР поставками технических механизмов и инструкторов населению в деле управления тракторами «Форд». Значительных успехов достигло в США производство сельскохозяйственных культур в зоне критического земледелия на Аляске. Особый писательский интерес вызвали страны Востока, осуществлявшие промышленный прогресс на уникальных путях национального развития, прежде всего, Индия, Япония и Китай. Тайна Востока манила героев Вс. Иванова («Голубые пески», «Возвращение Будды», 1923). 19 февраля 1926 г. в поездку в Японию через Сибирь, Монголию, Маньчжурию, Корею отправился член Правления ВСП Борис Пильняк. Его «восточный» роман «Корни японского солнца» уже осенью 1926 г. обсуждался в писательских кругах Москвы.

Канун девятой годовщины Октябрьской революции и начала работы Платонова над повестью «Эфирный тракт» ознаменовался завершением XV конференции ВКП(б) (26 октября — 3 ноября 1926 г.), подчеркнувшей успехи индустриализации и сформулировавшей особенность наступающего юбилейного года как напоминающего до известной степени октябрь 1917 г. Как тогда, «так и теперь, в нынешний переломный период, трудности перехода к новой фазе социалистического строительства порождают колебания <...> неверие в возможность победы социалистических элементов нашей страны над элементами капиталистическими, неверие в возможность победоносного строительства социализма в СССР» (*КПСС в резолюциях, 4. С. 105*). Принятая партией концепция построения социализма в отдельно взятой стране поставила вопрос о средствах, позволяющих одновременно преодолеть колоссальное техническое и промышленное отставание России от мировых капиталистических держав. Курс на индустриализацию имел целью идеологическое и техническое усиление СССР, но одновременно бес-

поворотно уничтожал исторический облик России как страны преимущественно земледельческой, дорожившей своими патриархальными ценностями и традиционным бытом. Возрастала угроза новой военной интервенции, перед лицом которой борьба за индустриализацию ложилась тяжким бременем на недавно пережившее катастрофы опустошительных войн и революций население. Ответ на заявленную XIV съездом и XV конференцией ВКП(б) программу модернизации России предложен в футурологии «Эфирного тракта».

Этнологическая экспозиция «Эфирного тракта» и историософские «Песни Аюны» имели для современников определенную культурную традицию и внятное политическое содержание. На 1920-е гг. приходится расцвет краеведческого движения, поддержанного Наркомпросом в качестве эффективного метода самообразования народа на основе научного познания и систематизации природных и культурных явлений. Краеведческой тематике и популяризации краеведения уделяли особое внимание центральные и местные периодические издания. Литературно-художественный журнал «Красная новь» открыл раздел «От земли и городов», где публиковались краеведческие очерки М.М. Пришвина; научно-популярные журналы «Мироведение», «В мастерской природы», «Природа и люди» и др. регулярно печатали отчеты краеведов с мест и призывали к сотрудничеству местные научные общества, общества любителей природоведения, ассоциации натуралистов. Платонов, вероятно, имел это в виду, когда предлагал научно-фантастическую повесть в журнал «Всемирный следопыт», задуманный как журнал путешествий, приключений и краеведения и своей ориентацией отвечавший этим актуальным запросам массового читателя.

Краеведческое движение развивалось под руководством Академии наук СССР, отчасти вливаясь и дополняя собой инициированную «Наброском плана научно-технических работ» В.И. Ленина (апрель 1918 г., впервые опубликовано 4 марта 1924 г. в газете «Правда») работу ученых по изучению естественных производительных сил страны. Научные предприятия Академии с этого момента поддерживались ВСНХ и развивались в рамках деятельности академической Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В составе КЕПС, руководимой академиком В.И. Вернадским, были созданы отделы: по редким элементам и радиоактивным веществам, нерудным ископаемым, каменным строительным материалам, по исследованию Севера и пр., дополненные подкомиссиями по картографии и статистическому обследованию России (см.: Отчеты о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, состоящей при Российской Академии наук. Пг., 1918). В 1919 г. Академия наук поручила Московскому отделению КЕПС под руководством П.П. Лазарева начать работу по изучению Курской магнитной аномалии (см. Работы Российской Академии наук в области исследования природных богатств России. Обзор деятельности КЕПС за 1915–21 гг. Пг., 1922. С. 51). В научно-исследовательской и экспедиционной деятельности, кроме членов АН СССР, таких как П.П. Лазарев, принимали активное участие члены Центрального бюро краеведения (ЦБК), образованного в 1921 г. при АН СССР под руководством ее неперменного секретаря историка-ориенталиста

С.Ф. Ольденбурга. Одним из важнейших научно-практических проектов, в котором приняло участие ЦБК, стала Всесоюзная перепись населения, проводившаяся во второй половине декабря 1926 г. Одним из организаторов ее был член ЦБК географ и статистик В.П. Семенов-Тянь-Шанский. АН СССР инициировала целый ряд напрямую соотносимых с краеведческой, народоведческой, родоноведческой проблематикой этнологических, фольклорных, диалектологических, географических, геофизических, геологических, почвоведческих, картографических, археологических, демографических локальных исследований. Под эгидой АН СССР развивалось историческое градоведение и деревневедение.

К середине 1920-х гг. массовое движение краеведения как краезнания и краелюбия, курируемое, в отличие от КЕПС, Наркомпросом, а не ВСНХ, стало восприниматься как враждебное целям партии в области идеологии. На 1926 г. приходится пик выплеснувшихся в центральную прессу дискуссий о дальнейшей судьбе краеведения. В статье К. Дубняка «Новые пути краеведческой работы» отмечалось, что краеведение, сохранявшее свои наследственные черты: «любительский дилетантизм помещиков, архиереев, земских начальников и попов», следует незамедлительно передать в ведомство Госплана (Известия. 1926. 21 июня. С. 5). Ответ главы ЦБК С.Ф. Ольденбурга представил иное понимание смысла краеведческого движения: «Краеведение — это <...> школа непрерывно сознательного отношения ко всему окружающему, учениками которой мы хотели видеть всю народную массу <...> не исключая и ученого. Именно на краеведении это непрерывное учение доступно каждому. <...> Цели Госплана иные. <...> он не взвалил на свои <...> плечи необъятной работы краеведения; для этого Госплан слишком плановая организация. Напрасно думает К. Дубняк изъять краеведение из Наркомпроса» (Известия. 1926. 13 авг. С. 5).

Краеведческая тематика «Эфирного тракта» указывает на еще один реальный источник — краеведческий музей Воронежа, хранивший следы пребывания и деятельности философа Н.Ф. Федорова в 1894–1901 гг. в родном городе писателя (см. подробно: Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение. Воронеж, 1998). Федоров придавал религиозный смысл собирательству культурно-исторической памяти как первому этапу воскрешения предков. Обращение к историческому прошлому русского народа было для него актом воскрешения памяти о тех, кто с древних времен «отцовствовал» над Русью: «В континентальной глуши совершалось великое явление сближения двух самых отдаленных по генеалогической таблице племен, арийского и чудского <...> Это распространение славянского племени по материку и сближение его с инородцами, стоившее огромных трудов и страданий, не записано историю» (Федоров. С. 321). По мнению Федорова, прошлое родины определилось историко-географическим положением России, потребовавшим от нее «принять на себя долг <...> обращения кочевников <...> в оседлый земледельческий народ» (Там же. С. 334).

Этнологическое вступление повести свидетельствует о знакомстве Платонова с теорией географического детерминизма, представленной в исторических концепциях Федорова и в «Народоведении» Фр. Ратцеля, русский перевод первого тома которого (СПб., 1903) сохранился в библиотеке писа-

теля (подробнее см. примеч. к рассказу «В окрестностях одной тюрьмы...», с. 689–690 наст. изд.). В то же время футурология «Эфирного тракта» омыслила будущее страны в контексте современных оптимистических ожиданий, подсказанных теорией «заката» старой Европы. Особую известность в середине 1920-х гг. приобрело евразийство, направление русской эмигрантской мысли, явившееся ответом на изменение политической ситуации в большевистской России. Нэп, отменивший террор военного коммунизма, курс на сохранение территориальной целостности страны почти в границах бывшей империи, установка на развитие тяжелой промышленности и усиление технической мощи — все это позволило евразийцам верить в историческое будущее России под руководством новой власти. Публицист, специалист в области цивилистики Я.А. Канторович одобрительно оценивал эволюцию взглядов русской эмиграции и пояснял ее смысл: «“Евразия” — это сокращенный термин Европа-Азия, обозначающий направление новой культуры, которая должна возникнуть на развалинах Запада и свершениях Востока и которую евразийцы <...> противопоставляют старой романо-германской культуре» (*Канторович Я.* Зарубежная книжная литература о Советской России 1921 г. // Книга и революция. 1922. № 5. С. 27). Идеи евразийства не были изолированным идеологическим феноменом русской эмиграции. Они выражали пореволюционные настроения части творческой интеллигенции метрополии. К 1926 г. учение евразийцев об особом пути России приобрело систематичность. Будущая миссия России определялась тем, что в ее образовании сыграли большую роль тюркские и угро-финские племена. Многонародная русская нация трактовалась евразийцами как наделенная единым национальным самосознанием и едиными национальными интересами, а новое российское многонациональное государство представлялось способным выражать эти интересы во внутренней и внешней политике. С комплексом идей евразийцев, отраженных в манифесте П. Савицкого, П. Сувчинского, кн. Н. Трубецкого и Г. Флоровского «Исход к Востоку» (1921), Платонов мог познакомиться косвенно, по обзорам зарубежной прессы, регулярно появлявшимся в центральных периодических изданиях.

Иначе, хотя также оптимистически, видели будущее советской России отечественные мыслители, философы-космисты, наследники Федорова, в первую очередь К.Э. Циолковский. Знакомство Платонова с идеями калужского ученого, вероятно, произошло благодаря отдельным немногочисленным изданиям его трудов, публикациям в научно-технических («Электричество и жизнь», «Воздухоплавание») и научно-популярных журналах («Мироведение», «Природа и люди», «В мастерской природы»). В них Циолковский печатал свою фантастическую прозу, появлялись рецензии на его труды. В мае 1925 г. ученый выступил в Политехническом музее в Москве на диспуте «Металлический воздушный корабль Циолковского и как его строить», в котором принимали участие представители ЦАГИ, Главвоздухофлота и Наркомзема. На пресс-конференции он представил проект модели летательного аппарата и настаивал на ее постройке в полном размере. Предложение было рассмотрено на заседании бюро съезда Госплана по изучению производительных сил СССР, и с августа 1925 г. в Москве развернулось строительство модели летательного аппарата. В апреле 1926 г. модель была

частично построена, и на ее осмотр из Калуги прибыл создатель. Научным открытиям и проектам Циолковского был посвящен кинофильм «Межпланетные путешествия», который в 1925–1926 гг. с успехом был показан в городах и провинциях СССР.

Воля человека к совершенству и всеобщему счастью в этических построениях Федорова и Циолковского представляла волей космической, осуществляющей которую должна наука. Страдания и горе человечества гармонизировались рассудком, который должен был отвергнуть личное счастье и посвятить себя служению космосу, оживлению каждого ее атома в новом, совершенном, мыслящем существе. Болезненные социальные вопросы современности о физическом выживании того или иного народа, нации, семьи преодолевались в этике космистов открытиями и свершениями небольшого круга избранных — ученых-гениев. В философии активного жизнестроения Федорова и космологии и этике Циолковского можно найти проекцию фантастического сюжета платоновской повести. Характеристика эфира как скопища трупов электронов в «Эфирном тракте» восходит к концепциям Федорова, представлявшего землю как прах предков (Федоров. С. 401), но не имеет аналогов ни в малой прозе Платонова, ни в современной ей научной фантастике, тогда как другие фантастические мотивы и образы можно найти в повестях В.А. Гончарова («Психомашина», 1924), И. Келлера и В. Гиршгорна («Универсальные лучи», 1924), Н. Карпова («Лучи смерти», 1924). Среди наиболее вероятных источников — повесть С.М. Беляева «Радиомозг» (Рабочая газета. 1926. № 190–234. 20 авг. — 10 окт.), в которой с помощью мысли осуществляется управление веществом вселенной, и рассказ «Повелитель железа» В. Катаева (Пламя. Харьков. 1924. № 1. С. 5–8), в котором под действием машины обратного тока намагничивались и собирались предметы из железа. Фантастическая составляющая этих произведений, как и платоновской повести, опиралась на новую роль, которую в науке и технике стали играть электроны. Выявление и опытное изучение этой частицы атома легло в основу идеи электрической трансформации, т. е. передачи колоссальной энергии на значительные расстояния, и совершило переворот в научной картине мира: «Весь мир испытывает отвращение <...> ко всему <...> колоссальному и грандиозному <...> Теперь всюду носится одна окрыляющая мысль — интерес к микрокосму <...> Весь мир представляется теперь занятым <...> анализом бесконечно малых величин» (Гастев А. Кинематика культуры // Прожектор. 1926. № 21. С. 20).

Непосредственным воплощением новой электронной картины мира стали произведенные английским ученым Рейндалем Метьюсом опыты, о которых извещала мировая пресса начала 1920-х гг. и информировала советская периодика в 1924 г. Так, в «Известиях» сообщалось о сенсационных публичных опытах Метьюса с открытыми им лучами, с помощью которых «ему удалось остановить мотор с одного конца лаборатории в другом» (Известия. 1924. 17 апр. С. 7). Опыты Метьюса нашли отражение в фантастическом романе «Лучи смерти» Г. Доминика (1924), где начавшаяся в 1955 г. война между Соединенными Штатами Америки и Англией завершается благодаря устройству, создающему мощное электромагнитное поле, способное передавать и внушать мысли на расстоянии. И хотя использование прибора в

романе Доминика сопровождалось геологическими и космическими катастрофами, в предисловии подчеркивался оптимистический характер сюжета, воспевающего «силы человеческого разума, предвкусная его власть над природой» (*Доминик Г. Лучи смерти. Полтава, 1924. С. VI*). В предисловии к роману указывалась связь его фантастического вымысла с открытиями российских ученых: «Причина передачи мысли на расстоянии мерещилась <...> еще знаменитому Бутлерову, а академик Лазарев в своей ионной теории возбуждения придал ей вполне ясную форму» (Там же). Упоминание наряду с именем создателя советских рентгеновских научно-исследовательских учреждений П.П. Лазарева имени А.М. Бутлерова закономерно. Один из основателей электронной теории химических свойств вещества, согласно которой их изменения определены взаимным влиянием атомов, так называемой «электронной пары» в молекуле, Бутлеров был также известным исследователем природы медиумических явлений. В популярной брошюре «Основные понятия химии», где изложены основные положения его электронной теории, рассмотрена также перспективная модель естественнонаучного познания и ставится вопрос о социальной ответственности носителей научного знания: «Верования, лежащие вне области науки, могут иметь <...> ту выгоду, что с ними связано принятие определенных общечеловеческих нравственных принципов, но доверие к научной теории, перешедшее в верование, и превращение положений этой теории в догматы причиняет один вред и не имеет оправданий. Верование в то, что лежит вне области научного знания, может уживаться рядом с полнейшим признанием реальных истин науки, но слепое верование в непогрешимость научных теорий ведет к <...> скептицизму и <...> мешает видеть <...> истины, лежащие вне области излюбленных теорий» (*Бутлеров А.М. Основные понятия химии. СПб., 1902. С. 55*). Платонов, подававший в октябре 1918 г. прошение о зачислении на физико-математический факультет Воронежского университета по химическому отделению (см. подробно: *Ласунский. С. 63*), мог быть знаком с хрестоматийными работами знаменитого химика и использовать их футурологический потенциал в фабуле и образах «Эфирного тракта».

Уникальная фантастическая составляющая повести — представление о химических элементах как биологической форме жизни, дающее толчок развитию фабулы «Эфирного тракта» о «кормлении» и «размножении» железа, — восходит к футурологическим трудам Циолковского, допускавшего, что «неорганическая материя потенциально жива» и составляющие ее атомы способны, «при сложной обстановке, жить» (*Циолковский К.Э. Монизм Вселенной. Калуга, 1925. С. 9–17*). Герои повести, ученые-космисты, благодаря этому открытию получают почти оформленное технически решение российского варианта мирового «мальтузианского» вопроса, сформулированного Федоровым: «Три частных вопроса: о регулировании атмосферных явлений, об управлении движением земли и об отыскании “новых земель” — входят в один общий вопрос об обеспечении от голода, в продовольственный вопрос» (*Федоров. С. 362*).

Тема музыки сопровождает образы ученых Попова и Михаила Кирпичникова, космические напевы слышатся в момент смерти этих инженеро-изобретателей. Музыкаль эпохи декаданса увлечена Валентина Крохова, му-

зыкальный романтизм Шахтмайера интересен москвичам будущего. В музыкальной теме «Эфирного тракта» собран весь комплекс идей романтической культурософии 1910–1920-х гг., нашедшей емкое выражение в статье А. Блока «Крушение гуманизма» (1919): «Имена великих гуманистов возникают в нашем сознании как бы в сопровождении музыкального аккомпанемента. Мы сознаем, что все эти люди — художники, артисты, хотя многие из них не были художниками и артистами по ремеслу» (цит. по: *Блок А. Собр. соч.*: в 6 т. Л., 1982. Т. 4. С. 327–328). Отлетающий «дух музыки» в символической парадигме Блока возвещал конец эпохи гуманизма, эпохи торжества высокой индивидуалистической культуры и приход на ее место цивилизации. «Пытаясь обогатить мир, цивилизация его загромождает. Ее строительство нередко сравнивается со строительством Вавилонской башни. Творческий труд сменяется безрадостной работой, открытия уступают место изобретениям. Все множеством, все неспаянно; не стало цемента, потребного для спайки; дух музыки отлетел, и “чувство недовольства собою и окружающим” <...> “доводит до *изнеможения*”» (Там же. С. 340). Иной оттенок музыкальная тема приобрела в опубликованной в 1920 г. повести А.В. Чайнова об утопической крестьянской стране, где технический и социальный прогресс на основе крестьянского хозяйства дает толчок к расцвету и углублению культуры. В утопии Чайнова крестьянство, для которого «коллективный идеал немецких социалистов» был «чрезвычайно мало совершенным по сравнению со строем трудового земледельца», предстает создателем и хранителем мировой культуры, потому что крестьянская трудовая деятельность, в отличие от труда рабочего, «не отделена от творчества» (*Чайнов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии*. М., 1920. С. 31–32). В романе нарисована фантастическая картина симфонического концерта будущего, исполняемого на колоколах звонниц многочисленных храмов, и упоминаются имена музыкантов-модернистов А.Н. Скрябина и С.В. Рахманинова.

Тема вырождения и гибели культуры тесно сплелась в первой половине 1920-х гг. с темой мальтузианства, оказавшейся на пике общественного внимания. Английский экономист, иностранный почетный член Петербургской академии наук (1826) Томас Роберт Мальтус, автор книги «Опыт о законе народонаселения» (1797), содержащей ответ сторонникам широкой государственной помощи бедным, предложил формулу, согласно которой человек, не имеющий средств для содержания семьи, должен воздержаться от брака: в противном случае он сам становится виновником собственной бедности. По Мальтусу, обнищание основного населения является следствием действия закона абсолютного перенаселения, которое должно быть ограничено путем нравственного самообуздания человека. Отношение к формуле Мальтуса в России было неоднозначным. В предреволюционные годы с критикой мальтузианства и своими идеями по решению экономического противоречия выступил ученый-химик Д.И. Менделеев. Его предложение о создании условий для роста народонаселения, необходимого для ускоренного экономического развития страны, сочувственно процитировал сменеховский журнал «Россия» (*Адрианов С. Из забытой книги // Россия*. 1922. № 1. С. 14–15). Отличный от Мальтуса путь преодоления нищеты предло-

жил в своей «Философии общего дела» Н.Ф. Федоров. Видя в детях надежду «будущего и прошедшего», он считал, что «противоположность между разномыслием и средствами существования» (Федоров. С. 349, 352) нужно преодолевать через освоение космоса: «...отказавшись от обладания небесным пространством, мы должны будем отказаться и от разрешения экономического вопроса, поставленного Мальтусом» (Федоров. С. 361). С резкой критикой теории Мальтуса выступили социал-демократы. В статье «Рабочий класс и неомальтузианство» (1913) В.И. Ленин противопоставил мальтузианству идею классового переустройства общества. В середине 1920-х гг. эта работа была вновь востребована в контексте широкой дискуссии по вопросам пола, брачного права и здоровья советской молодежи. В 1925 г. ее перепечатал первый номер журнала «Коммунистка»; в январе того же года к ней апеллировал нарком здравоохранения Н.А. Семашко: «Владимир Ильич горячо бичевал тех родителей, которые стремятся к “ограничению рождения”, так называемому неомальтузианству. Женщина <...> должна растить нам будущих борцов за социальную революцию; только мещане и мещанки “боятся” деторождения» (Беднота. 1925. 25 янв. С. 1). Весной того же года пресса сообщила о прошедшем в Нью-Йорке Международном конгрессе контроля деторождения, образовавшем Международную неомальтузианскую лигу с целью, как поясняется со ссылкой на мнение Н.А. Семашко, отвлечь рабочих от классовой борьбы и решить проблему благосостояния ограничением деторождения (Известия. 1925. 3 мая. С. 6).

Мальтузианский вопрос вновь возник при обсуждении «Заката Европы» О. Шпенглера в работах русских евгеников — представителей науки о подчинении воле «Ното zariens процесса своей эволюции» (Волоцкая М.В. К истории евгенического движения // Русский евгенический журнал. 1924. Т. 2. Вып. 1. С. 54). Евгеников настаивало, что по своему культурному уровню более всего доступна для мальтузианской проповеди интеллигенция. Но, ограничивая свое потомство или отказываясь от него, носители культуры тем самым истребляют «те именно биологические особенности расы, которые она считает наиболее ценными для своего собственного развития. <...> Именно это самоуничтожение, а вовсе не какие-то таинственные признаки старости и смерти рас и народов, являлось неизменной причиной гибели всех старых культур. <...> Но эта гибель будет отнюдь не “естественной смертью” расы или “Западной фаустовской культуры”, как предпочитает выражаться Шпенглер, а прямым самоубийством» (Кольцов Н.К. Влияние культуры на отбор в человеестве // Русский евгенический журнал. 1924. Т. 2. Вып. 1. С. 6–18). В духе радикального мальтузианства с пренебрежением к аксиологическим аспектам науки опровергал сомнения евгеников Циолковский: «Можно вскоре ожидать наступления разумного и умеренного общественного устройства на земле <...> Счастливое общественное устройство, предсказанное гениями, заставит технику и науку идти вперед с невообразимой быстротой и с такой же быстротой улучшать человеческий быт. Это повлечет за собою усиленное размножение. <...> но право производить детей будут иметь только лучшие особи. <...> Естественный отбор заменится искусственным, причем наука и техника придут ему на помощь. Так пройдут тысячи лет, и вы тогда население не узнаете. Оно будет настолько

же выше теперешнего человека, насколько последний выше какой-нибудь мартышки. Исчезнут из характера низшие животные инстинкты. Даже исчезнут унижающие нас половые акты и заменятся искусственным оплодотворением» (*Циолковский К.Э.* Монизм Вселенной. Калуга, 1925. С. 18–19).

Социологические рассуждения русских евгеников, споры о путях решения мальтузианских вопросов и дискуссии вокруг шпенглеровского «Заката Европы» замыкались в середине 1920-х гг. в единый круг, отражая важнейшие социально-политические и экономические проблемы советской России. Смысловую оппозицию эсхатологическим тревогам и «проклятым» мальтузианским вопросам составил футурологический образ счастливой, сытой и технически оснащенной российской деревни, сохраняющей в то же время черты традиционного быта. Последняя черта акцентирована в автографе повести «Эфирный тракт»: «По ровным цементным дорогам побегут чистоплотные автомобили <...> развоза мужиков в гости и [*на крестины*] к кумовьям» (*А. Л.* 40 об.). По цензурным соображениям Платонов вычеркнул упоминание крестин, осмеянных статьями и выступлениями 1923 г. Л.Д. Троцкого о новом быте, и в то же время исправлением «к кумовьям» он сохранил содержательно важный намек на церковное таинство крещения и освященное им семейное чадородие. Платоновская крестьянская утопия проецирует на технократический мир «эфирного тракта» образы крестьянской страны, созданной теоретиком патриархального сельского хозяйства Чайновым, и его концепцию «моральной экономики», представляющую сельское хозяйство как «использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли». По мнению Чайнова, человек, работающий на земле своим трудом — не предприниматель, потому что «сама природа земледельческого производства ставит естественный предел сельскохозяйственному предпрятию», потому что «человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну» (*Чайнов А.В.* Что такое аграрный вопрос? М., 1917. С. 16–17). Знакомство Платонова с работами Чайнова тем более вероятно, что последний в 1921–1922 гг. являлся членом коллегии Наркомзема РСФСР, научным руководителем Особого экономического совещания и Земплана, возглавил работу по созданию Генерального плана Наркомзема на 1921–1922 гг., а в 1926 г. был обвинен в мелкобуржуазности и антимарксистском толковании сущности крестьянского хозяйства.

Не был принят цензурой и трагический эксперимент Матиссена над собственным мозгом, возможно, потому, что описание последних часов его жизни включило детали, отсылающие к официальным медицинским подробностям смерти Ленина, вызванной склерозом «изнашивания, отработки, использования сосудов» вследствие «перенапряжения <...> чрезмерной мозговой деятельности», который поразил наиболее «уязвимое место» Ленина, его мозг (*Семашко Н.* Что дало вскрытие тела Владимира Ильича // Известия. 1924. 25 янв. С. 1). Причины и подробности смерти вождя революции стали в середине 1920-х гг. предметом особого внимания не только врачей и журналистов, но и руководящих партийных деятелей. На траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов Л.Б. Каменев сообщил: «...врачи раскрыли и его мозг, этот удивительный, поразительный мозг, мощность которого не имеет себе равных. <...> этот мозг слишком много работал, что наш вожьд

погиб потому, что не только свою кровь отдал по капле, но и мозг свой разбросал с неслыханной щедростью <...> как крупницы, по всем кольцам мира, чтобы капли крови и мозга Владимира Ильича взошли потом полками <...> армиями» (Правда. 1924. 27 янв. С. 3). Причины болезни и смерти Ленина вызвали большой интерес, и правильному оповещению населения в памятные дни 1925 г. посвятил отдельную статью медицинский журнал «Наша искра». Рекомендовалось в массовом масштабе создать доски с изображением и комментарием главнейших моментов в жизни вождя, которые могли бы считаться этиологическими причинами его болезни. Предлагалось дать фотографии Ленина за работой, с подписью: «Чрезмерный умственный труд, без достаточного отдыха, вызвал заболевание кровяных сосудов мозга, и тем самым и заболевание самого мозга» (Попов В. Об организации на местах доски «Болезнь и смерть т. Ленина» // Наша искра. 1925. № 1. С. 59).

25 января 1924 г. сердце и мозг вождя были отправлены в музей имени В.И. Ленина на Дмитровке для изучения (см. подробно: *Стивак М.* Посмертная диагностика гениальности. Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г.И. Полякова). М., 2001. С. 21). В ленинской коллекции музея было собрано все, что связано с вождем с момента его рождения и кончая смертью. «Там имеются его детские портреты, палатка, котелок — вещи, которые были в его распоряжении <...> Туда поступил и его мозг» (Осинов В.П. Болезнь и смерть Владимира Ильича Ульянова-Ленина (По личным воспоминаниям) // Наша искра. 1925. № 1(13) (янв.). С. 18). С личностью и биографией Ленина также связан образ изобретателя «Эфирного тракта» — Фаддея Попова, смерть которого 24 января 1924 г. почти совпала в датировке со смертью вождя мирового пролетариата. Источником ряда бытовых характеристик Попова, таких, например, как полное безразличие к бытовой стороне жизни, равнодушие к моде, выбору одежды, мог послужить очерк А. Старчакова «Труд — революция — воля», опубликованный к 56-летию со дня рождения Ленина. Автор отметил чрезвычайную умственную деятельность вождя протарской революции, особенно поразившую крестьян деревни Ульяновки Самарской губернии: «И тогда, как мы попросту думали о науке, говорили про него как про невиданного еще человека, который всегда сидит в садике в думах над книгой. Что у него за цель? Он сойдет с ума за этими книгами. Неужели у него нет интереса пожить веселей? Мы теперь только вспоминаем, что эти книги <...> не свели его с ума, а сделали вождем рабочего класса» (Известия. 1926. 22 апр. С. 3). Описание покойного Попова воссоздает закрепленное в массовом сознании благодаря портретам и фотографиям ленинские черты, на трибуне — «борода вверх», «знакомая жилетка», ср.: «Ильич шагал по ковра, / Стараясь ступать по линии клеток, / Засунув пальцы лапчатых рук / За подмышки губсоюзовского жилета» (*Сельвинский И.* Перед X съездом // Прожектор. 1925. № 10. С. 26); и в гробу — «печальное пространство» белого лба (характерная деталь в портрете усопшего Фаддея Попова, не принятая редакторами «Молодой гвардии» и замененная «морщинами»). Отчасти ленинскими чертами наделяется и образ мыслей Попова. Ряд текстологических совпадений указывает на единство идей отвергнутого

цензорами спора Попова с Мальтусом, «обучавшим юношей не размножаться», и статьи Ленина «Рабочий класс и неомальтузианство».

С. 7. *Скифы, сарматы, болгары, скандинавы, черемисы, татары и даже иранцы и индусы...* — Древние ирано-, тюрко-, германоязычные и финно-угорские племена скотоводов и земледельцев, населявшие Северное Причерноморье и кочевавшие в районе Закавказья, Поволжья и Приазовья в IV в. до н.э. — III в. н.э.

С. 8. *Подол* — равнина, низкое место под горой.

Балка — длинный овраг, лощина в южной степной полосе России.

Огорожа — ограда луга перед хатой.

Саман (тюрк.) — сырцовый кирпич из глины с добавлением резаной соломы, мякны и др., строительный материал, с древних времен распространенный в беслесных районах.

С. 10. *Фаддей Кириллович Попов* — распространенная фамилия героя повести, доктора физики, может указывать на П.Г. Попова — заведующего магнитным павильоном (магнитной станцией для наблюдения вариаций земного магнетизма), созданным по решению постоянной комиссии Географического общества в 1896 г. в Курске (см.: *Лазарев П.П.* Курская магнитная аномалия. По работам Комиссии при Академии наук. (С 1 июля 1919 г. по 1 июля 1920 г.) Б/д. С. 2); или на инженера А.С. Попова, руководившего установкой станка для бурения скважины в экспедиции П.П. Лазарева в 1923 г. (см.: *Лазарев П.П.* Курская магнитная и гравитационная аномалия. Пг., 1923. С. 56).

С. 11. *...почва даст вместо сорока пятьсот пудов на десятину...* — По официальным данным, летом 1925 г. урожайность традиционных сортов пшеницы в ЦЧО составляла в среднем 60–80 пудов с десятины, селекционная пшеница приносила урожай 117–165 пудов (*Мейстер М.* В борьбе за хлебный рынок // *Известия.* 1926. 9 июля. С. 3).

Мальтус — см. выше, с. 486–487.

С. 12. *Супрематия* — вероятно, от «супрематизм», букв. «наивысший» (лат.), разновидность абстрактного искусства, введенная в 1913 г. российским живописцем К.С. Малевичем. Представляет собой сочетание окрашенных простейших геометрических фигур и наложенных на плоскость объемных форм. Супрематизм и кубизм в советском искусствоведении середины 1920-х гг. рассматривались как частные явления одного большого стиля — экспрессионизма и воспринимались как буржуазные, «упаднические». «Постижение мира у Малевича свелось к другому тупику — к отрицанию вещей и замене их проблемами какого-то метафизического пространства, где конструктивные формы якобы дают нам возможность интуиции этого пространства. <...> с подобным мистическим подходом к реальному миру нового искусства не создашь» (*Федоров-Давыдов А.А.* Тенденции современной живописи в свете социального анализа // *Кр. новь.* 1924. № 6. С. 335–336; см. также примеч. к «Рассказу о многих интересных вещах» // *Сочинения, 1(1).* С. 593).

Долой Мальтуса и госпланы деторождения! Да здравствует геометрическая и гомерическая прогрессия жизни!.. — В «Опыте о законе народонаселения» Мальтуса выведена формула, объясняющая отношение прироста

населения к росту уровня жизни, согласно которой средства к существованию увеличиваются медленнее (в арифметической прогрессии), чем рост населения (в геометрической прогрессии).

Гомерическая прогрессия — богатырское, невероятное по силе возрастание.

С. 13. «*Сокрушитель адава дна*» — в Новозаветной символике «сокрушение адава дна» означает Воскресение Христово, «Сокрушителем адава дна» является Христос, разрушивший царство смерти и вечной муки. Ср.: «Аще и во гроб снизшел еси, Бессмертне, но адаву разрушил еси силу, и воскресл еси яко победитель, Христе Боже...» (кондак Воскресению Христову). В публицистике первой половины 1920-х гг. разнообразно в новом осмыслении использовались образы и символы Священного писания, цитаты из православных богослужебных текстов. Ср.: «В этом сочетании чистоты движения, ортодоксальной твердокаменности со способностью учиться у рабочих масс — вся суть большевизма. Это тот камень, на котором зиждется наша партия, и врата ада не одолеют ее» (*Воронский А. У sklepa // Кр. новь. 1925. № 1. С. 140*).

С. 14. *Тогда, подоженный жестоким горем ~ любопытство сильнее твоих и моих страданий, сильнее самой мучительной жизни!* — Личная драма роднит героев платоновской научно-фантастической прозы с фантастическими образами естествоиспытателей, первооткрывателей космоса К.Э. Циолковского, которых объединяет общая биографическая черта: «Все это были люди разочарованные, нравственно потрясенные. Кто потерял трагически жену, кто детей, кто потерпел неудачи в политике и был свидетелем вопиющей неправды и людской тупости» (*Циолковский К.Э. Вне Земли. Калуга, 1925. С. 5*). В раннем философском эссе «Горе и гений» на вопрос: «Как устранить горести?» Циолковский отвечает: соблюдая целомудрие, которое «сохраняет умственные силы, бодрость и здоровье» (*Циолковский К.Э. Горе и гений. Калуга, 1916. С. 1*).

...*Фаддей Кириллович увидел надпись «Новый Афон». ~ и догадался, что это гостиница.* — В июле 1926 г. «Известия» опубликовали очерк члена Российской ассоциации пролетарских писателей А.И. Тарасова-Родионова, где представлена пореволюционная жизнь Новоафонского монастыря, превращенного в здравницу пролетариата и «рассадник новой советской культуры»: «При жизни своей <..> отшельники не создали ничего ценного, а памятью об их бесславной смерти в добровольном подло-рабском безделье служат только их вериги и тощие кости, тлеющие здесь за стеклом под надписью <..> мы были как вы / И вы будете как мы. Нет, жалкие монашеские кости, мы “вами” не будем. После нас останется не могильная плесень Старого Афона и не кучка безмозглых кликуш <..> После нас останется Афон Новейший, передовой рассадник трудовой советской культуры». Очерк открывался описанием гостиницы для паломников: «Этих гулких, прохладных келий построено здесь вдоволь. Рублей за 20 в месяц можно снять хорошую комнату. Обед внизу, возле моря. В любой из столовок не дороже 60–70 копеек за два блюда в виде огромной тарелки вкусных жирных шей с помидорами и со сметаной и отменных шницелей и бифштеков» (*Тарасов-Родионов А. Новейший Афон // Известия. 3 июля. С. 4*).

...заметил ~ книжку «Парь пар в мае — будешь с урожаем». — Возможно, автоцитирование. В период сотрудничества в 1920 г. с воронежской газетой «Красная деревня» Платонов участвовал в создании лозунгов, например: «Красные орлы разделяют под орех белополяков. Не отставай от них, крестьянин. Так же беспощадно лупи голодуху. Засевай весь пар!» (Красная деревня. 1920. 30 июля. С. 1. Разыскания Е.В. Антоновой).

«...Петрушка у Гоголя часослов читал, и то из любопытства, а не впрок». — Контаминация образов Митрофана Простакова из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», читавшего по слогам часослов, и Петрушки, слуги Чичикова из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», которому «было совершенно все равно, похиждение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он все читал с равным вниманием» (Гоголь Н.В. Собр. соч. М., 1978. Т. 5. С. 19).

С. 16. ...без этих хоругвей никак нельзя теперь добыть руды!.. — Ср.: «Газеты вели пропаганду работ, как религиозную проповедь» (Сатана мысли // Сочинения, 1(1). С. 201). Переход к нэпу и появление многоукладного хозяйства обострили в 1923–1926 гг. классовую борьбу и идеологическое противостояние борющихся за власть партийных группировок и перед сторонниками сталинской концепции построения социализма в отдельной стране поставили задачу усиления пропагандистской работы. XIV съезд ВКП(б) (декабрь 1925 г.) принял резолюцию о необходимости борьбы с «неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попыткой рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями последовательно-социалистического типа (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические. <...> Съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма» (КПСС в резолюциях, 3. С. 429–430).

В тот же день Фаддей Кириллович на подводе выехал в поле — отыскать условную высотную отметку экспедиции академика Лазарева ~ на бровке глухого дикого оврага чузунный столб с условной краткой надписью: «Э.М.А.38,24.168,46.22». — В 1920 г. при ВСНХ была создана специальная Комиссия для глубоких бурений с целью исследования явления Курской магнитной аномалии (КМА). Ввиду утери документов первых проведенных Э.Е. Лейстом исследований КМА нарком Л.Б. Красин создал в рамках Московского отделения КЕПС Комиссию при ВСНХ для разработки этого вопроса, назначив ее руководителем академика П.П. Лазарева. 28 июня 1919 г. экспедицией Лазарева были начаты работы по выявлению полосы аномалии. В 1921 г. на основании выявленной близости залегания пород было установлено место бурения. В июле в указанной точке бурение было начато, 12 августа 1921 г. бурение скважины № 1 было завершено. Результаты показали, что лежащая на глубине 100 саженей магнетитовая руда не может давать аномалии такого масштаба и нужно предполагать наличие значительных масс чистого железа с магнитными свойствами на большей глубине. По гипотезе П.П. Лазарева, это должен быть железный язык более плотный, чем земная кора, происходящий из центрального земного ядра и проникший почти до ее поверхности (См.: Лазарев П.П. Курская магнитная и гравитационная аномалия. С. 59).

Чугунный столб — возможно, имеется в виду обсадная труба первой скважины с соответствующей отметкой ряда параметров, например, глубины залегания руды и даты ее обнаружения.

...можешь каждое воскресенье уходить и болтать в своем клубе... — В декабре 1925 г. ЦК ВКП(б) постановляет в целях улучшения воспитательной работы «поощрять создание всевозможных вольных обществ и кружков среди рабочих и крестьян (например, кружки и общества технического просвещения, агрономии, изобретательства, радио, “друзей книги” и т. д.), но <...> следить за тем, какие новые силы выделяются здесь по разным отраслям, двигать их вперед постепенно, по мере роста квалификации, вовлекая их в работу госаппарата» (*КПСС в резолюциях*, 3. С. 455–456). Слова Попова, обращенные к молодому рабочему Кирпичникову, возможно, являются отсылкой к биографии арестованного в ноябре 1926 г. архиепископа Воронежского Петра Зверева. Описывая молодость будущего святителя, анонимный корреспондент, в частности, сравнивает его участие в воскресных богослужениях с политической деятельностью, а церковь — с политическим клубом: «Первые шаги его политической деятельности были таковы: он служит священником (иеромонахом) в церкви <...> Это была не простая церковь — политический клуб. Там служили по воскресным и праздничным дням и туда собирались члены всяких погромных монархических обществ» (*А. Д. Воронежские рабочие дадут решительный отпор // Воронежская коммуна. 1926. 30 ноября. С. 1*).

С. 17. *Или ты только антропоид?* — В автографе далее вычеркнуто: «и тебе только нужно нажраться и сопеть?». Ср.: «Лечь бы, к примеру, поспать-ся, / Не сознавать, а сопеть, / Опомнясь, тихо нажраться / И атмосферой воздушной лететь» (1923) (Стихи о человеческой сути // *Сочинения, 1(1). С. 421, 635*).

Антропоид — человекообразная обезьяна.

Эфир есть механическая масса умерщвленных или умерших электронов. ~ Электроны едят трупы своих предков. — Представление об эфире как кладбище живых существ восходит к Н.Ф. Федорову, считавшему вещество вселенной, атмосферу и землю наполненной «зародышами» жизни: «...земля — прах наших предков, материал воскрешения» (*Федоров. С. 342*). «Хотя прах человеческий и смешан с гнилью <...> тем не менее присутствие в земле хотя бы незначительной частицы праха предков дает нам право говорить о превращении праха предков в пищу потомков» (*Там же. С. 401*). Тайнство пресуществления хлеба и крови в тело Христово на православной литургии в учении философа трактовалось как потребление членами Церкви своих предков: «...литургия же состоит в том, что берут прах предков в виде хлеба, из хлеба вынимаются части, называются по именам и затем претворяются в тело и кровь, и это было бы действительно тело и кровь, если бы наша вера была живая» (*Федоров. С. 329*). Федоровская концепция переводила вопрос о способе погребения усопших из области гигиенической в экономическую: сжигание трупов ведет «к истощению средств к жизни, то есть к смерти от голода» (*Там же. С. 351*).

С. 18. *Эфир ~ лишённая основных свойств материи, сфера.* — Советская физическая наука 1920-х гг. основывалась на представлении об элек-

ромагнитном происхождении материи, имевшем своими истоками электрическую теорию атома Бора: «Характерной чертой модели Бора является построение атома из электрических зарядов. Все силы внутри атома — силы электричества» (*Иоффе А. Строение материи // Правда. 1923. 13 мая. С. 5*). «Мировой эфир», согласно представлениям теоретической физики тех лет, есть «все пространство между атомами или молекулами, уже не материя — это пустота» (Там же). О знакомстве Платонова с теорией Бора свидетельствует высказывание в статье «Свет и социализм»: «Электричество есть все, что мы знаем о, так сказать, “чистом” пространстве — эфире» (*Сочинения 1(2). С. 219*).

С. 19. *Эх, земля! Не будь мне домом — несись кораблем небес!* — Ср.: «...человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугой, экипажем нашего земного, неизвестного еще, какую силою приводимого в движение, корабля» (*Федоров. С. 360*).

С. 21. *В кабинете сидели ~ и уполномоченный ГПУ.* — Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК) и ее местные органы были реорганизованы в Государственное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел РСФСР, а на местах — в политические отделы (в губерниях — при губернских исполкомах). ГПУ было создано для подавления контрреволюционных выступлений, защиты государственных границ и борьбы со шпионажем, выполнения специальных поручений Президиума ВЦИК и СНК. Работники ГПУ допускались к ведению следственных действий. 15 ноября 1923 г. ГПУ было реорганизовано в Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. Согласно статьям 61–62 Постановления II Съезда Советов СССР от 31 января 1924 г. «Об утверждении Основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик», ОГПУ должно было руководить работой местных органов ГПУ через своих уполномоченных при СНК союзных республик. Основной задачей ОГПУ на местах по-прежнему оставалось объединение усилий по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом.

Совершенно разложившийся субъект. — Характеристика представляет собой наиболее распространенное объяснение самоубийств представителей творческой интеллигенции, пришедшихся на 1925–1926 гг. (С. Есенин, А. Соловьев). Обсуждению гибели Есенина уделили внимание партийные идеологи Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин, литературные журналы и центральная пресса. Журнал «На литературном посту» комментировал: «Есенин <..> погиб оттого, что тина буржуазного общества еще сильна и крепка для того, чтобы давить не одного самородка» (*Деев Г. О Есенине // На литературном посту. 1926. № 3–4. С. 35*). В статье А.В. Воронского «Об отошедшем» отмечалось: «Он расточил <..> дар, данный ему природой. <..> Он думает только о себе, индивидуализм дошел до крайности». По Воронскому, в поэте жили два человека: «поэт великой мощи и таланта» и «больной человек» (*Кр. новь. 1926. № 1. С. 231–236*).

С. 22. *...срочно необходимы свежие люди с твердой внутренней установкой...* — В принятой XIV съездом ВКП(б) резолюции отмечено, что

«главной особенностью момента является вступление *нового* человеческого материала, новых людей, как в производственный процесс, так и на арену политической борьбы. Не понять этого, значит не понять ровно ничего» (КПСС в резолюциях, 3. С. 466).

С. 23. ...*пусть его отправят на рабфак.* — В целях скорейшей пролетаризации состава учащихся в высших учебных заведениях вскоре после революции при главнейших вузах страны были открыты рабочие факультеты (рабфаки). В них принимались рабочие и крестьяне не моложе восемнадцати лет, окончившие среднюю школу и отработавшие на производстве не менее 3 лет. Согласно Декрету СНК РСФСР от 18 февраля 1924 г. продолжительность обучения на дневных рабочих факультетах устанавливалась в 3 года, на вечерних — 4. Занятия на рабфаках в общей сложности не превышали двух с половиной месяцев в год. В Москве в 1923–1924 гг. действовали 21 факультет с 14 642 учащимися. Прием производился местными приемными комиссиями (при каждом вузе). Желающие подавали заявление с приложением документов о возрасте и образовании, двух фотографических карточек, командировочного удостоверения (для командируемых), анкеты, заверенной командирующей организацией, а для прочих — партийной, советской или профессиональной организацией. Лица, окончившие рабфак, зачислялись в число студентов вуза без экзаменов (см.: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1925 г. М., 1924. С. 73). В мае 1926 г. условия поступления на рабфаки изменились: был уменьшен производственный стаж до 2 лет, одновременно повысились требования по математике и политграмотности. Отныне все выпускники школы должны были держать экзамен по русскому языку, обществоведению и математике. Для поступающих в технические вузы обязательным стал экзамен по физике (Известия. 1926. 20 мая. С. 5).

Большак — большая, в отличие от проселочной, дорога.

С. 24. *Термический вертикальный туннель был опытной работой Советского правительства Якутии.* — Весной 1925 г. по решению Госплана СССР был принят пятилетний план по исследованию Якутии. Предметом первоначального изучения стала почва (Правда. 1925. 3 марта. С. 3).

...*в книге описывались опыты по устранению смерти какого-то небольшого животного...* — Платонов мог иметь в виду исследования А.Л. Чижевского по оздоровительному воздействию электроволн на организм человека (см. примеч. к «Рассказу о многих интересных вещах» // Сочинения, 1(1). С. 594). Гипотеза о технических средствах для воскрешения мертвых была предложена Н.Ф. Федоровым: «То же самое орудие, которое <...> назначено для управления атмосферными явлениями, не может ли послужить и для регулирования зародышами, плавающими в атмосфере <...> Не может ли такое орудие <...> быть употреблено для <...> оживления, и не будет ли это первым шагом по пути воскрешения» (Федоров. С. 367).

С. 29–30. ...*бензиновый мотор ~ сокрушенный кристаллическим аккумулятером ленинградского академика Иоффе.* — В 1926 г. журнал «Коммунальное хозяйство» сообщал о прогрессе, достигнутом в области обслуживания городского транспорта за границей. Автор статьи призывал как можно серьезнее отнестись к перспективам электрических автомобилей в свете «той широкой электрификации, которая намечена <...> во всех отраслях

нашего народного хозяйства». Важнейшими преимуществами электромобилей виделось «отсутствие запаха, грязи и дыма при движении, бесшумный, всегда ровный ход, лишенный всяких толчков, удобство и простота управления, неприхотливость мотора» (*Котляров Г.С.* Аккумуляторные электрокипажи в городском транспорте // *Коммунальное хозяйство.* 1926. № 15–16. С. 44–45). Электроаккумуляторные батареи имели запас энергии на 60–80 км пути без подзарядки.

Академик Иоффе — Иоффе Абрам Федорович (1880–1960), физик, академик РАН, основатель Государственного физико-технического рентгеновского института, организованного на базе созданной в 1925 г. физико-технической лаборатории ВСНХ. Ряд работ Иоффе посвящен механизму электропроводности диэлектрических кристаллов. Подробно о *кристаллическом аккумуляторе* Иоффе см. примеч. к статье «Питомник нового человека» (с. 801–802 наст. изд.).

С. 30. *Автомобиль шел ~ по асбестоцементному шоссе.* — В середине 1920 г. асбест рассматривался как «материал будущего», имеющий ряд существенных преимуществ: дешевизна, высокая прочность, устойчивость к коррозии, долговечность. В отличие от России, асбест активно использовался в строительстве в Западной Европе, и показатели его добычи постоянно возрастали. Наибольшие возможности советские инженеры предсказывали асбестоцементной смеси: «Асбестовые волокна, перемешанные в массе цемента, распределяются в нем в виде решетки, способствуя сцеплению цементных частиц и увеличивая жесткость массы» (*Перельман И.С.* Материал будущего // *Известия.* 1926. 27 окт. С. 5).

Будда, составители вед, десятки египтян и арабов, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, наконец, Бергсон и Шпенглер — все силиться догадаться про существо вселенной. — Платоновская типология выдающихся исторических личностей отсылает к классификации представителей сверхчеловечества, представленной в книге Томаса Карлейля «Герон, почтение героев и героическое в истории». Карлейль выделял категории героев-божеств (Один), героев-пророков (Магомет), героев-писателей и поэтов (Данте, Шекспир, Руссо, Джонсон, Бёрнс), героев-священников (Лютер, Нокс), героев-царей (Наполеон, Кромвель). В отличие от Карлейля, Платонов в своем перечне оставил представителей лишь трех групп: герои-божества (Будда), герои-пророки (составители вед) и герои-писатели (мыслители: Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, Бергсон и Шпенглер); в этом ряду особняком стоят безымянные «десятки египтян и арабов». С концепцией Карлейля о выдающейся личности, повлиявшей на ход мировой истории, Платонов мог познакомиться по книге историка Н.И. Кареева «Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи» (Пг., 1923), подаренной ему М.Ал. Платоновой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 234). Согласно Карлейлю, «история мира есть биография великих людей», великий человек сверхъестественен и «все вещи, существующие в мире <...> представляют собою <...> осуществление в действительности и воплощение мыслей, которые жили в великих людях, посланных в мир» (*Кареев Н.И.* Томас Карлейль. Его жизнь, личность, его произведения, его идеи. Пг., 1923. С. 120–121).

Толь — кровельный и гидроизоляционный материал, получаемый пропиткой кровельного картона каменно-угольными или сланцевыми дегтевыми продуктами.

Террезит (возможно, *церезит*) — искусственная смесь из кальциевых и алюминиевых солей жирных кислот, обладающая нерастворимостью в воде и водонепроницаемостью, используемая при строительстве железных дорог в качестве добавки к цементным растворам при бетонировании стен и фундаментов в сырых грунтах, в частности при постройке тоннелей и пр. *Терразит* — сухая смесь из извести, цемента, песка и других наполнителей для декоративной штукатурки.

Дождевательные машины встречались так же часто... — Решением сессии водного хозяйства государственной плановой комиссии в 1925 г. была признана необходимость «отпустить кредит Наркомзему для постановки опытов дождевания в СССР. Для изучения работы дождевых аппаратов признано желательным послать в Германию нескольких специалистов из Наркомзема» (Беднота. 1925. 30 мая. С. 4; об опытах Платонова по искусственному орошению почвы см.: *Сочинения*, 1(2). С. 385–392).

С. 32. ...мысли ~ соответствует уже известная, экспериментально установленная, система волн. — Представление Матиссена о мысли как волновом электромагнитном явлении опирается на учение В.М. Бехтерева о «нервной энергии» как быстро протекающих по нейронам волнах «разложения мозгового вещества на ионы, т. е. на частицы, атомы и электроны с положительным и отрицательным электрическим показателем» (*Бехтерев В.М.* Работа головного мозга в свете рефлексологии. Л., 1926. С. 58). См. также примеч. к рассказу «Невозможное» (*Сочинения*, 1(1) С. 581–582) и статью «Странствующий метафизик» (*Сочинения*, 1(2). С. 241).

С. 33. *Видишь, чем стала мысль человека? Ударом разумной воли!* — Осуществленная в соответствии с марксистской теорией классовой борьбы социальная революция, согласно ожиданиям технократической интеллигенции, должна была продолжиться «революцией духа», «октябрем мысли». Победивший класс действует «под знаменем осознания стихийного». Он устраняет всякую мистическую неорганизованность в области реальных общественных отношений и в области мышления. Для того чтобы правильно действовать, он осознает. Всякий стихийный процесс поддается регулированию и *должен быть* регулируем» (Организация быта. <Ред. статья> // Октябрь мысли. 1923. № 5. С. 1). Отсюда следовало определение конечных целей науки как подчинение воле человека стихийных сил: «Дайте свободу разуму <...> и вы подчините все силы природы вашей воле» (*Горький М.* Что такое наука? // Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 3–4). Чтобы подчинить природу воле человека, нужно «познать те законы психофизиологии, которые управляют нашим мышлением» и «овладеть механизмом всех действующих на человека сил» (*Легезо С.* Осознание стихийного // Октябрь мысли. 1924. № 1. С. 32).

Пертурбация (букв. расстройство, смятение (лат.)) — внезапное нарушение обычного, нормального хода чего-либо.

С. 34. *Вот я считаю ~ эта Маша станет нашей!..* — Антропоморфное представление о социальных и природных явлениях и процессах — харак-

терный признак научного мышления конца XIX — начала XX в. В работах социальных историков город рассматривался как «внечеловеческий организм» (И.М. Гревс, Н.П. Анциферов), теоретикам крестьянского хозяйства (А.В. Чаянов, Н.К. Кондратьев, М.А. Феноменов) деревня представлялась подобием улья. Заведующий Воронежским опытным полем С.К. Чаянов определял почву как «естественноисторическое тело» (*Чаянов С.К., Муценко С.С. Методика почвенно-ботанических исследований на Воронежском опытном поле губернского земства. Воронеж, 1915*). Мысль о единстве физических и психических процессов в организме человека развивали последователи Н.Ф. Федорова корреспонденты и сотрудники журнала «Октябрь мысли» Н.А. Сетницкий и А.К. Горский в том же году, когда на его страницах появились рецензии Платонова (см. подробно: *Сочинения, 1(2). С. 429–430*). Они допускали наличие «особого вида нервной энергии, имеющей место наряду с другими ее видами», что позволяло представить мозг человека как «биологический трансформатор энергий», благодаря которому «физические результаты всякой мыслительной деятельности существуют и проявляются <...> и во внешнем этому организму пространстве» (*Сетницкий Н. Единство трудового процесса // Октябрь мысли. 1924. № 3–4. С. 58*).

С. 34–35. *В Большеозерской тундре ~ под наблюдением Академии филологических наук.* — В октябре 1926 г. «Известия» сообщили о завершении трехлетней Монголо-тибетской научной экспедиции знаменитого путешественника П.К. Козлова, в ходе которой он вновь побывал в открытом им в 1909 г. мертвом городе Хара-Хото (*Известия. 1926. 3 окт. С. 4*). На месте раскопок была обнаружена каменная отшлифованная плита с китайскими письменами, сообщавшими историю падения восставшего против императорских войск города. Защитник города богатырь Хара-цзянь-цзюнь, умертвив своих двух жен, сына и дочь, погиб в бою. находка древних книг, дощечек, камней с надписями и рукописей на мертвом языке си-ся (тангутском языке), расшифрованных специалистами, упоминалась также в изданной в 1923 г. книге Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». Анализом найденных в Хара-Хото изображений и письмен занимался академик С.Ф. Ольденбург; результаты опубликованы в издании «Материалы по этнографии России» (Пг., 1914. Т. 2). Вторым открытием экспедиции 1923–1926 гг. была находка в курганах Ноин-ула могильников знати восточных гуннов. В них оказались разнообразные предметы быта, в том числе редкие образцы древней текстильной индустрии (ковры с цветочными аппликациями, шерстяные и шелковые ткани).

С. 34. *То же выражение спокойных лиц: полуулыбка, полусожаление, полуразмышление...* — Ср.: «Естественный и искусственный подбор, стремясь к <...> условному счастью, делая жизнь все более и более сложной, в течение тысячелетий может выработать очень совершенные организмы, мало чувствительные к радостям и страданиям. Молодость их не очень восторгает и старость их не очень мучает. Получается философское равнодушие, равнодушие Будды, величие нирваны. Не смертный покой, но жизнь, богатая делами, великими поступками, только философски спокойная. Она стоит на страже нашей планеты и распоряжается мудро жизнью и природой» (*Циолковский К.Э. Нирвана. Калуга, 1914. С. 7*).

С. 44. ...человек, незаметно для себя, рождает из своих недр новое великолетное существо... — Ср.: «Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше. Его тело — гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее, формы быта приобретут динамическую театральность. Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса» (Троцкий. С. 197).

С. 46. *Заквонкет* — затвердеет.

С. 47. *В этом году рожь до двугривенного доходила — вот тебе и урожай!* — Двугривенный равен 20 коп. Цена ржи в 1925 г. составляла 85–90 коп., в отдельных районах — 1 руб. 20 коп., в 1926 г. — 86–88 коп. (Львов А. Уроки истекшего периода хлебозаготовительной кампании // На аграрном фронте. 1926. № 11–12. С. 35–56).

Слышал про розовое масло? — См. примеч. к рассказу «Родоначальники нации или беспокойные происшествия» (Сочинения, 1(1). С. 535).

Кулеш — жидкая каша, похлебка.

С. 48. *Встанешь утром, воткнул рычаги, повернул кнопки — жарится завтрак...* — Ср. с образом будущего рабочего утра в поэме Маяковского «Летающий пролетарий» (1925): «Спросонок, / но весь — / в деловой прыти, / гражданин / включил / электросамобритель <...> Воткнул штепсель, / открыл губы, / электрошетка — / юрк! — / и выблестила зубы» (Маяковский В.В. Летающий пролетарий. М., 1925. С. 42; Маяковский, б. С. 342).

С. 49. *Голландский пароход «Индонезия», сгрузив индиго ~ грузился лесом, пенькой, деревообделочными машинами и разными изделиями советской индустрии.* — Согласно решениям XIV съезда ВКП(б), «СССР из страны, ввозящей машины и оборудование», должна превратиться «в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял самостоятельную экономическую единицу» (КПСС в резолюциях, 3. С. 427). XV партконференция подтвердила: «Интересы индустриализации должны быть учтены <...> при составлении экспортно-импортного плана (увеличения импорта средств производства с сокращением импорта средств потребления)» (КПСС в резолюциях, 4. С. 73).

Индиго — краситель синего цвета для окраски тканей, добывается из растений.

...вообразжал себе розу, опущенную в синий дух эфира. — Эксперименты в области биотехники стали темой научно-фантастической прозы 1920-х гг. В предисловии к трилогии С. Григорьева «Московский факир», герои которой наблюдают стремительный рост розового куста вне почвы под воздействием химического препарата, говорится об успехах современной американской и советской биотехники. Американский ученый «Бирбанк выгоняет деревья-великаны, которым по размерам можно дать 200 лет <...> Работы Мичурина хорошо известны в Америке, откуда не раз приезжали учиться его приемам американские биотехники. В 1921 г. сад Мичурина был признан имеющим государственное значение и пользуется денежной помощью Наркомзема» (Всемирный следопыт. 1926. № 1. С. 3).

Риверсайд — город в штате Калифорния, США, близ Лос-Анджелеса, район промышленного разведения цитрусовых, центр приборостроения,

радиоэлектроники, пищевой промышленности. В Риверсайде расположено отделение калифорнийского университета Беркли.

С. 51. *«Американцы! В Вашингтоне — ваша мудрость! ~ Осознай же- лудок!»* — Ср.: «Смысл существования буржуазии — накопление богатства, а в богатстве — поиски личного наслаждения жизнью. И все, что способствует богатству или наслаждению, буржуазией пускалось в ход; овладев культурой, буржуазия превратила ее в свое орудие. Таково наслаждение жизнью. В этом нет ничего плохого, то же хочет сделать пролетариат, но по-своему» (статья «Культура пролетариата» // *Сочинения*, 1(2). С. 92). Америка глазами советского человека 1920-х гг., с одной стороны, государство процветающей промышленности, высоких технологий, научной организации труда, объект восхищения и подражания, с другой — страна мещанских интересов и буржуазных духовных ценностей. «Комфорт ради комфорта; уют как самоцель: вся цепь традиций и уважения к теряющим свой практический смысл вещам, начиная с галстуха и кончая религиозными фетишами — вот бытовая трясина, которая цепко держит не только буржуазное мещанство, но и значительную часть пролетариата — особенно на Западе и в Америке. Там создание бескритического жития уже стало орудием нажима на пролет- психику со стороны правящих классов» (ЛЕФ. 1923. № 1. С. 200). См. также примеч. к рассказу «Антисексус» (*Сочинения*, 1(2). С. 556–557).

С. 52. *Он читал где-то, что американцы по развитию мозга — 12-лет- ние мальчики.* — Ср.: «...Америка — свежая страна, новая; без истории, без традиций, до недавнего времени девственно-пионерская страна» (*Лежнев И.* На «стыдную» тему // *Россия*. 1925. № 4. С. 208).

С. 53. *Фагоцит* — клетка животных организмов, способная захватывать и переваривать сторонние тела, в частности, бактерии, открыта И.И. Меч- никовым в 1883 г.

С. 55. *...близ поселения Волошино, Воронежского округа, Центрально- Черноземной области.* — Новое административно-территориальное деление Воронежской губернии официально было введено в 1928 г., см. об этом при- меч. к «Городу Градову», с. 592–593 наст. изд. О Волошино см. выше с. 478.

Матиссен тоже спал — с помертвевлым лицом, оловянным утихим сердцем... — Ср.: «Глубокоученые <...> они превратились в какие-то мыс- лящие машины <...> Страдание и размышления ослабили их чувственность и возвысили ум» (*Циолковский К.Э.* Вне Земли. С. 5).

С. 57. *Кровь переполнялась ядами ~ приносимыми кровью, обращаю- щейся в мозгу.* — Нарком здравоохранения Н.А. Семашко в интервью газете «Известия» сообщил, что экспертиза мозга Ленина обнаружила «крохотный просвет забитых извесью сосудов, ответственных за снабжение мозга кро- вью» (*Семашко Н.* Что дало вскрытие тела Владимира Ильича // *Известия*. 1924. 25 янв. С. 1).

Обычные мысли человека, обычное движение мозга бессильны влиять на мир, для этого нужны вихри мозговых частиц, — тогда мировое веществ- во сотрясает буря. ~ И такие сложные волны мог давать только живой мозг человека, лишь при содействии мертвого аппарата. — В июне 1926 г. «Известия» опубликовали дискуссию ведущих физиологов страны, посвя- щенную природе нервно-мышечного возбуждения. Академик Лазарев утвер-

ждал, что возбуждение в нервно-мышечной системе вызывает разложение веществ около нервов, которое сопровождается выделением энергии. Величина этой энергии постоянна, и она дает каждый раз один и тот же эффект. А.А. Ухтомский, напротив, считал, что по мере увеличения силы возбуждения увеличивается деятельность нервов и мышц, однако в их работе имеются градации. Очень слабые возбуждения не производят никакого эффекта, очень сильные вызывают перенапряжение — тетанус и параличные действия. Одномоментное максимальное действие производится при возбуждении нервов до известного предела (Наука и техника. Успехи и достижения физиологов // Известия. 1926. 4 июня. С. 4).

С. 58. *Черная кровь бурей ворвалась в мозг через разорванную вену и затормозила пульсирующее боевое сердце.* — Ср.: «Кровяное напряжение в мозгу (В.И. Ленина. — Д. М.) достигло крайней степени, и излившаяся из лопнувшего <...> сосуда кровь привела к непосредственному смертному исходу» (Известия. 1924. 25 янв. С. 1).

На горы село небольшое небесное тело... — По крайней мере, в двух доступных Платонову источниках сообщалось о падениях небесных тел, в 1921 г. — в районе Петропавловска-Камчатского (см.: Мироведение. 1921. Т. 10. № 1. С. 72), в 1923 — в соседней с Воронежской Царицынской губернии (публикации в «Воронежской коммуне» в январе — феврале 1923 г.). Фантастические слухи приписывали метеоритам смещение земной оси и губительные последствия для урожая; см. об этом в перепечатанном из «Известий» фельетоне «Был метеор, да весь вышел» (Воронежская коммуна. 1923. 7 февр. С. 1).

С. 60. *Петропавлушкин был селькором «Бедноты».* — Газета «Беднота», издававшаяся в Москве в 1918–1931 гг., с началом развития селькорского движения активно привлекала к сотрудничеству крестьян-корреспондентов и писателей-самоучек, которым отводилась значительная культурно-просветительская роль на селе, официально поддерживаемая и направляемая ЦК ВКП(б).

...он насмехался над здравым смыслом полунаучного человека (я имею степень помощника агронома по полеводству). — По мнению Н.И. Бухарина, в качестве редактора газеты «Правда» в 1918–1929 гг. курировавшего рабселькорское и молодежное движение, «в деревне в десятки, в сотни, в тысячи раз меньше культурных сил, чем в городе. Поэтому там важен каждый лишний человек, который умеет писать, который умеет вскрывать некоторые недостатки, — а таким человеком является селькор, хотя бы даже и малограмотный <...> мы новых людей не сотворим, мы должны работать с тем человеческим материалом, который есть <...> основная задача нашей партии в целом заключается не в том, чтобы отвернуться от деревни и сказать: “фу, деревенщина!”, а в том, чтобы бросить все силы, которые имеем в городе, для ее культурного перевоспитания и переделки» (Бухарин Н. Рабкор и селькор. Статьи и речи. М., 1926. С. 59–60). Селькор Петропавлушкин мог быть членом Всероссийской ассоциации натуралистов (другое название «Союз самоучек» — опыт «внекастовой науки»), или ВАН, в конце 1918 г. организованной по инициативе известного ботаника и популяризатора сельскохозяйственных знаний А.П. Модестова при участии К.А. Тимирязева,

И.И. Горбунова-Посадова, В.Л. Дурова, К.Э. Циолковского и других ученых, которая сделала ставку на «бездипломных тружеников науки и техники». ВАН позиционировала себя как организация, занимающая среди научных организаций России совершенно особое, если не сказать исключительное, место, потому что собирала в свои ряды «всех революционеров науки и бунтарей против власти академизма и научного консерватизма», среди которых 40% не имело никакого официального образовательного стажа или прошло только низшую школу. В составе ВАН были рабочие, красноармейцы, служащие, фельдшеры, агрономы, телеграфисты, лесничие, сапожники, книгоноши. В 1918–1919 гг. ВАН деятельно участвовала в создании рабочих факультетов при вузах. В 1921 г. она откликнулась на всенародное бедствие — голод. При ВАН была создана секция по борьбе с засухой, где предлагалось использовать в борьбе с ней солнечные машины. ВАН принимала непосредственное участие в работе Центрального дома крестьянина, где располагался ее президиум. Обзор деятельности ВАН в журнале «Октябрь мысли» завершился словами: «Таковы основные черты деятельности этой молодой научной организации, которая в условиях новой экономической политики сумела сохранить свой первоначальный революционный энтузиазм» (Октябрь мысли. 1924. № 1. С. 87–88).

...требую к нему доверия, потому что я очевидец всему. — Бухарин напоминал: «...мы не должны иметь таких рабкоров, которые лгут на столбцах нашей газеты, надо, чтобы они понимали свою ответственность перед широкими массами» (Бухарин Н. Рабкор и селькор. С. 37).

В редакции «Бедноты» ~ написали товарищу Петропавлушкину теплое письмо, полное разубеждения, пообещав прислать ему такие книги, которые его сразу выльчат от идеалистического сумбура. — Ср. установку Бухарина в работе с рабселькорами: «Нужно уметь подойти к самому отсталому человеку <...> полному всяких предрассудков, но свою линию нужно вести неуклонно, нужно постоянно смотреть за тем, чтобы сознательность росла за счет стихийности, чтобы передовики поднимали до себя массы <...> И в разговорах, и на собраниях, и в газете он должен иметь свою, антирелигиозную линию» (Бухарин Н. Рабкор и селькор. С. 9). Начало работы Платонова над повестью совпало с набиравшей новые обороты антирелигиозной кампанией в родном городе писателя Воронеже. Комментарием к сюжету с перепиской идеалистически настроенного Петропавлушкина, в говорящей фамилии которого сошлись имена двух апостолов, первыми вышедших на проповедь Евангелия в языческом мире, с атеистической партийной редакцией «Бедноты» может служить письменный диалог рабочих и крестьян Воронежа с делегатами XV партконференции в защиту преследуемого ОГПУ архиепископа Петра Зверева, выплеснувшийся на страницы «Воронежской коммуны». Выдержанная в жанре политического доноса статья корреспондента «Воронежской коммуны», подписавшегося инициалами «А.Д.», негативно характеризовала действия «обманутых духовенством» воронежцев и сообщала об ответной реакции делегатов конференции, обратившихся к отсталым воронежцам с открытым письмом: «Это письмо обращает внимание воронежских рабочих на ту темную деятельность, которую от их имени и за их спиной ведет духовенство, прикрываясь небольшой кучкой несознатель-

ных и обманутых рабочих. Это письмо обращает внимание <...> воронежских рабочих на то, что от их имени <...> было выслано наглое, вызывающее заявление о том, что 99% воронежских рабочих и крестьян своим “единственным избранником” считают некоего Петра Зверева <...> Теперь он в Воронеже, по словам, якобы, “рабочих”, единственный избранник 99% рабочих и крестьян Воронежской губернии <...> Советская власть дает такую свободу вероисповедания, которой не было и нет ни в одном другом государстве. Советская власть не вмешивается во внутренние дела религиозных обществ и группировок. <...> Никто не позволит всякой кучке верующих <...> прикрываться именем воронежских рабочих и говорить от их имени» (Воронежская коммуна. 1926. 30 ноября. С. 1).

С. 61. *Рыжий шофер ~ грусть!* — Несколько измененные строки неоконченного стихотворения «Про электричество», в источнике: «Рыжий шофер очень важен, / Автобусик он ведет. / Ехать быстро очень страшно, / Дядя денежки берет. / По Лубянке к Театралке / Мчится громко автобус. / Нам людей давить не жалко — / По уставу незнакома / Пионерам грусть!» (Сочинения, 1(1). С. 430–436).

С. 67. *В Серебряном бору, близ крематория...* — В 1924 г. в живописном районе на северо-западе Москвы, Серебряном бору, находились детские дома и санаторий и располагались дачи для партработников и старых большевиков. На момент написания повести в Москве велось строительство первого крематория, однако не на территории Серебряного бора, а в Донском монастыре. Ввиду нехватки средств для возведения особого здания было принято решение о приспособлении одного из существующих, стоящих теперь без употребления. В качестве таковых предлагались закрытые монастыри и церкви (см.: Коммунальное хозяйство. 1926. № 15–16. С. 38). Объектом для перестройки был выбран закрытый в 1918 г. храм преподобного Серафима Саровского и благоверной княгини Анны Кашинской на территории Донского монастыря. Как сообщила «Рабочая газета» 26 июня 1926 г., для строящегося крематория из Германии были получены две новые печи. Строительство первого советского крематория регулярно освещалось центральной прессой: «Имеются все основания к тому, что пятидесятилетний юбилейный для кремации год ознаменуется огромной победой: кремация будет, наконец, введена в нашем Союзе, обнимающем 1/6 часть всего мира», — рапортовал орган московского коммунального хозяйства, которому было доверено строительство этого заведения (Коммунальное хозяйство. 1926. № 15–16. С. 38).

С. 68. *«Смерть присутствует там, где отсутствует достаточное знание физиологических стихий, действующих в организме и разрушающих его».* — Ср.: «Вообще смерть есть следствие зависимости от слепой силы природы, извне и внутри нас действующей и нами не управляемой» (Федоров. С. 351); «...смерть <...> не конец; относительно же нас, живущих сынов, смертность есть лишь неведение» (Там же. С. 366–367).

«Вспоминай с нежностью, но без страдания: наука воскресит мертвых и утешит твое сердце». — Ср.: «...организм — машина, и <...> сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину — и сознание возвратится к ней!» (Федоров. С. 366).

С. 70. *Институт имени Ломоносова* — Московский механико-электротехнический институт имени М.В. Ломоносова, располагавшийся по адресу: улица Тверская, Благовещенский переулок, дом 1, имел три факультета: механический, электротехнический, индустриального земледелия; рабочей молодежи предоставлялась возможность обучения на рабфаке.

Его нес метрополитен под Красными воротами, под площадью Пяти Вокзалов ~ в кислородные рои. — В 1926 г. в центральной прессе широко обсуждался образ «новой Москвы» (см.: *Лавров Ф.* Новая Москва // *Известия.* 1926. 17 дек. С. 6). Дискуссия была вызвана решением президиума Моссовета о предварительном рассмотрении вопросов по планировке стремительно растущего города. В центре внимания оказался общественный транспорт и, в частности, перспективы строительства метрополитена. По предположениям инженеров транспорта, самой первой веткой подземного Московского метрополитена должна была стать линия Каланчевская площадь — Мясницкая улица — площадь Свердлова, или «так называемый Каланчевский радиус». По проведенным подсчетам, эта линия питалась «массой пригородных пассажиров Северной, Казанской и Октябрьской железных дорог», предполагалось, что через пять лет нагрузка Каланчевского радиуса возрастет до 105 млн пассажиров, из которых 46 млн будет «чисто городских пассажиров, поступающих с участка Сокольники — Каланчевская площадь» (*Гербко А.* Проект московского метрополитена // *Коммунальное хозяйство.* 1926. № 1–2. С. 8–9). К 1927 г. метрополитеном располагали европейские столицы (Лондон, Париж, Будапешт, Берлин, Мадрид), города Северной и Южной Америки (Филадельфия, Буэнос-Айрес). Решение о строительстве Московского метрополитена было принято июльским пленумом ЦК ВКП(б) в 1931 г. Футурологический хронотоп «Эфирного тракта» оказался пророческим: первые две линии Московского метрополитена, соединившие Сокольники с Парком культуры и отдыха им. А.М. Горького и Смоленскую с Охотным рядом, вступили в строй 15 мая 1935 г. Площадью пяти вокзалов, под которым проходила линия метрополитена, Платонов назвал Каланчевскую площадь, на которой в 1926 г. располагались Казанский, Ярославский (Северный) и Октябрьский (бывший Николаевский) вокзалы.

С. 71. *...деды ходили когда-то с сумочками и палочками на богомолье из Воронежа в Киев, не столько ради спасения души...* — Паломничество, или хождение на поклонение православным святыням сверх обычно посещаемых святых мест, было широко распространено среди всех слоев русского общества, особенно среди крестьянства. Ходили на богомолье чаще всего по обету или просить благополучного разрешения важных дел, замаливать грехи или во время несчастья. Множество паломников привлекали к себе святыни Воронежской губернии — мощи прп. Митрофана Воронежского и Тихона Задонского, почитание которых началось задолго до официального поклонения. Ямская пригородная слобода на северо-западном выезде из Воронежа, где родился Платонов, располагалась по обе стороны Большой Московской улицы, переходившей в Задонский тракт. По Задонскому шоссе проходил богомольный тракт, по которому из Задонска через Воронеж шли многочисленные странники на поклонение древнейшей православной святыне — в Киево-Печерскую Лавру.

С. 73. *Еле успеv пожрать труп врага, электрон уже гибнет — и очередной победитель поедает его вместе с непереvаренными клочьями тела ранее убитого электрона.* — Согласно философским представлениям Н.Ф. Федорова, потребление-пожирание и слепая производительность — проявления чувственности. «Евангелие» чувственности, по Федорову, могло бы начинаться так: «В начале была гастрей (желудок), и гастрей была у природы, и сама природа была желудок» (Федоров. С. 403). Противоположностью чувственности является положительное целомудрие, т. е. воспроизводство ради воскрешения, постройки «как собственного тела, так и тел своих отцов и предков» (Там же. С. 404–405).

С. 78. *В Политехническом Музее ~ на луну.* — По сообщению центральной прессы, весной 1925 г. в Московском политехническом музее состоялись лекции профессоров Баева и Боголепова, вызвавшие слухи о приближающемся конце света — «светопреставлении». Афиша музея сообщила, что речь пойдет о приближении ледниковой эпохи, космических причинах изменения климата и грядущей гибели Земли, вероятности «сближения и столкновения нашего солнца с другим солнцем», землетрясениях и возмущениях «на всем теле земли», внезапном «размножении в мире животных и растений», эпидемических болезнях и пр. (Правда. 1925. 1 марта. С. 3–4). В мае 1925 г. в Политехническом музее выступил К.Э. Циолковский на диспуте «Металлический воздушный корабль Циолковского и как его строить».

Аудитория была взволнована до крайней степени докладом Валира... — Ср. образ пролетарской городской культуры будущего, представленный идеологом борьбы на новый быт Л.Д. Троцким в 1923–1924 гг.: «Все сферы жизни: обработка земли, планировка человеческих поселений, создание театров, методы общественного воспитания детей, разрешение научных проблем, создание нового стиля — будут захватывать всех и каждого за живое. Люди будут делиться на “партии” по вопросам о новом гигантском канале, о распределении оазисов в Сахаре <...> о регулировке погоды и климата, о новом театре, о химической гипотезе, о двух борющихся течениях в музыке, о лучшей системе спорта. <...> Борьба будет иметь чисто идейный характер. <...> Но это <...> не помешает борьбе быть захватывающей, драматической, страстной. <...> Общественное строительство и психофизическое самовоспитание станут двумя сторонами одного и того же процесса. Искусства <...> дадут этому процессу прекрасную форму» (Троцкий. С. 179, 197).

С. 79. *Площадь Свердлова* — центральная площадь Москвы, с 1829 г. носившая название Театральной, в 1919 г. переименована в память председателя ВЦИК Я.М. Свердлова; в 1990 г. обрела историческое название.

С. 81. *КИМ* — Коммунистический интернационал молодежи, учрежден 20 ноября 1919 г. в Берлине, устав и программа подготовлены при непосредственном участии В.И. Ленина. Высшим органом КИМ были конгрессы, в промежутках между конгрессами исполнительный комитет, избиравший президиум и секретариат.

«...Кирпичников будет иметь свидание с предсовнаркомом Союза т. Чаплиным». — Чаплин Николай Павлович (1902–1939) — организатор и руководящий работник комсомольского движения; в 1924–1928 гг. являлся генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, членом ЦИК СССР и ВЦИК. На момент

написания повести председателем Совета народных комиссаров СССР был А.И. Рыков.

С. 82. ...*поехал... к матери на Большой Златоустинский*. — Первый московский адрес А. Платонова и его семьи (дом № 6, подъезд 3, Центральный дом специалистов); родители писателя жили в Воронеже.

...*литература того времени создала образцы нового человека, которому незнаком брак...* — Люди недюжинных умственных способностей, ищущие блага для вселенной, писал К.Э. Циолковский, будут сохранять «целомудрие <...> также тщательно, как и жизнь» (*Циолковский К.Э. Горе и гений*. С. 7).

С. 83. *Метнер* Николай Карлович (1879–1951) — русский пианист и композитор. В 1909–1910 и в 1918–1921 гг. — профессор Московской консерватории. В 1921 г. эмигрировал в Европу. Для музыки Метнера характерна сосредоточенность, углубленность мысли в соединении с лиризмом и напевностью.

Дарю тебе луну на небе ~ мне нечего жалеть. — Четверостишие Егора Кирпичникова цитируется Платоновым в письме к М.Ал. Платоновой от 4 января 1927 г.: «Это песнь из “Эфирного тракта” — она относится, по существу, к тебе» (*Письма*. С. 184).

С. 84. ...*был брошен в илистые воды Амазонки и смыт в Тихий океан*. — Река Амазонка протекает по территории Бразилии и впадает в Атлантический океан.

ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ (с. 86). — МГ. 1927. № 6. С. 55–77. ЕШ. С. 5–61. ПМ. С. 65–98.

Источники текста:

А — автограф повести (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–51).

М — авторизованная машинопись (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1–34).

МГ — журн. «Молодая гвардия».

ЕШ — сб. «Епифанские шлюзы» (1927).

ПМ — сб. «Происхождение мастера» (1929).

Датируется январем 1927 г.

Печатается по автографу с внесением исправлений по МГ, ЕШ.

Автограф повести выполнен карандашом. Более поздние исправления в автографе — их всего три — сделаны чернилами:

1. Исправлен 1698 г., которым датировано письмо Вильяма Перри, и 1699 г. — год приезда Бертрана Перри в Россию: 1698 на 1708 г. и 1699 на 1709 г. (Л. 5; синие чернила). Написание новых дат несколько отличается от почерка Платонова, к тому же даются предлагаемые годы в скобках. Исправление не перенесено в сохранившуюся машинопись, однако вошло в тексты МГ, ЕШ и ПМ. Отметим, что прототип главного героя — английский инженер Джон Перри приехал в Россию в 1698 г., и его маршрут пролегал через Москву. Петербург же, в который прибывает герой повести, был основан лишь в 1703 г. Этот факт мог стать причиной исправления. Остается

неясным, почему для замены был выбран именно 1708 г. Это не связано с перемещениями и работой Дж. Перри, так как и его собственные воспоминания, и исторические документы свидетельствуют о более раннем времени работ в Воронеже. Так, азовский губернатор полковник Федор Матвеевич Апраксин, которому в 1697 г. перед отъездом за границу Петр I поручил надзор за судостроением в Воронеже, писал 11 августа 1703 г. о строительстве шлюза: «Известно тебе, Государь, буди: шлюзное дело, которое строил капитан Перий на устьи Воронежском, совершилось, с милостию Божиею, zelo хорошо, и заперли в последних числах июля; по нынешнее число воды накопилось 9 футов» (*Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. С. 286). А еще спустя три года, 1 апреля 1706 г., Апраксин писал: «Доношу вашему величеству: капитан Перрий подал мне письмо о строении сухого гавана для охранения флота от гнили и мочи и как намерен строить, предложил статьи также и о зарплате своей, что ему платить, написал. И я, Государь, с ним без указа в<ашего> ни в какой договор вступать не смею; а с тех его писем списав, посылаю в<ам> копии» (Там же. С. 407).

2. В главе VI после предложения «Отдыху от баб не вижу, а окромя — всяка стервь доносом норовит меня унять...» вписано: «— Воевода вынул тряпицу и обтер свое пожилое лицо. —» (Л. 27 об.; черные чернила). Добавление перенесено в машинопись, но не вошло в тексты *МГ*, *ЕШ* и *ПМ*.

3. В цитируемых стихах «Возможность страсти горестной и знойной, / Залог души, любимой божеством» «знойной» исправлено на «трудной» (Л. 34; синие чернила). Это исправление было перенесено в машинопись и вошло в тексты *МГ*, *ЕШ* и *ПМ* (см. об этом далее, с. 527 наст. изд.).

Судя по записи Платонова на первом листе автографа — «3 экз. на одной стороне листа. К 5/IV к 1 ч. дня», — к 5 апреля было сделано 3 экземпляра машинописи. Однако в настоящее время выявлен лишь один экземпляр, который незначительно отличается от автографа. При перепечатке текста машинистка допустила ряд неточностей: «царь Петр» вместо «царь Петер», «звериной» вместо «зверной», «затейник» вместо «затейщик», «мудреца» вместо «мудрица», «хранилась» вместо «хоронилась», «обучить» вместо «обручить», «косые земли» вместо «косные земли», «болотную морку» вместо «болотную мороку» и др. Иногда машинистка заменяла э на е, но впоследствии, а также допускала опечатки в именах собственных (например, Корборунд вместо Карборунд). Ошибки машинистки в *МГ*, *ЕШ* и *ПМ* не вошли.

Отдельные исправления были сделаны Платоновым, очевидно, в машинописи, с которой текст набирался для *МГ* и *ЕШ*; они вошли в эти издания: «Сколь обильна сокровенность пространств, то непостижно даже самому благородному сердцу!» вместо «Сколь обильна сокровенность пространств — то непостижно даже самому могучему разумению и нечувственно самому благородному сердцу!» (Л. 1); «просвещенной речи» вместо «цивилизованной речи» (Л. 1 об.); «тысячу рублей серебром» вместо «тысячу рублей ассигнациями» (Л. 3 об.); «резидент» вместо «консул» (Л. 5 об.); «Государя и Самодержца Всероссийского» вместо «Государя Императора» (Л. 6); «Наук-Коллегия» вместо «Императорская Академия Наук» (Л. 6); «над Санкт-Петербургом» вместо «над Петербургом» (Л. 9); «адмиралтейских и штат-

ских ассамблей не посещал» вместо «адмиралтейских балов не посещал» (Л. 10 об.); «главным мастером и строителем» вместо «главным инженером-строителем» (Л. 11).

Первые упоминания о работе над повестью «Елифанские шлюзы» появляются в письмах Марии Александровне, датированных началом января 1927 г. 5–6 января 1927 г.: «Кончаю — меня ждет работа о волго-донском канале Петра. Очень мало (совсем нет) исторического материала. Опять придется лечь на свою “музу”: она одна мне еще не изменяет» (*Письма*. С. 188); 8–9 января: «Пишу последнюю вещь для сборника рассказов — “Елифанские шлюзы” — из времен Петра I. Через неделю, наверное, кончу. <...> Герой — инж<енер> [Виль] Бертран Перри, у него невеста Мэри Карборунд» (Там же. С. 191). Однако через неделю окончить работу не удалось. 18 января он сообщает: «Работаю над Епифанами» (Там же. С. 193). На следующий день: «Всю силу хорошо в “Епифанские шлюзы”» (Там же. С. 195).

Об окончании повести Платонов сообщил 25 января: «“Елифанские шлюзы” написаны, но негде напечатать, т<ак> к<ак> на службе печатать постороннюю работу теперь не разрешают, а машинисток, берущих работу на дом и имеющих машинки дома, в Тамбове вообще нет. Не знаю, что делать. В Москве тоже нельзя перепечатать работу — некому позаботиться и нет денег. <...> Петр казнит строителя шлюзов Перри в пыточной башне в странных условиях. Палач — гомосексуалист. Тебе это не понравится. Но так нужно.

Нравятся тебе такие стихи:

Любовь души, брошенной и страстной —
Залог души, любимой божеством...*

* спутал, забыл...

Очень старó, но хорошо. Это писал Перри, когда был женихом Мери Карборунд. Потом она стала женой другого. Потом прислала в Елифань из Нью-Кестля неизвестное письмо, его положил за икону к паукам епифанский воевода, а Перри умер в Москве. Шлюзы не действовали. Народ не шел на работы или бежал в скиты и жил ветхопещерником в глухих местах.

Вот — “Елифанские шлюзы”. Я написал их в необычном стиле, отчасти славянской вязью — тягучим слогом. Это может многим не понравиться.

Мне тоже не нравится — так как-то вышло. Пускай остается» (*Письма*. С. 197–198).

Вскоре Платонов нашел машинистку, и уже в следующем письме 26 января сообщил жене: «“Епиф<анские> шлюзы” печатаются, но медленно. Кому их посылать, тебе или тоже прямо Молотову?» (Там же. С. 201). 28 января он делился с Марией Александровной дальнейшими планами и писал о том, что «Елифанские шлюзы» — «последняя» повесть для книги «Пустые урны» и машинопись «будет выслана через 2 дня» (Там же. С. 203).

Наконец, 30 января Платонов отправляет машинопись повести в Москву: «Посылаю “Елифанские шлюзы”. Они проверены мною. Передай их немедленно кому следует. Обрати внимание Молотова и Рубановского на необходимость точного сохранения моего языка. Пусть не спутают» (Там же. С. 207).

Петровская тема в повести «Епифанские шлюзы» разрабатывалась Платоновым не совсем обычно. У него действительно не так много было «исторического материала», о чем пойдет речь ниже, но был не менее значимый опыт, связанный с его работой в Воронежском ГЗУ. В статье «Мелиоративные работы в нашей губернии» (1924) Платонов описал собственный опыт строительства плотин: «Сверх указанного открыты и на днях открываются 50 плотин (с несомкнутыми плечами — доделка таких плотин будет произведена весной). Работы будут вестись до последней возможности. Техническая надежность и качество сооружений обеспечиваются в полной мере» (*Сочинения*, 1(2). С. 275). Проблема «заключалась в том, что для поглощения всех денежных средств, выделенных на осенний период, требовалось расширить работы по строительству плотин, понимая, что они не будут закончены в строительном сезоне 1924 г. и впоследствии могут быть разрушены при проходе весенних паводковых вод» (Там же. С. 476. Примеч. Е. Антоновой). Узнав о планах на весеннее окончание строительства, Платонов в отчете о командировке предупреждал руководство о большом риске: «На это я возразил, что доделка сооружений весной мне непонятна, как непонятен вообще термин “доделка” при наших типах сооружений и после пропуска весенних вод. По-моему, под весеннюю воду, даже под снег, надо оставить уже вполне технически законченные сооружения — с водосливами, чтобы весенний паводок они вынесли бы без вреда, недоделанные же сооружения, сказал я, мы оставлять не намерены, ибо мы отвечаем головой за их техническое совершенство и сохранность после спада весенних вод» (Там же).

После неоднократных обсуждений вопроса руководством, мелиораторами с участием инспектора общественно-мелиоративных работ из Москвы А.А. Прозорова все же было принято решение об оставлении недостроенных плотин на зиму. «Во время паводка, в конце марта — начале апреля 1925 г., Платонов лично проинспектировал строящиеся объекты; в целом пропуск весенних вод прошел удачно» (Там же. С. 477).

В статье «Победим ли мы засуху?» (конец 1926 — начало 1927 г.) запечатлены настроения Платонова, близкие главному герою «Епифанских шлюзов»: «Но сооружения общественных работ сейчас десятками разрушаются, стихии крестьянской некультурности и паводковых вод совместно равняют с землей и расстилают по балкам сотни тысяч кубических сажень плотин. Отчего это? Работы были не продуманы, неправильно организованы, земельные аппараты не выдерживали такой нагрузки, бюрократизм душил строительство и т. д. и т. д.» (*Сочинения*, 1(2). С. 482).

Вопросы, волновавшие писателя, поднимались на страницах не только губернской, но и центральной печати. В 1925 г. широко обсуждается тема возобновления строительства Волго-Донского канала. Так, в журнале «Народное хозяйство Центрально-Черноземной области» была опубликована статья инженера Г.А. Пуле, в которой рассматривалась тема соединения двух рек и обосновывалась экономическая выгода речного транспорта: «В настоящее время вопрос о проведении Волго-Донского канала опять становится глущим и, надо полагать, станет твердо на рельсы» (*Пуле Г.А. Условия судоходства в Центрально-Черноземной области в связи с общим положением судо-*

ходного дела в России // Народное хозяйство Центрально-Черноземной области. 1925. № 3. С. 95).

19 ноября 1926 г. было принято постановление ВЦИК по вопросу о сооружении водной Волго-Донской магистрали. До конца 1926 г. планировалось окончить изыскания, связанные с проектом.

Очевидно, еще в Воронеже Платонов написал статью «О дешевом водном пути Черноземного края (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)». 17 июля 1926 г. она была опубликована в «Известиях» (С. 3). В пору работы над «Епифанскими шлюзами» Платонов перепечатывает ее в «Тамбовской правде» (1927. 12 янв. С. 2). Основным источником исторического материала как для статьи, так и для повести «Епифанские шлюзы» послужила книга инженера А.И. Легуна «Воронежско-Ростовский водный путь» (Воронеж, 1909). На этот источник указала Е. Антонова, сопоставив тексты повести и книги (см. об этом: *Антонова Е. О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926–1927 гг. // Страна философов, 2000. С. 460–464*). Из книги Легуна Платонов заимствовал эпизоды для письма Вильяма Перри, технические детали проекта, описание катастрофы на Иван-озере, тексты донесения и челобитной царю (см. примеч. к повести, с. 516, 520, 524, 525, 527 наст. изд.). В тексте челобитной царю писателем были сохранены пунктуация (заметно отсутствие запятых) и особенности написания отдельных характерных слов (например, «неначем»). При этом смысловая правка (касающаяся характера, места и времени проводившихся работ) была внесена в текст источника сразу по ходу письма, а также дописаны обращение к царю в начале письма и последнее предложение челобитной (см. с. 525 наст. изд.). Тексты, цитируемые Легуном, Платонов воспроизводит почти без изменений как выдержки из исторических источников, которые являются для него стилистическим образцом языка Петровской эпохи. Инженер Легун, в свою очередь, включил в свою работу большие цитаты из «наиболее подробных» разысканий 1699 г. вице-адмирала Петра I Корнелиуса Крюйса, изданных в Амстердаме и предназначавшихся для царевича Алексея Петровича.

Платонов заимствует из книги Легуна множество деталей и фактов, стилистически изменяя их. Ср.: «Начав эту работу в 1702 году, он ее закончил благополучно в течение 16 месяцев... Затем тому же инженеру Перри было поручено Петром I-м...» (Легун) — «И в той работе прошло 16 месяцев. А с тем пришла другая работа. Царь Петер остался доволен трудами моими...» (отметим здесь, что Дж. Перри в своих записках не называл государя по имени) («Епифанские шлюзы»); «эту работу... он выполнил удачно» (Легун) — «эту тягость я снес» («Епифанские шлюзы»); «встретилось столько подземных ключей» (Легун) — «били могучие ключи» («Епифанские шлюзы»); «бывшие в употреблении помпы оказались недостаточными, почему работа должна была прекратиться на 6 недель» (Легун) — «немецкие помпы стали слабосильны от ключей и шесть недель стояла работа от обильности тех ключей» («Епифанские шлюзы»); затем изготовили машину, «работавшую день и ночь в течение нескольких месяцев» (Легун) — «коя... работала без утиха 8 месяцев» («Епифанские шлюзы»). При этом можно отметить и тщательное использование писателем мельчайших языковых

единиц источника, которые помогают воспроизвести язык эпохи. Так, например, выражение в письме Вильяма «и тебя с такого дела станет» имеет источником текст приказа от апреля 1698 г. об очистке рек Воронеж и Дон, который цитирует Легун: «...чтобы теми реками корабельному ходу никакой остановки не было, для чего послать трех человек дворян добрых, кого б с такое дело стало» (Легун. С. 39).

Прототипом двух братьев — Вильяма и Бертрана Перри — стал английский инженер Джон Перри (Васильев В. Андрей Платонов. М., 1982. С. 79; Лангерак. С. 121), который многие годы работал в России и, вернувшись на родину, написал книгу «Состояние России при нынешнем царе» (1716). В России книга была переведена и увидела свет в 1871 г. Перри изложил последовательность и объемы работ, стадию их завершенности, технические данные. Книга английского инженера стала одним из источников для исследователей Петровского времени и историков русского флота, использовал ее в своих размышлениях и А.И. Легун. Воспроизведем событийную канву в соответствии с изложением ее в книге Дж. Перри. В 1698 г. во время заграничного путешествия Петр I посетил Англию. Английский капитан Джон Перри, строитель доков, кораблей и каналов, был представлен среди прочих мастеров царю «как человек, способный быть ему полезным в некоторых случаях, относящихся до его новых предприятий: основания флота, способствования к судоходству рек и проч.» (Перри. С. 1). Царь лично переговорил с Перри. Как вспоминал англичанин, речь шла преимущественно о строительстве канала между Волгой и Доном. После беседы с Перри был заключен договор о жалованье: «...мне определено 300 фунтов стерлингов в год, и, кроме того, правительство русское берет на себя уплату моих путевых расходов и выдает деньги на содержание мое во время каждого служебного поручения... после окончания каждого дела мне назначается известное вознаграждение, способное удовлетворить меня». Жалованье Перри по курсу фунта к рублю начала XVIII в. (фунт стоил 2 рубля 40 копеек) составило в год 720 рублей — или 60 рублей в месяц.

В том же году Перри приехал в Россию — сначала в Москву, затем сразу же отправился в Астраханскую губернию. Спешность перемещений объяснялась тем, что в это время строительство канала между Волгой и Доном было оставлено главным производителем работ. Из записок Перри следует, что строительство началось под руководством немецкого инженера — полковника Брекеля. Будучи «хорошим военным инженером по части укрепления» (Там же. С. 3), он, по мнению Перри, не разбирался в строительстве каналов. Брекель, во-первых, выбрал неправильное место для строительства, а во-вторых, план канала был подготовлен настолько неудачно, что первый же построенный шлюз сорвало. Зимой, приехав в Москву, Брекель выхлопотал паспорт для своего слуги и с этим паспортом бежал из России. Известие о бегстве инженера застало Петра I в Англии. Потому Перри был приглашен на службу для завершения покинутого строительства.

Исследователями неоднократно отмечалось не соответствующее историческим фактам окончание повести — со ссылкой на исторические документы и биографию Дж. Перри, благополучно вернувшегося в Англию (см., напр.: Лангерак Т. Комментарии к сборнику «Епифанские шлюзы» // Воспо-

минания. С. 187). Действительно, хорошее отношение к иностранцам формировалось государственной политикой. Приведем лишь одно документальное свидетельство той эпохи — петровский «Манифест о вызове иностранцев»: «Довольно известно во всех землях, нам подвластных... что все старания наши клонятся к лучшему состоянию наших подданных. На сей конец, озабочиваясь внутренним спокойствием и внешнею обороною государства, мы произвели в самом управлении многие перемены для образования и промышленности народа; более же всего заботились о лучшем учреждении войска. Для большего в том успеха и для призыва способных иноземцев в нашу службу, повелеваем везде объявить... для устранения опасения о судебной расправе, несогласной с природными земскими обычаями, повелеваем утвердить из искусных иноземцев коллегию тайного военного совета: от ней будут зависеть все дела иностранного военного штата, вместе с иноземным крингс-коммиссариатом, военною казною, судом и расправою» (цит. по: *Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 2. С. 162–163*). Но, несмотря на утверждения историков и государственные постановления, предшественник Перри все-таки предпочел, допустив неполадки в работах, бежать, не проверяя на себе исполнения законов: «Брекель... убоялся последствий, которым мог подвергнуться в самовластном государстве, и бежал за границу, откуда написал царю письмо с жалобою на Голицына... особенно напирал на дурное обращение с ним князя, который... однажды ударил Брекеля тростью и страшал, что велит его повесить» (*Перри. С. 4*).

Прибывший на место работ Перри выбрал более удобное место для рытья канала и получил согласие царя начать строительство (Там же. С. 3). Работы продолжались три года. В конце 1701 г. инженер был вызван в Москву, а к тому времени «некоторые шлюзы были почти окончены и канал вполовину прокопан» (Там же. С. 4). В 1702 г. Перри командировали в Воронеж. Сначала он должен был построить верфи для ремонта кораблей на суше: «...что я и привел в исполнение в течение следующих шестнадцати месяцев». Затем прибывший в Воронеж Петр приказал Перри «осмотреть реку и решить, может ли она, посредством устроенного на верховьях ее нового шлюза, сделаться судоходною на всем своем протяжении от г. Воронежа до реки Дона, так, чтобы во всякое время года по ней могли плавать 80-ти пушечные корабли» (Там же. С. 7). Эту работу инженер начал в 1704 г.: «Я и это привел в исполнение везде, где только получал достаточное количество работников и матерьяла...» (Там же. С. 24). Таким образом, можно предположить, что намеченные работы были выполнены не полностью. В это же время Перри был назначен консультантом по выбору места для строительства новых верфей. К его мнению губернатор Апраксин не прислушался, и работы эти потерпели неудачу. «Окончив мою последнюю работу в Воронеже, я остался в Москве несколько месяцев без новых поручений», — пишет инженер.

Затем Перри, не имея некоторое время работы, попросил отпуск на 8–10 месяцев в Англию «для свидания с родственниками и друзьями». Его просьба была истолкована Апраксиным как желание уехать на родину и там применить свои изобретения, которые инженер предлагал первоначально

царю. Перри был вынужден ждать возвращения Петра с театра военных действий для решения своей участи.

После победы под Полтавой Петр приступил к реализации нового «проекта»: он решил строить водный путь от Волги «через Ладожское озеро до Петербурга». Перри, не получивший еще вознаграждения за предыдущие свои труды, отказался от участия в этом проекте.

Долгое время оставаясь без работы, не получая ни причитающегося вознаграждения, ни разрешения выехать на родину, Дж. Перри написал записку «Смирненное изложение тяжкой судьбы и затруднений, которые нижеподписавшийся Джон Перри претерпел с того времени, как покинул Англию, до настоящего 1710 года», которую показал сначала «полномочному послу ее величества при царском дворе» мистеру Витворту и «консулу ее величества» мистеру Гудфело. Затем записка была отдана Апраксину с просьбой передать ее царю.

Петр обещал Перри выполнить взятые на себя обязательства по оплате его труда, но предложил сначала создать план по соединению Ладоги и Волги. В конце 1710 г. Перри выполнил и это поручение, но, возвратившись из поездки, получил плату лишь за один год. Апраксин, как считал Перри, внушил царю мысль, что инженер хочет получить деньги, чтобы покинуть Россию. «Его несправедливые намеки, — пишет Перри, — были совершенно противоположны моим намерениям; я имел в виду, если бы только деньги мои были выплачены, остаться в этой стране, вступивши в брак с уважаемою мною особой, и тогда бы долго продолжалась служба моя царю» (*Перри*. С. 35–36). Перри отказался подписывать какие-либо дополнительные соглашения: «После этого заявленья с моей стороны, его сиятельство дважды посылал ко мне офицера от имени царя и страшал, что силою заставит меня приняться за работу; он бы непременно самовольно исполнил эту угрозу, — как считал Перри, — если бы я не прибегнул к защите мистера Витворта...» (Там же. С. 36). Вместе с возвращавшимся на родину послом Перри покинул Россию.

Нельзя также не учитывать влияния на замысел повести книги В.О. Ключевского «Курс русской истории» (М., 1910). Том, посвященный петровскому периоду (Ч. 4), имеется в библиотеке Платонова (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 539). В первом историческом комментарии к «Епифанским шлюзам» Т.А. Никонова назвала этот труд в числе источников повести (*Никонова Т.А.* Комментарий к повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» // Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж, 1970. С. 204–210). Истории Волго-Донского канала Ключевский посвятил следующие строки: «В начале деятельности, после взятия Азова, когда для укрепления своей азовской позиции он (Петр I. — *Е. Р.*) думал направить торговое движение к азовским портам и даже помышлял о черноморском флоте, он предпринял двойное соединение центральных водных путей с Черным морем двумя каналами, одним между притоками Волги и Дона, Камышинкой и Иловлей, и другим через небольшое Иван-озеро (Епифан. уезда), из которого с одной стороны выходит Дон, а с другой речка Шать, приток Упы, впадающей в Оку; озеро и реки надобно было канализировать, расчистить и углубить. В обоих местах много лет заняты были десятки тысяч рабочих, потрачено множество мате-

риала; на Иванском канале построено было уже 12 каменных шлюзов. Но Северная война отвлекла внимание Петра в другую сторону, а потеря Азова в 1711 г. заставила бросить все страшно дорогие азовские и донские сооружения» (*Ключевский*. С. 161). Описывая преобразования Петра Великого в промышленности и торговле, Ключевский высказывает отношение, нечуждое Платонову, называя царя «мастером-экономом, способным создавать новые средства и пускать их в народный оборот» (Там же. С. 140), «крайне бережливым хозяином, зорким глазом вникавшим во всякую хозяйственную мелочь» (Там же. С. 143). Слова Ключевского о повышении производительности труда, о техническом оснащении, о разработке полезных ископаемых, среди которых Петр I выделял торф и каменный уголь, — все эти идеи близки Платонову-мелиоратору: «Мысль о предварительном подъеме производительных сил страны, как о необходимом условии обогащения казны, и легла в основу экономической политики Петра. Он поставил себе задачей вооружить народный труд лучшими техническими приемами и орудиями производства и ввести в народно-хозяйственный оборот новые промыслы, обратив народный труд на разработку нетронутых еще богатств страны» (Там же. С. 141).

Повесть «Епифанские шлюзы» опубликована в июньском номере журнала «Молодая гвардия» за 1927 г. Первый отклик на публикацию появился в июльском номере ленинградской «Красной газеты» в обзоре шестого номера «Молодой гвардии»: «Следует отметить также рассказ А. Платонова “Епифанские шлюзы”, переносающий нас в далекие петровские времена. Рассказ А. Платонова дает прекрасный материал для понимания петровской эпохи. Повесть о постройке Епифанских шлюзов, которые должны были создать сплошной судовой ход между Доном и Окою и соединить Придонской край с Москвой и волжскими провинциями, имеет большую социальную ценность. Писателю удалось показать петровскую эпоху и самого Петра по-настоящему, без прикрас. Ему удалось передать жуткую картину подневольного труда, провала всего Епифанского дела, которое стоило жизни десяткам тысяч рабов и личной трагедии руководителя Епифанских работ, английского инженера Бертрана Перри. Особую прелесть рассказу придает умелое, без пересола, использование автором тогдашнего языка» (*Красная газета*. Веч. вып. 1927. 15 июля. С. 5. Подпись: *М. Г.*).

Одновременно с журнальной публикацией увидел свет сборник «Епифанские шлюзы». Повесть вышла в нем с посвящением жене — «М.А. Кашинцевой». В *МГ* посвящение было снято. Очевидно, это было желание Марии Александровны. По этому поводу в письме от 26 января 1927 г. Платонов писал: «По-моему, ты не имеешь права зачеркивать посвящения, написанные не тобой. Когда книга выйдет с посвящением, а ты им будешь возмущена, ты имеешь возможность и право выступить в ежедневной или в журнальной прессе с заявлением, что ты отводишь от себя авторское посвящение, т<ак> к<ак> автор и его сочинения для тебя крайне неприятны, подлы, лицемерны и пр<очее> — в таком духе. Это ты можешь делать и сделаешь, когда наступит твое время. А чужими желаниями распоряжаться нельзя и плевать на них не стоит» (*Письма*. С. 201).

В сентябре 1927 г. в ленинградской «Смене» также были высказаны благожелательные слова в адрес повести: «При всей тяге наших писателей к устоявшемуся историческому материалу, произведений, хорошо, а главное — достаточно верно рисующих далекую эпоху, — очень мало. “Епифановские шлюзы” ^{sic!} наиболее сильная и удачная вещь сборника» (Смена. 1927. 17 сент. С. 3. Подпись: В. Я.). В еще одной рецензии «Красной газеты» сборник назван «книгой ценной, интересной и талантливо написанной», а повесть охарактеризована в духе времени: «Эпоха Петра I в художественной литературе так богато освещена, что показать что-нибудь новое из истории быта и нравов того времени очень трудно. Интерес рассказа заключается скорее в новом толковании этой эпохи. ...автор видит в ней, прежде всего, эпоху интенсивного строительства, вызванного требованиями развившегося торгового капитала» (Красная газета. Веч. вып. 1927. 12 окт. С. 6. Подпись: П. Р.).

К «Епифанским шлюзам» критика вернется в 1929 г. В статье В. Стрельниковой «“Разоблачители” социализма. О подпильничниках» были обозначены «родственность мировоззрений» Платонова и Пильняка в вопросе «схожести эпохи Октябрьской революции с Петровской эпохой» и отмечено «своеобразие» «Епифанских шлюзов»: «Этой затрепанной и дешевой исторической аналогии Андрей Платонов сообщил, однако, много своеобразия — он взял ее в таком разрезе: дутые прожекты Петра и дутые прожекты Октябрьской революции»; «Образы этого рассказа — грандиозность этого сооружения, которое должно обогатить нищенскую страну и научить русских дикарей иноземному мастерству, эта изнемогавшая от голода и работы “мужицкая гнида”, которая молчком разбегается с постройки, заведомо зная, что проку от нее никому не будет, — все эти образы довлеют и над той частью книжки, в которой дана “Россия в эпоху строительства социализма”. Россия этой эпохи так же дика и убога, как и Россия времен Петра, прожекты же ее во много раз грандиознее и нелепее петровских» (ВМ. 1929. 28 сент.).

Отвечая Стрельниковой, Платонов настаивал на своей правде: «Аналогии между петровской эпохой и нашим временем я не проводил нигде. В “Епифанских шлюзах” у меня показано, что замыслы петровской эпохи осуществлялись *против масс* и в этом их бессилие. <...> Только герои халтуры, не имеющие никаких точек соприкосновения с нашей действительностью, кроме редакционных касс, могут считать осушение болот, облесение пустынь, переход кочевников на оседлость “малыми” и “скромными” делами» (Автограф ответа Платонова к критике В. Стрельниковой // Страна философов, 2003. С. 719–726. Подготовка текста, вступ. ст. и коммент. Н. Корниенко).

В 1930 г., когда отношение критики к прозе Платонова уже определилось, критик Л. Левин утверждал прямо противоположное Стрельниковой, находя в «Епифанских шлюзах» «пример ухода писателя от революционной эпохи»: «Каковы связи писателя с революционной эпохой, как он подходит к творческому воспроизведению революции и движущих ее людей? При рассмотрении этого вопроса прежде всего должен быть выделен рассказ “Епифанские шлюзы”, который как по теме (казнь Петром Великим “аглицкого”

инженера Бертрана Перри за неудачный исход строительства канала между Окой и Доном), так и по обработке (тонкая стилизация языка петровской эпохи) сделал бы честь любому западнику прошлого столетия. Варварская Россия, темная и жуткая в своей темноте, встает со страниц платоновского рассказа с большой яркостью и силой; однако “Епифанские шлюзы” никак не увязаны с современностью, а это делает рассказ классическим образцом литературной нейтральности...» (Резец. 1930. № 7 (февр.). С. 2 обложки).

С. 86. *Ньюкестль* — соврем. Ньюкасл (Newcastle) — город в Англии.

Токмо — только.

Десятский — заведующий десятком изб или людей; низшая степень руководителя, надсмотрщика.

Азов — турецкая крепость, в 1696 г. взята войсками Петра I; в 1708–1711 гг. — губернский город; в 1711 г. возвращен Турции, окончательно закреплен за Россией в 1774 г.

Кафа — название города Феодосии в XII–XV вв., в русских источниках — до XVIII в.

Константинополь — название Стамбула (İstanbul) с 1453 по 1930 г.

Негоциант — торговец, купец.

Танаид, или *Танаис* — древнегреческое название Дона.

С. 89. «*На устье реки Воронеж построен мной двухкамерный шлюз... ~ Твой брат и друг, инженер Вильям Перри. 1708 лета, осьмаго Августа*». — Источником фрагмента письма Вильяма Перри послужила книга Легуна (см. с. 510 наст. изд.). Ср.: «Перри был выстроен в устье р. Воронеж двухкамерный шлюз с перемычкой, что дало возможность “произвести починку корабля на суше, не причиняя ему большой ломки; устроил большую перемычку и шлюз с воротами, придав ему размеры, достаточные для пропуска воды; потом устроил другой шлюз с двумя большими воротами, через которые могли бы проходить большие корабли так, что их можно бы запираť во всякое время в пространстве, огражденном перемычкой и спускать из него воду, когда корабли войдут в него”.

Начав эту работу в 1702 году, он ее закончил благополучно в течение 16 месяцев...

Затем тому же инженеру Перри было поручено Петром I-м “исследовать, нельзя ли с помощью шлюза, устроенного выше, сделать р. Воронеж судоходною до самого города для кораблей в 80 пушек”.

И эту работу, начав ее в 1704 году, он выполнил удачно, причем сам Перри уверял, что оба шлюза настолько прочны, что не могут бояться разливов и не будут снесены “пока свет стоит”.

Грунт на месте заложения второго шлюза был слаб и при производстве выемки для заложения основания шлюза встретилось столько подземных ключей, что бывшие в употреблении помпы оказались недостаточными, почему работа должна была прекратиться на 6 недель, пока изготовили машину, выкачивавшую 10–12 бочек воды в минуту и работавшую день и ночь в течение нескольких месяцев» (Легун. С. 41–42).

С. 89. *Шлюз* — сооружение, расположенное в месте падения уровня воды в реке, канале или другом водоеме, состоящее из одной или нескольких

камер, в которые вводятся суда для перевода их с одного уровня воды на другой путем последовательного выравнивания горизонтов воды в камере с нижним и верхним бьефами (часть реки, примыкающая к шлюзу. — *Е. Р.*) (Энциклопедия современной техники. Строительство. М., 1964).

Перемычка — водонепроницаемое ограждение, предохраняющее гидротехнические сооружения или место работ во время строительства или ремонта от затопления.

Помога — помощь, поддержка.

Помпа — вид насоса.

...вручил тысячу рублей серебром... — Первоначально в автографе было «тысячу рублей ассигнациями». Правка согласуется с историческими реалиями: первая неудачная попытка ввести бумажные денежные знаки (ассигнации) была предпринята лишь в царствование Елизаветы Петровны.

...Леонардо да Винчи, изобретатель шлюзов... — Леонардо ди сер Пьеро да Винчи (1452–1519) — итальянский художник, ученый, изобретатель и писатель. Спроектировал канал со шлюзами, в котором при помощи открытия и закрытия ворот можно было контролировать уровень воды.

Зело — весьма, очень.

С. 90. ...резидент английского короля. — Английский король Вильгельм III правил Великобританией до 1702 г.; в 1702 г. после его смерти управление страной перешло к королеве Анне.

Цейхгауз — военный склад для хранения оружия, снаряжения или обмундирования.

Венецианское окно — широкое трехчастное арочное окно; обычно в окнах этого типа по сторонам среднего широкого проема расположены два узких.

Наук-Коллегия — в России XVIII — начала XIX в. центральные правительственные учреждения назывались *коллегиями*. По указу Петра I 12 декабря 1718 г. было учреждено девять коллегий: «1) *Чужестранных дел*, 2) *Камор*, ведомство государственных денежных доходов, 3) *Юстиция*, 4) *Ревизион*, “счет всех государственных приходов и расходов”, т. е. ведомство финансового контроля, 5) *Воинской* (коллегиум), ведомство сухопутных военных сил, 6) *Адмиралтейской*, ведомство морских сил, 7) *Коммерц*, ведомство торговли, 8) *Берг* и *Мануфактур*, ведомства горнозаводской и фабричной промышленности и 9) *Штатс-контор*, ведомство государственных расходов» (*Ключевский*. С. 224). Позже создана *Вотчинная коллегия*, а «составные части Берг- и Мануфактур-коллегии разделилась на две особые коллегии» (*Там же*. С. 225). Главное отличие коллегияльной системы от приказной заключалось в более четком разграничении сфер деятельности. Однако коллегии не охватывали всех отраслей управления. По-прежнему дворцовое, ямское, строительное, медицинское дело и некоторые другие находились в ведении специальных приказов, палат и контор.

С. 90–91. Государь имеет самоличное наблюдение за движением проекта по коммутации рек Дона с Окою — чрез Иван-Озеро, реку Шать и реку Упу... — *Коммутация* — здесь: соединение. *Иван-озеро* — ранее существовавшее озеро в Тульской области; в 1932 г. озеро стало частью Шатского водохранилища и с тех пор не существует как отдельный водоем. *Река*

Упа — большой правый приток Оки, вытекает из озера у поселка Верхоупье на юго-востоке Тульской области. *Река Шать* (правильнее — Шат; в написании названия реки Платонов следует за Ключевским) — река в Тульской области, правый приток Упы, вытекает из Шатского водохранилища.

С. 91. ...*Главный Уставщик и Юрист* *Наук-Коллегии*... — *Уставщик* (устар.) — человек, устанавливавший правила, распорядок чего-либо. *Юрист* (устар.) — специалист в области юриспруденции.

Мери Карборунд — фамилия невесты Бертрана Перри образована от латинского термина «карборунд» — карбид кремния, твердое и тугоплавкое вещество. «...Характерно, что письмо с сообщением о замужестве она подписывает *двойной* фамилией — Карборунд-Рейс. <...> В английском <...> *ray(s)* <...> “лучи”. С учетом этого двойная фамилия героини может интерпретироваться как “лучи карборунда” <...> актуализируя в образе Мери *световую* семантику. Связь между карборундом и светом не случайна. <...> ...в научно-техническом контексте платоновской эпохи данное вещество фигурировало в связи с изобретениями, относившимися к сфере *электричества*.

В начале 1890-х гг. карборунд применял в своих опытах знаменитый ученый и изобретатель Никола Тесла. В лекции “Эксперименты с переменными токами высокого напряжения и высокой частоты” (февраль 1892 г., Лондон) он рассказывал о созданных им лампах с электродами из искусственного карборунда <...> Тесла разработал принципиально новую лампу, в которой раскаленный электрод передавал тепловую энергию молекулам газа в колбе, превращая их в источник света; при использовании тока высокой частоты такая лампа давала в 20 раз больше света, чем обычная лампа накаливания. Во время лекций ученый демонстрировал эффектный опыт: держа карборундовую лампу в одной руке, другой рукой брался за оголенный провод высокочастотного трансформатора. Через тело Теслы проходил ток напряжением в сотни тысяч вольт, не причиняя ему вреда, а лампа пылала ярким светом... <...>

Однако образ “карборундовых лучей” мог ассоциироваться и с отечественными изобретениями. Экспериментируя с кристаллами карборунда, молодой сотрудник Нижегородской радиолaborатории (НРЛ) О.В. Лосев в 1922–1923 гг. обнаружил *электролюминесценцию* полупроводникового перехода <...> 9 марта 1927 г. он выступил в НРЛ с соответствующим докладом, а на его основе написал статью “Светящийся карборундовый детектор и детектирование с кристаллами”, которая была опубликована в журнале “Телеграфия и телефония без проводов” (1927. № 5) и начиналась словами: “В детекторном контакте карборунд — металлическая проволочка, при токе через контакт можно иногда наблюдать довольно сильное характерное свечение” <...>

С начала XX в. карборунд использовался как полупроводник — например, для детекторов в радиоприемниках. В 1922 г. Лосев совершил переворот в радиотехнике, создав так называемый кристадин (кристаллический гетеродин) — “генерирующий” детектор, позволивший без ламповых усилителей существенно повысить мощность радиоприемников <...> Вероятно, это также было известно Платонову, который не только писал рассказы для “Крестьянской радиогazеты” <...> но и обладал определенными знаниями в области радиотехники» (*Яблоков Е.А.* Огненный ангел Андрея Платонова //

Яблоков Е.А. Хор солистов: проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб., 2014. С. 337–340).

...мне нужен муж, как странник Искандер, как мчащийся Тамерлан или неукротимый Аттила. А если и моряк, то как Америго Веспуччи... — Искандер — Александр III Македонский (356–323 гг. до н. э.), великий полководец, создал крупнейшую мировую монархию древности. Личность Александра Македонского была чрезвычайно популярна как среди европейских народов, так и на Востоке, где он известен под именем *Искандер Зулькарнайн* (что в переводе означает Александр Двурогий). *Тамерлан*, *Тимур* (1336–1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир. В 1370–1380 гг. совершил 9 походов по Туркестану, добиваясь объединения земель вокруг Самарканда, ставшего столицей государства. К концу правления Тамерлана его государство включало несколько государств, объединенных посредством сильной военной власти. После смерти Тамерлана начался распад его державы; она прекратила свое существование в начале XVI в. *Аттила* (ум. 453) — возглавлял гуннов с 434 по 453 г.; объединил под своей властью множество племен и создал державу, простиравшуюся от Рейна до Волги. *Америго Веспуччи* (1451–1512) — итальянский мореплаватель, по имени которого названа Америка.

С. 92. *Затем я и приехал в сию грустнейшую Пальмиру!* — Северной Пальмирой в русской литературе с конца XVIII в. называли Санкт-Петербург, который сравнивался по богатству и красоте с древним г. Пальмира в Сирии.

Чертовое сукно — плотная черная ткань, используемая для шитья рабочей одежды.

...французским инженером генерал-майором Трузсоном и польским техником капитаном Цицкевским. — *Трузсон* — в книге Легуна указывается на то, что Трузсон составлял свой проект в 1803 г.: «Новых сведений об этом канале не встречается вплоть до 1803 г., когда <...> было поручено генералу Трузсону обследовать, насколько эта система может быть приспособлена для перевозки, между прочим, изготавливаемых заводом ружей. Произведя надлежащие исследования, генерал-майор Трузсон для устранения главного затруднения на этом пути, т. е. недостатка воды, предложил следующие меры: 1) превратить речку Белоколодезь в запасное водохранилище вместимостью 1 328 000 куб. ф., 2) увеличить размеры Иван-Озера до 300 саж. длины, 85 саж. ширины и 10 фут. глубины, образовать бассейн вместимостью 12 495 000 куб. ф. Затем шлюзовать Шать на 40 вер., причем шлюзы должны быть из дикого камня или кирпичика. Вся стоимость предлагаемых работ была исчислена в сумме 3 276 795 р. (по другим сведениям — 2 664 091 р.) с распределением работы на 10 лет» (*Легун*. С. 44). *Цицкевский* — вымышленная фамилия; в книге Легуна упоминается польский инженер (перешедший из книги Дж. Перри): «Кроме работ в устье и у г. Воронежа в 1705 году было поручено одному польскому инженеру, строившему гавань в Таганроге, выстроить новую верфь на р. Воронеж для постройки 80-ти пушечных кораблей...» (Там же. С. 42). Уточним, что в книге Дж. Перри «поляк» упоминается (без обозначения звания или должности) в связи со строительством не новой верфи, а «нового рода верфей... для постройки 80-ти пушеч-

ных кораблей с приделанными к ним ящиками для того, чтоб спускать их вниз по течению Дона через Азовское мелководье...» (Перри. С. 9). Причем польский инженер, в отличие от Трузсона, был современником Перри — их встреча состоялась в Воронеже.

С. 93. ...*адмиралтейских и штатских ассамблей не посещал*... — Ассамблея — увеселительный вечер с танцами при дворе Петра I и в некоторых домах близких к нему лиц. Вот как описывает историк проведение этого мероприятия: «Петербургский обер-полицмейстер Девиер в 1718 г. публиковал распоряжение об ассамблеях, вольных собраниях, открывавшихся по вечерам в знатных домах по установленному порядку для дворян, людей высших чинов до обер-офицеров, знатных купцов и главных мастеров. Ассамблея — и биржа, и клуб, и приятельский журфикс, и танцевальный вечер. Здесь толковали о делах, о новостях, играли, пили, плясали. Никаких церемоний: ни встреч, ни проводов, ни потчеваний; всякий приходил, пил, ел, что поставил на стол хозяин, и уходил по усмотрению» (Ключевский. С. 331).

Наместник — должностное лицо, возглавлявшее местное управление одной из окраинных областей России, обладающий правами верховной власти; начальник губернии или области, генерал-губернатор.

Воевода — начальник области, административно-территориальной единицы в России до XIX в.

С. 94. *Проект Бертрана Перри состоял ~ а глубину — 2 аршина*. — Ср. описание проекта в книге Легуна: «По проекту назначалась ширина канала 12 саж., глубина 2 арш.; 33 шлюза из тесаного известкового камня распределались следующим образом <...>

Длина зашлюзованных частей составляла: 1) на Упе 12 вер., 2) на р. Шати 80 вер., 3) соединительный канал от Любовки (Нюховки) на Шати до с. Бобриков на Дону — 23 вер., 4) на р. Дону от с. Бобриков до дер. Гай 110 вер., а всего 225 верст.

Иван Озеро, длиною 100 саж., шир. 60 саж., Петр Великий приказал окружить валом шир. 5 саж., который образовал таким образом продолговатый четырехугольник.

Кроме того, на всем протяжении канала по обеим сторонам его были возведены земляные дамбы» (Легун. С. 43–44).

Верста — русская единица измерения расстояния равная 1066,8 м.

Дамба — гидротехническое сооружение, аналогичное по устройству земляной плотине.

Заулючить — вставить, закрыть.

Сажень — русская единица измерения расстояния, равная 2,16 м.

Аршин — мера длины в России с XVI в., равная 71,12 см.

Строительное управление предусматривалось Бертраном в городе Епифани, в Тульской провинции, ибо в том городе сходилась середина будущих работ. — В начале XVIII в. Епифань стала центром строительства Волго-Донского канала; кратковременность и незавершенность работ повлекли за собой новый спад в развитии города.

Писец (устар.) — переписчик, писарь.

Административный Приказ. — *Приказ* — орган центрального государственного управления, заведовавший особым родом государственных дел

или отдельными областями государства. Приказами называли и большие учреждения, и временные комиссии, которым было «приказано» государственное дело. Так как Административного приказа не было, писцы могли принадлежать Посольскому приказу — главному дипломатическому ведомству России, занимавшемуся не только внешней политикой, но и учетом живших в России иностранцев; в компетенции этого приказа были также почта, кораблестроение, несколько монастырей, железоделательные заводы. Учрежденная затем Петром I Коллегия иностранных дел заменила Посольский приказ. Также писцы могли быть направлены из Владимирского судного приказа, который ведал кораблестроительным делом в Воронеже и на Дону.

Рундучок, рундук — род ларя, крытой лавки с подъемной крышкой.

Но то был гонец из Почт-Приказа. — Почтовыми отправлениями занимался Ямской приказ (с 1723 г. — Ямская канцелярия).

С. 96. Путешественники тянулись по Посольской дороге, что через Москву до Казани доходит, смыкаясь за Москвой с Калмиусской сакмой — татарской дорогой на Русь по правой стороне Дона. На нее и следовало путникам сделать поворот, чтобы затем через Идовские и Ордобазарные большаки и малые столбы достигнуть Епифани — своего будущего местожительства. — Посольская или Московская дорога направлялась от Тулы на Мценск, Кромы и Курск. Мимо Тулы на Оку был проложен Муравский шлях. Изюмская и Калмиусская сакмы — его восточные «ветви» (Платонов С. С. 3, 6). *Сакма* — колея, след колеса или полоза. *Большак* — большая, в отличие от преселочной, дорога.

Удобрительные туки — перегной, чистый чернозем, удобряющий землю и составляющий, в смеси с ископаемой россыпью, почву; перегнившие животные и истлевшие растительные вещества.

Изредка в лесу обнажалась церквушка — деревянная, бедная, со знаками византийского стиля в своей архитектуре. — Византийские традиции доминировали в русской архитектуре на протяжении 700 лет. Образцом для русских храмов стал четырех- и шестистолпный крестово-купольный тип византийского храма (Возняк Е.Р., Горюнов В.С., Семенцов С.В. Архитектура православных храмов на примере храмов С.-Петербурга. СПб., 2010). К архитектурным элементам византийского стиля относятся полуциркульные арки и арочные проемы, килевидные закомары, ступенчатые порталы входов, массивные колонны и пилястры и пр.

Под самой Тверью Перри заметил даже дух готики на одном деревенском храме, при протестантском постном убожестве самого здания. — Основная особенность протестантских храмов — в строгости и минимализме архитектурных решений; они сочетают в себе эклектичность стилей и направлений, ориентируясь на архитектурные традиции той страны, в которой находится храм. В России протестантские храмы нередко повторяют византийскую церковную традицию; встречается также проявление католической архитектурной особенности — элементы строгого готического стиля.

Энглянд — это шахтмейстер. Рюссланд — торфмейстер! — До Первой мировой войны основным поставщиком угля в Россию была Англия.

Торфмейстер — специалист торфяного дела. Персонажу Платонов передает свое убеждение в перспективности торфа как энергетического источника. В «Тамбовской правде» (1927. 29 янв. С. 2) была опубликована статья Платонова «Значение торфа как топлива для Тамбовской губернии», в которой он анализирует перспективы торфодобывающей промышленности в губернии.

Жбан — небольшой сосуд для жидкостей с крышкой.

Квашонка — простокваша.

...пыточных башен по углам Кремля. — Константино-Еленинская башня сначала была проездной, имела отводную стрельницу (дополнительную башню, соединенную мостом с основной) и подъемный мост. В XVII в. проезд закрыли, а отводную стрельницу и нижний ярус башни превратили в тюрьму.

Храм Василия Блаженного — сооружен в Москве в 1555–1560 гг. в ознаменование победы над Казанским ханством; по одной из версий, авторами были русские зодчие Барма и Постник.

С. 97. *За Рязанью — обиженным и неприютным городком — уже редко жили люди. Тут шла бережная и укромная жизнь. Еще от татар остался этот страх, испуганные очи ко всякому путнику, потаенность характера и заулоченные чуланчики, где таилось впрок небогатое добро.* — Исторически оформившиеся особенности национального характера населения «южной части Московского государства XVI века» историк С.Ф. Платонов объяснял следующим образом: «Не один раз называли мы все это пространство “военным округом”. Действительно потребностями народной обороны обуславливали здесь все правительственные действия и определялся склад общественной жизни и хозяйственной деятельности. Свойства врага, которого надлежало здесь остерегаться и с которым приходилось бороться, были своеобразны: здесь был степной хищник, подвижной и дерзкий, но в то же время нестойкий и неуловимый. Он “искрадывал” русскую Украину, а не воевал ее открыто войною; он полонил, грабил и пустошил страну, но не завоевывал ее; он держал московских людей в постоянном страхе своего набега, но в то же время он не пытался отнять навсегда или даже временно присвоить земли, на которые налетал внезапно, но короткою грозой» (Платонов С. С. 12). *Чуланчик, чулан* — отгороженная от сеней или комнаты кладовая, обычно для продуктов питания, иногда там хранятся другие запасы (например, одежда).

Да и жил в тех крепостях все более казенный народ, учиненный сюда князьями, а не полезные хлебопашцы. — Объясняя заселение южной «украины» Московского государства, С.Ф. Платонов ссылаясь на историка начала XVII в. Авраамия Палицына, который сообщал, что «в XVI веке для того, чтобы “наполнить воинственным чином” окраины земли, правительство держалось обычая “егда кто от злодействующих осужден будет ко смерти и аще убежит в те города Польские и Северские, то тамо избудит смерти своей» (Платонов С. С. 24). «Можно думать, — писал далее С. Платонов, — что пользовались этим выходом и крестьяне, недовольные теми условиями, в какие становился в исходе XVI века крестьянский труд. Всегда и везде Украина дает приют обездоленному и недовольному люду...» (Там же. С. 24). Историк И.Н. Миклашевский, к чьим работам также обращался С. Платонов, утверждал большую социальную разнородность переселенцев: «С од-

ной стороны, правительство (со времени Федора Иоанновича) высылало сюда служилых людей и устраивало их, часто против желания их, на “вечное житье”, как тогда выражались, на Украине, а с другой стороны, в самом Московском государстве складывались такие условия, которые побуждали неслужилые классы — крестьянство главным образом — искать нового счастья на окраинах, в степях придонских и в Сибири...» (*Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. Ч. 1. С. 10).

...нынче царь то со шведами, то с турками воюет, и страна от того ветшает. — Речь идет о Северной войне (1700–1721) между Швецией и коалицией североευропейских государств (с участием России) за обладание прибалтийскими землями, закончившейся поражением Швеции, и о Русско-турецких войнах (Азовские походы Петра I 1695–1696 и 1710–1713 гг.).

С. 98. *Овсяные кони схватили и понесли полной мочью...* — Овсяные кони — плотные, сбитые, выкормленные овсом.

Отвершек — овражек.

Держать курс на полдень — То есть двигаться в южном направлении.

Занарядить — нанять для временной работы.

Воеводство — территория уезда, основной административной единицы территории, управляемая воеводой.

Построю канал — царь денег много даст и — в Индию... — В начале XVIII в. Индия воспринималась многими европейцами как сказочная страна изобилия. Поездка в Индию для англичанина была вполне возможна, т. к. в это время там действовала Английская Ост-Индская компания, созданная в 1600 г. указом Елизаветы I и получившая обширные привилегии для торговых операций в этой стране. С помощью Ост-Индской компании была осуществлена английская колонизация Индии.

С. 100. *Охальный* — озорной, нахальный.

Челобитная (устар.) — письменная просьба.

Петр приказал повести дознание, откуда выяснилось, что воевода Протасьев за большие поборы освобождал слободских мужиков от повинностей, а поверх всего миллион рублей себе нажил на всяких начетах и требовательных ведомостях с казны. Петр приказал Протасьева бить кнутом, а потом сослал его на Москву для дополнительного следствия, но он там досрочно с печали и стыда умер. — Эпизод воспроизведен в книге Легуна: «Лишь только, несмотря на противодействие заинтересованных лиц, челобитные стали доходить до Петра I по возвращении его в Воронеж, было произведено обстоятельное расследование, обнаружившее массу злоупотреблений; поставленный во главе всего адмиралтеец Протасьев, присвоивший себе путем взяток до 4 миллионов рублей “с печали и стыда на Москве умер”; воевода Полонский был бит кнутом и сослан в ссылку в Азов; достались плети и другим сотрудникам» (*Легун.* С. 41). *Протасьев* Александр Петрович (1655–1699) — думный дворянин, окольничий, начальник Владимирского судного приказа, организатор и руководитель в Воронеже строением кораблей для Азовского флота; первым получил звание адмиралтейца; был разжалован Петром I за злоупотребления. Как отмечал летописец истории русского флота С. Елагин, «дело кораблестроения представляло широ-

кое раздолье для удовлетворения корыстных побуждений, чем большая часть лиц, причастных делу, начиная с адмиралтейца Протасьева, не замедлила воспользоваться» (Елагин. С. 144). Допрошенный Петром I, Протасьев «Великому Государю вину принес и в тех же числах с печали и стыда на Москве умер»; «Подробности розыска по этому делу неизвестны, но о существовании его видно из “ведомости об азовских дворянах“, где, между прочим, говорится о ссылке в Азов с семейством, на вечное жительство, воронежца Антона Веневитинова...» (Там же. С. 145). 18 февраля был назначен новый адмиралтеец — Федор Матвеевич Апраксин (Там же. С. 146).

Начеты — недостаток в деньгах, в вещах, оказавшийся за кем-либо при проверке прихода и расхода.

Требовательные ведомости — список, содержащий требования о выдаче провианта, материалов, денег и пр.

«Пришлые люди, особливо московские чиновники и балтийские мастера, волею божьею чуть не все лежат больны. Великий им упадок живет, а болят и умирают больше лихорадкою и пухнут». — Ср.: «...пришлых людей, особенно замосковских, страшно донимали разные болезни, и в их числе на первом месте лихорадка; “великий им упадок живет, а болят и умирают больше лихорадкою и пухнут”. Это бедствие давало себя чувствовать в течение всего судостроительного периода у г. Воронежа; например, в 1703 году нельзя было исполнить приказания о спуске готовых кораблей в Азов “для того, что капитаны, командиры и поручики, волею Божью, чуть не все лежат больны”» (Легун. С. 41). С. Елагин также свидетельствует: «Скопление народа, прибывшего в Воронеж с самых разнообразных мест и разнообразных наций, не привыкшего к воронежскому климату, было причиной развития здесь большой болезненности и смертности. <..> В 1700 году летом появилась в Воронеже повальная болезнь, которая отняла не только большую часть рабочих рук... но и устранила от дела почти всех офицеров и мастеров, так что изготовление кораблей оказалось решительно невозможным. <..> Но особенно усилилась смертность в 1703 году, тоже летом. Адмиралтеец Апраксин, опасаясь остановки в работах, просил государя о наряде 400 плотников на этот уже раз из Украины, обитатели которой легче могли бы переносить воронежский климат, ибо замечено было, что смертность преимущественно падала на работников, прибывших из отдаленных местностей» (Елагин. С. 71–72).

Тогда Перри, чтобы хоть одно зло усечь, издал по работам и всем окрестным воеводствам приказ: под смертную казнь, чтоб иноземцев — канальных и шлюзных мастеров — нигде не пропускали, и в подводки под них никто не наряжался, и лошадей бы не продавали, и в ссуды не давали. — Инженер Легун также отмечал эти противозаконные действия: «Бежали и с работ не только чернорабочие, но и мастера иностранцы; последние вынуждены были к этому разными причинами, в числе которых взяточничество и разные интриги были на первом плане; а так как мастеров было нечем заменить, то для удержания их прибегали к крайним мерам, не согласным ни с контрактами, ни с международным правом; было между прочим приказано “под смертную казнь, чтоб иноземцев корабельных мастеров нигде не про-

пуцали и в подводки под них никто не наряжался и лошадей бы не продавали и в ссуды не давали»» (Легун. С. 41).

...нельзя же ехать к нему в Воронеж, где он флот на Азов снаряжал... — Азовские походы Петра I 1695–1696 гг. показали острую необходимость строительства русского флота. Оно началось в конце 1695 г. и развернулось к весне 1696 г.

С. 101. *Спрохвала* — не торопясь, постепенно, исподволь или нехотя.

Очухаться — прийти в чувство, в сознание, опомниться.

«Петру Первому Алексеичу ~ обиды и разоренье чинят и девок до времени всех почитай оскоромили». — Ср. текст челобитной царю в книге Легуна: «Мы холопы твои и крестьянники наши в те годы у твоего, Великий Государь, корабельного и бригантного дела и адмиралтейского двора строения во время пахотное и жатвенное и сенокосное в домишках своих не были и ныне по работе ж и за тою работою озимого и ярового хлеба в прошлом и нынешнем годах мы и крестьянники наши не сеяли и сеять некому и нечем и за безлошадьем ехать неначем; а который у нашей братьи и крестьянишек наших старого припасу молоченой и не молоченой хлеб был и тот хлеб служилые и работные люди, идучи на твою, Великого Государя, службу и на Воронеж на работу, много брали безденежно, а остальной волею Божью от мышей поеден без остатку, и многое нам и крестьянишкам нашим такие служилые и работные люди обиды и разоренье чинят» (Легун. С. 40).

...холуи чернил дотпытывались аль состав просили сказать... — Чернила для письма перьями изготавливались на водной основе с использованием красящих компонентов природного происхождения; наиболее известными являются чернила на основе сажи, чернильных орешков дуба и чернильного гриба.

Жох — тертый, бывалый, закаленный, опытный человек.

Вотчинник — владелец вотчины, населенной земли, родового недвижимого имения.

Охальник — наглец, озорник.

Егозить — вести себя суетливо, беспокойно; добиваться чего-либо лъстивой болтовней, угодливостью.

С. 102. *Спас* — народное название православных праздников в России: Медовый Спас — 1 (14) августа (Происхождение Честных Древ Животворящего Креста), Яблочный Спас — 6 (19) августа (Преображение Господне), Третий Спас — 16 (29) августа (в честь перенесения из Эдессы в Константинополь в 944 г. Нерукотворного образа Господа Иисуса Христа).

...пешие все на Яик и Хопер убегли, а семьи их, истинно, по Епифани с голоду маются. ~ Кони пеших упредили: все по степям и неприметным хуторам разбежались и утаились. Да разве сыщешь? Только то не к добру — лошади извелись на работах и к пахоте боле не пригожи, а многие пали кончиной в степи... — Ср. у Легуна: «Но еще обременительнее была для населения извозная повинность для возки материалов на Воронежские верфи. Целые партии лошадей, по свидетельству челобитчиков, уже не возвращались с работ в села, а если и возвращались, то, как чрезмерно переутомленные, для сельских работ не годились, почему не могло быть и посевов и семьи вызванных на работу мерли с голоду или бежали на Яик, Хопер и Медведицу»

(Лезун. С. 41). *Яик* — название реки Урал до 1775 г.; река протекает по территории России и Казахстана и впадает в Каспийское море. *Хонер* — река в европейской части России, левый приток Дона. По берегам Дона и Яика, на землях, где не было крепостной зависимости, селились русские беглецы-переселенцы. Их влекли мечты о свободной земле и воле. В новых местах они организовывались в сообщества вольных людей — казаков.

Наряд — приказ о посылке людей на работу: подрядчикам посылают наряды, в которых указывается число нужных к сроку мастеровых, припасов и пр.

С. 103. ...*царь Петр приказывал инженерам в Петербурге, которые строили корабли, чтобы они надевали черные погребальные балахоны.* — О подобной морской традиции в 1822 г. писали, например, «Отечественные записки» в сообщении о спуске на воду в петербургском Адмиралтействе 84-пушечного корабля «Эмгейтен»: «Корабельный мастер, при спуске оногo, получает из рук государя или главного начальника (на серебряном блюде) по три рубля серебром за каждый борт или пушку. В древние времена в Швеции был обряд: что на одном блюде клались деньги, а на другом меч; вероятно, в подражание сему и у нас, говорят, несколько лет после Петра Великого, корабельные мастера в день спуска ими построенного корабля одевались в черную одежду» (Спуск нового корабля со стапелей // Отечественные записки. 1822. № 29. С. 417).

С. 104. ...*женился Рождеством...* — праздник Рождества Христова в Православной церкви по старому летоисчислению отмечался 25 декабря.

Чумак — крестьянин, возивший на волах в Крым и на Дон на продажу хлеб и привозивший оттуда для продажи соль и рыбу.

Полночные провинции — северные области.

...*до самого нового европейского года...* — В 1700 г. Петр I, желая привести празднование Нового года в согласие с другими европейскими народами, постановил своим указом ввести летоисчисление от Рождества Христова, а Новый год праздновать 1 января.

Перри написал царю рапорт, где изложил всю историю работ, указал на роковую нехватку рабочих и усумнился в конечном благополучии. В копии свой рапорт Перри направил британскому послу в Петербурге — на всякий случай. — Подобным образом поступил и английский инженер Джон Перри, написавший записку «Смирненное изложение тяжкой судьбы и затруднений, которые нижеподписавшийся Джон Перри претерпел с того времени, как покинул Англию, до настоящего 1710 года». Записку Перри показал двум своим соотечественникам — полномочному послу и консулу, «чтоб довести до их сведения о том, как дурно со мною поступили» (Перри. С. 20). Затем записка была переведена на русский язык и передана Апраксину с просьбой о доставлении ее царю.

Втугачку — крепко, сильно, очень.

Епитимья — духовное взыскание, наказание.

Брандер — судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами, применявшееся во времена парусного флота для поджога неприятельских кораблей.

А новым воеводой посылаю тебе Гришку Салтыкова... — Старинный род Салтыковых представлен в Петровское время несколькими известными

именами. Ни один из его представителей непосредственно прототипом героя повести, по всей вероятности, не был. Во время пребывания Дж. Перри в Воронеже шлюзовыми работами руководил граф Федор Матвеевич Апраксин (1661–1728). Наиболее известным представителем рода Салтыковых того времени является Федор Степанович *Салтыков* (ум. 1715) — спальник, морской агент по закупке судов в Англии, автор проектов. Историк Н.П. Павлов-Сильванский писал о Салтыкове как о характерном представителе нового «типа передового деятеля, основывавшегося на непосредственном знакомстве с западноевропейской жизнью и отличавшегося крайним увлечением западной культурой». Федор Салтыков в своих записках «Изъявления» и «Пропозиции» «проектировал заимствование Россией всех тех сторон европейской жизни, главных и второстепенных, с которыми только удалось ему ознакомиться во время пребывания в Англии, в качестве морского агента правительства. Крайняя подражательность доводит его до забвения условий русской жизни. Особенно замечательно то, что он писал свои проекты, независимо от прямого влияния Петра, в то время, когда Петр только что приступал к главным реформам, и многими мыслями предупредил вождя реформы» (*Павлов-Сильванский Н.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 3).

Гужевой — конный, производимый живой тягой.

С. 105. «*Возможность страсти горестной и трудной, / Залог души, любимой божеством*». — Неточная цитата из поэмы И.С. Тургенева «Параша»: «*Возможность страсти горестной и знойной, / Залог души, любимой божеством*» (*Лангерак.* С. 229). В письме от 25 января 1927 г. из Тамбова Платонов писал жене:

«Нравятся тебе такие стихи:

Любовь души, брошенной и страстной —
Залог души, любимой божеством...*

* спутал, забыл...

Очень старо, но хорошо. Это писал Перри, когда был женихом Мери Карборунд» (*Письма.* С. 197–198).

С. 106. *Шел март. Епифанцы постились...* — На март, как правило, приходится Великий пост.

С. 107. *Желонка, бурливая желонка* — один из видов земляного бура, трубкой.

С. 108. *Анамеднись* — недавно, незадолго, считая не часами, а днями.

Военно-полевой суд — военно-полевые суды появились значительно позже. Инициатором их создания являлся П.А. Столыпин (1862–1911).

С. 108–109. «С 20 по 25 Июля производилось бурение подводной скважины на Иван-Озере ~ А под тою глиной лежат сухие жадные пески, кои теперь и сосут воду из озера, а также железные предметы влекут». — Ср. описание катастрофы на Иван-озере в книге Легуна: «Неуспех в постройке Ивановского канала местное население объясняет по-своему; старожилы передают, что Иван-озеро во время Петра Великого имело на дне небольшой по величине, но бездонный колодец (окно), через который поступало в озеро

много ключевой воды, чтобы воспользоваться этой водой для судоходства, по Дону и Шати были построены шлюзы, для регулирования же притока воды из упомянутого окна был устроен чугунный *колодезь* (труба) с крышкой, который стали опускать в озеро над окном; и во время спуска труба сорвалась, ушла вглубь и окно закрылось; извлечь ее не удалось, приток воды в озеро прекратился, и потому будто нельзя было воспользоваться выстроенными шлюзами» (*Легун. С. 45*).

С. 109. *Урез* — граница воды у берега водоема.

Обсадная труба — труба для крепления скважин во время их бурения; она опускается в скважину, чтобы ее стенки не давали рыхлым слоям породы осыпаться.

Суходол — небольшая сухая или с временным водотоком долина с задернованными склонами.

С. 110. *Палисад* — садик вдоль дома, обнесенный частоколом.

С. 111. *Шлюзовый плес* — водное пространство между шлюзами.

Балка — длинный овраг, лощина в южной степной полосе России.

Фарватер — глубокий, удобный для судоходства путь; на реках обычно проходит по линии наибольших глубин.

С. 111–112. ...*отсчитывали четвертями, а в четверти у иных было пол-аршина*. — *Четверть* как мера длины означает четверть аршина — 17,78 см.

С. 112. *Тайный Петербургский Приказ*. — *Тайный приказ*, учрежден около 1653 г. Алексеем Михайловичем; одно из центральных правительственных учреждений, осуществлявшее контроль за деятельностью других центральных государственных учреждений, воевод, послов; приказ вел следствия по важным политическим делам. Упразднен после смерти Алексея Михайловича.

С. 113. *Дюжий* — сильный, крепкий.

Петр-государь, сказывают, пымал у царицы на спальных снастях полюбовника, а тот аглицким посланцем окажись! Петр-царь ему голову отрубил да царице ее в шелковом чувале и пришли!.. — Речь идет о Виллиме Монсе, родном брате бывшей фаворитки Петра Великого Анны Монс. Виллим Монс (1688–1724) — адъютант императора, камер-юнкер, камергер императорского двора. В январе 1716 г. Монс сопровождал государя и государыню в поездке за границу. В том же году он определен камер-лакеем к императрице Екатерине Алексеевне. В 1724 г. по случаю коронации Екатерины Монс пожалован в камергеры; в ноябре того же года арестован. Следствие, которым руководил начальник Тайной канцелярии П.А. Толстой, велось по делу о взятках. Истинной причиной чрезвычайно быстрого следствия и казни была привязанность, которую питала к Виллиму императрица. Как писал историк М.И. Семевский, «Петр уже был не тот, что прежде. Эта железная натура сделалась как-то мягче, так что открытие главной вины Монса глубоко его поразило; удар был так силен, что государь на все другие вины арестанта глянул как-то слегка, только как на официальный предлог к осуждению; преследовать же дававших взятки... это означало протягивать дело, откладывая казнь, словом — более и более растравлять свое сердце присутствием ненавистного соперника. Петр решил стереть его с лица земли, и чем

скорее, тем лучше» (*Семевский М.И.* Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс (1692–1724). СПб., 1884. С. 191–192). Расследование завершилось через неделю, и 16 ноября Монс был казнен через отсечение головы. Тело казненного несколько дней лежало на эшафоте, а голова была заспиртована. По легенде, голова Виллима Монса хранилась в подвале Кунсткамеры. В 1880-х гг. Семевский проводил поиски в подвалах Академии наук, но голову не обнаружил.

Чувал — обычно шерстяная, здесь шелковая обшивка тюка.

С. 114. *Дьяк* — на Руси в XIV–XVII вв. должностное лицо в государственных учреждениях.

С. 115. «*Достойно*» — песнопение, восхваляющее Богородицу; исполняется на Божественной литургии.

Обедня, или литургия, — главное богослужение суточного церковного круга.

Просфорочка, просфора (просвира) — квасной, замешанный на дрожжах хлеб, используемый на Божественной литургии.

Божница — полка с иконами.

ГОРОД ГРАДОВ (с. 116). — *ЕШ*. С. 111–169; Литературно-художественный сборник «Красной панорамы» (Приложение к журн. «Красная панорама»). 1928. Сент. С. 3–20; Окт. С. 3–10; *ПМ*. С. 177–210.

Источники текста:

А — автограф рассказа «Город Градов (Заметки командированного)» с правкой М.Ал. Платоновой (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–23).

М1а — отдельные листы машинописи рассказа, с правкой и записями Г.З. Литвина-Молотова, сделанными синим карандашом (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–9. Авторская нумерация страниц: 1–5; 13–16).

М1б — отдельные листы машинописи рассказа с авторской правкой, некоторые листы — с пометами Г.З. Литвина-Молотова, сделанными синим карандашом (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1 об. – 9 об., 12 об. – 13 об., 15 об. – 16 об. Обороты автографа рассказа «Первый Иван»).

М1в — отдельные листы машинописи рассказа, некоторые листы — с пометами Г.З. Литвина-Молотова, сделанными синим карандашом (*ИРЛИ*. Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 24 об. – 32 об., 34 об. – 39 об., 42 об., 44 об. – 57 об., 59 об., 69 об. – 70 об. Обороты автографа повести «Котлован»).

М1 — машинопись рассказа с авторской правкой и рукописными вставками, а также с пометами и записями Г.З. Литвина-Молотова, сделанными красным карандашом (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–41).

М2 — машинопись повести с авторской правкой (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 1–35).

М3 — машинопись повести с авторской правкой и исправлениями М.Ал. Платоновой (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–36).

ЕШ — сб. «Епифанские шлюзы» (1927).

КП — Литературно-художественный сборник «Красной панорамы» (1928).

КП1 — страницы повести в *КП* с правкой А. Платонова (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 10).

ПМ — сб. «Происхождение мастера» (1929).

Датируется мартом — маем 1927 г.

Печатается по М2 с внесением исправлений по А, М1, М3, КП1.

История повести началась с рассказа «Город Градов (Заметки командированного)», написанного в Тамбове. Авторская датировка рассказа имеется в автографе (Л. 23) и на сохранившихся листах машинописи: «17/III–27» (М1а. Л. 9). В связи с неясностью написания месяца при первых прочтениях был указан февраль (см.: *Корниенко Н.* История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // *Здесь и теперь.* 1993. № 1. С. 66; *Мамеева И.И.* Становление Платонова-сатирика (Опыт текстологического анализа повести «Город Градов») // *Творчество,* 2008. С. 265). Анализ запечатленных в тексте реалий, прежде всего в календаре Чалого (см. ниже, с. 607–608), позволяет исправить ошибку в первоначальной датировке. Рассказ мог быть написан именно в марте, скорее всего, после возвращения из командировки в Москву и Курск, где Платонов находился с 19 февраля до 4 марта (см.: *Ходякова.* С. 168). Авторская датировка рассказа имеет отчасти символический характер. Именно 17 марта Платонов сдал дела подотдела мелиорации новому исполняющему обязанности заведующего. Его командировка в Тамбов завершилась рассказом «Город Градов (Заметки командированного)».

Автограф рассказа выполнен карандашом, карандашом делаются исправления по ходу написания. После завершения рассказа Платонов читает автограф, проводя исправления по всему тексту сначала синими, а потом черными чернилами (правка черными чернилами затрагивает первые страницы автографа). Последняя небольшая правка сделана карандашом.

С названием рассказа Платонов определился уже на первой странице, первоначальное название «Село» (возможно, не дописано) исправлено на «Город Градов», а в правом углу листа вписан эпитафия. Подзаголовок «Заметки командированного» появился после завершения рассказа — вписан синими чернилами. В рассказе нет принятого обозначения глав, эпизоды просто отделены друг от друга линией. Точка зрения командированного из Москвы (отрицательные коннотации этой фигуры даны в «Фабрике литературы», см. с. 361 наст. изд.) разрабатывалась и уточнялась по ходу написания, еще до появления подзаголовка, указывающего на тип повествования и формулу повествователя. Так, описание жизни Градова, с которого начинается рассказ, сначала завершалось прямым указанием на «авторство» командированного из Москвы: «Думал Шмаков как раз про то, что ему было известно и что выше рассказано» (Л. 4), однако Платонов тут же вычеркивает последнюю часть предложения (обозначено курсивом) и вместо него вписывает: «про Градов». «Слово» Москвы о Градове будет усилено и акцентировано на этапе общей редактуре рассказа.

Введение в историю Градова правится Платоновым в несколько заходов, синими и черными чернилами. Он отказывается от первоначального, несколько эпического зачина к истории противостоящей Москве Градовской губернии («Древне-вотчинная губерния долго не сдавалась московскому октябрю — советская власть в самом Градове установилась только в марте 1918 года, а в уездах — к осени»), переписывает сокращенный текст в сле-

дующий абзац («Хотя Градов от Москвы лежит в пятистах верстах...»), заменив «московский октябрь» на «революцию». Писатель стремится добиться ясной политической характеристики реакционности Градова, усиливая черты абсурдности в эпизодах расходования средств, выделенных на восстановление губернии, и одновременно меняет (исправлено черными чернилами) название газеты с «Градовская Правда» на «Градовские Известия», дабы снять прямую политическую аллюзию на главную газету страны. Также черными чернилами вычеркивается слово «несчастливого» в следующей повествовательной конструкции: «За окнами проскакивали хижинки какого-то несчастного городка...» (Л. 4 об.). Взгляд командированного не предполагает подобных мещанских чувств. На полную дискредитацию Градова работает исправление традиционной пейзажной характеристики, в которую вносится прямая политический смысл. Вместо «Печальный молчаливый сентябрь стоял в прохладном вечерующем поле» появляется: «Печальный молчаливый сентябрь стоял в прохладном пустопорожном поле, где не было ни следа промышленности» (Л. 5, синие чернила).

Существенные исправления вносятся в текст «Записок государственного человека» Шмакова. Уточняется положение о сущности «истинной государственности»: «Это, ясно и понятно, [управление государством] классовая сила, превращенная в аппарат и [сконцентрированная] сбитая в нем до плотности железа» (Л. 7). Ответ на вопрос «А что такое аппарат?» сначала редактируется, а затем полностью переписывается, и от несколько традиционной характеристики государственного аппарата («Это коллектив чиновников, с очерченным кругом обязанностей [регламентированными] [и установленными] отношениями к обслуживаемой массе») остается только первая часть («Это коллектив чиновников»); вторая часть вычеркивается и вместо нее вписывается формула, которая получит дальнейшее развитие в концепциях Шмакова: «Стало быть, советский чиновник есть исполнитель диктатуры пролетариата и заместитель пролетария на государственном посту» (Л. 7, синие чернила). В этой же логике «советизации» исполнено добавление в последнюю часть абзаца «Служение социалистическому отечеству...», где вписанное сверху слово «революционного» корректирует также традиционное для служилого чиновничества понятие долга: «...ощущающего в своем сердце чувство революционного долга» (Л. 7). Следующий абзац в записках Шмакова Платонов начинает редактировать (синие чернила), но в конце концов полностью вычеркивает его (карандаш): «Я вновь и вновь убеждаюсь, что только советское чиновничество[,] — партийцы с долгом службы в сердце — способны [организовать] превратить мир-какофонию в мир-симфонию» (Л. 7).

Политический характер носит проведенная Платоновым редакция эпизода празднования юбилея Бормотова. Колебанием отмечено название «сокровенной темы» Шмакова, с которой тот готовится выступить на пирушке. Сначала идет чисто стиливая правка фрагмента. Вместо «Он хотел высказаться на вечере по поводу основ своей сокровенной темы — советизация как начало гармонизации вселенной» сверху вписывается: «...хотел выступить перед Бормотовым и прочими на свою сокровенную тему — ». По ходу написания этого фрагмента Платонов вычеркивает (карандаш) сочетание

«советизация как» и превращает тему в название будущего труда: «Начало гармонизации вселенной». Вернувшись к этому фрагменту, он, возможно, колебался с решением (слово «советизация» обводится синими чернилами), однако все-таки не восстановил крамольное слово (вернет его на первом этапе переработки рассказа в повесть). Далее политические коннотации вновь вносятся в описание Градова, его восприятие Шмаковым и в портрет героя: «...город столь тих, невелик и явно благонаравен, — что почти не имелось никакой природы на первый взгляд, да и нужды в ней не было»; «...с [гражданским] удовольствием [порядочного человека] гражданина подумал Иван Федотыч»; «...ощущая лишь повиновение — радостное как сладострастие»; «сидел с [удовольствием] сознанием чести» (Л. 11 об. — 12 об.). Уточнения разного порядка вносятся в коллективный портрет гостей Бормотова: вписывается фамилия старого сослуживца Бормотова — Родных; общий «разговор» превращается в «почтительный разговор»; в характеристике рассказчика о «лихих случаях» в прошлом, когда не исполнялись распоряжения губисполкома («в голосе говорившего чувствовался страх даже теперь»), финальное «даже теперь» заменяется на: «и скрытая радость избавления от ответственности» (Л. 12 об.). Пристально просматривает Платонов страницы, посвященные Бормотову. Так сразу вносятся коррективы в любимую формулу градовских чиновников, «что то, что течет, потечет-потечет и остановится»; вписанным новым текстом (синие чернила) ее обоснование передается Бормотову: «Еще давно Бормотов сказал, что в мире не только все течет, как сказал старый философ, но и все останавливается» (Л. 13). Правкой этого фрагмента Платонов переключает тему философского оправдания Бормотовым колокольного звона в план государственный и эстетический: «А звон в государственной глуши несомненно хорош, хотя бы с [политической] этической точки [времени] зрения, ибо в хорошем государстве и поэзия лежит на [своем] предназначенном ей месте» (Л. 13).

Речь Шмакова сразу написана начисто, и в нее Платонов внес лишь два исправления. Первое относится к началу выступления Шмакова, когда обыгрывается его обращение «дорогие соратники». В ответном сначала было: «Мы не ратники <...> мы рыцари белого писчего поля!» И именно этот вариант подхватывает Шмаков: «— Рыцари белого поля! — схватил Шмаков». Платонов вычеркивает «белого писчего поля», заменяет в формулировке Шмакова «белого поля» на «умственного поля». На повышение философского статуса речи Шмакова направлена замена в определении бумаги как «символа жизни». Первоначальный вариант («...но она, как тень, есть явление общественной природы человека...») ускается и преобразуется в философскую формулу: «но она и тень истинны» (Л. 15 об.).

Фигура главного оппонента Бормотова и Шмакова, делопроизводителя Обрубаева, не претерпела больших коррективов и исправлений, когда посвященные ему страницы перечитывал Платонов. В «наименовании советских учреждений десятилетней давности» заменяется «десятилетней» на «девятилетней», что отвечает исторической реальности (изменение названий произошло не в 1917-м, а в 1918 г., см. далее с. 597). В финале описания словесного сражения Обрубаева с Бормотовым в характеристику героя, явно проигравшего Бормотову, вносится психологическая деталь: во фразе «...воскликнул

запутанный Обрубав» характеристика «запутанный» заменяется на «зачумленный» (Л. 17).

Незначительная правка была внесена в описание записей в календаре Чалого. В общую характеристику значения отрывных календарей, в которых «граждане метили свои обязанности», к слову «обязанности» приписывается: «беспрерывные» (Л. 17 об.). Уточняющие детали вводятся в календарь Чалого: к записи о пере выборах добавляется «пойдет единогласно»; к следующей записи об уплате за воду — «а то пеня». В записи о составлении 25-летнего плана меняется экспозиция, добавляется «Не забыть...», а сама запись редуцируется до сжатой формулы. Вычеркивается пространное описание стратегии плана «по землеустройству бедняцкого населения» («увязав его с обводнительными мероприятиями и мероприятиями сельского огнестойкого строительства, а также с контрольными цифрами Госплана»), а вместо него вписывается лаконичное: «осталось два дня» (Л. 18). В календарь Чалого Платонов добавит две новые записи — о Чемберлене и красном уголке, вписав их между строк текста.

Правка эпизодов о последних сражениях чиновников Градова за областной статус своего города направлена на усиление абсурдности их деяний и мероприятий. К проекту канала, что роется «в лопухах слободы Моршевка», дописывается: «из усадьбы гражданина Моева» (Л. 21 об.); к описанию «проекта воздушных сообщений» инженера Паршина добавлено: «для последней цели в мастерских райсельсоюза строился аэроплан особой мощности с двигателем, работающим на порохе» (Л. 21 об.); в характеристику соседних губерний, которые «не отставали от градовцев в усердии», к слову «в усердии» вписывается объединяющая их с градовцами черта: «в своем губернском усердии» (Л. 21 об.) и др. На последней странице автографа Платонов уточняет статус последнего труда Шмакова, добавляя к «на большом труде» содержательную характеристику: «социально-философском» (Л. 23).

После вычитки автографа Платонов отправляет его Литвину-Молотову с просьбой о перепечатке, о чем свидетельствует запись в левом углу 1-го листа: «5 экз. Молотову». Однако к редактору автограф попал после того, как его прочитала Мария Александровна. Обстоятельства, в которых делалась ее правка, остаются непроясненными. Писем Платонова к жене за март не сохранилось. Вернулся ли Платонов из Тамбова в Москву, или рукопись рассказа пришла к жене до его возвращения? Точного ответа на этот вопрос нет. Опыт чтения рукописей мужа у Марии Александровны уже был. Платонов и сам не раз вызвал к ее помощи в продвижении своих литературных дел, просил прочитать и исправить ошибки. По возвращении из Тамбова у Платонова оказалось немало забот, связанных с подготовкой книги прозы в издательстве «Молодая гвардия». Эта книга начала готовиться именно в марте, и, судя по дате ее выхода (начало июня), она собиралась в авральном режиме.

Мария Александровна на этот раз со всей ответственностью подошла к поручению мужа, внимательно прочитала рассказ и внесла в автограф ряд исправлений. Они сделаны карандашом, зачастую имитируют платоновский почерк, а потому порой их непросто отличить от авторских. Можно выделить три направления редакторских исправлений Марии Александровны, выявленных в автографе. К стилистической правке можно отнести замену

«солной» на «соленой» (характеристика святых колодцев), изменение в описании первого появления Шмакова («В [этом-то] Градов Иван Федотович Шмаков ехал [из Москвы.] с [Д]даден[о]ым ему [было] заданием»); замену «вчера утром» на «вчерашним утром», «печальной зимы» на «суровую»; «2 зав. личным составом» на «2 зав. личными столами». Явно политическими соображениями продиктованы: понижение политического статуса Шмакова (вычеркивается, что он послан «партией», к просто работе добавляется на «практическую»), замена Ленина в «подписи Ленина» на «великих людей»; исправление «бесклассовой логики» (в бумагах) на «бесплановую»; перестройка формулировки «Записок» Шмакова (вместо «Только государство и его живая сила — служилый должный народ — способны упорядочить...» — «Только живая сила государства...»); лишение Бормотова принадлежности к партии (из фразы «Бормотов как коммунист...» вычеркивается слово «коммунист»; из фразы «Я первый, кто из большевиков сел за стол» — сочетание «из большевиков»). На двух следующих исправлениях явно лежит печать собственных эстетических представлений. Вместо «несчастной женщины» («жена стала бы несчастной женщиной») вписывается «одним из атрибутов деловой жизни». На нейтральное «от сидения» меняется несколько физиологическая характеристика бытия сапожника — «седалищем Захара» («Пенек на треть стерся седалищем Захара...») и в целом изменяется синтаксическая конструкция предложения. Очевидно, лишним показалось слово «губисполкомов» («Я пережил 18 председателей губисполкомов, 26 секретарей и 12 начальников губземуправлений»), в результате его удаления изменилась структура и содержание информации, которую несет фраза. Автограф сохранил предложение Марии Александровны (вписано сверху) заменить во фразе «Иван Федотович Шмаков сидел с сознанием чести» Шмакова на Бормотова.

Автограф с правой Марии Александровны Платонов не просматривал. Он был сразу передан машинистке. Это была срочная работа. Рукопись перепечатавали две машинистки, о чем свидетельствует независимая нумерация двух частей машинописи рассказа. Сколько точно было сделано машинописей — пять, как просил Платонов, или меньше, сказать трудно. Единственный полный комплект машинописи оставался у Литвина-Молотова, он был изъят из его архива в 1949 г. во время ареста жены Молотова (сам Молотов был арестован в 1946 г.) и включен в список уничтоженных документов как «не представляющих интереса для следствия и ценностей для обвиняемого» (см.: «Дело» Г.З. Литвина-Молотова / публ. Н. Корниенко // *Страна филологов*, 2000. С. 843). Чистые обороты трех экземпляров машинописи, включая первый экземпляр, использовались Платоновым в качестве бумаги при работе над рассказом «Первый Иван» и повестью «Котлован».

Сличение текста автографа рассказа с полученной машинописью открывает еще двух редакторов рассказа, внесших свой вклад в подготовку текста к печати. Машинистки не только исправляли очевидные с точки зрения новой орфографии ошибки («итти», «врости», «по бычиному», «поглащалась») и унифицировали некоторые написания («в III-м» вместо «в 3-м», «Тихий океан» вместо «Тихий Океан»), но и порой старались привести платоновский язык к общепринятой литературной норме, проведя для этого ряд существенных замен и перестановку слов: вместо «колодезь» — «колодец»,

вместо «схватило» — «охватило» («чувство скуки и беспокойства схватило»), вместо «крылами» — «крыльями», вместо «тяжко» — «тяжело» («помахивала мельница ветхими крылами, тяжело меля грубое зерно»), вместо «в гости к себе» — «к себе в гости», вместо «и домой пошел» — «и пошел домой», вместо «непонятные бумаги» — «непечатные»; вместо «кой о чем» — «кое о чем», вместо «сыпется» — «сыплется» (речь героя), вместо «В 7 ч.» — «В 7 часов» (запись в календаре Чалого); вместо «сколь» — «сколько» (так же речь героя: «Ну, а денег сколь же вам нужно»), вместо «солное» — «соленое» («уткнувшись во что-то солное»), вместо «дерет» — «берет» («Грусть и жуть дерет меня — по-бычинуму»; в автографе внятно исправлено первоначальное «берет» на «дерет», но машинистка выбрала первый вариант); вместо «делов» — «дел», вместо «доказуя» — «доказывая» («Много делов наделали градовцы, доказуя...»). При перепечатке были допущены перестановка слов (вместо «держа какой-то комочек в руке» — «держа в руке какой-то комочек»), пропуски слов, сильно пострадала платоновская пунктуация, особенно в части восклицательных и вопросительных знаков и тире.

Лишь некоторые из исправлений Марии Александровны и машинисток Платонов заметит, большая же часть начнет кочевать из издания в издание «Города Градова».

Первым читателем машинописи рассказа стал Литвин-Молотов. Нельзя сказать, что рассказ ему не понравился, но для опытного редактора было очевидно, что печатать его в том виде, как он написан, нельзя, и его нужно переписывать, причем переписывать срочно, иначе он не войдет в уже готовящуюся книгу. Основные возражения Молотова и его предложения по переработке текста сохранили листы машинописей с редакторской правкой синим карандашом. Молотов несколько раз читал рассказ, о чем свидетельствует характер его помет и записей на одних и тех же листах двух экземпляров машинописи. К сожалению, не все страницы рассказа с редакторской правкой дошли до нас.

Уже на первой странице машинописи (*M1a*) Молотов вычеркивает подзаголовок, упоминание Москвы, градовской губернии, пяти миллионов; далее вместо градовской губернии он вписывает «уезд», а область заменяет на «окружной центр», что дает основание предположить, что понижение конфликта со всесоюзного уровня (Градов — Москва) до внутригубернского принадлежит редактору. Не понравилось редактору акцентирование темы «голода от засухи» и «политических ошибок», допущенных в ходе помощи центра пострадавшей от засухи градовской губернии. В одной машинописи он записывает на полях: «перераб<отать>» (*M1в*. Л. 69 об.), а в другой (*M1a*) — сам правит этот фрагмент текста. Удивление, что автор рассказа не понимает недопустимости здесь иронии, выразил знак «?!», которым отмечается на полях «классовый принцип» определения голода, «классовая формула» получения хлеба и упомянутый всуе Карл Маркс (*M1a*. Л. 2–3). По ходу чтения редактор предлагает сокращения в описании охвативших Шмакова (после выпитой в буфете водочки) метафизических чувств «скуки и беспокойства». По всему данному фрагменту он вычеркивает пессимистические характеристики окружающего: «...шел по [мрачным и грязным] залам вокзала. <...> Плакали дети, [увеличивая чувство тревоги и беспомощной

жалости]. [Уныло] гудели [мало мощные] паровозы, готовясь к одолению [скудных] осенних пространств [, полных редкой и убогой жизни]» (Мла. Л. 4). После не очень веселой притчи на национальную тему, о мордвине и русском, Молотов представляет значок вставки и записывает на полях рекомендацию для автора: «Дайте повеселее случай и вагонные разговоры о: 1) Волховстрое, 2) В-Д канале, Днепрост<рое>» (Мла. Л. 5).

Молотов предлагает изменить возраст Шмакова (вместо «28» вписывается «30») и в целом переписать цель поездки героя в Градов (Мла, М1б). Остался недоволен редактор и тем, как Шмаков впервые появляется в губземуправлении. Подчеркнув строки «куда он назначен был заведовать подотделом», он записывает на полях свое заключение: «Об этом нужно было раньше сказать, когда Шмакова автор представляет читателю!» (М1в. Л. 54 об.).

Далее синий карандаш вычеркивает слово «непонятные» в предложении «...сел листоват непонятные бумаги» (М1в. Л. 53 об.), выправляет несогласованность в предложении, возникшую из-за пропуска машинисткой слова «всюду» («Иван Федотыч постепенно входил в самое средоточие дел и всюду усматривал ущерб стройности...»), и вписывает свой вариант: «...и сразу усмотрел ущерб стройности» (Там же). Иронической записью с вопросом отмечена часть предложения «Трактат свой Иван Федотыч кончил поздней ночью — за полночь, — когда уже снеслись куры, оплодотворенные вчера утром»: «куры несутся разве через сутки?» (Там же). В следующем абзаце в предложении «Ночью она <речь идет о старухе. — Н. К.) слышала, как у спящего Шмакова рычала и резко трескалась жирная пища, — и утром сжалилась над одиноком человеком» Молотов вычеркивает слово «жирная», подчеркивает слово «сжалилась» и записывает сверху: «кто? пища» (Там же). А вот следующий далее рассказ старухи «об их глухой стороне» Молотову понравился, и он рекомендует его расширить: «Надо подробнее описать! Интересно» (Там же).

Судя и по дальнейшим пометам Молотова, редактор настаивал на усилении комической направленности в изображении «старого быта» и всех его проявлений в современной жизни. Так, на полях эпизода с «делом о землеустройстве потомков Алены» Литвин делает первую запись на полях (синий карандаш): «Еще несколько случаев. Повеселее», а затем здесь же — вторую запись (красный карандаш): «Юмора больше» (М1в. Л. 52 об.). Примерно такой же была реакция Молотова и на абсурдистский диалог сотрудников градовского ГЗУ о глине: «Добавить: / 1) типы в таком же духе и новые 2) случаи-происшествия / разговоры, чтобы посмеяться можно было» (Там же. Л. 50 об. Курсивом — красный карандаш).

Не раз прочитав Молотов эпизод пирушки по случаю юбилея Бормотова, о чем свидетельствуют редакторские подчеркивания и записи на полях (к сожалению, не все страницы этого эпизода с пометами редактора дошли до нас). И сама тема пирушки, и центральность этого эпизода в рассказе о современности вызвали резкую отповедь Молотова. Свое возражение он записывает на полях первой речи Бормотова: «А ведь есть практики — агрономы, землемеры, делающие большое дело! — покажите такого человека хоть на ½ <1 слово нрзб>» (Там же. Л. 49 об.) и вновь возвращается к фигуре юбиляра в финале эпизода: «Неужели Бормотова не посадят в тюрьму!»

(Там же. Л. 47 об.). Понравились редактору юмористические авторские сентенции в адрес счетовода Пехова, исполнявшего на пирушке душевную песню о диком кургане; запись на полях: «Очень хорошо!» (Там же. Л. 49 об.). Непонятно, почему Молотов счел немотивированной просьбу Бормотова к Десушему («Десущий, крикни что-нибудь подушевной!»): «Не связано. Он не просил петь» (Там же. Л. 47 об.).

Страницу с «записями» в календаре Чалого Молотов отметит однозначной их оценкой: «Слабо! Нужен смех» (Там же. Л. 46 об.), а в заключающем «записи» авторском резюме («Государство стало душою») заменит слово «государство» на слово «служба» (Л. 28 об.). Понижением именно сатирической направленности текста характеризуется и правка диалога Шмакова и Чалого: «— А как, товарищ Чалый, существует [в вашей губернии курс] у вас курс на [индустриализацию?] строительство и плановое начало?»; «сверх того — водяной канал в земле через всю [губернию] для развития торговли с [северной Персией] ближайшими губерниями» (Там же. Л. 28 об.). Следующий далее фрагмент этого же диалога о курсе на индустриализацию и необходимых для его обеспечения финансах Молотов отметит большим вопросом на полях и предложит его сократить. Стремлением снять общегосударственный статус происходящих в Градове событий продиктовано решительное удаление в предложении «Как и всюду по Республике, над Градовым ночью солнце нормально не светило...» слова «в Республике» (Там же. Л. 45 об.).

Последний фрагмент «записок» Шмакова вызвал у Молотова серию вопросов. Не понравился редактору найденный героем «заключительный аккорд» для его труда — логически не объяснимая «поэтическая» строка («В сердце моем дышит орел, а в голове сияет звезда гармонии!»), он проставляет на полях вопрос и записывает: «Слабо! потому что непонятно» (Там же. Л. 44 об.). Приведенный текст «записок» Шмакова редактор предлагает сократить и советует Платонову разобраться с границами между записанным «словом» героя, его сном и авторским «словом». Подчеркнув слово «разбудила» в предложении «Эта преступная мысль, собственно, разбудила Ивана Федотыча» Молотов просит прояснить, кому принадлежат предшествующие крамольные вопросительные строки («Но известно ли что-нибудь достоверно на свете!..») — герою или автору, и предлагает, резонно сославшись на Достоевского, включить их в сон героя: «дать сон и во сне (Достоевский)» (Там же. Л. 42 об.).

Дважды читает Молотов эпизод о сапожнике Захаре. В одном экземпляре он подчеркивает первую его часть — разговор Захара с женой и записывает на полях: «Весь этот эпизод не живой. Меняет смысл» (М1в. Л. 42 об), в другом — предлагает несколько уменьшить мрачность в рассказе о Захаре, проставляет значок вставки и советует: «Дайте один светлый луч — на паровой мельнице, что ли» (М1а. Л. 6).

Встреченные далее в тексте веселые «случаи» из истории борьбы Градова за свой статус Молотова не развеселят, а скорее даже вызовут у него крайнее раздражение. Он вычеркивает эпизод о рытье моршевского канала, а на полях пишет целую отповедь автору: «Что-нибудь другое. Значит: Днепрострой, Волго-Дон канал, Волховстрой такая ли чепуха — ведь это сатира на все строительство, на весь СССР» (М1а. Л. 7). Он также вычеркивает про-

тесный по своему характеру проект Бормотова о странствующем губернском центре и записывает на полях свою рекомендацию: «дать другой мотив более нелепый» (Там же. Л. 8). От фрагмента с прямым описанием последствий административной реформы (от «...в то время как крестьянское хозяйство в них падало» до конца абзаца) Молотов предлагает отказаться полностью. Редактора не удовлетворит, как описаны поражение Бормотова и его мирная жизнь после увольнения. Он предлагает свое завершение истории героя: «А потом — посадить надо его в тюрьму» (Там же. Л. 8), а на полях оставляет резюме политического характера: «Надо, чтобы вмешалась Москва более четко, решительно. Расправа трудная». Вопросительной записью на полях последней страницы «Так и ничего не случилось?» (Л. 9) сопровождаются подчеркнутые им предложения: «Так что же случилось потом в Градове? Ничего особенного не вышло», и большим вопросом — финальные мирные строки, посвященные Бормотову.

Дочитав рассказ до конца, Молотов делает резюмирующую запись на первой странице машинописи (*M1a*): «1. Действия нет! Неживо. 2. Смеха юмора — нет. Злобы, печали, скуки, уныния полон короб. Озлобленность и отрицание даже возможности хорошего / дельного в таких условиях! 3. А получится при такой переработке хорошая сильная вещь! 4. Действенности / интриги <смеха — *нрзб*>. [*Подпись*]» (запись, как и вся правка, сделана синим карандашом, подчеркивания — красным карандашом).

Итак, вопросы перед Платоновым поставлены, условия публикации определены. Экземпляры машинописей с редакторскими пометами и замечаниями были переданы автору. Очевидно, какие-то направления дальнейшей работы над текстом оговаривались при личной встрече Платонова с Молотовым. Начинается новый этап работы над текстом.

Первая правка проводится Платоновым в двух экземплярах машинописи — сначала в первом (*M1б*), затем переносится во второй (*M1*); правка проводится синими чернилами. Тексты больших вставок выполняются на отдельных листах и вкладываются или подклеиваются в *M1*, в *M1б* проставляются значки вставок. В случае перекомпоновки текста для вставок используются листы другой машинописи. В *M1б* отрабатываются и первые варианты небольших исправлений и добавлений. Так, например, в портрет старушки-домохозяйки в *M1б* вносится уточнение: «Старушка вздыхала на кухне от перемены времени и трещала лучинками к самовару» (Л. 7 об.). В *M1* — это же уточнение вписывается в более жесткой формулировке: «...от перемены власти» (*M1*. Л. 10).

Платонов принял предложение Молотова и понизил главный конфликт, превратив Градов в уездный город и заменив Москву губернским городом Талдомовом (этот реальный топоним уже появлялся в рассказе «Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства»; см.: *Сочинения*, 1(1). С. 85, 536). Он также сразу согласился с предложением редактора и отказался от подзаголовка «Записки командированного».

Изменения в машинопись рассказа (*M1*) вносятся дополнительными большими и маленькими рукописными вставками, заменой отдельных целых фрагментов или фраз и фронтальным редактированием всего текста. Повествование расширяется за счет уточнения, распространения подробностей,

перечислений. Появляется более обстоятельный рассказ о Градове и описание современного состояния города. Большинство вставок невелико: одна-две фразы относятся к сфере быта «испуганных градовцев», градовского делопроизводства, местных суеверий. Другая часть добавлений — анекдоты, случаи, курьезы. Удлиняется перечень «неотложных дел» в календаре Чалого, в текст включаются полукомические сценки из градовской жизни. Важнейший результат этих изменений — рассеяние, распыление внимания. В каждой ситуации подчеркивается и усугубляется ее абсурдность, пустота, дутость: случай оказывается полым, начинает расти как бы из себя, становится умышленным, как риторическая фраза. При огромном своде исправлений они не меняют содержание текста, располагаясь по его поверхности и касаясь в основном уточнения социальных, политических и бытовых реалий. Сам факт происшедших изменений в тексте не может не обратить внимание не только на то, что изменилось, но и на то, что не изменилось, т. е. на изначально значимую часть текста, не зависящую от сложившихся обстоятельств.

Наиболее распространенный вид изменений — рукописные вставки. «Вставка I» — дополнение к истории Градова. Она пишется набело, несколько раз правится только заключающий всю историю абзац о причинах отсутствия героев в современном Градове (см. далее примеч., с. 560–561). «Вставка II» — рассказ о комсомольце, который подключается к разговорам в поезде. По сути дела, в этом новом фрагменте Платонов соединил и реализовал оба совета Молотова: дать более веселый случай и включить в разговоры в поезде современные темы. Следующие вставки появляются в связи с редактированием текста «Записок» Шмакова. Данные листы машинописи с пометами Молотова не выявлены, но, скорее всего, его оценки были нелюбопытными и категоричными. Платонов полностью сокращает первую часть текста записок, посвященную историческим аналогиям и параллелям в описании идеологии советского централизованного государства как «образцового» (об одном из создателей централизованного московского государства Иване Калите в феврале напомнил Н. Бухарин: «Сменовеховцы считали положительным фактором то, что большевики “собрали Россию” на манер Ивана Калиты». — Известия. 1927. 2 февр. С. 2; подробно см. далее), и резюмирует текст сокращенного фрагмента в новом положении («Воистину в 1917 году в России впервые родился государственный человек и впервые отпраздновал свою победу гармонический разум порядка!»), которое вписывается в следующий абзац (М1. Л. 12). Оставшаяся без изменений часть текста «Записок» дополняется двумя небольшими вставками, разрывающими плотный социально-философский текст. Первая («вставка “Б”») переключает высокий стиль «Записок» в смеховой контекст (описание «неприличных звуков» и разговоров у окна дома), вторая вставка («вставка “В”») представляет дополнение «Записок» новым текстом взамен сокращенного. Эта вставка представляет фрагмент машинописи с речью Шмакова на пирушке (взято из другого экземпляра машинописи). «Вставка III» — философские размышления героя о природе и окружающем мире — мотивирует последний фрагмент «Записок» Шмакова.

Далее, следуя совету редактора, Платонов дополняет список «дел», которыми занимается Шмаков на службе, и пишет историю поселка Гора-Горуш-

ка («вставка <П-?>»), номер оторван при подклейке написанного фрагмента), описывает сослуживцев Шмакова и их разговоры.

Несколько небольших, но существенных «вставок» сопровождают авторскую редактуру кульминационного эпизода — пирушки по случаю юбилея Бормотова. Платонов сокращает смешной рассказ о том, как чиновники обманули высшую инстанцию, отправив туда вместо реального отчета набитые бумагами папки (заметим, что в 1927 г. тема никому не нужных отчетов относилась к вполне легальным, об этом говорилось с самых высоких трибун), и вместо него пишет на полях и сверху страницы небольшую вставку, которой вводит главную политическую тему жизни Градова — «исчезновение градовского уезда» (в рассказе эта тема появляется только в последней главе). Небольшими вставками с новым текстом замещаются прежние размышления счетовода Смачнева о чае и водке в русской истории, вносятся уточнения в центральную застольную речь Бормотова. Для коррекции речи Бормотова чистых полей на странице не хватило, вводится рукописная «вставка “С”» с текстом политической по своему содержанию речи чиновника.

В речи Шмакова на пирушке проводится сокращение изъятых из нее фрагментов для текста «записок», вносятся некоторые уточнения в описание восприятия выступления героя и на отдельном фрагменте листа пишется новая вставка с кульминационным философским обобщением героя (она получает свою нумерацию на последнем этапе редакции: «вставка III», вписано простым карандашом): «Стало быть, к примеру я, есть заместитель революционера и хозяина! Чувствуете мудрость? — Все замещено! Все стало подложным! Все не настоящее, а суррогат! Были сливки, а стал маргарин: вкусён, а не питателен! Мастеровой воевал, а чиновник победил! Чувствуете, граждане?.. Так наша цель, я считаю, с честью оправдать историческое доверие пролетариата и стать его достойным заместителем!..» (Л. 29). Последней небольшой вставкой в этот эпизод — описанием пения Десушего — развернувшаяся на пирушке политическая дискуссия расцветивается и нюансируется комическими чертами.

На усиление комического эффекта работают новые вставки в календарь Чалого, который при первом чтении не понравился Молотову: вставки вписываются на левом поле листа и в верхней его части. Платонов отказывается только от одной записи — о 25-летнем плане и вписывает 7 новых (Л. 31). Следующая отдельная вставка сопровождает эпизод чтения Шмаковым собственного сочинения и посвящена присокровенным размышлениям героя на тему основного философского вопроса — об отношении сознания к материи, мышления к бытию, вопросам, приобретающим в поле сомнений героя откровенно крамольный характер. Последние две вставки делаются при общем редактировании последнего финального сражения чиновников Градова за свой административный статус. Первая вставка («вставка “Р”») посвящена инициативам появившегося нового персонажа — представителя ЦИКа. Вторая вставка — новой инициативе Бормотова; она вписывается на полях страницы: «Но на этом Бормотов не остановился. На тайном совещании на квартире тов. Сысоева, с повесткой дня — “Градов как окружной центр и мотивация сего” — Бормотов заявил, что раньше считались с числом церкви и мощей — где их больше, там и надлежало быть административному

центру. Так и сейчас — организовать в ударном порядке сто клубов сверх имеющихся, открыть Институт Астрофизики (у ветерана есть труба — он ее у помещика украл), а затем учредить группу героев революции из старейших большевиков уезда — для почитания их массами — и вывесить их портреты всюду и везде, окаймляя вечной зеленью сосны. А обо всем том исподволь — через газеты и гражданскими письмами — донести в Москву и Талдомов» (М1. Л. 40; М2. Л. 33. Страница с данной вставкой была разрезана Платоновым на следующем этапе работы, и текст на полях оказался в разных источниках).

На вопросы Молотова на последней странице машинописи рассказа Платонов не обратил внимания, оставив текст без изменения. По ходу работы им была проставлена нумерация глав. Закончив работу над текстом, Платонов передает исправленную им машинопись Литвину-Молотову. И редактор вновь внимательно читает ее, взяв в руки теперь уже красный карандаш, которым отмечаются в машинописи фрагменты и фразы, вызывающие сомнение редактора, делаются исправления и вычеркивания, а также новые записи и вопросы на полях.

Закончив редактирование, Молотов передает машинопись Платонову. Начинается следующий этап авторской работы — она выполняется в той же машинописи, но теперь уже черными чернилами. Платонов идет по вопросам и замечаниям Молотова. Некоторые из них он учтет, другие будет оспаривать на полях этой же машинописи или позже. Так, Молотов, естественно, внимательно просмотрел, как отредактировал Платонов текст «Записок государственного человека». Результат его удовлетворил не во всем, и он вычеркивает целый фрагмент (от «Служение социалистическому...» по «Воистину в 1917 году в России впервые родился государственный человек и впервые отпраздновал свою победу гармонический разум порядка!»).

Вставка о поселке Гора-Горушка понравилась Молотову и он записывает на полях: «дайте еще одно дело» (Л. 16). Платонов принимает пожелание редактора и пишет новое «дело»: заявление жителей хутора Девьи Дубравы о необходимости аэроплана («вставка “Ч”»). Пометив вопросом сюжет о сокращении штатов, Молотов, очевидно, предложил Платонову перераспределить роли в этом мероприятии, и Платонов вносит некоторые коррективы: вводит Бормотова в качестве главного инициатора сокращения и несколько понижает общий антипрофсоюзный пафос всего эпизода.

От некоторых новых, внешне комичных эпизодов Молотову было отнюдь невесело, о чем он оставил свои записи на полях. Так, на полях вопроса секретаря ГЗУ о маце, что вагонами отправляется в Москву, Молотов сначала запишет ироническое «Раввин порядка!», а в конце вопросительное: «Как посмеяться?!» (Л. 20 об.). От откровенно политических намеков Платонов отказывается, проводя чисто цензурную правку. Так, из коронной речи Бормотова (рукописная вставка «С») им вычеркнуты два его сравнения статуса современной партии с церковью, а «партбилетик» превращается в просто «билетик» (Л. 25 об.). Молотов решительно удалил из речи Бормотова утверждение, что без него «не удержалась бы советская власть», перечеркнул фрагмент речи Шмакова о заместителях пролетария и рассказ об экзотических инициативах Бормотова по спасению Градова. Платонов ищет свои

варианты. Так, на полях отмеченного вопросом редактора предложения «Без Бормотова <...> не было бы в Градове учреждений и канцелярий, не удержалась бы советская власть» (М1. Л. 6) Платонов пишет новое предложение, без вычеркнутой Молотовым крамолы: «Без Бормотова <...> не сохранилось бы преэсущественности деловой родственности от старого времени — без чего нельзя нам жить!» Этот вариант без финального восклицательного знака войдет в *ЕШ* (С. 146–147), а в *М2* Платонов вернет крамольную часть фразы в новой редакции: «...не уцелела бы советская власть» (Л. 23).

На этом этапе Молотов вновь внимательно читает эпизод о сапожнике Захаре, и он не во всем его удовлетворит. Он проставляет знак, отделяющий этот фрагмент от предыдущего, отмечает значком и вопросом крамольные добавления в диалоге Захара и Марфы, которыми Платонов «оживил» эту часть, не понравившуюся редактору при первом чтении, и пишет на полях: «Сократить!» (М1. Л. 35). Платонов примет совет Молотова о выделении этого эпизода в отдельную главу, но требование о сокращении учтет лишь частично. Трудно сказать, почему Молотов, отслеживавший прежде всего политическую крамолу в тексте Платонова, не принял, казалось бы, реалистический рассказ о сапожнике Захаре. Возможно, весь эпизод казался ему чужеродным в повести о современности. В структуре повести рассказ о Захаре интегрирует в самостоятельную тему тот мир градовской жизни, который вообще не затронут идеями «советизации» и знаки которого рассыпаны по всему тексту. При сокращении этого эпизода Платонов откажется не от первой, как советовал Молотов, а от второй его части, опустив ту часть диалогов Захара и Марфы, в которой Захар говорит о страшной жути и маеет человеческой души в обозленном мире («дюже землю налили»). Возможно, Платонов идет на сокращение, чтобы избежать напрашивающихся параллелей с подвергнутой жестокой критике на страницах центральных газет поэмой «Деревня» Н. Клюева (опубл. в журн. «Звезда» в январском номере за 1927 г.), в которой описаны метафизические ямы, в которых оказался русский человек: «Мы тонули в крови до пуза, / В огонь бросали детей, / Отчего же небесный кузов / На лучи и зори скупей? / Маета, как змея, одолела, / Голову бы под топор...»).

Несколько уточняются на этом этапе и другие фрагменты. На последней странице Платонов ответит на вопрос Молотова («Так и ничего не случилось?»), дополнив предложение «Ничего особенного не вышло» новым завершением, с весьма двусмысленным содержанием: «...не вышло, — только дураки в расход пошли» (выражение «в расход» — из языка военного времени). Предложение Молотова жестко расправиться с Бормотовым Платонов не примет и сохранит жизнь героя, которого трудно отнести к дуракам. Зачеркивается вопрос Молотова к финальному предложению текста; несколько отредактировав его, Платонов добавит к финалу лишь одно предложение, выделив его в самостоятельный абзац: «Но Бормотов не верит глазам своим!» (Л. 41).

Дойдя до конца текста, Платонов берет в руки карандаш и проводит чисто техническую подготовку текста к его набору машинисткой: карандашом зачеркиваются пометы о вставках, редакторские и собственные вопросы на полях. На полях сокращенного Молотовым фрагмента из речи Шмакова

Платонов, предварительно исправив его, записывает категорическое: «Нужно!» (*М1*. Л. 29).

Трудно сказать, на каком этапе был написан новый эпиграф к повести: «— Молодость смешна, подобно старости. И чем больше обещает юность в будущем, тем она смешнее в настоящем. П. Годяев, мыслитель XVIII века». Эпиграф выполнен другими чернилами, отличными от первой и второй правки. Представляется, что это сделано на первом этапе работы над текстом; проставленное рядом с вписанным эпиграфом указание, что это будет первый эпиграф (цифра «1»), вычеркнуто также карандашом, скорее всего, уже на последнем этапе, а вместо цифры сделана редакторская подводка на место перед первым эпиграфом. В нумерации глав, которая спешно делалась по ходу работы, произошла ошибка на четвертой главе (она была обозначена как третья), и этот сбой в нумерации вошел в последующие источники (*М2*, *КП*) и был исправлен только в *ПМ*. В *ЕШ* первая глава печаталась без номера, как пролог.

После проведенной работы текст отдается на перепечатку. На обороте последнего листа машинописи *М1* имеются две записи. Одна — «Просьба перепечатать: 4 экз.» (выполнена Платоновым, синие чернила); другая — «т. Ермилову («Мол. Гв. (журнал)» (вероятно, написана Молотовым, фиолетовые чернила). Можно лишь гадать о том, не предполагалось ли печатать повесть в подведомственном издательству «Молодая гвардия» журнале, где только что была принята к печати повесть «Епифанские шлюзы» (выйдет практически одновременно в № 6 журнала и в сборнике). Однако обе пометы перечеркнуты Платоновым, а на первой странице в левом углу им написано: «5 экз.».

Запись о 5 экземплярах свидетельствует, что Платонов был настроен на возвращение к тексту повести. В настоящее время из 5 экземпляров машинописи (возможно, их было сделано и меньше) выявлен только один (*М2*). Мы не располагаем также экземпляром, с которого повесть печаталась в *ЕШ* и в который вносилась не только редакторская правка цензурного (так в первой главе полностью была снята тема голода в Градовской губернии) и стилистического характера, но и авторская. Идентифицировать последнюю позволяет характер исправлений Платонова в *М2*, принятой нами в качестве основного источника текста повести. Новые, в сравнении с *М1*, варианты слов и добавления появляются в *ЕШ* и при правке машинописи *М2*, сделанной с *М1*: «древлеотчинная» вместо «древнеотчинная»; «государственно-го» вместо «служебного» («терминами государственного точного языка»); в *М1* Платонов исправил «государственного» на «служебного»; «солное» вместо «соленое» (не исправленная в *М1* ошибка машинистки во фразе «уткнувшись во что-то солное»); «советский» (характеристика во фразе «советский матерьял — мягкая вещь»; вариант в *М1* «материал советский», слово «советский» вычеркнуто Платоновым на этапе последней редактуры); «бессильными» (эпитет во фразе «скрежетал бессильными тормозами»); «стало быть» (добавление во фразе о старушке «тихо засопела — уснула, стало быть»); «вдали от начальства» (добавление во фразе «даже на частной квартире, вдали от начальства, они чувствовали себя служащими»), «а не поет бесполезные песни» (добавление к фразе «поэзия лежит на предназначенном

ей месте, а не поет бесполезные песни»). Близки по направлению уточнения, внесенные в описание состояния Шмакова в вокзальном буфете. К варианту *M1* «оглянувшись по сторонам, испуганно и наспех выпил водочки в буфете» в *EШ* добавляется: «— помятуя, что Советская власть не уважает водки» (С. 117), в *M2* вписывается: «, зная, что советская власть не любит водки» (Л. 5). Микроправки в *M2* значительно больше, чем вариантов в *EШ*. Это позволяет предположить, что, работая над машинописью для сборника, Платонов одновременно держал перед собой не дошедший до нас экземпляр машинописи, в который переносил новые варианты, или же, наоборот, именно в ней он первоначально отработывал исправления. Не учтены в *M2* и другие изменения текста в *EШ*: сокращения, датировка записей в календаре Чалого, две появившиеся связи, которых не было в *M1*, графическое оформление, принятое в сборнике (дробление абзаца, рамочки, использование разных вариантов лепенки). Скорее всего, эти изменения были сделаны на этапе редактуры представленной в издательство машинописи или даже в корректуре.

Дошедшие до нас источники текста «Города Градова» данного этапа — это текст в *EШ* и *M2*. С текста в *EШ* начинается эдиционная история «Города Градова» (сравнение опубликованных текстов повести см.: *Лангерак Т.* Комментарий к сборнику «Епифанские шлюзы» // *Воспоминания*. С. 193–200).

M2 представляет лабораторию борьбы Платонова за свой текст, которая начинается сразу после сдачи повести в печать, начинается с отрицания идеологии опубликованного в *EШ* текста и восстановления как своего первоначального замысла, так и фрагментов текста, исключенных по требованию редактора. Платонов сразу вычеркивает первый эпиграф, упраздняет губгород Талдомов и возвращает Москву как одного из главных героев повести. Градову возвращаются его губернские регалии; вместо уездных и окружных институтов (уика, укома, предуйка, уплана, упрофбюро, окрисполкома, окружного центра, Градовского округа и т. п.) вписываются губернские именованья. Сделав пометы о «вставках», Платонов восстанавливает сокращенные Молотовым и не вошедшие в *EШ* фрагменты, попутно редактируя их (карандаш): о голоде в губернии («Вставка I»), находится в составе в *M1*), фрагмент речи Шмакова о заместителях пролетариев («вставка III», находится в составе в *M1*), инициативы Бормотова по спасению губернии («вставка V», находится в составе *M2*). Остается неясной помета о «вставке II», касающейся текста с описанием печальных метафизических мыслей Шмакова после выпитой в вокзальном буфете водочки (от «Особое чувство скуки и беспокойства» по «полной редкой и убогой жизни»). Этот фрагмент, как выше отмечено, Молотов предлагал сильно исправить. Данного фрагмента нет в составе *M1* и *M2*, но он есть в *EШ*, что позволяет предположить, что эта «вставка» появилась на этапе подготовки *EШ*, а затем была переложена в *M2*, где она получила свою нумерацию. Утрата вставки произошла уже после того, как с *M2* была сделана новая машинопись. Платонов вернул в текст «Записок» Шмакова большой фрагмент, сокращенный Молотовым, вписав его на полях *M2*, и отредактировал положение о чиновнике, заменив вариант *M1*, вошедший в *EШ*: «... чиновник или должностное лицо» (С. 125) на «чиновник и прочее всякое должностное лицо» (*M2*. Л. 9). Первоначальные варианты возвращаются Платоновым и в другие эпизоды,

вызвавшие критику Молотова: о комсомольце-проповеднике, о сокращении штатов.

Платонов возвращает не только большие фрагменты, но и отменяет, казалось бы, незначительные сокращения Молотова; к примеру, тип самой массовой советской школы 1920-х гг. (Молотов вычеркнул в *M1* уточнение «1-й ступени»). Восстанавливает он также некоторые собственные первые варианты. В *M1* в предложении «Одолов нравственную тревогу...» «нравственную» было исправлено на «пустую», исправление вошло в *EШ*; в *M2* он вычеркивает «пустую» и вписывает «нравственную» (Л. 10). Сокращенное им по совету Молотова в *M1* слово «жирная» («резко трескалась сухая жирная пища») возвращается в *M2*; в календарь Чалого вписывается запись о 25-летнем плане.

Новые варианты, появившиеся только в *M2*, работают на усиление смыслового содержания. На повышение статуса мелиоративно-хозяйственного заключения Шмакова по поводу аэроплана с песком работает замена во фразе всего одного слова: «добротность природных почв» на «добротность пахотных почв» (Л. 14). Не чужд Платонов и стилистической правки. Так, в предложении «Шмаков опупел от такого резона Бормотова» (*M1*. Л. 19; *EШ*. С. 135) разговорное «опупел» заменяется на «сразу утих» (*M2*. Л. 16). Это уже был третий вариант, более близкий первому — варианту автографа («отупел»), который был исправлен на «опупел» в *M1*.

В *M2* завершается выбор между Шмаковым или Бормотовым в описании пирушки, на этот фрагмент указала еще Мария Александровна, предложив в предложении «Иван Федотович Шмаков сидел с сознанием чести» заменить Шмакова на Бормотова. Платонов не сделал этого в *M1*, первоначальный вариант вошел в *EШ* (С. 143), однако в *M2* он заменяет Шмакова на Бормотова.

Платонов внимательно прочитал *M2*, исправив немало опечаток машинистки и проставив в тексте отсутствующие вопросительные и восклицательные знаки (их не было в клавиатуре машинки). Однако не все опечатки и исправления машинистки были им замечены, и, таким образом, к уже имеющимся в *M1* исправлениям Марии Александровны и машинистки добавятся новые отклонения от исходного текста.

Запись Платонова на первой странице *M2*: «3 экз. на одной стороне листа. Верить всюду карандашным поправкам». Ход дальнейшей работы над текстом повести можно восстановить лишь в общих чертах. Из трех заказанных машинописей сохранился только один экземпляр (*M3*), на последней странице которого оставлена важная для датировки этого этапа работы над текстом запись Платонова — адрес Центрального дома специалистов. Вопрос о выселении семьи Платонова из ЦДС решался в августе 1927 г.; судя по июньским и июльским письмам к жене в Крым, летом 1927 г. Платонов работал над другими произведениями. Очевидно, что уже к июню 1927 г. Платонов подготовил новую редакцию «Города Градова». Сличение текста *M3* с опубликованным в «Красной панораме» (1928) и в сборнике «Происхождение мастера» (1929) позволяет утверждать, что в качестве источника текста в этих изданиях использовались не дошедшие до нас машинописи из той же закладки, что и *M3*. Объединяют все три экземпляра новые исправления машинистки, не замеченные во всех трех машинописях и вошедшие в *KП* и

ПМ: вместо «в оглоблю» — «с оглоблю», вместо «с колесо» — «в колесо» («рожь начнет расти в оглоблю, а картошка — с колесо»), вместо Иоанна Грозного — Ивана Грозного; вместо «наказание» — «наказанье» («а мацу в наказание ест») и др. Очевидно, Платонов, выправляя экземпляры машинописи, оставил у себя не базовый источник. Это подтверждают исправления, часть которых имеется в *МЗ*, а другая — в тех машинописях, с которых текст печатался в *КП*. Так, в *МЗ* исправлено «свободным» на «вольным» («Гору-Горушку считать [свободным] вольным поселением»), а вторая часть («по примеру немецкого города Гамбурга»), идентифицированная нами как написанная Платоновым, появляется в *КП* и *ПМ*; финальное предложение также имеется только в *КП* и *ПМ*. В других случаях исправление Платонова в *КП1* («пещерника» на «ветхопещерника») есть также в *ПМ*, но его нет в *МЗ*. Имеются случаи, когда исправление в *МЗ* может совпадать только с *КП* или же с *ПМ*. Так, Платонов заметил ошибку машинистки в *МЗ*, исправив «покойнее» на «покойней» («чтобы на душе покойней было»), исправление учтено в *КП*, однако в *ПМ* остается ошибка машинистки («покойнее»).

В отличие от *М2*, которая после смерти Платонова сразу была сдана в РГАЛИ, с *МЗ* продолжала работать Мария Александровна, когда готовила посмертные публикации «Города Градова». Следствием этого является то, что в *МЗ* наряду с правкой Платонова имеются исправления жены, часть из которых переносится ею с последнего печатного источника. Так, к примеру, Марии Александровне уже при чтении автографа не понравилось употребление Платоновым местного диалектного слова «солное», которое она, как и машинистки, заменяла на литературную норму, в то время как Платонов регулярно исправлял во всех источниках «солное» на «солное»: колодцы с «солной водой» (так в *ЕШ*, но «соленой» в *КП* и *ПМ*), «уткнувшись во что-то солное» (так в *ЕШ*, но «солное» в *ПМ*). Последний случай особенно показателен. В *М2* Платонов исправляет ошибку машинистки, вписывая вместо «солное» — «солное». Этот фрагмент был сокращен в опубликованном тексте *КП*, и Платонов вписывает в *КП1* отсутствующую часть фразы, естественно со своим вариантом: «уткнувшись во что-то солное». Однако Мария Александровна, просматривая *МЗ* и сверяя текст с *ПМ*, восстанавливает литературную норму и вновь исправляет в обоих случаях «солное» на «солное».

Унификационная правка текста нарастала от издания к изданию. В *ЕШ* был полностью ликвидирован разнобой в именовании Шмакова (Иван Федотыч и Иван Федотович). Путаницу в именовании вносили и машинистки, произвольно меняя платоновский вариант на собственный. С *ЕШ* начались исправления прописной на строчную в названии учреждений; в тексте рассказа и повести написание советских учреждений и институтов с прописной выступает одним из комических приемов. В *ПМ* этот процесс завершится полной унификацией не только данных написаний, но и заменой всех числительных — прописью.

Учитывая обстоятельства, в которых Платонов превращал рассказ в повесть, срочность самой работы и то, что писатель не проводил тотального сличения всех редакций, при подготовке текста повести для настоящего издания в текст *М2* были внесены исправления разного порядка практически из всех источников, начиная с автографа рассказа; были сняты цензурные

изъятия фрагментов и вариантов, устранили все посторонние вмешательства в текст писателя.

Историю превращения небольшого рассказа в полновесную повесть и пережитые в ходе его переработки эмоции хорошо помнили оба — и автор, и его редактор, вводивший никому не известного писателя во всесоюзную литературную жизнь и в современную литературу. Намаившись с подготовкой «Города Градова» к печати, Платонов теперь хорошо представлял границы дозволенной в стране сатиры. О собственном опыте и в целом о сложившейся ситуации летом 1927 г. выскажется в повести «Строители страны» интеллектуал Геннадий: «Наша эпоха <...> страшно нуждается в двух талантах: типа Мольера и Салтыкова-Щедрина. Но замечательно то, что если бы они появились, то современного Мольера никогда бы на сцене не поставили, а Щедрина не напечатали...» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 31). Литвин-Молотов, прочитав повесть «Строители страны», увидел в ней «возврат к тону и настроениям “Города Градова”» (*РГАЛИ*. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 12–13 об.; *Воспоминания*. С. 220) и посоветовал Платонову радикально исправить текст (так повесть начнет преобразовываться в роман «Чевенгур», это вторая после «Города Градова» история, в которой ключевое место принадлежит Литвину-Молотову).

В той стремительности, с которой Платонов, отвечая на поставленные редактором вопросы, создавал редакции «Города Градова», выработывалась мускулатура художественного сопротивления внешнему давлению (включая цензуру). Его маневр всегда гибок и никогда не теряет художественности, а изощренность и искусность маневра не поступают не только «художеством», но и правдой жизненного материала. Примечательно, что диалог между Платоновым и его редактором шел фактически вокруг одной темы. Молотов видел в «Городе Градове» «сатиру на весь СССР» и добивался, чтобы текст соответствовал двум официальным канонам сатиры — на бюрократию и «старый быт». Однако у Платонова получилось нечто иное.

История формирования замысла «Города Градова» может быть описана лишь в общих чертах. Черновых записей и набросков к рассказу не сохранилось, но нельзя исключить, что они были, о чем свидетельствуют пометы Платонова на полях автографа, отсылающие к каким-то страницам. Возможно, в это время у писателя была записная книжка, в которую во время его командировок по губернии вносился материал, а также другие записи. Высокий статус записной книжки отмечен в статье «Фабрика литературы», не без внутренней отсылки к статье появляется в «Городе Градове» «кожаная тетрадь» Шмакова. Материал к новому произведению накапливался в письмах жене — в описаниях Тамбова, собственного быта и службы в ГЗУ. В ГЗУ он вновь был погружен не только в изучение, но и в создание «бесподобных по насыщенности и стилю ведомственных бумаг» («Фабрика литературы», с. 364).

Не менее ценными «полуфабрикатами» для будущей повести оказались различные тамбовские издания. Опубликованная в главной губернской газете в пору работы над «Епифанскими шлюзами» статья Платонова «О дешевом водном пути Черноземного края (В порядке обсуждения)» (12 января

1927 г.) открыла широкую дискуссию, в которой приняли участие читатели газеты и на которую откликнулся секретарь Тамбовского краеведческого общества (с 1924 г. — Общество изучения природы и культуры местного края) П.Н. Черменский, книга которого «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» (1926) послужила источником нескольких фрагментов «Города Градова» (впервые об этом см.: *Матвеева И.* Тамбовские реалии в повести «Город Градов» // *Страна философов*, 2000. С. 504–505). Материалы дискуссии печатались уже в феврале и стали одним из источников сюжета о строительстве каналов в Градовской губернии (см. далее с. 614–615). Платонов и Черменский могли познакомиться как в «Тамбовской правде», так и в Губернском земельном управлении (ГЗУ), с которым были связаны тамбовские краеведы: сотрудники ГЗУ состояли членами краеведческого общества; Черменский выступал с приветствующим словом на открытии губернского совещания специалистов сельского хозяйства, в котором принимал участие и Платонов (см.: Губсовещание специалистов сельского хозяйства и земельных работников // *ТП*. 1926. 17 дек. С. 2); краеведы готовили исторические обоснования к идущей административно-территориальной реформе губернии и т. п. В ГЗУ располагалась большая краеведческая библиотека (см. об этом: Краеведческая работа в Тамбовской губернии в 1925/26 году // *Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края*. Тамбов, 1927. № 2. С. 57–59), которой, скорее всего, пользовался Платонов во время пребывания в Тамбове. Кроме тамбовских изданий в орбите внимания писателя находились столичные газеты. В графе личных расходов (письмо Марии Александровне от 13 декабря 1926 г.) Платонов называет папиросы и газеты (см.: *Письма*. С. 176).

К написанию рассказа о современном губернском городе у Платонова был накоплен также богатейший воронежский материал, а только что написанная повесть о Петровской эпохе («Епифанские шлюзы») обозначила эпическую дистанцию и исторический контекст для художественного осмысления самой жгучей современности. На формирование замысла определенное влияние оказала сатирическая традиция Гоголя и Салтыкова-Щедрина, актуализированная в литературно-политическом контексте 1926–1927 гг. «Тамбов — гоголевская провинция» (*Письма*. С. 219), — напишет Платонов в письме жене от 15 февраля 1927 г., последнем из дошедших до нас его писем из Тамбова. Из этого письма следует, что решение о прощании с Тамбовом было уже принято: «Мошка моя! Я окончательно и скоро навсегда уезжаю из Тамбова» (Там же. С. 218). Это решение также сказалось в той скорости, с которой богатейший накопленный материал был превращен в художественный текст.

«...чтобы сечь живое, нужно его иметь, и иметь не в себе (в себе имеешь одного себя), а перед собой» — эта писательская формула («Фабрика литературы», с. 361 наст. изд.) впервые последовательно реализована в создании «Города Градова» художественной переплавкой материала самой жгучей текущей политической и бытовой жизни страны. Колоссальный по объему охват реальности представлен в повести в мельчайших и точных деталях быта, вырастающих до символов бытия человека и страны. Универсалистскому устремлению писателя отвечало и имя заглавного героя повести —

город Градов, призванное синтезировать «разъездные корреспонденции» и «художество» («Фабрика литературы»), историю и поэзию, публицистику и филологию. Вопрос о «материале», «сколько-нибудь достоверном и правдоподобном материале» (он актуализирован в открывающем «Историю одного города» предисловии («От издателя»), без которого, по Салтыкову-Щедрину, не могла быть написана его повесть, для Платонова не стоял. Скорее, он был перегружен «достоверным и правдоподобным материалом».

Современная «история одного города» создавалась Платоновым вслед исторической повести и обозначила общую с «Епифанскими шлюзами» историческую коллизию — столицы (Петербурга — в «Епифанских шлюзах», Москвы — в «Городе Градове») и провинции, рожденную эпохами революционных преобразований страны. Эта объединяющая повести тема выводит к важнейшему литературному (Пушкин) и культурному источнику выдуманного Платоновым поэтического имени губернского города, на который впервые обратил внимание Л.А. Шубин: «Было, впрочем, некое знамение в самом его названии — оно ведь идет от высокого слова «град» (“Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия”). Был еще град Китеж. И самое главное, есть основной, главный для людей Град, нерукотворный» (*Шубин Л. Градовская школа философии // Шубин Л. Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. С. 215*). На карте реальной Тамбовской губернии, ставшей одним из исторических прототипов выдуманного Градова, были и собственные территориальные образования с высоким словом «град»: Спасско-Градская и Градско-Уметская волости (см.: Список сельских обществ и селений Тамбовской губернии. Тамбов, 1904).

Завершением петербургского периода русской истории стали потеря Петербургом-Петроградом своего столичного статуса (1918), переименование Петрограда в Ленинград (1924) и идущее с 1923 г. поэтапное юридическое упразднение главной территориальной государственной единицы, созданной в эпоху Петра I, — губернии. Тамбов не просто давал колоссальный материал для темы революционных преобразований страны, но в некотором смысле сам превратился в 1920-е гг. в символ старой России. Расцвет и укрепление Тамбовской губернии связаны именно с петербургским периодом русской истории: «*Дикое поле* Тамбовское явилось одною из самых солидных экономических и нравственных сил Российской империи, получив это значение многочисленностью своего народонаселения, по преимуществу русского, и сравнительно широким развитием сельскохозяйственной промышленности», — отмечал один из авторитетных историков Тамбовской губернии И.И. Дубасов (см.: *Дубасов, I. С. 83*). Антикоммунистическое восстание в Тамбовской губернии (1920–1921), крестьянская война, в которой, по признанию М. Тухачевского, одного из руководителей карательными частями по подавлению восстания, борьба шла «не с бандитами, а со всем местным населением» (см.: *Тухачевский М. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. 1926. № 17. С. 9*), закрепило за Тамбовом статус губернского города, крайне неблагоприятного с политической точки зрения. Большой вклад в создание негативного образа дореволюционного Тамбова внесла журналистика. Посетивший весной 1927 г. Тамбов московский журналист описал губернский город в фельетонной стилистике, акцен-

тируя внимание на консервативных и реакционных чертах его повседневного обихода и быта, что в целом характерно не только для партийной публицистики, но и литературы этого десятилетия: «Если вы — человек с предубеждением, да еще близорукий, у вас после первого взгляда на Тамбов подкосятся колени. Колени подкосятся, а в мозгу засверлит странная и нелепая мысль: — Да была ли здесь революция?.. Эту странную и нелепую мысль вашу будет утверждать многое и многое: и то, что, сойдя с поезда, не увидите ни единого милиционера, и то, что не увидите ни единой вывески советского учреждения, и то, что по улице, идущей от вокзала, про которую какой-то дряблый старикашка скажет вам, что называется она... Дворянская. — По этой улице встретятся вам не раз и не два щупленькие попки и пешком и на извозе, с большими иконами на коленях... И только когда вы одолеете длинную “Дворянскую”, когда в конце ее вы упретесь в три чуть ли не друг на дружку нагроможденные церкви, вашим нелепым и странным мыслям придет естественный конец. Нет. Революция в Тамбове, конечно, была. Вот он, советский город, вот там, правее, стоит Дворец Труда, налево — Дом Крестьянина, сзади — губисполком, РКИ, Угрозыск. Наконец, увидите вы вдалеке уныло маячащую фигурку моссельпромщицы. <...> А вообще в Тамбове пусто. После учрежденческого дня затихает он окончательно. <...> А с пошатнувшихся, но еще стоящих колоколенок будут звякать монотонные колокола: Там-бов... Там-там-бов... Там-бов... Там-там-бов... Там-бов...» (*Рябцев А.* Тамбов на карте генеральной... // *Наша газета.* 1927. 11 мая. С. 3). Заглавием, восходящим к строке из поэмы М. Лермонтова «Тамбовская казначейша», иронически обыгрывается история прежнего возвышения и современного падения статуса Тамбова (см. также выдержанный в уничижительно-ироническом тоне очерк Т. Холодного «В Тамбовской глуши» // *Правда.* 1927. 20 февр. С. 4).

С первого дня приезда в Тамбов Платонов в письмах к жене постоянно делится впечатлениями от облика города; 8 декабря: «Город очень запущенный и глухой. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени и масса садов и скверов <...> Людей мало. Учреждения по виду жалкие, даже сравнительно с Воронежем» (*Письма.* С. 167); 10 декабря: «Город живет старушечьей жизнью: шепчется, неприветлив и т. д.» (С. 170); 11 декабря: «Принимают за большевика и чего-то боятся. Город обывательский, типичная провинция, полная божьих старушек» (С. 173); 13 декабря: «Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность» (С. 176). Письма из Тамбова стали важным источником «Города Градова», а их тексты будут преобразены в художественную реальность.

Платонов, естественно, знал об истории Тамбова и до своего приезда в губернский город в качестве «командированного НКЗ». Не из газет он знал о Тамбовском восстании, оно перекинулось в соседнюю Воронежскую губернию, захватив Новохоперский уезд. Общей с Тамбовской губернией была ситуация с засухой 1921 и 1924 гг., мероприятиями по восстановлению сельского хозяйства Центрально-Черноземной области. Обе губернии оказались вовлечены в административно-территориальную реформу страны. Поэтому в истории города Градова широко представлен не только тамбовский, но и

воронежский опыт писателя, ставший предметом мощной интеллектуальной и художественной рефлексии.

Публикация «Города Градова» вызвала в 1927 г. всего лишь три небольших отклика, которые появились в общих обзорах вышедших книг. Первый — в несколько слов: «“Город Градов” — сатирическое описание событий, низведших уездный город до степени заштатного городка, и ироническое повествование об обитателях этого городка — чиновниках правительственных учреждений» (Книга и профсоюзы. 1927. № 7–8. С. 48. Подпись: *В. Дашков*). Второй отзыв появился в ленинградской комсомольской газете, где новые книги рецензировались более тщательно, и поэтому повесть Платонова была прочитана вполне адекватно, начиная с определения сатирической традиции, проявившейся в этой, по признанию рецензента, «значительной вещи»: «Как по теме, так и по ее оформлению “Город Г<ра>дов” сильно напоминает салтыковские “Историю одного города” и “Губернские очерки”. Те же людишки, “власть имущие”, считающие, что самое важное это не дела, не люди, а тщательно написанное отношение с исходящим номером. И завотделом землеустройства УЗУ Шмаков очень похож на салтыковского градоначальника Бородавкина, оставившего в назидание потомству “Мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и прочем”, или на Угрюма Бурчеева, лелеявшего мысль превратить город в военплац с ровными линиями, а людей в машин, долженствующих жить по точному регламенту». После убедительных слов о традиции рецензент сформулировал вполне резонные вопросы к результатам ее освоения и развития в повести Платонова: «У Салтыкова-Щедрина были все основания для того, чтобы обобщить и в истории Глупова показать тогдашнюю Россию. Однако на основании каких данных обобщает автор Шмакова в тип советского работника, а “Город Г<ра>дов” — в жизнь советской провинции? При самом тщательном анализе станет очевидным, что никаких оснований для обобщений нет. Ибо наша советская провинция это — полный лихорадочным строительством, новой жизнью город. И уже, конечно, ни в коем случае не щедринский Глупов. Шмаковых, возведенных автором в тип, у нас очень мало. Это исключение, редко встречающееся, и совершенно непонятно, зачем понадобилось это обобщение автору» (Смена. 1927. 17 сент. С. 3. Подпись: *В. Я.*). Третий отклик на «превосходный рассказ» был положительным, как и вся рецензия на книгу «Епифанские шлюзы», а изображенный Платоновым «советский уездный город Глупов» отнесен к «острой, беспощадно меткой сатире» (Красная газета. Веч. вып. 1927. 12 окт. С. 6. Подпись: *П. П.*).

Во второй половине 1927-го и в 1928 г. у «Города Градова» появился свой особо доверительный, пристальный и даже несколько дотошный читатель — прозаик А. Новиков, для которого повесть Платонова и примыкающие к ней другие сатирические тексты послужили не только источником вдохновения, но и энциклопедией литературного материала для написания повести «Причины происхождения туманностей» (вышла в 1929 г. в издательстве «Федерация»; авторская датировка: декабрь 1927 — май 1928). В эти годы двух воронежцев связывала работа в «Крестьянской радиогазете» (см.: Рассказы А. Платонова для крестьянского радио 1928–1930-х гг. / вступ. ст.

и подготовка текста Е. Антоновой // *Страна философов*, 2003. С. 692–694); об их тесном общении свидетельствует переписка, от которой, правда, сохранилось только одно письмо (см.: *Письма*. С. 277–278), и повесть Новикова, наполненная аллюзиями на платоновские тексты и самыми разнообразными цитатами не только из «Города Градова», но и из неопубликованных сатирических миниатюр Платонова 1927 г.

Всесоюзное признание статуса сатирической повести Платонова начнется только осенью 1929 г. — в ходе масштабной критической кампании Б. Пильняка и Е. Замятина. Обозреватель «Вечерней Москвы» В. Стрельникова не только вспомнит написанный Платоновым в соавторстве с Пильняком рассказ «Че-Че-О», но и прочитает книгу «Епифанские шлюзы». Она откажется признавать «Город Градов» советским сатирическим текстом, направленным на разоблачение бюрократизма, и прямо укажет на внутренние, политические и эстетические, связи и переклички повести о современности с историческими «Епифанскими шлюзами». Говоря о «родственности мировоззрений» Пильняка и Платонова в том, что касается «схожести Октябрьской революции с Петровской эпохой», критик настаивает, что в своем сатирическом пафосе Платонов идет значительно дальше Пильняка: «Этой затрепанной и дешевой исторической аналогии Андрей Платонов сообщил, однако, много своеобразия, — он взял ее в таком разрезе: дутые прожекты Петра и дутые прожекты Октябрьской революции». Стрельникова обратила внимание на то, что в исторических «Епифанских шлюзах» и в современном «Градове» каналы планируются, проектируются, в «Епифанских шлюзах» — строятся, но не работают. Удар по Платонову был зол, но в меткости ему не откажешь. Платонов был прочитан зоркими глазами. «Ряд персонажей, — резюмировала Стрельникова, — по-разному выражают его основную мысль: ориентация коммунистической партии, строящей в СССР социализм, на пролетариат и трудовое крестьянство, — ориентация вздорная: не таков в нашей стране народ, чтобы на него ориентироваться. Эта мысль доведена до полной прозрачности в эпизоде с гидротехническими работами города Градова <...> Андрей Платонов смотрит на бюрократизм с полной безнадежностью, ибо считает, что бюрократизм породила сама “советизация как основа гармонизации вселенной”». Стрельникова квалифицировала подобный масштаб идеологических просчетов Платонова как взгляд классового врага и фашиста (*Стрельникова В.* Разоблачители социализма. О подпильничниках // *ВМ*. 1929. 28 сент. С. 3; *Воспоминания*. С. 246–249).

Платонов решается публично защитить свой «Город Градов». 14 октября в «Литературной газете» печатается его статья «Против халтурных судей. Ответ В. Стрельниковой». Платонов утверждает, что его «Город Градов» принимает участие в той широкой борьбе с бюрократизмом, которую ведет советская литература: «Корни градовского бюрократизма у меня показаны. Показано, что “губерния эта *крестьянская*, что в городе пролетариата нет, что живут там служащие и *хлебные скутцики*” (это подчеркнуто неоднократно — с. 12, 113, 114 и 168), что редко где было столько черносотенцев, как в Градове (с. 111), что среди служащих — старые чиновники, живущие дореволюционным прошлым (Бормотов, справляющий 25-летие “своей службы в госорганах”))». Подробный социологический анализ «Градова» подкре-

пляется цитатами из работ Ленина, Энгельса, партийных резолюций и постановлений с указанием издания, тома и страницы — 8 авторитетных цитат в небольшой газетной статье. «Ответ В. Стрельниковой» Платонов готовил вместе с Литвиным-Молотовым, который и подобрал цитаты для марксистско-ленинской оснащённости возражений его автора (подробно см.: Автограф ответа Платонова критику В. Стрельниковой. К вопросу об атрибуции статьи «Против халтурных судей» / публ. М. Платоновой. Подготовка текста, вступ. ст. и примеч. Н. Корниенко // *Страна философов*, 2003. С. 692–718).

Однако при всей изощренности выбранной тактики самозащиты Платонову не поверит не только В. Стрельникова, опубликовавшая в ответ на его выступление в «Литературной газете» статью с однозначным названием «Признанные ошибки надо исправлять» (ВМ. 1929. 2 ноября. Подпись: В. С.; *Воспоминания*. С. 254). Не поверят и другие, особенно после публичной критики на страницах «Правды» (декабрь 1930) рассказа «Усомнившийся Макар». Так, критик Л. Левин в рецензии на книгу «Происхождение мастера» (1929) отмечает, что ошибки Платонова проистекают из неверного понимания современности, а потому в случае с «Градовым» писатель «не замечает того, что произведение приобретает совсем неверную направленность, ибо рассказ, перерастая рамки сатиры на отдельное учреждение, становится художественным синтезом большой силы» (Резец. 1930. № 7 (февр.). Обложка 2). Известный ленинградский критик М. Майзель, посвятивший обстоятельную статью сборнику «Происхождение мастера», видел «дальнейшее успешное развитие творчества писателя <...> единственно возможным через решительный пересмотр всей его идейной системы». При этом, как убедительно показал сам рецензент, комический и сатирический элементы являются неотъемлемыми и органическими чертами реалистического повествования Платонова и всей его «идейной системы»: «Реалистическое повествование у Платонова часто соскальзывает на пародийно-сатирическое, переходящее в гротеск описание. Элементы сатиры входят обязательной составной частью почти в каждое его произведение. (Примером цельного сатирического произведения является “Город Градов”. Отдельные гротесковские детали мы в изобилии находим в “Сокровенном человеке”, “Ямской слободе”, а из рассказов, не вошедших в рецензируемый сборник, — “Усомнившемся Макаре” <так!> и “Государственном жителе”). <...> Он обладает чувством иронии, и формально его пародийно-сатирическая манера находится на большой высоте. При всем этом он умен, темпераментен и ядовит. Последние его качества с особой силой проступают в “Городе Градове”. Социальный смысл рассказа сводится к решительному протесту писателя против государственности. Организация общества иронически мыслится Платоновым в виде предельно (до бессмысленности!) регламентированной системы. На этом построены сатирические и полусатирические произведения писателя, в которых высмеивание государства приближается к щедринской высоте. Но механически примененный метод “потрясения основ” великого сатирика, обращенный против советского государства, приводит к враждебному эффекту. Направляя огонь на отдельные участки современной действительности, Платонов ополчается против *всей* советской государственности. Не дифференцируя объекта своей сатиры, писатель, может быть сам того не понимая, возбужда-

ет ярость масс не против отдельных извратителей определенной идеи, но против самой идеи, идеи государства, в наших условиях пролетарского государства. Так, взяв под обстрел определенный сектор нашей действительности (провинциальную чиновничью среду), Платонов до последней степени стусил краски как в отношении *непосредственной* щедринско-гоголевской генеалогии героев, так и в смысле распространительного толкования темы» (*Майзель М. Ошибки мастера // Звезда. 1930. № 4. С. 195–202.*)

Публикация повести «Впрок» (1931) и последовавшая истребительная кампания критики Платонова сняли с активной повестки чтение первой сатирической повести писателя. Через семь лет «Город Градов» вспомнит А. Гурвич в монографической статье, посвященной творческой эволюции Платонова от первой книги его прозы к рассказам 1936 г. Ничего нового и оригинального о первой сатирической повести критик не сказал, причислив «Город Градов» к «клеветническим произведениям», в которых «советская действительность подвергается чудовищному извращению», и воспроизведя критические штампы начала 1930-х гг.: «Свое представление о советском государстве, его властителях и законах Платонов выразил в очень плоской и злопахательской повести “Город Градов”. Скучная повесть эта является нелепым, неумелым подражанием Щедрину. Город Градов — это тот же город Глупов. <...> Разве не Платонов, нелепо подражая Щедрину, выдумал город Градов, сплошь состоящий из “одичалых чиновников, фантастических дураков и прохвостов”?» (*Кр. новь. 1937. № 10. С. 231; Воспоминания. С. 409.*)

С. 116. *От татарских князей и мурз, в летописях прозванных мордовскими князьями, произошло столбовое градовское дворянство, — все эти князья Енгальчевы, Тенишевы и Кугушевы, которых до сих пор помнит градовское крестьянство.* — Вольное переложение следующего фрагмента книги П.Н. Черменского: «От татарских князей и мурз, которые называются в летописях “мордовскими князьями”, произошло столбовое тамбовское дворянство — все эти князья Кугушевы, Енгальчевы, Тенишевы и др., от которых пришлось так много выстрадать тамбовскому крестьянству» (*Черменский. С. 9*). Опираясь на дореволюционные исследования истории Тамбовской губернии, прежде всего «Очерки из истории Тамбовского края» И.И. Дубасова (М., 1883–1897), Черменский представил краткую историю колонизации края, который истари был заселен финскими племенами мещерою и мордвою, обозначил исторические волны колонизации края — татарами, хазарами и русскими, дал пояснения некоторых именовании, в частности «мордовские князья»: «Всем этим представителям знатных татарских родов (выше названы “князья” Кугушевы, Енгальчевы, Ишеевы, Тенишевы, Еникеевы. — Н. К.) принадлежали крупные земельные владения, населенные мордвою. Русские историки называют их “княженьями”, а татарским обозначением их было слово “беляк”. <...> Владельцам “беляков” принадлежала полная власть над их территорией и над сидевшим на ней населением, власть собственника территории — административная, судебная, военная и финансовая. Татарские князья управляли мордовским населением, судили его, облагали ясаком и водили свои отряды по зову сюзерена ему на помощь. <...> В Тамбовском крае, окраине государства, феодальные отношения до-

жили до XVII в., когда в нем на месте прежних княжений “мордовских князей” мы видим дворянские вотчины помещиков татарского и русского происхождения. <...> Первое дворянское собрание состоялось в Тамбове 3-го сентября 1788 г. <...> Самые древние дворянские роды оказались в Темниковском и Елатомском уездах и все они были татарского происхождения» (Там же. С. 16–17, 19, 80).

Градов от Москвы лежит в пятистах верстах, но революция шла сюда пешим шагом. — Верста — одна из основных мер длины, принятых в России (XVIII — начало XX в.). Постановлением СНК от 21 июля 1925 г. «О признании Международной метрической конвенции, заключенной в Париже 20 мая 1875 года, имеющей силу для СССР», в обязательном порядке вводилась международная система мер и весов (подробно об этом см. ниже, с. 617). Русская верста соответствует 1,06680 км, следовательно, расстояние от Москвы до Градова по международной системе мер соответствует 533,4 км. Тамбов расположен в 475 км от Москвы. Несоответствие расстояния от вымышленного Градова и реального Тамбова до Москвы переводит реально-историческую характеристику в обобщенно-историческую и придает образу Градова символическое значение одного из старых губернских городов России. Ср.: «Предупреждаю, что ни на одной из географических карт читатель не сможет найти местопребывание Глушина. Нигде не было более легкой революции, чем в Глушине. В других городах бились, стреляли в живых людей, а здесь — нет, спокойненько. <...> Вторая, т. е. Октябрьская революция тоже была, действительно, была, только немного запоздала. Годика так на полтора» (Глушинские дни // Смена. 1926. 11 июля. С. 3. Подпись: Симка).

Древлевоотчинная Градовская губерния долго не сдавалась ей: лишь в марте 1918 года установилась советская власть в губгороде, а в уездах — к концу осени. — *Древлевоотчинная* — от «вотчина»: термин древнерусского гражданского права для обозначения земельного имущества с правами полной частной собственности на него, господствующая форма землевладения в России XIII–XV вв. В данном случае употребляется в расширительном значении для обозначения исторически консервативной губернии, что усилено первой частью слова: первоначальное «древне» (*А, М1*) исправлено Платоновым в *М2* на «древле» («издревле, издавна» — *Даль*); исправление вошло в *ЕШ*; в *КП* вновь появляется «древневоотчинная», исправляется Платоновым на «древлевоотчинная» в оттиске (*КП1*). Подобная характеристика использована в рассказе «Экономик Магов» (1926): «Задонск — древлерусский монастырский центр, город божьих старушек...» (*Сочинения, 1(1)*. С. 68).

Платонов находился в Тамбове, когда отмечалась девятая годовщина установления советской власти в губернии, о чем напомнила «Тамбовская правда» в редакционной статье «Девять лет власти Советов в Тамбовской губернии»: «Советская власть в Тамбовской губернии установилась гораздо позднее Октябрьских дней. Тамбовская губерния до революции была гнездом эсеровщины. <...> Много опасностей и лишений пережила за эти годы советская власть в Тамбовской губернии: июньский мятеж 1918 г. в Тамбове и Козлове, антоновщину, тяжелые голодные годы» (*ТП. 1927. 20 янв. С. 1*).

За официальную дату празднования годовщины установления советской власти в Тамбовской губернии было принято 30 января 1918 г. (см.: Сборник приказов Административного отдела Тамбовского губернского исполкома комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тамбов, 1925. № 1. С. 14). Однако это была первая попытка большевистского переворота, потерпевшая провал. Советская власть в губернии была провозглашена на I учредительном съезде советов Тамбовской губернии (проходил 1–4 марта 1918 г.). «Советская власть насаждена», — скажет выступивший на съезде председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, в те годы одно из высших лиц (наряду с Лениным и Троцким) в большевистской иерархии (*Мещеряков Ю.* Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 — август 1918 гг. Тамбов, 2012. С. 129). Губернский Тамбов «в начале 1918 г. оставался одним из немногих в Центральной России, где еще отсутствовала советская власть. У соседей — в Саратове, Воронеже, Рязани, Пензе советы стали господствующей силой еще до наступления нового года; в Орле это произошло 10 января. Но наличие старых властных структур в Тамбове невольно провоцировало “внешние силы” — Москву и Петроград — действовать так, чтобы скорее ликвидировать чужеродный “анклав”» (Там же. С. 122–123). Установлению советской власти в хлебобродной губернии способствовали: приезд в Тамбов Я.М. Свердлова в декабре 1917 г., переброска в «тыловой» Тамбов из западных губерний революционных воинских частей — 1-й роты 1-го Революционного полка имени Минского Совета и Латышской Советской стрелковой колонны, жестокая расправа над участниками «контрреволюционных очагов» в губернском центре (восстание 17–19 июня 1918) и в уездах, где весь 1918 г. вспыхивали крестьянские восстания против изъятия хлеба, подавляемые подразделениями особой Чрезвычайной комиссии (губернская ЧК) и Красной гвардии (Там же. С. 129–130, 279, 312).

Оно и понятно: в редких пунктах Российской Империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мощей Градов имел трое: Евфимий-ветхопещерник, Петр-женоненавистник и Прохор-византиец; кроме того, здесь находились четыре целебных колодца с солной водой и две лежачих старушки-прорицательницы... — Образ реакционного Градова выстроен в полном следовании стратегии и тактике советской антирелигиозной пропаганды и законам сложившегося к середине 1920-х гг. канона «безбожного» сатирического текста, призванного развенчать и высмеять базовые черты старого русского быта согласно новейшим идеологическим установкам борьбы с русским национализмом («черносотенцами») и Православной церковью. Особое место в антирелигиозной работе отводилось разоблачению русских монастырей и монашества: «В дореволюционное время монастыри пользовались большим почетом среди верующих. Монастырские стены для них были вместилищем особого благоволения неба и всяческого совершенства. Там обитали ангелоподобные иноки, покоились нетленные мощи, били на земле “целебноносные” источники и прочие чудеса совершались. <...> В лице бывших монахов мы имеем наиболее реакционно настроенных церковников <...> Юридически все существующие ранее монастыри в настоящее время закрыты особым постановлением органов власти, однако фактически немалое количество их продолжает существовать под видом трудовых артелей,

коллективов и других, с виду вполне советских объединений. Конечно, беспечальное паразитическое монастырское житие в таких коллективах стало далеким прошлым, но все же монахи не прочь бывают и в настоящее время, особенно в глухих уголках, подработать на изгнании бесов, целебной водице и т. п. Однако, вне всякого сомнения, что подавляющее большинство монахов рассосалось в массе населения, частью попристроилось к какому-либо делу, частью продолжает донашивать монашеские ризы, причем последняя категория извлекает выгоды из этой рясы уже другим путем. Монашкам-рукодельницам ряса служит как бы маркой для фирмы, поручительством за добросовестное выполнение заказов. Наконец, некоторая часть обратилась в бродячих странников. Нужно отметить, что эта часть наиболее беспокойная. Из ее недр обыкновенно выходят авторы подметных писем с неба, организаторы кровоточащих крестов, проповедники близкого второго пришествия и вдохновители других массовых психозов на религиозной почве. Поскольку антирелигиозная пропаганда неотделима от борьбы с авторитетом церкви и духовенства, в наши задачи входит разоблачение монастырей и монашества как приспешников самодержавия в прошлом и наиболее закоренелых врагов пролетарского государства в настоящем» (*Покровский М.И. Троице-Сергиева Лавра // Антирелигиозник. 1926. № 6. С. 40–41.*)

Основными сатирическими приемами советского антирелигиозного текста являлись: смешение мирского и церковного имени святых; «веселое» богохульство по отношению к мощам святых; описание в неприглядном свете церковной жизни и быта насельников обители, их разгульной жизни, чревоугодия; высмеивание содержания Библии, житий святых; вышучивание «темной» массы с ее верой в чудеса и «святые колодцы».

Консервативный Тамбов давал колоссальный материал для написания «безбожного» текста, так как до революции Тамбовская епархия считалась одним из центров русской религиозной жизни. Расцвет края приходится на вторую половину XIX в. К 1917 г. на территории губернии насчитывалось 1191 храм, 6 мужских и 12 женских монастырей, здесь находилась знаменитая Саровская пустынь; только в самом городе было 33 православных храма, 4 монастыря, мужская и женская богадельни (см.: *Кученкова В. Святители Тамбовской епархии. М., 1993*). В Тамбовской епархии находились мощи двух почитаемых русских святых: Серафима Саровского (канонизация состоялась в 1903 г., на прославлении присутствовала Царская семья; мирское имя — Прохор Мошнин) и Питирима Тамбовского (канонизирован в 1914 г.; мирское имя — Прокопий). Одним из духовных центров Тамбова являлся Вознесенский женский монастырь; у монастыря было большое хозяйство и фруктовый сад, во время храмового праздника у стен обители проходила пятидневная Вознесенская ярмарка (разрушение монастыря началось в декабре 1918 г.; в 1925 г. монастырь был закрыт). В губернии находилось несколько широко известных источников, колодцев с целебной водой — в Тамбове (один из колодцев — близ Преображенского собора, вырыт по благословению святителя тамбовского Питирима) и в Липецком уезде (см.: *Дубасов, 1. С. 96–98; Кученкова В. Святители Тамбовской епархии. М., 1993. С. 20*). С 1918 г. по всей губернии идет закрытие церквей и монастырей, которое сопровождается масштабной антирелигиозной работой; ее проводит

в клубах и красных уголках губернский совет Союза безбожников (см. объявление в «Тамбовской газете» накануне Рождества: «Губсовет союза безбожников совместно с культотделом Губпрофсовета сегодня проводит по всем клубам антирелигиозные вечера. Лучшими антирелигиозными силами будут сделаны доклады на тему “Царство божие на небе и строительство социализма на земле”. После докладов будут художественные постановки: инсценировки, живые газеты, частушки» // ТП. 1926. 6 янв. С. 2); на всех предприятиях и в школах создаются кружки безбожников; в качестве бесплатного еженедельного приложения к «Тамбовской правде» выходит «Наш безбожник», где широко освещается фронт губернской антирелигиозной работы и «нового быта» («Крестины без попов», «Хороним по-новому», «Богов в печку» и т. п.), большое место в газете занимают «антирелигиозные хохмы». В 1924–1926 гг. губернские власти были крайне обеспокоены масовым паломничеством к старым «святым колодцам» («чудотворным колодцам») и открытием новых святых источников (см.: Алленов А.Н. Власть и церковь. Тамбовская епархия в 1917–1927 гг. Тамбов, 2005. С. 105–106).

Солная вода — солная (диал.) — соленая (Словарь русских народных говоров. СПб., 2005. Вып. 39. С. 273–274).

С. 116–117. *Проезжий ученый говорил властям, что Градов лежит на приречной террасе, о чем и был издан циркуляр для сведения. ~ А где же город? — спросит приезжий человек.* — Ср. описание современного Тамбова с составленным И.И. Дубасовым на основе документов первого генерального межевания губерний Российской империи конца XVIII в., в подготовке и проведении которого участвовали выпускники московской Межевой канцелярии (с 1918 — Межевой институт) и ученые Санкт-Петербургской академии наук: «Не особенно красив наш город и теперь, но сто лет назад он походил на обширную деревню. Это видно из следующего перечня Тамбовских публичных зданий. “Публичные здания в городе Тамбове таковы: градская крепость, именуемая кремль; с востока и севера укреплена она реками Цною и Студенцом, с юга — рвом, с запада — рвом и земляным валом. В крепости соборная Преображенская церковь каменная <...> в той же крепости каменная кладовая для хранения денежной казны, да бывший воеводский двор, занятый присутственными местами. Слободы в предместье Тамбовского кремля следующие: Покровская, Стрелецкая, Пушкарская и Полковая. А в тех слободах монастырей два: мужской Казанский и Вознесенский девичий. <...> И в том городе Тамбове с предместьями приходских церквей 11. <...> Жители того города и предместий торг имеют мелочными товарами и закупают по селам масло, мед, воск, юфть, сало, шерсть, пеньку, рогатый скот и отпускают все это для продажи в Москву и другие города. Постоялых дворов в Тамбове не мало, а герберов (гостиниц) нет. Река Цна против Тамбова глубиною бывает 2 ½ аршина. Студенец летом пересыхает. А к западу от города идет земляной вал до Усмани. Построен он в древние времена для защиты от набегов Ногайских Татар”» (Дубасов, 1. С. 173–174). В проведении государственного районирования 1923–1924 гг. принимали активное участие ученые Московского межевого института, статьи которых регулярно печатались на страницах журнала «Землеустроитель» и с работами которых Платонов был знаком. В Тамбовском обществе изучения природы и культу-

ры местного края вопросам районирования в 1923–1926 гг. отводилось большое место: писались исторические и этнографические очерки городов, уездов и деревень («Секция истории и археологии края»); в «Секции экономики края» проводилось экономическое обоснование внутригубернского районирования; в «Секции изучения природы края» слушались доклады о лесах, водах, природных ископаемых, «геологическом строении и подземных водах Тамбовской губернии» (см.: Краткое содержание докладов, прочитанных в Тамбовском обществе изучения природы и культуры местного края за годы 1920–1925 // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. 1925. № 1. С. 13–47).

Приречная терраса — здесь: открытая площадка при впадении р. Студенец в р. Цну, образованная действием речных вод (см.: *Разницын Н.С.* Геологическое строение и подземные воды Тамбовской губернии // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. 1925. № 1. С. 35–37).

С. 116. *Город орошала речка Жмаевка — так учили детей в школе I-й ступени. Но летом на улицах было сухо, и дети не видели, что Жмаевка орошает Градов...* — Вымышленное название реки. Постановление ВЦИК от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» обязывало «принять меры, чтобы к 10-летию Октябрьской революции была обеспечена общедоступность школ I ступени» (Бюллетень Губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 4 ноября 1925 г. 1925. № 1. С. 16). В эти годы образование дети получали в школах I ступени (4 года), II ступени (5 лет обучения), семилетках и девятилетках. В Тамбове в это время было 1363 школ I-й ступени, 14 школ 2-й ступени, 45 семилеток и 16 девятилеток (см.: Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Издание Тамбовского Губстата. Тамбов, 1927. С. 25–34). Вопрос о состоянии главной реки Тамбова — Цны в марте 1927 г. обсуждался на собрании краеведов, на которое были приглашены инженеры, хозяйственники, врачи, а также школьные учителя. Содержание состоявшейся дискуссии, в которой, возможно, принимал участие и Платонов, изложено в статье П. Черменского, опубликованной 17 марта в «Тамбовской правде». В эпоху построения города «река Цна была многоводной», однако проводимые гидротехнические работы, в ходе которых менялось русло реки, привели к оскудению водоемов Цны и впадающих в нее речек, к образованию оврагов и заболочиванию лугов. Из статьи также можно узнать о последствиях построенной в 1925 г. дамбы: «Вследствие прорыва дамбы город лишается реки, в среднем, на полтора месяца лучшего времени года — весны. В прошлом году воды не было с 4 апреля по 24 июня. Развитие же заболоченности, вследствие образования новых протоков и озер, усиливает малярийность наших окрестностей» (*Черменский П.* Прорывать ли ежегодно плотину или устроить водоспуск? // *ТП.* 1927. 17 марта. С. 4).

С. 116–117. *Поэтому три раза в год — на Троицу, в Николин день и на Крещение — между городом и слободами происходили кулачные бои.* — Кулачные бои (поединки на кулаках) являлись одной из примет русского быта и воспринимались как первейшая забава, праздник, зрелище. «Свирепые

драки Ямской с Чижевкой или Троицкой» (см.: *Сочинения*, 1(1). С. 479) — одно из ярких детских воспоминаний Платонова, к которому он не раз возвращался. Кулачные бои имели широкое распространение в Воронежской губернии, сохранялись они и в 1920-е гг. (см.: *Фомин Г.Н.* Кулачные бои в Воронежской губернии // *Известия Воронежского краеведческого общества*. 1925. № 3. С. 14–18; № 5. С. 13–17; № 6. С. 11–15). Проходили они чаще всего во время рождественских святок, масленицы, Пасхи и Троицы. После 1917 г. кулачные бои были отнесены к пережиткам царского режима и церкви, хотя государство и до революции боролось с их проведением, а церковь никогда не поощряла эту народную потеху, считая ее «богомерзкой». Прозвучали кулачные бои и в Тамбовской губернии, о чем свидетельствуют регулярные сообщения о борьбе с ними (см.: *Дикое селение* // *ТП*. 1924. 12 сент. С. 3. Подпись: *Г. Буйный*) и рапорты о победе «нового быта». Так, в предрождественские дни 1927 г. «Тамбовская газета» сообщала, что давняя традиция Елецкой и Падовских слобод Ленинской волости ежегодно устраивать в Николин день (день св. Николая угодника, отмечается 19 декабря по нов. ст.) кулачные бои, благодаря волостной милиции, изжита и «кулачных боев на “Николин день” в этих слободах не было» (Конец кулачным боям // *ТП*. 1927. 4 янв. С. 4. Подпись: *С.*). 7 января в статье «К разумному развлечению» (С. 4) газета сообщала, что «примерно устроенный вечер вопросов и ответов на первый день рождества сумел отвлечь много молодежи от кулачных боев».

С. 117. *Посреди площади стоит собор, а против него двухэтажный дом. ~ На доме том висит вывеска: «Градовский Губисполком».* — Исторический центр Тамбова — Соборная площадь (после революции — Октябрьская площадь), на которой на месте Спасо-Преображенской церкви, построенной в год основания города, в 1694 г. свт. Питиримом был заложен Спасо-Преображенский собор (закрыт в 1929 г., а в его стенах был открыт Тамбовский краеведческий музей, куда были переданы мощи свт. Питирима). *Губисполком* (ГИК) — Губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, главный орган исполнительной власти губернии, создан в 1918 г.; Тамбовский губисполком располагался в двухэтажном здании бывшего государственного банка (см.: *Кученкова В.А.* *Неизвестный Тамбов*. Тамбов, 1993. С. 125).

Героев город не имел, безропотно и единогласно принимая резолюции по мировым вопросам. А может и были в Градове герои, только их перевела точная законность и надлежащие мероприятия. — Этот фрагмент появился в *М1* в виде рукописной вставки и переписывалась несколько раз. Первый вариант: «Героев город не имел, [*а*] и *пришлы{x}*м коммунистов на их социальные призывы / *пришлым коммунистам*] и безропотно и единогласно принимал резолюции по мировым вопросам, считая это законным порядком». Молотов отметил этот фрагмент вопросом на полях, правкой (вместо «и безропотно и единогласно» сверху вписывает «и законным порядком», вычеркивает последнюю часть предложения, от «считая это...») и отдельной записью, в которой предложил три тезиса к теме героев: «Были герои. <Выстрелил — ?> ими. Не привились» (*М1*. Л. 2 об.). Ниже этой записи редактор предложил собственные комментарии к первому тезису: «1) война 2) банди-

тизм 3) голод» и к третьему: «Не то перевелись, не то уехали, не то переменились». Платонов исправляет (черные чернила) первоначальный вариант фрагмента, принимая предложение Молотова по его переструктурированию, а также дописывает первый вариант новым предложением, являющимся своеобразным ответом на поставленные редактором вопросы: «А может и были в Градове герои, только их перевела точная законность и бумажные надлежащие мероприятия». В *ЕШ* появляется другой вариант фрагмента, с уточнением времени исчезновения героев в Градове: «А может и были лет шесть назад в Градове герои, только перевелись они в точной законности и бумажных надлежащих мероприятиях» (С. 114). В *М2* — вариант *М1*, из которого Платонов вычеркивает слово: «бумажные». Исправление в *М2* войдет в *М3*, *КП*, *ПМ*.

Внимание редактора к этому фрагменту и тщательность в уточнении авторских вариантов определяются самой формулировкой темы, актуальной как во внутрипартийной дискуссии 1926 г., где обсуждалось выдвинутое Л. Троцким обвинение руководству партии в его перерождении («термидоре»), так и в пролетарском литературном движении, идеологи которого выдвинули в качестве главной темы литературы изображение героя-большевика. Тема «героя» получит дальнейшее развитие в повести «Сокровенный человек» и в рассказе «Належащие мероприятия».

... что хотя нельзя сказать точно, на что истрачены пять миллионов, отпущенные в прошлом году на сельское хозяйство, но толк от этих миллионов должен быть... — В ЕШ сняты все упоминания о 5 миллионах: «В губернии градовцы объясняли, что хотя нельзя сказать точно, на что истрачены деньги, но толк от этого должен быть...» (С. 114). Тема государственных средств, отпущенных правительством в 1925 г. на восстановление сельского хозяйства Тамбовской губернии, не сходила со страниц «Тамбовской правды», как в месяцы, предшествующие приезду Платонова в Тамбов, так и во время его службы в ГЗУ. В юбилейной статье «Сельское хозяйство губернии за 9 лет» заведующий Тамбовским ГЗУ С.Н. Рубцов называет сумму в 3 миллиона, выделенных на кредитование крестьянства, «на машиноснабжение, рабочий скот, травосеяние, расселение, переселение и землеустройство» и отмечает, что «на эти кредиты проделана большая работа» (*ТП*. 1926. 7 ноября. С. 2). Из заметки «Восстановленческие кредиты из центра» (Там же. 1927. 4 янв. С. 1) следует, что кроме кредитов на места переводился специальный «бедняцкий фонд». Реальную картину расходования восстановленческих кредитов проясняют неюбилейные выступления заведующего ГЗУ. Из статьи «Недочеты мест в работе мелиорации» (Там же. 16 ноября. С. 3) можно узнать о целом своде «недочетов», которые обнаружили к концу года: «сознательные и бессознательные злоупотребления»; «использование денег не по прямому назначению»; «намеченные по плану работы по устройству колодцев и прудов к настоящему времени по губернии выполнены на 30 проц.». В докладе Рубцова на 4-й сессии губисполкома отмечалось, что план работ по восстановлению сельского хозяйства губернии «составлялся очень поспешно, на скорую руку, и недостаточно был согласован с уземуправлениями и райсельхозсоюзами», что и привело к извращению восстановленческих работ, распылению кредитов и т. п. Из доклада следует,

что Москва действительно предполагала выделить Тамбовской губернии около 5 млн рублей (4 808 000), а получено было около 3-х (2 934 540). Среди причин невыполнения плана восстановленческих мероприятий (план по мелиорации «выполнен не более чем на 50%») руководитель ГЗУ называет невыполнение крестьянами работ по договорам, неполный штат мелиораторов и «распыление кредитов» (Итоги восстановленческих мероприятий по сельскому хозяйству. Доклад тов. Рубцова // *ТП*. 1926. 11 дек. С. 2). Вопрос о расходовании выделенных на восстановление ЦЧО бюджетных денег обсуждался в Госплане СССР, отмечалось, что «до сих пор отчетных данных об использовании этого фонда (речь идет о фонде бедноты. — *Н. К.*) нет» (Финансирование сельского хозяйства в 1926–27 г. (В Госплане СССР) // *Известия*. 1927. 13 янв. С. 5).

А было дело так. Случился в Градовской губернии голод от засухи. — Этот фрагмент отсутствует в *ЕШ*. Речь идет засухе 1924 и 1925 гг. в Тамбовской губернии, когда погибли 23,2% (1924) и 27% (1925) всех посевных площадей и начался голод (см.: *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928). Тамбов, 2004). Засуха затронула и Воронежскую губернию (см.: *Письма*. С. 136), однако в Тамбовской губернии ситуация оказалась катастрофической. Первая информация о том, что от засухи 1924 г. пострадали 60% процентов посевной площади губернии, появляется в «Тамбовской правде» только в феврале 1925 г. (см.: Пленум Губисполкома // *ТП*. 1925. 18 февр. С. 6); о голоде — только в июле 1925 г., когда голод достиг апогея, начались голодные смерти. В апреле в губернии работала специальная правительственная комиссия, обследовавшая положение на местах; только после этого тема засухи и голода начинает освещаться в местной печати: «...продовольственные ресурсы иссякли. Примерно с начала апреля часть населения стала питаться суррогатами. В конце апреля и в мае правительством оказана продовольственная помощь, которая охватила беднейшую часть Тамбовской губернии. <...> Крестьянство выбивается из сил. <...> Июнь был тяжелым месяцем, тяжелым будет и июль» (По тамбовским полям. Статья т. С. Крылова — члена комиссии центра, обследовавшей состояние посевов и продовольствия Тамбовской губ. // *ТП*. 1925. 4 июля. С. 2, 6); «Продовольственная помощь голодающему населению будет оказываться до 15 августа. Для этого отпускается 1 миллион рублей; за счет этих средств нам отпускают 600 000 пудов хлеба. <...> 19 июня был заслушан доклад комиссии т. Рыкова. К ранее отпущенному миллиону дается еще 1 миллион, в счет которого отпускается 600 000 пудов разных продуктов. Кроме этой помощи правительством сейчас рассматривается пятилетний план восстановления центрально-черноземной области, куда входит наша Тамбовская губерния» (Помощь центра Тамбовской губернии // Там же. 5 июля. С. 1). Первого августа «Тамбовская правда» (С. 1) извещает о разработанном Госпланом РСФСР проекте 5-летнего плана восстановления ЦЧО; 29 сентября публикует (С. 3) принятое 21 сентября постановление ЦИК и СНК «О мерах восстановления центральных черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении» (речь идет о Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской и Пензенской губерниях, а также находящихся в одинаковых с ними условиях южных уездах Рязанской губ.), в котором отдельным пунктом

обозначены средства, выделяемые на землеустроительные и мелиоративные работы: 2 387 000 рублей.

На прокормление крестьян и на особые гидротехнические работы отпустили пять миллионов рублей. — Сомнение в точности этой суммы отразил автограф рассказа, где указано «три миллиона», а сверху Платоновым вписано «пять» с вопросом. В М2 Платонов исправляет «три» на «пять», на первый взгляд отказываясь от реалистической детали (названы лишь две статьи из общего финансирования сельского хозяйства губернии, см. выше), однако при этом добиваясь большей точности: «прокормление крестьян» проходило по другим статьям бюджетных денег, выделенных Тамбовской губернии на 1925–1926 гг.

С. 119. *В основу отбора голодающих крестьян от сытых был положен классовый принцип...* — Этот фрагмент отсутствует в ЕШ. *Классовый принцип* — базовое понятие марксизма и идеологии советского государства как диктатуры пролетариата; встречается во всех «восстановленческих» документах, с которыми работал Платонов. Так, среди недостатков работы Отдела землеустройства, мелиорации и госземимущества Тамбовского ГЗУ за 1925/26 г. отмечалось, что «осуществление принципа классового подхода при землеустройстве в отчетном периоде не носило ярко выраженного характера» (Объяснительная записка к годовому отчету по Отделу Землеустройства, Мелиорации и Госземимущества за 1925/26 операционный год // ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4657. Л. 131).

Создана была особая комиссия по набору техников. Но она ни одного техника не приняла, так как оказалось, — чтобы построить деревенский колодезь, техник должен знать всего Карла Маркса. — По собственной практике проведения общественно-мелиоративных работ в Воронежской губернии Платонов хорошо понимал значение грамотного технического персонала и прежде всего уездных техников. Этот вопрос он обсуждал в своей переписке с Наркомземом, когда просил прислать прежде всего техников (Письма. С. 129); районным техникам адресованы его обращения-воззвания 1924 г.: «Прошу помнить, что от наших работ зависит спасение десятков тысяч крестьянских хозяйств, доведенных засухой до голодания» (Письма. С. 136). В письме Марии Александровне от 30 декабря 1926 г. Платонов излагал свой взгляд на состояние вопроса техперсонала в Тамбовском ГЗУ: «Начал проводить годовой план работ через местные органы. Сопrotивление моей системе работ огромное (я требую больших сумм на техперсонал). Если мой план принят не будет — я поставлю вопрос о своем уходе. Работать без техперсонала, за гроши — нельзя, отвечать я не буду за то, что обречено заранее на провал» (Письма. С. 182). Вопрос техников возникал при обсуждении хода восстановленческих работ в Тамбовской губернии. Среди недочетов называлась плохая работа уездных восстановленческих комиссий, в частности слабая агитационная работа; рассказывалось, что в деревне Гнилуше председатель посоветовал уполномоченному «гнать техников и самим строить “как-нибудь”» (Рубцов. Недочеты мест в работе мелиорации // ТП. 1926. 16 ноября. С. 3).

На губернском совещании специалистов сельского хозяйства, на котором выступал и Платонов, в докладе представителя губкома был сформули-

рован комплекс политических задач при подготовке специалистов сельского хозяйства, призванный способствовать практическому осуществлению базовых положений марксизма, изложенных в работах его основоположника К. Маркса: «Задача специалистов сельского хозяйства <...> организовать беднейшие и середняцкие слои крестьянства, провести простейшие коллективные формы хозяйства и способствовать классовому расслоению деревни» (Губернское совещание специалистов сельского хозяйства. Доклад тов. Шумилина // ТП. 1926. 21 дек. С. 2). Выступая в прениях по докладу т. Шумилина, руководитель ГЗУ «от лица всех специалистов» заверил партию и Наркомзем в выполнении поставленных задач: «В дальнейшей работе каждому специалисту необходимо, главным образом, сосредоточить внимание на обследовании и изучении района его работы, на соблюдении принципа классовой при проведении мероприятий и, в особенности, на работу коллективных хозяйств» (Губсовещание земельных работников // Там же. 1926. 22 дек. С. 2).

Политическое образование занимало едва ли не центральное место в планах подготовки специалистов сельского хозяйства. Так, в программе курсов переподготовки специалистов отдела земледелия и животноводства Тамбовского ГЗУ на 1926 г. шесть тем из десяти посвящены политическим вопросам: «Империализм и социальная революция», «Роль пролетариата и крестьянства в революции», «История классовой борьбы», «Советская конституция», «Задачи партии в деревне», «Роль РЛКСМ в деревне» (Операционный план Тамбовского губернского земельного управления на 1925–26 год. Тамбов, 1926. С. 89–90).

Один член этой приемочной комиссии вслух прочитал книгу, — где говорится, как холоп Никишка сделал аэроплан и летал на нем перед царем Иоанном Грозным, — чем убедил окончательно комиссию в скрытых силах пролетариата и трудового крестьянства. — Отклик на масштабную кампанию вокруг романа К.Г. Шильдрета «Крылья холопа». О выходе романа в издательстве «Пролетарий» сообщали газеты (см.: Среди литераторов // Наша газета. 1927. 28 янв. С. 4). В ноябре 1926 г. газета «Известия» несколько раз извещает (7 ноября. С. 9; 23 ноября. С. 9) о скором выходе на экраны фильма по художественно-историческому роману из жизни Иоанна Грозного «Крылья холопа» и о том, что в роли Грозного снялся заслуженный артист Л.М. Леонидов. 1 февраля «Тамбовская правда» (С. 4) печатает объявление о том, что 1–3 февраля в кинотеатре «Модерн» состоится показ «исключительной художественной постановки исторической картины времен Ивана Грозного “Крылья холопа”», 3 февраля — подробную информацию о фильме как «безусловно большом событии советской кинематографии»: «Сюжетом для нее (фильм). — Н. К.) взято старинное сказание о “Московском Икаре” — крепостном “выдумщике” Никишке, который смастерил крылья и летал над Москвой на потеху “аглицким гостям”. Царь Иван Грозный испугался полетов Никишки, считая, что они “от дьявола”, и велел отрубить “выдумщику” голову. Голову Никишке не отрубили, но он погиб в западне царских застенков. Вековая темнота и дикость разбили светильник пытливого мысли» («Крылья холопа» // ТП. 1927. 3 февр. С. 4. Подпись: Д. Б.). 6 февраля московская «Рабочая газета» (С. 7) пригласила читателей принять участие

в конкурсе написание новой последней главы повести К. Шильдкрета «Крылья холопа» (жюри возглавил известный пролетарский писатель П. Низовой) и в последующих номерах печатала читательские варианты окончания романа и истории изобретателя крыльев Никишки.

Было построено шестьсот плотин и четыреста колодцев. ~ Не достоя до осени, плотины были смыты летними легкими дождями, а колодцы почти все стояли сухими. — Реплика к истории строительства Епифанских шлюзов и к итогам общественно-мелиоративных работ 1925 г. (см. примеч. к повести «Епифанские шлюзы», с. 509 наст. изд.). В справке, выданной Платонову в мае 1926 г., среди построенных в Воронежской губернии под его руководством работ названы 331 колодец и 763 пруда (см.: Волга. 1975. № 9. С. 163); в письме к А.К. Воронскому от 27 июля 1926 г. он сообщает, что «построил 800 плотин» (*Письма*. С. 157), в письме к А.Г. Божко-Божинскому — «800 плотин, 400 колодцев» (Там же. С. 160). У отдела мелиорации Тамбовского ГЗУ не было подобных результатов в проведении общественно-мелиоративных работ. По данным на октябрь 1926 г. из запланированных 428 шахтных колодцев было построено — 51, из 7 трубчатых колодцев — ни одного (Протокол заседания Земплана при Тамбовском ГЗУ от 5 ноября 1926 г. // *ГАТО*. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4792. Л. 2–6). Платонов безусловно знал, что реальность внесла существенные коррективы в выраженные в цифрах итоги общественно-мелиоративных работ, о которых он докладывал на мелиоративном совещании 1925 г. (см.: Воронежская коммуна. 1925. 26 июля. С. 3). В некоторых районах построенные пруды и колодцы не действовали, о чем сообщали корреспонденты с мест, отмечавшие, что крестьяне не советовали строить некоторые колодцы и пруды, потому что хорошо знают свою землю, знают, что «здесь воды не будет, надо построить в другом месте», однако советов крестьян «руководители мелиорации» и «техники» не слушали (см.: *Сачков*. Сухие колодцы и пруды // Там же. 1926. 27 мая. С. 3).

С. 119–120. ...одна сельскохозяйственная коммуна, под названием «Импорт», начала строить железную дорогу, длиною в десять верст. Железная дорога должна соединить «Импорт» с другой коммуной — «Вера, Надежда, Любовь». Денег «Импорт» имел пять тысяч рублей, и даны они были на орошение сада. Но железная дорога осталась недостроенной: коммуна «Вера, Надежда, Любовь» была ликвидирована губернией за свое название, а член правления «Импорта», посланный в Москву купить за двести рублей паровоз, почему-то не вернулся. Сверх того, на те же деньги десятниками самочинно были построены восемь планеров для почтовой службы и перевозки сена и один вечный двигатель, действующий моченым песком. — Еще один эпизод к теме расходования государственных средств, выделяемых на восстановление сельского хозяйства губернии, в котором объектом осмеяния становятся некоторые результаты административно-территориальной реформы 1920-х гг., в ходе которой на географической карте России наряду со старыми административными единицами (селом, деревней, хутором) появились новые территориальные образования: поселок, с. х. коммуна, с. х. артель и с. х. товарищество.

Сельскохозяйственные коммуны — одно из заметных явлений первого советского десятилетия, распространенная (наряду с с. х. артелями и с. х.

ле, Свобода, Пчелка, Веселый, Вольный, Заря, Знамя, Трудолюбие, Новорайский, Друг Народа, Работник Земли и т. п. (Вся Тамбовская губерния на 1923 год. Тамбов, 1923. С. 235–236; Списки населенных мест Тамбовской губернии (по данным Всесоюзной переписи 1926 года). Тамбов, 1927. Вып. 1–5). Новые территориальные образования располагались рядом с селом или деревней, состояли порой из 2–3 дворов; больше всего в Тамбовской губернии было с. х. артелей и товариществ, меньше — коммун.

Для решения вопроса нецелевого использования с. х. коммунами кредитов, отпущенных на «восстановленческие» мероприятия, Тамбовский губисполком в начале 1926 г. принимает ряд постановлений по контролю за расходованием средств; была разработана и типографски издана «Временная инструкция по выдаче ссуд кооперативам», согласно которой коммуны для получения кредита должны были представлять пакет документов: устав коммуны, списки членов, план и смету мероприятия, денежный баланс и т. п. (Выписки из протоколов заседания президиума ГИК // *ГАТО*. Р–946. Оп. 1. Ед. хр. 4442. Л. 59–59 об., 83–91). Однако, как свидетельствуют документы проверки работы ГЗУ за 1926 г., «в основу распределения денежных средств по уездам, согласно словесному разъяснению зав. п/отд. мелиорации, была положена некоторая пропорциональность по числу выделяющихся поселков по уездам, но материалов по этому вопросу в ГЗУ не имеется»: «Практика показала, что в большинстве случаев население, получая денежные средства на руки, старается затянуть выполнение работ, употребляя полученные суммы на другие хозяйственные надобности, и роль исполнительных земорганов в значительной степени сводится к бесплодному разъездам по уезду и уговариванию населения выполнить условия договора» (Протокол заседания Земплана при Тамбовском ГЗУ от 5 ноября 1926 г. // Там же. Ед. хр. 4792. Л. 2–2 об.). В качестве примера в документах фигурирует некое товарищество «Колония», поселок из 12 дворов, в котором на полученные кредиты строится четыре колодца, в то время как достаточно и двух.

...вечный двигатель, действующий моченым песком. — Отсылка к идеям собственной молодости — об изобретении вечного двигателя (упоминается в предисловии Г.З. Литвина-Молотова к книге «Голубая глубина»); см. в рассказе «Маркун» (1920) описание проекта двигателя, мощность которого «будет возрастать бесконечно» (*Сочинения*, 1(1). С. 143).

С. 120. В Градов Иван Федотович Шмаков ехал с четким заданием ~ Шмакову было 35 лет, и славился он совестливостью перед законом и административным инстинктом, за что и был одобрен высоким госорганом и послан на ответственный пост. — Первое представление героя уточнялось несколько раз. В автографе по ходу написания меняется возраст (с «29 лет» на «28») и образование героя: «он только кончил Институт Гражданских Инженеров и [партией] теперь послан партией на работу» исправляется на: «...кончил Сельско-Хозяйственную Академию по инженерному факультету и теперь послан партией на работу» (А. Л. 4). Первую корректировку в этот текст внесет Мария Александровна, вычеркнув в автографе слово «партией» и вписав к слову «на работу» уточняющую характеристику: «практическую». Однако и этот вариант не удовлетворил Литвина-Молотова, он его вычеркивает (М16. Л. 9 об.) и предлагает сделать героя тридцатилетним. Платонов на

первом и втором этапе правки текста уточняет этот фрагмент и снимает возрастное сходство с героем.

Выбор имени и фамилии одного из главных героев повести, скорее всего, связан с реальным сослуживцем Платонова по ГЗУ — Иваном Васильевичем Шмаковым. Он был старше Платонова (р. 1890 г.), имел троих детей, появился в Тамбовском ГЗУ только в марте 1926 г., а до того служил в Козловском уезде техником по огнестойкому и сельскому строительству (информация дается по личному делу И.В. Шмакова; см.: *ГАТО*. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 2186). Судя по другим документам, Платонов доверял Шмакову как специалисту и поручал ему ответственные дела.

...и, оглянувшись по сторонам, испуганно и наспех вытир водочки в буфете, зная, что советская власть не любит водки. — Ироническая ремарка к водочной политике советского государства, отличавшейся крайней непоследовательностью. Производство и торговля спиртными напитками официально были разрешены в СССР с 1924 г. (постановление ЦИК СССР и СНК от 26 августа 1923 г.), доходы от продажи водочных изделий давали значительный прирост государственного бюджета, на что было направлено и постановление от 9 июля 1926 г. о дополнительном акцизе на «хлебное вино (водку)» и спирт. Одновременно в связи с государственными кампаниями борьбы за «новый быт» (с 1923) и борьбы с хулиганством (1926) принимается ряд постановлений о борьбе с пьянством и алкоголизмом; большое место в печати отводится критическим текстам (статьям, стихам, рассказам, пьесам) о русском пьянстве как тяжелейшем пережитке царского режима. В тезисах ЦК ВКП(б) «О борьбе с пьянством» (июнь 1926) злоупотребление спиртными напитками связывалось с «наследием старого быта» и буржуазной идеологией «нэповской стихии». 7 января 1927 г. датируется принятие «обязательного постановления» президиума Тамбовского губисполкома о введении в действие правил «О порядке продажи спиртных напитков и их употреблении» (*ТП*. 1927. 15 янв. С. 4. «Официальный отдел»). Инициированные партийно-государственными постановлениями обследования партийных ячеек рабочих и городских служащих выявили случаи пьянства в партийных рядах, о чем регулярно сообщали газеты; среди главных причин пьянства руководящего состава назывались: «малокультурность, порой невежество, незнание основных моментов партэтики»; «слабая постановка культурпросветработы, а местами отсутствие таковой»; «мещанско-обывательские традиции старого быта» (Что дало изучение причин пьянства среди партийцев (По материалам ГКП) // *ТП*. 1926. 4 ноября. С. 2. См. также: Оздоровить быт — наша задача // Там же. 1926. 21 ноября. С. 3).

Наспех выскочила баба с яблоками, запутавшись в сдаче пассажиру с гривенника. — Гривенник — десятикопеечная монета. См. о ценах на фрукты во втором письме Марии Александровне из Тамбова: «Здесь (по дороге) всё страшно дешево: яблоки — 1 к<опейка> за три штуки, груши — 5 к<опеек> за 10 штук и т. д. Раз в пять дешевле Москвы» (*Письма*. С. 168).

С. 121. *...на его месте сидел комсомолец и проповедовал.* — Эпизод о комсомольце написан на первом этапе переработки рассказа в повесть (*М1*), и он в целом понравился Литвину-Молотову, однако тот сразу рекомендовал понизить политический статус героя, вычеркнув красным карандашом слово

«комсомолец». Платонов принимает предложение редактора и превращает «комсомольца» в «деревенского жениха», затем ищет новые штрихи к этому портрету, сначала это «молод-ой» / кудрявый», затем: «масляный парень — деревенский жених». Далее по всему эпизоду политические характеристики меняются на нейтральные: «комсомолец» — на «парень», «товарищ коммунист» — на «гражданин», «комсомолец» — на «знающий парень», «комсомолец» — на «деревенский знаток» (М1. Л. 9–9 об.). Эти исправления вошли в ЕШ (С. 119–120). В М2 Платонов вернет герою первоначальный статус, а из двух последних вариантов («комсомолец» и «деревенский знаток») образует новую характеристику: «комсомольский знаток».

Сюжет о комсомольце является откликом на большой круг острых и одновременно «больных» вопросов молодежи, широко обсуждавшихся в центральной партийной и комсомольской печати с конца 1926 г., что нашло отражение в литературно-общественных дискуссиях о хулиганстве молодежи, «есенинщине», комсомольской поэзии и изображении комсомольца в современной прозе. В образе компанейского комсомольца-проповедника собраны представления о комсомольце как положительном герое эпохи, прозвучавшие в выступлениях партийных и литературных кураторов молодежи и комсомольской литературы (прежде всего в докладах и выступлениях Н. Бухарина): политическая бдительность (в противовес главному недостатку комсомольской молодежи, на который в сентябре 1926 г. указал пленум московского комитета ВЛКСМ: «притупление остроты политической активности»); чувство победителя; освобождение от «старой интеллигентской рефлексии», надрыва и трагизма; чтение партийной литературы (он явно воспитывается не на лирике Есенина, а на «Спутнике коммуниста», на который указал Н. Бухарин в «Злых заметках»); культ научного знания в противовес религии. Не исключено, что одним из источников портрета комсомольца мог послужить цикл статей известного профессора А. Залкинда «О нашей молодежи», в феврале и марте публикуемых в газете «Известия» (1927. 20 февр. С. 2; 20 марта. С. 6). Залкинд выделил 14 признаков нового социалистического человека, которым должна соответствовать революционная молодежь: 1) «Безбожие»; 2) «Авангардизм» («Чувство острой ответственности за творящуюся историю революции»); 3) «Планетаризм» («Нет частных вопросов, не связанных со всей жизнью нашей планеты. Смерть “колокольной” психологии. Всякая хозяйственная, политическая, бытовая деталь — обязательно с мировой точки зрения. Все происходящее в мире — обязательно с советской точки зрения. <...> Шире горизонт»); 4) «Классовость»; 5) «Оптимизм»; 6) «Диалектизм»; 7) «Строительная установка»; 8) «Жадность к знаниям»; 9) «Коллективизм»; 10) «Боевой порыв»; 11) «Воспитательный уклон» (агитационная, пропагандистская работа, «классовый воспитатель»); 12) «НОТ»; 13) «Сублимация»; 14) «Молодость». В превращениях «комсомольца» в «масляного парня — деревенского жениха», а затем вновь в «комсомольца» прочитывается отсылка к «Антисексусу» и популярным психоаналитическим теориям, которые активно развивались в 1920-е гг., см. пункт «Сублимация» в статье Залкинда: «Сублимация. (Буквально значит: перевод низших видов энергии в высшие). <...> Тезис о превращении разбрызганной сексуальности в прорывы творческого аппарата все более внедряется в психику и поведение лучше-

го молодняка. Начался процесс здорового классового полового собирания, процесс сублимации непомерно раздутого буржуазной культурой “секса”, *переклечения* максимальной части биоэнергетического фонда на социально-творческие рельсы. Поразительно интересны, *исторически симптоматичны* попытки нашего лучшего молодняка творчески преодолеть излишнюю половую напряженность, смягчить революционность, утончить, углубить характер любовных отношений: надо ведь миновать старые мещанские трафареты и отыскать новые, действительно социалистические пути в области любви. Подавляющая часть нашей художественной литературы еще не заметила этих своеобразных, интимных и сложных молодых исканий, — инерция старой культуры еще тяжело давит на мозговой аппарат нашего искусства...» (Залкинд А. О нашей молодежи // Известия. 1927. 20 марта. С. 6).

Религия должна караться по закону! — Это через почему ж такое по закону-то? — злобно допытывался неизвестный человек, ранее рассказывавший о ценах на пшено в Саратове и Раненбурге. — Среди 14 признаков новой молодежи на первое место А. Залкинд справедливо поставил «безбожие»: «Чувство полной свободы от всего, что “надсознательно” и венаучно. <...> Мироздание с его научной закономерностью, — общественная жизнь с ее законами, — чувство жестокой объективной обусловленности всего происходящего в мире. <...> Первое молодое поколение, в лучших своих слоях полностью свободное от божьей гнили, развязывает колоссальный фонд плененной богом смелости, жизненной жадности, исследовательской ненасытности, реалистической остроты» (Указ. соч.). Как последовательный авангардист, комсомолец предлагает радикальное решение вопроса церкви и религии, которое было применено в 1922 г. по отношению к московскому и петроградскому духовенству (судебные процессы широко освещались в газетах, многие из подсудимых были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны); весь 1923 г. готовился открытый процесс над патриархом Тихоном, в газетах печатались требования сурово покарать патриарха как врага советской власти, применить к нему статьи Уголовного кодекса. Оппонирующий комсомольцу «неизвестный человек» апеллирует к закрепленной в советских государственных документах «свободе совести и вероисповедания». Советское законодательство о церкви, кроме основных декретов, изданных сразу после Октябрьской революции, включало в себя постановления правительства и инструкции наркоматов — Наркомюста, Наркомвнудела, Наркомпроса, Наркомфина, которыми определялись правила организации групп верующих, религиозных объединений, свободно разрешаемых советским законодательством, права и обязанности религиозных объединений (см.: Дьяконов Л.П. Советское законодательство о церкви. Л., 1926).

Вопрос «ножниц цен» (низкие — на продовольственные товары, высокие — на промышленные) был один из самых острых вопросов 1926 г.; цены на продукты в уездных городах были значительно ниже, чем в столице и губернских городах. В первых письмах из Тамбова Платонов сообщает о низких ценах на продукты, собирает посылки для семьи, также предлагает выслать продукты своим московским сослуживцам (см.: Письма. С. 168, 177). Обсуждение цен на пшено отражает реальную ситуацию 1926 г., когда в течение нескольких месяцев стоимость пуда пшена, которая в январе была

значительно меньше, чем стоимость пуда ржи и муки, к осени выросла и значительно превысила цену на муку и рожь (см. таблицу «Движение базарных цен в городах Тамбовской губернии за 1925–26 г.» // Бюллетень Тамбовского губернского статистического отдела № 9. 1 сентября 1926 года. Тамбов, 1926. С. 90–91).

Раненбург (совр. Чаплыгин, переименован в 1948 г. в честь раненбуржца академика С.А. Чаплыгина; входит в состав Липецкой области) — старинный уездный город бывшей Рязанской губернии, до революции считался значительным центром торговли зерном; этот район Рязанской губернии сильно пострадал во время засухи 1924–1925 гг. (упоминается в правительственном постановлении 1925 г.). *Козлов* (совр. Мичуринск, переименован в 1932 г. в честь ученого-селекционера И.В. Мичурина) — старинный уездный город Тамбовской губернии, до революции занимал одно из первых мест в губернии по развитию торговли хлебом, скотом, сукном.

С. 122. ...*правда, что Днепр перегородить хотят и Польшу затопить?* — В вопросе соединились две актуальные темы: широкое обсуждение в печати вопросов строительства Днепрогэса (см. далее) и не сходящая с первых страниц центральных и губернских газет информация на международные темы, где с начала 1927 г. позиции Польши отводилось большое место в связи с ухудшением советско-английских отношений; в газетах появляются целые разделы материалов о Польше и Англии (см.: Англия натравливает Польшу и Прибалтику против СССР // Красная газета. Веч. вып. 1927. 15 янв. С. 1). В докладе секретаря Тамбовского губкома «Переживаемый момент и задачи конференции» на XVIII губернской партконференции прямо говорилось: «Возможность войны, возможность нападения на нас (например, со стороны Польши)» (ТП. 1927. 19 янв. С. 2).

Печальный молчаливый сентябрь стоял в прохладном пустопорожном поле, где не было теперь никакого промысла. — Исправлено в автографе рассказа (синие чернила): «...в прохладном, вечеряющем поле» на «...пустопорожном поле, где не было ни следа промышленности» (А. Л. 5). Читавший рассказ Литвин-Молотов без всяких вопросов на полях вычеркивает эту часть фразы, так как она представляет прямой выпад против партийного курса на индустриализацию (см. далее с. 612–613), и Платонов вписывает новый вариант: «...где не было теперь никакого промысла» (М1. Л. 10), обладающий не только метафизическим смыслом — указанием на будущее (промысел Божий), но и конкретно-историческим. По Ф.И. Буслаеву: «Понятие о providении, снисходительное и для человека утешительное, выражается словом *промысел*. Происходя от *про* и *мыслить*, оно означает предупредительную заботу и попечение. Любопытно в этом слове наивное сближение понятий о судьбе и ремесле, ибо промысел значит и то и другое» (Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014. Т. 2. С. 122). Удовлетворение от найденного решения отразится в появлении слова «весело» в следующем предложении: «Одно окно в вагоне было открыто, и какие-то пешие люди весело кричали в поезд» (М1. Л. 10). Исправление войдет в ЕШ (С. 121), однако в М2 (Л. 8) Платонов вычеркнет «весело».

Тамбовская губерния славилась своими промыслами с давних времен; на 1925 г. органы статистики зафиксировали 76 различных промыслов: тка-

чихи, вязальщицы, кузнецы, корзинщики, гончары, сапожники, бондари, лапотники, каменоломщики, рогожники, колесники, портные, кожевники, овчинники, веревочники, кружевницы, валяльщики и т. д. По социально-имущественному положению промыслами занимались 67% бедняков, 27% середняков и 8% зажиточных; основное время занятий промыслами приходилось на осень и зиму (см. подробно: *Курточкин П.Т.* Кустарно-ремесленная промышленность в сельских местностях Тамбовской губернии по данным обследования 1925 года // Бюллетень Тамбовского губернского статистического бюро № 8. 1 июля 1926 года. Тамбов, 1926. С. 1–33). Вопрос промыслов и кустарной промышленности страны, включая ЦЧО, решался в начале 1927 г. в русле общего курса на индустриализацию (см. далее с. 614, 618).

«Вот оно — мое поселение», — думал Шмаков... — Ср. с описанием состояния Платонова в его письмах к жене; 11 декабря 1926 г.: «...я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность» (Письма. С. 173); 13 декабря: «Я уехал, и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь. Я один в своей темной камере и небрежно влачу свое время» (Там же. С. 175–176); 4 января 1927 г.: «Все-таки Тамбов — это каторга. <...> В тюрьме гораздо легче» (С. 184–185); 18 января: «Приехал в свою тюрьму» (Там же. С. 193).

Несмотря на то, что этот пункт был связан рельсами со всем миром ~ никто туда не ездил: не было надобности. — Еще одна деталь к образу Тамбова, потерявшего свой высокий политический и хозяйственный статус. Строительство железных дорог, связывавших Тамбов с другими регионами России, началось в 60-х гг. XIX в. (Рязано-Козловская железная дорога), и к началу XX в. Тамбов являлся крупным узлом Юго-Восточной железной дороги.

С. 124. Вселился Шмаков в дом № 46 по Коркиной улице; дом был невелик, и жила в нем одна старушка... — В описании снятой Шмаковым комнаты отразились детали быта Платонова тамбовского периода, о которых известно из его писем к жене. Первый адрес — ул. Августа Бебеля (бывшая ул. Киркинская, переименована в 1918 г.): «...нашел за 15 р<ублей> с отоплением, необходимой мебелью и двумя самоварами» (Письмо от 10 декабря 1926 г. // Письма. С. 170); второй — пригород Тамбова: комната «со столом за 30 р<ублей> в месяц. Там, правда, грязно, старуха нечистоплотна, но дешево. Будет обед, два чая и ужин — и все стоит с комнатой 30 р<ублей>» (письмо от 13 декабря // Там же. С. 176); третий — Первомайская пл., д. 20 (бывшая Варваринская пл., по имени расположенной на площади Варваринской церкви; переименована в 1918 г.): «Я уже переехал на другую квартиру. 40 р<ублей> со столом. Как будто ничего...» (Письмо от 8–9 января 1927 г. // Там же. С. 191). Из этих трех адресов в описание комнаты Шмакова вошли разные детали: из первого — адрес (по звуковому сочетанию к придуманной Коркиной улице близка реальная Киркинская), из второго — описание старушки; из третьей — близость жилья героя (Первомайская пл.) к месту службы (ул. Интернациональная, д. 33).

Получала она за мужа пенсию 11 р. 25 к. в месяц... — До 1926 г. старушка получала пенсию по закону «О социальном обеспечении инвалидов» (от 8 декабря 1921 г.), по которому пенсия выплачивалась семье лиц, погиб-

ших в гражданской и империалистической войнах, а за пенсионную единицу при расчетах принималось 50% заработной платы данной местности (см.: Очерк состояния социального обеспечения в РСФСР в 1925 году. М., 1925. С. 6–7). В 1926 г. принимаются новые постановления о государственном обеспечении инвалидов военной службы и их семей (от 18 августа и 11 октября); вопрос исчисления пенсий широко обсуждался в профсоюзной печати в связи с установлением новых норм пенсий для инвалидов и членов семейств умерших. Пенсия теперь рассчитывалась, исходя из 40% средней заработной платы данного тарифного пояса (см.: Социальное обеспечение в РСФСР к десятой годовщине Октября. М., 1927. С. 13–14); размер пенсии, таким образом, зависел от средней зарплаты региона и определялся на местах специальной комиссией и комитетом страховой кассы. Среди текущих вопросов пенсионирования оставались вопросы назначения пенсии вдовам; эта группа, по признанию профсоюзных деятелей, оставалась для них «очень затруднительной» (*Брук Г.Я.* О новых нормах пенсионирования // Вопросы страхования. 1926. № 10. С. 14; *Инютин Г.* Текущие вопросы пенсионирования // Там же. 1926. № 15. С. 15–16). Старушка, скорее всего, получала пенсию за мужа «староармейца», погибшего на империалистической войне.

...и комнату сдавала за 8 р. с ее топкой. — Законопослушная старушка строго следует постановлению Тамбовского горсовета от 13 ноября 1926 г. «Об оплате жилых помещений в гор. Тамбове» (см.: *ТП.* 1926. 19 ноября. С. 3), согласно которому в исчислении основной ставки квартплаты должны были учитываться: благоустроенность жилья (ставка в оплате жилья без удобств исчислялась в 33,5 коп. за 1 кв. м, или 1 р. 52 коп. за 1 кв. саж.), «классовый принцип» в классификации квартиронаимателей (Шмаков отнесен к 1-й категории — служащим государственных учреждений) и его зарплата (Шмаков получал не менее 125 рублей). То есть старушка сдавала Шмакову большую комнату (горницу), а сама ютилась в кухне. Несмотря на принятое постановление, призванное ввести единые правила оплаты жилья в «национализированных, муниципализированных и частновладельческих жилых строениях», оплата жилья в частном секторе совершалась чаще всего по соглашению и превышала установленные ставки. Поэтому оплата жилья у Платонова значительно выше, чем у его героя.

...копируя по простоте начертания подпись Ленина. — Мария Александровна исправила в автографе «подпись Ленина» на «подписи великих людей», исправление вошло в *М1*. На первом этапе переработки рассказа в повесть Платонов не заметил исправление жены, однако после того, как новый текст прочитает Литвин-Молотов, он вернет свой вариант (вписан в *М1* черными чернилами), отличающийся бóльшей точностью.

В газетах и журналах, особенно в дни памяти В.И. Ленина (21 января), постоянно печатались фотографии различных рукописей основателя советского государства, с его подписями под документами. Чаще всего воспроизводилась полная подпись «В. Ульянов (Ленин)», достаточно сложная в своем начертании и занимающая подчас целую страницу (см.: Красная нива. 1924. № 7. С. 1; № 3. С. 10). В начале 1927 г. при публикации телеграммы и директивы 1919 г. о борьбе с волокитой воспроизводилась укороченная и более простая в своем начертании подпись («Ленин») (см.: Прожектор. 1927. № 1.

С. 12; Красная нива. 1927. № 4. С. 3), на которую, скорее всего, и ориентируется Шмаков.

Возможно, в самой этой детали отразились впечатления от подписи Ивана Васильевича Шмакова, чьи «рапорты» Платонов дважды визирировал как заведующий подотделом мелиорации (ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 2186. Л. 33, 55. Образец подписи см. с. 126 наст. изд.).

...хотя фамилия «Шмаков» — достаточно редкостная. — Фамилия Шмаков не относится к редким русским фамилиям, однако лежащее в ее основе слово «шмак» имеет «темное» происхождение (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / 3-е изд. СПб., 1996. Т. 4. С. 458): 1) вид небольшого судна, известного со времен Петра I; 2) воронка с желобом для отливки орудий; 3) искаженное слово «смак» — вкус.

В «формуляре» (личном листке) реального Ивана Васильевича Шмакова указано, что он «великоросс» и родом из Кирсановского уезда Тамбовской губернии (ГАТО. Ф. 3-946. Оп. 2. Ед. хр. 2186).

...извлек из чемодана кожаную тетрадь. — Из 7 разделов «кожаной тетради», описанной в «Фабрике литературы», три раздела наиболее близки содержанию и пафосу «Записок государственного человека» Шмакова: «5) Разговор с самим собой, 6) Нечаянные думы и открытия, и 7) Особое и остальное» (С. 364 наст. изд.).

Современная борьба с бюрократией основана отчасти на непонимании вещей. — Отклик на одну из широкомасштабных кампаний 1926–1927 гг. Пункт «Борьба с бюрократизмом» присутствует во всех выступлениях руководителей партии и государства (подробно см. примеч. к сценарию «Надлежащие мероприятия», с. 826–828 наст. изд.). Не исключено, что Платонов имел отношение к тексту «Инструкция по борьбе с бюрократизмом (Проект управделами Немырсыбтреста)», исполненному тотальной иронии по отношению к самой кампании борьбы с бюрократизмом; опубликован 11 февраля 1927 г. в «Тамбовской правде» (С. 4) под вымышленным именем:

«В целях искоренения бюрократизма, волокиты, бумажного потока, согласований, многочисленных комиссий и совещаний управление делами треста предлагает следующий план проведения кампании:

1. Создать при председателе треста постоянную комиссию по борьбе с бюрократизмом, в составе председателей всех отделов треста. Выделить из комиссии подкомиссию по борьбе с комиссиями.

2. Выработать, предварительно проработав по отделам, план борьбы с бесчисленными согласованиями, предварительно согласовав план с заинтересованными отделами.

3. Издать не менее 3–4 циркуляров с предложением всем отделам и частям треста об энергичной борьбе с бумажными инструкциями и циркулярами.

4. Вывесить на видном месте плакаты с изречениями вождей о борьбе с бюрократизмом.

5. Заказать портрет т. Орджоникидзе.

6. Поручить орготделу выработать форму отчетности по борьбе с бюрократизмом и передать ее на утверждение предтресту.

7. Составить смету на издание популярной брошюры «Бюрократ — не свой брат».

8. Создать при инструкторском подотделе организационного отдела должность инструктора по борьбе с бюрократизмом, предварительно согласовав вопрос с ревизионной комиссией треста.

9. Снять старые плакаты “без доклада не входить” и заменить их новыми. Выработку текста поручить комиссии в составе завинформотделом, завиздатсектором и секретаря правления и согласовать с ревкомиссией и политсектором ГОНО.

10. Составить анкету на предмет выявления количества лиц, имеющих право подписи на отношениях. То же — на сопроводительных бумагах, то же — на циркулярах и приказах. Уменьшить количество подписей на бумагах до 7.

11. Разослать анкету минимум в 20–30 вопросов “Как вы думаете бороться с анкетной стихией?”

12. В целях режима экономии — вопроса о скорейшем прохождении бумаг сейчас не ставить, имея в виду, что скорейшее прохождение бумаг знаменует собой и увеличение количества самих бумаг.

13. Настоящий проект предварительно проработать на межведомственном совещании отделов и частей, поставив его на обсуждение правления, и после анкетного опроса согласовать с центральной комиссией и представить на утверждение соответствующей инстанции. Управдел Ковыкин.

С подлинником верно.

И. об. переписчика П. Б-ов».

С. 125. ...пустынно застучал колотушечник, предупреждая грабеж. — В связи с ростом хулиганства в 1926 г. президиумом Тамбовского горсовета было принято «обязательное» постановление «О введении в гор. Тамбове института ночных сторожей» — «в целях соблюдения тишины и спокойствия и для поддержания на улицах и площадях города необходимого порядка» (ТП. 1926. 5 авг. С. 4; Там же. 6 ноября. С. 4). См. в повести «Ямская слобода»: «— Пойдемте, Игнат Порфирыч, в ночные сторожа — в колотушечники! Милое дело — ночью караулить, а днем отдыхать! Только пока Прохор с Савелием не помрут, нас не возьмут — они давно живут в колотушечниках и их слободской староста любит!» (с. 230 наст. изд.). *Колотушечник* — образовано от слова «колотушка»: «деревянный молоток»; «В старое время у ночных сторожей: устройство из дощечек для постукивания во время обхода участка» (Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007).

...он задумался о сравнительной административной силе преулика и исправника. — Преулика — председатель уездного исполнительного комитета. Исправник — в дореволюционной России глава уездной полиции.

...спустить все океаны и реки в подземные недра, чтобы была сухая территория. ~ а в небе станет вечно гореть солнце, как видимый административный центр. — Отклик на многочисленные инженерные проекты 1920-х гг., включая собственные идеи о борьбе с природой, о подземных водах и улучшении климата на земле, изложенные в статьях «Всероссийская колымага» (1921), «Об улучшении климата» (1926), «Питомник нового человека» (1927) и в рассказах-фантазиях («Сатана мысли», 1921). См. описание мечты героя рассказа «Маркун»: «Я построю турбину с квадратным, кубиче-

ским возрастанием мощности, я спущу в жерло моей машины южный теплый океан и перекачаю его на полюсы. Пусть все цветет, во всем дрожит радость бесконечности, упоение своим всемогуществом» (*Сочинения*, 1 (1). С. 143).

Конечно, не просто пороть, а как-нибудь похитрее — химически, так сказать! — Отсылка к широко пропагандируемым проектам Авиакима по использованию «ядовитых газов в борьбе с вредителями полей, особенно саранчой и сусликами», а в будущем — со всеми вредителями (Авиация и химия в борьбе с вредителями // *ТП*. 1924. 17 авг. С. 4). В связи с ростом в XX в. химической промышленности химия воспринималась в 1920-е гг. не только как одно из новых и самых мощных оружий в будущей мировой войне, но и как мощный рычаг победы над природой: «Если XIX столетие было веком пара и стали, то XX век может быть по справедливости назван веком электричества и химии» (*Фишман Я*. Рост химической промышленности в капиталистических странах и химическая война // *Правда*. 1927. 19 янв. С. 5).

С. 128. ...куда он назначен был заведовать подотделом. — Платонов занимал в Тамбовском ГЗУ должность заведующего подотделом мелиорации, входившим в Отдел землеустройства, мелиорации и госземимущества. Шмаков, скорее всего, также занимал ту же должность, что и Платонов; при этом ему поручается рассмотрение «дел» всех трех подотделов.

Трактат свой Иван Федотович кончил поздней ночью — за полночь, — когда уже снеслись куры, своевременно и надлежаще оплодотворенные. — Вторая часть предложения (от «когда уже») была снята в *КП* и *ПМ*. Смеховая аллюзия на тему «нового быта». Летом 1926 г. в ряде губерний, включая Московскую, Воронежскую, Орловскую, прошли конкурсы на лучшую курицу. В октябре с призывом провести подобный конкурс в Тамбовской губернии — «поместить свою птицу на конкурс» — выступил подотдел животноводства губернского ГЗУ; были объявлены условия и премии для победивших: «Куры, давшие при всех равных условиях наибольшее число яиц, премируются специальными наградами» (*Яковлева Н*. О конкурсе яйценоскости // *ТП*. 1926. 19 окт. С. 2). Платонов, принимавший участие в составлении и обсуждении операционного плана ГЗУ на 1926/27 г., мог быть знаком с планом подотдела животноводства, в котором большое место отводилось возрождению «куроводства, как отрасли, на которую падает 92% всего с/х птичьего населения губернии», а главным направлением стимулирования выведения птиц лучшей породы определялось улучшение бытовых условий содержания кур. Планировалось организовать конкурсы яйценоскости районного значения под лозунгами «За воспитание молодняка», «За выведение улучшенного материала» (*ГАТО*. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4603. Л. 65-65 об.).

С. 129. *Оказалось, что в ближних к Градову деревнях, — не говоря про дальние, что в лесистой стороне, — до сей поры весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот и насвистывали ветер.* — На первом и втором этапе переработки рассказа в повесть (*М1*) Платонов рассматривал пожелание Молотова «подробней описать» старый быт, т. е. расширить этот фрагмент: об этом свидетельствуют проставленный знак вставки (синие чернила) и помета «добавить» (черные чернила), однако, очевидно, на последнем этапе он откажется от этой задачи. Текст новой «вставки» к этому фрагменту текста не выявлен.

Детали рассказа о народном быте позаимствованы из книги Черменского, где они приводятся в череде многочисленных примеров «метафизических предрассудков» и суеверия в мировоззрении жителей Тамбовской губернии XVII в.: «С особым торжеством справляли древний праздник зимнего солнцеворота, приуроченный к празднику Рождества и святкам. Также весело справлялся праздник весны, приуроченный к Красной горке. В этот день мужчины и женщины выходили в поле для общих игр, водили хороводы, плясали под дружное хлопанье в ладоши, бились на кулаки и боролись, качались на качелях, скакали на досках, катали по могилам яйца. Накануне Троицына дня (семик) ходили в лес завивать березки, плели из них венки и водили хороводы у берегов рек и озер. <...> суеверие было распространено среди людей всяких чинов и званий. Весной в новолуние и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот, насвистывали ветер. Вера в знахарство и чародейство никем не опаривалась...» (*Черменский*. С. 45). Черменский, взяв материалы для описания у И. Дубасова, несколько упростил ситуацию, что и акцентировано далее в реакции Шмакова.

«Холуйство! — подумал Иван Федотович, послушав старуху. — Только государство и его живая сила — служилый должный народ — способны упорядочить это мракобесие!» — Реакция Шмакова, с одной стороны, корреспондирует с оценками русского народного быта, звучавшими в кампании борьбы за новый быт, с другой — иронически «остраивает» веру героя в окончательное решение фундаментальных вопросов народной психологии и быта. И.И. Дубасов приводит документальные свидетельства борьбы с «суеверными народными обычаями», которую с XVI в. вели государство, Православная церковь и тамбовское духовенство: «Наши давние обыватели к своим большим младенцам призывали ворожей, мужиков и баб. В первый день каждого летнего рождения месячного и в гром первого дня они обязательно купались. В Святки лили воск и олово и рядились. В случае скотского падежа скот окуривали. В Семик завивали березки и в тех вещах — березках — на воду ходили... В установленные обычаем дни коляду, глумги и таусень кликали... Языческие обычаи в нашем крае в XVII веке были настолько сильны, что царь Алексей Михайлович, известный ревнитель православия, вынужден был дать Темниковскому протопопу такой наказ: ослушников смирять и наказывать <...> Русские люди, выслушивая царский приказ к разумной и благочестивой жизни, искренно умилялись и вразумлялись... Очевидно, им нужны были постоянные, опытные и твердые руководители, но их-то именно у нас и не было в достаточном количестве...» (*Дубасов*, I. С. 161–162).

На службе Ивану Федотычу дали дело о наделении землей потомков некой Алены, которая была предводительницей мятежных отрядов поенского края в 18-м столетии и которую сожгли за чародейные дела в срубе в г. Кадоме. — Подобными «делами» на первом этапе их рассмотрения занимался не отдел мелiorации, а отдел землеустройства ГЗУ, в функции которого входили: организация правильного землеустройства, регулирование земельных отношений, организация землеустроительных работ, распоряжение государственным и земельным имуществом и его эксплуатацией

(см.: *Операционный план Тамбовского губернского земельного управления. Тамбов, 1926. С. 213*).

История Алены позаимствована из книги Черменского, где она лишь упоминается в списке народных «суеверий» со ссылкой на «Очерки из истории Тамбовского края» И.И. Дубасова, и относится к XVII в.: «Вера в колдовство никем не оспаривалась и порча “ведовством” часто вызывала судебные процессы. Во время Разинского бунта предводительницу одного из мятежных отрядов, по имени Алена, обвинили в чародействе и сожгли в срубе в г. Кадоме» (*Черменский. С. 45–46*. Кадом — древнейший город Тамбовской губернии). Черменский упростил историю Алены, изъяв из нее реальные детали, не вписывающиеся в логику пролетарского понимания восстания Разина. На самом деле, «старика Аленка» называется Дубасовым среди тамбовских священников — «протопопа Данилы, попа Саввы и попа Пимена», не просто участвовавших в восстании, но и «имевших влияние на мятежников». Мятежники были разбиты в Кадомском уезде, а казни состоялись в Темникове: «Особенно изысканная казнь досталась уже указанной нами старице Аленке, которая войско собирала и билась с государевыми людьми накрепко и имела заговорные письма и коренья. Ее казнили всенародно на Темниковской площади, медленно жгли в срубе» (*Дубасов, 2. С. 31–32*). Платонов меняет время событий и опускает в позаимствованном у Черменского тексте исторические «казачьи» детали. Общеизвестно, что восстание Степана Разина началось среди донского казачества, носило социальный характер, но вряд ли его можно было назвать, как это делает Черменский, «рабоче-крестьянским движением» (*Черменский. С. 46*). Устраняя из документов параллели с современностью (верхнедонским восстанием 1919 г.), Платонов относит историю Алены к XVIII в., возможно, и потому, что в его замыслах в это время был роман о Пугачеве, с которым в большей степени, чем с восстанием Степана Разина, соотносится Тамбовское антоновское восстание, рожденное произволом государства в отношении крестьянской жизни.

«Ездили они, отцы наши, воровские казаки, — читал в деле Шмаков, — по уездам, рубили помещиков и вотчинников, за которыми были крестьяне, а черных людей, крестьян и боярских людей и иных служилых людей никого не рубили и не грабили». — Фрагмент из книги Черменского, несколько исправленный в русле политических установок. В источнике этот документ приводился со ссылкой на «воровские грамоты», казачьи листовки: «“А езда де они”, читаем в одном документе того времени, “воровские казаки, по уездам, рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных-де людей, крестьян и боярских людей и казаков и иных чинов служилых людей, никого не рубят и не грабят”» (*Черменский. С. 46*).

Дело о землеустройстве потомков Алены тянулось уже пятый год. Теперь пришла новая бумага от них с резолюцией начальника учреждения ~ Шмаков исчитал все дело и нашел, что это дело можно решить трояко... — Филигранно точное описание сложившейся к 1927 г. ситуации вокруг выделения крестьянам земельных наделов. Спорными вопросами и рассмотрением жалоб по искам граждан о земельных разделах занимались специальные земельные комиссии (волостные, уездные, губернские), высший контроль осуществляла Особая коллегия высшего контроля по земельным вопросам

при НКЗ, куда шли жалобы, откуда в губернии спускались документы с указанием срока исполнения иска и туда же губернские комиссии обязаны были отправлять свои отчеты (десятки папок с делами по землеустройству и с перепиской с «вышестоящими инстанциями» хранятся в фондах Тамбовского ГЗУ; см.: *ГАТО*. Ф. Р–946. Оп. 1. Ед. хр. 4182, 4813). Постановление СНК РСФСР от 9 октября 1925 г. «О мерах по улучшению землеустройства» (Известия. 1925. 31 окт.) рекомендовало НКЗ, во-первых, обязать местные земельные органы при проведении землеустройства «неуклонно соблюдать интересы маломощного крестьянского хозяйства», во-вторых, покончить с волокитой: «Ускорить начатое Наркоматом земледелия прекращение залежей землеустроительных дел прошлых лет и в осуществлении этого: 1) обязать Народный комиссариат земледелия и его органы закончить все дела прошлых лет по землеустройству и выдать населению документы по ним не позднее 1 апреля 1926 года; 2) организовать работу в дальнейшем таким образом, чтобы законченные в натуре землеустроительные дела завершались не позднее, чем в зимний период, следующий за полевым исполнением» (цит. по: Бюллетень Губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 4 ноября 1925 г. 1925. № 1. С. 18–19). В 1926 г. принимается еще ряд постановлений по этим же вопросам, однако к указанному сроку (1 апреля 1926 г.) ситуация с земельным вопросом оставалась нерешенной. Об этом, в частности, прямо говорится в операционном плане по землеустройству, мелиорации и земельной регистрации на 1926/27 г., в составлении которого Платонов принимал участие: «Осуществление принципа классового подхода при землеустройстве в отчетном году не носило ярко выраженного характера»; «Постановление ВЦИК от 11/1–1926 г. о завершении камеральным исполнением дел прежних лет к 1 апреля 1926 г. осталось невыполненным» (*ГАТО*. Ф. Р–946. Оп. 1. Ед. хр. 4648. Л. 45 об. – 46).

В конце записки он вставил собственное изречение, что волокита есть умственное коллективное вырабатывание социальной истины, а не порок. — Фрагмент пишется на первом этапе редактирования рассказа в автографе (вписан синими чернилами): «В конце записки он вставил собственное изречение, что волокита есть вырабатывание социальной истины, а не порок» (А. Л. 9). В *М16* вписываются два определения к слову «вырабатывание»: «умственное серьезное», и тут же второе слово вычеркивается (Л. 2 об.). В *М1* (Л. 16) вписывается только слово «умственное» (вошло в *ЕЩ*); в *КП*, *ПМ* появляется новое второе определение: «коллективное».

Правкой Платонов добивается уточнения новых значений слова «волоки́та», актуализированных в мероприятиях по борьбе с бюрократизмом, которые приходятся на январь — февраль 1927 г. В традиционном понимании слово «волоки́та» означает: «проволочка дела, особ^{енно} в иске, тяжбе» (*Даль*, 1. С. 237); «проволочка, в особенности в применении к судопроизводству», «вся вообще совокупность невыгодных для тяжущихся условий, происходящих от несовершенства судопроизводства и судопроизводства» (*ЭСБЕ*, 13. С. 67). Волокита считалась одним из бедствий государственного устройства дореволюционной России, с которой боролись с XVI в.: царские указы по совершенствованию системы судебных инстанций; утверждение «правил

о порядке инстанций»; «Свод законов», включающий наказание за волокиту и т. п. (см.: Там же. С. 68–69). В кампании борьбы с бюрократизмом слово «волокита» начинает занимать свое особое место с конца 1926 г., что связано с докладом народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции СССР и председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) С. Орджоникидзе на VII Всесоюзном съезде профсоюзов (открылся 6 декабря). В «Крестьянской газете» (1927. 4 янв. С. 1) доклад наркома печатался под общей шапкой: «За бережливость, против бесхозяйственности, бюрократизма, волокиты, за здоровый советский аппарат» и сопровождался серией других публикаций. Статья главного редактора газеты Я. Яковлева «На борьбу с волокитой» (С. 3) дала старт массовой кампании: «Товарищи крестьяне и местные работники. Шлите в “Крестьянскую газету” свои предложения, как бороться с бюрократизмом и волокитой»; в газете открывается отдельная страница «На борьбу с бюрократизмом и волокитой» (Там же. 11 янв. С. 14), в которой в январе и феврале печатаются письма и заметки на тему волокиты и борьбы с ней (см.: Урицкий С. Неужели без волокиты жить не можем // Крестьянская газета. 1927. 4 янв. С. 7; Бей по волоките // Там же. 8 февр. С. 6). В феврале коллективная борьба с волокитой обрела новый импульс, получив методологическое обоснование в материалах из наследия В.И. Ленина, впервые озвученных С. Орджоникидзе 5 февраля на пленуме ЦКК и уже 6 февраля опубликованных во всех центральных газетах; письма и записки Ленина о борьбе с волокитой были выделены в отдельный раздел «О борьбе с волокитой» (см.: В.И. Ленин о задачах рабкрин, борьбе с волокитой, о подборе лиц и установлении ответственности // Известия. 1927. 6 февр. С. 3).

...Шмаков углубился в поселок Гора-Горушку, который жил на песках, а на лучшие земли не выходил. ~ Шмаков написал на этом деле резолюцию: «Гору-Горушку считать вольным поселением, по примеру немецкого города Гамбурга, а жителей — транспортными хищниками; земли же надлежит у них изъять и передать в трудовое пользование». — Первоначально: «свободным поселением» (М1. Л. 17). Литвин-Молотов пометил этот фрагмент вопросом на полях, но Платонов никак не отреагировал на вопрос редактора. Вариант М1 вошел в ЕШ (С. 132) и М2 (Л. 14). В М3 Платонов исправил «свободным поселением» на «вольным поселением» (М3. Л. 14), исправление вошло в КП и ПМ. В этих печатных источниках появилось новое уточнение: «по примеру немецкого города Гамбурга».

Данное «дело» относилось к ведению подотдела земельного имущества, главным направлением работы которого оставался вопрос расселения губернии. В плане Тамбовского ГЗУ на 1925 г. на расселение и землеустройство из госбюджета выделялись немалые суммы; выдавалась безвозвратная ссуда по 100 рублей на «выселяющийся двор», предполагалось организовать 108 поселков с 396 дворами (В президиуме Губисполкома // Бюллетень Губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянск<их> и красноарм<ейских> депутатов. 22 ноября 1925 г. 1925. № 2. С. 13). В отчете за 1926 г. Тамбовского ГЗУ указывалось, что за истекший год было расселено 3312 крестьянских дворов и образовано 120 поселков (ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4648. Л. 48). Такие ударные темпы во многом определялись проведенной в 1925 — начале 1926 г. кампанией по выселению бывших помещиков из Тамбовской губернии. Это была общегосударственная кампа-

ния, осуществлявшаяся в губерниях специальными комиссиями ГИК по выселению, образованными на основании постановления ЦИК и СНК от 20 марта 1925 г. Из отчетных документов Тамбовской губернской комиссии по выселению следует, что к 11 февраля 1926 г. было взято на учет 229 помещиков, из них дворян — 62, из бывших крестьян — 113; из числа подлежащих выселению лиц бывшие дворяне составляют примерно 50%, крестьяне — 35% и «прочие» — 15% (информация дается по: Материалы о выселении бывших помещиков из Тамбовской губернии за апрель 1925 — сентябрь 1926 // *ГАТО*. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4231). При распределении освобождающихся имений и хуторов требовалось тщательно проводить «классовый принцип».

Гора-Горушка — очевидно, платоновский топоним, составленный из реальных сельских топонимов Гора и Горушка, часто встречающихся в средне-русских областях (в дореволюционной топонимике название Горушка носили в основном деревни и хутора). Идиллический характер новообразованному топониму придает его вторая часть, являющаяся уменьшительно-ласкательной формой первой части, а также их соединение в популярной народной песне «На горе, на горушке...»

В Тамбовской губернии некоторые «наиболее старинные поселения» имели статус «вольного села»: «До конца XVIII в. Рассказово было вольным дворцовым селом <...> но в 1795 г. Екатерина II отдала его в феодальную собственность» (*Черменский П.* Немного из истории Рассказова // *ТП*. 1926. 17 окт. С. 3). Понятие «вольного города» сложилось в европейском средневековье, где наряду с имперскими городами существовали вольные города, независимые от светской и духовной власти, имевшие больше прав и привилегий в области самоуправления. Гамбург принадлежал к числу вольных городов Германии, освобожденных от уплаты налогов императору. В 1920-е гг. с именем Гамбурга связывалось ожидание близкой европейской революции, о гамбургском восстании 1923 г., жестоко подавленном правительством, писали все центральные газеты; ему посвящена книга Л. Рейснер «Гамбург на баррикадах» (1925).

Далее пошло заявление жителей хутора Девьи Дубравы о необходимости присылки им аэроплана для подгонки туч в сухое летнее время. — Данное «дело» относится к вопросам, которыми занимался в ГЗУ подотдел мелиорации. *Девьи Дубравы* — платоновский топоним, созданный из сельских топонимов Воронежской и Тамбовской губерний. С первой частью топонима соотносятся названия в родной губернии: село Девица, расположенное на одноименной реке; уезд Нижнедевицкий с уездным городом Нижнедевицк; поселок Девичий (см.: Населенные места Воронежской губернии. Воронеж, 1928). В названиях сел и деревень Тамбовской губернии встречаются Дубрава, а также Красная Дубрава, Зарядная Дубрава, Частная Дубрава, Дельная Дубрава, Дубрава Чистая, Зеленая Дубрава, село Девица (см.: Список сельских обществ и частей селений Тамбовской губернии. Тамбов, 1904).

С. 129–130. *К заявлению прилагалась вырезка из газеты «Градовские Известия», которая обнадежила девье-дубравцев: «ПРОЛЕТАРСКИЙ ИЛЬЯ-ПРОРОК. Ленинградский советский ученый профессор Мартенсен изобрел аэропланы, самопроизвольно льющие дождь на землю и делающие над пашней облака. Аэропланы действуют посредством назлектризованного пес-*

ка». — Данный фрагмент подвергся правке уже в рукописи (вставка в М1), где первоначально газета называлась «Градовский Пролетарий», а ленинградский ученый имел фамилию Ризенкамф. Скорее всего, оба исправления принадлежат Литвину-Молотову, который предложил другую фамилию для профессора: «Марчинсен». Платонов примет оба предложения редактора, несколько изменив в М2 вариант фамилии на «Мартенсен» (исправление вошло в ЕШ).

Платонов-мелиоратор не мог не знать работ Г.К. Ризенкамфа, знал это имя и Литвин-Молотов и, возможно, поэтому предложил заменить настоящую фамилию на вымышленную, а неуступчивый Платонов в этом случае согласился, приблизив звучание фамилии из «заметки» к фамилии его героя-естествоиспытателя Матиссена из повести «Эфирный тракт». Другой причинной замены реальной фамилии на вымышленную, возможно, является тот факт, что в тексте «заметки» содержится народный отклик не только на научные открытия и экспериментальные опыты Ризенкамфа, но и другого ученого — В.В. Виткевича, чьи работы также были известны Платонову.

Ризенкамф Георгий Константинович (1886–1943) — крупнейший русский мелиоратор и инженер-гидротехник, входил в состав комиссии ГОЭЛРО, автор инженерных проектов оросительных каналов и ирригационных систем Туркестана, профессор гидротехнических сооружений инженерно-мелиоративного факультета Московского межевого института, основатель и директор Ленинградского научно-мелиорационного института, редактор выходившего при НКЗ с 1921 г. журнала «Известия научно-мелиорационного института» (отсылка к этому изданию появляется в неоконченной повести «Однажды любившие», см. с. 410 наст. изд.). В 1925 и 1926 гг. отдельные выпуски журнала были посвящены вопросам засухи и недорода; 15-й выпуск (декабрь 1926) — анализу зарубежных и отечественных дождевых аппаратов; с докладами по новым дождевым аппаратам Ризенкамф выступал в высших технических и хозяйственных органах страны, в разных регионах страны проводились опыты с дождевыми аппаратами (см.: *Ризенкамф Г.К., проф.* Предисловие // Известия научно-мелиорационного института. Л., 1926. Вып. 15. С. V–X).

По сообщениям научно-популярного журнала «Хочу все знать», пропагандировавшего достижения современной науки и техники, в 1927 г. одной из главных научных проблем Научно-мелиорационного института оставался «вопрос об исследовании законов образования дождя»; в институте была создана «особая электрофизическая лаборатория», расширялась география проведения опытов по «дождеванию», «механическому орошению» (см.: *Дождевание // Хочу все знать.* 1927. № 6. С. 256; Институт мелиорации // Там же. 1927. № 11. С. 186). Особенно часто о работах Ризенкамфа писали в 1924–1925 гг., в связи со страшной засухой в центральных областях страны. В статье известного ленинградского физика, директора Главной геофизической лаборатории «Искусственный дождь» рассказывалось об опытах с облаками, которые ведет в Ленинграде директор Научно-мелиорационного института профессор Г.К. Ризенкамф: о проекте установок для лабораторных опытов, разработке некой большой вертикальной двустенной трубы для получения искусственного облака, о намеченных профессором Ризенкамфом опытах осадения естественных облаков и т. п. Статья открывалась

словами неизвестного автора, взятыми в качестве подзаголовка и исполненными абсолютной веры в науку («Туманов больше не должно быть, и дождь, если только есть облака, можно иметь, где понадобится»), и завершалась оптимистическим прогнозом, что, если опыты ленинградского ученого дадут положительный результат, то «в союз серпа и молота вступит и меч — в виде воздушного флота в мирное время — и военные летчики, и военные самолеты будут в мирное время бороться с облаками, заставляя их осаждаться на засыхающие нивы» (*Вейберг Б.П., проф. Искусственный дождь // ТП. 1924. 6 сент. С. 4.* Скорее всего, статья была перепечатана из столичных газет).

Виткевич Витольд Игнатьевич (1880 — после 1970) — ученый-метеоролог, профессор кафедры геофизики МГУ; занимался вопросами сельскохозяйственной метеорологии; в 1926 г. вышла написанная им в соавторстве книга «Аэродинамические спектры дождеметров». Очевидно, как и в случае со статьей в «Тамбовской правде» об опытах ленинградского профессора Ризенкампа, статья об опытах московского профессора Виткевича в губернской газете (см.: Уничтожение облаков наэлектризованным песком // *ТП. 1925. 8 февр. С. 4*) являлась перепечаткой из научно-популярных изданий. В статье подробно описывался сам опыт по уничтожению облаков при помощи песка с помощью особо устроенной камеры, с расположенной над ней электрической машиной «со специальной воронкой для песка», а также действие летчика, который, «имея в своем аппарате такую машину, может подняться в облака и, что самое главное, может спуститься на землю в благоприятное для спуска место, пользуясь для этого люком, который он быстро делает в облаках, высыпая наэлектризованный песок» (впервые об этом источнике см.: *Чернов А.С. Андрей Платонов и тамбовская газета // А.П. Платонов и Тамбовский край. Тамбов, 2015. С. 148–149.*)

В заглавии заметки «Пролетарский Илья-пророк» обыгрывается один из базовых принципов антирелигиозной пропаганды: религиозной вере в Бога противопоставлялась наука как главный спаситель человека. В 1920-е гг. была создана целая антирелигиозная серия небольших книг-брошюр, посвященных разоблачению Илии Пророка и одновременно пропаганде научных знаний: «Про молнию и грозу и пророка Илью» (1925) А. Рубинштейна, «Ильин день», «Илья-пророк» (1924) М. Горева, «Ильин день (электричество на небе и на земле)» (1925) Есина, «Колесница пророка Ильи» (1924) проф. Лебедевой, «Гром, молния и электричество» (1925) М. Гремяцкого и т. п. (см.: Обзор литературы о летних праздниках // *Антирелигиозник. 1926. № 6. С. 64–66*). В начале августа, когда отмечается Ильин день (2 августа по нов. ст.), в газетах повсеместно проводилась кампания по разоблачению ветхозаветного Илии Пророка, особо чтимого в народе. По народным представлениям, Илья Пророк производит гром и молнию, катаясь по небу в колеснице, запряженной огненными конями, и если молиться Илье Пророку, то он сойдет со своей колесницы и тогда пойдет дождь. Так, к примеру, в заметке «Ильин день — день электрификации. Разъяснение крестьянам значения электрификации» предлагалось отмечать 2 июля День электрификации. Сообщалось, что российский комсомол, находящийся «давно уже не в ладах с божеством», «затекает новую волну: шторм Ильи-пророка»: «В “Ильин день” (2 августа

по нов. ст.), когда деревня по старинке и темноте своей до сих пор чтит праздником “грозного” громовержца, решено использовать народное празднество и сделать его днем пропаганды электрификации» (Наш безбожник. Бесплатное приложение к газете «Тамбовская правда». 1924. 8 июля. С. 1). В июле 1924 г. в Тамбовской губернии широко отмечались еще два события — создание в губернии «Доброхима» (Общества друзей химической промышленности) и праздник Воздушного флота СССР; газета сообщала о создании в уездах ячеек «Доброхима» и ОДВФ (Общество друзей Воздушного флота), решении губернского съезда ОДВФ собрать средства и построить два самолета «Тамбовец» (см.: *ТП*. 1924. 9 июля. С. 2; 13 июля. С. 1; 15 июля. С. 3; 16 июля. С. 1). К 1927 г. в губернии насчитывалось 535 ячеек Авиахима (см.: Второй съезд Авиахима // Там же. 1926. 1 дек. С. 1).

С. 130. ...*Шмаков* познакомился с заведующим Административно-Финансовым Отделом Земельного Управления Степаном Ермиловичем Боротовым. — Высокий статус этого героя в событиях повести определяется его должностью, имевшей ключевое значение в советском государственном аппарате всех учреждений 1920-х гг.; см. описание функций административно-финансового отдела Тамбовского ГЗУ: «Ведает количественным и качественным учетом работников, перемещениями, назначениями и командировками их, разрабатывает вопросы структуры и штатов Управления его органов; заведывает в организационном отношении аппаратом Губземуправления и подведомственных ему земорганов; согласовывает работу отдельных специальных частей аппарата; руководит работой подведомственных Губземуправлению органов в области административных, общеорганизационных и финансовых вопросов; наблюдает за исполнением распоряжений и руководящих указаний НКЗ, вышестоящих советских и партийных органов и зав. Губземуправлением; составляет сводные годовые и квартальные планы и отчеты ГЗУ и подчиненных учреждений; организует съезды, совещания и конференции; получает, распределяет и отправляет всю корреспонденцию; ведет юрисконсультскую работу; обслуживает через машинописное бюро другие отделы; систематизирует и хранит архивные документы; составляет финансовые сметы, снабжает и финансирует отделы и подведомственные учреждения; наблюдает за надлежащей постановкой счетоводства, оперативной и финансовой отчетности и за своевременным получением и представлением ее» (Операционный план Тамбовского губернского земельного управления. Тамбов, 1926. С. 213).

Отнеси это в Ремесленную Управу... — На самом деле речь идет о Губернском совете профессиональных союзов (Губпрофсовет); см. далее с. 597.

— *Ты оперплан не переписала еще?* ~ — *Ах, я его сейчас только вдела в машинку!* — *Вдела и держи там!* — *ответил Степан Ермилыч.* — Речь идет об операционном плане Губернского земельного управления. Этот ежегодно создаваемый документ включал программы деятельности всех пяти подразделений учреждения (отдел сельского хозяйства, ветеринарный отдел, отдел землеустройства, мелиорации и госземимущества, лесной отдел, административно-финансовый отдел) с кратким описанием отчета за предыдущий год и подробным планом всех намеченных работ и мероприятий, их целями, задачами, кадровым и финансовым обеспечением; план открывался кратким

историческим очерком сельского хозяйства региона и справкой о состоянии на текущий год, иллюстрировался большим количеством диаграмм, схем и графиков. Платонов, безусловно, был знаком с предыдущим операционным планом Тамбовского ГЗУ на 1925/26 г., он был опубликован в 1926 г. и представлял объемную книгу в 246 страниц. В открывающем книгу предисловии («Вместо предисловия»), написанном бывшим заведующим Тамбовским ГЗУ А. Ерофеевым, представлен диалектический взгляд на составленный всеми подразделениями учреждения документ. С одной стороны, это план работы Губземуправления, потому что «работа без плана — это работа от случая к случаю, а от такой работы часто получается в итоге напрасная трата времени», с другой — намеченные программы могут оказаться лишь фантазиями на заданную тему: «Причины, которые препятствовали построению плана с должным учетом <...> заключались в том, что 1) не было и нет до сих пор твердой уверенности в отпуске полностью тех сумм, которые по плану запрашиваются, в силу чего и намеченные мероприятия не имеют вполне (слово «вполне» вписано от руки сверху в печатный текст. — *Н. К.*) твердой устойчивости, 2) не произошло должной увязки плана по сельскому хозяйству с местной промышленностью, в силу отсутствия должного контактирования работ по этим отраслям между соответствующими учреждениями и 3) нет достаточной ясности в рыночной перспективе» (Операционный план Тамбовского губернского земельного управления. Тамбов, 1926. Без указания страницы).

В контексте диалога начальника Губземуправления и машинистки речь идет об операционном плане на 1926/27 г., составленном в учреждении, но еще не напечатанном. Платонов хорошо знал ситуацию с операционным планом, так как именно в месяцы, которые он находился в Тамбове, вопрос об операционном плане ГЗУ на 1926/27 г. оставался одним из самых острых. Не все отделы подготовили отчеты за предыдущий год, на основании которых составлялся план будущего года. Из приказа по ГЗУ от 15 февраля 1927 г. следует, что подраздел мелиорации также не представил отчет за предыдущий год. В силу того, что Платонов принял подраздел только в декабре, ему не был объявлен выговор, однако рекомендовалось: «Заведующему п/отдела Мелиорации т. Платонову доложить мне о лицах, виновных в несвоевременном составлении <плана> по мелиорации, для наложения взыскания» (*ГАТО*. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4598. Л. 115 об.). Платонов отвечал и за составление плана работы своего подразделения на 1926/27 г. Здесь для всего ГЗУ ситуация в начале года оказалась просто критической. Операционный план ГЗУ дважды ставился в повестку заседания большого президиума ГИКа — в январе и феврале (Там же. Оп. 1. Ед. хр. 4597. Л. 62, 71). В февральской повестке имеется примечание: «Представить к 28 января», однако и это утверждение плана, очевидно, также было отложено. Из приказа по ГЗУ от 27 января следует, что уездным земельным отделам приказано передать в ГЗУ поправки к операционному плану (Там же. Л. 62). Кроме учета этих поправок, операционный план следовало уточнять и согласовывать с общим пятилетним планом развития губернии. В этом смысле мудрый чиновник Бормотов прав, когда он в декабре 1926 г. советует машинистке Соне не печатать несовершенный текст.

Судя по датам, оставленным машинистками на отдельных страницах операционного плана ГЗУ (он сохранился фрагментарно; см.: *ГАТО*. Ф. Р-946.

Оп. 1. Ед. хр. 4603), план перепечатывался весь январь, а 8 марта 1927 г. приказом заведующего ГЗУ создается специальная комиссия «для подготовки к отпечатыванию операционного плана 1926/27 г.» (Там же. Ед. хр. 4598. Л. 127). Платонов в этой работе уже не принимал участия (текст подготовленного при его участии операционного плана подотдела мелиорации в настоящее время не выявлен).

Операционные планы учреждений в том формате, как принято ранее, были упразднены в рамках борьбы с бюрократизмом, а для Тамбовского ГЗУ, где еще в 1927 г. составлялся операционный план на 1927/28 г. надобность в этом документе отпала с образованием ЦЧО и упразднением ГЗУ.

С. 131. *А как же в Вавилоне акведуки строили? Хорошо ведь строили? — Хорошо! Прочно? — Прочно! А почта ведь там раз в полгода отправлялась, и не чаще! —* Сопоставление с древней цивилизацией явно не в пользу современности. *Акведук* (от лат. aqua — вода и ducere — вести) — в буквальном переводе «водопровод», мост, служащий не для проезда, а для пропуска воды. Археологические раскопки свидетельствовали о наличии колодцев и оросительных каналов в древних цивилизациях Ассирии, Вавилона и Египта. В Вавилонии реки Тигр и Ефрат «после весеннего разлива оставляли обширные болота <..> с другой стороны окружающая пустыня, в союзе с знойным климатом <..> Отсюда необходимость земляных работ с целью осушения болот и оздоровления страны, а также проведения канав или каналов, с целью орошения иссушаемых пустыней местности. И в этом отношении вавилоняне уже в древнейшее время отличались высоким искусством, которое в цветущие времена Вавилонской монархии достигло поразительной степени совершенства» (*ЭСБЕ*, 1. С. 278).

Первые водопроводы в Тамбове начали строиться после страшных эпидемий холеры 1830-х гг. (см.: *Дубасов*, 5. С. 188–195). К середине 1920-х гг. в Тамбовской губернии только 35% городских квартир имели водопровод (см.: *Статистический справочник по Тамбовской губ. / Издание Тамбовского губисполкома. Тамбов, 1925. С. 299*); водопроводная сеть Тамбова в целом требовала срочного ремонта (см.: *Водопровод на окраины // ТП. 1927. 19 февр. С. 4. Раздел: «Тамбовский день»*). Как мелиоратор, Платонов занимался вопросами водоснабжения в Воронежской и Тамбовской губерниях. В планах подотдела мелиорации Тамбовского ГЗУ, которым он руководил, было устройство в районах губернии 42 прудов, 280 шахтенных колодцев и одного сельского водопровода (см. об этом: 224 239 руб. на мелиорацию // *ТП. 1927. 6 марта. С. 4. Раздел: «Тамбовский день»*).

Почтовую связь в древних цивилизациях осуществляла служба особых пеших (скороходов), а также конные гонцы; использовалась она в основном в военных целях. За годы Первой мировой и Гражданской войн почтовое хозяйство страны пришло в упадок, почтовая связь столицы с частью районов была полностью или частично нарушена; все годы нэпа шло восстановление почтовых маршрутов, в 1924 г. во многих уездах была организована кольцевая почта. Тема современной почты найдет отражение в повестях 1927 г. («Сокровенный человек», «Однажды любившие», «Строители страны»).

Во вверенном Шмакову подотделе сидело 42 человека, а работы было на пятерых. Тогда Шмаков, испугавшись, донес рапортом, кому следовало,

о необходимости сократить штат на 37 единиц. — Первоначальный вариант этого фрагмента (М1, рукописная вставка, синие чернила) соответствует восстановленному в М2. В М1 этот фрагмент отмечен вопросом Литвина-Молотова и там же переписан Платоновым (черные чернила), с заменой Шмакова на Бормотова, которому передается предложение о сокращении штата. Это вполне соответствовало его должности; именно на АФО (АФУ) возлагалось выполнение партийно-государственных директив по «режиму экономии» (1926) и сокращению управленческого аппарата. Этот вариант вошел в ЕШ: «Бормотов предложил Шмакову сократить штат на 37 единиц» (С. 137). Однако в М2 Платонов заменяет Бормотова на Шмакова, поручая ему выступить с этой инициативой.

Одним из источников данного сюжета являются январские письма к Марии Александровне: «Всю эту саранчу (в том числе и Маркелову) я гоню. Но ты не представляешь, что значит уволить человека в тамбовских условиях. Тут все так устроено, чтобы люди бога делали (богадельня), а работой не занимались» (Письмо от 5–6 января 1927 г. // Письма. С. 186); «В губзу (мои сослуживцы) меня ненавидят. Я сильно сокращаю штат. Денег нет на работы, а штат такой огромный, что пожирает всё. В моем отделе 21 чел<овек> (из них 9 инженеров), а в уездах сидят по 2 чел<овека>. Кроме того, есть злостные лодыри, лакеи и шептуны. Ко мне пробовали подойти с лаской, я оборвал сразу, а теперь часть сокращаю <...> Высшая администрация меня “обожают”: вот, говорят, настоящий хирург, какой нам нужен был» (Письмо от 8 января // Там же. С. 189); «Живу плохо. Сократил более 50% своего штата. Идет вой. Меня ненавидят все, даже старшие инженеры (старые бюрократы, давно отвыкшие что-нибудь строить). <...> Я многих оставил без работы и, вероятно, без куска хлеба» (Письмо от 28 января // Там же. С. 204–205).

Документы тамбовского ГЗУ воссозданную в письмах ситуацию представляют в прямо противоположном виде. Установленный НКЗ для Тамбовского ГЗУ штат подотдела мелиорации составлял 48 единиц, и в повестке дня времени пребывания Платонова в Тамбове значился вопрос не сокращения, а «недокомплекта штата», который на лето 1926 г. составлял 60% (см.: Протокол заседания Земплана при Тамбовском ГЗУ от 5 ноября 1926 г. // ГАТО. Ф. Р–946. Оп. 1. Ед. хр. 4792. Л. 2–6). В «рапорте» бывшего заведующего подотделом мелиорации А.Я. Барабанова от 13 сентября 1926 г. также указывается на «крайне большой недокомплект в штате аппарата: не хватает 4-х инженеров из 7-ми, а оперативный штат до сего времени не заполнен на 45%» (Там же. Оп. 2. Ед. хр. 2049. Л. 90). Ко времени приезда Платонова в Тамбов кадровый вопрос не был снят с повестки дня, и он активно занимался укомплектованием подотдела. «Рапорт» (официально принятое название докладной записки) Платонова о сокращении подотдела в документах ГЗУ в настоящее время не выявлен, однако некоторые штрихи к описанной в письмах и в повести ситуации проясняют два документа: «Протокол собрания служащих и месткома ГЗУ от 27 января 1927 г.» (Там же. Ед. хр. 5941. Л. 19–20) и приказ № 32 по ГЗУ от 1 февраля, подготовленный на основе «докладной записки Зав. п/о Мелиорации от 11 и 28 января 1927 г.» (Приказы по Губземуправлению за октябрь 1926 — май 1927 // Там же. Ед. хр. 4597, 4598). Оба документа связаны с обсуждением и подписанием к 1 января

колдоговора (коллективного договора) между администрацией ГЗУ и профсоюзом. Из выступления на собрании зав. ГЗУ С.Н. Рубцова следует, что переводимый Наркомземом кредит на зарплату рассчитан на 198 человек, в реальности штат сотрудников ГЗУ составляет 164 единицы, однако на его содержание в месяц расходуется сумма, превышающая переводимую НКЗ на 29%. При этом, указывал Рубцов, в отделе землеустройства, мелиорации и госземимущества некомплект составляет 48 единиц. «Докладная записка Зав. п/о Мелиорации» (документ не выявлен) и письмо Марии Александровне с рассказом о сокращении написаны Платоновым на следующий день после собрания — 28 января. Из приказа по ГЗУ следует, что «докладная записка» была подготовлена Платоновым не по личной инициативе, а в «связи с ограниченностью кредита, переведенного Наркомземом на зарплату в текущем квартале», что вызвало необходимость с 1 февраля «произвести следующие изменения как в составе работников п/отдела Мелиорации, так и источников оплаты их содержания»: «Штат и состав оставить в прежнем составе», а двух сотрудников перевести на другие источники финансирования. По данному приказу, а также приказу от 10 февраля в подотделе мелиорации было уволено только два человека: один — «в связи с упразднением должности чертежника-практиканта», другой — «за прекращением работ в Липецком УЗУ». Также приказом по ГЗУ была переведена на должность временно исполняющего обязанности технического секретаря подотдела делопроизводитель А.А. Маркелова (ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 4598. Л. 105); ср. с письмом Марии Александровне от 5–6 января (время подготовки первой докладной), где упоминается Маркелова: «Всю эту саранчу (в том числе Маркелову) я гоноу. Но ты не представляешь, что значит уволить человека в тамбовских условиях» (Письма. С. 186).

Но его вызвали сейчас же в местком и там заявили, что это недопустимо — профсоюз не позволит самодурствовать. — Местком — местный комитет профсоюза, здесь — секция сельскохозяйственных и лесных рабочих («Сельхозлесраб»). В 1927 г. перезаключение колдоговоров (январь — февраль) сопровождалось по всей стране противостоянием и конфликтами между профсоюзными организациями предприятий и администрацией, призванной проводить «режим экономии», в частности, сокращение на предприятиях (см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2003. Т. 5. 1927 г. С. 127–128, 131–132, 161–162).

С. 132. — *Эх ты, жамка! — сказал впоследствии Шмакову его начальник, — профтрепач послушал — ты работай, как гепеус, вот где умные люди! — Жамка / жемка (диал.) — «прянички, скатанные в руках и приплюснутые нажимом в обе ладони» (Даль, 1. С. 527), мятный пряник. Профтрепач — здесь: профсоюзный трепач. Гепеус — от ГПУ (Государственное политическое управление при Наркомате внутренних дел, 1922–1923), ранее ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем, 1917–1922), с декабря 1924 — ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) при СНК СССР. Постановлением президиума ЦИК от 9 мая 1924 г. о расширении прав ОГПУ в целях борьбы с бандитизмом ведомству были переподчинены местные органы милиции и уголовного розыска, значительно расширены полномочия органов в сфере*

внесудебных репрессий (см.: Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ, 1917–1991. М., 2003).

...и угощает его рассыпными папиросами. — Покушайте, Иван Федотович! Новые: пять копеек сорок штук — градовского производства! — В документах по промышленности Тамбовской губернии табаководство относилось к «пищевкусовой промышленности», как мельницы, сахарные, маслобойные заводы и фабрики (см.: Операционный план Тамбовского губернского земельного управления. С. 11; Статистический справочник по Тамбовской губ. / Издание Тамбовского губисполкома. Тамбов, 1925. С. 154). В Тамбовской губернии табак выращивали во многих уездах; в 1920-е гг. табачные и махорочные фабрики были как государственные, так и кооперативные, их стало даже значительно больше, чем до революции (см.: Махорочное дело (Козлов) // ТП. 1926. 6 ноября. С. 3. Раздел: «По губернии»; Крестьянское табаководство (В Липецком уезде) // Там же. 1927. 1 янв. С. 5. Раздел: «По нашей губернии»).

Под названием «Красный Инок», — вот на мундштучке значится — инвалиды делают! — Артели инвалидов возникают в губернии с 1918 г., это была одна из форм решения социальных проблем инвалидов (только инвалидов войны в 1923 г. насчитывалось более миллиона); в 1923 г. артели и кооперативы инвалидов были объединены в союзы, которые, в свою очередь, входили во Всероссийский союз кооперации инвалидов, Всероссийское инвалидное кооперативное общество (ВИКО, в губернии — ГИКО); после кампании укрупнения артелей инвалидов (с 1925) их деятельность регулировалась положением ВЦИК и СНК «О кооперативных объединениях инвалидов» от 5 июля 1926 г. (см.: Трудовое устройство инвалидов // Социальное обеспечение в РСФСР к десятой годовщине Октября. 1927. С. 26–31). В Тамбове основные артели инвалидов были заняты хлебопечением и содержали хлебные лавки (см. об этом: Официальный раздел // ТП. 1925. 18 янв. С. 5). Очевидно, речь идет о полуофициальной артели, о чем свидетельствуют крайне низкая цена папирос, название артели «Красный Инок» (возможно, из бывших монахов), а также то, что папиросы продаются вместе с «мундштучком» (*уменьшит.*, от слова «мундштук» — специальная курительная трубка для папирос и сигарет); производством мундштуков, «папиросных гильз» в Тамбовской губернии занимались специальные фабрики, которые относились к «табачно-гильзовой промышленности» (см.: Статистический справочник по Тамбовской губ. С. 216).

...приник к Шмакову и пошлетал вопрос: — Вот вы из Москвы ~ Правда, что туда сорок вагонов в день мацы приходит, и то будто не хватает? — В вопросе губернского чиновника по-своему представлен один из вариантов антисемитского «уклончика», о котором говорил Н. Бухарин в докладе на XXIV Ленинградской губпартконференции (в «Правде» этот фрагмент доклада был выделен в отдельный раздел «Антисемитизм»): «У нас даже в кругах нашей партии нередко проявляется антисемитская тенденция, уклончик, который есть оборотная сторона растущего великороссийского шовинизма. Это сказывается в «шутливых» анекдотиках, разговорах о «жидках», «жидочках» и т. д. Это есть, с позволения сказать, «идеология», с которой мы должны бороться. По этой националистической, антикоммунистической,

совершенно непривычной “идеологии” мы обязаны бить и бить» (Правда. 1927. 2 февр. С. 4; Известия. 1927. 2 февр. С. 2; Бухарин Н.И. Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 191–192). В этом же выступлении Бухарин впервые публично признал, что «у нас антисемитизм имеет под собой определенную базу», а рост еврейского населения в центральных городах советской России является следствием целенаправленной политики партии: «Во время военного коммунизма мы русскую среднюю и мелкую буржуазию наряду с крупной обчистили. Российский интеллигент, который одно время фордыбачил, саботажничал и т. п., был тоже выбит из позиций. Затем была допущена свободная торговля. Еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла позиции мелкой и средней российской буржуазии, вышибленной из седла в период военного коммунизма. Если были маленькие лавчонки, на которых было написано “Иванов”, то потом появились в бóльшей пропорции и лавчонки, на которых написано “Розенблюм”. Приблизительно то же произошло с нашей российской интеллигенцией, которая фордыбачила и саботажничала: ее места кое-где заняла еврейская интеллигенция, более подвижная, менее консервативная и черносотенная. Таким образом частичное восстановление и новое равновесие произошло на несколько иной основе. При таких условиях понятно, лавочник Иванов склонен к разговорчикам в стиле: “всюду Розенблюмы. Россию жидам продали” и т. п. Российский интеллигент тоже склонен к разговорчикам вроде: “всюду Розенбляты, смотрите, Россию жидам продали” и т. п. Своеобразное положение, способствующее росту антисемитизма, заключается в том, что у нас в центральных районах, в центральных городах сосредоточены еврейская буржуазия и еврейская интеллигенция, переселившиеся из западных губерний и из южных городов. <..> Мы должны, товарищи, с антисемитизмом повести яростную борьбу». См. также: *Преображенский Е.* Об антисемитизме // Правда. 1927. 17 марта. С. 5.

Маца (ивр.) — традиционный еврейский хлеб (пресная лепешка), предписанный Торой; его подают во время еврейской Пасхи (праздник Пейсах/Песах), в память об освобождении евреев из египетского рабства, что послужило началом истории евреев как народа. Центральное место в праздничной церемонии занимает маца — «горький хлеб изгнания», «хлеб бедности». Предание гласит, что, когда фараон согласился отпустить евреев, они поспешили покинуть Египет, взяв с собой недобродившее тесто; хлеб, который они потом испекли, оказался сухой и плоский. С тех пор и пошла традиция вкушать этот хлеб в напоминание об Исходе и сопровождавших его лишениях.

С. 133. *Предназначалась сегодня тирושка — по три рубля с души — в честь 25-летия службы Бормотова в госорганях. ~ На вечер, в условный дом вдовы Жамовой, сдавшей помещение за два рубля...* — На этом мероприятии, начиная с его темы (юбилей чиновника старой формации), лежит печать крамольности. К тому же организация «пирушки» являлась прямым нарушением норм законодательства. Постановлением президиума Тамбовского губисполкома «О проступках против порядка управления» (от 15 сентября 1924 г.) без специального разрешения соответствующих административных органов запрещалось: проводить самые разные мероприятия увеселительного характера, «всякого рода собрания, шествия, крестные ходы»;

петь песни, играть на гармошке, ругаться и свистеть в ночное время; отдельным пунктом значилось: «Также воспретить предоставление своих жилых или других помещений для устройства неразрешенных азартных игр и развлечений и вообще для целей противообщественного характера, а равно и участвовать в них». За неисполнение этого постановления полагалось наказывать штрафом (300 рублей) или принудительными работами (см.: Постановление президиума Тамбовского губисполкома // *ТП*. 1924. 9 окт. С. 3).

У заведующего АФО Тамбовского ГЗУ Алексея Александровича Буданцева (р. 1881) также был богатый опыт государственной службы: 22 года. По профессии он был бухгалтером, начал свою службу в 1905 г. помощником бухгалтера-контролера, после революции работал в кооперации, начальником финансового отдела Управления Харьковского военного округа, Тамбовской армии, зав. управделами уездного акционерного общества. Член партии с февраля 1918 г. В должности зав. АФО Тамбовского ГЗУ — с сентября 1925 г., уволен в июле 1927 г. (информация дается по документам личного дела; *ГАТО*. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 2186).

Если бы он женился, его жена стала бы несчастным человеком, но Шмаков уклонялся от брака... — Мария Александровна при чтении автографа внесла в это предложение исправление, заменила «стала бы несчастной женщиной» на: «стала бы одним из атрибутов деловой жизни» и поставила после него точку (*А. Л.* 12). Оба исправления вошли в *М1*, где не были замечены Платоновым. Однако при чтении машинописей, сделанных с *М1*, он исправит чужеродное для умонастроения Шмакова умозаключение на более близкое варианту автографа: «стала бы несчастным человеком». Этот вариант войдет в *ЕШ* (С. 141), в *М2* Платонов заменяет «одним из атрибутов деловой жизни» на «несчастливым человеком» (*Л.* 19).

В отношении к браку герой является антиподом как Ивана Васильевича Шмакова (у того было трое детей), так и Платонова, который горевал, что Мария Александровна не желает официально оформить брачные отношения; см.: «Я не могу жить без семьи. Я мужчина и говорю об этом тебе мужественно и открыто. Мне необходима ты, иначе я не смогу писать. Как хочешь это понимай» (Письмо от 19 декабря 1926 г. // *Письма*. С. 180).

С. 134. Пришли 4 деловода, 3 счетовода, 2 зав. личным составом, 2 бухгалтера, 3 заведующих подотделами... — Мария Александровна исправила в автографе «личным составом» на «личными столами» (*А. Л.* 12 об.), скорее всего, желая устранить ошибку: в любом учреждении был один заведующий личным составом, он же — «старший делопроизводитель» (на современном языке — зав. отделом кадров). При этом предложенный ею вариант «личными столами» также вносил путаницу, так как этому должностному лицу — столоначальнику (дословно — чиновник стола) в советской классификации соответствовал заведующий подотделом. В этой логике исправления ошибки Платонова необходимо было просто заменить трех заведующих подотделами на пять. Скорее всего, у платоновских двух заведующих личным составом имелось вполне реальное объяснение. В пору работы Платонова в ГЗУ в общем подотделе АФО 1 марта сменился заведующий личным составом, прежний был не уволен, а переведен на должность счетовода этого же подразделения (см.: Именной список служащих Тамбовского Губзеуправления

на 1926/27 год // ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 1465. Л. 1 об.). Возможно, поэтому на пирушке Бормотова присутствовали два заведующих личным составом — прежний и новый.

Деловод — канцелярский неологизм, синоним: делопроизводитель. Судя по схеме Тамбовского ГЗУ, в АФО был один делопроизводитель, делопроизводители также были и в каждом отделе (их было 5). В списке представителей ГЗУ в тексте соединяются старая и новая схема учреждения; их путаница отразилась даже в «Операционном плане» на 1925/26 г. В прежней структуре ГЗУ административно-организационный отдел Тамбовского ГЗУ включал 4 подотдела: 1) «общий», 2) «личного состава», 3) «финансовый», 4) «хозяйственный» (см.: Вся Тамбовская губерния на 1923 год. Тамбов, 1923. С. 56), в новой схеме АФО состоял из двух подотделов — общего и финансового.

...сласть чай желтым экономическим песком, купленным в кооперативе как брак. — Сахарный песок стоил 26 копеек за фунт и считался более экономичным товаром, чем сахар-рафинад, стоивший 32 копейки (см.: Город и деревня. 1926. № 15–16. С. 15). Отклик на широко обсуждаемые в газетах вопросы качества товаров в магазинах потребкооперации (см. примеч. к рассказу «Государственный житель», с. 733, 737 наст. изд.). Во второй половине 1926 г., в условиях необходимости соблюдения «режима экономии» и «директивы об обязательном снижении цен», происходили массовые нарушения в кооперативной торговле, когда залежалые и бракованные продукты продавались по низким ценам, как бы во исполнение директивы о снижении цен (см.: Кооперативные вывихи // Смычка. 1926. № 12. С. 9. Подпись: Б.); *Познер Л.* Как погиб «Ларек» (По материалам обследования МКК-РКИ) // Город и деревня. 1926. № 15–16. С. 18).

Выплыло событие об исчезновении Градовской губернии. — Речь идет о территориально-административной реформе, направленной на создание крупных областей, — мероприятиях 1923–1925 гг. по созданию Центрально-Черноземной области (ЦЧО), которые широко освещались на страницах «Воронежской коммуны» и были хорошо известны Платонову (заседания Оргбюро ЦЧО, обсуждение «неразрешимых вопросов» — об областном центре, составе и внешних границах ЦЧО, о границах и составе округов, районов, о ходе районирования в губерниях и т. п.). В ходе районирования 1923 г. Тамбовская губерния изменила свои очертания (были отсоединены полностью 3 северных уезда и одновременно присоединены 12 волостей Новохоперского уезда Воронежской губернии), уменьшилась в размерах (в новых границах ее площадь составила 41 074 кв. верст вместо прежних 58 000 кв. верст; см.: *Ноаров В.Я.* Тамбовская губерния в новых границах с характеристикой районов отделенных и вновь присоединенных // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. 1925. № 1. С. 45; *Ноаров В., зав. Губстатбюро.* Предисловие // Тамбовская губерния в новых границах (1 февраля 1923). Статистический обзор с картой и списком волостей. Тамбов, 1923) и уже теряла самостоятельный административно-территориальный статус. В 1924 г. прошло волостное и уездное районирование (вместо 7 уездов создано 6, вместо 265 волостей — 91); за ним последовало областное районирование, которое рассматривалось как

«подготовительная работа» к созданию Центрально-Черноземной области, в которой из Тамбовской губернии «намечены к созданию 3 округа: Тамбовский, Борисоглебский и Козловский» (*Хоаров В.Я.* Внутригубернское районирование Тамбовской губернии 1924 года // *Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края.* 1925. № 1. С. 47). Суть реформы объяснялась на страницах печати: «Укрупнение волостей имело целью создать законченную низовую ячейку советской власти» (*Сперанский.* Пригородно-Лебедянский волисполком // *ТП.* 1924. 19 сент. С. 2); «Современное деление губернии — пережиток царской прихоти <...> почему и создался Задонск, славившийся Тихоном...» (Районирование Средне-Черноз. области // *Воронежская коммуна.* 1923. 19 окт. С. 2). Создание области планировали провести сначала в 1925-м, затем во второй половине 1926 г. (см.: К районированию Центрально-Черноземной области // *Воронежская коммуна.* 1925. 8 янв. С. 3), однако в 1926 г. вопрос о необходимости скорейшей организации ЦЧО был снят с повести дня и работа по районированию центральной части РСФСР временно приостановлена (см.: *Дьяконов П.* Как создавалась ЦЧО // *Коммуна.* 1928. 5 авг. С. 3). При этом во всех правительственных документах 1926–1927 гг. фигурировала ЦЧО, в состав которой всегда включались Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губернии, областным центром считался Воронеж. Постановление об образовании на территории Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний Центрально-Черноземной области (ЦЧО) с центром в Воронеже было принято ВЦИК и СНК РСФСР 13 мая 1928 г. Это событие найдет отражение в рассказе «Че-Че-О (Областные организационно-философские очерки)» (1928).

...Градов хотят передать в Область и в областной же город передали поэтому все градовские кредиты. — С 1925 г. уже функционировало «Областное Оргбюро Центрально-Черноземной области», в мае этого же года в Воронеже состоялся «областной съезд ГЗУ» — «по выработке мероприятий по восстановлению с/х области, на основании постановлений СНК от 28 марта с. г.». Судя по командировочным документам руководителей разных подразделений Тамбовского ГЗУ за 1925–1927 гг., в решении вопросов получения кредитов для губернии они теперь разрывались между Воронежем и Москвой. Они постоянно ездили в Москву на согласование составленных ими смет по восстановлению сельского хозяйства, принимали участие в различных заседаниях, имели «право решающего голоса» на московском совещании «землеработников» (февраль 1926). Не меньше теперь было и командировок в Воронеж — «по вопросу распределения кредитов на восстановление с/х ЦЧО» (информация дается по личному «делу» зав. Отделом сельского хозяйства Тамбовского ГЗУ В.А. Сабо; см.: *ГАТО.* Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 3803. Л. 74–127).

...Бормотов собрал на своей квартире старожилы и хотел объявить в Градовской губернии автономную национальную республику, потому что в губернии жили пятьсот татар и штук сто евреев. — Первоначальный вариант обоснования автономной республики (рукописная вставка в М1) писался для градовского уезда; уточнения по ходу написания во второй части предложения «...[двести калмыков] двести татар и штук десять евреев» (М1. Л. 23). Литвин-Молотов обратил внимание на этот фрагмент и заменил «штуку» на «человек». В ЕШ от второй части предложения вообще откажут-

ся. В М2 Платонов исправляет только числовые данные, приводя их в соответствие с губернскими масштабами.

Отклик на национальную политику государства. Как свидетельствуют сводки ОГПУ, 1927 г. отмечен обострением межэтнических отношений в разных регионах страны и созданием «полулегальных и подпольных организаций» не только в национальных республиках, но и в русских областях (комитет «Свободной русской России», «Петербургская группа анархов», «Комитет спасения Родины» и др.) (см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2003. Т. 5. 1927 г. С. 11).

Проект Бормотова по созданию русской автономной республики отсылает к двум государственным кампаниям 1920-х гг.: районированию и всесоюзной переписи, прошедшей в конце 1926 г. На политику районирования, официально запущенную с 1923 г. и хорошо известную Бормотову, постоянно ссылались в сообщениях о создании новых автономных республик. Так, в статьях об учредительном съезде Киргизской Автономной ССР, принявшей решение о преобразовании области в автономную республику, указывалось, что образование национальной республики направлено на искоренение остатков царской национальной политики, прежде всего великорусского шовинизма, и базируется на новой социально-экономической основе: «Проведенное недавно районирование с выделением европейского кантона и волостей создало еще в большей степени обстановку для решения национального вопроса» (*Прохоров Н.* Перед образованием новой республики // *Известия.* 1 марта. С. 2). По итогам переписи 1926 г. «в подавляющей массе своей население губернии состоит из великорусов: в городах — 93,24% всего населения городов, в поселках — 97,14%, всего населения поселков и в уездах — 98,81% всего сельского населения. <...> из всех прочих национальностей в городах наибольший % составляют евреи — 2,63% всего населения городов и, в частности, по г. Кирсанову — 8,15% всего населения г. Кирсанова» (Статистический справочник по Тамбовской губ. / Издание Тамбовского губисполкома. Тамбов, 1925. С. 12). В Тамбовской губернии также проживали татары, украинцы, белорусы, поляки (см. таблицы «Распределение населения Тамбовской губернии по национальностям...» // Там же. С. 34). Несмотря на то, что официальные итоги переписи 1926 г. были опубликованы только в 1928 г., и то, что графа «национальность» в переписи 1926 г. была заменена на «народность», итоги переписи по Тамбовской губернии были, конечно, известны Платонову. Они не изменили национального состава Тамбовской губернии: русские — 2 703 436, евреи — 2 196, татары — 2 129, мордва — 109 (см.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 3. С. 27–26).

С. 135. *...я не наименьшой...* — Эта фраза отсутствует в М1 и ЕШ. Впущена Платоновым в М2 (Л. 20); вошла в М3.

В официальной национальной политике 1920-х гг. борьба с великорусским шовинизмом сопровождалась последовательной поддержкой национальных меньшинств (это все другие национальности, кроме русских); эта политика проводилась последовательно на всех уровнях, транслировалась в печати: «Мы можем гордиться нашей национальной политикой. Украинизация — историческая необходимость. Романовская политика угнетала национальности, и эту политику советская власть искореняет» (Заккрытие Всеукраинского

съезда нацмен // Известия. 1927. 12 янв. С. 4). Политика районирования также была нацелена на решение вопросов нацменьшинств: русские районы присоединялись к районам «нацменьшинств», закрывались русские школы, открывались национальные сельсоветы и другие органы власти. Так, газета «Известия» сообщала о передаче Украине части территории Курской области, о мероприятиях по практическому решению «вопроса об украинизации», о задаче перевода на украинский язык 35 русских сельсоветов (Национальные сельсоветы (От нашего специального корреспондента) // Известия. 1927. 29 янв. С. 3; см. там же: Обслуживание нацменьшинств на одессчине // 6 янв. С. 3). Перегибы в национальной политике были так велики, что в 1927 г. о них впервые были вынуждены говорить открыто. Этот вопрос прозвучал и на Всеукраинском съезде национальных меньшинств; было признано, что «в отдельных местах в этой области замечаются ненормальности и уклоны, в частности, в вопросе о культурном обслуживании русского трудящегося населения» (речь шла о переводе документов на украинский язык в русских округах, закрытии в них русских школ) (см.: Закрытие Всеукраинского съезда нацмен // Известия. 1927. 12 янв. С. 4). Вопросам нацменьшинств отводилось большое место и в Тамбовской губернии. В декабре 1926 г. прошел «съезд нацменьшинств», из информации о нем в газетах можно узнать, что в губернии проживает свыше 32 тысяч представителей других национальностей; на съезде рассматривались вопросы открытия дополнительных школ с преподаванием на национальных языках, отвода земли и поддержки сельского хозяйства нацменьшинств (см.: Первое губсовещание нацменьшинств // ТП. 1926. 16 дек. С. 2; 17 дек. С. 2).

Еще давно Бормотов сказал, что в мире не только все течет, но и все останавливается. — Фраза появилась на этапе редактирования автографа (вписана синими чернилами) и первоначально содержала прямую отсылку к философскому источнику: «...что в мире не только все течет, как сказал старый философ, но и все останавливается» (с. 391 наст. издания). В М1 Платонов вычеркивает уточнение «как сказал старый философ» и превращает Бормотова в создателя оригинальной философской формулы бытия, смелого интерпретатора приписываемой древнегреческому философу Гераклиту философской формулы диалектики («Все течет. Все меняется»): «Гераклит признавал изменение, процесс вечно текущей жизни — высшим законом всего сущего. <...> Все есть и не есть. Все вещи изменяются; каждый момент видимого бытия есть уже момент протекший» (см.: ЭСБЕ, 15. С. 440–441).

Бормотов, как коммунист, да и другие, не желали, конечно, звона колоколов ~ А звон в государственной глуши несомненно хорош, хотя бы с поэтической точки зрения, ибо в хорошем государстве и поэзия лежит на предназначенном ей месте, а не поет бесполезные песни. — При чтении автографа рассказа Мария Александровна проведет чисто цензурную правку, заменив «как коммунист» на «как современный человек» (А. Л. 13), исправление войдет в М1 и ЕШ (С. 144). В М2 Платонов заменяет этот откровенно неудачный вариант (Бормотов выступает последовательным консерватором) на: «как советский человек» (Л. 21); вариант М2 войдет в М3. В КП (Сент. С. 17) и ПМ (С. 196) появляется новый вариант: «как считающий себя советским человеком». Финальное «а не поет бесполезные песни» впервые появляется в ЕШ (С. 144), вписано Платоновым в М2 (Л. 21).

Сделав Бормотова членом партии, Платонов не упростил, а усложнил образ консерватора и одновременно откликнулся на идущие от оппозиции обвинения в бюрократизации не только государственного аппарата, но и партии. Крайне ответственная должность Бормотова не исключает, а предполагает его членство в партии. Заведующие АФО, как свидетельствуют материалы в личном деле заведующего АФО Тамбовского ГЗУ А.А. Буданцева, члена партии с 1918 г., отвечали за «секретную и партийную переписку» учреждения (*ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 2186. Л. 2-3*).

При закрытии храмов всегда с церкви снимались колокола, официально колокольный звон в СССР был запрещен в 1930 г. В Русской православной церкви звон церковных колоколов воспринимается как глас Божий, призывающий в храм на молитву; по типу звона (благовест, праздничный трезвон, погребальный перезвон) человек определял тип богослужения. Платонов любил колокольный звон, о чем признавался в автобиографии 1922 г.: «Колокол “Чугунной” церкви был всюю музыкою свободы, его умирительно слушали в тихие вечера старухи, нищие и я» (*Сочинения, 1(1). С. 479*); образ колокольного звона как важная часть эстетики и этики народной жизни, а также быта дореволюционной России появляется в стихах Платонова («Ветхая Русь», 1920; «По деревням колокола...», 1921), а затем повестях 1927 г. («Ямская слобода», «Сокровенный человек») и в романе «Чевенгур». В казуистике Бормотова, его изворотливых аргументах при доказательстве сомнительного тезиса о нужности колокольного звона (свою речь Бормотов произносит в декабре 1926 г.) можно прочесть иронический отклик на идущую весь 1926 г. дискуссию о лирике Есенина и выступление Л. Троцкого (статья «Памяти Есенина» в «Правде»), утверждавшего, что, несмотря на то что поэт «несроден революции», как и вообще лирика, потому что «эпоха же наша — не лирическая», революция «отвоюет для каждого человека право не только на хлеб, но и на лирику» (Правда. 1926. 20 янв. С. 3). Выступление Троцкого во многом определило общее направление двойственных высказываний о Есенине 1926 г., хотя сразу прозвучали и возражения из лагеря пролетарских писателей и левовцев; согласно теории «социального заказа» поэт в своем творчестве выполняет социальный заказ, а не выявляет себя. Ситуация вокруг «нежных и звонких песен» Есенина начнет резко меняться осенью 1926 г. и получит свое государственное определение в январе 1927 г., в выступлении Н. Бухарина, носившем откровенно политический характер: «Ведь еще Щедрин отмечал: кому нравится конституция, а кому — севрюжина с хреном. От этой, как теперь выражаются, “установки” зависит и восприятие “России”: кому она страна представляется через призму советской конституции, а кому — через призму блинов. <...> Могут сказать о некоторой дозе иронии у идеолога блинов, штанов, царевен и дураков. Слушаем-с! Но ирония-то эта — ирония *юродствующих*. Это юродство входит, как составная часть, в совокупную идеологию новейшего национализма “à la moujik russe”: “мы-ста по-мужицки, по-дурацки” и т. д. и т. п. Эта “древляя” юродствующая идеология для конспирации напяливает на себя “советский” кафтан. <...> Нам нужна литература бодрых людей, в гущу жизни идущих, храбрых строителей, знающих жизнь, с омерзением относящихся к гнили, плесени, гробокопательству, кабацким слезам, разгильдяйству, кичливости и юродству» (*Бу-*

харин Н. Злые заметки // Правда. 1927. 12 янв. С. 2). В политическом контексте начала 1927 г. высказывание Бормотова о колокольном звоне, вписываясь в разоблаченную Бухариным традицию «иронии юродствующих», читается уже как однозначно реакционное и входит в серию допущенных героем идеологических ошибок, за которые он вскоре будет отстранен от своей должности.

Один председатель хотел превратить сухую территорию губернии в море ~ пробить глубокую дырку в земле, чтобы оттуда жидкое золото наружу вылилось... — Отклик на утопические технические проекты 1920-х гг., в том числе собственные идеи борьбы с засухой и пустыней, проекты «гигантских работ по изменению лика земли, чтобы регулятор климатических состояний земли наконец из рук стихий и неведомых нам сил перешел в руки человечества...» (статья «Новое евангелие», 1921 // *Сочинения*, 1(2). С. 192). Вопрос об искусственной перемене климата путем инженерно-технических мероприятий широко обсуждался в эти годы среди специалистов-гидрологов и в научно-популярной литературе. Так, в газетах прошла информация о проекте американского инженера Р. Кайкера — «установить на европейском материке теплую погоду, избавив от зимних холодов даже побережье Северного полярного моря», изменить направление Гольфстрима; рассказывалось об экспедиции США к берегам Гренландии для предварительных изысканий в связи с этими проектами. Советские профессора Гидрологического института считали эти проекты «фантазией»: «...осуществить такой проект это то же, что остановить вращение земли» (см.: *Лямский*. Утопические проекты изменения климата // *Красная газета*. Веч. вып. 1926. 5 мая. С. 4. Раздел: «В мире науки»).

У Бормотова были законодательные рычаги борьбы с местными утопиями и золотоскателями; «Тамбовская правда» регулярно перепечатывала «обязательное постановление» Тамбовского губисполкома от 8 сентября 1924 г. «О запрещении подрывать берега р. Цны и брать оттуда песок, глину и другие почвенные ископаемые», штраф за нарушение постановления — 100 рублей (ТП. 1924. 9 окт. С. 3).

С. 136. *...Ремесленная Управа, то есть Губпрофсовет, однажды исключила меня из союза рабземлеса за то, что я назвал членские взносы налогом в пользу служащих профессиональных союзов!* — Ремесленные управы (орган ремесленников, занимающийся охраной интересов этого сословия, развитием ремесел, попечением о больных и детях ремесленников, решением споров и конфликтов между ремесленниками разных цехов и посторонними, надзором за уплатой налогов) были упразднены в 1918 г., а их функции отошли к профсоюзам. *Губпрофсовет* — губернский совет профессиональных союзов, орган руководства профсоюзными организациями губернии; создан в 1918 г.; избирался на губернских съездах профессиональных союзов; занимался тарифицированием и нормированием заработной платы, заключением колдоговоров, регулированием трудовых конфликтов и т. п. Как работник ГЗУ Бормотов был членом Всеработземлеса (Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса, создан в 1920 г.; в январе 1926 г. на V съезде Всеработземлеса был переименован в Союз сельскохозяйственных и лесных рабочих) и был обязан платить общие членские взносы, а

также ежемесячно отчислять в фонд секции землеустроителей 1% зарплаты (это решение было принято в июне 1926 г. на пленуме ЦБ Всесоюзной землеустроительной секции, см.: На пленуме // Землеустроитель. 1926. № 8. С. 4).

В уничижительной характеристике профсоюза отразились личные отношения Платонова с ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих (см. выше, с. 453–454); судя по письмам, он рассматривал возможность своего выхода из союза (см.: Письма. С. 248).

— Ваня! — обратился Бормотов к человеку, мешавшему пиву с водкой, — Ваня! Закрой, дружок, форточку! Время еще раннее — всякий народ мимо шляется!.. Так вот, я и говорю, что такое Губком? А я вам скажу: секретарь это архиерей, а Губком — епархия! Верно ведь? И Епархия мудрая и серьезная, потому что религия пошла новая и посерьезней православной! Раньше ты не причастился — с тебя не взывается, а теперь на собрание — ко всенощной — попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш партбилетик — мы отметочку там сделаем! Отметочки четыре будут, тебя в язычники зачислят! А язычник у нас хлеба не найдет! Так-то! А я про себя скажу: кто в епархии делопроизводство поставил и всю новую веру оформил — сильнее православия ее сделал? — Я! Кто Контрольную Палату — РКИ, скажем, или Казначейство — Губфо наше — на ноги поставил и людей там делом занял? Кто? А кто всякие карточки, НОТы и прочую антисанитарию истребил в канцеляриях? Ну, кто?.. — Этот фрагмент появился в М1 в качестве рукописной вставки «С»; по своему содержанию замещает сокращенный по требованию Молотова фрагмент «записок» Шамакова: от «Большевики создали образцовое государство, коему нет примера в истории» по «Настала поэтому эпоха великой мировой большевистской государственности, перед которой и Рим, и Александр Македонский — ничто, и уездные исправники тоже» (см. с. 385 наст. изд.). Текст вставки был выполнен с общим понижением статуса Градова до уезда, однако уже в рукописи пережил авторскую правку цензурного характера (исправлено черными чернилами после чтения Молотовым): «Так вот, я и говорю, что такое Уком? А я вам скажу: секретарь это архиерей, а Уком — уездная епархия! Верно ведь? Раньше в уездах епархий не было, а теперь есть, потому что религия пошла новая и посерьезней православной! [Раньше ты не причастился — с тебя не взывается, а] [т]Теперь на собрание — ко всенощной — попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш [парт]билетик — мы отметочку там сделаем! Отметочки четыре будут, тебя в язычники зачислят! А язычник у нас хлеба не найдет! Так-то! А [дальше] я про себя скажу: кто в епархии делопроизводство поставил [и всю новую веру оформил — сильнее православия ее сделал]? — Я!» (М1. Л. 25–25 об.). В ЕШ этот фрагмент также читался пристально, о чем свидетельствует его правка: в сравнении губкома с епархией («потому что религия пошла новая и посерьезней православной») заменили «религию» на «веру»; исключили два предложения (от «Отметочки четыре будет» до «Так-то!»); из предложения «...кто в епархии делопроизводство поставил?» исчезло сочетание «в епархии», придающее современности откровенно иронический смысл. В М2 Платонов привел содержание фрагмента к губернскому статусу Градова, вычеркнул относящуюся именно к уезду фразу «Раньше в уездах епархий не было, а теперь есть» и заменил ее на:

«И Епархия мудрая и серьезная» (Л. 22). Сделанные под давлением Молотова сокращения Платонов не восстанавливали; восстановлены в настоящем издании.

Подчеркнутая крамольность данного фрагмента речи Бормотова заключается в том, что здесь, как и в сокращенном фрагменте «записок» Шмакова, обнажаются базовые идеи сменовеховства, возникшего в среде русской эмиграции и использованного в годы нэпа руководителями советского государства (финансовая поддержка вышедшей в Берлине газеты «Накануне», издание в советской России журнала «Россия» («Новая Россия»)). Сменовеховцы призвали к сотрудничеству с советской властью, считали, что именно большевики собрали, как когда-то Иван Калита, распадающееся Российское государство, восстановили его основные государственные институты; они верили в перерождение власти и в постепенный «процесс обмирщения коммунизма» (см.: *Устрялов Н. У окна вагона // Новая Россия. 1926. № 3. С. 26*). Отношение советской власти к сменовеховству постоянно колебалось, между признанием его «объективно-прогрессивной роли» («Оно сплывало и сплывает те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые “примирились” с Советской властью и готовы работать для возрождения страны») и пониманием глубинной его враждебности коммунистической идеологии («Но вместе с тем нельзя ни на минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции...») (Резолюция «Об антисоветских партиях и течениях» XII партконференции [1922] // *КПСС в резолюциях, 2. С. 590*). Окончательное решение по сменовеховству было принято в 1926 г. (закрытие журнала «Новая Россия», запрет публикаций сменовеховцев в СССР и т. п.). В докладе на XXIV ленинградской губпартконференции Н. Бухарин говорил о сменовеховстве вполне определенно и однозначно как о составной части русского шовинизма — «сменовеховско-русской идеологии», наряжающейся в «одежды пролетарские» и прикрывающей свои подлинные установки: «...для прилику обычно надевается советский колпак, навешиваются советские побрякушки, маскируется под “коммунизм”» (Правда. 1927. 2 февр. С. 4; Известия. 1927. 2 февр. С. 2; *Бухарин Н. Путь к социализму. С. 188*).

Губком — *Епархия* — обыгрываются идеологические центры дореволюционной и советской России. *Епархия* — церковно-административный округ, объединяющий несколько приходов и монастырей и находящийся под управлением архиерея (епископа). *Губком* — губернский комитет партии, возглавлялся секретарем и подчиняется ЦК партии.

Контрольная Палата — *РКИ* — обыгрываются дореволюционное и советское названия органов государственного контроля. До 1917 г. функции контроля осуществлял Совет государственного контроля, которому подчинялись губернские контрольные палаты (контрольные отделения), проводившие на местах ревизию денежных оборотов, проверку материального имущества и финансовой дисциплины учреждений. *РКИ* (Рабкрин, рабоче-крестьянская инспекция) — наркомат, орган государственного контроля, созданный в 1920 г., с 1923 г. действовал совместно с ЦКК ВКП(б) как единый советско-партийный орган (подробно см. примеч. к наброску «Административное естествознание», с. 820–821 наст. изд.).

Казначейство — *Губфо* — обыгрываются дореволюционное и советское названия государственных финансовых органов. Официально Департамент казначейства, входивший в Министерство финансов, был упразднен в 1917 г. и его функции были переданы в Народный комиссариат финансов; как отдельная структура казначейства перестали существовать. *Губфо* (*Губ-фу*) — губернский финансовый отдел (управление).

НОТ — научная организация труда, широко вводилась во все сферы жизни (подробно см. примеч. к наброску рассказа «Административное естествознание», с. 817–818 наст. изд.).

Мне бы царем быть на всемирной территории, а не заведовать охраной материнства и младенчества своих машинисток... — Иронический отклик на поражение Л. Троцкого во внутрипартийной борьбе осени — зимы 1926 г. Обыгрываются два политически и внешне не сопоставимых статуса Троцкого. С одной стороны, Троцкий — последовательный идеолог мировой революции, которую он отстаивал во внутрипартийной дискуссии в ноябре и декабре 1926 г. По Троцкому, русская революция 1917 г. является «составной частью мировой пролетарской революции», а «самая большая ошибка» Сталина — это выдвинутая им теория построения социализма в одной стране; данной теории, подчеркивал он, нет ни в программе Коминтерна, ни в основополагающих документах партии (см.: Расширенный пленум исполкома Коминтерна. Прения по докладу тов. Сталина // Красная газета. 1926. 12 дек. С. 2). С 22 ноября по 16 декабря в Москве проходил расширенный пленум исполкома Коминтерна, на котором присутствовали представители 17 компартий и КИМа; пленум поддержал резолюцию ноябрьского партийного пленума, осуждающую возглавляемую Троцким «новую оппозицию». С другой стороны, именно с именем Троцкого неразрывно связана программа культурной революции в отдельно взятой стране: борьба за «новый быт» и «новую семью». Доклад Троцкого «Охрана материнства и борьба за культуру» на III Всесоюзном совещании по охране материнства и младенчества (7 декабря 1925 г.) печатался в центральных газетах, вошел в книгу «Труды III Всесоюзного съезда по охране материнства и младенчества» (М., 1926), к нему апеллировали в ходе широкой дискуссии 1926 г. о проекте нового Кодекса законов о браке, семье и опеке. 16 ноября центральные газеты начали печатать сообщения об открытии III сессии ВЦИК XII созыва, на которую был вынесен проект Кодекса законов о браке, семье и опеке (см.: Известия. 1926. 16 ноября. С. 2). В ходе работы всесоюзных совещаний по охране материнства и младенчества (1920, 1923, 1925) были выработаны разные формы работы на местах: в областях, районах и на предприятиях организовывались соответствующие общества и отделения, проводились конкурсы на лучшего ребенка, выставки, объявлялись «недели» охраны детей и материнства (см.: Что дала неделя охраны детей // ТП. 1924. 1926. 27 окт. С. 4); часто эти мероприятия приурочивались к празднику международной солидарности женщин 8 марта (см.: Трехдневник охраны материнства и младенчества // Известия. 1927. 1 марта. С. 5).

С. 137. *Наконец, встал счетовод Пехов и спел, поверх разговоров, песнь о диком кургане.* — Речь идет о песне на слова стихотворения И.С. Никитина «Хозяин» (1861, муз. В.С. Калининкова); в источнике: «На старом кургане, в

широкой степи. / Прикованный сокол сидит на цепи. / Сидит он уж тысячи лет, / Все нет ему воли, все нет! / И грудь он с досады когтями терзает, / И каплями кровь из груди вытекает. / Летят в синеве облака, / А степь широка, широка...» (Полн. собр. соч. И.С. Никитина / под ред. С.М. Городецкого. СПб., 1914. Т. 1. С. 322). *Никитин* Иван Саввич (1824–1861) — уроженец Воронежа, на слова его стихотворений песни и романсы писали известные композиторы (Э.Ф. Направник, Н.А. Римский-Корсаков, В.С. Калинников); народную известность получила песня «Ехал на ярмарку ухарь-купец...» (стихотворение «Ухарь-купец»), подвергшаяся, как свойственно многим литературным песням, сокращению и переделке; см. об этом: «...его знаменитая песня о прикованном соколе из лирической новеллы “Хозяин”, в музыкальном оформлении композитора В.С. Калинникова, долгое время не выходила из репертуара исполнителей-вокалистов. В измененном, а иногда и в контаминированном виде она бытовала среди фабрично-заводских рабочих. Так, в 1937 году петрозаводские фольклористы записали народный вариант этой песни в соединении с некоторыми строчками пушкинского “Узника”: “На диком кургане / В широкой степи / Прикованный сокол сидит на цепи. / Кровавую пищу клюет, / Печальную песню поет. / Сидит он уж тысячи лет, / А воли все нет ему, нет. / А степь широка, широка...” <...> Советские массовые песенники содействовали более широкому распространению произведений Никитина. В сборник “Родные песни”, составленный Вл.Дм. Бонч-Бруевичем (1918, 1920, 1923), вошел “Пахарь” Никитина. В новейший сборник песен “Коробейники” (Ив.-Возн., изд. “Основа”, 1926) и в “Народный русский песенник” (изд. “Современные проблемы”, 1927) была включена песня Никитина “На старом кургане”» (*Сидельников В.М.* Лирические новеллы И.С. Никитина // И.С. Никитин. Статьи и материалы. К 100-летию со дня смерти. Воронеж, 1962. С. 91–92). В народном варианте песня на слова Никитина упоминается в повести «Строители страны»: «Проходя мимо кургана, Гратов запел песню, к чему никогда его не влекло. / На диком кургане / В широкой степи...» (Повесть А. Платонова «Строители страны»). К реконструкции произведения (Публикация, вступ. ст. и коммент. В.Ю. Вьюгина) // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов, А. Платонов. Л. Леонов. СПб.: Наука, 1995. С. 358).

...почитая своим исконным призванием искусство — пение, а изредка — скрипку или гитару. Менее благородный инструмент счетоводы не терпели. — Последнее предложение («Менее благородный инструмент...») вписано в М2. Речь идет о популярной в народной жизни гармонии, вокруг которой на рубеже 1926–1927 гг. развернулась большая дискуссия. Почитающий классические инструменты счетовод солидаризировался с Д. Бедным, выступившим с обличением гармошки, утверждая, что реабилитация гармонии вредит делу культурного развития страны. С декабря 1926 г., когда по стране прокатились конкурсы гармонистов, Д. Бедный последовательно выступал с критикой этой инициативы и самой гармошки: «Когда станет богаче наша страна, / Музыкально-культурней станет она, / Повьисится наша культура, / Умолкнет гармошка, визгливая дура» (Гармонь, или Дело от безделья // Известия. 1926. 19 дек. С. 5); «Твердо веря в приход симфонических дней, / Когда новые звуки нам будут родней / И когда молодежь будет зыр-

кать, глаза, / На гармонь, экспонат музея: / “И подумать... играли когда-то на ней!”» (Музыка прошлого. Еще раз про гармошку // Там же. 1926. 25 дек. С. 3); «Трудна борьба за новую культуру, / Озлобился я на гармошку-дуру, / Громлю ее безо всякой жалости, / Как символ нашей культурной отсталости» (Так где же настоящие хулиганы? // Там же. 1927. 4 янв. С. 3). В Тамбовской губернии также проходили конкурсы гармонистов, а гармонисты исполняли не только обязательные революционные песни и традиционные для гармошки страдания и плясовые, но и романсы на слова русских поэтов — А.К. Толстого («Колокольчики») и М.Ю. Лермонтова («В объятиях демона», «Утро туманное»): «Замер зал, слушая вальс “Утро туманное”» (Гармошкины именины // ТП. 1927. 15 марта. С. 3. Подпись: *Андрей Свободный*).

С. 138. *Но тут встал Обрубаев — его заело, он озлобился и приготовился быть на посту.* — «Стоящим на посту» — стихотворение В. Маяковского, посвященное советской милиции (опубл.: Известия. 1926. 12 ноября. С. 7). Кроме прямого значения сочетания «на посту», здесь обыгрывается борьба за «партилию» в пролетарском литературном движении 1926 — начала 1927 г. (закрытие журнала «На посту»; с апреля 1926 г. — «На литературном посту»), наложившаяся на внутрипартийную борьбу. Оппозиционеры в лице ведущих критиков ВАПП, вопреки партийной резолюции «О политике партии в области литературы» (1925), открыто отстаивали платформу журнала «На посту» и требовали проведения жесткой классовой и партийной линии в литературе.

Пост его был видный — кандидат ВКП; но такое состояние Обрубаева службе его не помогло — он был и остался делопроизводителем с окладом в 28 р. ежемесячно, по шестому разряду тарифной сетки при соотношении 1:8. — Уточнение «по шестому разряду тарифной сетки при соотношении 1:8» впервые появилось только в КП.

Кандидат ВКП — кандидат в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Делопроизводитель — должностное лицо, ведущее канцелярскую переписку, регистрацию входящей и исходящей корреспонденции, а также внутреннюю документацию, в данной ситуации какого-то отдела ГЗУ; в структуре учреждения канцелярские отделы подчинялись заведующему АФО.

Платонов в землеустроительной секции союза занимался вопросами тарификации труда и штатным расписанием и предложил точное описание формулы расчета оклада служащих ГЗУ, по которой устанавливался размер зарплаты для первого разряда и по нему рассчитывался оклад «согласно соотношения 17-ти разрядной тарифной сетки при соотношении 1:8» (Трудовые и коллективные договора по ГЗУ. Январь 1926 — март 1927 // ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Ед. хр. 5947. Л. 36). В исчислении оклада Обрубаева Платонов несколько ошибся, так как взял для расчета размер зарплаты для первого разряда 11 рублей (в этом случае оклад составлял 27 рублей 50 копеек), однако с сентября 1926 г. (Платонов уже не служил в земсекции) зарплата в ГЗУ служащего первого разряда была повышена до 12 рублей и оклад Обрубаева составлял 30 рублей (Там же. Л. 36–37).

Налицо определенная директива ЦКК — борьба с бюрократизмом! — ЦКК — Центральная контрольная комиссия ВКП(б) (подробно об этой орга-

низации см. примеч. к наброску рассказа «Административное естествознание», с. 820–821 наст. изд.). Речь идет о резолюции V пленума ЦКК (4–5 февраля 1927 г.), принятой по докладу С. Орджоникидзе, в которой говорилось, что «борьба с бюрократическими извращениями советского аппарата и действительное проведение режима экономии являются первоочередными задачами партии» (Известия. 1927. 6 февр. С. 3; Крестьянская газета. 1927. 15 февр. С. 1). Пленум утвердил план работы ЦКК и НК РКК на 1926/27 г. Как кандидат в члены партии, герой знает все последние партийные резолюции, а потому напрямую воспринял последние директивы по борьбе с оппозицией, а также программу борьбы с «громадным злом бюрократизма», заключенным в управленческом аппарате, где оказалось много старых, подобно Бормотову, бюрократов; эти призывы звучали в январе — феврале 1927 г. с разных трибун; см.: «...этот старый бюрократический элемент мы разогнали, переворосили и затем начали опять ставить на новые места. Царские бюрократы стали переходить в советские учреждения и проводить бюрократизм, перекрещиваться в коммунистов и для большей успешности карьеры доставать членские билеты РКП. Их прогнали в дверь, они влезают в окно» (XV московская губпартконференция. Очередные задачи контрольных комиссий. Доклад тов. Орджоникидзе // Известия. 1927. 16 янв. С. 2). В резолюции V пленума ЦКК было несколько конкретных пунктов, в которых указывались новые направления борьбы со старыми бюрократами: «Оказывать решительный отпор тем работникам в нашем советском аппарате, которые пытались бы противопоставить борьбе партии с бюрократизмом формальные и канцелярские отговорки, а также чиновничье самодовольство, рутинерство и косность, ссылки на “объективные условия”, “бедность”. Привлекать к народному суду, “невзирая на лица”, работников государственного аппарата, виновных в недопустимой волоките» (пункт 3); «Усилить работу бюро жалоб» (пункт 8); «Вовлекать широкие массы рабочих и крестьян через профсоюзы и советы в борьбу с “конкретными носителями бюрократического зла”» (пункт 10) и др. (О работе ЦКК — РКК (резолюция V пленума ЦКК по докладу тов. Орджоникидзе) // Известия. 1927. 6 февр. С. 3).

Это затмение основной директивы по линии партии, данной всерьез и надолго! — Обигрывается первая часть формулы нэпа из доклада В.И. Ленина «О внутренней и внешней политике республики» на IX Всероссийском съезде Советов (23 декабря 1921 г.): «Эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, не навсегда» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 44. С. 311). Слова «всерьез и надолго» впервые появились в выступлении наркома земледелия В. Осинского на X Всероссийской конференции РКП(б) (май 1921) и стали предметом дискуссии о сроках вводимого нэпа; см. в заключительном выступлении Ленина: «Я думаю, что он [Осинский] совершенно прав. “Всерьез и надолго” — это действительно надо твердо зарубить себе на носу. <...> Но когда тов. Осинский пошел дальше и насчет срока стал говорить, то тут я бы воздержался. “Всерьез и надолго” — 25 лет. Я не такой пессимист. <...> Дай бог, чтобы мы на 5–10 лет рассчитывали...» (Там же. М., 1970. Т. 43. С. 329–330).

Сочетание «всерьез и надолго» широко использовалось в языке 1920-х гг., сохраняя некоторую степень эмоциональности, изначально заложенной в

этой формуле; например: «Борьба за строжайшее проведение режима экономии начата нами всерьез и надолго» (подробно об этом сочетании см. в книге А. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926» (1928) // *Селищев А.М. Труды по русскому языку*. М., 2003. Т. 1. Язык и общество. С. 183).

Налицо — наименования советских учреждений десятилетней давности! — Дореволюционные исполнительные органы городского и губернского самоуправления (земская управа, городская управа, ремесленная управа) были упразднены в 1918 г. на основании декрета СНК и ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (от 10 ноября 1917). Тамбовские земская и городская управы были ликвидированы в марте 1918 г., ремесленная управа (орган самоуправления городских ремесленников и цеховых) — в июне 1918 г.

Рекаш — от аббревиатуры РКИ (рабоче-крестьянская инспекция) — контролирующий орган, наделенный особыми полномочиями в борьбе с бюрократией.

...закуривая для демонстрации папиросы «Пушки». — Обыгрывается актуальное для воинственно-наступательной позиции героя название папирос, которые он курит. Скорее всего, речь идет о папиросах «Пушки» Ленинградского государственного табачного треста (стоимость пачки 2 сорта — 11 копеек), «вырабатывавшихся главным образом для провинции» (см.: *Что мы курим* // *Красная газета*. Веч. вып. 1926. 11 янв. С. 4). С таким же названием выпускались папиросы Донской табачной фабрики (Ростов н/Д). В рекламном плакате ленинградских папирос «Пушки» 1926 г., выполненном известным художником А.Н. Зеленским, имеется надпись: «Остерегайтесь подражаний», двойственный смысл которой также усиливает политический подтекст данного эпизода.

С. 139. *...в какую-нибудь гелею...* — от ГПУ, Государственно-политическое управление (см. выше, с. 494, 588–589).

...выносит ли дисциплинированный партиец внутривнутрипартийные разногласия на обсуждение широкой массы... — 16 октября 1926 г. всем организациям ВКП(б) было разослано «Извещение Центрального комитета ВКП(б) о внутреннем партийном положении», в котором указывалось, что XIV съезд партии признал взгляды «новой оппозиции» по вопросам партийной дисциплины неправильными, что, несмотря на признание оппозицией своих ошибок, она продолжает вести фракционную борьбу. В постановлении ЦК от 11 октября имеется следующий пункт: «Открыто признать, что своими выступлениями в Москве и Ленинграде этого года оппозиция грубо нарушила решения XIV съезда и ЦК партии о недопустимости открытой всесоюзной дискуссии без специального постановления высших органов» (*ТП*. 1926. 19 окт. С. 1).

А утром Градов горел — сгорели пять домов и одна пекарня. ~ пекарь уверял, что он окурки всегда бросает в тесто, а не на пол... — Пожары оставались одним из бедствий Тамбова и всей губернии; регулярно принимались постановления по борьбе с пожарами, вводились новые противопожарные мероприятия, но не было месяца, чтобы газета не сообщала о новом пожаре. Появление пекарни в этом сообщении, скорее всего, связано с тек-

стом «обязательного» постановления Тамбовского губисполкома от 7 января 1927 г. о введении в действие «Правил о порядке содержания пекарен, колбасных заведений и заведений по изготовлению сиропов и фруктовых вод», среди пунктов которого значились следующие: «Курить табак и грызть семечки в пекарне воспрещается»; «В ночное время приготовление теста во всех хлебопекарнях, независимо, есть ли наемная сила или нет, воспрещается» (ТП. 1927. 21 янв. С. 4. «Официальный отдел»).

Далее жизнь шла в общем порядке и согласно постановлений Градовского Губисполкома, которые испуганно изучались гражданами. — Речь идет об «обязательных постановлениях» Тамбовского губисполкома, регулярно публикуемых в «Тамбовской правде» (специальный раздел «Официальный отдел») и охватывающих все сферы жизни населения; губернские постановления создавались во исполнение соответствующих постановлений ВЦИК (публиковались в «Известиях»). В записях на листах календаря также использованы и другие источники — центральные и местные газеты, объявления в постоянной рубрике «Тамбовской правды» — «Тамбовский день» (калька с подобной рубрики в столичных газетах: «Московский день», «Ленинградский день»).

...в бытность на именинах у одного столоначальника по прозвищу Чалый. — Скорее всего, Шмаков был на именинах жены Чалого, потому что именины самого героя отмечаются 31 августа. Столоначальник — должностное лицо в дореволюционной России (1817–1917), возглавлявшее так называемый «стол» — низшую структурную часть государственных центральных и местных учреждений, чиновник среднего звена. В советском аппарате ему соответствует начальник подотдела. Фамилия Чалый (укр.) происходит от прозвища «чалый» (масть лошади, с примесью другой шерсти).

С. 140. В листках календаря значилось что-нибудь почти ежедневно, а именно... — В ЕШ (С. 153–155) записи несколько изменили свою последовательность, что связано с введением для каждой записи не только числа, но и дня недели; в записях отмечен период с 4 февраля (вторник) по 19 февраля (среда), год не указан. Приведенное соотношение дня недели и числа для февраля приходится на 1919 г.

«Явиться на переучет в Терокруг — моя буква Ч...» — 1 января 1927 г. центральные и губернские газеты сообщили о проведении с 10 января по 25 марта переучета военнообязанных 1893–1903 гг. рождения (Задачи переучета военнообязанных // Известия. 1927. 7 янв. С. 2). С 8 января «Тамбовская правда» в разделе «Тамбовский день» регулярно дает объявления «Переучет военнообязанных» с указанием дня, в который на переучет в «управление территориального округа» обязаны явиться военнообязанные определенного года рождения, фамилии которых начинаются с тех или иных букв. 11 января газета разъясняла некоторые положения переучета военнообязанных, из которого следует, что «не состоявшие на учете также обязаны явиться на переучет» (Переучет военнообязанных // ТП. С. 2). Как военнообязанный Платонов следил за этими объявлениями (см. письмо жене от 8–9 января 1927 г.: Письма. С. 191). 20 января Платонов был зарегистрирован в Тамбове по адресу проживания (Первомайская площадь, дом 20); на переучет военнообязанных он должен был явиться 2 февраля, согласно объявлению, по кото-

рому в этот день проходили военнообязанные «1899 года рождения, фамилии коих начинаются буквами Л, М, Н, О, П» (Переучет военнообязанных // ТП. 1927. 1 февр. С. 4).

«В 7 ч. перевыборы Горсовета ~ голосовать единогласно». — Выборы в советы — всесоюзная кампания (предыдущие выборы состоялись в 1925 г.) начала 1927 г., которой придавалось большое значение: «Настоящее оживление советов означает полное овладение рабочим классом всем государственным аппаратом. <...> Перевыборы советов снова стали важнейшей политической кампанией в стране» (Молотов В. Новые выборы в советы // Известия. 1927. 1 янв. С. 2). Во всех центральных газетах появляется постоянная рубрика «Перевыборы советов», в которой печатается корреспонденция с мест о ходе выборов и отчеты. «Перевыборы горсовета» начались в Тамбове 21 февраля (Ждем горсовета // ТП. 1927. 20 февр. С. 1) и завершились 10 марта, по губернии выборы прошли в январе. «Тамбовская правда» регулярно сообщала, как идет выдвижение и обсуждение кандидатов: сначала кандидатура рассматривалась на расширенном бюро партпрофкома, затем выносилась на собрание; см.: «Голосование проходит дружно. Каждая кандидатура проходит единогласно» (Наметили и обсудили кандидатов // ТП. 1927. 20 февр. С. 1). О не совсем благополучной ситуации с перевыборами в советы в Тамбовской губернии в январе и феврале сообщала газета «Известия». Открылись многочисленные случаи включения в списки избирателей «лишенцев» — бывших помещиков, дворян, торговцев, «скрывших от милиции свою настоящую физиономию» (Перевыборы советов // Известия. 1927. 22 янв. С. 4); предвыборная кампания в Тамбове и губернии была проведена формально, крайне низким оказался процент участия населения в собраниях по обсуждению выдвинутых кандидатур (не более 20–25%), крестьян интересовал в основном вопрос цен; число лишенных избирательных прав кулаков увеличилось в два раза в сравнении с предыдущими выборами и т. п. (Обстановка перевыборов (от нашего специального корреспондента) // Там же. 28 янв. С. 3. Подпись: А. Л.).

«Сходить в Коммун. Отд. — отнести деньги за воду, последний срок, а то пеня». — Коммун. отдел — городской коммунальный отдел. Пеня (от лат. роена — наказание) — штрафная санкция за неуплату в срок.

«Подать сведения Горсанкомиссии о состоянии двора, — штраф, см. постановление ГИК». — Имеется в виду «обязательное постановление» Тамбовского губисполкома от 7 января 1927 г. «Правила общественной санитарии улиц, площадей, тротуаров и дворов и о насаждениях общественного пользования». Согласно этому документу, «наблюдения за исполнением настоящего обязательного постановления возлагалась на местные органы санитарного надзора и милицию», а виновных в нарушении установленных правил «привлекать к административной ответственности в виде предупреждения или наложения штрафа не свыше 10-ти рублей» (ТП. 1927. 14 янв. С. 4). Горсанкомиссия — городская санитарная комиссия. ГИК — губернский исполнительный комитет.

«Собрание жилищоварищества о забронировании сарая под нужник». — В «Правилах общественной санитарии улиц, площадей, тротуаров и дворов...» (см. выше) отдельным пунктом определялись требования к установке

уборных во дворах. *Жилтоварищество* — в данном контексте: объединение жильцов домов для решения на кооперативных началах вопросов эксплуатации помещений.

«Протестовать против Чемберлена, — в случае чего, стать, как один, под ружье». — Отклик на всесоюзную кампанию конца февраля — начала марта 1927 г. *Чемберлен* Остин (1863–1937) — английский государственный деятель, консерватор, в это время министр иностранных дел Великобритании. В конце 1926 г. происходит резкое ухудшение отношений с Англией; кроме других причин этому способствовала открытая политическая и материальная поддержка СССР забастовки английских горняков (декабрь 1926 — январь 1927; создание на всех предприятиях специальных фондов поддержки бастующих шахтеров, в которые ежемесячно отчислялись деньги). В докладе Н. Бухарина «О международном и внутреннем положении СССР» на XV московской губпартконференции отмечалось, что «британская политика войны» с СССР является частью «общей империалистической политики» борьбы за рынки (Известия. 1927. 13 янв. С. 2); в редакционных статьях «Правды» и «Известий» указывалось, что «руководящую роль» в «открытой и тайной подготовке войны против СССР» играет консервативное правительство Англии (см.: Опасность войны и политика мира [Ред. статья] // Известия. 1927. 14 янв. С. 1). В заключительном выступлении Н. Бухарина на XV московской губконференции отдельно выделена главка: «Мы должны быть готовы!», в которой подчеркивалось, что страна должна быть готова к войне, так как Англия организует антисоветский блок для нападения на СССР (Там же. 15 янв. С. 2). 23 января о необходимости «военизировать» население говорил нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов в выступлении на объединенном заседании съезда Авиахима и пленума Центрального совета ОСО (Общество содействия обороне): «Сами мы ни на кого нападать не собираемся <...> и клянемся всем, чем хотите, что нападать не будем. Но нападение на нас нашими врагами готовится, и мы были бы дураками, если бы не приняли мер к тому, чтобы нас не застало врасплох это нападение» (Известия. 1927. 27 янв. С. 2). 30 января Платонов в письме к жене затрагивает эту тему: «Но вот вопрос — возможна война. Стоит ли бежать из Тамбова, чтобы через месяц-два быть мобилизованным в Москве, чтобы снова покинуть ее и, быть может, навсегда» (*Письма*. С. 207). Пиком ухудшения англо-советских отношений стало письмо О. Чемберлена на имя поверенного в делах СССР в Англии Розенгольца, вошедшее в историю как нота английского правительства правительству СССР. Ее текст был опубликован во всех центральных газетах 25 февраля. Чемберлен обвинял советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Англии (поддержка забастовки горняков), в нарушении английских интересов в Китае и Персии, в призывах к мировой революции, прозвучавших в выступлениях руководителей СССР (в докладе Бухарина «О международном и внутреннем положении СССР» имелась главка «СССР — очаг мировой революции»), предупреждал о разрыве дипломатических отношений и аннулировании торгового соглашения (см.: Нота английского правительства правительству СССР // Известия. 1927. 25 февр. С. 3). 27 февраля на первых страницах центральных газет публикуется ответ советского правительства: «Ответная нота тов. Литвинова на ноту

г. Остина Чемберлена» (Известия. С. 1–2), «Наш ответ на английскую ноту» (Правда. С. 1–2). В обеих центральных газетах публикации ответственных заявлений сопровождалась стихотворными фельетонами-ответами) Д. Бедного: в «Известиях» (25 февр. С. 3) — «Мистеру Чемберлену — мед заместо хрену», в «Правде» (27 февр. С. 3) — «Англичанка гадит», открывшими кампанию всенародных «ответов» на ноту Чемберлена. В газетах вводятся специальные разделы (в «Правде» — «Ответ трудящихся Советского Союза на ноту Чемберлена», в «Известиях» — «Отклики трудящихся на ноту Чемберлена»), в которых печатаются сообщения об идущих по всей стране митингах, собраниях и принятых на них резолюциях с осуждением английской политики и самого лорда Чемберлена. («Тамбовская правда» также отвела этому мероприятию отдельную колонку (см.: Ответ на ноту Чемберлена // ТП. 1927. 3 марта. С. 3). Дипломатические отношения Англии с СССР были разорваны в мае 1927 г. (восстановлены в октябре 1929). С «Города Градова» тема февральской ноты Чемберлена и сопутствующих ей сюжетов и публикаций интенсивно развивается в произведениях Платонова 1927 г. в самых разных воплощениях («Война», «Сокровенный человек», «Надлежащие мероприятия»).

«Зайти вечером постоять в красном уголке, а то сочтут отступником». — «Запись» построена на соединении несоединимых понятий — красного угла в православном доме и красного уголка на предприятии или в клубе (в данной записи речь идет, скорее всего, именно о клубе). *Красный угол* (красивый, святой угол, передний угол) — обязательная часть православного дома, где устанавливались иконы; устраивался в дальнем, самом освещенном углу избы, с расчетом, чтобы икона была первым, на что обращал внимание человек, входящий в комнату. Войдя в дом, человек прежде всего крестился перед иконами и кланялся Богу и только затем здоровался с хозяевами. Обязательным для домашнего иконостаса являются иконы Спасителя и Богородицы; в красном углу также размещаются именные иконы членов семьи, иконы особо почитаемых святых. *Красный уголок* (от слова «красный» в значении цвета революции, красного знамени) — особо убранный помещением, украшенное красным знаменем, портретами вождей революции, руководителей страны, партии и профсоюза, лозунгами, плакатами и другими материалами, освещающими жизнь партии и страны. Красные уголки создавались на всех предприятиях, в учреждениях, клубах и были призваны стать очагами политического воспитания масс; красным уголкам отводилось большое место в организации клубной работы, они являлись важным пунктом партийной и профсоюзной культурно-просветительской работы. Так, на пленуме Центросоюза целое заседание было посвящено обсуждению доклада тов. Кантора «Работа в красных уголках»; принимается следующее директивное определение: «Истинное назначение красных уголков — обслуживание той массы, которая еще не доросла до клуба: красные уголки являются ступенью в клуб для тех масс, которые не могут быть вовлечены в клуб» (VII Пленум ЦК нашего Союза // Наша газета. 1927. 26 февр. С. 2); пункт по красным уголкам вошел в резолюцию пленума профсоюзов (см.: Культурно-просветительская работа // Там же. 1927. 1 мая. С. 4).

«Имянины супруги. Сочетать с режимом экономии и производственным эффектом». — В А и М1: «имянины», в других источниках: «имени-

ны». Платонов вполне сознательно в записях старого чиновника использовал устаревшую форму слова «именины». Академический словарь 1847 г. предлагал две формы: «именинный» и «имянинный» (см.: Большой академический словарь русского языка. М., 2008. Т. 7. С. 220–221). Даже машинистка, перепечатавшая рукопись рассказа, не исправила эту ошибку. *Именины* — день памяти святого, чье имя было дано человеку при крещении. Крестильные имена выбирались по церковному календарю (святцам). В день именин было принято обязательно посещать церковь, исповедоваться и причащаться, а вечером можно было пригласить близких на трапезу. После революции с именинами начали серьезную и планомерную идеологическую борьбу: обряд крещения был признан контрреволюционным, его попытались заменить новым обрядом «октябрин». В прошлом именины считались более важным праздником, чем день «телесного» рождения, кроме того, во многих случаях эти праздники практически совпадали.

«Режим экономии» — широкомасштабная государственная кампания осени 1926 — начала 1927 г., уже нашедшая отражение в рассказах «Мавра Кузминишна» и «Экономик Магов», опубликованных в газете «За семь дней» (1926. 26 сент.) под общим заглавием «Герои режимной экономии (Быль советских заштатных населенных пунктов)» (см.: *Сочинения*, 1(1). С. 67–70, 529–531). Президиумом Тамбовского губисполкома принимается специальное постановление «О проведении режима экономии в губернии», в котором подчеркивалось, что режим экономии заключается прежде всего в экономном расходовании государственных средств (см.: *ТП*. 1926. 23 окт. С. 4); в «Тамбовской правде» регулярно печатаются призывы к «режиму экономии», письма трудящихся с их предложениями.

«Пригласить наш малый совнарком». — Литвин-Молотов пометил предложение вопросом на полях (красный карандаш). Платонов вычеркивает «наш малый совнарком» (M1), однако замены не находит и восстанавливает первоначальный вариант в *ЕШ* и вписывает его в *M2*. Обыгрывается название и статус официального учреждения союзного значения. *Малый совет народных комиссаров* (комиссия при СНК, Большом совете) создан декретом СНК РСФСР от 1 июня 1920 г. для подготовки вопросов, требующих предварительного детального обсуждения; в него входили назначаемые СНК представители ВСНХ и ведущих наркоматов: РКИ, юстиции, финансов, труда, внутренних дел (см.: Центральные учреждения // *Вся Тамбовская губерния на 1923 год*. Тамбов, 1923. С. 13). В Тамбовском ГИКе были аналогичные органы: Большой и Малый президиумы.

«Узнать у Марфы Ильинишны, как варить малиновый узвар». — Деталь старого быта. *Узвар* (южн.) — «вареные сухие плоды, чернослив, груши, яблоки, сливы, изюм и пр., подаваемые в рождественский сочельник» (*Даль*, 4. С. 478); считается традиционным украинским напитком. Запись отсылает к героине «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя — Пульхерии Ивановне, чья кухня напоминает «химическую лабораторию», а сама стопроцентная мешанка Пульхерии Ивановны является мастерницей «узвара» из груш, которым она потчует драгоценного супруга.

«Справиться в ЗАГСе, как переменить прозвище Чалый на официальную фамилию Благовещенский, а также имя Фрол на Теодор». — Ирониче-

ский отклик на широкомасштабную кампанию смены имени и фамилии 1920-х гг. Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» при городских (районных, уездных, волостных) управах были созданы отделы записей актов гражданского состояния (сокр. *ЗАГС*) — рождений, браков и смертей. До 1917 г. акты гражданского состояния выполняла Церковь. По поданному заявлению ЗАГСы регистрировали также расторжение брака и перемену имени и фамилии. Чалый, как и другие сослуживцы Шмакова из старых чиновников, не только консерватор, но и эстет и потому хочет сменить не только неблагозвучную фамилию, восходящую к прозвищу, но и корреспондирующее с прозвищем значение своего имени, данного при крещении (Фрол — в память мчч. Флора и Лавра, отмечается 31 августа). В России трудно произносимое имя Флор преобразовалось во Фрола; в народном календаре мчч. Флор и Лавр стали считаться покровителями лошадей, а Фролов день — «лошадным праздником», концом основных полевых работ. Комический эффект записи усиливает выбор в качестве новой фамилии Благовещенский (от названия праздника — Благовещение; распространена среди выходцев из православного духовенства) и иноязычного имени Теодор (европейский аналог русского Федора). Не исключено, что в записи (или в ее прочтении Шмаковым) произошла орфографическая ошибка, и на самом деле речь идет об имени Федор; дореволюционная и церковная форма имени — Феодор (после революции и орфографической реформы стало писаться как Федор).

*«Суббота. Открыто заявить столоначальнику, что иду ко всенощной — в бога не верю, а хожу из-за хора, — а была бы у нас приличная опера, ни за что не пошел бы». — Всенощная служба — самый торжественный тип богослужения, которое совершается вечером накануне воскресных дней и особо чтимых праздников. До революции Тамбов славился богатыми церковными и светскими хоровыми традициями. В Тамбовской духовной семинарии большое значение придавали хоровому пению и общему музыкальному развитию: «В начале XX века в ней существовало 14 богослужебных хоров»; в репертуаре которых, кроме церковных песнопений, были произведения Глинки, Чайковского, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Рубинштейна (см. об этом: *Кученкова В.* Святые Тамбовской епархии. М., 1993. С. 16–17). Организаторами и первыми исполнителями опер в Тамбове стали педагоги и ученики Тамбовского музыкального училища; в начале века в городе постоянно выступали столичные оперные труппы (см.: *Казьмина Е.О.* Музыкальная культура Тамбовского края, 1786–1917. Тамбов, 2009). После революции при тамбовском Пролеткульте работала музыкально-хоровая студия, в которой обучали исполнению новых революционных песен; некоторое время при созданной на базе музыкального училища консерватории (1921–1925) работала оперная студия. Во время пребывания Платонова в Тамбове, судя по объявлениям в «Тамбовской газете», культурная жизнь города сосредоточилась в двух кинотеатрах, в драматическом театре им. Луначарского и музтехникуме, где в основном показывали кинокартины или драматические постановки. Объявления о музыкальных спектаклях практически не давались, изредка печатались рецензии об уже прошедших музыкальных вечерах. Так, 12 января в газете появилась заметка о выступлении в Тамбове*

одного из лучших оперных певцов России — А.М. Лабинского, представленного неизвестным рецензентом как «звезда второй величины». Язывитель-но прошелся рецензент и по репертуару певца, в котором оказался популяр-ный романс «Тишина» (слова Н. Хвостова, муз. С. Кашеварова), входивший в репертуар не только самого Лабинского, которому посвятил романс компо-зитор, но и лучших русских теноров XX в.: «Не обошлось без довольно-таки избитой “Тишины” Кошеварова (так. — Н. К.), приятной слуху обывателя» (Концерт Лабинского // ТП. 12 янв. С. 4. Подпись: Д. Б. В этом же номере га-зеты печаталась информация о выступлении Платонова на совещании спе-циалистов сельского хозяйства). Непосредственным источником к данной записи в градовском календаре, скорее всего, послужила заметка все того же рецензента, в которой давалось разъяснение по поводу отношений церков-ного и оперного пения и в целом сложных отношений новой власти к клас-сическому оперному искусству: «Опера в настоящее время переживает кри-зис, стоит на распутье, колеблясь между старым и новым. Развившись из средневековых представлений — мистерий, содержание которых бралось из священного писания, опера в руках итальянских композиторов превратилась в собрание изысканных дуэтов и арий, для которых содержание самой оперы было чем-то второстепенным. <...> Действующими лицами в опере выводи-лись аристократы, люди необычные или фантастические существа. Опера потеряла настоящую художественность. Новейшие композиторы — Вагнер, Бизе, Мусоргский, Даргомыжский и др. — старались придать опере характер музыкальной драмы. <...> Вместо герцегов и демонов действующими лица-ми в опере стали беглые монахи (“Борис Годунов”), цыганки (“Кармен”) и т. п. демократический элемент. <...> Желательно, чтобы оперный коллектив, начинающий спектакли в театре им. Луначарского, дал нам больше опер второй категории и очистил свой репертуар от устаревших опер. Следует дать хотя бы несколько общедоступных оперных спектаклей для рабочих и низ-ших слушателей» (К открытию оперных спектаклей // Там же. 11 марта. С. 4). В марте объявлений о концертах газета не давала.

«Отложить 366-ю бутылку для вишневой настойки. Этот год — ви-сокосный». — Високосный год — год в юлианском и григорианском кален-даре, продолжительность которого равна 366 дням — на одни сутки больше продолжительности обычного года (дополнительный день в феврале — 29), обычно — каждый четвертый год. Издревле високосный год считался край-не неблагоприятным, ему приписывали природные (землётрясения) и другие бедствия (войны, голод, эпидемии). С точки зрения реалий — в этой записи очевидная путаница: 1927 не был високосным годом, високосным являлись 1924 и 1928 гг.

«Сушить сухари впрок — весной будет с кем-то война». — В январе — феврале 1927 г. тема сроков начала войны проходит через все выступления руководителей страны: «Я чрезвычайно далек от того, чтобы предсказывать сроки, и в своем выступлении я вовсе не хотел сказать, что войну мы будем обязательно иметь в *ближайшие месяцы*, я не говорил даты, что обязательно ближайшей весной или осенью мы будем иметь наступление против нас. В теперешней сложнейшей обстановке <...> трудно давать гарантирован-ные, патентовые предсказания относительно сроков» (XV Московская губ-

партконференция. Заключительное слово тов. Бухарина // Известия. 1927. 15 янв. С. 2; Правда. 15 янв. С. 3). К. Ворошилов, выступая на объединенном заседании Авиахима и ОСО, сообщает о разговорах на заводах, сотнях поступающих к нему записок с одним вопросом «будет ли война?» и «когда мы будем воевать?» и ссылается в ответе на эти вопросы на «серьезное свидетельство» В.И. Ленина о том, «что война для нашего Союза вообще неизбежна, что эта война наступит, если не сегодня, так завтра, не завтра, так через год, не через год, так через 5–10 лет» (Известия. 27 янв. С. 2). В сводках ОГПУ с февраля 1927 г. выделяется самостоятельный раздел «Слухи о войне»: «За последние месяцы почти во всех районах Союза, особенно в пограничных местностях, усилились слухи о близости войны. В результате этого среди некоторой части городского и сельского населения создано паническое настроение, выразившееся в усиленной закупке предметов первой необходимости (соли, муки, керосина, сахара и т. п.)» (февраль); «В отчетный период слухи о войне продолжают носить массовый характер по всем районам Союза...» (март); «Разрыв дипломатических отношений с Англией был встречен среди рабочих, как признак неизбежной войны» (май) и т. п. («Совершенно секретно». Т. 5. С. 147, 253, 362).

«Не забыть составить 25-ти летний перспективный план народного хозяйства; осталось 2 дня». — Эта запись пережила несколько этапов уточнения ее содержания и пафоса. Первый вариант: «Составить 10-летний перспективный план по землеустройству бедняцкого населения, увязав его с обводнительными мероприятиями и мероприятиями сельского огнестойкого строительства, а также с контрольными цифрами Госплана» (А. Л. 18). «Десятилетним планом» назывался план электрификации (ГОЭЛРО), принятый в декабре 1920 г. Уже в автографе этот текст будет сокращен и уточнен; дописывается новая экспозиция записи («Не забыть...»), «10-летний» заменен на «25-летний» и в конце вписано: «осталось 2 дня». На первом этапе переработки рассказа в повесть Платонов отказывается от этой записи (вычеркнута в *M1*), однако затем ее восстанавливает в несколько ином виде; в *ЕШ*: «Не забыть составить 25-летний перспективный план по землеустройству — осталось два дня» (С. 155). Запись отсутствует в *M2*, новый вариант с явным повышением статуса планирования до общегосударственного вписан Платоновым в *M3* (Л. 28).

Отклик на ситуацию с операционным планом (см. выше с. 584–585), а также в целом на систему «бумажного планирования», о котором Платонов прямо высказался в статье «О дешевом водном пути Черноземного края» (*ТП*. 1927. 12 янв. С. 2), приводя в качестве примера «бумажного планирования» «три пятилетних плана одинаковой ценности, составленными на одни и те же пять лет», — речь в статье идет о планах по восстановлению сельского хозяйства Центрально-Черноземной области 1925, 1925 и 1926 гг.: «Я этим не хочу сказать, что плановая метафизика (есть и такая) допускает потенциальную возможность пятнадцати лет в пяти годах или — трех различных длительностей в одной продолжительности равной этой длительности, или что Эйнштейн усовершенствован подлежащими ведомствами и время открыто как различные количества в одном качестве и т. д.» (*Сочинения*, 1(2). С. 292. Этот фрагмент исключен из публикации в *ТП*). Принципы описанной

«плановой метафизики» определяют и появление «25-летнего плана». Обсуждением вопросов государственного планирования народного хозяйства активно занимались Госплан СССР и ВСНХ с 1925 г., в губерниях также составлялись пятилетние планы. В феврале 1927 г. газеты сообщали о завершении разработки проекта 5-летнего плана развития промышленности и его обсуждении на пленуме Промплана ВСНХ (см.: Пятилетний план развития промышленности // Известия. 1927. 11 февр. С. 5).

«А как, товарищ Чалый, существует в вашей губернии курс на индустриализацию?» — Ирония в вопросе заключается в том, что в принятом XIV съездом партии (декабрь 1925) решении о завершении восстановительного периода народного хозяйства и о новом курсе — превратить СССР из аграрной страны в индустриальную, ставка делалась прежде всего на развитие тяжелой промышленности: «...держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства...» (Резолюции и постановления XIV съезда ВКП(б). М.; Л., 1926. С. 16). Вопросы путей индустриализации страны находились в центре внутрипартийной борьбы рубежа 1926–1927 гг. В докладе председателя Совнаркома А.И. Рыкова на XV Московской губпартконференции «Вопросы индустриализации и трудности этого периода» были обозначены некоторые «издержки» «переходного к социализму периода — периода индустриализации», коренящиеся в общей технической отсталости страны, ее «неподготовленности» к индустриализации, за которые придется расплачиваться (см.: Речь тов. Рыкова // Известия. 1927. 16 янв. С. 2). В начале февраля газеты печатают материалы объединенного заседания СНК, ВСНХ и СТО, посвященные обсуждению стратегии индустриализации страны, из которых можно узнать, что 88% финансирования капитальных работ приходится на тяжелую промышленность, «и только 12% — на легкую, главным образом — местную» (Промышленный план на 1926/27 г. Свод докладов тов. Штерна (ВСНХ) // Правда. 1927. 3 февр. С. 3). Прошедший вслед за этим заседанием пленум ЦК ВКП(б) принимает резолюцию «О капитальном строительстве промышленности в 1926/27 г.», в котором отдельным пунктом значится: «Ускорить разработку ориентировочного пятилетнего плана развития народного хозяйства и, в частности, промышленности и транспорта» (Правда. 1927. 13 февр. С. 3).

Платонов откликнулся на актуальную политическую тему уже в начале 1926 г. в цикле «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)» (Красная газета. Веч. вып. 1926. 10, 13 апр. С. 4): «Области нужна промышленность, компенсирующая ее нехватку в годы невзгод и стабилизирующая активную половину ее баланса. <...> Страна без промышленности — незамужняя жена» (*Сочинения*, 1(2). С. 288–289).

С. 140–141. *В десятилетний план сто элеваторов включено: по десяти в год будем строить, — затем-с — двадцать штук мясохладобоев и пятнадцать фабрик валяной обуви...* — 10-летний план создан по той же модели, что и 25-летний (см. выше, с. 612–613). В ответе опытного чиновника Чалого акцентируются два направления индустриализации в губернии — промышленность и транспорт. Из опубликованных в тамбовской периодике материалов следует, что по развитию промышленности Тамбовская губерния занимала в ЦЧО второе место; правда, рост производства приходился

в основном на местную промышленность, следующие ее отрасли: мукомольную, махорочную, маслобойную, шерстяную, металлообрабатывающую; в губернии были построены новые сахарные заводы (см.: Рост промышленности // *ТП*. 1926. 13 окт. С. 4); по данным губернского статистического бюро на 1925 г. не менее 40% продукции предприятий Тамбовской губернии обеспечивалось кустарями-ремесленниками (*Курточкин П.Т.* Кустарно-ремесленная промышленность в сельских местностях Тамбовской губернии по данным обследования 1925 года // Указ. изд. С. 1). В ответе Чалого озвучиваются некоторые результаты совещания, прошедшего в конце января 1927 г. в Наркомземе по вопросам развития сельского хозяйства ЦЧО, на котором присутствовали представители с мест; на совещании обсуждались первоочередные планы развития местной промышленности на ближайшие годы: «Из отдельных отраслей с.-х. индустрии на первое место поставлены свеклосахарная и картофельная промышленность, пенькообрабатывающие установки, мясохладобойни, холодильники...» (Восстановление Центрально-Черноземной области // *Известия*. 1927. 1 февр. С. 4). Очевидно, в планах развития хозяйства ЦЧО было и строительство элеваторов. Из материалов РКИ следует, что оборудование и машины элеваторов Тамбовской губернии оказались изношенными на 50% процентов (Как работали элеваторы государственного банка в хлебозаготовительной кампании 1925/26 г. // *ТП*. 1926. 6 окт. С. 3). В годы Гражданской войны роль элеваторов была сведена на нет, элеваторы находились в ведении Наркомпрода и использовались не по назначению, зачастую в качестве складов для разных продуктов, когда на дорогостоящее оборудование вместо зерна ссыпали картошку; ситуация начала меняться только в 1924 г., когда постановлением СТО элеваторы были переданы в ведение Госбанка (*Меццераков*. Наши элеваторы за работой // *ТП*. 1927. 10 марта. С. 4).

С. 141. *А сверх того водяной канал в земле до Каспийского моря рыть будем, чтобы персидским купцам повадно стало торговать с градовскими госорганами!* — При переработке рассказа в повесть (*М1*) Платонов несколько раз правил этот фрагмент, отмеченный вопросом Литвина-Молотова на полях (красный карандаш). Вместо «Сверх того — водяной канал в земле через всю губернию для развития торговли с северной Персией!..» вписано: «А сверх того водяной канал в земле на четыреста верст, чтобы иноземным губерниям близко торговать с нами было!» (*М1*. Л. 32). В *ЕШ* в вариант *М1* добавляется «рыть будем», конкретное «близко» заменяется на «повадно» (С. 155–156). В *М2* Платонов возвращает главного партнера Градова — Персию, вычеркивает вариант *М1* и вместо него вписывает: «...до Каспийского моря рыть будем, чтобы персидским купцам повадно стало торговать с градовскими госорганами!» (*М2*. Л. 28).

Отклик на обсуждение на страницах «Воронежской коммуны» (в 1925 г.) и «Тамбовской правды» вопросов местного коммерческого транспорта, актуализированных всесоюзными проектами Волго-Донского канала и Днепростроя (подробно см. с. 509–510, 761–762, 800 наст. изд.). Начало обсуждению положила статья Платонова «О дешевом водном пути Черноземного края» (*ТП*. 1927. 12 янв. С. 2. С редакционной пометой: «В порядке обсуждения»; впервые статья была опублик. в газ. «Известия» летом 1926 г.; см.: *Сочине-*

ния, 1(2). С. 290–295, 484–485). В ТП статья сопровождалась редакционным примечанием: «Редакция полагает, что работники Губплана, ГЗУ и др. не замедлят высказаться через нашу газету по вопросу, выдвинутому автором». Платонов предлагал рассмотреть «старую для Черноземного края проблему улучшения судоходных условий Верхнего Дона и главнейших его притоков» как экономическую (дешевый торговый водный путь), мелиорационно-техническую и социальную, включить этот вопрос в общий государственный план восстановления ЦЧО и «организовать, ввиду важности вопроса, в особой комиссии по ЦЧО при Госплане подкомиссию, или бюро, или группу специалистов, или еще что для полной, всесторонней и срочной проработки этого вопроса, чтобы его можно было уже в чистом виде вносить на рассмотрение куда следует и как следует» (*Сочинения, 1(2). С. 295*). Статья вызвала живой отклик в местной печати. 4 февраля в разделе «На темы дня (Из статей, поступивших в редакцию)» печатается обзор читательских предложений с мест: «Вопрос об использовании Дона и его притоков как дешевого водного пути, поднятый А. Платоновым в № 8 “Тамбовской правды” и затрагивающий экономические интересы ряда губерний, вызвал ряд откликов. “В условиях нашей Тамбовской губернии, — пишет т. Д. Б., — приходится говорить об улучшении судоходных условий рек Дона и Воронежа в Липецком уезде. На территории этого уезда и по соседству с ним, на берегах Воронежа или близко от них, расположен ряд крупных заводов — “Свободный Сокол”, Грязинский известковый завод, Мариупольский винокуренный, Боринский и Рамоньский сахарные заводы. Для всех этих заводов судоходная река Воронеж принесет несомненно громадные выгоды”. Развивая и дальше свои соображения о тех хозяйствах, торговых и промышленных выгодах, которые сулит превращение Воронежа и Дона в доступные для судов реки, тов. Д. Б. не упускает из виду и то обстоятельство, что для осуществления этого проекта нужна колоссальная работа и большие денежные затраты, так как Дон и Воронеж в пределах Липецкого уезда сильно засорены, обмелели и заболочены» (О водном пути Черноземного края // ТП. 1927. 4 февр. С. 4. Подпись: Т-ский). Внимательно прочитал статью Платонова и краевед П. Черменский, до того посвятивший несколько страниц в своей книге «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» истории судоходства на реках Тамбовской губернии (*Черменский. С. 72–75*). Его статья «Соединение четырех морей (О Волго-Донском канале)» носила во многом юбилейный характер (200-летие истории проектов канала) и была выполнена в несколько патетической интонации: «...старый вопрос о Волго-Доне стал на путь практического осуществления. <...> После сооружения Волго-Донского канала, в плане работ второй очереди, стоит исправление и усовершенствование подъездных водных путей по Нижней Волге для подвоза нефти и персидских товаров через Каспийское море и по Среднему Дону до Лисок и для подвоза хлеба из Ц.-Черноземной области. Наконец, в перспективном плане третьей очереди может стать задача исправления течения некогда судоходных рек: Донца, Хопра и Верхнего Дона до г. Лебедяни Тамбовской губ. Тогда оживет весь донской край и его хозяйство получит мощный толчок для своего дальнейшего развития. Проблема Волго-Дона шире ее местного значения. Волго-Донской канал соединит непрерывным водным путем

все моря, омывающие европейскую часть нашего Союза) (ТП. 27 февр. С. 2).
О Персии см. ниже, с. 620–621.

— Денег надо множество, — сообщил Чалый второстепенным тоном, — того не менее, как миллиарда три, сиречь — по триста миллионов в год. ~ А кто же даст вам эти деньги? — Гротесковость эпизода оттеняют суммы, реально выделяемые Госпланом на всю ЦЧО; ср.: «Ассигнования на восстановление Центрально-Черноземной области секция считает возможным сократить до 10 млн рублей по тем соображениям, что ЦЧО, помимо этих средств получает по смете Наркомзема 3,3 млн рублей и по системе сельхозкредит — 10–12 млн руб. На фонд бедноты, учрежденный в 1925–26 гг., ассигновано по бюджету 10 млн руб.» (Финансирование сельского хозяйства в 1926/27 г. (В Госплане СССР) // Известия. 1927. 13 янв. С. 5).

С. 141–142. ...Стоит ли, — читал он с середины, — измышлять изобретения, раз мир диалектичен ~ Но известно ли что-нибудь достоверно на свете? — Своеобразное pro et contra философской публицистики Платонова 1920-х гг., посвященной вопросам истины, идеалистической метафизики и материалистической диалектики: статьи «Культура пролетариата», 1920), «Симфония сознания» (1922), «Питомник нового человека» (1927), «О любви» (1927).

«...было всего две пишущих машинки (обе системы “Ройаль”, т. е. Король), а теперь их близко сорока штук, не обращая внимания на системы. ~ сидели ранее писцы за бумагой, снабженные гусиными перьями, и писали. ~ И ничего не нарушалось от течения дел рукописным порядком. Ничто не спешило, а все попевало». — Пример диалектики по Шамакову, построенной на противопоставлении символов «нового» и «старого» быта. Пишущая машинка — одно из изобретений технической революции 70-х гг. XIX в.; основными производителями являлись США и Германия, откуда они и поступали в Россию; в 1920-е гг. на рынке конкурировали разные фирмы, производящие новые, более усовершенствованные системы пишущих машинок («Ундервуд», «Ремингтон», «Миньон», «Корона», «Континенталь» и др.). В Градовском ГЗУ были пишущие машинки американской фирмы «Royal» (англ. король). В Тамбовском ГЗУ было не менее десяти машинисток, только в штате АФО — 5 машинисток, кроме этого, машинистки были во всех отделах и подотделах ГЗУ (см.: Именной список служащих Тамбовского Губземуправления на 1926/27 год // ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 2. Ед. хр. 1465. Л. 1–1 об.). Вместе с пишущей машинкой как одним из символов технической цивилизации в литературе 1920-х гг. активно осваивался новый женский образ — машинистки (см. об этом примеч. к рассказу «Надлежащие мероприятия», с. 726–727 наст. изд.).

Описание одного из символов «старого» быта — писца — отсылает к главному герою классического текста о «маленьком человеке» в русской литературе («Шинель» Н. Гоголя). Ср. с картиной «машинной жути», увиденной глазами старого делопроизводителя Короткова (повесть М. Булгакова «Дьяволиада», 1924): «...стена перед глазами Короткова распалась, и тридцать машин на столах, звякнув звоночками, заиграли фокстрот. Колыша бедрами, сладострастно поводя плечами, взбрасывая кремовыми ногами белую пену, парадом-алле двинулись тридцать женщин и пошли вокруг столов. Белые змеи бумаги поползли в пасти машин, стали свиваться, раскраи-

ваться, сшиваться» (Булгаков М. Дьяволиада. Ранняя сатирическая проза. М., 2000. С. 89).

С. 142–143. *Хозяйки шли за теплым хлебом для мужей, резаки в пекарнях его резали и метрически взвешивали, мудря на граммах: никто из них не верил, что грамм лучше фунта, знали только, что он легче.* — Фунт — русская мера массы, применявшаяся до введения метрической системы мер (1 фунт равен 409,5 г). Введение новой метрической системы (см. выше с. 555) сопровождалось рядом государственных пропагандистских кампаний; была разработана целая система мероприятий по ее внедрению в новый быт; рекомендовалось объяснять преимущество новой системы мер в жизненном обиходе, подчеркивать значение этого мероприятия, «облегчающего наши экономические и общественные сношения с границей» (см.: Белов С. О пропаганде среди населения метрической системы // Землеустроитель. 1926. № 1. С. 91). Тамбовским губисполкомом еще в июне 1924 г. было принято «обязательное» постановление «О вывешивании наглядных плакатов с сравнительным изображением на них метрических и русских мер в местах торговли и широкой посещаемости» (ТП. 1924. 3 июля. С. 4); 14 июля 1926 г. датируется «обязательное постановление» межведомственной метрической комиссии при ЭКОСО РСФСР «О введении метрической системы во всех видах розничной торговли в Тамб. губернии.» (ТП. 1926. 30 июля. С. 6). Однако, как свидетельствуют материалы архива ГЗУ, а также сообщения в газетах, новая система приживалась с большим трудом; см., например: «В поселке Грязи Липецкого уезда все торговые предприятия официально перешли на метрическую систему мер и веса. Все вешают вместо старых гирь килограммы, но фунт и пуд еще не умерли. Население не покупает на килограмм, а на фунт и пуд. Все торговцы, в том числе и кооперативы, преспокойно вешают на фунты и пуды, перевода в них килограммы. Недавно на общем собрании торговцев зачитывался циркуляр губвнторга о введении метрической системы мер и веса. Комитет рынка предложил торговцам объяснять покупателям, что фунта нет, а имеется килограмм и грамм. Этим, по мнению комитета, можно постепенно отучить покупателей от фунтов и пудов. Но за предложение высказался только один торговец. <...> Фунт и пуд живы. <...> Для окончательного проведения метрической системы губисполкому необходимо издать обязательное постановление, запрещающее продажу на фунты и пуды» (Извращают метрическую систему (Грязи) // ТП. 1927. 2 марта. С. 3. Подпись: Око. Раздел «По нашей губернии»).

С. 143. *На собрания не хожу и ничего не член!* — Эта фраза, как и уточнение в ответной реплике его жены («...член! Обдумал тоже — член!»), появилась на этапе переработки рассказа в повесть (вписаны в *М*); вносят современные акценты в сюжет заглавного героя рассказа «Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства» (1926), к которому восходит история сапожника Захара. Как и Демьян Фомич, Захар занимается «старинным занятием» (Сочинения, 1(1). С. 85), он также философ почти экзистенциального направления. Однако в отличие от активного Демьяна Фомича, судя по рассказу, состоящего в сапожной артели, Захар не входит ни в какие союзы.

После войны сапожное ремесло (изготовление и ремонт обуви) было крайне востребованным, особенно в провинции и селах: «Сапожники на

100% малоземельные и бедные, для 8% их промысел является главным занятием. Работают они 20–25 недель осенью и весной по 10 часов, зимой и летом по 7 часов в день. В среднем мастер выработывает в неделю 3 пары сапог, стоимостью от 14 до 18 руб. Большинство сапожников работают по заказам из сырья заказчиков и получают плату за работу. Сапожники не кооперированы, закупают сырье каждый в одиночку и из наличных средств. Исключение представляют сапожники Аргасовской волости, которые объединены в артель для совместной закупки сырья и сбыта обуви» (*Курточкин П.Т. Кустарно-ремесленная промышленность в сельских местностях Тамбовской губернии по данным обследования 1925 года // Указ. изд. С. 7*). Уже в годы нэпа началось кооперирование кустарных промыслов, однако, несмотря на рапорты и статистические сводки о том, что к 1924 г. все кустарные артели были объединены в уездные и районные Союзы (см.: Статистический справочник по Тамбовской губ. С. 290), в реальности процент кооперирования кустарей в артели составлял только 23%, а в союзы, включая местные и высший орган (Всекопромсоюз), вошли только 13% кустарей (см.: *Середа С. Пути обобществления кустарной промышленности // Правда. 1927. 6 февр. С. 1*). С принятием резолюции пленума ЦК ВКП(б) «О капитальном строительстве промышленности в 1926/27 г.» (см.: *Правда. 1927. 13 февр. С. 3*), требующей связать кустарную промышленность с государственным и кооперативным хозяйством, на повестку дня был поставлен вопрос об «ограничении частных в этой области» (О кустарной промышленности // *Правда. 1927. 5 марта. С. 1*). При этом быстро решить этот вопрос власть не могла, во-первых, потому, что кустарная промышленность занимала большой процент в общем хозяйстве страны, во-вторых, поддержка кустарной промышленности в регионах страны некоторым образом сдерживала рост безработицы в больших городах. Так, на совещании в Наркомземе в январе 1927 г. отмечалось, что «ввиду наличия в области большого количества избыточного труда в деревне разрешено принять все возможные меры к развитию кустарных промыслов», но это временное решение, а «по вопросу о перенаселенности области» совещание пришлось к выводу «о необходимости усиленной разработки вопроса о переселении части крестьянских хозяйств за пределы области» (Восстановление Центрально-Черноземной области // *Известия. 1927. 1 февр. С. 4*).

А что такое утешение, как не мещанство, опороченное Октябрьской революцией? — В ЕШ было убрано слово «Октябрьской». Лирико-философская формула, обнажающая фундаментальную религиозную основу всей кампании борьбы за новый быт и антимещанских сатирических текстов. Утешение в скорби подается Богом и Им обещано, «утешение вечное» в скорби дает Иисус Христос; см.: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения» (2 Кор. 1:3); «Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2 Кор. 1:5); «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4); «Сам же Господь наш Иисус Христос и Бог наш и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благу во благодати» (2 Фес. 2:16).

Искоренение «религиозных эмоций» в сознании человека и народа являлось одной из задач антирелигиозной работы: «Необходимы указания на

реакционный и вредный с точки зрения классовых интересов трудящихся характер религиозной эмоции. Необходимы указания на то, что специфическая религиозная догматика, особая *дисциплина благоговения*, связывающая человеческую мысль, заменяющие критическое отношение к действительности раболепием и страхом и пресмыкательством, есть порождение рабских условий существования трудящихся в буржуазном обществе» (Логинов А. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды (Тезисы к совещанию в Агитпропе ЦК ВКП(б)) // Антирелигиозник. 1926. № 5. С. 15–16).

С. 144. *Центр решил 4 губернии, как раз — и Градовскую, слить в одну область.* — См. выше С. 592–593. В М1 исправление фрагмента было в целом подчинено понижению статуса конфликта с общегосударственного (Москва — Градов) до внутригубернского (Талдомов — Градов); вариант рассказа «Правительство решило 5 губерний, как раз — и Градовскую, слить в одну область» (А) заменяется на: «Губисполком решил 4 уезда, как раз и Градовский, слить в один округ» (М1. Л. 36). Вариант в ЕШ: «Талдомов решил четыре уезда...» (С. 164). В М2 Платонов заменяет «губисполком» на «центр», «уезд» на «губернию», «округ» на «область», однако оставляет без изменения количество губерний — 4, что, с одной стороны, действительно реально соответствовало четырем округам будущей ЦЧО. Однако, с другой стороны, первоначальные 5 губерний также не были чистой выдумкой писателя: директивного утверждения ЦЧО еще не было. В 1925 г. на заседании Оргбюро ЦЧО «Облплану поручено разработать вопрос о включении в состав Ц-Ч области Брянской губ.» (Воронежская коммуна. 1925 г. 8 янв. С. 3). Противоречие с количеством губерний в будущей области так и не будет снято в тексте повести.

И застопорили 4 губернских города... — кому приличествует быть областным? Особенно лотовал Градов. — Судя по информации в местной периодике, право быть центром области не оспаривал у Воронежа только Тамбов, и поэтому именно Воронежу в 1923–1925 гг., несмотря на то, что вопрос об областном центре решен был решен Москвой в его пользу, приходилось не раз доказывать свой столичный статус. За право быть столицей области сражался Курск, в чем его поддерживал Орел (см.: Где быть областному центру (Воронеж или Курск) // Воронежская коммуна. 1925. 26 февр. С. 3. Подпись: М. К.). Орловская же губерния и вовсе сопротивлялась вхождению в состав ЦЧО, более того, в 1925 г. Орловский губисполком отослал в Москву свои предложения по вхождению в состав Центрально-Промышленной области, предлагая Госплану также рассмотреть проект создания особой Северо-Черноземной области с центром в Орле (Дьяконов П. Итоги пленума Оргбюро ЦЧО. ЦЧО и орловцы // Там же. 1925. 4 окт. С. 3).

Он имел четыре тысячи советских служащих, да безработных имелось 2837 человек... — При переработке рассказа в повесть (М1) Платонов уточнял параметры безработицы для уезда и одновременно повышал статус самой проблемы безработицы, являвшейся одним из всесоюзных бедствий этих лет. В первый вариант «Он имел 3 тысячи советских служащих, да безработных чиновников имелось 2 тысячи...» (А) вносятся уточнения: вместо «3 тысяч» вписывается «целую тысячу», снимается отчасти тавтология (вычеркивается «чиновников») и понижается численность просто безработных в уезде: вместо «2 тысяч» вписывается «пятьсот человек» (М1. Л. 37). Исправ-

ления войдут в *ЕШ*. В *М2* данные для уезда выправляются для губернии: «целая тысяча» служащих заменяется на «четыре тысячи», «пятьсот» безработных исправлено на «5237» (Л. 32). В *М3* вносится новое уточнение: «5237» исправлено на «2837» (Л. 33).

В целом общая статистика безработных, предложенная Платоновым, колеблется между данными на январь и март 1927 г. На 1 января 1927 г. Тамбовская биржа зарегистрировала 7883 безработных (Безработица в декабре // *ТП*. 1927. 5 янв. С. 4). На 1 марта на учете биржи числилось 9867 безработных (Безработица в феврале // Там же. 1927. 10 марта. С. 4).

Градовцы спешно приступили к рытью канала, начав его в лопухах слободы Моршевки из усадьбы гражданина Моева. Этот канал должен пересечь четыре губернии и кончиться в устье Волги! Канал тот учреждался для сплошного прохода в Градов персидских, месопотамских и иных коммерческих кораблей. — См. выше с. 614—615. Этот фрагмент был отмечен вопросом Литвина-Молотова на полях (красный карандаш) и несколько раз переписывался Платоновым. При первой переработке текста рассказа в повесть (*М1*) канал радикально менял свое направление: «Этот канал должен пересечь четыре [губернии] волости [и кончиться в устье Волги] пройти у Талдомова и кончиться на границе с Сибирью, дабы [персидским] тамошним купцам было повадно торговать с Градовскими госорганами» (Л. 37). Исправление вошло в *ЕШ*. Однако от этого слишком абсурдного проекта Платонов откажется и вернется к первоначальному, расширив список торговых партнеров Градова и повысив его статус.

Примечательно, что в обоих вариантах сюжета о градовском проекте канала Платонов, пытаясь снять вопрос редактора, убирал упоминание Персии. Скорее всего, Литвин-Молотов не советовал автору иронизировать по крайне запутанному и одновременно острому восточному вопросу, однако Платонов и в первом, и втором случае возвращает Персию. Это ироническая ремарка к собственным идеям мировой революции, в орбите которой вслед за Персией виделась Месопотамия (статья «Новые братья», 1920; см.: *Сочинения*, 1(2). С. 31) и одновременно к современным реалиям отношений СССР и Англии. Градовский проект в целом отражает восточную политику СССР, в которой поддержка освободительной борьбы арабских стран от опеки Великобритании сочеталась с установлением и развитием торгово-экономических отношений, получивших новый импульс в 1926 г. в связи с принятием курса на построение социализма в одной стране. Вопросы торговли СССР с Персией (с 1935 — Иран) и Месопотамией (с 1921 — Королевство Ирак) широко освещались в центральных газетах. Арабские страны действительно искали пути прямой торговли с СССР. В 1925 г. иракские купцы, несмотря на протесты Великобритании, под протекторатом которой находилась их страна, приняли участие в Нижегородской ярмарке (см.: Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 539—541); в конце 1926 — начале 1927 г. со страниц газет не сходит тема участия Персии в Бакинской ярмарке, которая открылась 10 февраля (см.: Льготы Бакинской ярмарки // *Известия*. 1927. 1 янв. С. 1; Перед Бакинской ярмаркой // Там же. 14 янв. С. 1; Персия на повороте // Там же. 16 марта. С. 2. Подпись: *Иранский*; Персия на перепутье // *Правда*. 1927. 16 марта. С. 2. Подпись: *Ирандуст*). Торговля с Северной Персией осуществлялась по водному пути Каспий — Волга.

В Тамбовской губернии одним из лучших «хлебных портов» в XIX в. считался уездный город Моршанск (см.: *Черменский*. С. 72–73), выросший на месте судоходного села Морша (в Моршанском уезде было село Малая *Моршевка*). Моршанск XVIII–XIX вв. славился своим купечеством, каждый четвертый житель Моршанска был купцом, известными купцами стали многие крепостные крестьяне; однако со строительством в 1867 г. железнодорожной ветки Ряжск — Моршанск, моршанская пристань потеряла свое значение и в 1903 г. была официально закрыта (см. об этом: *Озарнов И.А., Федосеева Н.Л., Левин О.Ю.* Моршанск православный. Тамбов, 2010. С. 22–23). То есть при всей коичности этого предложения в нем содержится реалистическое зерно — возродить когда-то знаменитый водный «моршанский караван» и купечество.

О канале губплан написал три тома... — Отсылка к воронежским событиям вокруг строительства Волго-Донского канала. В статье «Река Воронеж, ее настоящее и будущее» (1923), рассказывая о проекте инженера Легуна «связать всю систему р. Дона и его притоков с открытым морем» и идее «прямого водного сообщения» (Воронеж — Константинополь, Неаполь — Задонск), Платонов сообщает, что проекты Легуна будут «доложены Губплану и Губисполкому» (*Сочинения*, 1(2). С. 251). В 1925 г. уже Облплан (Областная плановая комиссия ЦЧО) разрабатывает и отправляет в Москву в Госплан «докладную записку», в которой настаивает на необходимости включить Воронеж в проект строительства Волго-Дон канала, углубив и урегулировав воронежский участок Дона. Подчеркивается, что «присоединение к судоходной системе р. Воронеж» «придало бы Воронежу большое значение и упрочило бы его положение как областного центра» (Еще раз о Волго-Дон канале // Воронежская коммуна. 1925. 14 мая. С. 4. См. об этом же: Судоходство по Дону (из материалов Воронежской товарной биржи) // Там же. 1926. 2 апр. С. 1).

Градовский инженер Паршин составил проект воздушных сообщений внутри будущей области ~ с двигателем, работающим на порохе. — При всей гротесковости этого проекта (двигатель, работающий на порохе), в нем запечатлелся массовый интерес к авиации, чему явно способствовала деятельность Авиахима; с авиационным строительством и развитием воздушных сообщений связывались технический прогресс и хозяйственное строительство. Об этом говорил председатель правительства А.И. Рыков в речи на открытии Всесоюзного съезда Авиахима: «Авиахим организовал большое количество полетов, и теперь есть деревни, население которых не видало еще паровоза, но уже знает, что такое аэроплан. Крестьянство может тягиваться через Авиахим в дело хозяйственного строительства Союза...» (*Известия*. 1927. 20 янв. С. 2). В газетах широко освещается развитие красной советской авиации: создание собственной авиационной промышленности, открытие Академии Воздушного флота, технические изобретения (создание советского мотора для самолетов), позволившие совершить первые «великие перелеты»: в 1925 г. перелет по маршруту Москва — Пекин — Токио, в 1926 — европейский перелет (см.: *Полярный Л.* Авиация и ее рост в СССР // *Известия*. 1927. 16 янв. С. 5).

С. 145. *А что такое губерния? — Контрреволюционная царская ячейка и больше ничего!* — Филлигранно точная формулировка политических целей

административно-территориальной реформы 1923–1928 гг. *Губерния* — высшая единица административно-территориального деления в России, введена в начале XVIII в. Петром I; сохранялась при всех административных реформах XVIII — начала XX в., до 1929 г. Упразднение губерний в СССР началось с 1923 г., когда была образована Уральская область из четырех старых губерний; затем ежегодно учреждалась новая область или край. Постановлением ВЦИК от 14 января 1929 г. были упразднены последние губернии и в целом завершена полная ликвидация губерний по всей стране. Вместе с губернией исчезли уезды и волости, также ставшие устаревшими административно-территориальными понятиями, всецело связанными с дореволюционной Россией.

Бормотов же был уволен старшим инспектором Наркомата РКИ за волокиту... Наркомат РКИ — народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции. В качестве «первоочередных задач» плана ЦКК — РКИ на 1926/27 г. значилось: «Пересмотр системы управления должен быть произведен в кратчайший срок...» (Резолюция по докладу тов. Орджоникидзе «Об очередных задачах ЦКК» // Правда. 1927. 12 янв. С. 3; Известия. 6 февр. С. 3). В Тамбовском ГЗУ уже после отъезда Платонова также вскоре произойдут кадровые перемены, 1 июля 1927 г. от своей должности будет освобожден заведующий АФО А.А. Буданцев.

С. 146. *Наконец, через 3 года после областной войны, пришло постановление Москвы...* — Пик «областной войны» в новообразующейся ЦЗО приходился на 1925 г. Все четыре губернии были ликвидированы в июле 1928 г. См. выше с. 592–593.

«...перечислить в заштатные города, учредив в нем сельсовет, переместив таковой из села Малые Вершины». — *Заштатный город* — безуездный город, населенный пункт в Российской империи, пользовавшийся правами города, но не являвшийся центром уезда. То есть статус губернского Градова понижается даже не до уезда (современного района), а до центра прежней волости (современного села с сельсоветом). Подобным же образом наказан «древлерусский» центр Воронежской губернии — уездный город Задонск, где находился знаменитый Задонский Богородицкий монастырь, в котором покоились мощи св. Тихона Задонского (монастырь закрыт в 1918 г.; уезд ликвидирован в 1924 г.). См. начало рассказа «Экономик Магов» (1926): «В бывшем городе Задонске (теперь там сельсовет)...» (*Сочинения*, 1(1). С. 68).

Сельсовет, сельский совет — первичный орган советской власти; учрежден в ходе ликвидации низших административных и земских органов самоуправления на основании постановления Совнаркома от 24 декабря 1917 г. «Об органах самоуправления». Порядок образования и деятельности сельсоветов определен в Конституции 1918 г. и регламентировался последующими законодательными актами: положениями ВЦИК «О сельских Советах» (от 15 февраля 1920 г.) и «О сельских Советах» (от 26 января 1922 г.), «Положением о сельских Советах» (от 16 октября 1924 г.) По положению 1922 г. сельсоветы образовывались в населенных пунктах, насчитывающих не менее 400 жителей.

Название придуманного топонима Малые Вершины корреспондирует с реальными названиями сел и деревень Тамбовского уезда одноименной гу-

бернии: Смольная Вершина, Крутая Вершина, Лазинская Вершина, Вольная Вершина, Денисова Вершина, Журавлиная Вершина (см.: Список сельских обществ и частей селений Тамбовской губернии. Тамбов, 1904).

СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК (с. 147). — СЧ. С. 5–138; ПМ. С. 99–176.

Источники текста:

Автограф, с датировкой «9/IV–24/V 1927 г.» на последней странице (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2–64).

Авторизованная машинопись 2–9 глав с пометами Г.З. Литвина-Молотова (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1–67).

Верстка отдельного издания повести из архива ГИХЛ (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7426. Л. 1–67).

Датируется апрелем — маем 1927 г.

Печатается по автографу с учетом последующей стилистической правки и исправлений пунктуации.

Автограф повести написан простым карандашом, за исключением текста на л. 2–2 об., выполненного черными чернилами. В верхней части л. 2 вычеркнуто первоначальное название повести «Страна философов» и эпиграф «Бедность — аномалия. Форд». Новое название — «Сокровенный человек» — вписано карандашом, одновременно с ним введена сноска, называющая «настоящих авторов» повести (о вариантах сноски см. далее примеч. к с. 147). Правка автографа осуществлялась в два этапа, сначала по ходу написания повести — карандашом и позднее, уже после напечатания машинописи, — чернилами. К автографу приложен титульный лист с названием повести и записью Платонова: «В Молодую гвардию для книжки: 1) Эф<ирный> тракт, 2) Лун<ные> изыск<ания>, 3) Сокровен<ный> человек, около 10–11 лист<ов>, которая должна выйти через 3 недели, согласно типографской и редакционной науки и техники <sic!>». На этом же листе имеются записи Г. Литвина-Молотова: «За счет автора — сдельная работа на машинке», «по договору Платонов А. — Настоящие люди» (Л. 1).

Часть текста повести выполнена на чистой стороне листов, вынутых из машинописей рассказов «Ледобой» (страницы 5, 4, 3, 2, 1, 4 на оборотах листов 31–36), «Родоначалники нации» (страницы 4, 3, 4, 3 на оборотах листов 52–53, 56–57), «Память» (страница 3 на обороте листа 55) и статьи «Огни Волховстрой» (страница 4 на обороте листа 54).

С автографа были выполнены машинописные экземпляры (стандартная закладка, включающая, как правило, 3–4 копии), один из которых сохранился в РО ИРЛИ. Отличительной чертой этой машинописи является отдельная нумерация страниц глав 2 и 3 (соответственно страницы 1–24 и 1–8), а также глав 4–6 и 7–9 (в обоих случаях страницы 1–17). Эта нумерация, проставленная в верхнем правом углу листа, появилась, вероятно, в связи с тем, что рукопись была роздана для срочного перепечатывания нескольким машинисткам одновременно. Учитывая наличие помет Литвина-Молотова на полях этой машинописи, можно предположить, что перепечатка осуществлялась в редакции издательства «Молодая гвардия». Сквозная нумерация листов была выполнена позднее, вручную, по центру верхнего поля; всего машино-

пись включала 79 страниц. В ней Платоновым были исправлены опечатки и сделаны единичные стилистические исправления, не воспринятые более поздними источниками.

В верхнем правом углу титульного листа машинописи проставлены регистрационный номер 2863 и дата «16/VI–27 г.», исходя из которой можно заключить, что именно эта рукопись была передана Платоновым редактору отдела прозы журнала «Новый мир» Н. Замошкину с просьбой «рассмотреть посылаемую рукопись и, если она подойдет, то напечатать всю повесть в “Новом мире”» (Письмо от 14 июня 1927 г. // *Письма*. С. 221). Попыткой сотрудничества с «Новым миром» можно объяснить и утрату 1-й главы машинописи. По прочтении повести Замошкин сообщил ее автору о заинтересованности журнала в коротких рассказах, на что Платонов предложил «самостоятельно» пустить отрывок из повести как рассказ (Письмо от 12 июля 1927 г. // *Письма*. С. 235–236). В таком случае 1 глава могла быть оставлена в редакции журнала в надежде на возможную публикацию.

Платонов и сам, не дописав еще повесть, попытался превратить ее первую часть (от слов «На станции Грязи снегоочистителю вручили приказ» до конца части) в рассказ «На снегоочистителе в 1919 году» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 12). Машинопись этого рассказа точно соответствует автографу повести, за исключением того, что часть карандашной правки автографа в ней не учтена. Благодаря этому удается установить, что Платонов правил рукопись карандашом более одного раза, с существенным временным интервалом.

После напечатания машинописи Платонов вновь обратился к автографу и уже чернилами внес в текст несколько стилистических исправлений, воспроизводимых затем во всех последующих печатных изданиях. Изменения вносились в автограф одновременно с внесением их в неизвестные нам машинописные экземпляры первой распечатки, которые далее и были задействованы в издательском процессе. Именно из машинописи в опубликованный текст *СЧ*, *ПМ* и верстку *ГИХЛ* перешли, например, такие разночтения с автографом, как: «все сидели в *темноте* и духоте» вместо «все сидели в *тесноте* и духоте» (Л. 22 об.); «обязательно *ему* и Шаню на дно пустить» вместо «обязательно *еще* и Шаню на дно пустить» (Л. 27 об.); «ведь он *на корабли* бежит» вместо «ведь он *на корабле* бежит» (Л. 28 об.); «и *крепко* выразился обо всем» вместо «и *кратко* выразился обо всем» (Л. 42).

Единичные стилистические исправления текста писатель осуществлял и позднее, на этапе непосредственной подготовки повести к очередной публикации, однако источники, в которые они вносились (машинописи, экземпляры верстки или, возможно даже, печатный текст *СЧ*), в настоящее время неизвестны. В целом текст повести из раза в раз воспроизводился без существенных изменений.

Что касается предлагаемой автору извне идеологической правки, таковой является редаKTура в *ПМ* и верстке *ГИХЛ* двух (из четырех) упоминаний о Л. Троцком, а именно его положительной характеристики в рассказах главного героя. Так, в *ПМ* в предложении «...и рассказывал им о Троцком, которого никогда не видел: — Речистый мужчина и собою — полный герой!» прямая речь Пухова сокращена, точка поставлена на месте двоеточия. В верстке *ГИХЛ*, набранной по *СЧ* и, следовательно, игнорирующей правку

ПМ, вместо «о Троцком» вписывается «о командире южфронта товарище Фрунзе» (Л. 21 об.). Аналогичные изменения происходят с фразой «...я и вернись из-под Крыма на “Герое Троцком” — пароход такой есть». В *ПМ* предложение заканчивается после слов «из-под Крыма»; в верстке *ГИХЛ* «на “Герое Троцком” — пароход такой есть» исправляется на «на “Герое Томском” — пароход такой есть, а героя нету» (Л. 51). Очевидно, что корректировка оценки личности Троцкого в конце 1920-х — начале 1930-х гг. была неизбежна: уже в ноябре 1927 г. за свою оппозиционную деятельность он был исключен из ВКП(б), в январе 1928 г. отправлен в ссылку в Алма-Ату, в 1929 г. выслан из СССР в Турцию. Исправление текста в верстке *ГИХЛ* выполнено, безусловно, более искусно, чем в *ПМ*. В сравнении с бывшим наркомом по военным и морским делам (1919–1925) и председателем Реввоенсовета страны (до 1925 г.) Троцким, профсоюзный лидер М. Томский, почти бессменный председатель ВЦСПС с 1919 по 1929 г., мог быть назван героем лишь с огромной натяжкой. Вместе с тем, выбрав для замены одинаковую по длине и отчасти созвучную фамилию, Платонов некоторым образом оставил в тексте намек на замалчиваемого «героя».

Серьезный подход к теме героического потребовал в *ПМ* еще одного исправления: название награды, якобы полученной Пуховым за его военные подвиги, «Красный Георгий» было изменено здесь на «Красный герой» (см. ниже с. 660).

Несколько исправлений текста, осуществленных при публикации *СЧ* и *ПМ*, были связаны с произнесением ругательств и даже с упоминанием об их употреблении персонажами. Так, при подготовке *СЧ* вариант автографа «Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выражались, на каком-то самодельном языке, обнажая живую сущность и причину человеческого языка» (Л. 5 об. – 6) был изменен на «Остальные люди на паровозе и на снегоочистителе грубо выражались, сразу обнажая задушевные мысли» (С. 12), и далее в таком виде закрепился в *ПМ* и верстке *ГИХЛ*. Из *ПМ*, кроме того, была исключена фраза «Какого х... мучиться ~ закрыл регулятор» (Л. 6), а «Расчистим, едрена мать, сталь режем...» (Л. 7 об.) исправлено на «Расчистим, сталь режем...» (С. 106).

Вполне возможно, что отмеченные выше исправления *ПМ* могли быть осуществлены без непосредственного участия Платонова, хотя и с его ведома. Корректоры *ПМ* и в целом были активнее в своих действиях, чем в случае с *СЧ*: вносили больше пунктуационной правки, четче подходили к правописанию частицы не с различными частями речи. По неизвестным причинам в *ПМ* в ряде случаев было изменено время глаголов, чаще всего с настоящего на прошедшее: «метель *стихла*» вместо «метель *стихала*»; «объяснили красноармейцы» вместо «объясняли красноармейцы»; «ничто не *стукнуло*» вместо «ничто не *стукало*»; «и жизнь для него *протухла*» вместо «и жизнь для него *протухала*»; «удружил его Зворычный» вместо «удружал его Зворычный»; «куски *вонзились* в головы» вместо «куски *вонзались* в головы» т. п. Именно в публикации *ПМ* в начале 6-й части была исправлена путаница с именем Зворычного: еще в автографе Платонов в этом месте незаметно для себя переименовал его из Петра в Михаила, и эта ошибка не была замечена при подготовке *СЧ*.

Как ни странно, при всем том в *ПМ* отмечается и большее количество опечаток: «намялся» вместо «намаялся», «чувство-то понимаешь» вместо «чувство-то поминаешь», «тяжело вздыхал» вместо «тяжко вздыхал»; «какое-то странное чтение» вместо «какое-то старинное чтение» и т. п. Похаринские мастерские названы Пожаринскими, а генерал Любославский при первом упоминании поименован Либославским, во второй раз — Любовским.

Судя по авторской датировке, повесть была написана всего за полтора месяца, и притом сразу же практически начисто. В письмах Платонова из Тамбова не содержится никаких упоминаний, предвещающих появление подобного произведения, следовательно, время от возникновения замысла повести до его воплощения также было очень небольшим. Можно предположить, что накануне 10-летия Октябрьской революции идея произведения о Гражданской войне была подсказана Платонову Литвиным-Молотовым, связывавшим литературное признание и успех своего протеже с реалистическим направлением в его творчестве. Примечательно, что единственный документальный источник, использованный Платоновым при написании повести, также имеет непосредственное отношение к Литвину-Молотову. За основу глав, посвященных морскому десанту, взяты материалы «Известий Кубано-черноморского областного комитета РКП(б)» от 7 ноября 1921 г. (№ 15) — статьи «Живая легенда» (авторы М. Эпштейн и Лейтес; С. 65–68) и «Самурай революции» (Е. Тольский; С. 68–72). В 1921 г. редактором этого периодического издания был именно Литвин-Молотов. (Впервые об этом см.: *Шубина Е. Д.* Созерцатель и делатель // *Воспоминания*. С. 142–143). Случаи заимствований из обеих статей приводятся далее в построчных примечаниях (последовательное полное сопоставление текста повести с первоисточником см.: *Антонова Е.* О некоторых источниках прозы А. Платонова 1926–1917 гг. // *Страна философов*, 2000. С. 470–483). Интересно, что в реальности в этом крымском десанте участвовали такие известные лица, как будущий писатель В. В. Вишневский и будущий полярник и контрадмирал И. Д. Папанин, описавший события десанта в воспоминаниях «Через море на помощь бойцам Перекопа» ([Симферополь]: Крымгиз, 1940), вошедших затем в состав сборника «Перекоп» (М.; Л., 1941. С. 82–93). Однако, поскольку в указанных статьях «Известий» Кубчеробкома никакие конкретные фамилии участников десанта не назывались, невозможно сказать, довелось ли когда-нибудь Платонову узнать об этом факте.

Другим важнейшим источником повести стали собственные воспоминания Платонова об эпохе военного коммунизма в Воронеже и губернии: о борьбе со снежными заносами на железной дороге, участии отряда железнодорожников в противостоянии наступающим на город частям Мамонтова, хозяйственной разрухе и работе железнодорожных мастерских. Выбор, в качестве центрального, сюжета, связанного со взятием Перекопа, также был не случаен: летом и осенью 1920 г. тема борьбы с Врангелем не сходила со страниц центральной и местной периодики, и сам Платонов писал по этому поводу множество неистовых статей-передовиц для воронежской «Красной деревни». Уже в 1920 г., в связи с текущим военным положением, занимала внимание Платонова и тема бакинской нефти, см. в его статье «Не ослабляй усилий» (27 ноября): «...для нас сейчас огромное значение приобретает

нефть, которая крайне необходима нашей промышленности. А богатейшие месторождения ее находятся в Баку. Поэтому-то союзники и протягивают теперь свои руки к некоторым местностям Кавказа. В частности, они путем соглашения с грузинскими меньшевиками хотят взять в свои руки порт на Кавказском побережье, Батум, чтоб оттуда легче было захватить бакинскую нефть. Но получить ее они так и не сумеют».

Автобиографичность образа Пухова во многих его аспектах непосредственно подтверждается дарственной надписью автора на книге *СЧ*: «Дорогой супруге от Ф. Пухова. Похаринск, 8/V 1927». Датировку здесь, конечно, следует воспринимать символически, поскольку к указанной дате книга не только не была издана, но и работа над повестью была далека от завершения, однако это никак не влияет на достоверность сделанного признания.

Осмысляя материал, легший в основу повести, можно без особой натяжки утверждать, что «Сокровенный человек» был создан Платоновым в русле его собственного метода литературного творчества, изложенного в статье «Фабрика литературы» (см. с. 364–365 наст. изд.).

Важной особенностью повести является то, что, располагая реальные события в художественном пространстве текста, Платонов позволил себе придерживаться хронологии с очень большой долей условности. Несмотря на то что произведение касается сравнительно недавнего для автора прошлого, время действия не поддается точному определению. Повесть начинается в разгар зимы, и, судя по тому, что на одном из этапов создания текста из его первой части был выделен рассказ «На снегоочистителе в 1919 году», эти события в авторском восприятии как раз и ассоциируются с 1919 годом. Военные реалии начала повести, — упомянутое расстояние от линии фронта до железной дороги, появление казачьего разъезда, — также соответствуют ситуации, сложившейся в Воронежской губернии в конце 1919 г. Тем не менее после перемещения снегоочистителя в Лиски, занявшего от силы несколько дней, речь заходит о наступлении весны («весна уж в ширинку дует»), и это весна именно 1920 г., поскольку, как будет видно дальше, в этом же самом году Пухов примет участие в новороссийском десанте, состоявшемся в ноябре 1920 г. Хронологическая невятность начала повести не ускользнула и от внимания Литвина-Молотова — на 19-й странице машинописи *ИРЛИ* сохранилась следующая его помета: «Значит это 1920-й год? Тогда почему около Лисок казачий разъезд? *Хронология!*» Далее — «через неделю» — Пухов из Лисок отправляется в Новороссийск, куда едет «долго и трудно», задержавшись опять-таки на неделю в Екатеринодаре, потому что «шел где-то бой». Если попытаться связать Екатеринодарскую задержку Пухова с реальными событиями Гражданской войны, получается, что в этот момент действие повести происходит не ранее конца марта, вероятнее всего, в апреле, а в самом крайнем случае — в августе 1920 г. (см. ниже с. 646–647). Как бы то ни было, выехав из Екатеринодара, Пухов появляется в Новороссийске почти накануне десанта, т. е. в начале ноября 1920 г. После неудавшегося десанта герой остается в Новороссийске четыре месяца, следовательно, дата его отбытия с Черноморского побережья приходится на март 1921 г. Однако, когда речь заходит о появлении Пухова в Баку, оказывается, что уже наступила середина осени — октябрь. Таким образом, в очередной раз практически неощутимо исчезает промежуток времени длиной около полугода. Про-

быв в гостях у матроса Шарикова немногим более недели, Пухов отправляется на родину проездом через Царицын и все неопределенно долгое время этого путешествия длится осень: в Царицыне гололедица и идет «осенний холодный дождь», а путь из Царицына в Похаринск, — фактически Воронеж, — приходится будто бы на «последние дни перед снегом». Тем не менее во время сражения отряда железнодорожников с вражеским бронепоездом зима все еще не наступает, а описания природы создают впечатление скорее начала осени, а вовсе не ее конца, что закономерно, поскольку нападение на Похаринск в действительности представляет собою перенос событий сентября 1919 г. на конец 1921 г. Одновременно с этим на конец 1921 г. распространяются и реалии периода продразверстки.

После вооруженного столкновения в Похаринске условность хронологии перестает быть столь явной, поскольку биографию героя не приходится больше соотносить с конкретными событиями Гражданской войны. Если учесть дальнейшее чередование времен года, действие повести заканчивается в первой половине 1922 г. По сути, основной хронологической метой в этом произведении и является указание на времена года, в большинстве случаев словно бы приводимые в соответствие с внутренним состоянием героя. Если бы морской десант не имел жесткой привязки к дате взятия Перекопа (13 ноября 1920 г.), повесть, пожалуй, оказалась бы лишеной единственного незыблемого временного ориентира. Отдельный вопрос представляют собой причудливые географические маршруты главного героя, накладывающиеся на эту хронологическую невянтицу, см. ниже с. 656.

Платонов писал «Сокровенного человека» одновременно с публикацией Л. Леоновым романа «Вор» (*Кр. новь*. 1927. № 1–7), на фоне споров «интуитивистов» и «рационалистов» по поводу вышедшей в январе 1927 г. книги рассказов Вс. Иванова «Тайное тайных». В 1928 г., все еще оставаясь невидимкой для «большой» литературной критики, Платонов со своим «Сокровенным человеком» благополучно остался вне каких-либо критических баталий, и лишь после выхода третьей книги прозы, в 1930 г., критик Р. Мессер, ошибочно включая Платонова в ряд «молодых писателей, выдвинувшихся в течение 1929 года», справедливо указала на его концептуальное родство с Леоновым и Вс. Ивановым: «Торжество стихии над человеком и самая концепция “мелкого человека” есть прямой поворот назад к Леониду Леонову, к Всеволоду Иванову, к торжеству мелкобуржуазного сознания, которое не видит социальных сдвигов пролетарской революции, не видит классовой борьбы. Оно видит лишь торжествующую природу и растерянного “мелкого человека”» (Попутчики второго призыва // Звезда. 1930. № 4. С. 207–208).

Если соотношение произведений Платонова и Иванова в том, что касается осмысления «сокровенных», не до конца осознаваемых самим человеком, глубин душевной и духовной жизни, возможно осуществлять преимущественно в идейном поле, то связь с леоновским «Вором» отразилась даже в скрытой однофамильности героев. Вводя на страницы повести героя по фамилии Пухов, Платонов не мог не знать о народном философе и мастеровом Емельяне Пчове из «Вора». Как сообщается в романе, Пчовым этот персонаж стал после того, как его настоящая фамилия Пухов была неправильно изображена на вывеске мастерской. Примечательно, что изначальная фамилия Пчова упоминается лишь однажды, в самом начале романа, так

что в конечном итоге данное совпадение Платонова с Леоновым не становится навязчиво очевидным. Платонов и сам находит случай «поиграть» с фамилией своего героя: сохраняя в неприкосновенности имя и отчество, превращает Пухова в Ухова в «Отчете хроникера» вымышленного Московского общества потребителей литературы (см. с. 261 наст. изд.). Еще об одной точке соприкосновения Платонова и Леонова — присутствии фигуры С. Есенина в орбите указанных произведений — свидетельствует первоначальный вариант заглавия повести «Страна философов», воспринимающего как антиномичный отзвук есенинской «Страны негодяев».

В орбиту «Сокровенного человека», безусловно, попадает и творчество таких писателей, как Д. Фурманов («Чапаев», 1923; «Мятеж», 1925) и Л. Рейснер («Фронт», 1924), не случайно их творческий метод уже в 1926 г. заслужил одобрительное упоминание Платонова в статье «Фабрика литературы»: «Вот был Фурманов, жила Рейснер — они правильно прощупывали то, что должно быть: они, живя, борясь, странствуя, получали дары жизни и ими возвратно одаряли литературу, тонко корректируя получаемые дары своей индивидуальной душой, без чего не может быть настоящего искусства. Искусство получается в результате обогащения руд жизни индивидуальностью художника. Фурманов был военным политработником, Рейснер революционеркой, странницей, а *потом* они уже были писателями» (см. с. 363 наст. изд.).

Примечательно, что книга Рейснер «Фронт» объединила в себе ранние очерки писательницы времен Гражданской войны, запечатлевшие боевой путь Волжской флотилии в 1918–1920 гг. Есть, в частности, в этой книге и глава, посвященная переходу Астрахань — Баку, дающая читателю живописный образ нефтеносных приисков, только что перешедших в распоряжение советской России: «Только земля не знает тревоги. Ей стало легко — и блаженно спокойно. От закрытых нефтяных источников отвалили, наконец, камни, и из черных недр хлынули набухшие потоки. Как мать с переполненной грудью, ждала она Россию, и теперь, когда к ее черным сосцам припали тысячи жадных губ, она дает бесконечно много, счастливая, раскрепощенная, вечно молодая земля. По толстым жилам-нефтепроводам живая влага хлещет в резервуары, — и корабли не успевают вывезти миллионы и миллионы пудов» (*Рейснер Л.* Собр. соч.: в 2 т. М., 1928. Т. 1. С. 117).

На подступах к «Сокровенному человеку» Платоновым была прочитана также и «Конармия» И. Бабеля (вышла отдельным изданием в 1926 г.). Особое внимание к этой книге обуславливалось тем, что 1-й конный корпус Буденного, на основе которого 17 ноября 1919 г. была сформирована 1-я Конная армия, в октябре 1919 г. участвовал в освобождении Воронежа, занятого частями корпуса генерала Мамонтова. О впечатлении, произведенном «Конармией», можно судить хотя бы по тому, что имя ее автора попадает в собственные тексты Платонова: рассказ «Лунные изыскания» и статью «Фабрика литературы», где сочинения Бабеля не без иронии характеризуются как «диалектика авторской души в социальной оправе».

С немалой долей вероятности можно предположить, что в повести различимы отзвуки «Сентиментального путешествия» В. Шкловского, которое представляет собой воспоминания о странствиях автора в 1918–1923 гг. и, в частности, содержит выразительные картины дальних переездов по железным дорогам страны: «Поезд стоит. Влезаем. Холодно. С нами вместе едут

инвалиды с мешками: в то время инвалидам разрешали в России возить провизию, это было для них как бы рента <...> Доехали до какой-то станции, видим пассажирский поезд. Народ набит, напрессован. Лезут в окна, а это опасно, могут снять сапоги, пока влезаешь. Я ехал сперва на буферах; люди на крышах в изобилии; течет Россия медленно, как сапожный вар, куда-то»; «Поезд шумел. Стучали в теплушку. Лезли в щели, всовывали проводникам в руки деньги. <...> Поезд наполнялся людьми и стал похожим на красную колбасу. И вдруг, без звонка и не подходя к станции, снялся с места и поехал <...> Ехали, становились, вылезали, опять ехали. В первые сутки проехали 11 верст. Больше сидели рядом с поездом на траве <...> Я еду по своей звезде и не знаю, на небе ли она, это фонарь в поле, а в поле ветер» (*Шкловский В. Сентиментальное путешествие*. Л., 1924. С. 47, 82).

Осмывлив литературные опыты этих и других своих современников-писателей (напр., «Падение Даира» А. Малышкина (1923), «Реки огненные» А. Веселого (1923), «Разгром» А. Фадеева (1926) и др.), Платонов создал глубоко самобытное произведение о Гражданской войне, затрагивающее все главные темы послереволюционной литературы. Это не только проблема независимой, способной к критичному мышлению личности, представленной в качестве главного героя (Фома Пухов), но и проблема бытования народных «масс», «множеств», взметенных вихрем революции (красноармейцы, мешочники и прочие безымянные пассажиры «поезда неизвестного назначения»), проблема интеллигенции и белого офицерства (Леонид Маевский).

Как уже отмечалось, отдавая автограф повести на перепечатку, Платонов видел «Сокровенного человека» напечатанным под одной обложкой с фантастическими «Эфирным трактом» и «Лунными изысканиями», однако эта комбинация, задуманная им в рамках неизвестного нам договора «Настоящие люди», не состоялась. Из письма Платонова жене от 14 июля следует, что к середине лета с «Молодой гвардией» уже был заключен новый договор на книгу под названием «Сокровенный человек» (*Письма*. С. 238). 29 августа, заказывая машинопись только что законченной повести «Ямская слобода», Платонов указал: «За мой счет — по договору № 1944 Сокровенный человек», следовательно, к этому времени определен уже и состав будущей книги, вышедшей из печати в январе 1928 г.

Подробности второго книжного издания «Сокровенного человека» в *ЛМ* неизвестны. Можно предположить, что к этой книге имело отношение напечатанное в «Литературной газете» от 8 июля 1929 г. (С. 3) сообщение о том, что издательство «Федерация» «приняло для издания» книгу Платонова «Русские повести».

Сотрудничая в 1928 г. с «Молодой гвардией», Платонов попробовал обратиться со своей повестью не только в «Новый мир», но и в «Красную новь» (см. письмо А. Воронскому от 18 июня // *Письма*. С. 223). Ни одно из этих обращений не дало желаемого результата, но в своем письме Горькому от 11 августа Воронский счел возможным одобрительно упомянуть о «Сокровенном человеке»: «Мне нравится Андрей Платонов, он честен в письме, хотя еще и неуклюж. У меня есть его повесть о рабочем Пухове — эдакий русский Уленшпигель, — занятно» (Там же).

Из письма, посвященного начатым Платоновым позднее «Строителям страны», можно узнать и о впечатлении, которое «Сокровенный человек»

произвел на Литвина-Молотова: «Я не могу говорить о новой вашей повести <“Строители страны”> вне сравнения ее с предыдущей повестью “Сокровенный человек”. Последняя возбуждает по прочтении ее какое-то особенное здоровое чувство, в ней вместе с ростом Пухова растет и это чувство у читателя, героика, данная в повести, несмотря на неудачи в концах героических начинаний, передает дух прошедшей эпохи и не сдирает с нее кожу. <...> Скептицизм Пухова не переходит в отчаяние...» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 12–13 об.; *Воспоминания*. С. 218).

В печати первый, полупрофессиональный, отзыв на книгу *СЧ* дал некто Карамоленко 31 января 1928 г. в газете «Молодой ленинец» (С. 5). По его мнению, первая из двух вошедших в книгу повестей была хуже. «Верное и часто живое изображение людей и быта 1920-х годов» в ней портили такие недостатки, как растянутость («автор, стремясь к точному воспроизведению событий, загрозоздил ее множеством лишних эпизодов, ничего не дающих для выяснения личности героев») и неровность языка. Пухова рецензент характеризовал как «шкурника и бузотера», плохо разбирающегося в политике, но любящего свою работу и способного «под давлением обстоятельств совершить революционные подвиги».

В 1928 и 1930 гг. о «Сокровенном человеке» высказались также шесть профессиональных критиков: Ф. Жиц (*ВМ*. 1928. 10 февр. С. 3), М. Сокольников (*МГ*. 1928. № 3. С. 205), Н. Замошкин (*НМ*. 1928. № 3. С. 269–270), Л. Левин (Резец. 1930. № 7. обложка 2), М. Майзель (*Ошибки мастера // Звезда*. 1930. № 4. С. 195–202) и Раиса Мессер (Там же. 1930. № 4. С. 207–209). Примечательно, что два основных рецензента 1928 г., Сокольников и Замошкин, имели возможность читать повесть до ее выхода в свет. Подробности личного общения Платонова и Сокольникова неизвестны, но об их тесном сотрудничестве во время подготовки *СЧ*, свидетельствует дарственная надпись писателя на экземпляре книги: «Мих<аилу> Порф<ирьевичу> Сокольникову — инженеру этой книги от ее чувственного создателя. Андрей Платонов. Янв. 1927» (А.П. Платонов в печати (1922–2009). Воронеж, 2011. С. 22; надпись, скорее всего, была сделана сразу после выхода книги, ошибочное указание года — 1927 вместо 1928 — можно отнести на счет автоматизма написания даты, выработанного в только что завершившемся году).

Интересно, что в 1930 г. на выход *ПМ* откликнулись исключительно критики Ленинграда, причем статьи Майзеля и Мессер вышли под обложкой одного журнала. В статье Мессер творчество Платонова рассматривалось наряду с творчеством целого ряда других писателей, но еще до того этим критиком была написана отдельная рецензия на *ПМ*, предназначавшаяся для журнала «На литературном посту» (РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. 1405. Л. 7). По неизвестным причинам данная рецензия не была опубликована, но основные ее положения перешли в публикацию «Звезды» без изменений.

В оценке главного героя повести критики явили полное единомыслие, о чем свидетельствует использование одних и тех же или синонимичных определений, см.: «недисциплинированный мечтатель», «острослов», «скептик», в нем «бездна сил, энергии и сметки, но анархически бесформенных и рассеянных» (*Жиц*); «чудак и оригинал», «ограниченный в умственном развитии» (в смысле не достаточно политически грамотный), «не вполне проле-

таризованный» (*Сокольников*); «анархическая смутная натура», «мятежная фигура рядового пролетария», «сырой человек в революции» (*Замошкин*); «мелкобуржуазный индивидуалист», «анархическое сознание», «сторонний наблюдатель», «человек, идущий стороной», «вечный бродяга и чудак» (*Левин*); «полуанекдотический персонаж», который действует «сомнамбулически, толкаемый своеобразной авантюристической любознательностью», «лишний человек, воспринимающий события революционной действительности по их касательным, периферийным линиям», он находится «на пути от стихийности к планомерности» (*Майзель*); «искатель приключений, враль, забияка», «стихийник, растерянная душа», «живет вслепую» (*Мессер*).

Примечательно, что сразу трое критиков — Жиц, Замошкин и Майзель — использовали для характеристики Пухова формулу, взятую непосредственно из текста повести — «не враг, но какой-то ветер, дующий мимо паруса революции», двое последних дополнили ее и другим платоновским определением — «кустарь советской власти».

Главным отличием критических отзывов 1928 и 1930 гг. является отношение к автору и герою. В 1928 г. оно было вполне благожелательным. Критики явно симпатизировали герою, а сам Платонов представлялся им перспективным автором, решающим в своей повести определенную художественную задачу:

«У Платонова свой особый голос, свои интонации, своя манера письма, и этим самым материал общего писательского потребления — гражданская война — делается его собственной неповторимой темой. При наличии подлинного мастерства — старые, давно знакомые вещи начинают казаться впервые показанными и оформленными... Автор, по-видимому, усердно работает над стилем... и сейчас уже Платонов овладел *тайной детали* — умением показать сущность вещи через наиболее характерную для нее *подробность*» (*Жиц*);

«Повесть Платонова “Сокровенный человек”, открывающая новый его сборник, принадлежит к тем важным сейчас произведениям, которые заняты разработкой вопроса о живом человеке и революции. <...> Написана повесть крепким (правда, не без шероховатостей) языком, полным метких народных оборотов, с удачным использованием местного краевого диалекта. Образы и сравнения Платонова органически слиты с рабочим мироощущением. <...> Следует отметить у Платонова и то, что свое повествование он хорошо умеет сочетать с живым, безыскусственным, иногда от этого чуть тяжеловатым, житейским юмором. <...> Книга «Сокровенный человек» обнаруживает несомненное и оригинальное дарование в молодом авторе» (*Сокольников*);

«У А. Платонова следует отметить упорное стремление быть серьезным писателем. Он движется по линии наибольшего художественного сопротивления, иногда даже искусственно создавая на своем пути препятствия. Все время кажется, что писатель изнемогает в попытках показать “тайные тайных” своих, не совсем обычных героев. ...от самого замысла (а отчасти и от его разрешения) показать мятежную фигуру рядового пролетария в испепеляющие годы гражданской войны веет какой-то подлинной корневой правдой. Повесть, несмотря на свою языковую и композиционную корявость и безнадежные промахи и даже нелепости в изображении, например, всех батальных эпизодов, — все же подкупает какой-то скрытой силой и убедит-

тельностью. А. Платонов пишет всерьез, ищет новых точек зрения на предмет, копается в самых основаниях душевной и социальной жизни. <...> Питая страсть к философствованию и иронии, А. Платонов никогда не бывает бесстрастным и не пишет “просто так”. Все у него неуклюжее, дубовое, но свое, добытое своей силой. И может случиться, что при дальнейшей художественной работе его “сокровенные” думы принесут вполне зрелые плоды» (*Замошкин*).

В 1930 г. в отзывах на «Сокровенного человека» слышится отчетливое эхо недавно отгремевших критических кампаний по поводу «Че-Че-О» и «Усомнившегося Макара». Критики единодушно указывают на тождество автора и его героя, предъявляя тому и другому серьезные претензии:

«Писатель не может возвыситься над идейным уровнем своего героя... писатель, владеющий несомненно высокой культурой, идейно далек от современности. Революцию он видит глазами мелкобуржуазного индивидуалиста Пухова, вечного бродяги и чудака» (*Левин*);

«Среди различных видов мелкобуржуазных шатаний, недовольств, отходов от столбовой дороги пролетарской революции замаскированный анархо-индивидуализм — излюбленная форма. Именно к ней прибегает А. Платонов, и это ему не удастся скрыть, несмотря на все его большое мастерство. И несмотря на все отмеченные идеологические провалы Платонова, мы решаемся думать, что это рабочий писатель. Но это рабочий, в котором окурковский одиночка-правдоискатель не преодолен классовым пролетарским сознанием. <...> Как окуровец-правдоискатель он не спаян с коллективом, любовно конструирует собственную доморощенную философию, любит праздное мудрствование, индивидуалистичен и склонен к анархизму. На том же корню в основном взошли Никифоров и Ляшко. Но в Никифорове цеховой мастеровой и окурковский правдоискатель преодолены классовым сознанием. В Платонове они не преодолены и объективно грозят антипролетарским вырождением. Выпрямление творческой линии Платонова может произойти или путем полного изжития черт окуровца, или путем развития черт цехового мастерового до степени нового качества — классового сознания пролетариата. Дальнейшее успешное развитие творчества писателя представляется нам единственно возможным через решительный пересмотр всей его идейной системы» (*Майзель*);

«Творческий метод Платонова реакционен, потому что реакционна его классовая идеология, идеология той части мелкобуржуазной интеллигенции, которая стоит перед пролетарской революцией и не видит ее подлинного смысла» (*Мессер*).

В личной библиотеке писателя сохранились экземпляры *СЧ* и *ПМ* (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 7, 9) с многочисленными отчеркиваниями на полях красным и синим карандашом, помечающими стилистически и идеологически сомнительные, по мнению читавшего человека, места включенных в книги произведений, в том числе и «Сокровенного человека». Эти пометы неизвестных нам редакторов, вероятно, свидетельство о попытках издания этой и других повестей уже после 1929 г. Благодаря сохранившемуся экземпляру верстки ГИХЛ мы можем судить о том, насколько Платонов был близок к осуществлению своего намерения. В фонде ГИХЛ сохранилась и внут-

ренная рецензия на повесть за подписью И. Саца и Е. Поволоцкой от 6 марта 1931 г.: «Андрей Платонов “Сокровенный человек”. 4,5 л. Путь взрослого рабочего от инстинктивной близости к революции, при скептическом отношении к ее положительной программе и коммунистическому руководству, до полного принятия пролетарской революции. Написана повесть очень талантливо. По теме отчасти совпадая с повестью Л. Овалова “Болтовня”, “Сокровенный человек” по содержательности, богатству мыслей и по языку несравнима с “Болтовней” и значительно выдается над обычным уровнем литературы, имеющейся по массовой, да и по другим сериям. Недостатки повести: основная фигура, Пухов — избалованный Андреем Платоновым тип рабочего-одиночки, близкого к ремесленнику, — потомок Левши Лескова; отдельные фразы “скептика” Пухова переходят границы того, что может быть напечатано, это — ошибки автора; если их изъять (автор сам предложил сделать это), повесть только выиграет. При незначительных изменениях повесть “Сокровенный человек” может быть напечатана по массовой серии тиражом 25 тысяч» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 2. Ед. хр. 44. Л. 186 (машинопись), л. 187 (автограф)).

Дата, стоящая под текстом этой рецензии, в полной мере объясняет неудачную судьбу запланированного издания. Издательская работа была начата незадолго до опубликования «Впрок» и, естественно, не могла завершиться благополучно на фоне последующей критической кампании, направленной против Платонова. Издательский договор с ГИХЛ на «Сокровенного человека», одновременно с договорами на «Впрок» и «Дирижабль» (договоры от 1930 и 1931 гг. за № 1693, 1917 и 1970), был расторгнут лишь в июле 1933 г. Вместо них писатель передавал издательству право на «Технический роман» (объем романа намечался до 15 печатных листов) «на 4 года с момента одобрения» (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 8).

От рубежа 1930–1931 гг. сохранился еще один любопытный документ, касающийся «Сокровенного человека», — отзыв наборщика Г. Неймана в фонде Государственного издательства РСФСР (РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 2. Ед. хр. 246. Л. 245–249). Этот отзыв интересен тем, что отражает такое явление 1930–1931 гг. как «рабочая критика». Фома Пухов безусловно заинтересовал Неймана и был воспринят им как тип рабочего, «не понимающего и не оценивающего все происходящее вокруг (период гражданской войны), но честно работающего по своей специальности как слесарь-механик на пользу Революции, хотя он сам этого не понимает». Затрудняясь дать Пухову окончательную оценку — «контр, близорукий или вообще ничего», читатель отметил цельность героя на всем протяжении повести и указал на неубедительность финала: «Тут-то автор показывает какой-то перелом у Пухова, сближавшегося с революцией, но весьма неубедительный. Читатель этого хочет и сам решает так, как я это решил». Примечательно, что при всей своей «простоте» в оценке финала Нейман практически совпал с мнением Замошкина: «В конце повести автор водворяет его в трудовую мирную обстановку, где Пухов наконец-то обретает “нечаянное сочувствие к людям”. Такой фактический конец повести не может считаться естественным психологическим концом ее, ибо в этом “сочувствии к людям” нет никакого “исхода” душевным смятениям героя, какого-либо завершения судьбы Пухова <...> Остае-

ся неизвестным: к чему же пришел этот “кустарь советской власти” <...> Повесть оборвана, не завершена веским, естественным финалом.

Обнаруживая свою пресеченность в политических вопросах текущего момента, Нейман посчитал печатание «Сокровенного человека» нецелесообразным: «Хочу сказать совершенно определенно, что в настоящее время, в период третьего решающего и предпоследнего года пятилетки, даже Фурманов с его классическими произведениями о гражданской войне “Чапаев”, “Мятеж” и Гладков с его “Цементом” о социалистической стройке временно уступили дорогу темам набегающей волны. Волна как скала! Ударники, соцсоревнование, колхоз, совхоз, трактор, посев и так далее. Вот на что должно заострить наше внимание, вот тематики настоящего дня». Тем не менее по выходе «на совершенно гладкую дорогу» повесть, по мнению наборщика, заслуживала переиздания, «ибо факты положительные, о которых я не касался, очень характерные и даже поучительны». В постскрипуме, уже не стараясь придать своему языку оттенок официальности, Нейман завершил свои рассуждения очень просто и по существу: «Должен однако высказать свое сожаление, что автора впервые читаю, и жаль, что мне не попалась целая вещь, если у него таковая имеется».

Самое позднее упоминание о повести «Сокровенный человек» и Фоме Пухове в современной Платонову критической литературе принадлежит, скорее всего, А. Гурвичу, характеризовавшему в своей фундаментальной статье «Андрей Платонов» (*Кр. новь*. 1937. № 10) основные типы платоновских героев, для чего им привлекались к рассмотрению практически все опубликованные на то время произведения писателя. Фому Пухова критик вспомнил, рассуждая об одиночестве у Платонова: «Огромный пустой мир и в нем одинокий ребенок, одинокий человек — вот излюбленный образ Платонова. <...> Одинокий скиталец Пухов — “ни бабы, ни костра” <...> — “всегда удивлялся пространству. Оно его успокаивало в страдании... Ничего не видно, а приятно”. Эта любовь Пухова к пространству объединяет всех героев Платонова, потому что любовь эта есть как бы наркотическая привязанность к горечи жизни, влюбленность в свою обиду, упоение одиночеством. “Влекущая пустыня” — это странное чувство, это странное сочетание слов для Платонова необычайно естественно. Пухова успокаивало пространство, но, может быть, это происходило именно потому, что выси, дали, тьма и ветры наполняли его душу грустью, потому что перед лицом природы становились обнаженными самые сокровенные чувства этого сокровенного человека» (*Воспоминания*. С. 366–367).

С. 147. *Этой повестью я обязан ~ Новороссийского десанта в тыл Врангеля.* — Первоначально сноска представляла собой более распространенный текст, см. в беловом автографе: «Сочинением этого рассказа я обязан своему бывшему товарищу по работе в Воронежских железнодорожных мастерских Ф.Е. Пухову (где он сейчас — не знаю, но жив) и тов. Тольскому, комиссару Новороссийского десанта в тыл Врангеля. Они являются почти настоящими авторами этого справедливого сочинения» (Л. 2). Именно этот вариант, с заменой слов «Сочинением этого рассказа» на «Этой повестью», вошел в СЧ. Окончательный вариант сноски был представлен в ПМ.

Окончательный авторский выбор варианта *ПМ* подтверждается тем, что в верстке *ГИХЛ* сноски, первоначально набранная в редакции *СЧ*, рукой Платонова приведена в соответствии тексту *ПМ*. Как можно заметить, в своем первоначальном варианте сноски более отчетливо указывала на реальные события, легшие в основу повести, — новороссийский десант 1920 г. и попытку захвата Воронежа частями генерала Мамонтова в сентябре 1919 г. Благодаря упоминанию о Воронежских железнодорожных мастерских связи между Похаринском и его прототипом Воронежем была для читателя очевидной.

Кроме того, первоначальный вариант сноски более определенно указывал на личные отношения, будто бы существовавшие некогда между автором и его героем. Интересно, что авторское «я» прорвалось еще лишь единожды по ходу написания повести («Так думаю я, когда теперь вспоминаю Пухова»; Л. 33), но данная фраза, оставшаяся незавершенной, была тут же вычеркнута писателем.

Тольский Евгений Павлович (1897–1941) — в октябре 1920 г. военный комиссар штаба 9-й Кубанской армии; с 1929 по 1933 г. в военной промышленности, директор номерных заводов; с 1933 по 1937 г. помощник главного инспектора строительства канала Москва — Волга; репрессирован.

...из конторы начальника дистанции — На железной дороге *дистанция* — хозяйственная единица, входящая в отделение дороги, которое подчиняется соответствующей службе дороги (пути, сигнализации и связи, грузовой и т. д.). Дистанции осуществляют надзор за исправным состоянием технических средств и производят соответствующие их назначению работы (ремонт пути, погрузку грузов и т. д.).

Вьюшка — род крышки, закрывающей печную трубу для прекращения тяги.

С. 148. *Дать бы моей старухе капитальный ремонт ~ Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне трудящимся быть надоело!* — Данные рассуждения героя, как и эпиграф повести «Бедность — аномалия. Форд», вычеркнутый еще в автографе, обнаруживают знакомство Платонова с книгой американского миллионера, теоретика и практика научной организации производства Г. Форда «Сегодня и завтра» (см. об этом: *Корниенко Н.* История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 91–92). Ср.: «Тяжелый труд должен выполняться машинами, а не человеком»; «Всегда можно изобрести машину, выполняющую работу лучше и точнее, чем человеческие руки»; «Назначение машины заключается в том, чтобы избавить человека от тяжелых работ и освободить его энергию для усовершенствования его интеллектуальных и духовных сил и для завоеваний в области мысли и высшего творчества»; «Многие считают бедность естественным явлением. На самом деле это противоестественное явление»; «Условием хорошего здоровья является рациональное питание...» (*Форд Г.* Сегодня и завтра. М.; Л., 1927. С. 54, 67, 153, 172, 177). Эти положения о роли машин в судьбе человечества, безусловно, близки идеям самого Платонова, высказывавшимся им в статьях конца 1920 г.: «Производство — машине. Человеку же — иная форма жизни. Вот лозунг будущего Октября»; «коммунистическое человечество будет поставлено перед вопросом — или

передача производства машине, или гибель» (Будущий Октябрь // *Сочинения*, 1(2). С. 108, 109); «Сущность же коммунистического производства может быть только в одном — в замене везде, где можно, человека машиной, в подавлении железной необходимости без конца и мученически трудиться и в конце концов в спасении человека от материально-производственного труда и предоставлении человеку лучшей участи» (Мастер-коммунист // *Сочинения*, 1(2). С. 112).

...инуруя австрийские башмаки. — Речь, вероятно, идет об австрийских армейских ботинках, бывших во время Первой мировой войны частью военной формы австро-венгерской армии.

На снегоочистителе было написано: «Система инженера Э. Бурковского». — Пухов работает на прицепном плужном снегоочистителе вагонного типа, спроектированном в 1893 г. инженером путей сообщения Бурковским Анатолием Эрнестовичем (1857–1919). Такой снегоочиститель прицеплялся позади паровоза и сгребал снег с пути наподобие бульдозера. Фактически он убирал только снег, лежащий по бокам от рельсов, но не на них самих. В связи с этим снегоочиститель Бурковского мог использоваться только для расчистки путей, по которым поезд и так мог бы пройти, пусть и на малой скорости.

«Приказывается правый путь от Козлова до Лисок держать непрерывно чистым от снега...» — Козлов — с 1932 г. город Мичуринск (Тамбовская обл.), Лиски — крупный железнодорожный узел в Воронежской обл. Речь идет об участке железной дороги протяженностью в 278 км.

Борьба со снежными заносами на железных дорогах во время Гражданской войны была одной из важнейших государственных задач. В 1918–1920 гг. советское правительство приняло по этому поводу целый ряд постановлений: 10 октября 1918 г. был принят декрет СНК «О трудовой повинности по расчистке снежных заносов», 25 декабря 1918 г. Совет обороны принял постановление «О борьбе со снежными заносами», предусматривавшее усиление ответственности за мобилизацию рабочей силы; 29 ноября 1919 г. — постановление о борьбе со снежными заносами и проведении трудовой и гужевой повинности в 10-верстной полосе от железных дорог, а 2 февраля 1920 г. — в 50-верстной полосе от железных дорог. О серьезности проблемы свидетельствует и то, что в 1920 г. чрезвычайную комиссию по борьбе со снежными заносами на железных дорогах (Чрезкомснегпуть) возглавил не кто иной, как Ф.Э. Дзержинский.

Как указано в постановлении от 29 ноября, к работам по очистке от снега во время снежных заносов должны были привлекаться «все железнодорожные служащие и рабоче, не занятые в данный момент по неотложным и срочным делам, все здоровые пассажиры застрявших поездов и ближайшие воинские части. Железнодорожная милиция и уездные транспортные чрезвычайные комиссии должны оказывать железнодорожной администрации энергичное содействие в привлечении к работам указанных граждан» (Декреты советской власти. М., 1973. Т. 6. 1 августа — 9 декабря 1919 г. С. 324–327).

В 1918–1919 гг. Платонов и сам, вероятно, участвовал в расчистке железнодорожных путей от снега, помогая своему отцу П.Ф. Климентову. Картина работы снегоочистителя, изображенная Платоновым в статье 1920 г.

«Герои труда. Слесарь, кузнец и литейщик», воспринимается не иначе как личное впечатление от этой работы:

«Слесарь Климентов ездил несколько самых суровых снежных зим, год-два назад, со снегоочистителем. Эта работа требует геройства и терпения в огромных размерах и сопряжена с прямой смертельной опасностью.

Особый вагон, снабженный аппаратом для очистки рельсов от снега, цепляется к паровозу, и тот развивает огромную скорость, так как очистка при этом совершенней. Вагон врзается в сугробы и сбрасывает их крыльями далеко в стороны. При сравнительной легкости вагона опасность схода с рельсов на полном ходу очень велика.

Сама работа в мороз и вьюгу и бесконечность ее во времени, ибо при сильных заносах снегоочиститель работает непрерывно, пока не очистит своего участка. Необходимо уметь не спать и напряженно без понижения работать, так как переезды вагон проскакивает без работы и надо вовремя, по команде, поднимать ножи, иначе можно наткнуться на переезд и быть сброшенным под откос.

В этой борьбе со снегом за чистый путь были удивительные случаи рабочей выдержки и упорства, здесь их не передашь. И это слесарь Климентов в зимние вьюги пробивал сугробы своей машиной, чтобы пускать за собою вслед воинские эшелоны на Деникина. По десяти суток он не выходил из машины и почти не спал, не раз на скакивал на неодолимые снежные горы и их заносило до крыши» (*Сочинения, 1(1). С. 103–104*).

Пред. глав. рев. комитета Ю.В. ж.д. Рудин. — В действительности председателем главного революционного комитета Юго-Восточной железной дороги являлся Иван Григорьевич Родин (Во главе магистрали / под ред. А.И. Володько. Воронеж, 2012. С. 157).

Комиссар путей сообщения Ю.В. ж.д. Дубанин. — Первым комиссаром ЮВЖД в 1918 г. стал Анисим Антонович Дубанин (1888–1938); уже в первой половине января 1919 г. он был переведен на другое место работы (Во главе магистрали. С. 164).

С. 149. *До Графской остановки нет! ~ Сорок верст!* — Станция *Графская* — первая железнодорожная станция на Козлово-Воронежской линии в пределах Воронежской губернии. Расстояние, которое должен преодолеть снегоочиститель, указывает на то, что пунктом его отправления является город Воронеж.

...если топку придется все время форсировать? — Форсировать топку, т. е. поддерживать необходимое давление пара в котле паровоза, увеличивая подачу в топку воздуха и топлива.

Фронт работал в шестидесяти верстах. — Деталь, соответствующая военному положению на территории Воронежской губернии в конце 1919 г.

Но белых отжимали бронированные поезда красных, посылая снега свинцом из изношенных пулеметов. По ночам — молча, без огней, тихим ходом — проходили броневые поезда... — Условия Гражданской войны благоприятствовали применению бронепоездов, поскольку военные действия развивались на обширных пространствах, численность войск им не соответствовала, и сплошной линии фронта не существовало. В связи с этим «особое значение приобретала борьба за крупные населенные пункты, рядом с

которыми почти всегда были узловые станции железных дорог. Вблизи таких станций с большим успехом могли действовать бронепоезда» (*Коломиец М.* Бронепоезда в Гражданской войне в России в 1918–1922 гг. // Белые бронепоезда в Гражданской войне. М., 2007. С. 5). В годы Гражданской войны бронепоезда активно использовались всеми воюющими сторонами, «все-го с осени 1917 года по начало 1922 года на железных дорогах бывшей Российской империи... было задействовано более 500 бронепоездов различных конструкций» (Там же). Красная Армия по размаху строительства и боевого применения бронепоездов опережала своих противников, осенью 1919 г. только в подчинении Южного фронта насчитывалось 53 бронепоезда (Там же. С. 10).

С. 151. *Сифонить* — т. е. использовать с целью увеличения тяги в топке паровоза *сифон* — паровой прибор для создания разрежения в дымовой коробке.

Тендер — вагон специальной конструкции, сцепленный с паровозом и предназначенный для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательного устройства.

Регулятор — прибор, с помощью которого машинист производит выпуск пара в машину и изменяет скорость движения паровоза.

С. 152. ...*насыпал в кусочек газеты зеленой самогонной махорки*. — *Махорка* — смесь измельченного листа и стебля ферментированного растения, называемого махорка (*Nicotiana Rustica*), имеющего в своем составе алкалоид никотин. Накануне Первой мировой войны в Центральной России махорка культивировалась большей частью в Тамбовской, Воронежской и Рязанской губерниях. В данном случае речь идет о махорке не фабричного, а домашнего производства.

Контррельс — рельс, уложенный рядом с путевыми рельсами, для направления колесных пар подвижного состава. На кривых участках пути контррельсы служат для уменьшения бокового износа наружной стороны рельсов и предупреждения их сдвига в боковом направлении. В крестовинах стрелочных переводов контррельс направляет колеса подвижного состава в соответствующий желоб крестовины.

...*чистил дымовую коробку*... — *Дымовая коробка* — передняя часть котла, в которой находятся коллектор пароперегревателя, конусное устройство (выпускает отработанный пар в дымовую трубу, создавая тягу в топке) и дымовая труба. В дымовой коробке располагают также коллектор, искроуловительные приборы и сифон. Спереди дымовая коробка закрывается крышкой на петлях, открываемой для очистки дымовой коробки и для выемки труб при ремонте. Для осмотра коробки и ее очистки на фронтонном листе имеется дверца меньших размеров.

Из штаба какого-то матросского отряда, стоявшего в Графской... — Сухопутные формирования моряков играли значительную роль на фронтах Гражданской войны. В боевых действиях участвовали как временно откомандированные экспедиционные отряды, так и формирования моряков, организационно входившие в состав Красной армии. Большое число бронепоездов РККА имело на вооружении морскую артиллерию и комплектовалось морскими экипажами. Так, например, в августе 1918 г. для борьбы с донскими белоказаками в районе Поворино из Петрограда в г. Балашов был

направлен сформированный из добровольцев 3-й экспедиционный отряд моряков Балтийского флота во главе с комиссаром В.С. Пашориным. Впоследствии на пополнение отряда было направлено еще 100 балтийских моряков с четырьмя 75-мм орудиями под командованием Н. Дмитриева. В результате пополнения отряда еще и красноармейцами и мобилизованными из запаса моряками, проживавшими на территории Саратовской губернии, на его основе возник Особый батальон военных моряков Балтийского флота численностью 890 человек. Морской батальон, сформированный из остатков морских отрядов, отошедших с территории Украины после боев с германскими войсками, с июня 1918 г. входил в состав Воронежского отряда и летом — осенью 1918 г. действовал против донских белоказаков в районе Новохоперска. В ноябре 1918 г. в Петрограде началось формирование 3-го отдельного батальона морской пехоты под командованием В.А. Александрова. По просьбе украинской секции Петроградского комитета РКП(б) батальон комплектовался в основном из моряков-украинцев и в декабре был направлен в г. Козлов в распоряжение штаба Южного фронта (*Оселедец А.Г.* Организация сухопутных вооруженных формирований РККФ в годы Гражданской войны // Гуманитарные исследования в Сибири на Дальнем Востоке. Владивосток, 2008. № 2. С. 67, 69). Весной 1919 г. Реввоенсовет республики реорганизовал управление флотом. Если ранее отряды морских сил «действовали как сформированные на короткий срок самостоятельные боевые единицы или временно приданные сухопутному командованию, то с данного времени все отряды, полки, экспедиционные дивизии формировались на постоянной основе в составе РККФ и на период боевых действий придавались в оперативное подчинение командованию фронта» (Там же. С. 70).

С. 153. *Месяц назад он вернулся из командировки — из-под Царицына — где сдавал восстановленный мост.* — К началу XX в. Царицын являлся важным транспортным узлом, через который проходили пути, связывавшие Центральную Россию с Нижним Поволжьем, Северным Кавказом и Средней Азией, откуда шло снабжение Центра топливом и продовольствием. В 1918 — январе 1919 г. силы Донской армии П.Н. Краснова предприняли три неудачных наступления на Царицын, 29–30 июня 1919 г. город был взят Кавказской армией генерала П.Н. Врангеля. Борьба за Царицын затянулась до января 1920 г. С точки зрения внутренней хронологии повести ремонт моста мог бы осуществляться лишь где-то на подступах к Царицыну, все еще занятому врангелевскими войсками.

...повестка от следователя железнодорожного ревтрибунала. — Одна из хронологических неточностей текста. «Положение о Революционных военно-железнодорожных трибуналах» было утверждено ВЦИК лишь 18 марта 1920 г. Согласно ему железнодорожные трибуналы организовывались при управлении каждой из железных дорог «на все время действия военного положения», а при НКПС учреждался Главный ревтрибунал на железнодорожном транспорте. Процесс организации трибуналов был запущен постановлением Совета обороны от 2 ноября 1919 г. «О проведении военного положения на транспорте», 8-й пункт которого разрешал РВСР «по мере надобности в отдельных местностях на железных дорогах организовывать революционные военные трибуналы». Во исполнение этого постановления

15 декабря 1919 г., приказом РВСР № 2177, четыре революционных военных железнодорожных трибунала были учреждены в Москве, Петрограде, Гомеле и Рузавке (*Чарный С.* Революционные военные трибуналы на транспорте. 1918–1923 // URL: <http://polit.ru/article/2014/05/11/revtrib/>). К компетенции железнодорожных трибуналов относились дела по преступлениям, совершенным в полосе отчуждения железных дорог, и дела о преступлениях железнодорожных служащих, связанные с нарушением нормальной работы железных дорог.

Теперь куда поедете? — спросил у Пухова главный матрос. ~ а снаряды за Козловом в заносах стоят! — В диалоге Пухова с матросом упоминаются реальные пункты ЮВЖД. Станция *Грязи*, находится в 75 км от Графской по направлению к Козлову (с 1932 г. — Мичуринску), является крупным узлом Юго-Восточной железной дороги, так как через нее проходят ветки, ведущие на Поворино и Волгоград, Орел и Липецк. Населенный пункт *Усмань* и соответствующая станция расположены между Графской и Грязями (в 23 км от Графской). *Давыдовка* — станция на ростовском участке дороги между Воронежем и Лисками.

С. 154. *Хамовские Выселки* — вымышленный топоним, образован по аналогии с реальными названиями населенных пунктов. Типа Лебедянские Выселки, Полковые Выселки, Стрелецкие Выселки (Тамбовская губ.), Хреновские Выселки (Воронежская губ.) и т. п.

С Грязей снегоочистителю вручили приказ — вести за собой броневик и поезд Троцкого... — С этого момента снегоочиститель начинает движение в обратном направлении — на Воронеж и далее на юг, в Лиски. *Поезд Троцкого*, организованный с 7 на 8 августа 1918 г. в качестве походного аппарата наркомвоена, со временем превратился в самостоятельную военную единицу: «Поезд являлся рабочим аппаратом управления армией, обеспечивающим работу председателя РВСР и его связь с центром, с местами, с наркоматом и с органами военно-оперативного руководства армией во время его поездок по фронтам. Отсюда вытекали и функции поезда — оперативная (решение на месте многих организационных вопросов), контрольная, информационная (давать свежую информацию о положении на фронтах и в регионах), агитационно-пропагандистская. <...> Сформированный первоначально из одного состава в 15 вагонов поезд непрерывно усложнял свою структуру, перестраивался в соответствии с нуждами армии. В последующем поезд был разделен на два состава по 92 и 96 осей каждый. Выполняя функции “летучего аппарата управления”, в составе поезда действовали секретариат, типография, телеграфная станция, радио, электрическая станция, библиотека, гараж. Поездки Троцкого, как известно, не ограничивались только участками железных дорог; они совершались им на автомобилях на многие десятки километров в глубь фронта» (см. *Тархова Н.С.* Поезд Троцкого — летучий аппарат управления наркомвоена // Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны: материалы всероссийской конференции, 22 декабря 1997. М., 1998. С. 129–130).

С. 155. *...белых громила артиллерия бронепоездов под Давыдовкой и Лисками...* — Деталь, соответствующая военному положению на территории Воронежской губернии в конце 1919 г.

Не доезжая станции Колодезной... — Станция, расположенная в 53 км южнее Воронежа, между Воронежем и уже упоминавшейся выше Давыдовкой.

...кривошипты порвешь! — *Кривошип* — звено кривошипного механизма, которое может совершать оборот вокруг неподвижной оси. В данном случае речь идет о возможной поломке паровозного кривошипно-шатунного механизма, передающего механическую энергию движения поршня в паровых цилиндрах движущим колесам.

С. 156. *Манометр, действительно, и сейчас показывал 13 атмосфер...* — *Манометр* — прибор, измеряющий давление жидкости или газа; *атмосфера* — внесистемная единица измерения давления, приблизительно равная атмосферному давлению на поверхности Земли на уровне Мирового океана. В данном случае речь идет о давлении пара в котле паровоза.

...в Воронежских мастерских могут сделать... — Речь идет о располагавшихся в Воронеже мастерских Козлово-Воронежско-Ростовской линии Юго-Восточных железных дорог (совр. тепловозоремонтный завод им. Ф.Э. Дзержинского), где, в частности, около 40 лет проработал отец писателя П.Ф. Климентов.

...приказываю вам доставить паровозы и снегочистку на станцию Подгорное. — В описанной ситуации попасть на станцию Подгорное можно, только проехав через Лиски, которые, как следует из текста, уже заняты Красной армией (Подгорное расположено на 91 км южнее Лисок). Вероятно, здесь название реальной станции использовано Платоновым условно, в противном случае его можно рассматривать как деталь, подчеркивающую неадекватное состояние офицера.

С. 157. *...открыл паровой кран инжектора...* — *Инжектор* — устройство для подачи свежей воды из тендера в котел. Паровой кран инжектора открывается при необходимости закачки воды в котел.

С. 158. *Олеонафт* — тип минерального смазочного масла, изобретенный русским инженером и предпринимателем В.И. Рагозиным.

...архистратиг Георгий поражает змия, воюя на адовом дне. — В данном описании великомученик Георгий Победоносец оказывается наделенным признаками, относящимися к архангелу Михаилу. Именно к нему как военачальнику ангельских небесных сил относится эпитет «архистратиг» (т. е. верховный военачальник), и ему же в Откровении Иоанна Богослова отведена важнейшая роль в окончательной битве добра и зла: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали [против них], но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатанюю, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:7–9).

Учитывая, что внимание Платонова было в первую очередь сосредоточено на деталях реального плаката (см. об этом ниже), где фигура возглавляющего Красную армию наркомвоенмора Л. Троцкого в виде всадника, окруженного змеем, была изображена на фоне языков пламени, можно предположить, что это и привело к отмеченной контаминации.

К Георгию приделали голову Троцкого ~ из-под звезд виднелись опять-таки кресты. — В описании Платонова узнается плакат В. Дени «Троцкий поражает змея контрреволюции» (1918). На плакате большая звезда изображена вместо нимба над головой всадника, еще одна — с серпом и молотом — помещена на его щите, звезды меньшего размера находятся на плече и голенище сапога всадника, а также на крыле седла. Учитывая, что Георгий Победоносец, будучи мучеником, а не священнослужителем, никогда не изображается в богослужебном облачении, слово *риза* в данном случае использовано Платоновым в более общем значении *одежда*.

Интересно, что упоминанием о проступающих под звездами крестах Платонов подчеркивает, что на станции висел не плакат, отпечатанный типографским способом, а именно переписанная икона.

«Каждый прожитый нами день — гвоздь в голову буржуазии. Будем же вечно жить — нукай терпит ее голова!» — Платонов с небольшим дополнением воспроизводит один из лозунгов собственного сочинения, опубликованный 3 июля 1920 г. в воронежской крестьянской газете «Красная деревня»: «Каждый прожитый нами день — гвоздь в голову буржуазии. Будем же вечно жить». Весной — осенью 1920 г. для этой газеты журналистом Платоновым были написаны десятки лозунгов, касающихся важнейших текущих событий (см.: Антонова Е. «Каждый прожитый нами день — гвоздь в голову буржуазии...» (А. Платонов — автор лозунгов для «Красной деревни») // «Страна филологов»: проблемы текстологии и истории литературы. М., 2014. С. 196–206).

Мешочники — люди, ездившие в годы Гражданской войны в хлебные губернии за продуктами для собственного употребления и частичной перепродажи; преследовались советской властью как спекулянты.

Из переднего вагона вышли музыканты ~ построились и заиграли встречу. — Деталь, заимствованная Платоновым из воспоминаний о главном командующем Красной армией Северного Кавказа И.Л. Сорокине: «Окружали Сорокина адъютанты, комедианты, очень преданные ему. <...> При каждом входе и выходе Сорокина из вагона его всегда встречал и провожал оркестр. Солдаты Тихорецкого батальона возмущались такими “царскими почестями”, но штабные объясняли, что это они сами устраивают Сорокину, как знак глубочайшего к нему уважения» (Петренко С. Правда о Сорокине // Путь коммунизма. Краснодар, 1922. № 1. С. 112–113). Детали биографии И. Сорокина также использовались Платоновым при написании рассказа «Иван Жох» (1927).

С. 159. *Тратят зря американский паровоз!* — Вероятно, речь идет о паровозе серии Е, чье производство по чертежам русских инженеров осуществлялось на североамериканских заводах с середины 1915 г. С 1915 по 1918 г. в Россию было поставлено около 1000 таких паровозов.

«Штабом IX Рабоче-крестьянской красной армии формируются добровольные отряды технических сил для обслуживания фронтовых нужд красных армий, действующих на Северном Кавказе, Кубани и Черноморском побережье». — 9-я армия была создана приказом РВС Южного фронта от 3 октября 1918 г. на основании директивы РВСР от 11 сентября 1918 г. из частей Поворинского и Балашово-Камышинского участков Южного фронта;

с 4 мая 1920 г. — 9-я Кубанская армия. В начале 1920 г. (условное время пребывания Пухова в Лисках) 9-я армия участвовала: в январе — в Ростово-Новочеркасской операции, в январе — апреле — в Северо-Кавказской операции.

С. 160. *Выпороточек* — уменьшительное от *выпороток*, недоносок.

...*тифозных эшелонами прут...* — Эпидемия сыпного тифа в годы Гражданской войны приобрела устрашающие размеры. По неполным данным, в 1918–1923 гг. было зарегистрировано свыше 7,5 млн случаев заболеваний; умерло от тифа более 700 тыс. человек. «Описание “эшелонов смерти” — поездов-лазаретов, застрявших в станционных тупиках или в заснеженных полях, когда на весь состав не находили ни одного выжившего, встречается в воспоминаниях очевидцев» (*Морозова О.* Тифозная вошь в солдатской шинели: о влиянии естественно-природных факторов на ход и исход Гражданской войны в России // *Relga.* 2013. № 1. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3424&level1=main&level2=articles>).

Во время Первой мировой войны случаи тифа фиксировались на Кавказском фронте и в Туркестане. Признаки эпидемии тифа на Северном Кавказе, Дону и Украине появились во время демобилизации армии в начале 1918 г., к лету болезнь начала постепенно распространяться и среди гражданского населения. СНК РСФСР издал ряд декретов, направленных на борьбу с эпидемиями «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» (от 28 янв. 1919 г.), «О мерах борьбы с эпидемиями» (от 10 апр. 1919 г.) и др. «Пик потерь от эпидемий у Красной армии пришелся на зиму 1918–1919 гг., в армии Деникина и Колчака — на зиму 1919–1920 гг. <...> Движение инфекции было связано с миграционными потоками, к которым следует отнести и движения армий, с санитарным состоянием публичных зон и степенью организованности транспортных систем и медицинских служб. <...> Более инфицированная армия проигрывала и отступала. Иногда победа — занятие территории противника, где свирепствует эпидемия, или захват зараженных пленников; или переход больной армии на сторону бывшего противника, — становилась причиной изменения хода войны» (*Морозова О.* Тифозная вошь в солдатской шинели...).

В Воронеже, вон, бывшие генералы снег сгребают... — Речь идет о практической реализации так называемой трудовой повинности, декретированной Кодексом законов о труде 1918 г. (распространялась на всех трудоспособных граждан РСФСР в возрасте от 16 до 50 лет). Лица, подлежавшие трудовой повинности и не занятые общественно-полезным трудом, могли принудительно привлекаться местными Советами к выполнению общественных работ. Наиболее полно принцип обязательного привлечения к работе всех трудоспособных был выражен в постановлении СНК от 29 января 1920 г. о порядке проведения всеобщей трудовой повинности.

С. 161. *Полудка* — т. е. лужение, нанесение слоя полуды (расплавленного олова) на поверхность металлического изделия для защиты его от коррозии.

В Екатеринодаре Пухов сидел неделю — шел где-то бой, и на Новоросийск никого не пропускали. Но в этом зеленом отплетом городке давно

притерпелись к войне и старались жить весело. «Сволочи! — думал обо всех Пухов. — Времен не чувствуют!» — Города *Екатеринодар* (с 7 дек. 1920 г. — Краснодар) и *Новороссийск* были заняты частями РККА соответственно 17 и 27 марта 1920 г. Остатки Донской армии сдались Красной армии в конце апреля. В начале мая войска Кавказского фронта вышли к границам закавказских буржуазных республик на всем протяжении от Черного до Каспийского моря. Теоретически задержка Пухова в Екатеринодаре могла быть связана как с боевыми действиями по освобождению Кубани, так и событиями более позднего времени, а именно с Улагаевским десантом врангелевских войск в августе — начале сентября 1920 г.

В основу оценки, данной Пуховым жителям Екатеринодара, легли наблюдения из статьи Тольского «Самураи революции», относящиеся в первоисточнике к Новороссийску: «После обеда последний раз сходили в город <...> С некоторым удивлением глядели на повседневную жизнь Новороссийского обывателя. Изумлялись, как в такой решающий момент люди могут спокойно, как ни в чем не бывало пить, есть, гулять, беззаботно веселиться. Чувствовалось естественное пренебрежение, даже некоторая брезгливость к этим жалким людишкам, покорно копошащимся на навозной куче ничтожных житейских интересов, попавших в смрадный круг проклятой обывательщины, высасывающей из них лучшее, что есть у человека; его разум и его душу» (Тольский. С. 68).

Какой пар? ~ Простой или перегретый? — Перегретый пар — пар, имеющий температуру выше температуры насыщения при том же давлении. Водяной перегретый пар, служащий рабочим телом паровых двигателей, получают в пароперегревателях котлоагрегата. Чем выше температура водяного перегретого пара, тем выше термический КПД этих двигателей. Встречный вопрос, заданный Пуховым, разоблачает техническую безграмотность экзаменатора, что и определяет легкомыслие, с которым Пухов отвечает на последующие вопросы.

...когда и зачем было 18-е брюмера? — Брюмер (франц. brumaire, от brume — туман) — второй месяц года (22/23 октября — 20/21 ноября) французского республиканского календаря (1793–1805). 18 брюмера VIII года (т. е. 9–10 ноября 1799 г.) произошел государственный переворот Наполеона Бонапарта, заменивший режим Директории военной диктатурой в форме Консульства. Само по себе выражение «18 брюмера» обозначало политический переворот. Возможно, данный вопрос предполагает, что экзаменуемому должно быть известно и о существовании работы К. Маркса «18 брюмера Луи-Бонапарта».

По календарю Брюса, 18-го октября — за неделю до великой Октябрьской революции... — Дата, названная Пуховым, действительно приходится за неделю до Октябрьской революции — 25 октября по старому стилю. Календарь Брюса, на который ссылается Пухов, — имевший большую популярность астрологический календарь, приписываемый авторству графа Якова Вилимовича Брюса, государственного деятеля и ученого, сподвижника Петра I, считавшегося в народе колдуном и чернокнижником.

С. 162. *Компаунд, Отто-Дейц, мельницы, пошвенные колеса... — Двигатели различных типов. Компаунд-машина (от англ. compound — состав-*

ной) — паровая машина двухкратного расширения пара. Компаунд-машина имеет два рабочих цилиндра разного диаметра. Свежий пар из котла поступает в меньший цилиндр — высокого давления. Отработав в нём (первое расширение) и потеряв часть своей энергии, пар перепускается в больший цилиндр — низкого давления — где отдаёт оставшуюся часть энергии. Такая схема работы позволяла более полно использовать энергию пара и повысить коэффициент полезного действия паровоза. *Отто-Дейц* — газогенераторные двигатели, выпускавшиеся немецкой фирмой с тем же названием. *Пошвенное колесо* — разновидность приводимого в движение водой колеса, служащего двигателем машины (напр., на мельнице), характеризуется плоскими лопатками и подводом воды к нижней части колеса с помощью искусственного русла.

Предрассудок Карла Маркса и народный самогон! — В этом ответе объединены два высказывания Карла Маркса: «Законы, мораль, религия — все это для него <пролетария> не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы» («Манифест коммунистической партии») и «Религия есть опиум народа» («К критике гегелевской философии права. Введение»), причем последнее приведено с учетом его ленинской редакции: «Религия есть опиум народа. Религия — род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» (*Ленин В.И.* Социализм и религия // *Ленин В.И.* Полное собр. соч.: в 55 т. М., 1968. Т. 12. С. 143).

Судно то оказалось катером, под названием «Марс». — В отношении реального названия данного судна источники приводят разноречивую информацию. В статьях Эпштейна и Тольского упоминается катер под названием «Орион». В воспоминаниях участника десанта И. Папанина фигурирует буксир «Рион», в книге, посвященной Вс. Вишневскому (*Хелемендрик В. Всеволод Вишневский.* М., 1983. С. 80), — пароход «Рион». П. Варнек в этой связи пишет об участии в этом десанте «маленького буксира» (У берегов Кавказа в 1920 г. // *Гражданская война в России: Черноморский флот.* М., 2002. С. 488). В списке «Боевого состава флотов противоборствующих сторон на Черном и Азовском морях» на 1920 г. под названием «Рион» упоминается лишь бывший вспомогательный крейсер Доброфлота «Смоленск», находившийся с апреля 1919 г. в составе белогвардейских морских сил Юга России (Там же. С. 488).

Керосиновый мотор — двигатель внутреннего сгорания из разряда работающих на легком жидком топливе.

В Крыму тогда сидел Врангель ~ Врангель морской набег думает сделать, так чтоб было чем защититься. — Речь идет о находившейся в Крыму белогвардейской Русской армии, образованной 11 мая 1920 г. из остатков Вооруженных сил Юга России. Как следует из статьи «Живая легенда», в данном случае слухи о возможной высадке врангелевских частей в районе Новороссийска распространялись во время подготовки десанта с целью дезинформации: «Нам нужно было во что бы то ни стало маскировать свои действия. Нам прекрасно известно было, что белыми агентами Врангеля кишмя кишит Новороссийск. И специальной статьей, аншлагами в новорос-

сийской печати мы пустили версию о готовящейся высадке Врангеля у новороссийских берегов. Все наши лихорадочные портовые работы шли под знаменем предупредительных мер с нашей стороны» (*Эпштейн*. С. 67).

Так у него ж английские крейсера! — В действительности еще в июне 1920 г. английское правительство приняло окончательное решение о прекращении интервенции в России и оказании помощи антибольшевистским силам. «Поводом для этого шага явились военные экспедиции Врангеля в Северную Таврию, против которых выступали англичане. В конце месяца английская военная миссия покинула Севастополь, и с этого времени армия генерала Врангеля была предоставлена своим собственным силам, как в военном смысле, так и в изыскании способов снабжения. Более того, политика англичан стала резко враждебной южанам. В качестве меры воздействия на Врангеля из Лондона даже последовал приказ английскому флоту задерживать грузы, назначенные для Крыма и отправляемые под английским флагом, даже на русских судах. <...> Такие взаимоотношения с англичанами заставили Врангеля сменить политическую ориентацию и повернуться лицом к Франции» (*Владимирский М.В.* К истории финансирования Белого Юга (1918–1920) // *Отечественная история*. 2008. № 3. С. 40).

Мы в Царицын на щепках приплыли... — В 1919 г. в боевых действиях в районе Царицына принимала участие Волжско-Каспийская военная флотилия. Весной и летом 1920 г. флотилия вела бои на Каспийском море. В данном случае Платонов использует понравившийся ему образ из статьи «Живая легенда», ср.: «Мы хотим рассказать... о смелой дерзкой попытке небольшой группы храбрецов переплыть от наших черноморских берегов к врангелевскому Крыму на щепках» (*Эпштейн*. С. 65).

С. 163. *Если ты завтра непустишь машину, я тебя в море без корабля пущу, колуша-черт! ~ Копайся сам тогда, фулюган!* — В основе данного диалога лежит описание реального случая с остановкой мотора на катеристребителе во время испытательного плавания: «Вот мы совершаем первое пробное плавание на истребителях. <...> Машины одного истребителя так и не были пущены в ход <...> Другой опыт уже с одним истребителем чуть было не погубил всех нас. На обратном пути вдаль от берега остановились машины и мы без якоря с обнаруженной течью очутились в середине моря на милость волн. И если б не тихая погода, мы все неминуемо погибли бы, каким-то чудом был пущен один мотор в ход и мы еле-еле доплыли до Новороссийска» (*Эпштейн*. С. 67)

...как черт на Афон взбирается! — То есть с большим трудом. Афон — название горы и одноименного полуострова в Греческой Македонии на севере Восточной Греции, также известного как Святая Гора.

Это только вы из-под Екатеринодара удрали... — Замечание общего плана, касающееся бурной истории Кубани в годы Гражданской войны. 14 марта 1918 г. Екатеринодар был занят советскими войсками, а к концу марта советская власть была установлена почти на всей территории Кубани. Екатеринодар стал центром Кубанской, с мая 1918 г. — Кубано-Черноморской, с июля 1918 г. — Северо-Кавказской советской республики. 17 августа город был занят деникинскими войсками, а 11 января 1919 г. прекратила свое существование и Северо-Кавказская советская республика. До марта

1920 г. Екатеринодар являлся столицей Кубанского края, затем всего Белого Юга.

Мехоноша — в старину служитель, носивший за князем меховую шубу, позднее — бродячий торговец меховым товаром и вообще человек, таскающий мешки, т. е. занимающийся самой черной работой; в переносном значении — неуклюжий, неловкий человек.

А в Новороссийске шли аресты и разгром зажиточных людей ~ «Они и так дальше завалинки выйти бояться?» — Здесь, как и при упоминании об ожидаемой высадке войск Врангеля у Новороссийска, Платонов опускает указание своего источника на взаимосвязь описываемых событий с предстоящим красным десантом, ср.: «В предвидении ночной посадки десанта мы в течение нескольких дней терроризировали город своими обысками и арестами на улицах города, особенно на Штандарте. И в конце концов добились того, что через несколько дней с вечерней темнотой ни единая живая душа не появлялась на улице» (*Эпштейн*. С. 67).

С. 164. *...маленький истребитель «Звезда»*. — В реальности в десанте участвовал катер-истребитель МИ-17, из серии сторожевых катеров, построенных в 1915–1917 гг. американской фирмой «Гринпорт» по заказу Главного управления кораблестроения морского министерства. «При водоизмещении 25 т они имели длину 21,95 м, ширину 3,35 м, осадку 0,61 м. Три мотора по 360 л. с. сообщали им скорость в 30 узлов. При запасе бензина 4 т дальность плавания 20-узловым ходом составляла 500 миль» (URL: <http://commi.narod.ru/bmc/mk1ka/ka43.htm>).

К вечеру того же дня пришло в порт турецкое транспортное судно «Шаня». — В воспоминаниях Эпштейна и Тольского это судно по неизвестной причине именуется «Шанин», в действительности оно называлось «Шахин». Пароход «Шахин» (длина 126 м, ширина 16,2 м, осадка 7,8 м. Мощность машин 2500 л. с., скорость 11 узлов) и две канонерские лодки по приказу Кемаль-паши, опасавшегося захвата их англичанами, пришли в Новороссийск из Трапезунда в сентябре — октябре 1920 г. и по приходе в Новороссийск были переданы в пользование советскому правительству. В 1921 г. «Шахин» был возвращен Турции. (*Варнек П.* У берегов Кавказа... С. 239; *Боевой состав флотов противоборствующих сторон...* С. 449).

Кемаль-паша — Гази Мустафа Кемаль-паша (Gazi Mustafa Kemal Pasa), Ататюрк (Ataturk; «Отец турок») (1881–1938) — руководитель национально-освободительной революции в Турции 1918–1923 гг., первый президент Турецкой республики (1923–1938). В области внешней политики Ататюрк стремился к подержанию дружественных отношений между Турцией и Советской Россией.

Один красноармеец загремел винтовкой — его враз уgomонили, и он почувал свой срам до самого сердца. — Ср.: «Один товарищ нечаянно оступился и ударился ногой о рельсы. Послышался небольшой звон, вызвавший всеобщее шиканье и негодование красноармейцев. Неудачливый товарищ сконфузился и всю дорогу старался не дышать, чувствуя себя ужасным преступником» (*Тольский*. С. 69).

С. 165. *Вышел на середину военный комиссар полка и негромко начал говорить...* — В воспоминаниях Эпштейна и Тольского воспроизводятся две

речи, произнесенные перед красноармейцами: первая — при первоначальном отборе добровольцев из состава 31-й дивизии, вторая — речь самого Тольского за полчаса до ночной посадки на суда уже сформированного «полка особого назначения при реввоенсовете 9-й армии». Платонов объединяет обе речи в одну, заимствуя детали как у одного, так и у другого автора.

Сейчас у нас не митинг, и я скажу не много... — Реальная деталь из речи Тольского: «Выхожу вперед, прошу внимания и начинаю говорить. Заявляю, что сейчас не место и не время митингованию» (Тольский. С. 67).

Там мы должны соединиться с действующими в тылу Врангеля ~ загореть ему море, чтобы выжечь сразу всю эту заразу. — В данном случае Платонов вводит в речь комиссара рассуждения из статьи Эпштейна о причинах проведения десанта одновременно с разгромом Врангеля в Крыму в ходе Перекопско-Чонгарской операции (7–17 ноября 1920 г.): «...появление в этот момент хотя бы и небольшого, но вооруженного с ног до головы, отряда отборных храбрецов в тылу у Врангеля внесло бы там панику, расстроило бы все эвакуационные планы, дало бы возможность объединить действовавшие отряды крымских красно-зеленых партизан <...> Каждая полученная весть о новой одержанной нами победе не только не ставила под вопрос всю эту затею, но наоборот, диктовала необходимость быстрее ее осуществить. На первый план уже выдвигалась задача не дать Врангелю отчалить, разрушить пути его отступления, захватить его обозы, взорвать мосты, терроризировать сочувствующее ему население, навести ужас и панику в тылу отступающего врага» (Эпштейн. С. 65–66).

Добраться до Крыма нам будет тяжело, и это рискованная вещь. ~ и мы освободим такого товарища! — Фрагмент написан на основе воспоминаний Эпштейна: «Мы предупреждаем, еще сгущая краски, что дело серьезное, что дело не шуточное, опасное, мучительное, почти верная смерть. Мы спрашиваем: “Кто смущен, кто робеет, кто чувствует себя сейчас не в силах жертвовать собой, пусть не скрывает, пусть лучше скажет, и вовремя его успеют заменить другим”» (Эпштейн. С. 66).

С. 165–166. *Я жду вашего ответа, товарищи красноармейцы! ~ отдать свою кровную силу и жизнь, раз то надо советской власти, — вот и все!* — В данном эпизоде Платонов расширенно воспроизводит воспоминания Тольского: «Спрашиваю, что ответить РВС Армии, который ждет результатов нашей беседы. Кончаю. <...> Темнота южной октябрьской ночи не дает возможности различить выражение лиц. <...> Выступает из рядов беспартийный товарищ и от имени всего отряда просит благодарить РВС за оказанную нам высокую честь и передать торжественную клятву всего отряда отдать все свои силы, свои жизни там, где от них требуют интересы революции и Советской власти» (Тольский. С. 69).

С. 166. *...английские корабли ему спасенья не дадут!* — Британский флот принимал участие в эвакуации Добровольческой армии из Новороссийска в марте 1920 г., но эвакуация армии Врангеля и гражданского населения из Крыма осуществлялась на кораблях Русской эскадры под покровительством Франции, в связи с чем на фор-стенеге русских судов был поднят французский флаг. Эскадра была переправлена в Тунисский порт Бизерту под конвоем французских кораблей.

С. 167. ...*рассказывал им о Троице, которого никогда не видел ~ и собою — полный герой!* — В конце 1920-х гг. данная характеристика Троицкого стала недопустимой по политическим причинам, и Платонов, пытаясь издать повесть после выхода СЧ, был вынужден произвести редактуру данного фрагмента (см. выше с. 624–625).

В отряде, назначенном в десант, было пятьсот человек ~ прощаясь с матерями, женами, отцами и более дальними родственниками. — Сюжет заимствован из воспоминаний Тольского: «По отряду был отдан приказ, рекомендуемый товарищам написать на родину письма <...> До самого вечера писались непривычные заскорузлой рукой прощальные письма своим близким во все уголки необъятной Советской страны. Выводили буквы криво, но чрезвычайно усердно, с должной серьезностью и вниманием» (Тольский. С. 68).

С. 168–176. *В мрачной темноте засияли перемежающимся светом огни судовых сигналов. ~ На истребителе Кныш командовал, а я связался с сухопутной курицей!* — Сопоставляя данный фрагмент с воспоминаниями Тольского, можно заметить, что Платонов заимствует из него не только общую последовательность событий, но и особо выразительные детали, вплоть до описания физического и психологического состояния людей (в приводимом ниже фрагменте статьи Тольского выявленные нами пересечения текстов выделены курсивом):

«Внезапно в сплошной темноте ярко засветились огненные глаза судовых фонарей, и отряд вступил на самую пристань. Началась посадка. Как и было условлено, на “Шанин” посадили весь отряд, на катер “Орион” — 30 человек разведки и на истребитель — военморы.

Погрузка продолжалась часа два и имела необычайно причудливый, фантастический вид. Черные силуэты людей, ползущих как муравьи на судно и пропадающих в трюме, тусклые таинственные огни, еще резче очерчивающие окружающий мрак, тревожные, хриплые гудки, странные, чудовищные корпуса пароходов, еле вырисовывающихся на общем фоне безмолвия и искусственной тишины, — все это производило на нас никогда не испытанное чувство чего-то рокового и фатального.

К 12 часам ночи все было готово. Мы наскоро попрощались с остающимися товарищами, с РВС, рассеянно выслушали напутственное пожелание, несвязно что-то бормотали в ответ и прыгнули на палубу. Раздалась морская команда, и почва под нами задвигалась. Мы отчалили. Через пять минут последние очертания суши исчезли. Мы погрузились в объятия морского холодного мрака.

Мы плыли вдоль берега. Огней не зажгали. Большую часть отряда разместили в трюме. Набили людей, как сельдей в бочке. Лечь невозможно было. Сидели, скорчившись на корточках. Курить воспрещалось во избежание возможного пожара. Небольшая часть отряда разместилась вверху на палубе. Здесь было не так душно и не так тесно, как в трюме, но зато сыро и холодно. Разговаривать нельзя было, так как мы старались придать “Шанину” безлюдный вид товарного транспорта. Пароход еле слышно, медленно двигался, врезаясь грудью в застывшую морскую мглу. Рядом невидимые где-то двигались истребитель и “Орион”. Время от времени условным сви-

стом давали о себе знать. А темень все больше сгущалась, нависала, накладывая на душу отпечаток какого-то неуловимого беспокойства. Все, казалось, насторожилось, примолкло и трепетно ожидало событий.

Прошло часа три. Море, еще недавно загадочно спокойное, заволновалось, забурило. Оно проснулось после ночного сна и заговорило. Спокойная поверхность его покрылась тысячами мелких волн, которые гонялись одна за другой и громко рокотали. Они постепенно росли и множились. Образовались высокие морские холмы и глубокие пропасти, в которых то подымался на самый гребень пенящейся волны, то стремительно несся вниз наш пароход. Начался норд-ост.

Ветер с каждой минутой крепчал все больше. Еще через час буря разыгралась не на шутку. Пароход, как щепку, бросало из стороны в сторону. Брызги морской пены заливали палубу и лежащих на ней людей. В воздухе чувствовалась какая-то тяжесть, как перед грозой. Острый холод пронизал все тело. Наши красноармейцы, не привычные к морю, сильно страдали от морской болезни. Сотни людей лежали на палубе в полуобморочном состоянии и плевали за борт. Физическое самочувствие было прескверное. <...> Между тем мы приближались к самому опасному месту — Керченскому проливу.

К этому времени мы потеряли из виду свой истребитель. Куда он делся, мы не знали. С катером мы продолжали обмениваться сигналами. А буря все свирепела. Небо, и без того темное, стало еще более мрачно и непроглядно. Море превратилось в сплошной бушующий котел, где безумно хлопотали и бесновались, как сумасшедшие, волны. Пароход вышел из повиновения капитана и несся по воле стихии. Окружающий рокот и шум волн, дикое завывание ветра, вся эта вакханалия бушующего моря производила на нас, сухопутных людей, впечатление сущего ада, где все демоны зла ополчились против человека.

Еще через час мы благополучно проскочили в Керченский пролив; оказалось, что норд-ост сослужил нам большую службу. Сторожевые военные катера белых, охранявшие пролив, укрылись от бури в Керченскую гавань и поэтому не заметили нас. Неприятельские прожектора из-за сильного сотрясения атмосферы плохо работали и не сумели нас нацупать. Таким образом, эта часть операции нам удалась.

Скоро стало светать. Мы находились уже в Крымских водах. Утренняя заря осветила несколько туманный горизонт и жуткую картину kloкочущего моря. Когда совсем рассвело, мы заметили исчезновение “Ориона”. <...>

Когда наступил день, на горизонте показались подозрительные дымки и нам пришлось спасаться в открытом море. Здесь норд-ост еще больше свирепствовал. Палубу усиленно заливало водой. Люди страдали от морской болезни и непрерывного холодного душа. <...> К счастью, наш капитан, турок, старый испытанный моряк, искусно лавировал меж волн и спасал пароход от самых страшных водяных гор. Норд-ост при всей его опасности нас очень радовал. Сторожевые суда в такой день не находили нужным быть особенно бдительными и далеко в открытое море не выходили. Этим только и объяснялось то обстоятельство, что мы целый день пропрыгали на волнах совершенно безнаказанно.

После полудня, примерно в четвертом часу, был правда тревожный момент, когда мы считали свою песенку спетой. На горизонте к этому времени показалось четыре дымка, которые стали приближаться, как будто с намеренной целью окружить нас. Одно судно явно заметило нас и стало давать сигналы о приближении. Положение было не из важных. Мы метались из стороны в сторону и не знали, куда деваться.

Вдобавок, капитан по дыму определил, что одно из судов, по всей вероятности, военный крейсер. Это значило, что нам не удастся ускользнуть.

Но здесь нам опять помог норд-ост. Он достиг своего апогея. Матросы, старые черноморцы, утверждали, что такого шторма уже много лет не было. Так как буря метала нас из стороны в сторону, то противнику трудно было взять правильный курс на наш пароход и еще труднее было плыть наперекор волнам.

Таким образом, три неприятельских дымка постепенно исчезли в стороне, и мы удачно выскочили из кольца. Но четвертое судно продолжало неотступно за нами следовать и скоро вырисовались на горизонте его смутные очертания. Оно оказалось сильно вооруженным торговым пароходом. Он, как более быстроходный, определенно нагонял нас. Но шторм не позволил ему подойти вплотную. Он ограничился тем, что стал допрашивать нас сигналами: куда мы идем. Надо сказать, что с вступлением в Крымские воды мы выбросили врангельский национальный флаг и поэтому по внешнему виду напоминали обыкновенное белое торговое судно. Чтобы избавиться от назойливого парохода, мы ответили, что едем из Керчи в Феодосию и везем соль.

Всех красноармейцев мы загнали в трюм так, что палуба опустела, на ней оставались одни турки в национальных костюмах. Это помогло обмануть доверие белых купцов. Так как из-за сильного шторма не могли нас буксировать, то ограничились подозрительным оглядыванием нас из бинокля и проплыли мимо. Опасность миновала.

Больше в этот день нас не тревожили. Изредка, правда, показывались пароходы, но все торговые, которые боялись нас еще больше, чем мы их.

Интересно отметить душевное состояние красноармейцев во время указанных событий. Измученные лихорадкой, тошнотой и сырым холодом, они старались быть веселыми и бодрыми. Залихватски пели революционные песни, шутили, искусственно много смеялись, рассказывали веселые анекдоты и случаи из истории гражданской войны. Одним словом, что называется подтягивались. Делали вид, что вся эта беснующаяся морская стихия, таящая в своих пучинах смерть пароходов, — их совершенно не беспокоит, не тревожит. Иронически друг над другом подтрунивали. Тормошили приунывших. В морской болезни видели признак физической слабости и стыдились ее. Вопросительно глядели на нас, как бы спрашивая одобрения. Когда появилась опасность потопления нас белогвардейским пароходом, имевшим на бортах четыре пушки, товарищи оживились. Им, очевидно, надоела монотонность плавания, и они рады были какому бы то ни было разнообразию.

Кстати, любопытно отношение красноармейцев к самому этому факту. Красноармейцы упорно не хотели верить, что их могут так просто потопить. Они непоколебимо верили в чудодейственную силу своих винтовок и вызывающе глядели на неприятельские пушки.

“Расстреляем их из винтовок и покажем силу Красной армии,” — таково было общее убеждение всех красноармейцев. Это казалось смешным и наивным, но очень характерно для красного бойца, *привыкшего* всегда и везде побеждать.

Так прошла ночь. Пристать к берегу не было никакой возможности. Море совсем обезумело. Пароход бросало по волнам, как игрушку. Обшивка вся трещала, и казалось, вот-вот рассыпется. *В воздухе кружились в дикой пляске столбы ветра.* Звуки сливались в сплошной концерт самых разнообразных, неслыханных аккордов. Мы рады были наступлению утра.

— При свете и умирать легче, — говорили ободрившиеся красноармейцы. Но здесь нас ожидал новый сюрприз. *Внезапно из самой морской бездны вынырнул было наш пропавший катер “Орион”.* С ним творилось что-то невообразимое. Море, казалось, задало целью наказать дерзкое суденышко, посмевавшее бороться с волнами. *Катер трепало* так, что ежеминутно он тонул в торжествующих волнах, но потом снова отряхивался и появлялся на поверхности. Огромные водяные волны перекатывались через его палубу. *Целые горы обрушивались на его мачты, но “Орион” упорно сопротивлялся. Он хотел пристать к нам, но волны неизменно отбрасывали его назад.*

В довершение беды *на катере обнаружилась течь.* Вода быстро хлынула во внутрь катера. Каюты в течение пяти минут были залиты. Наша разведка и команда “Ориона”, в количестве 50 человек, *собрались на палубе, издавая нечеловеческие, звериные вопли и крики о помощи. Лица их были ужасны и сводились судорогой, потеряли всякую осмысленность.* Никогда в жизни мне не приходилось больше видеть *таких мертвенно-бледных, белых лиц, таких безумных, лихорадочно горящих глаз, таких смертельно испуганных людей, судорожно цепляющихся за жизнь.*

Их вопли, их мольбы угнетающе действовали на нас, *приводили в неистовство.* Но мы были бессильны помочь. Нас разделяли только сотни сажень, а *приблизиться к катеру было невозможно.* Наше душевное состояние стало невыносимым. Вынужденное бездействие *приводило нас в бешенство.*

Мы *стусили на воду* единственную запасную лодку, посадили в нее несколько смельчаков и отвязали канат. *Лодка завертелась,* поплыла в водоворот и в несколько секунд затонула. Люди еле спаслись вплавь.

Положение поистине было трагическое, мы *переживали* больше душевных терзаний, чем наши тонувшие товарищи. К несчастью, на катере *вода попала в машинное отделение,* и с минуты на минуту следовало ожидать взрыва. “Орион” должен был взлететь на воздух, мы, буквально, сходили с ума от своего бессилия. Ломали руки, но ничего не могли сделать. Еще пять долгих тягостных минут, *бешеная морская волна подхватила несчастный катер и подкинула вверх так, что он очутился под нами.*

— *Прыгайте вниз!* — *закричали мы* товарищам. Жуткая секунда замешательства, и *десятки человеческих тел замелькали в воздухе. Падая вниз они шибали нас с ног.* Еще минута, и *48 товарищей были спасены, только двое промелькнули мимо палубы и нашли себе смерть в волнах.* Спасенные, как ошалелые, несколько минут глядели на нас, потом они стали *испускать торжествующие, радостные крики, как звери, вышедшие победителями в борьбе за жизнь; через минуту на катере послышался взрыв, и он взлетел на воздух.* Так погиб “Орион”.

В 12 часов дня мы *созвали* в каюте капитана *совещание*. Что делать? *Произвести десант было невозможно. Ветер беспощадно гнал нас от крымского берега. Но если бы даже и поборили течение и приблизились к берегам, нам не на чем было высаживаться. Истребитель пропал, "Орион" погиб, а "Шанин" глубоко сидел в воде и не мог подойти к берегу. Судьба явно смеялась над нами. Но нужно было скорее на что-нибудь решаться, возникала опасность, что, если норд-ост утихнет, не будет возможности обратно проскочить через Керченский пролив. Поэтому после часового совещания мы решили вернуться в Новороссийск.*

Это обратное плавание большого интереса не представляло. *В проливе нас нацупали белые прожектора, но почему-то стрельбы из крепостных орудий не открыли. Должно быть, они нас приняли за свое торговое судно. Одно время и на "Шанине" образовалась течь, но мы общими усилиями с ней быстро справились. Поздно ночью, полумертвые от усталости и всего пережитого, мы вошли в Новороссийскую гавань. Выгрузились в вагоны. Чувствовали себя несколько неловко. Сколько я ни уверял красноармейцев, что они сделали все, что могли и оправдали доверие Республики, товарищи продолжали испытывать некоторое смущение по поводу невыполнения задания.*

На другой день мы *вели переговоры* по прямому проводу с РВС. Доложили о своей неудаче и просили последующих распоряжений. К вечеру получили оперативный приказ повторить попытку десанта. Без ропота, без единого протеста, еще не успевшие отдохнуть от перенесенных физических и моральных потрясений, красноармейцы *снова погрузились на пароход*. <...> *На "Шанине" развели пары, и пароход был готов к отплытию.*

В последний раз *пошли на телеграф донести рапортом об отправлении*. Но как раз в этот же час было получено радио о занятии нашими южными армиями Перекопа. Врангельская мышеловка была открыта, и занятие всего Крыма стало вопросом времени, *смысл нашего десанта и его надобность миновали*. Ревсовет армии приказал снова выгрузить отряд и вовсе отказаться от затеи десанта. Когда красноармейцы узнали, что десант отменен, *наравне с понятной радостью обнаружили также некоторое разочарование, в том отношении, что дело сделано будет без них*. <...>

Дополнительные сведения говорят нам о том, что *истребитель сумел выбраться на Крымский берег. Часть товарищей военморв пробралась в горы и соединилась с красно-зеленой повстанческой армией*.

С. 170. *Норд-ост — северо-восточный ветер.*

С. 172. *...шла под врангелевским флагом.* — Корабли и суда Белого флота, как правило, использовали флаги и символику Российского императорского флота.

С. 174. *Мое яблочко / Несолоное, / В море Черное / Уроненное...* — Один из многочисленных вариантов популярной частушки Гражданской войны «Яблочко».

С. 175. *...партком у нас в дореволюционном доме губернатора помещался!* — Слова Пухова отражают широко распространенную практику использования советской властью административных зданий дореволюционной России. В частности, воронежский Дом губернатора — официальная резиденция губернаторов, объединявшая в себе канцелярию губернатора и

его жилые покои, — после Февральской революции 1917 г. стал Домом народных организаций, в котором разместились военно-революционный комитет, Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, женсовет, редакция газет, штаб рабочих дружин города и т. д. В 1920-е гг. часть этого здания занимала губсовпартшкола (она же губернский рабоче-крестьянский коммунистический университет), где в 1921 г. учился А. Платонов.

С. 176. *На истребителе Книш командовал...* — В действительности истребителем командовал будущий знаменитый полярник и контрадмирал И.Д. Папанин. Для него эта высадка во врангелевском Крыму была уже второй по счету — первая была осуществлена приблизительно в том же месте (недалеко от деревни Капсихор) в августе 1920 г. Затем, с целью согласования действий крымских партизан со штабом Южного фронта, он был направлен обратно в советскую Россию, куда добирался с контрабандистами, через Турцию.

Врангель ликвидируется! Красная Армия Симферополь взяла! — Симферополь был занят частями Красной армии в ходе Перекопско-Чонгарской операции 13 ноября 1920 г.

С. 177. *Контргайка* — вторая гайка, навинчиваемая рядом с основной на тот же болт и препятствующая ее самоотвинчиванию.

А ты знаешь приказ о трудовых армиях? — *Трудовые армии* — военные формирования Красной армии, использовавшиеся в 1920–1922 гг. в народном хозяйстве, создавались в специфических условиях начала 1920 г., когда советская Россия приступала к восстановлению разрушенного войной хозяйства при существующей опасности военного нападения. По этой причине ЦК партии и советским правительством было принято решение, не сокращая армии в целом, использовать некоторые ее соединения и части в народном хозяйстве. 9-й съезд РКП(б) (29 марта — 5 апр. 1920 г.) в резолюции «Об очередных задачах хозяйственного строительства страны» в разделе «Трудовые армии» отметил их значение и указал на их временный вынужденный характер. С введением нэпа 30 декабря 1921 г. СТО постановил расформировать трудовые армии.

Как родная меня мать / Провожа-ала, / На дорогу сухих корок / Собира-ала! — Вариация на тему популярной песни Гражданской войны «Проводы». Стихотворение, положенное в основу этой песни, было написано Д. Бедным в 1918 г. В оригинале первый куплет был следующим: «Как родная мать меня / Провожала, / Как тут вся моя родня / Набезала...» В целом песня представляла собой отповедь новобранца Красной армии родственникам, уговаривающим его остаться дома.

Оковалок — большой кусок чего-нибудь (обычно съедобного), также употребляется применительно к чему-либо большому, крупному, тяжелому по весу; в переносном значении — медлительный, нерасторопный человек.

С. 178. *В глупом городе ~ Пухов прожил четыре месяца, считая с ночного десанта.* — В соответствии с этим указанием Пухов остается в Новороссийске до марта 1921 г.

Азовско-Черноморское пароходство — до июня 1921 г. на Черном море существовала Азовская военная флотилия, по расформировании которой ее личный состав и корабли были переданы Черноморскому флоту. Государст-

венное Черноморско-Азовское пароходство было учреждено СТО РСФСР в системе Наркомата путей сообщения постановлением от 13 июня 1922 г. Местопребывание правления и директора-распорядителя данного пароходства находилось в Одессе.

С. 179. ...*капитал не вещь, а отношение...* — Речь идет об одном из базовых положений экономической теории К. Маркса: «Капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч. 2. С. 380–381).

С. 180. *Со станции Тихорецкой поезда на Ростов не шли, а ходили в обратную сторону — на Баку. Из Баку Пухов собирался дойти до родины — вкось по берегу Каспийского моря и по Волге...* — В начале XX в. Тихорецкая — узловая станция Владикавказской железной дороги в одноименной станции Кубанской области. В действительности, для того чтобы добраться до Волги по берегу Каспийского моря, не было необходимости заезжать в Баку, поскольку этим путь удлинялся на расстояние около 800 км. Промежуточным пунктом на пути из Тихорецкой в Баку являлся расположенный гораздо северней на берегу Каспийского моря Петровск-порт (совр. Махачкала). Кроме того, намечая маршрут Пухова, Платонов игнорирует существовавшую с 1899 г. железнодорожную линию Тихорецкая — Царицын.

С. 181. *Он находил необходимым научное воскрешение мертвых...* — Платонов приписывает герою собственное устремление, открыто выражавшееся уже и в раннем творчестве: «Когда же дойдем мы до дома / И в нем до утра отдохнем. / Сойдемся, увидим умерших, / Забытых, далеких вернем. / Когда же эту смерть вместе с жизнью / Сожжем в яме скорби своей, / И встанем с соломой детьми / У матери в доме родном!» (Домой // Сочинения, 1(1). С. 385); «Мы все воскреснем, живыми встанем» (Мысль // Там же. С. 386); «Может, будет лето и воскреснут дети, / И протянет руки нам родная мать» («В эти дни земля горячее солнца...» // Там же. С. 413); «После крови и озверения, какое необходимо в войне, придет наша красная весна, загремят наши заводы не по-теперешнему, засмеется земля вместе с нами, в первый раз в человеке родится счастливая мощная душа. Может быть, волею наших разумных детей, мы воскреснем тогда все. Снова будем здесь живыми» (Красная весна // Красная деревня. 1920. 8 сент. С. 1); «Человечество давно (и тогда уже) перестало спать и было почти бессмертным: смерть стала редким случайным явлением, и ей удивлялись, а умерших немедленно воскресали» (Жагда нищего // Сочинения, 1(1). С. 168).

Но знакомые коммунисты, прослушав мудрость Пухова ~ ты сам понимаешь, что надо соблюдать конкретность цели... — Отголосок реальной критики в адрес некоторых идей самого Платонова. К примеру, в ноябре 1920 г. в связи со статьей Платонова «Будущий Октябрь» Литвин-Молотов публично рекомендовал ему: «Вместо того, чтоб тратить время на мудрствование о каком-то “будущем октябре”, лучше было бы подумать о том, где подлинный коммунизм и как должно идти его строительство <...> Если фундамент заложен, то дальнейшая постройка складывается по кирпичикам. Таким образом и вся наша жизнь состоит и строится из мелочей, которые

следуют за крупными преобразованиями. Этими “мелочами”, составляющими сейчас нашу основу, и следует заняться, их нужно подметить, развить или исправить, а не заниматься ненужными, необоснованными и глубоко неверными давно уже решенными теоретическими рассуждениями, которые для теперешнего времени являются лишь “никчемным мудрствованием”» (Подлинный коммунизм. Мудрствующим о «будущем октябре» // Воронежская коммуна. 1920. 26 ноября. С. 2).

А я, брат, Каспийское пароходство налаживаю... — В действительности Государственное Каспийское пароходство было учреждено одновременно с Азовско-Черноморским (см. выше с. 655–656), т. е. летом 1922 г.

С. 181. *Ряжка* — в данном случае то же, что *ряшка*, от *ряха*, т. е. лицо.

...тебе обязательно надо кровь слить! — Фактически Пухов предлагает Шарикову применить кровопускание, лечебный метод, широко применявшийся в медицине вплоть до конца XIX в.

Классовая солидарность — взаимопомощь и поддержка действий представителей своего класса на основе осознания общности интересов и целей. Одно из основных понятий классовой теории К. Маркса.

...командировку в Царицын — для ~ заказа заводам подводных лодок... — Систематическое строительство подводных лодок в России началось в 1902–1903 гг., к 1916 г. в состав Российского военно-морского флота входило 55 подводных лодок, 4 лодки достраивались на плаву и 18 лодок находились на стапелях в постройке. Заказы по строительству подводных лодок выполнялись Балтийским и Невским заводами, Охтенской верфью, а также на заводах в Ревеле и Николаеве (*Шершов А.П.* История военного кораблестроения. СПб., 1994. С. 258–261). В Царицыне строительство подводных лодок не осуществлялось.

...на случай войны с английскими интервентами, засевшими в Персии. — Персия — после 1935 г. *Иран*. В соответствии с внутренней хронологией повести данное заявление является анахронизмом. Согласно советско-иранскому договору о дружбе от 26 февраля 1921 г. Иран обязывался не допускать присутствия на своей территории иностранных войск, что конкретно подразумевало вывод из страны находившихся там войск Британии. Помимо этого, по договору 1921 г. советская Россия получила такое исключительное политическое преимущество, как право вводить свои войска в Иран в случае возникновения опасности для ее собственных границ или территории ее союзников. Британские войска были выведены из Ирана в мае 1921 г.

С. 183. *...пробивался Пухов в потоке несчастных людей на Царицын.* — Единственно возможным вариантом для перемещения по железной дороге из Баку в Царицын был путь через ту же станцию Тихорецкую, откуда Пухов изначально отправился в Баку (см. выше с. 656). Даже если предположить, что часть пути герой, как и намеревался, проделал пешком, в какой-то момент он в любом случае должен был оказаться на железнодорожной линии Тихорецкая — Царицын.

Анатолія — Малая Азия, с 1920-х гг. название азиатской части Турции.

А ты не видела там созвездия Креста... — Речь идет о созвездии южного полушария неба Южный Крест. Полная видимость этого созвездия

возможна лишь южнее 25-й параллели северной широты, частичная — между 25-й и 34-й параллелями северной широты. Крайняя южная точка анатолийского побережья Турции — мыс Анамур — расположена на 36-й параллели северной широты.

С. 184. *Иваново-Вознесенск* — с 1932 г. город Иваново.

Месопотамия — историко-географический регион на Ближнем Востоке, расположенный в долине рек Тигра и Евфрата, на начало XX в. входил в состав Османской империи. По Севрскому мирному договору, подписанному 10 августа 1920 г., основная часть Месопотамии перешла под управление Британии (мандатная территория Месопотамия). В августе 1921 г. на данной территории было образовано Королевство Ирак со столицей в Багдаде.

...о какой-то речке *Курсавке*... — В качестве названия реки использовано название ставропольской железнодорожной станции Курсавка.

...а про *Великий или Тихий океан забыл*... — Поскольку выше речь шла о путешествии в Аргентину (занимает юго-восточную часть материка Южной Америки), персонаж на пути в нее должен был пересечь Атлантический, а не Тихий океан.

С. 185. *Ливенская гармонь* — тип гармони, ведущий свое название от города Ливны Орловской губернии, в окрестностях которого в середине XIX в. было широко налажено их производство. Одной из особенностей ливенки является длинный, по сравнению с другими гармониками, мех, что определяло и особую манеру игры — растягивая инструмент во всю длину руки, гармонисты во время игры выделяли различные фигуры самой гармоникой. В своей массе ливенка была одной из самых дешевых гармоник.

...там и спроси *французский завод!* — Речь идет о металлургическом заводе ДЮМО (предприятие Донецко-Юрьевского металлургического общества), построенном в Царицыне в 1897 г. с привлечением капиталовложений французских и бельгийских фирм. При захвате города белогвардейцами в июне 1919 г. завод был разрушен, фактически превращен в груды развалин.

С. 188. *Сухая Шоша* — вымышленное название, образованное по аналогии с реальными, типа: Сухая Гать, Сухая Жалка, Сухая Липовица и т. п. Также на территории России существует две реки с названием *Шоша*: приток Волги (в Тверской и частично Московской областях) и приток Шексны (в Вологодской области).

Ясная Меча — вымышленное название, образованное по аналогии с Ясная Поляна. Населенные пункты, в название которых входит слово *Меча*, существуют в Липецкой и Тульской областях (Красивая Меча, Сухая Меча), Пермском крае (Верхняя Меча).

Это город Похаринск! Вон агрономический институт... — Агрономический институт, т. е. городок сельскохозяйственного института, — реальный ориентир, позволяющий отождествить Похаринск с Воронежем; был выстроен на высоких холмах напротив Отрожских железнодорожных мостов. В соответствии с этим фактом находится и упоминание о предшествующем переезде поезда через реку.

С. 189. *Маневровая кукушка* — небольшой маневровый паровоз.

...паровые молотилки *«Мак-Кормик»*... — Молотилка, изобретенная американцем Сайрусом Маккормиком (1809–1884), была запатентована в

1834 г. В 1847 г. семья Маккормиков открыла свое производство сельскохозяйственных машин в Чикаго. Под руководством сына изобретателя, Сайруса-младшего, компания McCormick Harvesting Machine Company (после 1902 г. стала частью International Harvester) успешно развивала торговую сеть и поглощала конкурентов. Молотилка Маккормика была отмечена многочисленными наградами и премиями, в частности, получила золотую медаль Всемирной выставки в Лондоне (1851).

...*локобили Вольфа с пароперегревателем*... — Локобили, произведенные на основанной в 1862 г. инженером Рудольфом Вольфом фабрике по производству локобилей, корабельных паровых машин и оборудования (располагалась в городе Букау, в 2 км южнее Магдебурга). В 1921 г. предприятие было преобразовано в крупный машиностроительный концерн «Maschinenfabrik Buckau AG und die R. Wolf AG». *Пароперегреватель* — устройство для перегрева пара, см. выше с. 645.

...*волжское пароходство «Самолет»*... — одно из трех крупнейших российских дореволюционных пароходств на Волге.

...*лодочные моторы «Иохим и К^о»*... — Фирма «Торговый дом “Ф. Иохим и К^о”» была основана в России в 1860 г., вела торговлю фотоаппаратами и сопутствующими товарами в Москве и Санкт-Петербурге.

...*велосипеды «Пежо»*... — Серийный выпуск велосипедов французской фирмы «Пежо» начался в 1882 г., уже в 1889 г. велосипеды марки «Пежо» были представлены на Всемирной выставке в Париже. Велосипеды «Пежо» оставались одной из главных марок во Франции вплоть до 1980-х гг.

Дело было в колесном цехе Похаринских железнодорожных мастерских. — Речь идет о Воронежских железнодорожных мастерских, см. выше с. 642.

Шелевка — тёс, тонкие доски.

Колесный бандаж — часть колеса, непосредственно взаимодействующая с рельсом.

С. 190. *Вчера я был в ревкоме*... — Очередной анахронизм с точки зрения внутренней хронологии повести. *Ревкомы* — временные властные органы, создаваемые большевиками и наделенные чрезвычайными полномочиями, действовавшие во время Гражданской войны в России. Сосредоточивали всю полноту гражданской и военной власти. 2 января 1920 г. в связи с освобождением от белых большей части европейской территории РСФСР Совет рабоче-крестьянской обороны принял постановление об упразднении губернских и уездных ревкомов. В качестве исключения ревкомы могли сохраняться на вновь освобождаемых территориях, где еще не были созданы местные советы. Так, в целом ряде уездов Курской и Воронежской губерний ревкомы были упразднены лишь во второй половине 1920 г.

Сегодня ячейка... — Речь идет о заседании партийной ячейки РКП(б); до 1934 г. ячейка являлась первичной партийной организацией.

С. 191. *Да я тут в отряде особого назначения состою*... — Части особого назначения (ЧОН) — военно-партийные отряды, создавались на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. при заводских ячейках, райкомах, горкомах и губкомах партии для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы

у особо важных объектов и т. п. 24 марта 1921 г. ЦК партии принял постановление о включении ЧОН в состав милиционных частей Красной армии на основании решения X съезда РКП(б). Части ЧОН были расформированы в 1924–1925 гг. в связи с улучшением внутреннего и международного положения СССР и укреплением Красной армии. В некоторых своих анкетах разного времени Платонов упоминал, что и сам какое-то время состоял в железнодорожном отряде особого назначения.

Хлеб у мужиков ходишь, что ль, отнимать? — Речь идет об осуществлении продразверстки, что с точки зрения хронологии повести является очередным анахронизмом.

С. 194. *...я и вернись из-под Крыма на «Герое Троцком» — пароход такой есть.* — Название парохода является вымышленным. В издании 1929 г. и верстке ГИХЛ данное упоминание о Троцком было подвергнуто правке по политическим соображениям (см. с. 624–625 наст. изд.).

...я тебя к Красному Георгию представляю! — Имеется в виду, что Пухов должен получить некий советский аналог Георгиевского креста (знак отличия военного ордена Святого Георгия для нижних чинов). В действительности на время действия повести единственной государственной наградой являлся орден Красного Знамени, учрежденный декретом ВЦИК 16 сентября 1918 г.

С. 196. *Губпродком* — губернский продовольственный комитет, местный орган Наркомата продовольствия. Согласно опубликованному 31 мая 1918 г. декрету ВЦИК о реорганизации Наркомпрода и его местных органов, учреждались губернские, областные, уездные и городские продовольственные комитеты, подчиненные Наркомпроду, в составе комиссаров продовольствия (в губерниях, уездах, областях), коллегий при них и представителей потребляющих губерний. Продкомитеты были основными проводниками продовольственной политики Советской власти на основе продразверстки: осуществляли заготовку хлеба и других продуктов (через заготконторы, кооперативы и т. п.), их распределение, снабжение сельского населения промтоварами первой необходимости. При продкомитетах имелись особые отряды из рабочих (продотряды). С переходом к нэпу губернские и уездные продкомитеты осенью 1921 г. были преобразованы в продовольственные отделы местных Советов.

Монастырь стоял на бугре и господствовал над городом и степями за речной долиной. — Архитектурная примета города Воронежа — речь идет о Митрофановском Благовещенском монастыре.

С. 197. *Блиндированный* — от *блиндировать* — создавать защиту от огня противника с помощью различных материалов, в данном случае при помощи обшивки из листов брони.

Замки трехдюймовых орудий воняли салом... — В огнестрельном оружии *замок* — механическое устройство для воспламенения порохового заряда, в современных образцах обычно называется ударно-спусковым механизмом. В настоящее время замками обычно называют затворы артиллерийских орудий. *Трехдюймовая* пушка — артиллерийское орудие калибром 3 дюйма, т. е. 76 и 76,2 мм.

...пробовал рукою хоботок пулемета: не перегревается ли? — *Хоботом* называется задняя часть станка пулемета, служащая упором при стрельбе.

В данном случае речь идет о кожухе пулемета, в котором размещался ствол орудия, пароотводная трубка и охлаждающая жидкость. При продолжительной стрельбе вода в кожухе закипала. По инструкции при автоматической стрельбе рекомендовалось охлаждать пулемет через каждые 500 выстрелов.

...прицел сто десять, трубка девяносто... — Команда «трубка» определяет время срабатывания взрывателя на снаряде; на указанное значение устанавливается положение замедлителя взрывателя (дистанционной трубки); применяется для подрыва снаряда в нужном месте над противником, а также для разрушения укреплений. Команда «прицел» указывает наводчику, какой угол возвышения надо придать стволу орудия для поражения цели. Во всех случаях угол возвышения отсчитывает от горизонтальной плоскости вверх и не может превышать 90°.

С. 198. *Это генерал Любославский наскочил, — у него конницы — тьма.* — В основу описываемых событий положены, вероятно, воспоминания самого Платонова о военных действиях на территории Воронежа во время захвата города белоказаками генерала Мамонтова (10–11 сентября 1919 г.). В целом рейд конницы Мамонтова по тылам красного Южного фронта, осуществленный силами 4-го Донского корпуса Донской армии Вооруженных сил Юга России, продлился с 10 августа по 19 сентября 1919 г. Помимо Воронежа Мамонтов взял Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец, станции Касторная и Грязи.

С. 201. *На четвертом пути стоял чистый целый бронепоезд, а на главном — крошево фуража, песка и дребедень размятых порванных вагонов.* Оказывая сопротивление мамонтовцам, воронежские железнодорожники действительно предприняли неудачную попытку вывести из строя вражеский бронепоезд, находившийся на станции Воронеж II, используя для этого состав груженых вагонов (см. об этом: Молодость столетней магистрали. Воронеж, 1966. С. 115; *Ланто Д.Д.* Воронежцы против белогвардейщины. Воронеж, 1971. С. 130; *Алейников О.* Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж, 2013. С. 56). В отличие от Платонова, исторические источники утверждали, что замысел потерпел неудачу оттого, что состав просто сошел с рельсов.

С. 203. *...а это атаман из Тамбовской губернии.* — Возможно, в этой реплике отразилось воспоминание об Антоновском мятеже в Тамбовской губернии (1920–1921). Примечательно, что и мамонтовские соединения (часть из них) в сентябре 1919 г. вышли к Воронежу с территории Тамбовской губернии, после захвата Тамбова.

С. 205. *Все ждут англичан, что они нам шкворень выдернут.* — *Шкворень* — стержень (от задней части повозки), вставляемый в ось передка и позволяющий передку, вращаясь на этом стержне, производить повороты. При выдергивании шкворня передняя и задняя части повозки разъединялись. Упоминание об англичанах в таком контексте не случайно — в годы Первой мировой войны и интервенции нефтяные промыслы Баку являлись одним из важных пунктов английских нефтяных интересов. 4 августа 1918 г. по приглашению эсеровской «Диктатуры Центрокаспия» английские войска (из Персии) высадились в Баку, где оставались до середины сентября. Эта шестинедельная оборона Баку против турецкой армии сыграла исключительное значение в победе Антанты, так как немцы оказались лишенными нефтепро-

дуктов в самый критический момент. Затем город был захвачен турецко-азербайджанскими войсками. Но 30 октября 1918 г. Турция, как проигравшая в войне сторона, была вынуждена подписать с Великобританией Мудросский договор, по которому ее войска должны были покинуть Закавказье, объявленное сферой влияния англичан. 17 ноября 1918 г. турецкие войска были выведены из Баку и в город вступили прибывшие из Персии части британской армии во главе с генералом Томсоном, объявившим себя генерал-губернатором Баку и его окрестностей. После окончания военных действий добыча нефти на Апшероне стабилизировалась, но без разрешения британской администрации любой вывоз нефти и нефтепродуктов из Баку был запрещен не только в советскую Россию, но в любом направлении и любом количестве. «С 10 декабря 1918 г. по 1 мая 1919 г. 85% всего жидкого топлива и 72% бензина, вывезенного из Баку в Батум, поступало напрямую в адрес британского командования. Весь английский флот вплоть до Гибралтара обслуживался Бакинскими нефтепродуктами. При этом британские власти ничего не платили нефтепромышленникам, а лишь списывали с них долги государственному банку» (*Иголкин А.* Русская нефть, о которой мы так мало знаем. М., 2003. С. 157).

Платонов завершал свою повесть в период бурно обсуждавшегося в периодике охлаждения советско-английских взаимоотношений, накануне разрыва Англией дипломатических и экономических отношений с советской Россией. См. об этом примеч. к повести «Город Градов» и рассказу «Война», с. 607–608, 714 наст. изд.

С. 206. *Десять лет в Сураханах тарталил...* — Сураханы — поселок на Апшеронском полуострове в 18 км с северо-востоку от Баку. *Тартание* — извлечение жидкости из скважины при помощи желонки на тросе или канате; в конце XIX в. широко применялось для добычи нефти из скважин и колодцев. Тартание было одной из наиболее тяжелых и напряженных работ.

С. 209. *...из французского плена вернулся...* — Данная деталь недостоверна, поскольку во время Первой мировой войны Франция была союзницей России.

ЯМСКАЯ СЛОБОДА (с. 211). — *МГ.* 1927. № 11. С. 68–101; *СЧ.* С. 141–226; *ПМ.* С. 211–261.

Источники текста:

А — автограф повести (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–43).

М — авторизованная машинопись с редакторской правкой (*РГАЛИ.* Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 1–51).

МГ — журн. «Молодая гвардия».

СЧ — сб. «Сокровенный человек» (1928).

ПМ — сб. «Происхождение мастера» (1929).

Авторская датировка: 13–24 августа 1927 г.

Печатается по машинописи с внесением исправлений по автографу.

Автограф повести и исправления по ходу написания выполнены карандашом. На л. 1 фиолетовыми чернилами после предложения «В нынешний

июльский день Захар Васильевич Астахов со сподручным парнем Филатом чинил в саду плетень» проставлен значок вставки «*» и на отдельный лист переписан текст частушки о Филате, первоначально написанный на л. 48. Дополнительная правка проведена фиолетовыми (Л. 1–31) и черными (Л. 31–42 об.) чернилами. В частности, заменено имя героя: вместо «Фома» вписан «Филат» (Л. 1–31). Начиная с л. 31 об., после небольшого перерыва в работе, имя Филат в основном тексте пишется без исправления. Позже синим карандашом в автографе проставлены номера глав V, VI, VII, VIII, IX. За исключением номера IX главы эти исправления не внесены в *М*, но при вычитке машинописи проставлены карандашом и вошли в *МГ*, *ЕШ*, *ПМ*.

29 августа 1927 г. Платонов передал автограф машинистке, написав на первом листе фиолетовыми чернилами: «4 экз. на одной стороне листа». Из четырех экземпляров машинописи, заказанных писателем, в настоящее время известен один. Правка в *М* проведена синим и красным карандашами, красными чернилами. Предположительно исправления принадлежат редактору — Г.З. Литвину-Молотову, возможно, некоторые из них вносил Платонов. Идеологических просчетов в повести редактор не обнаружил, и в целом произведение ему понравилось. Замечания коснулись композиции повести, графического оформления (петит, отбивка, абзацы), пунктуации, исправления букв и слов. Литвиным-Молотовым также выполнена стилистическая правка: вписаны или исправлены отдельные слова или предложения. Например, дописаны и заменены слова: «должен был пересечь» (Л. 4); «только никто, оказывается, не видел» (Л. 5); «Его знали немного: это был Володька...» (Л. 13); «застеснявшийся» вместо «стеснявшийся» (Л. 9); «не смутился» вместо «не беспокоился об этом» (Л. 13); «Сват был пришедший человек, не здешний. Поэтому ему досталась нежилая хата на слободской свалке — тоже свалочное жилье...» (Л. 15); «чтоб оправдать его ужин, Захар Васильевич нашел иное дело...» (Л. 19); «толщу померкшего медленного сознания» (Л. 23) вместо «толщину померкшего медленного сознания». Редактор предложил заменить «пятак» (денежная единица) на «марку», которая имела хождение в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны. Эти исправления Платонов не принял.

Замечания, учтенные в *МГ*: «звание ямщика» вместо «звание ямщик»; «остался ничьим» вместо «остался ничей»; «и не трогала спертый воздух: поэтому ветка колебалась сама — от древесной жизни...» (вычеркнуто слово «поэтому»); «которые одни смогут управиться в хозяйстве» вместо «которые одни управятся с хозяйством»; «но это не трогало сердца» вместо «но что не трогало сердца»; «но встретил его с Мишей по дороге» вместо «встретил их по дороге»; «ласково сказала туда» вместо «ласково бросила туда»; «Пелагей Ивана» вместо «Пелагей Ванна» и др.

Иногда Платонов соглашался с редакторскими замечаниями, но учитывал их творчески. Например, так было написано предложение в *А*: «Тогда явился Сват и лишил главных нищих жилого призора, поэтому они, не ожидая зимы, выехали в дальнейшие южные города» (Л. 14). Редактор его изменил: «Когда явился Сват и лишил главных нищих жилого призора, они, не ожидая зимы, выехали в дальнейшие южные города» (Л. 15). Предложение в *МГ*: «Тогда явился Сват и лишил главных нищих жилого призора, отчего

они, не ожидая зимы, выехали в дальнейшие южные города» (С. 77). Приведем еще несколько наиболее показательных примеров работы Платонова с редакторскими замечаниями.

А: «...выпивали это молоко к обеду и еще многое подъедали...» (Л. 14). Предложение редактора: «...выпивали это молоко, *отложенное* к обеду. И еще многое *они* подъедали» (Л. 15). МГ: «...выпивали это молоко, *поставленное* к обеду, и еще многое подъедали...» (С. 77).

А: «Но кости были оглоданы так чисто, словно обожженные, и так тонки, что принадлежали курице, поэтому их не брали сборщики костей и тряпок; несомненно, что и эти кости предъявлялись сборщикам и пошли на свалку только после неоднократных отказов» (Л. 16). Редактор правит и тут же записывает вопрос: «Но кости были оглоданы так чисто, словно *обоженные*, и так тонки, *будто* принадлежали курице, поэтому их не брали *даже* сборщики костей и тряпок; несомненно, что и эти кости предъявлялись сборщикам и пошли на свалку только после неоднократных отказов. (*чьих?*)» (Л. 17). МГ: «Но кости были обглоданы так чисто, словно *обоженные*, и так тонки, *что* принадлежали курице, поэтому их не брали сборщики костей и тряпок; несомненно, что и эти кости предъявлялись сборщикам и пошли на свалку только после неоднократных отказов *их*» (С. 78).

А: «Меня по состоянию здоровья не взяли — бумагу на руки дали...» (Л. 19). Предложение редактора: «Меня по *здоровью* не взяли — бумагу на руки дали...» (Л. 20). МГ: «У *меня в теле недомерок есть* — бумагу на руки дали...» (С. 80).

А: «Мать увезли с дороги обратно в деревню и без гроба закопали в землю добрые люди» (Л. 39). Редактор предложил: «...в деревню и *здесь ее* без гроба закопали добрые люди» (Л. 46). МГ: «...и там без гроба закопали добрые люди» (С. 98).

Еще одну фразу в М редактор отметил вопросительным знаком: «В такой час можно чувствовать, как кровь в жилах хрустит...» (Л. 45). В МГ Платонов ее исправил: «В такой час можно чувствовать, как кровь *трется в жилах*...» (С. 98). Названные исправления, очевидно, были сделаны Платоновым в наборном экземпляре машинописи или в гранках.

Литвин-Молотов предложил новое деление на главы и перестановку страниц, посвященных истории Ямской слободы. Эта часть (со слов «Прадед Захара Васильевича...») в автографе располагалась после первого диалога Свата и Филата (после слов «А Сват тронулся дальше опрашивать слободу насчет валенок»). Были перемещены также слова Свата о ямщиках («Глисты в мужичьих кишках ~ скорбя всею грудью»), в автографе находившихся после исторической части (после слов «Слободские люди жили тем, что привозили им мужики за землю, а добавляли к этому подсобный заработок, иногда мастерство и собственную бережливость»).

Тексты МГ и СЧ полностью совпадают и лишь незначительно отличаются от М. Публикация в ПМ отличается от предшествующих источников небрежностью и произвольностью издания. Во-первых, из текста исключен фрагмент: «У иной хозяйки три пуда говна в год поешь — и не заметишь. А у нас милость — каждый волос на виду!» Во-вторых, появляются новые опечатки: «смутное время» вместо «мутное»; вместо «мальчиками» явная

бессмыслица — «мальками»; в предложении «Дом Игната Порфирыча стоял одинаково, как и в прошлый год» слово «одинаково» заменено на «одинок»; вместо «Жизнь его запутала» — «Жизнь его запугала» и некоторые другие. И, наконец, текст в *ПМ* имеет новое деление на абзацы и немотивированные случаи деления одного предложения на две самостоятельные синтаксические единицы.

Замысел «Ямской слободы», вероятно, начал формироваться у Платонова уже в Тамбове. 26 января он писал жене: «Думаю засесть за небольшую автобиографическую повесть (детство, 5–8 лет примерно)» (*Письма*. С. 201). Главное место в формировании замысла принадлежит событиям личной жизни писателя. Лето 1927 г. — второе лето в Москве — оказалось для Платонова не менее напряженным, чем предыдущее: неопределенному положению с работой после возвращения из Тамбова сопутствовала угроза лишиться жилья. 19 августа Платонов попросил выдать ему денег на выезд из ЦДС: «Выезд будет совершен в течение 2-х недель со дня разрешения ЦК денег к выдаче и через 2 дня с момента получения денег. <...> Срок выезда считайте с 20-го августа» (Первый год московской жизни А. Платонова / публ. Е. Антоновой и Л. Аронова. Вступ. ст. Е. Антоновой // *Страна философов*, 2003. С. 648). А 23 августа он получил извещение об окончательном сроке освобождения комнаты — 2 сентября. Сложности были и в семье. Приезд родных Платонова из Воронежа, которого он, судя по письму, горячо желал, не состоялся. 3 июля он сообщал жене: «Валентине дал 12 р <ублей>, она, кажется, уезжает. Мои не приедут. (А сколько было ссоры! А вот все и рассеялось, осталась боль да пустота)» (*Письма*. С. 230).

Именно в эти дни августа 1927 г. Платонов пишет «Ямскую слободу». В ней — память детства и юности писателя, его наблюдательность и уже богатый жизненный опыт, внимание к мельчайшим проявлениям жизни и любовь к ней, наконец, мощное языковое чутье — все соединилось, сплывилось в очень цельное повествование о минувшем, но не прошедшем бесследно. Здесь Платонов определенно высказал отношение к собственному прошлому, к среде и времени, сформировавшим его как писателя.

Август, наверное, был для Платонова особенно тесно связан с Воронежем. Это не только месяц его рождения. В это время в Воронеже отмечали множество праздников, которые сопровождали его с детства. 20 августа был днем открытия мощей Святителю и Чудотворцу Митрофана, первого епископа Воронежского. В этот день проходил крестный ход вокруг Благовещенского Митрофановского собора и северо-восточной части монастырской ограды. А 2 августа крестный ход совершался в день св. пророка Илии в приходскую Входо-Иерусалимскую церковь, известную более под названием Ильинской; 28 августа — в день Успения Пресвятой Богородицы — праздничное шествие двигалось в приходскую Успенскую церковь.

Воспоминания детства были лишь одной из причин, побудивших писателя к созданию «Ямской слободы». Но была и другая — не менее важная при формировании замысла художественного произведения — современный литературный контекст. Актуальность выбранной Платоновым тематики — новый и старый быт — была политически обоснована и неоднократно заявлена с высокой трибуны. Тема дореволюционной России и российской про-

винции широко осваивалась прозой первого советского десятилетия («Русь» П. Романова, «Барсуки» Л. Леонова, «Дело Артамоновых» М. Горького, «Трансвааль» К. Федина и др.). «Ямская слобода» стала особой репликой в литературном обсуждении середины 1920-х гг., посвященном провинции, губернскому городу, слободе, горьковскому циклу «куровских» повестей (см.: *Корниенко Н.* История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // *Здесь и теперь.* 1993. № 1. С. 112–115). «Писатель усиленно тянется к прошлому, — писал А. Воронский о современной литературе. — Для этого есть известные основания. Многое, установившееся и ставшее трафаретным в отношении к прошлому, надо пересмотреть, переработать. Этого настоятельно требует культурная революция. И, может быть, легче будет художественно оформить в себе настоящее, если подойти к нему, предварительно произведя ревизию прошлого» (*Воронский А.* Писатель, книга, читатель (Художественная проза за истекший год) // *Кр. новь.* 1927. № 1. С. 227). Похвалы критика удостоивается последний роман М. Горького «Дело Артамоновых» как «полноценный, социально значимый документ о недавнем прошлом. Роман подводит нас к истокам Октября: крепкое когда-то поколение фабрикантов Артамоновых, выходцев из деревни, уже в третьем поколении вырождается и распадается совершенно и окончательно; это во многом уясняет нам смысл и железную закономерность Октябрьской революции» (Там же. С. 228). И все-таки чрезмерный интерес к прошлому кажется Воронскому неоправданным: «Беглый обзор подтверждает, насколько усердно заняты современные писатели прошлым. Возникает даже вопрос — не слишком ли усердно, и не свидетельствует ли такое внимание к прошлому о некотором разладе многих писателей с настоящим, не служит ли это прошлое убежищем, куда художник скрывается от современности, не идет ли писатель по линии наименьшего сопротивления?» (Там же. С. 229). Современный читатель, по его мнению, с большим интересом ждал от литературы отражения современности.

Дискуссия о старом и новом быте и его изображении в литературе (бытовизме) велась в 1920-е гг. на всех уровнях, в том числе и на государственном. Так, например, еще в 1923 г. в письме к съезду научных работников Л. Троцкий резко негативно высказался о «кротости» русского народа: «Те пассивные качества кротости и смирения, которые объявлялись казенными или добровольно юродствующими идеологами специфическими, неизменными и священными качествами русского народа, а на деле были лишь выражением его рабской придавленности и культурной отрешенности, эти жалкие, постыдные качества получили смертельный удар в октябре 1917 г. Это не значит, конечно, что мы уже не несем в себе наследия прошлого. <...> Нет, отныне добродетелями, все глубже входящими в народное сознание, являются: критика, активность, коллективное творчество» (*Троцкий Л.* К Первому Всероссийскому съезду научных работников // *Правда.* 1923. 24 ноября). Идеологи культурной революции видели в старом быте главное препятствие для создания новой жизни: «...настоящая цель революции есть именно полное пересоздание быта» (*Луначарский А.* О быте. Л., 1927 // URL: <http://Lunacharsky.newgod.su/lib/o-byte>). Быт человека, по словам наркома просвещения, — окончательная цель социального переустройства: «...мы подошли вплотную к

тому, чтобы внимательно исследовать быт и сознательно вмешаться в этот быт для того, чтобы постепенно придать социалистический характер быту рабочих, быту крестьян и быту, в широком смысле слова, обывательскому» (Там же). Под бытом подразумевается все, что остается «за вычетом» государственной и хозяйственной сфер жизни. Частная жизнь человека становится областью интересов государства: «То, что до сих пор называлось частной жизнью, не может от нас ускользнуть. Именно в переводе на светлые разумные рельсы того, что называется частной жизнью — житье-бытье, как выражался Леонид Андреев, — в этом и заключается последняя цель революции, ее основное, самое высокое достижение». Особенно это актуально, как считал Луначарский, через десять лет после революции, когда в государственной жизни произошли огромные изменения. Именно теперь вставала задача «понять важнейшие процессы, происходящие в нашем быту, и постараться на них воздействовать целесообразно и сознательно» (Там же).

Государственный «заказ» писателям транслировали ведущие журналы. В седьмом номере «Красной нови» за 1927 г. были опубликованы условия литературного конкурса «на лучшую массовую рабочую книжку», который проводило Государственное издательство РСФСР. Устроителями была предложена довольно разнообразная тематика: «Старое и новое на советской фабрике», «Свет и тени рабочего быта (старое и новое в рабочем быту)», «Наше производственное совещание», «Рабочий и работница в борьбе за дешевый товар», «Цеховая ячейка», «Выше производительность — ближе к социализму», «Почему рабочий класс стоит за раскрепощение женщины», «Почему рабочий должен быть интернационалистом», «Как рабочий жил при царе», «Почему пролетариат — вождь крестьянства», «Против бюрократизма» (*Кр. новь*. 1927. № 7. С. 2 обложки). Были даны разъяснения, как нужно освещать старый и новый быт: «Книжка должна показать строй отношений на капиталистической фабрике в сопоставлении его с порядками и социальной природой нашего государственного предприятия. Показать отживающую старину в виде патриархальности, самодурства, произвола, безучастности к интересам производства, подхода к общественному делу с меркой личных выгод и настроений, трусливого угодничества, чинопочитания. А рядом дать примеры того, как на основе технической реконструкции, рационализаторской работы на предприятии и повышенной производительности труда растут новые отношения между людьми, как складывается новая общественность на фабрике и крепнет товарищеский коллектив директора, мастера и рабочего — залог успеха социалистического производства» (Там же). Подробные условия конкурса были помещены в газете «Правда» (1927. 9 июня. С. 6). Главное условие — «Работа... должна быть доступна каждому рядовому средне-грамотному рабочему» (*Кр. новь*. 1927. № 7. С. 2 обложки). Работы предполагалось принимать на конкурс до 15 декабря. «Премии: 1-я — 300 р. Сверх авторского гонорара в 150 р. за печ. лист. 2-я — 150 р. Сверх того же гонорара и бесплатно Полное собрание сочинений В.И. Ленина» (Там же). К тому моменту, когда Платонов приступил к созданию «Ямской слободы», он уже, вероятно, прочитал или просмотрел июльский номер журнала.

Обращаясь к детству, Платонов выходил к темам Первой мировой войны и двух революций — Февральской и Октябрьской. Действие повести

начинается в июле 1916 г., а заканчивается в конце 1917 г. В жизнь реальной Ямской слободы вместе с войной вошло нарушение привычного жизнеустройства, появились такие явления, как общественные беспорядки, вызванные ухудшением материального положения людей, бесконечные толпы беженцев и дезертиров, нарастающие угрозы эпидемий и голода и многое другое. Подобные факты оставлены за рамками сюжета повести, но по-своему читаются в ее основных коллизиях. Такой подход писателя к материалу связан в первую очередь с внутренним его противостоянием не только горьковским мрачным краскам, но и основным политическим требованиям времени. В контексте борьбы с национальными проявлениями русского характера — с «кротостью и смирением» — как вызов создается Платоновым образ главного героя. В автографе на протяжении половины произведения его звали Фома. Можно предположить, что имя было изменено в связи с его народной этимологией: Фома связан с представлениями о Фоме неверующем. Платоновский же герой — человек чрезвычайно доверчивый, простодушный, с этими качествами его имя связано в поговорках: «Наш Филат тому и рад (*или*: тому делу и рад)»; «Наш Филат тому и рад. Дурак дураку и рад»; «Наш Филат всегда виноват» (или «Наш Филат не бывает виноват» — также подчеркивает кротость героя) (Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля. М., 2004. С. 54, 148, 365).

«Ямской слободе» критики уделили не много внимания. Всего несколько строк в общих рецензиях. В начале января в ленинградской «Красной газете» опубликован единственный отзыв о журнальной публикации повести. Рецензент Д. Нивич писал об образе Филата: «Общий фон повести удался, но отдельные персонажи у Платонова не вышли. Чуть-чуть лучше блаженной Филатка... <...> ...для того, чтобы дать почувствовать читателю поздний ночной час, автор заставляет Филатку мыслить слишком образно...» (Красная газета. 1928. 3 янв.). Затем «Ямская слобода» чаще всего просто упоминается в рецензиях (М. Сокольников, *МГ*. 1928. № 3. С. 205; Н. Замошкин. *НМ*. 1928. № 3. С. 269–270). В 1930 г. уже в связи с выходом третьего сборника Платонова «Происхождение мастера» повесть вскользь упоминается в рецензиях М. Майзеля (Ошибки мастера // *Звезда*. 1930. № 4. С. 196–197), Р. Мессер (Попутчики второго призыва // *Звезда*. 1930. № 4. С. 208) и Ф. Левина (Резец. 1930. № 7. С. 2 обложки).

Во всех отзывах «Ямской слободе» посвящено всего несколько строк. «Молодой ленинец» писал о современном звучании произведения: «В повести дана яркая картина того, как застоявшийся быт “ямщиков” разрягается под напором революции. Хорошо обрисован герой — босяк Филат, выполняющий всяческую грязную работу по хозяйству “ямщиков”. Он мечтает, как о недостижимом счастье, о работе золотаря и жалуется, что он не умеет думать: у него “голова от безделья завяла навсегда”. Вихрь событий выводит его из спячки: уразумев, что революция — это “отъем земли у ямщиков”, он уходит из слободы бить кадетов» (*Карамоленко* // *Молодой ленинец*. 1928. 31 янв. С. 5). Ф. Жиц, М. Сокольников, Л. Левин лишь упоминают повесть. В сравнении с «Сокровенным человеком» «Ямская слобода» кажется рецензентам «менее значительной» (*Жиц*), «проще» и «язык всей вещи ровнее» (*Сокольников*). В ней отмечена «большая психологическая правда» (*Соколь-*

ников). Более удалось Платонову, по мнению рецензентов, изображение слободской жизни (*Замошкин, Майзель*). Герой же совсем не актуален, он не «новый человек», а «неудачник», занимающий «люмпен-юрродствующее положение в жизни» (*Майзель*), «деревенский батрак, забытый не столько социальным гнетом, сколько “невыразимым сердечным тяготением, которое увлекает людей в темноту судьбы”» (*Мессер*).

Наиболее развернутый отзыв о «Ямской слободе» дал редактор отдела прозы журнала «Новый мир» перевалец Н. Замошкин: «А. Платонов пытается разрешить проблему преобладания в человеке инстинкта над сознанием, проблему робкого рождения в батраке Филате личности. Филат, в отличие от Пухова, характерен уже полным отсутствием в нем личности, самосознания. У него “голова от бездействия ослабла навсегда”. Крайне скудный мир его интеллекта наполнен только чувством жизни, дыхания, бесконечной покорностью всему существу. Мудрено ли, что Филат сделался благодетелем всех мешан Ямской слободы, отдавая им буквально за кусок хлеба свою рабочую сноровку и весь досуг. Пробуждение от сонного существования началось у Филата после знакомства с двумя дезертирами царской войны и завершилось как будто под отдаленные громы Октябрьской революции. Октябрь вызвал в нем слабый порыв к действию, к выходу за околицу слободской жизни, потянул его в даль, в неведомое. Как очарованный, как сомнамбул, уходит батрак из слободы.

Автору можно поставить в вину неровный, местами случайный, показ нарастания в герое чувства собственного достоинства и первичных элементов личности. Казалось бы, что по ходу действия должно было произойти что-то сильное, почти катастрофическое, в судьбе Филата, — получилась же жалостливая история об одном юродивом. Значительно лучше удался автору мир ямского захолустья, чревоугодия и жирного черноземья. Несомненно, тут помогла А. Платонову русская литература, особенно богатая этими стонами изображения» (*Замошкин Н.*).

С. 211. *Ямская слобода* — слободой в старину называлось село свободных (некрепостных) людей, а также пригородное селение, расположенное за стеной города. Наиболее широкое распространение слободы получили с XII в. В то время слободами назывались отдельные поселения или поселения, примыкающие к городу-крепости, жители которых временно освобождались от государственных повинностей. В таких населенных пунктах селились ремесленники, торговые и военные люди. Отсюда названия слобод: Ямская, Торговая, Монастырская, Стрелецкая, Солдатская и др. Многие из таких поселений основывались на осваиваемых переселенцами новых землях. Освобождение от податей было для них стимулом к переселению. В XVIII в. льготы были отменены, а к началу XX в. слобода превратилась в «большое село, где более одной церкви, торг или ярмарка или волостное правление», а также «промышленное, фабричное село, где крестьяне почти не пахут» (*ЭСБЕ*, 59. С. 373).

Е. Болховитинов называет Ямскую слободу среди «знатнейших предместий г. Воронежа»: «Пока город был еще мал, то она была около нынешней Воскресенской церкви, прежде называвшейся Кузьмодемьянской. После

пожара 1748 года слобода сия выселена за старые Московские ворота, где ныне Дворянская улица. После пожара 1773 года переселена на нынешнюю площадь на Земляную дорогу» (Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивных записок и сказаний В<оронежской> с<еминарию> п<рефектом> п<авловским> п<ротоиреем> Е. Болховитиновым // Воронежская старина. 1912. Вып. 11. С. 59).

С 1770-х гг. Ямская слобода «располагалась на северо-западном выезде из Воронежа, по обе стороны Большой Московской (ныне Плехановской) улицы, переходившей в Задонский тракт» (Ласунский. С. 25).

Миллионная улица — находилась между Большой Московской и Средне-Московской улицами. В доме № 192 семья Климентовых снимала комнату у Сергея Васильевича Астахова. Адрес указан Платоновым в служебных бумагах (в настоящее время ул. Желябова) (Ласунский. С. 28).

Ворота открывались только водовозу — раз в неделю — и то очень бережно, чем руководил сам хозяин. — Водовозный промысел был широко развит уже в середине XIX в.: «Местные условия г. Воронежа представляют возможность к развитию водовозного промысла: вся нагорная часть города значительно удалена от реки, а между тем и самых колодцев на горе так мало, что приходится получать воду из реки большею частью через водовозов, потому что при неудобных речных съездах редко кто из имеющих своих лошадей решится употреблять их на вывоз воды. Поэтому доставка воды, оплачиваемая довольно высокою платою, естественно вызвала и развила водовозный промысел до значительной степени» (Веселовский Г.М. Историко-статистический очерк торговли и промышленности г. Воронежа // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 г. Воронеж, 1867. С. 76–77). Ямская слобода находилась на высоком правом берегу реки, и вода туда, вероятно, доставлялась из реки. Известно также о существовании в слободе водокачки (см. ниже с. 679).

Другой документ гласил просто: «Первое Российское Страховое Общество. 1827 г.» — это указывало, что дом застрахован. — I Российское страховое общество было учреждено в 1827 г. В «Памятной книжке Воронежской губернии на 1865–1866 г.» (Воронеж, 1867. С. 235) был опубликован «Устав Российского страхового от огня общества», которое было «учреждено в 1827 г. с 27 июля»; в 1916 г. это общество продолжало свою деятельность и было названо в «Списке страховых обществ и транспортных контор и их агентов в Воронежской губернии» (Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. С. 81). Андрей Климентов осенью 1914 г. работал конторским служащим в другом страховом обществе — «Россия» (Ласунский. С. 57).

Тогда правила царица Екатерина Вторая, а степные места стояли пустыми и страшными. В поселенцы сюда шел с севера на все согласный, норовистый, натерпевшийся народ. ~ Но царица таких поселенцев редко трогала, хотя и были среди них люди преступного почина, немало вчинившие беды своим помещикам на северной родине. — Екатерина II (1729–1796), императрица всероссийская с 1762 г. Массовое заселение воронежской земли беглыми крестьянами началось значительно раньше (см. примеч.

к повести «Епифанские шлюзы», с. 522–523 наст. изд.). При Петре Великом ямщицкий промысел был не менее важен, что подтверждается челобитной, написанной царю от «гонебных воронежских емщиков Константина Остахова с товарищи» 3 января 1697 г. и не оставленной без ответа: царь запретил воронежскому воеводе Д.В. Полонскому безвозмездно пользоваться услугами ямщиков: «запрещено брать у воронежских ямщиков лишних лошадей без московских подорожен и без прогонов» (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты (1620–1705). Воронеж, 1887. Т. 1. С. 161). Судя по подписи под челобитной, не только прадед Астахова был ямщиком, но и более дальние предки.

Царица рассматривала эту степную пустошь, залегающую меж южным морем и Москвой, как дорогу в теплую страну, которая ей зачем-то была необходима. Поэтому поселенцев она сочла дорожными жителями, нужными для прогона курьеров и чиновников по девственным степям. — Необходимость курьерской службы по воронежскому направлению вполне объяснима. Как писал В.О. Ключевский, вторая русско-турецкая война (1787–1791), «победоносная и страшно дорого стоившая людьми и деньгами, кончилась тем, чем должна была кончиться первая: удержанием Крыма и завоеванием Очакова со степью до Днестра, за Россией укреплялся северный берег Черного моря, без Дакии и без второго внука на константинопольском престоле» (Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. С. 46).

С. 212. *Деготь* — жидкий продукт, получаемый путем переработки древесины; применялся для смазывания конской сбруи, чтобы она не дубела на морозе, пропитки деревянных изделий, смазки экипажных колес.

...а то враз отсюда вон Потемкин погонит! — Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739–1791) — русский государственный деятель, руководил присоединением к Российской империи и первоначальным устройством Новороссии.

С. 213. *Полати* — лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью.

Лощина — длинный овраг.

Плутонический — возникший посредством глубинного извержения.

Лог — широкий овраг.

С. 214. *В бугристом месте, посередине степи торцем стоит — весь червивый такой, в кровоточинах и шитый из кусков!* — Село Карачук (Рамонский район Воронежской обл.), как запечатлели этнографы, стоит на месте, похожем на фантазию платоновского ямщика: «Село Карачук... расположено на высоком глинистом правом берегу реки Воронежа (“Весь на лугу, да весь на бугру, в буграх да ямах”, — говорят карачунцы)...» (Советская этнография. Л., 1934. № 5. С. 61). *Бугор* — «всякое отлогое возвышенное, возвышенность, горб, холм, курган; куча» (Даль, 1. С. 135).

Про Филата слободские люди говорили: / Наш Филатка — / Всей слободе заплатка. ~ Ах, Латушка, Филат... — Латушка — уменьшительно-ласкательное от *латка* — заплатка, лоскут. Шутливо соотносится здесь со словом «лапушка» — ласковым обращением к девушке, реже — к мужчине.

Сурик — свинцовая, красная окись, идущая на краску. Отец писателя, Платон Фирсович, начинал трудовую деятельность помощником маляра (*Ласунский*. С. 18).

...рыл ямы в глухих лопухах, а потом носил туда вручную нечистоты из переполненных отхожих мест. — В «Отдельных постановлениях воронежского губернатора» (1915) говорилось о мерах предупреждения и борьбы с холерой: «4. В каждом дворе должен быть мусорный ящик для сухого мусора и отбросов, каковые по мере наполнения ящиков должны быть вывозимы в указанное Городской управой место, причем должны вывозиться хорошо прикрытыми на крепких телегах, не рассыпающих содержимое по пути следования до места свалок.

5. Бочки для вывоза нечистот должны быть крепки, чисты, плотно закупорены, не давать течи и дезинфицированы; ассенизаторы обязаны вывозить нечистоты лишь на отведенные для сей надобности свалочные места, не допуская разлива или расплескивания нечистот ни по пути следования, ни в каких-либо других местах.

6. Воспрещается выливать помои и выкидывать кухонные отбросы как в дворах, так и в прилегающих к усадьбам садах и улицах» (Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. С. 30).

Шорник — мастер, специалист по изготовлению ременной конской упряжи.

С. 215. *Абы* — лишь бы, только бы.

Макар Митрофанович все больше говорил с мужиками-заказчиками, а Филат один попевал, как черт в старинной истории: «Дуй — бей — воды — песку — углей!» — Платонов приводит слова из сказки о кузнеце и черте. Один из вариантов сказки «Черт и кузнец», в которой есть слова, приведенные в повести, записал уральский фольклорист В.П. Бирюков и опубликовал в книге «Урал в его живом слове» (Свердловск, 1953). Ср.: «Вот приходит срок работе черта, а кузнец настоящую работу ему еще и не показал. В последний день кузнец и говорит черту:

— Ну, теперь ты мне так делай, как наши заводские делают: дуй, бей, сыпь углей, беги за водкой, кузницу мети...» (URL: <http://urbibl.ru/Knigi/birukov/10.htm>).

Сад З.В. Астахова прилегал сзади к самому двору и тоже был окружен садами других домовладельцев. — Сады — неотъемлемая часть провинциального города: «...большую частью воронежские сады составляют принадлежность домовых квартир... редкий порядочный дом не имеет при себе сада» (*Веселовский Г.М.* Историко-статистический очерк торговли и промышленности г. Воронежа // *Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 г. Воронеж, 1867.* С. 81); «В дальней Чижовке находился Государев сад, насаженный императором Петром Первым разными плодovitыми деревьями и венгерских лоз виноградом, также другими растениями и травами, которые по произведенным от самого Государя опытам могли тут расти» ([*Болховитинов*] Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии... С. 59).

Глянь, сегодня день какой благородный, как на Троицу! — Праздник Святой Троицы — один из главных православных праздников; отмечается на

пятидесятый день после Пасхи. Обычно праздник приходится на конец весны — начало лета.

С. 217. *Полоник* — поварешка, половник.

Кулеш — жидкая каша, похлебка. Из краеведческих записей в Воронежской губернии: «...пшенная каша, которая имеет два вида: каша крутая (густая) и кулеш (жидкая каша). <...> Кулеш варят с куском свиного сала и мелкими кусками мяса; а постный — с картофелем, сухой рыбой, постным маслом, толчеными сухарями — и совершенно без всего. Кулеш дома употребляют только для завтраков, да и то мало; но он составляет главную пищу рабочих на поле и чумаков в дороге, особенно кулеш с салом» (Ткачев Г.Г. Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 г. Воронеж, 1867. С. 167).

Вар — кипяток.

Хозяйка поймала курицу, которая квохтала и хотела сесть наследкой, и окунала ее в кадку с водой, слегка попарывая хворостиной, чтобы курица бросила свою блажь и начала нести яйца. — Куры начинают непрерывно квохтать, когда садятся на яйца выводить цыплят. Чтобы куры отказались от этого и продолжали нести яйца, для них создают стрессовую ситуацию. Так как температура тела у курицы около 42°С, то стоит понизить температуру в помещении или окунуть ее в холодную воду, птица от стресса теряет потребность к выведению цыплят. Для усиления стресса в качестве народного средства применяют также похлопывание курицы хворостиной.

С. 218. *Гребовать* — брезговать.

Намедни — недавно, на днях.

С. 219. *Дроги* — длинная телега без кузова, состоящая из передка и задка, соединенных длинными продольными брусьями.

С. 220. *...готовую доску — для божественного изображения — он не сразу пускал под кисть ~ Теслин сбывал их в дальние села и в северные скинты.* — Действия воронежского иконописца связаны с раскольничьими верованиями, которые были очень сильны на Дону. Дон для раскольников искони был надежным убежищем от Московского правительства. Особенно «молва о тихом, вольном Доне сильно соблазняла <...> еретиков и раскольников всевозможных сект и толков <...> В конце 18 века, в период усиленного преследования раскольников в России на основании закона 12 статей, изданного 7 апреля 1685 года, отличавшегося особенно строгостью к последователям древнего благочестия, масса раскольников бежала на Дон» (Овсянников Е. Булавицкий бунт как раскольничье движение на Дону // Воронежская старина. Воронеж, 1914. Вып. 13. С. 137). В XVIII в. святитель Тихон Задонский вел постоянную борьбу со старообрядцами, и по его инициативе в Войске Донском была учреждена «о раскольниках следственная комиссия». Комиссия отмечала, что многие станицы целиком населены старообрядцами, а «в троеперстном сложении ни единого человека не имеется», «во святых де церквах все местные и прочие святые иконы имеют начертание благословенный крест старого изображения...». В то же время указ императрицы Екатерины II от 27 марта 1764 г. не рекомендовал искоренение старообрядчества жесткими мерами. Предполагалось тех, кто ходит в церковь, но крестится двоеперстно, не наказывать, а лишь наставлять, «пере-

воспитывать», также и с исправлением икон спешить не следовало: «...к переправке в церквах изображенного на иконах благословляющего двоеперстным сложением креста впредь до указа не принуждать...» (*Олейников Т. Святитель Тихон в Воронеже // Воронежская старина. Воронеж, 1915–1916. Вып. 14. С. 67–73*).

С. 221. *Вдалеке иногда шумели поезда железной дороги...* — Однопутная железная дорога на Курск была построена в 1894 г. (часть Московско-Киевско-Воронежской железной дороги) в поле за Ямской слободой (*Ласунский. С. 35*).

...сопровождение крестного хода из ближнего Иоакимовского монастыря до раки преподобного Вараввы — 80 верст по степному тракту. — Иоакимовский монастырь — речь идет о Митрофановском монастыре в Воронеже, который, вероятно, назван так Платоновым по имени московского патриарха Иоакима (1621–1690), выступавшего против возведения на престол царевны Софьи. В 1682 г. патриарх был во главе совершавших дворцовый переворот, в результате которого на российском престоле оказались цари Иван и Петр Алексеевичи. В 1689 г. Иоаким встал на сторону Петра, оставшись с ним в Свято-Троицкой Сергиевой лавре.

К Воронежу этот патриарх имеет самое непосредственное отношение. В 1682 г. была образована Воронежская епархия, а первый ее глава, епископ Митрофан (1623–1703), был посвящен в епископы патриархом Иоакимом. Митрофан Воронежский высоко ценил патриарха Иоакима: «...св. Митрофан в своем Завещании подражал Завещанию глубоко уважаемого им патриарха Иоакима...» (*Поликарпов Н. Духовное завещание святителя Антония II, архиепископа Воронежского, своей пастве // Воронежская старина. Воронеж, 1915–1916. Вып. 14. С. 264*).

Среди пастырей Воронежской епархии был также епископ Иоаким (1674–1742); похоронен в Благовещенском соборе Воронежа (*Болховитинов. С. 137*).

Рака — ковчег с мощами святых, изготавливаемый обычно в форме гроба.

Преподобный Варавва — святого с таким именем нет; местоположение святыни позволяет предположить, что речь идет о Задонском Рождество-Богородицком монастыре, в котором находятся мощи святителя Тихона Задонского — епископа Воронежского и Елецкого, богослова, крупнейшего православного религиозного просветителя XVIII в.

Первоначально Платонов собирался назвать именем Вараввы монастырь: вычеркнуто «монастырь Вар» (*А. Л. 11*). В Евангелии это имя принадлежит известному в Иерусалиме преступнику, содержащемуся в темнице за возмущение и убийство, который был помилован иудеями вместо Иисуса Христа. Одной из версий, объясняющих народный выбор, является предположение, что Варавва был популярен среди древнеиудейской общественности как борец за свободу и независимость Древней Иудеи. Платонов мог знать эту версию благодаря роману английской писательницы М. Корелли «Варавва» (1893; переведен на русский язык в 1900 г.; оказался популярен и был переиздан до революции 4 раза).

С. 222. *...ему досталась нежилая хата на слободской свалке, где до него жили женатые нищие; но Свят их живо выселил, и побирушки рассея-*

лись неизвестно куда, а в слободе сразу извелось нищенство. — Правительством неоднократно предпринимались меры к искоренению нищенства. В «Обязательных постановлениях воронежского губернатора» значитсся распоряжение «О празднующающихся»: «За последнее время в селениях и усадьбах частных землевладельцев замечается появление разных, неизвестных местным жителям, лиц, которые странствуют без всякой видимой надобности и без определенных занятий, смущая жителей одним своим появлением, а иногда разговорами и рассказами. Появление в указанных местностях таких празднующающихся лиц, как вредное в интересах государственного порядка и общественного спокойствия, воспрещается» (Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г. Воронеж, 1915. С. 36).

Клюшник — человек с искусственной деревянной ногой.

С. 224. *Камилавка* — в прямом значении — черная монашеская шапочка, облагающая голову. Здесь, вероятно, шутовое название комнатной шапочки.

«Бесево» — белена.

Окамелок, окомелок — обитый, голый, обломанный веник.

Зипун — верхняя крестьянская короткополая одежда, обычно из домашнего сукна, без ворота.

Благовест (то есть *Благая весть*) — церковный звон одним большим колоколом, извещающий о начале богослужения.

Гривенник — десятикопеечная монета.

Валушки — валенки.

Вьюшка — печная заслонка, отделяющая топку от дымовой трубы.

...я сам ученый, сученый, крученый, моченый, печеный, драчёный... —

Ср. приговорку в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Вечерный, крученый, / Сеченый, мученый, / Еле Калина бредет» (*Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо // Собр. соч.: в 7 т. М., 2010. Т. 3. С. 341*).

С. 225. *Опорки* — старые изношенные сапоги со споротыми голенищами, вообще старая изношенная и рваная обувь.

Анчутка — черт, дьявол, бес; антихрист; леший, домовый.

У меня в теле недомерок есть — бумагу на руки дали, так и хожу с ней — боюсь захватить куда-нибудь. А по нашей слободе мужиков мало забрали: кто на железную дорогу учетником стал, а кто — белобилетник... —

Белобилетник — призывник, не годный к воинской службе по состоянию здоровья. Устав о воинской повинности освобождал от призыва в армию в мирное время людей слабосильных: «Изъятия по физическим недостаткам. Вовсе освобождаются от повинности: а) неспособные к военной службе вследствие телесных недостатков и болезненных расстройств, если это не умышленные членовредители <...> б) лица ростом менее 2 арш<ин> 2½ в<ершков>. Физические недочеты и болезни, освобождающие от повинности, в особом расписании. Если недостаток поддается исправлению (неполная возмужалость, болезненность, слабосилие) — отсрочка на год, после чего или прием, или полное освобождение, или в ополчение, если по наружному виду “годен носить оружие”» (*Михайлов Д. Всемирный военный справочник «Современник». Пг.; Киев, 1915. С. 81*). В военное время, особенно в 1916 г., когда армия испытывала кадровый недостаток, «годными носить

оружие» признавались многие, имевшие льготы или отсрочки в мирное время. «Уменьшился» критерий роста. В январе 1916 г. к призыву в войска считались годными люди с «наименьшей мерой роста» 2 аршина 1½ вершка — чуть меньше 149 см. Ранее годными считались призывники на 4,5 см выше (К призыву в войска // *ВТ*. Утр. вып. 1916. 25 янв. С. 2). В начале 1916 г. вышло постановление о призыве в армию студентов, а в июне того же года был подписан указ о наборе населения национальных окраин, до сих пор не служившего в армии, в особые тыловые дружины для окопных и других работ в помощь действующей армии. Таким образом, число призванных на военную службу к 1917 г. было настолько велико, что Совет министров постановил «приостановить до осени текущего года» (Отсрочка переосвидетельствования // *Воронежский день*. 1917. 14 янв. С. 2) переосвидетельствование и призыв на действительную военную службу всех белобилетников, чтобы, по ходатайству министра земледелия, сохранить необходимый для нужд сельского хозяйства контингент рабочей силы.

Заховать — спрятать.

С. 226. *Успенская ярмарка* — ярмарка, приуроченная к православному празднику Успения Пресвятой Богородицы, который отмечается 28 августа. В дореволюционной России ярмарки занимали значительное место в организации товарооборота в стране. Но с развитием путей сообщения их значение понизилось, стало возможно более массовое и быстрое перемещение необходимых товаров в самые отдаленные районы страны. Ярмарки имелись во всех уездах и губерниях, в городах, в больших слободах и селах, станицах и даже при заводах. Наибольшее количество — это мелкие сельские ярмарки, продолжительностью от 1 до 3 дней. Большие ярмарки продолжались от 2 недель до полутора месяцев (нижегородская) и больше (меновническая под Оренбургом — 8 месяцев). В селах в большом количестве возникали однодневные базары (или торжки), которые обычно приурочивались к праздничным дням и местным храмовым праздникам. «Предметами ярмарочной торговли служат весьма разнообразные сортименты товаров, как произведений крупной обрабатывающей промышленности, так и мелкой — кустарной, сел. хозяйства, рыболовства, охоты; в числе общих предметов в том или ином районе выделяется на первое место ряд специальных товаров, свойственных каждому хозяйственному району...» (*Канделаки И.* Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С. 4). Министерство финансов в 1913 г. в Воронежской губернии насчитало около 750 ярмарок, устраиваемых в уездных городах, больших слободах и селах. Наиболее значительной здесь считалась конская ярмарка в селе Касторном. Ее оборот составлял свыше 100 000 рублей. Затем шла Ильинская ярмарка (при Томлевском монастыре Воронежского уезда), длившаяся 39 дней (29 июня — 7 августа), на которой основным «предметом товара» являлись лошади и крупный рогатый скот, с оборотом около 60 000 рублей. И, наконец, Петропавловская, проходившая 21 день (10 июня — 1 июля) и выставлявшая лошадей, крупный и мелкий рогатый скот и кожевенные товары. Оборот ярмарки был примерно 60 000 – 70 000 рублей (Там же. С. 20, 52). В «Памятной книжке на 1915 г.» названы три конских ярмарки в Воронеже: Всеедная, Воздвиженская, Никольская (зимняя). Е. Болховитинов упоминает Успенскую ярмарку: «Ярмарок исстари было 2: в деся-

тую пятницу в самом городе, и другая 29 августа в пригородной слободе Чижовке» ([Болховитинов]. Указ. изд. С. 56).

С. 228. *Сени, сенцы* — помещение или нежилая часть дома между жилой частью и крыльцом.

С. 229. *Я, Филат, ушел с войны по своему желанию!* — Сват признается в том, что он дезертировал с фронта. В мае 1917 г. А. Керенский издал приказ по армии и флоту, в котором говорилось о дезертирах: «...самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок к 15 мая; нарушившие этот приказ будут подвергнуты наказаниям по всей строгости закона» (ВТ. 1917. 6 мая. С. 3). Газеты запестрели сообщениями о борьбе с дезертирством: «На многих линиях Юго-Восточных дорог в настоящее время кроме обычного железнодорожного контроля в пассажирских поездах установлен еще специальный военный контроль с целью обнаружения среди едущих воинских чинов дезертиров» (Борьба с дезертирством // ВТ. 1917. 27 мая. С. 2). Вышло также Постановление Временного правительства: «...дезертиры сверх наказаний, положенных по закону, лишаются права участия в выборах в Учредительное собрание. Вопрос на лишение их прав на получение земли будет передаваться на рассмотрение Учредительного собрания. Семьи дезертиров лишаются права на получение пайка впредь до возвращения дезертира в свои части. Вернувшийся в часть дезертир может быть восстановлен в правах и совершенно освобожден от наказания за дезертирство, если доблестным исполнением своего долга загладит преступление перед родиной» (Меры против дезертиров // ВТ. 1917. 28 мая. С. 3). Но в середине 1917 г. положение стало катастрофическим. Главнокомандующий Юго-западным фронтом приказал для борьбы с дезертирами на всех станциях следования поезда проводить осмотр вагонов, снимать дезертиров с награбленным и судить их «военно-революционным судом» (Там же. 1917. 4 авг. С. 3).

Дюже — очень.

С. 230. *Колотушечник* — ночной сторож, использовавший при обходе участка колотушку — устройство из дощечек для постукивания.

С. 231. *Газом в ум шибануло! Отпущен околевать домой.* — Химическое оружие — новый род вооружения, возникший в годы Первой мировой войны. Его применение было запрещено решением международного сообщества, но, несмотря на это, германское командование 22 апреля 1915 г. впервые произвело газовую атаку хлором у Ипра. Это нарушение международной договоренности аннулировало запрет, и обе стороны начали применять отравляющие вещества (такие как удушающий газ хлор, затем — фосген, арсин, иприт и др.). Изменялись способы применения отравляющих веществ: от выпуска газов из баллонов — к химическому обстрелу из специальных газометов, минометов, а также с помощью артиллерийских снарядов и авиабомб (Жуминов И.Я. Характерные особенности применения оружия и боевой техники в ходе Первой мировой войны // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 272–273). В 1915 г. сообщений о газовых атаках в периодике еще нет, а в 1916–1917 гг. «Воронежский телеграф» постоянно сообщал о фактах использования удушливых газов воюющими сторонами: «В районе Теннефельда немцы бросали в наши окопы круглые зеленые снаряды с удуш-

ливым дымом» (1916. 29 янв. С. 3); «На двинском участке... у Иллуқта... немцы бросали бомбы с удушливыми газами» (1916. 1 февр. Утр. вып. С. 1); «Под Двинском противник применял бомбы с удушливым газом» (1916. 2 февр. С. 3); «В яacobштадском районе немцами были пущены в наши окопы удушливые газы» (1916. 6 февр. С. 3); в районе Барановичей «на некоторых участках волны ядовитого газа повторялись до 4-х раз» (1916. 23 авг. С. 3); «На участке южнее местечка Скрево нами проведена газовая атака, вызвавшая тревогу в окопах противника» (1917. 20 февр. С. 1); «...на участке Занароч-Стаховцы и в районе Велицка... противником были проведены газовые атаки...» (1917. 28 февр. С. 2). «Временное положение о снабжении войск противогАЗами» было разработано лишь 14 ноября 1916 г. (*Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937). Вопросы химического средств вооружения были актуальны и в середине 1920-х гг. (см. примеч. к рассказу «Война», с. 713 наст. изд.).

С. 232. *Была жена да теща: жена ребенка заспала и сама удушилась на полотенце...* — Собиранель русского фольклора М. Забылин записал: «...беспечные, хмельные, а иногда уработанные до устанка и дремоты женщины, лежа на постели, засыпали грудных младенцев до смерти, придавив их всем телом. В народе поэтому давно распространилось, откуда неизвестно, поверье, что, кроме непростительного греха для матери, ребенок не наследует небесного царствия. Разумеется, это приводило неутешную мать в страшную печаль» (Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. Собр. М. Забылиным. М., 1880. С. 265).

Выдумали царя, веру, запечатали сверху отечеством и бьют народ, чтоб верность такой выдумки доказать! — Слова, ставшие лозунгом «За Веру, Царя и Отечество!», впервые были написаны русским писателем, военным и государственным деятелем А.С. Шишковым в ноябре 1812 г. в «Объявлении для чтения в церквях»: «Вы достохвально исполняли долг свой, защищая Веру, Царя и Отечество». В 1856 г. участникам Крымской войны был пожалован памятный знак в виде креста с надписью «За Веру, Царя, Отечество». Изречение использовалось и в годы Первой мировой войны вплоть до 1917 г.

Гость плюнул жидкими слюнями и треснул по плевку австрийским опорком. — *Австрийские опорки* на русском солдате — характерная для конца Первой мировой войны деталь. В связи с призывом в 1915–1916 гг. в армию большого контингента новобранцев начала ощущаться нехватка обмундирования и сырья, из которого его изготавливали. Поэтому в 1916 г. сапоги часто заменялись ботинками с обмотками. В 1917 г. появились английские коричневые ботинки с шерстяными обмотками горчичного цвета. Английских поставок также не хватало, и русским солдатам приходилось добывать обувь у противника.

С. 234. *Загодя* — заранее, заблаговременно.

Побалакать (от *балакать*) — беседовать, болтать.

С. 237. *Пуд* — русская мера веса, равная 16,38 кг. Употреблялась до метрической системы мер, которая была введена в качестве обязательной декретом Временного правительства от 30 апреля 1917 г.

Фомина неделя — вторая неделя Пасхи.

Хутор — обособленный земельный участок с усадьбой владельца; небольшое селение на юге России.

С. 237–238. *Что же теперь делать, православные ~ под тою бумагой полностью и понятно растисаться!..* — 30 апреля в Воронеже состоялось собрание землевладельцев, на котором обсуждался земельный вопрос, а предварительно, 11 апреля, в газете были опубликованы тезисы одного из основных докладчиков — Н.П. Макарова: «В основу решения земельного вопроса должно быть положено, с одной стороны, — стремление безземельного и малоземельного трудового крестьянства получить землю казны, уделов, монастырей, частных землевладельцев и т. п. в свое пользование, а с другой стороны — стремление государства так решить земельный вопрос, чтобы все русское народное хозяйство в целом получило наибольшую пользу. <...> ...само же население в своих местных собраниях должно выяснить свою волю и свое понимание земельного вопроса в следующих его частях.

1) Кто будет владеть землею и какими именно угодьями? Государство или будущие новые народные земства, или вся земля будет поделена между сельскими общинами или даже отдельными домохозяевами? Этот вопрос для разных земель может решаться по-разному.

2) Кто будет иметь право пользоваться землей, которую государство отберет у уделов, монастырей, помещиков и т. д. Только ли тот, кто своим трудом ведет все свое хозяйство, не принимая рабочих, или другие слои крестьянства? кому должны быть отданы преимущества в пользовании землею при недостатке земель?

3) Какое количество земель может быть оставлено частновладельческим хозяйствам? Как должна быть выработана эта норма?

4) Должны ли быть сохранены и частновладельческие хозяйства, которые будут признаны населением и государством хозяйствами полезными и культурными?

На каких условиях должна быть отчуждена частновладельческая земля, с выкупом или без него?» (ВТ. 1917. 11 апр. С. 2).

На заседании Н.И. Макаров заявил: «Теперь власть в руках народа и народ сказал: “земля”. Спротивление может быть губельно не только для землевладельцев, не пожелавших уступить своей земли, но и для всего государства. <...> ...он предложил собранию принять резолюцию с признанием перехода всей земли в руки трудящихся...» (ВТ. 1917. 3 мая. С. 2). Резолюция не была поддержана землевладельцами.

С. 238. *Посреди слободы стоял двухэтажный старый дом. ~ В двухэтажном доме жил владелец колодца Спиридон Матвеевич Сухоруков с женой Марфой Алексеевной и двумя детьми — мальчиками.* — Водокачка с одноконным приводом находилась в Воронеже на Большой Московской улице и принадлежала Матвею Ильичу Еремину (Ласунский. С. 29).

Водило — в конном приводе: рычаг, вставленный в вал, для запрягания лошади.

Бадья — широкое деревянное ведро.

Чан — деревянная посуда очень больших размеров, сделанная из досок, стянутых обручами.

С. 239. *Чулан* — отгороженная от сеней или комнаты кладовая, обычно для продуктов питания, иногда там хранятся другие запасы.

Охальный — озорной, нахальный.

С. 240. *Чугунок, чугун* — литой чугунный горшок для варки пищи.

Рогач — то же, что *ухват*, надета на палку металлическая рогатка для вытаскивания из печи и постановки в печь горшков, чугунов.

С. 241. *Полудить, лудить* — покрывать тонким слоем олова поверхность металлических изделий для предохранения их от ржавчины, окисления.

С. 243. *В дом Игната Порфирыча Филат ходил редко: там вновь поселились нищие и беженцы, которые даже свалочную площадь сумели загадить.* — В 1915 г. в периодике появились статьи о беженцах. «По случаю войны» в Воронеже и уездах были созданы дополнительные благотворительные общества и организации, в том числе бюро и биржа труда для беженцев при Воронежском отделении Татьянинского комитета. В начале 1916 г. газеты постоянно сообщали о том, что «на снабжение беженцев» одеждой, обувью, продовольствием выделялись деньги (На нужды беженцев // *ВТ.* 1916. 30 янв. С. 2), проводились санитарные проверки общежитий (В убежищах для беженцев // *ВТ.* 1916. 31 янв. С. 2) и т. д. В 1916 г. ситуация в Воронеже осложнилась тем, что на территории губернии скапливалось огромное число беженцев, стремившихся вернуться на родину. В августе 1916 г. количество беженцев в Воронежской губернии составляло 33 551 человек (Количество беженцев // *ВТ.* 1916. 28 авг. С. 2).

С. 246. *...казаки ехали домой, но Совет города Луневецка их с оружием не пропустил и приказал разоружиться. Казаки отказались; тогда Совет выслал отряд, и казаки приняли бой.* — *Луневецк* — вымышленный топоним, вероятно, подразумевается уездный город Липецк Тамбовской губернии. Казаки могли двигаться домой — в область Войска Донского, где в ноябре 1917 г. образовался контрреволюционный центр во главе с Войсковым правительством атамана А.М. Каледина. В августе 1917 г. Каледин выступил с программой подавления революционного движения в России. Его сторонники начали стекаться на Дон со всех концов России, в том числе и через Воронеж. В повести казаки проходят через Ямскую слободу осенью 1917 г., но до того, как в Воронеже «завелись Советы», — т. е. до 30 октября. Военные действия проходили у южной границы Воронежской губернии. 15 декабря Воронеж был объявлен на военном положении. 20 декабря 1917 г. в нем был организован штаб управления 1-й Южной революционной армии, который занимался охраной территории Воронежской губернии от калединцев и формированием отрядов Красной гвардии.

Суходол — то же, что балка, лог — небольшая сухая или с временным водотоком долина с задернованными склонами.

Водораздел — возвышенность, разделяющая бассейны рек и направляющая сток атмосферных осадков по двум противоположным склонам.

Советы — Советы рабочих и солдатских депутатов, Советы крестьянских депутатов; помимо этих основных органов власти, в 1917 г. на местах могли встречаться самые разнообразные Советы, например, Советы безземельных крестьян или Советы казачьих депутатов.

Попозднее долго звонил колокол церкви, собирая ко всеобщей всех опечаленных, всех износивших жизнь, всех, в ком смыкаются вежды над безнадёжным сердцем. — Парафраз евангельского текста: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28).

Всенощная, Всенощное бдение — богослужение Православной церкви, совершаемое вечером накануне воскресенья или основных церковных праздников; оно объединяет вечернюю и утреннюю службы.

Вежды — веки, глаза.

С. 248. *Дьякон* — священнослужитель, имеющий первую степень священства (нижшую, чем священник), помощник священника при совершении церковной службы.

С. 249. *Розвальни* — низкие и широкие сани без сиденья, с расходящимися врозь от передка боками.

Полати — лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью.

Причастие (Евхаристия, Святое Причастие) — освящение хлеба и вина и последующее их вкушение; а также сами хлеб и вино.

С. 250. *Опорошник* — босаяк.

Кадеты поперли насмерть — *насилу допросился в губернии подмоги.* — *Кадеты* — в речи Миши-солдата, вероятно, соединяются два значения слова «кадеты». Современник-лингвист писал: «...мы сами были свидетелями того, как большевистские солдаты в октябре 1917 г. отождествляли “кадетов” (конституционалистов-демократов) с “юнкерами” и с учениками кадетских корпусов» (*Карцевский С.И.* Язык, война и революция. Берлин, 1923. С. 21). Описанное в повести совсем незначительно расходится во времени с реальными событиями, происходившими в ноябре — декабре 1917 г. на Дону. Из телеграммы, полученной из Белгорода Советом народных комиссаров и опубликованной газетой «Правда», стало известно, что 25 ноября войска Красной армии встретились с войсками Корнилова в 28 верстах от Белгорода у станции Тамаровка (Бой с войсками Корнилова // *Правда.* 1917. 11 дек. С. 2). Через два дня вечерний выпуск «Правды» сообщал о захвате революционными войсками Тамаровки (*Правда.* Веч. вып. 1917. 13 дек. С. 3). А 25 декабря комиссар отряда Петроградских революционных войск прапорщик Павлуновский, за чьей подписью публиковались все телеграммы, докладывал о том, что «отряд корниловцев <...> нами стерт в порошок. После боя у станции Тамаровка, где нами были разбиты 2 эшелона <...> корниловцы пытались обходным путем обойти Белгород, прорваться на Купянск или Обоянь. В боях у дерев. Крапивня, Ольховня, корниловцы были сбиты со всех позиций, обеспечивающих им беспрепятственное продвижение на Купянск и Обоянь. <...> Дальнейшее преследование противника привело к захвату у него обозов, пулеметов и т. п. Наш отряд преследовал противника на протяжении 100 верст и уничтожил его как организованную боевую величину» (Поражение Корнилова // *Правда.* 1917. 25 дек. С. 3). Вероятно, именно эти события вспомнил Платонов, когда писал повесть.

РАССКАЗЫ

«В ОКРЕСТНОСТЯХ ОДНОЙ ТЮРЬМЫ...» (с. 255). — *Страна философов, 2005.* С. 653–657; под условным заглавием «Дикое место». Публикация Н. Корниенко.

Источники текста:

M1 — машинопись рассказа с авторской правкой (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 59 об., 61 об. — 65 об. Обороты автографа повести «Строители страны»). Отсутствуют с. 1, 3.

M2 — машинопись с авторским исправлением (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 36 об. — 38 об., 58 об., 206. Обороты автографа повести «Строители страны»). Отсутствуют с. 5, 7.

Датируется январем — февралем 1927 г.

Печатается по *M1* с восстановлением отсутствующих страниц по *M2*.

Автограф рассказа неизвестен. Сохранились две неполные машинописи — первый и второй экземпляры одной закладки. Первый экземпляр (*M1*) представлен шестью страницами (2, 4–8), на которые чернилами внесена правка: «наблюдали правильно» исправлено на «наблюли правильно»; «общий орган губернии» — на «высший орган губернии»; в сочетании «французской деревне» слово «деревне» заменено на «державе»; «по сто целковых» исправлено на «по сту целковых»; во фразе «Революция его тоже не утратила — он ее взял прямо с разгону...» вычеркнуто слово «прямо» и изменен порядок слов. К заключительной фразе рассказа после слов «...с инициалами заказчиков в углах» добавлено: «; считая петли, она одновременно и безутешно скорбит об ушедшем супруге». В названиях «Этнографический музей», «национальной летописью» и «сексуальный Интернационал» строчные буквы исправлены на заглавные. От второго экземпляра (*M2*) сохранились пять страниц (с. 1–4, 8). Последнее предложение исправлено так же, как в *M1*.

Предположительно именно этот рассказ, с заглавием «Дикое место», упоминается в письме Г.З. Литвина-Молотова А.П. Платонову 1927 г., основное содержание которого связано с повестью «Строители страны» (см. об этом: *Корниенко Н.В.* Между Москвой и Ленинградом (о датировке и авантексте романа «Чевенгур») // *Страна философов*, 2005. С. 628). Комментируя эпизод, где председатель губисполкома посылает Дванова «искать пуп социализма», Литвин-Молотов замечает: «...еще кстати: этот мотив у вас повторяется очень часто — в “Ямской слободе” какой-то сенатор по старчеству ищет пуп земли, в “Диком месте” выживший из ума “ученый” ищет пуп нации великодержавной и т. д.» (Г.З. Литвин-Молотов <Письмо А. Платонову> / публ. Л. Шубина // *Воспоминания*. С. 219). В конце письма Литвин-Молотов еще раз упоминает «Дикое место»: «Мрачковского надо бы посадить в “Дикое место” <, я использовал> ваш старый набросок» (Там же. С. 222). Возможно, заглавие «Дикое место» было вписано Платоновым на утраченной первой странице *M1*.

Скорее всего, рассказ написан в Тамбове в январе — феврале 1927 г.

У истоков замысла рассказа об ученом, приехавшем за двадцать лет до революции, т. е. в 1897 г., в небольшой русский город от Императорской академии наук и «статистически доказавшем необходимость великой державы русского народа», возможно, стояли публикации в центральной печати и губернской газете «Тамбовская правда», посвященные проводившейся во второй половине декабря 1926 г. всесоюзной переписи населения. Одним из организаторов этой переписи стал географ и статистик В.П. Семенов-Тянь-Шанский, с 1925 г. — штатный сотрудник Академии наук СССР, сын П.П. Се-

менова-Тян-Шанского, выдающегося географа, статистика, общественного деятеля, почетного члена Петербургской академии наук. Семенов-Тян-Шанский принимал активное участие в первой всеобщей переписи населения России в 1897 г., по итогам которой была написана книга Д.И. Менделеева «К познанию России» (1906). В статье «Всесоюзная перепись населения» Семенов-Тян-Шанский называет две знаменательные даты 1926 и будущего 1927 г.: столетие со дня рождения своего отца — организатора переписи 1897 г. и 20-летие выхода в свет книги «К познанию России». Академия наук СССР к обсуждению плана новой, третьей после 1897 и 1920 гг. переписи населения была привлечена в январе 1926 г.: на всесоюзном статистическом съезде в Москве «ей удалось внести целый ряд серьезных улучшений в систему учета населения по национальным признакам». Предполагалось, что члены АН СССР по данным переписи составят списки населенных мест для разработки «племенных карт», которыми занимается специальная комиссия при академии. Списки эти требовались и для «центрографических работ, успешно ведущихся ныне <...> в Русском географическом обществе — в центрографической лаборатории», которой в 1926 г. было присвоено имя Д.И. Менделеева, первого в России рассчитавшего по данным переписи 1897 г. «территориальный центр» и «географический центр населения». К организации переписи, как было отмечено в статье, «привлекаются культурные силы страны, начиная от краеведческих организаций» (Красная газета. Веч. вып. 1926. 8 дек. С. 2).

На страницах «Тамбовской правды» в декабре 1926 — феврале 1927 г. постоянно публикуются материалы, посвященные переписи населения: «После всесоюзной переписи нужно будет окончательно установить не только численность нацменьшинств в губернии, но также установить деревни и села с преобладающим национальным составом». Среди трудовых вопросов личного листка, который предстоит заполнить каждому, автор статьи называет вопрос № 4 — «народность», где «нужно указывать племенное происхождение: например, русский, украинец, татарин, еврей и т. д.» (Булат И. К совещанию национальных меньшинств // ТП. 1926. 12 дек. С. 1). 4 февраля «Тамбовская правда» печатает статью «Где центр населенности СССР?», которая, возможно, привлекла внимание Платонова: «Всесоюзная перепись населения дает богатый материал для той молодой отрасли статистической географии, которая называется *центрографией*. <...> Отыскание центров поверхности и центров населенности целой страны или отдельных ее областей представляет собой основную задачу центрографии, которая у нас впервые была затронута и проработана Д.И. Менделеевым в 1906 г. по данным переписи 1897 г. Центр населенности России был найден для 1897 г. в Тамбовской губернии между городами Козловом и Моршанском (сев. широты 53° 20', долгота от Пулкова — 10° 23') <...> Происходящая перепись позволит сделать новые определения центрографическим методом для всего Советского Союза, для отдельных *его народов* и для различных экономических районов и областей» (ТП. 1927. 4 февр. С. 2. Подпись: В. К.).

Книга Д.И. Менделеева «К познанию России» с 1906 по 1912 г. выдержала семь изданий, экземпляр ее, скорее всего, был в тамбовской краеведческой библиотеке. Мог Платонов там читать и труды В.П. Семенова-Тян-

Шанского, продолжившего работу Менделеева и разделявшего его главные идеи (*Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899–1914. Из 22 запланированных томов к 1914 г. вышло 19; *Он же.* О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии. Пг., 1915; *Он же.* Антропогеография Центральной промышленной области. Распределение населения ЦПО в связи с естественными условиями. Л., 1924; *Он же.* Картография и иллюстрации в краеведении: практическое руководство. Л., 1926). На основании сводных таблиц по данным переписи Менделеевым был сформулирован ряд выводов, ироническая рецепция которых прочитывается в рассказе: «...государственное единство прежде и больше всего определяется господствующею народностию, которая выражается яснее всего в принадлежащем ей языке. Потому-то немалый интерес должно видеть в подсчете, который содержит Перепись 1897 года всех жителей России по их природному языку»; «Во всех отношениях преобладание принадлежит у нас славянскому отпрыску индо-германских народов» (*Менделеев Д.И.* К познанию России. СПб., 1912. С. 35, 42). Несмотря на очевидное несоответствие между государственной политикой СССР и ведущей идеей ученого: «Национализм, по мне, столь естествен, что никогда, ни при каких порядках, “интернационалистами” желаемых, не угаснет...» (Там же. С. 42), — книга «К познанию России» в середине 1920-х гг. не была изъята из круга чтения. В докладе «Д.И. Менделеев и марксизм», сделанном на четвертом Менделеевском съезде по чистой и прикладной химии 17 сентября 1925 г., Л.Д. Троцкий последовательно разводил гениальные открытия ученого в области физики и химии, которые использовал в целях борьбы с религией и «необъяснимой душой», и его научные выводы, «связанные со структурой человеческого общества». К последним социализм подходит «с большой критической подозрительностью». «Большим просчетом» ученого называл Троцкий то, что «Менделеев с недоброжелательством и даже презрением относился к проблеме общественного переустройства». Однако книга «К познанию России» в той ее части, «где речь идет о расширении городов, развитии промышленности, технической мощи общества», была использована для научного обоснования политики «раскрестьянивания» и, возможно, поэтому поддержана: «Об уничтожении противоречия между городом и деревней наш индустриальный оптимист высказался с замечательной яркостью, и его формулировку <...> примет каждый коммунист» (*Троцкий Л.Д.* Менделеев и марксизм. М.; Л., 1925. С. 5–23).

С. 255. *В окрестностях одной тюрьмы — такой же, как наша, — существовал город, населенный равными людьми. ~ Из таких городов состоит весь мир, поэтому земля не только круглая равнина, но и душевная безотрадность.* — Соединение реалий двух хорошо известных Платонову городов. Историки Воронежа указывают первые военные и административные здания, размещавшиеся на территории построенной в XVI крепости: «воеводский дом, податная изба, тюрьма...» (*Аббасов Л.М., Юрасов А.И.* Воронеж изначальный: время, события, факты. Воронеж, 2008. С. 127). Упоминание о тюрьме отсылает и к изначальному значению Тамбова, как и других основанных в XVII в. городов губернии, — «оборонному и арестантскому:

здесь стерегли арестантов, которых ссылали в наши места в большом количестве» (*Известия ТК*. Вып. XLIV. Тамбов, 1901. С. 42). Тамбовский острог существовал с момента основания крепости в 1636 г. В 1835 г. на месте Боголюбской церкви, к северу от города, началось строительство губернской тюрьмы, ставшей одним из старейших городских зданий. См. в письме Платонова от 8 декабря 1926 г. из Тамбова: «...я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность» (*Письма*. С. 173).

За свою историю, начатую монастырским скитом... — Об истории возникновения русских городов и поселений не раз писали тамбовские краеведы в XIX–XX вв.: «...монастыри наши сослужили серьезную службу русскому делу и всему нашему краю. <...> близ их ветхих деревянных оград постепенно возникли у нас многолюдные русские села: Бокино — близ Трегуляева монастыря, Черниеве — близ Николаевской Черниевой пустыни, Мамонтово — близ Мамонтовой пустыни, село Кириллово (вотчина Белозерского монастыря); село Пичаево (вотчина Сопотчинского монастыря) и г. Спасск (вотчина Новоспасского монастыря). Да и самый Тамбов во второй половине прошлого (XVII. — *Е. П.*) века сосредоточился около Казанского монастыря» (*Дубасов*, 2. С. 40–41); «Из тамбовских городов феодальное происхождение имеют старинные наши города, ныне села: Романов (с. Ленино), Сокольск (с. Соколье), Добрый (с. Доброе) и г. Спасск. Из них первые два выросли из боярских вотчин, а два вторые — из вотчин монастырских...» (*Черменский П.* Как росли города нашей губернии (К предстоящей всесоюзной переписи) // *ТП*. 1926. 15 дек. С. 2).

...город менял три раза свое имя, но далеко от первого прозвания не уходил. Теперь он назывался Краснозвонск, потому что древний скит был основан на Голубозвонной приовражной горе. В среднее же время — между монастырем и советской властью — город именовался Старозвонным Кутом. — Город Краснозвонск упомянут в записи Платонова, сделанной на полях автографа либретто «Надлежащие мероприятия» (1927): «Краснозвонск // Стар. печеное место и револ. // Крас.-жен. сила» (*Архив*. С. 40. Примеч. Н. Корниенко).

Все топонимы образованы Платоновым по типу существовавших названий городов, сел и деревень Воронежской и Тамбовской губерний. Топонимы с частью «красный» (красивый) существовали еще в XVII–XVIII вв.: Красноградская Слобода, Краснослободск, Красногорский городок (Тамбовская губерния), однако наибольшую популярность приобрели в пореволюционную эпоху (см. примеч. к повести «Город Градов», с. 566 наст. изд.). Среди топонимов Тамбовской губернии встречается поселок Красный звон (Населенные пункты ЦЧО. Справочник. Воронеж, 1932. С. 70). В Моршанском уезде Тамбовской губернии, где, по Д. Менделееву, находился «географический центр населения» России, в 1920-е гг. выходила газета «Красный звон».

В Тамбовской губернии находилось с. Лысые горы, недалеко от г. Спасска располагалась Кладовая гора. И.И. Дубасов упоминает еще две горы близ г. Кадома. *Голубой* (лазоревый) цвет присутствовал практически на всех старинных гербах городов Тамбовской губернии: Тамбова, Борисоглебска, Гвоздова, Елатьмы, Кадома, Кириллова, Лебедяни, Моршанска — и символизировал величие и красоту (см. Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004.

С. 124). Вторая часть названий «Голубозвонная», «Старозвонный» отсылает к древней традиции основания русских городов: «...среди темных лесов и диких полей <...> первый царь из дома Романовых <...> зажег свечок культурной жизни, положив основание городу Тамбову. <...> прежде всего заложили деревянную церковь Преображения Господня. <...> и пустынные берега реки Цны огласились колокольным звоном» (*Известия ТК*. Тамбов, 1917. С. 120–121). Двойные топонимы, типа «Старозвонный Кут», с частями «старо», «старый» и «кут» (укр. угол) встречаются в названиях небольших населенных пунктов (сел, деревень, хуторов, слободских поселений). См. в Тамбовской губернии: Старо-Казачья слобода, села Старо-Темниково, Старо-Романово, Старое Березово, Тихий угол, Бадин угол, Атаманов угол; Воронежская губерния: Старое Кленово, Старая Грязневка, Старо-Козьмодемьяновское, хутора Репин Кут, Кут (см.: *Дубасов, 1–6; Муравьев В.Н.* Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1988; *Населенные места Воронежской губернии*. Воронеж, 1928).

Городская управа — в дореволюционной России орган местной власти, избираемый с учетом имущественного ценза.

Правитель дел — в губернских городах чиновник, возглавлявший канцелярию губернатора.

...есть два каких-то ученых в этнографическом музее, но он нам прямо не соподчинен... — С целью изучения края в губернских городах России в последней трети XIX в. открывались музеи. Воронежский губернский музей, созданный в 1894 г., работал под крылом губернского статистического комитета, но материальную сторону его работы обеспечивали частные пожертвования. Четверть века работу музея возглавлял священник С. Зверев. Краеведы, сотрудники музея, организовывали археологические раскопки, экспедиции по изучению природы, этнографии, промыслов и памятников старины (см.: *Попов П., Фирсов Б.* Старый Воронеж. Из истории городского быта XVIII — начала XX века. Воронеж, 2009. С. 256–257). Один из старейших в России Тамбовский историко-этнографический музей был основан в 1879 г. в ознаменование 100-летия Тамбовского наместничества. Инициаторами стали губернатор А.А. Фредерикс, меценат Э.Д. Нарышкин, историк-краевед И.И. Дубасов (*Тамбовская энциклопедия*. С. 405). Основу музея составили частные коллекции и пожертвования. С 1880-х гг. пополнением коллекций музея занималась Тамбовская ученая архивная комиссия, туда передавались обнаруженные при раскопках в разных городищах, могильниках и оврагах древние хозяйственные и воинские орудия (см.: *Известия ТК*. Вып. XLIV. Тамбов, 1901. С. 18).

...в этом административном естествознании. — См. набросок рассказа Платонова «Административное естествознание», с. 417 наст. изд.

С. 256. *Окажите ученому чину ~ возможное содействие в отыскании им расового корня, необходимого Императорской Академии Наук для установления чистоты русской национальности, в целях освежения государственности от приходящих инородных расовых сил.* — Научные исследования расовых и национальных вопросов, которые велись в России в Императорской академии наук в середине XIX — начале XX в., первоначально не предполагали историко-политических выводов. Работы по расоведению — одно-

му из направлений физической (биологической) антропологии — впервые были выполнены К.М. Бэрм (иностраный член-корреспондент Императорской академии наук с 1826 г., академик — с 1834 г.; жил в Петербурге с 1834 г.) для Анатомического кабинета Кунсткамеры — одного из первых учреждений Петербургской (с 1803 г. — Императорской) академии наук). В 1878 г. на базе академических музеев, этнографического и антропологического, Бэр вместе с академиком А.А. Шифнером создал Музей антропологии и этнографии — один из старейших в Европе научно-исследовательских центров по изучению древнего и современного человека, в котором приоритетной стала проблематика, связанная с изучением традиционной материальной и духовной культуры славянского населения европейской части России, а также его финно- и тюркоязычных соседей (см.: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. Кунсткамера. 295 лет: История, исследования, коллекции. СПб., 2009. С. 13–16, 27–30, 143, 227–241).

К концу XIX в. все более оформляется идея о необходимости принимать во внимание этнографические данные при рассмотрении вопросов государственного строительства и исторических судеб народов. В 1900-е гг., когда начинают создаваться всероссийские национальные организации и партии: «Русское собрание» (1900), «Союз русского народа» (1905), «Союз русских людей» (1905), «Всероссийский национальный союз» (1910) и др., среди их руководителей и членов значительное место занимают ученые, в том числе академики, профессора университетов: один из авторитетных филологов академик К.Я. Граб; филолог, этнограф академик А.И. Соболевский; выдающийся историк академик Н.П. Лихачев; профессор медицины С.С. Боткин; ботаник академик В.Л. Комаров; изобретатель электрической лампы накаливания, удостоенный премии Академии наук А.Н. Лодыгин, хранитель горного музея Н.П. Покровский, профессор К.Н. Величко (см.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992). Важную роль в своих организационных документах союзы уделяли вопросу о месте русской национальности в государстве. Устав «Всероссийского национального союза», например, включал первым пунктом цель союза — «содействовать господству русской народности в пределах Российской империи» (Устав Всероссийского Национального Союза. СПб., 1911. С. 3).

В отличие от программных документов, где не упоминались такие термины, как «раса», «расовый корень» и т. п., в отдельных статьях членов национальных союзов вопросы о судьбе русской государственности были увязаны с понятиями «нации» и «расы» (см., напр.: *Сикорский И.А.* Что такое нация и другие формы этнической жизни. Киев, 1915. С. 4, 6, 9). Однако в большей части подобных работ расовые признаки назывались вторичными по отношению к остальным. Например, Лодыгин, определяя российскую народность, отмечал, что это «не только люди славяно-русского корня, но и все люди, от какого бы корня ни произошли, которые считают национальные интересы России своими собственными...» (*Лодыгин А.Н.* Националисты и другие партии. СПб., 1912. С. 41–44).

Этнографический музей помещался в подвале какого-то рыцарского замка. Говорили, что этот дом построила Екатерина, но едва ли верно. — Платонов здесь тоже соединяет реалии двух городов. С 1911 г. губернскому

музею Воронежа было передано величественное здание на Большой Дворянской улице, возведенное в конце 1770-х гг. и напоминавшее дворцы Петербурга, — дом губернатора И.А. Потапова. С домом, получившим за свою красоту название «дворец», была связана легенда: якобы он был построен для отдыха императрицы Екатерины II во время ее поездки в Крым (Историко-культурное наследие Воронежа. Материалы свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронеж, 2009. С. 284–285, 308). В Тамбове первоначально историко-этнографический музей помещался в здании Екатерининского учительского института — среднего мужского учебного заведения, основанного в 1870 г. и названного в честь умершей жены основателя Э.Д. Нарышкина — Екатерины.

С. 257. *...лежал склад старых бумаг, изживших все архивные сроки.* — С целью разбора и документации местных архивов в России в 1880-е гг. создавались ученые архивные комиссии. Несмотря на «высокую культурно-государственную задачу» комиссий — «охранение памятников старины, вещественных и письменных», реальное положение дел с хранением архивов в конце XIX — начале XX в. было далеко не удовлетворительным: «Более чем обычные случаи, когда архивы помещаются в подвалах, на чердаках, в старых развалившихся зданиях, иногда даже в конюшнях; сваленные в груды бумаги желтеют и тлеют от сырости, поедаются мышами и крысами, разносятся ветром» (*Известия ТК*. Тамбов, 1917. С. 123). В отчете комиссии за 1914 г. о местном архиве сообщалось: «Одна часть исторического архива с осени 1913 г. административным распоряжением снесена в подвал чужого помещения, где и погибает» (Там же. С. 21).

В саду общества приказчиков музыканты настраивались на какую-то мелодию... — Общества взаимного вспоможения приказчиков до начала Первой мировой войны являлись самыми распространенными из подобных обществ. Существовали также общества взаимного вспомоществования акушеров, помощников врачей, поваров и кондитеров, служащих железных дорог и др. В Тамбове и Тамбовской губернии Общество взаимного вспоможения приказчиков существовало с 1896 г. Главной целью его являлась взаимопомощь. Общество также занималось обеспечением праздничного отдыха своих членов и с этой целью могло арендовать сад у его владельца (см.: Отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1902 г. Тамбов, 1903. С. 1, 10, 24).

...на дальние хутора Вырвины Ямки... — Название хуторов отсылает к реальным топонимам Тамбовской и Воронежской губерний, сходным по способу образования: Каменные Озерки, Мухины Поляны, Осиновы Кусты и др. — и, возможно, по звучанию: Левые Ламки, Правые Ламки. В разных уездах Воронежской губернии: Острогожском, Россошанском, Воронежском, а также в Ровенской волости имелись хутора с названием Ямки (см.: *Дубасов, 1–6; Муравьев В.Н.* Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1988; *Населенные места Воронежской губернии.* Воронеж, 1928).

...прогонный документ на подводы. — Бумага, которая давала возможность не платить прогонные деньги — плату за проезд на почтовых лошадях.

Я тебе и татар достану... — В 1858 г. русские составляли 95% всей численности населения Тамбовской губернии, мордва — 4%, татары — 1%. (см.: *Двухжилова И.В.* История Тамбова с древнейших времен до середины XIX в. Тамбов, 2009. С. 93). См. примеч. к повести «Город Градов», с. 593–594 наст. изд.

Губернатор — высший правительственный чиновник в губернии. Губернская власть Тамбовской губернии в 1910-е гг. поддерживала национальные объединения и союзы.

С. 257–258. *Ах наука — проста и великолепна! До чего дошла? У кого детородник больше — у того и кровостой гуще и разум плотней, тому и власть в руку! ~ Вот смеришь — сам увидишь!.. Матвей Иванович слушал и довольно улыбался: он действительно открыл научный признак расы. Теперь безошибочно можно определить возраст каждой нации и предсказать ее всемирно-историческую судьбу.* — В расоведении и этнической антропологии со второй половины XIX в. использовались данные антропометрии — научной методики изучения закономерностей изменчивости организма человека, основанной на измерении и описании качественных признаков человеческого тела (длины тела и его отдельных сегментов, соотношения между ними и т. п.). В начале XX в. в отдельных работах членов всероссийских национальных организаций и партий, И.А. Сикорского, П.И. Ковалевского, М.О. Меньшикова, посвященных изучению русской нации, также анализировались антропологические факторы, например соотношения черепов и форм головы представителей различных рас (см.: *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 99–101). Среди возможных источников этого фрагмента можно назвать труд немецкого географа и этнографа, основателя антропогеографии Ф. Ратцеля «Народоведение», первый том (СПб., 1900) имелся в библиотеке Платонова (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 271). Возможно, Платонов, интересовавшийся данной проблематикой (см., напр., его статью 1922 г. <<По родимому краю>> // *Сочинения*, 1(2). С. 231), был знаком и со вторым томом. И в книге Ратцеля, и в дополнении к изданию — обзорных статьях переводчика, писателя и антрополога Д.А. Коропчевского «Расовая и этническая группировка человечества» и «Расы Европы» — используется термин «расовые признаки» и рассматриваются черты сходства и различия рас: рост, форма головы, лица, носа, губ и др. Коропчевским приводятся существующие классификации рас, в которые «делались попытки внести <..> кроме цвета кожи и волос, и форму черепа, как некий постоянный расовый признак», а также работы Ретциуса, «разделившего человечество на длинноголовых и короткоголовых» (*Ратцель Ф.* Народоведение. СПб., 1900. Т. 2. С. 820). Не трудно заметить элемент полемики между немецким ученым и его русским переводчиком по вопросу, касающемуся связи расовых признаков и исторической судьбы русского народа (великороссов). В русском населении, пишет Ратцель, «вследствие монгольской примеси отмечается уменьшение роста. В умственной области регресс, быть может, был еще больше. Благоприятная для образования политических масс способность монголов к безмолвному повиновению и безропотной выносливости <..> перешла к русским. <..> Легкости, с которой русский при-

способливается к народам, стоящим ниже его, он обязан своими завоевательными успехами и широким распространением. Государственные люди его охотно полагают эту способность в основу азиатской миссии России» (Там же. С. 816–817). В завершающей второй том статье, приводя результаты новейших исследований русских антропологов и подчеркивая, «насколько плодотворным оказывается антропологический анализ для понимания расового состава европейского населения», Коропчевский, напротив, воздерживается от выводов интеллектуального, этического и политического характера: «...мы не будем вдаваться в нравственные характеристики трех главных типов этого населения и говорить о преимуществах того или другого из них, так как намерены ограничиться лишь выяснением их физических черт и указанием на распределение по поверхности Европы...» (Там же. С. 842).

В середине 1920-х гг. антропологические исследования продолжались в АН СССР. Так, в декабре 1926 г. обсуждался доклад Б.Н. Вишневого «О расовом значении изоагглютинации крови», посвященный соотношению «расовых признаков», как «конституциональных особенностей человека», с его гормональной системой. Ученым использовалась типология, построенная на данных сравнения рас: «травоядные типы» преобладают среди «приземистых коротконогих» людей в Африке, а «плотоядные типы» — среди «длинноногих худощавых» (см.: Известия АН СССР. VI серия. Т. XXI и последний. Л., 1928. С. 15–19). Более известны были исследования вопросов типологии и скрещивания рас в целях улучшения их качества, которыми занималось в это время Русское евгеническое общество. В публикациях «Русского евгенического журнала» 1925–1926 гг. при исследовании причин снижения плодовитости у представителей разных рас в качестве вспомогательных использовались методы сравнения размеров пальцев рук и ног (см.: *Морган Т.Х. Наследственность у человека // Русский евгенический журнал. 1926. Т. 3. С. 2. Цит. по: Бабков В. Заря генетики человека. М., 2008. С. 48*). Велась активная пропаганда евгенических знаний: основатель общества Н.К. Кольцов читал публичные лекции, большой интерес вызывали его выступления по радио. Русский народ с точки зрения «генов активности» оценивался ученым весьма высоко. Члены общества даже предлагали ввести «государственную организацию евгенического отбора» для защиты «определенно лучших рас» (Там же. С. 65–75).

С. 258. *Целковый (разг.)* — металлический рубль.

Земская Управа — губернский и уездный исполнительный орган земского самоуправления, созданный земской реформой 1864 г.

С. 259. *До 1924 года он занимался огородом и Национальной Летписью...* — 1924 г. стал поворотным в истории отечественного краеведения. На Второй всесоюзной конференции краеведов в 1924 г. прозвучало требование превратить краеведение в фактор советского строительства — путем более широкого участия в подъеме производительных сил страны (см.: *Московская Д.С. Платонов и краеведение // Страна философов, 2003. С. 13–14*). В 1924 г. были упразднены ученые архивные комиссии, ставившие задачи изучения родного края, в том числе и Тамбовская (Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1925. С. 7).

С. 259–260. ...доклад об учреждении Сексуального Интернационала ~ и вселенная, наконец, приобретет крепость и вечный мир единого плотного тела. — Отсылка к рассказу «Антисексус», в предисловии к которому аппарат антисексус аттестуется как «дело космического порядка» (*Сочинения, 1(1)*). С. 126). По аналогии с названием международной организации пролетариата, основанной в 1864 г. в Лондоне, а также Вторым (1889–1914) и Третьим Коммунистическим Интернационалом (создан в Москве в 1919 г., существовал до 1943 г.), в 1920-е гг. образовывались организации, включавшие слово «Интернационал» с уточнением его профиля: «Красный Спортивный Интернационал» (*ТП. 1926. 28 авг. С. 4*), «Интернационал свободомыслящих», «Профинтерн» (*ТП. 1927. 27 янв. С. 1*) и т. п.

С. 260. *Плановая комиссия* — такие комиссии создавались с 1921 г. для разработки единых хозяйственных планов по губерниям. Позднее реорганизованы в плановые отделы.

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ (МОПЛ) (с. 261). — Октябрь. 1999. № 2. С. 150–153. Публикация М. Анд. Платоновой.

Датируется мартом — апрелем 1927 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 1–4).

Беловой автограф выполнен чернилами. На последней странице записано название еженедельного журнала «За 7 дней» (запись не атрибутирована); журнал выходил в 1926 г. в течение несколько месяцев. Первый лист автографа не имеет характерной для большинства рукописей записи Платонова для машинистки о количестве экземпляров.

Рассказ является откликом на широко обсуждаемую с 1926 г. тему массового читателя, его роли и статуса в становлении новой литературы. Политический заказ на разработку этой темы был сформулирован в резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы»: «Партия должна подчеркнуть необходимость создания художественной литературы, рассчитанной на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского; нужно смелее и решительнее порвать с предрассудками барства в литературе и, используя все технические достижения старого мастерства, выработать соответствующую форму, понятную миллионам» (В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917–1927. М., 1992. С. 380). В 1926 г. журналы начинают печатать отклики читателей на произведения текущей литературы, проводятся встречи писателей с рабочими-читателями, в ВАППе, а затем и в ФОСПе (Федерации объединений советских писателей) создаются кабинеты рабочей критики, занимающиеся обработкой отзывов читателей, в журналах открываются специальные разделы для их публикации, организуются и печатаются материалы обсуждений и судов читателей над современными произведениями (романом «Цемент» Ф. Гладкова, повестями С. Малашкина, рассказами П. Романова и др.); ведущие критики разных направлений и группировок начинают обсуждать сложившиеся между современной литературой и чита-

телями отношения. Публикуемые в журналах и газетах читательские отзывы на произведения текущей литературы обозначили целый круг вопросов, которые необходимо было решать. Оказалось, что реальный массовый читатель советской России современной литературой почти не интересуется, в ее оценках крайне нелицеприятен: старые рабочие ее вовсе не любят и отдают предпочтение русской классике; молодежь из поэтов читает Пушкина, Некитина, Лермонтова, Есенина («Читают их потому, что новая поэзия читателей не удовлетворяет»); «Читательницы, главным образом девушки, были бы не прочь почитать Вербицкую и вообще “романы про любовь”. Читают с особым увлечением Тургенева»; этот читатель оказался равнодушен к литературно-критической борьбе: «Критических книг и статей читают мало. О существовании литературных групп, о литературных спорах, конечно, почти ничего не знают» и т. п. (см.: *Исбах А.* Что читает коломенский рабочий // На литературном посту. 1926. № 2. С. 36–37; Что читают в наших библиотеках // Там же. 1926. № 3. С. 57–58). Необходимость заняться правильной ориентацией читателя в текущей литературе («Надо читателя ориентировать — и ориентировать немедленно — в многообразной массе художественной продукции. Надо выяснить общественный смысл и ценность быстро выбрасываемых на рынок произведений») (*Лежнев А.* О современной критике // *НМ.* 1926. № 2. С. 151; *Лежнев А.* О литературе. Статьи. М., 1987. С. 70) осознавалась не только как социальный заказ советской литературе и критике, но и важнейшая составляющая ее нового облика. Наиболее активными в разработке программ работы с массовым читателем оказались пролетарские группы ВАППа и ЛЕФа. Вапповцы уже в 1926 г. утверждают масштабную программу подготовки новых литературных кадров из рабочей среды, прежде всего из рабкоров и селькоров; в клубах, редакциях газет и тонких журналов открываются литературные кружки и т. п.

Тема массового читателя получает новое направление в связи с государственными кампаниями борьбы с хулиганством, «есенинщиной» и порнографией в жизни и в современной литературе, кульминацией которых стала публикация 12 января 1927 г. во всех центральных газетах директивной статьи Н. Бухарина «Злые заметки». Вопрос, что читает массовый читатель, был переведен в актуальную политическую повестку дня.

В конце 1926 г. была найдена и новая форма актуализации фигуры рабочего-читателя в литературном и — шире — культурном процессе советской России (для театра и кино — это зритель). 11 января 1927 г. «Рабочая газета» (входила в круг чтения Платонова) сообщила о подготовке и проведении масштабного и уникального мероприятия: «В субботу, 15 января, в 6 час. вечера в Голубом зале Дома Союзов состоится первое совещание рабочих-читателей. <...> Цель его — выявить запросы и интересы рабочего в отношении книги. Прибудут на это совещание рабочие-читатели из различных библиотек. <...> Совещание будет носить дискуссионный характер; оно должно выяснить: что привлекло рабочего в романе, рассказе, повести и т. п., описание ли быта и жизни рабочего класса, откровенное обсуждение острых вопросов быта, языка книги и т. д. Рабочие-читатели должны сказать свое веское слово о положительных и отрицательных моментах в творчестве наших современников и о формах творчества. Самое интересное, что на сове-

шании будут присутствовать ряд современных писателей и представителей издательств. Ожидается крупный “бой” за книгу: “Какая книга нужна рабочему-читателю?” Рабочий-читатель скажет, кто лучший писатель теперь, кого из старых писателей нужно переиздавать. <...> Делегаты подбираются из числа любителей старой беллетристики, или любящих читать “про старое”, или вообще отрицательно относящихся к новой литературе, любящих книгу “без политики”, и наоборот, читающих новую социальную литературу и т. д.». Обещалось, что если результаты совещания окажутся положительными, то подобные съезды читателей будут созываться регулярно — два раза в год (Рабочий о книге // Рабочая газета. 1927. 11 янв. С. 6). Предлагалось общий призыв «Лицом к читателю» обратить не только к писателю и критику, но и к издателю: «Издатель. Автор. Читатель. / Издатель производит, автор пишет, читатель покупает и читает. / Читатель-потребитель. / Про главного забыли: / Про потребителя! Про читателя! / В кооперации потребитель все больше и больше находит себе места. / Лавочные комиссии. Выборы. Конференции. “Жалобная книга”. Все это формы контроля потребителя. / В книжном деле мы этого не создали. В этой области мы ничего не сделали. / Книжное дело — пока еще удел немногих, где вся судьба в руках зава и двух-трех ответственных. / Советская общественность этого допустить не может. / Надо определенно, точно, ясно: / — Стать лицом к читателю. / Не собрания авторов, а собрания читателей, производственная программа издательства в части литературной должна обсуждаться с участием читателя. / Короче: все для читателя и все через читателя. / Если пойдем по такому пути — это будет крупный выигрыш. / Выигрыш и для издателя, и для автора, и для читателя» (Мар Д. Лицом к читателю // Рабочая газета. 1927. 15 янв. С. 6).

Инициатором масштабной читательской конференции выступил Московский городской совет профессиональных союзов (МГСПС). 18 января «Рабочая газета» напечатала обстоятельный анализ этого «многолюдного собрания» — 500 человек, на котором «впервые за последние годы читатель-массовик выступил и сказал свое слово по злободневному вопросу — о старой и новой литературе» (Шафир Я. Суровый приговор рабочего-читателя // Рабочая газета. 1927. 18 янв. С. 5). Развернутая Шафиром, одним из авторитетных исследователей массового читателя, картина суждений читателя-массовика резюмирована им в нескольких подчеркнутых тезисах. 1) «Читателю не нравится новая литература»: «Почти все читатели высказались против новой литературы, подвергнув ее жестокой критике. Центральный пункт всех выступлений — новая литература неинтересна, не захватывает, не волнует. Много горьких истин пришлось выслушать маленькой группе новых писателей, присутствующих на совещании. Принято думать, что рабочему интересно читать про рабочую жизнь, крестьянину про деревню. Читатели-рабочие усиленно подчеркивали, что им неинтересно читать только про себя. Тов. Приходько (кожевник) объяснил свое пристрастие к старой литературе тем, что он в книжке ищет отдыха, развлечения. Новая литература ему рассказывает про рабочую жизнь. Ему же не хочется и во время отдыха думать о том, чем голова занята весь день. Старая литература показывает ему неизвестное, жизнь людей, которые на него не похожи. В книге ищешь неизвестное, а новая дает то, что оскомину набило. Тов. Приходько указывает,

что буржуазная идеология классиков для него неопасна. Наоборот. Искаженное карикатурное изображение жизни низов всегда у него вызывает мысль: вот как они размазывают нашего брата. На эту же тему говорили и другие ораторы». 2) *«Книга не дает ответа на большие вопросы»*: «Убийственную характеристику ряда новых авторов дали гг. Молотов, Дынина (фабрика искусственного шелка), Гимельштейн (металлист) и друг. Наши книжные магазины переполнены, а читать нечего. Читаешь новых авторов (в виде примера приводили Либединского, Неверова, Андрея Соболя и др.) и устаешь от них. Классиков давно читали, а в голове остались. “Этих” (про новых) читали недавно, а забыли». Присутствовавшие на конференции писатели (называются А. Серафимович, Н. Ляшко) выступали в прениях, признавали факт отрыва писателя от читателя и «защищались» (главка «Писатели защищаются»). Подводя итоги читательской конференции Я. Шафир отмечал, что не во всем нужно признавать правоту отдельных суждений рабочего-читателя, однако, при всех оговорках, необходимо признать: *«Становится совершенно ясным, что между читателем и писателем зияющая пропасть, что тут перед нами один из “проклятых” вопросов сегодняшнего дня»*.

Сообщения о прошедшем читательском съезде появились также в других газетах и журналах, они были выдержаны не в столь категорических оценках, однако в целом вывод был общим — писатели не имеют права игнорировать мнение пролетарского читателя: «Рабочий прямодушен: за хорошее похвалит, за плохое побьет. <...> Часто мы чересчур привередливо относимся к своей новой литературе. А ведь наша литература богаче и лучше заграничной. Если что-либо читателю не нравится, он должен прямо заявлять писателю, как это было на первом совещании» («Я здесь» (Совещание рабочих-читателей) // *К. пр.* 1927. 18 янв. С. 4); «Рабочий-читатель подошел к современному писателю и прямо без обиняков сказал ему: — Вот вы пишете, а мы читаем и все же мы... словно чужие друг другу. Словно два отдельных лагеря “вы” и “мы”. Но этого мало. Благодаря тому, что вы пишете обрывисто и выдумываете разные непонятные нам словечки, от ваших книг мы устаем, а прочитавши — быстро забываем. Поэтому, извините, — но большинство из нас предпочитают не новые, а старые книги. Не в обиду нашим писателям будет сказано, но так говорили почти без исключения все читатели, выступавшие на этом собрании. Да, их сочувствие оказалось на стороне старой художественной литературы. <...> Таков голос, таков приговор массового рабочего-читателя: он говорит прямо, без вывертов, не золотя пилюли» (*Черский П.* Читатель требует слова // *Красная газета.* Веч. вып. 1927. 24 янв. С. 4); «Рабочий читатель современной литературой недоволен. Нет, конечно, единого рабочего читателя с единой установкой, даже на совещании выявились три типа читателя: а) ищущего забвения, б) требующего от литературы ответа на “проклятые вопросы” современности, в) добивающегося от художественной книги знаний. Все три типа осудили современную литературу. <...> Вопросы изучения читателя должны быть поставлены как можно скорее не в порядке случайных совещаний, случайных читателей, а организовано, обдуманно, планомерно» (*Шунов.* Рабочий-читатель о новой литературе // *Журналист.* 1927. № 2. С. 49).

Материалы читательского форума широко обсуждались в писательской среде и дали импульс к открытию ряда дискуссий (дискуссия «Писатель и читатель» в январе и феврале в ленинградской вечерней «Красной газете»), организационных инициатив, анкет для читателей, остроумных шаржей (см.: Современная литература перед судом читателя // *ВМ.* 1927. 29 янв. С. 3. Шарж художника-иллюстратора Н. Гатилова). 6 февраля «Рабочая газета» объявляет конкурс для читателей на написание последней главы повести К. Шильдкрета «Крылья холопа» (С. 7) и в последующих номерах печатает тексты читателей-писателей; также в газете печатаются коллективные письма из библиотек (8 марта. С. 5), материалы читательской конференции шоферов и других работников транспорта (19 апр. С. 6). «Вечерняя Москва» в еженедельной литературной странице («Наша литературная страница») выделяет специальный раздел «Голос читателя», в котором в марте — апреле печатаются ответы читателей, представляющих разные социальные группы — рабочих, служащих, молодежи, на вопрос «Какой вы хотели бы читать роман?» (*ВМ.* 1927. 26 февр. С. 3; 5 марта. С. 3; *Коган П.С.* Итоги (По поводу анкеты «Какой вы хотели бы читать роман?») // Там же. 9 апр. С. 3). 14 мая газета информировала о некоторых итогах работы пролетарских писателей по решению проблемы связи писателя с читателем: «*Массовая работа.* В массовой работе МАПП ставил себе задачу — приближение пролетарского писателя к современному читателю. За этот период было проведено 137 вечеров с аудиторией свыше 30 000 человек. 80% вечеров проходили в рабочих и рабочих аудиториях <...> С помощью МАПП были проведены 3 районные читательские конференции» (*Колосов М.* МАПП перед пятой губконференцией // *ВМ.* 1927. 14 мая. С. 3). К концу 1927 г. принимается государственное решение — о выпуске еженедельника «Читатель и писатель» (выходил в 1928 г.), призванного осуществить смычку современной литературы и читателя, «помочь массам разбираться в жизненных явлениях, отображаемых литературой» (Читатель и писатель. Еженедельник литературы и искусства. 1927. 24 дек. С. 5).

Тема массового читателя в его отношении к современной литературе нашла отражение и в литературных дискуссиях конца 1926 — начала 1927 г. о писателе и критике, сущности новаторства новой пролетарской культуры. Наиболее активным разработчиком читательской темы являлся близкий к Лефу литературный критик и журналист М. Левидов, автор нашумевших статей «Организованное упрощение культуры» (*Кр. новь.* 1923. № 1), «Самобытность литературы?» (Звезда. 1925. № 1) и «Литература и быт» (Там же. 1926. № 6), с которыми Платонов был знаком и идеи которых, восходящие к шпенглеровской концепции заката культуры и торжества эпохи цивилизации, частично разделял. Левидов исходил из новой сложившейся культурной ситуации — если раньше в дореволюционной России было много писателей, но мало читателей, то после революции культурная ситуация радикально изменилась и у литературы появился новый ее «потребитель», диктующий свои условия. Левидов интерпретировал материалы читательской конференции как самое яркое подтверждение выдвинутой им концепции новой культуры и принципиально новых отношений писателя и читателя: «Недавно появившийся в газетах отчет о совещании читателей рабочих библиотек, это,

безусловно, документ громадного значения, с которым должен ознакомиться каждый, кто интересуется вопросами советской культуры, который для будущих исследователей духовного быта нашей эпохи послужит ключом, отпирающим много дверей. Думается, что документ этот должен был бы вызвать не меньше откликов и не менее бурных, чем хотя бы недавний сенсационный спектакль. Однако до сих пор слишком сильны у нас — по инерции — навыки “культуры для немногих”: документ наш остался пока незамеченным; правда, эта “премьера” рабочего-читателя была обставлена менее торжественно, чем любая театральная премьера. <...> Это массовое совещание рабочего-читателя — не литературный диспут, и не доклад в Политехническом музее, куда ходят — часть, чтобы убить вечер, часть, чтоб “посмотреть на знаменитостей”. Это совещание — лаборатория в действии, лаборатория, где вырабатывается кажущийся столь туманным и таинственным “социальный заказ”, каждого писателя, конечно, интересующий, но за которым каждый писатель безуспешно гонится, словно за “синей птицей”. Она опустилась, синяя птица, в одном из залов Дома Союзов, каждый может ощупать ее перышки. <...> Настолько недвусмысленны, так обычны, в такой степени просты истины, высказывавшиеся на этом совещании, что просто не понять: как же не знали о них те, к кому они относятся — наши писатели? Неужели же не знали наши писатели, что читатель, средний рабочий, читатель хочет читать не о том, что он знает и видит, а именно о том, чего он не знает и не видит? <...> И, наконец, будто бы не знали они, что не грех писателю поинтересоваться не только тем, зачем он такую-то вещь пишет, но и тем, зачем читатель эту вещь читает? <...> А в итоге — абсурд какой-то получается: *пролетарский, крестьянский писатель, оказывается, пишет не для пролетариата, не для крестьянства, а для небольшой группки интеллигенции, воспринимающей эти темы как экзотику; или — можно утешиться — для будущих поколений, для вечности. Но из этого утешения шубы не сошьешь...*» (Левидов М. О писателе и читателе // ВМ. 1927. 26 янв. С. 3).

Левидов активно использует и эксплуатирует актуальный политический потенциал формулы «читателя-потребителя» и «читательского рынка». Вопросы потребительской кооперации и «организованного потребителя» не сходят со страниц центральных газет начала 1927 г., в связи с решениями VII съезда профсоюзов (январь 1927) о потребительской кооперации, которая должна охватить широкие массы потребителей и развернуть фронт борьбы за качество товаров. В статье «Читатель спрашивает...» Левидов повышает статус читателя-потребителя и объявляет его главным заказчиком литературных «товаров»: «Эта тема острем своим упиранием в проблему, еще более важную, проблему создания новой, массовой культуры в нашей стране. Если мы переживаем сейчас необходимый, революцией обусловленный период организованного упрощения культуры, то ведь период этот лишь первая стадия на долгом пути превращения духовной культуры из экзотического блюда в предмет широкого спроса и потребления. <...> Факт неопровержим: появился новый, массовый читатель. Но еще более характерен другой факт: этот *массовый читатель максимально активен*; можно без преувеличения сказать, что в отношении активности нашего читательского актива мы уже перегнали страны капиталистической культуры. И литерату-

ра, таким образом, на наших глазах превращается в двусторонний процесс: дает о себе знать контр-агент писателя — читатель. Писатель об этом знает теоретически, но как-то не умеет еще реализовать это свое теоретическое знание, навыков не хватает, вот в чем дело. Где он, этот читатель, какой он из себя? — кто из пишущих не задает себе этого мучительного подчас вопроса. Организованной нашей общественности нужно прийти в этом деле на помощь. Мысль о созыве систематических, регулярных читательско-писательских конференций носится в воздухе. Этой мысли нужно дать живое бытие» (ВМ. 1927. 2 апр. С. 3).

Хроника дискуссии о читателе, откликом на которую является рассказ «Московское общество потребителей литературы (МОПЛ)», позволяет датировать написание рассказа мартом — апрелем 1927 г. В воссоздании образа Общества потребителей литературы также отразился опыт службы Платонова в Центросоюзе (март — июнь 1927). Важнейшие направления работы Центросоюза, связанные с развитием новых форм потребительской кооперации, качеством товаров и «рационализацией товаропроводящей сети», обсуждались в мае 1927 г. на VII Всесоюзном съезде профессионального союза советских и торговых служащих.

С. 261. *Отчет хроникера.* — Отчеты о литературных вечерах и диспутах регулярно печатались в центральных газетах и журналах; они могли быть выдержаны в форме краткого сообщения о литературном мероприятии или развернутого изложения позиции выступающих писателей и критиков; зачастую эти публикации выдержаны в нейтральной стилистике и безымяны. На конец 1926 — начало 1927 г. приходится наибольшее количество «отчетов» о литературных диспутах и вечерах, выполненных в ироническом ключе и имеющих признаки литературного текста. За редким исключением данные «отчеты» подписаны псевдонимом. См., например:

«За час до начала густо пошел читатель. Пробриться в зал — стало героизмом и демонстрацией завидной ловкости.

Писатель собирался критиковать своего критика и критика отвечать своему писателю.

Добрая половина нашей литературы теснилась на эстраде: Сейфуллина, Вс. Иванов, Пильняк, Шкловский, Гладков, Лелевич, Полонский, Левидов, Безыменский, Никулин, Лидин, Лебедев-Полянский и проч. и проч. Читатель “смотрел” на писателей и “слушал” критиков. Ибо критиками сделались на этот вечер писатели и судили о своих суждях.

Вначале ничего не предвещало боя. Но стоило П. С. Когану оговориться, назвав писателей и критиков воюющими между собой державами, как Сейфуллина поспешила заметить:

“Они не должны воевать между собой!” Сейфуллина выступила с про-
странным обвинительным актом по “делу современных критиков”. <...>

Никулин неизвестно за что благодарил Крыленко, заявившего недавно, что современную литературу он не читает» (Писатель и его критик (Диспут в Политехническом музее) // ВМ. 1926. 26 окт. С. 1. Подпись: ОПТ);

«Дом Печати, по не совсем верному, но меткому выражению Левидова, стал жалобной книгой. Сюда за последнее время заносятся жалобы многих

на многое. Писатели жалуются на критиков. Репортеры на хозяйственников, не дающих информации. Сегодня звучат жалобы на богему, на скверные литературные нравы...» (О богеме и литературном хулиганстве (Диспут в Доме печати) // *ВМ.* 1926. 22 ноября. С. 3. Подпись: *П. Кр-в*).

В Доме Печати 4-го марта 1927 года был оборудован беспримерный вечер... — Дом печати (позднее — Центральный дом журналиста, Москва, Никитский бульвар, д. 8) был открыт 3 марта 1920 г. в особняке купца первой гильдии А.С. Прибылова. У истоков Дома печати стояли нарком просвещения А.В. Луначарский (именно его распоряжением особняк был отдан журналистам) и В. Маяковский, с первого дня и до конца жизни оставшийся членом правления. В Доме печати (наряду с другими культурными центрами Москвы — Домом Герцена, Политехническим музеем) регулярно проходили вечера писателей и литературных групп, диспуты; сообщения о литературных вечерах печатались в «Вечерней Москве» и других московских газетах. В календаре Дома печати 1927 г. данный вечер не значится. 7-ю годовщину открытия Дома печати Платонов отмечает придуманным вечером, главными героями которого стали не писатели и критики, а пролетарии-читатели.

Воищев — фамилия и статус героя позднее отзовутся в образе Вощева (повесть «Котлован»).

Фома Георгиевич Ухов — в имени и фамилии героя обыгрывается формула и полное имя героя повести «Сокровенный человек» Фомы Егоровича Пухова. Если в повести герой выступает alter ego автора-сочинителя (см. сноску к повести, с. 147 наст. изд.), то здесь — автора-читателя.

Будучи нечитаемым писателем и пишущим читателем... — Намек на собственный статус: к весне 1927 г. у Платонова еще не было изданных в столице книг; из планируемых им к изданию четырех книг в июне выйдет только одна — «Епифанские шлюзы».

...а сам был желто-розовым... — Первоначальный вариант: «был как бы шовинистом». В 1920-е гг. термин «шовинизм», обозначающий идеологию национального превосходства, входил в партийно-государственный язык в сочетании «великодержавный русский шовинизм» и использовался прежде всего для борьбы с «национализмом русских». Директивные положения по вопросу русского «великодержавного шовинизма» были определены на XII съезде РКП(б) (1923), признавшего, что в отношении национализма русских необходимо отказаться от точки зрения «равенства наций» и «вытравить каленым железом остатки великодержавного шовинизма» (см.: Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1923. С. 411, 562, 564; Основные итоги XII-го съезда партии // *Правда.* 1923. 12 мая. С. 5–6). Клеймо «шовиниста» широко использовалось в литературно-политической борьбе. Новый импульс кампании изобличения великорусских шовинистов в литературе дала статья Н. Бухарина «Злые заметки»: «Тов. Бухарин взял есенинщину не изолированно, а в связи с вопросом нахождения у нас национал-шовинистических настроений» (*Удар направо* [Ред. статья] // На литературном посту. 1927. № 7. С. 2). Определение Бухарина «шовинистическое свинство» в разных его модификациях входит в язык пролетарской критики. В феврале — марте 1927 г. шквал подобных обвине-

ний обрушится на поэму Н. Клюева «Деревня» о гибели русской деревни; автор аттестовался широкому читателю как «наглый» проповедник русской косности и национализма (*Безымянский А.* «Русское дело» Н. Клюева // Красная газета. Веч. вып. 1927. 2 февр. С. 2), ярчайший образец «националистического свинства» (Руки загребушие // Наша газета. 1927. 3 апр. С. 2. Подпись: Г. Л.).

...не говоря о плоских машинах, или ротации. — Ротационные машины — устройство для типографской печати; по способу печати выделяются машины высокой, плоской и глубокой печати.

С. 262. *Интеллигенция и — квалифицированный мастеровой.* — См. набросок рассказа «Разговор мастерового-металлиста с советским интеллигентом» (с. 435–436 наст. изд.).

Регулирование производства и потребления ~ Потребитель, при нашем строе, действительно становится повелителем производства. — Монолог героя предстает краткое резюме вопросов потребительской кооперации, широко обсуждаемых в преддверии VII Всесоюзного съезда профессионального союза советских и торговых служащих (май 1927). Среди главных задач потребкооперации были названы: ликвидация прежнего курса на «кооперирование самотеком»; «вовлечение кооперативных масс в повседневную работу кооперации»; «работа по пробуждению активности и самостоятельности пайщиков»; борьба за качество продукции (Кооперативная общественность // Наша газета. 1927. 11 янв. С. 1). В газетах печатаются сообщения профкоров о качестве товаров, отчеты о выявленных нарушениях стандарта товаров.

С. 264. *Вот — «Красная Новь», солидный журнал для интеллигентов. ~ В этом журнале много месяцев печатается роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Возьмем другое и непохожее с виду «Чертухинский Балакирь» Клычкова из «Нового Мира», возьмем «Цемент» Гладкова, рассказы и повести Сейфуллиной, рассказы Бабеля, сочинения Пантелеймона Романова и почти всех прочих писателей.* — В литературной борьбе 1926–1927 гг. журналы «Красная новь» и «Новый мир» аттестовались его противниками (Леф, ВАПП) как издания «попутчиков» (интеллигентов), политически и художественно реакционные; реакционной также была признана позиция ответственных редакторов журналов (А. Воронского и В. Полонского) в отношении к призыву в литературу рабочих от станка. Отношение Лефа к «Красной нови» и «Новому миру» сформулировано в № 3 «Нового Лефа» (1927) в статьях В. Перцова «Лицо толстого журнала» (С. 26–34) и Н. Чужака «Добрые заметки. Люди, журналы, нравы» (С. 35–36): это журналы без «направления», игнорирующие социальный заказ, с общей для них «идеологией», ориентированной на традиции классики и «семейного чтения вслух»: «Читатель толстого журнала по традиции чувствует себя культурным человеком» (С. 26); «Начав с В.И. Ленина, редактор “Красной нови” кончил “воспеванием блинов”, “мистическими тайнами” и “просто-напросто шовинистическим свинством”» (С. 35. Цитируется статья Н. Бухарина «Злые заметки», одним из объектов критики которой стало стихотворение П. Дружинина, опубликованное в «Красной нови»).

Фантастический роман *А.Н. Толстого* «Гиперболоид инженера Гарина» печатался в шести номерах (с 4 по 9) журнала «Красная новь» за 1926 г.; мифологический роман *С. Клычкова* «Чертухинский балакирь» — в восьми номерах (1, 3–9) журнала Новый мир» за 1926 г. Оба романа получили отрицательную оценку пролетарских и лефовских критиков. Толстой традиционно критиковался за литературное реставраторство, а его фантастический роман аттестовался как «реакционное» сочинение (*Горбачев Г.* На переломе // Звезда. 1926. № 1. 226), «красно-пинкертоновское» развлечение для читателя (*Перцов В.* Лицо толстого журнала. С. 28). Романы *С. Клычкова*, ранее известного читателю как поэт «новокрестьянского» направления, активно прорабатывались пролетарской критикой за их реакционность не только на страницах литературных изданий, но и газет, разъясняющих массовому читателю политическую позицию автора и вредоносность проповедуемых в «Чертухинском балакире» идей: «Поэтизация “первобытности”, когда больше всего деревня нуждается в культуре, в стряхивании со своих соломенных крыш суеверий и невежества, не может быть приемлема для современности» (*Коротко о книгах* // *ВМ.* 1927. 19 января. С. 3. Подпись: *Б. С.*); «Клычков архаичен и глубоко реакционен. Он верит в чудеса, в бога, пожалуй, в леших. Его излюбленный герой — кулачок, одетый в “безобидные” одежды христианина-мистика» (Библиография // *Наша газета.* 1927. 12 апр. С. 4). Роман *Ф. Гладкова* «Цемент» (впервые опубликован в «Красной нови») широко обсуждался в 1926 г. (см. примеч. к статье «Фабрика литературы», с. 778–779 наст. изд.). Рассказы и повести *Л. Сейфуллиной* печатаются в «Красной нови» и «Новом мире», писательница принимала самое активное участие в литературных диспутах 1926–1927 гг. В 1926 г. разворачивается большая полемика о феномене автора «Виринеи», на которую Платонов откликнется в статье «Фабрика литературы» (см. с. 777–778 наст. изд.). Первый отклик на дискуссию о прозе *И. Бабеля* (печатался не только в «Новом мире», но и в «Лефе») появляется в рассказе Платонова «Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”)» и продолжается в статье «Фабрика литературы» (см. с. 777 наст. изд.). «Сочинения» *Пантелеймона Романова* печатались не только в «Новом мире» и «Красной нови», но и в журнале пролетарской литературы «Молодая гвардия». Реалистические рассказы Романова о старом и новом быте эпохи революции и нэпа, о любви комсомольцев выдвинули его в число не только наиболее читаемых современных писателей (кроме журнальных публикаций и сборников, в 1925–1927 гг. вышло первое собрание сочинений писателя), но и обсуждаемых в критике и в читательской среде. В ходе кампании борьбы с хулиганством молодежи лета — осени 1926 г. Романов будет обвинен в откровенной порнографии и напрямую связан с «есенинщиной» (см.: *Адрианов П.* Верибкая в брюках и ее покровители // Ленинградская правда. 1926. 17 июня. С. 2); затем обвинения последуют от пролетарской и лефовой критики. Основная волна диспутов о рассказах *П. Романова* о любви комсомольцев приходится на осень 1926 г. (материалы публиковались в № 12 журнала «Молодая гвардия» за 1926 г.), дискуссии продолжались и в 1927 г. 6 марта в Политехническом музее прошел диспут о рассказах *П. Романова* (см.: *Куда пойти* // *Наша газета.* 1927. 6 марта. С. 4). 19 апреля в разделе «Литературная хроника» (С. 4) «Нашей газеты» сообщалось, что

на проходящей московской губернской конференции пролетарского студенчества прозвучала критика рассказа П. Романова «Без черемухи», с которой выступил «ряд студентов».

...литература должна заниматься человеком. — Первоначально: «голым человеком». Образ «голого человека» дал название повести Ю. Слезкина «Голый человек» (отдельное издание — 1927). В романе Л. Леонова «Вор» (публикуется в «Красной нови» в 1927 г., № 1–7) писатель Фирсов излагает свою литературную концепцию «голого человека», в поисках которого он спускается на «дно жизни»: «Человек существует, как и следует ему, не в чистом виде, а в некотором, так сказать... <...> орнаментуме! (Ну, нечто вроде ширм, занавесочки... или, еще вернее, вроде накладного золота! <...>). Человек без орнаментума и есть голый человек! Наша революция тем-то и примечательна, что скинула с человека ветхий его орнаментум. <...> Теперь все устанавливается по будничному ранжиру <...> Все приходит в стройный порядок: пропойца пьет, поп молится, нищий просит, жена дипломата чистит ногти <...> Голый человек исчез из обихода. В поисках его приходится спускаться на самое дно...» (*Кр. новь*. 1927. № 1. С. 31).

А литература сейчас занимается не человеком, не антропосом, а человекоподобным, антропоидом... — *Антропос* (греч. человек) — первоначальный, исходный первочеловек, архетипический образ целостности человека. *Антропоид* (от греч. *antropos* (человек) и *eidos* (вид, облик)) — имеющий внешний облик, человекообразная обезьяна. См. в «Эфирном тракте» диалог о человеке, в который включен вопрос: «Или ты только антропоид?» (с. 17 наст. изд.). Отклик Платонова на широкий круг современных литературных тем и сюжетов, философских и социальных проектов марксистской антропологии, занятой поиском новой диалектики физиологического и социального начал в человеке. В европейской и русской литературе первых двух десятилетий XX в. представлены самые разнообразные антропоидные, «обезьяньи» сюжеты, герои и мотивы, восходящие «к одной общей проблеме: с их помощью актуализируется вопрос о “границах” человеческого и сущности самого понятия “человек”» (*Яблоков Е.* Между человекообразной и человекобогом (Аспекты питекоморфного кода в литературе 1920-х гг. // *Яблоков Е.* Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. СПб., 2014. С. 687–688).

Я из тех, кто старые метрики из-под селедок в 19-м году читал. — *Метрики* — метрические книги православных приходов, в которых в дореволюционной России (по 1918 г.) делались записи о крещении, венчании и погребении. Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния») функции регистрации актов гражданского состояния (рождения, брака, смерти) были переданы ЗАГСам. «Бумажный голод» 1919 г. был следствием общей хозяйственной разрухи в годы Гражданской войны; нехватка бумаги привела к сильному сокращению тиража центральных и местных газет, традиционно используемых в качестве оберточной бумаги.

...почему же мы ~ не организуем гигиенического и сытного хлебозавода в литературе?.. — Аллюзия на одно из частотных у Маяковского уподоблений «левой литературы» — евангельскому «хлебу насущному»; см. выступ-

ление поэта на диспуте «Леф или блеф?» (ВМ. 1927. 24 марта. С. 3): «...мы скидываем свое зерно в общие элеваторы, в советские элеваторы»; «...мы в эти элеваторы всыпаем достаточное количество советского зерна»; «Мы будем советскими элеваторами и будем снабжать идейным хлебом нашу литературу» (Маяковский, 12. С. 335, 350).

Я еще, граждане, не остановился на литературе еженедельных и двухнедельных журналов. — На 1923–1926 гг. приходится издание самых разных тонких журналов, адресованных прежде всего рабочему и крестьянскому читателю и выходивших 2–3 раза в месяц («Смена», «Огонек», «Красная нива», «Прожектор», «Крестьянский журнал», «Журнал крестьянской молодежи», «Новая деревня», «Крокодил», «За 7 дней», «Крестьянский журнал», «Работница», «Экран», «Новый зритель», «Крестьянка» и др.). Редакционная стратегия тонких журналов, как и толстых, определялась отделом печати ЦК и отражала литературные предпочтения существующих писательских объединений (попутчиков, пролетарских, комсомольских, крестьянских). Многие писатели печатали в тонких журналах отрывки из романов, повестей, поэм, полностью публикуемых в толстых журналах. В 1926 г. Платонов печатался в журналах «Жизнь крестьянской молодежи» (выходил 2 раза в месяц) и «За семь дней» (еженедельное издание). В № 3 «Нового лефа» (1927) была опубликована статья П. Незнамова с говорящим заглавием «Многотиражное чтение» (С. 36–39), посвященная анализу двух тонких журналов — «Красной нивы» и «Огонька». Редакционная политика и практика тонких журналов оценивалась критиком также, как и «ежемесячные тяжеловозы» — «Красная новь» и «Новый мир»: «...они имитаторы» (С. 39).

С. 265. *...многие честные писатели сами поднимали вопрос о реформе литературы.* — Отсылка к собственной статье «Фабрика литературы», представляющей основные направления реформирования литературы.

Слова попросил Маяковский, но ему отказали ~ и так много наговорил! — В хронике деятельности Маяковского настоящий диспут не значит (1 или 2 марта он вернулся в Москву из поездки по стране, в ходе которой выступал с докладом «Лицо новой литературы»; см.: Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. 5-е изд. М., 1985. С. 373–375). Однако рабочие-читатели демонстрируют хорошее знание выступлений Маяковского на самых разных диспутах. Не исключено, что и Платонов в первые московские месяцы 1926 г. и после возвращения из Тамбова был на диспутах с участием Маяковского или же знал о них из сообщений московских газет; основные выступления Маяковского: диспут о хулиганстве (30 сентября 1926, Политехнический музей); диспут о богеме (19 ноября 1926, Дом печати), диспут «Упадные настроения среди молодежи» (13 февраля и 5 марта 1927, Комакадемия), диспут «Леф или блеф?» (23 марта, Политехнический музей).

...прочту сейчас стихи одного поэта, которого читает моя дочка. — Имя автора приводимых далее двух «стишков» не удалось определить, скорее всего, они написаны самим Платоновым и представляют собирательного автора, творениями которого он откликается на весьма злободневную для 1926–1927 гг. тему «есенинщины» и эпигонов лирики Блока и Есенина (их оказалось немало среди пролетарских поэтов). В содержании первого «стишка» представлена модель эволюции ряда поэтов-кузнецов от создания

новой космогонии, планетарного пролетарского мифотворчества (стихи времени Гражданской войны и военного коммунизма) к есенинским темам тупика и «черного человека», от тем победы над смертью к апофеозу смерти, от символистско-библейской символики к голому психологизму.

Твердь из сырости свивала вервь. — Аллюзия на библейский текст («И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» — Быт. 1:6) и самоубийство Есенина («вервь» — веревка). Второй «стишок» о «псе голодном» корреспондирует со стихами героя романа «Вор» Леонова, «народного» поэта Доньки. «Лучшее стихотворение» Доньки — «Цепному псу не внятно унижение... не осуди ж... вилияния собачьего хвоста!» (Леонов Л. Вор // Кр. новь. 1927. № 5. С. 65) — представляет отклик на тему «пса голодного» из поэмы «Двенадцать», а сам образ Доньки создается Леоновым как массовый аналог описанных Блоком «русских дэнди» и одновременно массовый двойник героя «Москвы кабацкой» Есенина. В публикуемых материалах читательских конференций постоянно звучало недовольство рабочих-читателей языком современной литературы, особенно в части использования «похабных» слов: «Никто больше бесталанного писателя не приносит нам вреда, — заявил рабочий-читатель с завода “Дукс” тов. Молотов. — Некоторые из них считают: чем похабней, тем ближе к рабочему. В журнале “Синяя блуза” самым серьезным тоном пишут: “Революция — большая сука, / Синяя блуза ее щенок”. — “Да пошли вы к черту с таким искусством!..” — Вот как им отвечает рабочий» («Я здесь!») (Совещание рабочих-читателей) // К. пр. 1927. 18 янв. С. 4).

С. 266. ...какой-то изобретатель сернокислого сероводорода по фамилии Пугавкин. — Герой с говорящей фамилией представляет химическую промышленность, которой в 1920-е гг. отводилось одно из центральных мест в народном хозяйстве (см. примеч. к «Городу Градову», с. 576 наст. изд.). Сероводород — токсичный газ с запахом тухлых яиц; в химически чистом виде принадлежит к сильным ядам. На прошедшем в конце марта — начале апреля 1927 г. Первом всесоюзном съезде химической промышленности (о нем писали все газеты) «особое внимание было уделено производству серной кислоты — основного продукта химической промышленности»; сообщалось, что «10-летний план предусматривает постройку ряда новых заводов» по производству кислоты (см.: Всесоюзный съезд по вопросам химической промышленности // Хочу все знать. 1927. № 5. С. 220).

...все силы обратить на активную жизнь, а созерцательную литературную чепуху ликвидировать немедленно. — Отклик на радикальные идеи обновления литературы, развиваемые идеологами «производственничества» (А. Гастев, Б. Арватов, М. Левидов) и «литературы факта» (Леф). Выступая 23 марта на диспуте «Леф или блеф?», Маяковский так сформулировал позицию левой литературы: «Леф будет проводить свою линию ненависти к старой культуре...» (Маяковский, 12. С. 349). Подробно см. примеч. к статье «Фабрика литературы», с. 768, 777–779 наст. изд.).

...определил литературу как свойство организма, а потому как неизбежное зло... — Первая часть высказывания данного читателя представляет резюме тезиса, которым открывается «Фабрика литературы»: «Искусство, как потение живому телу, как движение ветру, органически присуще жизни.

<...> Вывести его, искусство, из геологических недр на дневную поверхность <...> в этом все дело...» (С. 361 наст. изд.).

Ничего вы не сделаете, даже рекламу о вашем МОП. Ле сами не напишете, а меня позовете, и я вам, конечно, удружу это за 2 рубля со строчки. — В. Маяковский придавал большое значение агитационно-политическому значению рекламы (статья «Агитация и реклама», 1923) и создал десятки рекламных текстов. Наибольшее количество рекламных текстов приходится на 1923–1925 гг.: это рекламы новых журналов («Лефа», «Крысодава», «Огонька», «Московского пролетария», «Смены», «Красного перца»), издательств, различных трестов, продукции Моссельпрома и других предприятий (см.: *Маяковский*, 5).

Обозначенная здесь сумма гонорара за рекламу, скорее всего, взята из скандального «Протокола Полонского», который печатался как документ — «Выписка из стенограммы заседания сотрудников журнала “Новый Леф” от 5/III 1927 г. Пункт 2-й текущих дел: «Так, говоря о моем стихе, называя его рубленой прозой, Полонский врет, утверждая, что рубление делается ради получения двух построчных рублей. Все вы знаете, что единственная редакция на территории Советского Союза, в которой платят 2 рубля за строку, — это “Новый мир”. В “Лефе” всем, и мне в том числе, платят 27 к. за строку...» (Новый Леф. 1927. № 3. С. 40; *Маяковский*, 12. С. 323). К теме рекламы и гонорара у Полонского Маяковский вновь возвращается 23 марта в своем выступлении на диспуте «Леф или блеф?» (см.: *ВМ*. 1927. 24 марта. С. 3; *Маяковский*, 12. С. 339–340. В отличие от прижизненных изданий в собрании сочинений сумма гонорара дается прописью).

Тут из читательской среды крикнули: брось, сядь, знаем — о хулиганах, о призыве, о борьбе с пьянством, — знаем тебя, халтурщик, сапожник собственной жизни! Маяковский показал кулак и отошел от греха. — Это, пожалуй, единственный диспут с участием Маяковского, где он оборонялся. В публикуемых в центральных газетах сообщениях о диспутах с выступлениями Маяковского поэт всегда предстает в роли атакующего; см.: «...знает свою аудиторию триумфатор Владимир Маяковский. На эстраде он дома. <...> К чему церемонии, когда сотни глаз устремлены с обожанием на поэта, говорящего Пушкину скромно и убежденно: “После смерти нам стоять почти что рядом...” <...> переходя к современным поэтам и критикам, В. Маяковский не щадит и их разглагольствований...» (*Селиванов А.* Вечер поэзии Маяковского // *Красная газета*. Веч. вып. 1926. 18 мая. С. 2); «Поэт был в плохом настроении. Жестоко и поделом изруган был Шенгели за выпущенное им руководство “Как писать стихи?” Затем докладчик обрушился на Жарова, затем пришла очередь Уткина, Безыменского <...> Все обвиняемые в зале присутствовали. Суд был не особенно “правым и милостивым”, так что публика ожидала скандала. Но все прошло гладко» (Вечер Маяковского // *ВМ*. 1926. 22 сент. С. 3); «Нападал Маяковский, защищался Полонский» («Леф или блеф»). Диспут в Политехническом // Там же. 1927. 24 марта. С. 3. Подпись: *ОРТ*) и т. п. Читатели-рабочие в принципе вернули Маяковскому его любимое обвинение в халтуре и солидаризировались с позицией редактора «Нового мира» В. Полонского и критиков «Красной нови» (см.: *Лежнев А.* «Дело о трупе» // *Кр. новь*. 1927. № 5. С. 218, 231) в их оценках новой

платформы Лефа, сместив свое внимание с критики лефовских теорий социального заказа (В. Полонский) и утилитарности (А. Лежнев, Д. Горбов) на качество произведений Маяковского, написанных по социальному заказу и адресованных прежде всего массовому читателю. Маяковский принимал самое активное участие в партийно-пропагандистских кампаниях 1926–1927 гг., от обличения Англии, борьбы с хулиганством до участия в профсоюзном конкурсе «На лучшую машинистку» (организован «Нашей газетой»). Актуальные стихи Маяковского печатались во всех центральных газетах («Известия», «Рабочая газета», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда», «Красная газета»), перепечатывались в областных изданиях и тонких журналах. Маяковский оперативно откликался на различные кампании. Осенью 1926 г. принимает участие в кампании борьбы с хулиганством (одноименные стихотворения «Хулиган», 1926), превращая образ хулигана в универсальный образ («В мировом масштабе»); участвует в пропаганде борьбы за «новый быт» и пишет сатирические стихи о мещанине-пьянице: «В повестку дня», «Тип (Три хулигана)», «Лев Толстой и Ваня Дылдин» (последние два стихотворения печатались в журн. «За семь дней» в 1926 г., № 10, 11). Кроме стихотворения с названием «Призыв» (1927), многие стихотворения Маяковского 1926–1927 гг. выдержаны в форме призыва и представляют зарифмованные лозунги, директивы и инициативы партии и государства.

...он 150 000 000 людей насильно приучил к себе!.. — Поэма Маяковского «150 000 000» написана в 1919–1920 гг., в 1920 г. читалась Маяковским в разных аудиториях Москвы и Петрограда; отдельным изданием вышла в начале 1921 г. без указания имени автора; место лирического «я» заместил коллективный автор советской России («мы»), творец нового грандиозного эпоса и нового хода истории: «150 000 000 мастера этой поэмы имя. <...> Кто назовет земли гениального автора? / Так / и этой / моей / поэмы / никто не сочинитель» (*Маяковский*, 2. С. 115).

ВОЙНА (с. 267). — Октябрь. 1999. № 7. С. 101–119. Публикация М.Анд. Платоновой. Подготовка текста Д.С. Московской.

Датируется условно августом — сентябрем 1927 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1–14).

Автограф выполнен карандашом и не имеет характерной для рукописей писателя пометы для машинистки. Машинописи рассказа не выявлены. Рассказ не датирован. Предполагаемое время его написания — не ранее последней декады августа 1927 г. — можно установить, в частности, по упоминанию казненных «сегодня в Америке» двоих рабочих. Эта деталь, указывающая на события 24 августа 1927 г., когда в штате Массачусетс США были казнены рабочие-коммунисты Сакко и Ванцетти, за судьбой которых в СССР следили с момента их ареста в 1921 г. по обвинению в убийстве банковских служащих (Известия. 1927. 24 авг. С. 1), позволяет восстановить внутреннюю хронологию рассказа. Названная дата близка к обозначенному в рассказе началу действия — позднее английское лето, московский сюжет выпадает на май еще не наступившего 1928 г.

Заглавие рассказа было найдено сразу; предполагалось также дать названия главам. После заглавия следовала римская цифра «I», затем писатель ее вычеркнул и вписал арабскую единицу и позже вымаранное название главы «Пангаз». В дальнейшем Платонов нумеровал главы римскими цифрами. Маргиналии показывают, что в процессе письма писатель стремился контролировать развитие сюжетной линии, фиксируя задуманный поворот сюжета. На полях первой главы находим запись «Гл<авный> бух<галтер>» (А. Л. 5), предшествующую появлению нового героя, князя Маматова, через которого в Англии осуществляется финансирование опытов Серденко. Второй главе, в процессе ретроспективной правки ставшей третьей, задается другая смысловая доминанта, отразившаяся в маргиналии «Россия» (Л. 12). Пометка «Инокognito войны» (Л. 19) на полях шестой главы также заранее определяет ее сюжет — разведывательный полет вражеских аэропланов без опознавательных знаков над СССР. В ходе ретроспективной правки Платонов дробит главы: выделяет новую вторую главу и соответственно правит, увеличивая на единицу, нумерацию остальных глав. Тогда же отделяет финальную главу «IX», первоначально не предусмотренную.

Правка автографа носит в основном содержательный характер. Изменяется поведение жены Отчева Варвары. Коммунистка, активный член Осоавиахима, согласно замыслу, она умеет совместить общественную и производственную деятельность с хлопотами по дому. Однако Платонов решает усилить ее общественное служение, вычеркивая все, что характеризует ее как мать и хозяйку, стремящуюся создать домашний уют. Его героиня не успевает приготовить чай мужу и сыну, вернувшимся с прогулки, так как торопится «к десяти часам на свое делегатское собрание». Читатель не должен видеть ее с иголкой в руках: строки «Жена шила ему рубашку и поглядывала на спящего разметавшегося сына» писатель позже вычеркнет. Исчезнут и «мещанские» цветы «в плошках» на подоконнике (Л. 22). Таким образом, правка рассказа акцентировала перемены, которые в течение десяти лет советской власти копились в брачно-семейных отношениях и, наконец, создали искомый тип новой советской женщины. Советская семья, ее онтологические и социальные основания — тема не новая для Платонова. Своим истоком она имеет раннюю воронежскую публицистику и пародию «Антисексус» (1925–1926), посвященную проекту нового советского брачного кодекса (см. примеч. к рассказу // *Сочинения, 1(1)*. С. 553–555).

Процессуальная правка автографа показывает, что Платонов отказался от некоторых возможных направлений развертывания замысла: незавершенные и вычеркнутые абзацы порой намечали неостребовавшую сюжетную ветвь. Так произошло с фрагментом, содержащим сведения о первой профессии Серденко (у главного героя была «фамильная» профессия Климентовых — железнодорожник) и о его умонастроениях: «Конечно, он [*презирал*] ненавидел большевиков — до [*духоты*] жаркой духоты в сердце. И эта ненависть имела причиной не потерю какого-либо имущества в России — его у Серденко не было, — [*он был железнодорожником*] а оскорбленное чувство за изуечение светлой и своеобразной славянской души. [*гнившей?*] / которую размя<гчила?> / которая заражена] Эта душа — верил Серденко — никогда бы не пошла по тому пути, который уже заразила [*конченная*]

Европа, а наша бы» (Л. 5). Вместе с этим фрагментом текст лишился прямой формулировки главной темы платоновского творчества 1925–1926 гг. — темы родины, некогда носившей «крестное имя» Россия. Остроту и злободневность ей придали «Злые заметки» Н.И. Бухарина, опубликованные в самом начале 1927 г. Направленные в первую очередь на развенчание Сергея Есенина как национального поэта и на уничтожение значения его художественного наследия, они называли главных врагов новой советской литературы: религиозность и национальный уклад (Правда. 1927. 12 янв. С. 2). В этом контексте новым патриотическим содержанием и позитивными ассоциациями следовало наполнить аббревиатуру СССР, ср. юбилейную поэму В. Маяковского «Хорошо»: «Перед нашей республикой стоят богатые. Но как постичь ее? <...> что это за нация социалистичья, и что это за социалистическое отечество? <...> За что вы идете, если велят — воюй? <...> можно умереть за землю за свою, / но как умирать за общую? Приятно русскому с русским обняться / но у вас и имя Россия утеряно. Что это за отечество у забывших об нации? / <...> Жена, да квартира, да счет текущий — / вот это отечество, райские кущи» (Маяковский, 8. С. 274).

Футурология рассказа определялась политической доминантой 1927 г., юбилейного для советской власти. Он начался с предупреждения Н.И. Бухарина на XV Московской губпартконференции: «войну готовят»; инспиратором и идеологом «попыток окружить нас кольцом враждебных сил» он назвал Англию (Правда. 1927. 13 янв. С. 2–3). Более широкий политический контекст рассказа составила развернувшаяся в первой половине 1920-х гг. общепартийная дискуссия о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. После XIV партсъезда (1925), взявшего курс на индустриализацию, и XV партконференции, отказавшейся от ожидания мировой революции, культурологический спор о судьбах европейской цивилизации, инициированный публикацией «Заката Европы» Шпенглера (см. примеч. к эссе «Симфония сознания» // *Сочинения*, 1(2). С. 398–406), приобрел новое направление и новых участников: в него включилась русская эмиграция. На повестке дня оказался вопрос об исторических перспективах развитых капиталистических стран Западной Европы и промышленно вооружающейся патриархальной России. В этом контексте окрашенные романтизмом мышления евразийцев предписывали России способность быть носительницей иных, чем у европейцев, ценностей и выражать духовные потребности расселенных на просторах Азии народов: «Европа переживает кризис культуры, выражающийся в реалистическом и критическом миропонимании. <...> Должна ли при таких условиях Россия идти вместе с Европой? Россия — это Евразия», — цитировала евразийцев газета «Известия» (*Ольшевец М. Десятый белоэмигрантский* // *Известия*. 1926. 27 ноября. С. 3). Обособление исторического пути новой России, получившее разное идеологическое обоснование у евразийцев и большевиков, увеличивало вероятность войны с Европой. Журнал «Россия» напомнил в 1925 г. «пророческие слова Ленина»: «“Для того чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным <...> Востоком, между цивилизованными государствами мира и государством, по-восточному отсталым <...> нужно цивилизоваться”. Пред-

стоит величайшая в истории война за освобождение. С громовой, потрясающей планету силой столкнутся лавины Запада и Востока в борьбе за вселенское объединение раскрепощенного человечества, за перемещение мировых центров, за новую жизнь на новых материках» (*Лежнев И.* На «стыдную» тему // *Россия.* 1925. № 4. С. 225). Исход противостояния промышленно более слабой страны развитым мировым державам, опробованного русской историей в период Первой мировой войны и завершившегося Октябрьским переворотом, предсказан Платоновым в финале рассказа.

В ходе редактирования автографа Платонов завуалировал один из реальных источников фабульной интриги, заменив фамилию и личностные характеристики «русского эмигранта Шашкина» на «князя Маматова». Прототипом Шашкина был уроженец Области Войска Донского, последний небольшевицкий посол России в Англии с такой же говорящей фамилией Евгений Васильевич Саблин (1875–1949). Начало его дипломатической деятельности относится к 1899 г., когда он был назначен в Российскую миссию в Белграде. В декабре 1914 г. командирован из Тегерана в распоряжение императорского посла в Лондоне. В декабре 1915 г. назначен первым секретарем Императорского посольства в Лондоне. При Временном правительстве он служил советником посольства в Лондоне и после Октябрьской революции представлял интересы генерала Деникина, адмирала Колчака и генерала барона Врангеля. Саблин принял на себя обязанности советника российского посольства в сентябре 1919 г., в то время, когда в Лондон северным морским путем, через Финляндию, и с юга, через Константинополь, Балканы, Париж, хлынули русские эмигранты. Российское посольство «Чэшам Хаус» (Chesham House) и консульство (30, Bedford Sq.) в это время стали центрами, объединявшими эмигрантов различных политических ориентаций, противостоявших большевизму. Саблин возглавлял посольство до признания Великобританией Советского государства де факто в 1921 г. Все это время и до официального признания Англией советской власти в 1924 г. посольство оставалось оплотом небольшевицкой России. После своей отставки Саблин стал представителем русских эмигрантов в фонде Нансена и возглавил эмигрантскую колонию в Лондоне. Потеряв высокий дипломатический статус, Саблин сумел сохранить политическое влияние, и его мнение в области взаимоотношений двух государств оставалось авторитетным при королевском дворе (см. подробно: *Казнина О.А.* Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // *Россика в США: сборник статей (Материалы к истории русской политической эмиграции).* М., 2001. Вып. 7. С. 161–185). Саблин принадлежал к тем русским эмигрантам-патриотам, которые верили в возрождение России, не принимали нового гражданства и русскостью своей не поступались. Иначе говоря, он обладал духовно-личностными чертами, которых лишен князь Маматов и которыми Платонов в высшей степени надеялся инженера Сергея Серденко.

Имя Саблина стало широко известно в советской России в начале 1927 г. благодаря публикациям, разоблачавшим «тайные пружины антисоветской работы в Англии» русских эмигрантов: «Кампания по срыву англо-советских отношений не прекращается. Хотя она ведется уже в течение двух лет, организовано и систематически, с переменным успехом, но в последние

месяцы она особенно обострилась в связи с событиями в Китае. <...> Пути этого преступного заговора, который в случае удачи грозил бы миру нескончаемыми столкновениями, мы в состоянии проследить по подлинной переписке Саблина, старого черносотенного царского дипломата и бывшего поверенного в делах временного правительства Керенского в Москве. <...> Он у некоторых членов английского правительства является в полном смысле слова своим человеком. <...> Саблин и русские белогвардейцы играют не только на классовых противоречиях внутри самой Англии <...> Они играют еще и на противоречиях и среди самого английского правительства. <...> Саблин выступает в роли главнокомандующего и кричит: “Вперед, не бойтесь, я отвечаю”» (Тайные пружины антисоветской работы в Англии // Правда. 1927. 16 февр. С. 3. Подпись: П.И. М.).

Освещая роль русской эмиграции в политических взаимоотношениях советской России с Западом, «Известия» сообщали, что в 1926 г. во Франции насчитывалось 200 000, в Польше — 80 000, в Чехословакии — 10 000 лиц русского происхождения, не признавших советской власти. Среди них были «министры, посланники, князья, генералы, шпионы, митрополиты», живущие «подачками с господского стола» там, где обнаруживалась «ненависть к Советскому Союзу, жажда интриг, необходимость в шпионаже». Автор статьи М.О. Ольшевец указывал два доминирующих настроения в среде эмигрантов, у которых ненависть к советам совмещалась с желанием, оставив «всяческие политспоры», служить России, «заняться обучением и усовершенствованием в технике, чтобы вернуться на родину опытными инженерами». Последнее близко взглядам «евразийцев», успех которых «начался с крушения белой идеологии». Взамен нее было предложено «всего понемногу: православию, национализм <...> оправдание большевизма», так как «большевики заложили основы русской военной мощи» и «дипломатия большевиков может совпадать с русскими национальными интересами». В заключении статьи приводилось высказывание русского эмигрантского прозаика и публициста А.А. Яблоновского: «У всех у нас есть затаенная мечта, о которой редко говорят: все хотят умереть там, на родине, хотят оттуда уйти в последнюю дорогу и там лежать...» (Ольшевец М. В лагере международных бродяг // Известия. 1927. 17 марта. С. 2). Платонов наделил своего героя-эмигранта теми же патриотическими мечтами и стремлениями. Выбор Серденко и его трагическая судьба отчасти повторили обстоятельства жизни казачьего атамана Анненкова, за судебным процессом над которым внимательно следила советская пресса летом 1927 г. Соратник Колчака генерал Анненков отказался от сотрудничества с Чжан Цзолином, предлагавшим ему «стать во главе русского отряда» армии. «Монархисты и нечаевцы, убеждая Анненкова, подчеркивали, что “в этом заинтересована не только эмиграция, но и иностранцы, главным образом англичане”. Говорилось также Анненкову, что за средствами на организацию отряда для борьбы с Советским Союзом дело не станет: и Англия, и Япония будут достаточно щедры... <...> Непосредственные представители Англии вели переговоры с Анненковым на ту же тему. <...> “война с большевиками все равно будет, так как мы, англичане, не можем примириться с существованием Советской России”. <...> “Белое движение немислимо и ненужно”. К такому выводу, однако, пришел

сам Анненков “уже в сентябре — октябре 1924 г.”. Уже тогда Анненков считал, что “белое движение уже никакой роли не может играть, позже же убедился, что советская власть признана всем народом Советского Союза и при его полной поддержке создает государство”. Анненков и его верный соратник ген. Денисов в прошлом году вернулись в Советскую Россию и в ближайшие дни будут держать ответ за тысячи замученных ими рабочих и крестьян перед Верховным судом СССР. Их будут судить в том самом Семипалатинске, где население не забыло и не забудет их чудовишных зверств» (Николаев Л. Генерал Анненков и его сподвижник (К предстоящему процессу) // Известия. 1927. 15 июля. С. 3). В августе 1927 г. генералы Анненков и Денисов были расстреляны. «В последнем слове Анненков сказал:

— Когда я возвращался в Советский Союз, то думал, что правительство даст мне возможность верной службой загладить свою вину. После речей обвинителей в этом суде я понял, что я не нужен советской власти...» (Известия. 1927. 26 авг. С. 1).

С. 267. *Большие комнаты жили пустыми ~ Назначение дома поэтому нельзя было определить...* — Фотокопии писем Саблина позволяют объяснить, почему семья Серденко одиноко проживала в заброшенном особняке. Ср.: «Многие квартирные хозяйки не стали даже пускать русских жильцов, говоря им: “Нет, нет, нам большевиков не надо”. Раньше можно еще было доказывать, что не все русские большевики, а теперь рядовые обыватели и рассуждать не хотят, говоря: “Нет, нет, знаю, все вы такие, идите себе в ваш Чэшам Хауз...”» (Тайные пружины антисоветской работы в Англии. С. 4).

С. 268. *Женева провалилась...* — В августе 1927 г. окончилась провалом тройственная конференция США, Великобритании и Японии по ограничению морских вооружений, обнаружившая непримиримые противоречия интересов Америки и Англии (Известия. 1927. 6 авг. С. 1).

С. 270. *Вот профессор Файт удовлетворительно может с земли разманичивать магнето у аэропланов.* — Сообщения о радиоволнах, способных выводить из строя моторы аэропланов, появлялись в прессе уже в 1923 г. (Известия. 1923. 5 мая. С. 4). В 1924 г. пресса сообщила «о сенсационном открытии, которое может иметь громадное влияние на ведение современной войны». «В Германии изобретено средство с земли снижать аэропланы. <...> Ныне из Лондона сообщают как будто конкретные данные. Райнделль-Матьюс <...> произвел несколько публичных опытов с открытыми им лучами, причем, по словам “Дейли Кроникс”, доказал, что он уже в состоянии работать с этими лучами на расстоянии 60 футов. Так, например, ему удалось остановить мотор с одного конца лаборатории в другом. Ближайшей задачей изобретения, по “Дейли Ньюс”, будет возможность действовать этими лучами на расстоянии 1000 футов. Его сотрудники <...> сообщают: “Нам уже удалось <...> остановить магнето моторов и аэропланов...” “Дейли Кроникл” уже пишет, что открытие Райнделль-Матьюса делает всякую войну абсурдом, а “Дейли Ньюс” тоже полагает, что это лишь вопрос денег» (Известия. 1924. 17 апр. С. 7). Сообщалось также о попытках французской стороны приобрести изобретение англичанина Мэтьюса — так называемые дьявольские лучи, и о требовании английского парламента сохранить этот патент за Англией.

Магнето — магнитоэлектрическая машина, преобразующая механическую энергию в электрическую; используется в системах зажигания двигателей внутреннего сгорания.

...профессор *Файт*... — Говорящая фамилия. *Файт* (англ., fight) — букв. «бой», «сражение» или приказ «сражайся!».

...где весной сирень, а осенью — антоновские яблоки! — Героем упомянуты лирические символы дореволюционной России, актуализированные в литературе 1920-х гг. Так, сирень — один из любимых мотивов поэзии И. Северянина (в эмиграции с 1918 г.), см., напр., стихотворения «Лепестки оживают» (1908) с эпиграфом «Эти люди не в силах загрязнить то, что я любил в тебе...», «Надрубленная сирень» (1908). «Антоновские яблоки» — одноименный рассказ (1900) И. Бунина (в эмиграции с 1920 г.).

С. 270–271. *Маматов считал, что русская интеллигенция ~ он не любил славян, ищущих спасения не себе, а целому миру.* — Отмечая пристрастие Маматова к людям конкретного действия и «даже к Ленину», Платонов коснулся дискуссии о национальных корнях октябрьского переворота, ведущейся в лагере русской эмиграции. Представитель сменовеховства Н.В. Устрялов, в отличие от Маматова, уравнивавшего вождя мирового пролетариата с капиталистами Фордом, Стиннесом и Муссолини, напротив, считал Ленина «выразителем русской стихии в ее основных чертах». По его словам, Ленин «был несомненно русским с головы до ног. И самый облик его <...> подлинно русский, “евразийский”. <...> В нем, конечно, и Разин, и Болотников, и сам Великий Петр», — сообщал в статье «Голоса с того берега» Н. Осинский (Правда. 1927. 21 янв. С. 4). В то же время статья Осинского представляла комментарий, поясняющий точку зрения Маматова. Осинский цитировал «некоего мелкоозлобленного черносотенца по поводу смерти Ленина», этого «“прогрессивного паралитика”, создавшего хаос при жизни и пришедшего к своему естественному концу»: «“в нравственном облике Владимира Ильича бросался в глаза какой-то аморализм. <...> Он не допускал никаких сомнений в допустимости применения того или иного средства, если оно вело к цели”. “Как Бисмарк”, Ленин был “человеком упорнейшей, непреклоннейшей и отважнейшей воли”, “превосходно понимал значение вооруженной силы в политике” и был “всегда готов, раз только видел, что взятый курс не ведет к цели, — без колебаний тотчас круто повернуть и идти по другой дороге”. “Мирабо в сравнении с ним неудачник, Робеспьер — посредственность. Он своеобразно претворил в себе и прозорливость Мирабо, и оппортунизм Дантона, и вдохновенную демагогию Марата, и холодную принципиальность Робеспьера”, “...как стихия, он был по ту сторону добра и зла”» (Осинский Н. Голоса с того берега. С. 2–4). С мнением Маматова отчасти совпадали выводы советской попутнической прессы, вслед за общеевропейскими спорами об исторических корнях и природе большевизма предлагавшей собственное видение причин поражения либеральных политических партий и победы большевиков: «Главный грех нашего народничества, особенно — его современной эсеровской разновидности — пренебрежение к этому основополагающему закону революционной тактики. Из двух соблазнов эсеры избрали соблазн этического чистоплюйства. <...> Учить народ-

ный дух, слиться с ним в едином и творческом порыве — вот первый завет. И лишь второй — выверять и выравнивать движение по идейно-этическому предначертанию» (*Лежнев И.* Живая и мертвая вода // Россия. 1922. № 8. С. 6–8). Утверждение о созерцательности и непрактичности русского славянского ума было типичным для эпохи нэпа, ср., например, высказывание академика А.Е. Ферсмана, одного из руководителей КЕПС, поддерживавшего курс на превращение краеведения в производительную силу: «Для идеалистически настроенного славянского ума, для русской интеллигенции, столь чуждой и оторванной от практической жизни, внесение этой новой постановки научной работы не опасно, оно необходимо, жизненно и несомненно живоительно» (*Ферсман А.Е.* Изучение производительных сил страны и деятельность Российской Академии Наук в этом направлении // Вопросы краеведения. ЦБК. Нижний Новгород, 1923. С. 51).

Заданный симпатиями Маматова ряд имен, в котором фигурировало имя вождя Октябрьской революции, указывал на выдающихся деятелей капиталистического мира — промышленников, политиков, финансистов. Их общей чертой были выдающиеся успехи и особый цинизм в использовании гигантских человеческих ресурсов в целях собственной политической или финансовой выгоды.

Генри Форд (1863–1947) — один из основателей автомобильной промышленности США, внедрил на своих заводах систему поточно-массового производства и рациональную организацию труда и быта рабочих («фордизм и тейлоризм»), которые вызвали огромный интерес в стране, вступившей решением XIV съезда ВКП(б) (декабрь 1925) на путь индустриализации страны. Положительные отзывы «Форда» и «Форда-сына» Платонов включил в свой ироничный рассказ «Антисексус» (см.: *Сочинения, 1(1)*. С. 131–132).

Гуго Стиннес (1870–1924) — крупнейший представитель финансовой олигархии Германии, воспользовавшись послевоенной инфляцией, скупил за бесценок фабрики, рудники, электростанции и пр., вплоть до газет и издательств, и создал гигантский концерн, особое место в котором занимал электрометаллический комбинат «Сименс». Вместе с другими финансовыми магнатами Стиннес был одним из инициаторов перестройки ослабленной после Первой мировой войны промышленности Германии в целях подготовки к новой войне. Как и Форд, он был знаковой фигурой 1920-х гг., о чем свидетельствует стихотворение-кариатура «Стиннес» в «Маяковской галерее» (*Кр. новь.* 1923. № 4. С. 105–107). Среди промышленников и финансистов, вызвавших симпатию Маматова, назван еще один, помимо Ленина, политик — фашистский диктатор Италии, пришедший к власти в 1922 г. Бенито Муссолини (1883–1945).

С. 272. *Обсуждался вопрос об отчуждении Китайско-Восточной железной дороги в полную собственность пекинского правительства.* — Китайско-Восточная железная дорога, или Китайская Чанчунская железная дорога, — магистраль, построенная Россией согласно договору от 1896 г., в Северном Китае. В мае 1924 г. между Китаем и советской Россией были подписаны соглашения об условиях совместной эксплуатации КВЖД, которая получила статус советской собственности на китайской земле. Дорога и прилегающие районы были «островком» СССР за рубежом: на ее протяжении

имел хождение российский червонец, проживали обслуживавшие дорогу советские служащие. КВДЖ оставалась постоянным источником напряженности в советско-китайских взаимоотношениях. Особую роль в их осложнении сыграл генерал Чжан Цзолин (1876–1928), с 1918 г. — правитель Маньчжурии, в 1926–1927 гг. глава мукденской военно-политической группировки. Противник СССР, он активно работал с английской и японской разведкой. Противоречия между советской колонией на дороге и Чжан Цзолином усиливались присутствием здесь остатков армии Колчака и Аменова, которые обостряли отношения советских представителей с мукденовцами, вызывая провокации. Китайские события стали внешней причиной партийного раскола, приведшего к отставке Л.Д. Троцкого и его исключению из партийных рядов осенью 1927 г.

«...а консерваторы решили ее отнять две недели назад...» — В июле в советской прессе появились статьи с заглавием: «Английский план захвата КВЖД под флагом борьбы с большевизмом». Сообщалось, что английский советник Чжан Цзолина генерал Сеттон заявил: «Китайско-Восточная железная дорога, которая находится в ведении советского правительства и обслуживается огромным штатом русских служащих и рабочих, является источником большевистской деятельности в Китае. Русский персонал <...> находит время, деньги и энергию для осуществления задач III Интернационала. Интересы Китая, равно как и интересы самого Чжан Цзолина, настойчиво требуют, чтобы Китайско-Восточная железная дорога перешла из русских рук в китайские. Этим самым автоматически будет уничтожена организация, распространяющая коммунизм в Китае и угрожающая миру всех наций» (Известия. 1927. 5 июля. С. 1).

Войков Петр Лазаревич (1888–1927) — политический деятель, с 1924 г. полномочный представитель СССР в Польше. Был смертельно ранен 7 июня 1927 г. на варшавском вокзале (Известия. 1927. 8 июня. С. 1). «Убийство Войкова, организованное агентами консервативной партии, должно было сыграть, по замыслу его авторов, роль убийства в Сараево, втянув СССР в военный конфликт с Польшей. Этот удар тоже как будто бы сорвался. <...> Нас дразнят и будут дразнить провокаторы из враждебного лагеря, утверждая, что наша мирная политика объясняется нашей слабостью, слабостью нашей армии» (*Стопин И.* Заметки на современные темы // Правда. 1927. 28 июля. С. 3).

С. 273. ...Серденко рассказал ему о своих последних работах в области отравляющих веществ, в том числе об универсальном газе — пангазе, способном погасить самый тайфун, а не только бедное тело человека. — В библиотеке Платонова сохранился номер журнала «Россия» со статьей Адольфа Рифлинга «Новая мировая война», исполненной предчувствия новой разрушительной мировой войны. Она характеризовалась Рифлингом как война «профессоров против женщин, детей, стариков и старух, больных, калек». Масштаб уничтожения населения превысит мыслимые пределы благодаря новым средствам ведения боя: «речь идет о газах, о химической войне», — пояснял Рифлинг (Россия. 1924. № 2. С. 116, 118). Рифлингу вторил Л.Д. Троцкий. В речи на VII съезде железнодорожников СССР он подчеркнул, что в грядущей войне «первое место займут отравляющие вещества и га-

зы, а может быть, и более совершенные и тонкие средства истребления, именно — невидимые лучи. Лучи, которые имеют свойство — взрывать бомбу на большом расстоянии, или зажигать аэропланы в воздухе, или убивать 10 или 100 людей на расстоянии нескольких миль» (Известия. 1924. 22 апр. С. 3).

Чемберлен Остин (1863–1937) — английский государственный деятель, консерватор. В 1924–1929 гг. — министр иностранных дел в кабинете Болдуина. Согласно переписке Саблина, Чемберлен избегал прямого конфликта с СССР, к которому его подталкивали интриги влиятельных русских белоэмигрантов и их союзников консерваторов в правительстве Великобритании (Правда. 1927. 18 февр. С. 2). Однако в мае 1927 г. началась широкая кампания, имевшая целью дипломатическую и экономическую изоляцию СССР (Известия. 1927. 20 мая. С. 1), завершившаяся под давлением кабинета министров разрывом дипломатических и экономических отношений с советской Россией, воспринятым в СССР как провоцирование войны (Известия. 1927. 26 мая. С. 1).

С. 274. *...потеряла свое крестное имя России и ныне именуется сложным надуманным понятием.* — Ср.: «Что есть Россия? То, чего уже нет. Что есть СССР? То, чего в полном смысле еще нет: Союз еще не универсален, а республики социализм еще не осуществили. СССР — идея будущего бывшей России. Наша страна сбросила старое имя. Нового сознательно на себя не возложила. СССР — но разве это имя? <...> СССР не географическое обозначение, а календарное: страна Октября. А географический предел один — планета, земной шар» (*Лежнев И.* Восстание культуры // Россия. 1925. № 5. С. 155–156).

Ллойд Джордж (1863–1945) — английский политический деятель, лидер либералов. Предупреждал полевение трудящихся масс путем реформ заработной платы. Играл немалую роль в подготовке Первой мировой войны. Являлся одним из авторов Версальского мирного договора 1919 г.

С. 275. *...Отчев имел удовольствие брать за руку пятилетнего сына...* — 25 сентября 1927 г. сыну писателя Платону исполнилось пять лет.

С. 276. *«В один непрекрасный день все может полететь к черту, а социалистическое строительство подвергнется огненному испытанию...»* — 28 июля «Правда» опубликовала «Заметки на современные темы» И. Сталина, начинавшиеся словами: «Едва ли можно сомневаться, что основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны. <...> Речь идет о реальной и действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР — в особенности». Вслед за генеральным секретарем ЦК состоявшийся 29 июля — 9 августа 1927 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в резолюции «О международном положении» подчеркнул, что оно в настоящий момент «характеризуется, в первую голову, крайне напряженным отношением между империалистической Англией и пролетарским СССР — с одной стороны, военной интервенцией империализма в Китае — с другой. Опасность контрреволюционной войны против СССР есть самая острая проблема текущего периода» (*КПСС в резолюциях*, 2. С. 359).

...в монахини Осоавиахима пострижешься! — В январе 1927 г., отвечая на многочисленные вопросы делегатов Всесоюзного съезда ОСО и Авиахима

«Будет ли война?», наркомвоенмор К.Е. Ворошилов констатировал, что эти вопросы означают, «что наша Советская страна настолько психологически <...> демобилизовалась, настолько вросла в мирную жизнь, что вопросы обороны <...> сейчас же порождают тревогу, настраивают на панический лад» (Известия. 1927. 27 янв. С. 2). В то же время возможность скорого нападения на СССР требовала решительной перестройки умонастроения и стиля жизни советского общества, которое, по мнению наркома, должно «состоять из военизированных членов организации», поставивших себе «задачу — военизировать всю нашу страну». С этой целью на съезде было осуществлено слияние двух обществ. Новое объединение получило наименование «Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР» (сокращенно «Осоавиахим»), значительно увеличило численность — Авиахим имел 1 986 324 члена, а ОСО — 300 000; повысило свой политический статус — теперь оно стало «мощным подспорьем партии и советской власти в деле политического и культурного воспитания масс, пробуждения их активности, вовлечения их в строительство социализма» (*Унилихт И.С.* Укрепляйте советскую общественность // Правда. 1927. 16 янв. С. 5). Первым мероприятием вновь организованного общества стала «Неделя обороны», прошедшая в июле 1927 г., которая потребовала полной самоотдачи от всех членов Осоавиахима, в том числе женщин; см., например, стихотворение А. Барковой «Женщины, к обороне» (Известия. 1927. 17 июля. С. 3): «Ты поймешь, Британия, / Как трудно / Наградить нас / Рабскою судьбой! / Мы пойдем, пойдем / По первому приказу, / Лишь услышим общее: — Иди! / И не лучшим ли противозамом / Будет сердце верное в груди?»

Война становится штатским делом — ее решает не столько генерал, сколько ученый и инженер. Воевать будут не армии, а заводы и лаборатории. — Ср.: «Новая мировая война будет войной профессоров против женщин, детей, стариков и старух, больных, калек <...> Профессор вытесняет генерала» (*Рифтинг А.* Новая мировая война // Россия. 1924. № 2. С. 118).

Полтинник дать на аэроплан я могу... — Одним из мероприятий Осоавиахима в 1926–1927 гг. стали общественные кампании по сбору пожертвований на строительство самолетов: «Наконец, надо широко развернуть сборы добровольных пожертвований в фонд усиления технической мощи Красной армии — “Наш ответ Чемберлену”» (*Алексинский М.* Что нужно сделать в деревне // Известия. 1927. 10 июля. С. 5).

С. 277. Дурак, техникой управляет человек! Человек решит дело, а не машина! — Член Осоавиахима Варвара повторяет один из главных тезисов своей организации: «Опасность войны вызывает кое у кого настроения страха перед технической мощью наших врагов. <...> Дело ведь не только в технике. Пушками, танками, аэропланами и т. п. управляют люди. Мы вполне уверены в наших людских силах» (*Алексинский М.* Что нужно сделать в деревне).

...если кухарка управлять государством может... — Ироничный парафраз статьи В.И. Ленина «Удержат ли большевики власть» отсылает к статье Платонова «Обучение управлению» (1920) (*Сочинения, 1 (2).* С. 86–87) и поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1925); ср.: «Мы и кухарку каждую выучим управлять государством!» (*Маяковский, 6.* С. 285).

Дезертиров набрали да и шлепнули по пустому распутинскому месту! — О дезертирах см. примеч. к «Ямской слободе», с. 677. *Распутинское место* — от имени царского фаворита крестьянина Г.Е. Распутина. Был убит в декабре 1916 г. заговорщиками, считавшими влияние Распутина губительным для российской монархии. Пореволюционная пресса представляла Распутина как темного, обладающего колоссальной волей и гипнотической силой, развращенного, властолюбивого человека, имевшего неограниченное влияние на императрицу и ее окружение (см., например: Встречи с Распутиным // Россия. 1922. № 8. С. 18–21).

С. 281. *...они не боятся народа и подкупили его!* — Партийное руководство СССР возлагало большие надежды на солидарную борьбу рабочего класса капиталистических держав со своими правительствами, способную выступить сдерживающим фактором при развязывании военных действий против Советского Союза: «Борьба рабочего класса против буржуазии не прекращается. В случае войны неизбежно будет обострение этой борьбы, и буржуазия встретится в своем же тылу с серьезнейшим своим врагом и нашим союзником» (Известия. 1927. 10 июля. С. 5).

НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ (Святочный рассказ к 10-й годовщине) (с. 285). — *НМ*. 1991. № 1. С. 133–135. Публикация М. Анд. Платоновой. Подготовка текста Н. Корниенко.

Датируется по записи на последней странице автографа: 16 октября 1927 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1–4).

Автограф рассказа (выполнен карандашом) не был переведен в машинопись (на л. 1 отсутствует запись для машинистки), однако не исключено, что первоначально Платонов рассчитывал опубликовать рассказ, что отразилось в откровенно подцензурном характере имеющегося исправления — сокращении «предложения» об организации походного мавзолея. При публикации рассказа в наст. изд. этот фрагмент восстановлен.

Автограф сохранил поиск заглавия рассказа. Первый вариант стилистически нейтральный — «Итоги и перспективы (Доклад начальника АФУ своему наркому по поводу 10-летия Октября)» (Л. 1) — представляет кальку с государственных отчетных документов разных уровней. К этому заглавию относится недописанное экспозиционное предложение: «Революция, исполненная». В окончательном заглавии использован классический бюрократический штамп «надлежащие мероприятия», художественно освоенный в русской литературе М.Е. Салтыковым-Щедриным, составившим авторитетную энциклопедию русского бюрократизма и «помпадурской деятельности» («Помпадуры и помпадуриши», 1863–1874), — с ее человеческими страстями, «внутренними исповедями бюрократов» и их «трактатами», циркулярами, «ливнем мероприятий», «надлежащими распоряжениями», «надлежащим направлением» и «мероприятиями» (Салтыков-Щедрин М. Романы и повести. Сказки. Стихотворения. М., 2005. С. 392–393, 407, 486–488).

У Платонова образ «надлежащих мероприятий» появляется в процессе переработки рассказа «Город Градов» в повесть: «...и были лет шесть назад в Градове герои, только перевелись они в точной законности и бумажных надлежащих мероприятиях» (ЕШ. С. 114). Уточнение («шесть лет назад») отсылает к началу нэпа и хромотопу современной части романа «Чевенгур». 1921 год — время, когда развернет и закончит свою деятельность «Совет социального человечества Чевенгурского освобожденного района». Книга «Епифанские шлюзы» вышла в июне 1927 г. (Платонов в это время начинает работу над будущим романом — пишет повесть «Строители страны»). Во втором издании «Города Градова» образ «надлежащих мероприятий» лишен конкретности и выполнен в эпической интонации: «А может и были в Градове герои, только их перевела точная законность и надлежащие мероприятия» (Литературно-художественный сб. «Красной панорамы». Л., 1928. Сент. С. 4). В начале мая 1927 г. образ «надлежащих мероприятий» осветит диалог Пухова и комиссара Шарикова (повесть «Сокровенный человек») — по актуальному равно для 1921 и 1927 гг. вопросу восстановления тяжелой промышленности:

«Пухов обсиживался в канцелярии и наблюдал. Его удивляло, отчего так много забот с этой нефтью, раз ее люди сами не делают, а берут готовой из грунта.

— Где насос, где черпак — вот и все дело! — рассказывал он Шарикову. — А ты тут целую подоплеку придумал!

— А как же иначе, чудак? Промысел — это, брат, надлежащее мероприятие! — ответил Шариков не своей речью.

«И этот, должно, на курсах обтесался! — подумал Пухов. — Не своим умом живет: скоро все на свете организовывать начнет — беда!»» (С. 206 наст. изд.).

В рассказе универсальный образ «надлежащих мероприятий» выполняет роль хроники (документа эпохи и ее событий), подзаголовок «Святочный рассказ» переключает главное событие — Октябрьскую революцию, давшую новый отсчет времени и рождению нового государства, в то поле смыслов, которые составляют сложившийся канон святочного (рождественского) рассказа, популярного в западно-европейской и русской литературе XIX — начала XX в. Для святочного рассказа характерна установка на истинность и реальность происходящего, а сверхъестественное и фантастическое получают вполне реальное объяснение — чудом Рождества Христова. Это рассказ о главном празднике, высвечивающем смысл человеческого существования, рассказ с определенной моралью (любовь к ближнему, сострадание, милосердие), фантастическими событиями и, как правило, оптимистическим, часто — веселым финалом. К формально-содержательным элементам святочного рассказа обращались многие писатели революционной эпохи в осмыслении феномена революции. Платонов активно использует важнейшие установки святочного рассказа — на достоверность и фантастичность, как в общей концепции рассказа, так и в написании «предложений»; как и сам автор, составители «предложений» воспитывались на старых святочных рассказах, весьма популярном жанре массовой беллетристики начала XX в.

В рассказе филигранно точно запечатлена хроника подготовки празднования 10-летия Октябрьской революции и фантастический характер самой этой кампании. Первые сообщения о грядущем юбилее появляются в периодике в конце 1926 г. (информация об образованной в ноябре при президиуме ЦИК СССР октябрьской комиссии, планах ее работы), регулярными они становятся в 1927 г. В том числе сообщается об участии писателей и деятелей советской культуры в различных мероприятиях. В марте Федерация объединений советских писателей (ФОСП) принимает постановление о «деятельном участии в работах комиссии по празднованию 10-летия Октябрьской революции» (Литературная хроника // Ленинградская правда. 1927. 27 марта. С. 5). Юбилейная комиссия МК ВКП(б) и ФОСПа проводят заседание художественно-литературной комиссии, на которое приглашаются писатели Москвы и Ленинграда (Платонова в приведенном большом списке нет; см.: Подготовка к 10-летию Октября. Совещание писателей // ВМ. 1927. 23 мая. С. 3); в газетах печатаются материалы о юбилейных планах писателей, литературных организаций, издательств, подготовке коллективного сборника «Писатель — Октябрю» (Там же. 1927. 12 июня. С. 3).

Свою стратегию празднования юбилея предложили левовцы, принимавшие самое активное участие в заседаниях Октябрьской комиссии: «Чем должно быть Октябрьское Десятилетие? Невиданной еще встряской эмоций, по возможности, всех слоев населения. Общественно развернутой зарядкой миллионов строителей социализма, знанием, уверенностью и задором. Демонстрацией перед лицом 5/6 земного шара нашей готовности, нашей строительной поступи, нашего умения изобретать» (Третьяков С. Как десятилетие // Новый Леф. 1927. № 4. С. 35).

В августе центральной Октябрьской комиссией во все организации был разослан инструктивный материал по подготовке к юбилею революции (см.: Подготовка к десятилетию Октября // Наша газета. 1927. 13 авг. С. 2). Самый большой массив публикаций о проведении будущих торжеств приходится на сентябрь — октябрь 1927 г. 10 сентября газеты дают информацию о прошедшем пленуме Октябрьской комиссии и принятых решениях. Пленум указал на «недостаточный темп развертывания подготовительных работ», «необходимость проведения следующих мероприятий» и обязательное выполнение следующих директив: 1) «Каждый исполком должен заслушать не позже 15 сентября <...> доклады соответствующих октябрьских комиссий, а также всех организаций»; 2) «Исполкомы должны обеспечить осуществление директив о развитии максимальной самостоятельности рабочих и крестьян во всей подготовительной работе к юбилею и привлечении широких масс к организованному участию в праздновании 10-летия Октябрьской революции. Должны быть немедленно проведены в жизнь все мероприятия, направленные к выполнению этой директивы». Юбилейная комиссия сформулировала и свои рекомендации по организации работы на местах: 1) «На предприятиях, конференциях и съездах, сельхозсходах или заседаниях сельсоветов, в городе и в деревне, в течение сентября поставить доклады местных октябрьских комиссий, широко освещая эти собрания в печати»; 2) «Все местные комиссии должны добиться того, чтобы каждый активный рабочий и крестьянин-общественник взял на себя определенное поручение местной комиссии

и вошел в группу товарищей, непосредственно работающих под руководством комиссии той или иной части празднования (украшение предприятия, школы, избы-читальни; театральная или клубная постановка, подготовка демонстраций хозяйственных достижений, подготовка стенных и живых газет, местных плакатов, раскрашивания лозунгов, карикатур и т. д.); 3) «Необходимо теперь же приступить к подготовке вечеров воспоминаний» участников революции и Гражданской войны; 4) печати необходимо «развернуть работу по разъяснению широким массам рабочих и крестьян значения и сущности Октябрьской революции» (Усилить подготовку к празднованию десятилетия Октября // Наша газета. 1927. 10 сент. С. 4). Во всех газетах вводятся постоянные рубрики: «Подготовка к 10-летию Октября», «К десятилетию Октября»; целые страницы заполняются отчетами различных комиссий, информацией с мест и предприятий; печатаются лозунги и призывы Центральной юбилейной комиссии, юбилейные стихи: «Основное условие успешности проведения десятилетия — поголовное участие в подготовке празднования рабочего, крестьянина и служащих. <..> Октябрьские комиссии! Вы наметили планы проведения годовщины? Вы следите, как их проводят в жизнь? Рабочие и служащие! Следите за работой октябрьских комиссий...» (Перед десятым Октябрем // Рабочая Москва. 1927. 25 сент. С. 3). К юбилею были приурочены масштабные мероприятия, проходившие в сентябре в Москве: начало работы московского крематория, о котором сообщили все газеты; Всесоюзный и губернские съезды работниц и крестьянок; международный конгресс друзей СССР и др. Во исполнение директивы сентябрьского пленума Октябрьской комиссии газеты начинают публиковать фантастические инициативы трудящихся масс по празднованию юбилея, списки немислимых подарков и подношений Октябрю: «Рабочий слесарь Ленинградского порта тов. Конон изобрел музыкальный инструмент, имеющий форму пятиконечной звезды. В дни Октябрьских торжеств в рабочих клубах будет выступать оркестр из этих инструментов» (Рабочая газета. 1927. 5 окт. С. 6. Раздел «К 10-летию Октября»); «Делегатки Пермского округа принесут съезду от работниц металлургического завода <..> эмалированный портрет Ленина <..> делегация Донбасса — подшпикник, от рабочих Краматорского завода и стекольного завода — зеркальную звезду, рабочий Константиновского завода Донбасса — зеркало в форме пятиконечной звезды; работница белорусской фабрики “Красная Березина” — модели фабричных изделий и коробку спичек: “Я хочу, — сказала работница, — чтобы спичка наша разгорелась в костер мирового Октября”; ступку с пестиком — “чтобы толочь в них врага”» (Заметки со съезда // Рабочая газета. 1927. 12 окт. С. 3); «Рабочие кондитерской фабрики “Красный Октябрь” преподнесли съезду портрет В.И. Ленина, сделанный из карамели» (Хроника съезда // Рабочая Москва. 1927. 16 окт. С. 2).

16 октября (авторская датировка рассказа) «Рабочая газета» дала обширный материал по проведению октябрьских торжеств в Москве: о том, как будет украшена Москва, ноябрьской демонстрации, гостях Москвы из-за рубежа и подмосковных деревень, «трехдневных шествиях» под музыку по городу, театральным постановкам, работе рабочих клубов и т. п. Вот лишь некоторые фрагменты картины празднеств, из которой Платонов также мог позаимст-

вовать реалии для своего рассказа: «Вся Кремлевская стена будет покрыта красными полотнищами. За Мавзолеем будет помещена 10-ти этажная деревянная башня, которая покажет рост коммунистической партии в 10 крупнейших странах. Отдельно на Красной площади будет сооружена башня, которая наглядно покажет рост ВКП, начиная с 1917 года. Со Спасской башни до Лобного места будут протянуты проволочные тросы, к которым будет прикреплен лозунг из гигантских букв: “10 лет по пути Ленина”. На самом Лобном месте будет установлен броневики. Весь фасад ЦУМА будет увешен диаграммами и таблицами развития промышленности, электрификации, кооперации и сельского хозяйства. Вся площадь будет освещена военными прожекторами. Около Исторического музея будет прикреплен киноэкран, на котором по вечерам будет демонстрироваться фильма Совкино “Октябрь” в постановке Эйзенштейна. Съёмки этой картины на днях будут закончены. На Советской площади будет установлено 10 щитов, на которых будет изображено 10 лет существования советской власти. На крыше института Ленина будет установлен электрический аппарат для светящихся лозунгов. На площади Свердлова будут установлены арки в виде букв “СССР”. На Большом театре устанавливается прожектор с туманными картинками. <...> У Никитских ворот будет сооружена большая деревянная книга из 10 страниц. На каждой странице будет показано развитие школьной сети. <...> В демонстрации в дни октябрьских празднеств будет участвовать все население Москвы. <...> Во главе колонн пойдет группа активных участников Октябрьских боев. За ними пойдут участники гражданской войны» и т. п. (К десятой годовщине Октября // Рабочая газета. 1927. 16 окт. С. 2).

Подготовка к юбилею революции разворачивалась на фоне ожесточенной внутривнутрипартийной борьбы. 14–15 октября все центральные газеты дают сообщения о некоторых итогах борьбы с оппозицией внутри партии: провале «оппозиционной вылазки» в Ленинграде; печатаются постановление президиума ЦКК ВКП(б) от 13 октября об исключении из рядов партии ведущих «фракционеро-дезорганизаторов», а также списки исключенных из партии, подготовленные московской, ленинградской и губернскими контрольными комиссиями.

Пародия на кампанию подготовки юбилейных торжеств выполнена Платоновым в строгом следовании «теории факта» и монтажно-образному принципу, уже использованному им в рассказе «Антисексус». Учитывая выбранную форму повествования, в примечаниях даются пояснения к пародируемому источнику («документу») и реалиям, из которых строится его текст.

С. 285. *Циркуляр гласил нижеследующее...* — Текст циркуляра составлен в полном следовании положениям специальной инструкции Комитета по подготовке и проведению Октябрьских торжеств: «Одной из основных задач в подготовительной работе местных комиссий является оформление творчества и активности масс в праздновании X годовщины Октября, использование и создание таких форм празднования, которые дали бы возможность выявлению этой активности и через которые массы трудящихся действительно отобразят свое понимание Октябрьской революции и десятилетней борьбы и строительства» (Готовы ли мы к юбилею // *К. нр.* 1927. 11 сент. С. 2).

Электрофлюидсиндикат — выдуманное предприятие; *синдикат* — объединение предприятий, выпускающих однородную продукцию, созданное в интересах коллективного сбыта такой продукции через единую торговую сеть. Название синдиката представляет ироническую аллюзию на увлечение самого Платонова начала 1920-х гг. теориями электричества, света как единой основы новой культуры и энергетическими концепциями мира (см.: *Записные книжки*. С. 18–19, 314–315); этими концепциями интересуется герой повести «Строители страны» студент техникума Александр Дванов, посещающий спиритические сеансы. *Флюид* — универсальное вещество живой природы, психической энергии, с которым связано понятие «животного магнетизма» (месмеризм) — теория врача и астролога врача XVIII в. Ф. Месмера о магнитной энергии, выделяемой людьми.

АФУ — Административно-финансовое управление предприятия. На начальников данного подразделения учреждений всех уровней (от ВСНХ — до завода) приказом № 413 «Режим экономики» (от 23 февраля 1926 г.) возлагалась работа по отчетности, реорганизации аппарата и снижению его стоимости. Приказ был подписан председателем ВСНХ (и одновременно ОГПУ) Ф. Дзержинским (о государственных функциях АФУ (или АФО) см. примеч. к повести «Город Градов», с. 584 наст. изд.). Фамилия *Месмерийский*, скорее всего, выдумана, образована от фамилии Месмер.

Фамилию *Завын-Дувайло* носит один из уничтоженных буржуев города Чевенгур («Чевенгур»).

Многие тотчас же рапортовали, что их мышление вращается в кругу мероприятий, предусмотренных операционным планом на 1927/28 год, а так как в плане 10-летний юбилей Октября не обозначен... — Об операционном плане см. примеч. к «Городу Градову», с. 584–585 наст. изд. Хозяйственный год по операционному плану начинался с 1 октября, а постановления о праздновании 10-летия Октября были приняты в ноябре 1926 г., поэтому юбилейная кампания не попадала в операционный план ни 1926/27 г., ни 1927/28 г. и действительно оказалась внеплановым мероприятием.

Но иные служащие, принятые вне биржи труда, озаботились и стали вносить предложения, чтобы укрепиться на служебных постах. — Биржи труда — форма государственного регулирования рынка труда, операций по найму на работу — существовали в России с XVIII в. В советской России биржи труда были воссозданы в 1922 г. специальным постановлением НКТ (Наркомата труда) от 12 апреля 1922 г. Контроль за соблюдением норм трудового законодательства передавался профсоюзам, которые с 1924 г. стали развивать практику колдоговоров (коллективных договоров). В 1927 г. для решения вопроса безработицы в колдоговора был введен пункт об обязательном найме на работу через биржи труда. В публикуемых в газетах материалах о безработице, которая оставалась приметой первого советского десятилетия, постоянно отмечались жалобы безработных на хозяйственников, всяческими мерами протаскивающих своих людей на работу; принимались специальные постановления, регламентирующие прием сотрудников только через биржу труда, на предприятиях проводились кампании разоблачения «приема “от ворот”» (см.: *Дегтярева*. На собраниях безработных // *Наша газета*. 1927. 6 янв. С. 3; Только через биржу // Там же. 24 февр. С. 2).

...подлежат ли предложения оплате установленным гербовым сбором или нет... — Гербовый сбор — налог, взимаемый государством с определенного рода документов (существовал в дореволюционной России; в СССР отменен в 1930 г.). Согласно утвержденному в 1923 г. «Уставу о государственном гербовом сборе в новой редакции», гербовому сбору подлежали обращения в правительственные учреждения и к должностным лицам частных лиц, предприятий и организаций, по их инициативе и в их интересах. При буквальном понимании этого пункта устава «предложения» подлежали оплате гербовым сбором как инициатива частных лиц, адресованная должностным лицам и в правительственную юбилейную комиссию.

С. 285–286. ...выбросив революционные тропари, неизбежно предшествовавшие каждому предложению (как будто их составители были на заметке у ГПУ и усердно реабилитировали себя). — Тропарь — в Православной церкви краткое молитвенное песнопение, в котором раскрывается сущность праздника или прославляется священное лицо. ГПУ — Государственное политическое управление, орган диктатуры пролетариата по защите государственной безопасности.

«...Сосчитавши героев Октября, я подвел итог и у меня вышло 147 человек, что для 1/6 части мирового пространства обидно мало. ~ Секретарь общего отдела Орготдела Адм.-Фин. Управления Е.С. Несваринов». — «Предложение» чиновника низшего уровня (секретарь общего подотдела орготдела АФУ) восходит к инициативе Бормотова об учреждении «группы героев революции из старейших большевиков уезда» (см. примеч. к повести «Город Градов», с. 540–541 наст. изд.) и выполнено в строгом соответствии с главной функцией общих подотделов АФУ/АФО — решением кадровых вопросов; говорящая фамилия (Несваринов) усиливает сатирический эффект в моделировании кадровой ситуации с героями революции на октябрь 1927 г. Среди исключенных из партии оппозиционеров (в сентябре — октябре 1927 г. в газетах печатались списки исключенных, с указанием года вступления в партию) оказалось много участников революции и Гражданской войны и членов партии с дореволюционным стажем. В октябре газеты сообщали о проведении на предприятиях Москвы кампании по выявлению активных участников Октября, руководителей московского восстания и участников Гражданской войны. В связи с грядущим 10-летием РККА Совнарком поручил Реввоенсовету представить к награждению списки участников Гражданской войны, отличившихся в боях, но своевременно не получивших ордена Красного Знамени (Подготовка к Октябрьским торжествам // Известия. 1927. 2 окт. С. 2).

Наркомвнудел — Народный комиссариат внутренних дел.

ЦСУ — Центральное статистическое управление — отвечало за проведение первой Всесоюзной переписи населения (17 декабря 1926 г.); по заполняемым в ходе переписи личным листкам можно было получить сведения о занятиях опрашиваемых. В январе 1927 г. также проводилась партийная перепись.

Наркомвоенмор — Народный комиссариат по военным и морским делам. В годы Гражданской войны наркомат возглавлял Л.Д. Троцкий, признанный «вождь» революции; освобожден от должности в 1925 г.; в начале

октября 1927 г. газеты извещают об исключении Троцкого из исполкома Коминтерна — «штаба мировой революции» (Партия против оппозиции // Известия. 1927. 4 окт. С. 2). Октябрьский пленум ЦК ВКП(б) (21–23 октября) исключил лидеров оппозиции Л. Троцкого и А. Зиновьева из членов ЦК.

...наряду с Днепростроем и прочими гигантскими масштабами... — Отсылка к списку достижений советской власти за десять лет, составленному в статье «Питомник нового человека» (см. с. 375, 799–801).

«...Товарищ Никандров, будучи чистым Новороссийским пролетарием, до подобия похож на великого вождя В.И. Ленина. Эта косвенная причина послужила обстоятельством для его игры в знаменитой картине “Октябрь” режиссера туманных картин т. Эйзенштейна. Имея в виду необходимость широкого ознакомления пролетариата с образом скончавшегося вождя, а мавзолей в Москве не может обслужить всех заинтересованных, я предлагаю... учредить особый походный мавзолей, где бы тов. Никандров демонстрировал свою личность и тем восполнял существующий культурный пробел...» — Отклик на кинематографическую продукцию, посвященную предстоящему юбилею революции (после возвращения из Тамбова Платонов устанавливает связи с «Совкино» и начинает писать сценарии), а также на поэтическую лениниану 1927 г.

В хронике подготовки празднования 10-летия революции сообщения о готовящихся новых фильмах занимают большое место, кинематографу (как и театру, литературе, эстраде) был дан социальный заказ на создание документальных и игровых фильмов о революции. Главная ставка делалась на С. Эйзенштейна, чей фильм «Броненосец Потемкин» (1925) был признан не только в СССР, но и за рубежом. В 1926 — начале 1927 г. С. Эйзенштейн работал над двумя кинокартинами: «Генеральная линия» и «Десять дней, которые потрясли мир» (по книге Дж. Рида). В начале марта 1927 г. центральные газеты сообщают о завершении работы Эйзенштейна над сценарием фильма «Октябрь»: «“Октябрь” — это трудная по заданию и выполнению фильма, долженствующая передать зрителю мощный пафос тех дней, которые потрясли мир» (Эйзенштейн С. В боях за «Октябрь» // К. пр. 1927. 2 марта. С. 3). Фильм Эйзенштейна должен был стать главным подношением советской кинематографии к юбилею революции. 8 марта состоялось специальное заседание агитационно-зрелищной подкомиссии юбилейной комиссии ЦИК, на котором был заслушан и утвержден к постановке сценарий «Октябрь» режиссеров Эйзенштейна и Александрова (Кино. 1927. 12 марта. С. 1. Колонка «Вкратце»). С лета по октябрь все центральные газеты и тонкие журналы регулярно дают информацию о ходе работы над фильмом, печатают отснятые кадры. 11 октября сообщается о завершении съемок фильма: «С.М. Эйзенштейн и А. Александров закончили вчера натурные съемки фильма “Октябрь”. В воскресенье в 5 часов утра была заснята сцена разрушения памятника Александру III. <...> “Октябрь” будет выпущен к сроку и в дни празднования 10-летия Октября будет демонстрироваться по всему Союзу Республик» (Фильмы к 10-летию Октября // ВМ. 1927. 11 окт. С. 3). Однако в отличие от других фильмов, также снятых по заказу Октябрьской комиссии («Конец Санкт-Петербурга» Вс. Пудовкина, «Москва в Октябре» Б. Барнета) и вышедших на экраны в дни юбилея, «Октябрь» в юбилейных

афишах не значился. Лишь 15 ноября газета «Кино» дала краткую информацию (С. 7) о показе фильма в Москве в Экспериментальном театре («специально для делегатов районов») и в Ленинграде во дворце Урицкого; сообщалось, что Эйзенштейн приступил к работе «над окончательной редакцией фильма». Отвечая на вопросы о причинах задержки выпуска «Октября», режиссер сослался на технические сложности, масштабность работы и нежелание делать халтуру (см.: Почему опоздал «Октябрь» // Кино. 1927. 20 дек. С. 3). На самом деле, необходимо было перемонтировать и удалить из фильма эпизоды с Л. Троцким (исключен из партии в ноябре 1927 г.). На экраны фильм «Октябрь» вышел весной 1928 г.

Эксперимент Эйзенштейна по соединению в «Октябре» документально-хроникальных кадров с элементами игрового кино в целом получил высокую оценку его современников; самые сильные возражения к исполнению роли Ленина Никандровым прозвучали из Лефа, где до того Эйзенштейна числили в рядах своих сторонников. Главное направление критики лефовцев, борющихся в это время со всеми формами «художественной реставрации», базируется на «теории факта», которую они развивают и утверждают как базовую платформу современного искусства. Дважды на эту тему осенью 1927 г. высказался Маяковский. 15 октября 1927 г. — на диспуте «Пути и политика Совкино»: «Мы отошли от хроники. Что же мы имеем к десятилетию Октября?.. Нам Совкино в лице Эйзенштейна будет показывать поддельного Ленина, какого-то Никанорова или Никандрова... Я обещаю, что в самый торжественный момент, где бы это ни было, я освищу и тухлыми яйцами закидаю этого поддельного Ленина. Это безобразие. И в этом вина падает на Совкино, которое в свое время не сумело учесть важности хроники и не учитывает этого и сейчас» (цит. по: *Маяковский, 12*. С. 359. Отчеты о диспуте печатались 17 октября в *ВМ*, 22 октября — в *К. пр.* Нельзя исключить и присутствия Платонова на диспуте, который начался 8 октября). 7 ноября — в юбилейном номере ленинградской газеты «Кино»: «Пользуюсь случаем при разговоре о кино еще раз всяческим образом протестовать против инсценировок Ленина через разных похожих Никандровых. Отвратительно видеть, когда человек принимает похожие на Ленина позы и делает похожие телодвижения — и за всей этой внешностью чувствуется полная пустота, полное отсутствие мысли. Совершенно правильно сказал один товарищ, что Никандров похож не на Ленина, а на все статуи с него. Мы хотим видеть на экране не игру актера на тему Ленина, а самого Ленина, который хотя бы в немногих кадрах, но все же смотрит на нас с кинематографического полотна. <...> Давайте хронике!» (*Маяковский, 12*. С. 147). См. также оценку О. Брика: «Отказываясь от голой реставрации, Эйзенштейн, однако, для юбилейности должен был так или иначе показать центральную фигуру Октября — Ленина. Для этого он прибег к самому безобразному, ниже всякой культуры стоящему приему: заставил человека, похожего на Ленина, сыграть роль Ленина. Получилась безобразная фальшивка, в которую могут поверить только люди, совершенно нечувствительные к исторической правде» (*Брик О.М. Причины неудачи // Новый леф. 1928. № 4. С. 30*). При этом ратующие за «теорию факта» лефовцы внесли существенный вклад в поэтическую лениниану 1924–1927 гг. и создали миф о Ленине как новом челове-

кобоге и спасителе, новом чудотворце и святителе, к гробу которого совершается всенародное паломничество, как в прежнее время к мощам святых Церкви («Новая кремлевская стена» Н. Асеева, «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского).

Никандров Василий Николаевич (1869–1944) — рабочий, участник Гражданской войны, служил в ЧК, после войны работал механиком буксира в Новороссийске; играл в местных самодеятельных театрах; в 1923 г. вышел на пенсию. По причине внешнего сходства был выбран исполнителем роли Ленина в фильме С. Эйзенштейна «Октябрь» (1927). Фотографии Никандрова в гриме Ленина печатались в журналах и газетах с лета 1927 г.; см. подпись под фотографией: «Тов. Никандров снимается в фильме “Октябрь” — Лениным» (Красная панорама. 1927. № 28 (8 июля). С. 10).

Режиссер туманных картин — ироническое обыгрывание значения: популярные с конца XIX в. «туманные картины» представляли проекцию картинок и фотографий на экран с помощью волшебного фонаря (проекционного аппарата); луч волшебного фонаря направлялся не на белое полотно, а в клубы дыма, что создавало иллюзию движения; «туманные картины» широко использовались в оформлении юбилея революции (см. выше с. 720).

Реальный факт (описание посещения мавзолея отражено в газетных хрониках юбилейных мероприятий осени 1927 г., это был обязательный пункт в программах проходящих съездов и пленумов) Платонов доводит до гротеска методом реализации поэтических метафор о «чудотворце» Ленине, сложившихся в современной лениниане, в том числе — у левовцев и пролетарских поэтов.

«...Особым торжественным законодательным актом организовать на прострaнcтве Союза 10 революционных заповедников ~ открыть такие ревзаповедники на Перекопе, в Самаре, Ярославле, в Донских пунктах, в Ленинграде и прочих местах обширного союотечества...» — «Предложение» представляет резюме сюжета ревзаповедника Пашинцева в повести «Строители страны». В рассказе этот сюжет обретает топографическую определенность; названы некоторые города и регионы, с которыми напрямую ассоциируется революция 1917 г. и антибольшевистское сопротивление в годы Гражданской войны: штурм *Перекопа* и захват Крыма (1920); подавление контрреволюционного *ярославского* восстания (1918); свержение с участием Чехословацкого корпуса советской власти в *Самаре* летом 1918 г. и объявление Самары столицей Российской республики; *Верхнедонское восстание* (1919), тогда же названное «русской Вандеей»; «колыбель революции» Петроград (переименован в Ленинград в 1924 г.) и Кронштадтский мятеж 1921 г. Двусмысленность предложения оттеняет должность его составителя, заведующего «подотделом убытков»: ревзаповедники возводятся в местах кровопролитных сражений Гражданской войны, жестоких расправ с восставшими и уничтожения мирного населения. Потери одних только вооруженных формирований (и красных, и белых) за годы Гражданской войны составили более 3 миллионов человек. Об этом в юбилейные дни не принято было говорить.

«...Срочно организовать всесоюзную архивную кампанию, с целью отыскания замечательных документов эпохи ~ а также комсомольцев в их, имеющий в виду быть, субботник...» — «Предложение» архивариуса Ро-

диона Маврина (эту фамилию носит один из героев одноименного сценария, см. с. 419 наст. изд.) исходит из сложившейся в архивном деле катастрофической ситуации, а апелляция к опыту организации всесоюзной переписи населения декабря 1926 г., о которой много писалось в газетах в начале 1927 г., лишь усиливает фантазмагоричность самого предложения по документированию истории революции и Гражданской войны. Архивное дело в СССР переживало в 1920-е гг. радикальные преобразования, приоритетным стала политическая направленность в работе архивистов, происходила «коммунизация» архивных кадров всех уровней, от губернских архивных комиссий до Центрального архивного управления (Центрархив). В 1924 г. прекратил свою деятельность созданный в июне 1917 г. Союз российских архивных деятелей; Первый съезд архивных деятелей РСФСР (1925) в качестве «первоочередной и неотложной задачи» определил передачу «ответственного и политического руководства органами архивного дела в руки членов партии» (цит. по: Хорхордина Т.И. Хранители секретных документов // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 67–68). На губернском совещании архивных деятелей отмечалось «тяжелое состояние» уездных архивов, отсутствие квалифицированных кадров, «крайне скудное» финансирование архивной работы (Воронежская коммуна. 1925. 8 дек. С. 4).

...имеющий в виду быть, субботник... — Речь идет о посвященном 10-летию Октября Всесоюзном комсомольском субботнике; постановление о его проведении было принято ЦК ВКП(б) 29 сентября (см.: О проведении субботника // Известия. 1927. 2 окт. С. 2), о подготовке к субботнику регулярно в октябре писали все газеты. Субботник прошел 24 октября.

С. 287. *«...Художественно начертить схему диктатуры пролетариата ~ Схему выставить на радиомачте станции Коминтерна...»* — Составление диаграмм достижений СССР входило в программу празднования 10-летия Октября, над которой работали специальные оформительские комиссии.

Станция Коминтерна — имеется в виду сверхмощная радиостанция «Новый Коминтерн», торжественно открытая в Москве в марте 1927 г. (см.: ВМ. 1927. 19 марта. С. 1).

«...Всем союзным женщинам надо шить по одной варежке беспризорным, только сговориться, чтобы они не пришлось на одну руку». — Появление среди составителей «предложений» машинистки имеет двойную мотивацию. Судя по объявлениям биржи труда 1927 г. (см. раздел «Спрос на труд» в «Нашей газете»), работа машинистки была одной из востребованных. 24 марта «Наша газета» (С. 3) объявляет конкурс «Кто лучшая машинистка в СССР?», призванный повысить статус этой профессии в обществе; в Москве и в других городах проводятся вечера советской машинистки, создается конкурсная комиссия, которая в июне проводит конкурсные испытания машинисток из 55 городов и определяет лучших машинисток СССР (постоянный раздел «Конкурс на лучшую машинистку в СССР» в «Нашей газете» // 1927. 18–25 июня. С. 3). В газете печатаются стихи о машинистках. В стихотворении Маяковского «Товарищу машинистке» (Наша газета. 1927. 22 апр. С. 4) создан новый образ машинистки — товарища и друга поэта, противопоставленный сложившемуся унижительному представлению о ней: «Мы, /

в ком кротость щеня, / мы / для юмора — козицы / отпушенья. / Как о барышне, / о дуре — / пишут, / нас карикатура» (Маяковский, 8. С. 92). При очевидной аллюзии на эти строки Маяковского и карикатурности самого «предложения» Платонов поручает своей машинистке самое доброе предложение — помощь беспризорным. 1926 и 1927 гг. отмечены рядом правительственных постановлений и всесоюзных кампаний помощи беспризорным и ликвидации «массовой беспризорности» в стране; при ВЦИК была образована комиссия по борьбе с беспризорностью, создано общество «Друг детей», проводились месячники борьбы с беспризорностью и т. п. Прошедший в апреле 1927 г. IV Всесоюзный съезд Советов принял специальное постановление, в котором говорилось о поставленной перед страной задачей «полной ликвидации детской беспризорности». С 4 сентября, дня МЮД (Международный юношеский день) в Москве разворачивается кампания «Москва без беспризорных». В октябре газеты постоянно информировали об исполнении директивы Моссовета, чтобы к 10-летию Октября на улицах столицы не было ни одного беспризорника, и о создании за городом и в области специальных коммун. Только в октябре с улиц Москвы «изъято» 900 беспризорных (см.: Рабочая Москва. 1927. 4 ноября. С. 3).

«...Добиться всесоюзного радостного единодушия, посредством испускания радиоволн, и организовать взрывы счастья с интервалами для заслушивания итоговых отчетов...» — «Предложение» посвящено важнейшему участнику юбилейных торжеств — радио. В сообщениях об открытии в марте 1927 г. радиостанции «Новый Коминтерн» подчеркивалось, что со всей страны получены телеграммы о хорошей слышимости и отсутствии прежних шумов (см.: Рабочая газета. 1927. 18 марта. С. 1). С этого рассказа Платонов начинает осваивать и наполнять новыми смыслами образ радио, с одной стороны, как величайшее открытие нового века (см. публикацию стихотворения В. Хлебникова «Радио будущего» в № 8 «Красной нови» за 1927 г.), с другой — как важнейший компонент советской пропаганды (радиовещание в СССР курировалось специальной радиокомиссией при Агитпропе партии). Первый номер «Радиогазеты РОСТА» назывался «Всем, всем, всем!» и был передан со станции им. Коминтерна 23 ноября 1924 г.; весной 1926 г. начали выходить «Крестьянская радиогазета» и «Рабочая радиогазета», в декабре 1926 г. — «Комсомольская правда» по радио», 1 ноября 1927 г. — «Красноармейская радиогазета». Радиопередачи начинались трафаретным текстом обращения: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Всем! Всем! Всем! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (см.: Горяева Т. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. Документальная история. М., 2009. С. 58–61). В «радиогазетах» активное участие принимали многие писатели; Маяковский посвятил радио стихотворение «Радиоагитатор» (1925) и регулярно выступал в «Радиогазете» с чтением новых стихов. Радиопропаганде отведено значительное место в левовских предложениях по празднованию юбилея: «Радио во все углы страны должно разнести слова участников октябрьских боев и старшин октябрьского строительства. Радио должно информировать и идущие колонны, и больных в постелях госпиталей. Через радиослуховые трубки любой комнатно-отъединенный гражданин Советского Союза может ежеминутно включаться в течение праздника, об-

ставленного лучшим, что мы имеем, в области слова и звука» (Третьяков С. Как десятилетие. С. 36).

«...Спеть одновременно под открытым небом всем Союзом Социалистических Народов "Интернационал" — в полтора миллиона голосов с лишним. Я полагаю, его услышат даже китайцы и лорд Чемберлен. Пускай это будет обедня Всемирной Революции и задрожат анафемы капитала. Кассир Г.Л. Латыгин, быв. комроты Туркестанской Краснознаменной дивизии особого назначения». — «Предложение» выдержано в стилистике политической ранней публицистики Платонова и «III Интернационала» (1920) В. Маяковского и является сгустком аллюзий на самый широкий круг проблематики нэпа, запечатленной в литературе 1921–1927 гг. (судьбы комиссаров Гражданской войны, трагически переживавших переход от романтики революции, войны и военного коммунизма к мирной жизни) и актуализированной в лозунгах оппозиции о предательстве верхушки партии идеи мировой революции и термидоре. Название дивизии, в которой служил составитель «предложения» (командир роты, участник боев за установление советской власти в Туркестане), выдумано и представляет контаминацию, работающую на усиление семантики высказывания. Согласно официальной информации, в составе Туркестанского фронта (образован в 1919 г.) не было дивизий особого назначения; такие дивизии были созданы при ОГПУ только в 1924 г. на базе отрядов особого назначения данного ведомства и были призваны к борьбе с саботажниками и врагами советской власти. В 1921–1927 гг. войска Туркестанского фронта вели борьбу с басмачеством; командующими Туркестанским фронтом в разное время были М.В. Фрунзе и Г.Я. Сокольников (в 1921–1926 гг. — зам. наркома финансов; входил в руководство «новой оппозиции»). Среди дивизий Туркестанского фронта не было награжденных орденом («Красная знамя», учрежденным ЦИК во время Гражданской войны (1918) — для «солдат революции за храбрость, беззаветную преданность Революции и рабоче-крестьянской власти»). Платонов повышает статус дивизии, в которой служил составитель «предложения» и отмечает ее заслуги высшим орденом республики (эта деталь восходит к придумке героя повести «Сокровенный человек» Фомы Пухова о награждении его орденом, см. с. 194 наст. изд.).

«Интернационал» — гимн международного коммунистического движения, с 1918 по 1943 г. — гимн СССР, исполнением которого завершались государственные мероприятия всех уровней. В политическом языке приобрел значение символа мирового Октября; см. речь С.М. Кирова на торжественном заседании Ленинградского совета, посвященного 9-й годовщине революции: «Недолго осталось ждать того момента, когда победный гимн "Интернационала" вырвется из груди трудящихся всего мира и погибнет все подлое, угнетающее, истязующее человечество. А на сцену истории выйдут те, у кого честное сердце, у кого труд, у кого свобода, равенство и братство» (Красная газета. 1926. 7 ноября. С. 11). Прославление мирового Октября занимает большое место в агитационном юбилейном языке — в украшающих Красную площадь транспарантах и лозунгах («К мировому Октябрю»), в стихах и поэмах 1927 г.: «Мы знаем: / сделают то же другие / В каждой стране, — / Что сделали мы» (Асеев Н. Десятый // Рабочая Москва. 1927. 1 мая. С. 1. Стихотворение посвящено Дню Интернационала, который отме-

чался 1 мая. В октябре в газетах печатаются фрагменты поэмы В. Маяковского «Хорошо»).

Одновременно именно в 1926–1927 гг. идея мировой революции переживала тяжелейший кризис. Поражение троцкистской оппозиции, являющейся главным исповедником лозунга мировой («перманентной») революции, проходило на фоне международного кризиса. В течение года «английский» и «китайский» вопросы оставались главными международными вопросами Коминтерна и ЦК партии; на подготовку и поддержку пролетарской революции в Англии и Китае бросаются немалые средства (см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 364–368; 411–422, 445–459 и др.). 1927 год начинался ожиданием китайской революции. 22 марта газеты вышли с шапкой: «Знамя революции развеивается над Шанхаем». Сообщалось о восстании рабочих в Шанхае, вступлении в город национально-революционной армии, печатались портреты ее главнокомандующего Чан Кайши (Рабочая Москва. 1927. 22 марта. С. 1). Однако совсем скоро все радикально изменилось: газеты сообщают о расколе Гоминьдана и о том, что войска героя китайской революции Чан Кайши расстреливают рабочих, их жен и детей (Китайская корниловщина // Там же. 17 апр. С. 1). С поддержкой китайской революции на страницах газет и журналов выступают пролетарские писатели.

После поражения революции в Германии (1923) вновь именно в конце 1926 — январе 1927 г. замаячили призраки скорой мировой революции в Европе — в Англии, где забастовка горняков переросла во всеобщую забастовку. Министр иностранных дел Великобритании *Остин Чемберлен* с разных трибун в течение всего года обвинял СССР во вмешательстве во внутренние дела его страны. См. примеч. к «Городу Градову», где нашла отражение кампания вокруг ноты Чемберлена февраля 1927 г., с. 607–608 наст. изд. 27 мая Великобритания разорвала дипломатические и торговые отношения с СССР. Имя Чемберлена как главного врага СССР, национально-освободительного движения в Китае и разжигателя войны против СССР не сходит со страниц газет, становится темой сатирических стихов и фельетонов и т. п. В июле 1927 г. в рамках «Недели обороны» предприятия проводят отчисления на постройку эскадрильи «Наш ответ Чемберлену», создается фонд с этим же названием и т. п.

Обедня Всемирной Революции — по аналогии с простонародным названием Божественной литургии, главным христианским богослужением, совершаемым до обеда (обедня).

...задрожат анафемы капитала. — В значении: задрожат от великого отлучения (анафема — отлучение).

«...Раньше, бывало, ходят так называемые странники ~ Надо раздать кружки нашей полухулиганящей молодежи, над кружкой поместить четкие чертежи Днепростроя и Волго-Дона ~ Через год — к 11-ти летию — мы бы одной меди набрали на индустриализацию миллионов триста...» — «Предложение» является откликом на три массовые кампании: борьбу с хулиганством молодежи (она началась осенью 1926 г. и продолжалась весь 1927 г.), широкое обсуждение проекта строительства Волго-Донского канала и Днепростроя и подписку на займы государства, имевшие практически обязательный

характер. В данном случае речь идет о «займе индустриализации народного хозяйства» (выпущен наркоматом финансов СССР на основании постановления ЦИК и СНК от 24 августа); было выпущено облигаций на 200 миллионов рублей сроком на 10 лет, с 1 октября 1927 г. по 1 октября 1937 г. Продажа облигаций займа производилась с 1 октября по 15 ноября 1927 г. (см.: Рабочая Москва. 1927. 22 сент. С. 3). Весь октябрь в газетах в специальном разделе «Заем индустриализации» дается информация с мест о ходе подписки на займ, разворачивается агитационная кампания «Заем индустриализации — новые Волховстрои» (Рабочая Москва. 11 окт. С. 3), печатаются агитационные стихи.

«...Энергию крымских и всяких прочих землетрясений употребить для неотложной электрификации тех же мест...» — В 1927 г. было два землетрясения в Крыму — в июне и в сентябре, о которых много писалось во всех газетах. Составитель «предложения» был знаком с публикуемыми в газетах статьями ученых и геологов о природе землетрясений и их типах, посвященными исследованию атмосферного электричества, анализу природы горных пород, тектоническому типу землетрясения; в статьях встречаются ссылки на работы М.В. Ломоносова («Слово о рождении металлов от трясения земли», 1751; «О слоях земных», 1750-е гг.) (см.: *Миртов Г., проф.* Несколько слов о землетрясении // Наша газета. 1927. 15 сент. С. 2).

«...Вывесить загодя высокий флаг, а ходить по грязям толпой не нужно. Пушай люди лежа полежат хоть в десятый год». — «Предложение» представляет взгляд необразованной массы на центральное мероприятие юбилейных торжеств — демонстрацию, что подчеркнуто ошибочным написанием слова «флаг» и говорящей фамилией составителя Крестинин (эту же фамилию будет носить один из героев «Котлована»). Согласно директивам проведения юбилейных торжеств, в демонстрациях должны были участвовать 100% населения страны (см. выше с. 719). Вопрос погоды в дни октябрьских торжеств обсуждался на страницах газет, боялись, что дождь и снег испортят праздник. На заседании юбилейной комиссии рассматривалось предложение режиссера А. Таирова — закрыть брезентом улицы, по которым будет проходить демонстрация (см.: *Асеев Н.* Московская зима // Ленинградская правда. 1927. 1 марта. С. 5).

Обывательский, «обломовский» взгляд на демонстрацию, представленный в «предложении», в некотором смысле также является откликом на развернувшуюся в октябре 1927 г. шумную кампанию изобличения «мещанского» стихотворения И. Молчанова «Свидание» (*К. пр.* 1927. 25 сент. С. 3), в которой приняли участие поэты (А. Безыменский, В. Маяковский), ведущие критики и сознательные комсомольцы. Безобидные строки из стихотворения о герое-комсомольце, прошедшем «тяжкий путь» борьбы и тоскующего по мирной жизни, не вписывающейся в комсомольские прописи, — «Тот, кто устал, имеет право / У тихой речки отдохнуть», — были квалифицированы как измена делу строительства социализма: «Все пели Волховстроям славу, / А я иду на новый путь. / “Тот, кто устал, имеет право / У речки тихой отдохнуть”» (*Безыменский А.* Несостоявшееся свидание // *К. пр.* 1927. 2 окт. С. 3), как символ мещанства и тревожный сигнал перерождения комсомольца. «Обиднее всего», признавался Л. Авербах, что строки «чрезвычайно малень-

кого» поэта Молчанова получат шансы на общественное понимание, хотя как поэт он не заслуживает этого: «...частное дело Молчанова никак не похоже на общие дела пролетарской литературы» (*Авербах Л.* Новые песни или старая пошлость // Там же. 2 окт. С. 3).

С. 267–268. *Означенный начальник ознакомился с папкой предложений лишь как с вещью, а не как с содержанием смысла ~ Затем папка с исходящим номером вошла через входящий журнал в архив...* — Члены Октябрьской комиссии синдиката завершают свою деятельность, как и предписывалось, отчетом, а также в строгом следовании главным директивным инструкциям во исполнение постановления ЦИК и СНК от 11 июня 1926 г. по «режиму экономии»; согласно принятому положению «Об упорядочении документации», все документы предприятия должны сдаваться в архив за подписью зав. орготделом АФУ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЖИТЕЛЬ (с. 289). — Октябрь. 1929. № 6. С. 70–77.

Источники текста:

Автограф (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 1–9).

Машинопись второй половины 1920-х гг. с авторской правкой (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1–11).

Машинопись 1930-х гг. (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 1–12; *ИРЛИ*. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 1–12).

Датируется 1927 г.

Печатается по машинописи второй половины 1920-х гг. с внесением исправлений по автографу.

К предыстории текста рассказа относится не датированный набросок под названием «Колодезь» (*ИРЛИ*. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–2; см. с. 405–406 наст. изд.).

Автограф рассказа содержит два слоя правки, одна из которых — обычная рабочая, сделанная при написании рассказа (предположительно в 1927 г.), а вторая внесена несколько лет спустя, при попытке его вторичной публикации. С автографа (до внесения в него второй правки) выполнена машинопись, которая использовалась при публикации в журнале «Октябрь». В эту машинопись Платонов внес небольшие изменения (например, добавил фамилию «Терморезов» после слов: «смирный, молчаливый старикашка»).

Через несколько лет после первой публикации Платонов вторично возвращается к рассказу «Государственный житель» — возможно, планируя включить его в какой-то готовящийся сборник своих произведений. Произошло это предположительно уже в середине 1930-х гг. Любопытно, что при подготовке рассказа «Государственный житель» ко второй публикации Платонов обращается не к старой машинописи или журналу, а почему-то опять к автографу — и вносит туда те изменения, которые кажутся ему необходимыми уже для другого времени. Прежде всего, под названием «Государственный житель» он вписывает подзаголовок: «(исторический рассказ)», что ясно говорит об отдаленности этой предполагаемой публикации от времени действия рассказа, и проставляет дату в конце автографа: «1926». Хотя

и первоначальный текст автографа, и вся последующая правка выполнены карандашом, однако вероятнее все-таки, что эту дату Платонов дописал при внесении второй правки, так как ее нет в машинописи 1920-х гг., в машинописи же 1930-х гг. она есть. Возможно, что датировка «1926», сделанная спустя время после реальной работы над рассказом, не была точной. Свидетельством этого может быть и то обстоятельство, что Платонов не включал рассказ в сборники, которые готовил в 1926 г. (см. проекты сборников «Чудаки» и «Потомки солнца»: *Сочинения 1(1)*. С. 217; *ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 46, 47).

Кроме добавления подзаголовка и даты, готовя рассказ к новой публикации, в самом тексте рассказа Платонов заменяет детали, имевшие сильную привязку к 1926–1927 гг., на более нейтральные; например, в первом предложении «...любил транспорт наравне с кооперативами и перспективой будущего строительства» вычеркивает последние слова «перспективой будущего строительства» и вписывает: «расширением посевных площадей под озимые»; комсомольцев (которые, как известно, были активной силой в деревне в конце 1920-х гг.) заменяет на «доброхотных крестьян»; в характеристике селькора «одиноким государственный человек» вычеркивает слово «государственный», между тем как в 1920-е гг. селькор действительно считался представителем власти на селе. Хотя эту вторичную, более позднюю правку Платонов вносит в автограф тоже карандашом, однако она все же выделяется на фоне поблекшего первоначального текста как более яркая. Исправив таким образом автограф, Платонов отдает его машинистке. Сделанная машинопись пронумерована вручную — с 98 по 109, что свидетельствует о предполагаемом включении рассказа в какой-то сборник; под текстом этой машинописи уже стоит дата «1926». Сравнение трех источников текста рассказа «Государственный житель» — машинописи 1930-х гг. с той, которая использовалась для публикации в журнале «Октябрь», и их обеих с автографом в его окончательном виде — позволяет отделить один слой правки от другого.

В архиве писателя сохранился еще по крайней мере один документ, который свидетельствует о подготовке данного сборника — это машинопись рассказа «Стройматериалы и оборудование», выделенного из повести «Ювенильное море» предположительно в 1934 г. Данная машинопись имеет характеристики, сходные с поздней машинописью «Государственного жителя»: та же машинка, и та же желтая бумага; страницы пронумерованы «от руки» теми же чернилами — с 50 по 61. Есть основания предполагать, что указанная машинопись «Стройматериалов...» предназначалась для сборника рассказов «Такыр», об издании которого Платонов вел переговоры на рубеже 1934 и 1935 гг. (см.: письмо К.Л. Зелинскому от 1 января 1935 г. // *Письма*. С. 367). В настоящее время весь состав сборника не известен, но, вероятно, одним из его рассказов должен был стать и «Государственный житель».

С. 289. ...любил транспорт наравне с кооперативами... — *Кооперативы* — поддерживаемая государством сеть магазинов потребкооперации (см. примеч. к с. 294) с целью вытеснения с рынка частной торговли, которая оставалась со времен нэпа. К середине 1920-х гг. кооперативы составляли уже

значительную долю среди торговых точек страны: «Потребкооперация <...> стала в Москве и Московской губернии основным источником снабжения населения продуктами и товарами массового потребления» (*Эпштейн М.* Решения московской губернской партийной конференции о работе потребкооперации // *Город и деревня.* 1926. № 1. С. 6).

Вопрос о кооперации в это время подается как государственная проблема — считается, что кооперативы способствуют «продвижению экономики СССР в сторону социализма» и обеспечивают «победу социалистических хозяйственных форм над частным капиталом» (Организационная работа в кооперации в свете решений XIV партсъезда [Ред. статья] // *Город и деревня.* 1926. № 1. С. 3). Существенным в такой оценке кооперативов явилось то, что кооперация была последним завещанием Ленина о «столбовой дорожке к социализму»: «Последние произведения Ленина посвящены вопросам кооперации. <...> Внимая голосу вождя <...> партия ставит кооперативные вопросы в центре своего внимания. <...> На протяжении двух лет кооперация фактически не сходит с повестки дня трех важнейших съездов партии (14 партконференцию по ее значению можно приравнять к съезду). И каждый съезд, подтверждая огромную важность кооперации, дает те или иные директивы, соответствующие переживаемому моменту и духу ленинских заветов» (*Воронов Г.* Партия о кооперации за два года без Ленина // *Город и деревня.* 1926. № 2. С. 5, 7). Именно поэтому кооперация приобретает идеологическое значение: «...кооперацию в наших хозяйственных условиях нельзя рассматривать только с точки зрения хорошо или плохо налаженного коммерческого предприятия. Степень охвата кооперацией широких масс рабочих и крестьян, наш поход к социалистическому строительству выводит кооперацию на позиции огромного общественного движения на путях к социализму» (*Швецов А.* Кооперативная общественность // *Правда.* 1926. 3 июля. С. 3).

Информация же о работе реальных кооперативов в периодике чаще всего сводится к критике их работы: огромных очередей, многочисленных злоупотреблений, а также качества товаров, например: «Хлебопекарня ЕПО при Ликинской мануфактуре Московской губернии нередко запекает в хлеб окурки, грязь и прочую дребедень» (Кооперативные премии // *Рабочая газета.* 1926. 9 янв. С. 4).

...и перспективой будущего строительства. — Имеется в виду строительство социализма. Тема строительства будущего — одна из наиболее популярных в периодике 1926–1927 гг.: № 1–2 журнала «Деревенский коммунист» за 1926 г., например, открывается статьей «Что же мы строим?». Ответ на этот вопрос очевиден — мы строим социализм вместе с крестьянством, и «задача пролетариата — вовлечь крестьянство в строительство социализма» (*Смирнов С.* Что же мы строим? // *Деревенский коммунист.* 1926. № 1–2. С. 4). В том же номере журнала призыв к «строительству» в разных сферах жизни звучит неоднократно: «Строить социализм в своем каждодневном деле <...> это и значит идти по ленинскому пути» (*Яковлев Я.* Два года без Ленина // *Деревенский коммунист.* 1926. № 1–2. С. 6); «XIV съезд об итогах нашего строительства» (*Попов К.* О работе школ политграмоты в деревне // *Деревенский коммунист.* 1926. № 1–2. С. 9); «наше хозяйственное строительство и в городе, и в деревне», «задачи социалистического строи-

тельства в нашей стране» (Попов К. О работе школ политграмоты в деревне. С. 13).

...спал землемер... — Землемер — специалист по проведению границ земельных участков и землеустройству.

...ослабевший от землеустройства... — Землеустройство (совокупность мероприятий, упорядочивающих землепользование) — в 1920-е гг. чрезвычайно востребованный вид деятельности, ввиду существования в это время разных форм землепользования (коллективное хозяйство, хуторские и единоличные формы землепользования) (см. об этом: Смирнов А. Основные вопросы землеустройства // Деревенский коммунист. 1925. № 7; Зайцев М. О формах землепользования // Деревенский коммунист. 1925. № 7), частых конфликтов в пользовании землей, а также постоянного передела земельных участков. Преимущества и недостатки различных форм землепользования — актуальная для середины 1920-х гг. проблема; землемер — один из самых востребованных специалистов в деревне. Наиболее распространенные виды землеустроительных работ: «образование поселков и выселков и разбивка на поля», «разбивка целых селений на отруба и хутора», «выдел участков отдельным хозяевам», «оформление существующего землепользования», «земельная экспертиза» и пр. (см. об этом: Плата за землеустройство // Смычка. 1926. № 7–8. С. 26). Важная часть этих работ — оценка качества земель: «Основная часть землеустройства — составление землеустроительного проекта. При этом производятся все технические работы, необходимые для данного землеустройства <...> Технические работы состоят из землемерных работ, т. е. из определения количества пахотной, луговой и неудобной земли, установление границ участков с расстановкой межевых знаков <...> и т. д., и из агрономических — расценки земли, а иногда и гидротехнических, когда необходимо устройство водоемов и мелиорация (например, осушка болот)» (Плата за землеустройство. С. 25). Проблемы землеустройства широко обсуждались в деревенской периодической печати.

...его инструменты — теодолит и мерная лента... — Теодолит и мерная лента — геодезические инструменты: теодолит — для измерения углов, мерная лента — для измерения расстояний.

С. 290. *...еще не сверстанную чересполосицу ржаных наделов. — Чересполосица* — это «распределение земельных угодий, при котором последние не составляют одного целого, а разбросаны среди земель других владельцев или пользователей. Чересполосица представляет большое зло для крестьянского хозяйства и сохранилась в крупных размерах в СССР от дореволюционных времен» (Политический словарь / ред. А.И. Стецкий. Л., 1929). Чересполосица создавала серьезные проблемы в пользовании землей; чтобы избежать их, рекомендовалось собирать земли одного хозяина или деревни в одном месте: «Самыми главными неустройствами, мешающими правильно и выгодно хозяйствовать, являются чересполосица и дальноземье. Чересполосица состоит в том, что надел одной и той же деревни разбросан во многих кусках посреди чужих земель в своей волости, а иногда и в чужих волостях. Есть селения, у которых земля имеется в пятидесяти и более кусках. <...> Почему вредна чересполосица? Она вредна потому, что при ней много времени и труда уходит на переезды и переходы от одной полосы к другой, от

одного куска надела на другой. Кроме этого, при чересполосице нет за землей такого надзора и хозяйственного глаза, как при земле, собранной в одно место. <..> Чересполосица держит всех хозяев как в сетях. Никто из них на своих узких и мелких полосах не может завести никакого улучшения. <...> Все эти недостатки уничтожаются, если земли деревни и хозяйства будут собраны к одному месту в одном или немногих участках и окажутся под руками и перед хозяйственными глазами» (Рудин Н. Надо бороться с чересполосицей и дальнотемьем // Деревенский коммунист. 1925. № 7. С. 11, 12).

...безветренные дни его беспокоили: крестьянам нечем молоть зерно... — То есть не работали ветряные мельницы.

Паровоз со скрежетом бандажей... — *Бандаж* — насадка из твердой стали (съёмное стальное колесо) на колесную пару, основной элемент ходовой части подвижного состава.

...был закрыт семафор... — *Семафор* — средство сигнализации для подвижного состава на железных дорогах; в настоящее время заменен светофором.

С. 291. *В Козьме не было свежей и утоляющей воды — имелся небольшой пруд...* — Отсутствие источников воды (колодцев, водохранилищ) в засушливых районах страны — реальная проблема первых лет советской власти: «Засушливый район в России, из года в год переживающий недороды из-за недостатка влаги, очень обширен. <..> Только при советской власти вопрос о борьбе с засухой в Н.-Поволжье и на Юго-Востоке поставлен на очередь дня как неотложный» (Что читать о борьбе с засухой // Деревенский коммунист. 1925. № 6. С. 43; Подпись: Л-в Г.). Борьба с засухой и мелиорация — сфера профессиональных занятий Платонова в 1924–1926 гг. (см. об этом: очерк А. Платонова 1924 г. «Мелиоративные работы в нашей губернии» и др., а также примеч. Е. Антоновой к ним // *Сочинения*, 1(2). С. 273–275, 472–484 и др.).

С. 292. *...хлеб растет на душевом наделе, и лишь на одну душу...* — *Душевой надел* — здесь: земельный участок на одного деревенского «едока». Понятие «душевой надел» для 1926 г. — устаревшее: так после Крестьянской реформы 1861 г. и до 1917 г. в условиях надельного землевладения (система крепостного владения землей) назывался земельный участок, приходящийся на одну наличную душу крестьянина-мужчины.

...старую карту Австро-Венгрии... — *Австро-Венгрия* — двуединая монархия; государство, созданное в 1867 г. и распавшееся в 1918 г., после Первой мировой войны.

Под картиной Севастопольского сражения... — Севастопольское сражение, или оборона Севастополя (1854–1855), — один из героических эпизодов Крымской войны 1853–1856 гг. Оборона Севастополя — сюжет батальной живописи, в том числе панорамы «Оборона Севастополя» художника Ф.А. Рубо. Фрагменты этой панорамы в виде художественных репродукций были весьма популярны.

С. 293. *...сторожа сидят в чайных и следят за действием радио, не доверяя ему от радости...* — *Чайные* (кооперативные чайные, или чайные ЕПО) — разновидность кооперативной столовой, где можно было попить чаю: «сотни по две–три пирогов мясных и с яблоками уплетаются в день в чайной

ЕПО. <...> В воскресный день выпивается тысячи полторы пар чаю в Ленинске. Кооперативная чайная — чистенькая, приветливая, и за чаем и разговорами затемно засиживаются тут “потребители”» (*Левочкин Н.* От Талдома до Ленинска // Город и деревня. 1926. № 1. С. 58). Важное предназначение чайной как одного из заведений потребкооперации — она должна была стать культурным центром, что постоянно подчеркивается в печати: «В сельских кооперативных чайных — пьянство, ругань, дебоши. Между тем чайные — наиболее общественное место в деревне, вокруг них можно и нужно развернуть культурную и кооперативную работу» (По чайным и столовым // Город и деревня. 1926. № 3. С. 19). Один из способов организации такой работы — установка в чайной радио: «В чайной “Дома крестьянина” Серпуховского уезда намечается устройство спектаклей, установка кино-аппарата и радио» (По столовым и чайным // Город и деревня. 1926. № 5. С. 34).

Регулярное радиовещание в СССР начинается в ноябре 1924 г. (см. об этом: *Горяева Т.* Радио России. М., 2009. С. 57), и в 1926–1927 гг. радио было еще диковинкой, особенно для жителей провинции. С недоверием относятся к радио и посетители чайной: «В новенькой “чайнухе” при мельнице <...> приезжие крестьяне осторожно натягивают губы на фарфор — схлебивая горячий чай. — Черед большой, делать нечего, вот и пьешь сидишь, — говорит крестьянин, — хорошо хоть заведующий постарался “радиво” провести: лекции слушаем, музыку. Только что-то не верится: так далеко, а слышно» (*Семенов Н.* В раскулаченном краю // Город и деревня. 1926. № 3. С. 42). Один из популярных сюжетов фоторепортажей в различных журналах: какая-то группа населения (колхозники, домохозяйки, дети, представители национальных республик и пр.) слушает радио.

...где-нибудь в редко посещаемой степи кулака сейчас гонят за селькором, и одинокий государственный человек надаёт без сил от ударов толстой силы... — Селькоры (сельские корреспонденты) — крестьяне, писавшие в газеты и разоблачавшие антисоветские и реакционные явления в своей деревне: засилье кулаков, разложение должностных лиц; коммунистов, которые крестят своих детей, и пр. В 1920-е гг. селькорство процветало и было одним из важнейших движений в деревне: «Без селькора нельзя представить советскую деревню. Селькор — активный представитель современной деревенской общественности. В ряды селькоров преимущественно идут из бедноты и отчасти из середняцкого слоя. <...> Селькор — это тот винтик, при помощи которого будет строиться новая советская деревня. Ясно, что в своей работе он наталкивается на трудности: ненависть кулака, нежелание советских и партийных органов вскрывать недостатки с помощью печати, прямое противодействие их селькору. Нужна действительно огромная преданность революции, чтобы под угрозой “обреза” оглашать через газеты все искривления в работе разных органов власти, все преступления и безобразия, творимые иногда на местах. Селькора бьют, преследуют, убивают...» (О новых книгах: *Боговой И.* Под обстрелом. Кто и как преследует селькоров // Деревенский коммунист. 1926. № 17. С. 56). Вина за гибель селькора обычно возлагалась на кулака: «В газетах мы чуть ли не ежедневно читаем коротенькие сообщения: ...в Северо-Двинской губернии избиты кулаками селькоры Верховцев и Фролов, причем последний выдерживал осаду в своем

доме в течение двух суток <...> Убит кулаками селькор областной сибирской газеты Иван Фальченко» и т. д. (Боговой И. Под обстрелом! Кто и как преследует селькоров. М., 1926. С. 15, 16).

С. 293–294. ...близ Урала или в Сибири — он читал в газете — начат возведением мощный завод сложных молотилок... — О строительстве новых заводов и восстановлении старых, в том числе заводов сельскохозяйственного машиностроения, в газетах сообщалось регулярно. Вот, например, некоторые сообщения на эту тему из «Рабочей газеты» за 1926 г.: «В 1926 г. наша промышленность сельскохозяйственного машиностроения должна дать крестьянству на 90 млн рублей сельскохозяйственных машин. Сюда входит 750 000 плугов, 20 000 сеялок, 40 000 жаток, 40 000 сенокосилок, 27 000 молотилок и 83 000 веялок» (24 янв.); «В Ростове-на-Дону будет построен гигантский завод сельскохозяйственного машиностроения» (31 марта); «Постройка тракторного завода в Сталинграде» (2 апр.); «Еще в начале этого года на Воткинском заводе (Урал) многое было плохо <...> В месяц вместо 400 молотилок выпускалось всего лишь 70. <...> В апреле мы даем уже 280 молотилок, в июле — 224, а в сентябре — 500» (26 ноября) и т. д.

С. 294. ...пошел в потребительскую пекарню... — Потребительская пекарня — кооперативный хлебобулочный магазин, имеющий свою пекарню. Потребительская кооперация — поддерживаемая государством сеть торговых точек в СССР (см. примеч. к с. 289); создана в противовес частным торговым предприятиям нэпа — декрет «о потребкооперации» принят 20 мая 1924 г. (Смычка. 1926. № 1). При многих государственных предприятиях создавался единый потребительский союз (ЕПО), который включал магазины, пекарни, столовые, чайные. Согласно определению времени, потребительская кооперация — это «объединение потребителей для удовлетворения своих потребительских нужд путем совместных закупок продуктов и, таким образом, для борьбы с торговым капитализмом. Потребительская кооперация — один из ранних и простых видов кооперации» (Политический словарь / ред. А.И. Стецкий. Л., 1929). Руководящим органом потребительской кооперации являлся Центросоюз — Всероссийский союз потребительских обществ, объединяющий все потребительские общества в СССР (Политический словарь / ред. Эльцин. Л., 1927).

...уходит трудиться в сарай Копромсоюза... — Копромсоюз — вероятно, Кооперативный промышленный союз: в середине 1920-х гг. кооперативными стали не только магазины и чайные, но и некоторые кустарные производства, например: «Кооперативная артель чулочниц», «Скобяная кустарно-кооперативная артель» (Город и деревня. 1926. № 1. С. 42, 43). Единые потребительские общества, которые объединяли магазины, пекарни, чайные, столовые и пр., могли учреждаться при каком-то предприятии; их название часто было аббревиатурой от наименования этого предприятия, например: «Медсанкооп», «Подкоопечатник» (Город и деревня. 1926. № 1. С. 23, 29).

С. 296. ...был в Ленинграде, в Твери, в Москве и Торжке... ~ ...Я в Лихославле видел... — Тверь, Торжок и Лихославль — железнодорожные станции на дороге «Москва — Ленинград».

...государство ведь бесплатно прививает оспу. Привили бы ее твоим сестрам, когда нужно было, и сестры бы замужем давно были... — При-

вивки от оспы в России начали делать в XVIII в., когда от оспы умирал каждый седьмой ребенок. Первой привитой стала императрица Екатерина II. До революции оспопрививание в России активно распространялось: в 1815 г. учрежден оспопрививательный комитет, составивший списки детей, которым не привили оспу; функциями оспопрививания были наделены земские учреждения. Распространялась популярная литература о болезни и пользе прививок; готовились штаты оспопрививателей; принято несколько законов об обязательном оспопрививании, — однако население не могло понять пользу прививок, и эти попытки остались без успеха. Окончательно обязательное оспопрививание на территории России введено только в 1919 г. В 1924 г. издан новый закон об обязательной вакцинации. В 1919 г. было зарегистрировано 186 000 больных оспой, в 1925-м — уже 25 000.

...явиться завтрашний день на биржу труда для очередной перерегистрации... — Для контроля за классовым составом сотрудников наем рабочей силы на предприятия в 1920-е гг. осуществлялся через биржи труда — учреждения, осуществляющие посредничество между нанимающей организацией и наемными рабочими. Для получения работы безработные должны были регистрироваться на бирже труда (члены профсоюзов — по соответствующей секции) и регулярно являться туда для очередной перерегистрации — безработица в СССР была большой: см., например, заметку в «Рабочей газете» о безработице в Москве: «На 1 апреля на бирже труда было зарегистрировано 135 918 безработных. На 15 апреля число безработных увеличилось до 154 000 человек. Безработных женщин около 63 000 человек, подростков — 11 600. Половина всего числа безработных — члены профсоюза» (Безработица в Москве // Рабочая газета. 1926. 30 апр. С. 5).

...состоял безработным по союзу советскслужажих... — *Союз советскслужажих* — название профсоюза служащих советской торговли.

СЦЕНАРИИ

Весной 1927 г. Платонов обратился к новому для него киносценарийному жанру. Для подобного начинания этот период истории советского кинематографа был, наверное, одним из самых благоприятных. Кинофабрики стремительно наращивали темпы выпуска картин, требуя больших объемов сценарного материала. Курирующий кинематограф Главполитпросвет НКП РСФСР и сами кинофабрики время от времени разворачивали агитационные кампании, инициировали сценарные конкурсы; на фронт киноискусства призывались свежие силы, «настоящие писатели и революционеры, выварившиеся в бурном котле революции, непосредственные творцы и строители новой жизни» (От либретто до кинофильма // *К. нр.* 1927. 21 сент. С. 3).

Во второй половине 1920-х гг. существенно возрос интерес писателей к кинематографу. При их непосредственном участии на совещаниях кинофабрик и общественных организаций (Ассоциация революционного кинематографа, ВЛКСМ, Общество друзей советского кино и др.), на страницах газет и журналов («Жизнь искусства», «Кино», «Кино-газета», «Кино-неделя»,

«Кино-фронт», «Советский экран», «Советское кино» и др.) обсуждались самые актуальные проблемы киноискусства и кинопроизводства. В прокате заметно росло количество экранизаций современной прозы (И. Бабеля, Ф. Гладкова, Е. Замятина, Вс. Иванова, Б. Лавренева, И. Новокшонова, А.Н. Толстого, М. Шагинян и др.). Кинофабрики разворачивали целенаправленную работу с писателями и писательскими организациями. В Ленинграде поддерживались творческие связи с В. Кавериним, Б. Липатовым, Н. Никитиным, Л. Сейфуллиной, Н. Тихоновым, А.Н. Толстым, Ю. Тыняновым и др. На московской фабрике «Совкино» особое внимание уделяли сотрудничеству с пролетарскими писателями. В 1927 г. в Москве проходили совместные обсуждения вопросов сценарного производства (на совещания в «Совкино» приглашались Н. Адуев, Н. Асеев, А. Безыменский, В. Билль-Белоцерковский, Ф. Гладков, А. Жаров, Ю. Либединский, В. Киршон, М. Левидов, С. Малашкин, А. Новикова-Прибой, С. Третьяков, И. Уткин и др.).

В годовщину Октябрьской революции большинство обсуждений посвящалось актуальной задаче повышения количества и качества картин из рабоче-крестьянского быта; писателям и сценаристам указывалось на тотальную заштампованность «советских» сценариев. Об этом неоднократно речь шла на сценарных совещаниях в московском «Совкино»: «Наш литератор не знает того материала, которым можно обслужить класс, находящийся у власти, класс, для которого мы работаем. Литераторы и сценаристы в большинстве не знают рабоче-крестьянского быта»; «10 лет существует советская страна, страна, где власть принадлежит рабочим и крестьянам. И до сих пор наша кинематография еще не дала ничего ценного из быта рабочих и крестьян <...> Характерно то, что все представляемые сценарии в массе одинаковы (делаются по штампу). Все типы в сценариях — тоже одинаковы и не похожи на живых людей. <...> Конец в сценариях всегда одинаков. Добродетель торжествует, кулака выводят на свежую воду. Все крестьяне на одно лицо <...> есть крестьяне, кулаки — вообще, но нет конкретных, живых людей. Не видят наши писатели ничего красочного, ничего характерного в рабоче-крестьянском быту. <...> Ничего реального, углубленного, конкретного. Сценарист не знает того, что хочет показать на экране, не знает, как пашут, боронят. Не знает, какие вопросы интересуют крестьян» (из выступления руководителя художественно-производственного отдела «Совкино» П. Бляхина // *РГАЛИ*. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 11; 13–13 об.).

Активному приходу писателей в кинематограф способствовал не только дефицит сценариев, создававший условия для дополнительного заработка, но и повышенный интерес к проблемам художественных взаимосвязей литературы и кино. Изначально находившийся под сильным влиянием литературы, кинематограф во второй половине 1920-х гг. переживал новый виток отношений с ней. В теории кино были предприняты первые попытки разграничения двух видов искусства, выявления на фоне литературы специфики языка кинематографа. Наиболее проницательные теоретики осознавали, что «путь эволюции современного кино тесно связан с использованием литературы под углом кинозрения» (*Эйхенбаум Б.* Литература и кино // *СЭ*. 1926. № 42. С. 10). Ведущую роль в изучении взаимосвязей между литературой и кинематографом сыграли представители формальной школы литературове-

дения, сблизившиеся в 1920-е гг. с режиссерским киноавангардом страны; см. работы о кино В. Шкловского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, сборник «Поэтика кино» (М.; Л., 1927). При их участии создаются фильмы, ставшие впоследствии классикой отечественного кинематографа: «По закону» (1926; сценарист В. Шкловский, реж. Л. Кулешов), «Шинель» (1926; сценарист Ю. Тынянов, реж. Г. Козинцев, Л. Трауберг), «Третья Мещанская» (1927; сценарист В. Шкловский, реж. А. Роом) и др.

Платонов следил за художественными исканиями ведущих теоретиков и практиков нового искусства. В частности, был знаком с программными работами режиссеров Дзиги Вертова («Киноки. Переворот»), С. Эйзенштейна («Монтаж аттракционов») (вышли в отрецензированном им журнале «ЛЕФ» (1923. № 3) — см. *Сочинения*, 1(2). С. 259–261). В 1925–1926 гг. Платонов откликнулся на художественные эксперименты, связанные с использованием в литературе опыта киномонтажа, обыграв этот прием в рассказе «Антисексус» (см. *Сочинения*, 1(1). С. 558–559. Комментарии Д. Московской). Кинематографический контекст этого рассказа включает знаковые фигуры мирового кино — Дугласа Фербенкса и Чарли Чаплина. Советский кинематограф представлен в «Антисексусе» одним из самых активных участников кинопроцесса 1920-х гг. — В.Б. Шкловским, с которым к 1927 г. Платонова уже связывали личные и творческие отношения (см.: *Галушкин А.Ю.* К истории личных и творческих взаимоотношений А.П. Платонова и В.Б. Шкловского // *Воспоминания*. С. 180–181; *Сочинения*, 1(1). С. 568–569).

Возможно, именно при посредничестве Шкловского (редактора, штатного сценариста «Совкино») состоялось знакомство Платонова с кинематографической практикой в мае 1927 г. Этим временем датируются первые обращения писателя на кинофабрику с предложением разработать сценарии для разных по жанру кинокартин — научно-популярной (с элементами фантастики и приключения) и «деревенской» (на современную тему); в основу этих замыслов легли собственные рассказы Платонова 1926 г. «Лунные изыскания» и «Песчаная учительница» (см. с. 742 наст. изд.). Одна из заявок — по рассказу «Песчаная учительница» — была полностью поддержана руководством «Совкино», и в мае — начале июня 1927 г. Платонов приступил к созданию своего первого, еще во многом ученического либретто (см. с. 744–745 наст. изд.). В течение лета писатель осваивался в новом для него жанре, разрабатывая одну за другой киносценарные версии будущего фильма; непосредственное участие в этой работе принял Шкловский (см. с. 755–756 наст. изд.).

В этот же период, судя по письмам жене, Платонов решал вопрос о получении постоянного места работы на кинофабрике: «В понедельник же — ответ из Совкино по поводу службы» (Письмо от 2 июля 1927 г. // *Письма*. С. 224); «Завтра ответ в Совкино о службе» (Письмо от 3 июля 1927 г. // Там же. С. 230); «Может, с Совкино что выйдет. Разумно ли сидеть по 6–7 часов в день за 150 рублей в м-есяц?» (Письмо от 14 июля 1927 г. // Там же. С. 238).

Работа в кино гарантировала бы Платонову стабильный и высокий заработок: оклад по ставке штатного сценариста «Совкино» в конце 1926 г. составлял 300 руб. (при среднемесячной заработной плате рабочего в 1926/27 гг. — 58,80 руб.; см.: *Труд в СССР: справочник 1926/30 гг.* М., 1930. С. XX).

У Платонова были основания надеяться на получение этого места. В письмах жене он вдохновенно сообщал о своих успехах: «В Совкино мне говорят, что на мои вещи нельзя писать рецензий, а надо писать целые исследования и т. д. — до того, дескать, они хороши» (Письмо от 3 июля 1927 г. // *Письма*. С. 228); «В кино мне говорят, что я смогу стать большим сценаристом, и как только приедет из Л<енин>града Эйзенштейн, то меня познакомят с ним <...> Сейчас только звонили из Совкино (отрывали от письма), чтобы завтра я зашел поговорить о сценарии из жизни сектантов. Дадут денег вперед — буду работать, а иначе откажусь» (Письмо от 14 июля 1927 г. // Там же. С. 237–238).

Как свидетельствуют письма, Платонов активно обсуждал с кинофабрикой перспективы сотрудничества. В течение 1927–1928 гг. он, очевидно, неоднократно предлагал «Совкино» новые замыслы кинофильмов (см. наброски тем для кинокартин на с. 445–446 наст. изд.). Свидетельством настоящих попыток установить более тесные отношения с кинофабрикой являются сохранившиеся в архиве писателя сценарий «Надлежащие мероприятия» (не завершен) (см. с. 419–430 наст. изд.), либретто «Епифанские шлюзы» (см. с. 336–358 наст. изд.).

Платоновские проекты отвечали самым актуальным задачам кинофабрики, поднимали злободневные проблемы современности, однако так и остались нереализованными. Из всех платоновских замыслов в производстве «Совкино» закрепились лишь «Песчаная учительница» — среди всего киносценарного наследия писателя это либретто оказалось единственным доведенным до экранизации.

Публикуя в настоящем издании киносценарии Платонова, необходимо сказать несколько слов о жанровом аспекте. В 1920-е гг. проблема киносценария как особого кинодраматургического жанра находилась в стадии начального осмысления; в кинематографической среде не было единых представлений о специфических признаках, функциях, способах оформления киносценария. Отсутствие теоретической базы, естественно, приводило к разному пониманию сценаристами своих творческих «заданий», возбуждало весьма болезненные дискуссии о роли драматурга на кинопроизводстве (см., напр., дискуссию в журнале «Жизнь искусства»: 1926. № 24. С. 12–13; № 30. С. 13; № 32. С. 8; № 33. С. 14–15).

Наиболее остро неразработанность теории сценария ощущалась в условиях непрерывного производственного процесса — в сценарных студиях, мастерских кинофабрик. В «Совкино» в конце 1926 — начале 1927 г. неоднократно инициировались обсуждения вокруг проблемы сценария; несколько совещаний было посвящено уточнению таких базовых понятий, как «либретто» и «сценарий». Согласно мнению кинематографистов, либретто представляло собой литературное изложение событийной основы будущего фильма: «либретто — цепь всех эпизодов с их фабульной мотивировкой»; «либретто — литературный труд, в котором точно определены все действия» и т. п. (*РГАЛИ*. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 10–11). В 1927 г. подобные определения широко распространялись в печати, популярной литературе, ср.: «либретто должно быть кратким и написанным в виде рассказа, но все про-

исходящее надо последовательно изложить, чтоб не было провалов в изложении и все было понятно» (Конкурс Советского Экрана // СЭ. 1927. № 14. С. 2). Популяризация либреттистской практики в 1927 г. была чрезвычайно актуальна в условиях сценарного голода, она отвечала стремлению кинофабрик вовлечь в работу «более широкие круги литераторов, рабкоров и проч<их>, чем узкий круг специалистов» (Из выступления П. Бляхина // РГАЛИ. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 11).

Понятие «либретто» противопоставлялось «сценарию» как кинематографически профессионально обработанному материалу: «либретто от сценария отличается технически» (Там же). Киносценарий соответствовал (в той или иной степени) техническим требованиям и возможностям кинематографа; он разрабатывался с учетом зрительного оформления сцен, монтажных приемов, деления на части и кадры и пр. (в профессиональной среде выделяли разные типы сценариев и стадии сценаристской работы).

Два из публикуемых в настоящем издании текстов имеют авторское обозначение жанра — «либретто»: «Песчаная учительница» и «Епифанские шлюзы». Третье произведение создавалось Платоновым на основе собственного либретто «Песчаная учительница», фиксируя переход к более профессиональной работе со сценарным материалом (атрибутируется как «сценарий» «Песчаная учительница»).

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА (Либретто) (с. 299). — Киносценарий: литературно-художественный альманах. М., 1988. № 2. С. 155–161.

Источники текста:

А — автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 1–11).

М — машинопись с авторской правкой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 1–17).

Датируется маем — июнем 1927 г.

Печатается по автографу с учетом авторской правки в машинописи.

С автографа либретто было сделано три экземпляра машинописи. Единственный сохранившийся экземпляр был вычитан Платоновым, внесшим в машинописный текст незначительную правку — в основном уточняющего характера: предложение «Гюлизар, увлекаясь, говорит о силе пустыни, иногда по привычке закрывая лицо рукой до глаз» дополнено пояснением: «она не так давно сняла чадру»; предложение «Крестьяне сумрачны и недоверчивы» дополнено: «они не верят, что можно своей силой отбить кочевников»; в предложении «Большой синей лентой уходят насаждения в степь, окружая возделанные земли» заменяется деепричастный оборот: «отрезав от пустыни возделанные земли».

Над замыслом либретто Платонов начал работать весной 1927 г., используя в качестве основы рассказ «Песчаная учительница» (1926). Первые киносценарные разработки были сделаны им в «Примечаниях к рассказу “Песчаная учительница” (Для развития его сюжетной стороны)» и «Сведениях технического и съемочного порядка (Для постановки “Песчаной учительницы”» (см. с. 439–443 наст. изд.).

В «Примечаниях» Платонов доработал основные фабульные линии рассказа, акцентировав противопоставление хозяйства русских крестьян в Хошутове и жизнь кочевников в пустыне; предложил новый финальный эпизод переезда Нарышкиной в Сафуту. В новой, «заключительной части фильма» действие происходит во время бури — этот мотив, популярный в приключенческих картинах раннего кинематографа, сохранится на всех последующих этапах работы над замыслом «Песчаной учительницы».

В «Сведениях технического и съемочного порядка» Платонов предложил режиссеру рекомендации относительно мест проведения киносъемок, сделав акцент на преимуществе натуральных съемок; упомянул о фотогеничности природы («зелени на мертвом песке»). Вероятно, Платонов был знаком с популярными в 1925–1926 гг. спорами об основах фотогеничности в кино, спровоцированными выходом книги Л. Деллюка «Фотогения» (М., 1924). Одним из первых среагировал на проблему В. Пудовкин, отдававший первенство режиссерской обработке натурального материала (Фотогения // АРК. 1925. № 4–5. С. 9–12). Вслед за этим прозвучали громкие призывы кинокритиков «на природу», мотивированные не только режимом экономии, отказом от дорогостоящих декораций, но и в первую очередь необходимостью изображать подлинный советский быт, уходить от «салонной», «буржуазной» эстетики (см.: На природу! // СЭ. 1925. № 6. С. 2. Подпись: Н; О фотогении // Там же. С. 8–9. Подпись: Н. Ш.; Лео Мур. Съемки на природе и в ателье // Кино-фронт. 1926. № 2–3. С. 2–7; Перцов В. Миф о фотогении // Кино-фронт. 1926. № 2–3. С. 4–7 и др.).

В конце апреля — начале мая 1927 г. Платонов передал «Примечания» и «Сведения технического и съемочного порядка» вместе с текстом рассказа «Песчаная учительница» на московскую фабрику «Совкино». Эти материалы были одобрены руководством кинофабрики, о чем свидетельствует резолюция от 3 мая 1927 г. на машинописи рассказа, оставленная руководителем художественно-производственного отдела, членом правления «Совкино» П. Бляхиным: «Утвердить как тему» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1).

12 мая датирован развернутый отзыв кинофабрики. Его автор — редактор «Совкино», сценарист В.К. Туркин — полностью поддержал замысел Платонова: «Замечательный, свежий, новый материал»; «Вещь обязательно нужно делать. Это будет замечательная, культурная лента. Предлагаю заказать тов. Платонову либретто» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 60. Л. 1–1 об.). Единственное пожелание Туркина касалось развития драматургического узла: «Фабула увязалась бы совсем крепко, если бы у учительницы до появления ее в селе была встреча с вождем диких кочевников, который потом приходит в село. Если бы она была его женой хотя бы на один день, она бы вырвалась бы из кочевья, ушла бы от вождя, чтобы идти на культурную работу. Тогда бы драматичным было появление вождя. Он, которого она любила, о котором думала, чей голос ей чудился в зовах пустыни, явился, чтобы истребить ее работу, ее дела. И встреча вождя и учительницы была бы высоко драматична. Кобозев поревновал бы, ненавидел бы вождя за разрушение их работы; дело бы могло дойти до острого столкновения, в котором учительница сыграла бы примиряющую роль. Работа разрушена. Опять пески угрожают селу. Опять принялись за работу. Таков конец» (Там же. Л. 1).

С отзывом Туркина ознакомился П. Бляхин (оставив на нем резолюцию: «Дать указания»), а затем и Платонов. На обратной стороне отзыва он сразу набросал план будущего либретто. В этих схематичных записях уже намечен новый финал («Проснется на оседлость. Племя идет в Сафуту»); впервые упоминается о Гюлизар и ее смерти в Сафуте («Новое назначение — в Сафуту, где умерла Гюлизар»).

4 июня 1927 г. Платонов заключил договор с «Совкино» на написание «расширенного либретто» полнометражной художественной картины «Песчаная учительница» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 23. Л. 1–2); срок выполнения работ по договору — не позднее 10 июня 1927 г. Не исключено, что ко времени заключения договора либретто было уже написано.

Первый либреттистский опыт Платонова в целом отражал довольно распространенные в 1927 г. представления об этом жанре: «либретто представляет собой крепкий точный рассказ, в котором последовательно излагаются события будущего сценария» (Ермолинский С. Заметки на полях сценария // К. пр. 1927. 21 сент. С. 3). В соответствии с общими требованиями к киносценариям Платонов детализировал фабулу, делая акцент на «показе» действия, изображении внешних проявлений (поведение, мимика, внешность героев) (о подобных требованиях к киносценариям см., например: *Голдобин А.* Как писать сценарии для кинокартин: практическое руководство. М., 1925. С. 60–62; *Гаврюшин <К>.* Как писать сценарий // Кино-работа в деревне. М., 1925. С. 89–100; Как нужно писать сценарий // Киносправочник / под ред. Г.М. Болтянского. М., 1927. С. 80–83 и др.).

Следуя совету Туркина, Платонов предложил развернутую предысторию назначения Нарышкиной учительницей в Хошутово: ее обучение на педагогических курсах и знакомство с Мемедом в городе (имя вождя упоминается в либретто впервые). Примечательно, что Платонов отказался от предложения Туркина сделать героиню хотя бы на «один день женой» вождя: после проявленной страсти Мемед уезжает «ни с чем».

При работе над либретто Платонов существенно переработал финал: если в рассказе и «Примечаниях» кочевой и оседлый образы жизни были представлены равноправными моделями существования и ни одной не было от дано предпочтения, то в либретто кочевники выбирают оседлость — как освобождение от губительного движения по кольцу. Разработка финала осуществляется в традициях кинематографического «хеппи-энда»: «Мемед весь слабеет и глядит на нее, как бы не узнавая. / Нарышкина стоит на крыльце и с робкой нежностью видит Мемеда».

В либретто впервые появляется образ педагога нерусской национальности (Гюлизар), который будет разрабатываться на последующих этапах работы над сценарием. Акцентируемая в либретто тема просвещения нерусских национальностей была крайне актуальна в условиях 1927 г. — переломного в развитии национального образования в СССР. Вопрос о повышении культурного уровня национальных меньшинств затрагивался на XIII Всероссийском съезде Советов (10–16 апреля 1927 г.), стоял в центре обсуждений в Москве на Первом всероссийском совещании по вопросам всеобщего обучения среди национальных меньшинств (17–22 мая 1927 г.).

В 1926–1927 гг. руководством страны были предприняты активнейшие шаги по всеобщему обучению нерусского населения (эта группа традиционно рассматривалась как самая «культурно отсталая»). Основные меры, предлагавшиеся Наркомпросом РСФСР, были связаны с расширением образовательной сети и укреплением кадрового состава работниками местных национальностей (см.: Постановление СНК РСФСР по докладу НКП от 18 июня 1926 г. «О просветительной работе среди национальных меньшинств»; циркуляр ВЦИК от 27 апреля 1927 г. «Об усилении работы среди нацмен»; Постановление Президиума коллегии Наркомпроса РСФСР от 6 сентября 1927 г. «О резолюциях Всероссийского совещания по всеобщему обучению среди нацмен (17–22 мая 1927 г.)» и др.).

Подготовленное либретто Платонов передал в «Совкино», и в конце июня 1927 г. картина «Песчаная учительница» была уже включена в тематический план кинофабрики (*РГАЛИ*. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 21). В начале июля Платонов писал жене о ближайших перспективах: «Ставить “Песчаную учительницу” будет лучший режиссер — наверно, Пудовкин. Я видел заключение правления Совкино. В понедельник буду с ним говорить. Возможно, что удастся устроить тебя. Тогда и я поеду техническим консультантом. Снимать картину будут в Калмыцкой степи в августе и сентябре. Тогда все сообщу» (Письмо от 2 июля 1927 г. // *Письма*. С. 225).

Однако работы по картине затягивались; финансово-производственным планом «Совкино» на 1927/28 г. съемки «Песчаной учительницы» были отнесены на конец 1928 г. (*РГАЛИ*. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 66); после этого еще неоднократно откладывались (начавшись лишь в августе 1929 г.). Само же либретто Платонова претерпело множество переделок.

С. 299. *Две курсистки астраханских педагогических курсов...* — *Курсистка* — слово входило в словарь дореволюционной России: «Студентка, слушательница высших женских курсов» (Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. Стб. 1555). В языке советской эпохи использовалось слово «курсантка» (Там же).

Система педагогического образования Астраханской губернии в 1926 г. была представлена двумя техникумами (Народное образование в СССР в 1925/26 уч. году. М., 1927. Вып. 3. С. 84). Кроме того, в 1927 г. в Астрахани действовали краткосрочные педагогические курсы для школьных работников национальных меньшинств (Еженедельник народного комиссариата просвещения РСФСР. 1927. № 13. С. 16–17).

Педагогическое образование получила жена писателя Мария Александровна Кашинцева (Платонова). В 1921 г. она обучалась на педагогическом отделении факультета общественных наук Воронежского университета; в этом же году была командирована учительницей в село Волошино Воронежского уезда Воронежской губернии. Внимание писателя к астраханскому региону, возможно, связано с проходившим в 1926 г. в Наркомате земледелия РСФСР обсуждением работы краевой астраханской пескоукрепительной организации (КРАПО), созданной в 1922 г. на основе Хошеутовского пескоукрепительного пункта. В зоне ответственности этой организации находи-

лись песчаные и полупесчаные территории Калмыцкой области и Астраханской губернии. КРАПО вела научные и практические работы по укреплению песков (посевами трав и древесно-кустарниковых пород, устройством механических защит и пр.), разрабатывала опытные программы по развитию виноградарства и плодородства на песках, по улучшению пастбищных и сенокосных угодий, по закладке лесных ветрозащитных и снегозащитных полос сельскохозяйственного назначения и пр. (ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 14. Ед. хр. 311. Л. 8). Приказом уполномоченного Наркомзема РСФСР от 28 декабря 1926 г. КРАПО была объединена с губернским лесным отделом Наркомзема РСФСР.

...туземки дикого кайсакско-калмыцкого племени... — Платонов соединил этнонимы, обозначающие разные народы: калмыков и киргиз-кайсаков. Калмыцкий этнос восходит к ойратским племенам (западная ветвь монгольской народности), мигрировавшим в конце XVI — начале XVII в. из Джунгарии в Восточную Сибирь, а затем в степи Поволжья. В 1920-х гг. калмыки жили на территориях Калмыцкой автономной области, Астраханской и Сталинградской губерний. Термин «кайсаки» («киргиз-кайсаки», «киргиз-казаки») широко употреблялся в царской России применительно к казахскому народу — тюркского происхождения, часть которого в начале XIX в. занимала степи Астраханской губернии, получившие административно-территориальное наименование Внутренняя Киргизская, или Букеевская, орда. Возможно, одним из источников для платоновского окказионального этнонима послужили пушкинские описания (ср.: «слева простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков» (Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 8. Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева. Записки Моро де Бразе. Л., 1977. С. 110). Платонов, по всей вероятности, обращался к пушкинской истории Пугачевского бунта в начале 1927 г., работая над романом о Пугачеве (см.: *Архив*. С. 469–470).

...она не так давно сняла чадру. — Чадра — женская накидка, покрывающая голову и тело; традиционный предмет одежды женщин-мусульманок; в быте калмыцкого и казахского народов отсутствует. Мотив снятия чадры — характерный знак эмансипированности восточной женщины. В 1920-е гг. образ мусульманки, снимающей чадру, широко популяризировался в кампаниях борьбы со старым бытом на Востоке. В феврале 1927 г. партийное руководство страны обратилось к женщинам-мусульманкам — членам партии и кандидатам — с призывом снять чадру (паранджу). По сообщениям в печати, «уже спустя три месяца, открылось около 90 тысяч мусульманок»: «Массовое сбрасывание паранджи достигло своего апогея 1 мая. Если ранее на митингах, конференциях и т. д. узбечки открывались десятками, то 1 мая число сбрасывающих паранджу в Ташкенте, Самарканде и др. городах исчислялось сотнями» (Афанасьев В. Конец парандже // Экран. 1927. № 26. С. 13). Символический характер этого действия связывался не только с активной политической позицией, но и с освобождением от религиозных предрассудков, поднятием культурного уровня: «Мусульманки, сбросившие паранджу и чачван, тянутся к новому. Они требуют организации школ ликбеза, объединения женщин в кустарно-производственные артели, открытия домов деханки (крестьянки) и т. д.» (Там же).

С. 300. — *Мы с ней поедем учить детей!* — показывает Гюлизар на Нарышкину. — *А потом в Москву — учиться больше!* — В 1920-х гг. в Москве и ряде крупных городов РСФСР действовали различные курсы повышения квалификации для педагогов. Например, в 1927 г. были организованы центральные курсы в Москве, куда командировались наиболее активные работники школ I ступени из национальных республик (Еженедельник народного комиссариата просвещения РСФСР. 1927. № 13. С. 14–15).

С. 302. *Кочевье* — здесь: стоянка, временное поселение кочевников.

Завгуботделом народного образования — заведующий губернским отделом народного образования.

Просвещенец (разг.) — работник в сфере народного образования в СССР; в 1920-е гг. это слово вытеснило стилистический аналог — «шкраб»: «школьный работник» (*Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком 1917–1926 гг. М., 2013. С. 162*).

Курсистки не слушают говорящих, увлеченные ожидающей их судьбой, о которой они гадают друг с другом. — С 1924 г. в сфере образования в СССР начала внедряться система распределения — назначение выпускников учебных заведений на конкретные места работы. Организацией распределения выпускников педвузов занимались территориальные отделы народного образования, а также отделы учета и распределения работников просвещения Наркомпроса РСФСР и ЦК профсоюза работников просвещения СССР. В 1927 г. проблема распределения учителей обсуждалась в связи с массовыми отказами выпускников педвузов от поездок в деревню; см.: «Единодушный отпор вызвало у студентов института народного образования предложение ехать на село. <...> В инспекции ОНО целый день столпотворение. Пускают в ход все средства, — расположение профессора, знакомства, отыскивают всякую возможность протекции. <...> Пока отправились на работу только 3 комсомольца, остальные еще “борются”. <...> А деревня ждет учителей» (Не поедem в деревню // *К. пр.* 1927. 10 сент. С. 2).

С. 303. *Хошутово* — реальный топоним Астраханской губернии — Хошеутово. В XIX в. в этой местности (Волго-Ахтубинская пойма) размещалось главное летнее пастбище калмыцких кочевников Хошеутовского улуса; с востока оно граничило с землями татар и «киргиз-кайсаков», а «с речной стороны — деревнями русских новосельцев» (*Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852. С. 25*). Поселения государственных крестьян из Воронежской, Тамбовской и других губерний возникли здесь в конце 1840-х — начале 1850-х гг. после указа Николая I «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» (1846). В результате переселения вблизи пастбищной линии калмыцких кочевников появилась русская станица Хошоутовская (Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1861. Вып. 2. Астраханская губерния. С. 14).

К переселенческой проблеме Платонов обратился еще в 1925 г. в период работы в Воронежском губземуправлении (см. его «Очерки бедной области», статью «Страна бедняков»). В рассказе «Песчаная учительница» (1926) автор подробней, чем в либретто, останавливается на теме переселения крестьян (см.: *Сочинения, 1(1). С. 44–48, 522*).

Хошутово почти совсем занесено песком. ~ Песок доходит до подоконников домов. — С проблемой песчаных заносов русские переселенцы в Астраханской губернии сталкивались неоднократно: «Станица Хошоутовская <...> построенная в 1850 г. на весьма удобном месте, избранном самими крестьянами, к 1854 г. столько потерпела от напора песков, что необходимо должна была устроить свои пашни на иных местах и даже искать нового урочища для своего водворения» (Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1861. Вып. 2. Астраханская губерния. С. VI). Песчаные заносы традиционно составляли серьезную угрозу населенным пунктам южных регионов России — ср. описание занесенных песком украинских хуторов: «Движение песков было постоянное, но два раза в год — весной и осенью, когда здесь дуют своего рода муссоны, песок разносило в течение нескольких недель безостановочно день и ночь. <...> На многие хутора можно было по насыпанной кучугуре войти на крышу»; «Были случаи, правда, редкие, что я принужден был жертвовать хутором, оставив его в песках с внутренней стороны» (На песках: воспоминания старого землемера // Землеустроитель. 1926. № 3. С. 31, 33; подпись: Н. Г-К).

С. 304. *Барышня, граждане, это умная женщина. Но только, я так полагаю, нас пески замучили. ~ А грамота — она только при хлебе роскошь, без хлеба — все одно — мучение! Я, конечно, извиняюсь, но песчаную науку надо в школе поставить на престольное место, а то мы, вон, сажаем шелюгу, а она сохнет, а по-научному видно будет — как и что! — Шелюга —* лиственное кустарниковое растение из рода ивовых; традиционно используется в степной и полупустынной зонах для закрепления подвижных песков (Энциклопедия лесного хозяйства: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 246–247).

В речи крестьянина Кобозева актуализирована драматичная проблема, которая в период Гражданской войны и голодные 1921–1922 гг. встала перед руководством народного образования. Основные дискуссии по вопросам просвещения в тот период сосредоточивались вокруг «крайней бедности населения, не готового к поднятию уровня образования» (*Луначарский А.В. Итоги съезда завгубоно // Народное просвещение. 1922. № 98. С. 2*). «В губерниях, пораженных голодом, дело стало сводиться не столько к тому, чтобы обучать детское население, сколько к тому, чтобы так или иначе спасти его от голодной смерти» (Сокращение школьной сети // Народное просвещение. 1922. № 102. С. 5; подпись: В. Б.). В этот же период в стране начинают предприниматься активные шаги по внедрению «трудового» обучения (принцип практической направленности школ утверждался «Положением о единой трудовой школе РСФСР» 1918 г.). Перед педагогами ставилась задача обеспечения школьников прикладными знаниями, отвечавшими окружающим сельскохозяйственным нуждам.

Хамьи Хутора — распространенная в южных регионах России топонимическая модель; ср. Быковы Хутора (Астраханская губерния), Гришины Хутора, Стрелецкие Хутора (Тамбовская губерния) и пр.

А вы сами попробуйте преподавать песчаное дело, Мария Никифоровна ~ агроном живет за полтора верста и никогда в Хошутове не бывал. — Вопрос о недостаточной помощи педагогическим кадрам был поставлен на уровне высшего руководства страны в 1924 г. В постановлении

ВЦИК от 15 октября 1924 г. «О мероприятиях по народному просвещению» указывалось на «необходимость покончить со всеми следами пренебрежительного отношения к школьному работнику — одному из самых важных факторов культурного и хозяйственного развития страны. Учитель должен быть окружен со стороны местных, в особенности уездных и волостных, властей товарищеским отношением. <...> Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет считает необходимым продолжать и усилить работу по переподготовке учителей <...> давая ему [учительству] сведения агрономического характера, чтобы тем самым способствовать превращению учителя во всесторонне-культурного работника, столь необходимого отсталой деревне» (СУ РСФСР. 1924. № 87. С. 1257). Проблема оторванности школы от окружающей жизни становилась предметом широких дискуссий, неизменно отмечалась недостаточная поддержка учителей со стороны местных органов Наркомзема РСФСР. На совместных съездах педагогов и агрономов говорилось о несогласованности образовательных программ и хозяйственных планов, педагогических установок и практических сельскохозяйственных задач; отмечались занятость и нехватка агрономов (см., напр.: *Дучинский Ф.* Школа и сельское хозяйство // На путях к новой школе. 1927. № 3. С. 99–103).

Культурно-просветительная работа в деревне входила в круг ответственности Наркомата земледелия РСФСР. Деятельность Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих РСФСР предусматривала составление соответствующих планов, регулярных отчетов местных подразделений о просветительной работе среди населения (в том числе в школах, избах-читальнях, клубах). На основе отчетов публиковались статьи о выполнении партийных заданий: «Призыв партии и руководящих советских органов, обращенный к деревенскому специалисту — стать ближе к деревне, к массе крестьянства, — нашел среди землеустроителей широкий отклик. <...> Так, землеустроители выступают с лекциями по землеустройству среди крестьян и рабочих совхозов <...> работают по ликвидации неграмотности, по организации с.-х. кружков и ведению культурной пропаганды, держат связь с избами-читальнями, “Домами крестьянина” (систематические консультации по земельным делам) и т. д.» (*Шульгин М.* Земработники и деревня // Землеустроитель. 1925. № 4. С. 7). В действительности вопрос о взаимодействии сельскохозяйственных специалистов с педагогами не сходил с повесток дня местных органов Наркомзема РСФСР, постоянно констатировалась недоработка в этой сфере (см.: Еженедельник народного комиссариата просвещения РСФСР. 1927. № 14. С. 16).

Нарышкина в Хошутове. Усердная общественная работа: идет посадка шелюги и деревьев. — Создание защитных лесонасаждений в виде рядов кустарников и деревьев — самый распространенный способ закрепления подвижных песков. Подобные меры, начиная с конца XIX в., включались в государственные программы, направленные на борьбу с песками; см.: «Летучие пески, значительными полосами прорезывающие черноземную Россию, не менее бедственны. Переносясь на далекие расстояния, они засыпают дороги, пруды, озера, засоряют реки, уничтожают урожай, целые имения превращают в пустыни. Этому процессу помогает пасущийся в степях скот: он своими копытами разрывает верхний твердый слой песка, а ветер выду-

вает из него скрепляющие его органические вещества, и песок становится летучим. С этим бедствием борются разнообразными и дорогими мерами, изгородами, плетнями, насаждениями. В последние годы министерство земледелия повело систематическое укрепление песков посадками древесных и кустарных растений и в пять лет (1898–1902) укрепило более 30 тысяч десятин песков. Эти цифры убедительно говорят о трудности и медленности борьбы с песками» (*Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 88–89.*)

С. 305. *Эдисон* Томас Алва (1847–1931), американский изобретатель и предприниматель; широко известен изобретением фонографа, усовершенствованием электрической лампы накаливания, телеграфа, телефона.

Амундсен Руаль (1872–1928) — норвежский путешественник и исследователь, первооткрыватель; известен многочисленными первопроходческими экспедициями. В 1911 г. первым достиг Южного полюса. В 1926 г. возглавил первый трансарктический перелет на дирижабле «Норвегия» по маршруту: Шпицберген — Северный полюс — Аляска.

Прошло два года. Хошутово изменилось. ~ Растет хлеб. Огороды. Есть труд. Большой синей лентой уходят насаждения в степь, отрезав от пустыни возделанные земли. — Опыты по выращиванию сельскохозяйственных культур в песках были известны еще в дореволюционной России. См., напр.: «Деревня Чалбурда оказалась в худших условиях: кругом море песку, сама она на песке и хаты полузанесены песком. Как они ухитрились в этой сахаре развести стручковый перец — не знаю, но Чалбурдянский перец вывозился в Одессу, где расценивался дороже болгарского» (На песках: воспоминания старого землемера // *Землеустроитель*. 1926. № 3. С. 33); «...намечался такой план: охранная полоса во владениях крестьян должна быть разделена на участки и каждый участок предоставлен желающему воспользоваться им. <...> Посадочный материал выдавался бесплатно. По мере закрепления охранной полосы посадка продвигалась внутрь песков, за охранную полосу, а полоса занималась виноградником или плодовым садом. <...> Я, по крайней мере, слышал, что там развились виноградники и виноделие, есть инструктора и того и другого и край имеет уже свое вино» (На песках: воспоминания старого землемера // *Землеустроитель*. 1926. № 4. С. 35). В Астраханской губернии в 1920-х гг. подобной сельскохозяйственной деятельностью занималась краевая астраханская пескоукрепительная организация (см. выше, с. 745–746).

С. 306. *Говорят, каждые пятнадцать лет они тут проходят по кочевому кругу — когда степь отдохнет и разродится!* — Традиционные системы кочевого скотоводства предполагали сезонное использование летних и зимних пастбищ. Эта укорененная временем и обычаями система с годичным циклом перекочевки менялась лишь в крайних случаях (заносимые песками пастбища, засуха, заводнение территорий и пр.) (см.: *Небольсин П.* Указ. соч. С. 25–33).

С. 307. *Ставка* — здесь: место расположения органа власти кочевого племени.

Кошма — войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти, широко распространен в быту кочевых народов, занимающихся скотоводством.

С. 308. *Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.* — Одной из главных задач советской власти в области на-

циональной политики было урегулирование земельных отношений между этническими группами. Эта работа должна была, в частности, способствовать снятию национальной вражды. В Калмыцкой области вопрос разграничения землепользования осложнялся многолетними претензиями со стороны кочевников к русским крестьянам-переселенцам. В начале 1920-х гг. обсуждение земельного вопроса неизменно сопровождалось напоминаниями о «колонизаторской политике» царской власти и «захватах» крестьянами лучших земель. Резолюция III Общекалмыцкого Съезда советов (1922) констатировала: «...постепенные и систематические захваты крестьянством калмыцкой земли в течение нескольких веков подряд в конце концов привели к тому, что калмыки прежде всего очутились в железных тисках окружения колонизаторскими русскими селами, которые изолировали калмыцкую степь от внешнего культурного мира, лишив почти сообщения с водной артерией Волгой и железнодорожными путями с востока и запада. <...> Поэтому теперь, когда среди кочевого населения Калмоласти началась действительная и серьезная массовая тяга к оседлому быту и земледелию, то для кочевников, оказывается, нет достаточного количества подходящих мест для расселения поселками...» (ГАРФ. Ф. Р-318. Оп. 9. Ед. хр. 23. Л. 158 об. – 159). Во второй половине 1920-х гг. были предприняты активные шаги по закреплению внешних и внутренних (пастбищных, межселенных) границ в Калмыцкой автономной области и утверждены новые правила земельных отношений для кочевых и полукочевых народов, фактически направленные на ограничение движения кочевого населения. См.: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 23 марта 1925 г. «О землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Калмыцкой автономной области» (СУ РСФСР. 1925. № 20. С. 255–257); постановление ВЦИК «Об установлении границ между Калмыцкой автономной областью и Астраханской губернией» от 9 мая 1927 г. (СУ РСФСР. 1927. № 45. С. 526–527).

С. 310. *В Сафуте пески были задернелые и не действовали, а мы боимся вот чего — пески расплчутся, двинутся на Сафуту, население обеднеет и снова станет кочевать!* — Один из традиционных способов привлечения кочевников к оседлому образу жизни — выделение средств на строительство домов в административных населенных пунктах, улучшение бытовых условий: «Местное калмыцкое начальство старается всех калмыков заохотить к оседлой жизни, и постройку домов в назначенных местах и по принятому плану поощряет ссудами в пятнадцать и двадцать рублей серебром» (Небольсин П. Указ. соч. С. 168). В советское время подобные шаги предпринимались с начала 1920-х гг. Кочевникам, изъявившим желание перейти на оседлость, местная власть предоставляла разные привилегии и материальные пособия (первоочередное наделение землей, помощь в оборудовании оседлых поселков и т. п.). В печати постоянно сообщалось о преимуществах оседлой жизни и помощи кочевникам в обустройстве нового быта: «Советское правительство отпустило калмыкам средства на постройку хат и на приобретение с.-х. инвентаря. Многовековая привычка к жизни в кибитке так сильна, что многие, хотя хаты и выстроили, сами продолжают жить в кибитках. Первый революционный шаг в этом отношении сделала беднячка Кука Маргушева. Она уговорила мужа перебраться на жительство в хату и распрощаться навеки с кибиткой. <...> Работа Куки в своем аймаке дает уже

свои плоды. Женская масса аймака пробуждается и тянется к новой жизни. В ликпункте вместе с Кукой учится до 20 женщин. Сама Кука за две недели осилила полбукваря и к наступающему 8 марта будет грамотной женщиной» (*Серебрякян С. СССР в миниатюре // Правда. 1927. 26 февр. С. 5*).

Заместительницу Гюлизар найти невозможно: глушь, даль — все отказываются. Как вы на это смотрите, Мария Никифоровна? Нарышкина мучительно задумывается. Личное вновь в ней борется с общественным... ~ — Ладно. Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... — Подобная коллизия описана в автобиографическом рассказе 1920-х гг. Марии Александровны Платоновой: «Завгубоно долго искал по карте что-то и, наконец найдя, сказал: “Вот, товарищ, езжайте сюда, девяносто верст от железной дороги, глушь, темнота, там нужно наладить работу в школе”. <...> ...Варя вышла из кабинета начальника, довольная тем, что все так быстро и просто устроилось. Завгубоно догнал ее в коридоре. — “Ну, товарищ Краше<ни>на — желаю вам всего, многих туда ладил, да никто не едет, — глухо и скучно, а старики вовсе ехать не хотят, либо ехали, да возвращались быстро, — не уютно, говорят...”

На минуту ее охватило сомнение / страх, зачем ехать, ради чего? И придется ли ей еще раз увидеть вот эти стены, этого завгубоно, который до сих пор не успел еще сменить шинель, из-под которой виднелся ватный кожух, шинель, в которой он дрался на фронтах и лежал в тифу. Все это неудобное, закуренное здание стало ей вдруг дорогим и близким. И жалко было уходить из него.

Товарищ наблюдал за ней. Он понял то минутное колебание, которое проскользнуло в ее глазах и лице. Он простил бы ее, если бы она осталась, — так еще молода и незащищена была ее молодость.

“Нет, поеду, присылайте книг побольше” — и ей стало легко и стыдно за свое колебание» (*ИМЛИ. Ф. 692. Оп. 4. Ед. хр. 143*).

ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА (с. 313). — Публикуется впервые.

Источники текста:

Р — рукопись (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 1–52*); страницы 1, 3, 4 авторской нумерации отсутствуют.

М1 — машинопись (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 1–20*).

М2 — машинопись; страницы 2–4, 12, 22–26 отсутствуют; страницы 1, 27 (*ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. I–II; с авторской правкой*); страницы 5–11, 13–21 (*ИРЛИ. Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 61 об. – 67 об., 86 об. – 94 об.; оборотные страницы автографа повести «Котлован»*).

М3 — машинопись (*ГФФРФ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 133–162*).

Датируется второй половиной 1927 г.

Печатается по рукописи с восстановлением отсутствующих страниц по *М1* и *М2*.

Рукопись представляет собой цельные листы писчей бумаги с вклеенными машинописными и рукописными вставками. Поверх машинописных вставок внесена правка, объединяющая машинописный и рукописный тексты.

В настоящее время не все источники сценария выявлены, слабо документирована история текста, что не позволяет восстановить все этапы работы Платонова над «Песчаной учительницей». Машинописные вставки в *P* свидетельствуют о недошедшем до нас источнике. Эти фрагменты сохранили редакторские пометы (вопросы на полях, подчеркивания красным карандашом); большая их часть оставлена Платоновым без внимания — за исключением некоторых замечаний. Платонов ответил редактору на помету (подчеркивание, вопросительный знак на полях) рядом с описанием мальчика, посыпающего песком булку, — написав на полях: «Дурак: он не видел булки!!!» — и добавил в текст сценария пояснение: «Он не знает, что такое булка». Возможно, следуя замечаниям редактора, Платонов внес уточнение в описание кибитки с мертвецами: «Кладбище на колесах», а в предложении «Но тот мертв и мотает безвольной головой» слово «безвольной» заменил на «остывшей». В машинописных вставках имеются также пометы Марии Александровны — в частности, ее совет «расширить сцену» (эпизод встречи Нарышкиной и Мемеды в стане кочевников). Платонов не отреагировал на замечания жены.

В фонде писателя сохранился один из экземпляров машинописи (*M1*), использованной Платоновым при составлении рукописи сценария (машинописные вклейки). С помощью *M1* реконструированы отсутствующие в *P* третья и четвертая страницы. Несохранившаяся первая страница *P* (список действующих лиц и начало сценария) восстановлена по *M2* — единственной сохранившейся машинописной копии рукописи.

К созданию сценария Платонов приступил летом 1927 г. Перед писателем стояла задача разработать сценарий для режиссера на основе собственного либретто «Песчаная учительница». Очевидно, обсуждалась возможность совместной с режиссером работы — см.: «Либретто передано на доработку режиссеру совместно со мной» (Письмо Платонова жене от 2 июля 1927 г. // *Письма*. С. 224). Однако вместо этого в переработке либретто принял участие В. Шкловский.

В фонде Платонова сохранился составленный Шкловским черновой план сценария «Песчаная учительница» (см.: *Корниенко Н. Между Москвой и Ленинградом: О датировке и авантексте романа «Чевенгур» // Страна философов, 2005. С. 628*). Последняя часть этого плана обнаружена на оборотных страницах рукописи сценария:

<<с>горела. Погоня в голой степи. Скот <ест кору>. Догорает деревня. Степь <нрзб> Умирает Гюлизар на руках Нарышкиной.

Часть пятая

Совещание кочевников. Они ждут <ночевки>. Приезжает Нарышкина. Предлагает мир и оседлость. Вооруженные люди мирятся. <Зеленые> насаждения. Общий сельсовет» (*P*. Л. 68 об. – 69 об.).

Отчасти ориентируясь на предложенную Шкловским схему, Платонов разделил сценарий на части, ввел ряд новых деталей — в том числе отражающие предложения Шкловского: спасение Кобозева вместе с Нарышкиной, две повозки с мертвецами, убийство коровы, помощь оседлых кочевников — их переход на сторону русских крестьян, гибель Гюлизар в Хошутове.

При этом Платонов, однако, сохранил важные для него сюжетные положения, не принял, в частности, совета «поженить» Кобозева и Нарышкину. Отказался также от предлагаемого ему финала — приезд Нарышкиной в стан кочевников с предложением «мира и оседлости», примирение кочевников и крестьян («Общий сельсовет»). Напротив, Платонов переработал концовку, избегая однозначности «хеппи-энда» (приближаясь тем самым к первоначальному замыслу рассказа «Песчаная учительница»): ввел заключительную сцену раскола племени «на два народа из одного».

При работе над сценарием Платонов уделил внимание популярным в 1920-х гг. кинематографическим приемам, сделав акцент прежде всего на показе параллельных действий (жизнь Хошутова — племя в пустыне) и контрастном сопоставлении (цветущее Хошутово — голая пустыня, счастливые крестьяне — измученные кочевники и др.). Начало сценария он дополнил обширным фрагментом, с помощью которого связал кочевой образ жизни с явлением опустынивания (показал, как стадами уничтожается трава, разрушается верхний слой почвы). В нескольких фрагментах по тексту также выделил эту деталь, подчеркивающую губительность кочевнической жизни. Схожая правка, усиливающая связанность основного действия картины, прослеживается и в ряде других новых фрагментов.

На этапе разработки сценария Платонов отказался от развернутой предыстории назначения учительницы в село Хошутово (обучение героини на педагогических курсах в Астрахани, дружба с Гюлизар, встреча с Мемедом), что, вероятно, связано с требованиями кинофабрики «разгрузить» либретто от избыточного материала, учитывать ограничения по метражу картины. Одновременно в сценарий были введены новые элементы, типичные для приключенческих фильмов: добавленная вместо прежней экспозиции краткая драматическая завязка (спасение учительницы в песчаной буре и гибель вождя кочевого племени), сцены кровопролитного столкновения между крестьянами и кочевниками.

Отказавшись от развернутой экспозиции, Платонов, как показывает история текста, искал фабульные решения для возвращения в сценарий рассказа о знакомстве Нарышкиной с Гюлизар и Мемедом. На одном из этапов работы он добавил эпизод поездки Нарышкиной за агрономом и встречи по пути Мемеда (эпизод вошел в *М1*; при работе с рукописью Платонов отказался от него). Героиня и вождь кочевников едут в ставку племени, проводят ночь в пустыне, обсуждают разделяющий кочевников и крестьян вопрос: «— Вы силы на движение по степи тратите столько, что ее хватило бы на целое счастье!» — «— Нет, степь богата, — мы найдем траву. Труд — беда человека, а кочевье — воля!»» После этого описывается романтическое прощание героев: «Мемед берет ручку Нарышкиной и прикладывает ее к своему сердцу. Два человека расходятся в разные стороны в темноту». На обратном пути в Хошутово, уже с агрономом, Нарышкина впервые встречает Гюлизар; познакомившись, герои договариваются об оказании помощи осевшим недалеко, в степной впадине, кочевникам. В одной из сцен иронично описаны будни агронома-служащего: «всклокоченный», он сидит за столом под сельскохозяйственными плакатами и мучается над анкетой — показывается «часть ее, взятая на экране»:

152. Плодовитость полевых мышей по годам в цифровом выражении 20038748 шт. живого поголовья.
153. Сколько корней и видов сорных трав на единице площади Съели кочевники без предварительного учета.
154. Сколько лет в сумме всему населению подведомственного участка 100837 л. 24 ½ дня.
155. Специфичность местных метеорологических, геоботанических и гидрологических условий Однообразны.
156. Кулаки и агрикультурные мероприятия Действуют незаметно по кооперативному руслу.
157. Ведете ли вы в свободное время антирелигиозную пропаганду и ваши достижения. Если не ведете, то как это сказывается на успехе агроработы.

Напечатано.

Написано рукой агронома (М1. Л. 8–9).

При разработке системы персонажей Платонов уделил особое внимание образу Гюлизар. Вероятно, эта правка связана с намерением писателя увеличить в фильме роль для Марии Александровны. Об этом косвенно свидетельствуют письма жене: в начале июля 1927 г. он сообщил ей: «Возможно, что удастся устроить тебя. Тогда и я поеду техническим консультантом. <...> Я бы считал, что тебе лучше сыграть Гюлизар: у тебя тонкое острое лицо» (*Письма*. С. 225) (примечательно, что выделенная Платоновым портретная деталь не свойственна монголоидной расе — ср.: «Калмыка и калмычку легко можно узнать по первому взгляду: они имеют широкообразное лицо, одутсивые щеки, маленькие глазки, тонкие брови и резкие ресницы». — *Павлов А. О калмыках, кочующих по Астраханской степи*. СПб., 1845. С. 44). Чуть позже, в письме от 14 июля, Платонов писал жене об увеличении роли Гюлизар: «Гюлизар я сам придумал (кто мне мог советовать?). Мне казалось, что ты в этой роли будешь лучше. А роль Гюлизар теперь большая» (*Письма*. С. 239).

Работа Платонова над сценарием «Песчаная учительница» продолжалась, по-видимому, до осени 1927 г.; в течение этого периода было создано несколько его редакций. В архиве ГФФ РФ сохранилась неавторизованная машинопись (МЗ), на титульном листе которой значится: «Окончательный 6-й вариант; А. Платонов, при содействии В. Шкловского».

Текст МЗ указывает на очередную, глубокую переработку «Песчаной учительницы». Наиболее заметна правка, связанная с сокращением ряда фрагментов, изъятием отдельных эпизодов (спасение Нарышкиной Мемедом в песчаной буре; обустройство кочевниками Сафуты и все фрагменты, связанные с этим поселением; описание «рачительного» хозяйства Никиты Гавкина; поездка Нарышкиной и Кобозева на дальний питомник и др.). В ряде новых фрагментов узнаются характерные «платоновские» черты. Так, Нарышкина привозит с собой в Хошутово книгу: «инж. Дванов. — Сухие степи

советских стран и способы их культуры». На страницах *МЗ* появляется образ отца-географа (отсылающий к рассказу «Песчаная учительница»); Нарышкина не раз обращается к нему (в письмах, мыслях): «Милый мой отец. Я приехала и увидела страну с мертвой географией. Это твой любимый предмет, и мой также. Здесь дети и народ вянут от мертвого ландшафта. У детей пустые желудочки сосут мозг, и их нельзя заставить сообразить, почему звуки можно писать и для чего. Я увидела, что передние растения засыпаются горячим песком и умирают, зато песок останавливается и задние кусты живут. Я тоже хочу быть передним растением, которое держит ползучую пустыню, чтобы сзади меня жили люди. / Отец, география не только наша с тобой любовь, но и деловая вещь — ее нужно направить на работу. Я посмотрела подробно и увидела, как тонкие стволы держат целый холм. Я тоже хочу, я буду деревом для засыхающих людей. Мне здесь трудно и хорошо...»; «Нарышкина в пустой классной комнате пишет мелом на доске: “Хорошо читать географию, но еще лучше ее переделывать”. “Вечером обязательно письмо отцу, а то вернусь к нему старушкой по лесной дорожке”...»

По всей вероятности, этот текст — последняя кинодраматургическая версия «Песчаной учительницы», разработанная Платоновым. Шкловский единожды упомянул о своей роли в создании «Песчаной учительницы». В заявлении о приеме в Драмсоюз от 16 сентября 1927 г. с перечнем произведений, подлежащих охране авторских прав, сценарист указал долевую часть своей работы над платоновским сценарием: 0,25 (*РГАЛИ*. Ф. 675. Оп. 2. Ед. хр. 733. Л. 2).

В конце 1927 г. «Песчаная учительница» упоминалась во всех планах, отчетах «Совкино». В декабре 1927 г. руководитель художественного отдела московской фабрики А. Тарасов-Родионов на отчетном заседании ВАПП подчеркивал агитационно-пропагандистский потенциал этой картины: «Песчаная учительница». Это рабочее название. Мы сейчас придумываем что-нибудь другое. Я беру это название как ориентировочное. Это фильма о переходе наших кочевников отсталых племен на окраинах нашего Союза на оседлую жизнь, на земледелие. Причем тут же разрабатываются и некоторые моменты национального вопроса»; «нужна тема о продвижении женщины на производство, это есть тема о новой женщине на производстве» (цит. по: *Корниенко Н.* Комментарии // *Платонов А.* Дураки на периферии. М., 2011. С. 728).

В сценарии Платонова действительно были затронуты многие проблемы, которые в 1927 г. рассматривались как актуальные: борьба за оседлость кочевых и полукочевых народов, советизация нацреспублик, сельскохозяйственное развитие деревни, роль женщины в социалистическом строительстве, культурный подъем и переустройство быта, просвещение окраин, распределение учителей в провинцию и др. Большая часть этих тем была включена в планы «Совкино» на 1927–1928 гг. (*РГАЛИ*. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 23; *РГАЛИ*. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356, ед. хр. 533).

Многоаспектностью платоновского сценария, по-видимому, была обусловлена неоднозначность жанрово-тематической классификации будущего фильма — об этом говорят официальные документы, отразившие длительную историю его постановки (с середины 1927 до начала 1931 г.). В различных планах, отчетах кинофабрики «Песчаная учительница» переходила

из одного раздела в другой: «Из крестьянского быта» (РГАЛИ. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 21), «Общеполитическая» (Там же. Л. 6), «Национальная политика советской власти» (РГАЛИ. Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3), «Политические вопросы и хозяйственное строительство на материале деревни» (Там же. Ед. хр. 30. Л. 10, 14) и т. д. Неоднократно менялся и проблемный акцент: «Значение сел<ьского> учительства в деле строительства СССР» (Там же. Ед. хр. 23. Л. 21); «Борьба за оседлость кочевников. Роль сельской учительницы в этой борьбе» (Там же. Л. 6); «Нац<иональный> вопрос на почве экономической отсталости» (Там же. Л. 66); «Переход кочевых племен к оседлости. Столкновение с русским земледельческим населением, улаживаемое под руководством учительницы» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 533. Л. 31–32); «Борьба за коллективизацию среди кочевников, перешедших к земледелию, борьба за раскрепощение женщины на Востоке» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 5. Ед. хр. 22. Л. 103) и т. д.

В конце 1927 г. сценарий Платонова был направлен на согласование в Главрепертком (в анкете указан режиссер картины — И.А. Кравчуновский). В отзыве от 17 декабря 1927 г. политредактор ГРК К. Денисов высказался однозначно отрицательно, сделав вывод о непригодности сценария к постановке: «Вследствие того, что в либретто собственно работы советской власти среди населения никак — если не считать надписей — не показано и картина по либретто рисует быт окраины больше в плане личных взаимоотношений, чем культурной работы соввласти, предлагаю данное либретто для постановки по нем картины считать непригодным» (ГФФ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 7). На отзыве Денисова стоят резолюция неустановленного лица: «Запрет в данной редакции», — и дата сообщения в «Совкино» решения о запрете: 31.12.1927 г.

Вслед за тем в «Совкино» поступил еще один отзыв (от 6 января 1928 г.) — из Центрального Совета по просвещению национальностей нерусского языка (Центросовнацмен) НКП РСФСР. Рецензенты-востоковеды решительно высказались против постановки:

«1) намерение автора дать картину из жизни кочевых народностей, населяющих СССР, с начала до конца — сплошное искажение. Картина рисует кочевников эпохи гуннов с эпохой индустриализации.

В настоящий момент, на 11-ом году существования Советской власти, нет таких уголков в СССР, где кочевало бы целое кочевое племя и грабило русские деревни. Настоящих кочевников от кочевников или от дикого племени эпохи гуннов разделяют целые века, и они представляют совершенно своеобразную картину;

2) все ссоры, доходящие во многих местах данной фильма до массовых смертных случаев, разрешаются народным собранием. Где же Советская власть в лице ее административных органов? Где же национальная политика нашей партии, отражающая интересы мелких национальностей и умиряющая национальный антагонизм? Их нет.

3) в картине рисуется кочевой табор и оседлая русская деревня. Нет ни одного момента, где рисовался бы хотон в своем быту. Нет момента отражающего семейный уклад кочевников.

4) в картине Волго-Донской канал. Видимо, автор хотел описать маньчжурские степи. Зная народности маньчжурских степей из их настоящей жизни, а не из древней литературы, описывающей жизнь эпохи гуннов, категорически протестует против такого грубого искажения. Если даже это происходит не там, то все равно мы со всей категоричностью заявляем, что нет уголка в СССР, где расцветала эпоха средневековья.

Учитывая все эти моменты, Центросоюз в лице уполномоченного по Главполитпросвету инспектора восточной группы категорически протестует против такого рода постановки или «фильмы» (Там же).

Вероятно, эти отзывы повлияли на дальнейшую судьбу платоновского сценария. В начале 1928 г. все материалы были переданы на переработку А.Д. Попову, который предложил «Совкино» свою сценарную версию «Песчаной учительницы» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 290, 291). По неизвестным причинам поповский сценарий не был запущен в производство. В начале 1929 г. решался вопрос о передаче авторских прав на «Песчаную учительницу» новому сценаристу И.Л. Пруту, а в июле этого же года на заседании сценарного отдела московской фабрики «Совкино» было принято окончательное решение о передаче всех имеющихся материалов М.В. Смирновой (РГАЛИ. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 32). Именно в ее сценарной переработке платоновский замысел был доведен до экранизации.

Фильм вышел в прокат в апреле 1931 г. (под названием «Айна»). Несмотря на жесткую критику (см., напр.: Рафалович Д. Женская роль // Красная газета. Веч. вып. 1931. 10 марта. С. 3; Гимпельсон, Гейде, Костоковский. «Айна»: Борьба бедноты с баем показана слабо // Кино. 1931. 28 мая. С. 4), картина, по-видимому, была встречена положительно — см. воспоминания М. Смирновой (Смирнова М.Н. Родники. М., 1984. С. 72), исполнительницы главной роли З. Занони (Занони З. Моиими героинями были // Жизнь в кино. Ветераны о себе и своих товарищах. М., 1971. С. 335–336). Очевидно, Платонов видел картину, снятую по его «теме», как указывалось в титрах. Свообразным откликом на нее, возможно, явился образ киргизки Айны и ее брата Мемеда в повести «Ювенильное море» (1932).

С. 318. Шелевка — тёс, тонкие доски.

Раззор — лишение достатка, разорение.

С. 320. Другой баран. Пристально глядит на первого барана. Круто поворачивает и идет в противоположную сторону — там тоже тропка, подобная первой. — В этом фрагменте, возможно, осталась незавершенной правка: в автографе Платоновым вычеркнута часть предложения: «Другой баран. Пристально глядит на первого барана. Круто поворачивает и идет в противоположную сторону [За ним бегут пять овец] — там тоже тропка, подобная первой». Позже в тексте появляется указание на снятую фразу: «пять овец с бараном». В одной из последующих редакций сценария этот фрагмент восстанавливается (с небольшими изменениями): «Другой баран. Пристально глядит на первого барана. Круто поворачивает и идет в противоположную сторону — там тоже тропка, подобная первой. За ним — штук пять овец, затем два верблюда» (ГФФ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 7).

С. 322. *Лиман* — мелководный залив, образуемый водами местного стока.

С.324. *Лиманное орошение* — способ глубокого однократного увлажнения почвы водами местного стока (талыми, паводковыми и др.); осуществляется путем затопления орошаемой территории (лиманов) небольшим слоем воды, удерживаемой системой валов, дамб, перемычек.

Это отряд буровой разведки под Волго-Донской канал. — История строительства Волго-Донского канала насчитывала свыше тридцати разработанных, но не реализованных проектов — в том числе связанных с замыслами Петра I (см. примеч. к повестям «Епифанские шлюзы», «Город Градов», с. 509–510, 614–616 наст. изд.). В период работы Платонова над сценарием (весной — летом 1927 г.) в Волго-Донском бассейне велись изыскательские работы в рамках очередного грандиозного проекта сооружения водной магистрали. Об этом регулярно сообщалось в периодической печати, отдельных изданиях (*Максимов П.* Что даст Волго-Дон: попул.-экон. очерк. Ростов, 1927; *Максимов П.* Что должен знать о Волго-Донском канале каждый рабочий и крестьянин. Ростов н/Д, 1927). Для подробного информирования населения о ходе и планах работ в 1927–1928 гг. выходил специальный журнал «Волго-Дон: информационный бюллетень о ходе работ по водной магистрали Волга — Дон — Азовское море»; велась активная агитационная кампания, предусматривающая доклады, лекции, киносеансы, радиосообщения, экскурсии. Кинофабрикой «Совкино» был подготовлен агитпрофильм «Волго-Дон» (вышел в прокат в 1927 г.): «По своему содержанию этот кинофильм обнимает всю эпоху развития проблемы “Волго-Дона” с времен турецкого султана и Петра Великого до настоящего времени, когда эта идея начинает воплощаться в жизнь» (Волго-Дон. 1927. № 3 (1 июня). С. 13).

Нивелир — геодезический оптико-механический инструмент для определения разности высот точек земной поверхности.

ЕПИФАНСКИЕ ШЛЮЗЫ (Либретто) (с. 336). — *Страна философов, 2011.* С. 469–488. Публикация Е.А. Роженцевой.

Источники текста:

Автограф (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 292. Л. 1–16).

Машинопись с авторской правкой (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 1–31).

Датируется концом 1927 — 1928 г.

Печатается по машинописи с внесением исправлений по автографу.

Автограф (выполнен карандашом) сохранился не полностью, обрывается на середине фразы в конце третьей части: «Один из них хватает стражника поперек, приподымает его и». Этими же словами завершается текст машинописи на с. 18, страница заполнена лишь на четверть. Это свидетельствует о том, что либретто передавалось машинистке частями. На первом листе автографа нет пометы для машинистки о количестве экземпляров, поэтому неизвестно, сколько их было напечатано — в архиве писателя сохранился лишь один, но не первый экземпляр.

На первой странице машинописи после заглавия «Епифанские шлюзы. Либретто» вписан, возможно, вариант нового заглавия («Создание царств»), на полях записан список действующих лиц и также сделана помета для машинистки: «2 экземпляра». Вероятно, это указание на перепечатку первой страницы с рукописным списком действующих лиц. Тогда можно предположить, что машинопись была перепечатана в трех экземплярах, к двум из которых была приложена заново напечатанная первая страница, а третий остался в архиве писателя.

Машинопись была вычитана Платоновым, карандашом проведены правка и сокращения. Сокращено 8 небольших фрагментов, в основном связанных с рекомендациями режиссеру. Подцензурный характер имеет сокращенный фрагмент о колокольном звоне (восстановлен в наст. изд.) (см. динамическую транскрипцию источников текста либретто: *Страна философов, 2009*. С. 469–488).

История создания либретто «Епифанские шлюзы» в настоящее время не документирована: отсутствуют все составляющие традиционного для того времени процесса создания сценария, который включал в себя краткое либретто (или заявку), расширенное либретто (в котором отсутствовала техническая разбивка на кадры), авторский сценарий (отсутствовали технические ремарки) и, наконец, постановочный сценарий. Не выявлены также договор и контакты с кинофабриками. Сохранилась лишь запись рукой Марии Александровны на листе, в который была обернута машинопись либретто с указанием адреса «Союзкино».

Единственный след либретто в киноархивах — это упоминание киносценария в «Ведомости на выплату вознаграждения за проработанный материал рецензентам сценарного отдела “Совкино” с 1/11 по 15/11–29 г.»: «Петренко. Епифанские шлюзы. Количество стр. 35» (*РГАЛИ*. Ф. 2498. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 41; см.: *Корниенко Н.* История текста и биография А.П. Платонова (1926–1946) // *Здесь и теперь*. 1993. № 1. С. 140). Обратим внимание, что количество страниц в записи на 4 больше, чем в экземпляре машинописи, сохранившемся в ИМЛИ.

В качестве основы либретто Платонов использовал повесть «Епифанские шлюзы» (январь 1927). В либретто появляются и новые сцены, отсутствующие в одноименной повести: рубка леса, неоднократное изображение строительных работ, быта рабочих, проводы Бертрана и прощание его с Ньюкестлем, заседание в Наук-коллегии, на котором делает доклад Грузсон. Несколько изменяется и трактовка характеров Перри и Петра. Крупными планами дается образ царя-преобразователя: это деятельный и размышляющий герой, его лицо «тоньше и напряженной, чем обычно представляют». Перри же в конце сценария приходит к пониманию противостояния новаторской деятельности Петра I и консервативного народа: «Ваше величество, русский народ для государственных помыслов, что песок для воды — он тебя не держит...»

В либретто встречаются две современные реалии: Днепрострой (в машинописи вычеркнуто) и конвейерный метод работ. Строительство Епифанских

шлюзов прямо сопоставляется со строительством Днепрогэса: «По существу, это конвейерный способ, [— тот самый, которому удивились теперь американские инженеры-консультанты на Днепрострое, но] изобретенный в России лет 300–400 назад. Затем, сняв прочность деревянных сооружений, искусство тогдашних плотников, умевших строить с безупречной надежностью. [Потребуется еще заснять две-три остроумных водоподъемных машины тогдашних времен. Все это очень важно, полезно и, вероятно, получится достаточно эффектно. Следует только здесь давать вещи, работы и людей в деталях, в близких планах и в процессах. (Приспособить для съемок можно аналогичную)] (Приспособить для съемок можно “аналогичную” современную постройку.» (Л. 2). «Земляные работы ведутся сквозными карьерами, каруселями. [(я дам потом схемы). Показать детали искусной плотничной работы. Важно подчеркнуть общую хорошую организацию работ, умелость рабочих, хотя машин почти нет. Самый показ работ должен разбудить всех, кто думает, что раньше работать не умели.])» (Л. 2).

После успешного пуска первенца советской гидроэнергетики Волховской ГЭС строительство Днепровской станции заняло в плане ГОЭЛРО первое место. Профессор И.Г. Александров разработал уникальный проект гидроэлектростанции близ острова Хортица на участке, получившем название Волчьего горла. На правительственном совещании, созванном в конце декабря 1926 г., был поставлен вопрос об осуществлении этого проекта при участии иностранных инженеров. Главный инженер Шатурской ГРЭС А.В. Винтер, назначенный вскоре начальником Днепростроя, вспоминал: «Зимним днем созвали десятка два спецов в Кремль, в СНК. Идет вопрос о постройке Днепровской гидростанции. “Не можем рекомендовать строить самим. Дело слишком большое, опыта нет у нас в этих делах”, — так высказывается большинство. Трое высказались против, в том числе совершенно безоговорочно и я: “Если будет дано нужное оборудование — сами сделаем”. Решение принято: нас троих и назначить на работу» (Стеглов Ю.В. Александр Васильевич Винтер (к 100-летию со дня рождения) // Электрические станции. 1978. № 10. С. 94). В иностранной печати появились скептические статьи по поводу проекта: «...русские вознамерились в течение пяти лет построить самую мощную в мире гидроэлектростанцию» (цит. по: Волков Э.П. Главный строитель Шатуры и Днепрогэса: к 125-летию со дня рождения академика А.В. Винтера // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 11. С. 1023–1028). 15 марта 1927 г. на берегу Днепра, на скале под названием «Любовь», был укреплен флаг с надписью: «Днепрострой начат». 7 ноября 1927 г. в 15 км от г. Запорожья на правом берегу Днепра началось строительство величайшей в мире гидроэлектростанции. Но подготовительные работы, в том числе и закупка необходимой для строительства техники, продолжались довольно долго. К основным работам строители приступили лишь в 1929 г.

Планы Днепростроя широко освещались в печати в январе — марте 1927 г., затем информация о Днепрострое почти исчезает со страниц газет и журналов. Вновь к теме стройки возвращаются в начале 1928 г. — публика-

цией серии репортажей с Днепростроя, статей о ходе работ и научно-технических достижениях; начинается обсуждение упоминаемого в либретто производства — см. статьи в журнале «Наука и жизнь» за 1928 г.: «Конвейерная разгрузка судов — американский механизм» (№ 3. С. 26), «Порт на Днепре» (№ 9. С. 12), «Конвейер в угольных копиях» (№ 10. С. 16), «Заготовка бетона на Днепрострое» («использовать как можно шире принцип непрерывного потока с помощью транспортеров, подвесных дорог, кабельных кранов и т. д.»; № 16. С. 16), «Новое о Танаиде в устьях Дона» (№ 22. С. 10), «Работы по электрификации СССР» («Днепропетровская электростанция будет не только самой крупной в СССР, но и одной из крупнейших в Европе»; № 26. С. 16), «Общий вид Днепростроя» (№ 45. С. 8–9).

Либретто «Епифанские шлюзы» было создано одним из последних среди известных нам платоновских киносценариев для немого кино; в нем виден опыт сценариста и глубокое знание специфики данного вида искусства. Так, обязательным условием обращения писателя к созданию сценария В. Пудовкин считал знание возможностей и особенностей режиссерской работы. Последовательность работы предполагалась следующая: сначала сценарист литературно разрабатывает сюжет — либретто сценария, затем режиссер превращает его в рабочий сценарий (*Пудовкин В.* Киносценарий. Теория сценария. М., 1926. С. 27). «Рабочий» сценарий «представляет собой подробное изложение каждого, иногда малого кусочка, с упоминанием всех технических приемов, нужных для его исполнения. Конечно, — с пониманием говорит режиссер, — предложить писать в такой форме сценаристам — это значит предложить им стать режиссерами, но все же работа сценаристов в этом направлении необходима, и, если они не дадут “стального” сценария, готового к съемке, они все же, предлагая материал более или менее приближающийся к идеальной форме, дадут режиссеру не ряд препятствий, которые надо преодолеть, а ряд толчков, которые можно использовать. Чем подробнее технически проработан сценарий, тем больше шансов у сценариста увидеть на экране образы, впечатляющие именно так, как он задумал» (Там же. С. 8–9). Либретто «Епифанские шлюзы» («литературно разработанный сюжет» будущего сценария) Платонова соответствовало такой задаче. Точнее — первая его часть. Здесь писатель подробно прописывал отдельные сцены с указанием способов съемки. Во второй части, которая соответствует отсутствующей части автографа, не уделено внимания ни операторским и режиссерским приемам, ни титрам. Текст сжимается до пересказа действия.

Многие из перечисленных в книге Пудовкина специальных приемов съемки Платонов знал и использовал. В начале сценария он задает и далее учитывает «общий ритм действия», размечая операторскую работу: «Весь этот эпизод дается в медленном равномерном ритме ветра, текущих рек, пространств и безлюдия. <...> В долгую тишину природы начинает вмешиваться посторонний чередующийся звук. Сначала он дается еле заметным вздрагиванием листвы на ближних к плану деревьях и слабым затуханием экрана; затем (аппарат все время движется по дороге) звук становится резче: деревья подрагивают сильнее и мгновенное затухание экрана дается гуще» (С. 337). «Ритм ветра» в сценарии доминирует как динамический образ. Клу-

блещущая пыль — еще один «ритмообразующий» образ. Звук колокола сопоставляется с ритмом природы: «Фигура человека на колокольне мерно покачивается, ударяя в главный колокол, — в такт ветру, волнующимся листьям дубов и большим кругам бегущего воздуха по траве» (С. 345). Далее Платонов использует другие специфические приемы. Например, «съемку из диафрагмы», когда на затемненном экране появляется светлое пятно, затем пятно расширяется и постепенно открывает картину: «В стене появляется провал в Россию. Видна в перспективе бедная равнина и речка» (С. 343). Прием вводит зрителя в новую обстановку. Здесь же Платонов предлагает еще один операторский трюк — так называемое «каше» — съемку эпизода в диафрагме, когда экран затемнен, кроме пятна в центре, в пределах которого и происходит действие: «Трузсон глядит в подзорную трубу» и далее (С. 343). Предлагает Платонов и съемку с помощью движущейся камеры: с точки зрения проезжающего путешественника. Резким затемнением — «уходом» в диафрагму — заканчивается в либретто эпизод гибели дерева: «...в экране тьма; тьма проясняется — дерево лежит погубленным...» (С. 337). Со значительной смысловой нагруженностью Платонов использует общий план — съемку с высоких точек и перспективу: для показа бескрайнего пространства, изображения одинокого человека на земле, массовых работ на строительстве, противопоставления Москвы и провинции и др. Также — и намного более часто — писателю нужны крупные планы: прощание старика Перри с сыном (несколько сцен), портрет царя-преобразователя, переживания Бертрана Перри, изображение строительных работ и сложных машин и др. Из близких литературе приемов монтажа Платонов предусматривает использование параллелизма, который Пудовкин считал явлением «интересным, могущим быть развитым весьма разнообразно». Этот прием предполагает параллельный показ двух тематически не связанных действий: у Платонова это — строительство и природа, движение звезды над морем и над континентом, проезд иностранных инженеров и жизнь русских людей.

В примечании даются пояснения только к реалиям, появившимся в либретто.

С. 336. *Бурмистр Протасьев* — в повести эта выборная должность упоминается только в ироническом контексте (см. с. 98 наст. изд.). В либретто Платонов возводит воеводу Протасьева, персонажа из повести, в должность бурмистра, поясняя, что бурмистр и воевода — одно и то же. Ключевский так объяснял различие этих должностей в историческом контексте: «Указами 30 января 1699 г. <...> торгово-промышленным людям столицы ввиду терпимых ими убытков от воевод и приказных людей предоставлено было выбирать из своей среды погодно *бурмистров*, “добрых и правдивых людей, по скольку человек захотят”, которые ведали бы их не только в казенных сборах, но также в судебных гражданских и торговых делах...» (*Ключевский*. С. 198). В других городах бурмистров не выбирали, но могли двойной оплатой откупиться от воевод. Большинство городов отказались от этого. Тогда правительство отменило плату, т. к. государству было выгодно городское самоуправление: «...воеводы своими “прихотями и нена-

добными поборами” причиняли в казенных доходах большие недоборы и запускали многую недоимку, а от безмездных и ответственных бурмистров казна могла ждать больших прибылей»; «...воеводы, потеряв судебную и административную власть над торгово-промышленным городским и свободным сельским населением, остались управителями только служилых людей и их крестьян...» (Ключевский. С. 199).

Пыточный приказ — вероятно, имеется в виду Тайный приказ (см. примеч. к повести «Епифанские шлюзы», с. 528 наст. изд.).

Михаил Прозоровский — современником Петра Великого был князь Петр Иванович Прозоровский (1644/45–1720), боярин, руководил приказами Большой казны и Большого прихода. Во время заграничной поездки Петра I в 1697 г. Прозоровский вместе с Л.К. Нарышкиным и князем Б.А. Голицыным принял управление государством. В 1696–1697 гг. Прозоровский входил в кумпанство по строительству кораблей. Во «Мнении о Воронежских кораблях» (1699) Петр I отметил эти корабли как одни из лучших. Во время Северной войны со Швецией, после разгрома под Нарвой, Петр послал Прозоровскому письмо с приказом чеканить деньги из посуды и предметов, хранящихся в Оружейной палате. Прозоровский вскоре выслал требуемую сумму серебряными монетами. Как оказалось после возвращения Петра, вся старинная утварь в Оружейной палате Прозоровским была сохранена, деньги же были им отложены еще при царе Алексее Михайловиче. Петр хотел отблагодарить Прозоровского, но князь отказался от награды, объясняя отказ тем, что имеет значительное состояние.

С. 337. ...очень широко расставленные колеи (раньше телеги были шире, чем теперь)... — Древнерусская тележная ось изготавливалась из дубовых брусев длиной 145–170 см; в XX в. длина оси составляла около 100 см.

Свитка — верхняя длинная распашная одежда из домотканого сукна.

Земляные работы ведутся сквозными карьерами, каруселями. — *Сквозной карьер* — ведение работ, при котором с одной стороны идет подача свободной тары, при прохождении через карьер происходит ее наполнение и отправка далее (а не обратно) — на удаление из котлована. Поточная система передачи тары обеспечивает более интенсивное ведение работ. *Карусельный метод* — то же, что сквозной карьер.

С. 340. *Порт в Ньюкестле. Склады, краны, прочее оборудование порта.* — Упоминание кранов не соответствует исторической действительности: первые подъемные краны (паровые) появились в Великобритании только в 1830 г.

С. 342. *Алебарда* — древковое холодное оружие, комбинированный наконечник которого состоит из игольчатого острия и лезвия боевого топора; была на вооружении пехоты ряда европейских стран в XIV–XVI вв.; до XVIII в. сохранялась как парадное оружие.

С. 343. *Фаэтон* — конная коляска с открывающимся верхом.

Межевать — определять и обозначать межи, границы земельных угодий, владений.

Гать (обл.) — плотина.

С. 345. *Пойма* — низкое место, заливаемое рекой во время половодья.

Мочажина (обл.) — низкое сырое место.

...лошадиные ноги, обутые в лапти и обмотки, ступающие по взбученной водою торфянистой почве. — *Обмотки* — тряпки, которыми обматывают ноги вместо обуви (обычно для работы на поле). См.: «...учитель Нехворайко обул своих лошадей в лапти, чтобы они не тонули, и в одну нелюдимую ночь занял город, а казаков вышиб в заболоченную долину, где они остались надолго, потому что их лошади были босые» («Чевенгур»).

Группа голых людей стоит по живот в воде ~ Люди крестятся на луну, и затем все вместе окунаются в воду. — Вероятно, речь идет о раскольничьем толке «нетовцев». В начале XVIII в. раскол распался на поповщину и беспоповщину, а затем на множество толков и согласий. Среди толков была и так называемая «нетовщина», в основе которой убеждение, что общественного богослужения не может быть и только один Иисус Христос знает, как можно спастись: необходимо уповать на его милость и молиться. «Нетовцы» считали, что каждый может сам себя крестить, войдя в воду. «Самокрещенцы» появились в XVIII в., а в конце XIX в. уже исчезли (ЭСБЕ, 61. С. 145–146).

С. 346. *Корчажка* (от *корчага*) — большой глиняный горшок для разных хозяйственных надобностей.

Коний почечуй (обл.) — болезнь копыта лошади (от ушиба).

С. 348. *Гужевой* — конный, производимый живой тягой.

Заподлицо — вровень.

С. 349. *...одет в охобень не по нраву царя.* — *Охобень (охабень)* — неширокая распашная длинная мужская и женская одежда. Застегивался встык на петлицы. По бокам имел длинные разрезы от подола до рукавов, в разрезы продевались руки, а длинные рукава завязывались на спине. Четырехугольный отложной воротник мог достигать середины спины. Одна из реформ Петра I касалась замены старинного боярского костюма, который был неудобен для работы, более удобной европейской одеждой. В 1700 г. дворянам и горожанам ношение старого русского костюма было запрещено.

Несколько рабочих, таскающих землю из реки, стоят неподалеку от дороги. Они в пиджаках и шапках, но без штанов... — *Пиджак* — имеется в виду пиджак шубный; так называлось в Воронежской губернии короткое полупальто, полшубок из овчины.

С. 350. *Шпунт* — в столярном деле — продольный гребень на ребре доски, соответствующий пазу (длинной и узкой борозде) на ребре другой доски, а также способ такого соединения.

С. 352. *Верховодка* — безнапорные подземные воды, залегающие наиболее близко к земной поверхности и не имеющие сплошного распространения.

Супесь, супесчаная почва — осадочная горная порода, состоящая в основном из смеси глины и песка.

С. 353. *...из воеводского дома уже выбежал кривой Гришка Салтыков, на ходу поправляя нагрудную звезду.* — *Нагрудная звезда* — серебряная восьмилучевая звезда с помещенным в ее центральном медальоне девизом ордена «За веру и верность» являлась знаком ордена Святого апостола Андрея Первозванного — первого ордена Российской империи, учрежденного Петром I в 1698 г. (или в 1699 г.): «...в воздаяние и награждение одним за

верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим — для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческое любочестие и славолюбие, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние» (Из проекта устава ордена, составленного в 1720 г. Петром I // Награды Российской империи. М., 2016. С. 22). Звезду носили на левой стороне груди. Первоначально звезда была не металлическая, а вышитая. До 1917 г. орден был высшей наградой и выдавался за особые заслуги перед Россией как военным, так и гражданским чинам. Первым кавалером ордена стал соратник Петра I граф Федор Головин.

С. 355. *Зипун* — верхняя крестьянская короткополая одежда, обычно из домотканого сукна, без ворота.

С. 356. *Молодые боярышни в широких робах с декольтированными бюстами...* — *Роба (устар.)* — одежда.

Кокошник (устар.) — женский головной убор с высоким полукруглым щитком надо лбом.

Трудно было этому старому боярину постричь бороду и натянуть узкий заморский кафтан. ~ тело мучительно напряжено от европейского шелка, как от тесных вериг. — 5 сентября 1698 г. Петром I был издан указ о *бритье бороды*. Тем, кто указ исполнять не желал, было разрешено бороду оставить — при условии уплаты ежегодного налога. В 1705 г. вышел новый указ, согласно которому все мужское население страны, за исключением священников, монахов и крестьян, было обязано брить бороды и усы. *Узкий заморский кафтан* — в конце XVII в. в России появился новый тип кафтана, заимствованный из Западной Европы, — жюстокор, ставший в XVIII в. обязательным элементом европейского придворного костюма. Жюстокор шился из дорогих тканей — шелка, атласа и бархата; характеризовался прилегающим по талии фасоном с узкой линией плеч и расширением к низу, без воротника, с карманами и короткими рукавами; нижняя отрезная часть, состоящая из клиньев, была на жесткой полотняной или волосяной прокладке. Во времена Петра I такой кафтан стал широко использоваться как гражданская и военная одежда. *Вериги* — разного вида железные цепи, полосы, кольца, носившиеся христианами-аскетами на голом теле для смирения плоти.

С. 357. *Кубок большого орла* — кубок большого объема, который подносился нарушителю правил проведения ассамблей. Седьмой, последний, пункт правил гласил: «Преступивший сии правила подвергается наказанию осушить кубок *большого орла*». Этим наказанием каралась излишняя учтивость к гостям, неучастие в развлечениях, назначенных государем, и другие проступки. Описание кубка и обычая, связанного с ним, встречается в повести А. Пушкина «Арап Петра Великого» (1827).

Сейчас я буду пить за здоровье европского герцога Михаила Прозоровского. — Единственным русским дворянином, получившим от Петра I титул герцога, был фаворит государя Александр Данилович Меншиков (1673–1729).

Шандал — крупный напольный светильник с подсвечниками на разветвлениях от ствола.

СТАТЬИ

ФАБРИКА ЛИТЕРАТУРЫ (О коренном улучшении способов литературного творчества) (с. 361). — Октябрь. 1991. № 10. С. 196–200. Публикация М. Анд. Платоновой.

Источники текста:

ЧА — черновой автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 1–4 об.).

БА — беловой автограф (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 1–33).

М — машинопись с авторской правкой (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 1–11).

Датируется июнем — июлем 1926 г.

Печатается по машинописи с авторской правкой с исправлением опечаток по беловому автографу.

Черновой автограф (карандаш) сохранился не полностью. На л. 1 — записи двух первоначальных названий статьи и обозначение ее адресата. К первому названию: «О литературном монтаже — для “Кр. Нови”» сделана приписка о некоторых источниках монтажа: «Факты соб<ытия> а) / Выписки из книг в) / Переживания д)». Следующая запись «I Статья / II Демонстрация» обозначает замысел печатать статью с художественными текстами, иллюстрирующими теорию литературного монтажа. Второе название статьи — «О коренном улучшении способов литературного творчества» — из ЧА переходит в БА сначала в качестве основного, затем в ходе общей редакции текста превращается в подзаголовок статьи, а в качестве основного названия вписывается «Фабрика литературы».

В ЧА статья начиналась с полемического выпада в адрес идеологов изображения «нового быта» в советской литературе («Говорят — пиши крепче...»), за которым стоит не только реальный литературный контекст, но и глубоко личные причины, связанные с участием самого Платонова в проекте ленинградской вечерней «Красной газеты» (см. об этом ниже, с. 774–775). ЧА Платонов перерабатывал творчески, уточняя и развивая те или иные положения. Из ЧА в БА не вошел всего лишь один фрагмент, в котором появляется имя популярного в начале века польского прозаика С. Пшибышевского. Правка в БА минимальная; появляется основное название («Фабрика литературы»); содержательное исправление вносится в тему авторства Шекспира: лорд Бэкон заменяется на Ретленда, правда, без исправления титула.

Судя по записи для машинистки в БА — «В 3-х экз. на одной стороне листа», — было сделано три экземпляра машинописи. В настоящее время мы располагаем только одной. Платонов внимательно вычитывал машинопись, уточнял и расставлял знаки препинания, исправлял ошибки машинистки, вносил небольшие добавления: «сознавая потенциальное существование больших караваев высокой питательности» (Л. 1); «только поэтому душа — живая» (Л. 5); «некоторый конкретно-словесный образ» (Л. 5).

Записка Платонова на л. 1 машинописи позволила уточнить датировку статьи и два ее адресата:

«В Редакцию журнала “Октябрь”.

Просьба напечатать эту статью в одном из ближайших №№-ов журнала. Можно сделать указание на дискуссионность статьи или вообще сделать редакционное примечание к ней.

С тов. прив. Андрей Платонов.
26/VII 26».

Указание на дискуссионность статьи вполне согласуется со стратегией «Октября» (орган ВАПП), на страницах которого одна за другой открываются различные дискуссионные трибуны: о методе пролетарской литературы, современной критике, утилитарности и производственничестве. Последняя началась в № 12 за 1925 г. публикацией статьи одного из признанных идеологов «производственничества» Б. Арватова, чьи работы Платонов хорошо знал и ценил: «Чрезвычайно нужная статья тов. Арватова...» (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 260, 444–445). Объявление о новой дискуссии, посвященной производственной литературе, печаталось в № 4 за 1926 г. вместе со статьей Г. Якубовского, главного теоретика группы «Кузница»: «Помещаю интересную статью т. Якубовского, впервые ставящую вопрос о производственном подходе к литературе, редакция “Октября” приглашает пролетарских писателей, теоретиков и критиков высказаться на страницах “Октября” по этому вопросу» (От редакции // Октябрь. 1926. № 4. С. 148). Статью Арватова печатали для завязки дискуссии. Критик был верен себе и своим установкам: «виды организации литературного хозяйства» меняются в соответствии с изменениями экономической структуры общества, «буквально повторяя те производственные отношения, которые были свойственны производству материальных ценностей, и только несколько запаздывая по сравнению с эволюцией промышленности» (*Арватов Б. Утилитаризм в литературе // Октябрь*. 1925. № 12. С. 100). «Всеобщая утилитаризация литературы», по Арватову, диктуется общим цивилизационно-производственным процессом, где доминирует не «сфантазированно-индивидуальное», созданное одним мастером литературы, а оснащенный специалистами трест (Там же. С. 105–106). Главной фигурой в производственном (равно пролетарском) искусстве Арватов считал художника-пролетария, а не «интеллигентскую цеховщину», выступал против любых союзов с дореволюционными («буржуазными») организациями и направлениями. Наступление дореволюционной эстетики и эстетических группировок считал опасным для «левого» пролетарского искусства. За «маскировкой советизацией» скрывается, по Арватову, «реставрация буржуазного искусства на базе товарного хозяйства» (*Арватов Б. Левое или пролетарское? // Жизнь искусства*. 1926. № 3. С. 2). Большой резонанс имела статья Арватова «Литература и быт», открывшая в ленинградском журнале «Звезда» дискуссию о бытописательстве в пролетарской и попутнической литературе. Арватов утверждал, что никакая коммунистическая риторика не может скрыть очевидность «глубочайшей реакционности» молодой пролетарской литературы, сделавшей установку на отражение пролетарского быта в искусстве, что «бытовая литература» реакционна по существу (Звезда. 1925. № 6. С. 313). Вслед за статьей Арватова в журнале печаталось развернутое опровержение ее основного пафоса — статья Е. Мустанговой «О “левой фразе” тов. Арватова и путях пролетарской литерату-

ры» (С. 319–327), с редакционным примечанием, что обе статьи «печатаются в дискуссионном порядке» и что «точка зрения редакции во всех основных пунктах совпадает с содержанием второй статьи» (Там же. С. 319). Нельзя исключить, что один из экземпляров машинописи своей статьи Платонов мог передать в «Звезду»: «Фабрика литературы» вполне вписывалась в дискуссию журнала и предлагала ответы на неразрешимые вопросы методологии и стратегии развития пролетарской литературы.

Объявленная же в «Октябре» публикацией статьи Г. Якубовского дискуссия была во многом исчерпана однозначными ответами, прозвучавшими в выступлении ведущего теоретика «Кузницы»: «революционер в искусстве мыслит новый синтез», работает над отражением нового быта, а не заводит читателя в футуристическую путаницу с азбучными для марксиста истинами (Якубовский Г. О производственном подходе к литературе // Октябрь. 1926. № 4. С. 153). Но как раз здесь-то и обнаруживается формалистское «как»: как осуществить этот «синтез». На этот практический вопрос Платонов и предлагал свои решения в «Фабрике литературы», рассчитывая на публикацию. Причины отказа «Октября» от статьи Платонова не известны.

Второй адресат статьи указан на этой же машинописи, но относится уже к концу 1927 г. В тексте сопроводительной записки Платонов тщательно вымарал прежний адресат («Октябрь») и вместо него вписал «ЖКМ», а также исправил дату записки с «26/VII 26» на «6/XII 27». То есть Платонов вернулся к идее публикации статьи более чем через год. Осенью 1927 г. в «ЖКМ» («Журнал крестьянской молодежи») готовилась к публикации статья «Питомник нового человека», однако в ноябре редколлегия отказалась ее печатать в юбилейных номерах (см. с. 792–794 наст. изд.). Не исключено, что Платонов предлагал «Фабрику литературы» в качестве замены отклоненной статьи.

Машинопись статьи сохранила редакторские подчеркивания, вопросы и записи на полях. Возражение вызвало уже первое предложение («Искусство, как потение живому телу...»), очевидно, своим акцентированным физиологизмом. Также подчеркиваются и одновременно отмечаются вопросами тезисы о разделении работы писателя и критика (Л. 3), о монтаже («Монтаж, собственно, и позволяет чутя автора...»); пометой «sic!» помечены радикальный тезис («Необходимо, чтобы методы словесного творчества прогрессировали с темпом Революции...») (Л. 3) и сноски (к ней также сделана записка с вопросом: «? /Гегель»). Редактора не могло не остановить появление в тексте идеалистического слова «душа», и он требует его уточнения: «душа — быв<шая> по <классам — нрзб> — похоть»; «а не в том ли вопрос — чьи “души”?» (Л. 5). Эмоциональное возражение вызвал фрагмент с описанием отделов в тетради: «Чем <объяснить — нрзб> — что заинтер<есовало> это, а не другое!» (Л. 6). Двумя линиями и ироническим вопросом на полях сопровождается предложение «С заднего интимного хода душа автора и душа коллектива должны быть совокуплены»: «а как может быть иначе?» (Л. 4). Приведенные пометы и записи сделаны чернилами и принадлежат одному человеку, в настоящее время они не атрибутированы. С большей долей вероятности можно говорить об авторстве одной пометы («?») и записи

на полях абзаца «Монтаж, собственно, и позволяет чуять автора...», сделанной, скорее всего, Г.З. Литвиным-Молотовым: «Удовл.».

Отсутствие двух прижизненных экземпляров машинописи «Фабрики литературы» позволяет высказать лишь предположение о других планируемых в 1926 г. публикациях. Не исключено, что именно о «Фабрике литературы» идет речь в письме Платонова редактору журнала «Красная новь» А.К. Воронскому от 27 июля 1926 г.: «Посылаю вам 4 стихотворения, 1 статью и 1 небольшой рассказ...» (*Письма*. С. 157). Статья «Фабрика литературы» вполне вписывалась в дискуссию, к которой приглашал писателей журнал, напечатав первую часть статьи В. Маяковского «Как делать стихи?». Публикация статьи (печаталась в журнале без вопросительного знака в заглавии) сопровождалась двумя примечаниями редколлегин; общим — «В порядке постановки и обсуждения вопроса» (*Кр. новь*. 1926. № 6. С. 204) и к ироническому заключению Маяковского по поводу «серьезного желания» современного писателя заниматься древнегреческим ремеслом: «Редакция решительно не согласна с выпадами В. Маяковского против классического искусства. Разоблачать их тоже не трудно» (Там же. С. 205). Платонов внимательно прочитал статью Маяковского, о чем свидетельствуют отсылки к ее тексту в «Фабрике литературы».

Не исключено, что Платонов мог предложить «Фабрику литературы» в готовящийся «Новый Леф» (летом 1926 г. о подготовке первого номера журнала не раз сообщали газеты, летом 1927 г. он встречается с В. Шкловским в работе над сценарием «Песчаная учительница») и в другие московские и ленинградские журналы («Жизнь искусства», «Молодая гвардия», «Новый мир», «Звезда»), где также были открыты «трибуны» для высказываний писателей по широкому спектру дискуссий 1926 г. — о литературе и быте, критике и писателе и т. п. Однако — ни один из журналов «Фабрику литературы» не опубликует ни в 1926-м, ни в 1927-м.

Сохранился лист с оглавлением книги рассказов Платонова «Потомки солнца», которая, судя по редакционной печати, 19 ноября 1926 г. была представлена в издательство «Земля и фабрика» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 47). Книга должна была открыться статьей «Фабрика литературы». Однако этот фактически первоначальный замысел напечатать статью в качестве авторского предисловия остался нереализованным.

Статья «Фабрика литературы» занимает ключевое место в литературном самоопределении Платонова. К 1926 г. у него уже был опыт участия в литературно-критических дискуссиях, в основном в воронежской периодике начала 1920-х гг.; в 1924 г. на страницах московского журнала «Октябрь мысли» он выступил рецензентом первых номеров журналов «Леф», «На посту», «Звезда» (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 259–269). Статьей «Фабрика литературы», написанной в первые месяцы московской жизни, приехавший в столицу производственник Платонов откликается на широкий круг вопросов строительства современной литературы, обсуждаемых в московских и ленинградских журналах и газетах. В самом названии статьи уже содержится переключка с вышедшей в июне 1926 г. книгой В. Шкловского «Третья фабрика». Воссозданный в «Третьей фабрике» портрет Платонова в целом вписывает-

ся в левовскую концепцию; инженер Платонов занимается конкретным делом — прочищает реки, борется с наступлением пустыни и, естественно, как настоящий производственник, не занимается ни «красным реставраторством», ни традиционным писательством: «Говорил Платонов о литературе, о Розанове, о том, что нельзя описывать закат и нельзя писать рассказов» (цит. по: Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...» Литературные мемуары. М., 2002. С. 371, 390). Платонов отвечает Шкловскому в рассказе «Антисексус» (см.: *Сочинения*, 1(1). С. 558–559; 568–569) и включает в общее идеологическое поле своей статьи ключевые положения «Третьей фабрики» о соотношении литературного и нелитературного ряда: «Искусство живет изменением сырья. Случайностью. Судьбой писателя» (Шкловский В. Указ. соч. С. 370), «Литература растет краем, вбирая в себя внеэстетический материал» (Там же. С. 375).

Слово «фабрика» — одно из любимых в словаре левовцев, конструктивистов и близких к ним критиков: «Фабрика оптимизма строится сейчас в России. Расчетливого, умного, рабочего оптимизма. Одно крыло фабрики — на свой страх и ответственность — сооружают футуристы. Это то крыло, где будет производиться для массового потребления оптимистическое искусство. Машинным способом производиться, лучшими техническими приемами» (Левидов М. О футуризме необходимая статья // Леф. 1923. № 2. С. 136); «От кондитерской лавочки к литературной фабрике — такова программа классово выдержанной пролетарской литературы» (Арватов Б. Литература и быт // Звезда. 1925. № 6. С. 318). Образное воплощение теории «производственничества» предложил Маяковский в стихотворении «Поэт рабочий» (1918): «Я тоже фабрика. / А если без труб, / то, / может, мне / без труб труднее» (Маяковский, 2. С. 18).

Статья представляет своеобразную энциклопедию литературного процесса середины 1920-х гг.; в ней нашли отражение практически все ключевые вопросы методологии новейшей литературы: учеба у классиков; психологизм; «производственничество»; монтаж; отношение к сказу; содержание и формы романа; образование Федерации объединений советских писателей; оплата труда литераторов; место рабселькоров в литературном процессе; роль и место критики в производстве новой литературы. «Фабрика литературы» является платоновской гипотезой-метафорой новой литературы как явления в единстве сущности и существования, содержания и формы. Расщепление этого тождества рождает эффект «намеренного стилистического гибрида» (выражение М. Бахтина) и несмешной пародии. Одновременно, при всей тотальной ироничности, в «Фабрике литературы» описаны некоторые важнейшие приемы работы самого Платонова с реальным материалом и «полуфабрикатами» (газетным и чужим текстом), нашли отражение вопросы и темы, в решении которых он сам принимал непосредственное участие. Собственные идеи, проекты и тексты также включены в общее пародийное поле производства новой литературы, описанное в статье. В 1931 г., отвечая на вопрос анкеты о его отношении к дискуссиям, Платонов сформулирует свое отношение к различным дискуссиям: «Слежу, но недостаточно. Меня интересует философия и политэкономия. Ознакомление с дискуссиями дает мне много

полезного и вредного. Напр., литературные дискуссии растрavляют иногда раны иронии» (Платонов А. Ответ на анкету «Какой нам нужен писатель» // *Воспоминания*. С. 287).

С. 361. *Искусство, как потение живому телу, как движение ветру, органически присуще жизни*. — Ср. в письме А.К. Воронскому от 27 июля 1926 г.: «Но пишу и думаю я еще более по количеству и еще более давно по времени, и это мое основное и телесное» (*Письма*. С. 157). Понятия «органичность» и «живая жизнь» являются базовыми в эстетике А. Воронского и группы «Перевал» (см. подробно: *Белая Г.* Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М., 1989. С. 169–177). Предложенное Платоновым понятие «органичности» напрямую восходит к «органической критике» Ап. Григорьева, актуализированной в русской литературе начала XX в. (в 1915–1916 гг. вышло собрание сочинений Ап. Григорьева в 14 выпусках); ср.: «Велико значение художества. Оно одно, не устану повторять я, вносит в мир новое, органическое, нужное жизни. Для того чтобы в мысль поверили, нужно, чтобы мысль приняла тело; и с другой стороны, мысль не может принять тело, если она не рождена, а сделана искусственно. <...> Художник прежде всего человек, т. е. существо из плоти и крови, потомок таких или других предков, сын известной эпохи, известной страны, известной местности страны...» (*Григорьев Ап.* Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства [1858] // *Григорьев Ап.* Апология почвенничества. М., 2008. С. 98).

Говорят — пиши крепче, большим полотном, покажи горячие недра строительства новой эпохи, нарисуй трансформацию быта, яви нам тип человека нового стиля с новым душевным и волевым оборудованием. — Ср. с началом статьи Б. Арватова: «“Пролетарский художник должен отражать быт своего класса” — так обычно формулируются задачи пролетарской художественной литературы. Эта формулировка включает в себя фактически решения не одной, а двух организационных задач: во-первых, определяются пути пролетарского искусства; во-вторых, указывается метод познавательной фиксации быта. Весьма возможно, что отражать быт надо, но также возможно, что это отражение отнюдь не должно составлять профессии пролетарского писателя...» (*Арватов Б.* Литература и быт. С. 309). С 1923 г. тема изображения нового быта в литературе приобрела статус государственного социального заказа, в газетах и журналах открываются специальные разделы для очерков и «путевых заметок», написанных в ходе поездок писателей по советской России: в «Красной нови» — раздел «От земли и городов» (здесь были напечатаны краеведческие заметки М. Пришвина, на которые Платонов откликнулся в рассказе 1926 г. «Демьян Фомич — мастер кожаного ходового устройства», см.: *Сочинения*, 1(1). С. 536–538), в «Новом мире» — «По Советской земле», в «Звезде» — «По СССР». В 1925–1926 гг. в критике разворачивались жаркие дискуссии о бытовизме и реализме, быте и фантастике, традициях бытописательства в русской классической и современной литературе (см.: *Белая Г.* Указ. соч. С. 178–189).

Среди ближайших адресатов полемического выпада Платонова можно назвать несколько. Наиболее близкий — «Кузница», с эстетическими уста-

новками которой он уже полемизировал в 1924 г. Платонов, по сути дела, резюмирует пространные рассуждения Г. Якубовского о задачах бытописательства; ср.: «...основная задача, стоящая перед писателем, это — внимательно подойти к быту как воспроизводству человека...»; «Многообразие жизни и сложность задач, стоящих перед современным пролетарским писателем, объединяются в работе целевым стержнем: не только преломлять жизнь, углублять родники быта, но и выявлять, подчеркивать ростки пробивающегося нового, — всего, что может быть ценным для строительства нового сознания»; «В связи с общей ролью идеологии в революции выдвигается строительство самосознания в целях нового синтеза, строительство в самом процессе творчества, иначе работа художника-аналитика сведется лишь к накоплению художественного материала, которым раньше или позже воспользуется художник-объединитель, синтезер. <...> Искусство объединения материала дается не всем, но так как художник по своей природе — конкретизатор общностей, поэтических единств, то ему необходимо более, чем кому-либо другому, помнить о деле синтеза художественного» (*Якубовский Г.* О производственном подходе к литературе. С. 152–153).

Не раз возвращается к теме изображения нового быта В. Шкловский на страницах «Третьей фабрики», называя ее одной из проторенных дорог современной литературы: «Есть путь — пойти описывать жизнь и добросовестно искать нового быта и правильного мировоззрения» (*Шкловский В.* Указ. соч. С. 369). Резко и определенно по отношению к современному бытописательству высказывался В. Маяковский, в том числе в статье «Как делать стихи?»: «...описанию, отображению действительности в поэзии нет самостоятельного места. Работа такая нужна, но она должна быть расцениваема как работа секретаря большого человеческого собрания. Это простое: “слушали — постановили”. В этом трагедия попутничества: и услышали пять лет спустя, и постановили поздновато, — когда уже остальные выполнили!» (*Кр. новь.* 1926. № 6. С. 207; *Маяковский, 12.* С. 86).

В 1926 г. широко обсуждалась статья М. Шагинян «Тревога» о глубинных мировоззренческо-идеологических болезнях современной литературы. По-лефовски обозначенная Платоновым тема отражения быта звучала у Шагинян в близких ему формулировках; ср.: «Революция, прежде всего, сдвинула вещи. Потом перемешала их. Потом наплодила множество новых. Отсюда необозримая новизна материала не только “поштучного”, но и “оптового”: изменились вещи, изменились и взаимоотношения их. Между тем художник остался тот же. Привыкнув к определенным навыкам, к оформлению через символ, к *просвечиванию* вещей, он сейчас ковыряет землю картонной лопатой. Произошел парадокс: ближе к революции оказались как раз писатели “старой школы”, кто был до революции консервативным элементом в искусстве, — бытописатели, натуралисты. Те же, кто шел в авангарде, кто уже не бытописал, а ставил проблемы, остались беспомощными перед новым материалом. Когда большой культурный писатель поднимает брови, удивляясь на наивное детское лопотанье молодой литературы, и про себя думает: “чего они носятся с такой трухой”, “у нас бы гимназисты писали лучше”, — он неправ. Гимназисты прошедшей эпохи (ибо она *прошла*) писали бы лучше,

но они писали бы ни для кого не нужно. Эти же *идут на приступ нового материала*. Поэтому любое сегодняшнее лопотанье неизмеримо труднее самого гладкого и безупречного формованья в прошлом, где мы работали на готовом. Итак, я поставил в необходимость овладения новым содержанием жизни, а способы и приемы моей профессиональной работы годятся не для “овладения новым”, а лишь для “уточнения старого”. Все равно, как если б я в рыцарском шлеме и с мечом должен был бы сражаться рядом с современным артиллеристом» (Россия. 1925. № 5. С. 171–172. Журнал входил в круг чтения Платонова).

Искренние литераторы отправляются в провинцию, на Урал, в Донбасс, на ирригационные работы в Туркестане, в совхозы сельтрестов, на гидроэлектрические силовые установки, наконец, просто становятся активистами жилищовариществ (для вникания в быт, в ремонт примусов, в антисанитарию квартир и характеров, в склочничество и т. д.). — Ряд «искренних литераторов» открывает Л. Рейснер, автор очерков о заводах Урала и Донбасса (Путевые заметки с Урала // *Кр. новь*. 1924. № 5–6, 8; книга «Уголь, железо и живые люди», 1925), а завершает сам Платонов, как автор очерка «Огни Волховстроя» (1924), написанного во время поездки на Волховскую гидроэлектростанцию. В августе 1925 г. губмилиоратор Платонов вновь командирован на работы Волховской гидроэлектрической силовой установки — «на предмет ознакомления с техническим исполнением работ» (*Сочинения*, 1(2). С. 481).

Следующий далее список бытовых тем имеет не только общелитературный, но и вполне конкретный адресат. Это материалы раздела «По Советскому Союзу» ленинградской вечерней «Красной газеты» за январь — июнь 1926 г.; об открытии данного раздела газета объявила 3 января (С. 6). Особое значение этого источника связано с личным участием Платонова в проекте ленинградской газеты. 10 и 13 апреля в разделе «По Советскому Союзу» была опубликована его «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)» (*Красная газета*. Веч. вып. 1926. 10 апр. С. 4; 13 апр. С. 4). Судя по финалу второго очерка — «Об уже идущем восстановлении черноземной области и ее людях — в следующем очерке» (Там же. 13 апр. С. 4), Платонов надеялся закрепиться в газете в качестве автора, но этого не случилось. Причины этого не известны, но очевидно, что Платонов ознакомился с напечатанными в разделе очерками. Публикуемые здесь корреспонденции можно свести к двум типам: чисто информационные сообщения с мест о тех или иных событиях, фактах жизни и писательские очерки, написанные в ходе командировки в тот или иной провинциальный город или регион страны. «Старое и новое» (название очерка Л. Рейснер; 15 и 17 апр.) в быту, обликах и жизни деревень, уездных и губернских городов — главная тема напечатанных в газете очерков столичных писателей (М. Шкапской, А. Яковлева, Л. Рейснер, О. Мандельштама) и провинциальных (сибиряки Г. Вяткин, Л. Пасынков, воронежец А. Платонов). В контексте публикаций «Красной газеты» язвительная характеристика писательских «*разъездных корреспонденций*» («*сантиментально, преувеличенно*») относится прежде всего к очеркам известной поэтессы начала XX в. М. Шкапской, главного специального кор-

респондента раздела «По Советскому Союзу». Перу Шкапской принадлежат циклы очерков «Письма из Белоруссии», очерков о поездках по Псковской, Новгородской губерниям и в Сибирь («Поезд в будущее»). Жанрово-стилевая палитра очерков Шкапской достаточно многообразна: лирическая эссе (история Полесья, пушкинских мест Псковской губернии), юмористические зарисовки явлений нового быта в провинциальных городах, реалистические заметки о «новых людях» провинции (учителях, врачах, агрономах и т. д.) и судьбах брошенных детей. Платонов весьма пристрастно выбрал из очерков Шкапской некоторые сюжеты: о жилищных товариществах («О жилтовариществах и базарной академии» — 27 апр. С. 4), о «санпросветительской работе» в деревне («Письма из Белоруссии» — 5 марта. С. 4), восторженное описание строительства первого завода в Полесье («Тыrsa» — 16 апр. С. 4), эпическое описание дороги переселенцев в Сибирь («За жирной землей» — 29 июня. С. 4). Двухчастная структура очерка самого Платонова (1 часть «Родина» — лирическая, с откровенными гоголевскими и есенинскими аллюзиями; 2 часть «Происхождение бедности» — аналитическая записка о современном экономическом состоянии области и планах ее развития) коррелирует с общей моделью очерка этого времени («Старое и новое»), а также с лирическим и производственным планом содержания «Фабрики литературы».

Получаются разъездные корреспонденции, а не художество. — В ЧА: «...разъездные корреспонденции, [интересные для алданцев, / если они написаны <для> людей, не понимающих смысла в] а не художество» (Л. 1). Алданцы — имеются в виду участники якутской экспедиции в район реки Алдан, где в 1923 г. были открыты богатые месторождения золота. Экспедиция на Алдан упоминается в «Третьей фабрике» Шкловского (Указ. соч. С. 374).

Получается субъективное философствование «по поводу», а не сечение живого по «АВ» с проекцией плоскости сечения в неминуемую судьбу этого «живого». А чтобы сечь живое, нужно его иметь, и иметь не в себе (в себе имеешь одного себя), а перед собой. — Платонов напряженно работал над этим фрагментом в ЧА: «Пишет [человек] писатель [о жизни,] о людях, сто лет добывающих уголь, и как этот уголь и его добыча корректируют душу горняка — и что из этого получается. [Для всех это интересно, — редко интересно, кто жжёт уголь, а не добывает его, — мало интересно для] [Сам писатель из интеллигентов (зачитывался в свое время Шибышевским, или из военных,)] Роман получается произведением механика по ботанике, как ни надувался писатель. Другой писатель хитрее: выводит полужнакомую среду технической интеллигенции и страстных женщин из народа, женщин прямого действия и мужественного характера. Получается половое упоение в духе эпохи и, кроме того, как побочный продукт, психологический [процесс] акт вытеснения авторского контрреволюционного настроения, от которого автор избавляется со всей страстью и волей значительного таланта» (Л. 1 об.). Приведенный фрагмент позволяет атрибутировать некоторых авторов и произведения, о которых столь нелицеприятно решил высказаться Платонов. Это «Путевые заметки с Урала» Л. Рейснер (Кр. новь. 1924. № 6. С. 269–280) и «Цемент» (Там же. 1925. № 1–2, 5–6) Ф. Гладко-

ва. Творческая деятельность обоих писателей началась до революции, поэтому симптоматично упоминание широко издаваемого в России в начале XX в. польского прозаика С. Пшибышевского, оказавшего влияние на обоих внешне столь не похожих прозаиков. Первым произведением Л. Рейснер была пьеса «Атлантида» (альманах «Шиповник», 1913) — вещь с мифологическим сюжетом (о юноше, обреченном на смерть и смертью своей спасающем человечество от гибели), выдержанная в абстрактно-символической, экзальтированной стилистике, характерной для прозы и драматургии Пшибышевского. Эстетика группы «Кузница», которую возглавлял в это время Гладков и литературным памятником которой является роман «Цемент», складывалась под влиянием русского и европейского экспрессионизма, к которому принадлежал Пшибышевский. Как в Даше Чумаловой, главной лирической героине романа «Цемент», так и в легендарной фигуре самой Ларисы Рейснер, Платонов, очевидно, увидел отражение основных черт героев романов Пшибышевского («Ното sapiens», «Дети сатаны»): болезненное подсознательное, экстатический эротизм, фатальное половое влечение, ницшеанское декадентство и одержимость революционными идеями. В 1926 г. о Пшибышевском как «провозгласителе новой безытной литературы» и его героях-борцах со старым бытом напомнил А. Белый в статье «Литература и недра быта», настаивая, что проза Н. Гоголя и Л. Толстого сильна погружением в «недра быта» и открытиями фантастических образов быта (*Белый А. Дневник писателя. Литература и недра быта // Новая Россия. 1926. № 3. С. 80–82*). Платонов отказывается от этого фрагмента, возможно, не желая вносить ненужные интонации (о жестокости «валькирии революции» и ее божественном образе жизни хорошо знали ее современники) в образ Л. Рейснер, канонизированный уже в первые месяцы после ее смерти в многочисленных некрологах (см.: *Кольцов М. Милый спутник // 30 дней. 1926. № 3. С. 7; Сосновский Л. Памяти собрата // Жизнь искусства. 1926. № 7. С. 2–3; Смирнов Н. Памяти Ларисы Рейснер // НМ. 1926. № 3. С. 145–151* и др.).

В тексте *БА*, представляющем философско-математическую формулу, предложен классический инструментарий для рассмотрения современного текста о «живом человеке», с его обостренным вниманием к подсознательному и формам его преодоления: закон «золотого сечения» (другие описания и названия — гармоническое деление, золотая пропорция, «божественная пропорция», золотая середина). При делении целого на две неравные части возможно множество отношений между целым и одной из его частей, а также между самими частями целого, но только в единственном случае эти отношения могут быть равными. Этот случай и представляет собой закон «золотого сечения» — высшее проявление структурного и функционального совершенства целого и его частей, когда целое относится к большей части, как большая часть — к меньшей. Принцип «золотого сечения», известный с античных времен, определялся через математическую формулу: отношение суммы двух величин ($a + b$) к большей (a) из них равно отношению большей величины к меньшей ($a : b$). Общепринято суждение, что объекты культуры, содержащие в себе «золотое сечение», «золотые пропорции», воспринимаются людьми как наиболее гармоничные. Начиная с Леонардо да Винчи,

многие художники сознательно использовали пропорции «золотого сечения». К XX в. был накоплен большой опыт осмысления закона «золотого сечения» в живописи и архитектуре, с началом нового века «золотое сечение» открывают в классической музыке и поэзии, а в 1920-е гг. — в киноискусстве. Не исключено, что Платонов был знаком с выступлениями и статьями известного музыковеда и композитора Э.К. Розенова, посвященными изучению закона «золотого сечения» в народной, классической музыке, фольклоре и европейской и русской поэзии (см.: Закон золотого сечения в поэзии и музыке // Сборник работ по физиолого-психологической секции. М., 1925. Вып. 1; Творческие достижения Бетховена в области музыкальной формы // Музыка и революция. 1927. № 3. С. 24–27; Новое в учении о гармонии // Там же. 1927. № 9. С. 26–28). Закон «золотого сечения» упоминается в романе «Счастливая Москва».

С. 362. *Современные литературные сочинения имеют два вида: либо это диалектика авторской души в социальной оправе (по-моему, Бабель, Сейфуллина и нек. др.)... — Ср. с формулировкой Б. Арватова: «...всякое художественное произведение (хотя бы это был т. н. “натуралистический роман”) представляет собою субъективную комбинацию выдуманных фактов. Писатель-художник не изображает действительные события, а изобретает, фантазирует, и в этом именно весь смысл его творчества. Он создает якобы существующие миры, внешне похожие или не похожие на мир реальный, но всегда и во всяком произведении — противопоставленные действительности» (Арватов Б. Литература и быт. С. 309).*

Платонов следил за дискуссией о «Конармии» И. Бабеля, о чем свидетельствует круг чтения героя рассказ «Лунные изыскания» Крейцкопфа, в который входит некое «исследование Кеггерта» под названием «Бабье в Бабеле» (намек на статью С. Буденного «Бабизм Бабеля из “Красной нови”»; см.: *Сочинения*, 1(1). С. 115, 546). Претензии к «Конармии» Бабеля, высказанные командующим конным корпусом Буденным, освободившим осенью 1919 г. родной город Платонова Воронеж, были ему близки и отчасти корреспондировали с арватовскими оценками «художника-изобразителя». Буденный утверждал, что Бабель «рассказывает нам про Красную Армию бабьи сплетни», «выдумывает небылицы», «фантазирует», искажает историческую правду, потому что не владеет «диалектикой» истории: «Для того, чтобы описать героическую, небывалую еще в истории человечества борьбу классов, нужно прежде всего понимать сущность этой борьбы и природу классов, то есть быть диалектиком, быть марксистом-художником» (Октябрь. 1924. № 3. С. 196–197).

С дискуссии о «Конармии» 1924 г. фактически началось обсуждение большого круга проблематики изображения Гражданской войны в советской прозе: «факта» и «образа», «документа» и «вымысла», исторической и художественной правды. В дискуссиях о путях развития современной прозы 1925–1926 гг. имена И. Бабеля (1894–1940) и Л. Сейфуллиной (1899–1954) чаще всего противопоставлялись. В полемике 1925 г. между главным теоретиком «Кузницы» Г. Якубовским и критиками «Перевала» (А. Воронским, А. Лежневым) о прозе Сейфуллиной был затронут целый ряд вопросов ху-

дожественной методологии рожденной революцией литературы. Перевалцы художественное дарование Сейфуллиной возводили к традиции толстовского реалистического письма, а оригинальность видели в том, что она пишет, как писала бы послеоктябрьская женщина-крестьянка новой деревни: писательница смотрит на «деревню глазами деревенской простонародной женщины, как сестра, как дочь Сафронов» (Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., 1982. С. 191). Якубовский оппонировал жестко («Бедный Толстой!»), «дамский романтизм» сейфуллинской Виринеи считал литературной подделкой, восходящей к целому ряду явлений литературы начала XX в.: горьковской Мальве («Виринея это Мальва, эволюционировавшая в сторону большевизма»), «народнической лирике» и увлечению Сейфуллиной романами Л. Чарской, А. Вербицкой и М. Арцыбашева (Якубовский Г. Сочинения Л. Сейфуллиной и ее критики // *НМ*. 1925. № 12. С. 140–147). На развернувшуюся между перевальцами и кузнецами полемику откликнулся сменовеховская «Россия», предложив параллель Бабель — Сейфуллина: Бабель — как «писатель» и Сейфуллина — как «не писательница, а описательница» (Письма о современной литературе. Двуликий Янус (Бабель и Сейфуллина) // *Россия*. 1925. № 5. С. 292–293. Подпись: *Стрелец*). Исползованием толстовской «диалектики души» Платоновым обыгрывается литературная концепция Воронского, изложенная в его статьях о Бабеле и Сейфуллиной (они печатались вместе в общей рубрике «Литературные силуэты» в № 5 «Красной нови» за 1924 г.: «I. Бабель. II. Сейфуллина»); обе статьи начинались с обращения критика к наследию Л. Толстого; подчеркивалось, что и Бабель, и Сейфуллина — писатели со своим «нутром»; оба избежали идеологических и иных грехов областничества: «Бабель не областник» (Воронский А. Избранные статьи о литературе. С. 174); областной сибирский колорит в произведениях Сейфуллиной ограничен самой темой — бытописание и не «деревни вообще», и не «сибирского или оренбургского мужика, а деревенской бедноты» (Там же. С. 188, 191).

...либо одни честные натужения на действительно социальный роман (диалектика событий)... — Отклик на идущие дискуссии о современном романе. Главным социальным романом в 1926 г. критикой разных направлений был признан роман Ф. Гладкова «Цемент». Один из ведущих критиков «Перевала» Д. Горбов утверждал, что «Цемент» свидетельствует о том, что «молодая советская литература выросла до произведений большого стиля» не только по охвату сложнейших жизненных вопросов «восстановительного периода», но и их художественному воплощению — через «раскрытие *внутренней трагедии общественного человека*» (Горбов Д. Итоги литературного года // *НМ*. 1925. № 12. С. 129–131). Г. Якубовский вписывал «Цемент» в новое художественное направление прозаиков «революционно-реальной школы»: «Производство и труд после революции находят художественное отражение едва ли не впервые в романе “Цемент”: восстановление завода, картины рабочей жизни, производственный подъем, организационная работа являются главными движущими пружинами романа. В этой области работа только начинается, и перед писателями стоит задача установления связи с производством, развитие в литературе здорового трудового *рабочего техни-*

цизма, выявление служебной роли машины в отличие от футуристической игры в производство и технику» (Якубовский Г. О производственном подходе к литературе. С. 150). Платонов также был знаком с материалами широкой дискуссии о «Цементе» на страницах журнала «На литературном посту», в которой приняли участие ведущие критики: П. Коган (№ 1), О. Брик (№ 2), В. Вешнев (№ 3), И. Банк (№ 4), некто подписавшийся «Старый коммунист» (№ 4), В. Лебедев-Полянский (№ 5–6) и во многом солидаризовался с позицией левовца О. Брика, утверждавшего, что и тема строительства завода (линия Глеба Чумалова), и «нового быта» (Даша Чумалова) не раскрыты в романе, а втиснуты «в готовый штамп», а выбранная форма «задушила тему»: «Получился Глеб-Ахиллес, Глеб-Роланд, Глеб-Илья Муромец, но Глеба Чумалова не получилось»; «Ему надо дать стопроцентную пролетарку-героиню, Жанну д'Арк, и Даша Чумалова его ни в коей мере не интересует» (Брик О. Почему понравился «Цемент» // На литературном посту. 1926. № 2. С. 30–32).

...и так сделать, чтобы люди сказали: вот молодец, хорошо изготовил автобус, лучше Лейланда! — Речь идет об автобусах старшей английской компании «Лейланд мотор» («Leyland Motor»), закупленных в 1924 г. Московским отделом жилищно-коммунального хозяйства и открывших первое регулярное автобусное сообщение от Каланчевской площади до Тверской заставы. Закупались автобусы и других зарубежных компаний («Рено», «Форд»), но в значительно меньшем количестве, чем «Лейланд». До 1924 г. по Москве курсировали самодельные автобусы, переделанные из грузовиков. Первые отечественные автобусы (производство Ярославского автозавода) появились только в 1929 г. (подробно см.: Тархов С.А. Городской пассажирский транспорт Москвы. Краткий исторический очерк к 125-летию возникновения. М., 1997. С. 52–55).

Конечно, сейчас пишут о слесарях, а не о сыновьях королей, но это, т. ск., «количественный» признак, а не качественный... — Платонов хорошо знал работы формалистов и левовцев, разделял постановку ими проблемы массового эпигонства, опоязовскую концепцию литературной эволюции, обновления языка литературы (см. его рецензию на журнал «Леф»: Сочинения, 1(2). С. 259–262, 439–448). Тема литературного новаторства является центральной в статье Маяковского «Как делать стихи?»: «Новизна в поэтическом произведении обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающих поэту, должен быть переработан. Если для делания стиха пошел старый словесный хлам, он должен быть в строгом соответствии с количеством нового материала. От количества и качества этого нового будет зависеть — годен ли будет такой сплав в употребление» (Кр. новь. 1926. № 6. С. 207; Маяковский, 12. С. 85–86.).

Литераторы до сих пор самолично делают автомобили, забыв, что есть Форд и Ситроен. — Имеются в виду крупнейшие автомобильные компании, созданные американцем Генри Фордом (в 1903) и французом Андре Ситроеном (в 1919). Форд являлся практиком и теоретиком новых методов хозяйствования и организации труда, идеологом полного цикла производства автомобилей; уже в 1910-е гг. внедрил в производство сборочный конвей-

ер. В связи с принятым курсом индустриализации страны на страницах газет в 1926–1927 гг. разворачиваются дискуссии о Форде, «фордизме» и социалистической индустриализации. Платонову-инженеру были близки многие идеи американского промышленника: отзыв Форда появляется в рассказе «Антисексус» (см.: *Сочинения*, 1(1). С. 131–132), фордовские идеи механизации тяжелого физического труда разделяет герой повести «Сокровенный человек» (см. примеч. к повести «Сокровенный человек», с. 636 наст. изд.). Ситроен был последователем Форда, по его примеру ставил задачу наладить производство надежного и недорогого автомобиля.

Шпенглера у нас не любят (и есть за что), но в одном он был прав: в сравнении количества ума и знания, циркулирующего на собрании промышленников и на собрании литераторов, — в сравнении не в пользу литераторов. — Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ-культуролог, автор книги «Закат Европы», идеи которой широко обсуждались в советской России в начале 1920-х гг. В 1923 г. Платонов посвятит дискуссии о «Закате Европы» статью «Симфония сознания (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)» (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 221–226, 398–409), текст которой использован им в работе над повестью «Эфирный тракт» при написании истории погибшей культуры Аюны. Имя Шпенглера и «российских шпенглеристов» (русских религиозных философов, авторов книги «Освальд Шпенглер и Закат Европы», и их последователей) широко использовалось в советской критике 1920-х гг. как синоним чуждой идеологии и антимарксистского мировоззрения: «Шпенглер — настоящий идеолог империализма, в полном смысле этого слова» (*Пятаков Г.* Философия современного империализма (Этюд о Шпенлере) // *Кр. новь*. 1922. № 3. С. 183); «Шпенглер и шпенглерянство вряд ли опомнятся, — их гибель неизбежна» (*Бобров С.* Контуженный разум // Там же. С. 241); «Мир развивается не по Шпенглеру, а по Марксу» (*Воронский А.* О хлесткой фразе и классиках (К вопросу о наших литературных разногласиях) // *Прожектор*. 1923. № 12; *Воронский А.* Избранные статьи о литературе. С. 295). По Шпенглеру, «современность есть фаза цивилизации, а не культуры», современная западная культура исчерпала себя, будущее — за цивилизацией, где доминирует прагматическое инженерно-техническое мировоззрение, сменившее прежнюю «душу культуры» с ее классическими текстами и литературными формами. Шпенглер весьма иронично отзывался о современных творцах культуры: «...было бы благоразумнее стать плантатором, или инженером, чем-нибудь настоящим и подлинным, вместо того, чтобы пережевывать затасканные темы, под предлогом “новейшего подъема философского мышления”, или лучше построить мотор для летательного аппарата, чем новую и столь же излишнюю теорию апперцепции. <...> За поразительно ясные, высоко интеллектуальные формы быстроеходного парохода и сталелитейного завода, машины для изготовления предметов, требующих точности, за тонкость и элегантность иных химических и оптических приемов я отдам всю стильную чепуху современной художественной промышленности, с живописью и архитектурой в придачу» (*Шпенглер О.* Закат Европы. М.; Пг., 1923. Т. 1. Образ и действительность / пер. Н.Ф. Гарелина. С. 44–45).

Идеи Шпенглера о наступлении эпохи цивилизации были по-своему интегрированы в различные теории «нового искусства» первого советского десятилетия, прежде всего в «производственничество» Пролеткульта, Лефа и конструктивистов. С утверждением курса на индустриализацию страны (1925) инженеру отводилась ведущая роль в промышленности. Выступая в 1926 г. на съезде Всероссийской ассоциации инженеров, председатель Госплана СССР Г. Кржижановский, чтобы подчеркнуть значение фигуры инженера, использовал шпенглеровскую оппозицию, отмеченную Платоновым; ср.: «Вероятно, вы со мной согласитесь, что есть громадная разница между юристами и инженерами. Я не хочу обидеть юристов, но есть разница в самом типе, который воспитывает техническое образование, техническая работа. <...> Никакая учеба книжного характера, никакая словесность не дадут того, что дает техническая практика. Ваши познания взвешиваются на практическом опыте борьбы с материалами, с природой. Эта борьба и является решающим началом, определяющим все ваше значение в общественности» (Вестник инженеров. Научно-технический орган Всероссийской ассоциации инженеров. 1926. № 12. С. 531). Среди адресатов данного тезиса угадывается также Маяковский; ср. в стихотворении «Поэт рабочий» (1918): «Кто выше — поэт / или техник, / который / ведет людей к вещественной выгоде? / Оба. / Сердца — такие ж моторы. / Душа — такой же хитрый двигатель. / Мы равные» (*Маяковский*, 2. С. 19).

С. 363. *Надо изобретать не только романы, но и методы их изготовления.* — Отсылка к В. Шкловскому как теоретику, критику и автору трех автобиографических произведений («Сентиментальное путешествие», «ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза», «Третья фабрика»), объединенных сквозной теоретико-критической метатемой формалистов — конструкции текста как суммы приемов («как сделан»), отношения литературного и вне-литературного рядов, материала и приема, литературы и истории. Мотив «разглядывания» и рефлексии над делаемым и сделанным текстом является сквозным в прозе Шкловского. Маяковский в статье «Как делать стихи?» отмечал, что «старые руководства к писанию стихов» не годятся для решения новых тем: «Правильно эти книги называть не “как писать”, а “как писали”» (*Кр. новь*. 1926. № 6. С. 208; *Маяковский*, 12. С. 86).

Вот был Фурманов, жила Рейснер — они правильно прощупывали то, что должно быть ~ Фурманов был военным политработником, Рейснер революционеркой, странницей, а потом они уже были писателями. — *Фурманов* Дмитрий Андреевич (7.11.1891–15.03.1926) — военный и политический деятель, прозаик, активный участник пролетарского литературного движения 1923–1925 гг., ответственный секретарь МАПП, член правления ВАПП. Документально-художественные произведения *Фурманова* — повести «Красный десант» (1922), «Чапаев» (1923) и «Мятеж» (1925) написаны на основе его военного опыта Гражданской войны: комиссар 25-й Чапаевской дивизии, уполномоченный Реввоенсовета Туркестанского фронта, комиссар красного десанта на Кубани, начальник политотдела 9-й Кубанской армии, редактор газеты «Красный воин» (орган 11-й Кавказской армии); награжден орденом Красного Знамени. Критика отнесла произведения *Фурманова* к жанру «художественного» дневника: «Это художественно-обработанные днев-

ники событий, записанных их активным участником» (*Ревякин А. Пролетарский художник-мемуарист Д.А. Фурманов // М. зв. 1926. № 5. С. 178*). В некрологе, написанном прозаиком И. Евдокимовым, отмечалось, что Фурманов был недоволен художественным уровнем написанных им повестей: «И самое тягостное в этой смерти то, что она отняла у советской литературы, может быть, будущего подлинного художника, а не того публициста-мемуариста, какой уже был достаточно популярен и известен читателю. <...> переделка “Чапаева” скрупулезная, почти заново. Надо задуматься над значительностью этого факта: “Чапаев” разошелся в сотнях тысяч экземпляров, автор “захвален”, “горячие критические головы” возвели произведение в “перл создания”, а сам автор мучительно работает над каждой строкой, пишет заново “знаменитую” книгу, строит планы переделок “Мятежа” и обдумывает большую эпопею гражданской войны, которую намеревается “сделать” исключительно в художественном плане с вымышленными героями и героинями, отказываясь от мемуарного метода, за который его больше всего превозносили. Смерть унесла от нас художника» (*Кр. новь. 1926. № 4. С. 225–226*). В № 3 журнала «Молодая гвардия», открывающегося сообщением о смерти Фурманова, печатался его рассказ «Степь», с подзаголовком «Окончательно переработанная глава из романа “Чапаев”» (С. 87).

Рейснер Лариса Михайловна (13.05.1895–9.02.1926) — политический деятель, поэт, прозаик, публицист. Активный участник литературной жизни дореволюционного Петербурга, редактор либерально-демократического журнала «Рудин» (1915–1916). С революцией 1917 г. начинается новая героическая биография Л. Рейснер, ставшей символом «женщины русской революции»: флаг-секретарь командующего флотилией, комиссар Генерального штаба Военно-Морского флота РСФСР; с 1921 г. находилась в Афганистане в составе советского представительства, которое возглавлял ее муж Ф. Раскольников; осенью 1923 г. как спецкорреспондент «Известий» вместе с К. Радеком едет в охваченную революцией Германию; в 1924 г. совершает поездки на заводы и шахты Урала и Донбасса, изучает рабочую психологию; одной из первых включается в дискуссию о литературе и критике 1926 г. Написанные по горячим следам событий репортажи и документально-биографические очерки печатались в газетах и журналах, а затем выходили отдельными книгами: «Фронт» (1924), «Афганистан» (1925), «Гамбург на баррикадах» (1925), «Уголь, железо и живые люди» (1925). См. некролог: «Лариса Рейснер ненавидела мещанство, где бы оно ни встречалось. Она не умела обраться, оседать, она не любила вращаться в тихие и нудные будни <...> Оттого, может быть, она так любила странствовать, путешествовать, бывать в новых и новых краях» (*Кр. новь. 1926. № 2. С. 236*).

Чехов имел приемником жизни записную книжку... — Записные книжки А.П. Чехова печатались с 1914 г. в разных изданиях; включены в 23 т. первого Полного собрания сочинений (1916) и изданного в 1918 г. в Петрограде; отдельным изданием «Записные книжки А.П. Чехова» вышли в 1927 г. О записных книжках Чехова в 1910-е гг. писали известные критики — А.Г. Горнфельд, К.И. Чуковский и др. (см.: *Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М., 1980. Т. 17. С. 244–245*). Чехов как автор рассказов в тонких сатирических журналах конца XIX — начала XX в. («Будильник»,

«Стрекоза», «Осколки», Зритель» и др.) упоминается в рассказе Платонова «Немые тайны морских глубин» (1923): «Из русских и зарубежных писателей любил он больше всего А. Леваду и Старого Френча, писавших сочинения своего произведения в газете “Репейник”, ибо они были похожи на Чехова, единственного умного человека из русских сочинителей, как полагал Чепцов» (*Сочинения*, 1(1). С. 229). В 1920-е гг. литературные дискуссии в основном разворачивались вокруг драматургического наследия писателя; имя Чехова практически не упоминается при обсуждении путей развития современной русской прозы. Платонов в пору написания статьи «Фабрика литературы» был знаком с высказываниями В. Шкловского о Чехове. В статье Шкловского «Розанов» (1921) имя Чехова возникает среди создателей «новых форм взамен старого искусства»: «Блок канонизирует темы и темпы “цыганского романа”, а Чехов вводит “Будильник” в русскую литературу» (цит. по: *Шкловский В. Гамбургский счет* / сост. А.Ю. Галушкина и А.П. Чудакова. М., 1990. С. 121). Записная книжка Чехова упоминается в статье Шкловского «Новый Горький», опубликованной в сменовеховском журнале «Россия» (1924. № 2. С. 192–206). О знакомстве Платонова с этой статьей свидетельствует «отзыв» Шкловского в рассказе «Антисексус», который начинается с фразы «Женщины проходят, как прошли крестовые походы» (*Сочинения*, 1(1). С. 136), отсылающей к началу статьи «Новый Горький» и представляющей вольный пересказ записи в «Уединенном» Розанова: «Газеты когда-нибудь пройдут, как “прошли” крестовые походы», — писал В. Розанов» (Россия. 1924. № 2. С. 192). Высказывание о записной книжке Чехова встроено Шкловским в общую его концепцию о путях обновления повествовательных форм: «Я думаю, что многие читали записную книжку Чехова. Это веселая, прекрасная, умная и талантливая книга. В ней Чехов производит эксперименты, заготавливает материал для будущих вещей. Современный писатель не написал бы многих рассказов Чехова, но, наверное, напечатал бы его записную книжку. Роли корешков и вершков перемешались, медведь опять обманут, формы искусства проходят, как Крестовые походы» (Там же. С. 195). В этом же направлении выдержано упоминание о Чехове в статье «Андрей Белый» (впервые: *Русский современник*. 1924. № 2. С. 231–245): «В руках писателя — выбор фактов. Например, Чехов при жизни не напечатал своих записных книжек, для нас же они интересны сами по себе, не только как ключ к “творческому пути Чехова”. Теперь же Горький свои “записные книжки” печатает, а вот повести Чехова нам скучноваты» (*Шкловский В. Гамбургский счет*. С. 235).

...Пушкин работал в архивах... — Имеется в виду работа А.С. Пушкина над «Историей Петра» и «Историей Пугачевского бунта», связанная с собиранием документальных источников эпохи Петра I и восстания Емельяна Пугачева. Центральное место в этой работе Пушкин отводил изучению архивных материалов, знакомство с которыми началось в 1831 г. и продолжалось до конца жизни. История занятий Пушкина в архивах (столичных и провинциальных) широко освещалась в исследованиях и публикациях пушкинистов первых десятилетий XX в.

...Франс проповедовал ножницы вместо пера... — Французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1921 г. Анатолий Франс

(1844–1924) одним из первых приветствовал Октябрьскую революцию; широко издавался и пропагандировался в СССР. К годовщине смерти писателя в советской России вышли несколько новых изданий его прозы и публицистики, а также воспоминания о писателе (см.: *Франс А.* К лучшим временам / пер. с фр. П. С. Нейман. М., 1925; *Беседы Анатоля Франса, собранные Полем Гзеллем.* Пг.; М.: Госиздат, 1925; *Сегюр И.* Разговоры с Анатолем Франсом. Л., 1925; *Марсель де Гофф.* Анатоль Франс в годы 1914–1924. Беседы и воспоминания. Л., 1925; *Мысли Анатоля Франса / собрали Мод Лоссель и Рене Леду-Лебар / пер. И. Оксенова.* Л., 1926 и др.). В библиотеке Платонова хранятся три книги А. Франса: «Дело уличного торговца» (Пг.: Всемирная литература, 1919); «Последние страницы» (Л.; М.: Петроград, <1926>), «Последние страницы» (М.: Огонек, 1926) (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 298, 299, 300).

Информацию о творческой мастерской Франса Платонов мог почерпнуть из книги «Анатоль Франс в туфлях и халате» (1925) личного секретаря писателя Ж.Ж. Бруссона. В предисловии к русскому переводу книги, написанном одним из переводчиков, отмечалось: «На войне колючую проволоку режут ножницами. Франс тоже привык орудовать ножницами, кромсая свои корректуры в поисках стилистического совершенства» (*Бруссон Ж.Ж.* Анатоль Франс в туфлях и халате. Заметки личного секретаря / пер. с фр. А.А. Поляк и П.К. Губера. Л.; М., 1925. С. 5). В главе «Ножницы» рассказывается о том, как работал Франс над текстом, приводятся вдохновенные монологи писателя о пользе ножниц: «Не нужно отказываться от своих слов. Раз я его поместил — у меня были достаточные для этого основания; оно становится скучным при повторении только потому, что оно не на месте. Сохраняйте слово, переместите фразу. Пустите в ход ножницы. А! Ножницы! Их надо было бы воспеть! Писателя изображают всегда с гусиным пером в руках — это его оружие, его герб. Я бы хотел, чтобы меня изобразили с ножницами, которыми я оперирую, как заправская портниха. <...> Это урок смирения. В пылу творчества — он очень мал у меня и его еле хватает, чтобы поддерживать мой горшок в состоянии кипения — в пылу творчества, говорю я, поневоле увлекаешься поэтическими красотоми; сосеешь свою фразу, как конфету; захлебываешься словами. Кончаешь тем, что одурманиваешь сам себя; не можешь отличить верное от неверного, естественное от надуманного. Но потом, в спокойном состоянии, ножницы производят спасительную операцию; они удаляют все случайное, все ненужное и оставляют только здоровое. Это жестокая, но необходимая операция. Еще один недостаток: писатель обыкновенно пишет согласно своему особому ритму, а также согласно обычному формату своей бумаги. Так, например, по одному соотношению красных строчек в сочинениях автора я могу вам сказать, здоровое ли дыхание у него, или он страдает астмой; причудливый ли, или спокойный у него характер; я вам определю формат листов бумаги, которой он обычно пользуется. Как ни говори, а материя господствует над духом. Мы рабы формата. Еще со времен колледжа у нас сохраняется привычка исписывать страницы целиком; получаются однообразные квадраты мрачной мозаики. Ножницы! Ножницы! Изменим этот произвольный, механический порядок» (Там же. С. 60–61). Значению опыта Франса для современной советской ли-

тературы посвящена статья Ф. Жица, во многом являющаяся развернутым отзывом на книгу Бруссона (не исключено, что именно эта статья читалась Платоновым): «Заслуживают исключительного внимания слова Анатоля Франса о творческих процессах, о которых так много (слишком много!) дискусируют у нас в России. Особенно следует их запомнить тем молодым людям из “литературных инкубаторов”, которые полагают, что достаточно обложить себя книгами формалистов, чтобы сделаться хорошим поэтом или хорошим беллетристом. Будучи тонким, искусным энциклопедистом, Анатоль Франс, тем не менее, не преувеличивает знаний *теории* для плодотворных успехов в искусстве. Для поэтического творчества недостаточно *знать*, надо *чувствовать* материал. Там, где нет стихийного, органического горения, не может быть зародыша произведений искусства. <...> С точки зрения выше указанных положений далеко не безупречна литература наших дней. Старомодной колымагой тащится она по вязкой дороге обывательской *медлительности*, скуки, корявой бесстильности, нудная, как катехизис. Для ее омоложения предлагают много средств. Я рекомендую нашим писателям в данном случае не пренебречь мудрыми советами Анатоля Франса. В *общем* мысли Франса в книге Бруссона блестящи, глубоки и парадоксальны. <...> Франс никуда никого не зовет, никаких горизонтов не открывает. Он, как хороший вентилятор, лишь проветривает человеческие мысли, изгоняя отсюда ханжество и рабство. От его скептицизма веет освежительной прохладой. А от стиля Франса — от одежд его мысли — дышит тем высоким мастерством, которое само по себе дает уже высокое и незабываемое наслаждение» (Жиц Ф. Об Анатоле Франсе // *Кр. новь*. 1925. № 4. С. 287–288).

...Шекспир (несомненно, не актер Шекспир, а лорд Ретленд) широко пользовался мемуарами своего родного круга — аристократии. — В ЧА: «...Шекспир, несомненно, не актер Шекспир, а [придворный] лорд Бэкон) писал о страстях [своей души, литературно оформляя это] души своей и современников, литературно оформляя это посредством почти действительных событий аристократии, которые он <1 слово нрзб>, как аристократ, знал» (Л. 4). Лорд Бэкон из черного автографа переходит в белой. Читавший статью в рукописи редактор (скорее всего, это Г.З. Литвин-Молотов) зачеркивает (красным карандашом) имя Бэкона, и вместо него Платонов вписывает «Ретленд» (Л. 20 об.), не обращая внимания на необходимость исправить титул. Этот фрагмент является откликом Платонова на широко обсуждаемую с 50-х гг. XIX в. тему авторства Шекспира. Сначала в качестве автора шекспировских текстов называли лорда Бэкона (см. статью «Шекспир-Бэконовский вопрос» // *ЭСБЕ*, 78. С. 601–603). В 1910-е гг. была выдвинута новая гипотеза. Доказывалось, что авторство актера В. Шекспира — есть великий историко-литературный обман, мистификация, инициированная настоящим автором — графом Роджером Ретлендом. Тема авторства Шекспира широко обсуждалась в русской критике 1910–1920-х гг. Этой теме посвящены книги Ф. Шипулинского «Шекспир — граф Рэтленд. Трехвековая конспиративная тайна истории» (М., 1924), В.М. Фриче «Шекспир» (М., 1926), статьи в журналах (см.: *Державин К.* Утаенный поэт (Шекспировская легенда) // *Звезда*. 1926. № 3. С. 239–246; *Смирнов Н.* Из литературы о Шекспире // *НМ*. 1926. № 10. С. 166–169).

С. 364. Современный литератор преимущественно пользуется социальным сырьем, изредка полуфабрикатом. Что такое «полуфабрикат»? — Фрагмент о роли «полуфабриката» в создании текста написан под впечатлением от статьи «Как делать стихи?» — размышлений Маяковского о «заготовках» и значении записной книжки с «заготовками»: «Хорошую поэтическую вещь можно сделать к сроку, только имея большой запас предварительных поэтических заготовок. <...> Все эти заготовки сложены в голове, особенно трудные записаны. Способ грядущего их применения мне неведом, но я знаю, что применено будет все. На эти заготовки у меня уходит все мое время. Я трачу на них от 10 до 18 часов в сутки и почти всегда что-нибудь бормочу. <...> Эта “записная книжка” — одно из главных условий для делания настоящей вещи. У начинающих поэтов эта книжка, естественно, отсутствует, отсутствует практика и опыт. Сделанные строки редки, и поэтому вся поэма водяниста, длинна. <...> Поэт каждую встречу, каждую вывеску, каждое событие при всех условиях расценивает только как материал для словесного оформления» (*Кр. новь*. 1926. № 6. С. 209–210; *Маяковский*, 12. С. 89–91).

Ведь искусство получается не само по себе, не объективно, а в результате сложения (или помножения) социального, объективного, явления с душой человека... — Вопрос «индивидуальности» не является в данной статье центральным, возможно, его обсуждению Платонов хотел посвятить отдельную статью, о чем свидетельствует набросок «Критика как новое искусство» (см. с. 407–408 наст. изд.). Этот вопрос обсуждался среди идеологов «производственничества»; см.: «...“товар” литературы носит на себе очень сильный отпечаток индивидуальности своего производителя; но данная разница сводится по существу дела к различию между различными видами литературного “товара”, к различию между обрабатываемым сырьем, к различию между способами обработки, и только в этом различии проявляется отпечаток индивидуальности производителя. С этой точки зрения индивидуальна каждая фабрика, но все они подчинены одинаковым законам производства; каждый писатель и является сам в себе фабрикой, отличной от другой фабрики — другого писателя, но все они подчинены одинаковым законам производства и сбыта своего продукта — литературного произведения. Далеко не каждый из них или, вернее, лишь незначительное их меньшинство этот факт осознает, громадное же большинство в простительной иллюзии говорит о “свободе творчества”, когда в действительности, да и то условно, речь может идти лишь о некотором выборе сырья и приема его обработки. И пусть в своем субъективном сознании писатель “гордо” отмечает законы производства и сбыта своего продукта <...> Фабрика, производящая продукты материального быта, считается с этими законами сознательно» (*Левидов М.* Самоубийство литературы? // *Звезда*. 1925. № 1. С. 256–257).

Кутил кожаную тетрадь (для долгой носки). — Среди записных книжек Платонова нет кожаной тетради, это самые дешевые блокноты и записные книжки, иногда самодельные. Первая из сохранившихся записных книжек Платонова датируется 1921 г. и сшита из накладных воронежского журнала «Сирена». Записные книжки 1926–1927 гг. в фондах Платонова не выявлены; вторая из дошедших до нас записных книжек датируется 1929 г. (см.:

Записные книжки). «Кожаная тетрадь» передана герою «Города Градова», см. с. 124.

С. 365. ...вырезки из много- и малочитаемых книг (которыми я особенно интересуюсь: очерки по ирригации Туркестана, колонизация Мурманского края, канатное производство, история Землянского уезда Воронежской губ. и мн. др. — я покупаю по дешевке этот «отживший» книжный брак)... — В концепции литературного производства Маяковского этой работой занимается «бюро вырезок для присылки материала по вопросам, волнующим провинцию», с которым связывается писатель (*Маяковский*, 12. С. 87).

Точные названия книг не установлены; по описанию, речь идет об изданиях, которые входили в круг чтения не писателей, а специалистов, в том числе производственника и мелиоратора Платонова, например, издания Ленинградского научно-мелиоративного института, Московского межевого института. Ряд вопросов, заключенных уже в самих «названиях» книг, поднимался в статьях и очерках Платонова 1920-х гг. («Борьба с пустыней», 1924; «Страна бедняков», 1926; «Электрическое орошение почвы», 1926): преодоление засухи и водоснабжение (*ирригация*) края; электрификация; развитие промышленности края; переселенческие проекты, которыми занимались губернские земельные управления и НКЗ (как и до революции, переселение в другие районы называлось в 1920-е гг. «*колонизацией*», см., например, утвержденное СТО в 1923 г. «Положение о колонизации Карельско-Мурманского края»); развитие на территориях традиционных промыслов (история канатного производства в России, для которого использовалась пенька). *Землянский уезд* с уездным городом Землянском был упразднен в январе 1923 г. в ходе районирования; см.: «“Славный” же град Землянский, насчитывающий на своем веку 260 зим (правда — древний город), отныне будет именоваться селом или поселком Рождественской волости, Воронежского уезда» (Умиравший город // Воронежская коммуна. 1923. 6 февр. С. 2. Подпись: *Маркс*).

Платонов широко использовал в 1926–1927 гг. материалы (фрагменты и целые страницы) из «малочитаемых книг» при написании «Епифанских шлюзов», «Города Градова» и «Сокровенного человека» (см. примеч. к повестям, с. 510–511, 548, 554, 648–654 наст. изд.).

С. 367. ...я написал таким способом только одно произведение, называется оно «Антисексус», и тетрадь я завел очень недавно. — В фондах Платонова нет описанной записной книжки к рассказу «Антисексус». Возможно, ее и не было. Сохранившиеся «заготовки» к рассказу — это разновременные наброски и записи, выполненные на разноформатных листах, фрагментах листов и сложенные в обложку от простой школьной тетради.

...это *литкоры* (термин не совсем подходящий — ну, ладно)... — Подобного термина в литературном языке 1920-х гг. не существовало, создан Платоновым по аналогии со знаменитыми в это время сокращенными названиями: «рабкоры» (рабочие корреспонденты), «селькоры», «рабселькоры», «военкоры», «юнкоры» (в профсоюзных газетах встречаются «профкоры»). Рабселькоровское движение занимало большое место в культурной политике 1920-х гг., о чем свидетельствуют специальные постановления ЦК партии: «О формах связей газет с рабочими и крестьянскими читателями» (1924),

«О рабселькоровском движении» (1925), «Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения» (1926). В принятой в июне 1925 г. резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» прямо указывалось, что «предпосылкой дальнейшего движения к коммунистическому обществу» и «частью» массового культурного роста «является рост новой литературы — пролетарской и крестьянской в первую очередь, начиная от ее зародышевых, но в то же время небывало широких по своему охвату форм (рабкоры, селькоры, стенгазеты и проч.) и кончая идеологически осознанной литературно-художественной продукцией» (В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. С. 376). Рабселькорское движение имело свою издательскую базу, выпускало различные журналы, в которых печатались заметки молодых рабочих и сельских корреспондентов, давалась хроника движения; в специальном «Литературном отделе» публиковались стихи и рассказы рабселькоров, статьи критиков и литературоведов на темы, как написать заметку или рассказ и т. п. Тема рабкоров и литературы стала с середины 1920-х гг. одной из политически острых в противостоянии пролетарских писателей и попутчиков. Пролетарские организации сделали ставку на рабочий призыв в литературу и масштабную поддержку писателей-рабочих из числа рабкоров. А. Воронский в статье «Художественная литература и рабкоры (О простых истинах и простом писателе)» призвал «с большей осторожностью относиться к легковесным заверениям, что рабкор вошел в художественную литературу и уже вносит в нее свой освежающий, новый и ценный вклад» (*Кр. новь*. 1926. № 3. С. 229). Из анализа публикаций рабкоров в газете «Правда» критик сделал неутешительный вывод, что «обработка» и развитие рабкорами актуальных тем «банальны, наивны, схематичны и больше свидетельствуют о благих намерениях авторов, чем о достижении положительных результатов. Рассказ, очерк, стих втиснуты в хорошо известную рамку, писатель все еще боится отойти от шаблона. У начинающих рабкоров-беллетристов воля хочет явно преобладает над волей видеть, а нужно, чтобы и то и другое сочеталось в определенной гармонии. В их литературных опытах еще не видно ни индивидуального авторского лица, ни значительной и содержательной художественной идеи» (Там же. С. 231). Пролетарские писатели ответили на это выступление Воронского весьма жестко: «Причина того, что Воронский стал заниматься рабкорами, состоит в том, что резолюция Цека привела его к этому вопросу. <...> этой статьей Воронский выступает против резолюции, он свою точку зрения на рабочих-писателей, рабкоров противопоставляет резолюции Цека» (*Либединский Ю.* О рабочем писательстве // На литературном посту. 1926. № 3. С. 4; № 4. С. 3–6). В 1927 г. Воронский несколько изменит свою позицию: выступает с докладом в московском клубе рабкоров «Правды», организует дискуссию с рабкорами, в которой принимают участие прозаики И. Евдокимов, Н. Огнев, Ф. Гладков (см.: Писатель и основные элементы его творчества (Из доклада А. Воронского) // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1927. № 3. С. 38–42). В 1926 г. откликнулся на дискутируемую тему и Маяковский в статье «Как делать стихи?», противопоставив фигуру рабкора поэту, чьи стихи выполнены по законам старой поэтики: «Во всяком случае, поэт бросит заноситься перед работающим хроникером, у которого хотя бы новые происшествия имеются на его три рубля за заметку. Ведь хроникер

штаны рвет по скандалам и пожарам, а такой поэт только слюни расходует на перелистывание страниц» (*Кр. новь*. 1926. № 6. С. 206; *Маяковский*, 12. С. 84). Весной — летом 1926 г. вопрос рабкоров получил новый политический импульс для его обсуждения, в связи с прошедшим в Москве 3-м Всесоюзным совещанием рабселькоров при газете «Правда» и журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент». В докладе М.И. Ульяновой назывались фантастические цифры рабселькоровского движения: 250 тысяч, из них 150 тысяч — селькоров (Всесоюзное совещание рабселькоров // *Красная газета*. 1926. 25 мая. С. 2). В решениях, принятых по докладу Н. Бухарина «О партийном руководстве рабселькоровским движением», отмечалось, что должны быть преодолены нездоровые явления в молодой журналистике — «тяга к противопоставлению рабселькоровского движения и партии, к отъединению от последней, к размычке с этой руководящей силой нашей революции» (Рабоче-крестьянский корреспондент. 1926. № 10. С. 23). Платоновский проект включения в процесс производства новой литературы литкоров по-своему снимал главный вопрос столкновения пролетарских писателей и попутчиков — считать ли рабселькоров литературой или нет? — и отводил литкору почетное место на «фабрике литературы».

С. 369. *Гонорар должен делиться примерно так...* — Вопрос оплаты литераторам был одним из обсуждаемых в литературной среде 1926 г. в связи с работой правительственной комиссии по тарификации литературного труда. К этой теме постоянно возвращается В. Шкловский в «Третьей фабрике» и В. Маяковский в выступлениях и статьях 1926 г. Во фрагменте статьи «Как делать стихи?», не вошедшем в публикацию «Красной нови», утверждается, что при определении гонорара должны быть учтены все составляющие литературного производства, включая «оборудование предприятия и орудия производства»: «...общие начальные правила поэтической работы дадут больше возможностей, чем сейчас, для тарификации и для квалификации поэтических произведений. Моменты материала, оборудования и приема могут быть прямо засчитываемы как тарифные единицы» (*Маяковский*, 12. С. 88. Полный текст статьи был опубликован в т. 5 «Сочинений» В. Маяковского, вышедшем в июне 1926 г.).

ПИТОМНИК НОВОГО ЧЕЛОВЕКА (с. 371). — *Страна философов*, 2005. С. 505–515. Публикация Н.В. Корниенко.

Источники текста:

Автограф (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 1–4).

Машинопись статьи «Человек, который будет...» с редакторской правкой (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 1–6).

Датируется 1927 г.

Печатается по автографу с учетом трех вариантов машинописи.

Автограф представляет два одновременных текста, объединенных в единый в ходе работы над статьей. Первые три листа не нумерованы, авторская нумерация начинается с четвертого листа. Первый лист сохранил варианты заглавия: «I. Главный признак будущего человека», «II. Питомник нового

человека», «III. Дорога к изумрудной земле». Окончательное заглавие вписано почти по краю верха листа.

Первые три листа автографа — «странная и очень красивая» легенда с изложением сна «смертельно утомленного большевика» — являются фрагментом экспозиции незавершенного рассказа без названия и примыкают к фантастическим рассказам 1926 г. и сюжету гибели культуры Аюны (повесть «Эфирный тракт»). В Тамбове, уже после завершения работы над повестью «Эфирный тракт», Платонов несколько раз возвращался к теме «космической катастрофы» в истории человечества. Он переделывает раннюю фантазию «Сатана мысли» (1920) в научно-фантастический рассказ «Потомки солнца»; в письмах к жене делится с ней новыми замыслами: «Может быть, напишу небольшой фантастич<еский> рассказ на тему “Как началась и когда кончится История”. Название, конечно, будет иное» (Письмо от 26 января 1927 г. // *Письма*. С. 201). Не исключено, что дошедшие до нас три листа незаконченного рассказа написаны в Тамбове. Очевидно, что Платонов возвращался к ним позже, когда начал писать повесть «Строители страны», о чем свидетельствуют, во-первых, формула героя-рассказчика в первых главах повести, где рассказчик предстает в облике писателя, работающего над «сочинением о сне и целомудрии, как строителях будущего человека» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 13 об.), во-вторых, перекликающиеся со сном большевика беседы о «конце истории», «новой земле» и «новом человеке», которые ведут в «Строителях страны» доверчивые к идеям нового века юные герои-большевики. Они, как и «утомленный большевик», смертельно устали и изнемогли в апокалиптических мечтаниях о «новом человеке».

Взяв фрагмент рассказа в качестве начального строительного материала, Платонов вписывает заглавия статьи на оставленном незаполненным 1-м листе (такова структура многих фрагментов экспозиций, где верхняя часть листа оставалась порой чистой — для будущих заглавий текста) и начинает на второй части л. 3 согласовывать идею «изумрудной земли» из сна большевика с формулировками темы статьи. Наибольшая правка приходится на новую часть текста и связана прежде всего с кристаллизацией главной темы теперь уже статьи, заявленной в первом заглавии. Пишется и тут же сокращается вывод по поводу соотношения общественного и научного прогресса (после изложения мнения американского писателя Вудворта): «Ясно, что дикое место буржуазного общества — гнездо войн — не может быть почвой такого сложного и нежного растения, как наука». При уверенности в формулировке самого тезиса (аллюзия на текст не дошедшего до нас рассказа «Дикое место», см. с. 682 наст. изд.) очевиден его сомнительный пафос, не только в плане реалистичности утверждения, но и контекста развития научно-технической темы у самого Платонова: американская тема в «Эфирном тракте», «Антисексусе»; ареалы русских «диких» мест, где рождаются идеи «сердечной науки» (Петропавлушкин из «Эфирного тракта») и «Сексуального Интернационала» (рассказ «В окрестностях одной тюрьмы...», 1927).

Пишется, правится и тут же отменяется первый вариант вопроса о «новом человеке»: «Но каким же должен быть современный человек? Данная история [1 слово нрзб] Он должен быть коммунистом. Почему? Потому что мы материальной природой владем настолько, что лучшее устройство об-

щества — коммунистическое; иначе говоря, современная техника, чтобы действовать, требует единой организации человечества на земле, и притом коммунистической организации. Что же такое коммунист — не по званию и по идее, а по природе, по чувству, по непосредственной жизни?» Формулировка выполнена, кажется, в точном следовании новой платформе пролетарской литературы на реалистический показ «стержневого типа эпохи» — большевика, широко обсуждаемой с 1926 г. и актуализированной в ходе дискуссии на 6-й губернской конференции МАПП (май 1927 г.). Художник «пролетарского реализма» должен «сочетать психологический анализ человека, в частности, нового человека и изображение действительности, с научным диалектико-материалистическим пониманием общества» (Зонин А. Какая нам нужна школа // На литературном посту. 1927. № 11–12. С. 15) — таково было новое задание пролетарской литературе, призванной создать образ большевика как «живого» нового человека: «Все пролетписатели бьются сейчас над задачей изображения в литературе большевика» (Фадеев А. Творческие пути пролетарской литературы [Выступление на 6-й конференции МАПП] // Там же. С. 6).

Далее правка в автографе минимальная: уточнения, стилистические углубления, небольшие вставки. Смысловое уточнение вносится в политически актуальную для 1926–1927 гг. и для прозы Платонова тему «объективных условий»: «Вся мощь объективных [свинцовых] непрекращаемых условий ляжет на человека...» Ставшее штампом горьковское определение («свинцовые мерзости русской жизни») с его налетом литературности заменяется онтологической характеристикой («свинцовые мерзости» преодолеть легче, чем «непрекращаемые условия»). В предыдущем предложении добавлением одного слова вносится сомнение в концепцию синтеза бессознательного и сознательного, как она была исполнена у теоретиков «живого человека», да и в автобиографической трилогии Горького: «Понятно, что новый человек сам не осознает и не оценит своего перерождения — оно появится как бы бессознательно и незаметно». При политической двусмысленности самого высказывания (слово «перерождение» в актуальном языке внутривнутрипартийной борьбы 1927 г.), его пафос к тому же составляет отрицание базовой установки в изображении нового «живого человека», согласно которой это человек, сумевший преодолеть и победить бессознательное (в 1927 г. таким образцовым героем критика назовет командира отряда коммуниста Левинсона в романе А. Фадеева «Разгром»).

На протяжении всей новой создаваемой части текста статьи Платонов пытается увязать образы из уже написанного сна большевика, представляющего романтические планетарные мечтания, которые были исключены из концепции «пролетарского реализма», с базовой для пролетарской литературы 1927 г. проблематикой изображения «нового человека». Статья насыщается конкретными реалиями 1927 г. и одновременно свидетельствует о продолжении напряженного интеллектуально-философского поиска, которым была отмечена ранняя публицистика Платонова. Эта преемственность проявляет себя не только на проблемно-тематическом, но и жанрово-стилевом уровне. Как и ранние статьи, «Питомник нового человека» представляет образец мифотворчества и пролетарской философии, строй мысли которой отличают

атмосфера проективности и экспериментаторства: «Для тектологии единство опыта не “находится”, а *создается* активно-организационным путем <...> Философские идеи отличаются от научных тем, что не подлежат опытной проверке; напр., “философский эксперимент” есть совершенно неестественное сочетание понятий. Для тектологии постоянная проверка ее выводов на опыте обязательна...» (Богданов А. Очерки организационной науки // Пролетарская культура. 1919. № 9–10. С. 20).

На первой странице автографа имеется запись для машинистки «4 экз. Срочно», а также помета на последней странице об одном из адресатов: «ЖКМ». Не исключено, что Платонов готовил статью по заказу именно «Журнала крестьянской молодежи», в котором он уже до того печатался. В августе журнал, как и другие издания, начал готовить юбилейные номера. Правда, летом — осенью 1927 г. «Журнал крестьянской молодежи» переживал не лучшие времена. В начале сентября его руководство отчитывалось о работе на заседании секретариата ЦК комсомола. Принятая ЦК резолюция обязывала редколлегию улучшить качество публикуемой прозы и лирики, и главное — сделать журнал органом воспитания комсомольского актива: ЦК «поручает “ЖКМ” новую серьезную задачу — помогать развитию и воспитанию комсомольца-передовика» (Журнал крестьянской молодежи. 1927. № 17 (10 сент.). Оборот передней обложки). Этот же номер журнала вышел с расширенной (вместо 5 членов — 7) и новой редколлегией, правда, ответственным редактором остался прежний — крестьянский прозаик и земляк Платонова Н. Тришин. Не исключено, что он и заказал Платонову статью для юбилейного номера. Помета на автографе статьи о подготовке 4 экземпляров машинописи может свидетельствовать о том, что Платонов подготовил статью в августе, до смены редколлегии журнала.

К сожалению, ни один из экземпляров машинописи «Питомника нового человека» в настоящее время не выявлен. Известно, что журнал не отказался от статьи Платонова, но предложил радикально исправить ее текст, о чем свидетельствует подготовленная в журнале машинопись статьи «Человек, который будет...» В этой редакции прежний текст имеет лишь три небольших исправления, явно принадлежащих Платонову и восходящих к его правке в утраченной машинописи «Питомника нового человека». В предложении «Скажем, что, если бы осуществить все современные научные открытия, человечество было бы материально счастливо» появилось уточнение: «сыто, одето и даже добродушно»; в абзаце «Новый человек это не явное “сошествие Св. Духа”...» «не эффектное явление» заменено на «не бросающееся в глаза явление»; к высказыванию об «адресе» нового человека («глупо было бы указывать его адрес и фамилию») добавлено: «точный адрес». В остальном текст новой статьи, составленный на основе «Питомника нового человека», отличен от первоисточника, который как целое фактически был уничтожен. Из текста исчезли целые большие фрагменты: первая часть и связанные с ней отсылки к теме «изумрудной земли» и сну большевика, сам сон большевика, размышления о войне 1914 г. и идеях американского писателя Вудворда. Как это принято в журнале, текст статьи разбит на отдельные главки, которым даны заголовки: «Человек, переделывая мир, забывал переделывать себя», «Для социалистического человека нужен развитой мозг», «Капитализм

создает идиотов, социализм — одаренных людей», «Новый человек создается постепенно» (опубл.; см.: *Страна философов, 2005. С. 505–515*). Статья снабжена редакционным предисловием «Какие люди нужны социализму»:

«Над многими вопросами текущей работы пытливо задумывается комсомольская мысль, вникает в них, разрешает. Но частенько ребята ломают головы и над вопросами, которые далеки от наших практических задач, которые относятся к теоретическим, принципиальным вопросам, но встают перед ребятами, когда они глубже продумывают вопросы текущие, практические. Комсомол воспитывает новых людей, строителей социализма.

А каковы должны быть эти новые люди? Какие их характерные черты? Какое их отличие от людей прежнего времени, от людей переходного периода? Кое-что об этом есть у Ленина, <1 слово нрзб>. Надо бы ребятам вспомнить, что они говорили и продумать это. Мы помещаем здесь статью о новом человеке тов. Платонова. Статья не охватывает вопроса, в ней есть и кое-какие спорные места. Но мы надеемся, что она расшевелит ребят, заставит их подумать над вопросом, раскинуть мозгами, поспорить с товарищами. Отклики, мнения, запросы — присылайте нам, ответим в журнале или письмом. Если ребята встретят это дело с сочувствием — будем ставить еще и другие вопросы».

По тексту подготовленной машинописи еще раз проведена дополнительная редакторская правка. Редактору не понравилось явно выбивающееся из патетического стиля первого предложения статьи поэтическое «даже добродушно» («Если бы осуществить все современные открытия, человечество было бы материально счастливо: сыто, одето и даже добродушно»), и он вычеркивает его. «Советские страны» исправляются на «советские республики», что вполне соответствует принятой партией новой программе построения социализма в отдельно взятой стране, главным оппонентом которой был идеолог мировой революции Л. Троцкий и возглавляемая им оппозиция в партии. С текущим политическим моментом — внутрипартийными событиями октября — ноября 1927 г. (разгром оппозиции, массовые исключения оппозиционеров из партии) — связано исправление в тексте редакционного предисловия к статье. Имя следующего после Ленина человека тщательно вымарано и не прочитывается. Не исключено, что это Л. Троцкий, автор широко пропагандируемой среди молодежи книги «Вопросы быта». 15 ноября все газеты напечатали постановление ЦКК и ЦК ВКП(б) об исключении лидеров оппозиции Л. Троцкого и А. Зиновьева из партии.

На л. 1 машинописи проставлена дата проведенной редакторской работы: ««ЖКМ» 24/XI–27 г.» и сделана помета для машинистки: «7 экз.». Размноженную статью должны были поместить в 22 (30 ноября) или 23 (10 декабря) номера журнала. Причины отказа от публикации подготовленной к печати статьи не известны: отзывы 7 членов новой редколлегии в настоящее время не выявлены. Политическая напряженность октября — ноября 1927 г. уже отразилась на редакционной жизни: журнал не выходил целый месяц (№ 20 датирован 20 октября, а следующий № 21 — 20 ноября). Читателю, не получившему юбилейные номера, объяснили, что «номер запоздал с выходом из-за срочного материала к XV съезду ВКП(б)» (см.: Журнал крестьянской молодежи. 1927. № 21. С. 8). Действительно, вместо обещанного в № 20 освещения

вопросов «достижений за 10 лет» (см. заднюю обложку), № 21 носил отнюдь не юбилейный характер и был посвящен более насущному вопросу, чем уже прошедший юбилей: «Куда идет оппозиция?» (редакционная статья). С 21 по 23 номер журнал печатает статью секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова «Куда ВКП(б) ведет деревню? (Тезисы т. Молотова о работе в деревне)»; № 22 посвящен рапорту комсомола открывающемуся 1 декабря съезду партии. Возможно, были и формальные причины отказаться от публикации статьи Платонова: как ни выправляли в редакции ее текст, статья все-таки оставалась сложной для читателя-комсомольца тех лет, а размышления об образе положительного коммуниста и рождении «нового человека» звучали порой весьма двусмысленно.

С. 371–372. *У одного советского писателя есть очень странная и очень красивая легенда: смертельно утомленный большевик видит неясный сон. ~ Утром большевик восстановил сновидение. Получилось следующее: — Изумрудная земля. ~ Наука ищет однообразия во многом, а искусство — своеобразие в отдельном. —* Фрагмент сна большевика является сгустком тем и идей ранней фантастики Платонова и одновременно своеобразным строительным материалом (возможно, наброском) к повести «Строители страны». Мыслимые медиумические сны наяву о катастрофе истории (пришествие антихриста) всегда в русской истории, как в «крестьянской футурологии», так и в литературе, были ориентированы на текст Апокалипсиса. Первым опытом превращения в прозаический сюжет рационально-философских построений о «новой истории» является у Платонова рассказ «Жажда нищего (Видения истории)» (1920): «круглый, замкнутый круг совершенства и мирового конца», описан новый тип героя-творца — «как светящаяся, прозрачная, изумрудная, глубокая точка на дне вселенной — на Земле» и дано психологическое измерение апокалиптической темы: «... дрожал от страха и истомы в изумрудной точке сознания, в глубине разрушенной вселенной» (*Сочинения, 1(1)*). С. 166). Подобное космическое «всеединство» мира восходит к философско-поэтическим апокалиптическим построениям русских символистов, в частности к «песням» К. Бальмонта 1920–1921 гг. («Поэт — рабочему», «Рабочий — поэту», «Песня рабочего молота»); в «Песне рабочего молота» библейский «труд» как одно из наказаний человеку за его грехопадение превращается в райское блаженство: «Свободный труд — как изумруд». Мотивами «изумрудной нивы» и «изумрудного моря» сопровождается развитие апокалиптической темы во второй «Симфонии» А. Белого. Окрашенные в изумрудные тона поэтически-философский «фейерверк мыслей и грез» (цит. по: *Белый А.* Кубок метелей. М., 1997. С. 131) и «память о мечтателе» (Там же. С. 142) с их явно пародийной у Белого окраской были, скорее всего, знакомы Платонову, когда он писал рассказ «Жажда нищего». В рассказе материализовавшейся в картину «изумрудной земли» романтической «любви к дальнему» найдена противодействующая сила в настоящем: «Пережиток».

Апокалиптические картины-видения последнего дня вселенной и иного мироздания отчетливо маркируются в рассказах Платонова первой половины 1920-х гг. сложившейся философско-эстетической традицией и выступают

в разных обликах. То как дерзкая интеллектуальная игра сознания: «...вольная мысль и делала за него работу познания» (В звездной пустыне // *Сочинения*, 1(1). С. 179), «очередной приступ интеллекта» (Лунные изыскания // Там же. С. 121); то как современная страшная сказка: «Изобретатель — мировой разбойник» («Изобретатели! Громилы мира...» // Там же. С. 424). Или — как психологическая интроспекция к портрету философски умонастроенного героя: «органическая катастрофа» мозга (Сатана мысли // Там же. С. 204); «сумрачный сон», «ад живых воспоминаний» (Лунные изыскания // Там же. С. 112, 121). С рассказа «В звездной пустыне» (1921) картины «страшных катастроф» все чаще будут соотноситься с формой сновидения: «иной сон» и «последний, бесконечный сон» Чагова. В этом же рассказе все отмеченные выше традиции (интеллект, сказка, болезнь, сон) объединены в понятии духовного видения, о герое говорится: «В такие минуты он бессознательно и без желания был ясновидящим» (Там же. С. 179).

Чаговское видение о человечестве-машине — этот сон наяву — сопоставимо с видением, посылаемым Богом во сне или в состоянии бодрствования при помощи Божественного сияния (см.: Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, Архиепископа Кесарийского. М., 1901. С. 5. Репринт 1992 г.), герой наделяется откровением сокрытых тайн мира и его будущего, которые даны Христу от Бога. Здесь Платонов не оригинален, это весьма характерная для русской литературы начала XX в. аналогия. Истории Ерика и Епишки-Еллидофора пишутся им как откровенная самопародия, с включением высоких апокалиптических «мечтаний», рожденных холодным рационализмом, в смеховую парадигму. Уже в ранних рассказах все герои, наделенные видениями конца истории, отмечены у Платонова тем, что их знание не совершенно и потому они не освещены солнцем правды. В «Сатане мысли» (1921) резко противопоставлены фантастический образ сотворенного Вогуловым «человечества» и мир Вогулова-ребенка, видевшего «чистые, голубые, радостные сны» (*Сочинения*, 1(1). С. 197). Райские сны также посещают мальчика Митю из рассказа «Странники» (1921): «Во сне он видел другую землю, где солнце светит днем и ночью, как большой костер, и кругом его сидят радостные тихие странники и Волчок, а вокруг сторожами ходят звезды» (Там же. С. 160).

Страшные фантастические видения о «новых» человеке и истории, переходя из произведения в произведение, своеобразно закрепляют за ними в поэтике платоновского текста статус «готового слова»; становятся общим местом, выступают маркером итога развития русской и европейской богосборческой традиции. Платонов вновь и вновь вслушивается в риторическое по сути слово этой традиции, подчиняет и свое слово этому «видению» — уразумевает, логически постигает содержание и формы этой «блистательной» реальности нового века, которая из сферы будущего и избранных перешла в настоящее, стала мыслью этого дня. В «Сатане мысли»: «И в редкие минуты забвения или экстаза в разбухшей голове Вогулова сверкало что-то иное, мысль не этого дня» (Там же. С. 200). Мысль «не этого дня» — это евангельское прочтение Апокалипсиса как дня Господнего, «дня Божия», уготованного пришедшим к покаянию: «...по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Петр. 3:13).

Сохраняя устойчивые и варьирующие элементы в апокалиптических картинах, Платонов (от текста к тексту) вносит все новые и новые характеристики в формулу героя нового века, усиливая тему пропасти между его верой детства в Бога и новой верой, в самых разных и различных ее модификациях. Апокалиптические видения героев-«духовидцев» лишены благодати, того блаженного состояния, в котором царствует Дух Святой, ключ всякого пророчества, только и открывающий сокровища знания. Отнюдь не в блаженном состоянии, а скорее в пике несчастья, как и во сне «утомленного большевика», возникает «изумрудная земля» в повести «Строители страны» — в бредовых откровениях Саши Дванова:

«— Я вас буду любить без конца и все больше, — заговорил Дванов, продолжая свое непрерывное чувство словами. — Я буду работать, чтобы мысли и чувства ваши стали событиями, а события сделали землю изумрудом. Каждому дышащему мы оплатим его надежды вещами. Я буду скоро инженером и мы вместе достигнем луны, я давно думаю над метательным снарядом, он уже готов в моей голове. Но один я ничего не хочу делать — я люблю вас... как ночь любит луну... Жизнь ведь нечаянный и редкий случай в природе. Она козырный туз против шестерок: неужели мы проиграем? Давайте вместе жить, как одно существо. К нам пристанут другие, мы вдохновим людей и все человечество превратится в сплошное живое тело... Общество станет организмом и одним большим человеком...»

Наклонив голову, Дванов неясно и без связи говорил свое признание. Он путал идеи, обещал срочное осуществление любой мечты и не находил тех мучительных и простых слов, которые жили на дне его сердца. Эти слова не поддавались напряжению Дванова, но зато выходили произвольно в ненужных случаях.

Софья Александровна слушала терпеливо: она ясно понимала бред Дванова и параллельно в ней росли свои мысли.

— Не продолжайте, Александр! — ответила Софья Александровна. — Я вам вот что скажу, только по секрету. Любая женщина <хочет? желает? — утрач.> иметь всех мужчин, а в одного влюбляется только от отчаяния и невозможности... Вы понимаете меня? Но зачем вы все обещаете, а ничего не делаете? Ну что мы с вами будем делать, когда поженимся? Вы не подумали этого?

— Я все сделаю, — вновь пообещал Дванов. — Но вы потом полюбите меня?

Софья Александровна нашла исход:

— Приходите, когда все сделаете. Я вас очень уважаю и ценю» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 51–51 об.).

С. 373. *Разве не смешно, что один и тот же человек открывает и называет вещество, из которого построена вселенная, раскалывает на части атом и одновременно верит в Бога и в небесное помазничество короля своего отечества. Так именно поступает один английский ученый.* — Речь идет об английском физике Эрнесте Резерфорде (1871–1937), одном из создателей учения о радиоактивности атома; в 1919 г. осуществил первую искусственную ядерную реакцию. Лауреат Нобелевской премии по химии 1908 г. «за проведенные исследования в области распада элементов в химии радио-

активных веществ»; член Лондонского Королевского общества, с 1925 г. — его президент; в 1914 г. король Георг V посвятил Резерфорда в рыцари. Ср. с размышлениями о верующих «вождях науки» в неоконченной статье «О любви» (с. 432, 843–845 наст. изд.).

Эфир и электричество также требуют для своего использования социализма. Это всем ясно. — Резюме собственных идей об электричестве и эфире; ср.: «По всей земле сейчас идет творчество социализма. Одновременно же должны быть созданы (и они создаются) эквиваленты социализму в физике, химии, технике, биологии и т. д., иначе социализм немислим и невозможен. <...> Социалистическая техника должна найти и утилизировать такую энергию, которая бы почти автоматически творила человечеству все то колоссальное количество продуктов, о котором капитализм не имеет никакого представления» (статья «Свет и социализм», 1922 // *Сочинения*, 1(2). С. 218). Об эфире см. примеч. к повести «Эфирный тракт», с. 493–494 наст. изд.). В пропаганде научных знаний этих лет постоянно проводится мысль, что, несмотря на то что «пальма первенства» в смысле техники принадлежит в настоящее время Америке, будущее научно-технического прогресса за СССР: «Капиталистическое общество рассматривает науку как средство умножения прибыли своих предприятий, а не как могучее орудие, позволяющее покорить силы природы в интересах всего человечества. <...> Октябрь освободил не только рабочих и крестьян, но и науку от ига капитализма» (*Вишняк Я., инж.* Торжество техники // *М. зв.* 1926. № 7. С. 160–161).

Вот почему, американский писатель Вудворд говорит, что надо предавать казни изобретателей и исследователей — Америке не нужны технические открытия. Америке необходимо изменить свой социальный строй, иначе она выродится в толпу идиотов. ~ Поэтому он предлагает приостановить пока науку, чтобы успеть дотянуть до нее социальные отношения. — Вудворд (Woodward) Вильям (1876–1953) — американский писатель, член «Общества друзей Советской России», автор сатирических романов о современной Америке («Вздор», 1923; «Лотерея», 1924; «Хлеба и зрелищ», 1925). Все три романа были переведены на русский язык и выпущены ГИЗ в 1927 г. (см. о нем: *Литературная энциклопедия*. М., 1930. С. 326–327; *Ланн Е.* Социальная сатира Вудворда // *Вудворд В.* Хлеба и зрелищ. М.; Л., 1927. С. 3–28). Публикацию романов Вудворда приветствовала пролетарская критика, зачислив американского прозаика в свои союзники: «Вудворд — сатирик и психолог социальный, его интересуют наиболее обычные, рядовые мысли, наиболее свойственные американскому капиталисту. Ясно, что это мысли — деловые» (*Эльсберг Ж.* Психолог и сатирик американского капитализма В. Вудворд // *На литературном посту*. 1927. № 4. С. 39). В обзорах переводной литературы Вудворда называют самым значительным современным американским писателем: «Это художник больших социальных полотен, богато одаренный, остроумно-оригинальный в композиции. <...> Американская религия “второсортности” (“Зачем быть первосортным Эйнштейном, если он зарабатывает лишь 35 дол. в месяц?”) ужасает Вудворда. Он видит, что американская действительность, полная внутренних противоречий, держится на “вздоре”, на вздоре общих мест, буржуазной морали» (*Переводная литература (Обзор)* // *ВМ.* 1927. 13 апр. С. 3. Подпись: *ДИАР*).

Из трех романов Вудворда Платонов точно познакомился с романом «Хлеба и зрелищ» (два издания; первое вышло в свет 25–31 июля 1927 г., второе — 26 августа — 4 сентября; см.: Книжная летопись. 1927. № 3. С. 2097), о чем свидетельствует близкий к тексту пересказ одного из фрагментов романа; ср. с источником: «Факт остается фактом: точные науки в своем развитии далеко опередили искусство жить. Социальные науки все еще, как и в Средние Века, находятся в загоне. Человечество еще не осознало, сколь велики производительные силы цивилизации, если правильно направить эти производительные силы, — материальных ценностей хватило бы на всех и на каждого. Мы должны перестать думать об изобретениях и усовершенствованиях и посвятить всю нашу духовную энергию претворению цивилизации в орудие для построения новой жизни. Мы должны помнить, что цивилизация — не коммерческое предприятие!» / «Не мешает провести закон, встречающийся работать над механическими и научными изобретениями. Того, кто в течение следующих ста лет что-нибудь изобретет, не мешает заранее приговорить к виселице!»» (Вудворд В. Хлеба и зрелищ. С. 215). Кроме этой прямой отсылки к высказываниям главного героя романа Майкла Уэбба о современной американской цивилизации, Платонову оказались близки и другие оценки героя Вудворда, интегрированные им в текст статьи — в лаконичные тезисы о причинах Первой мировой войны, «закате Европы» и пародийности американской модели культуры, о «хищническом» капитализме как тупиковом пути развития общества и социалистической «рабочей цивилизации» как единственном выходе из исторического тупика; ср.: «В результате мировой войны капиталистическая цивилизация в Европе сходит на нет. Она еще не сошла со сцены, ибо пока нечем ее заместить, но она бьется в судорогах, словно гальванизированный труп. И в самом непродолжительном времени этот труп достигнет той стадии разложения, когда нужно будет подумать о погребении» (С. 255); «В Америке капиталистическая цивилизация умрет позже, чем в Европе, ибо природные богатства Америки столь значительны, что управляющие страной концерны еще некоторое время могут располагать большими средствами» (С. 255–256); «В истории человечества наступает сейчас новая эра. Мы идем к “рабочей” цивилизации. Под рабочими я подразумеваю тех, кто работает на заводах и фабриках, а также механиков, земледельцев, управляющих, служащих, — иными словами, всех тех, кто занимается физическим или умственным трудом. Через несколько поколений капитал никакого влияния на дела человеческие оказывать не будет. Наши внуки не допустят, чтобы человек высказывал свое мнение о работе машины только потому, что он является владельцем этой машины, высказываться будет тот, кто машину приводит в движение» (С. 258); «Мое знание человеческой природы подсказывает мне, что ни кондитеры, ни парикмахеры, ни сапожники не могли бы вызвать такую страшную катастрофу, как мировая война... Великое бедствие не охватило бы земной шар, миллионы людей не пали бы на полях сражений, если бы судьбами мира не управляли злые гении высшего порядка...» (С. 261) и др.

Поэтому великое естествознание шло человеку не в пользу и в спасение, а в погибель. Пример этому: война 1914 г. — Первая мировая война явила миру множество новых средств уничтожения человека, созданных на

основе новейших достижений естествознания и техники: впервые было применено химическое оружие («газовые атаки»), авиация и танки. Инициатива в применении химического оружия принадлежит Германии; опыты по его созданию проводились учеными физико-химического института и института «Кайзера Вильгельма». Теме современных открытий в области техники и химии в грядущей мировой войне посвящен фантастический рассказ Платонова «Война», написанный летом 1927 г. (см. с. 267–284 наст. изд.).

С. 374. *Мозг беспрерывно откупается от этих страстей. Он выдумывает средства, чтобы человек наслаждался, но чтобы от этих наслаждений не разрушалось его тело.* — Отсылка к рассказу «Антисексус», в котором представлены отзывы апологетов аппарата «Антисексус», технического средства, способного решить проклятые вопросы пола, семьи, любви и повседневного быта (см.: *Сочинения, 1(1)*. С. 126–135).

С. 375. *Если вспомнить открытие хребта Черского в Сев.-Вост. Сибири, Волхов, Днепр, Свирь, Волго-Дон, авиационные успехи, кристаллический аккумулятор Иоффе, ветродвигатель Уфимцева, массовое рабочее изобретательство и пр. ...* — Составленный Платоновым список «достижений» 10-летия советской власти включает выдающиеся научные и технические открытия ученых Советской России. *Открытие хребта Черского* — горной страны на северо-востоке Сибири, по размерам превосходящей Большой Кавказ, — относится к выдающимся географическим открытиям XX в.; как географический объект стал последним по времени крупным обновлением на карте России; открыт в ходе экспедиции 1926 г. в Якутию под руководством географа и геолога С.В. Обручева. В январе 1927 г. газеты сообщили о научных результатах экспедиции в самые дикие и недоступные места Якутии: «Открыт высочайший горный хребет» (Научная экспедиция в Якутию // Рабочая газета. 1927. 8 янв. С. 7). По предложению С.В. Обручева эта горная система была названа в честь исследователя Сибири, полярного Севера и Дальнего Востока И.Д. Черского; см. об этом: «Кто из широких кругов читателей знает, с какими трудностями сопряжены исследования в Якутии или на Таймырском полуострове? Я далек от мысли создать вокруг Сибирского Севера такой же романтический ореол: это по силе лишь большому таланту... Моя задача скромнее — рассказать в доступной форме об экспедиции, которая была совершена мною в 1926 г. на р. Индигирку, в места совершенно неизвестные, и одним из результатов которой, достаточно романтичным, было открытие на месте предполагавшейся низменности обширного хребта, названного в честь исследователя Сибири И. Черского, погибшего на Колыме, хребтом Черского...»; «Не надо забывать, что область, представлявшая на карте в сущности пустое место, получает теперь точную карту, основанную на восьми астрономических пунктах. <..> Точно также совершенно изменилась речная сеть» (*Обручев С.В. В неведомых горах Якутии: Открытие хребта Черского*. М.; Л., 1928. С. 3, 288). *Волхов* — имеется в виду Волховская гидроэлектростанция, проект станции был подготовлен в начале века; строительство началось в 1918 г., включено в план ГОЭЛРО. Платонов был на Волховстрое в декабре 1924 г. и посвятил строительству гидроэлектростанции очерк «Огни Волховстроя»: «Цифры говорят без жалких слов за невозможность и величие этой мировой работы. Открытие Волховской станции —

это будет второе мировое событие после Октября 17 года в истории человечества за последние десять лет» (*Сочинения, 1(2)*. С. 282). Торжественное открытие Волховской ГЭС им. В.И. Ленина, на котором присутствовал предсовнаркома А.И. Рыков, состоялось 19 декабря 1926 г., о чем сообщали все газеты. *Днепр* — имеется в виду строительство Днепрогэса, входившего в план ГОЭЛРО 1920 г.; окончательное решение по этому строительству было принято ЦК ВКП(б) и Совнаркомом 27 ноября 1926 г.; утверждено Политбюро 31 января 1927 г. 20 апреля газеты сообщили, что в ходе работы двух сессий технического совета Днепростроя была одобрена общая схема Днепростроя, разрабатывавшаяся под руководством проф. И.Г. Александрова (*Днепрострой // ВМ. 1927. 20 апр. С. 1*). *Свирь* — имеется в виду Свирская ГЭС, строительство которой было предусмотрено планом ГОЭЛРО; началось сразу после окончания строительства Волховской ГЭС. 6 января 1927 г. газеты сообщили, что все предварительные изыскания по Свирьстрою проведены и президиум ВСНХ высказался «за срочность работ по Свирьстрою» (*Свирьстрой // Рабочая газета. 1926. 6 янв. С. 3*); 19 октября 1927 г. состоялась торжественная закладка гидроэлектростанции. Торжественное событие было приурочено к 10-й годовщине революции. *Волго-Дон* — имеется в виду строительство Волго-Донского канала, также входившего в план ГОЭЛРО. В 1927 г. в научно-технической среде (см.: *Эйсмонт Н.Б., Аксамитный А.С. Волга — Дон — Азовское море. Водная магистраль в ее современном освещении / изд. «Плановое хозяйство». Госплан СССР. М., 1927*) обсуждались проекты будущего канала, идеи которого восходят к эпохе правления Петра I (см. примеч. к повести «Епифанские шлюзы», с. 509–510). До 1917 г. было создано свыше 30 проектов соединения Волги и Дона, в 1927 г. о строительстве канала писали как о свершившемся факте: «Ноябрьская сессия ВЦИК решила в 1927 г. закончить все работы по изысканию и составлению окончательных проектов Волго-Донского канала. В будущем году предполагено начать работы по его постройке <...> Канал может быть выстроен в 5–6 лет» (*Как будет строиться Волго-Донской канал // Рабочая газета. 1927. 5 янв. С. 2*); «Днепрострой, Волго-Донской канал и еще несколько уже функционирующих новых предприятий представляют собою лишь первые, молодые побеги наступающего коммунизма, и предстоящие в каком-то не очень далеком будущем “урожаи” социалистического строительства не будут иметь и малой доли того сорняка, которым богаты “урожаи” капиталистического строительства. <...> Прорытие канала между Доном и Волгой, шлюзование Дона и его углубление, создание глубокого Азовско-Донского канала, переустройство Ростовского порта — действительно величественная поэма, творимая той самой “Советией”, над которой так много издевались “просвещенные” империалисты» (*Печать и революция. 1927. № 4. С. 132*. Рецензия В. Сарабьянова). Проект канала был создан только в середине 1930-х гг.; реализовать его помешала Великая Отечественная война. Работы по проекту возобновились в 1943 г., сразу по окончании Сталинградской битвы. Строительство канала началось в 1948 г. *Авиационные успехи* — это положение у Платонова никак не уточнено. Развитию и пропаганде достижений отечественной авиации, особенно военной, советское государство, в связи с ожидаемой войной, отводило большое место (см.: *Шпанов Н.*

Угроза с неба // *МГ*. 1926. № 2. С. 117–134). В 1918 г. было открыт ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт), шла работа над новым типом истребителя, в которой принимали участие конструкторы А.Н. Туполев, Н.Н. Поликарпов; развивалось дирижаблестроение. О достижениях советского авиационного строительства шла речь на проходившем в январе 1927 г. Всесоюзном съезде Авиахима (см.: *Полярный Л.* Авиация и ее рост в СССР // *Известия*. 1927. 16 янв. С. 3; Всесоюзный съезд Авиахима // Там же. 20 янв. С. 3; *Озеров Г., инж.* Наука и техника. Достижения СССР в области авиации // *Правда*. 1927. 6 марта. С. 5). *Кристаллический аккумулятор Иоффе* — речь идет об одном из фантастических проектов академика А.Ф. Иоффе. *Иоффе* Абрам Федорович (1880–1960) — российский и советский физик, действительный член Российской академии наук (с 1925 — АН СССР), директор Ленинградского физико-технического института, председатель Всероссийской ассоциации физиков. Будучи по основной специальности электротехником Платонов с интересом (до конца жизни) следил за научными открытиями академика Иоффе и его научной физической школы. Кристаллический аккумулятор Иоффе упоминается в «Эфирном тракте» (с. 29–30 наст. изд.). Речь идет об изобретении аккумулятора неслыханной мощности, именно так было понято несколько патетическое выступление Иоффе в дни торжественного празднования 200-летия Академии наук (август — сентябрь 1925). Газета «Правда» дважды сообщила об этом открытии: «Акад. А.Ф. Иоффе удалось разрешить один из величайших мировых научных вопросов, имеющий для народного хозяйства огромное значение. В нескольких лабораторных опытах акад. А.Ф. Иоффе получил максимальную для нашего времени конденсацию энергии при минимальном объеме. Сконструированный аккумулятор может помещаться в жилетном кармане и содержать заряд энергии, достаточный для самого мощного автомобиля в течение 10 суток» (Важное открытие акад. Иоффе // *Правда*. 1925. 9 сент. С. 3); «...высокие отзывы проф. Тонелли, преподавателя математики Болонского университета (“Если ваш ак. Иоффе в состоянии разрешить это так, как об этом сообщает газеты, то он своим достижением далеко опередил западную науку. <...> Колоссальный переворот в технике”), известного физика из Германии Планка (“считаю его <открытие> вполне возможным и открывающим громадные перспективы для дальнейших научных исследований”))» (Там же. 1925. 11 сент. С. 3). Именно эту информацию транслирует Платонов в «фантастической повести» и в статье. Чуть позже содержание «сенсационных слухов» было откорректировано учеником академика Иоффе, чья статья печаталась с одобрения учителя: «Недавно ленинградские газеты, а за ними и прочие газеты СССР, Европы и Америки напечатали сенсационные сообщения о каких-то необыкновенных аккумуляторах, изобретенных и сконструированных академиком А.Ф. Иоффе. Согласно сообщению “New York Times” (которая лишь немного приукрасила полученные от ленинградской прессы сведения), один подобный аккумулятор, могущий по своим размерам уместиться в жилете кармана, содержит такой запас энергии, которого хватило бы для непрерывного движения хорошего автомобиля по крайней мере в течение 10 дней. В связи с этим сообщением А.Ф. Иоффе получил ряд необычайных предложений из

различных американских фирм. <...> В действительности никакого аккумулятора академик Иоффе покамест еще не сконструировал. Им открыто и всесторонне изучено лишь новое физическое явление, связанное с прохождением электричества через кристаллы (кстати, этим вопросом он занимается уже около 20 лет). Практическое использование этого явления позволит осуществить аккумуляторы именно нового типа, способные, при небольших размерах, давать чрезвычайно высокие электрические напряжения...» (*Френкель Я., проф.* Аккумуляторы академика А.Ф. Иоффе // Красная газета. Веч. вып. 1925. 25 окт. С. 5). В 1927 г. газеты сообщают о научно-техническом «перевороте» в решении проблемы изоляции высоковольтных линий — создании в Физико-техническом институте образца изолирующего листа, способного выдержать напряжение свыше 100 000 вольт (см.: *Львов В.* Изоляторы ак. А.Ф. Иоффе и электрификация // *ВМ.* 1927. 28 апр. С. 3), однако Платонов включает в список «достижений» именно фантастический проект академика Иоффе (нельзя исключить, что он не знал о его опровержении, однако, скорее всего, этот проект был важен для него своим глобально-проективным характером). *Ветродвижитель Уфимцева* — двигатель, использующий кинетическую энергию ветра для выработки механической энергии. Создан Анатолием Георгиевичем *Уфимцевым* (1880–1930), русским изобретателем и авиационным конструктором. Над проектом ветряного двигателя Уфимцев начал работать в 1910-е гг., до революции. Изобретение «Вертикальный саморегулирующийся ветряной двигатель» было заявлено А.Г. Уфимцевым 18 августа 1927 г. (авторское свидетельство получено в 1929 г.). Разработкой теории работы ветряных двигателей и созданием новых типов ветродвигателей активно занимались в ЦАГИ; в 1926 г. Наркомзем проводил конкурс на создание сельского ветряка, сообщения о новых изобретениях в этой области печатались в научно-популярных журналах (см.: *Глюске А.* Ветряк в сельском хозяйстве // *Хочу все знать.* 1927. № 3. С. 101–102), в «Научном отделе» журнала «Молодая гвардия», где в 1927 г. печатается Платонов (см.: *М. зв.* 1926. № 4. С. 177–182). *Рабочее изобретательство* — рабочему изобретательству в СССР отводилось почетное место; с принятием стратегии индустриализации страны (1925) рабочее изобретательство получает новое развитие: принимаются специальные постановления о поддержке и развитии рабочего изобретательства; изобретения рабочих освещаются на страницах центральных газет; на заводах создаются кружки изобретателей, в городах — ассоциации «красных изобретателей» и т. п.

Социализм, как известно, задался целью догнать и перегнать капитализм во всех его областях — в производстве, в культуре, в формах общежития. — XIV съезд ВКП(б) (декабрь 1925) обозначил переход от восстановительного периода к индустриализации, с целью превратить СССР из страны, ввозящей оборудование и машины, в страну, производящую эту технику. Выдвигается лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны», определивший не только стратегию индустриализации страны, но и в целом идеологию реконструктивного периода. В апреле 1927 г. IV Всесоюзный съезд Советов принимает постановление по докладу председателя ВСНХ В. Куйбышева «Состояние и перспективы развития промышленности Союза

СССР», один из пунктов которого гласит: «В дальнейшем все усилия советского государства должны быть направлены на обеспечение такого темпа расширения основного капитала промышленности и перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе, который бы дал возможность в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» (Известия. 1927. 29 апр. С. 5).

Что значит более высокий тип человека? Это значит более энергичный, более напряженный, более одаренный и продуктивный в мозговом отношении. — Образ «продуктивного в мозговом отношении» человека является одной из сквозных и базовых тем фантастических рассказов 1926 г. и повести «Эфирный тракт». В последней в эсхатологических интонациях исполнены образы гибели человека и картины разрушенного мира, пересозданного научным «мозговым» человеком. В статье Платонов вновь возвращается к научным гипотезам радикального исправления природы человека, которые выдвигались в начале века учеными-естествоведками. В 1920-е гг. популярными были гипотезы совершенствования природы человека, развиваемые представителями русского евгенического общества. В проектах Н. Кольцова идеалом совершенствования предстал новый человек, который «владеет на Земле и покоряет себе природу благодаря главным образом развитию своего мозга, своего разума. <...> мозг человека может усложняться и впредь. Дальнейшая эволюция мозга открывает великие перспективы» (Кольцов Н.К. Улучшение человеческой природы // Русский евгенический журнал. 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 3–27; републ.: Бабков В.В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало медицинской генетики. М., 2008. С. 89–90). Темы «освобожденного человека», «переплавки человека», «психофизического формирования новых поколений» занимали большое место в публичных выступлениях Л. Троцкого, активно поддерживавшего научные разработки Института экспериментальной биологии; см.: «Он [человек] захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением — и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший homo sapiens, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки. <...> Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень — создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека» (Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 196–197). Газеты и массовые журналы регулярно информировали читателя об открытиях в науке о наследственности, об экспериментальных опытах по искусственному улучшению природы животных, о получении новых видов путем воздействия на клетку радиоактивных лучей и т. п. (см.: Кольцов Н. Переворот в науке о наследственности //

К. нр. 1927. 9 окт. С. 4). См. также коммент. к повести «Эфирный тракт» (С. 486–489 наст. изд.).

С. 376. *Новый человек это не явное «сошествие Св. Духа».* — Это утверждение о «новом человеке», над которым царит Святой Дух, звучит чистой крамолой как с точки зрения богословской, так и марксистской. В христианской антропологии сознание, отрицающее краеугольный догмат Пресвятой Троицы, лишено благодати, того блаженного состояния, в котором царствует Дух Святой, ключ всякого пророчества, только и открывающий сокровища знания. Сошествием Святого Духа утверждается в мире христианская вера и начинается свое бытие Церковь Христова. В праздник Святой Троицы (Пятидесятницы) Церковь подводит своих чад к порогу благодатной жизни и призывает их обновить и укрепить в себе дары Духа Святого, полученные ими в таинстве крещения. Без благодати Божией невозможна духовная жизнь. Безбожный характер новой культуры был аксиомой (см. примеч. к статье «О любви», с. 840–843 наст. изд.). В научных концепциях «нового человека» педальровалась идея рациональных источников творчества, что в целом вписывалось в антирелигиозную стратегию и идеологию нового общества: «Прошли те времена, когда не только наивные обыватели, но и глубокие мыслители выражали уверенность, что гениальная одаренность отдельных личностей представляет собою какое-то мистическое свойство, резко отличающее их от всех других людей, — “дух святой”, таинственно сходящий на немногих избранных и пророков. С точки зрения современной евгеники гений обязан своим происхождением счастливой и редкой комбинации наследственных психических задатков» (*Кольцов Н.К.* Родословные наших выдвинутенцев // *Русский евгенический журнал.* 1926. Т. 4. С. 103; *Бабков В.В.* Заря генетики человека. С. 171).

История «проходится». — В несколько измененном виде использована формула В. Розанова («Газеты когда-нибудь пройдут, как “прошли” крестовые походы»), на которую ссылается В. Шкловский в статье «Новый Горький», развивая идею исторической закономерности в смене литературных форм: «Сейчас много говорят о литературе, то ее возвращают к Островскому, то к Диккенсу, но не знают, что старые формы “пройдут”» (Россия. 1924. № 2. С. 192).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

ГОРОД ГРАДОВ (Заметки командированного) (с. 379). — *НМ.* 1993. № 4. С. 91–103. Публикация М.Анд. Платоновой. Подготовка текста Н.В. Корниенко.

Источники текста:

Автограф рассказа (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–23).

Машинопись рассказа (*ИМЛИ.* Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1–9; Там же. Ед. хр. 8. Л. 1–41; Там же. Ед. хр. 9. Л. 1–36; *РГАЛИ.* Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1 об. – 9 об., 12 об. – 13 об., 15 об. – 16 об.; *ИРЛИ.* Ф. 780. Ед. хр. 7. Л. 24 об. – 32 об., 34 об. – 39 об., 42 об., 44 об. – 57 об., 59 об., 69 об. – 70 об.).

Датируется с учетом авторской записи на последней странице автографа («17/III») мартом 1927 г.

Печатается по автографу.

НЕОКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

КОЛОДЕЗЬ (с. 405). — *Творчество*, 1995. С. 243–244. Публикация Е.И. Колесниковой.

Автограф (ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–2 об.).

Датируется 1926 г.

Печатается по автографу.

КРИТИКА КАК НОВОЕ ИСКУССТВО (с. 407).

Датируется 1926 г.

Печатается впервые по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 381. Л. 1–2).

Набросок статьи является откликом на дискуссию 1926 г. о писателе и критике и, возможно, предшествует работе над статьей «Фабрика литературы». Дискуссия началась в январских номерах журналов двух литературных столиц — ленинградской «Жизни искусства» и московском «Журналисте» — и продолжалась до конца года; в «Жизни искусства» выступления писателей и критиков печатались в разделе «Писатель — критик — читатель» (материалы дискуссии републикованы, см.: *Корниенко Н.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 331–481). В принятой ЦК РКП(б) резолюции «О политике партии в области литературы» (18 июня 1925) был определен высокий статус литературной критики, «являющейся одним из главных воспитательных орудий в руках партии» (В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917–1927. М., 1992. С. 379). Критика, руководствуясь партийными решениями и опираясь на «свое *идейное* превосходство» (курсив в документе), должна теперь воспитывать не только читателя, но и писателя. Принимавшие участие в дискуссии критики-организаторы разных направлений восприняли сформулированные партией задачи как «коренной переворот в истории критики», начало эпохи «могучего организованного вмешательства революции в художественную литературу» (*Коган П.* Вмешательство революции в художественную литературу // Журналист. 1926. № 1. С. 20–21) и на разных примерах доказывали, что высокий статус критика определяется тем, что «писатель воспринимает мир в конкретных образах», но «по части общих идей он слаб»: «Его ум уходит в талант. Писатель искренне считает себя аполитичным. У критика наоборот: преобладание общих идей, резкая общественность» ([Выступление А. Воронского на диспуте о критике] // *ВМ.* 1926. 13 февр. С. 3). Эта позиция современных критиков вызвала глухое сопротивление в писательской среде. Ответственными редакторами всех толстых журналов к этому времени были только критики, а потому зависимость писателя от критика была прямой. Писатели же, независимо от их принад-

лежности к тому или иному лагерю, оказались в 1926 г. единодушны в желании оспорить стутус идейного превосходства критика, его роль учителя и посредника и напрямую говорить с читателем — «через голову критиков» (название стихотворения Н. Асеева; опубл. в журн. «Новый мир», 1926. № 11. С. 113–115). В выступлениях писателей досталось всем лагерям критики: напостовцам, левовцам, формалистам, кузнецам, перевальцам, «балующимся» (выражение С. Городецкого) критикой партийцам. Более жесткий антикритический настрой дискуссия приобрела в Ленинграде. Это выступления Инн. Оксенова, Б. Лавренева, А. Толстого на страницах «Жизни искусства» (апрель, май), а также имевшие всесоюзный резонанс два вечера Всероссийского союза писателей (21 мая и 4 июня), отчеты о которых печатались на страницах «Жизни искусства» (1 июня) и вечерней «Красной газеты» (5 июня). Платонов был в курсе развернувшего в Ленинграде сражения писателей и ведущих критиков. В апреле он печатался в вечерней «Красной газете», в мае был в Ленинграде по служебно-производственным делам. Главная тема его статьи самим названием «Критика как новое искусство» акцентирует одну из базовых оппозиций дискуссии (писательский и критический взгляд на творчество) и разворачивается вокруг «интимнейших законов творчества» (А. Толстой // Жизнь искусства. 1926. № 21. 25 мая. С. 7) — об отношении между «событием», «фактом», «сырьем», индивидуальностью, «душой» художника и требованием «созвучия эпохе». Все выступавшие писатели обличали современных критиков за эстетическую безграмотность, вульгарное понимание социального заказа, ложную учительскую позицию: «У критиков последнего периода проявилась дурная тенденция считать писателя общественным неучем» (Лаврениев Б. Икс просит слова // Жизнь искусства. 1926. № 19. 11 мая. С. 5–6); «Критика — производная литературы. <...> Писатель должен жить помимо критики. Может быть, следует слышать, что она говорит, но не следует слушаться ее. Послушание угнетает литературу» (К. Федин. Писатели говорят // Там же. 1926. № 22. 1 июня. С. 10–11); «...критика должна быть образованной и такой же талантливой, как и писатель — только при этом условии возможен симбиоз» (Е. Замятин // Там же); «Ф.К. Сологуб говорил о “социальном заказе”. Едва ли это единственное назначение критики. Писатели, тем более уже не молодые, сложившиеся, уже давно получили этот заказ от жизни и от общества и едва ли нуждаются в этой указке критика. Было бы ценнее, если бы критик мог научить ремеслу писателя, секретам и тайнам его производства»; «По мнению председателя вчерашнего диспутов. Гизетти, вся беда в обмолвке: современные, критические статьи отнюдь не художественная критика, а лишь публицистика, подобно тому, как и публицистические, запретные по тем временам, статьи Добролюбова и Писарева лишь прикидывались щитом художественной критики» (Писатели и критики (Диспут в союзе писателей) // Красная газета. Веч. вып. 1926. 5 июня. С. 3); «Есть люди, которые отрицают значение и смысл критики. В этом есть доля истины, потому что критика часто становится между писателем и читателем и уничтожает ту непосредственную связь восприятия искусства, которая есть самое ценное в искусстве» (А. Толстой // Жизнь искусства. 1926. № 21. 25 мая. С. 7). Ведущие пролетарские критики Ленинграда и Москвы приняли участие в развенчании «внезапного писательского бунта против литератур-

ной критики, стоящей на страже современной революционной общественности», и уже в конце июня высказанные в дискуссии претензии писателей к критике были отнесены к «опасному» политическому уклону (см.: *Адонц Г. Итоги дискуссии // Жизнь искусства*. 1926. № 24. 15 июня. С. 2; *Горбачев Г. Есть ли правая опасность в литературе // Там же*. № 25. 22 июня. С. 3).

Данный фрагмент статьи Платонов использовал при работе над «Фабрикой литературы», прежде всего в формулировке темы «индивидуальности» писателя. Отношение к современной критике также отразилось в низком гонораре (5%), определенном критику на новейшей «фабрике» производства литературы (см. с. 369 наст. изд.).

С. 407. *Посвящается М.А. Мартот*. — Фамилия создана путем сложения имени жены (Марии) и сына (Платона), которого в семье звали Тот.

Необходимо глубоко индивидуальное, субъективно совершившееся трансформировать в социально-эффектное, общественно-усвояемое. — Вычеркивается вписанное сверху окончание предложения: «, в продукт для читателя».

ОДНАЖДЫ ЛЮБИВШИЕ (Повесть в письмах) (с. 409). — Литературная газета. 1983. 19 окт. (в сокращении). Публикация М.Ал. Платоновой.

Датируется июнем — июлем 1927 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1–14).

Поздняя запись Марии Александровны на первой странице автографа: «Это все писано в г. Тамбове, в 1927 г., куда был командирован А. Платонов» Наркомземом СССР. М. Платонова».

Правка в автографе (карандаш) незначительная и в основном затрагивает первые страницы, посвященные обоснованию жанра произведения и его темы. По ходу написания меняется подзаголовок повести, с «От составителя писем» на «Предисловие собравшего письма». Исправление в первом предложении самое существенное и представляет пример авторской рефлексии на тему работы с «материалом» будущей повести: «По-моему, достаточно собрать письма людей, [слегка коснуться их опытной, осторожной и разумной рукой редактора] и опубликовать их — и получится новая литература мирового значения». Другие исправления имеют уточняющий и стилистический характер и касаются в основном «предисловия», комментариев к письмам и единственного письма героини: «дальняя дорога», «подходов к таким вещам»; «Любовь — мера [мудрости] одаренности жизнью людей, но она...»; «...скрежет его сердце от могучей тоски и [изредка плачет] мучается...» (см. динамическую транскрипцию автографа: *Архив*. С. 16–22. Публ. Е. Рожenceвой).

Замысел эпистолярной повести появился у Платонова в Тамбове, о чем он 13 февраля 1927 г. сообщил Марии Александровне: «Ты знаешь, мне пришло в голову: если собрать твои и мои письма, проредактировать их, переделать, — то можно составить интересный роман. Хотя это мне не нравится почему-то. Напиши твое мнение об этом. Ведь была же знаменитая переписка Абеляра с Элеонорой» (*Письма*. С. 216). Ссылка на литературный

источник замысла не совсем точная (возможно, это и описка). Речь идет о романтической эпистолярной повести XIV в., основанной на переписке французского богослова и мыслителя П. Абельяра и его возлюбленной Элоизы. Эта средневековая история послужила одним из литературных источников романа «в письмах двух любовников» — «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) Ж.Ж. Руссо. В России стала известна благодаря переводам В. Жуковского. Классический текст любовной повести в письмах возникает в названии романа в письмах В. Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923).

К реализации замысла Платонов приступил, скорее всего, не в Тамбове, а уже в Москве, летом 1927 г. Письма к Марии Александровне 1921 г. были использованы в работе над повестью «Строители страны», а письма из Тамбова составят основу эпистолярного сюжета «Однажды любивших». В «Строителях страны» любовная история Александра Дванова и Марии Крашениной разворачивается в 1921 г., в «Повести в письмах» переписка Александра и Марии датируется 1925 г. Основанием к предлагаемой датировке «Однажды любивших» является письмо Марии Александровне от 3 июля в Крым, где она с конца июня отдыхала с сыном: «Пишу о нашей любви. Это сверхъестественно тяжело. Я же просто отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается» (*Письма*. С. 228). В этом же письме имеется сообщение, которое появляется в письме героя повести Александра: «Ты знаешь, я нечаянно открыл принцип беспроводной передачи энергии. Но только принцип. До осуществления — далеко. Будет время — напишу статью в научный журнал. Маша, это захватывающая задача, — страсть к научной истине не умерла во мне, а усилилась за счет художественного созерцания» (Там же. С. 230). В третьем письме Александра — эта же тема: «Единственное утешение это писать тебе письма и раздумывать над беспроводной передачей электрической энергии» (с. 413 наст. изд.), которая замещает фрагмент реального письма из Тамбова: «...это писать тебе письма и кончать “Эфирный тракт”» (*Письма*. С. 173).

Источником текстов четырех писем Александра послужили первые из пяти писем Платонова Марии Александровне из Тамбова декабря 1926 г. (даются в примечаниях). Источник единственного письма Марии не известен (письма Марии Александровны не сохранились).

Замысел эпистолярной повести о любви определит направление работы Платонова с реальными письмами. Он отказывается от подробностей своей службы в Тамбовском ГЗУ (вместо ГЗУ — просто «учреждение»), отношений с московскими сослуживцами из НКЗ и ЦК Союза, а также от некоторых семейных и бытовых деталей, не имеющих отношения к любовной теме и теме творчества. Реальный Тамбов заменяется на придуманный город Ухожаев; название от слова «ухожай», «ухожа», имеющего разные значения: «ухожье место, место для бортей, ульев, пчельник, пасека»; «угодя под паству, пастбище, выгон» (*Даль*, 4. С. 526–527), совр. значение: «территория».

Незаконченный «эксперимент», каким является повесть «Однажды любившие», представляет лабораторию творческого преобразования собственного эпистолярия. Это и документ эстетики Платонова, во многом развивающий

круг идей о новых литературных формах, являющихся «приемниками жизни» (статья «Фабрика литературы», 1926). Если в статье «приемником жизни» названа записная книжка, то в «предисловии собравшего письма», открывающем повесть «Однажды любившие», — любовные письма. Здесь тот же, что и в «Фабрике литературы», современный литературный контекст: любимый Платоновым В.В. Розанов, узаконивший переписку в качестве новой жанровой формы в книгах 1913 г. («Литературные изгнанники» и «Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову»); лефовская «теория факта»; активное обращение к эпистолярно и использование его повествовательных возможностей в прозе 1920-х гг.; любовная лирика Есенина и Маяковского, а также самого Платонова; продолжение диалога с В. Шкловским, теперь уже как автором романа в письмах «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (издание книги 1924 г. имеется в библиотеке Платонова: *ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 305). В статье «Новый Горький» (1924) Шкловский прямо ссылался на опыт В. Розанова, предлагавшего вместо беллетристики «воспроизвести чемодан старых писем», и утверждал, что «генезис» новой формы — это «письма и дневники»: «Новая форма в русской прозе может быть охарактеризована отрицательно — отсутствием сюжета, а положительно — конкретностью темы, интимностью содержания» (Россия. 1924. № 2. С. 197). Как и роман Шкловского, «Однажды любившие» представляют эксперимент с автобиографической реальностью и эпистолярным, в целом вписывающийся в корпус металитературной постсимволистской прозы, описывающей и комментирующей литературное производство (подробно см.: *Корниенко Н. Андрей Платонов по его письмам // Письма*. С. 15–33).

С. 410. *Я не говорю, что помещаемые ниже письма я нашел в «старой корзине под сломанной кроватью», или в урне клуба, или на чердаке, или я получил их в наследство от умершего родственника.* — Отсылка к современной прозе, активно эксплуатирующей повествовательные элементы поэтики «Повестей Белкина» и «Истории села Горюхина» А. Пушкина: форму «предисловия», «простодушного» повествователя и издателя («Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гогулеве Андреем Петровичем Ковякиным») Л. Леонова, «Сентиментальные повести» М. Зоценко). От пушкинской «Истории села Горюхина» — «старая корзина» и «чердак», где Белкин обнаруживает ставшие основой его хроники старые календари с записями: «Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 183). «Чердачок» и «родственник» появляются в «предисловии» к повести «Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гогулеве Андреем Петровичем Ковякиным» (1923), в котором рассказывается, как «автор» получил от брата Ковякина драгоценные документы 1919 г. «Сломанная кровать» — скорее всего, восходит к названию рассказа А. Толстого «Рукопись, найденная среди мусора под кроватью» (1923), построенного в форме письма-исповеди несчастного эмигранта Александра. Издание книги «Рукопись, найденная под кроватью» (Берлин, изд. И.В. Благова) имеется в библиотеке Платонова и снабжено ироническим добавлением к ее заглавию: «и брошена обратно туда же» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 5. Ед. хр. 286).

«Вестник Научно-Мелиорационного института» — несколько измененное название журнала «Известия Научно-Мелиорационного института»; издание Ленинградского научно-мелиорационного института, основанного в 1921 г. (совр. Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники им. Б.Е. Веденеева); журнал выходил с 1926 г. и входил в круг чтения Платонова-мелиоратора. См. примеч. к «Городу Градову», с. 582 наст. изд.

С. 411. «Сентябрь, 1925. ~ Скажи, что отец все-таки пошлет его в Крым вместе с матерью, которую я сейчас мысленно и жадно целую. Александр». — Источником первого письма героя послужило письмо от 8 декабря 1926 г.:

«Муська!

Маша!

Пишу тебе стоя, на тамбовской почте. Прошел весь город — нигде не мог увидеть почт<ового> ящика, поэтому влагаю в конверт письмо, написанное в поезде.

Свой “багаж” оставил в Доме крестьянина и заплатил полтинник (за сутки).

Город очень запущенный и глухой. Гораздо хуже Воронежа. Но весь в зелени и масса садов и скверов, где есть даже песочек, как в Москве. Очень тихо и спокойно кругом. Сейчас 6 ч<асов> веч<ера>. Не знаю, куда мне деваться. Уже заходил в ГЗУ (рядом с Домом крестьянина) — там никого нет. Зайду еще через час.

Здесь хорошо только отдыхать и жир наращивать, а ты бы, напр<имер>, с твоим живым характером, здесь жить абсолютно не смогла.

Людей мало. Учреждения по виду жалкие, даже сравнительно с Воронежем.

Тебе не стыдно за вчерашнее? Девица, на которую ты взирала, оказалась полудеревенской девочкой в возрасте Вали — вся в угрях. Совсем не рыжая, очень бедно одетая и прочее. Тебе не стыдно, бабий вождь?

Вижу, что не стыдно: у тебя в этих случаях мозг течет назад и тебя ничем не убедить, не пронять. Даже действительности ты не веришь, как философ Гегель, который говорил (когда факты шли против его теории): ну что ж, тем хуже для фактов!

Жаба философическая!

Тотик спрашивает обо мне? Не в чем везти. Здесь (по дороге) все страшно дешево: яблоки — 1 к<опейка> за 3 шт<уки>, груши — 5 к<опеек> за 10 шт<ук> и т. д. Раз в пять дешевле Москвы.

Не знаю, Муся, что мне делать!.. Приеду, посоветуемся.

В Воронеж, наверное, не поеду.

Душа не лежит, и уже тоскую по Вас.

В вагоне к “Осенней поэме” написал еще 8 строк.

Мешала жлоборатория!

Приеду — загоним поэму.

Поезд шел страшно медленно. Ехали какими-то глухими русскими местами.

Все-таки жалко, что не взял Вас, — можно бы прожить здесь хоть неделю: очень тут тихо и зелено и дешево.

Гуляй больше и бди осторожность: иначе автобус сожрет мою Мусю. Кончаю писать: почту здешнюю хотят закрывать.

Обними моего мужичка и купи ему сказку. Скажи, что отец все-таки пошлет его в Крым вместе с матерью, которую я сейчас мысленно и жадно целую. Андрей» (*Письма*. С. 167–168).

Полтинник — серебряная монета достоинством 50 копеек, чеканилась в 1924–1927 гг.

Валя — младшая сестра Марии Александровны.

Ночная Поэма — в источнике — «Осенняя поэма», первое название поэмы «Иван да Марья»; первоначально поэма была посвящена Марии Александровне; новые строки, о которых идет речь в письме, вписаны в белой автограф (см.: *Сочинения*, 1 (1). С. 608–609). При жизни Платонова поэма не была опубликована (впервые: Октябрь. 1999. № 2. С. 131–134).

...одна станция под названием «Бортный Ухожай!» Что это такое — ты ведь филолог? — Мария Александровна несколько месяцев в 1920 г. была студенткой словесного факультета Воронежского университета (см.: *Ласунский*. С. 94), читала, переписывала и редактировала произведения мужа и планировала заниматься литературным творчеством. В названии станции отражен основной традиционный промысел, которым занимались в этом районе: лесное пчеловодство, от слова «борт» — «дуплястое дерево», в котором водятся пчелы (*Даль*, 1. С. 118); слово «ухожай» также часто употреблялось в сочетании с пчеловодством: «бортевые ухожья» (*Даль*, 4. С. 527). Борничество относилось к традиционным промыслам Тамбовской губернии.

С. 412–413. «9 декабря 1925. ~ Александр». — Источником второго письма послужило письмо от 10 декабря 1926 г.:

«Машенька!

С утра, как приехал, до вечера познакомился с Тамбовским начальством. Был на конференции специалистов, а вечером на сессии губисполкома. Обстановка для работ кошмарная. Склока и интриги страшные. Я увидел совершенно неслыханные вещи. Меня тут уже ждали и великолепно знают и начинают немножко ковырять. (Получает-де «огромную» ставку, московская «знаменитость»!). На это один местный коммунист заявил, что советская власть ничего не пожалеет для хорошей головы. Во как, Машка!

Я не преувеличиваю. Те, кто меня здесь поддерживают и знают, собираются уезжать из Тамбова (зав<едующий> ГЗУ и зав<едующий> губмелиоземом). Мелиоративный штат распущен, есть форменные кретины и доносчики. Хорошие специалисты беспомощны и задерганы. От меня ждут чудес.

Попробую поставить работу на здоровые ясные основания, поведу все каменной рукой и без всякой пощады.

Возможно, что меня слопают и выгонят из Тамбова. Плевать! Город живет старушечьей жизнью: шепчется, неприветлив и т. д.

Зав<едующий> губмелиоземом (секрет — не передавай ни Волкову, никому) уезжает в Сталинград (Царицын) и зовет меня с собой. Я стараюсь быть пока нейтральным. Ну, плюнем на это! Пишу на службе, меня терзает, поэтому кончаю. Завтра напишу большое письмо. Чемодан мой лежит в мелиорации. Ночевал у Барабанова. Очень хорошие люди. Все утро ходил с комисс-

сионершей и женой Барабанова осматривал комнаты. Нашел за 15 р<ублей> с отоплением, необходимой мебелью и двумя самоварами. Сегодня после занятий переезжаю туда. Был у Тихомирова (в редакции); сами предложили работать. Будут платить, но очень мало. Все равно буду работать. В Тамбове (как говорят в редакции) нет ни одного поэта, ни одного беллетриста! Удивительный город! Как Тотик — не скучает по мне? Я уже заскучал. Скорей бы устроиться, а то нельзя писать.

Уверен, что долго не проживу, — чудовищная зверская обстановка.

На днях — подробное письмо. И цены на продукты. И все прочее. Очень мне тут тяжело. Толкай мои литературные дела.

Обнимаю и целую обоих. Живи спокойно. Я твой и Тоткин. Мой адрес пока: Тамбов, Губземуправление, губмелинатору Платонову.

Твой Андрей, 10/X, 12 ч<асов> дня» (*Письма*. С. 169–170).

Был на конференции специалистов, а вечером на сессии Губисполкома. — Платонов присутствовал не на конференции специалистов, а на заседании Губземуправления, посвященном вопросу подготовки совещания специалистов сельского и лесного хозяйства (см. об этом в преамбуле к комментариям, с. 453).

Люди ходят в кацавечках и в валенках с усиленной подошвой. — *Кацавейка* — одежда в виде короткой кофты на меху или на вате. Чтобы продлить срок носки валенок, их подшивали, используя кожу, войлок, чаще — голенище старого валенка.

Ночевал у инженера Богданова. Очень хорошие люди. — В источнике без указания должности — «у Барабанова», так как Мария Александровна была знакома не только с А.Я. Барабановым (см. о нем с. 455 наст. изд.), но и, как свидетельствует письмо Платонова от 5–6 января 1927 г., с его женой — Анной Францевной (*Письма*. С. 186), возможно, состояла с ней в переписке. А.Ф. Барабанова работала учителем в тамбовском детдоме № 6 (информация дается по личному листку А.Я. Барабанова // *ГАТО*. Р–946. Оп. 2. Ед. хр. 2049. Л. 100–101).

Коммиссионерша — в значении: посредник.

С. 413. *Тотик* — сын Платонова Платон.

С. 413–414. «*Ухожаев, 11/XII, 1925, 6 ч. вечера. ~ Александр*». — Источником третьего письма послужило письмо от 11 декабря 1926 г.:

«Мария!

Вот я сижу в маленькой почти пустой комнате (стол, стул, кровать). Маленький дом стоит на дворе. Улица безлюдна, глуха и занесена снегом. Полная тишина. Я совершенно одинок. На моей двери висит эмалированная табличка: “А.И. Павлов, Артист Императорских Театров”. Когда-то, наверное, в этой комнате жил некий “А.И. Павлов” и, может быть, сидел за тем же столом, где сейчас сижу я, и так же скучал в этом глухом и тихом городе.

Я с трудом нашел себе жилище, несмотря на то что квартир и комнат в Тамбове много. Принимают за большевика и чего-то боятся. Город обывательский, типичная провинция, полная божьих старушек.

Мне очень скучно. Единственное утешение для меня, это писать тебе письма и кончать “Эфирный тракт”. В ГЗУ — отвратительно. Вот когда я

оставлен наедине с своей собственной душой и старыми мучительными мыслями. Но я знаю, что все, что есть хорошего и бесценного (литература, любовь, искренняя идея), все это вырастает на основании страдания и одиночества. Поэтому я не ропщу на свою комнату — тюремную камеру — и на душевную безотрадность.

Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного. И все же бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой «тамбов».

Я не ною, Мария, а облегчаю себя посредством этого письма. Что же мне делать?

Я вспоминаю твои слова, что я тебе изменю и т. д. Ты посмотри на меня, на Тамбов, на все — чем я и где живу, — и тебе станет смешно.

Мне как-то стало все чуждым, далеким и ненужным. Только ты живешь во мне как причина моей тоски, как живое мучение и недостижимое утешение... Еще Тотка — настолько дорогой, что страдаешь от мысли его утратить. Слишком любимое и драгоценное мне страшно, я боюсь потерять его, потому что боюсь умереть тогда.

Видишь, какой я ничтожный: боюсь умереть и поэтому берегу вас обоих, как могу.

Помнишь эти годы. Какой мукой, грязью и нежностью они были наполнены? Неужели так вся жизнь?

Я думаю, что религия в какой-нибудь форме вновь проникнет в людей, потому что человек страстно ищет себе прочного утешения и не находит его в материальной жизни.

Слушай, Маша, ты обещала мне прислать фотографию — свою и Тотки! Ты не забудь, пожалуйста. Воспоминания будут моей религией, а фотография — иконой.

Я бы хотел чем-нибудь развеселить тебя, но никак не могу даже улыбнуться.

Ты бы не смогла жить в Тамбове. Здесь действительно мерзко. А быть может, мне придется здесь умереть. Кто знает, разве я думал попасть когда-нибудь в Тамбов, а вот живу здесь. Как странно все, я как в бреду и не могу опомниться. Но и выхода нет для меня. Я постараюсь успокоиться, лишь бы покойно и хорошо было вам. Оба вы слишком беззащитны и молоды, чтобы жить отдельно от меня. Вот чего я боюсь. Оба вы беспокойны, стремительны и еще растете — вас легко изуродовать и обидеть. Но что делать, я не знаю. Обними и расцелуй Тотку, я не скоро его увижу, не скоро я повожу его верхом. А ты вспомни обо мне и напиши письмо, потому что я тобой только держусь и живу.

До свиданья. Обнимаю и целую обоих и жму твою руку.

Андрей.

<Внизу страницы рисунок 2-х автомобилей и приписка к одному:> Тотки рисует лучше меня!» (Письма. С. 172–174).

С. 413. *Вот я сижу в маленькой почти пустой комнате (стол, стул, кровать). Маленький дом стоит на дворе.* — Платонов снимал комнату по адресу ул. Бебеля, д. 54 (см.: Овсянников П., Ходякова Г. «Здесь грустная

жизнь» (Сто дней Платонова в Тамбове) // Наш Платонов. Воронеж, 1999. С. 297). См. примеч. к «Городу Градову», с. 572 наст. изд.

Принимают за большевика и чего-то боятся. — Восстание крестьян Тамбовской губернии (1920–1921) было жестоко подавлено частями регулярной Красной армии. С восставшими новая власть расправлялась со всей жестокостью: в заложники брали семьями; расстреливали тысячами; сжигались целые села (см. документы из архива Тамбовского губисполкома: Судьбы русского крестьянства. М., 1996. С. 143–152).

Город обывательский, — типичная провинция, полная божьих старушек и постных звонов из церквей. — См. примеч. к повести «Город Градов», с. 549–550, 555–558 наст. изд.

С. 414. *Ты обещала мне прислать фотографии — свою и Тотки! Ты не забудь, пожалуйста.* — Фотография Марии Александровны с сыном, сделанная по просьбе Платонова, хранится в фонде Платонова ИМЛИ (опубл.: Архив. Вкладка 1). См. с. 76 наст. изд.

С. 414–415. «Ухожаев, 15/ХІІ, 1925. ~ Александр». — Источником четвертого письма послужило письмо от 13 декабря 1926 г.:

«Дорогая Маша!

Пишу тебе третье письмо из своего изгнания. Грусть моя по тебе растет вместе с днями, которые все больше разделяют нас.

Вот Пушкин в моем переложении:

Я помню милый нежный взгляд,
И красоту твою земную;
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...

И я плачу от этих стихов и еще от чего-то.

Я уехал, и как будто захлопнулась за мной тяжелая дверь. Я один в своей темной камере и небрежно влачу свое время. Как будто сон прошла совместная жизнь, или я сейчас уснул и мой кошмар — Тамбов.

Видишь, как трудно мне. А как тебе — не вижу и не слышу. Думаю о том, что ты сейчас там делаешь. Почему ты не хочешь писать мне? Я хорошего не жду, но и плохого не заслужил.

Завтра утром переезжаю в пригород Тамбова, где нашел себе комнату со столом за 30 р<ублей> в месяц. Там, правда, грязно, старуха нечистоплотна, но дешево. Будет обед, два чая и ужин — и все стоит с комнатой 30 руб<лей>. Похоже, что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобода, бедность, захопутье, керосиновая лампа. Там я буду жить и писать.

Работать (по мелиорации) почти невозможно. Тысячи препятствий самого нелепого характера. Не знаю, что у меня выйдет. Тяжело мне. Но просить о приезде тебя не смею. Ты не выживешь тут — такая кругом бедность, тоска и жалобность. Хотя материально жили бы хорошо.

Зачислили меня с 5/ХІІ (дня отчисления из НКЗ). Жалованье платят 2 раза в месяц. Буду оставлять себе крайний минимум, остальное переводить тебе. Но все же более 150 р<ублей> в м<еся>ц переводить не смогу.

30 р<ублей> стоит мне жизнь плюс 10 р<ублей> папиросы, газеты и пр<очее> и 10 р<ублей> в профсоюз, секцию, горнякам и пр<очее>, это со-

ставляет 50 р<ублей>, остается 150 р<ублей>. Постараюсь ездить в командировки, но это едва ли много даст в нынешних условиях.

В газете сидят чиновники. Ничего не понимают в литературе. Но постараюсь к ним подработаться, буду писать специальные статьи; стихи и рассказы они не признают. Постараюсь так жить, чтобы вам выслать 200 р<ублей> в м<еся>ц.

С 15/ХІІ начинается большое совещание специалистов, продлится 5 дней. Скука будет окаянная.

Я так еще многое хочу тебе сказать, но почему ты молчишь? Неужели и теперь я чужой тебе. Неужели Москва тебе всего дороже? А мне ничто не дорого, кроме твоего благополучия. Не знаю, будут ли у меня деньги, чтобы приехать на праздник, вам же я вышлю. Прилагаю записку о ценах на продукты в Тамбове. Прошу тебя сходить в НКЗ к Цепулину или к Грачеву и передать им эту записку. Пусть они напишут, чего и сколько им выслать по этим ценам, и пошлют денег. Сама же напиши мне, чего прислать тебе, образуясь с ценами записки. Я тебе вышлю все. Обними моего Тотку, моего милого потомка, ради которого я готов на все. Прощай. Отвечай. Жму тебя всю. Андрей» (*Письма*. С. 175–177).

Вот Пушкин по памяти ~ Об ней в изгнании тоскую... — Неточная цитата из поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»; в источнике: «Я помню столь же милый взгляд / И красоту еще земную...».

С. 415. *Похоже, что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобода, бедность, захолустье, керосиновая лампа и зимние ветры за жалким окном.* — Родительский дом многодетной семьи Климентовых в Ямской слободе, пригороде Воронежа; описан в рассказе Платонова «Маркун» (1921).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ (с. 417). — *Архив*. С. 32–33. Публикация Н. Корниенко.

Датируется 1927 г.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1–2).

Автограф (карандаш) выполнен на служебно-подотчетной бумаге (тиснение в левом углу герба СССР). Такой бумагой пользовались только в высших государственных учреждениях и наркоматах. Возможно, Платонов позаимствовал лист во время своей службы в Центросоюзе. Образ «административного естествознания» впервые появляется в рассказе с условным названием «В окрестностях одной тюрьмы...» (см. с. 255 наст. изд.) и символизирует схему «аппарата власти» и его учреждений в дореволюционной губернии.

Набросок рассказа примыкает к тексту либретто сценария «Надлежащие мероприятия». Форму рассказа от первого лица Платонов использовал в первых главах повести «Строители страны», где повествование также ведется от первого лица, а сам рассказчик является одним из участников военных событий 1919 г., и уже отказался от нее (см: *Корниенко Н.* Между Москвой и Ленинградом: О датировке и авантексте романа «Чевенгур» // *Страна фило-*

софов, 2005. С. 629–630). Формула автобиографического героя в «Административном естествознании» напрямую корреспондирует с письмами Платонова лета — осени 1927 г. в высшие государственные и судебные инстанции, выполненными в жанре обличительного послания. В деталях рассказа отразились два периода московской жизни Платонова, когда он оказался безработным: после увольнения из ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих (июнь — октябрь 1926 г.) и после увольнения из Центросоюза в июне 1927 г.

С. 417. *Во мне торжествовала скорбь от безработицы.* — См. рассказ о ситуации, связанной с увольнением из ЦК Союза и выселением из ЦДС, в письме председателю президиума ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР Н.М. Анцеловичу (август — сентябрь 1926 г.): «Я без работы. Работа для меня существует только в перспективе, а не в действительности. Вторая перспектива — выселение меня с милицией. У меня семья — 4 человека. Можно согласиться, что сумма такого факта (безработица) и такой перспективы (выселение на улицу) может дать в результате гибель человека. Едва ли это нужно кому. <...> Я не виноват и не хочу доходить до последнего отчаяния. Пусть распутают дело со мной те, кто виноват, кто довел меня до такого состояния безысходности и нищеты» (*Письма*. С. 162).

О ситуации весны — лета 1927 г. см. в письме Платонова от августа 1927 г. неизвестному лицу (возможно в НК РКИ): «Я снова остался в Москве без работы и почти без надежды» (Там же. С. 246).

Я продавал свои бесценные технические книги наглым букинистам под Китайской стеной... — О продаже специальных книг летом 1926 г. Платонов пишет в августовском письме 1927 г.: «У меня заболел ребенок, а каждый день носил к китайской стене продавать свои ценнейшие специальные книги, приобретенные когда-то и без которых я не могу работать. Чтобы прокормить ребенка, я их продал» (*Письма*. С. 245). *Китайская стена* — современный район Китай-города Москвы. В районе Китайгородской стены (совр.: Старая площадь, между ул. Ильинкой и Никольской) располагались продуктовые, вещевые и книжные рынки (в 1926 г. началась реконструкция этого района, в 1934 г. Китайгородская стена была снесена).

...и покупал булки пятилетнему сыну... — Платон Платонов родился 25 сентября 1922 г. Пятилетний сын и у героя рассказа «Война» слесаря Отчева, также во многом автобиографического персонажа (см. с. 275 наст. изд.).

...грозило сносом остаткам моей технической энциклопедии. — Скорее всего, речь идет об издании: *Техническая энциклопедия*. СПб.; Пг., 1911–1918. Т. 1–8.

...отдела объявлений «Вечерней Москвы»... — «*Вечерняя Москва*» — городская вечерняя газета, созданная в 1923 г. по решению МГК ВКП(б). На отдельной странице объявлений находилась специальная колонка «Спрос и предложения труда», в которой печатались рабочие вакансии и объявления безработных. В просмотренных номерах газеты (с лета 1926 по осень 1927) описанный текст не выявлен, однако встречаются похожие на придуманное Платоновым объявление: «Старший инженер Губернского РКИ с техническим образованием и многочисленным стажем ищет контрольно-инспекцион-

ную и рационализаторскую службу. Адрес: Москва, 19 почт. отд., предъявителю профбилета 1072» (ВМ. 1926. 20 сент. С. 3).

...*предъяв. отношения ВЦСПС...* — Первоначально было: «предъяв. квит. ВСНХ №» (Л. 1; *Архив*. С. 32). Не исключено, что речь идет о документе, в котором было отмечено отправленное Платоновым в высшие инстанции письмо с просьбой рассмотреть вопрос о незаконности его увольнения и выселения из ЦДС (см.: *Письма*. С. 243–249). ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, центральный орган профсоюзов, осуществлявший руководство деятельностью всех профессиональных союзов СССР с 1918 по 1990 гг.

...*я провел три голодных дня в Сокольниках.* — То есть в общедоступном для гуляния парке «Сокольники», расположенном на территории района Сокольники на северо-востоке Москвы.

...*это явление стало советской инквизицией...* — По аналогии со Святой инквизицией (инквизиция, от *лат.* *inquisitio* — расследование, розыск); институт Римско-католической церкви эпохи Средневековья для розыска и наказания еретиков и других врагов церкви. У М. Булгакова образ «советская инквизиция» относится к деятельности ВЧК эпохи Гражданской войны («Советская инквизиция (Из записной книжки репортера)», 1919), у Платонова — к бюрократии как системе управления в СССР.

Под «инструментом» теперь ~ мыслят что-нибудь отвлеченное, вроде некоей организации, — *напр<имер>: Института Структуры и Методологии научно-технического построения госорганов,* — некоторые начальные буквы которой и дают «инструмент». — Аббревиатура «инструмент» создана сочетанием двух способов образования сложных терминов, принятых в 1920-е гг.: по начальным слогам слов и по первым буквам (об образовании аббревиатур в языке первого советского десятилетия см.: *Селищев А.* Труды по русскому языку. Язык и общество. М., 2003. Т. 1. С. 191–195). Придуманной аббревиатурой (одна из примет языка первого советского десятилетия) Платонов откликнулся на масштабное движение за научную организацию труда (НОТ) и управления производством 1920-х гг., в рамках которого были созданы специальные научные институты с новыми наименованиями, закрепленными в сложных новых терминах (аббревиатурах): Центральный институт труда ВСНХ (ЦИТ, 1921) и подчиненные ему губернские институты; Совет по научной организации труда при НК РКИ (Совнот, 1923), Институт техники управления в системе НК РКИ (ИТУ, 1926). По своей службе писатель был знаком с научной продукцией ЦИТа и ИТУ, адресованной управленцам всех уровней и выходящей в издательстве «Техника управления» и в специализированных журналах: «Вопросы организации и управления» (М.: Секция адм. техники НК РКИ, 1922–1924); «Организация труда» (орган ЦИТ, 1921–1931), «Время. Орган Лиги НОТ» (М., 1923–1925), «Система и организация» (М., 1923–1929), «Установка рабочей силы» (орган ЦИТ, 1926–1931) и др. Как производственник, Платонов хорошо был знаком с материалами по НОТу, которые спускались в низовые организации. Эта тема затронута в «Городе Градове» в высказываниях старого бюрократа Бормотова, а затем детально прописана в либретто неоконченного сценария «Надле-

жащие мероприятия». В последнем нашли отражение и впечатления от службы в бюрократическом Центросоюзе.

Прототипом «Инструмента» и объектом сатирического выпада писателя послужил Институт техники управления (ИТУ), созданный в системе НК РКИ СССР постановлением СНК СССР от 14 января 1926 г. Институту поручалось заниматься научной разработкой вопросов техники управления, изучением работы учреждений, выработкой научных систем и практических мероприятий по рационализации управления, популяризацией достижений в области техники управления. ИТУ должен был обеспечить такое упрощение управленческого процесса, которое сделало бы возможным привлечение самых широких масс к управлению государством, удешевило бы советский аппарат, устранило излишества, сохранив средства на индустриализацию страны. В структуре ИТУ находились различные бюро, комиссии, отделы, группы, лаборатории. Большое место в деятельности ИТУ занимали вопросы организации документационного обслуживания деятельности учреждений, организаций, предприятий. Институту были разработаны и применялись научно обоснованные методы обследования документационного обслуживания деятельности учреждений; изучение постановки делопроизводства в учреждениях шло по четырем направлениям: а) движение документов, б) регистрация документов; в) исполнение документов; г) хранение документов. Движение документов отражалось с помощью графиков, наглядно характеризующих путь документа в учреждении. Изучалось движение как входящей, так и исходящей корреспонденции. Работники ИТУ на составляемых ими графиках показывали не только существующий порядок прохождения документов, но и предлагаемый ими вариант. Графики помогали наглядно увидеть, какие операции и инстанции выпадают при рациональной организации работы с документами. При изучении движения документов большое внимание уделялось вопросу курьерской связи. Выяснялись количество курьеров, маршруты и число рейсов. На основе анализа разрабатывался проект рациональных маршрутов и расписание рейсов курьеров. ИТУ проводил работу по изучению систем регистрации документов, занимался также рационализацией делопроизводства местных учреждений. Для этого в ИТУ существовала специальная «группа низового советского аппарата». Перед группой была поставлена задача рационализации местных органов советской власти в масштабах села, волости, района, уезда, губернии, округа. Группа делала доклады о результатах обследования на профсоюзных конференциях, заседаниях месткомов, парткомитетов. По особо важным вопросам материалы обследования публиковались в печати. При обследовании постановки делопроизводства в однородных учреждениях ИТУ применялся анкетный опрос. Таким путем было обследовано состояние делопроизводства в сельских советах и волостных исполкомах РСФСР. На основе обработки анкет составлялась сводная таблица. Анкеты отвечали на многие вопросы, касающиеся даже мелких деталей сторон постановки делопроизводства (разметки документов, количества входящих и исходящих документов, формы и способов составления документов, распределения обязанностей между сотрудниками и т. д.). Эта работа велась во исполнение постановления Коллегии НК РКИ СССР от 31 марта 1927 г. — «Об упрощении делопроиз-

водства, учета и отчетности сельсоветов и волрайисполкомов». Совместно с Центрархивом РСФСР Институт техники управления разработал новый порядок хранения и уничтожения документов, который нашел свое отражение в «Правилах постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР» (1928). ИТУ предлагал всем наркоматам и другим учреждениям с помощью Центрархива составить перечни категорий дел и документов, обращающихся в делопроизводстве данного ведомства, в том числе и подлежащих передаче органам Центрархива, с указанием сроков хранения и способов ликвидации для каждой категории дел. Кабинет стандартизации разработал стандарты служебного письма, служебной записки, конвертов, телеграмм и телефонограмм, извещений, протоколов; были спроектированы формы документов специального назначения. Физико-техническая лаборатория ИТУ работала над установлением норм труда служащих, в первую очередь канцелярских: регистраторов, разметчиков, экспедиторов, машинисток и др. Для установления этих норм лаборатория проводила фотографии рабочего дня, хронометраж, фиксацию наблюдений и т. д. Лаборатория изучала также условия труда, оборудование рабочего места, его освещенность и другие факторы, влияющие на нормы выработки. Конструкторское бюро (позже Экспериментально-техническая лаборатория) занималось разработкой машин, применяемых в управленческом труде, их введением в обиход учреждений. Результаты исследований были оформлены в виде описаний отдельных конторских машин и механических приспособлений. Особое внимание было обращено на механизацию учетно-счетных работ. В 1927 г. создается акционерное общество — трест «Установка», являющийся посредником между ЦИТОМ и предприятием в подготовке рабочей силы и внедрении в производство НОТ (информация приводится по: *Кравченко А.И., Тюрина И.О.* Социология управления: фундаментальный курс. М., 2005).

Знакомство Платонова с этой сферой государственного строительства и с продукцией ИТУ позволило ему выйти на новый уровень в осмыслении структуры советской бюрократической системы, наполнив ее описание точнейшими деталями, построить типологию старых и новых бюрократов и ввести в образы советских бюрократов всех уровней (от низового до высшего) их причастность к сфере науки.

Косвенная борьба с безработицей. — Безработица в городах в эти годы носила всеобщий характер; значительную часть безработных составляли крестьяне, пришедшие в город в поисках заработка, демобилизованные красноармейцы, служащие и малоквалифицированные рабочие. Отмечался также рост безработных среди «организованного пролетариата» и представителей «интеллигентных профессий». Угрожающие данные о безработице ИНФО ОГПУ на 1927 г. (см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2003. Т. 5. 1927 г.) в целом совпадают с информацией в открытой советской печати: «Прошедшие 10 месяцев показывают, что текущий хозяйственный год дает значительное увеличение безработицы. Движение общего числа безработных по СССР рисуется в следующем виде: октябрь — 1 070 800, ноябрь — 1 163 400, декабрь — 1 254 300, январь — 1 310 500, февраль — 1 330 400, март — 1 407 300, апрель —

1 477 900, май — 1 429 000, июнь — 1 363 400, июль — 1 277 500»; «Если к 1926 году интенсивность безработицы в среднем несколько уменьшается, то в 1926/27 году эта интенсивность резко возрастает с 12,4 до 17,3%» (Мохов З. Рынок труда в 1926/27 хозяйственном году // Труд. 1927. 27, 28 авг. С. 2; Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов. По документам ВЧК — ОГПУ. М., 2009. С. 187). Осенью 1927 г. вопрос безработицы приобрел острый политический характер (см.: Безработица и оппозиция // Рабочая газета. 1927. 4 окт. С. 2).

С. 418. *Я бы, будь начальником, заставил бы всех сотрудников написать свои биографии, дабы впоследствии скомбинировать из них единый труд знаменитых современников Октябрьской революции.* — Еще один поворот темы «героев» Октября, восходящий к инициативе Бормотова и получивший развитие в рассказе «Надлежащие мероприятия» (см. с. 540–541, 722 наст. изд.).

На пригласительном бланке значилось самое страшное — НКРКИ. Т<о> е<сть> меня зовут в рационализаторский центр. — НКРКИ — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции, система органов власти, занимавшаяся вопросами государственного контроля. В 1920 г. на IX Всероссийской конференции РКП(б) было признано необходимым создать Центральную контрольную комиссию (ЦКК); права, обязанности и задачи ЦКК определены в марте 1921 г. X съездом РКП(б); в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) принято решение об образовании двуединого органа партийно-государственного контроля ЦКК — НК РКИ. Слияние ЦКК с НК РКИ было проведено следующим образом. Наркомами РКИ назначались председатели ЦКК, а в состав коллегии наркомата входили члены Президиума ЦКК. Все остальные члены ЦКК распределялись на три группы: первая выполняла поручения ЦК РКП(б), вторая делегировалась для постоянной работы в НК РКИ СССР, третья образовывала партколлегию, рассматривавшую дела о нарушении коммунистами устава партии. ЦКК по отношению к НК РКИ СССР играла роль фракции, направляя его работу. В соответствии с декретами ЦИК СССР и СНК СССР от 6 сентября 1923 г. НК РКИ освобождался от повседневного сплошного контроля за денежными и имущественными операциями государственных органов. НК РКИ СССР осуществлял руководство органами РКИ союзных республик, губерний, областей, контроль за выполнением декретов и постановлений правительства; разрабатывал мероприятия по усовершенствованию работы госаппарата и обследованию отдельных отраслей народного хозяйства и государственного управления; проводил инспекционно-ревизионные обследования центральных и местных государственных и кооперативных учреждений и предприятий; контролировал деятельность трестов, синдикатов, акционерных обществ; боролся с нарушениями принципов советской торговли и политики цен, а также бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях; проводил летучие ревизии; разрабатывал проблемы стандартизации и рационализации производства и управления; изучал причины государственных, должностных и хозяйственных преступлений, выработывал меры борьбы с ними; ставил вопросы о сокращениях штатов, «чистке» госаппарата, увольнении и наказании чиновников за допущенные ими злоупотребления; созывал съезды, конференции, совещания для рассмотрения вопросов научной организации труда. В решениях XIV съезда

(декабрь 1925 г.) был специальный раздел о ЦКК — РКИ «Работа в области рационализации аппарата», в котором отмечалось, что «наиболее совершенной формой рационализации является создание в учреждениях и хозорганах специальных подсобных органов (отделы рационализации, ТНБ, оргбюро в учреждениях и т. д.), задачей которых должны быть изучение техники организации и работы аппарата...» (*КПСС в резолюциях*, 3. С. 437–438). Аппарат союзного народного комиссариата РКИ состоял из коллегии при наркоме, пяти центральных управлений, которые подразделялись на секции, инспекции и отделы, и трех самостоятельных отделов. ЦКК ВКП(б) — НК РКИ СССР был ликвидирован постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 11 февраля 1934 г. в связи с образованием Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Комиссии советского контроля при СНК СССР.

Одновременно пришла бумага из Верховуда. — Несколько измененная автобиографическая деталь, позволяющая датировать время действия в рассказе концом августа — началом сентября 1927 г. На 13 сентября 1927 г. в суде Бауманского района было назначено слушание дела по иску ЦК Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих о выселении семьи Платонова из ЦДС. Информацией о состоявшемся заседании не располагаем, скорее всего — иск был отозван. 7 сентября датировано заявление Платонова на имя судьи Бауманского района с разъяснением сложившейся ситуации (см.: *Архив*. С. 596); 9 сентября — письмо в Управление делами ЦК Союза об условиях предполагаемого выезда из ЦДС (*Письма*. С. 251–254). «Гражданское дело» Платонова не могло рассматриваться в Верховном суде, однако он мог подать туда апелляцию на решение нижестоящего суда. Скорее всего — выдуманная деталь.

...неужели им надоела Фемида и они ищут Кузькину Мать? — В контексте высказывания идиоматическое выражение «показать кузькину мать», означающее угрозу, обретает равновеликий европейской богине правосудия (Фемиде) статус; отсюда, очевидно, заглавные буквы. Кузькой сельские жители обычно называют вредителей хлебных злаков, жуков, чьи личинки живут глубоко в почве. Показать эту личинку можно, лишь разрыв землю. На оппозиции «непристойной гнусной клочки» кузькина мать и высоких имен европейской культуры построено стихотворение Д. Бедного «Кузькина мать» (*Известия*. 1927. 14 окт. С. 4).

Ильинские ворота — Ильинские ворота с часовой являлись входом в Китай-город и к Кремлю, деловой центр старой Москвы. Часовня была снесена в 1927 г., Ильинские ворота — в 1933 г.

...в кармане — схема губпродкома 19-го года. Я открыл, что это загородное боевое учреждение было разумнее и деловитее построено, чем, скажем, губвнуторги... — Губпродком — губернский продовольственный комитет внутренней торговли, главный орган проведения продовольственной политики на местах в годы Гражданской войны и военного коммунизма (1918–1920). Губпродкомы были созданы в 1918 г. в соответствии с декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г. Во главе губпродкома стоял комиссар, утвержденный губисполкомом и Наркоматом по продовольствию (Наркомпродом). Одной из главных задач губпродкомов в 1919–1920 гг. было проведение продразверстки, введенной на территории советской России декретом СНК

от 11 января 1919 г. Это была политика продовольственной диктатуры — обязательной сдачи крестьянами государству всех излишек хлеба и других продуктов, за вычетом потребительской нормы и семян. В проведении продразверстки губпродкомы опирались на комбеды (комитеты бедноты); главным инструментом проведения разверстки стали продотряды, находившиеся в подчинении контрольно-реквизиционного отдела губпродкома. Они устанавливали заградпосты у сел и на железных дорогах, следили за безоговорочным выполнением государственных заданий по продразверстке, проводили изъятия продовольствия, аресты и наказание не сдавших хлеб. Политика продразверстки встретила сопротивление крестьянства и обернулась крестьянскими восстаниями 1919–1920-х гг. Продразверстка отменена в 1921 г. с введением нэпа. Были сняты заградпосты, упразднены продотряды, продразверстка заменена продналогом. Губпродкомы были ликвидированы в 1923 г., налоговый аппарат передавался финансовым органам губисполкомов. *Губвнуторги* — Губернский отдел внутренней торговли (созданы на основании постановления президиума ВЦИК РСФСР от 14 ноября 1924 г.) — орган проведения торговой политики на местах в период нэпа. За губвнуторгом закреплялись задачи контроля и руководства деятельностью торговых организаций, регулирование рыночных цен и налогов, содействие развитию и организации внутреннего рынка, обеспечение преобладающего влияния государственной и кооперативной торговли в торговом обороте. Одним из итогов работы губвнуторгов стали «ножницы цен» 1926–1927 гг.: рост цен на промышленную продукцию и низкие цены на сельхозпродукцию при увеличении налогообложения крестьянских дворов.

НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ (Социальн<ая> сатира наших дней) (с. 419). — *Архив*. С. 40–51. Публикация Н. Корниенко.

Датируется 1927 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 293. Л. 1–14).

Автограф (выполнен чернилами) сохранился не полностью, о чем свидетельствует последний лист с недописанным предложением, окончание которого перешло на новый, скорее всего, утраченный лист.

На то, что работа над текстом не была завершена, указывают разницей в оформлении эпизодов, неопределенность с системой персонажей. Так, очевидно, уже в процессе написания Платонов вычеркивает из списка действующих лиц фамилию Чалого, оставляя неясным, кто из персонажей возглавит экспертную комиссию. Судя по сохранившемуся листу с записями к плану либретто, замысел произведения был более объемным и менялся в процессе написания:

«Либретто

Надлежащие мероприятия

1) Бюрократическое движение (Ил<ьинские> ворота / 8⁴⁵ — 9⁴⁵ ч<асов> у<тра>)

V) росписывание <sic!>

2) «Аппарат» (поперечное сечение)

- 3) Странствие бумаги???
- 4) Единый фронт (человек входит, потом видна работа чиновников над ним)

После сокращения один выдумал

5) «Хожу рационализирую».

Со своим инструментом.

6) Революция — «невроз» пролетариата.

7) Обычное рксистское присутствие: все привыкли:

«сверху до низу»

«в общем и целом»

Параллель

7) Лидерствующий элемент

V) Совершенный гражданин:

член:

1) МОПР,

2) Осоавиахим,

3) [*профактивист*] Профсоюза,

4) О.Д. р. Радио

5) О-ва старых закаспийцев

6) Друг детей

7) Спасание на Водах

8) [*семьи*] своей семьи

9) мировой семьи трудящихся.

и вообще член массы трудящихся.

V) О-ва [*помощи*] культ<урной> помощи выдвиненцам

V) О-ва первой помощи освобожденным из гитдомов

Что он делает в этих обществах.

[*Присутствует и платит!*]

Числится и платит взносы» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 293; опубл.: *Архив*. С. 39).

В либретто практически полностью включен материал наброска рассказа «Административное естествознание» (см. с. 417–418 наст. изд.). Герой, которому отдается автобиографический материал рассказа, еще не определен, но заявлено, что это один из армии потерявших работу. Пунктом 6 плана, скорее всего, помечается связь современных событий с эпизодом ревзаповедника Пашинцева в повести «Строители страны». Текст под первым номером 7 написан позже, что и привело к сбою в нумерации в плане либретто. Неизвестно, был ли осуществлен в либретто первоначальный пункт 7, включающий роспись реальных и придуманных добровольных обществ. Нельзя исключить, что эта запись относится к той части текста, которая была Платоновым то ли не написана, то ли утрачена. Платонов вернется к явлению добровольных обществ 1927 г. в рассказе «Че-Че-О» (1928). Отметим, что тема массовых добровольных обществ широко обсуждалась в периодике конца 1926 — начала 1927 г. Массовых добровольных организаций за 10 лет было создано немало; это самые разные образования: МОПР (Международная организация помощи борцам революции), «Общество спасания на во-

дах», «Общество старых большевиков», Осоавиахим (Общество содействия обороне и авиационному и химическому строительству), ОДН (Общество «Долой неграмотность»), а также постоянно множащиеся Общества Друзей — СССР, Детей (ОДД), Радио (ОДР), советского кино (ОДСК), воздушного флота (ОДВФ), книги (ОДК), техники (ОДТ) и т. п. Из придуманных Платоновым добровольных обществ пояснения требует сокращение «гитдома». Скорее всего, это государственные исправительно-трудовые дома, один из видов мест заключения. Согласно постановлению ВЦИК «Об Исправительно-трудовом кодексе РСФСР» (от 16 октября 1924 г.) в исправительно-трудовых домах находились приговоренные к лишению свободы на срок не свыше 6 месяцев; этим же постановлением предусматривалось создание в губерниях (областях) комитетов помощи освобождаемым из мест заключения (см.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 / сост. А.И. Корин и Н.В. Петров. М., 2000). Впервые тема заключенных появляется у Платонова в рассказе «Надлежащие мероприятия» (С. 268 наст. изд.). Добровольные общества создавались в целях воспитания масс — «для организации пролетарской общественности» и потому на всех предприятиях имелся «полный комплект всех обществ» (*Цифринович В.* О работе добровольных обществ // Рабочая Москва. 1927. 5 янв. С. 2). В конце 1926 — начале 1927 г. директива «режима экономии» коснется и добровольных обществ. С самых высоких трибун прозвучит критика «бюрократических» принципов организации добровольных обществ — «несоответствия между организационным построением обществ и их количеством, которое растет, и организационными возможностями предприятий и учреждений» (*Борисов Б.* О добровольных обществах (К XV губпартконференции) // Спутник коммуниста. 1926. № 1. С. 69). «Решительно прекратить погоню за формальным зачислением и количественным ростом обществ», — говорится в постановлении МК ВКП(б): рабочим, крестьянам и служащим разрешается состоять членом не более двух добровольных обществ (бюджет обществ формировался из взносов их членов), объявляется перерегистрация обществ (см.: О работе добровольных обществ. Из постановления Московского комитета ВКП(б) // Рабочая Москва. 1927. 5 янв. С. 6). Сатирические и комические пассажи в адрес добровольных обществ становятся одной из примет литературы 1927–1928 гг. и вписываются в контекст борьбы с бюрократизмом.

Подзаголовок либретто («Социальная сатира») прямо указывает на сатирическую установку произведения, первые наброски — на объект сатиры (бюрократизм). Приступив к осуществлению замысла, Платонов сразу переключает тему в реальный план — в описание заводского цеха. Первый вариант: «Рука, переводящая рычаг на холостую. Трансмиссионный ремень затихает, останавливается. Маврин вытирает обтирочными концами руки. [*Берет газету*] Заводская столовая. Вход. Человек с газетами. Рабочие идут длинным порядком, берут газеты. “Рабочая Газета”. Проходит Маврин. Газету разворачивают. Отдел газеты крупно: “Рационализация промышленности”. [*Крупно.*]]» (Л. 1). Вычеркивая этот вариант, он пишет новый, уточняя лишь детали в картине произошедшей аварии. Экспозицией задается общий ракурс и уточняется первоначально заявленная в набросках тема, сюжетным центром которой становится кампания по рационализации госаппарата и про-

мысленности, взятая в контексте событий политической жизни лета — осени 1927 г. и состояния промышленности и деревни на десятом году советской власти. Тема не была для Платонова новой, он уже выходил к ней в повести «Город Градов».

Автограф сценария обрывается незаконченным предложением. Была ли точка в предложении поставлена на следующем листе (это означает, что автограф просто не полностью дошел до нас), или сам Платонов, перейдя к описанию деревни, с первыми начертанными предложениями отчетливо понимает, что крестьянский сюжет, взятый в контексте кампании по рационализации производства, взламывает границы дозволенного в современной сатире антибюрократического дискурса и возвращается к «сатире на весь СССР» (Г. Литвин-Молотов о первой редакции «Города Градова»). Эти варианты ответа не исключают и другие. Осенью — зимой 1927 г. написание сценария могло быть вытеснено работой над собственным «чვენгурской» частью романа. Именной состав «героев» сценария представляет своеобразную игровую миниэнциклопедию автокомментариев к собственному письму, наполнен голами героев не только из уже написанных, но и будущих произведений.

Материалом для сценарного воплощения темы рационализации промышленности послужил богатейший собственный производственный опыт, профессиональное знание истории вопроса, а также освещение вопросов рационализации в центральных газетах, в частности, в упоминаемой в тексте «Рабочей газете».

Постановления по рационализации принимаются вслед начавшейся в феврале 1926 г. кампании за «режим экономии»: о рационализации промышленного аппарата (XV партийная конференция, октябрь — ноябрь 1926 г.) и рационализации производства (пленум ЦК ВКП(б), 25 марта 1927 г.). «Рационализаторские» совещания и пленумы регулярно проводят центральные контрольные органы страны: Центральная контрольная комиссия ЦК ВКП(б) (ЦКК) и Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), в сферу ответственности которого входило руководство деятельностью учреждений, вопросы управления, борьба с должностными преступлениями и бесхозяйственностью. В течение года (с лета 1926 по октябрь 1927 г.) тема рационализации производства (планы, мероприятия, подведение итогов) не сходит со страниц газет: печатаются письма-обращения руководителей страны об успехах и недостатках проводимых кампаний, обсуждаются результаты работы производственных совещаний, предложения рабочих и т. п. Вопросам рационализации отводятся специальные разделы и страницы в центральных газетах: «Рационализация производства — основная задача» (Рабочая Москва. 1927. 22 июня. С. 2); «Как проводят рационализацию московские заводы» (Рабочая газета. 1927. 21 июня. С. 2); «С чего надо начать рационализацию» (Известия. 1927. 26 июня. С. 1) и т. п. Сначала доминировала тема рационализации хозяйственного и управленческого аппарата учреждений, их реорганизации и сокращения в среднем на 10%, что должно привести к перераспределению средств в пользу реального производства (см.: Эрдэ. Борьба за упрощение и удешевление аппарата // ВМ. 1926. 17 сент. С. 2); сообщалось, что миллионы сэкономленных рублей должна принести сокращаемая отчетность (см. отчет московской РКИ на пленуме губисполкома:

Рабочая газета. 1927. 7 мая. С. 5). Газеты постоянно сообщают о новациях в борьбе за рационализацию аппарата, порой откровенно комического содержания. Так, к примеру, рассказывается, что в Наркомземе почти полностью рационализирована регистратура: «Регистраторы работают здесь на специальных столах, сконструированных сотрудником тов. Шевелевым» (Победа над бумагой (Сокращенное путешествие по «входящим» и «исходящим») // *К. пр.* 1927. 5 янв. С. 4).

Выступая в январе 1927 г. на XV московской губконференции, нарком РКИ и председатель ЦКК ВКП(б) С. Орджоникидзе напрямую увязал главный вопрос реконструктивного периода — вопрос рационализации промышленности — с борьбой против «бюрократических извращений нашего советского аппарата, против нашего неумения работать, против ужасного бумажного потока, против волокиты и дороговизны» (Рабочая Москва. 1927. 12 янв. С. 2–3). В принятой по докладу Орджоникидзе резолюции на НК РКИ и ЦКК возлагается «борьба с бюрократическими извращениями нашего аппарата» (Там же. С. 1). РКИ, обследующая ход выполнения директивы по экономии и рационализации, докладывала: управленческие штаты иногда не сокращаются, а увеличиваются; тарификация порой доводится до абсурда, когда машинистки получают наравне с экономистами и инженерами (Режим разгильдяйства // Рабочая газета. 1926. 9 июля. С. 3); идет увольнение рабочих, но аппарат не сокращается; создаются специальные бюро по рационализации; сокращения на производстве приводят к ухудшению качества продукции (Режим наизнанку // Там же. 6 авг. С. 2); процветают протекционизм и кумовство (Единым фронтом против бюрократизма // Рабочая Москва. 1927. 13 апр. С. 2); не уменьшается, а растет «бесконечный бумажный поток» (название раздела в газете: Там же. 29 марта. С. 3).

Антибюрократическая кампания не снимала и более сложного вопроса — как проводить столь необходимую стране рационализацию производства. Являясь «общеполитической задачей», вопрос рационализации производства предполагал форсированный подъем и техническое перевооружение собственной тяжелой промышленности: в относительно минимальный исторический срок «нагнать, а затем превзойти» уровень индустриального развития передовых капиталистических стран (постановление XV конференции ВКП(б), октябрь — ноябрь 1926). Рационализацию планировалось провести за счет накоплений госпромышленности, бюджетного перераспределения средств из других отраслей в пользу тяжелой промышленности, привлечение сбережений населения через займы. Декларировалось, что «фордизация по-советски» будет проведена без капиталистических издержек — сопутствующей рационализации безработицы среди рабочих и не за счет деревни, а на базе «смычки» города и деревни (*Каминецкий В.* Рационализация на Западе и у нас // Рабочая газета. 1927. 24 июня. С. 2; 25 июня. С. 2).

Реальные результаты кампании рационализации производства оказались не столь впечатляющими, как планировалось. В городах росла безработица, начались перебои со снабжением продуктами; «ножницы цен» (низкие на сельхозпродукты, высокие — на промышленные товары) вели к обострению отношений города и деревни. На лето — осень 1927 г. приходится пик протестных выступлений рабочих крупнейших заводов Москвы и Ленинграда,

не довольных ходом рационализации производства — сокращениями, снижением зарплаты, трехсменной работой. В 1927 г. забастовочным движением было охвачено большинство регионов страны; бастовали металлисты, транспортники, горняки. Ударная весенняя кампания по ликвидации недоимок по сельскохозяйственному налогу вызвала недовольство беднейших слоев деревни. Не столь блистательными оказались и промышленные итоги кампании. О низком качестве продукции предприятий московской промышленности и нехватке нужных для механизации производства аппаратов говорят на VIII губерньском съезде советов секретарь МК ВКП(б) Н.А. Угланов, делегаты с заводов «Красный пролетарий» и «Серп и молот», фабрик «Красная Роза» и «Красный текстильщик» (см.: Рабочая Москва. 1927. 2 апр. С. 3).

Итоги выполнения плана работ по рационализации подводят в июле на самых разных уровнях. На совещании руководителей московской промышленности, посвященном вопросам рационализации (см.: Рабочая Москва. 1927. 5 июля. С. 3), вновь встали организационные вопросы: «в чьих руках рационализация», «как ее проводить», кто на предприятии реально проводит и отвечает за рационализацию: завкомы, производственные совещания, специальные бюро по рационализации. Работу московской контрольной комиссии ВКП(б) и московской РКИ заслушивал VI пленум ЦКК ВКП(б). Отчитались количеством рассмотренных рабочих и крестьянских жалоб, работой по привлечению масс к обследованиям предприятий; количеством принятых от рабочих рационализаторских предложений; сокращением и упрощением аппарата; борьбой с «язвами бюрократизма», научным подходом к вопросу о госаппарате; сокращением дорогостоящей отчетности на 40%; планируемыми на следующий, 1927/28 г. (операционный год начинался в октябре) сокращением бюджетных расходов на аппарат на 20%; кампанией привлечения к рационализации широких рабочих масс и техперсонала, рационализацией всего производственного аппарата промышленности, разработкой нового положения о трестах и т. п. (см.: VI пленум ЦКК ВКП(б) // Рабочая Москва. 1927. 29 июля. С. 2; Резолюция VI пленума // Там же. 30 июля. С. 2; *Зайцев П.* Практика выполнения директив по рационализации производства // Там же. 21 авг. С. 3; *Рютин М.* Госаппарат и борьба с бюрократизмом // Там же. С. 2; С чего надо начать рационализацию // Известия. 1927. 26 июня. С. 1; Рационализация промышленного аппарата // Там же. 1927. 5 июля. С. 1).

Итоги летней отчетной кампании по рационализации производства были подведены на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (29 июля — 9 августа 1927 г.). В резолюции пленума «О хозяйственных директивах на 1927/28 год» (по докладу председателя правительства А.И. Рыкова) констатировалось, что «в области проведения рационализации производства в настоящее время сделаны лишь первые шаги», что «рационализация может быть успешной только при условии активного участия в этом деле широких рабочих масс» (Труд. 1927. 11 авг. С. 3). Вопрос «О работе ЦКК — РКИ» был выделен в специальный раздел также в резолюции пленума по докладу наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе. Заявление оппозиции «о растущем бюрократическом перерождении государственного аппарата» было признано необоснованным, однако пункт 9 резолюции определил среди важнейших задач — «дальнейшее развертывание борьбы партии с бюрократическими извра-

шениями советского аппарата». Рабкрину и ЦКК поручалось: 1) «всемерно расширить работу по вовлечению широких масс рабочих и крестьян в борьбу с бюрократическими извращениями государственного аппарата»; 2) «обеспечить возможность немедленной и всесторонней помощи каждому рабочему и крестьянину, борющемуся против того или иного конкретного бюрократического зла»; 3) «решительно преследовать и наказывать лица и органы (как партийные, так и советские), которые применяют меры репрессии к критикующим пороки бюрократических извращений, как бы решительна ни была эта критика» (Там же). В политическом отчете ЦК на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927) Сталин предложил следовать ленинской формуле: «Без “аппарата” мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма», призвал опираться на техническую интеллигенцию и прислушиваться к суждениям «честных» рабочих. В качестве примеров «позорного» поведения аппарата в докладе приводились истории крестьянских ходяков и уволенных с работы двух слесарей-инструментальщиков, посмеявшихся открыто бороться с безхозяйственностью и расточительностью. Подобные безобразия Сталин призвал «выжигать каленым железом» (цит. по: *Сталин И.* Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 322).

Платонов принял к исполнению партийный заказ на социальную «решительную» критику бюрократических извращений госаппарата с позиций трудящегося человека — рабочего и крестьянина. Обращение к сценарной форме воплощения бюрократической формулы «надлежащих мероприятий», до этого уже освоенной писателем в прозаических текстах («Город Градов», «Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине)»), также было вполне актуальным. В сценарном ведомстве еще весной 1927 г. прозвучало, что советских комических фильмов нет и необходимо внести в повестку дня «вопрос о плановом производстве комической фильму», «сюжетно направленной на осмеяние отрицательных моментов нашей общественности и уродливых сторон нашего быта (бюрократизма, хулиганства и проч.)» (Советская комическая // Кино. 1927. 19 апр. С. 2). На обсуждении проблематики советского комического сценария прозвучали те же роковые вопросы, что обозначились в дискуссии о сатире 1926 г.: «Советская комедия может быть и должна быть. Так же, как и советская сатира. Ни того, ни другого нет, так как комедия без сатиры есть только водевиль, скучный и ненужный в наших условиях. Самым сложным вопросом является выбор темы (как ни странно). Однобокую сатиру принять трудно, если не невозможно совсем. Отсюда полный художественный провал всех, а если не всех, то огромного большинства комедий. Тенденция заранее стандартизировать, что должно быть хорошим и что плохим — лишает комедию права на существование» (На подступах к советской комедии [Ответ на анкету реж. Б. Барнета] // Там же. С. 3). Если комедия, как и сатира, невозможна без современного (советского) материала и смеха, то какими могут быть сюжет и тип (герой) комического сценария. Признавалось, что материалом в основном должен стать современный быт (призыв — «Дайте бытовую фильму»), а комическим персонажем предлагалось сделать неприспособленного к современности человека, над которым можно смеяться: «...смеяться в наших условиях над неприспособлен-

ностью человека к общественной жизни, неприспособленностью, вытекающей из автоматизма и косности, приобретенных социальных привычек, — задача и актуальная, и вполне кинематографическая» (Советская комическая. С. 2).

Приняв к исполнению социальный заказ, Платонов точен в деталях в описании как кампании рационализации аппарата и промышленности, так и реального состояния города и деревни. Уже в мае 1928 г. будет найдено политическое объяснение авариям на производстве («вредители» из технической интеллигенции, «Шахтинский процесс») и срыву хлебозаготовительной кампании осени 1927 г., когда крестьяне отказывались сдавать хлеб государству по низким закупочным ценам.

С. 419. *РКИ* — Рабоче-крестьянская инспекция, подробно см. с. 820–821 наст. изд.

Завод «Красный Шкив» — первоначально: «Красная Аппаратура» (*Архив*. С. 41). Ироническое обыгрывание повсеместного переименования дореволюционных заводов и фабрик. Среди новых имен московских заводов и фабрик встречаются «Освобожденный труд» (Трехгорная мануфактура), «Парижская коммуна» (обувная фабрика), но чаще при переименовании использовалось слово «красный»: «Красный путь», «Красный маяк», «Красный металлист», «Красный богатырь», «Красный прокатчик», «Красный штамповщик», «Красный мыловар», «Красный кожевник», «Красная швея», «Красный конфетчик», «Красная звезда» и т. п. (дается по: Новое начало работ // Рабочая газета. 1928. 1 марта. С. 8).

Заворачивает все в «Рабочую Газету». *Наверху (видно зрителю) крупная надпись — отдел газеты — «Рационализация промышленности»*. — «Рабочая газета» — орган ВКП(б), ежедневная массовая рабочая газета (1922–1931). При газете была создана «Рабочая редколлегия», в которую входили представители крупных заводов и фабрик; газета курировала движение рабкоров, печатала их корреспонденции, а также письма рабочих, проводила различные смотры товаров, освещала вопросы безработицы и быта рабочих. В 1927 г. тираж газеты превышал 300 тысяч экземпляров. В качестве приложения к газете выходили журналы «Крокодил», «Работница», научно-популярный журнал «Хочу все знать». На страницах газеты нашла отражение кампания борьбы за рационализацию производства (см. выше с. 825–826). Газета регулярно освещала тему рабочего контроля и изобретательства: «Необходимо усилить работу по воспитанию нового актива производственных совещаний, втягивая в эту борьбу широкие слои рабочих, особенно более квалифицированных»; «Необходимо усилить внимание профорганизаций к делу рабочего изобретательства, содействуя практическому продвижению отдельных изобретений и усовершенствований через хозорганы» (Дело рационализации — дело первейшей важности // Рабочая газета. 1927. 15 мая. С. 2).

С. 421. *Убежденный любитель военного коммунизма, сподвижник Маврина в славных походах гражданской войны — товарищ Чалый. Он прибыл из далекой коммуны «Революционный заповедник имени 1919 г.»*. — Проекция в актуальную современность осени 1927 г. сюжета повести «Строители страны», посвященного «революционному заповеднику товарища Пашинце-

ва имени всемирного коммунизма». В повести события, разворачивающиеся в ревзаповеднике Пашинцева, датируются декабрем 1921 г. (упоминается Кронштадтское восстание, март 1921 г.) и представляют переломный поворот от эпохи военного коммунизма к нэпу. Зачарованность Пашинцева 1919 годом пытается объяснить Саша Дванов: «Дванов знал, что революция борется не только с классовым противником, но и внутри себя, сама с собой, — одновременно преодолевает себя и внешнего врага. Он понял Пашинцева и его искреннее отчаяние, — он увидел, что Пашинцев обречен. Дванов представил себе время, которым однажды и навсегда был очарован Пашинцев. Это первые месяцы после октября семнадцатого года — месяцы особого энтузиастического страстного коммунизма, охватившего отчаянные умиравшие массы солдатского и рабочего народа. Тогда верилось, что близок теплый день всемирной дружеской жизни. Но скоро эта вера превратилась лишь в поверье, а в Пашинцеве она стала алчным суеверием. Годы гражданской войны спрессовали революцию и сделали ее беспощадной военной силой. В революции осталось больше стойких сухожилий и меньше испаряющейся влаги вдохновения» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 81 об. — 82). Фрагмент не вошел в роман «Чевенгур»). В партийно-политической борьбе лета — осени 1927 г. сравнение современной ситуации с 1921 г. было характерно не только для всех групп оппозиции, но и для ЦК партии, однако с прямо противоположными оценками. Пашинцев/Чалый представляют идеологию «левого фланга оппозиции», считавшего, что вслед за «военным термидором» (Кронштадтским восстанием) последовал термидор самой партии, т. е. ликвидация диктатуры пролетариата и образование буржуазной власти, установление «крестьянско-кулацкой демократии». В мелкобуржуазном перерождении партии, ее уступках давлению буржуазии и крестьянства оппозиционеры видели предательство идеи мировой революции и пролетариата.

С. 422. ...у Ильинских ворот. — См. примеч. к наброску «Административное естествознание», с. 821 наст. изд.

Здание РКИ — Наркомат рабоче-крестьянской инспекции располагался в центре Москвы, по адресу: ул. Ильинка, д. 21.

...внятно расписывается, заканчивая подпись фигурой лебедя. — Ср. с подписью И.В. Шмакова на документе с визой Платонова, с. 126 наст. изд.

С. 424. ...художественный плакат (большим планом): нарисована мощная фигура рабочего, он указывает пальцем вниз — там надпись: «Что ты сделал для рационализации производства и госаппарата? Если ничего — иди и рационализируй сейчас же!» — Подобный плакат в ИЗО РГБ не выявлен; не исключено, что придуман Платоновым. Тема плаката эпохи Гражданской войны уже нашла отражение в повести «Сокровенный человек» (см. примеч. к повести, с. 642–643 наст. изд.).

В описании плаката воспроизведена модель агитационного плаката 1920-х гг. с изображением монументально-символического образа рабочего-пролетария с молотом или с «указующей» рукой (восходит к знаменитому плакату Д.С. Моора «Ты записался добровольцем?», 1920) и подписью с вопросом («Ты не пошел на фронт бить барона?», В. Маяковский, 1920) или с лаконичным лозунгом-призывом: «Труженик, придумай, как ускорить во времени и улучшить в качестве и технике твою работу и ее плоды» (ИЗО

РГБ. П. 1); «Рабочие, поднимайте производительность труда» (см.: Агитмассовое искусство Советской России. М., 2002. Кн. 2. С. 73). Созданию агитационных плакатов, посвященных «итогам промышленного восстановления» страны и новому этапу — индустриализации, отводилось большое место в работе юбилейной Октябрьской комиссии ВЦИК (см.: Из мероприятий Центр. комиссии по организации празднования 10-летия Октября // Коммунистическое просвещение. 1927. № 4. С. 23). Агитационно-просветительские плакаты создавали художники разных направлений (конструктивисты, левовцы, ахровцы); плакаты выпускали почти все издательства (ГИЗ, АХРР, «Безбожник», Главполитпросвет, МОПР, Центросоюз и др.). В дни празднования 10-летия революции в Москве открылась выставка Ассоциации художников революционной России (АХРР), художники АХРР прошли своей колонной по Красной площади с лозунгом «Искусство в массы»; 11 ноября в Доме печати прошло совместное заседание АХРР, ВАПП и АРК (АХРР в Октябрьские дни // Борьба за реализм в искусстве 20-х годов. Материалы, документы, воспоминания. М., 1962. С. 133–135).

В 1927 г. одним из новых направлений агитпропаганды становятся кампании «режима экономии» и рационализации производства. Орган Агитпропа журнал «Коммунистическая революция» сформулировал социальный заказ на данные темы: «...важнейшие рычаги массовой работы по содействию рационализации так или иначе приведены в движение. Направление, формы и методы изменились. Больше в производственной работе, в печати, меньше в устной агитации и клубной работе» (Кампания за рационализацию «на ходу» // Коммунистическая революция. 1927. № 11. С. 62) и сообщал о создании специальной литературы для пропагандиста (см.: *Чернявский Л.* О пропагандистской работе по вопросам режима экономии, снижении цен и рационализации производства // Там же. 1927. № 15. С. 43–54). К пропагандистской работе привлекались художники разных объединений, писатели, рабкоры, художники-самоучки: «Все культурные учреждения должны быть привлечены к участию в массовой пропаганде вопросов рационализации производства. <...> Следует обсудить вопрос об организации в клубах производственных уголков, которые бы шаг за шагом отражали состояние рационализации производства на предприятии <...> Конечно, должны быть использованы стенная, живая газета...» (*Бондарев Д.* Рационализация и массовая политпросветработа // Коммунистическое просвещение. 1927. № 3. С. 12).

Результативность агитационных плакатов оказалась не столь высокой, эта тема стала обсуждаться в периодике с конца 1927 г. Признавалось, что плакат, призванный «быть агитатором, воспитателем, вообще — организатором сознания масс», не выполняет своего назначения: рабочие или не понимают языка плаката или же и того хуже — понимают его неправильно: «...агитатор и масса говорят на разных языках» (*Камский В.* К вопросу об изучении воздействия агитплаката на рабоче-крестьянскую аудиторию (в порядке постановки вопроса) // Коммунистическое просвещение. 1928. № 4. С. 139–141). В платформе АХРР 1928 г. формулируется «первое условие» произведения, созданного «по принципам реалистического изображения сюжетов революционного содержания»: «понятность форм художественного языка широким массам» (Борьба за реализм в искусстве 20-х годов. Мате-

риалы, документы, воспоминания. С. 148). Это относилось и к агитационному плакату, на котором фигура рабочего, выполненная в обобщенно-символической стилистике, постепенно сменяется «типическим» образом рабочего.

...макеты женщины и мужчины в шубах. — Правильно: манекены. Возможно, сознательная игра со словами «макет» и «манекен», отражающая массовые языковые процессы 1920-х гг., когда неизвестное слово заменяется по ассоциации более известным. А. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» (1927) отмечал экзотические формы в языке крестьян и рабочих, рожденные в ходе провозглашенной «смычки» города и деревни (см.: *Селищев А. Труды по русскому языку. Язык и общество. М., 2003. Т. 1. С. 238–239*).

Чалый подходит к роскошной витрине. ~ Сравнивает обе витрины. — Отсылка к образу Москвы эпохи нэпа в литературе 1920-х гг., прежде всего к лирике В. Маяковского. «Две Москвы» — «я вижу ясно: / две их, / их две в Москве — / Москвы» («Две Москвы», 1926; *Маяковский, 7. С. 176*) — в стихотворениях Маяковского 1927 г. часто дается через сопоставление витрин магазинов (выставок музеев) и реклам города («Стабилизация быта», «Нашему юношеству», «Фабриканты оптимистов», «За что боролись?», «Корона и кепка», «Маруся отравилась» и др.). К 1927 г. в лирике Маяковского (да и в целом в советской поэзии) уже сложился клишированный набор характеристик «старой» Москвы как оплота мещанства и реакционной церковной старины. Образом превращенных в антиквариат символов революции Платонов откликнулся на происходящий в партии и стране отказ от идеи мировой революции, воспринимаемый его героем как буржуазное перерождение партии. С комической имитацией символов «старой» и «новой» Москвы напрямую соотносится «героическая» фигура Чалого со знаменем в руках, источником которой служат строки из стихотворения Маяковского «Нашему юношеству»: «Москва / не как русскому мне дорога, / а как огневое знамя!» (*Маяковский, 8. С. 18*).

...отдел объявлений «Вечерней Москвы». — См. примеч. к наброску рассказа «Административное естествознание» (С. 816 наст. изд.).

С. 429. ...я вас познакомлю с административным естествознанием. — См. набросок рассказа «Административное естествознание».

Всесоюзный союз кооперативных союзов — Центросоюз, Центральный союз потребительских обществ, объединяющий потребительскую кооперацию страны в целях содействия ее организационному строительству и экономическому развитию; одно из могущественных организационно-бюрократических учреждений страны. Учреждение со всем своим огромным аппаратом располагалось в центре Москвы, в двух зданиях (Ильинка, д. 15, Б. Черкасский пер., д. 17). В структуру Центросоюза входили другие союзы, в том числе Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации; союз имел большое издательство, выпускал литературу по кооперации, проводил «праздники МДК» (МДК — Международный день кооперации), в огромном количестве выпускал юбилейные брошюры и отчеты о работе Центрального кооперативного союза (см.: *Известия. 1927. 26 июня. С. 4*). С началом кампании борьбы за «режим экономии» РКИ не раз критиковал Центросоюз за раздутые штаты и неадекватные зарплаты (см.: *Рабочая газета. 1926. 9 июля. С. 3*). Через год вновь заговорили о рационализации управленческого учреждения

Центросоюза (См.: За рационализацию кооперативного аппарата // Там же. 1927. 1 июля. С. 8). На сессии Центросоюза среди недочетов в работе аппарата называлась слабая связь с провинцией («Рационализация методов обслуживания периферии лишь начинается»), недостаточная роль потребкооперации в проведении сельхозтоваров, незначительная роль кооперации на мясном рынке, где главным образом работает частник и т. п. (Сессия совета Центросоюза // Известия. 1927. 22 июня. С. 3). В июле вопрос реорганизации Центросоюза слушался в правительстве, принимается решение об организации Центросоюза СССР, вхождении в него центров потребительской кооперации союзных республик и предприятий общесоюзного значения (Там же. 3 июля. С. 5). По возвращении из Тамбова Платонов некоторое время служил в Центросоюзе, что сказалось в детализированном описании данного учреждения.

С. 430. *Патирасы «Краевые»* — выпускались Донской табачной фабрикой.

Зеленая деревня. Крыши на глазах прореживаются. ~ Окна выпадают из хат. Коровы превращаются в котлеты на блюде, которые пожирает тот чиновник, который заснул в портфель двор. — Первые итоги бюрократизации кооперативного движения в деревне Платонов подвел в рассказах «Город Градов (Заметки командированного)» и «Государственный житель». Сельхозкооперация 1920-х гг. была лишена финансовой самостоятельности и превращена в государственно-кооперативное предприятие, которое контролировалось самыми различными государственными структурами со своей мощной и разветвленной системой их организаций и аппарата (районные, областные, краевые, республиканские союзы). Регулярная реорганизация кооперативно-колхозного аппарата приводила к его увеличению и удорожанию (см. об этом: *Кабанов В.В.* «Кооперативный план»: иллюзии и действительность // Судьбы российского крестьянства. М., 1999. С. 212–232). Весь 1927 г. органы ОГПУ фиксируют по всему СССР выступления крестьян за создание независимого крестьянского союза (крестсоюза). Кампании весны и осени 1927 г. по ликвидации недоимок по налогу проходили с применением репрессивных мер, что вызвало недовольство беднейших слоев и середнячества деревни, наиболее пострадавших от налогообложения: описанное имущество продавалось с торгов, с крестьянских дворов забиралось все, вплоть до курицы, шла распродажа скота и имущества. Налогообложение крестьянских дворов было тотальным: от скота и сельскохозяйственных машин — до кустарных промыслов, огородов, садов, подсобных заработков. В связи с недородом в некоторых центральных губерниях отмечается массовая распродажа скота беднотой и отчасти середняками, что вело к их исходу в город на заработки и т. п. (см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. М., 2001. Т. 5. С. 371–372, 595–596, 613–614).

О ЛЮБВИ (с. 431). — Russian Literature. North-Holland, 1988. № XXIII–IV. С. 390–393. Публикация Т. Лангерака.

Датируется 1927 г.

Печатается по автографу (РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 5 – 8 об.).

Автограф статьи (карандаш) сохранился не полностью; окончание последнего предложения, очевидно, находилось на утраченном листе. По своей проблематике восходит к статьям начала 1920-х гг., прежде всего к «Культуре пролетариата» и «О нашей религии», отмеченным предельной, жестко полемичной постановкой вечных философских вопросов человеческого бытия — о любви и Боге, жизни и ее познании, истине и благе, вере и знании, красоте и мысли (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 75–78, 90–100), и входит в лабораторию философского поиска Платонова конца 1926 — 1927 г.

Кроме данного автографа сохранились два листка того же формата (листы из общей тетради) с первыми набросками статьи «О любви». Не исключено, что в замыслах Платонова была большая работа на заданную тему. Первый вариант экспозиции отвергнут уже в процессе написания:

«Есть вещи в мире, которые не надо объяснять, но которые сами существуют для объяснения, утверждения и оправдания всего.

Если находиться против света, он только ослепляет и вредит, — надо отойти от света в сторону, тогда он скользит мимо и освещает мир. Свет не надо задерживать собою, а пропускать мимо, через себя, тогда все видно и легко. Также и с любовью. Любви нет, когда она хранится глубоко в сердце. Любовь есть, когда она опустошает и сжигает сердце и уходит из него и снова в нем рождается» (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1).

Второй вариант экспозиции посвящен вопросам современного научного знания XX в., философским выводам из научных теорий новейшей физики, совершившей на рубеже веков революцию в естествознании и открывшей эпоху философской борьбы, в которой приняли участие европейские и русские философы и политики (работа В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», 1909). Платонов был знаком не только с работой Ленина, посвященной критике всяческих форм идеалистического толкования материи, «сожителства теологов и профессоров», попыток «примирить материализм с идеализмом», но и с атакованными в «Материализме и эмпириокритицизме» философскими концепциями европейских (физик Э. Мах, химик В. Оствальд) и русских (А. Богданов) естествоиспытателей и разделял некоторые положения их теорий, о чем свидетельствуют его записи 1921 г. (см.: *Записные книжки*. С. 17–21). Если Ленин критиковал физиков за то, что они не сумели «прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму» и совершили поворот к идеализму, впали в «физический идеализм», то Платонов, обращаясь уже к мировым открытиям в области физики 1910-х гг., прежде всего к выдвинутой Э. Резерфордом в 1911 г. и разрабатываемой вслед за ним Н. Бором планетарной модели атома, атакует новое научное мировоззрение с позиций вечных, «проклятых вопросов» философии. Однако, не завершив даже предложения, Платонов отказывается от данного варианта начала статьи:

«Глубочайшее и самое преступное заблуждение человеческого сознания в том, что оно хочет понять вселенную, раздробляя эту вселенную на атомы, на почти нереальные частицы, чтобы, изучив их, понять и вселенную. Изучив их, мы хотим познать мир.

Это самое великое и самое нелепое наше заблуждение. Разделение, дробление, глубже и глубже, в темный колодезь без дна — вот путь науки допротетарской эпохи. Это путь не к миру, а от мира. Если ты хочешь познать мир, то и бери весь мир, и познавай его, а не дели его, оправдываясь тем, что весь мир глаза не видят, а вот немногое, что можно отделить, видимо.

Наука дошла до того, что ученые смеялись, когда им предлагали вопрос, что такое вселенная, зачем она и что делать в ней человеку? Такие, т-ак> называемые> проклятые вопросы вышли из сферы науки, т-ак> к-ак> разделение и разъединение человеческого знания шло все глубже и дальше. Этот вопрос вне науки. Наука же задавалась более скромными, как говорят ученые, и более практическими, более разрешимыми вопросами вроде “зависимости между диэлектрической постоянной и минимальным ионизирующим потенциалом газа”, “предельной частоты в спектре гелия водорода и ртутного пара в крайней ультрафиолетовой части”, “электронных колец в атоме” и т. д.

Одни эти названия показывают всю безмерность научной специализации.

А ведь задача человека и человечества, трудовая, задача овладеть всем миром, а не той» (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1–2).

Возвращаясь вновь и вновь к последствиям «неравномерного развития» наук («Питомник нового человека», с. 372–373 наст. изд.), Платонов утверждает, что современная опытная физическая наука не может стать философским основанием нового научного мировоззрения, ибо она занимается «разрешимыми вопросами». Для просвещенного читателя 1920-х гг. без труда определялся адресат полемического выпада Платонова. На него указывают приведенные цитаты, на самом деле представляющие несколько переформатированные заглавия статей из журнала «Успехи физических наук» за 1920 г. (Т. 2. Вып. 1): С. Вавилова «Зависимость между диэлектрической постоянной и минимальным ионизирующим потенциалом газа» (С. 118–119), Т. Молодая «Предельная частота в спектре гелия, водорода и ртутного пара в крайней ультрафиолетовой части» (С. 117–118), П. Лазарева «Об электронных кольцах в атоме» (С. 103). Это были даже не научные статьи, а краткие аннотации исследований современных физиков. Скорее всего, Платонов их даже не читал, иначе бы в аннотации Молодая после слова «гелия» поставил запятую, которая присутствует в тексте, но почему-то исчезла из оглавления журнала. Однако с открывающей журнал статьей французского физика В. Анри «Современное научное мировоззрение» Платонов познакомился, взяв из нее некоторые положения и одновременно поставив под сомнение общий ее пафос, что новейшие открытия в области физики (теория относительности, открытие радиоактивности атома) представляют абсолютные универсальные законы природы и истории человечества; ср.: «Мы переживаем теперь один из величайших кризисов; все наше мышление, вся этика, вся жизнь, все наше духовное и нравственное существование находятся в состоянии какого-то умственного брожения; те незыблемые законы и даже принципы, на которых строилось все наше мировоззрение и вся наша жизнь, пересматриваются, отбрасываются и взамен им вырастает новая система, более общая, более широкая, которая должна сделаться руководящим учением на многие десятилетия и даже столетия. Эти новые принципы должны будут направлять всю

нашу интеллектуальную и нравственную жизнь на новый путь, по которому человечество немного ближе подойдет к познанию истины и к увеличению счастья на земле, по которому, другими словами, будет достигнут известный прогресс. <...> При этом в стремлении построить стройную систему мировоззрения человек старается свести все явления природы к минимальному количеству общих принципов, из которых логически выводились бы все человеческие действия, как нравственные, так и духовные» (*Анри В. Современное научное мировоззрение // Успехи физических наук. 1920. Т. 2. Вып. 1. С. 1*). Не исключено, что этот номер журнала находился в библиотеке Платонова с 1920 г., когда он писал статью «Культура пролетариата», однако симптоматично, что он возвращается к проблематике философских споров начала века и своих юношеских исканий в 1927 г., в пору работы над повестью «Строители страны», герои которой пытаются, идя след в след за современной физикой, уверовать в науку, открывающую перед ними славное гармоническое будущее, и принимают как аксиому, что после революционных открытий в физике процессы сложной «нервной» жизни человека «могут быть в точности сведены к чисто физико-химическим процессам и вычислены наперед» (*Анри В. Современное научное мировоззрение. С. 12*). Примечательно, что среди книг «библиотеки» Мошонкова-Достоевского, которые герой «изучил повторным чтением наизусть, но без всякого понимания», находятся работы ученых о теории атома, постоянно публикуемые в журнале «Успехи физических наук», а также исследования о любви: «Он знал фразы: “Структурно атомные аномалии могут возникнуть под действием бета-лучей”, “Развитие любовных проблем всегда сигнализирует нам разложение общественного организма, которым уже не поглощается творческая энергия людей”» (Повесть А. Платонова «Строители страны»). К реконструкции произведения / публ., вступ. ст. и коммент. В.Ю. Вьюгина // Из творческого наследия русских писателей XX века. СПб., 1995. С. 378).

Названием статьи «О любви» Платонов возвращает в актуальное поле современного научного знания основной вопрос философии — о мире (материи) и познаваемости мира, абсолютном и относительном знании, истине в идеализме и материализме, возвращает вопреки тому, что окончательные материалистические ответы на эти вопросы были сформулированы Лениным не только в его главном философском труде, но и в философской дискуссии 1922 г. с религиозными философами, на которую Платонов откликнулся статьей «Симфония сознания» (см.: *Сочинения, 1(2). С. 399–408*). В контексте философского поиска писателя 1926–1927 гг. появляются новые авторитетные источники современного естествознания. К ним можно отнести вышедшую в 1926 г. книгу В. Вернадского «Биосфера», вводящую в науку понятия «живое вещество» и «биосфера» и утверждавшую, что высшей фазой развития материи на земле является жизнь (книга включала два очерка — «Биосфера и космос» и «Область жизни»), а также публикации в журнале «Успехи физических наук» в связи с юбилеем Ньютона докладов выдающихся физиков XX в., лауреатов Нобелевской премии по физике М. Планка (Физическая закономерность в свете новых исследований // *Успехи физических наук. 1926. Т. 6. Вып. 3. С. 177–199*), Р.А. Милликена (Космические лучи высокой частотности // *Успехи физических наук. 1926. Т. 6. Вып. 1. С. 1–2; Электрон*

и световой квант с экспериментальной точки зрения // Там же. С. 7–20) и С.И. Вавилова (Принципы и гипотезы оптики Ньютона // Там же. 1927. Т. 7. Вып. 1. С. 87–106).

Вечная для литературы тема сущности любви уже не раз формулировалась писателем со всем шлейфом стоящей за ней «реакционной философии» (В.И. Ленин). С подобного изложения начиналась статья «О нашей религии»: «Бог есть любовь, говорили древние люди. Нет: любовь есть форма жизни, ее высшее для нашего времени достижение, сама же жизнь выше даже любви, ибо жизнь есть источник любви (а не наоборот, как думали); будет время, и жизнь найдет еще более достойное проявление себя. Бог есть не любовь, а то, что мы все и всегда достигаем, — совершенная сила жизни. Жизнь же, чем больше она усиливается, тем более жаждет силы» (*Сочинения, 1(2)*. С. 75). Риторически отвергая один из базовых догматов христианства «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16), Платонов одновременно объявляет христианское понимание любви «совершенной силой жизни», высшим достижением человечества. В списках великих «богов, героев и вождей», штурмующих на разных путях вселенную и историю, которые постоянно составлялись писателем в статьях начала 1920-х гг., он только с образом Христа связывает жизнь и путь, отмеченные совершенной, «полной», любовью: «Христос шел другой дорогой. Не уничтожения, не взрыва вселенной он хотел, не изменения ее, а хотел обнять ее, и не иную, преображенную, а всю такую, какая есть. В этом полная любовь. Для Христа вселенная — мать и невеста, небесная Галилея, а не окаянная пустыня, не судьба, не водоворот хаоса, в котором человечество — только случайная рожа. Раненый сознанием, Христос хотел одного и ясного, чтобы вселенная стала им, Христом. Большого ничего он не хотел, а если бы захотел большего, не был бы Христом» (Горький и его «На дне» // *Сочинения, 1(2)*. С. 199).

Скорее всего, статья «О любви» осталась незавершенной. Готовых решений поставленных вопросов Платонов не принимал, никаких условий для свободного философского самовыражения в советской России не было, область исследования сложнейшей философской проблематики, звучащей в «О любви» в живом многоголосии диалога, незавершенности, открытости, отрицания и постоянного возвращения, оставалась крайне ограниченной, о чем свидетельствует история создания и публикации статьи «Питомник нового человека» (см. с. 792–794 наст. изд.). Философско-лирические медитации «О любви» и поиски ответа на поставленные в статье вопросы продолжатся в повести «Строители страны».

С. 432. ...и об истине, которая одевается ложью и все-таки бывает истиной, настолько она всемогуща. — Далее в автографе вычеркнутое предложение: «Красоту не уничтожить». В статьях Платонова 1920 г., посвященных вопросам культуры пролетариата, классическим понятиям «истины» и «красоты» были противопоставлены наука и мысль, а строки из стихотворения Пушкина 1830 г. «Герой» («Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман») названы «гениальным сгущением сущности буржуазного идеалистического метода» (*Культура пролетариата // Сочинения, 1(2)*. С. 95). С возвращением к пушкинскому контексту высказывания

об «истине» (эпиграф в стихотворении «Герой» — «Что есть истина?») жесткое противопоставление 1920 г. преобразуется в противоречивое, но нерасторжимое единство двух знаний — рационального, правды Друга-историка («тьма низких истин»), и духовного, правды Поэта («нас возвышающий обман»). Появление в этом философском контексте классического понятия «красоты», возможно, связано с эстетическими поисками группы «Кузница», с которой Платонов в эти годы сотрудничал. На эстетическом знамени кузнецов было начертано два понятия — «труд и красота». «Рефлекс красоты» столь же естественен для пролетария, утверждал теоретик и поэт «Кузницы» Г. Якубовский, как и труд: «...лозунг великого художника: “красота спасет мир” наполняется новым содержанием, приобретает особый смысл в эпоху пролетарской революции...» (*Якубовский Г. Труд и красота // Рабочий журнал. 1924. № 1. С. 100; Он же. Искусство в революции // Там же. 1924. № 2. С. 107*).

Жизнь смеется и из гробов. — Вместе с предыдущим (вычеркнутым) предложением данные слова представляют аллюзию на финальные строки элегии Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829): «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть, / И равнодушная природа / Красою вечною сиять». Ср. со статьей «О нашей религии»: «Мы живем, мы смеемся и идем до конца. Для своей же радости, для потребностей своей жизни мы творим себе видения — бога и дьявола. А за этими видениями молчат еще океаны тайн и возможностей» (*Сочинения, 1(2). С. 75*).

Когда мне приходилось об этом говорить с маленьким мальчиком ~ то на мой вопрос, как назвать ту ласковую силу, которая в нас бьется и ведет нас к счастью и силе, мальчик отвечал: моя мама. — Включением в философский спор об истине ребенка с его аргументами не рационально-головой, а сердечной мысли Платонов вновь возвращается к базовым христианским ценностям («...и истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»; Мф. 18:3), отвергнутым в «Культуре пролетариата», и к ключевому богоборческому сюжету его фантазий. Ср.: «Никогда, ни в одном из нас не шевельнулась сладкая-сладкая боль, боль любви к женщине. Мы — сознающие, мы видящие, и мы приняли за самую тяжелую работу. Пусть те, кто дети, играют в песке и думают, что мир им мать, а жизнь — влюбленность. Душа наша — ненависть. И ненависть наша так велика, что она перерастет и захлестнет собою мир» (расказ «В звездной пустыне», 1921 // *Сочинения, 1(1). С. 178*).

Другой человек, писатель, после долгого разговора крикнул: так это ж жизнь, как хорошо! ~ А до этого он сидел угрюмый и бледный, со скорчившейся от тоски душой. — Отсылка к Пушкину как автору стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», представляющего лирический монолог, бескомпромиссный «разговор» с самим собой о неотвратимости смерти, бренности земной жизни, неизбежности забвения, который завершается утверждением идеи вечности жизни, пути к вечности через смерть. Одновременно — отсылка к собственному философскому поиску и опыту (см. философскую притчу «На суд Божий явились два человека...» в записной книжке 1921 г.: *Записные книжки. С. 19–20*), в разных конфигурациях отразившемуся в философских прозрениях его героев-деятели («Маркун», 1920). См. появление

в финале рассказа «В звездной пустыне» (1921) образа «другого» человека с его «безысходной, невыносимой любовью» к человеку (*Сочинения*, 1(1). С. 180).

Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою Богородицу. — Кроме репрессивных мер борьбы с Церковью (закрытие храмов и монастырей, изъятие и осквернение мощей святых, судебные процессы над священниками и прихожанами), в антирелигиозной государственной программе с 1923 г. (в рамках кампании борьбы за «новый быт») широко практиковались веселые карнавалы на Рождество и Пасху, издавались сборники антирелигиозных частушек, карикатур, справочники безбожников и методические рекомендации по проведению антирелигиозных мероприятий в сельских и рабочих клубах. В апреле 1925 г. прошел 1-й съезд Общества друзей газеты «Безбожник», был создан Союз воинствующих безбожников, утверждена масштабная программа борьбы с религией, в которой большое место отводилось сатирической антирелигиозной работе советских писателей и деятелей культуры. Огромный резонанс имела поэма Д. Бедного «Новый завет без изъяна от евангелиста Демьяна», представляющая пародию на «Новый завет», высмеивающая жизнь Иисуса Христа и Богородицы (с 12 апреля по 23 мая 1925 г. поэма печаталась на страницах «Правды», а также «Рабочей газеты», «Бедноты», выходила отдельным изданием). Учitando, что образ Богородицы занимает в русской культуре (музыке, литературе) и народной жизни совершенно особое место (Мать-заступница, Божия Матьер русской земли), а «Сказания о жизни Богородицы» оставались еще в начале XX в. излюбленным народным чтением, в антирелигиозной литературе большое место отводилось юмористическим богохульным текстам и карикатурам на почитаемые в народе иконы Божией Матери. См. запись в дневнике В. Вернадского от 14 сентября 1926 г.: «“Закон божий” как называют “политграмоту” благодаря насилию и невежественным и безграмотным “учителям” <...> совершенно подрывает идейную сторону ком<м>мунизма. Идет разложение и насмешка» (*Вернадский В. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 27*).

Если мы хотим разрушить религию и создаем, что это сделать надо непременно, т<ак> к<ак> коммунизм и религия несовместимы, то народу надо дать вместо религии не меньшее, а большее, чем религия. У нас же многие думают, что веру можно отнять, а лучшего ничего не дать. — В регулярно переиздаваемой с 1920 г. брошюре Н. Бухарина и Е. Преображенского «Азбука коммунизма», представляющей «популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков, принятой на 8-м съезде» (1919), отдельная глава «Религия и коммунизм» открывалась параграфом «Почему религия и коммунизм несовместимы»: «Некоторые плохонькие коммунисты рассуждают так: “мне религия не мешает быть коммунистом, — я одинаково верю и в Бога, и в коммунизм. Моя вера в Бога не мешает мне бороться за дело пролетарской революции”. Такое рассуждение в корне неверно. Религия и коммунизм несовместимы ни теоретически, ни практически. Всякий коммунист должен смотреть на общественные явления (отношения между людьми, революции, войны и проч.) как на нечто такое, что совершается по определенным законам. <..> Согласно этой теории никакие сверхъестественные силы не оказывают действия на общественное

развитие. Мало этого. Та же теория устанавливает, что самое понятие о Боге и потусторонних силах появилось на определенной ступени человеческой истории и на определенной ступени начинает исчезать, как представление детское, не подтверждающееся практикой жизни и борьбы человека с природой. <...> Борьба с религией имеет две стороны, которые строго надо различать каждому коммунисту. Во-первых, борьба с церковью как особой организацией религиозной пропаганды, материально заинтересованной в народной темноте и религиозном рабстве. Во-вторых, борьба с широко распространенными и глубоко укоренившимися религиозными предрассудками большинства трудящихся масс» (*Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. М., 1920. С. 209–210). В опубликованных в 1920 г. в «Красной деревне» статьях «О религии» и «О нашей религии» Платонов, излагая в целом официальную партийную доктрину отношения религии и коммунизма, осложнил программные установки «слишком утонченными эстетическими взглядами», как справедливо отметил в 1921 г. рецензент, не рекомендовавший статью «О нашей религии» к переизданию (см.: *Сочинения*, 1(2). С. 342). Постоянно возвращаясь в 1927 г. к теме веры и коммунизма, Платонов акцентирует и по-своему развивает идеи, закрепленные им в статьях 1920 г. за классовым врагом пролетариата — «буржуазной интеллигенцией»; ср.: «Революцией разрушена не только христианская религия, но и предупреждена всякая возможность возникновения на земле всякой новой религии. Это потому, что революция есть дочь науки, а наука враждебна всякой вере, всякому темному, невыясненному движению души, всякой страсти, вытекающей не из сознания, не из мысли, а из темных глубин человека. Наши противники, буржуазная интеллигенция, люди белые духом, говорят, что большевики, разрушая церковь, религию народа, ничего не дают нового взамен, душа народа изголодалась по духу и нигде не находит его, ибо все старое рушится и уже разрушено, уже самый темный народ перестает плакать перед иконой Богородицы. Но зато и нового, истинно утоляющего открытую душу человека, нового ничего не дает большевизм русскому народу. И еще говорят эти белые духом, что религиозное чувство, та темная страсть души, в народе не умерло; умер только обманчивый идол, к которому стремилась народная душа, — умерло православие, а неутомимая изголодавшаяся страсть еще сильнее вспыхнула и ищет и делает себе новых богов. Это не так, тут нет правды, господа ученые» (статья «О нашей религии» // *Сочинения*, 1(2). С. 77).

Вы скажете, но мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ не утешит. — В борьбе с религией большое место отводилось не только общественным гуманитарным наукам (статья В.И. Ленина «О значении воинствующего марксизма», 1922), но и естественным. К антирелигиозной пропаганде, разъяснял на страницах «Правды» И. Степанов (зам. председателя Госиздата), необходимо подключить «спецов» из ученых-естественников, потому что решать предстоит сложнейшие и масштабные задачи — излечивать «раны», нанесенные «голове» человека крахом религии: «...голова человеческая не переносит пустоты и бездеятельности, человек начнет разлагаться, так как старый строй его мирозерцания разрушен, а нового нет. В голове получилось нечто худшее, чем пустота: остались развалины и обломки» (*Степанов И.* Ко всем, кроме непогребенных мертвецов (Особому

вниманию агитпропов и политпросветов) // Правда. 1922. 14 сент. С. 1–2). Грандиозные задачи, стоящие в целом перед советской наукой в формировании мировоззрения человека «безбожной эпохи», были сформулированы Л. Троцким в 1923 г. в его обращении к делегатам первого Всероссийского съезда ученых (выступление Троцкого печаталось 24 ноября в «Известиях» и вошло в его книгу «Литература и революция»). Наука как «важный рычаг культуры» обязана подключиться к модернизации «ужасающе отсталой страны» и народа, сбросить Церковь, подчинить контролю разума и заместить собою веру: «Человек сперва изгонял темную стихию из производства и идеологии, вытесняя варварскую рутину научной техникой и религию — наукой» (Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 196). Пропаганда научного взгляда на жизнь отводилось большое место в тонких журналах для молодежи, рабочих и крестьян; в огромном количестве печаталась научно-популярная литература о происхождении жизни и человека, природе и морали, научных гипотезах и экспериментах по улучшению природных свойств человека, подготовленная профессорами Института красной профессуры, Коммунистического университета им. Свердлова и Коммунистической академии. В научно-популярном и научном отделах журнала «Молодая гвардия», входившего в круг чтения Платонова, регулярно печатались статьи по вопросам естествознания и философии, естествознания и коммунистической морали. Общей для работ советских марксистов о естествознании была критика «старой философии» за ее умозрительность, склонность к метафизике, за то, что она «занималась “тонкими” вещами (там были и “душа”, и “бог”, и т. п.)», за порочность ее методов; естествознание утверждалось как принципиально новая, «конкретная наука» и одновременно идеология; был объявлен призыв в естествознание пролетарской молодежи, «полной революционной энергии и энтузиазма» и способной сдвинуть вопрос основ теоретического естествознания, сложившихся непростых отношений современного естествознания и марксизма с «мертвой точки»: «У нас уже есть пролетарские инженеры, пролетарские писатели и художники, у нас есть марксисты-философы, юристы и историки, — у нас должны быть и марксисты-естественники» (см.: *Егоршин В.* Современное естествознание и марксизм // *МГ*. 1926. № 5. С. 161–164). В программах борьбы с религиозным отношением к жизни центральное место отводилось пропаганде дарвинизма. Теория Дарвина призвана была играть роль методологии не только в области биологических наук, марксистской философии истории, но и строительства новой общественной морали и этики: «По Дарвину, именно в результате борьбы и уничтожения всего неприспособленного мир организмов подвигается вперед по пути совершенствования. “Из свирепствующей среди природы войны, голода и смерти, — пишет Дарвин, — непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум себе в состоянии представить, — образование высших форм животной жизни” (“Происхождение видов”). Каждый поступательный шаг жизни роковым образом ведет за собой тысячи и тысячи смертей — таков принцип эволюционного развития. Таким образом, дарвинизм, как и исторический материализм, есть материалистически-диалектическая методология. Это их в высокой степени роднит» (*Слепков В.* Марксизм и биология // Там же. 1927. № 4. С. 163).

Разъяснение отношений науки и веры занимает немалое место на страницах центральных и провинциальных газет; важно было убедить читателя в «чудесных возможностях науки», язык которой радостно понятен для человеческого ума, а потому в нее можно и нужно верить, да и в целом этот вопрос решен, причем решен однозначно и навсегда: «...спор науки и божественного суеверия решен бесповоротно: наука научилась не только объяснять, разоблачать “чудесное”, но и творить чудеса без бога и наперекор богу. “Чуда” больше нет... Истинным чудом стало развитие самой науки и ее каждодневные завоевания. <..> Нет сказочника — есть историк. Нет звездочета — есть современный астроном. <..> И наконец, живое электрическое чудо Волхов-строя, в наши дни, на наших глазах, “*претворишиго воду*” в свет!.. Это не бессмысленное бесцельное библейское строительство Вавилонской башни. Это — разумный и рассчитанный сплав земной науки и земного труда. <...> Освобожденная из душевного религиозного плена, из идеалистического рабства наука идет вперед действительно сказочными шагами, словно вознаграждая себя за свой былой несвободный путь. *В человеческую науку — можно и нужно верить.* Ибо к золотому веку свободного и мудрого человечества она украсит нашу старую землю всеми чудесами непобедимой мысли и неотступной воли» (Стаховский А. Современное «волшебство» // ТП. 1927. 1 янв. С. 5).

Русская религиозная философия, с идеями которой Платонов был хорошо знаком, уже в начале XX в. последовательно оппонировала теории научного прогресса, считая, что превращающаяся в новую религию, «религию прогресса», позитивная наука оставляет человека и человечество в «абсолютной неизвестности»: «Научная теория прогресса подобна тусклой свече, которую кто-нибудь зажег в самом начале темного бесконечного коридора. Свеча скудно освещает уголок в несколько футов вокруг себя, но все остальное пространство объято глубокой тьмой. <..> попытка построить научную религию не удалась: вера властно заявила свои права там, где хотела владычествовать наука, и наука обманула возлагавшиеся на нее ожидания. Но разве не ошибочна, не утопична была и сама мечта основать религию, имеющую дело с бесконечным и вечным, на том конкретном и всегда ограниченном фундаменте, который дается положительной наукой! Возможно одно из двух: или наука сохранит лишь свое название, но фактически перестанет быть наукой, или же она не сможет стать религией. Случилось первое» (цит. по: Булгаков С. От марксизма к идеализму: сборник статей (1896–1903). СПб., 1903; репринт: Frankfurt. М., 1968. С. 127–128).

В 1926–1927 гг. Платонов неоднократно возвращается к вопросу о научном знании и вере в фантастических рассказах и в повести «Эфирный тракт». Размышления о вере и науке из статьи «О любви» будут передоверены герою-рассказчику автобиографической повести «Строители страны»:

«А в России в этот вечер всем народом шла охота за хлебом. Вошь стала крупным зверем, пожирающим целую страну. Великая тоска жила в уцелевших душах простых людей: есть бог, или большевики справедливы — и его нет нигде; есть бог — тогда хорошо и покойно и жену, от хорошего настроения, реже бьешь; нет бога — стой на своих ногах, обдумывай лично весь смысл вселенной и перешивай ее, неуклюжую, заново.

Я, бродивший по полям фронтов, видел, что народ в те времена голодал от двойной бескормицы — и без ржи и без души. Большевики [*принесли*] отравили сердце человека сомнением; над чувствами взошло какое-то жаркое солнце засушливого знания; народ выпал из своего сердечного такта, разозлился и начал мучиться. Вместо таинственной ночи религии [*когда, по вере земледельцев,*] засияла пустая точка науки, [*света пустоты*] осветил пустоту мира. Народ испугался и отчаялся. Тогда были, по-моему, спутаны две вещи — сердце и голова. Большевики хотели сердце заменить головой, но для головы любопытно знать, что мир наполнен эфиром, а для сердца и эфирный мир будет пуст и безнадежен — до самоубийства.

После я понял, что перед крупной операцией у человека всегда очищают желудок. Большевики тоже устроили народу предвоспитательный понос, чтобы тело не нервничало и не сопротивлялось под лезвием революции и имело пустые места для вложения новых органов.

Люди гибли в тот день — телесно и непосредственно. Они были беспомощны, как лапша, и трагически оправдывали насмешливое слово масса (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 9 об. — 10).

Сами ученые, самые вожды науки, почти все были верующими людьми. — Данную коллизию Платонов в статье «Культура пролетариата» (1920) отнес к наиболее сложным вопросам культурного строительства и назвал ее «мертвой точкой» пролетарской философской мысли: «У профессора Тимирязева я прочел, что даже в науку о самой точности — математику невидимыми путями пробралась мистика (тот же вид идеализма, так присущий предсмертной эпохе буржуазии). Научная мысль буржуазии не довольствуется простым исследованием явлений в границах опыта, она, в силу религиозных мозговых пережитков, неудержимо стремится вырваться из скромных данных опыта и улететь в идеалистические обобщающиеся области неподвластные критике. В механике, химии, физиологии, зоологии, ботанике — везде лежат печати средневековых религиозно-идеалистических пережитков, которыми пропитана вся классовая философия буржуазии» (*Сочинения*, 1(2). С. 92–93, 347–348). В статье «Питомник нового человека» среди «вождей науки», остающихся верующими людьми, упоминается английский физик Э. Резерфорд (см. с. 373, 796–797 наст. изд.). В этот же платоновский список ученых, скорее всего, также входил священник, религиозный философ и ученый П. Флоренский. Платонов был знаком с главным философским трудом Флоренского «Столп и Утверждение Истины» (см. примеч. к статье «Пролетарская поэзия» // *Сочинения*, 1(2). С. 372). С 1921 г. Флоренский работал в близкой Платонову области электрификации страны и технической науки — техники высоких напряжений: научный сотрудник Государственного экспериментального электротехнического института (с 1927 г. — ВЭИ (Всесоюзный электротехнический институт)), автор книги «Диэлектрики и их техническое применение» (вышла в 1924 г. в издательстве «Главэнерго»); редактор и один из авторов «Технической энциклопедии» (1-й том вышел в 1927 г.).

Идеологи строительства новой России прекрасно осознавали и публично признавали, что время пролетарской науки наступит еще не скоро, а современные ученые, даже представители естественных наук, по своему миро-

воззрению остаются приверженцами буржуазного «реакционно-классового» мировоззрения (см.: *Троцкий Л.* Литература и революция. С. 155–157). Действительно, за редким исключением (в СССР — К.А. Тимирязев, чьи работы конца XIX — начала XX в. по пропаганде дарвинизма активно использовались в борьбе с Церковью и в антирелигиозных кампаниях) не только русские, но крупнейшие иностранные ученые-естественники были верующими людьми или признавали религиозный взгляд на мир, считали, что наука о духовном знании имеет свои законы и формируется на иных, чем естествознание, путях. В.И. Вернадский в статье 1902 г. «О научном мировоззрении», вошедшей в его книгу «Очерки и речи» (Пг., 1922), говорит о науке и религии как важнейших составляющих духовной жизни человечества, их «могущественном» взаимовлиянии друг на друга, отмечает, что под влиянием науки «понимание христианства начинает принимать новые формы, и религия поднимается в такие высоты и опускается в такие глубины души, куда наука не может за ней следовать. <...> Как христианство не одолело науки в ее *области*, но в этой борьбе глубже определило свою сущность, так и наука в чуждой ей области не сможет сломить христианскую или иную религию, но ближе определит и уяснит формы своего ведения» (*Вернадский В.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 52). В 1926 г. основоположник квантовой физики М. Планк утверждал, что совершенное «познавание» мира включает в себя не только признание физических законов мира, но и «свободу воли», которая определяется вовсе не современными физическими гипотезами, а «преданными ныне забвению воззрениями», в том числе законом, открытым Иммануилом Кантом: «...из одного лишь закона причинности даже самый умный человек никогда не сможет вынести решающий мотив своих собственных сознательных поступков. Для этой цели ему необходима иная путеводная нить, а именно нравственный закон, которого не могут заменить ни высочайший разум, ни тончайший самоанализ»; «Как раз именно новейшая физика со всей определенностью приводит нас к признанию старой истины: существуют реальности, не зависящие от восприятий органов чувств, и существуют проблемы и конфликты, в которых реальности эти представляют для нас большую ценность, чем ценнейшие богатства всего нашего чувственного мира» (*Планк М.* Физическая закономерность в свете новых исследований. С. 190, 199). Религиозным по своим убеждениям оставался американский физик Р. Милликен, получивший Нобелевскую премию 1923 г. по физике за работы по определению и измерению элементарного электрического заряда и фотоэлектрическому эффекту; автор работ по истории науки и религии. В нобелевской лекции физик высказал убеждение, что в силу того, что «естествознание движется вперед на двух ногах — на теории и эксперименте», что «иной раз то одна, то другая нога выдвигается вперед» и «так далее до бесконечности», — великим заблуждением современности, особенно у «образованных неспециалистов» является их убеждение в полноте исчерпывающих доказательств существования электрона: «Один выдающийся литератор говорил недавно об электроны как о “последней естественноисторической гипотезе, которая, в свою очередь, уступит место абракадабре завтрашнего дня”» (*Милликен Р.* Электрон и световой квант с экспериментальной точки зрения. С. 7). Большой резонанс в это десятилетие,

прежде всего в СССР, имело выступление всемирно известного физиолога, первого русского лауреата Нобелевской премии И.П. Павлова. Выступление ученого стало известным широкому кругу читателей благодаря полемике с ним Н. Бухарина, сменившего в 1924 г. Троцкого на посту главного идеолога культурной революции. Статья Бухарина «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (ответ профессору И. Павлову)» печаталась в журнале «Красная новь» (1924. № 1–2), выходила отдельным изданием, включалась в сборники его теоретических работ. Из пространной статьи Бухарина читатель мог узнать о содержании лекции Павлова, прочитанной им студентам Военно-медицинской академии. Оказалось, ученый-физиолог пребывает в тех же мировоззренческих «тупиках», что и «ученый» батюшка отец Флоренский», «какой-нибудь Мережковский», «г-н Бердяев», т. е. представляет русский философский идеализм, официально разгромленный в 1922 г. Бухарин цитировал нелицеприятные высказывания Павлова о базовых догматах «Азбуки коммунизма», которые тот считал противоземными, истребительными, ведущими к разрушению России и «всемирной войне». Гнев теоретика партии вызвал совет академика молодым ученым искать ответ на вопрос об истине на иных путях: «И если вы, — говорит он, — к науке будете относиться как следует, если вы с ней познакомитесь основательно, тогда, несмотря на то, что вы — коммунисты, “рабфаки” и т. д., тем не менее, вы признаете, что марксизм и коммунизм, это вовсе не есть абсолютная истина, это — одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной» (Бухарин Н. Атака: сб. теоретических работ. 2-е изд. М., 1924. С. 173). В ряде других публичных выступлений 1925–1927 гг. Бухарин неизменно ставил в один ряд вопрос о свободе веры и «свободе научного исследования», считал правильной и научной позицию партии рассматривать любое явление с точки зрения его практической ценности для утверждения коммунистической идеологии: «Мы никогда не можем стать на такую позицию, что пускай все совершается само собой, — кто в бога верует, пусть верует. Это не есть руководство страной» (Бухарин Н. Судьбы русской интеллигенции // Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.; Л., 1925; Печать и революция. 1925. № 3; Бухарин Н. Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 108); «Велика и обильна была Русь, и всякой всячины было в ней много. Остатки этой крошки лежат еще грузом и на нашей советской интеллигенции, в виде рутины, разгильдяйства, болтовни о “высоких материях” <...> обломовщины, прекраснородушной обывательщины и обывательского прекраснородушья. <...> Нельзя забывать ни на одну минуту о том, что мы должны переделывать свою собственную природу» (Бухарин Н. О старинных традициях и современном культурном строительстве // Революция и культура. 1927. № 1. С. 22). Партия и государство целенаправленно и последовательно отстраивали научно-методологический фронт естественных наук: созданное в 1921 г. Общество воинствующих материалистов преобразуется в 1927 г. в Общество воинствующих материалистов-диалектиков; в 1926 г. образуется Общество биологов-материалистов (при Комакадемии), в 1927-м — Общество врачей-материалистов (при I МГУ); выходят специализированные методологические журналы «Под знаменем марксизма», «Вестник Комака-

демии», «Революция и культура» и др. (см.: Из жизни научных и общественных организаций // Революция и культура. 1927. № 1. С. 87–91).

С. 434. *Весь мир должен стать равен человеческой мысли — в этом истина.* — Ср. с одним из последних прозрений ученого Крейцкопфа в рассказе «Лунные изыскания» (1926): «Последний раз скажите, что люди ошибаются: мир не совпадает с их знанием» (*Сочинения*, 1(1). С. 122).

РАЗГОВОР МАСТЕРОВОГО-МЕТАЛЛИСТА С СОВЕТСКИМ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ (с. 435). — *Страна философов*, 2005. С. 485. Публикация Н. Корниенко.

Датируется 1927 г.

Печатается по автографу (ИМЛИ. Ф. 629. Оп. 2. Ед. хр. 42. Л. 1–1 об.).

Отклик на особо актуализированную в 1926–1927 гг., в связи с принятым курсом на индустриализацию страны, политическую дискуссию об источниках индустриализации, «смычке» города и деревни. Стратегический вопрос «смычки» города и деревни, союза рабочих и основной массы крестьянства оставался одним из острых политических вопросов во внутривнутрипартийной дискуссии о путях и резервах индустриализации. Политика советского правительства по укреплению этого союза, отмечал И. Сталин, не направлена на развитие и сохранение традиционного крестьянства: «...союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянства как класса, а для его преобразования и переделки в направлении, соответствующем интересам победы социалистического строительства» (*Сталин И.* К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве // *Большевик*. 1927. № 6. 15 марта; *Сталин И.* Сочинения. М., 1952. Т. 9. С. 183). Индустриализация страны требовала увеличения рабочего класса, это происходило за счет «избыточного населения деревни» и «вовлечения совершенно новых не обработанных слоев, которые впервые становятся, входят в состав индустриального рабочего класса»: «Теперь мы имеем процесс втягивания новых рабочих, которые не были до сих пор индустриальными пролетариями, которые впервые приходят на фабрику, которые впервые становятся фабрично-заводскими рабочими» (*Бухарин Н.* Доклад и заключительное слово на XVI московской губернской конференции ВКП(б). 20, 22 ноября 1927 г. // *Бухарин Н.* Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 224–225). При этом отмечалось, что именно благодаря «новым рабочим» произошел численный рост рабочего класса и радикально изменился его состав; с одной стороны, понизился «удельный вес высококвалифицированной, специфической верхушки рабочего класса», с другой — происходит «повышение массовой квалификации». И вывод: «Налицо несомненный процесс консолидации пролетариата. Это — первый и главнейший вывод, поскольку мы анализируем положение рабочего класса» (Там же).

Вопрос крестьянской и пролетарской России оставался одним из центральных в литературно-политических дискуссиях второго этапа нэпа и идейно-эстетических размежеваниях в литературе. В художественных исследованиях крестьянского и пролетарского типа труда особо акцентировался не производственный, а социально-политический аспект, что в целом вписывалось

в государственную концепцию рабочего класса. Платонов был знаком с очерками Л. Рейснер о заводах Урала и Донбасса (см. примеч. к статье «Фабрика литературы», с. 774 наст. изд.), в которых наиболее последовательно проводилась идея о радикальном социальном отличии отношения к заводу сознательного пролетария и бывшего крестьянина: «К заводу рабочий привязан, как к инструментам, которые имеют ценность только в его собственных руках. Рабочий отстывает, когда завод попадает в руки Колчака. Уходит, чтобы вооружиться. <...> Наиболее отсталый крестьянин остается на фабрике при всякой власти. Он привязан к ней, как к полю, которое просит плуга и родит, независимо от перемены власти. Для рабочего революция — продолжение великой производственной борьбы. Для плохо орабоченного мужика революция — засуха, неурожай чугуна, град, побивающий озимые молодой стали» (Рейснер Л. Путь заметки с Урала // *Кр. новь*. 1924. № 6. С. 280).

Написанный фрагмент напрямую корреспондирует с «разговором» о трудовой армии (концепция развития промышленности Л. Троцкого, выдвинутая им в 1920 г.), который ведут в повести «Сокровенный человек» слесарь железнодорожных мастерских Фома Пухов и военный комиссар; ср.:

«— А ты знаешь приказ о трудовых армиях? — спросил комиссар.

— Это чтоб жлобы слесарями сразу стали и заводы пустили? Знаю! А давно ты их ноги вкрутую ставить научил?

— В реввоенсовете не дураки сидят! — серьезно выразился комиссар. — Там взвесили за и против!

— Это я понимаю, — согласился Пухов. — Там — задумчивые люди, только жлоб механики враз не поймет!

<...>

— А ты думал, паровоз жлоб сгондобил?

— А то кто ж?

— Машина — строгая вещь. Для нее ум и ученье нужны, а чернорабочий — одна сырая сила!

— Но ведь воевать мы научились? — сбивал Пухова комиссар.

— Шуровать мы горазды! — не сдавался Пухов. — А мастерство — нежное свойство!»

(С. 177 наст. изд.).

Pro et contra темы крестьянского и пролетарского труда, официальной доктрины «смычки» города и деревни, и реальности, в которой случалась и «размычка» (термин Н. Бухарина, 1927) между рабочим классом и крестьянством, найдет дальнейшее развитие в романе «Чевенгур» в размышлениях мастера-наставника и Захара Павловича.

С. 435. *От записавшего: разговор этот действительно есть речи двух людей, а не литература...* — Именно в 1927 г. Платонов наиболее активно разрабатывает различные формулы рассказчика, не отягощенного культурным контекстом, но наделенного бескомпромиссным поиском ответа на вопрос о правде в жизни и правде в искусстве. По своей функциональной нагрузке подобная концепция «нелитературы» имеет прямой адресат в современности — «литература факта» Лефа, официально оформившаяся в 1927 г. (см. примеч. к статье «Фабрика литературы»). Очевидны также прямые содержательные переключки с формулой рассказчика-хроникера — нелитератора, «пишущего

читателя» — в литературной пародии «Московское общество потребителей литературы (МОПЛ)» и с сформулированной в рассказе темой диспута «Интеллигенция и — квалифицированный мастерской», на котором главными оппонентами всех писателей выступают инженеры, рабочие и изобретатели (см. с. 262 наст. изд.). Форма «разговора», зачастую именуемого «диалогом», активно использовалась в философской публицистике и литературной критике этого десятилетия. В 1926 г. были изданы «диалоги» А. Франса (обе книги имеются в библиотеке А. Платонова): это собранные после смерти писателя его заготовки к книге, куда должны были войти «диалоги» на темы: Бог, Природа, Метафизика, Война, Будущность, Язык как орудие познания, Стыдливость, Церковь. В обоих изданиях цитировалась запись Франса о причинах его обращения к диалогической форме: «Монтень не имел надобности писать диалоги, чтобы представить различные стороны того или другого вопроса. Он мог довольствоваться одним собою — настолько он был многообразен и сложен, богат и билен противоположностями. Но я один не составляю множества лиц и нуждаюсь в том, чтобы мне противоречили и возражали» (Франс А. Последние страницы / собраны Мишелем Корде; пер. с фр. Д.А. Левина. Л.; М., 1926. С. 10–11).

Мастеровой-металлист — понятие «металлисты» в 1920-е гг. относилось к квалифицированным рабочим разных предприятий тяжелой промышленности, прежде всего, машиностроения. Герой рассказа представляет «старопролетарский» тип высококвалифицированного рабочего, чья философия труда отличалась от пропагандируемого типа сознательного рабочего-пролетария; этот тип рабочего-мастера описан Платоновым в статье «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик» (1920): «Те люди <...> люди старые, даже религиозные, глубоко привязанные к семье, к старым пережиткам, почти темные, но с прекрасными дальнзоркими глазами, светлыми головами и сердцами революционеров, хотя и никогда они не ораторствовали. <...> Он знает металл по цвету, может быть, по запаху; изучил, как никто из литейщиков, формовку, землю, самый такт, приемы работы. <...> Андрианов не портит вещей, он их любит и знает. <...> Мастер в человеке есть необходимое условие уважения к нему всех остальных людей. Будь он разбойник, но раз он еще и мастер — конечно, все равно его любят» (Сочинения, 1(2). С. 101, 104).

Переменитесь местами — и мастеровой станет иметь душу крестьянина, а крестьянин — мастерового. — Ср. данное высказывание «советского интеллигента» с утверждением Платонова в его автобиографии 1922 г., включенной в предисловие к книге «Голубая глубина»: «Между лопухом, побирушкой, полевой песней и электричеством, паровозом и гудком, содрогаящим землю, — есть связь, родство, на тех и других одно родимое пятно. Какое — не знаю до сих пор, но знаю, жалостный пахарь завтра же сядет на пятиосный паровоз и будет так орудовать регулятором, таким хозяином стоять, что его не узнать» (Сочинения, 1(1). С. 480).

С. 436. *Да и мой отец вот был слесарь, а дед — шахтер...* — Мастерскому-металлисту переданы биографические реалии. Отец Платонова Платон Фирсович Климентов был слесарем Воронежских железнодорожных мастерских, дед по отцу — землекопом, трудился на шахте и погиб при аварии (Ласунский. С. 18). В статье «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик»

работа Платона Фирсовича представлена как пример «высшего мастерства»: «Она (его работа. — Н. К.) требует внимания, сосредоточенности и аккуратности. Заключается она в насадке и выдавливании под прессом паровозных пальцев, кривошипов и осей. Малейшая неточность — и вещь испорчена. Требуется математический расчет <...> Тут геройство и упорство расплыено на длинные годы, и его уловить нельзя поэтому в одном выдающемся дне. Все дни выдающиеся, все необыкновенны, каждый день это схватка, явление художественного мастерства и битва со сталью и железом за техническую, точную, прекрасную форму» (*Сочинения, 1(2)*. С. 102–103).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПРИМЕЧАНИЯ К РАССКАЗУ «ПЕСЧАНАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА» (Для развития его сюжетной стороны) (с. 439). — *Творчество, 1995*. С. 237–240. Публикация Е. Колесниковой.

Датируется началом мая 1927 г.

Печатается по автографу (*ИРЛИ*. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1–4).

СВЕДЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО И СЪЕМОЧНОГО ПОРЯДКА (Для постановки «Песчаной учительницы») (с. 443). — *Творчество, 1995*. С. 240–241. Публикация Е. Колесниковой.

Датируется началом мая 1927 г.

Печатается по автографу (*ИРЛИ*. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 5).

<СЦЕНАРНАЯ ЗАЯВКА НА ФИЛЬМ «ЛУННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ»> (с. 444). — *Страна философов, 2011*. С. 587–588. Публикация Е. Антоновой. Авторская датировка: 23 мая 1927 г.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 24. Л. 1–2).

<ТЕМА ДЛЯ КИНОФИЛЬМА О СОЛДАТЕ-ИНТЕРВЕНТЕ> (с. 445). — *Страна философов, 2011*. С. 588. Публикация Е. Антоновой.

Датируется 1927–1928 гг.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 27. Л. 1).

<ТЕМА ДЛЯ КИНОФИЛЬМА О РУССКОМ ВОЕННОПЛЕННОМ> (с. 446). — *Страна философов, 2011*. С. 588. Публикация Е. Антоновой.

Датируется 1927–1928 гг.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 27а. Л. 1–2).

<ТЕМА ДЛЯ ДРАМЫ «ХОЗЯЕВА ДВОРА»> (с. 448). — *Страна философов, 2011*. С. 588. Публикация Е. Антоновой.

Датируется второй половиной 1920-х гг.

Печатается по автографу (*ИМЛИ*. Ф. 629. Оп. 4. Ед. хр. 27а. Л. 3).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ПЛАТОНОВА*

- «Административное естествознание» — 417–418, 600, 603, 686, 815–823, 830
- «Антисексус» — 474, 478, 500, 691, 712, 720, 740, 780, 783, 799
- «Борьба с пустыней» — 787
- «Будущий Октябрь» — 636, 656
- «В звездной пустыне» — 795, 838, 839
- «В окрестностях одной тюрьмы...» — 255–260, 482, 681–691, 790, 815
- «В эти дни земля горячее солнца...» — 656
- «Ветхая Русь» — 596
- «Война» — 267–284, 608, 662, 705–716, 816
- «Впрок» — 554, 634
- «Всероссийская колымага» — 575
- «Герои режимной экономики (Быль советских заштатных населенных пунктов)» — 609
- «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик» — 848
- «Город Градов» — 116–146, 529–622, 662, 703, 717, 721, 729, 759, 787, 810, 814, 817, 825, 828
- «Город Градов (Заметки командированного)» — 379–402, 529, 530, 804–805, 833
- «Горький и его “На дне”» — 837
- «Государственный житель» — 289–296, 553, 592, 731–738, 833
- «Демьян Фомич — мастер кожного ходового устройства» — 538, 617, 772
- «Дикое место» — см. «В окрестностях одной тюрьмы...»
- «Дирижабль» — 634
- «Домой» — 656
- «Епифанские шляпы» — 86–115, 478, 506–529, 547–549, 552, 759, 760, 787, 800
- «Епифанские шляпы» (Либретто) — 336–358, 742, 759–766
- «Жажда нищего (Видения истории)» — 656, 794
- «Значение торфа как топлива для Тамбовской губернии» — 522
- «Иван да Марья» — 810, 811
- «Изобретатели! Громилы мира...» — 795
- «Колодезь» — 405–408, 731, 805
- «Котлован» — 529, 534, 730, 752
- «Красная весна» — 656
- «Критика как новое искусство» — 407, 408, 786, 805–807
- «Культура пролетариата» — 500, 616, 834, 837, 843
- «Ледобой» — 623
- «Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”)» — 476, 478, 479, 629, 630, 700, 740, 777, 795, 846

* Курсивом обозначены произведения, упоминаемые только в комментариях.

- «Маркун» — 567, 575, 815, 838
 «Масло розы» — 473, 477, 478
 «Мастер-коммунист» — 637
 Мелиоративные работы в нашей губернии» — 509, 735
 «Московское общество потребителей литературы (МОПЛ)» — 261–266, 691–705, 848
 «Мысль» — 656
- «Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине)» — 285–288, 608, 616, 716–731, 820, 828
 «Надлежащие мероприятия (Социально-сатира наших дней)» — 419–430, 815, 817, 822–833
 «Невозможное» — 497
 «Немые тайны морских глубин» — 783
 «Новое евангелие» — 597
 «Новые братья» — 620
- «О дешевом водном пути Черноморского края (В порядке обсуждения)» — см. «О дешевом водном пути Черноморского края (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)» — 547, 612, 614
 «О дешевом водном пути Черноморского края (Экономическая и мелиорационно-техническая проблема в связи с восстановлением сельского хозяйства в ЦЧО)» — 510
 «О любви» — 431–434, 616, 797, 804, 833–846
 «О нашей религии» — 834, 837, 838, 840
 «Об улучшении климата» — 575
 «Огни Волховстроя» — 623, 774
 «Однажды любившие (Повесть в письмах)» — 409–415, 582, 586, 807–815
- «Осенняя поэма» — см. «Иван да Марья»
 «Очерки бедной области» — 747
- «Память» — 623
 «Первый Иван» — 529, 534
 «Песчаная учительница» — 740, 742, 743, 747, 754
 «Песчаная учительница (Либретто)» — 299–312, 742–753
 «Песчаная учительница (сценарий)» — 313–335, 742, 752–759, 770
 «Питомник нового человека» — 575, 616, 723, 374, 375, 789–805, 835, 843
 «По деревням колокола...» — 596
 «<По родимому краю>» — 689
 «Победим ли мы засуху?» — 509
 «Потомки солнца» — 790
 «Примечания к рассказу “Песчаная учительница” (Для развития его сюжетной стороны)» — 439–442, 742–744, 849
 «Про электричество» — 503
 «Пролетарская поэзия» — 843
 «Против халтурных судей. Ответ В. Стрельниковой» — 552, 553
- «Разговор мастерового-металлиста с советским интеллигентом» — 435–436, 699, 846–849
 «Размножение (Фантастический рассказ)» — 472, 475, 477, 479
 «Рассказ о лампе Ильича» — 472
 «Рассказ о многих интересных вещах» — 490, 495
 «Река Воронеж, ее настоящее и будущее» — 621
 «Родоначалники нации» — 499, 623
- «Сатана мысли» — 478, 479, 492, 575, 790, 795
 «Сведения технического и съёмочного порядка (Для постановки “Песчаной учительницы”)» — 443, 742, 743, 849

- «Свет и социализм» — 494, 797
- «Симфония сознания (Этюды о духовной культуре современной Западной Европы)» — 473, 478, 616, 707, 780
- «Сокровенный человек» — 147–210, 553, 586, 596, 608, 623–662, 668, 717, 728, 780, 787, 830, 847
- «Стихи о человеческой сути» — 493
- «Страна бедняков (Очерки Черноморской области)» — 613, 747, 774, 787
- «Странники» — 795
- «Странствующий метафизик» — 497
- «Строители страны» — 547, 586, 601, 630, 682, 717, 725, 790, 794, 796, 808, 815, 823, 829, 836, 837, 842
- «Стройматериалы и оборудование» — 732
- «<Сценарная заявка на фильм “Лунные изыскания”>» — 444, 849
- «Счастливая Москва» — 777
- «<Тема для драмы “Хозяева двора”>» — 448, 849
- «<Тема для кинофильма о русском военнопленном>» — 446–447, 849
- «<Тема для кинофильма о солдате-интервенте>» — 445, 849
- «Технический роман» — 634
- «Турбинщики» — 472
- «Усомнившийся Макар» — 553, 633
- «Фабрика литературы» (О коренном улучшении способов литературного творчества)» — 361–370, 530, 547, 549, 629, 700, 702, 703, 767–789, 805, 807, 809, 847
- «Чевенгур» — 547, 596, 682, 717, 721, 753, 765, 815, 830, 847
- «Человек, который будет...» — 792
- «Че-Че-О» — 552, 633, 823
- «Экономик Магов» — 555, 622
- «Электрическое орошение почвы» — 787
- «Эфирный тракт» — 7–85, 472–506, 582, 630, 701, 790, 797, 801, 804, 808, 812, 842
- «Ювенильное море» — 732, 758
- «Ямская слобода» — 211–251, 553, 575, 596, 662–681

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ СЛОВ И ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абы — лишь бы, только бы.

Анамеднись — недавно, незадолго, считая не часами, а днями.

Атмосфера — внесистемная единица измерения давления, приблизительно равная атмосферному давлению на поверхности Земли на уровне Мирового океана.

Бадья — деревянное окованное или металлическое широкое ведро, немного суженное книзу.

Балка — длинный овраг, лощина в южной степной полосе России.

Бандаж — насадка из твердой стали (съемное стальное колесо) на колесную пару, основной элемент ходовой части подвижного состава.

Бедовый — неуживчивый, беспокойный, вздорный; смелый, отважный.

Бесево — белена, одно- или двулетнее ядовитое растение высотой до 1 м из семейства пасленовых.

Большак — большая, в отличие от проселочной, дорога.

Брандер — судно, нагруженное горючими и взрывчатыми веществами, применявшееся во времена парусного флота для поджога неприятельских кораблей.

Бровка — край дороги.

Бурильная желонка — один из видов земляного бура, трубой.

Ветродвижитель Уфимцева — двигатель, использующий кинети-

ческую энергию ветра для выработки механической энергии.

Взбученный (от *взбучить*) — вспучить, раздуть от сырости.

Водило — в конном приводе: рычаг, вставленный в вал, для запряжки лошади.

Водораздел — возвышенность, разделяющая бассейны рек и направляющая сток атмосферных осадков по двум противоположным склонам.

Втулгачку — крепко, сильно, очень.

Вьюшка — род крышки, закрывающей печную трубу для прекращения тяги.

Гать — плотина.

Горн — печь для накаливания и переплавки металлов или для обжига керамических изделий и т. п.

Гребовать — брезговать.

Гундосить — говорить в нос, гнуть.

Дамба — гидротехническое сооружение, аналогичное по устройству земляной плотине.

Деготь — жидкий продукт сухой перегонки древесины; применялся для смазывания конской сбруи, чтобы она не дубела на морозе, для пропитки деревянных изделий, смазки экипажных колес.

Дефлектор — аэродинамическое устройство, повышающее эффективность систем вентиляции.

Допреж — прежде, до.

Дроги — длинная телега без кузова, состоящая из передка и задка, соединенных длинными продольными брусьями.

Дымовая коробка — передняя часть котла, в которой находятся коллектор пароперегревателя, конусное устройство (выпускает отработанный пар в дымовую трубу, создавая тягу в топке) и дымовая труба. В дымовой коробке располагают также коллектор, искроуловительные приборы и сифон. Спереди дымовая коробка закрывается крышкой на петлях, открываемой для очистки дымовой коробки и для выемки труб при ремонте.

Дюже — очень.

Дюжий — сильный, крепкий.

Егозить — вести себя суетливо, беспокожно; добиваться чего-либо лстивой болтовней, угодливостью.

Жамка — пряничек, скатанный в руках и приплюснутый нажимом в обе ладони; мятный пряник.

Жбан — небольшой сосуд для жидкостей с крышкой.

Желонка — см. *Бурильная желонка*.

Жох — тертый, бывалый, закаленный, опытный человек.

Загодя — заранее, заблаговременно.

Заквокнуть — затвердеть.

Замок — механическое устройство для воспламенения порохового заряда, в современных образцах обычно называется ударно-спусковым механизмом. В настоящее время замками обыч-

но называют затворы артиллерийских орудий.

Занарядить — нанять для временной работы.

Заподлицо — вровень.

Заулочить — вставить, закрыть.

Заховать — спрятать.

Индиго — краситель синего цвета, добывается из растений, используется для окраски тканей.

Инжектор — устройство для подачи свежей воды из тендера в котел. Паровой кран инжектора открывается при необходимости закачки воды в котел.

Карусельный метод — то же, что *сквозной карьер*.

Кацавеечка, кацавейка — верхняя распашная короткая кофта.

Квашонка — простокваша.

Керосиновый мотор — двигатель внутреннего сгорания из ряда работающих на легком жидком топливе.

Кизяк — высушенный и спрессованный навоз с примесью соломы, используется в качестве топлива в степных районах.

Колесный бандаж — часть колеса, непосредственно взаимодействующая с рельсом.

Компаунд-машина — паровая машина двукратного расширения пара; имеет два рабочих цилиндра разного диаметра.

Контргайка — вторая гайка, навинчиваемая рядом с основной на тот же болт и препятствующая ее самоотвинчиванию.

Контррельс — рельс, уложенный рядом с путевыми рельсами, для направления колесных пар подвижного состава.

Корчажка (от *корчага*) — большой глиняный горшок для раз-

- ных хозяйственных надобностей.
- Кочевье* — стоянка, временное поселение кочевников; местность, по которой перемещается кочевое племя.
- Кошма* — войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти, широко распространен в быту кочевых народов, занимающихся скотоводством.
- Кривошип* — звено кривошипного механизма, которое может совершать оборот вокруг неподвижной оси.
- Кулеш* — жидкая каша, похлебка.
- Латка* — заплатка, лоскут.
- Лиманное орошение* — способ глубокого однократного увлажнения почвы талыми водами. Осуществляется путем затопления орошаемой территории (лиманов) небольшим слоем воды, удерживаемой системой валов, дамб и перемычек.
- Лог* — широкий овраг.
- Лощина* или *балка* — длинный овраг.
- Магнето* — магнитоэлектрическая машина, преобразующая механическую энергию в электрическую; используется в системах зажигания двигателей внутреннего сгорания.
- Маневровая кукушка* — небольшой маневровый паровоз.
- Манометр* — прибор для измерения давления жидкости или газа.
- Межевать* — определять и обозначать межи, границы земельных угодий, владений.
- Менеть* — уменьшаться.
- Мерная лента* — геодезический инструмент для измерения расстояний.
- Мочажина* — низкое сырое место.
- Намедни* — недавно, на днях.
- Насос-камерон* — особый тип поршневых насосов.
- Нивелир* — геодезический оптико-механический инструмент для геометрического нивелирования (определения высот точек земной поверхности относительно избранной точки над уровнем моря); снабжен зрительной трубой, поворачивающейся в горизонтальной плоскости, и чувствительным уровнем.
- Нюжли* — неужели.
- Обсадная труба* — труба для крепления скважин во время их бурения; она опускается в скважину, чтобы ее стенки не давали рыхлым слоям породы осыпаться.
- Овсяные кони* — плотные, сбитые, выкормленные овсом.
- Огорожа* — ограда луга перед хатой.
- Окамелок, окомелок* — обитый, голый, обломанный веник.
- Оковалок* — большой кусок чего-нибудь (обычно съедобного), также употребляется применительно к чему-либо большому, крупному, тяжелому по весу; в переносном значении — медлительный, нерасторопный человек.
- Окоротить* — остановить.
- Окромя* — кроме того.
- Олеонафт* — тип минерального смазочного масла, изобретенный русским инженером и предпринимателем В.И. Рагозиным.
- Опорки* — старые изношенные сапоги со споротыми голенища-

ми, вообще старая изношенная и рваная обувь.
Опорошник — босяк.
Отве ршек — овражек.
Отто-Дейц — газогенераторные двигатели, выпускавшиеся фирмой с аналогичным названием.
Охальник — наглец, озорник.
Охальный — озорной, нахальный.
Очухаться — прийти в чувство, в сознание, опомниться.

Палисад — садик вдоль дома, обнесенный частоколом.

Перемычка — водонепроницаемое ограждение, предохраняющее гидротехнические сооружения или место работ во время строительства или ремонта от затопления.

Плутонический — возникший посредством глубинного извержения.

Побалакать (от *балакать*) — беседовать, болтать.

Подол — равнина, низкое место под горой.

Пойма — низкое место, заливаемое рекой во время половодья.

Полати — лежанка, устроенная между стеной избы и русской печью.

Полной мочью — изо всех сил.

Полоник — поварешка, половник.

Полудить, лудить — покрывать тонким слоем олова поверхность металлических изделий для предохранения их от ржавчины, окисления.

Полудка — лужение, нанесение слоя полуды (расплавленного олова) на поверхность металлического изделия для защиты его от коррозии.

Помога — помощь, поддержка.

Помпа — вид насоса.

Посходней (от *схожий*) — согласный.

Потчеваться — угощаться.

Почечуй — болезнь ног домашних животных; болезнь копыта лошади (от ушиба).

Пошеенное колесо — разновидность приводимого в движение водой колеса, служащего двигателем машины (напр., на мельнице), характеризуется плоскими лопатками и подводом воды к нижней части колеса с помощью искусственного русла.

Припутиться — устроиться, улечься или усесться где-нибудь в укромном или неудобном месте.

Радеть — стараться, усердствовать, не лениться, быть неравнодушным.

Раззор — лишение достатка, разорение.

Распустить — растаять.

Регулятор — прибор, с помощью которого машинист производит выпуск пара в машину и изменяет скорость движения паровоза.

Рогач — то же, что *ухват*, надетая на палку металлическая рогатка для вытаскивания из печи и постановки в печь горшков, чугунов.

Ротационная машина — устройство для типографской печати.

Рундучок, рундук — род ларя, крытой лавки с подъемной крышкой.

Сакма — колея, след колеса или полоза.

Саман — сырцовый кирпич из глины с добавлением резаной соломы, мякины и др., строительный материал, с древних

- времен распространенный в безлесных районах.
- Семафор* — средство сигнализации для подвижного состава на железных дорогах; в настоящее время заменен светофором.
- Сени, сенцы* — помещение или нежилая часть дома между жилой частью и крыльцом.
- Сифон* — прибор для увеличения тяги в топке паровоза.
- Сквозной карьер* — ведение работ, при котором с одной стороны идет подача свободной тары, при прохождении через карьер происходит ее наполнение и отправка далее (а не обратно) — на удаление из котлована.
- Спрохвала* — не торопясь, постепенно, исподволь или нехотя.
- Супесь, супесчаная почва* — осадочная горная порода, состоящая в основном из смеси глины и песка.
- Супротивщик* — ослушник, противник.
- Сурик* — свинцовая, красная окись, идущая на краску.
- Суходол* — небольшая сухая или с временным водотоком долина с задернованными склонами.
- Тендер* — вагон специальной конструкции, сцепленный с паровозом и предназначенный для хранения запасов воды, топлива и размещения вспомогательного устройства.
- Теодолит* — геодезический инструмент для измерения углов.
- Терразит* — сухая смесь из извести, цемента, песка и других наполнителей для декоративной штукатурки.
- Токмо* — только.
- Толь* — кровельный и гидроизоляционный материал, получаемый пропиткой кровельного картона каменно-угольными или сланцевыми дегтевыми продуктами.
- Торфмейстер* — специалист торфяного дела.
- Трехдюймовая пушка* — артиллерийское орудие калибром 3 дюйма, т. е. 76 и 76,2 мм.
- Удобрительные туки* — перегной, чистый чернозем, удобряющий землю и составляющий, в смеси с ископаемой россыпью, почву; перегнившие животные и ислевшие растительные вещества.
- Узвар* — прохладительный напиток из сухих фруктов и ягод, иногда с добавлением меда.
- Урез* — граница воды у берега водоема.
- Фарватер* — глубокий, удобный для судоходства путь; на реках обычно проходит по линии наибольших глубин.
- Хобот* — задняя часть станка пулемета, служащая упором при стрельбе.
- Хомут* — нашейная часть конской упряжи, состоящая из деревянного остова (клещей), внутренней сторона которого, прилегающая к шее, покрыта мягким войлочным валиком (хомутиной).
- Цопкий (от цопать)* — хватать.
- Чохом* — целиком, все сразу, оптом.
- Чувал* — шерстяная обшивка тюка.

Чуланчик, чулан — отгороженная от сеней или комнаты кладовая, обычно для продуктов питания, иногда там хранятся другие запасы.

Чумак — крестьянин, возивший на волах в Крым и на Дон на продажу хлеб и привозивший оттуда для продажи соль и рыбу.

Шандал — большой подсвечник.

Шелевка — тёс, тонкие доски.

Шелога — листовое кустарниковое растение из рода ивовых; традиционно используется в степной и полупустынной зонах для закрепления подвижных песков.

Шкворень — стержень (от задней части повозки), вставляемый в ось передка и позволяющий передку, вращаясь на этом стержне, производить повороты. При выдергивании шквор-

ня передняя и задняя части повозки разъединялись.

Шлюз — сооружение, расположенное в месте падения уровня воды в реке, канале или другом водоеме, состоящее из одной или нескольких камер, в которые вводятся суда для перевода их с одного уровня воды на другой путем последовательного выравнивания горизонтов воды в камере с нижним и верхним бьефами (часть реки, примыкающая к шлюзу).

Шлюзовый плес — водное пространство между шлюзами.

Шорник — мастер, специалист по изготовлению ременной конской упряжи.

Шпунт — в столярном деле — продольный гребень на ребре доски, соответствующий пазу (длинной и узкой борозде) на ребре другой доски, а также способ такого соединения.

Для составления «Словаря областных слов и технических терминов» использованы следующие издания:

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.

Словарь русских народных говоров. СПб., 2002–2014. Вып. 1–47.

Словарь русского языка: в 4 т. М., 1985–1988.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Энциклопедия современной техники. Строительство. М., 1964.

СЛОВАРЬ АББРЕВИАТУР

Авиахим — Общество содействия авиации и химической промышленности.

Агитпроп — Отдел агитации и пропаганды.

АН СССР — Академия наук СССР.

АРК — Ассоциация революционных кинематографистов.

АФО (АФУ) — административно-финансовый отдел (управление).

АХРР — Ассоциация художников революционной России.

ВАН — Всероссийская ассоциация натуралистов.

ВАПП — Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.

ВИК — волостной исполнительный комитет.

ВИКО — Всероссийское инвалидное кооперативное общество.

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

Военкор — военный корреспондент.

Волрайисполком — волостной районный исполнительный комитет.

Всеработземлес — Всероссийский профессиональный союз работников земельного и лесного хозяйства.

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства.

ВСП — Всероссийский союз писателей.

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет.

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия (по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией).

ВЭИ — Всесоюзный электротехнический институт.

ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы.

Главвоздухофлот — Главное управление воздушного флота.

Главполитпросвет — Главное управление политического просвещения.

Главрепертком, ГРК — Главный комитет по контролю за репертуаром.

ГО — губернский отдел.

Горком — городской комитет (партии).

Горсанкомиссия — городская санитарная комиссия.

Госиздат, ГИЗ — Государственное издательство.

Госорганы — органы государственной власти.

Госплан — Государственная комиссия по планированию.

ГОЭЛРО — Государственный план электрификации России.

ГПУ, гзпу — Государственное политическое управление.

Губвнуторг — губернский отдел внутренней торговли.

Губземуправление, ГЗУ — губернское земельное управление.
Губземчека — губернская земельная чрезвычайная комиссия.
Губисполком, ГИК — губернский исполнительный комитет.
Губком — губернский комитет (партии).
Губмелиозем — губернский отдел землеустройства и мелиорации.
Губмелиоратор — губернский мелиоратор.
Губплан — губернская плановая комиссия.
Губпартконференция — губернская партийная конференция.
Губпродком — губернский продовольственный комитет внутренней торговли.
Губпрофсовет — губернский совет профессиональных союзов.
Губсовещание — губернское совещание.
Губсовпартшкола — губернская советская партийная школа.
Губстат — губернское статистическое управление.
Губфо (Губфу) — губернский финансовый отдел (управление).
ГУЛАГ — Главное управление лагерей.
ГРЭС — государственная районная электростанция.
ГЭС — гидроэлектростанция.
ЕПО — единое потребительское общество.
ЖКМ — «Журнал крестьянской молодежи».
Завгуботделом — заведующий губернским отделом.
Завземотделом — заведующий земельным отделом.

Завкрово — заведующий краевым отделом народного образования.
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния.
Земотдел — земельный отдел.
Земплан — земельная плановая комиссия.

ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.

Исполком — исполнительный комитет.

ИТУ — Институт техники управления.

КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога.

КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России.

КИМ — Коммунистический интернационал молодежи.

КМА — Курская магнитная аномалия.

Колдоговор — коллективный договор.

Комбед — комитет бедноты.

Коминтерн — Коммунистический интернационал.

КПД — коэффициент полезного действия.

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза.

КрайЗУ — краевое земельное управление.

КРАПО — Краевая астраханская пескоукрепительная организация.

Крестоюз — крестьянский союз.

Культпросветработа — культурно-просветительная работа.

ЛЕФ — Левый фронт искусств.

МАПП — Московская ассоциация пролетарских писателей.

МГК — Московский городской комитет.

МГСПС — Московский городской совет профессиональных союзов.

МДК — Международный день операции.

Местком — местный комитет (профсоюза).

МК — Московский комитет (партии).

МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

МОССЕЛЬПРОМ — Московское объединение предприятий по переработке продуктов сельскохозяйственной промышленности.

МЮД — Международный юношеский день.

Нарком — народный комиссар.

Наркомат РКИ, НК РКИ — Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции.

Наркомвнудел, НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.

Наркомвоенмор — Народный комиссариат по военным и морским делам.

Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения.

Наркомзем, НКЗ — Народный комиссариат земледелия.

Наркоминдел — Народный комиссариат иностранных дел.

Наркомтрод — Народный комиссариат продовольствия.

Наркомпрос, НКП — Народный комиссариат просвещения.

Наркомфин — Народный комиссариат финансов.

Наркомюст — Народный комиссариат юстиции.

НК, наркомат — народный комиссариат.

НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

НКТ — Народный комиссариат труда.

НОТ — научная организация труда.

НРЛ — Нижегородская радиолaborатория.

Нэп — новая экономическая политика.

ОблЗУ — областное земельное управление.

Облисполком — областной исполнительный комитет.

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.

ОДВФ — Общество друзей воздушного флота.

ОДД — Общество друзей детей.

ОДК — Общество друзей книги.

ОДН — Общество «Долой неграмотность».

ОДР — Общество друзей радио.

ОДСК — Общество друзей советского кино.

ОДТ — Общество друзей техники.

Окрисполком — окружной исполнительный комитет.

ОНО — отдел народного образования.

Оперплан — операционный план.

ОСО — Общество содействия обороне.

Осоавиахим — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

Партэтика — партийная этика.

Педвуз — педагогическое высшее учебное заведение.

Потребкооперация — потребительская кооперация.

Предисполкома — председатель исполнительного комитета (партии).

Предсельсовета — председатель сельского совета.

Предсовнаркома — председатель Совета народных комиссаров.

Предтреста — председатель треста.

Предуика — председатель уездного исполнительного комитета.

Продкомитет — комитет по продовольствию.

Профкор — профсоюзный корреспондент.

Рабземлеса — Профессиональный союз работников земельного и лесного хозяйства.

Рабкор — рабочий корреспондент.

Рабфак — рабочий факультет.

Райком — районный комитет (партии).

Райсельхозсоюз — районный союз сельских коллективов.

Ревовоенсовет, РВС, РВСП — Революционный военный совет Республики.

Ревком — революционный комитет.

Ревкомиссия — революционная комиссия.

РКИ, Рабкрин, рэкаи — Рабоче-крестьянская инспекция.

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.

РККФ — Рабоче-крестьянский Красный флот.

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков).

РЛКСМ — Российский ленинский коммунистический союз молодежи.

РОСТА — Российское телеграфное агентство.

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Селькор — сельский корреспондент.

Сельсовет — сельский совет.

Сельхозкооперация — сельскохозяйственная кооперация.

Совнарком, СНК — Совет народных комиссаров.

Совнот — Совет по научной организации труда.

Союз сотворгслужащих — профсоюз служащих советской торговли.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

СТО — Совет труда и обороны.

Угрозыск — уголовный розыск.

Уземуправление, УЗУ — уездное земельное управление.

УИК — уездный исполнительный комитет.

Уком — уездный комитет (партии).

Уплан — уездная плановая комиссия.

Управдел — управляющий делами.

Упрофбюро — уездное профессиональное бюро.

ФОСП — Федерация объединений советских писателей.

ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт.

ЦБК — Центральное бюро краеведения.

ЦДС — Центральный дом специалиста.

Центрархив — Центральный архив.

Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ.

ЦИК — Центральный исполнительный комитет.

ЦИТ — Центральный институт труда.

ЦК — Центральный комитет.
ЦКК (КК, ка-ка) — Центральная контрольная комиссия.
ЦСУ — Центральное статистическое управление.
ЦЧО — Центрально-Черноземная область.
ЧК — чрезвычайная комиссия.
ЧОН — части особого назначения.

Чрезкомснегпуть — Чрезвычайная комиссия по борьбе со снежными заносами на железных дорогах.

ЭКосо — Экономический совет.

ЮВЖД — Юго-Восточная железная дорога.

Юнкор — юный корреспондент.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Повесть «Эфирный тракт». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	9
Повесть «Эфирный тракт». Автограф. Статья «Симфония сознания» (1922) с правкой А.П. Платонова 1926 г. <i>ИМЛИ</i>	37
Набросок к «Рассказу о потухшей лампе Ильича». Схема на обороте автографа. <i>ИМЛИ</i>	38
Письмо А.П. Платонова А.К. Воронскому от 27 июля 1926 г. <i>РГАЛИ</i>	69
Письмо А.П. Платонова жене от 11 декабря 1926 г. <i>ИМЛИ</i> . Мария Александровна с сыном Платоном. Декабрь 1926 г. <i>ИМЛИ</i>	76
Повесть «Епифанские шлюзы». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	87
Обложка книги А.И. Легуна «Воронежско-ростовский водный путь» (1909)	88
Обложка сборника «Епифанские шлюзы» (1927).....	99
Рассказ «Город Градов». Машинопись с редакторской правкой. <i>ИМЛИ</i>	118
Рапорт А.П. Платонова о вступлении в должность тамбовского губмелиоратора. Автограф. <i>ГАТО</i>	123
Рапорт сотрудника Тамбовского ГЗУ И.В. Шмакова с визой А.П. Платонова. 10 марта 1927 г. <i>ГАТО</i>	126
Повесть «Город Градов». Страница сборника «Епифанские шлюзы» (1927).....	127
Повесть «Сокровенный человек». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	150
Повесть «Сокровенный человек». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	151
Повесть «Сокровенный человек». Обложка автографа. <i>ИМЛИ</i>	207
Повесть «Ямская слобода». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	216
Оглавление сборника рассказов 1926 г. «Потомки солнца». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	252
Рассказ «Московское общество потребителей литературы (МОПЛ)». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	263
Рассказ «Война». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	279
Либретто «Песчаная учительница». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	301
Сценарий «Песчаная учительница». Рукопись. <i>ИМЛИ</i>	316
Либретто «Епифанские шлюзы». Машинопись с правкой А.П. Платонова. <i>ИМЛИ</i>	338
Рассказ «Город Градов (Заметки командированного)». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	380
Повесть «Однажды любившие». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	416
Сценарий «Надлежащие мероприятия». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	423
Сценарий «Надлежащие мероприятия». Автограф. <i>ИМЛИ</i>	426

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОЛЛЕКТИВ 2-го ТОМА

Тексты и комментарии раздела **«Повести»** подготовили:

- «Эфирный тракт» — Д.С. Московская,
- «Епифанские шлюзы» — Е.А. Роженцева,
- «Город Градов» — Н.В. Корниенко,
- «Сокровенный человек» — Е.В. Антонова,
- «Ямская слобода» — Е.А. Роженцева.

Тексты и комментарии раздела **«Рассказы»** подготовили:

- «В окрестностях одной тюрьмы...» — Е.А. Папкина,
- «Московское общество потребителей литературы (МОПЛ)» — Н.В. Корниенко,
- «Война» — Д.С. Московская,
- «Надлежащие мероприятия» — Н.В. Корниенко,
- «Государственный житель» — Н.И. Дужина.

Тексты и комментарии раздела **«Сценарии»** подготовили:

- «Песчаная учительница» (либретто) — М.В. Богомолова,
- «Песчаная учительница» (сценарий) — М.В. Богомолова,
- «Епифанские шлюзы» (либретто) — Е.А. Роженцева, Л.В. Суматохина.

Препамбула к разделу написана М.В. Богомоловой.

Тексты и комментарии разделов **«Статьи»** и **«Другие редакции»** подготовлены Н.В. Корниенко.

Тексты и комментарии раздела **«Неоконченное. Наброски»** подготовили:

- «Колодезь» — Н.И. Дужина,
- «Критика как новое искусство» — Н.В. Корниенко,
- «Однажды любившие» — Н.В. Корниенко, Е.А. Роженцева,
- «Административное естествознание» — Н.В. Корниенко,
- «Надлежащие мероприятия» — Н.В. Корниенко,
- «О любви» — Н.В. Корниенко,
- «Разговор мастерового-металлиста с советским интеллигентом» — Н.В. Корниенко.

Тексты и комментарии раздела **«Подготовительные материалы»** подготовили:

- Примечания к рассказу «Песчаная учительница» (Для развития его сюжетной стороны) — М.В. Богомолова,
- Сведения технического и съемочного порядка (Для постановки «Песчаной учительницы») — М.В. Богомолова,
- <Сценарная заявка на фильм «Лунные изыскания»> — Е.В. Антонова,
- <Тема для кинофильма о солдате-интервенте> — Е.В. Антонова,

<Тема для кинофильма о русском военнопленном> — Е.В. Антонова,
<Тема для драмы «Хозяева двора»> — Е.В. Антонова.

Общая преамбула к тому написана Н.В. Корниенко.

Словарь областных слов и технических терминов и словарь аббревиатур составлены Е.А. Роженцевой.

Рецензенты тома: А.П. Зименков, М.И. Щербакова.

Дирекция Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
редколлегия Собрания сочинений А.П. Платонова и Платоновская груп-
па ИМЛИ выражают признательность и сердечную благодарность

губернатору Воронежской области
АЛЕКСЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОРДЕЕВУ

за содействие выходу в свет II тома «Сочинений» А.П. Платонова.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Эфирный тракт (Фантастическая повесть).....7*	472
Епифанские шлюзы.....86	506
Город Градов.....116	529
Сокровенный человек.....147	623
Ямская слобода.....211	662

РАССКАЗЫ

«В окрестностях одной тюрьмы...».....255	681
Московское общество потребителей литературы (МОПЛ).....261	691
Война.....267	705
Надлежащие мероприятия (Святочный рассказ к 10-й годовщине).....285	716
Государственный житель.....289	731

СЦЕНАРИИ

Песчаная учительница (Либретто).....299	742
Песчаная учительница.....313	752
Епифанские шлюзы (Либретто).....336	759

СТАТЬИ

Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества).....361	767
Питомник нового человека.....371	789

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Город Градов (Заметки командированного).....379	804
---	-----

НЕОКОНЧЕННОЕ. НАБРОСКИ

Колодезь.....405	805
Критика как новое искусство.....407	805

* В первом столбике указана страница текста, во втором — страница комментариев.

Однажды любившие (Повесть в письмах).....	409	807
Административное естествознание	417	815
Надлежащие мероприятия (Социальн<ая> сатира наших дней).....	419	822
О любви	431	833
Разговор мастерового-металлиста с советским интеллектом	435	846

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Примечания к рассказу «Песчаная учительница» (Для развития его сюжетной стороны)	439	849
Сведения технического и съемочного порядка (Для постановки «Песчаной учительницы»)	443	849
<Сценарная заявка на фильм «Лунные изыскания»>	444	849
<Тема для кинофильма о солдате-интервенте>	445	849
<Тема для кинофильма о русском военнопленном>.....	446	849
<Тема для драмы «Хозяева двора»>	448	849

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения.....	451
Повести	472
Рассказы.....	681
Сценарии.....	738
Статьи	767
Другие редакции.....	804
Неоконченное. наброски	805
Подготовительные материалы	849
Указатель произведений А.П. Платонова	850
Словарь областных слов и технических терминов	853
Словарь аббревиатур.....	859
Список иллюстраций.....	864
Исследовательский коллектив 2-го тома.....	865

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Андрей Платонович Платонов

СОЧИНЕНИЯ

Научное издание

Том второй

1926–1927

**Повести, рассказы,
сценарии, статьи**

Технический редактор А.В. Лавочкина
Корректор Е.Н. Сченснович, Л.Н. Федосеева

Подписано в печать 29.02.2016. Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 54,5. Тираж 1000 экз. Заказ 295

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (495) 691–23–01, 690–05–61

ISBN 978-5-8208-0490-7

9 785920 804907

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

